

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ OXIIII. — 1/18 ЯНВАРЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д Ъ

ТОМЪ I

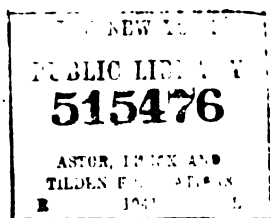
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

(847)

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

ПОРА!

Скажи мнѣ, милый другъ, зачѣмъ въ тиши ночной,
Когда все спитъ крутомъ, намъ слышится порой,
Какой-то внятный зовъ, какой-то голосъ дальній?
Куда, зачѣмъ зоветъ онъ — громкій и печальный?
Какія будить въ насъ завѣтныя мечты?
Знакомъ ли онъ тебѣ? Его узнала-ль ты,
Какъ я его узналъ, съ счастливою тревогой?...
Ты слышишь — то нашъ край холодный и убогій,
Родимый, милый край соскучился по насъ;
То вѣтеръ загудѣлъ, разлукой утомясь,
То рѣки разлились, пустыни и суровы;
То разсердились дремучія дубровы
И взволновались... Любезный, чудный шумъ!
Какъ много онъ живить воспоминаній, думъ...
Ужъ не пора ли намъ въ отчизнѣ воротиться?
Ужъ не довольно ли скитаться, суетиться,
Искать въ чужой толпѣ намъ чуждаго добра?
Ужъ не пора-ль домой? — Пора, дружокъ, пора!

Парижъ. 25 апрѣля, 1876.

2.

НОЧЬ.

Какая ночь! Рѣдѣютъ облака;
 То здѣсь, то тамъ звѣзда блеснетъ умильно
 И скроется. Тиха и глубока
 Нисходитъ тѣнь. Луга росой обильной
 Обрызганы, и теплый аромат
 Стоить въ недвижномъ воздухѣ. Бывало,
 Въ такія ночи сердце трепетало;
 Струился въ грудь волшебной страсти ядъ—
 И, притаясь, исполненный смятенія,
 Во тьмѣ я ждалъ внезапнаго видѣнія.
 Теперь не то. Любуясь красотой,
 По сторонамъ безстрастно ввѣр блуждаетъ,
 И счастливъ онъ окрестной пустотой,
 И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
 Безлюдье, тишь, спокойствіе и лѣнь;
 Тайнственный полетъ полночной птицы,
 Вдали севозъ тучъ безгромныя зарницы;
 Въ природѣ и въ душѣ—ночная тѣнь!

Гр. А. Голевнищевъ-Кутузовъ.

НОВЫЯ ПИСЬМА

А. С. ПУШКИНА

ІЮЛЬ 1830—МАЙ 1836 г.

Отъ издателя.

Едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться въ чрезвычайномъ интересѣ этихъ новыхъ писемъ Пушкина. Не говоря уже о томъ, что каждая строка величайшаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ; не говоря и о томъ, что въ этихъ письмахъ—какъ и въ преждепоявившихся, такъ и быть струей свѣтлый и мужественный умъ Пушкина, поражаетъ прямота и вѣрность его взглядовъ, жѣткость и какъ бы невольная красивость выраженія;—но вслѣдствіе исключительныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ эти письма были начертаны, они бросаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ Пушкина и даютъ ключъ ко многимъ послѣдовавшимъ событіямъ его жизни, даже и къ тому, печальному и горестному, который, какъ извѣстно, она закончилась.

Писанныя со всею откровенностью семейныхъ отношеній, безъ поправокъ, оговорокъ и утаекъ, они тѣмъ яснѣ передаютъ намъ нравственный обликъ поэта.

Несмотря на свое французское воспитаніе, Пушкинъ былъ не только самымъ талантливымъ, но и самымъ русскимъ человекомъ своего времени; и уже съ одной этой точки зрѣнія его письма достойны вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка; для историка литературы они—сущій кладъ: правы, самый бытъ извѣстной эпохи отразились въ нихъ хотя быстрыми, но яркими чертами.

Позволю себѣ прибавить отъ своего имени, что я считаю изданіе меня дочерью Пушкина въ издатель этихъ писемъ однимъ

изъ почетнѣйшихъ фактовъ моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оцѣнить довѣріе, которое она оказала мнѣ, возложивъ на меня отвѣтственность за необходимыя сокращенія и исключенія.

Быть можетъ, я до нѣкоторой степени заслужилъ это довѣріе моимъ глубокимъ благоговѣніемъ передъ памятью ея родителя, ученикомъ котораго я считалъ себя, съ „младыхъ ногтей“, и считаю до сихъ поръ... „*Vestigia semper adora*“...

Впрочемъ, тщательный пересмотръ писемъ привелъ меня къ убѣжденію, что можно было ограничиться только самыми необходимыми и немногочисленными исключеніями; въ большинствѣ случаевъ исключенія эти обуславливаются излишней „энергіей“ фразы: Пушкинъ, какъ истинный русскій человѣкъ, да и къ тому же въ письмахъ, носившихъ строго-частный характеръ, не любилъ стѣсняться.

Не должно также забывать, что со времени начертанія этихъ писемъ прошло почти полъ-вѣка—и что, слѣдовательно, когда дѣло идетъ о выясненіи такой личности, каковою былъ Пушкинъ, исторія вступаетъ въ свои права—и давность облекаетъ своимъ почтеннымъ покровомъ то, что могло бы прежде показаться слишкомъ интимнымъ, слишкомъ близко касающимся отдѣльных частныхъ лицъ.

Сама дочь поэта, рѣшившись подѣлиться съ отечественной публикою корреспонденціей своего родителя, адресованной къ его женѣ—ея матери—освятила, такъ сказать, наше право перенести весь вопросъ въ болѣе возвышенную и безучастную—какъ-бы документальную сферу.

Намъ остается искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренбергъ за этотъ поступокъ, на который она, конечно, рѣшилась не безъ нѣкотораго колебанія—и выразить надежду, что ту же благодарность почувствуетъ и докажетъ ей общественное мнѣніе.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.—Ноябрь, 1877.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1827 года, Пушкинъ возвратился, наконецъ, въ Петербургъ, послѣ своего семилѣтняго удаленія изъ столицы. Кишиневская жизнь, странствованіе по степямъ Новороссіи, поѣздки на Кавказъ, въ Крымъ,—все это образовало въ Пушкинѣ потребность къ передвиженіямъ. Уже въ началѣ 1828 года, въ письмѣ къ П. А. Осиповой, онъ сильно жалуется на столичную жизнь: „Признаюсь, что это (петербургское) житіе довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, и съ трудомъ ихъ переношу“. Дѣйствительно, въ

1828 г., Пушкинъ дѣлаетъ опять непрерывныя поѣздки, то въ свою деревню, въ Михайловское, то въ Тверь, то въ Москву. Во время поѣздки въ Москву, въ 1828 году, Пушкинъ въ первый разъ познакомился съ семействомъ своей будущей жены, Натальи Николаевны Гончаровой. Въ 1829 году, онъ предпринялъ большое путешествіе на Кавказъ и далѣе, въ Закавказье. Это было время турецкой войны. Пушкинъ пробрался въ лагерь Паскевича, присутствовалъ при взятіи Эрзерума, что навлекло на него неудовольствіе, по возвращеніи въ Петербургъ,—отчасти потому, что присутствіе въ арміи не-военнаго человѣка было не въ обычай того времени, а еще болѣе потому, что Пушкинъ, хотя и получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ, но оставался подѣ надзоромъ, и, слѣдовательно, какъ отпущенный только на Кавказъ, не могъ, безъ особаго дозволенія, уѣхать въ Закавказье.

Этотъ надзоръ можно также отнести къ числу причинъ, побуждавшихъ Пушкина предпринимать изъ Петербурга постоянныя поѣздки. Онъ дѣйствительно очень стѣснялся своею столичною жизнью, и въ первыхъ числахъ января 1830 г. рѣшился, наконецъ, выдти изъ того положенія, въ которое былъ поставленъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ гр. Бенкендорфу, отъ котораго зависѣлъ, съ письмомъ, на французскомъ языкѣ: „Генералъ! явившись къ вашему сіятельству и не имѣвъ счастья застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссією, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпечить. Въ мое отсутствіе г. Жуковский хотѣлъ напечатать мою трагедію („Борисъ Годуновъ“), но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 рублей, которая могла бы доставить мою трагедію, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнаругованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ. Поручая себя вашему благорасположенію, остаюсь“ и пр.

Такъ писалъ Пушкинъ въ январѣ 1830 года, а въ мартѣ онъ, неожиданно для друзей, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, 21-го апрѣля, сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой и получилъ ея согласіе; 18-го февраля 1831 года была ихъ свадьба.

Послѣ женитьбы, Пушкинъ также не провелъ ни одного года на мѣстѣ. Благодаря такимъ постояннымъ его странствованіямъ, послѣ него должна была остаться обширная переписка, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣетъ для себя полного изданія. Многое разсѣяно по различнымъ сборникамъ; многое, вѣроятно, остается въ рукописи, если только не утрачено навсегда. Издаваемая нынѣ переписка Пушкина съ его невѣстою, а потомъ женою, хранилась долгое время по смерти поэта у его вдовы, скончавшейся въ 1864 году, а потомъ перешла въ руки ея дочери, графини Натальи Александровны Меренбергъ, живущей постоянно въ Висбаденѣ. Она поручила, какъ мы видѣли выше, Ив. С. Тургеневу взять на себя просмотръ и приведеніе въ порядокъ этой переписки, а вмѣстѣ и окончательное рѣшеніе вопроса, что изъ текста писемъ можетъ быть допущено въ пе-

чать и что должно быть исключено: или какъ имѣющее исключительно интимный, семейный характеръ, или какъ вообще неудобное для печати. Все это и объяснено выше самимъ Ив. С. Тургеневымъ.

Намъ остается присоединить къ тому описанію внѣшности манускрипта—и тѣ правила, которыхъ мы держались при изданіи текста.

Всѣхъ писемъ числомъ—75. Всѣ они писаны на почтовой бумагѣ того времени, по большей части въ четвертку и на трехъ страницахъ: четвертая обыкновенно служила конвертомъ и на ней надписывался адресъ ¹⁾. Только благодаря этому обстоятельству можно знать, къ кому было адресовано письмо: Пушкинъ не имѣлъ обычая въ началѣ письма называть лицо, къ которому обращался, точно также, за весьма небольшимъ исключеніемъ, всѣ письма его вовсе не подписаны. Очень рѣдко попадаются въ концѣ текста начальныя буквы имени и фамиліи: *А. П.*; лицо, получившее письмо, конечно, по почерку могло узнавать автора. Почти никогда Пушкинъ не подписывалъ ни года, ни числа и мѣста отправленія; опять, благодаря четвертой страницѣ, легко возстановить хронологію и указать мѣсто: на этой страницѣ, служившей конвертомъ, наложенъ почтовый штемпель.

Всѣ письма 1830 года къ невѣстѣ, числомъ 12, за исключеніемъ № 8, писаны по-французски, и помѣщаются нами въ переводѣ, просмотрѣнномъ И. С. Тургеневымъ. Отдѣльныя слова въ нихъ и цѣлыя мѣста, написанныя самимъ Пушкинымъ по-русски, напечатаны курсивомъ; точно также курсивомъ напечатаны слова, оставленныя безъ перевода съ французскаго.

Письма къ невѣстѣ, Наталья Николаевна, отдѣляются отъ послѣдующихъ затѣмъ писемъ къ женѣ письмомъ Пушкина къ тещѣ, Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой (№ 13); оно написано по-французски и помѣщается также въ переводѣ. Затѣмъ, всѣ письма къ женѣ, отъ № 14 по № 75, были писаны по-русски и издаются съ точнымъ сохраненіемъ правописанія; выпущенныя мѣста или слова обозначены у насъ вездѣ точками въ такомъ же размѣрѣ, какой занимается пропущеннымъ текстомъ въ письмѣ.

Пушкинъ, объявленный женихомъ въ апрѣлѣ 1830 года, оставался въ Москвѣ до іюля. Въ іюлѣ онъ возвратился въ Петербургъ для переговоровъ съ отцомъ относительно своего будущаго состоянія. А въ это время его братъ отправлялся въ Москву, — и съ нимъ-то Пушкинъ послалъ свое первое письмо къ невѣстѣ, съ коротенькимъ извѣстіемъ о своемъ прибытіи на мѣсто. Этимъ письмомъ № 1 и начинается настоящее собраніе Пушкинской семейной переписки.

¹⁾ На бумагѣ некоторыхъ писемъ водные знаки: 1830—*А. Гончаровъ*, и по краямъ широкіе зѣмки.

I.

ПИСЬМА КЪ НЕВѢСТѢ И ТЕЩѢ.

1830-й годъ.

I. Изъ Петербурга въ Москву.

№ 1.—На конвертѣ: *M-me Natalie Gontcharoff*.—Отъ 20 іюля.

Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. *Никита Андреевичъ* купилъ мнѣ *бричку*, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавами—на второй та же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего *Всеволожскаго*: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я рассчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. *Нат(алья) Кирилловна* въ деревнѣ. *Кат(ерина) Ив(ановна)* въ *Парголово* (чухомская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle *Малиновскихъ*, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки *Натальи Ивановны*, которую я еще не называлъ *пашан*, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.—20 іюля.—Сиб.

№ 2.—На конвертѣ: Ея Высочайшій Милостивой Государниѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.—По почтѣ, но безъ штемпеля: помѣченъ рукою приемщика одинъ номеръ.—Между 20 и 30 іюля.

Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не росписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ *Натальи Кирилловны*. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.

—Вы жёнитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; *Наташа* ничего мнѣ не писала. [Это не о васъ она говорила, а о *татап*]. Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аванасія Николаевича*, *Наташи Ивановны*, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резонновъ:—*Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, *Наташа* мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много разспрашивала о *татап*, о *Николѣ Аванасьевичѣ*, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. *Наташа Ивановна*, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ *Ивана Николаевича*. Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать *Аванасію Николаевичу*; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Чтѣ подѣлываетъ *la Grand'taman de Zavode*—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Чтѣ вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это—такъ какъ вы меня всегда считаете *сочинителемъ*. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: *прошу любить и жаловать*. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданья.

№ 8.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—По почтѣ, но опять безъ штемпеля, съ помѣткой почтоваго нумера отъ руки.—Отъ 30 іюля.

Вотъ письмо *А(анасія) Ник(олаевича)*, которое мнѣ пересылаетъ *Иванъ Николаевичъ*. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получить дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли *Наташи Ивановны*—и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ *Кат(ерины) И(ановны)*; она въ Парголовѣ, у графини Полье,

которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣва, дочь Сперанскаго, прислала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. Аѳ(анасію) Ник(олаевичу) слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную *Grand'taman*, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ *Наталя Ивановна* согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳ(анасія) Ник(олаевича), я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это—другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, *Канкрину*, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклонны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.—30 іюля.

Роспешетесь ли вы въ полученіи этого письма?

II. Въ Москву изъ поѣздки въ Болдино ¹⁾.

№ 4.—На конвертѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.—Частнымъ путемъ ²⁾.—Въ концѣ августа.

Я отправляюсь въ *Нижній*, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ спена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осипать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ слу-

¹⁾ Помѣстье Пушкинскихъ, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда.

²⁾ Получивъ отъ отца, по случаю своей женитьбы, имѣніе въ селѣ Болдинѣ, Пушкинъ отправился, въ августѣ, для его осмотра, чрезъ Москву и Нижній. Эту записку онъ написалъ въ самую минуту своего отъѣзда изъ Москвы, послѣ какой-то размовки съ будущей тещей, и уже простившись какъ съ нею, такъ и съ невестой.

чай, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. — А. П.

№ 5.—Было вложено въ конвертъ, не сохранившійся, а потому нѣтъ ни адреса, ни штемпеля. — Отъ 9 сентября.

Моя дорогая, моя милая *Наталья Николаевна*—я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и выполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантинныхъ, которые начинаютъ устанавливаться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ *Наталь Иванонѣ*; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу *Аввасію Николаевичу*. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы. — 9 сентября.—Болдино.

№ 6.—На конвертѣ: тотъ же подробный московскій адрессъ невесты. — Почтовый штемпель: Арзамасъ, 1 октября.

Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и общаете мнѣ задержку въ *Богородицкѣ* не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантинныхъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если чтò можетъ меня утѣшать, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будъ проклять тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только

и видимъ это. Чтѣ вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и чтѣ говорить *le Grand papa*? Знаете ли чтѣ онъ мнѣ писалъ? *La Grand'maman*, — говорить онъ, стѣбитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, по-видимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинными, — развѣ это не самая дрянная штука, какую судьба могла придумать? *Мой ангелъ*, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, *un outchitel*, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять? — это нисколько не заочно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантинныхъ. Эти карантинны не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны *Натальѣ Ивановнѣ*, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и *m-r Serge*. Имѣете ли извѣстіе о другихъ? — 30 сентября.

№ 7. — На конвертѣ: тотъ же адресъ. — Почтовый штемпель: Арзамасъ, 16 октября. (Письмо протенуто иглою по случаю холеры).

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая *Наталья Николаевна*, пишете мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ чтѣ дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la canaille* умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ эlegantность и не ихъ хорошіи тоны. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинными, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, чтѣ дѣлается на

бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идиотомъ: какъ говорится — до святости. *Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и приѣхать къ вамъ черезъ Кясту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друа семь верстъ — не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какова? московскаго!).* Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. *Je ris jaune*, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня въ ногамъ вашей *taman*; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ. — 11 октября.

№ 8. — На конвертѣ: тотъ же адресъ. — Почтовый штемпель: Арзамасъ, октября 30 (проткнуто).

NB. Весь текстъ по-русски.

Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой Ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренещастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проволотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ — и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то приѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-богу не шучу — но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Луц. (ояновскій) уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

№ 9. — На конвертѣ: тотъ же адресъ. — Почтовый штемпель: Арзамасъ, ноября 6 (проткнуто).

9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ! — мнѣ писать о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась.

Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ *Дуклянова* до Москвы 14 карантинныхъ. Чего лучше? Теперь я расскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ—онъ хочетъ посмотреть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любовницы, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роятся вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ—овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „*Кавказскаго пастыря*“:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д.... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ—я хочу сказать: *revenons à nos moutons*. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, *Адріана*, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но, *Наталя Ивановна*, но вы!—ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добратся до васъ. Думаю, что *Вятка* еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: *въ Абрамово, для доставленія въ Болдино*; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранить васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.—
4 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

№ 10.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Почтовый ящикъ: Арзамасъ, ноября 20 (проткнуто).

Болдино, 18-го ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы, — 14 карантинныхъ были только аванпостами, а настоящихъ карантинныхъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней

остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—*Вы не по казенной надобности изволите ѣхать?—Нѣтъ, по собственной, самонужнейшей. —Такъ изволите ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ. —Давно ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль. —И эти, губернаторы, не даютъ этого знать?—Мы не виноваты-съ. —Не виноваты! а мнѣ разве отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ заключеннаго мѣста. Предводителемъ здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его ответа, свидѣтельства и новой подорожной,—сижу въ Болдино, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я проѣхалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берюги.*

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется переиѣшивать паветы, такъ что *Арзамасъ* получаетъ почту изъ *Казани*, *Нижній* изъ *Лукоянова*, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажете матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На-дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, *мой Ангелъ*; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

№ 11.—Конвертъ не сохранился; письмо протернуто. — Подписано: 26 ноября.

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантинъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это по-

сладнее извѣстіе меня условило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ *Нижній*. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ *Лукояновъ* (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвестность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ, *compte de l'an 40*) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Приѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, приѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинными моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ *Нижній*. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не знаетъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы сообразовали мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говорить, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣтаете надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.—26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаютъ — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; *Лукояновъ* отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе ¹⁾. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ,

¹⁾ Упомянутыхъ документовъ нѣтъ при письмѣ.

что холера опустошаетъ *Нижній*. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Къ № 11.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Отправлено въ дополненіе предыдущаго письма частнымъ путемъ и потому не проткнуто; подъ адрессомъ подпись: „самонужнѣйшее“. — Въ концѣ ноября.

Вотъ и еще одинъ ¹⁾ документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на *перекладной*, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю *Дмитрію* Голицыну о моемъ несчастномъ походе и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На-дняхъ я писалъ вамъ письмо, нѣсколько жесткое,—но это потому, что у меня голова шла кругомъ—простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

№ 12.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Отправлено частнымъ путемъ, но проткнуто.—Отъ 2 декабря.

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непременно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена, и въѣздъ

¹⁾ Вѣроятно, въ дополненіе къ двумъ вышеупомянутымъ. Собственно, этотъ документъ есть отгѣтное письмо Пушкину Д. Языкова, изъ Нижняго. Вотъ его текстъ, съ сохраненіемъ орфографіи:

Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part a votre position ayant moi même des parents a Moscou, et je connois le desir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir put vous etre utile, en cette occasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite votre tres humble serviteur—Dmitri Jasikeff.

le 22 novembre, 1830.—Nigni.

На оборотѣ этого письма Пушкинъ и сдѣлалъ свою приписку.

запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потомъ извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ, ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ *Нижнемъ* ради этой *sacrée* княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г.? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жѣсткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. *Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на дѣхъ недели посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ изъ ткачу, на хлѣбъ да на воду!*

Нижній больше не оцѣпленъ — карантинны были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинными, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и т-т *Serge*. — 2 декабря. — Платово.

1831-й годъ.

№ 18. — Конвертъ этого письма къ тещѣ въ Москву не сохранился.

Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Наталі, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ *Аванасію Николаевичу* притязанія г-на П.....а. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на П.....а принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь связать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дразгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значить проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ей мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позво-

лю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отпутаться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталі; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ въ займы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — Александръ Пушкинъ.

Царское-Село 26 іюня 1831.

II.

ПИСЬМА КЪ ЖЕНѢ.

1831-й годъ.

I. Въ Петербургѣ изъ поѣздки зимою въ Москву.

№ 14.—На конвертѣ: М. Г. Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ. — Почтовый штампель: Москва, 7 декабря.

..... 1)

Сегодня мочи нѣтъ усталъ—Цалую тебя жена, мой Ангелъ.
6 дек.

1) Выѣхавъ изъ Петербурга по личнымъ дѣламъ, Пушкинъ, очевидно, далъ слово женѣ извѣстить ее хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о своемъ прибытіи въ Москву — что и исполнилъ. Записка написана карандашомъ, и первая ея двѣ строки отрывки въ оригиналѣ. Эта записка имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ одно значеніе точнаго указанія дня, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву.

№ 15.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 9 декабря.

Здрастуй, жена моя Ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой *Itineraige*. Собираюсь я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели должень я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхарковался въ углу. Другой мемельскій жидъ, путешествующій на щетъ перваго. Вообрази какая веселая кампанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь акуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу приагнумъ разговоромъ, на примѣръ по нѣмецки разказывалъ ему *Ivan Wijiguin*; (*ganz charmant!*). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимнія экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у *Пречистинскихъ воротъ въ домъ Ильинской* (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцаловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣливается; что за подсвѣчники, что за сервизы! онъ заказалъ фортепяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разпрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видѣлъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ вѣроятно скоро кончу; о твоихъ бриліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ что я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ коншельомъ. Къ стати: я вошелъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родину и крестины, сверхъ положенныхъ именинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ Царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цихлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ

80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходить за К. Ваземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣлю черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, пойдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лѣстницы. Душа моя, жена моя, Ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатамъ, и побереги себя. Вали брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была-ли у тебя Хитрово или Фивельмонъ? Если пойдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрили не пляши ничего; напиши, не притѣсняють-ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За снѣмъ цалую тебя сердечно. У меня гости. — 8 дек.

№ 16.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 11 декабря.

Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замѣдила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ *Теодоръ и Розалія*, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора. Все это однакожъ не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ П. Б. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т.-е. въ вашемъ Ниентскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопы ваши знали о моемъ приѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о приѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе, да полно я слушаться ея не намѣренъ. Цалую тебя и прошу ходить възадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.—Христось съ тобой.—10 дек.

№ 17.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 16 декабря.

Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ изтратилъ на меня 200 рублей. Алешѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему приѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя беспокоить, а они какъ я вижу обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Оомина, когда ты принять его не хотѣла? да и

ты хороша. Ты плясешь по ихъ дудѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ ховайство не пойдетъ. Впередъ какъ приступать къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣляюсь по моему прихвѣдѣ. Василия вѣроятно принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—*enfin de faire maison nette*; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой Ангелъ, люблю такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю какъ бы удрать въ П.Б., къ тебѣ, жена моя.—Разпечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста не стигивайся, не сиди поджавши ноги, и недружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Б. ты хорошо сдѣлала что отослала—дѣло не о чинѣ, а все таки нужное.—Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солдана, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надобли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здоровьи. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

№ 18.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 19 декабря (писано карандашомъ).

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудъ съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... За чѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ приѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащ. занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякой кричитъ, курить трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ

у него нѣтъ, кредита нѣтъ—время идетъ, а дѣло мое не разпутывается. Все это по неволѣ меня бѣситъ. Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бобковой мазью какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго (утѣшся). Вчера Нащ. задалъ намъ цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой Ангелъ—до свиданія.—16 дек.

1832-й годъ.

II. Въ Петербургъ изъ поѣздки осенью въ Москву.

№ 19.—На конвертѣ:—М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алшмова. — Штемпель: Москва, 22 сентября.

Четвертъ. Не сердись, женка, дай слово сказать. Я приѣхалъ въ Москву, вчера въ среду. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади разковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. На силу дотопились въ Москву, обо...нную дождемъ и встревоженную приѣздомъ двора. Теперь послушай съ кѣмъ я путешествовать, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонимъ! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Іосифъ вышелъ чистъ отъ искушенія. Приѣхавъ въ Москву, искалъ отыскивать Нащюкина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ е..., и видитъ что это состояніе приятное и независимое. Онъ ѣдитъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня завезла меня во фр. театръ, гдѣ я чуть было незаснулъ отъ скуки и усталости. Приѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь со 20-го

числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая Княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще беспокоенъ, и Государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой Ангелъ, не мѣшая ни минуты поскачу въ П. Б. Не можешь вообразить какая тоска безъ тебя. Я-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проснется, ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ, женка душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

№ 20.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 26 сентября.

Какая ты умнишкая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ; взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяць карета моя—хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Къ стати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а воекетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ вознесенія ¹⁾. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастной любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правдали, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься-ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней

¹⁾ Это—день свадьбы Пушкина.

отправлялся обовъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣщенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу, и разказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашникахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичей, но только не Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Булки я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ—мой Ангелъ, милая моя женка. Покажѣсь прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цалую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. — Воскресеніе.

Важное открытіе: Иполить ¹⁾ говоритъ по французски.

№ 21.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 27 сентября.

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя дѣлныхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—Не хорошо только что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П.....а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ потому что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіи сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю *Mémoires de Diderot*. Былъ вечеръ у Вяземской и видѣлъ у ней *le beau Bezobrasof*, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Иполить принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ—а въ

¹⁾ Камердинеръ Пушкина.

Московскомъ Университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это приятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цалую ручку у К. Ив. Не забудь же.

№ 22.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 30 сентября.

Вотъ видишь что я правъ: нечего было тебѣ принимать П.....а. Просидѣла бы ты у Идаіи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значить? Ужъ не к...-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подовѣривать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женщинамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадонны etc. etc.—Знаешь русскую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей женѣ,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнить.—Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для Альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы какъ торговки на вшивомъ рынкѣ) а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія ¹⁾. Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, зато что въ шахматы учишься. Это непременно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Салогубъ, гр. Пушкина (Владиміръ), Augere, ея сестра, и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Салогубъ (съ тѣткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ че-

¹⁾ Профессоръ Каченовскій, прекратившій не за-долго предъ тѣмъ изданіе „Вѣстника Европы“, гдѣ онъ нападалъ на Пушкина.

редомъ. Съ Нащокинымъ вижу съ всякой день. У него въ домикъ былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ смѣтанѣ подхрѣномъ въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно за него примусь; но покажись, голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цалую Машу и благословляю, и тебя то-же, душа моя, мой Ангелъ. Христосъ съ вами.

№ 23.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 3 октября.

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и добѣжавъ до мѣста свиньи свиньей, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я вѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другого дня. Видишь-ли что я правъ а что ты кругомъ виновата? Виновата 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка! — — Но оставимъ это. Ты мнѣ кажешься, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь щеты, доишь кормилицу—ай да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождался. Оставляю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ ¹⁾ здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научить тебя какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда головы преклонить. Хочешь камеражей? Горскина вчера вышла за в. Щербатова, за младенца. Красавица Безобразовъ кружитъ здѣш-

¹⁾ Гончаровъ.

нѣ головы причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Бн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бородинной-соловѣйкѣ. Москва ожидаетъ Царя къ зимѣ, но кажется напрасно. Прощай, мой Ангелъ, цалую тебя и Машу. Прощай душа моя—Христосъ съ тобою.

1833-й годъ.

III. Въ Петербургъ изъ путешествія въ Оренбургъ и Уральскъ.

№ 24.—На конвертѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургъ, на Черной Рѣчѣ, на дачѣ Миллера.—Штемпель: Торжокъ, 21 августа.

Милая жена, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веровка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастью вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что то было съ вами Петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съдору солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону въ Ярополецъ ¹⁾—а Соболевскаго оставляю на единѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой Ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярополица. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Синбирскъ. Пиши мнѣ о своей гряд-

¹⁾ Имя Гончаровыхъ.

ницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ. Однако все таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку съ Ермоловской нѣжно-стію Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цалую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься, и поговорить объ Альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

№ 25.—Тотъ же адрессъ.—Штендель: Москва, 26 августа.

Ты не угадаешь, мой Ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловска; между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разказывалъ. Вчера свороти на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что пройду мимо Вульфовыхъ помѣстій и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера приѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ, Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и сѣздалъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сапъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который поподчивалъ меня пинасомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не пойду, зная что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ дватцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; также ли ты хороша какъ сказываютъ—и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*, *худинькая* или *плотненькая*? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Яропольцъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Яропольцѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Rojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я встрѣта ее (?) ахнула. А надобно тебѣ знать что m-lle Rojarsky ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя разпространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помнить ли меня Маша, и

нѣтъ-ли у ней новыхъ загѣй? Прощай, моя плотинькая брѣтѣвка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ иманинѣ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало, и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ—а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цалую тебя крѣпко.

№ 26.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Москвы, 26 августа.

26 авг.—Москва. Поздравляю тебя со днемъ твоего Ангела, мой Ангелъ, цалую тебя заочно въ очи—и пишу тебѣ продолженіе моихъ походовъ—изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополицѣ приѣхалъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нее лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машѣ, и о Кат. Ив.—Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе друзья, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополица. Я нашелъ въ домѣ старую бібліотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ вареніемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополець былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, жена, послушай что дѣлается съ Дм. Ник.¹⁾ Онъ какъ владѣтельный принцъ влюбился въ гр. Н. Черн. по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополець въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церквѣ. Вотъ онъ и полезъ на стѣны. Пишетъ изъ заводовъ, что онъ безъ памяти отъ *la charmante et divine comtesse*, что онъ ночи не спитъ, *et que son charmant image etc.*, и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него *la charmante et divine comtesse*; Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой, и выполнила комиссію. Позвали *la divine et charmante*, которая отказала на отрѣзъ. Нат. Ив. беспокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А на-

¹⁾ Гончаровымъ.

добно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ М.....у (свѣтому), для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скоттинъ у своего племянника: *Митрофанъ, хочешь-ли ты жениться?* Видишь какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. М.....ъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроц. выѣхалъ я ночью, и приѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ ¹⁾ меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрѣва къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ: Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ замодавцевъ, какъ настоящій gentleman и скупаетъ свои веселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не п..... ни явнымъ ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подпорокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казанѣ буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цалую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановѣ.

№ 27.—Конвертъ не сохранился. Изъ Москвы, 27 августа.

Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой Ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Киреевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ёду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера приѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ за неимѣніемъ бальнаго платья, и за небритіе усовъ, которыя отращаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который говорить женатъ на красавицѣ.

¹⁾ Старикъ Гончаровъ.

Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братья его не умирали—а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его князь Петръ Долгорукой—получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ Англ. влобъ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ влобъ я не былъ—чуть-ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій влобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другія мои старыя знакомыя. Но мнѣ надобны мои старыя знакомыя. Никого не увижу. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Разтопчиннымъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги взяты мною въ дорогу перебились, и перетерлись въ сундукъ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

№ 28.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Штемпель: Нижній, 2 сентября.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ щастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: *les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien baties*. Ёду на ярманку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребить за долги, Параша, поваръ, извозчикъ, аптекарь, *m-me Sichler etc.*, у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься—сердишься на меня—и по дѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарывы, что если Машка больна? А другія, непредвидѣнные случаи.—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Синбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркія, съ утра маленькія морозы—роскошь! такъ-ли у васъ?

Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти. Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цалую всѣхъ васъ равно крѣпко—тебя въ особенности.

№ 29.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Нижняго, 2 сентября.

Мой Ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальяна дня. Утромъ побѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для зрителей, которые очень мало меня уважаютъ несмотря на то что я пишу прекрасныя стишки. У него засталъ я его дочерей, и В.....скаго le с..., который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ П. Б.—Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не побѣхалъ жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь оцетинились. Обѣдалъ у Суденки моего пріятели, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть—но у него 125,000 дохода, а у насъ, мой Ангелъ, это впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ не морщась по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зазженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевского.—*Sacré chien*, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, *pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?*—*Animal*, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, *qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-Russien?* Послѣ сего побѣхали мы вмѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держа меня за воротъ всенародно, чтобы я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виновать: втроемъ съ бутылкой мадеры.) Потомъ для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерледами и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признание. Сказать-ли тебѣ словечко, утерпѣть-ли твое сердечко? Я нарочно ткнулъ письмо разказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобы какъ можно позже дойти до сего роковаго мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ

Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на разгѣвъ начала меня усовѣщать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даєте.—Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали за 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша-ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у Губернатора ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходилъ по пустыннымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣнія бальнаго развѣда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цалую куда ни попало. *Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro.*—

№ 30.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Казань, 11 сентября.

Казань, 8 сентября.—Мой Ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Сибирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разпрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не слазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все что предполагалъ видѣть и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже два зуба. Скажи это Машѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цалую тебя.

№ 81.—Безъ конверта.—Изъ окрестностей Симбирска, отъ 12 сентября.

Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.— Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой Ангелъ — но я все таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну такъ и быть—дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой.—Я радъ что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ И.. Н... говорить нечего. Надѣюсь, что свадьба его разстроится. По всему видно что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцемъ и съ дядей-башмачникомъ дуэля кажется не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ по крайней мѣрѣ, усади въ немъ. Меня очень беспокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди сдѣлаешь новыя долги не разплотясь со старыми. Я путешествую кажется съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу приѣхать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings сороколѣтней, не-сносной бабѣ съ воцеными зубами, и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и приѣздомъ въ П. Б., съ чемъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень — и я радъ что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ (нимъ) вечеръ, и оста-

вить его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цалую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Болдино.

№ 32.—На конвертѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановѣ Загражской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.—Штемпель: Симбирскъ, 14 сентября.

Симбирскъ, 14. — Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я чтобъ его затравить. На третій станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что-же? не отѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ—около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ—наконецъ взѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цалую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ до тебя касающемся. Кланяюсь тетеѣ.

№ 33.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Оренбургъ, 19 сентября.

Оренбургъ, 19 сент.—Я здѣсь со вчерашняго дня. На силу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три—и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.—

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да не лая, мой ангелъ — взялся за гузъ, не говори что не дюжъ—то есть уѣхалъ писать, такъ пиши-же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находить—я и въ колясѣхъ сочиняю, что-жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣсть мнѣ холодныя, дорожныя рябчики, пить мою мадеру, портить мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣсятъ меня да и только. Свѣтъ-то мой Ипо-

лить! Къ стати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домоу? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь-ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня беспокоитъ—я мнителенъ какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтахъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, жена. Прощай, жена—не жди отъ меня ужъ писемъ, до самой деревни. Цалую тебя и вась благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь-ли ты, что есть пословица: На чужой сторонѣ и старушка Божій даръ. То-то, жена. Берн съ меня примѣръ.

№ 34.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Лукояновъ, 4 октября.

2 окт.—Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня—думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ какъ подумаешь. Подѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамопній Атаманъ и еозаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду—и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ [23 сентября] вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній (годъ) была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратной же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Прѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и также озлился на нихъ какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, жена. Того и гляди избагуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранять тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей сто-

роны я передъ тобою чистъ какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80 лѣтними старухами. А на молоденькихъ з..... шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ престоилъ 6 мѣсяцовъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75 лѣтнюю казачку, которая помнить это время какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виновать и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цалую тебя, женка—будь умна и здорова.

№ 35.—На конвертѣ: М. Г. Наталья Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пастелейкина, близъ Цѣннаго моста, въ домѣ Олмье. — Штемпель: Лукояновъ, 10 октября.

Мой Ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять *из Арзамасскомъ уѣздѣ*; а то чего добраго: въ Нижегород. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово; такъ какъ не одно село Болдино. Дѣй вещи меня беспокоятъ: то что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не страшай меня, женка, не говори что ты изкокетничалась; я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мѣлъ. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пуг(ачевѣ), а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволить мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысяча 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцалуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздой; каково его здоровье? напиши. Карамзинимъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьи Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишніе 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все приѣхать. Жаль что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.....ъ умно дѣлаетъ, что женится на в. Х.....ой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хо-

зайство, нежели волокаться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужія стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ, и не сердись на Нащокина: слава Богу что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь да и только. Что такое 50 р. присланныя тебѣ моимъ отцемъ? ужъ не проценты-ли 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень со-вѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни того ни другаго. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморин и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь съ твердостію, достойной дочери князя Кутузова, Такъ Фикельмоны приѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой Ангелъ, удадутся тебѣ балы? Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животиѣ болитъ, какъ у Александрова. Цалую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.—8 окт.

№ 36.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: станція Абрамово, 11 октября.

Мой Ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ къ моему приѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не страдай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Ц., ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, а въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь что Смирдинъ акуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ *сладнѣйшей* настойки—онъ хлопъ ставанъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!— Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадѣи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ ваяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цалую васъ и благословляю. Тетѣ цалую ручку. Говорить-ли Мама? ходить-ли? что зубки? Самъ подсвистываю.—Прощай.—11 окт.

№ 87.—Тотъ же адресъ, съ той же станціи, 25 октября.

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4-го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресенье не получилъ отъ тебя письма, и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличиться на нынѣшнихъ балахъ. Видно Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна ни покрывки! воевать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности повѣденія, которое относится не къ *тебѣ*, а къ чему то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С... — Ты красавица, ты бойбаба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Княгинѣ В. скажи, что напрасно она беспокоится о портретѣ Вигеля и что *съ этой стороны* честное мое повѣденіе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ *сзади* всѣхъ другихъ. Къ стати: она общала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова несдержала; поспѣй ей отъ меня. Жуковского и Вельгорскаго вѣроятно ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ Правда-ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на К. Н.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресенье вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для *râtes de foie gras*, и который для того затѣваетъ Альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю *просьбы*: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая *Пушкина*? Ужъ эти мнѣ зубы!—а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣнливо, черезъ пень володу ваю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Приѣду оживиться твоею молодостію, мой Ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться, взялся за гузъ, не скажу что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодарю мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цалую ей ручки и прошу,

ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.— Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и вешу. Господь съ вами.—Прощай, спать хочу.—21 октября, Болдино.

№ 38.—Безъ конверта.—Изъ Болдина, отъ 30 октября.

Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ кокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься что за тобою, , бѣгаютъ ; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; Вотъ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свинки будутъ.* Къ чему тебѣ принимать мушкетъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Оомѣ и Кузьмѣ. Оома навормилъ Кузьму нирой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Оома не далъ. Кузьма и прибилъ Оому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете насвочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, жена; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Nipon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой в.... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которыя, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись.—Да, Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое непустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все что пахнетъ московской барышнею, все что не *somme il faut*, все что *vulgar*.... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой, аристократическій тонъ измѣнился; разведусь, вотъ те Христось, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; *усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ.* 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно разписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ, да

грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердит(ь)ся: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и князю Вяз(емскимъ). Политикѣ скажи, что за ея поцалуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпъ? Христось съ вами.—Благословляю и цалую васъ.—30 окт.

№ 39.—Прекшій адрессъ, съ той же станціи, 8 ноября.

Болдино, 6 ноября.—Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню что я тебѣ писалъ. Помнится я былъ немножко сердитъ, и кажется письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: *уваженія*. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; в...., у которой переняла ты прическу [NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью] Ninon говорила: *Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile*. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка; чтобы ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ съ жизнію мушны, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.—не говоря объ с....., о коемъ про- чель я на дняхъ цѣлую диссертацию въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ также неспособенъ какъ и къ военной, но у него по крайней мѣрѣ здоровая и на сдѣлѣ онъ все таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Миѣ сдается что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь,

да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говорить у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши, занятіе приятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится-ли Бенкендорфъ: попробую приѣхать въ П. Б.—При семъ письмо къ отцу—вѣроятно уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя Сашку, и Машку; цалую Машку—и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ тетиннымъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

Пушкинъ возвратился домой только 28 ноября, и провелъ всю зиму съ 1833 г. на 1834 г. въ Петербургѣ, занятый изданіемъ своей „Исторіи Пугачевского бунта“.

ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КВАШНИНЪ — помѣщикъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА — его жена.

ОЛЬГА — 23-хъ лѣтъ
РАЙСА — 19-ти лѣтъ } ихъ дочери.

ОРЕСТЪ — гимназистъ, сынъ Квашниныхъ.

СКВОРЦОВЪ — кандидатъ университета, учитель Оresta, во время каникулъ.

АРКАДІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛЫНОВЪ.

АРДАЛОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КОВЫРНЕВЪ — мелкопомѣстный дворянинъ.

АНДРЕВНА — нянька дѣтей Квашнина.

ПАВЕЛЪ — слуга въ домѣ Квашниныхъ.

САША — дворовая дѣвочка.

АЛѢКСѢЕВЪ — частный повѣренный.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Квашниныхъ, въ одной изъ
отдаленныхъ губерній.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостинная въ помѣщичьемъ домѣ, средней руки.

ОРЕСТЪ — осторожно входитъ, озирается и
пробирается къ окну; смот-
реть въ него.

Такъ и есть: опять съ Раисой!.. Меня за книгу, а самъ по
амурнымъ дѣламъ... Врешь, братъ, я самъ не дуракъ: такъ я и
сталъ сидѣть да зубрить, пока вы изволите нѣжности распускать...
Вишь ты, ораторствуетъ какъ... — доказываетъ что-то... Вона сюда
идуть... Ну, что же, милости просимъ, а я па-утекъ (*убѣгаетъ*).

Входятъ РАИСА и СКВОРЦОВЪ.

РАИСА.

Что за вздоръ вы говорите... Для чего это я буду работать,
трудиться, когда у меня есть состояніе, есть прислуга: я могу
приказывать, нанять, заплатить и для меня все сдѣлаютъ?..

СКВОРЦОВЪ.

Да вѣдь дѣло дѣлу рознь... Я не говорю, чтобы вы непре-
мѣнно взялись за черную работу... за работу вашихъ слугъ...
Для всякаго есть свое дѣло... Есть оно и для богатыхъ людей.

РАИСА.

Напримѣръ?

СКВОРЦОВЪ.

Напримѣръ, хоть искусства, наука... Я уже не иду далѣе.

РАИСА.

Для искусства нужны таланты, которыхъ у меня нѣтъ; для
науки — знанія, которыхъ я тоже не имѣю...

СКВОРЦОВЪ.

Знанія приобрѣтаются... Въ приобрѣтеніи-то ихъ и заклю-
чается трудъ...

РАИСА.

Да, во-первыхъ, это очень долго и скучно... во-вторыхъ, —
для меня и не нужно: я и безъ знаній могу прожить... Сколько
я понимаю, — учатся для того, чтобы посредствомъ знаній добы-
вать деньги: вотъ какъ и вы, напримѣръ... Выучитесь, поступите
на службу и будете получать жалованье за ваши знанія... Да и
теперь вы, вотъ, у насъ учителемъ и вамъ платятъ... за что же? —
за знанія, за науку... Вотъ вы и трудитесь, работаете, читаете
ваши книжки, а все для чего? — чтобы получать деньги: одна

цѣль... А мнѣ этого не нужно... Да, наконецъ, наука—это не женское дѣло... Это не назначеніе женщины...

СКВОРЦОВЪ.

А интересно бы знать, что вы считаете назначеніемъ женщины.

РАИСА.

Это нисколько не интересно, потому что извѣстно всѣмъ и каждому, и я думаю такъ же, какъ другія...

СКВОРЦОВЪ.

Однако?

РАИСА.

Да очень просто: назначеніе женщины—быть хорошей матерью, доброй женой, заниматься дѣтьми, воспитывать ихъ...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а если замужъ не выйдете?

РАИСА.

Я выйду... У меня все есть для этого: и состояніе, и... я не дурна...

СКВОРЦОВЪ.

Выйдете за перваго встрѣчнаго, кто посватается, безъ любви, безъ твердаго сознанія, что женихъ хорошій, честный человѣкъ, искренно любящій васъ?..

РАИСА.

Зачѣмъ? Я выйду съ выборомъ... Я еще молода: успѣю выбрать...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а предположите случайность, что, несмотря на всѣ ваши достоинства, вы не встрѣтите такого человѣка, котораго бы вы полюбили и который бы васъ стѣбилъ,—тогда вы что будете дѣлать? тогда вы въ чемъ найдете ваше назначеніе?

РАИСА.

Дѣлать все-таки ничего не буду, а буду жить, веселиться, вѣзжать, заведу хорошій кругъ знакомыхъ... А состарѣюсь, тогда буду въ карты играть, табакъ нюхать, сплетничать... (смѣется).

СКВОРЦОВЪ.

И это жизнь, и это вы называете назначеніемъ человѣка?

РАИСА.

Да, впрочемъ, этого быть никогда не можетъ, чтобы я осталась въ дѣвушкахъ... Здѣсь, правда, трудно найти жениха,—

такіе все уроды... А мы поѣдемъ непремѣнно въ Петербургъ... Сестра этого хочеть и навѣрно добьется: она чего захочеть, такъ ужъ сдѣлаетъ,—переупрямить и папу, и маму... А въ дѣвушкахъ я ни за-что не останусь... Сестра Оля на четыре только года старше меня, а говорить, что нѣтъ жизни хуже дѣвической, что лучше—хоть за кого-нибудь—да выдти... Да и я сама вижу, какова стала сестра: капризная, ни чѣмъ недовольная, ко всѣмъ придирается, все ей скучно... Впрочемъ, это, можетъ быть, и оттого, что здѣсь живемъ,—въ деревнѣ, въ глуши, безъ порядочныхъ людей...

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, это не отъ деревни и не оттого, что она до сихъ поръ замужъ не вышла, а отъ скуки,—а скука оттого, что ничего не дѣлаетъ, и не умѣетъ дѣлать...

РАИСА.

Да полноте вы съ вашимъ дѣломъ: не рубашки же намъ пить, въ самомъ-дѣлѣ, или не чулки же вязать... Куда какъ весело, — вотъ тоже развлеченіе отъ скуки!.. Или опять вы съ вашими искусствами да науками,—такъ ужъ мы говорили объ этомъ... Здѣсь по-неволѣ соскучишься... Книгъ порядочныхъ,—и тѣхъ не достанешь... Не отъ деревни!—Нѣтъ, отъ деревни вся эта тоска... Нѣтъ, вы, въ самомъ-дѣлѣ, не умничайте: оставьте всѣ ваши ученые разговоры, а подумайте, войдите въ наше положеніе... Ну, что вы улыбаетесь?.. Можете вы просто, по-человѣчески разсуждать, безъ умничанья вашего,—такъ я буду говорить, а не можете,—убирайтесь, я и говорить не хочу...

СКВОРЦОВЪ.

Да извольте, извольте... Не гнѣвайтесь: постараюсь, по-человѣчески...

РАИСА.

Ну, вѣдь, вотъ вы знаете уже нашу жизнь... Что это за жизнь?.. Въ городѣ театры, собранія, концерты, гулянья, выѣзды, можно большой кругъ знакомыхъ завести... А здѣсь что? Папа либо съ рабочими да съ прикащикомъ бранится,—либо о противномъ этомъ хозяйствѣ разговариваетъ; мамаша только и толкуетъ, что дѣвушкамъ нужно за работой сидѣть, въ пальцахъ вышивать, чай разливать, за хозяйствомъ наблюдать; пріѣдутъ сосѣди,—только и слышишь: копы да четверики, коровы да лошади, овесъ да навозъ... Ну, какъ тутъ съ-ума не сойти?.. По-неволѣ скучаешь... Ну, разсудите: жизнь это, настоящая?

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не настоящая... И не жизнь, а прозябаніе...

РАИСА.

Ну, вотъ видите: а вы говорите...

СКВОРЦОВЪ.

Что я говорю?

РАИСА.

Да, конечно, глупости: работать, трудиться нужно...

СКВОРЦОВЪ — смѣется.

Спасибо, хоть откровенно...

РАИСА.

Да ужъ не взыщите, — опять повторю: глупости... Какой тутъ трудъ, какая работа... Намъ развлеченье нужно, веселье, общество... Вотъ что намъ нужно... Слышите?

СКВОРЦОВЪ.

Слышу, слышу...

РАИСА.

И понимаете?

СКВОРЦОВЪ.

Кажется.

РАИСА.

Ну, и вотъ, если бы вы были порядочный человѣкъ, такъ вмѣсто того, чтобы эти проповѣди читать: какъ нужно трудиться, да работать, вы бы пристали къ намъ съ сестрой и доказывали бы родителямъ, что намъ необходимо въ Петербургъ ѣхать...

СКВОРЦОВЪ.

Неужели вы думаете, что Петербургъ, въ самомъ дѣлѣ, вполне удовлетворить васъ, если вы будете вести въ немъ такую же недѣльную жизнь...

РАИСА.

Ахъ, отстаньте, надоѣли...

СКВОРЦОВЪ.

Право, и тамъ соскучитесь: повѣрьте, что всѣ эти городскія удовольствія очень однообразны и скоро надоѣдаютъ.

РАИСА.

Только не мнѣ...

СКВОРЦОВЪ.

И вамъ такъ же, какъ другимъ... займутъ только на первое время, а потомъ тоже надоѣдаютъ, и снова заскучаете.

РАИСА.

Ну, ужъ не умничайте: я лучше знаю себя...

СКВОРЦОВЪ — улыбаясь.

Да, вотъ развѣ ловля жениховъ будетъ удачна... А въ противномъ случаѣ, безъ дѣла, и тамъ будетъ скучно... А если бы вы увидѣли, какая тамъ, въ столицѣ, есть бѣдность, нищета и голодъ, то, ручаюсь, при вашемъ добромъ, воспріимчивомъ сердцѣ, вамъ будетъ совѣстно выдать безцѣльно деньги и отдавать ихъ и все ваше время одному веселью и развлеченіямъ... Если бы вы увидѣли городское горе...

РАИСА.

Ну, опять зафантазировали!.. И что у васъ за страсть выпускать эти фантазіи на мой счетъ... И совсѣмъ вы меня не знаете: нѣтъ совсѣмъ у меня такого добраго, воспріимчиваго сердца... И совсѣмъ я не хочу знать и сочувствовать вашимъ бѣднымъ и несчастнымъ... И думать о нихъ никогда не желала, а хочу только одного: веселиться и веселиться... Я совсѣмъ не такая, какъ вы думаете... Я эгоистка и очень этимъ довольна...

СКВОРЦОВЪ.

А какъ эта эгоистка, потихоньку отъ своихъ родителей, отдаетъ всѣ свои деньги женѣ пьяницы работника, котораго прогнали безъ расчета?

РАИСА.

Это не ваше дѣло.

СКВОРЦОВЪ.

А какъ эта безсердечная особа расплакалась, когда при ней....

РАИСА — топнувъ ножкой.

Отстаньте, говорить... Васъ не спрашиваютъ...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Боже мой, какой оживленный разговоръ!.. О чемъ это?..

Садится въ сторону.

СКВОРЦОВЪ — приподнимаясь съ мѣста и собираясь уходить.

О безсердечіи и эгоизмѣ людскомъ...

Улыбается, смотря на Раису.

ОЛЬГА.

Вы, вѣроятно, упрекали въ этомъ Раю, а она доказывала, что очень способна сочувствовать и понимать страданія другого?..

СКВОРЦОВЪ — улыбаясь и смотря на Раису.

Да, нѣчто въ этомъ родѣ...

Хочетъ уйти.

ОЛЬГА.

Я такъ и думала: Раячка очень чувствительна и очень скоро отзывается на всякое, даже притворное, чувство... Даже способна навязываться съ своимъ сочувствіемъ!.. Куда же вы уходите?.. Можеть быть, вы не кончили, и я вамъ помѣшала?.. Я не хотѣла нарушать вашей бесѣды...

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ-съ, мы почти кончили... Да и разговоръ-то былъ такой, который можно всегда продолжать, даже безъ конца... А я вспомнилъ, что надо освѣдомиться о своемъ воспитаніи: что онъ подѣлываетъ...

ОЛЬГА.

Да, это бы не мѣшало немножко пораньше, а теперь, я думаю, вы его не найдете... Я только-что видѣла изъ сада, какъ онъ ввалился въ телѣгу къ двумъ крестьянскимъ женщинамъ... какъ-то очень неприлично обращался съ ними, отнялъ у нихъ возжи, нахлесталъ лошадь—и съ хохотомъ, съ визгомъ, усаживалъ куда-то... Я и шла вамъ сказать объ этомъ...

СКВОРЦОВЪ — пожимая плечами.

Да, юноша, нѣчего сказать!.. Очень вамъ благодаренъ за сообщеніе... Пойду его розыскивать и вразумлять, хотя исправленіе его нравственности, по-настоящему, и не составляетъ моей обязанности...

Уходитъ.

РАИСА — по уходѣ Скворцова.

Оля, что это ты за намеки дѣлала на мой счетъ?

ОЛЬГА.

Какіе намеки?

РАИСА.

Какъ же? О моемъ сочувствіи, чувствительности, навязчивости...

ОЛЬГА.

Развѣ это неправда?

РАИСА.

Кому же я навязываюсь?..

ОЛЬГА.

Да даже вотъ и этому училищѣ... Развѣ я не вижу, какъ ты передъ нимъ кокетничаешь, гримасничаешь... Что это за го-

рѣчія уединенныя бесѣды, что—ты его на объясненія, что ли, вызвала?..

РАЙСА — съ сдержаннымъ раздраженіемъ.

Да... разумѣется... что же можетъ быть другое?..

ОЛЬГА.

Ты, пожалуйста, не гримасничай хоть со мной-то: я очень хорошо тебя понимаю...

РАЙСА.

И понимать тутъ нечего: дѣвушка цѣлыхъ полчаса разговаривала съ мужчиной: о чемъ же больше, какъ не о любви?.. Кто-нибудь да объяснялся: либо онъ, либо она!..

ОЛЬГА.

Пожалуйста, не ломайся и не разыгрывай роли: ты очень много о себѣ воображаешь, а тутъ совсѣмъ не большая честь и слава: заставить за собой ухаживать какого-нибудь учителя, которому жалованье платять, какъ лакею... Пожалуйста, не воображай о себѣ, никого не удивишь...

РАЙСА.

Я нисколько не воображаю и не думаю удивлять, я, напротивъ, стараюсь только подражать старшей сестрѣ...

ОЛЬГА.

Это что еще такое?

РАЙСА.

Ничего: ты старалась, чтобы учитель ухаживалъ за тобой, только онъ не захотѣлъ... Теперь я стараюсь, чтобы онъ ухаживалъ за мной.

ОЛЬГА.

Это онъ тебѣ смѣлъ сказать про меня?

РАЙСА.

И не думалъ: это я сама видѣла.

ОЛЬГА.

Когда же это было, когда?

РАЙСА.

Очень недавно, можетъ быть, даже и теперь, оттого ты и сердилъся, что онъ со мной наединѣ разговариваетъ...

ОЛЬГА.

Какая ты гадкая, Райса, какая ты неблагородная! Какъ у тебя языкъ ворочается говорить это про сестру...

РАИСА.

За что же ты бранишься: вѣдь, не я начала первая упрекать, а ты?

ОЛЬГА.

Ты воображаешь, кажется, что ты красавица, и всѣхъ можешь побѣждать...

РАИСА.

Что же? Я знаю, что я не дурна...

ОЛЬГА.

Удивительно, просто красавица! это онъ тебя, что ли, увѣ-
рялъ?..

РАИСА.

Можетъ быть, и не только онъ... А тебя увѣрялъ ли кто?

ОЛЬГА — со злобой и чуть не со слезами.

А ужъ это совсѣмъ безстыдно, это гнусно, гадко: поддразни-
вать старшую сестру, что родилась красивѣе ея.

РАИСА.

Я бы не поддразнивала, Оля, но вѣдь ты сама начала: ты первая начала меня дразнить, что я гримасничаю съ учителемъ и стараюсь его влюбить въ себя... А мы разговаривали такъ, про-
сто: о деревнѣ, о Петербургѣ... все спорили...

ОЛЬГА.

Да ужъ ты меня не увѣрай: ужъ я вижу, что онъ тебѣ нра-
вится.

РАИСА.

Такъ что же?

ОЛЬГА.

Ну, только и есть. Не думаете ли вы себѣ съ нимъ партію
блестящую устроить? что же? съ Богомъ, я не завидую... (*Сарка-
стически*) Учительша!.. Съ Богомъ!..

РАИСА.

Вотъ ты какая, Оля: мнѣ только-что было-стало жалко тебя,
что я тебя обидѣла, а ты опять задираешь... Ну, вѣдь, ужъ зна-
ешь меня: вѣдь, ужъ я не поддамся!.. Ни въ одномъ словѣ тебѣ
не уступлю, коли ты такъ начнешь!.. Ну, да, учительша буду!..
За мной, вотъ, хоть учитель ухаживаетъ, а за тобой никто...

ОЛЬГА.

Никогда этого не будетъ, чтобы онъ сталъ за тобой ухаживать: не воображай! Онъ просто насмѣхается надъ тобой, какъ надъ глупой дѣвчонкой... Да и онъ знаетъ, что если бы онъ

только осмѣлился это возмечтать, такъ его завтра же въ нашемъ домѣ не будетъ, завтра же его выгонять...

РАИСА.

Это ты, что ли, будешь вымещать свою досаду, что онъ пре-
небрегъ тобой?..

ОЛЬГА.

Да ужъ, пожалуй, что хочешь говори, а только предупреждаю тебя, что если я хоть что-нибудь замѣчу между вами, дамъ тебѣ слово: на другой же день его въ нашемъ домѣ не будетъ, потому что ни я, ни мамаша, не захотимъ, чтобы компрометтировалась наша фамилія.

РАИСА.

Ахъ, Боже мой, какая нравственная!.. Да успокойся, пожалуйста, у меня и въ помышленіи-то ничего нѣтъ, я совершенно въ нему равнодушна, болтаю такъ съ нимъ, отъ скуки... А вотъ кто любовныя-то слова въ его книгахъ и ногтемъ и карандашемъ отмѣчалъ?.. Кто стихи-то на бумажкахъ писалъ, да подъ подушку ему вложилъ?.. Кто въ саду-то по вечерамъ въ темной аллеѣ въ одной кофточкѣ съ нимъ встрѣчался?.. Это, я думаю, хуже можетъ скомпрометтировать нашу фамилію: какъ ты думаешь?

ОЛЬГА.

Никогда этого не бывало...

РАИСА.

Никогда не бывало!.. Нѣтъ, было... Я своими глазами видѣла...

ОЛЬГА.

Фискалка гнусная!.. Какъ хорошо: ходить, фискалить... Ну, фискаль, рассказывай: боюсь, что ли, я кого?.. Ты не воображаешь ли, что я его себѣ въ женихи прочу?.. Ужъ слишкомъ низко ты обо мнѣ думаешь... Просто, онъ за мной ухаживалъ, а ты этого видѣть не можешь... Я тебя знаю!.. Кто бы только ни обратилъ на меня вниманіе, ты всегда... всегда начинаешь передъ тѣмъ кокетничать, гримасничать... Ты какъ будто задачу себѣ задала, во что бы то ни стало, не дать мнѣ выдти за-мужъ, пока сама не выйдешь... Ну, такъ знай же: тебѣ не удастся выдти прежде меня, никогда, никогда!.. Ужъ лучше же обѣ въ дѣвкахъ останемся, а смѣяться тебѣ надъ собой я не позволю...

Плачешь.

РАИСА.

Да полно, Оля... Ну, неужто ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ учитель такъ мнѣ нуженъ... Возьми ты его себѣ съ

Богомъ... Я, пожалуй, и говорить съ нимъ не стану совсѣмъ...
Перестань же, Оля...

ОЛЬГА.

Да, не станешь!.. Только увѣряешь, а сама... потихоньку...

РАИСА.

Ну, клянусь тебѣ, онъ мнѣ совсѣмъ, не особенно нравится...
Такъ, только-что неглупъ...

ОЛЬГА.

Ну, Рая, душенька, ну—признайся мнѣ, какъ передъ Богомъ:
вѣдь онъ объяснялся тебѣ?..

РАИСА.

Да ей-Богу же нѣтъ... Онъ только умничаешь, да наставле-
нія читаетъ... И развѣ онъ не понимаетъ, что онъ не можетъ
быть моимъ женихомъ... Онъ не посмѣетъ этого и подумать!..

ОЛЬГА.

Охъ, очень посмѣетъ... Онъ очень много о себѣ думаетъ!..
Онъ и самъ не подумаетъ жениться на тебѣ, а такъ только,
чтобы увлечь тебя, погубить, а послѣ смѣяться... Ты не спорь:
я знаю и понимаю его хорошо... Ну, Рая, признайся: вѣдь,
онъ бралъ тебя за руку, пожималъ?..

РАИСА.

Да, когда здоровался: и тебѣ тоже, и мамѣ, всѣмъ...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, да не такъ, а особенно... вдругъ, въ разговорѣ!.. И
не смотрѣлъ на тебя при этомъ такъ... особенно... со страстью?..
Ну, знаешь какъ...

РАИСА.

Ахъ, отстань, Оля, даже противно слушать: говорить тебѣ:
нѣтъ...

ОЛЬГА.

Ну скажи, ради Бога, скажи еще: не говорилъ онъ, что
онъ страдаетъ, тоскуетъ, что онъ несчастливъ, что у него есть
горе, которое онъ никому, никому не скажетъ, кромѣ одного
человѣка?..

Раиса, смотря на сестру, хохочетъ.

ОЛЬГА.

А, ты смѣешься... Значитъ: говорилъ, говорилъ... Я уличила
тебя!.. Онъ изъяснялся тебѣ...

РАИСА — прислушиваясь.

Оля, да перестань: вонъ кто-то идетъ сюда, разговариваютъ...

Кажется, онъ самъ и идетъ, Скворцовъ... Успокойся, не хорошо!..

Входитъ СКВОРЦОВЪ, ведя за руку ОРЕСТА.

СКВОРЦОВЪ — входя.

Барышни, не вразумите ли хоть вы этого юношу, что такъ вести себя, какъ онъ, совсѣмъ не хорошо и неприлично... Я засталъ его въ цѣлой толпѣ крестьянокъ, отругивающимся отъ мужиковъ, которые срамили его за тѣ безобразія, какія онъ позволяетъ себѣ публично, среди бѣлаго дня... На мои слова онъ не обращаетъ вниманія, говорить, что это не мое дѣло, да оно и справедливо... Но мнѣ жалко его братьевъ: онъ имъ подаетъ отвратительный примѣръ... Онъ и ихъ испортитъ... Вѣдь если бы я не попалъ во-время, мужики, пожалуй бы, изувѣчили его...

ОРЕСТЬ.

Да, удастся!.. Я имъ давно сказалъ: кто тронетъ, изъ-за угла послѣ застрѣлю... либо подожгу... Они меня боятся!.. Это вы трусы: боитесь всего...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, послушайте, на чтó это похоже?.. Поговорите съ нимъ, усовѣстите его.... Это, вѣдь, невозможно!.. Если такъ будетъ продолжаться, я не вынесу, откажусь—и уйду.. Обратился-было къ родителямъ, такъ папаша только хохочетъ, говорить, что изъ него бравый военный выйдетъ, а мамаша оправдываетъ: чтó, дескать, съ ребенка взять, глупъ еще, не понимаетъ... Да когда и пошлеть ему, коли не теперь?... А у этого ребеночка борода ужъ показалась... Семнадцать лѣтъ юношѣ, а онъ еще въ четвертомъ классѣ, да и не перейдетъ, если такъ будетъ заниматься, какъ до сихъ поръ.... Я васъ предупреждаю.... Исключать изъ гимназіи непременно... И вѣдь чтó дѣлаетъ, если бы все вамъ рассказать... Это возмутительно!..

РАЙСА.

Какъ же тебѣ не стыдно, Орестъ... Вѣдь...

ОРЕСТЬ.

Да чтó я такое особенное дѣлаю? Чтó вы привязываетесь, Борисъ Николаичъ?.. Я все дѣлаю, чтó вы заставляете... Каждый день больше двухъ часовъ вы меня морите... Чего вамъ еще отъ меня нужно?... Васъ наняли подготовить меня къ переходному экзамену, ну, вы и приготавливайте... А чтó вы фискалите, бѣгаете за мной, да подсматриваете, чтó я дѣлаю... У насъ въ гимназіи ученики постыдились бы фискальничать-то, а вы

еще важничаете, что изъ университета... Хорошъ университетскій!.. У насъ бы какъ васъ вздули за это...

СКВОРЦОВЪ — обращаясь преимущественно къ Раисѣ.

Ну, слышите... Что же я могу тутъ сдѣлать?.. Я откажусь!.. Конечно, я не бралъ на себя быть его гувернеромъ и исправлять его нравственность... Богъ съ нимъ, пускай бы оставался такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, какъ нравится его родителямъ.. Но вѣдь занятія-то наши при этомъ идутъ плохо: ему надо бы съ утра до вечера заниматься всю вакацію—и то онъ едва ли бы приготовился, а такъ, по два часа въ сутки, мы не далеко уйдемъ, особенно, если и въ эти два часа мы думаемъ совсѣмъ о другомъ...

ОЛЬГА.

Борисъ Николаичъ, такъ вы заставьте его цѣлый день сидѣть за книгой: пускай учится...

ОРЕСТЬ.

Не хочешь ли—посиди сама... а я еще не намѣренъ!.. Мамаша при мнѣ его нанимала и условливалась, чтобы я каждый день учился часъ или два, а онъ еще иногда по три держитъ...

ОЛЬГА.

Да, вѣдь, это для твоей же пользы, Орестъ... Какъ ты не понимаешь?... Вѣдь, тебя не переведутъ, изъ гимназій исключать... Вѣдь ужъ ты великъ, тебѣ стыдно такъ себя вести!.. Пора о себѣ подумать!.. Пойми, что, вѣдь, если говорить, такъ тебѣ же добра желаютъ...

ОРЕСТЬ.

А очень васъ просятъ!... Думайте сами о себѣ...

РАИСА.

Да что же изъ тебя будетъ, если тебя изъ гимназій выгонять... Куда ты дѣнешься?... Вѣдь, ты совсѣмъ пропадешь...

ОРЕСТЬ.

Не пропади сама, а я не пропаду...

РАИСА.

Ну, да что же ты будешь дѣлать тогда?

ОРЕСТЬ.

Это ужъ мое дѣло... Исключать!.. Экая важность большая!.. Чортъ бы ее побралъ и гимназію-то... Надоѣла она мнѣ до смерти... Проклятая!.. Хоть бы сгорѣла, что ли... Слава Богу—я шесть лѣтъ въ ней: не цѣлый же вѣкъ сидѣть... Все равно въ ней не останусь, если и переведутъ нынче...

СКВОРЦОВЪ.

Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ не сказали, объ этомъ раньше вашимъ родителямъ? Не для чего было тогда и меня приглашать... А вы теперь поставили и меня, и вашихъ родителей, въ самое фальшивое положеніе... Впрочемъ, тутъ нечего много говорить... (*Обращаясь къ Ольгѣ и Раисѣ*) Будьте добры, переговорите въ вашими родителями, расскажите имъ все, что вы слышали, и если они не найдутъ средствъ образумить вашего брата и не заставятъ его заниматься, какъ слѣдуетъ, то я отказываюсь и долженъ буду уѣхать отсюда... Это невозможный господинъ!..

Пожимаетъ плечами и уходитъ.

ОЛЬГА.

Ты слышишь, безсовѣстный... Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ же было и учителя нанимать, и деньги тратить, — если ты не хочешь учиться!..

ОРЕСТЬ.

Такъ что же: вамъ же лучше, что его нанимали: не для одного меня, онъ и для васъ былъ занятіе: одна за нимъ бѣгаетъ, а за другой онъ самъ.

Хохочетъ.

ОЛЬГА—строго.

Что? что?

ОРЕСТЬ—хохочетъ.

Ничего!.. Проѣхали съ орѣхами, проскакали съ пирогами...

ОЛЬГА.

Ахъ, какой ты негодай, мерзкій мальчишка.... отвратительный!..

ОРЕСТЬ — продолжая смѣяться.

Что? не любишь?.. Видно въ жилку попалъ... Вы думаете, я ничего не вижу? Все вижу... Меня не проведете...

ОЛЬГА.

Кто же, кто за нимъ бѣгаетъ?.. Ну, скажи кто?

ОРЕСТЬ.

Кто?.. Да ты... А онъ за Райкой пріударяетъ... Ха, ха, ха... А тебѣ—носъ!.. Вотъ!.. что, не правда, что ли?.. Правда, правда!..

Хохочетъ.

ОЛЬГА.

Да какъ ты смѣешь это говорить? Ты понимаешь ли, что ты говоришь и про кого?—про сестеръ своихъ...

Входитъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и вслѣдъ за ней КОВЫРНЕВЪ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—входя.

Чтой-то, это онъ какъ хохочетъ весело... А-га, да и всѣ вмѣстѣ, въ кучкѣ... Вотъ люблю, какъ всѣ-то вмѣстѣ, дружны, веселы, безъ ссоры, безъ споровъ безъ всякихъ... хохочутъ, смѣются... Вотъ все бы такъ... (*Садится*) Ухъ, батюшки, жарится какая сегодня...

ОЛЬГА.

Да, очень дружны, очень веселы!.. Нечего сказать!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ай, да ты, Оля, сердита... А я-то пла—радовалась... Слышу, хохочутъ... Вотъ, молю, слава-Богу—веселятся мои!.. А я, вѣдь, кого вела-то къ вамъ... (*Оглядывается*) Что нейдешь?.. иди!.. Небось, передъ зеркаломъ парадится тоже..

Въ дверяхъ показывается КОВЫРНЕВЪ.

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, матушка, намъ нельзя не въ порядкѣ.

ОРЕСТЬ—вскакивая.

А—а, дворянинъ Ковырневъ!.. Ангелъ мой, дворянская косточка!..

Бросается къ нему, схватываетъ и начинаетъ вертѣться вмѣстѣ съ нимъ по комнатѣ.

КОВЫРНЕВЪ.

Позвольте, ангелъ мой, позвольте... (*Старается освободиться изъ рукъ Ореста*) Чтой-то, да дайте же поздороваться-то... съ сестрицами-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—смѣясь.

Будеть, Орестъ, будетъ, перестань... Закружишь ты его со всѣмъ, онъ все и забудетъ, а онъ съ дѣломъ—сегодня...

КОВЫРНЕВЪ.

Закружилъ и есть... Ахъ, ангелъ мой, такъ въ круги голова и пошла... Ужъ силенъ ты, Орестъ Алексѣичъ, ужъ сказать—изъ силы силенъ!..

ОРЕСТЬ.

Ужъ очень я тебѣ обрадовался... Здравствуй..

КОВЫРНЕВЪ.

Здравствуйте, ангелъ мой... Вотъ съ барышнями-то... Ольга Алексѣевна... Райса Алексѣевна...

Подходить къ ручкѣ ихъ.

РАЙСА.

Ахъ Боже мой, отъ тебя, Ковырневъ, сегодня духами пахнетъ, а не масломъ скоромнымъ... Что это значитъ?

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангелъ мой, вотъ и отъ насъ духами запахло...

ОРЕСТЬ.

Да онъ и нарядный сегодня какой... Фу ты... и воротнички выставилъ...

КОВЫРНЕВЪ.

А вы какъ полагаете, ангелъ мой... Потому прямо изъ гостей, изъ хорошихъ гостей... отъ людей стоящихъ!.. Ты не думай, ангелъ мой, Ковырнева вездѣ привѣчаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты погоди, Орестъ, не сбивай его: я его нарочно къ барышнямъ вела.... Пускай онъ при нихъ все расскажетъ.... Ну, Ардамонъ Михайловичъ, садись, да рассказывай опять сначала... Ужъ теперь для барышень... Да по порядку...

КОВЫРНЕВЪ—взглядывая на Ореста.

А гдѣ же, Алексѣй Михайловичъ? не повѣстить ли бы намъ и его, что гость, молъ, скоро будетъ?.. Вотъ бы Орестъ Алексѣичъ, потруился бы, побезпокоился...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И то правда. Орестинька, поди-ка разыщи папашу да скажи, что къ намъ скоро гость будетъ петербургскій...

ОЛЬГА и РАЙСА.

Какой гость петербургскій?

КОВЫРНЕВЪ.

Новый самый, прямо изъ Питера... Да ты, Орестъ Алексѣичъ, пойдешь, такъ погляди-ка, на какомъ я жеребцѣ приѣхалъ...

ОРЕСТЬ.

Купилъ, что ли?

КОВЫРНЕВЪ.

Ну нѣтъ, не по моей бѣдности этакихъ жеребцовъ заводить... У меня домъ-то весь продай, такъ не купишь такого... А это жеребецъ того самого гостя, что сейчасъ слѣдомъ за мной приѣдетъ...

ОРЕСТЬ.

Да кто такой? Фамилію-то скажи, неравно папаша спросить...

КОВЫРНЕВЪ.

А фамиль его, ангелъ мой, Волиновъ. Больше ничего!...

Только такой господинъ... этакихъ не много!.. Подъ-ка, оповѣсти папашеньку-то, а то гнѣваться будетъ, что не сказали...

ОРЕСТЬ.

Сейчасъ... Только я этого жеребца попробую, покатаюсь....
Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, Орестъ, не смѣй: пожалуй еще убьетъ...

ОЛЬГА.

Да и не хорошо, чужая лошадь!..

КОВЫРНЕВЪ.

А я паромъ, ангелъ мой, его, Ореста-то Алексѣича, угналъ отсель, потому юношъ; хоть уменъ, уменъ, а все еще въ мысляхъ не твердъ: какъ бы рѣчей постороннихъ которыхъ не вывелъ изъ нашего дѣла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ну, рассказывай же скорѣй... Вѣдь, барышнямъ-то одѣваться нужно...

КОВЫРНЕВЪ.

Истинно, что нужно, потому судьбы Божіи неисповѣдимы: можетъ, и судьба...

ОЛЬГА.

Да ну, говори же... Какой ты скучный...

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангелъ мой, приткая: говори!.. И то говорю!.. всего за разъ не скажешь... Давеча закружило въ головѣ-то, до сихъ поръ круги идутъ, а я себя не потерялъ: все помню... Вотъ и Ореста Алексѣича...

ОЛЬГА.

Да ну же... Какой такой Волюновъ?.. Я и не слыхала!.. Давно ли онъ сюда пріѣхалъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И я ничего не слыхала про него...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ то-то, ангелъ мой... А еще барышни-невѣсты въ дому, а этакой соколъ въ пяти верстахъ вьется, а вы и не знаете ничего!.. А вотъ Ковырневъ, старикъ, путинка нестоющая, а онъ все знаетъ и для своихъ благодѣтелей старается...

РАИСА.

Ну, Ковырневъ, мое терпѣніе лопнуло: если ты не начнешь сейчасъ рассказывать... я и слушать тебя не стану, уйду...

КОВЫРНЕВЪ.

Тебѣ-то и слушать, ангелъ мой, звѣзда моя источная, можетъ твоя-то судьба тутъ и совершится... черезъ меня, путинку малую... Вѣдь, вотъ вы велики, и славны, и знатны по милости родителей своихъ, а я путинка малая, а можетъ быть, эта самая путинка...

ОЛЬГА.

Ахъ, дуракъ какой!.. Ты изъ всякаго терпѣнія можешь вывести своими разсужденіями... Говори же, что тебя спрашиваютъ... Ну, что вздоръ мелешь... Путинка да путинка: затвердилъ одно...

КОВЫРНЕВЪ.

Однако же позвольте, ангелъ мой, я хоть бѣдный человѣкъ, однако у меня дарованіе отъ Бога не отнято... Я все могу понимать—даже до тонкости... Я хоть ученія и не принялъ, а самъ въ себѣ много содержу, въ понятіи своемъ... И вотъ за неоставленіе вашихъ родителей, что благодѣтели они мои настоящіе, можетъ вамъ Господь черезъ мою руку невидимо посылаетъ... Вотъ что, ангелъ мой!.. Я дуракъ-то—дуракъ, а можетъ когда и умнѣ бываю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, а ты не обижайся... а рассказывай лучше: въ самъ-дѣлѣ, вѣдь имъ приготовиться и одѣться нужно...

ОЛЬГА.

Да я совсѣмъ и не въ обиду сказала, а такъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да какая обида, ангелъ мой... Мнѣ, бѣдному человѣку, на своихъ благодѣтелей обижаться не приходится...

РАИСА.

Ну, прощай, Ковырневъ... Я уйду...

КОВЫРНЕВЪ.

Анъ нѣтъ, ангелъ мой, не уходи, послушай старика: я ужъ вижу, что тутъ твоя статья будетъ...

РАИСА.

Да ты скажи хоть: старый, или молодой этотъ Волиновъ?

КОВЫРНЕВЪ.

А довольно тебѣ сказать: красавицъ писанный, вотъ какъ на картинкахъ пишутъ... Вотъ какой!..

РАИСА.

Ну, а какъ же ты съ нимъ познакомился, и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Приѣхалъ онъ сюда въ свое собственное владѣніе, по сосѣдству съ вами, досталось ему опослѣ бабиньки его... Блинова была барыня, а усадьбу ее выдали, чай, проѣздомъ когда, въ сторонѣ она стоитъ—Мѣшкова проывается... Вотъ это самое въ его владѣніе и наслѣдовало... И приѣхалъ онъ недавно... Будетъ ли съ двѣ недѣли—не знаю... А я прослышавши, какъ онъ приѣхалъ, обрадовался, да и къ нему, потому я всѣхъ здѣсь помѣщиковъ знаю, а онъ человѣкъ вновь... Опять же онъ дворянинъ, и я дворянинъ, одной мы кости...

РАИСА.

Какъ же вы ему представлялись?..

КОВЫРНЕВЪ.

Никакъ не представлялся... Такъ, просто...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—улыбаясь.

Что сказалъ-то ему, какъ пришелъ?.. Вѣдь онъ тебя не знаетъ... Ну, такъ какъ же ты?

КОВЫРНЕВЪ.

А такъ вотъ и сказалъ: дворянинъ мелкобѣдный... Ковырневъ... много объ васъ наслышавшись... И какъ вы здѣсь вновь, а я всѣхъ знаю довольно... Позвольте быть знакомымъ...

ОЛЬГА.

Какъ же онъ тебя принялъ?

КОВЫРНЕВЪ.

А такъ принялъ онъ меня... могу сказать... Наши господа не многіе такъ принимать умѣютъ, видать, что изъ ума уменъ: не взираетъ на то, что бѣдный человѣкъ, мелкобѣдный, а почитаетъ въ томъ, что свой братъ, дворянинъ, не мужикъ или мѣщанинъ какой... Ну, а ужъ живетъ-то: видать сейчасъ, что отъ большихъ капиталовъ... Одежи у него этой—такъ Боже мой милосливный! кажется, вѣкъ не износишь!.. Опять пиджачикъ какой стоитъ: и чего-чего въ ней нѣтъ—и все серебряное... Цѣпочекъ разныхъ, портмонѣвъ этихъ до ужаси много!.. Повара привезъ чудеснаго, молодой, чистый, завсегда при формѣ... Лакей тоже петербургскій: французъ—не французъ, а во фракѣ, и завсегда при перчаткахъ, и вѣры не нашей, и имя ему Язефъ... Ну, и понялъ онъ меня сразу: обласкалъ, и угостилъ, и ночевать у себя оставилъ, а на другой день вотъ и пальто это самое подарилъ, рубашку приказалъ выдать чистую... И ты говоришь, ангелъ мой, масломъ скоромнымъ отъ головы не пахнетъ: тутъ таки духи—

помады идутъ что страсть... Самъ-то такъ даже каждый день весь обтирается онъ этими ладеколонами, съ губки...

ОЛЬГА.

Ну, этого, пожалуй, ты могъ бы и не рассказывать при барышняхъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Истинно говорю, ангелъ мой, какъ есть весь обтирается, съ губки... Лбѣтъ этихъ духовъ страсть... Ничего не жалбѣтъ... Опосля отъ него такъ даже по всѣмъ комнатамъ духъ идетъ... Даже удивительно это!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ну, ну, хорошо... Ты рассказывай: какъ же онъ о насъ-то?.. какъ къ намъ-то вздумалъ ѣхать знакомиться?..

КОВЫРНЕВЪ.

А съ кѣмъ же ему, ангелъ мой, знакомиться здѣсь, коли не съ вами: вы у насъ здѣсь въ углу первые дворяне. Извѣстно, что все отъ меня это шло... Вотъ рассказываетъ онъ мнѣ, что пріѣхалъ, говорить, осмотрѣть свое имѣніе, да что, какое это имѣніе—не по мнѣ... Мнѣ, говорить, или продать его, или прикупить къ нему земель да лѣсовъ и устроить что-нибудь значительное... Кто, спрашиваетъ, у васъ тутъ помѣщики побогаче?.. Я и говорю, что вотъ у васъ сосѣдшкѣ самый ближній, въ большихъ чинахъ, полуполковникъ, и при орденахъ, и имѣніе значительное... Ну, и про барышень сейчасъ само-собою... Вотъ, я говорю: барышни, такъ барышни, такихъ поискать да и поискать, на первый сортъ барышни... А въ другой разъ такъ-то къ нему: вотъ, я говорю, земель-то прикупайте, имѣніе устраивайте да и женитесь у насъ здѣсь... «Ахъ—говорить,—я бы съ радостью женился на здѣшней барышнѣ, потому столичныя всѣ вѣтренныя»... А мнѣ это и на руку, я и началъ его нашими-то разгорачать, наговаривать ему: и какія онѣ прекрасныя, и какія умныя, тихія и къ родителямъ почитательныя, да такъ его распалилъ, что, побѣждай, говорить, къ нимъ, скажи, что желаю познакомиться... Этого и виду, говорить, не подавай, что на-счетъ барышень, а такъ скажи, что будто на-счетъ покупки земель... Ну, я себѣ думаю: хорошо, ангелъ мой, они мнѣ роднѣе: уже этого душа моя не потерпитъ, чтобы не сказаты!.. Вотъ съ тѣмъ и пріѣхалъ!.. Вотъ, ангелы мои: во что почтете мою службу—не знаю, а женишка вамъ представляю не кое-какого...

ОЛЬГА.

Да ты съ чего же взяла, что онъ непременно такъ и будетъ свататься къ которой-нибудь изъ насъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Ну, ангелъ мой, Ольга Алексѣвна, ужъ я этого отвѣта на себя не приму: это дѣло Божье, да ваше... Мое дѣло постараться да похвалить, а тамъ ужъ ваше разсужденіе...

ОЛЬГА.

Да, можетъ быть, онъ намъ-то совсѣмъ еще не понравится...

КОВЫРНЕВЪ.

Опять-таки, ангелъ мой, я въ это не вступенъ... Ну, какъ мнѣ въ это вступить?.. Одно скажу, что по здѣшнимъ мѣстамъ другихъ такихъ жениховъ нѣтъ: и изъ себя красавикъ, и богатъ, и ума палата... Вотъ на-счетъ чиновъ не знаю... Чего не знаю, такъ не знаю. Не приходилось мнѣ никакъ спросить-то его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Однако, барышни, пора одѣваться... Надо приготовить: послѣ обо всемъ переговоримъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, надо, надо, ангелъ мой... Онъ не въ долгихъ, смотри, и приватить...

ОЛЬГА—вставая.

Пойдемъ, Рая...

РАИСА.

Я не пойду... Не буду переодѣваться...

ОЛЬГА.

Это что же значить?.. Мы во всякомъ нарядѣ прекрасны?..

РАИСА.

Совсѣмъ не то, а мнѣ просто совѣстно и непріятно рядиться на показъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Не на показъ, а для приличія... Неловко же, мой другъ, въ носильномъ... Если бы мы еще не знали, что прійдетъ... ну, такъ; а то это будетъ просто явное пренебреженіе къ гостю... Притомъ же—женихъ...

РАИСА.

Вотъ именно я и не хочу являться невѣстой на выставку... Оля, старшая сестра, она прежде меня должна выйти замужъ...

ОЛЬГА.

Вотъ это всегда такъ: Раячка вѣчно съ колющими, съ вы-

ходками... Постоянно старается поставить меня въ самое смѣшное положеніе...

РАИСА.

Да что ты, Оля? я для тебя жел.. Не ты ли же меня упрекаешь постоянно, что я всѣхъ отъ тебя отбиваю... Я совсѣмъ даже не выйду въ нему: вотъ тебѣ!..

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, ангелъ мой, этого никакъ невозможно быть...

РАИСА.

Почему это невозможно?.. Не хочу—и не выйду ни за что...

ОЛЬГА.

Да вѣдь это очень просто и понятно... Всѣ эти замыслы видны... Въ первый разъ она не выйдетъ, чтобы возбудить интересъ, а потомъ и явится, озарить какъ свѣтило... (Злобно) Ахъ ты, источная звѣзда!.. Отвратительно смотрѣть на твои фокусы!..

РАИСА.

Ну, напрасно ты, Оля, горячишься и меня поддразниваешь... Я искренно говорила, искренно хотѣла, чтобы ты не упрекала меня потомъ.

ОЛЬГА.

Да что ты такое, въ самъ-дѣлѣ, о себѣ думаешь?.. Что ты за красота такая, что какъ тебя кто увидитъ, такъ ужъ сейчасъ и влюбится?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да полноте, полноте... Что вы, что вы, ничего еще не видя... Подите-ка, одѣвайтесь лучше обѣ поскорѣе...

ОЛЬГА.

Я пойду... Но пусть же она не рисуется такимъ ангеломъ... Я буду за каждымъ словомъ, за каждымъ взглядомъ ея слѣдить... Уже обличу ее передъ всѣми вами, докажу всѣ ея хитрости и замыслы...

Уходить.

КОВЫРНЕВЪ—оглядываясь, Раисѣ вполголоса.

Никакъ вамъ невозможно, ангелъ мой, не выходить, потому я на вашу статью гнуль... Онъ вашей стати женихъ, а не сестрицынъ... Конечно, и въ крестьянствѣ говорятъ, что черезъ снопъ не жнуть, а тоже бываегъ, что и младшая сестра прежде старшей выходить въ замужество... А въ нашемъ мѣстѣ и по-давно... Что дѣлать-то? Всякому своя судьба отъ Бога... Извѣстно, сестрицѣ обиденью, да ужъ какъ быть-то: ты будешь по-превосходнѣе много... Вѣдь, всякой по себѣ выбираетъ: и сапоги,—

такъ сапогъ сапогу завсегда пара... (*Очень тихо*) А я тебѣ скажу: на тебя у него вся мѣта, потому я такъ и говорилъ ему: обѣ барышни хороши... а ужъ младшенькая, Раиса Алексѣевна, ужъ не въ примѣръ... Да онъ тебя и видѣлъ, ангель мой...

РАИСА.

Гдѣ?

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ не знаю гдѣ, а точно видѣлъ... И вся въ немъ горячка теперь на тебя одну... потому и самъ-отъ, да и я-то ему все подбавлялъ, да подгорячалъ... Теперь только и рѣчей, и думъ, что про тебя...

РАИСА.

Ну, хорошо что сказала: ужъ теперь-то я ни за что не выйду въ нему...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ это, ангель мой, что такое значить?

РАИСА.

А то и значить, что онъ мнѣ теперь же противенъ... Я вообще сватовства терпѣть не могу, и никогда бы не пошла за человѣка, который сватовъ подсылаетъ, а особенно такихъ, какъ ты...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ тебѣ и сюрпризъ... За все-то мое старанье—да и покорнѣйше здравствуй... Да вы, ангель мой, посмотрите сначала на человѣка, а тутъ его и обсуждайте... Онъ меня совсѣмъ, ангель мой, и не посылалъ сватать, а велѣлъ только оповѣстить, что пожелаете ли принять...

РАИСА.

А ты зачѣмъ же сватаешь?

КОВЫРНЕВЪ.

Да я не сватаю, ангель мой, а такъ только...

При послѣднихъ словахъ входитъ СКВОРЦОВЪ.

СКВОРЦОВЪ.

Здравствуйте, Ардальонъ Михайлычъ. (*Тотъ сухо подаетъ руку*). Что это у васъ за суетня въ домѣ?.. Всѣ бѣгаютъ, толкаются, переговариваются, только вездѣ и слышишь: женихъ да сватаютъ... Вотъ и вы тоже, слышу, разговариваете...

РАИСА.

А вы еще не знаете: вотъ Ковырневъ мнѣ жениха сватаетъ, петербургскаго, красавца, богатаго... Сейчас прїдетъ...

СКВОРЦОВЪ—нѣсколько поблѣднѣвъ.

Что же, въ добрый часъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ну, вотъ, господинъ, вы такъ точно говорите, правильно какъ же еще не въ добрый часъ... Всякій человекъ хорошій вамъ этого пожелаетъ!.. А вотъ барышня говорить: и знать его не хочу, и не одѣнусь, и не выйду, не покажусь...

СКВОРЦОВЪ—повеселѣвъ.

Что же вы это, Раиса Алексѣевна? Почему такъ? *(Съ улыбкою)* Вѣдь, петербургскій?

РАИСА.

Да потому, что это не мой женихъ, а сестры... А, впрочемъ, я еще посмотрю: каковъ...

Быстро оборачивается и уходитъ.

КОВЫРНЕВЪ—проводя ея до дверей.

Ужъ, ангелъ мой, порнавится, ужъ ручаюсь, что порнавится... потому все въ немъ есть... *(Возвращаясь отъ дверей къ Скворцову, который стоитъ въ раздумьи)*. Вотъ онъ, барышникъ, каковы, бѣда!.. То подай жениховъ, а розыщешь—не жалятъ.

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЮ.

Ковырневъ, Ковырневъ! Да гдѣ ты?

КОВЫРНЕВЪ—направляясь къ дверямъ.

Здѣсь, батюшка, Алексѣй Михайлычъ, здѣсь-съ...

КВАШНИНЪ—появляясь въ отворенныхъ дверяхъ.

Ахъ, вотъ онъ гдѣ... Господинъ, бездушный дворянинъ, Ковырневъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Здравствуйте, отецъ-благодѣтель... здравствуйте...

КВАШНИНЪ—въ дверяхъ.

Волиновъ!.. Какой это Волиновъ? Я такого не слыхалъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Новый, батюшка... Новый, здѣшній господинъ помѣщикъ... Недавно прибыли... Послѣ барыни Блиновой наслѣдствуютъ: бабынька ихняя была...

КВАШНИНЪ.

Что-жъ онъ не ѣдетъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Приѣдетъ, батюшка, приѣдутъ безпремѣнно...

КВАШНИНЪ.

Ну, я, вѣдь, съ завтракомъ ждать его не стану: мой часъ приспѣ... Ты что тутъ дѣлаешь?

КОВЫРНЕВЪ.

А вотъ Марья Григорьевнѣ да барышнямъ докладывалъ... Изволили одѣваться пойти... А то васъ ожидалъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, пойдемъ, приложимся... А тутъ докладывай и мнѣ...

КОВЫРНЕВЪ.

Извольте, благодѣтель... Пойдемте...

КВАШНИНЪ—обращаясь къ Скворцову.

А вы, господинъ философъ?.. Да васъ что звать: вы не причастны... Пойдемъ, Ковырневъ.

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, благодѣтель.

Уходить.

СКВОРЦОВЪ—стоятъ въ раздумьи.

А, вѣдь, у меня въ душѣ не ладно... Эта дѣвушка съ ума нейдетъ... (*Задумывается*). Нѣтъ, тутъ голову потеряешь... Лучше бѣжать, пока силы есть и встать предлогъ подъ рукой... Этакая смѣсь добра и зла, оригинальности и пошлости, кокетства и искренности... Нѣтъ, нѣтъ, отрицательнаго всего больше!.. Среда все исковеркала, что и было хорошаго... (*Рѣшительно*). Богъ съ ними, со всѣми... уйду, убѣгу безъ оглядки!..

Черезъ комнату медленно, какъ-бы задумавшись, проходитъ РАИСА. Она видѣла Скворцова, но проходитъ, какъ-бы не замѣчая его.

СКВОРЦОВЪ—увидя ее, вполголоса.

Ну, въ послѣдній разъ!.. (*Громко*). Раиса Алексѣевна!

РАИСА—притворно вздрагивая.

Ахъ!.. Какъ вы меня испугали.. Я и не вижу васъ...

СКВОРЦОВЪ.

О чемъ вы это такъ задумались?

РАИСА.

А вамъ что?..

СКВОРЦОВЪ.

Да, да, правда... Какое мнѣ дѣло до того, что вы думаете... Извините... Я хотѣлъ сказать вамъ, что не сегодня, завтра уйду...

РАИСА.

Ахъ, очень жалко...

СКВОРЦОВЪ.

То-есть, какъ это жалко?

РАИСА.

Такъ, жалко, что уѣдете: не съ вѣмъ будетъ поспорить, по-толковать, иногда и посовѣтоваться... А какъ же Орестъ?

СКВОРЦОВЪ.

Ну, Богъ съ нимъ... Я вижу, что ничего не могу для него сдѣлать, а даромъ деньги брать мнѣ совѣстно...

РАИСА.

Ахъ, знаете, какой онъ скверный мальчишка!.. Знаете, что онъ сказалъ намъ, что будто Оля ухаживаетъ за вами, а вы за мной... Вообразите! каковъ мальчишка!.. а?..

СКВОРЦОВЪ—нѣсколько смутясь.

Да, надежды подаетъ большія... Спасибо вамъ, что сказали: вотъ еще новая причина, чтобы поскорѣе уѣхать отсюда...

РАИСА.

Ну, на это не стоить обращать вниманія: вѣдь, это неправда... Согласитесь, вѣдь, я не подавала вамъ никакого повода ухаживать за мной?.. Не правда ли?.. Вѣдь, и вы ничего особеннаго во мнѣ не чувствуете, кромѣ, можетъ быть, того, что считаете меня глупой, капризной и болтливой дѣвочкой... Вѣдь такъ?

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а предположимъ, что я совсѣмъ иначе на васъ смотрю, предположимъ, что я влюбился бы въ васъ... Вѣдь это было бы ужасное несчастье... Не правда ли?

РАИСА.

Для кого?

СКВОРЦОВЪ.

Разумѣется, для меня... Вамъ-то что же, вамъ все равно: развѣ вы могли бы полюбить такого бѣдняка, какъ я?.. Вы мечтаете о другой партіи, блестящей... Вамъ нужно богатство, роскошь, веселье, блескъ...

РАИСА.

А кстати: вы не уѣзжайте такъ скоро, посмотрите этого птербурскаго жениха...

СКВОРЦОВЪ.

Для чего же это? Вы думаете, мнѣ очень интересно и пріятно

будетъ видѣть, какъ вы станете кружить ему голову, чтобы выдти за него замужъ?..

РАИСА.

Вотъ и ошибаетесь: напротивъ, я буду всячески стараться, чтобы онъ женился на Ольгѣ... Она жалуется, что я всѣхъ у нея отбиваю, становлюсь всегда на ея дорогѣ и мѣшаю ей выдти замужъ: такъ вотъ я и хочу ей доказать, что я совсѣмъ не такова...

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Ѣдетъ... Ѣдетъ!..

РАИСА.

Вонъ, слышите, Ѣдетъ... Прощайте... Я уйду въ свою комнату и выйду только въ такомъ случаѣ, если настоятельно прикажутъ... Такъ что же, — останетесь!?. (*Многозначительно*). Я прошу васъ остаться...

СКВОРЦОВЪ—послѣ нѣкотораго колебанія.

Извольте, останусь, я не могу отказать вамъ.

РАИСА.

Ну, спасибо... До свиданія.

Убѣгаетъ.

СКВОРЦОВЪ.

Что она: смѣется надо мной, хочетъ дѣйствительно влюбить въ себя и потомъ одурачить, или... Неужели это то, что мнѣ не разъ казалось, и чему я самъ не вѣрилъ, что, повидимому, невозможно въ такой капризной, вѣтренной дѣвушкѣ?.. Ну, да я одурачить-то себя не дамъ. (*Садится*). Посмотримъ, что эта за новая личность...

Вбѣгаетъ ОЛЬГА и вслѣдъ за ней послѣдно входитъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

ОЛЬГА—не замѣчая Скворцова, подбѣгаетъ къ окну.

Ахъ, какая прелесть, ахъ, какая прелесть!.. Мамаша, мамаша, смотрите скорѣй: какой экипажъ, какая лошадь!.. въ шорахъ!.. И лакей, посмотрите, лакей, или вучеръ—въ какой ливрѣ!.. Нѣтъ, это грутъ!.. Мамаша, да вы не выставляйтесь очень передъ окномъ, чтобы не замѣтилъ, что смотримъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—оправляя на себѣ воротничокъ и рукавички.

Нѣтъ, нѣтъ, я не выставляюсь... Ахъ, эти рукавички мнѣ въ жару въ эту... Оля, посмотри-ка, что у меня тутъ съ воротничкомъ: не переѣхалъ-ли?..

ОЛЬГА—мелькомъ взглянувъ на мать.

Да ничего... Смотрите, смотрите: какъ лошадь бѣжить... какъ ногами выдаетъ... и какъ онъ править отлично!.. Посмотрите: какъ съ горы спускаетъ... Вотъ спустились... Вотъ на мостъ въѣзжаетъ... Ахъ, у насъ тутъ одна половина прогнила, провалилась, только конецъ торчитъ, а вмѣсто нея дыра... Вотъ я давно говорила, что нужно починить... Ну, если лошадь ногой попадетъ... Срамъ!.. Вотъ, мамаша, я давно говорила...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что-жъ подѣлаешь съ мужиками?.. Не починиваютъ... Не слушаются... Одна, говорить, половина наша, а другая ваша... вы и починивайте... Становому, вотъ, надо пожаловаться...

ОЛЬГА.

Ахъ, ахъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что? не вижу!..

ОЛЬГА.

Нѣтъ, ничего, я думала... Нѣтъ, проѣхалъ... Вотъ къ воротамъ подѣзжаютъ... Мамаша, да не выставляйтесь вы, ради Бога... Право, не хорошо...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, я сяду коли...

ОЛЬГА.

Посмотрите: въѣхалъ на дворъ, оглядывается, не знаетъ къ которому крыльцу подѣхать, а у насъ никто и не встрѣтитъ... даже никто не подходитъ лошади взять... Вонъ, старый дуракъ Семенъ, стоитъ, розиня ротъ, и смотреть... не двигается. Нѣтъ чтобы подбѣжать, принять лошадь... Ай, ай... Что за срамъ, мамаша, посмотрите: всѣ бабы изъ людской, горничныя выбѣжали и смотрятъ точно на чудо на какое... Что онъ о насъ подумаетъ... И бабы чумазы, грязныя, босыя... Господи, какой срамъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, Оля, ужъ это ничего: бабы всегда ходятъ босыя, особенно лѣтомъ...

ОЛЬГА.

Такъ, вѣдь, онѣ, посмотрите, подходятъ къ нему, заговариваютъ. Онъ спрашиваетъ что-то!.. Ахъ!.. А на чистомъ крыльцѣ все никого нѣтъ... Вотъ, мамаша, вы не сказали, чтобы Павелъ его встрѣтилъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да еще пришел ли онъ? Онъ на сѣнокосѣ былъ: за нимъ въ лугъ посылали...

ОЛЬГА.

Вотъ, мамаша, послѣдняго человѣка на сѣнокосѣ брать... *(Кричитъ въ дверь)*. Павелъ, Павелъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да никто его не бралъ: самъ ушелъ... Разумѣется, тамъ дѣвви, сѣно гребутъ, такъ около нихъ... У нихъ, вѣдь, одна забота...

ОЛЬГА—вновь смотря въ окно.

Хоть бы Ковырневъ вышелъ... Гдѣ же онъ?... А, ну, вотъ, Орестъ вышелъ... Подошелъ къ нему... Молодецъ Орестъ... Каковъ!... Руку подаетъ, должно быть, отрекомендовался, смѣются... Право, молодецъ!.. Лошадь осматриваютъ, разговариваютъ...

ПАВЕЛЪ—въ красной рубашкѣ на выпускѣ, показываясь въ дверяхъ.

Вы изволили кричать?

ОЛЬГА—быстро оборачиваясь съ ужасомъ.

Павелъ, ты съ ума сошелъ, ты въ чемъ-это?

ПАВЕЛЪ.

Чего-съ?

ОЛЬГА.

Что: чего-съ?.. Тутъ гость изъ Петербурга, тебя нѣтъ, за тобой посылаютъ, а ты въ рубашкѣ...

ПАВЕЛЪ.

Я на сѣнокосѣ помогалъ...

ОЛЬГА.

Тебя никто не заставлялъ... Ступай скорѣй, переодѣнься, на дѣнь сертукъ... Скорѣй, да не встрѣться съ гостемъ, не ходи въ прихожую... *(Снова бросаясь къ окну)*. Вонъ они на крыльцо входятъ... Ступай же, говорятъ, скорѣе: переодѣнься... *(Павелъ скрывается)*. Ахъ, онъ непременно встрѣтится... Что это у насъ, что за безпорядокъ, Господи...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

То-то, какъ бы вы побольше хозяйствомъ-то занимались, а то все я одна... За всѣмъ не поспѣешь...

ОЛЬГА.

Ну, мамаша, ужъ полноте... *(Замѣтя Скворцова)*. Ахъ, Борисъ Николанчъ, вы здѣсь?.. Я васъ не видала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, батюшка, да вѣдь и я не примѣтила...

СКВОРЦОВЪ.

Я, можетъ быть, тутъ лишній?.. Извините, я уйду...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ай, что вы? Нѣтъ, я очень рада: вотъ къ намъ гость, новый человѣкъ, образованный, изъ Петербурга... Вотъ познакомьтесь, поддержите компанію...

СКВОРЦОВЪ.

Очень благодаренъ...

Входитъ КВАШНИНЪ.

КВАШНИНЪ—смѣясь.

Никакъ не могъ удержать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Кого?

КВАШНИНЪ.

Ковырнева... Убѣжалъ встрѣчать гостя... Ужъ давно онъ томился посморгнуть: не ѣдетъ ли? Да я не пускалъ нарочно... А какъ увидѣлъ въ окно, что пріѣхалъ, средствъ никакихъ не было: просто взмолился чуть не со слезами: пусти его встрѣтить... (*Смѣется*). Такой подлець!

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, что съ него взыскивать: бѣдный человѣкъ, семейный, старается заслужить передъ всѣми...

КВАШНИНЪ.

Да чортъ съ него взыскивается... Наплевать!.. Нѣтъ, вѣдь, мазурикъ... Я говорю: ты дворянинъ, тебѣ не пристало закейскую роль играть... Ты это долженъ понимать... Конечно, говорить, ангель мой, какъ мнѣ этого не понимать, что я есть дворянинъ, природный... Ну, такъ и сиди здѣсь со мной, жди, принимай въ гостиной... Такъ нѣтъ, никакъ не утерпѣлъ, даже вспотѣлъ весь и покраснѣлъ: они, говорить, въ первый разъ, и дороги-то, пожалуй, не найдутъ... Врепъ, я говорю, тамъ прислуга покажетъ...

ОЛЬГА.

Да, папаша, хороша у насъ прислуга... нечего сказать!.. Босня бабы его встрѣтили, а Павелъ явился въ рубашкѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, ничего, матушка, по-деревенски... (*Услыша шепотъ отъ со-*

спящей комнатѣ). Вотъ идутъ... Милости просимъ, милости просимъ... Пожалуйте сюда...

Входить КОВЫРНЕВЪ, ВОЛЫНОВЪ и ОРЕСТЬ.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангелъ мой, вотъ они-съ, Алексѣй Михайлычъ... полуполковникъ (*Указываетъ на Квашнина*).

ВОЛЫНОВЪ.

Новый вашъ сосѣдъ, Аркадій Петровичъ Воыновъ.

КВАШНИНЪ.

Очень пріятно, очень пріятно... Вотъ позвольте представить: жена...

ВОЛЫНОВЪ — почтительно кланяясь Марѣ Григорьевнѣ.

Я надѣюсь, вы простите смѣлость одинокаго, скучающаго человѣка, являющагося къ вамъ, какъ ближайшимъ сосѣдамъ, съ надеждою найти русское гостепріимство и радушіе.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Напротивъ, мы очень рады и счастливы вашимъ знакомствомъ...

КВАШНИНЪ.

У насъ по-просту, безъ церемоній, мы люди деревенскіе... Всегда очень рады.

КОВЫРНЕВЪ.

У насъ батюшка, Аркадій Петровичъ, просто... Я вамъ докладывалъ, ангелъ мой...

КВАШНИНЪ.

Ну, а ты, ангелъ мой, погоди... Вотъ дай сначала со всѣми познакомить дорогаго гостя...

КОВЫРНЕВЪ.

Извольте, батюшка, извольте... Знакомство—это напаче всего... Безъ это никакъ нельзя...

КВАШНИНЪ.

То-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—указывая на Ольгу.

Дочь моя, Ольга... старшая...

Воыновъ кланяется. Ольга первая протягиваетъ ему руку.

КВАШНИНЪ—оглядываясь.

А гдѣ же Раиса?

ОЛЬГА.

Она не совсѣмъ здорова...

КВАШНИНЪ.

Какъ нездорова: недавно же я видѣлъ ее...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА — стараясь замаять слова
мужа.

А вотъ это сынъ мой, Орестъ.

ВОЛЫНОВЪ.

Съ молодымъ человѣкомъ я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться... Мы, кажется, съ нимъ сошлись въ одной страсти: онъ также, какъ и я, любить лошадей...

КВАШНИНЪ.

Любить-то онъ любить, да ничего еще въ нихъ не понимаетъ... Лошади, батюшка, это мудреная наука, похитрѣе какой-нибудь грамматики...

ВОЛЫНОВЪ.

А вы охотникъ и знатокъ въ лошадяхъ?..

КВАШНИНЪ.

Я-то?.. Я съ малолѣтства съ ними возжусь. Я за версту всѣ стати лошади вижу...

КОВЫРНЕВЪ.

На-счетъ лошадей, Алексѣй Михайлычъ, у насъ во всей округѣ первые...

КВАШНИНЪ.

Ну, милости прошу садиться... Закусить съ дорожки не прикажете ли?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста...

КВАШНИНЪ.

Что же?.. Вы безъ церемоніи, ради Бога... Я хотъ, признаться, и закусилъ вотъ съ этимъ (*показываетъ на Ковырнева*), да это ничего: можно сейчасъ подать...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, благодарю васъ, я не хочу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Сейчасъ кофе подадутъ... Ты еще не познакомишь вотъ... (*указываетъ на Скворцова*).

КВАШНИНЪ.

Ахъ, да, рекомендую: учитель нашъ, Борисъ Николаичъ, молодой человѣкъ, а хуже красной дѣвушки: не пьетъ и не курить...

СКВОРЦОВЪ—улыбаясь.

Курю, курю, Алексѣй Михайлычъ, ошибаетесь... (*Подаетъ руку Воынову*). Очень пріятно.

КВАШНИНЪ.

Ну, да вѣдь это такъ только говорится, для красоты слога, что ли... (*Обращается къ Воынову*). Давно изъ Питера?

ВОЛЫНОВЪ.

Всего недѣли три...

КВАШНИНЪ.

Ну, что тамъ новенькаго?

ВОЛЫНОВЪ.

Да, кажется, все по прежнему...

КВАШНИНЪ.

Да, давненько ужъ я не бывалъ тамъ.... и представьте—не тянетъ. Вотъ чѣмъ деревня хороша: обживешься, никуда не хочется... А тоже, вѣдь, въ молодости-то—какъ же: по всѣмъ этимъ заведеніямъ.... и на островахъ, у Ивана Ивановича Излера—вездѣ... А вотъ теперь не хочется никуда... Только я вамъ скажу: нынче въ деревнѣ жить невозможно... Вы думаете поселиться здѣсь?..

ВОЛЫНОВЪ.

Это смотря по обстоятельствамъ... А вы почему же думаете, что нынче въ деревнѣ невозможно жить...

КВАШНИНЪ.

Не у чего: хозяйничать невозможно... Съ этими разбойниками сладу нѣтъ никакого... Вотъ сами увидите...

КОВЫРНЕВЪ.

Трудно нынче, ангелъ мой, намъ дворянамъ, очень трудно!..

ВОЛЫНОВЪ.

Это съ кѣмъ? Про кого вы изволите говорить?..

КВАШНИНЪ.

Про кого же больше... Про мужичонковъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Про чѣрнятъ, ангелъ мой...

ВОЛЫНОВЪ.

Что же они?..

КВАШНИНЪ.

Что? не слушаются, ничего не хотятъ дѣлать, только пьянствуютъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ни въ чему не взирають... Бѣда нынче съ ними...

ВОЛЫНОВЪ.

Да развѣ они у васъ еще на издѣльной повинности?

КВАШНИНЪ.

Какое, помиуйте! давно на оброкъ перевелъ, на выкупъ представилъ, теперь вотъ выкупной ссуды жду. Я все для нихъ, ракалѣвъ, сдѣлалъ: нѣтъ, ничего не помогаетъ! Приходится хозяйство совсѣмъ кидать... Да и кину... Уѣду въ городъ жить...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, пожалуйте, какіе ужъ мы съ тобой городскіе жители...

ОЛЬГА.

Папаша давно ужъ это говоритъ, давно собирается ѣхать даже въ Петербургъ, а между тѣмъ ни съ мѣста...

КВАШНИНЪ.

И уѣду... Брошу все и уѣду... Да, помиуйте, невозможно жить... Я ужъ на что: можно сказать первымъ хозяиномъ сыву, хлѣбомъ насыпался... Вотъ спросите его... (*Указываетъ на Ковырнева*).

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангелъ мой, ужъ у васъ хлѣба, бывало, такъ зрить невозможно... Низъ, прямой низъ...

КВАШНИНЪ.

Ужъ спросите его: онъ знаетъ дорогу въ мои амбары (*Смѣется*).

КОВЫРНЕВЪ.

Что-жъ, ангелъ мой, вы наши первые благодѣтели: не оставляете бѣднаго человѣка... Завсегда скажу...

КВАШНИНЪ.

Да-съ, былъ хозяинъ, держался дольше другихъ, а и я скажу: нѣтъ, невозможно нынче хозяйничать... Денегъ идетъ гибель, всякому мошеннику заплати чистыя денежки, а работы отъ него нѣтъ... Присмотра нѣтъ никакого... Вездѣ воровство...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Приказчика нѣтъ порядочнаго... Человѣка если бы найти хорошаго... Все отъ этого!.. Вотъ у Глѣбова хорошій приказчикъ попался, такъ и хозяйство хорошо пошло: не жалуется...

КВАШНИНЪ.

Все это вздоръ, пустяки!.. Хвастають!.. Ужъ вы спросите

меня... Я съ этимъ мужичьемъ, можно сказать, зубы съѣлъ: знаю его вдоль и поперекъ... Ничего нельзя подѣлать съ нимъ безъ палки.

КОВЫРНЕВЪ.

Невозможно, ангелъ мой... потому онъ привыкъ... Ему она требуется...

СКВОРЦОВЪ.

Палка-то?

КОВЫРНЕВЪ.

А вы какъ думаете, милостивый государь?.. Безпремѣнно...

ВОЛЫНОВЪ.

А развѣ хорошая плата не можетъ поощрять работника?..

КВАШНИНЪ.

Ахъ, полноте, пожалуйста, да его хотъ озолоти, такъ онъ все будетъ норовить, чтобы украсть, или напиться...

КОВЫРНЕВЪ.

Это такой родъ, ангелъ мой, потому они отъ Хама... Опять же нынче страха на нихъ нѣтъ... Изъ страха они вышли...

КВАШНИНЪ.

Какой страхъ, помилуйте... Вотъ этотъ чудакъ упросилъ меня: поѣдьте въ городъ, въ собраніе, тамъ все дворянство будетъ... Ну, напялилъ я мундиръ, вхожу и чтѣ же вижу: эти черти, уроды, мужичье, сидятъ на стульяхъ рядомъ съ дворянами... Я вошелъ, хотъ бы кто-нибудь пошевелился, мѣсто далъ, сидятъ бороды задравши, знатъ ничего не хотять... Да это что же такое за безобразіе... Какой же тутъ можетъ быть страхъ, повиновеніе... Помилуйте... Я постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ, плюнулъ, да и ушелъ... Да нога моя никогда не будетъ больше въ этихъ собраніяхъ... Это не собраніе, а вертепъ какой-то... позоръ, униженіе для дворянства...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ангелъ мой, истинно, что прискорбно смотрѣть... Такъ тогда у меня, Алексѣй Михайлычъ, батюшка, растревожились, плюнули и вышли... Да и конечно... Коли чувствуетъ самъ въ себѣ человѣкъ... а тутъ...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, постой ты, погоди... А вы что же, намѣреваетесь здѣсь хозяйство заводить, что-ли?...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, я запашки не заведу: это, дѣйствительно, не должно быть здѣсь выгодно... А вотъ какое-нибудь коммерческое предприятие...

КВАШНИНЪ.

Вотъ торговля... Вотъ это одно, что намъ осталось... Это выгодно... Нынче всѣ на это бросаются, только дворянское ли это дѣло?.. Не постыдно ли это для насъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, я не про торговлю, а какое-нибудь промышленное заведеніе, какой-нибудь заводъ...

КВАШНИНЪ.

Вотъ это одобряю... Въ этомъ бы я самъ принялъ участіе, еслибъ дѣло вѣрное... Вотъ ссуду получу, капиталъ будетъ большой, около ста тысячъ, вотъ тогда можно будетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, гдѣ намъ... Мы ничего не понимаемъ въ этомъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, это Богъ знаетъ: понимаю я или нѣтъ... Про себя ты можешь говорить, а меня со счета не собьешь... Счетъ знаемъ твердо... (*Къ Волынову*). Вы служите?..

ВОЛЫНОВЪ.

Я инженеръ-технологъ и служилъ больше въ частныхъ акціонерныхъ обществахъ...

КВАШНИНЪ.

Тамъ видно и капиталецъ благопріобрѣли?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да, я не бѣденъ...

КВАШНИНЪ.

Что же вы хотите затѣвать?

Павелъ вноситъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ и, проходя мимо Волынова, кланяется ему. Волыновъ, слегка наклонивъ голову, смотритъ вопросительно.

ОЛЬГА—повелительно Павлу.

Ставь сюда и уходи... (*Вполмолоса*) Это ужасъ что такое!.. (*Павелъ молодцовато уходитъ*).

КВАШНИНЪ—кивая на него.

Вотъ, ракалія, раскланивается... Онъ воображаетъ, что въ и у него въ гостяхъ... Вотъ вамъ образецъ: каковъ нынче народецъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И слова нѣтъ не скажи—сейчасъ: пожалуйста расчесть...

КОВЫРНЕВЪ.

Хамы, ангелъ мой, лакуты, не понимаютъ, оттого...

ВОЛЫНОВЪ.

А вотъ я хотѣлъ предложить вамъ, Алексѣй Михайловичъ: не угодно ли вамъ продать мнѣ ваши лѣсные дачи, которыя смежны съ моею землею... Моихъ лѣсовъ для моего предпріятія мало...

КВАШНИНЪ.

Да, вѣдь, продать... отчего не продать, коли цѣна будетъ подходящая... Дешево не отдамъ, впередъ говорю: я не нуждаюсь...

ВОЛЫНОВЪ.

Зачѣмъ дешево, лишь бы былъ расчесть въ эксплуатаціи..

КВАШНИНЪ.

А почему за десятинку положите? У меня лѣсъ хорошій...

ВОЛЫНОВЪ.

Это надо потолковать, осмотрѣть хорошенъко, оцѣнить, сдѣлать расчесть, тогда уже и...

КВАШНИНЪ.

Да вы что затѣваете? скажите...

ВОЛЫНОВЪ.

Это довольно сложное предпріятіе... Тутъ предполагается и лѣсопильня, и фабрикація химическихъ продуктовъ сухой перегонки дерева... Здѣсь пойдутъ въ дѣло и корни, и сучья: ни одинъ прутъ изъ дерева не пропадетъ...

КВАШНИНЪ.

О, пенъевъ-то я вамъ сколько угодно могу продать...

ВОЛЫНОВЪ—скромно улыбаясь.

Нѣтъ, вѣдь, это дѣло большое: тутъ вашъ лѣсъ, и мой собственный, будутъ капля въ морѣ... Если я это устрою, придется всѣ окрестные лѣса скупать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же, это вы одни думаете предпринять?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ это можно... Нѣтъ, у меня есть компаньоны въ Петербургѣ, люди съ большими средствами...

ОЛЬГА.

Угодно вамъ кофе?

ВОЛЫНОВЪ—вставая и садясь къ столу рядомъ съ Ольгой.

Съ удовольствіемъ... Мнѣ, право, даже совѣстно: мы въ вашемъ присутствіи завели съ вашимъ папашей такой сухой разговоръ, который, я думаю, нисколько не можетъ васъ интересовать... Я берусь за кофе какъ за средство поправить мою ошибку... Позвольте мнѣ быть теперь нѣсколько любезнѣе... Я, вѣдь, совсѣмъ не такой скучный собесѣдникъ, какъ вы могли подумать, слушая нашъ разговоръ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Помилуйте, какой же скучный...

ОЛЬГА—перебивая мать съ сіяющимъ лицомъ.

Вы даже о сухихъ предметахъ говорите такъ, что дѣлаете ихъ интересными... Я слушала васъ съ удовольствіемъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Тысячу вамъ благодарностей, но вижу въ этомъ только крайнюю снисходительность... Общаю вамъ на будущее время никогда не говорить въ вашемъ присутствіи о подобныхъ дѣлахъ...

КВАШНИНЪ.

Ну да, вы тамъ какъ хотите съ барынями любезничайте въ свое время... Это ваше дѣло, молодое... А вы теперь мнѣ скажите, очень ужъ вы меня заинтересовали, —что, это дѣло будетъ очень выгодно?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, mesdames, ужъ я теперь не виноватъ: не отвѣтить вашему папа не смѣю... Это мудреный вопросъ вы задаете, Алексѣй Михайловичъ: каждый понимаетъ выгоду по-своему... И опять—чѣмъ шире предпріятіе, чѣмъ больше затрачено на него, тѣмъ и доходы больше...

КВАШНИНЪ.

А однако, сколько процентовъ можетъ приносить капиталъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Вамъ, можетъ быть, покажется смѣло, но, по нашимъ расчетамъ, больше рубля на рубль...

КВАШНИНЪ.

Oго!..

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ какъ, ангелъ мой!.. Вотъ такъ барышки!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, Алексѣй Михайлычъ, я, ей-Богу, боюсь, что ваши дамы сочтутъ меня за невѣжу и неуча... Я больше не продолжаю нашего дѣлового разговора... И, вѣдь, посмотрите, какъ я засидѣлся у васъ: въ первый разъ и такъ долго... Вѣдь, это невѣжество...

КВАШНИНЪ.

Да развѣ вы не останетесь у насъ обѣдать?

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, нѣтъ, ради Бога... Это черезчуръ...

КВАШНИНЪ.

Ну, нѣтъ, батюшка, у насъ хоть и русскій столъ, и поваръ—не французъ, а, Богъ милостивъ, накормимъ... Оставайтесь-ка, полноте... Мы, вѣдь, по-деревенски...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И я тоже надѣялась, что вы доставите намъ это удовольствіе...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, ей-Богу, не смѣю даже и возражать: вы такъ любезны... Но я, право, самъ себѣ не вѣрю: въ первый разъ я у васъ въ домѣ и чувствую себя точно среди давно знакомыхъ людей...

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангелъ мой, я вамъ докладывалъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Правда, правда... Это для меня просто удивительно... Я вообще такъ трудно схожусь съ людьми...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Есть русская пословица: сердце сердцу вѣсть подаетъ...

ВОЛЫНОВЪ—кидая бѣглый взглядъ на Ольгу,
отъ котораго та опускаетъ гла-
за,—къ матери.

Прелестная пословица!.. Я былъ бы счастливъ, еслибъ ее можно было примѣнить въ настоящемъ случаѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, такъ, не угодно-ли вамъ пока съ дамами въ садъ, а я, безъ церемоніи, пойду по хозяйству, а послѣ пообѣдаемъ, а послѣ обѣда опять о дѣлѣ поговоримъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Я уже теперь отдаю себя совершенно въ ваше распоряженіе...

КВАШНИНЪ.

Вотъ я такъ люблю, чтобы по-просту... Ну, Ковырневъ, пойдѣмъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, благодѣтель...

КВАШНИНЪ.

Да гдѣ же Ранса?..

ОЛЬГА.

Вѣдь, я сказала тебѣ, папаша, что она не совсѣмъ здорова...

КВАШНИНЪ.

А, ну, и то сказать, ея дѣло...

Уходить съ Ковырневымъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Въ такомъ случаѣ ужъ и я пойду... по своимъ дѣламъ. Вы извините меня...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, ради Бога... Ольга Алексѣевна, кажется, хотѣла показать мнѣ свой садъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ и прекрасно...

Уходить.

ОЛЬГА—нѣсколько жеманясь.

Что же, пойдете?..

ВОЛЫНОВЪ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ (*подаетъ ей руку*). А чѣмъ больна ваша сестрица?

ОЛЬГА.

Какъ вамъ сказать?.. Больше капризами: у нея немножко странный характеръ...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а... Это интересно!..

ОЛЬГА.

Вы находите?.. Я не думала...

ВОЛЫНОВЪ.

Женскій капризъ, особенно который скоро проходитъ, очень милъ и пріятенъ... потому-что...

ОЛЬГА.

Почему?...

ВОЛЫНОВЪ.

Потому что безвреденъ...

СКВОРЦОВЪ.

Уходить.

Гм... Комедія начинается... Ольга Алексѣевна, кажется, скоро вошла въ роль, и этотъ баринъ, какъ видно, актеръ опытный... Выдержитъ ли характеръ другая сестра?... *(Смотритъ въ окно).*

Входить РАИСА.

РАИСА—оглядываясь по сторонамъ,
вполголоса.

Что, всё ушли?... Гдѣ они, въ саду?...

СКВОРЦОВЪ.

Въ саду...

РАИСА.

Онъ очень недурень... Я смотрѣла въ щелку дверей... А какъ вы находите: уменъ?

СКВОРЦОВЪ.

Раиса Алексѣевна!... И вамъ не стыдно?... Это не малодушіе, не пошлость?...

РАИСА—обиѣвшись и разсердившись.

Что такое стыдно?... Какое малодушіе, пошлость?... Что такое вы говорите? Опомнитесь...

СКВОРЦОВЪ.

Я думаю, что вы вспомните ваши намѣренія, и то, что вы говорили какой-нибудь часъ назадъ, и постыдитесь послѣ этого обнаруживать такое пошлое любопытство къ неизвѣстному человеку, которое заставляетъ васъ даже подглядывать въ дверныя щели...

РАИСА.

Во-первыхъ, тутъ нѣтъ ничего дурного: захотѣла посмотреть—и посмотрѣла... И нахожу, что онъ очень интересенъ. А, вторыхъ, это совсѣмъ не ваше дѣло, и я никогда не просила васъ быть моимъ наставникомъ и читать мнѣ правоученія.

СКВОРЦОВЪ.

Въ такомъ случаѣ для чего же вы остановили меня, просили остаться?

РАИСА.

Неужели же вы думаете для того, чтобы пригласить васъ къ себѣ учителемъ, послѣ того, какъ даже Орестъ отбился у васъ отъ рукъ? *(Смѣется).*

СКВОРЦОВЪ.

Это ужъ даже вовсе неостроумно и обидѣть меня не можетъ... Но все-таки я желалъ бы знать, какую роль вы мнѣ приготовляли, упрасывая не уѣзжать... Для чего я вамъ былъ нуженъ?.. Если есть въ васъ хоть капля искренности и уваженія къ человѣку, такъ скажите мнѣ откровенно... Неужели въ самомъ дѣлѣ у васъ было одно желаніе—держать около себя человѣка, который симпатизировалъ вамъ, и, пользуясь этимъ, дурачить его, смѣяться надъ нимъ?... Ну, скажите же, ради Бога, правду...

РАИСА.

Ничего я не хотѣла, ничего не думала, а просто мнѣ жалко васъ стало, когда вы собрались уѣхать... Мы много съ вами говорили, спорили... Я, должно быть, привыкла къ вамъ... Вотъ и все... А наставленій и грубости отъ васъ слышать я все-таки не хочу...

Быстро повертывается и уходитъ.

СКВОРЦОВЪ.

Раиса Алексѣевна, ради Бога, еще два слова...

РАИСА.

Въ другое время, когда вы будете въ лучшемъ расположеніи духа, а не теперь.

Уходитъ.

СКВОРЦОВЪ—одинъ.

Что же это такое?... Что это за дѣвушка?.. Она такъ искренно, такъ сердечно смотрѣла на меня... и въ то же время... *(Схватываетъ себя за юлову)*. Да, я люблю ее... Это ужасно!.. Я съ ума сойду...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ въ усадьбѣ Квашнина. Впереди, подъ деревомъ, чайный столъ.

ОРЕСТЬ—сидитъ возлѣ чайнаго стола. Передъ нимъ, въ независимой позѣ, стоитъ Павелъ.

Вотъ бы этого коня заполучить, какъ у Аркадія Петровича, да въ корень бы—въ тройку... Вотъ тогда держись только... Нашихъ-то, Бурю да Сокола, на пристяжку... Такъ, кажется, разнесли бы... Никакія глѣбовскія лошади не устояли бы, всѣхъ бы обогнали!.. Да я упрошу когда-нибудь Аркадія Петровича дать заложить его Джальму въ тройку... Только Семена не нушу на козлы: онъ—тетеря, ему не справиться... А самъ сяду...

ПАВЕЛЬ.

Не справиться вамъ, разобьютъ...

ОРЕСТЬ.

Я не справлю? я?... Ну, ужъ, братъ, врешь!.. у меня никакая лошадь не отобьется!.. Да развѣ я не справилъ, когда катался на Джальмѣ въ кабриолетѣ?.. Отлично шелъ...

ПАВЕЛЬ.

Такъ-то въ одиночку, а въ тройкѣ-то онъ горячиться будетъ... Пристяжныя-то подхватятъ... Ну, и разнесутъ: козель-то послѣ не соберете...

ОРЕСТЬ.

Вотъ такъ ужъ нѣтъ... Теперь ты давай мнѣ какую хочешь бѣшеную лошадь въ корень, всякую усмирить можно... Пропусти только здоровую тонкую бичевку промежъ губъ: какъ натянулъ ее хорошенько, когда задурила, она врѣжется въ это мѣсто (*показываетъ у себя на улы губѣ*)... всякую осадить можно, кабая бы ни была тугоуздоватая... Иныя, бываетъ, удила закусываютъ, а ужъ веревку-то ей закусить не удастся... я ей всю пасть разорву!.. Да помнишь ты тогда, ночью, вѣдь, съ тобой же ѣздили, брали потихоньку Бахвала: ужъ какой, кажется, бѣшенный и тоже удила закусываетъ, а ничего тогда не подблалъ... Я его тоже веревкой взнуздывалъ окромѣ удила. (*Смѣется*). Помнишь еще тогда на другой день переполохъ былъ: удивлялись, что Бахвалъ по-утру весь въ мылѣ былъ, точно купанный... Семень увѣрялъ еще, что это домовый его не любить... Помнишь?

ПАВЕЛЪ—ухмыляясь.

Ну, какъ не помнить... Только тогда вы съ Андрюшкой, не со мной... Я дома-то не ночевалъ тогда тоже... (*смѣется*)—въ утру пришелъ...

ОРЕСТЬ.

Да, да... А-и, скоро мы тогда скатали на немъ (*съ восторгомъ*), страсть, братъ!.. А мой-отъ фофанъ-то, Николаичъ...

ПАВЕЛЪ.

Учитель-то?

ОРЕСТЬ.

Ну, да!... Проспалъ, ничего не слышалъ: такъ я чудесно проврался... Только на другой день будить меня, а у меня голова трещить—страсть, никакъ не приподнять... Онъ меня будить, а я только ругаюсь, да какъ свисну его на-отмашъ, точно во снѣ, ничего не понимаю... Отступился, ушелъ... (*Хохочетъ*). Послѣ нашимъ рассказываетъ, какъ я его огрѣлъ, а мамаша и говорить: «ну, чего спрашивать съ соннаго человѣка... Опять же—ребенокъ... День-то убѣгается... Спится ему крѣпко...»

ПАВЕЛЪ.

Да вотъ, а Мальчика-то запалили... На ноги совсѣмъ сѣлъ и ѣсть плохо... Пожалуй, изведется совсѣмъ.

ОРЕСТЬ.

А, вотъ, велика важность!.. Чортъ бы его взялъ... Чего онъ собитъ: вся-то цѣна ему пятьдесятъ цѣлковыхъ.

ПАВЕЛЪ.

Да такъ-то такъ... А вотъ чтò, Орестъ Алексѣичъ, я смотрю: не нравится мнѣ эта ихняя запряжка... у Аркадія Петровича... шоры эти... По нашему мѣсту, не идетъ... То ли дѣло троечк-матушка, съ колокольникомъ, съ бубенчиками, сбруя съ наборомъ... Роскошь!... То ли дѣло!..

ОРЕСТЬ.

Мнѣ, братъ, самому не по мысли... Ну, да, вѣдь, чтò же... Онъ по-петербургски привыкъ...

ПАВЕЛЪ.

Опять—это на вучерѣ одѣянье: еврея эта ихняя... Что это?... Шляпа круглая, на плечахъ перелинка... Да мнѣ бы, кажется,—озолоти меня—не надѣть...

ОРЕСТЬ.

Отчего?

ПАВЕЛЬ.

Отъ своего брата стыдно... Смѣяться станутъ... Точно въ бабьемъ салопѣ, а—кучерь... Какой ужъ это кучерь!..

ОРЕСТЬ.

Такъ вы дурачье деревенскіе, оттого тебѣ и стыдно... А будь ты городской, съ удовольствіемъ бы надѣлгъ...

ПАВЕЛЬ—обидѣвшись.

Какіе же мы деревенскіе... Развѣ что пока въ деревнѣ живемъ... Такъ это отъ насъ зависитъ: сегодня въ деревнѣ, а завтра въ городѣ—не привязаны...

ОРЕСТЬ.

Такъ городъ городу рознь... То нашъ городишко, а то Петербургъ... Попробовалъ бы сунуться, такъ никто бы тебя и не взялъ, потому—ничего не знаешь... никакихъ городскихъ обыкновеній... Посмотри-ка у Аркадія Петровича петербургская-то прислуга—тебѣ ли чета? Они всегда въ струнѣ...

ПАВЕЛЬ.

Анъ вотъ и довольно ошибаетесь... Аркадій-то Петровичъ самъ говорилъ: какой, говорить, ты ловкій молодецъ, Павлуша... Кабы не жилъ ты у здѣшнихъ господъ, съ удовольствіемъ бы взялъ тебя къ себѣ... Два раза по рублю на чай мнѣ жаловали... Вотъ что!.. А вы знаете-ли сколько ихняя-то прислуга получаетъ?

ОРЕСТЬ.

Сколько?

ПАВЕЛЬ.

А по 15-ти да по 20-ти рублей въ мѣсяцъ... А я у васъ сколько? 6 въ мѣсяцъ... Такъ вотъ оно расчетъ-то какой...

Подходить АНДРЕВНА.

АНДРЕВНА.

Павелъ, а Павелъ...

ПАВЕЛЬ.

Чего еще?

АНДРЕВНА.

Слышь: Павелъ!...

ПАВЕЛЬ.

Да слышу... Ты глухая-то, не я... (Громко). Чего, я говорю, надо?...

АНДРЕВНА.

Подъ, тебя тамъ въ комнатахъ спрашиваютъ.

ПАВЕЛЬ.

Ето?

АНДРЕВНА.

Зовутъ, зовутъ, батюшка... Поди... Сама слышала... Кликали тебя...

ПАВЕЛЬ.

О, глухой чортъ! Слышала, говорить.

Уходить.

АНДРЕВНА—сядась около Ореста, хочет погладить его по головѣ, но Орестъ отталкиваетъ ея руку.

Чтой-то старую-то няньку толкаешь—разлюбилъ: не какъ махонькой когда былъ... А кто тебя вынаничилъ?

ОРЕСТЬ—вполголоса, смотря на няньку.

Глухая тетеря...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЬ—также.

Глухая тетеря—вотъ что...

АНДРЕВНА.

То-то... Знамо, я никому больше и дотронуться до тебя не давала... Такъ и теперь меня къ тебѣ тянетъ, а ты вотъ ужъ большой сталъ, няньку старую разлюбилъ...

ОРЕСТЬ.

Табачный носъ...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЬ—громко.

Я говорю: табачный носъ...

АНДРЕВНА.

Ничего, что табачный, а вотъ всѣхъ же васъ выводила... Тебя одного поднять, да на свои ноги поставить чего стоило... Аи, баловливъ былъ, аи, баловливъ!.. Да вотъ ни руки, ни ноги не сломалъ: все цѣлехонько... А у другой бы няньки, по твоему карахтеру, давно бы безъ головы ходилъ... А ты кабы путный былъ, такъ вотъ хоть бы когда старой нянькѣ четверочку табачку и купилъ бы... А то вотъ дразниться-то знаешь: табачный носъ!.. а можетъ быть нянькѣ-то и табаку-то не на что купить... Всѣхъ васъ лучше Раинька, ужъ сказать что лучше: нѣтъ, нѣтъ, да няньку и вспомнить...

ОРЕСТЬ.

Я тебѣ когда-нибудь подарю, вмѣсто табаку-то, золоти съ перцемъ...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЬ—громко.

Я говорю, подарю непременно...

АНДРЕВНА.

Ну, подаришь, такъ спасибо скажу... А ты теперь вотъ что мнѣ растолкуй: отъ Раиньки не могла добиться, а къ Олинкѣ и не подступайся... Скажи ты мнѣ на милость: къ которой сестрицѣ петербургскій-то баринъ, Аркадій-то Петровичъ, къ которой сватается?.. На которой онъ жениться-то хочетъ?.. Мы смотримъ, смотримъ, разобрать не можемъ: день онъ съ Раинькой—и она будто къ нему, а на другой—за Олинкой ходитъ... Къ которой же онъ сватается-то? На которой жениться-то хочетъ?..

ОРЕСТЬ.

На обѣихъ...

АНДРЕВНА.

На Олинкѣ... Ну, такъ и слѣдуетъ: на старшей...

ОРЕСТЬ—громко.

На обѣихъ, я говорю...

АНДРЕВНА.

Что на обѣихъ?

ОРЕСТЬ.

Ну, пошла къ чорту...

АНДРЕВНА.

Знамо, обѣ хороши, а все младшей впередъ старшой высказывать не приходится... Хотя я Раиньку и больше люблю, да пушай, ничего, поживетъ еще дома: про нея и другой женихъ найдется... Да вотъ ты еще что мнѣ молви: съ чего это Аркадій Петровичъ все нѣмцевъ никакихъ да французовъ себѣ въ прислугу набралъ?.. Самъ-отъ онъ, кажись, вѣдь, русской нации? нашей?..

ОРЕСТЬ—громко.

Нѣтъ, нянька, онъ не русскій... Онъ турка...

АНДРЕВНА.

Что? турка?.. Ну, что непутное мелешь?.. Ты говори путемъ.

ОРЕСТЬ.

Да коли онъ турка, такъ что же мнѣ дѣлать... Вѣдь я же тебѣ и говорю, что онъ на обѣихъ сестрахъ вдругъ жениться хочетъ, потому имъ турецкій законъ позволяетъ... Я тебѣ говорю: на обѣихъ, а тебѣ, глухому тетереву, слышится: на Олинъѣ...

АНДРЕВНА.

Тыфу тебѣ, коли инѣ... Маленькій-то безпутный былъ, безпутнымъ ты и останешься... *(Встаетъ и идетъ отъ нея прочь. На дорогѣ встрѣчается со Скворцовымъ)*. Учить, что-ли, идешь вывода-то моего?..

СКВОРЦОВЪ.

Вотъ не знаю, няня, захочетъ ли еще учиться-то сегодня твой выводочекъ?

АНДРЕВНА.

Учи, батюшка, учи его хорошенько, выбивай дурь-то изъ него... Столько въ немъ дури этой сидитъ, столько, что, кажись, варомъ его обдай, такъ не вываришь... Ну-ка что говорить: что женихъ-отъ петербургскій турка и на обѣихъ сестрицахъ за-разъ жениться хочетъ... Ну-ка, про сестрицъ что своихъ мелеть... Поругай его, сударь, поругай хорошенько... Меня-то ужъ, старухи, не слушается: авось тебя постыдится... Да за книжкой-то его, за книжкой больше держи, чтобы въ книжку-то вникалъ больше, а то у него вѣтры въ головѣ-то ходятъ, у безпутнаго этакого... Знаю я его довольно... Иди, батюшка, иди...

Уходитъ.

СКВОРЦОВЪ—Оресту.

Что это вы, Орестъ, остритесь на-счетъ вашихъ сестеръ и вашего, кажется, большого пріятеля?..

ОРЕСТЬ.

А зачѣмъ она, глухая тетера, пристаётъ ко мнѣ: надоѣла до смерти... Лѣзетъ съ разспросами, а сама ничего не слышитъ: кричи тутъ съ ней... Нѣтъ, жалко, васъ не было: вы послушали бы весь нашъ разговоръ—преуморительно!.. Ужъ это вы встрѣтили, а ее совсѣмъ озаили, а то просто смѣхъ...

СКВОРЦОВЪ—двусмысленно.

Я воображаю... Ну, а что же, заниматься мы будемъ сегодня? Вотъ, кажется, ужъ скоро недѣля, какъ вы не можете найти часа свободнаго для занятій...

ОРЕСТЬ.

Да къ чему, Борисъ Николаичъ, ну, къ чему? Вѣдь, все равно: не переведутъ... не выдержать мнѣ экзамена...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, да ужъ если не для экзамена, такъ хоть бы для того, чтобы голову-то вашу немножко занять чѣмъ-нибудь дѣльнымъ... Неужто вамъ не надобно пляться и ничего не дѣлать?..

ОРЕСТЬ.

Вотъ чудной человѣкъ!.. Да что вамъ во мнѣ? Вѣдь, папаша съ мамашей сказали вамъ, чтобы вы не стѣсняли меня и что они не будутъ на васъ въ претензіи, если я не выдержу экзамена... Чего же вамъ еще?.. Жалованье вы свое получите... Вамъ же легче...

СКВОРЦОВЪ.

Да не о себѣ я думаю, а о васъ.... Вѣдь, вы окончательно опоплаетесь, одурѣете, пропадете совсѣмъ...

ОРЕСТЬ.

Ахъ, пожалуйста, никто васъ не проситъ обо мнѣ заботиться!.. Аркадій Петровичъ общалъ, что устроить мою карьеру въ Петербургѣ и безъ вашей треклятой гимназіи... И устроить—этому я вѣрю... А заниматься не хочу и не буду...

СКВОРЦОВЪ.

Какой подумаешь всеильный человѣкъ, Аркадій Петровичъ!.. Какую же это онъ карьеру вамъ общаетъ, смѣю спросить? Вы ничего не знаете, ни къ чему не способны... Одна вамъ была дорога—въ юнкера, да и тамъ нынче экзамень требуется.

ОРЕСТЬ.

Ну, такъ что? захочу въ юнкера пойду, захочу и экзамень выдержу: у Аркадія Петровича всѣ экзаминаторы пріятеля... Тамъ люди благородные, офицеры, не наши гимназическіе кутейники: они всегда дворянина пропускаютъ... А не захочу въ юнкера, по гражданской части, въ какомъ-нибудь обществѣ мѣсто получу, гдѣ Аркадій Петровичъ начальникомъ... или директоромъ, что ли...

СКВОРЦОВЪ.

Да вы писать не умѣете: у васъ въ каждомъ словѣ грамматическая ошибка...

ОРЕСТЬ.

Такъ хороша ваша гимназія хваленая, что въ шесть лѣтъ писать не умѣли выучить... Чортъ бы ее побралъ...

СКВОРЦОВЪ.

Да тутъ не гимназія виновата, а вы сами... Насильно ничему выучить нельзя...

ОРЕСТЬ.

Ну, вотъ, сами же говорите это, а ко мнѣ пристааете, насильно хотите учить...

СКВОРЦОВЪ.

Да, Богъ съ вами, ничего я не хочу, кромѣ одного, чтобы вы припомнили въ свое время мое предсказаніе, что никакой карьеры вамъ Аркадій Петровичъ не устроить, никакой должности вамъ не дастъ и не можетъ дать, а будете вы вѣкъ свой шататься, избалуется и пропадете вовсе... Вотъ это вы помните...

ОРЕСТЬ.

Ахъ, отстаньте пожалуйста: съ такимъ состояніемъ, какое будетъ у меня, не пропадаютъ, я и безъ должности проживу... Я не нищій, мнѣ жалованья не нужно, я изъ-за него не буду хлопотать... *(Встаетъ)*. А вотъ, почему вы говорите противъ Аркадія Петровича, это я очень хорошо понимаю...

Хочетъ.

СКВОРЦОВЪ.

Ну, продолжайте, договаривайте...

ОРЕСТЬ.

Что же, и скажу: я не боюсь васъ...

СКВОРЦОВЪ—сдерживая волненіе.

Да ну, говорите же, говорите...

ОРЕСТЬ—отходя отъ него.

• Да и скажу: оттого, что онъ у васъ Раису отбиваетъ!.. Вы ревнуете его и злитесь... *(Быстро уходитъ, олядываясь. Издали)*. А все-таки онъ не чета вамъ, вы мизинца его не стоите: вѣдь, Раиса-то тоже понимаетъ... Смѣется только надъ вами... Вотъ вы и знайте...

Убѣгаетъ съ хохотомъ.

СКВОРЦОВЪ—сдѣлавшій-было невольное угрожающее движеніе въ сторону Оresta, быстро останавливается.

Нѣтъ, вѣдь онъ мальчишка... Связываться съ нимъ!.. Нѣтъ, довольно униженія и безъ того... Но, вѣдь, значить, всѣ это, всѣ замѣчаютъ, всѣ смѣются надо мной... И что я въ ихъ глазахъ? Учитель на жалованьи, бѣднякъ, который мечтаетъ ворваться въ богатую семью, изъ корыстныхъ расчетовъ ухаживаетъ за дѣвушкой... Можетъ быть, даже она сама это думаетъ и въ душѣ презираетъ меня, вмѣстѣ со всѣми другими... Вѣдь, ни разу же она не сказала мнѣ, что я ей дорогъ, что она любитъ меня... Только привыкла ко мнѣ, любить со мной бесѣ-

довать—вотъ что она говорила; но, вѣдь, это не мѣшаетъ ей видимо интересоваться, любезничать, да, любезничать съ этимъ акціонеромъ, заводчикомъ, предпринимателемъ, съ этой подозрительной личностью... Не даромъ она дѣлаетъ большіе глаза, выражаетъ изумленіе и сердится, когда я упрекаю ее за излишнюю любезность и внимательность къ тому франту; она какъ будто хочетъ сказать: да какое вы имѣете право врываться въ мою душу, анализировать мои чувства, осуждать мои намѣренія... Да, она прямо это показывается, прямо даетъ понять мнѣ, что не признаетъ за мною права слѣдить за ней, ревновать ее, что для нея мое чувство, мое увлеченіе—если не смѣшно и противно, то возбуждаетъ только ея жалость, состраданіе... И я самъ, самъ во всемъ виноватъ, мнѣ не за что винить ее!.. Я видѣлъ и понималъ, въ какой она выросла средѣ, какъ она испорчена, я сознавалъ опасность, которая мнѣ предстояла и не умѣлъ поборотъ въ себѣ зародыша страсти, не умѣлъ во-время убѣжать отъ нея... Что теперь будетъ? Я не могу, не въ силахъ оторваться отъ нея, не могу равнодушно видѣть, что она рискуетъ своею судьбой, увлекаясь этою двусмысленною личностью... Да, двусмысленною, подозрительною, я это чувствую, хотя не могу ничѣмъ доказать... Что же мнѣ дѣлать?.. Говорить противъ него—она не повѣритъ, потребуетъ доказательствъ, заподозритъ только меня въ мелочной зависти; сказать ей прямо, что люблю ее, и просить ея руки, но, вѣдь, меня всѣ осмѣютъ и можетъ быть, прежде всѣхъ другихъ, она же сама, первая... Вѣдь, ей навѣрно въ голову даже не приходила мысль о возможности быть моею женой: она выросла и воспиталась на мысли, что должна выйти замужъ за человѣка извѣстнаго общественнаго положенія, котораго я не имѣю... Но я долженъ непремѣнно, долженъ все ей сказать: открыть свою душу и высказать мое инѣніе о немъ... Да, я долженъ, я не могу иначе!.. (*Вдали показывается Волюновъ подъ руку съ Райсой*). Вотъ они... вмѣстѣ!.. подъ руку!.. О, я не въ силахъ ихъ видѣть... Я сдѣлаю какую-нибудь глупость... Но оставить ихъ вдвоемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, уйти теперь.

Быстро, порывисто, почти убѣгаетъ въ противоположную сторону.

РАЙСА.

Борисъ Николантъ, Борисъ Николантъ... Что это, какъ онъ странно ушелъ... Неужели онъ не слышитъ моего голоса?

ВОЛЫНОВЪ.

Присядемте здѣсь... Да, этотъ господинъ учитель... вообще довольно странный человѣкъ... Напримѣръ, относительно меня:

Томъ I.—Январь, 1878.

несмотря на всѣ мои любезности, онъ держитъ себя со мною точно какой скрытый врагъ... Между тѣмъ какъ между нами не можетъ быть ничего общаго... И что, скажите, пожалуйста, онъ уменъ: я никогда не могъ вызвать его на продолжительный разговоръ, всегда онъ отдѣляется какими-то общими незначащими фразами...

РАИСА.

О, онъ очень уменъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да?... И должно быть изъ семинаристовъ...

РАИСА.

Не знаю хорошенько, но, кажется, нѣтъ... Кажется, онъ говорилъ, что его мать—вдова, бѣдная чиновница... Здѣсь недалеко, въ уѣздномъ городѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а... Ну, это все-равно...

РАИСА.

То-есть какъ все-равно?

ВОЛЫНОВЪ.

То-есть среда одинакова: семинаристы, бѣдные низшаго сорта чиновники, это все одна среда: они женятся, рождаются между собою... Всѣ наши мелкіе чиновники вышли преимущественно изъ духовнаго званія... поповичей, какъ ихъ называютъ... Вы, мнѣ кажется, питаете къ нему большое сочувствіе?..

РАИСА.

Да, я его люблю... Онъ хорошій...

ВОЛЫНОВЪ—съ улыбкой.

Какое вы святое слово употребили: люблю... Развѣ съ этимъ словомъ можно такъ неосторожно обращаться?

РАИСА.

Отчего же? Что особеннаго въ этомъ словѣ? Я слыхала, что оно страшно только для институтокъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Но развѣ ваше чувство къ этому господину, или, лучше сказать, ваше общечеловѣческое расположеніе къ нему можно называть любовью?

РАИСА.

Какою любовью?

ВОЛЫНОВЪ—улыбаясь.

О, да, конечно... Вы мнѣ напоминаете извѣстный водевиль-ный куплетъ... Но вѣдь въ такомъ случаѣ естественъ вопросъ и съ моей стороны: какою же любовью вы его любите: какъ друга, какъ хорошаго знакомаго или какъ-нибудь иначе?..

РАИСА.

А почему васъ такъ это интересуетъ?... Можетъ быть, вы задаете мнѣ такой вопросъ, о которомъ я никогда и не думала?.. Но почему это васъ-то интересуетъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Потому, во-первыхъ, что меня все интересуетъ, что касается васъ, а во-вторыхъ, вы извините меня и не подумайте, что я хочу васъ оскорбить: мнѣ показалось... какъ бы это выразить, показалось, что господинъ учитель имѣетъ дерзость иногда смотрѣть на васъ такими глазами, которые говорятъ о чувствѣ... не совсѣмъ скромномъ въ его положеніи...

РАИСА.

Я васъ не совсѣмъ понимаю: скажите мнѣ яснѣе, проще...

ВОЛЫНОВЪ.

Проще?.. Извольте, только условіе: не сердиться... Мнѣ казалось, что онъ смотритъ на васъ глазами влюбленнаго...

РАИСА.

Такъ что же?.. Очень рада...

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ? И это васъ не оскорбляетъ?

РАИСА.

Чѣмъ же тутъ оскорбляться?

ВОЛЫНОВЪ.

Но, вѣдь, такіе взгляды вызываютъ на отвѣтъ: на нихъ отвѣщаютъ или презрѣніемъ, или сочувствіемъ... Неужели вы считаете возможнымъ отвѣтить сочувствіемъ на любовные взгляды вашего учителя?

РАИСА.

Я ихъ не замѣчала, но я считаю все возможнымъ...

ВОЛЫНОВЪ.

То-есть вы хотите сказать, что этого нѣтъ еще, но что это можетъ быть...

РАИСА.

Я не говорю, что оно непременно случится, но какъ же я

могу утверждать, что этого не может случиться... Развѣ чело-
вѣку можно впередъ ручаться за свои чувства?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да, это всегда такъ бываетъ... (*Смотря съ особеннымъ вы-
раженіемъ на Раису*). Бываетъ, что одинъ смотритъ на женщину
какъ на недосигаемое свѣтило, какъ на недоступное для него
божество, которымъ онъ можетъ только безмолвно и втихомолку
восхищаться, передъ которымъ онъ не осмѣливается вслухъ вы-
сказать свои чувства, боясь прогнѣвить или оскорбить его... А
она, эта женщина, это божество въ глазахъ одного, считаетъ
себя самымъ обыкновеннымъ существомъ, способнымъ отвѣчать
на всякое мизерное чувство... самого дюжиннаго, другого чело-
вѣка... (*Все съ болѣею и болѣею страстью*). Одинъ отдастъ бы
половину жизни, всю жизнь, все возможное для него счастье,
хоть за малѣйшій проблескъ сочувствія, хоть за слабую надежду,
что когда-нибудь оцѣнить его чувство и позволятъ принести къ
ногамъ божества и это чувство, и все свое сердце, все прошед-
шее и будущее, что не оттолкнуть этого приношенія съ презрѣ-
ніемъ... не посмѣются надъ нимъ, надъ его ничтожествомъ и
дерзостью... А другой, можетъ быть менѣе достойный, менѣ чув-
ствующій, но дерзкій и самонадѣянный, безъ всякаго права,
смѣло подходитъ къ этому божеству, нагло и вызывающе смотритъ
на него, не боясь, что будетъ наказанъ за свою дерзость и са-
монадѣянность... И онъ не ошибается: сочувствіе къ нему счи-
тають возможнымъ... Не правда ли, Раиса Алексѣевна? за что
это неравенство?.. За что объ одномъ думаютъ: да, для тебя счастье
возможно, а другому прямо показываютъ, если и не говорятъ:
нѣтъ, не надѣйся, для тебя счастье немислимо... За что? за что это?..

Въ сильномъ волнаніи ломаетъ руки.

РАИСА—смущенная и сконфуженная, ста-
раясь не смотрѣть на Волынова.

Если эти намеки на меня... то... какое же я божество?.. я
самая простая!.. И я со всѣмъ такъ ни о комъ не думаю...

ВОЛЫНОВЪ.

Но вѣдь, согласитесь, что въ первое время нашего знаком-
ства вы держали себя со мной болѣе, чѣмъ недоступно... Вы часто
почти оскорбляли меня своею холодною, пренебреженіемъ...
Если бы не доброта вашей матушки, не привѣтливость и ласко-
вость вашей сестры, я долженъ бы былъ отказаться отъ знаком-
ства съ вашимъ домомъ... Въ послѣднее только время вы стали
какъ будто немного милостивѣе ко мнѣ... Вонъ идетъ ваша се-

стра... Скажите же мнѣ искренно и откровенно: вы не пытаете ли мнѣ ни отвращенія, ни недовѣрія?..

РАИСА.

Что вы? за что? съ какой стати?

ВОЛЫНОВЪ.

Значить, я не принадлежу въ вашихъ глазахъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда не могутъ заслужить вашего сочувствія?.. Скажите, ради Бога, скорѣе и прямо...

РАИСА.

Нѣтъ, не принадлежите.

ВОЛЫНОВЪ.

Спасибо вамъ... Вы оживили меня...—Ольга Алексѣевна, мы здѣсь, здѣсь...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

А-а... А я васъ на-силу нашла: прошла по той аллеѣ, куда вы пошли, потомъ повернула въ темную аллею...

ВОЛЫНОВЪ.

А мы вотъ встрѣтились въ саду съ Рансой Алексѣевной, услыли здѣсь, да все и бесѣдовали, ожидая васъ... Ну, что мамаша?

ОЛЬГА.

Она ожидаетъ васъ въ своей комнатѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, ожидаетъ! такъ я отправлюсь къ ней поскорѣе... До свиданія, mesdames, (*выразительно*)—надѣюсь, радостнаго...

Привѣтливо киваетъ головою и уходитъ.

ОЛЬГА.

Вы о чемъ разговаривали?

РАИСА.

Такъ, о пустякахъ все...

ОЛЬГА.

Да нѣтъ, о чемъ именно? расскажи...

РАИСА.

Да, право, трудно и рассказать: разговоръ переходилъ, мѣнялся... О людяхъ, о людскихъ отношеніяхъ, объ учителяхъ...

ОЛЬГА.

Ахъ, а знаешь, я встрѣтила твоего обжѣ..

РАИСА.

Оля, сколько разъ просила я тебя не называть его такъ: какой онъ мой обжé?.. Съ чего вы всё взяли?..

ОЛЬГА.

А, значить, и Аркадiй Петровичъ замѣтилъ, что онъ къ тебѣ равнодушенъ... Вѣдь это всё видятъ...

РАИСА.

Да мнѣ-то какое до этого дѣло: равнодушенъ онъ или нѣтъ... Мнѣ рѣшительно все равно...

ОЛЬГА.

Ну, ну, полно, ужъ какое все-равно... Что ты передо мной скрываешь... Вѣдь я мѣшать не буду: я еще помогу, если что нужно... Ну, ну, не сердись!.. Охъ, какая ты скрытная!.. Я хотѣла только спросить: не вышло ли между вами чего: я его встрѣтила такого разстроеннаго, такого убитаго, на немъ лица не было... Бродить тамъ по темной аллеѣ... Я было его спросила: что съ вами, Борисъ Николаичъ? Но, вѣдь, онъ такой же, какъ ты, скрытный: вамъ, говорить, такъ кажется, со мной ровно ничего, какъ всегда... И прошелъ, больше ни слова не сказалъ... Спрашиваю ему вслѣдъ: не видали ли нашихъ? Вздрогнулъ даже, такъ всего и передернуло: какъ же, говорить, видѣлъ вашихъ: тамъ, у чайнаго стола бесѣдуютъ... И такой злой, злой, даже голосъ у него охрипъ... Видно, что онъ тебя ревнуетъ къ Аркадiю...

РАИСА — раздражительно.

Да какое онъ имѣетъ право?..

ОЛЬГА — двусмысленно.

Ужъ я этого не знаю... Ты мнѣ не хочешь ничего сказать... А я вотъ не въ тебя... (*Оглядывается*). Я вотъ, когда вижу, что ты не идешь противъ меня, не дѣлаешь мнѣ на зло, а всею душой къ тебѣ, ничего даже скрыть отъ тебя не могу... (*Оглядывается*). Знаешь, зачѣмъ онъ къ мамашѣ пошелъ?

РАИСА.

Нѣтъ, не знаю...

ОЛЬГА.

Онъ меня просилъ предупредить мамашу, что желаетъ съ нею говорить наединѣ, безъ свидѣтелей... А передъ этимъ мы ходили по темной аллеѣ и... знаешь, что онъ сказалъ?.. (*Бросается къ сестрѣ на шею*). Ахъ, душечка, Рая, какъ я счастли-

ва!.. какъ я люблю тебя!.. Рая, милая!.. Ты дѣйствительно хорошая, честная!.. ты не вредила мнѣ...

Цѣлуетъ ее.

РАИСА.

Да что же онъ сказалъ такое?

ОЛЬГА.

Онъ, онъ много говорилъ... Говорилъ, что привязанъ къ нашему семейству, что лучше нашей семьи не знаетъ... Что маму любить, какъ родную мать... Что его удивляетъ только твоя холодность и какъ будто даже пренебреженіе и недоверіе къ нему... Что, конечно, онъ еще ни чѣмъ не успѣлъ заслужить твоего расположенія, но онъ мечталъ, что мы жили бы вмѣстѣ въ Петербургѣ и онъ, по своему богатству, по своимъ связямъ и знакомству, могъ бы доставлять тебѣ такъ много удовольствій, какъ ты и не воображаешь...

РАИСА.

Какъ, жить вмѣстѣ въ Петербургѣ? Что же это значить?..

ОЛЬГА.

А ты послушай дальше... Что онъ и теперь уже любить тебя, какъ сестру, и боится только, что никогда не заслужитъ твоей дружбы и довѣрія... Намекнулъ и на твои отношенія къ учителю и такъ пытливо посмотрѣлъ на меня... Я, разумѣется, ни слова не сказала и даже виду не подавала...

РАИСА.

Это странно...

ОЛЬГА.

Погоди, погоди, сейчасъ все поймешь?.. Я его послѣ этого и спрашиваю: что же вы ничего обо мнѣ не скажете?.. Какъ же вы обо мнѣ думаете?.. А онъ... Ахъ, Рая, душа!.. Мы ходили подъ руку... Онъ такъ крѣпко, крѣпко прижалъ къ себѣ локтемъ мою руку, и говоритъ: въ васъ, Ольга Алексѣевна, кромѣ достоинствъ, я ничего не знаю... Вы такъ добры, способны на такую любовь, преданность, что... Ахъ, Рая, мнѣ даже стыдно говорить...

Скрываетъ свое лицо на груди сестры.

РАИСА — слегка отстраняя ее.

Ну, говори, говори...

ОЛЬГА.

Что если бы, говорить, мнѣ пришлось избирать подругу жизни... лучше васъ я не могъ бы найти... Въ васъ, въ вашей душѣ... Онъ тутъ много, много говорилъ хорошаго, лестнаго...

РАИСА.

Ну, а что же ты?

ОЛЬГА.

Я вся горѣла, ничего не видѣла, не помню, что со мной было... И вдругъ онъ спрашиваетъ: а вы, какого бы мужа вы желали имѣть?..

РАИСА.

Что же ты отвѣтила?

ОЛЬГА.

Что же я могла сказать?.. Я не помнила себя, я вся трепетала... Вѣдь это въ первый разъ въ жизни, Рая, понимаешь, — въ первый!.. И такой человекъ!.. Я поняла, что онъ объясняется со мною, что онъ хочетъ дѣлать мнѣ предложеніе... Развѣ я могу ему отказать: такой душой, такой прелестію?.. Я ему отвѣтила: такого, какъ вы!.. И хотѣла-было бѣжать отъ него, но онъ удержалъ меня за руку, вѣжливо пожалъ ее, и такимъ сердечнымъ, симпатическимъ голосомъ, даже, кажется, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: спасибо вамъ, большое спасибо за ваше сочувствіе... Ну, Рая, милая, развѣ это не то?..

РАИСА.

А потомъ что же было?

ОЛЬГА.

Потомъ онъ сталъ рассказывать про свою жизнь въ Петербургѣ, про свое богатство, спрашивалъ: какого мнѣнія о немъ мамаша, папаша, ты... Ну, разумеется, я убѣждала его, что самага высокаго мнѣнія, ручалась и за тебя, что ты не чувствуешь къ нему ни недовѣрія, какъ онъ говорить, а тѣмъ больше пренебреженія... Въ это время вдали увидѣли тебя, онъ попросилъ, чтобы я сходила къ мамашѣ и предупредила ее, что онъ желаетъ переговорить съ нею наединѣ... а самъ пошелъ къ тебѣ навстрѣчу... Ну, Рая, душка, какъ ты думаешь: вѣдь, навѣрно, онъ пошелъ къ мамашѣ дѣлать предложеніе?

РАИСА.

Да, похоже на то... только странно: отчего же онъ?..

ОЛЬГА — съ безकोйствомъ.

Что такое? что? Говори, Рая... говори...

РАИСА.

Отчего же онъ прямо не сдѣлалъ тебѣ самъ предложеніе?..

ОЛЬГА.

Какъ же не сдѣлать?.. Развѣ это не предложеніе?.. Онъ прямо объяснился,—ты пойми: я не желалъ бы иной подруги жизни, кромѣ васъ... И опять о тебѣ: что онъ и *теперь уже* любитъ тебя, какъ сестру... Какъ же?.. Вѣдь, если онъ женится на мнѣ, ты будешь ему сестра...

РАИСА — задумчиво.

Да, это правда... Но только... Вѣдь, въ такихъ случаяхъ, кажется, получивши согласіе отъ дѣвушки, просить у нея позволенія переговорить съ родителями...

ОЛЬГА.

Да, вѣдь, это какъ кто... Это, вѣдь, не правило... Притомъ же онъ развѣ станетъ подражать нашимъ деревенскимъ обычаямъ... Ты знаешь: онъ постоянно смѣется надъ ними... Рая, да тебѣ это неприятно... Неужели ты завидуешь мнѣ?.. Или ты сама равнодушна къ нему?..

РАИСА.

Что ты? Что ты?.. Нѣтъ, я очень рада!.. Только я боюсь, не ошибаешься ли ты...

ОЛЬГА.

Ну, ужъ, что я не ошибаюсь-то... это вѣрно!.. Ты посмотрѣла бы, какими глазами онъ глядѣлъ на меня, какъ жалъ мнѣ руку... съ какимъ чувствомъ говорилъ... Нѣтъ, нѣтъ, Рая, я не ошибаюсь!.. Ты не бойся: когда я выйду за него и мы поѣдемъ въ Петербургъ, я возьму тебя съ собой... Что тебѣ здѣсь дѣлать?.. Онъ можетъ и Борису Николанчу доставить хорошее доходное мѣсто... Тогда и тебѣ не стыдно будетъ выдти за него...

РАИСА — вспыхнувъ.

Да съ чего ты взяла?.. Съ чего ты мнѣ суешь этого учителя?.. Что ты думаешь: неужели?..

ОЛЬГА.

Ну, ну, не сердись... Милая, ангелъ, не сердись... Я такъ только... Я, вѣдь, изъ любви къ тебѣ... Я такъ счастлива, такъ счастлива!.. Да, разумѣется, съ твоей красотой, съ твоимъ приданымъ, развѣ ты не найдешь себѣ каковаго хочешь жениха... особенно въ Петербургѣ... Знаешь что, Рая: меня мучить любопытство... Я пойду, послушаю у дверей, что они говорятъ съ мамашей... а?

РАИСА — холодно.

Какъ хочешь...

ОЛЬГА.

Я пойду... не могу... А ты не дуйся же, не сердись на меня... Я, ей-Богу, изъ любви, отъ чистаго сердца...

Цѣлуетъ ее въ щеку и убѣгаетъ.

РАИСА — одна.

Что это такое?.. Неужели Ольга увлекается до такой степени?.. Но, вѣдь, онъ говорилъ мнѣ съ такой страстью, съ такимъ волненіемъ... Если бы Ольга не помѣшала, онъ, конечно, бы... Бѣдная Оля!.. Но что же мнѣ дѣлать?.. Я не увлекала его, не старалась понравиться... была даже холодна... Онъ мнѣ нравится: уменъ, хорошъ собой, богатъ, но я не хотѣла мѣшать Ольгѣ... Пускай!.. Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ увлекся ею?.. Или этотъ Борисъ Николаичъ... Можетъ быть, онъ думалъ, что и я безъ ума влюблена въ него... Не можетъ быть, чтобы онъ отдавалъ Ольгѣ предпочтеніе передо мной... И что думаетъ о себѣ этотъ Скворцовъ... Развѣ онъ можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, такимъ мужемъ, или не воображаетъ ли, что я..

СКВОРЦОВЪ осторожно выходитъ изъ-за деревьевъ и незамѣченный подходитъ къ Раисѣ.

СКВОРЦОВЪ.

Можно мнѣ на нѣсколько минутъ прервать ваши мечты, Раиса Алексѣевна?..

РАИСА — слегка вздрагивая.

А-а, вотъ какъ вы легки на поминѣ...

СКВОРЦОВЪ.

Какъ, развѣ вы обо мнѣ говорили или думали?..

РАИСА.

Да, и говорила, и думала...

СКВОРЦОВЪ.

Много чести...

РАИСА.

Да, дѣйствительно много!.. Мнѣ надобли вами всѣ... всѣ!.. Почему-то, я не знаю, вы ведете себя такъ относительно меня, что мнѣ покою не даютъ вами: точно между нами есть какія не позволительныя отношенія, точно я влюблена, въ самомъ дѣлѣ, въ васъ, и скрываю это...

СКВОРЦОВЪ — злобно.

А этого нѣтъ?

РАИСА — вспыхнувъ.

Что за глупый и дерзкій вопросъ, господинъ Скворцовъ!..

Я, кажется, не подавала вамъ никакого повода предлагать мнѣ подобные вопросы...

СКВОРЦОВЪ.

Это не вопросъ, потому-что тутъ и сомнѣнія никакого быть не можетъ... Я не спрашиваю васъ, а говорю утвердительно, что ни скрытыхъ отношеній, ни скрытой любви ко мнѣ въ васъ нѣтъ... Я скажу еще больше, что я предметъ насмѣшки въ глазахъ вашихъ, и всѣхъ кто васъ окружаетъ, даже въ глазахъ этого проходимца, фата, который съ нѣкотораго времени чуть не поселился здѣсь...

РАЙСА.

Какъ вы смѣете такъ говорить о немъ?.. Почему вы знаете: можетъ быть, это мой женихъ...

СКВОРЦОВЪ—саркастически.

Я такъ и думалъ... Чего лучше?!.. Въ добрый часъ!.. Онъ богатъ, красавецъ, сдѣлаетъ васъ счастливой, устроитъ вашего брата, откроетъ здѣсь фабрики, заводы, обогатитъ край и вашихъ родителей...

РАЙСА.

Да, да, онъ таковъ, и все это сдѣлаетъ... Что-жъ изъ этого?..

СКВОРЦОВЪ.

Изъ этого слѣдуетъ, что нужно держать меня, бѣдняка, на привязи около себя, заставлять меня кривить душой, получать деньги за обученіе неуча, который ничего не дѣлаетъ, который ненавидитъ книги и видѣть ихъ не можетъ, дурачить меня, позволять надѣяться на дружбу, на сочувствіе—и въ то же время пользоваться мною, какъ средствомъ возбудить ревность и ухаживанія другого, настоящаго, выгоднаго жениха... И это честно, Райса Алексѣевна?.. Это достойно уважающей себя, благородной дѣвушки?..

РАЙСА.

Да вы съ ума сошли? Вы оскорбляете меня, вы клеветаете на меня, мнѣ же прямо въ глаза... Чѣмъ я васъ держу на привязи, чѣмъ заставляю кривить душой?.. Что я попросила васъ остаться—въ надеждѣ, что вы принесете хоть какую-нибудь пользу брату и заработаете себѣ нѣсколько лишнихъ денегъ, въ которыхъ, вы сами признавались мнѣ, очень нуждаетесь; что я была любезна съ вами, находила удовольствіе говорить съ вами, какъ съ умнымъ человѣкомъ... Развѣ это похоже на все то, что вы сейчасъ сказали?.. Вы подумайте сами: какъ вамъ не стыдно говорить такіе оскорбительныя вещи человѣку, который ни въ чемъ передъ вами не виноватъ...

СКВОРЦОВЪ.

Но развѣ вы не видѣли, признайтесь по совѣсти, развѣ вы не замѣчали, что не простое чувство привязываетъ меня къ вамъ, что я увлекаюсь вами каждый день все больше и больше?..

РАИСА.

Ну, если и замѣчала, что же изъ этого?

СКВОРЦОВЪ.

И замѣчая, вы продолжали быть столь же, даже болѣе любовною, внимательною, чѣмъ прежде?.. Вы допустили, что чувство мое развилось до безумныхъ надеждъ на взаимность?

РАИСА.

Положимъ, что я этого не предвидѣла, и не знаю, что бы я сдѣлала, еслибъ могла предвидѣть... Но развѣ это даетъ вамъ право оскорблять меня, упрекать въ какихъ-то скверныхъ намѣреніяхъ за то только, что я не догадывалась о вашемъ чувствѣ, о какихъ-то вашихъ надеждахъ?.. Развѣ я давала вамъ какой-нибудь поводъ словами, взглядами,—чего-то ожидать, на что-то надѣяться?.. Не я ли вамъ не разъ говорила, что я самая обыкновенная, простая барышня, желающая только веселья, свободы, независимости и неспособная ни на какіе подвиги, даже, можетъ быть, ни на какое сильное чувство... Я даже не рисовалась передъ вами, не прикрашвала себя, не старалась скрыть своихъ недостатковъ... Мнѣ всегда не нравились ваши восторженные незаслуженныя похвалы, которыя вы иногда мнѣ расточали. Чѣмъ же вы увлеклись во мнѣ, и виновата ли я, что въ васъ явилось какое-то чувство, да еще съ надеждами?..

Насмѣшливо улыбается.

СКВОРЦОВЪ.

Ну, Раиса Алексѣевна, говорятъ, женщина всегда себя оправдываетъ, если захочетъ... Въ вашихъ словахъ до сихъ поръ все было хорошо и даже честно, если только искренно... Не хороша была только послѣдняя насмѣшливая улыбка... Я думала, что вы по крайней мѣрѣ не въ состояніи насмѣхаться надъ страданіями другого, хоть и чужого для васъ человѣка... Но Богъ съ вами: во многомъ вы сами не виноваты... Для меня теперь все ясно... Простите меня за мои рѣзкія слова, я дѣйствительно не имѣю права ихъ высказать: это говорила во мнѣ ревность, оскорбленное чувство, разбитыя надежды... Простите меня... Я во всемъ виню себя, а не васъ... Но, ради Бога, не для меня, а для себя: будьте осторожны, не увлекайтесь мишурой... Мнѣ сердце говорить, что тутъ, въ этомъ человѣкѣ,—вы знаете въ

комъ,—что-то неладно, не хорошо... Я не знаю, что именно, но есть что-то въ немъ фальшивое, подозрительное... Помните, что это говорить вамъ человекъ... (*прерывающимся голосомъ*) второй... который васъ безумно любитъ... и говорить съ вами, въ-роятно... въ послѣдній разъ... Прощайте...

Порывисто оборачивается и уходитъ.

РАИСА.

Борисъ Николаичъ... Погодите... Послушайте... Борисъ Николаичъ...

СКВОРЦОВЪ—не оборачиваясь.

Нѣтъ, нѣтъ, не могу болѣе... Все сказано... Мнѣ тяжело... Прощайте...

Закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ.

РАИСА—одна.

Бѣдный!.. Мнѣ жалко его... Хорошій... добрый... честный!.. Что это, какъ мнѣ жалко его?.. Какъ тяжело, грустно... Неужели? (*Задумывается*). Нѣтъ, это такъ... изъ жалости...

Изъ кустовъ съ хохотомъ выскакиваетъ ОРЕСТЬ и, кривляясь, бѣжитъ въ ту сторону, куда ушелъ СКВОРЦОВЪ, показывая ему носъ.

РАИСА—оглядываясь.

Орестъ, что это ты?.. Орестъ, какъ тебѣ не стыдно?..

ОРЕСТЬ.

Слышалъ, слышалъ, все слышалъ... Что, братъ, отъѣхалъ ни съ чѣмъ?.. Вишь ты, кутя поганая, туда же съ своимъ рыломъ... въ сестрѣ моей, въ барышнѣ богатой, подѣзжаетъ... Какъ же... Такъ сейчасъ на шею и бросились... Молодецъ, Рая, молодецъ!.. Отлично его отбрила...

Хочетъ обнять сестру.

РАИСА.

Ахъ, отстань, Орестъ... Ты мнѣ противенъ... Это ты подслушивалъ?..

ОРЕСТЬ.

А ты какъ думала?.. Разумѣется, подслушивалъ... Ольга тамъ у дверей, а я здѣсь... Какъ увидѣлъ его съ тобой, такъ подкрался, въ кустахъ присѣлъ, и все, братъ, слышалъ, все до словечка—не безповойся... Нѣтъ, каковъ гусь: въ родственники къ намъ надумалъ затесаться... Вотъ я, погоди, ужъ его на зубки подыму...

РАИСА.

Орестъ, если ты осмѣлишься хоть слово сказать, хоть видѣ

нодать, что ты слышала, я возненавижу тебя на всю жизнь... Не стану считать братомъ... Слышишь?..

ОРЕСТЬ.

Фу, ты, строгости какія... Да ты братъ, Райка, я вижу сама къ нему немного того... Не замужь, конечно... а такъ, то-есть... на-счетъ вольныхъ амуровъ... Вотъ я скажу Аркадію-то Петровичу: онъ его пугнетъ... *(Хохочетъ)*.

РАЙСА.

Ты дошелъ до того, Орестъ, что на тебя мерзко смотрѣть...

ОРЕСТЬ—хохочетъ.

Да ужъ, братъ, такъ,—вѣрно... Пожалуй, ругайся...

ПАВЕЛЬ вноситъ чайный сервизъ.

ПАВЕЛЬ.

Аркадій Петровичъ уѣзжаютъ...

ОРЕСТЬ.

Какъ уѣзжаетъ?

ПАВЕЛЬ.

Такъ-съ... Они давно приказали подавать: еще какъ къ барыни проходили... Лошадь все дождалась... А теперь прошли, барышня ихъ провожали...

ОРЕСТЬ.

Эхъ, такъ что же ты раньше не сказалъ... Дуракъ, чортъ!.. Безъ меня уѣдетъ, пожалуй... *(Убѣгаетъ)*.

Павель, разставивши посуду, уходитъ вслѣдъ за нимъ. На дорогѣ встрѣчается съ ОЛЬГОЙ, которая бѣжитъ, весело припрыгивая.

ОЛЬГА—Павлу.

Тутъ Рая?

ПАВЕЛЬ.

Здѣсь-съ... Вонъ сидятъ... *(Останавливается)*.

ОЛЬГА—оглядываясь на него.

Ну, ступай... Чтѣ сталъ? чего нужно?..

ПАВЕЛЬ.

Ничего-съ...

ОЛЬГА.

Ну, и ступай....

Павель уходитъ.

ОЛЬГА—выждавъ, чтобы онъ скрылся, подбѣгаетъ къ сестрѣ.

Ахъ, душечка, Рая, чтѣ онъ сейчасъ сдѣлалъ со мной?.. *(Закрываетъ лицо руками)*.

РАИСА.

Кто?

ОЛЬГА.

Аркадій... Я все стояла въ корридорѣ около мамашиной комнаты, но никакъ эта проклятая прислуга не давала подслушать: то одинъ, то другой проходить... Это, видишь, имъ тоже хотѣлось подслушать, о чемъ разговариваютъ... да не удалось... Только слышу—онъ встаетъ, цѣлуетъ у мамы руку, идетъ къ дверямъ... Я бросилась по корридору, чтобы обѣжать всѣ комнаты и войти къ мамашѣ съ другой стороны, не встрѣтись съ нимъ... Только воѣжала въ прихожую, — думаю, что онъ тамъ пройдетъ, съ другой стороны, — а онъ какъ-разъ мнѣ на-встрѣчу... Я даже вскрикнула отъ нечаянности... А онъ такъ взялъ меня за руку, самъ веселый, довольный, и говоритъ: «ну, встрѣча съ вами предвѣщаетъ мнѣ счастье, потому что вы сами добро и счастье!» и поцѣловалъ мнѣ руку нѣсколько разъ—здѣсь и здѣсь... (*Показываетъ между прочимъ на ладонь*). Я говорю: что вы дѣлаете? — Ничего, говоритъ, теперь, кажется, я имѣю право... Вотъ, Рая, милая, я говорила тебѣ, говорила: видишь, — я не ошиблась!..

РАИСА.

Зачѣмъ же онъ уѣхалъ?

ОЛЬГА.

Ну, само-собой разумѣется, ему теперь неловко: будетъ семейная сцена, разговоръ родителей между собой и со мной... Ну, понимаешь... Проводивши его, я бросилась-было къ мамашѣ, но она ушла къ папѣ и сказала, что сейчасъ придетъ вмѣстѣ съ нимъ сюда чай пить... Велѣла самоваръ подавать... Значить, хочетъ сначала съ нимъ переговорить, а потомъ и мнѣ объявить... Да вонъ, вонъ идутъ всѣ...

Входятъ КВАШНИНЪ, МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА, КОВЫРНЕВЪ.

ПАВЕЛЪ вносить и ставитъ на столъ самоваръ.

КВАШНИНЪ—Ковырневу.

Вотъ такъ чудесно мы съ тобой соснули... Часика, видно, два, а то и побольше...

КОВЫРНЕВЪ.

Что-жъ, ангелъ мой, никому не въ обиду... Это не вредить: спишь—меньше грѣшишь, отъ стариковъ сказано...

КВАШНИНЪ.

Да вотъ поди; а подлецы, чай, тамъ—въ полѣ—тоже спали, ничего не дѣлали. Павелъ, что работники дѣлали?

ПАВЕЛЪ.

Этого ужъ не могу знать, какъ не моя часть, — прикащикъ... Чай, что дѣлать: при своихъ дѣлахъ были...

КВАШНИНЪ.

Знаемъ мы эти дѣла, когда баринъ не смотреть... Чай, бѣгалъ въ людскую-то? все тамъ торчишь: не дозовешься!.. Али и самъ дрыхнулъ?..

ПАВЕЛЪ.

Некогда намъ этимъ заниматься... Присѣсть времени не найдешь, — все на ногахъ, а не то, что по людскимъ бѣгать, али спать... А вотъ на горничныхъ, пожалуй, извольте покричать: ихъ такъ не соберешь даже посуду переменить... Какъ господа откушали, такъ точно ихъ куда повывететь, — ни одной не сыщешь... А мнѣ одному со всякими дѣлами не управиться: какъ угодно!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, полно, батюшка, — самого-то тебя изъ дѣвичей не выкуришь... Какъ ни хватись: гдѣ Павелъ?.. Ужъ посылай въ дѣвичью, — навѣрно тамъ!.. Да еще что затѣялъ: съ гармоніей сталъ въ дѣвичью-то ходить... Слышу недавно, — что за музыка такая у насъ? вхожу, — а это онъ изволить дѣвушекъ потѣшать... А тѣ хохочутъ... Точно и не-господскій домъ...

ОЛЬГА.

Да, ужъ это удивительно, что у насъ прислуга себѣ позволяетъ...

КОВЫРНЕВЪ.

До забвенья, ангелъ мой, нынѣшній народъ доходить: ничему не уважаютъ...

ПАВЕЛЪ.

Хоть бы вы-то ужъ не говорили, Ардальонъ Михайлычъ: сами любите въ дѣвичью-то ходить... Дѣвушки-то отъ васъ вонъ бѣгаютъ, какъ завидятъ васъ... А еще старый человѣкъ!..

КВАШНИНЪ—хохочетъ.

Что, братъ, Ковырневъ?.. Уличили!..

КОВЫРНЕВЪ.

Вы бы поддержали это при себѣ, ангелъ мой, а не ежели при господахъ напраслину вводить... Я въ вашу компанію не явшаюсь: я господинъ, а вы — холопъ... Если я и заходилъ въ дѣвичью, — такъ, можетъ, мнѣ линія была: можетъ, по господскому же приказу, чтобы за вашими безпутствомъ присмотрѣть...

ПАВЕЛЪ.

Полно ужъ барствовать-то... Тоже баринъ, господинъ!.. А кого Анна изъ умывальника-то облила въ корридоръ?.. за что?.. Что вы съ ней дѣлали?

Квашнинъ хохочетъ.

ОЛЬГА.

Мамаша, да что это за разговоръ начали при насъ: прикажите ему замолчать и уйти отсюда... Это, право, удивительно: дажею позволяютъ такіа вещи говорить, и при барышняхъ... А папаша хохочетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—Павлу.

Ну-ка, полно, ужъ очень разораторствовался... Поди-ка, зови Ореста Алексѣича чай кушать, да и Бориса Николаевича... А Петиньку съ Ваничкой пускай Андревна напоить послѣ... Я и безъ того устаю наливать-то...

Павелъ уходитъ.

КВАШНИНЪ—прихлебывая чай.

Ахъ, чудесно съ кисленькимъ-то послѣ сна... Хорошо, Ковырневъ?..

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ на что лучше, ангелъ мой... Самая пріятная вещь — этотъ чай...

КВАШНИНЪ—къ женѣ.

Ну, что же, магушка, хотѣла рассказать объ разговорѣ-то вашемъ... Вотъ теперь говори, а то хотѣла давеча рассказывать: только человѣкъ глаза раскрылъ, еще не оклемался со сна, въ груди застыло все послѣ обѣда, а она—рассказывать... Вотъ теперь поотоплю, — съ удовольствіемъ послушаю... Я, впрочемъ, впередъ знаю что: я давно видѣлъ...

ОЛЬГА.

Да, мамаша, и мы ждемъ... расскажите...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—оглядываясь.

Я бы ужъ давно рассказала, да вотъ все мѣшаютъ... не одни... *(Взглядываетъ на Ковырнева)*.

ОЛЬГА.

Ну что, Ковырневъ—это ничего!... Все равно!... Говорите, мамаша...

КОВЫРНЕВЪ.

Я, ангелъ мой, все равно... Опять же, милые мои, я вашъ радѣтель... И все мнѣ доподлинно извѣстно касающее...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, такъ вотъ что: вы меня отъ этой разливки освободите...

Сядьте кто за самоваръ... И безъ того-то надоѣла она мнѣ, не подѣ силу...

РАИСА.

Да позвольте, мамаша, я разолью...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Садись, садись, матушка, разливай, помощи матери-то: можетъ быть, ужъ не долго тебѣ осталось... (*Выходитъ изъ-за стола и садится съ боку. Раиса замѣняетъ ее*). Да и лучше тебѣ будетъ, по моему разговору, за самоваромъ-то... Неравно застыдишься, покраснѣешь, такъ есть за чтó спрятаться... (*Улыбается*).

РАИСА.

Отчего это мнѣ, мамаша, застыдиться?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—многозначительно, съ улыбкою.

Ну, а, можетъ, такой разговоръ поидетъ, что какъ ни бойка, а застыдишься... Можетъ, такую тебѣ новость скажу, что сердчишко-то забьется, и кровь, поневолѣ, въ лицо ударитъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ударить, ангелъ мой, безпремѣнно ударитъ!.. Она, дѣвичья кровь, кипучая... безпремѣнно въ личико вступить... (*Ухмыляется*). Безъ этого нельзя...

ОЛЬГА—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Ужъ вы, мамаша, кажется, думаете о Рачкѣ, точно о ребенкѣ, что ужъ она такъ молода и неопытна, что не въ состояніи слышать никакого разговора особеннаго, даже вторичнаго до нея не касается...

КОВЫРНЕВЪ.

Касателенъ, ангелъ мой, довольно касателенъ...

ОЛЬГА—съ сердцемъ.

Ахъ, какъ ты надоѣлъ!.. Ну, что виѣшиваешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ и гдѣ ты ничего не знаешь...

КОВЫРНЕВЪ.

Знаю, ангелъ мой, довольно знаю... во всѣхъ частяхъ!..

КВАШНИНЪ.

Да ну, матушка, сказывай, что ли... Въ чемъ дѣло?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А вотъ въ чемъ дѣло: былъ у меня сегодня одинъ человѣкъ для секретнаго объясненія... (*Къ мужу*). Ты знаешь: кто...

КВАШНИНЪ.

Ну...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, выражать онъ свои чувства къ нашему дому, какъ онъ дорожить честию быть знакомымъ, какъ уважаетъ насъ, родителей, и какія онъ питаетъ чувства къ одной дѣвицѣ... (*Взглядываетъ на Раису и улыбается. Она тревожится, блондеетъ и краснѣетъ*). Чувства его самыя сильныя и страстныя, но скромныя и благородныя... что онъ почелъ бы за счастье сдѣлать предложеніе, но опасается, что не встрѣтитъ взаимности... что, по благородству своему, онъ не соблазнитель какой и дѣвушкѣ, потихоньку отъ родителей, предложенія дѣлать не желаетъ и увлекать ее себѣ не позволить... а потому и просить родителей узнать чувства и мнѣнія, чтобы и самому не остаться въ конфузѣ, въ случаѣ отказа... Я нахожу, что это такой благородный поступокъ, который рекомендуетъ человѣка съ самой прекрасной стороны... Это сейчасъ видно, что человѣкъ солидный, который не хочетъ кружить голову дѣвочкѣ, понапрасну, а обращается къ матери и...

ОЛЬГА.

Мамаша, да изъ вашихъ словъ понять ничего нельзя: кому же онъ дѣлаетъ предложеніе?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Онъ еще формально не дѣлаетъ предложенія, потому что просить узнать только мнѣніе о себѣ... Но, конечно, это все равно: я ему сказала, что въ моемъ согласіи онъ сомнѣваться не можетъ, вѣроятно, и папаша тоже препятствовать не будетъ, потому—такіе люди благородные, скромные—рѣдки...

КВАШНИНЪ.

Само собой...

ОЛЬГА.

Да про кого же, мамаша, про кого онъ говорилъ?.. Кому онъ намѣренъ дѣлать предложеніе?.. Что вы такъ тянете? Что вы прямо не скажете?.. Вы все на Раичку смотрите и улыбаетесь на нее: развѣ ей хочетъ дѣлать предложеніе?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты не огорчайся, Олинька, твоя судьба тоже неизвѣстна, можетъ быть, еще лучше Раинькиной будетъ... Конечно, я вижу, что ты очень къ нему равнодушна и, какъ мать, желала бы тебѣ такого жениха, и онъ объ тебѣ самаго высокаго, самаго зестнаго мнѣнія, даже съ восторгомъ говорилъ о всѣхъ твоихъ достоинствахъ... Но только-что мнѣніе отобрать онъ на-счетъ

Райчикъ просилъ, и я такъ поняла, что онъ ей дѣлаетъ предложеніе...

ОЛЬГА—чуть не со слезами.

Да этого быть не можетъ, мамаша, вы не поняли, вы ошиблись... Онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе,—мнѣ, а не ей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что ты, Олинъка, другъ мой, развѣ бы я не разобрала?.. Вѣдь, я думаю, ты тоже дочь мнѣ и притомъ старшая... Развѣ бы мнѣ не было пріятно?..

ОЛЬГА.

Да, да, мамаша, вы Райчку больше любите—это, вѣдь, извѣстно... Вы считаете ее красавицей и всегда выставляете на показъ, а про меня думаете, что на меня ужъ никто и вниманія не обратитъ: вотъ потому вамъ такъ и показалось... Онъ говорилъ про меня, а вамъ показалось, что про Райчку...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да что же, Олинъка, вѣдь, я не дура же, не полуумная такая, чтобы не разобрать...

ОЛЬГА.

Ну, такъ вы нарочно сами навязывали ему вашу любимицу... Я иначе этого и понять не могу: когда человѣкъ самъ лично объяснился со мной, высказалъ свои чувства, намѣренія, получилъ мое согласіе, пошелъ объясняться съ родителями... И вдругъ... Въ такомъ случаѣ это вы... или сбили его... или нарочно разыгрывали роль, что не такъ его поняли... Я не дѣвочка, мамаша, не ребенокъ, я сумѣю понять, когда человѣкъ объясняетъ свои чувства и дѣлаетъ предложеніе... Да, я бы желала видѣть, какъ онъ сюда глаза покажетъ женихомъ Райсы послѣ того, что онъ мнѣ говорилъ...

РАЙСА.

Оля, да, вѣдь, онъ ничего тебѣ особеннаго не говорилъ: ты припомни... Ты, вѣдь, мнѣ все рассказывала... Ты такъ поняла только его...

ОЛЬГА.

Да, я тебя знаю: ты вѣчная моя завистница, вѣчный мой врагъ... Я никогда отъ тебя ничего и не ожидала, кромѣ однихъ интригъ и гадостей... Но я теперь вижу, что всѣ противъ меня... Даже родная мать и та въ заговорѣ, вмѣстѣ съ тобой, противъ меня (*плачетъ*). О, Господи, Господи, что я за несчастный человѣкъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Олинъка, Олинъка, постыдись!..

КВАШНИНЪ.

Ольга, перестань, сударыня, не хорошо!.. Насильно, вѣдь, замужъ не выйдешь... Другой явится, за другого выйдешь: земля не кинномъ соплась... Перестань, что ты это!..

ОЛЬГА.

Нѣтъ, папаша, не перестану... Я долго терпѣла, больше силъ моихъ нѣтъ... Теперь она торжествуетъ, но она ошибается: если онъ не женится на мнѣ, то я не допущу, чтобы онъ и на ней женился... Я скандалъ сдѣлаю!.. Если вы любите меня, если вы добрые родители, то вы должны были прямо отказать ему: прежде старшей дочери младшую не выдаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—разводя руками.

Вотъ извольте, что тутъ подѣлаешь...

КВАШНИНЪ.

Да что ты блажишь: развѣ насильно можно замужъ выдти?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И зачѣмъ же ты ее, сестру, хочешь счастья лишить?..

ОЛЬГА.

Вотъ видите: ей вамъ жалко, а меня не жалко... Зачѣмъ же вы допустили, чтобы онъ ѣздилъ сюда, увлекалъ меня, чтобы я влюбилась въ него?.. А теперь вы что сдѣлали: младшая сестра выйдетъ замужъ за человѣка, въ котораго влюблена старшая... Да развѣ это возможно, развѣ это позволительно?.. Да я въ церкви священнику скажу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—оглядываясь.

Господи, что она говорить... Этакъ не то, что Аркадій Петровичъ, да всякій послѣдній женишиска нашего дома бѣгать будетъ... Хорошо, что еще никого постороннихъ нѣтъ... Посмотри, Ардамонъ Михайлычъ, не подслушиваютъ ли гдѣ людишки... Срамъ!.. Ославятъ на всю округу...

КОВЫРНЕВЪ.

Сейчасъ, сударыня, разсмотрю... (*Идетъ и смотритъ по сторонамъ*).

КВАШНИНЪ.

Да, Олинъка, ты себя, пожалуйста, поудержи: Волиновъ—не кто другой, а этимъ человѣкомъ дорожу, онъ мнѣ самому нуженъ... И если ты только, Боже тебя сохрани...

КОВЫРНЕВЪ—поспѣшно возвращаясь.

Учитель идетъ, учитель... (*Къ Олинкѣ*). Прикройтесь, сударыня, прикройтесь, ангелъ мой... Въ сторону смотрите, а то увидить: глазки-то заплаканные...

ОЛЬГА.

Поди прочь отъ меня... Дуракъ, сватъ!.. (*Плачетъ, закрывши лицо платкомъ*).

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ угодно, ангелъ мой... я для васъ же...

Входитъ СКВОРЦОВЪ.

КВАШНИНЪ—вставая.

Что это, батюшка, позапоздали къ чаю?.. Пойдемъ, Ковырневъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, батюшка...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пойду ужъ и я... Вотъ Райнъка вамъ нальетъ: садитесь, кушайте...

СКВОРЦОВЪ.

Извините, Алексѣй Михайлычъ, и вы, Марья Григорьевна, я васъ остановлю на минутку... я пришелъ проститься съ вами... Я сейчасъ уѣзжаю...

КВАШНИНЪ.

Куда это?

СКВОРЦОВЪ.

Къ матери ѣду... У нея пробуду недѣльки двѣ, а потомъ въ Петербургъ, искать службы или дѣла...

КВАШНИНЪ.

Да что же вы такъ вдругъ?..

СКВОРЦОВЪ.

Я письмо получилъ... Мнѣ необходимо ѣхать сію же минуту... У меня ужъ и лошадь нанята до города...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Стало быть, вы къ намъ и не воротитесь... А какъ же Орестъ-то?.. Экзамены-то его?..

СКВОРЦОВЪ.

Я васъ предупреждалъ, что онъ не хочетъ ничего дѣлать, совсѣмъ не занимается и не можетъ приготовиться къ экзаменамъ...

КВАШНИНЪ.

Все-таки, батюшка, это была ваша обязанность... Вы должны

были какъ-нибудь на него дѣйствовать... Вы взялись приготовить, порядились поставить его на экзамены... И какъ же вы такъ теперь вдругъ, не кончивши дѣла, проводя даромъ время...

СКВОРЦОВЪ.

Я, вѣдь, не требую никакого вознагражденія, никакой платы за потраченное даромъ время, особенно если вы меня же считаете виноватымъ въ распущенности Ореста; я пришелъ только поблагодарить васъ за гостепріимство и проститься съ вами... Мое почтеніе...

КВАШНИНЪ.

Да какъ же такъ?.. Я не хочу, чтобы вы такъ, даромъ, у меня жили... только-что, конечно, не могу заплатить вамъ всѣхъ денегъ сполна... Надо намъ посчитаться...

СКВОРЦОВЪ.

О, полноте, что за счеты... Прощайте, Марья Григорьевна...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прощайте, батюшка... Вы хоть бы чаю-то напились на дорогу...

СКВОРЦОВЪ.

Благодарю васъ... Нѣтъ ужъ, извините, я тороплюсь... Лошадь ждетъ...

КВАШНИНЪ.

Послушайте, вы хоть адресъ свой оставьте: я вышлю вамъ то слѣдуетъ по расчету... Я не хочу...

СКВОРЦОВЪ.

Хорошо, я оставлю свой адресъ вашему привазику, или нянѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ и прекрасно, а то я еще, пожалуй, потеряю... Да постойте... Оставайтесь, погостите у насъ такъ... Ну, что дѣлать-то: Орестка лѣнтяй, я знаю... Такъ поживите, погуляйте, поохотьтесь, мы люди русскіе, гостепріимные, вы знаете... Право!.. Вотъ, можетъ быть, у насъ еще что веселенькое устроится: попируете, повеселитесь, вы молодой человѣкъ, и попляшете... А? оставайтесь-ка...

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не могу... Извините... Прощайте, Ольга Алексѣевна...

ОЛЬГА—стараясь скрыть слезы.

Прощайте...

СКВОРЦОВЪ—порывисто подходя къ Рансѣ.

Прощайте, Ранса Алексѣевна.

КВАШНИНЪ.

Вотъ, Рая, тебѣ слѣдуетъ просить, чтобы остался...

РАЙСА.

Почему, папаша?

КВАШНИНЪ.

Ну, какъ почему?.. Сама знаешь: твой будетъ праздникъ...
 Поздравьте, батюшка, невѣста...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что ты, Алексѣй Михайлычъ, раньше времени...

КВАШНИНЪ.

Ничего, все равно... Это вѣрно...

СКВОРЦОВЪ—поблѣднѣвшій и поматнувшійся
 отъ словъ Квашина, овладѣвъ
 собою.

Такъ вы невѣста?.. Поздравляю васъ...

РАЙСА—протягивая къ нему руку.

Останьтесь...

СКВОРЦОВЪ—прерывающагося голосомъ.

Нѣтъ... благодарю васъ. Будьте счастливы... (*Дѣлаетъ дви-
 жение, чтобы уйти*).

РАЙСА—удерживая его за руку, тихо.

Мнѣ жалко васъ... Останьтесь... Прошу васъ...

СКВОРЦОВЪ—вырывая руку.

Нѣтъ, Райса Алексѣевна... Довольно...

Всѣмъ кланяется общимъ поклономъ и быстро уходитъ.

Ольга истерически хохочетъ. Всѣ оборачиваются и подходятъ къ ней.

ВСѢ—кромя Райсы.

Что ты?... Что съ тобой?... Что вы, ангелъ мой?

ОЛЬГА—истерически.

И какъ все это было сдѣлано, какъ все разыграно? И это
 не подлость, не низость?.. Держала этого учителя, гримасничала
 съ нимъ, чтобы больше заинтересовать, возбудить ревность Волю-
 нова, заставить его поскорѣе сдѣлать предложеніе, а теперь этому
 несчастному полная отставка... (*Хохочетъ*). О; мерзвая, отврати-
 тельная кокетка, притворщица!..

КВАШНИНЪ.

Ну, мнѣ надоѣло это... Пускай ее выкликаютъ... (*Женя*). Маша,
 пойдемъ... (*Изъ дочери*). А если только ты помѣниаешь этой свадьбѣ,

берегись у меня... Добрь я, терпѣливъ, только до времени... Этакое другое зятя не скоро наживешь... Ты это помни...

РАЙСА.

Папаша, вы еще не слыхали моего отвѣта,—мамаша, а вы даже и не спросили меня о немъ... Я васъ прошу предупредить Аркадія Петровича, что я не чувствую къ нему никакого расположенія, и что я ни въ какомъ случаѣ не пойду за него...

КВАШНИНЪ.

Что ты, съ ума сошла?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ранчка, въ умѣ ли ты... Опомнись!..

КОВЫРНЕВЪ.

Подумайте, ангель мой... Что такое значить... Этакимъ женихъ необнаковенный, можно сказать!.. Отъ счастья своего отказываетесь...

КВАШНИНЪ.

На эту дуру нечего смотрѣть...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Это ужъ слишкомъ большая жертва, Ранчка, съ твоей стороны.

РАЙСА.

Я въ полной памяти, ни на кого не смотрю и ни для кого ничѣмъ не жертвую, а за Воынова я не пойду... Вы его увидите, Ковырневъ, такъ и скажите... Это мое послѣднее слово...

Уходить.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ такъ пуля, ангель мой...

КВАШНИНЪ.

Наградилъ Богъ дочками!.. Нечего сказать... Да вретъ: я передѣлаю по-своему...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Сокрушать они меня прежде времени!..

ОЛЬГА—бросаясь вслѣдъ за сестрой.

Ранчка, ангель, душка, прости меня!..

ДѢЙСТІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Квашнина.

КВАШНИНЪ съ женою сидятъ у стола по срединѣ комнаты.
На столѣ завтракъ.

КВАШНИНЪ—выпивая водку и закусывая.

Это, чортъ знаетъ, что за порядки!.. Этого ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ нѣтъ: мои собственныя деньги держать слишкомъ годъ... Все не такъ, да не этакъ... Исправленія да дополненія... Такъ ты смотри, все ли въ исправности, да требуй сразу... Велика штука—выкупную ссуду выдать... Ну, согласился я, желаю получить, наплевалъ на мужичонковъ, давайте деньги, получите этихъ канальевъ... Ну, и выдай сразу!.. Такъ нѣтъ, вотъ другой годъ водать, мучать, а толку нѣтъ... (Пьетъ).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ты не волнуйся, не разстраивайся... Выкупаешь лишняго, тебѣ вредно!.. А изъ-за чего?.. Этимъ не поможешь...

КВАШНИНЪ.

Терпѣть не могу безпорядковъ... Къ чему эти всѣ мировые посредники сидятъ, присутствія разныя, коли не могутъ сдѣлать сразу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, да ужъ что же дѣлать... Потеримъ, подождемъ, не уйдетъ... Когда-нибудь да получимъ...

КВАШНИНЪ.

Не когда-нибудь, а мнѣ, можетъ быть, сейчасъ надобно... сію минуту... Можетъ быть, я черезъ это, что мнѣ до сихъ поръ ссуды не выдали, миллионовъ лишаюсь... Можетъ быть, такое предпріятіе уйдетъ изъ рукъ, что послѣ будешь кусать локоть, да ужъ поздно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Эхъ, полно Алексѣй Михайловичъ, какія еще у тебя предпріятія, па старости лѣтъ... Хозяйство-то бы устроить, да усадьбу въ порядокъ привести, а тамъ остальные денежки пускай лежатъ, да проценты приносятъ... И хорошо, и покойно... И дѣтамъ обезпеченіе!..

КВАШНИНЪ.

Да это по-вашему, по-бабы!.. Тоже разсуждаютъ!.. Много ли ты процентовъ-то будешь получать?.. Прежде съ имѣнія-то я

получалъ до восьми тысячъ, и то едва ставало на прожитіе, а изъ банка съ этого капитала и трехъ не получишь... Чѣмъ же жить-то будешь? Не на запашку ли надѣяться?.. Знаемъ мы эти барыши довольно!.. Ну, и станешь изъ банка-то каждый годъ капиталъ вынимать: на долго ли его хватить... А тутъ что? послѣ то?.. Вотъ тебѣ и хорошо, и покойно, и для дѣтей обезпеченіе!.. Эхъ, вы!.. (Пьетъ).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да не кушай ты, не кушай много-то... Тебѣ вредно!..

КВАШНИНЪ.

Отстанъ: я знаю свою границу... А по-моему, коли такой случай выпадаетъ, что можно въ учредители такого предпріятія вѣрнаго попасть, сразу миллионеромъ сдѣлаться, такъ думать нечего, а надо пользоваться случаемъ... Да, нѣ вотъ—пользуйся, коли денегъ-то нѣтъ... И есть деньги, свои собственные, да вотъ не даютъ во-время, по милости нашихъ прекрасныхъ русскихъ порядковъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Въ каіе это учредители? что это такое?

КВАШНИНЪ.

Учредитель-то что такое? Ну, мудрено тебѣ объяснить, ты, пожалуй, не поймешь... А вотъ я тебѣ расскажу коротко: устраивается какое-нибудь общество для какого-нибудь предпріятія... Ну, вотъ устраиваешь его ты, я, третій, четвертый—вотъ мы всѣ и будемъ учредители... Дѣлаемъ складчину, всякой вносить свой пай, а потому ужъ предпріятіе и идетъ въ ходъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну такъ что же? а миллионы-то откуда же?

КВАШНИНЪ.

Вотъ то-то и есть, что съ вами толковать-то нельзя: вы ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаете...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такъ растолкуй, батюшка...

КВАШНИНЪ.

И растолкуй тебѣ, ты не поймешь... Ну, вотъ поймешь ли, слушай: то бываютъ учредители, а то есть еще акціонеры... Учредительскій капиталъ лежитъ неприкосновенный, а на акціонерскія деньги мы оборотъ ведемъ, все предпріятіе совершаемъ... Вотъ, положимъ, мы, учредители, выручили на акціонерскій рубль еще рубль: мы изъ этого рубля акціонерамъ даемъ пять копѣекъ, а себѣ

беремъ девятисто пять... Вотъ какая разница!.. А неудалось предпріятіе, нѣтъ дохода, опять-таки мы, учредители, не въ убытокъ, разобрали всѣ свои деньги по карманамъ, а акціонеры тамъ какъ хотять, ихнее дѣло... Поняла ли?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, я понимаю, что въ учредителяхъ-то быть хорошо, а зачѣмъ же въ акціонеры-то идуть, коли имъ худо?..

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ то-то и есть, поэтому-то и трудно въ учредители-то попасть: безъ случая да безъ знакомства не попадешь... Конечно, и капиталъ нужно имѣть порядочный и готовый... А въ акціонеры всякаго примуть: милости просимъ кому угодно... Ну, туда можно и съ маленькимъ капиталцомъ идти, бѣдные люди больше и попадають... Объ чемъ же я и хлопочу-то!.. Изъ чего же и бѣшусь-то!.. Посылаетъ Богъ зятя: человѣкъ солидный, знающій, богатый, затѣваетъ дѣло вѣрное, только денежки загребай, всей душой готовъ услужить для насъ, какъ родныхъ... Все ужъ у него слажено, все устроено, и учредители всѣ на лицо.. ты бы посмотрѣла имена какія: все богачи, князья да графы!... Мнѣ и мѣста-то нѣтъ, да ужъ по родству обхлопотать—принимають, только бы денежки... А вотъ ихъ-то и нѣтъ... Вся надежда была на ссуду, такъ вотъ, извольте видѣть, до сихъ поръ не готова... Вотъ и сиди да свисти... Чортъ ихъ бери! (*Пьетъ*). А предпріятіе-то какое!.. Ахъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да не кушай ты, не кушай... Можетъ, все сдѣлается... Аркадій Петровичъ для тебя постарается... Какое же это у васъ предпріятіе-то?..

КВАШНИНЪ.

Какое?.. А вотъ какое!.. Видишь ты это дерево?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вижу...

КВАШНИНЪ.

Если срубить его да продать, какъ ты думаешь, чего оно стоить?.. Ну, скажи примѣрно, самую дорогую цѣну?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, пять рублей.

КВАШНИНЪ.

А мы его продадимъ за пятнадцать, или за двадцать!

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ же такъ?

КВАШНИНЪ.

А, вотъ то-то и есть... Это наука доказываетъ... Въ деревѣ-то есть и древесина, и сердцевина, и корье, и смола, и древесный уксусъ, и газъ, и еще многіе другіе составы... Какъ мы его по косточкамъ-то разберемъ, да все порознь продадимъ, такъ изъ пяти-то рублей и выйдетъ двадцать... Поняла ли?.. Я тебѣ такъ, вкратцѣ говорю, для ясности: это матерія сложная и хитрая... Мнѣ Аркадій Петровичъ два часа разсчитывалъ карандашомъ на бумагѣ, такъ тамъ видѣе, и этихъ составовъ онъ цѣлый листъ исписалъ... Удивительный этотъ человѣкъ, чего онъ только не знаетъ! Еще, говорить, вижу въ вашемъ и моемъ имѣніи признаки каменнаго угля и какой-то фарфоровой глины, каналинь, что ли, не помню... Ну, да, говорить, это послѣ... Не все вдругъ!.. Да-съ!.. А ты было отъ большого ума этакого человѣка чуть-чуть не лишила насъ тогда съ предложеніемъ-то Рансѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—конфузливо.

Ну, да право же онъ тогда на-счетъ Ранчки больше говорилъ...

КВАШНИНЪ—смѣясь.

Да, да, на-счетъ Ранчки говорилъ, а на другой же день Олинъѣ формальное предложеніе сдѣлалъ... Просто тебѣ тогда спать хотѣлось послѣ обѣда: въ полуснѣ-то ты и не разобрала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такъ что же, вѣдь и ты думалъ сначала, что онъ къ Ранчѣ больше...

КВАШНИНЪ.

Такъ мало ли что думалъ, а онъ съ тобой говорилъ... Ну, да что объ этомъ толковать... Слава Богу, все обошлось благополучно: я за Ольгу еще больше радъ, Ранса молода, дождется своего...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да само-собой разумѣется...

КВАШНИНЪ.

Вотъ какъ бы мнѣ только въ учредители-то попасть: вотъ моя забота... Ахъ, вы, чортъ васъ деритъ!..

Пьетъ.

КОВЫРНЕВЪ входитъ.

КВАШНИНЪ—увидя его.

А-а, ваше высокоблагородіе... кажими судьбами?..

КОВЫРНЕВЪ.

Съ дорогимъ гостемъ къ вамъ, ангелъ мой... съ Аркадіемъ Петровичемъ пріѣхали...

Здоровается съ Квашиннымъ, дѣлуя въ плечо мужа и ручку у жены.

КВАШНИНЪ.

Развѣ здѣсь онъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, пріѣхали сею минутою.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Гдѣ же онъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Гдѣ же имъ быть-то, ангелъ мой?.. Съ своимъ сердечнымъ предметомъ, съ нареченной своей остались... Сейчасъ сюда по-жалуютъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, и ладно... А ты за хорошія вѣсти, поди выпей... Я ужъ сдѣлалъ... Вотъ кое-что осталось—поѣшь...

КОВЫРНЕВЪ—подходя къ закускѣ.

Покорнѣйше благодарю, ангелъ мой... (*Наливаетъ водки*). Хороши-то хороши мои вѣсти, да не очень... Будьте, здоровы благодѣтели...

Пьетъ.

КВАШНИНЪ.

Чѣмъ не очень?.. Что мелешь?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА:

Не захворалъ ли ужъ Аркадій Петровичъ?.. Или не случилось ли чего?

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, слава Богу, въ полномъ своемъ здоровьѣ, только-что не по мысли мнѣ... въ Петербургъ отъѣзжаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ въ Петербургъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, благодѣтельница, по экстрѣ по какой-то, по своимъ по дѣламъ... При мнѣ и стафетъ пришелъ: сейчасъ приехали лошадей—и къ вамъ только проститься заѣхали...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—съ безпокойствомъ.

Что это значить?.. Да гдѣ же онъ?.. (*Встаетъ*).

КВАШНИНЪ.

Не безпокойся... Онъ мнѣ давно говорилъ, что его могутъ экстренно вызвать въ Петербургъ по тому дѣлу... когда въ ми-

нистру пойдетъ... Вотъ, вѣрно, пришло... А я вотъ и сиди на бобахъ... Прозѣвалъ!.. Ахъ, чортъ васъ дери!.. Исправленія да дополненія... Анаэмы, больше ничего!.. (*Колотитъ по столу кулакомъ*).

Входятъ ВОЛЫНОВЪ и ОЛЬГА, подъ руку съ нимъ, въ слезахъ и съ головою на плечъ Волынова.

ОЛЬГА.

Папа, мама, что это такое, онъ уѣзжаетъ...

ВОЛЫНОВЪ—здороваясь съ Квашниными.

Успокойте вы ее, ради Бога... Вѣдь, не надолго, на нѣсколько дней... Много, много дѣвъ недѣли проѣзжу... Мамаша, успокойте ее...

ОЛЬГА.

Да какъ же такъ, вдругъ. (*Плачетъ*).

ВОЛЫНОВЪ.

Да что же дѣлать, моя радость... Ну, милая Ольга... Ну, успокойтесь!.. я, вѣдь, предупреждалъ и папаму, что меня могутъ потребовать экстренно... Вотъ, спросите его: онъ знаетъ мои дѣла...

КВАШНИНЪ.

Говорилъ, говорилъ, Оля... Что же дѣлать... У насъ, мужчинъ, матушка, дѣла не вашимъ чета: не юбки, да оборки... Мужчина всегда долженъ быть готовъ, точно солдатъ на войнѣ... (*Къ Волынову*). Вызываютъ по тому дѣлу?

ВОЛЫНОВЪ.

Да.

КВАШНИНЪ.

Стало быть, все кончено?

ВОЛЫНОВЪ.

Совершенно.

КВАШНИНЪ.

И все благополучно?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ нельзя лучше...

КВАШНИНЪ.

А я, значить, такъ не при чемъ и останусь?..

ВОЛЫНОВЪ.

А вотъ намъ нужно будетъ потолковать... Ну, Оля, радость моя, перестаньте же плакать... Вы меня терзаете... Неужели вы думаете, я радъ этой побѣдѣ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Олинъка, милая, перестань, не мучь себя и его... Ты думаешь, ему въ самомъ дѣлѣ легко... А что же дѣлать, если необходимо: дѣла призываютъ...

ОЛЬГА.

Ахъ, я ненавижу эти дѣла!.. Не нужно ихъ!.. Его ничто не должно у меня отнимать, онъ долженъ принадлежать мнѣ одной... Поѣдемте коли такъ всѣ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нимъ...

ВОЛЫНОВЪ—торопливо.

Да, вѣдь, я на нѣсколько дней... Гдѣ же тутъ всѣмъ подниматься, беспокоиться... Да вы меня тамъ и не увидите: я цѣлые дни буду мѣяться по дѣламъ,—то туда, то сюда...

ОЛЬГА.

Но какъ же я проживу эти нѣсколько дней?.. Вѣдь, они мнѣ вѣчностью покажутся... Мнѣ кажется, я умру съ тоски... Аркадъ, милый, дайте мнѣ слово, что вы бросите всѣ ваши дѣла, когда... потомъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, безъ сомнѣнія, моя радость, безъ сомнѣнія... Мы устроимъ нашу жизнь такъ, чтобы никогда не разлучаться... Я бы готовъ даже отказаться отъ этого дѣла, если бы оно уже не было начато и если бы отъ меня не зависѣло благосостояніе многихъ людей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ же это можно, Олинъка, дѣла бросать... Какъ можно этого требовать, моя душенька...

КВАШНИНЪ.

Да, какъ же,—по вашему, женскому, понятію, мужчина созданъ только для того, чтобы за вашу юбку держаться... Не поддавайтесь, Аркадій Петровичъ, какъ разъ обаять!.. Я вотъ ужъ на что былъ, кажется, и боекъ и поворотливъ, а вотъ теперь обаялся такъ—двинуться никуда не хочется...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, Алексѣй Михайлычъ, вѣдь, и я столько на своемъ вѣку поработалъ, что пора и отдохнуть... Особенно теперь, когда я такъ счастливъ... Но этого дѣла бросить не могу, вы знаете: если я откажусь, тутъ десятки людей разорятся... Мнѣ необходимо ѣхать...

КВАШНИНЪ.

Да какъ это можно... что вы это... Само собой разумѣется!..

ОЛЬГА.

О, я знаю, вы благородны, великодушны... Вы рыцарь!.. Но дайте мнѣ слово, Аркадъ, что вы будете писать во мнѣ каждый день...

ВОЛЫНОВЪ.

По приѣздѣ въ Петербургъ, обещаю... Но теперь, дорогой, это невозможно...

ОЛЬГА.

Ну, изъ Петербурга... И я вамъ буду писать каждый день...

Вбѣгаетъ ОРЕСТЬ.

ОРЕСТЬ.

Аркадій Петровичъ, правда, что вы уѣзжаете въ Петербургъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Правда, правда, мой милый Орестъ... Прощай...

ОРЕСТЬ.

И повара съ Жозефомъ берете? Они тутъ у экипажа...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, беру... Я безъ нихъ никуда...

ОРЕСТЬ.

А какъ же Джальма и Богатырь?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ужъ нечего дѣлать: ихъ здѣсь оставляю... (*Улыбаясь*). Не возить же мнѣ и ихъ съ собою на двѣ недѣли...

ОРЕСТЬ.

А можно мнѣ безъ васъ покататься на Джальмѣ?.. Я его не испорчу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, полно, Орестъ, ты со своими глупостями... Этакую лошадь тебѣ давать въ руки...

ВОЛЫНОВЪ.

Полноте, мамаша, что за важность!.. Можешь, можешь, мой другъ... потому что я тебѣ даже вовсе его дарю: завтра же можешь послать за нимъ и взять его къ себѣ, сюда...

ОРЕСТЬ.

Да вы шутите?

ВОЛЫНОВЪ.

Какія же тутъ шутки, когда я это говорю серьезно и положительно...

ОРЕСТЪ—бросается къ нему на шею.

Аркадій Петровичъ, милый, добрый... *(Начинаетъ прятать, потомъ вертитъ за руки Косырнева)*.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Аркадій Петровичъ, вы избалуете его... Этакіе подарки...

ВОЛЫНОВЪ.

Я думаю, мамаша, братъ той, которая мнѣ дороже жизни, въ которой все мое счастье, стѣбитъ и не такого подарка... *(Цѣлуетъ руку Ольги)*.

ОЛЬГА.

О, Аркадъ, милый, безцѣнный!.. Вы мое счастье!..

ВОЛЫНОВЪ.

Однако, батюшка, намъ нужно бы поговорить съ вами... Мнѣ пора ѣхать...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ что: женская компанія, и вы съ ней *(къ Оресту и Косырневу)*, уходите-ка пока... Оставьте насъ съ нимъ... Мы потолкуемъ.

Всѣ уходятъ.

ОЛЬГА—уходя.

Да вы недолго?

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... Нѣсколько словъ...

ОЛЬГА.

Смотрите же, поскорѣе...

Уходить.

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, что, батюшка?.. Все устроено, общество образовалось; какъ я приѣду въ Петербургъ, тотчасъ будетъ утверждено, а тогда уже нельзя будетъ ввести васъ въ него учредителемъ... Какъ же намъ быть?..

КВАШНИНЪ.

Да вотъ нѣтъ ссуды-то, до сихъ поръ не вышла... Пишутъ, чортъ бы ихъ побралъ, что скоро, скоро выйдетъ, можетъ быть, на-дняхъ, да вотъ теперь-то нѣтъ... Видно, не судьба...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, досадно мнѣ за васъ... Сколько ссуды-то?

КВАШНИНЪ.

Шестъдесятъ тысячъ.

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, хоть этого и недостаточно... взносъ сто тысячъ, да это бы какъ-нибудь поправили, дополнили...

КВАШНИНЪ.

Вы не можете себя представить, мой милый другъ, какъ я изъ себя выхожу все это время изъ-за этой ссуды...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, жалко... Дѣло большое: сотни три тысячъ нажили бы навѣрно... что больше!..

КВАШНИНЪ.

Эхъ, ужъ не говорите!.. Эти наши порядки съ ума меня сведутъ...

ВОЛЫНОВЪ—въ раздумьи.

Досадно, не зная я, что такъ скоро поѣду въ Петербургъ, а то взять бы отъ васъ довѣренность на полученіе ссуды прямо изъ банка... Я бы ужъ тамъ обхлопоталъ...

КВАШНИНЪ.

Такъ что же, довѣренность я могу сейчасъ дать: это не долго...

ВОЛЫНОВЪ.

Развѣ со мной сейчасъ доѣдете въ городъ на моихъ лоша-
дяхъ?.. У меня ямскія наняты... Сдѣлаемъ тамъ это дѣло... Я поѣду дальше, а вы назадъ...

КВАШНИНЪ.

Такъ, что же, не оставь, голубчикъ, Аркадій Петровичъ, похлопочи... На что этого лучше!.. Я мигомъ соберусь...

ВОЛЫНОВЪ.

Только вотъ что: пожалуй, опоздаетъ ссуда... Общество-то утвердить, списокъ учредителей подписуть, а денегъ-то я еще не получу... Опять ничего толку не будетъ...

КВАШНИНЪ.

Да, пожалуй!.. Можетъ, какъ позадержишь утвержденіе...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, какъ это можно: этого-то нельзя... Тамъ тоже часы считаютъ—ждутъ... Э, да вотъ что: вѣдь, не для чужого, для своего, родного... второго отца... Хотите, я за васъ свои деньги внесу?.. Всѣхъ ста тысячъ не наберется... Я тоже, вѣдь, взносъ дѣлаю... Ну, займу, чего недостаетъ: въ Петербургѣ у меня кре-
дитъ большой, денегъ достану сколько угодно... Ну, вотъ, хотите?

КВАШНИНЪ.

Аркадій Петровичъ, да, вѣдь, это благодареніе?.. Я не смѣлъ и мечтать объ этомъ... Мнѣ совѣстно и...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, вѣдь, это хочу сдѣлать для отца моей будущей жены, для его семьи...

КВАШНИНЪ—кидаясь къ нему на шею.

Милый мой, голубчикъ... За что мнѣ Богъ тебя послалъ... Благодарю тебя, благодарю тебя!.. Всю жизнь не забуду!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, полноте, полноте, батюшка, стоитъ ли такъ много при-
давать значенія такой услугѣ...

КВАШНИНЪ.

Какъ же, братецъ... Да кто это выпье сдѣлаетъ? Родной сынъ, такъ и тотъ не сдѣлаетъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, полноте же, полноте, папаша... Вѣдь, я же вамъ и буду вмѣсто сына... Вы не знаете, что значить для меня ваша и моя Оля... Я не знаю, на что я готовъ для нея... Ну, такъ это, значить, конечно... Такъ и сдѣлаемъ... Собирайтесь же скорѣе... Поѣдемъ въ городъ, тамъ вы мнѣ выдадите довѣренность на полученіе ссуды, дадите какую-нибудь росписку, или вексель тамъ, что ли, въ деньгахъ, которые я внесу за васъ въ Петербургъ—и дѣло съ концомъ...

КВАШНИНЪ—нѣсколько озадаченный.

Какъ?.. Такъ въ городъ-то нужно развѣ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ же, а довѣренность-то? нужно, вѣдь, у нотариуса ее совершить... Росписку или вексель мы бы и здѣсь написали, да довѣренность-то нужно совершить... Какъ же, необходимо нужно ѣхать... Вы и бумаги съ собой захватите, которыя касаются выкупа... Какъ же...

КВАШНИНЪ.

Да, да... Конечно...

ВОЛЫНОВЪ.

Необходимо, необходимо... Ну, собирайтесь же, папаша, по-
скорѣе... Мнѣ пора ѣхать, очень пора...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... *(Идетъ и тотчасъ возвращается).* А

знаешь что: не будем говорить ничего нашему бабю объ этомъ дѣлѣ... То-есть: зачѣмъ мы ѣдемъ вмѣстѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Отчего же?.. (*Нахмуришись*). Что же, онѣ не вѣрятъ мнѣ, что ли?.. Вѣдь, я, кажется, не для себя...

КВАШНИНЪ—махая руками.

Ну, что это... какъ это можно говорить: не вѣрятъ!.. А бабье!.. тоска съ ними, скука!.. Все расскажи, да объясни: какъ, да почему, да зачѣмъ? да какъ это такъ вдругъ?.. Терпѣть не могу... А я люблю по военному: сейчасъ, вдругъ, сообразилъ по вдохновенію, сдѣлалъ—и готово.

ВОЛЫНОВЪ.

Да, конечно, этакъ гораздо лучше...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ видишь, я зналъ, что ты меня поймешь... А, вѣдь, признайся по совѣсти: вѣдь, ты не столько для меня, сколько для Оли это дѣлаешь? а? признайся-ка...

ВОЛЫНОВЪ.

Если хотите, по совѣсти: не столько для Оли и для васъ, сколько для дѣла... Мы, люди дѣловые, составившіе себѣ состояние оборотами и предпріятіями, не можемъ видѣть равнодушно, когда пропадаютъ бесплодно порядочные капиталы... А, вѣдь, я знаю, что вы сдѣлаете со своей выкупной ссудой... Будете годъ за годомъ проживать капиталъ и черезъ нѣсколько лѣтъ у васъ гроша изъ нея не останется... Либо кто-нибудь подѣдетъ, выпроситъ займы, наобѣщаетъ большіе проценты, а потомъ и заплатитъ ему нечѣмъ, и взять съ него нечего... Это, вѣдь, вещь извѣстная... А тутъ вы, по крайней мѣрѣ, наживете, и наживете хорошо: можете удвоить, даже утроить вашъ капиталъ...

КВАШНИНЪ—изъявлявшій знаками согласіе и сочувствіе его словамъ.

Милый мой, представь, ты, вѣдь, изъ слова въ слово мои слова повторяешь,—вотъ что я сейчасъ, сейчасъ передъ твоимъ пріѣздомъ, женѣ говорилъ... Ты извини, пожалуйста, что я такъ вдругъ началъ тебѣ «ты» говорить... Но я, ей-Богу, не могу... Послѣ твоего благороднаго заявленія, сердце мое просто исполнено къ тебѣ... какъ къ сыну... Ты не сердись?..

ВОЛЫНОВЪ.

Полноте же, батюшка: я васъ давно хотѣлъ просить, чтобы

вы видѣли во мнѣ сына и обращались со мною какъ съ сыномъ... Однако, намъ пора: въ городѣ могутъ задержать... Пожалуй, опоздаю на поѣздъ...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... Но ты дай себя распѣловать... Я не могу... (*Цѣлуются*). Ну, а ужъ въ городѣ, какъ хочешь, бутылочку-другую, по старой памяти, холодненькаго разопьемъ... За успѣхъ нашего дѣла, за ваше будущее счастье... на прощаньи... Безъ этого нельзя...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, разумѣется...

КВАШНИНЪ.

Вотъ и чудесно... Я, вѣдь, сейчасъ... Я, вѣдь, мигомъ... Ну, поцѣлуй еще... (*Цѣлуются*). Не зять, а сынъ ты мой милый!.. Я сейчасъ... Ты пока поамурься съ невѣстой... Знаю, братъ, знаю: помню, помню все... какъ это мило-дорого... А я мигомъ соберусь... (*Уходитъ и тотчасъ возвращается*). А знаешь что: давно я тебя хотѣлъ спросить: отчего у васъ съ Раисой нѣтъ ладовъ? Я, вѣдь, признаться, сначала думалъ, что ты къ Раисѣ будешь свататься, и жена также думала: оттого тогда и исторія эта вышла... да къ тому же, и моложе, и какъ будто поприятнѣе... Или—о вкусахъ не спорять... На вкусъ, на цвѣтъ товарища нѣтъ... а?

ВОЛЫНОВЪ.

Да, во-первыхъ, это,—во-вторыхъ, развѣ Раиса Алексѣевна могла быть мнѣ женой... Конечно, если бы я не думалъ жениться, а хотѣлъ только ухаживать, то, можетъ быть, отдавалъ бы предпочтеніе Раисѣ, но развѣ она имѣетъ тѣ нравственные качества, которые могутъ составить счастье мужа и которыхъ такъ много въ Олѣ... Вѣдь, я ищу жену, а не красивую мечтательницу-дѣвочку...

КВАШНИНЪ.

Умень, ей-Богу, умень: сытъ—тебя не наслушаешься!.. Вотъ я тоже женился, Марья Григорьевна была не дурна, правда, но не Богъ знаетъ какая красавица... А видѣлъ нравственные достоинства, и взялъ, и не раскаяваюсь: дай Богъ всякому такую жену...

ВОЛЫНОВЪ.

Оля безконечно добрая, солидная, преданная, она ужъ если полюбитъ, такъ на всю жизнь, она будетъ вѣрною женою... Ну, а у Раисы въ головѣ еще фантазіи да учителя сидятъ...

КВАШНИНЪ.

Какіе учителя?

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, точно не знаете...

КВАШНИНЪ.

Ей-Богу же не знаю...

ВОЛЫНОВЪ.

И ничего не замѣчали?

КВАШНИНЪ.

Ей-Богу, нѣтъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Не замѣчали, что Раиса увлечена совсѣмъ этимъ учителемъ, что былъ у васъ...

КВАШНИНЪ.

Да полно, быть не можетъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ это всегда такъ: родители всегда послѣдніе узнаютъ... Да я съ перваго раза замѣтилъ, что они другъ къ другу равнодушны... Ну, наконецъ, спросите всѣхъ: Ореста, Олю, это всѣ знаютъ... Отчего Раиса такая скучная и раздражительная, особенно противъ меня, послѣ отъѣзда этого учителя?.. Она сердится на меня, видѣть, что я понимаю ихъ насквозь и отгадываю ихъ замыслы...

КВАШНИНЪ.

Замыслы? Какіе замыслы?

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, этого я не знаю: мало ли могутъ быть ваши замыслы у несчастныхъ влюбленныхъ изъ такихъ разныхъ слоевъ общества... Ну, тамъ одинъ будетъ дѣлать себѣ карьеру, чтобы сдѣлаться достойнымъ, другая будетъ вѣчно ждать того возжелѣннаго времени, когда можно будетъ соединиться бракомъ... Мало-ли какія бываютъ фантазіи...

КВАШНИНЪ.

Именно фантазіи!.. Вотъ оно что!.. Хорошо, что уѣхалъ... Да я не только въ домъ къ себѣ, къ порогу близко не подпущу... Не вздумали бы переписываться... Надо мать предупредить!.. Эхъ, эти бабы, подъ носомъ-то у себя ничего не видятъ: кому бы замѣтить это первой, какъ не матери!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, теперь собирайтесь же, папаша... Дорогой обо всемъ переговоримъ... Мнѣ, право, пора...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... Скажите, пожалуйста, а? каково?.. учитель!.. Райка!.. Не ожидалъ!..

Уходить.

ВОЛЫНОВЪ—одинъ.

И прекрасно сдѣлали, Раиса Алексѣевна, что отказали наотрѣзъ... Увлечшись вашей красотой и свѣжестью, я, пожалуй, не сумѣлъ бы сдѣлать главнаго... А досадно, чертовски хороша! и какъ-то соблазнительно-загадочна!.. Ну, теперь вашему студіозу, кажется, навсегда дорога закрыта... А тамъ увидимъ, посмотримъ!..

Входить ПАВЕЛЪ.

ВОЛЫНОВЪ.

Что тебѣ, мой другъ?

ПАВЕЛЪ.

Съ отъѣздомъ, Аркадій Петровичъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, кажется, тебѣ далъ сегодня на чай, какъ только пріѣхалъ сюда: вѣдь, это ты меня встрѣчалъ?

ПАВЕЛЪ.

Такъ точно, Аркадій Петровичъ... Очень вамъ благодаренъ... (*Вполголоса, олабываясь*). Но какъ, можетъ быть, вамъ не со всѣмъ извѣстно, что я отъ всей души старался для вашей милости и, по вашему приказу, обо всемъ переводилъ до васъ, что касающееся нашихъ господъ... Вотъ и на счетъ отказа Раисы Алексѣевны я тотчасъ перевелъ Язепу: изволите помнить, онъ тогда еще остался здѣсь, точно какъ будто не нашли, вы огнѣвались и одни уѣхали...

ВОЛЫНОВЪ—перебивая его.

Ну, такъ что же, что же, мой милый... Я, право, не знаю, что ты переводилъ Жозефу и для чего ты это дѣлалъ... Я лично, кажется, ничего такого не приказывалъ...

ПАВЕЛЪ.

Такъ точно-съ; но какъ вашъ же самый Язепъ просилъ отъ вашего имени и даже благодарность выдавалъ...

ВОЛЫНОВЪ—перебивая.

Ну, такъ что же, что же изъ этого?.. Говори скорѣе, я сейчасъ иду къ барышнѣ, что тебѣ еще на водку, что ли, хочется получить?.. Можетъ быть, ты не доволенъ Жозефомъ, что онъ мало платилъ тебѣ за свое лакейское любопытство, и желалъ бы получить съ меня... Хотя я никогда не дѣлалъ никакихъ пору-

ченій Жозефу, но, изволь, на чай тебѣ дамъ еще съ удовольствіемъ... Вотъ получи... (*Вынимаетъ деньги*).

ПАВЕЛЪ.

Нѣтъ-съ, не на-счетъ того, а какъ изволили вы разсмотрѣть все мое стараніе и какъ я приклоненъ служить господамъ на-счетъ всякаго предмета, такъ пришелъ просить вашей милости: нельзя ли мнѣ мѣстечко получить въ Петербургѣ, потому заразился переправиться въ этотъ самый Петербургъ изъ здѣшнихъ мѣстовъ... Не корыстна здѣсь оченно служба... для нашего брата... Жалованье оченно обидно...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а, тебѣ мѣстечко въ Петербургѣ хочется получить... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ похлопочу...

ПАВЕЛЪ.

Къ вашей бы милости стать желателенъ... потому Язепъ говорить, что, можетъ статься, онъ останется въ Петербургѣ и не воротится сюда...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а, въ такомъ случаѣ, ты ужъ подожди моего возвращенія; вотъ когда я ворочусь, женюсь на Ольгѣ Алексѣевнѣ, тогда я и возьму тебя къ себѣ...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Ахъ, Аркадъ, папа ушелъ, ты одинъ... Я жду его тамъ, а онъ...

ВОЛЫНОВЪ—подавая Павлу деньги.

На же, мой другъ, не церемонься, ты прислуживалъ мнѣ здѣсь, а я не люблю, чтобы для меня кто-нибудь трудился даромъ... Возьми и иди съ Богомъ.

ПАВЕЛЪ—принимая деньги.

Много доволенъ и чувствительно даже...

ОЛЬГА—къ Павлу.

Ты иди скорѣе... Я слышала: тебя папаша спрашивалъ... Ищутъ вездѣ...

Павелъ уходитъ.

ОЛЬГА.

Ахъ, Аркадъ, папа ушелъ, я тебя жду тамъ, а ты... Скажи пожалуйста: зачѣмъ папаша хочетъ ѣхать съ тобою въ городъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Да просто хочетъ прокатиться, проводить меня...

ОЛЬГА.

Отчего же вы меня съ собою не берете?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да гдѣ же мы тебя посадимъ: вѣдь, Алексѣй Михайлычъ ѣдетъ со мной на ямскихъ... У меня тарантасикъ маленькій, для тебя нуженъ отдѣльный экипажъ, а я тороплюсь, мнѣ каждая минута дорога...

ОЛЬГА.

Да, каждая минута дорога, а сколько времени здѣсь разговаривали съ папашей вдвоемъ... Я измучилась, ожидая, когда ты придешь ко мнѣ... И что это за секреты отъ меня? о чемъ вы говорили?..

ВОЛЫНОВЪ.

Радость моя, я не могу сказать: не спрашивай меня, пожалуйста...

ОЛЬГА.

Что же это такое, что ты даже отъ меня скрываешь... Нѣтъ, скажи мнѣ непременно: я непременно хочу знать... Я требую, чтобы ты сказалъ: у тебя не должно быть секретовъ отъ меня...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ видишь, собственно говоря, это пустяки, но отецъ твой просилъ меня, да и я самъ не желалъ бы оглашать этого дѣла...

ОЛЬГА.

Да что же такое? Неужели ты думаешь, что если откроешь секретъ мнѣ одной и не велишь говорить другимъ, такъ я скажу кому-нибудь?.. Ты мало знаешь меня: всякая твоя тайна умретъ вмѣстѣ со мною...

ВОЛЫНОВЪ.

Да я въ этомъ ни минуты не сомнѣвался...

ОЛЬГА.

Ну такъ, Аркадій, милый, докажи свое довѣріе ко мнѣ, скажи сейчасъ же всю правду: о чемъ вы говорили съ папашей...

ВОЛЫНОВЪ.

Да изволь, пожалуй, только, право, не ловко какъ-то говорить... Видишь, въ чемъ дѣло: отцу хочется участвовать въ предпріятіи, которое должно принести громадные выгоды, а денегъ наличныхъ у него нѣтъ... Ну, право, зачѣмъ ты меня заставляешь говорить...

ОЛЬГА.

Ну, ну... Говори же, говори...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, я дамъ ему своихъ сто тысячъ рублей...

ОЛБГА—съ паэосомъ.

Аркады!.. Какой ты благородный, великодушный!.. Ты герой, ты рыцарь!.. И онъ говорить, что это пустяки!.. О, какъ я люблю тебя!.. Милый мой, зачѣмъ ты уѣзжаешь безъ меня... Я не вынесу, я умру съ тоски! Возьми меня съ собой!.. *(Бросается къ нему на шею).*

ВОЛЫНОВЪ—цѣлуя ее въ голову.

Скоро, скоро, мой ангелъ, мы никогда не будемъ разставаться: вотъ, дай мнѣ устроить это дѣло, упрочить благосостояніе и свое, и всей вашей семьи, и тогда ты моя, моя на вѣки...

Входятъ КВАШНИНЫ, КОВЫРНЕВЪ, потомъ РАЙСА и ОРЕСТЬ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вонъ наши голубки какъ милуются: оставить однихъ нельзя... *(Улыбается).* Ну, да ничего, ничего, передъ разлукой ничего, и Богъ простить!..

ОЛБГА—застыдась и закрывая лицо руками.

Ахъ, мамаша, вы вѣчно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ничего, ничего!.. Я говорю, что ничего... Я сама была молода и невестой была тоже: знаю все...

ВОЛЫНОВЪ—цѣлуя руку Марьи Григорьевны.

Милая мамаша, какая вы добрая, какая вы образцовая мать!.. Оля, вамъ я ничего большаго не желаю, какъ чтобы вы были таковы, какъ ваша мамаша...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—обнимая его.

Ахъ, ты, милый мой, голубчикъ... Дай Богъ вамъ здоровья и всякаго счастья... *(Утираетъ глаза).*

КВАШНИНЪ—входя.

Вотъ я и готовъ. Развѣ не скоро?.. И анжия мелкутъ... такъ ли это говорится?..

Указываетъ Волынову на боковой карманъ куртки, изъ котораго укладкой отъ всѣхъ вынимаетъ и показываетъ пачку сложенныхъ бумагъ, при чемъ хитро подмигиваетъ.

ВОЛЫНОВЪ.

И пора намъ, папа, очень пора... Вы не разсердитесь, мамаша, что я увожу Алексѣя Михайлыча... Я былъ противъ того, чтобы онъ беспокоился провожать меня, но папаша непремѣнно захотѣлъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И пускай прокатится: я рада... Хоть, по крайней мѣрѣ, воротится, расскажетъ намъ, какъ вы поѣхали... А то ужъ больно скоро вы собрались: такъ неожиданно, что я даже, вдругъ-то, перепугалась...

КОВЫРНЕВЪ.

Одинъ, значить, я сиротинкой останусь... Думалъ, провожу благодѣтеля, а теперь ужъ, видно, и сѣсть мнѣ негдѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да ужъ, другъ любезный, мѣста тебѣ не будетъ... Ты оставайся здѣсь,—занимай вотъ дамъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ужъ будемъ вмѣстѣ горевать, ангелъ мой...

ВОЛЫНОВЪ — къ входящей въ эту минуту Раисѣ.

Здравствуйте, Раиса Алексѣевна, и прощайте... Я очень счастливъ, что вы удостоили выдти и даете возможность проститься съ вами... Хоть уѣзжаю и не на-долго, а все-таки не желать бы, чтобъ поминали меня лихомъ... Да, кажется, и не за-что?—да?..

РАИСА.

Я не имѣю ничего противъ васъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Такъ пожелайте мнѣ счастливаго пути, успѣха въ дѣлахъ и благополучнаго возвращенія...

РАИСА.

Желаю вамъ отъ всей души...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ангелъ мой, это напаче всего: благополучнаго пути въ дорогѣ... Дорожка... она... всяко бываетъ...

ВОЛЫНОВЪ—улыбаясь.

Вотъ Ардальонъ Михайлычъ,—вездѣ найдется и во всякомъ разговорѣ приметъ участіе... (*Къ Раисѣ*). Буду надѣяться, что по возвращеніи мы встрѣтимся друзьями, и вы убѣдитесь, что я дорого цѣню ваши добрыя желанія... (*Смотритъ на нее много-значительно и потомъ быстро оборачивается къ Марьѣ Григорьевнѣ*). Прощайте, мамаша...

Цѣлуетъ у нея руку.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прощай, мой голубчикъ, дорогой мой... Ворочайся же поскорѣе...

ВОЛЫНОВЪ.

Объ этомъ-то ужъ не беспокойтесь: я самъ буду минуты считать...

КОВЫРНЕВЪ.

Присѣсть бы надо, ангелъ мой, на дорожку...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, еще насажусь въ дорогѣ. Прощай, милый Орестъ, до свиданія...

ОРЕСТЪ.

Прощайте, Аркадій Петровичъ. *(Обнимаются)*. Вы не путали: Джальма мой, и я могу имъ распоряжаться?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ же тебѣ не стыдно спрашивать? — развѣ я стану дѣлать подарки въ шутку?.. Твой, твой, — навсегда: распоряжайся съ нимъ, дѣлай что хочешь...

ОРЕСТЪ—обнимаетъ Волынова.

Благодарю васъ... очень благодарю... Слышите, мамаша: не жѣшайте же мнѣ послѣ... Вотъ такъ подарочекъ!.. Джальма мой, Джальма мой!..

Прыгаетъ.

ВОЛЫНОВЪ—подходить къ сидѣвшей въ сторонѣ и плачущей Ольгѣ.

Ну, Оля, моя милая, безцѣнная... прощайте... Не плачьте, ради Бога, не терзайте меня... Дайте мнѣ вашу ручку...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да полно-те ужъ, Богъ съ вами, — поцѣлуйте...

КВАШНИНЪ.

Да, да, разумѣется... Чего тутъ церемониться: дѣло конченное... Поцѣлуй его, Оля, на прощаньи...

Ольга, конфузясь, но порывисто охватываетъ руками шею Волынова, крѣпко, продолжительно цѣлуетъ его, потомъ вскрикиваетъ: «ахъ!» закрываетъ лицо руками и съ рыданіями опускается въ кресло.

ВОЛЫНОВЪ.

Оля, Оля, счастье мое... успокойтесь!..

КВАШНИНЪ.

Ну, ничего, — пусть проплачется: безъ этого нельзя...

КОВЫРНЕВЪ.

Оно, ангелъ мой, больно для сердца-то... Охъ, какъ больно... это самое разставанье съ сердечнымъ дружкомъ... женишкомъ богданымъ... А проплачется — и полегчаетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А ты, Оля, будь мужественнѣе... и будь благоразумна... По-жалѣй и его: ему вѣдь тоже тяжело...

КОВЫРНЕВЪ.

Еще какъ тяжело-то, ангелъ мой!.. Чувствительно-тяжело это самое для нашего брата, мужчины, потому — въ нашемъ роду слезъ нѣтъ...

ОЛЬГА—Ковырневу.

Ахъ, отстань ты, ради Бога... Надоѣлъ: все бормочетъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, ангелъ мой, — это не нами уставлено, отъ Бога такъ положено: въ женскомъ роду все слезами сходить, а въ нашемъ роду, въ мужскомъ — все въ насъ оствѣтается... всякая горестъ... Намъ безпремѣнно тяжелѣе!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, прощайте, Ольга... Мнѣ пора... Я скоро, скоро возвращусь...

ОЛЬГА — утирая быстро глаза и какъ-бы вдругъ овладѣвая собою, съ глубокимъ вздохомъ.

Прощайте... Пипите же... чаще, чаще!..

ВОЛЫНОВЪ.

Буду, буду... Ну, батюшка, пойдемте поскорѣе... Мнѣ ужасно тяжело...

КОВЫРНЕВЪ.

А со мной-то, ангелъ мой, благодѣтель мой первѣющій, Аркадій Петровичъ, другъ мой сердечный...

ВОЛЫНОВЪ.

Прощайте, прощайте, Ардальонъ Михайлычъ... До свиданія, скоро увидимся... Еще разъ — до свиданія, Ранса Алексѣевна: не желаете ли сдѣлать какое порученіе въ Петербургъ?..

РАИСА.

Нѣтъ, благодарю васъ, — мнѣ ничего не нужно...

КВАШНИНЪ—многозначительно..

Такъ вотъ мы въ городъ ѣдемъ... можетъ, туда не будетъ ли къ кому порученія отъ тебя, не нужно ли чего передать?..

РАИСА.

Къ кому же, папаша, и какое порученіе?

КВАШНИНЪ.

Ну, почему я знаю какое и мало ли къ кому... Вонъ учи-

тель нашъ тамъ теперь у своей мамыши гостить... Можетъ быть, къ нему... (*Раиса конфузится и опускаетъ голову*). Что же, не будетъ къ нему ничего?..

ОРЕСТЬ—съ хохотомъ.

Можетъ, стипендиальные пошлешь...

РАИСА — смѣло поднимая голову, со сверкающими глазами.

Да, папаша, будетъ порученіе: если увидите его, скажите ему, что я очень его уважаю и сожалею, что ему привелось учить и тратить время на такого негодяя, какъ мой братецъ...

КВАШНИНЪ.

Ого!.. Ну, объ этомъ послѣ, — теперь некогда... Поѣдемъ, Аркадій Петровичъ... (*Къ женѣ*). Вотъ ваше воспитаніе... и посмотрь!.. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Воиновымъ, Ольгой, Марьей Григорьевной и Ковыринымъ*).

РАИСА—одна.

И отецъ!.. И его настроили!.. Кто же это?.. Они всѣ какъ-будто хотятъ заставить меня безпрестанно думать о немъ... и мѣшаютъ забыть его... Они не знаютъ, что я и безъ того!.. Неужели, въ самомъ-дѣлѣ, это то... настоящее... неизвѣстное мнѣ прежде чувство?.. Что онъ для меня?.. Отчего же я краснѣю при его имени, отчего мнѣ подъ-часъ такъ грустно, скучно?.. Зачѣмъ мнѣ дѣлается досадно, обидно, когда говорятъ о немъ съ пренебреженіемъ, или насмѣшкой?.. Неужели это любовь?.. Вѣдь, когда я видѣла его здѣсь, — ничего подобнаго не чувствовала: я сама любила посмѣяться надъ нимъ, подразнить его... Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ мнѣ нуженъ, что онъ дорогъ мнѣ...

Входитъ САША, оглядываясь.

САША — таинственно.

Раиса Алексѣвна...

РАИСА.

Что тебѣ?

САША.

Я все высматривала, когда вы останетесь одни... Къ вамъ вотъ записочка отъ Бориса Николаича; просилъ отдать такъ, чтобы никто не видалъ, и принести отъ васъ отвѣтъ...

РАИСА.

Какъ, отъ Бориса Николаича?

САША.

Такъ точно, отъ нихъ самыхъ: они здѣсь за садомъ, увидѣли

меня и попросили вамъ передать... А я, говорить, похожу здѣсь, буду ждать отвѣта.

РАИСА—прочитавши письмо, съ видимымъ волненіемъ.

Послушай, Саша: скажи Борису Николаичу, что я очень рада его видѣть, но сама къ нему ни въ садъ, ни куда не пойду, а если угодно—пожаловалъ бы сюда... Перескажешь?

САША.

Какъ же не пересказать? Отчего же? Перескажу...

РАИСА.

Слушай еще: ему не хочется встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ нашихъ, такъ пускай самъ найдетъ время, когда я буду здѣсь одна, и приходить сюда... Но ужъ если съ кѣмъ и встрѣтится изъ нашихъ, — былъ бы готовъ... Я скрывать не буду... Понимаешь?

САША.

Понимаю, барышня... Какъ не понимать: я все понимаю...

РАИСА.

Ну, поди и скажи... Иди же скорѣе...

САША.

Я, барышня, одной минутой.

Уходить.

РАИСА—вновь прочитывая письмо.

«Только два слова... для вашего блага... Мнѣ лично ничего не нужно: я приучилъ себя къ мысли, что я для васъ человѣкъ совершенно чужой... Мнѣ жалко васъ!.. Вы себя погубите!.. Можеть быть, пострадаетъ и вся ваша семья...» Что же это такое?.. Какія-то загадки?.. Я ничего не понимаю... (*Продолжаетъ читать*). «Въ письмѣ я не хочу ничего говорить: мнѣ думается, что лично переданныя мною вамъ свѣдѣнія и объясненія будутъ для васъ убѣдительнѣе... А не повѣрите, — тогда ваше дѣло: моя совѣсть будетъ спокойна...» Чудеса!.. (*Слышитъ шаги и голоса, прячетъ письмо*).

Входятъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и ОЛЬГА.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—входя.

Ну, Олюшка, ну, милая!.. Не огорчайся, душенька, не убивайся такъ... Ну, мало-ли бываетъ, что женихъ съ невестой разлучаются, — ну, неужели же ужъ всѣ такъ и убиваются, какъ ты?.. Надо же имѣть благоразуміе, моя душа... Ну, что такая за важность, что женихъ на двѣ, на три недѣли уѣхалъ, по крайней надобности: вѣдь не на-вѣки простылась...

ОЛЬГА—рыдая.

Ахъ, мамаша, вы не понимаете... Я чувствую, чувствую, что не увижу его болѣе... Онъ тамъ, въ Петербургѣ, влюбится въ другую, — меня разлюбитъ, забудетъ, женится на другой... Охъ, я чувствую, чувствую, что это случится... И зачѣмъ вы не сдѣлали давно свадьбу, не обвѣнчали насъ: тогда бы ужъ я никуда его одного не отпустила, всюду бы за нимъ шла и ѣхала... Ну, зачѣмъ, зачѣмъ вы откладывали свадьбу?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ, Олинъка, откладывали?.. Да ты посчитай: давно ли онъ тебѣ предложеніе-то сдѣлалъ: еще недѣли вѣдь не прошло... Надо же хоть что-нибудь приготовить, хоть платье-то вѣнчальное сшить...

ОЛЬГА.

Ничего этого не нужно: все это пустяки... Нынче всѣ эти приготовления не въ модѣ, а платье въ недѣлю очень можно сшить... А теперь изъ-за этого платья я, можетъ быть, его потеряю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, наконецъ, онъ самъ же назначилъ срокъ свадьбы черезъ мѣсяцъ, — не могли же мы говорить ему: нѣтъ, вѣнчайся поскорѣе, сейчасъ же... Ну, что бы онъ могъ подумать, еслибъ мы стали требовать этого... Ты разсуди, мой другъ!.. Ты дѣвушка... и вдругъ родители свадьбой торопятся, упрасиваютъ жениха: вѣнчайся поскорѣе... Да это Богъ знаетъ что могло ему въ голову придти!.. Ты подумай, что говоришь!

ОЛЬГА.

Ничего бы не пришло въ голову: онъ знаетъ меня, понимаетъ и цѣнитъ... Онъ не сдѣлалъ бы предложенія, еслибъ думалъ, что я какая-нибудь... И это не можетъ быть, чтобы онъ самъ на мѣсяцъ свадьбу отсрочилъ, это неправда: это вы отсрочили... Онъ слишкомъ страстно влюбленъ въ меня, чтобы оттягивать свадьбу: ужъ это, позвольте, мнѣ лучше знать... А это все вы, вы... ваши предразсудки глупые, старинные, барскіе...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, такъ, коли такъ, — Богъ съ тобой... Коли не вѣришь мнѣ, игуней меня дѣлаешь, такъ мнѣ и говорить нечего... Я лучше замолчу, — Богъ съ тобой!..

ОЛЬГА.

Ахъ, Господи, да вы поймите, что мнѣ вѣдь тошно, скучно

безъ него... Я вѣдь влюблена въ него, я жить безъ него не могу и боюсь, что потеряю его... А вы сердитесь!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да я не сержусь, мой другъ, а для чего же такъ себя убивать по-напрасну... Если онъ человѣкъ достойный и благородный, если онъ любить и цѣнить тебя, такъ нѣчего и беспокоиться... Вотъ черезъ двѣ недѣльки воротится—и свадьбу сыграемъ...

ОЛЬГА.

Вы думаете, мамаша, онъ непремѣнно воротится? Вы увѣрены въ этомъ?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, конечно, увѣрена... Какъ же я могу не думать этого... Развѣ онъ такой человѣкъ? Кажется, ужъ это всякій можетъ видѣть, что это человѣкъ солидный, со всѣми достоинствами...

ОЛЬГА.

И меня, вѣдь, любить?.. Вѣдь онъ влюбленъ въ меня?.. Мамаша, да?—вѣдь влюбленъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да развѣ бы сталъ онъ дѣлать предложеніе, еслибъ не былъ влюбленъ?.. Онъ вѣдь не изъ-за приданого на тебѣ женится...

ОЛЬГА—вздаясь на шею къ матери.

Ахъ, мамочка, душечка, милая, вы оживили меня... Вы знаете сами, какъ страшно потерять то, что дорого... Ну, ну, я буду умница, я переломлю себя... Пойду сейчасъ, сяду и буду писать къ нему... буду писать все, все, что думаю, чувствую, каждый день, каждый часъ, минуту каждую... Вотъ и буду какъ-будто вмѣстѣ съ нимъ... Да, мамаша, это я хорошо придумала отъ тоски?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же, это прекрасно; только чего лишняго не напиши: ты, вѣдь, еще дѣвушка, невѣста...

ОЛЬГА.

Что же вы думаете: я дура, что ли, какая?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, я не къ тому, а только для твоей же осторожности...

ОЛЬГА.

Не беспокойтесь: я знаю, что можно и что нужно писать къ нему.

Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—къ Раисѣ, стараясь принять строгій тонъ.

А ты, что это, сударыня, какія выходки себѣ позволяешь?

РАИСА.

Какія, мамаша?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ какія? Какъ ты отвѣтила отцу насчетъ учителя?.. Даже брата не пожалѣла, обозвала негодяемъ—и при комъ же? при Аркадіѣ Петровичѣ... Развѣ это хорошо? И изъ-за кого ты такъ разстроилась, изъ-за кого брата обидѣла? изъ-за какого-нибудь учителишки!.. Это что же значить такое?

РАИСА.

Мнѣ, мамаша, всѣ эти шуточки, всѣ эти намеки до смерти надѣли... И ужъ особенно такому мальчику, какъ Орестъ, не слѣдовало бы ихъ позволять себѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да какъ же ему не позволять себѣ, когда онъ своими глазами видѣлъ и самъ слышалъ ваши секретныя объясненія съ учителемъ... только Орестъ былъ такъ скромнень и благородень, что даже слова мнѣ не сказалъ,—теперь только, вотъ сейчасъ, высказалъ, когда ты его при всѣхъ обидѣла... И какъ тотъ-то, тотъ-то... какъ онъ смѣлъ только подумать... Значить, ты сама ему поводъ подала... Онъ бы только то подумалъ: кто онъ и кто ты!.. А ужъ отъ тебя я этого никакъ не ожидала, чтобы ты, моя дочь, и обратила вниманіе на какого-нибудь учителишку... И отчего онъ осмѣлился возмечтать о себѣ?—только отъ нашей доброты и гостепріимства, что мы держали его въ домѣ не какъ наемнаго человѣка, а какъ хорошаго знакомаго: что, по-твоему, это развѣ не значить глупость и необразованіе его? А?.. Умный, образованный человѣкъ сейчасъ бы понялъ свою настоящую позицію... и никогда бы себѣ этого не позволилъ... А, значить, ты сама ему поводъ подала... А?.. Да что же ты ничего не говоришь?.. Я говорю, говорю, а отъ нея ни гласу, ни послушанія... Что это за манера такая?..

РАИСА.

Да что же мнѣ говорить, мамаша?.. Вы дѣлаете мнѣ выговоръ, замѣчаніе: я выслушиваю его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А въ душѣ не соглашаешься... Что же онъ, по-твоему, можетъ быть тебѣ женихомъ, что ли?.. Ужъ не для него ли ты и Аркадію Петровичу отказала?..

РАИСА.

Нѣтъ, не для него, а для Ольги...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Для Ольги!.. Не отказала бы для Ольги, а значить самой не правился... А развѣ такой человекъ можетъ не нравиться, какъ Аркадій Петровичъ, если бы у тебя другого въ головѣ не было?.. А?.. Значить было?.. Ну, что же не говоришь? Отвѣчай...

РАИСА.

Я не знаю, мамаша, что вамъ угодно, что бы я отвѣчала... Вы сами все знаете и объясняете за меня... Что же мнѣ говорить!.. Вы мнѣ прикажите, какъ отвѣчать вамъ, я такъ и буду.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты дерзкая дѣвочка, больше ничего... Разбаловала я васъ совсѣмъ... Съ дѣтства ты была вздорная, непочтительная... Я впередъ знала, что мнѣ съ тобой не сговорить... Пускай, коли отецъ поговорить съ тобой, а я и разстраивать себя не хочу... Нашла какой предметъ: учитель!.. Нечего сказать: пристойный женишокъ для моей дочери!..

Уходить.

РАИСА—одна.

Теперь всѣ противъ него... Бѣдный Борисъ Николаичъ!.. Какъ же мнѣ теперь держать себя съ нимъ?.. Вотъ, вѣдь, я знаю, что и теперь отъ одного моего взгляда, отъ одного слова, отъ улыбки, онъ сдѣлается или сіяющій, счастливый, — или мрачный и злой... Это очень весело чувствовать власть надъ умнымъ человекомъ... И нисколько не жалко, когда мучишь сама, не смѣишь только трогать никто посторонній: тогда самой больно за него... Какъ же мнѣ теперь держать себя съ нимъ?.. Онъ ушелъ совсѣмъ—и мнѣ было грустно, скучно безъ него, такъ жалко его... Вотъ теперь онъ не выдержалъ, выдумалъ какой-то предлогъ, впередъ знаю, что только предлогъ, чтобы видѣться со мною, и мнѣ такъ хочется въ одно и то же время и обрадовать его, сказать, какъ я о немъ скучала, какъ много думала, и помучить—показать совершенное равнодушіе, даже пренебреженіе, наказать за то, что много думаетъ о себѣ, что ушелъ, когда я этого не хотѣла... Что же я сдѣлаю?.. *(Задумывается)*.

Входитъ СКВОРЦОВЪ.

СКВОРЦОВЪ — торопливо подходя къ Раисѣ.

Раиса Алексѣевна, скажите: неужели это правда: не вы, а ваша сестра выходитъ за Волинова?.. Здравствуйте...

Протягиваетъ руку.

РАЙСА—подавая и быстро отдергивая руку.

Здравствуйте... Это вы для этого вопроса только назначали мнѣ секретную аудіенцію?.. Не стоило!..

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не для этого... Объ этомъ я сейчасъ только узналъ отъ Саши и не хотѣлъ ей вѣрить... А еслибъ зналъ прежде, то, можетъ быть, и не пошелъ бы сюда...

РАЙСА.

Вы хотѣли сказать что-то важное, отъ чего-то предостеречь меня...

СКВОРЦОВЪ.

Да, да, только для того я и ѣхалъ... Но такъ какъ не вы невеста Воинова, то я не знаю... впрочемъ, все равно: вы сестра... ваша семья... скандалъ и непріятность отразятся и на васъ...

РАЙСА.

Что такое вы говорите: я ничего не понимаю...

СКВОРЦОВЪ.

Я... я все объясню, все скажу... Вы только скажите мнѣ какъ это случилось: вѣдь, вы были невеста? вы сами отказали ему?..

РАЙСА.

Да что это васъ такъ интересуеть? развѣ не все равно? Вы ничего еще не сказали мнѣ, а сюда сейчасъ могутъ придти мамаша, сестра, братъ, чего вы такъ боитесь... а...

СКВОРЦОВЪ.

Ничего я не боюсь, я боялся только за васъ, желалъ видѣть васъ одну, чтобы не помѣшали убѣдить васъ... но теперь, когда не вы... Ну, скажите же мнѣ, ради Бога, вы сами отказали?..

РАЙСА.

Сама...

СКВОРЦОВЪ.

Но почему?..

РАЙСА.

Вотъ этого ужъ я вамъ не скажу... потому что... было много причинъ... и я сама не знаю, которая изъ нихъ главная...

СКВОРЦОВЪ.

И послѣ вашего отказа онъ сдѣлалъ предложеніе вашей сестры!.. Какъ это на него похоже!..

РАИСА.

Онъ и не дѣлалъ мнѣ предложенія: это было недоразумѣніе со стороны мамыши...

СКВОРЦОВЪ.

О, полноте, пожалуйста!.. Какое тутъ недоразумѣніе!.. Конечно, ему лучше бы было, если бы удалось обмануть васъ... Еще бы!.. Вы знаете ли, вѣдь это мошенникъ, мошенникъ отъявленный!..

РАИСА.

О, какъ вы рѣшительно выражаетесь... Вы не забывайте, что это бы онъ ни былъ въ вашихъ глазахъ, но онъ женихъ моей сестры, нашъ будущій родственникъ...

СКВОРЦОВЪ.

Никогда онъ не будетъ вашимъ родственникомъ, если родители ваши узнаютъ, кто онъ такой, а я не знаю, какъ иначе называть людей, которые всю жизнь существуютъ только обманомъ и мошеннической спекуляціей... Во-первыхъ, онъ вовсе не то, что вы думаете: не богачъ, акціонеръ и заводчикъ, а неплатный должникъ, бѣгающій отъ своихъ кредиторовъ...

РАИСА.

А его имѣніе?

СКВОРЦОВЪ.

Имѣнія этого, еслибъ оно не было даже заложено, не достало бы на покрытіе и третьей части его долговъ; неожиданно оно ему досталось и онъ тотчасъ же заложилъ его и въ банкъ и въ частныя руки, а на вырученныя деньги приобрѣлъ этихъ Джальмъ, Богатырей, эти кабриолетки, и прочую обстановку, которая отуманиваетъ людей, подобныхъ Оресту и Ковырневу, которая обманула и вашихъ родителей, и даже...

РАИСА.

И даже меня... хотите вы сказать...

СКВОРЦОВЪ.

Да, я бы, можетъ быть, сказалъ это, еслибъ вы не освободились отъ такого упрека тѣмъ, что раньше другихъ разгадали его и отказали въ вашей рукѣ...

РАИСА.

Положимъ, я совсѣмъ не потому ему отказала... Но это все равно... Скажите мнѣ, какъ же вы все это узнали и какія же у васъ доказательства?..

СКВОРЦОВЪ.

Въ рукахъ у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ... Я шелъ

предупредить васъ и думать, что вы мнѣ повѣрите на-слово.. Но не сегодня—завтра его арестуютъ: случайно я встрѣтился въ городѣ съ прїѣхавшимъ изъ Петербурга повѣреннымъ, который имѣетъ специальное порученіе выслѣдить и арестовать этого господина по одному дѣлу, которое сдѣлано тоже мошенническимъ образомъ... Я видѣлъ даже исполнительный листъ объ арестѣ Воынова и слышалъ отъ повѣреннаго все то, что передалъ вамъ... Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ ѣхать сюда, чтобы предупредить васъ, васъ...

РАИСА—протягивая къ нему руку.

Спасибо вамъ...

СКВОРЦОВЪ — схватываетъ и страстно нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку.

РАИСА—вздрагивая и оглядываясь.

Что вы дѣлаете?.. Отстаньте...

Старается освободить руку.

СКВОРЦОВЪ.

О, какъ вы меня обрадовали!.. Вѣдь я ждалъ не такой встрѣчи: я думалъ, что вы равнодушны къ Воынову, что вы не захотите слушать меня, а, можетъ быть, даже разсердитесь и прогоните... Я думалъ, что увижу слезы, или досаду, или огорченіе, или презрѣніе ко мнѣ, какъ клеветнику... А вы, вы...

РАИСА—овладѣвая собою и стараясь быть холодною.

Я благодарна вамъ за сестру и мое семейство... Теперь, можетъ быть, очень удобно поправить дѣло безъ скандала, потому что Воыновъ очень встати уѣхалъ въ Петербургъ...

СКВОРЦОВЪ.

Какъ уѣхалъ, когда?..

РАИСА.

А вотъ въ ту самую минуту, какъ вы ждали за садомъ свиданія со мной... Онъ получилъ какую-то телеграмму, неожиданно собрался и уѣхалъ...

СКВОРЦОВЪ.

Опять увернулся!.. жалко!.. Очевидно, эта телеграмма предупреждала его о преслѣдованіи... Ну, значить, онъ больше къ вамъ не возвратится...

РАИСА.

Однако, что же я должна дѣлать? Сказать сестрѣ—она не повѣритъ, родители тоже... Я-то вамъ вѣрю безусловно, но—сестра... родители...

СКВОРЦОВЪ.

Если онъ успѣетъ уѣхать отсюда, то, будьте увѣрены, онъ не воротится... Если же его успѣютъ арестовать здѣсь, то личность его разъяснится сама собой и для вашихъ родителей, и для всѣхъ...

РАИСА—размышляя.

Мнѣ самой давно казалось многое въ немъ странно, подозрительно... Знаете, что меня беспокоитъ: у нихъ были какіе-то продолжительные секретные разговоры съ папашей... Отецъ не разъ проговаривался и въ разговорѣ съ нами, что если бы онъ получилъ вскорѣ ссуду и успѣлъ принять участіе въ предпріятіи Воынова, то быстро бы разбогатѣлъ... Теперь онъ вдругъ собрался и уѣхалъ въ городъ съ Воыновымъ, тоже послѣ разговора наединѣ... Мимоходомъ, я слышала, какъ папа говорилъ мамашѣ, что ему нужно быть у нотариуса, чтобы выдать Воынову въ городѣ какую-то довѣренность... Я боюсь... Папа очень легковѣренъ и довѣрчивъ... Не вышло бы чего-нибудь...

СКВОРЦОВЪ.

Я и не зналъ, что вашъ отецъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ... Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ рассчитываетъ какъ-нибудь обмануть вашего отца!.. Да, это нужно бы предупредить!.. Знаете что: я поѣду сію минуту въ городъ, можетъ быть найду повѣреннаго, а то и прямо обращусь къ исправнику... Однимъ словомъ, попытаюсь какъ-нибудь остановить этого мошенника и помѣшать ему обмануть вашего отца... Прощайте... я сейчасъ же поѣду...

РАИСА.

Я не знаю, какъ благодарить васъ... Вы добрый!.. Но мнѣ совѣстно: вѣдь, до города тридцать верстъ... Вы, чужой намъ... и—такъ заботитесь, принимаете такое участіе!..

СКВОРЦОВЪ.

Да, къ несчастію, чужой... чужой для васъ!.. Но что же дѣлать... Я ничего не требую, ничего не жду... кромѣ доброй памяти... Я чужой для васъ, но вы... вы—не чужая мнѣ!.. Прощайте... Дайте мнѣ вашу ручку, можетъ быть, въ послѣдній разъ...

Орестъ, входившій въ дверь съ балкона изъ сада, замѣтивъ ихъ, останавливается и прячется за косякомъ.

РАИСА.

Нѣтъ, я не такъ выразилась... Я не то хотѣла сказать... Я сама васъ... уважаю, цѣню... Я и Воынова поняла... отказала ему... потому-что узнала васъ... увидѣла, какіе бываютъ настоя-

ице, хорошіе люди... Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не думайте!.. Можеть быть, я держала себя съ вами глупо, неосторожно, можеть быть меня по-дѣломъ бранять за васъ... Но въ душѣ... я всегда... цѣнила васъ... ставила гораздо выше себя и всѣхъ нашихъ знакомыхъ... Повѣрьте мнѣ: я говорю теперъ искренно...

Протягиваетъ ему руку.

СКВОРЦОВЪ—беря ее за руку.

Слушайте: я, вѣдь, знаю, понимаю васъ... Вижу, что въ васъ—свое, непосредственное, чѣмъ я всегда восхищался, и, что навѣянное, привитое воспитаніемъ, средою... О, я знаю хорошо ваше сердце, вашу душу... Но уже теперъ не то, не то мнѣ хотѣлось бы слышать отъ васъ, что вы сказали... И зачѣмъ вы дали себѣ свободу сказать даже эти привѣтливныя слова? Прощаясь съ вами, можеть быть, навсегда, мнѣ легче было бы считать васъ окончательно испорченною, избалованной, безсердечной барышней, мнѣ легче было бы унести впечатлѣніе незаслуженныхъ оскорбленій, насмѣшекъ, презрѣнія... Я тогда скорѣе забылъ бы васъ... можеть быть, возненавидѣлъ бы даже... И это было бы счастье для меня... А теперъ... я унесу въ душѣ свѣтлый, прелестный образъ... съ которымъ я навсегда долженъ разстаться...

РАИСА.

Но зачѣмъ вы говорите—навсегда... я вовсе не хочу съ вами прощаться навсегда... Я хочу и надѣюсь, что мы будемъ видѣться, если не теперъ, то послѣ...

СКВОРЦОВЪ—со страстью.

Но, вѣдь, вы не можете не видѣть, что я люблю васъ, люблю не какъ друга, а какъ женщину... А вы не чувствуете ко мнѣ ничего, кромѣ пріязни, кромѣ уваженія... Вамъ никогда не приходила даже мысль о возможности отвѣтить мнѣ тѣмъ же чувствомъ, о возможности когда-нибудь принадлежать мнѣ... Въ вашихъ глазахъ я всегда останусь, можеть быть, хорошимъ человѣкомъ, но не такимъ, съ которымъ можно связать свою жизнь. (*Хватая ее за руку*). Вы, вѣдь, не любите меня, не считаете даже возможнымъ полюбить?.. Ну, ради Бога, скажите мнѣ всю правду, не хитря, не стѣсняясь, не боясь меня оскорбить...

РАИСА—не отнимая руки, взволнованная.

Я не знаю... Не знаю, что значить любить... Да, я не считала васъ женихомъ... Но мнѣ всегда было весело съ вами, а безъ васъ скучно... Я постоянно думала о васъ...

СКВОРЦОВЪ—въ восторгѣ.

Райса... Райса Алексѣевна... Я не вѣрю... Развѣ это возможно... Радость моя, жизнь моя! Это счастье не для меня!.. Это сонъ!.. Я не могу, не могу говорить...

Со слезами на глазахъ цѣлуетъ ея руку.

Боковая дверь съ шумомъ распахивается, въ нее влетаетъ запыхавшаяся
МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА въ сопровожденіи ОРЕСТА.

ОРЕСТЪ.

Вотъ, я негодай... А она что дѣлаетъ: вотъ полюбуйтесь!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—едва въ силахъ говорить
отъ волненія.

Вонъ, милостивый, государь, вонъ!.. Какъ вы смѣли подумать!.. Не смѣйте и думать... Наглецъ!.. Поповичъ!.. Вонъ, я вамъ говорю... Никогда этого быть не можетъ...

РАЙСА.

Успокойтесь, мамаша... Онъ уйдетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Молчи... Я съ тобой послѣ поговорю...

СКВОРЦОВЪ.

Позвольте, Марья Григорьевна...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—визгливо.

Вонъ, я говорю... Не смѣй говорить!.. Я людей позову, вытолкать велю... Чтобъ никогда духу твоего здѣсь не было!.. Ахъ, ахъ, ахъ...

Начинается истерика.

ОРЕСТЪ.

Что это въ самомъ дѣлѣ такое... Я пойду Павла позову...

Уходить.

РАЙСА.

Борисъ Николаичъ!.. Это ничего!.. Побѣжайте, пожалуйста, поскорѣе туда: можетъ быть, еще успѣете... Устройте, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ пріѣзжайте сюда и привозите, если можно, какое-нибудь доказательство о томъ господинѣ... До вашего возвращенія я ничего не буду говорить имъ о немъ. Пожалуйста, только извините мамашу... для меня!..

Подаетъ ему руку.

СКВОРЦОВЪ.

Для васъ я все прощу... и все перенесу... Я такъ счастливъ, какъ рѣдко бываютъ люди... До свиданія...

Быстро уходитъ.

Марья Григорьевна, которая во время разговора Раисы со Сквиорцовымъ дѣлала истерику вполголоса, наблюдала и прислушивалась, послѣ ухода Сквиорцова начинаетъ опять громко охать и хохотать истерически.

РАИСА.

Мамаша, мамаша, успокойтесь...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—въ истерикѣ.

Прочь, прочь... Безстыдница! Неблагодарная! Ахъ, ха, ха, ха!..

Входитъ ОРЕСТЬ съ ПАВЛОМЪ.

РАИСА.

Павелъ, принесите воды поскорѣе, а ты, Орестъ, подай спирта или гофманскихъ капель... Мамаша, мамаша, успокойтесь...

ОРЕСТЬ.

А, убѣжалъ, струсилъ!.. Я бы ему навласть...

РАИСА—строго.

Принеси же спирту, я тебѣ говорю... и позови Ольгу... Мамаша, мамаша, успокойтесь... Вѣдь ничего не случилось особеннаго...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—въ истерикѣ.

Осрамила, осрамила... все семейство, всю фамилію, на всю округу... На весь уѣздъ... Ха, ха, ха!.. Не позволю, не позволю... Не бывать этому, не бывать! ахъ, ахъ, ха, ха, ха!..

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Угловая, она же и чайная, комната въ домѣ Квашнина. Два дивана. Передъ однимъ изъ нихъ круглый столъ. Утро.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА сидитъ за чайнымъ столомъ, ОРЕСТЬ и КОВЫРНЕВЪ пьютъ чай.

ОРЕСТЬ—оканчивая стаканъ.

Больше не хочу... Ну, Ковырневъ, кончай же скорѣе да поѣдемъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Позвольте, ангелъ мой, папашеньки бы подождали, когда вернутся, узнали бы, разспросили обо всѣмъ, какъ и что... Развѣ вамъ не интересно знать?..

ОРЕСТЬ.

Да чего тутъ знать: распростились, Аркадій Петровичъ поѣхалъ въ Петербургъ, папаша—домой... Вотъ и всѣ новости... Чего тутъ разспрашивать?.. Поѣдемъ скорѣй... Еще не напился развѣ? Который стаканъ оплетаешь?.. Мамашу-то замучилъ наливая... Ненасытная утроба!..

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангелъ мой... я, кажется не нахрапомъ: ваше же доброе... душевное угощеніе... Маменькино безпокойство по доброй ея душѣ, не въ черезъ-силу... Она изволить знать, что я на счетъ чайку этого грѣшникъ большой... Можетъ, не слѣдъ бы мнѣ и пить-то по бѣдности моей, да вотъ дворянская-то привычка... Маменька-то меня, старика, и изволить баловать, не взираетъ на свое безпокойство... А вы, ангелъ мой, по молодости своей меня осуждаете...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, да, пей на доброе здоровье... Давай еще налью... Ну, что ты, Орестъ, болтаешь...

КОВЫРНЕВЪ—подавая стаканъ, къ Оресту.

Вотъ видишь ты, вотъ мамашенька-то, старая-то благодѣтельница, и почитаетъ старика... Знаетъ, что—своя кровь, благородная, не какая-нибудь... А вы, молодые люди...

ОРЕСТЬ.

Ну, надоѣлъ: я коли такъ одинъ поѣду...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да куда это вы собираетесь?..

ОРЕСТЬ.

Да за Джальмой, мамаша... Я просто стосковался по немъ... Вотъ какъ глаза разжалъ—все зову: поѣдемъ, такъ нѣтъ, видите, безъ чаю онъ никакъ не можетъ... Баринъ какой!.. А теперь вотъ отъ самовара оттащить нельзя...

КОВЫРНЕВЪ.

Не то безъ чаю, ангель мой... Правда, что у меня съ утра грудь заваливается, а изопью чайку—и отпустить... А главный предметъ: какъ же мы уѣдемъ, папашеньку не повидавши, ничего не разузнавши: какъ нашъ соколъ въ дальнюю сторонку полетѣлъ... И папашенька встанутъ, могутъ хватиться: гдѣ Ковырневъ, гдѣ Орестъ?.. А насъ и нѣту... И будетъ непріятность: не могли, скажете, подождать меня... (*Къ Марьѣ Григорьевнѣ*). Вотъ, благодѣтельница, какое мое было разсужденіе, а не то—чай... Что чай?.. Чай—чаемъ, а главное—къ родителямъ почтеніе... Такъ ли я, матушка, говорю?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И совершенно справедливо!.. И, конечно, слѣдуетъ отца подождать: что за нетерпѣніе такое... Не уйдетъ отъ тебя твой Джальма, коли ужъ подаренъ тебѣ... Успѣешь—наѣздишься...

ОРЕСТЬ.

Да, успѣешь... А вотъ какъ испортить его тамъ... Лошадь-то тысячная...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пустяки, пустяки!.. Изволь отца подождать... Нѣтъ ужъ, избаловала я васъ совсѣмъ... Давно ужъ пора за васъ приняться... Дѣлаете, что хотите, ни на что не похоже, а особенно ты... Изволь, изволь, папашу подождать: у него спросись!.. Нѣтъ ужъ—довольно: я вижу теперь примѣры, какъ вы всѣ избалованы...

ОРЕСТЬ—надувши губы, кидается въ кресло.
Тихо Ковырневу.

Погоди, дьяволъ, старый чортъ, я тебя утѣшу... Подхалима проклятая!.. Лизоблюдь!..

КОВЫРНЕВЪ—какъ-бы не слыша.

Поздненько, видно, воротился-то, Алексѣй Михайлычъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ не поздно: передъ разсвѣтомъ...

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, я все было поджидалъ, все не спалъ...

ОРЕСТЬ.

Да, не спалъ ты... Дрыхъ съ 10 часовъ во всю ивановскую...

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, истинно не спалъ... Куда за полночь выходилъ даже на улицу: прислушивался—не ѣдетъ ли?.. Нѣтъ, ничего не слышать... Къ утру-то ужъ, видно, разморило меня очень: уснулъ, такъ ничего и не слышалъ... Утромъ проснулся ранѣхонько... Неужто, спрашиваю, не бывалъ еще баринъ?.. Нѣтъ, говорятъ, пріѣхалъ... Только напугали же меня, проклятые: не совсѣмъ будто, сказываютъ, въ своемъ здоровьѣ, на силу на великую на рукахъ вынули изъ тарантаса... Такъ я и мучился до самаго вашего вставанья... Такъ ни въ чемъ, ангелъ мой, въ здоровьѣ-то въ своемъ—все благополучно?.. Алексѣй-то Михайлычъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ужъ я тебѣ говорила, что ничего... Видно, немножко лишняго на разстаняхъ выпили, дорогой-то его порастрясло... Ну, и...

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, такъ, ангелъ мой!.. Это такъ точно, что на разстаняхъ... Нельзя безъ этого... Ну, а дорогой-то поразмяло, поразмотало его: тоже—дорога не ближняя до города... Это такъ точно... А вотъ пропочивается, все какъ рукой снять... Ну, такъ это слава Богу!.. Это ничего!.. (*Входитъ Оля*). А вотъ и сударыня наша... Невѣста наша прекрасная... (*Подходитъ къ ручкѣ*). Съ добрымъ утромъ, ангелъ мой, какъ изволили ночку почивать? А ужъ кого во снѣ видѣли—самъ знаю...

ОЛЬГА.

Я совсѣмъ не спала: всю ночь глазъ не сомкнула... Здравствуйте, мамаша.

Цѣлуются.

КОВЫРНЕВЪ.

Чтѣй-то, сударыня: неужто все о дружбѣ своемъ думала?.. Вѣдь, этакъ и въ личиѣ измѣна будетъ и съ тѣльца спадете... Ночи не спать!.. Какъ это можно!.. И Аркадій Петровичъ пріѣдутъ, увидятъ, что схудали, спасибо не скажетъ... Какъ намъ будетъ за васъ отвѣтъ-то держать?.. Скажетъ: чего смотрѣли?.. Отчего не покоили моего драгоценнаго предмета?..

ОЛЬГА.

Ну, конечно, кому же отвѣчать за меня, какъ не тебѣ?..

КОВЫРНЕВЪ.

А какъ вы думаете, ангелъ мой!.. И очень отъ мнѣ нака-

зывать всячески соблюдать его драгоценную собинку... Какъ ужъ просилъ, какъ просилъ!.. Сами, чай, слышали...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, я что-то не слыхала...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, ангелъ мой, не слыхали? И при васъ, при самихъ, вторительно повторялъ: будь, говорить, безотлучно при госпожахъ, утѣшай и забавляй ихъ...

ОРЕСТЬ.

Такъ ты бы вверхъ ногами ходилъ, какъ тебя заставляли у Хлябовыхъ: на что ужъ забавнѣе... Встань-ка да походи...

КОВЫРНЕВЪ.

Эхъ, милый вьюнышъ, ангелъ мой, Орестъ Алексѣичъ!.. Старца почти!—сказано... А не то что все въ смѣхъ, да въ обиду... Мало ли что недобрые люди дѣлаютъ: какъ надъ бѣднымъ человѣкомъ смѣются... Вамъ это не примѣръ: не таковы ваши родители благородные... Вотъ что, ангелъ мой!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—съ неудовольствіемъ.

Ну-ка, полноте... Что еще за ссоры... И безъ того мнѣ не до того... (*Къ Ольгѣ*). Что принцесса-то наша, Ранса-то: выйдетъ, или нѣтъ?.. Али сама надурила, да сама же и гнѣваться изволить?..

ОЛЬГА.

Она говорить: я не выйду изъ своей комнаты, пока меня не позовутъ... Если гонять, говорить, вонъ человѣка, который мнѣ пріятенъ, такъ, пожалуй, и меня выгонять, если я приду незваная...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Видишь ты какъ!.. Ну, да ужъ не переломить же она меня этимъ... Ужъ не позволю свою фамилію пачкать такими женихами... Изволите видѣть: одна дочь будетъ за Воыновымъ, за такимъ человѣкомъ, что весь уѣздъ теперь завидуетъ, а другая за нищимъ, наемщикомъ, училищной какимъ-то... Богъ знаетъ, еще дьячковъ нѣтъ ли въ родствѣ!.. Ужъ не бывать этого: напрасно она думаетъ меня этими выходами переломить, что выходить не хочетъ, и безъ чаю остается... По мнѣ хоть безъ обѣда оставайся, а ужъ не позволю... А вотъ отецъ встанетъ, расскажу ему все,—какъ хочетъ: пускай онъ съ ней поговорить, а мнѣ ужъ это не подѣ силу, а изъ силъ выбилась... Не по моему здоровью такіа исторія...

ОЛЬГА.

Мамаша, да, вѣдь, она, кажется, и не думаетъ за него замужъ идти... Вы напрасно только тревожитесь...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ, матушка, напрасно: сама видѣла—ручки у нея цѣловаль...

ОЛЬГА.

Ну, такъ что же за важность такая... Мало ли кто у кого руки цѣлуется...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, вѣдь, учитель, Олинъка!.. Какъ это ты говоришь, мой другъ... Вѣдь, не кто-нибудь, а учитель!.. Ну что ужъ учитель... Сама ты разсуди!..

ОРЕСТЬ.

А я и разговоръ ихъ слышалъ... Въ любви изъяснялся, тоже чувства свои размазывалъ передъ нею... А та и рада, довольна: красненькая стоитъ передъ нимъ, раскисла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вотъ, слышишь...

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ не пара, сказать, что не пара!.. Квашиннымъ барышнямъ Волиновъ—вотъ женихъ на первый сортъ... Ужъ всякой скажетъ: женихъ!.. А Скворцовъ-то ровно какъ бы ужъ и обиденько, и очень обиденько!.. Не та снасть!.. Да и кровь-то не наша, не подходящая...

ОЛЬГА.

Ну, да, впрочемъ, это не мое дѣло... А я, мамаша, всю ночь не могла уснуть...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Отчего же это, милая моя?.. Зачѣмъ ты такъ себя убиваешь...

ОЛЬГА.

Я все думала о немъ и писала къ нему... Я вотъ нарочно принесла прочитать вамъ нѣкоторые отрывки, если хотите... Кажется, не дурно вышло, отъ души...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прочитай, прочитай... Очень мнѣ это пріятно, что ты къ первой къ матери идешь посоветоваться... Вотъ это по-дочерни!.. Прочитай, моя душенька... (*Цѣлуетъ ее*).

КОВЫРНЕВЪ—со вздохомъ.

Ужъ на что лучше къ родительницѣ во всякомъ дѣлѣ при-

бѣгать... На кого ближе облокотиться, какъ не на мать родную... Мать—напаче всего, она во чревѣ носить... Она завсегда и поддерживать во всякомъ дѣлѣ... Таковыхъ людей, что родителей своихъ почитаютъ, и Богъ-отъ награждаетъ, и люди-то одобряютъ... Такимъ-то людямъ...

ОЛЬГА.

Ну, Ковырневъ, перестань... Коли хочешь слушать, такъ слушай, а то уходи—не мѣшай...

КОВЫРНЕВЪ.

Слушаю, ангелъ мой, слушаю... Какъ мнѣ не слушать... Съ полнымъ даже... чувствомъ моимъ... потому...

ОЛЬГА.

Да перестань же... Я буду читать, мамаша... (*Начинаетъ читать*). «Послѣ отъѣзда вашего... да, *вашего*... только души и сердца наши, не слышно ни для кого, говорить другъ другу: *ты!*.. Но ни люди, ни свѣтъ, ни обычаи не позволяютъ еще намъ открывать свои сердца, и мы должны замѣнять это *ты* холоднымъ *вы*... Итакъ, послѣ вашего отъѣзда, истерзанная тоскою, горемъ, скукою, но не расставаясь съ вами мыслию ни на одну минуту, я стремилась прочь отъ всѣхъ, въ уединеніе»...

ОРЕСТЪ.

Да ты вчера весь вечеръ съ мамашей и съ Ковырневымъ просидѣла...

ОЛЬГА.

Тебя не спрашиваютъ... Ты еще слишкомъ глухъ, чтобы критиковать... Кабы ты читалъ больше, ты бы понималъ, какъ надо писать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Перестань, Орестъ!.. Правда, что не понимаешь: она отъ души пишетъ... изъ ума... а ты... Дуракъ!.. Читай, читай, Оленька, очень хорошо... И вѣжливо, и трогательно—очень хорошо!..

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ прекрасно, ангелъ мой, что сказать невозможно... даже до слезъ...

ОЛЬГА—читаетъ.

«Въ уединеніи... Да... Я пошла въ садъ, въ ту аллею, которую мы такъ оба любили, и гдѣ, вы помните, въ первый разъ, среди благоухающей природы, подъ сводомъ смотрѣвшаго на насъ неба, совершилось между нами то незабвенное, давно-желанное, таинственное»...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—перебивая.

Ахъ, погоди-ка, Олинька, это что-то... какъ будто неловко: совершилось!.. Можно Богъ знаетъ что подумать... Меня даже точно что въ сердце кольнуло...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, мамаша, не безпокойтесь... Вы не дослушали... Перебили меня... Вы слушайте: «въ первый разъ... совершилось между нами то незабвенное, давно-желанное, таинственное, чудное, взаимное открытiе нашихъ душъ...» Вотъ видите: ничего нѣтъ такого!...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Правда... Оно даже очень хорошо сказано, а все-таки лучше, кабы ты какъ-нибудь это по другому, а то: въ первый разъ!.. совершилось!.. Какъ-то странно... неловко!..

ОЛЬГА.

Ну, хорошо: я подумаю, перемѣню... (*Читаетъ*). «Тогда и небо, и деревья, и трава слышали наши взаимныя признанiя и раздѣляли наши чувства: все сияло, все ликовало, все радовалось...»

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, какъ прекрасно!.. Совсѣмъ ты у меня сочинительница!.. Хоть печатай!..

КОВЫРНЕВЪ.

Истинно: какъ все въ складъ расписано...

ОЛЬГА.

Ну, дальше... (*Читаетъ*). «Я видѣла тогда, что природа раздѣляетъ мою радость... Но что же теперь? Раздѣлить ли она мою тоску, мое горе въ разлукѣ съ половиною моего существа»...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вотъ опять... Кабы послѣ свадьбы писала...

ОЛЬГА.

Ну, это вздоръ, мамаша!.. Все равно: онъ для меня и теперь половина моего существа: онъ такъ мнѣ дорогъ!.. Нѣтъ, я этого не перемѣню...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, какъ хочешь... Я только такъ...

ОЛЬГА.

Вы слушайте дальше. (*Читаетъ*). «И что же мнѣ показалось?.. Мнѣ показалось, что небо мрачно, что деревья уныло машутъ своими вершинами, какъ-бы жалѣють обо мнѣ, что

каждый цвѣтокъ, каждая травка опустили свою головку... Но вдругъ засвисталъ соловей»...

ОРЕСТЬ.

Днемъ-то?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—укоризненно.

Орестъ...

ОЛЬГА—читаетъ.

«Засвисталъ соловей, этотъ вѣстникъ любви»... Мамаша, вамъ нравится это выраженіе: соловей—вѣстникъ любви...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прекрасное выраженіе!..

ОЛЬГА—продолжаетъ.

«Этотъ вѣстникъ любви. Его пѣніе показалось мнѣ вашимъ голосомъ»...

ОРЕСТЬ—тихо.

Похоже...

ОЛЬГА.

«Онъ говорилъ мнѣ слова любви и утѣшенія... Я слушала его—и поняла: онъ говорилъ мнѣ: я тоже люблю тебя, думаю о тебѣ, скучаю въ разлукѣ съ тобою... О, правда ли это?.. Не обманывай меня!.. Если я должна потерять любовь твою, должна погибнуть... О, говори скорѣе, не оставляй меня терзаться сомнѣніями!.. Для меня нѣтъ жизни безъ милаго, безъ того, кому я отдаю себя навсегда, вѣчно!.. Если онъ обманетъ меня, я умру, я погибну, или сойду съ ума, превращусь въ безумное существо!.. Но онъ умолекъ безъ отвѣта... Я пла, опустивши въ землю глаза, и на пескѣ дорожки искала вашихъ слѣдовъ... Я нашла ихъ: они были перепутаны съ моими»...

ОРЕСТЬ—фыркнувъ.

Да, какже!.. разберешь тутъ слѣды... кривой Федоръ въ лап-тахъ постоянно по этой аллеѣ дрова таскаетъ!..

ОЛЬГА—обидѣвшись.

Ну, что это, мамаша, это невозможно!.. Я не буду читать... Велите ему уйти отсюда... Мальчишка, и смѣетъ насмѣхаться надъ тѣмъ, чего не понимаетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Орестъ, что ты въ самомъ-дѣлѣ забываешься... Какъ ты смѣешь противъ старшей сестры, невѣсты... Уйди, коли не можешь молча слушать...

ОРЕСТЬ.

Да я бы давно ушелъ: вы сами не пустили... Я коли такъ поѣду за Джальмой...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, поѣзжай куда хочешь... Надоѣлы.. Я ужъ знаю, что тебѣ не сидится...

ОРЕСТЬ—Ковырневу.

Ну, а ты, поѣдешь, или нѣтъ, со мной?..

КОВЫРНЕВЪ.

Я не знаю, ангелъ мой, какъ мамашенька скажутъ... Папашенька бы не огнѣвался...

ОРЕСТЬ.

Ну, чортъ съ тобой, я и одинъ съѣзжу, съ Андрюшкой...
Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—Ковырневу.

Да ужъ съѣзди ты съ нимъ... Все постарше, по-опытнѣй... А то поведутъ они эту лошадь... Я боюсь, не убила бы какъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Коли въ угоду вамъ, матушка, я съ моимъ полнымъ удовольствіемъ готовъ послужить... Конечно, что я ужъ по-присмотру получше, и очень баловаться не дамъ... Только вотъ какъ бы Алексѣй Михайлычъ, опасаясь я, не хватились... Не огнѣвались бы...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣту, ничего... Я ему скажу... Ужъ ступай, съѣзди съ нимъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Слушаю, сударыня... Съѣзжу...

Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну-ка, Олинъка, вотъ теперь всѣхъ отослали: никто не помѣшаетъ... Почитай-ка еще... Какъ, право, ты все это прекрасно описала!.. И откуда это у тебя берется?.. Удивительно это даже для меня... Нѣтъ, Ранчикъ такъ не удастся, не написать!..

ОЛЬГА.

А вы думали, что ваша любимица Ранса одна все умѣетъ... всѣ звѣзды съ неба хватаетъ... А про меня думали, что я дурочка...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, я ничего никогда про тебя дурного не думала... Я тебя всегда за большую умницу считала... А Ранчика, какая же она моя любимица особенная... Всѣ вы у меня любимицы рав-

ныи... Можетъ, больше спускала ей, что, думала, ребенокъ... Ну, а ужъ теперь вижу: нѣтъ, она съ душкомъ!.. Да выходить и ума въ ней нѣтъ большого... Вотъ и Аркадій Петровичъ, ужъ, кажется, ума палата, а тебя же предпочелъ...

ОЛЬГА.

Ужъ не напоминайте, мамаша!.. Вы и тогда хотѣли ему свою Ранчу навязать... Еслибъ онъ не былъ такъ влюбленъ въ меня, и не поторопился сдѣлать предложеніе, а Ранса не закапризничала бы и дала согласіе... Я не знаю, что бы тогда за скандалъ вышелъ... А все ваше пристрастіе... Ужъ Ранча, Ранча!.. А что ваша Ранча, вотъ, влюбилась въ учительшку, да еще замужъ за него выйдетъ... Вотъ вамъ и Ранча ваша!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, ужъ нѣтъ, ужъ этому не бывать!.. Что другое уступлю, а ужъ въ этомъ пусть извинить...

ОЛЬГА.

Да она захочетъ, такъ поставить на своемъ... Вы знаете ея взыскательный, упрямый характеръ... Захочетъ выйти за него, она не задумается — и убѣжитъ... Не будете же ее подъ замкомъ держать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, не пугай ты меня, Оленька... Я и безъ того напугана... Я не знаю что мнѣ и дѣлать: лаской, что ли, мнѣ на нее дѣйствовать... да уговоромъ... Ужъ папашѣ-то, я не знаю, говорить ли: тотъ бурю такую подниметъ, что послѣ еще бы хуже не вышло... Нѣтъ, ужъ видно, лучше мнѣ ее посовѣстить, да приласкать... а?.. какъ ты думаешь?..

ОЛЬГА.

Я не знаю, какъ хотите... Да изъ-за чего вы такъ хлопочете... По-моему, такъ пускай каждая выходитъ за кого хочетъ: всякой выбираетъ по себѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, что ты говоришь, Оленька... Какая же это пара Рансѣ?.. Это пятно даже на тебя падетъ, что у тебя сестра за какимъ-нибудь Скворцовымъ замужемъ... Нѣтъ, нѣтъ, я поговорю съ ней, а увижу, что не слушаетъ, отцу скажу...

Входитъ АНДРЕВНА съ подносомъ въ рукахъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что, али баринъ проснулся?

АНДРЕВНА.

Проснулся, одѣвается... Сейчасъ Павелъ прибѣгаетъ, чтобы закуску неслა...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А самоваръ-то готовъ-ли горячій?.. Этотъ остылъ.. Прими-ка его, да вели принести другой...

АНДРЕВНА.

Что это у насъ Ранча не идетъ чай-то кушать... Спрашивала, спрашивала, не отвѣчаетъ... Велѣла себѣ молока да хлѣба чернаго принести, покушала, да такъ безъ чаю и сидитъ... И изъ своей комнаты никуда неидетъ... Что за оказія за такая... Поссорились, что ли, вы съ ней? Видать, что поссорились: вчера шумъ-отъ былъ... Да изъ-за чего вышло-то?.. Дѣвки сказываютъ, — изъ-за учителя, что учитель къ ней воровскимъ манеромъ на свиданье приходилъ... Да я не вѣрю: не таковская она у меня барышня... Обругала только ихъ, безпутковъ, не велѣла и рта развѣвать на такія рѣчи... Скажи ты мнѣ, матушка-барыня, всю правду-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ, нашла время, стану я теперь тебѣ рассказывать... Съ тобой, вѣдь, кричать надо... А ты поди-ка лучше, скажи ей, упрямицѣ, что мамаша приказала, дескать, сейчасъ же въ чайную идти... Чтобы сейчасъ же, — до папаша пришла... Слышишь?

АНДРЕВНА.

Слышу, слышу... Что это у насъ за аказіи — и, Господи, пошли!.. Чего никогда не бывало... Пускай Орестъ: тотъ озорникъ!.. А то Ранча... Хоть смѣла, шаловлива, а кажись всегда съ умомъ была...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, иди же, иди... Посылай ее скорѣе... Да самоваръ-отъ возьми... Слышишь?..

АНДРЕВНА.

Ну, такъ неужто не слышу... Вы не какъ вонъ Орестъ, внятно говорите... А вонъ тотъ такъ все пошептомъ, пошептомъ, нарочно меня старуху на смѣхъ...

Беретъ самоваръ и уходитъ.

ОЛЬГА.

Какъ вамъ, мамаша, не скучно разговаривать съ Андревной.. Еще рассказываете ей все... И она приходитъ къ вамъ точно не къ барынѣ, а къ товаркѣ какой...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, что, Олинъка, съ нея взять, старухи... Я въ ней при-
выкла, она преданная нашему дому... всѣхъ васъ выводила...

ОЛЬГА.

Да скучно, мамаша, и неприлично: все-таки прислуга...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, мой другъ, я не гордая... Меня не убудеть, что пого-
ворю съ нею... А мнѣ коли преданная слуга, такъ дороже всего
на свѣтѣ...

Входить РАИСА.

РАИСА—подходя къ матери.

Вы меня звали, мамаша?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты хоть бы поздоровалась съ матерью-то... Сегодня, кажется,
еще не видались...

РАИСА—цѣлуетъ руку матери.

Я думала, мамаша, что вамъ это будетъ неприятно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Почтеніе-то къ матери неприятно?.. Ну, ужъ, матушка, я
вижу у тебя умъ за-разумъ зашелъ... Что же, дерзость мнѣ ваша
пріятіе и неуваженіе?..

РАИСА.

Вы мнѣ не приказали вчера подходить къ себѣ... Я и не
смѣла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, матушка, кажется, ужъ очень смѣла: дѣлаешь все,
что тебѣ вздумается, никого не спрашиваешься... Кажется, я ни-
чѣмъ тебя не оскорбила, не обидѣла, а оскорбила ли, нѣтъ ли,
ты меня, такъ, по-моему, дочери слѣдовало бы первой подойти
да извиниться передъ матерью... А не разыгрывать такихъ ро-
лей: не сидѣть безвыходно въ своей комнатѣ безъ чаю...

РАИСА.

Какъ только вы приказали, я тотчасъ пришла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пришла да безъ всякаго чувства, безо всякаго сознанія...
Ты, кажется, совсѣмъ не понимаешь даже, что вчера оскорбила
меня и обидѣла...

РАИСА.

Нѣтъ, мамаша, мнѣ кажется, я васъ ничѣмъ не оскорбила...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Скажите, пожалуйста, это она мнѣ прямо въ глаза говорить... Да развѣ это не оскорбленіе для матери, что ты, безъ вѣдома ея, позволила ничтожному человѣку извѣстнаго въ любви, цѣловать у тебя руки и... и... не знаю еще что...

РАИСА.

Я этого не ожидала, не предвидѣла, и потому не могла предупредить васъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ты не должна была совсѣмъ и принимать его одна, безъ матери, безъ сестры... Да ужъ не говоря объ этомъ, я гоню его вонъ, приказываю уйти, мнѣ дурно дѣлается отъ разстройства, а она этому же человѣку опять руку подаетъ и шепчется съ нимъ въ присутствіи моемъ... И это, по-твоему, не кровное оскорбленіе?

РАИСА.

Я думала, мамаша, что вамъ дурно, и что вы этого не замѣтите...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Скажите, пожалуйста, можно ли съ этой дѣвочкой сговорить?.. Нѣтъ, Раиса, ты безчувственная, безсердечная, въ тебѣ искры любви къ матери нѣтъ!.. Богъ съ тобой!.. Я не того отъ тебя ожидала... Я считала тебя доброй, любящей, а ты въ глаза надъ матерью насмѣхаешься... Богъ съ тобой!..

Плачетъ.

РАИСА—бросаясь къ ней съ участіемъ.

Мамочка, милая, душенька, что вы? Ну, о чемъ вы плачете?.. Ну, простите меня, если я васъ обидѣла... Я не хотѣла оскорбить васъ... Ну, мамочка, перестаньте плакать... Ну, простите меня.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, Раиса, Богъ съ тобой, я вижу, что мнѣ съ тобой не сговорить: ты меня не уважаешь и не любишь... Я расскажу все отцу: пускай ужъ онъ разсудитъ и поговоритъ съ тобой... Все расскажу...

РАИСА—принимая снова холодный и спокойный видъ.

Какъ вамъ угодно... Расскажите!.. Я и сама вовсе не хотѣла скрывать ни отъ васъ, ни отъ папа посѣщеніе Бориса Николаича...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты даже, можетъ быть, и опять намѣрена повторять эти тайны свиданія?..

РАИСА.

Совсѣмъ не тайныя... А я прямо просила его бывать у насъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, ужъ извините: этого-то я не позволю... И отецъ не позволитъ...

РАИСА.

Отчего же, мамаша? вѣдь, онъ жилъ же у насъ слишкомъ два мѣсяца, очень часто оставался со мной наединѣ, никто никогда не запрещалъ мнѣ разговаривать съ нимъ, вы даже очень любили и хвалили его... А теперь вдругъ и бывать ему нельзя у насъ... Онъ остался такой же, какъ и былъ, и я точно также...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, да ужъ ты сколько хочешь хитри и умничай, а я этого не позволю... Прежде онъ жилъ у насъ, какъ наемный учитель, а теперь какъ онъ будетъ бывать?.. какъ женихъ, что ли?..

РАИСА.

Просто какъ знакомый...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такихъ знакомыхъ въ нашемъ семействѣ быть не можетъ...

РАИСА.

Есть многіе гораздо хуже и глупѣй, и безчестнѣе его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Можетъ быть, можетъ быть, только ни я, ни отецъ твой такихъ знакомыхъ не желаемъ, которые, забывая свой низкой родъ, осмѣливаются у моихъ дочерей руки цѣловать и въ любви передъ ними изъясняться... (*Входитъ Павелъ съ кипящимъ самоваромъ*). Что баринъ, скоро?

ПАВЕЛЪ.

Сейчасъ, идуть-съ...

Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ папаша сейчасъ придетъ, мы его спросимъ: какъ онъ смотритъ на такихъ знакомыхъ... Вотъ, садись, подожди его, коли для тебя материнскія слова ничего не значать...

Входитъ КВАШНИНЪ. Дочери подходятъ къ нему здороваться. Съ женой онъ цѣлуется и садится за трапезу.

КВАШНИНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте... Ну, какъ, что?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ ты съѣздила? Расскажи намъ... давно мы съ нетерпѣніемъ тебя ожидаемъ...

КВАШНИНЪ—закусывая.

Ничего... Все отлично, превосходно...

ОЛЬГА.

Что, Аркадій, папаша?

КВАШНИНЪ.

Кланяется, кланяется... Особенно ужъ тебѣ, Оля... Ужъ такіе у него восторги, такія чувства въ тебѣ!.. Просто, всю дорогу только и словъ, что про тебя... И такая ты и сякая: и умная, и добрая, и солидная, и красавица писанная, просто всѣ добродѣтели!..

ОЛЬГА,

Ахъ, милый!.. А онъ не прислалъ папа, записочки съ вами?..

КВАШНИНЪ.

Нѣтъ, милый другъ... Да и некогда было... Какъ пріѣхали, прямо въ нотаріусу... Сдѣлали дѣло, надо было закусить... Ну, а тутъ ужъ и лошади ждутъ...

ОЛЬГА.

Неужели же онъ не нашелъ минутки свободной, чтобы хоть строчку, хоть словечко черкнуть мнѣ...

КВАШНИНЪ.

Некогда, некогда было, Оля, ей-Богу, некогда... Каждая минута была занята, и торопился онъ очень... И какой же онъ дѣлецъ!.. Ну, ужъ, посмотрѣлся я!.. Мало такихъ видалъ... У нотаріуса это самъ диктуетъ, самъ пишетъ... И все онъ знаетъ, всѣ законы... Нотаріуса-то учить... Удивительный человѣкъ!..

ОЛЬГА.

Онъ геній, папаша...

КВАШНИНЪ.

Ужъ именно геній!.. Это надобно правду сказать... Такихъ людей не много...

ОЛЬГА.

А все-таки я въ большой на него претензіи, что онъ не написалъ ко мнѣ... не утѣшилъ меня...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, ты, какая чудная... Вѣдь, говорю же тебѣ, минуты свободной не было... Ему непремѣнно нужно было сегодня утромъ попасть на желѣзную дорогу, да еще заѣхать въ одному бога-

тому купцу, съ которымъ у него тоже дѣла... Да и зачѣмъ тебѣ письмо, когда, вотъ, я на лицо, живое тебѣ письмо... А ужъ что любить тебя, что все готовъ для тебя сдѣлать, ты не сомнѣвайся: ужъ это я тебѣ вѣрно говорю... У меня есть даже доказательства...

ОЛЬГА.

Да, знаю, знаю, папочка... Въ любви-то его я увѣрена; знаю и то, какъ онъ великодушенъ, на что способенъ и что онъ сдѣлалъ для васъ...

КВАШНИНЪ.

Сказалъ развѣ?..

ОЛЬГА.

Я требовала, чтобы онъ сказалъ, онъ не могъ скрыть, но закидывалъ меня никому не говорить, и я молчала... Но вообразите, папаша, онъ считаетъ это свое одолженіе ни во что, говорить, что это пустяки...

КВАШНИНЪ.

Да для него, можетъ быть, пустяки, а для насъ это благодѣяніе...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да что такое? Про что вы говорите? Что это за секретъ?..

КВАШНИНЪ.

Теперь ужъ это не секретъ... Я могу всѣмъ сказать, пускай всѣ знаютъ, каковъ мой будущій затѣкъ... Да, Марья Григорьевна, спасибо ему... Не всякій родной сынъ это сдѣлаетъ!.. Онъ мнѣ далъ взаймы, безъ процентовъ, сто тысячъ рублей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Сто тысячъ?..

КВАШНИНЪ.

Да-съ, сто тысячъ, пустяки!.. И благодаря ему, я буду учредителемъ предпріятія, которое, можетъ быть, дастъ мнѣ миллиончикъ... Вотъ что сдѣлалъ для меня ея женихъ, нашъ будущій зять, Аркадій Петровичъ Воыновъ...

РАЙСА.

Папаша, онъ вамъ въ руки эти деньги отдалъ?.. Вы ихъ получили отъ него?

КВАШНИНЪ.

Что за глупый вопросъ?—если я занялъ у него, такъ, разумѣется, получилъ...

ОЛЬГА.

Странная ты, Ранча! Это, вѣдь, не одни разговоры, не шутка, а настоящія, настоящія сто тысячъ рублей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, это благородный поступокъ...

КВАШНИНЪ.

Да-съ, этотъ женихъ не изъ тѣхъ, что въ карманъ тестю смотреть... Этотъ самъ старается, заботится о будущей своей роднѣ... Этотъ не изъ тѣхъ прощальгъ, что подѣзжаютъ къ богатымъ невѣстамъ и прикидываются влюбленными, а у самого на умѣ одно, какъ бы къ приданому-то подобраться поскорѣе... Эти вотъ всѣ чиноши мелкіе, разночинцы, учительшкіе разные, вся эта нищета безродная... Наберутся разныхъ словъ изъ книженокъ своихъ, да и размазываютъ передъ барышнями, что побогаче... А наши дуры, развѣся уши, слушаютъ: ахъ, какъ уменъ, ахъ, какъ влюбленъ!.. Вотъ кого осчастливить нужно!.. Вотъ съ кѣмъ соединить жизнь... Бѣдный, несчастный!.. Умреть, пожалуй, отъ любви, чахотку схватитъ!.. А онъ, прощальга, и не думаетъ объ ея любви и чувствахъ, а подыгрывается какъ воръ, что изъ кармана платки таскаетъ... Ты не знаешь ли, Ранса Алексѣевна, такихъ мазуриковъ?..

РАИСА.

Знаю, папаша...

КВАШНИНЪ.

Знаешь... Ну, и прекрасно!.. И прошу изъ головы этотъ вздоръ выкинуть, а впередъ отъ такихъ людей держать себя по-дальше, — помнить чья ты дочь и что для тебя партія можетъ быть лучше...

РАИСА.

Я, вѣдь, и отказала ему, папаша.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же ты мнѣ этого не сказала... Вообрази, дружокъ, какая дерзость: только-что ты уѣхалъ, къ намъ — ужъ не знаю какъ — прорвался этотъ учитель нашъ, встрѣтилъ Рансу одинъ-на-одинъ и осмѣлился изъясняться ей въ любви и даже просить ея руки... Я застала ихъ — ужъ онъ ручьи у нея цѣлуетъ...

КВАШНИНЪ.

Вотъ какъ... Что же ты сдѣлала?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, конечно, я безъ всякихъ разговоровъ выгнала его вонъ, не позволивъ ему даже слова сказать...

КВАШНИНЪ.

Самое лучшее... Еще слѣдовало бы велѣть изъ комнатъ въ шею вытолкать, а на дворѣ велѣть кучерамъ въ кнуты принять... Вотъ какъ этихъ жениховъ нужно провожать... Ракалія этакая!.. Къ моей дочери свататься вздумалъ... Скажите, пожалуйста!.. Каковы!.. А, право, жалко, что не велѣла кучерамъ въ кнуты...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, для чего, мой другъ... Это ужъ черезъ-чуръ... Положимъ, это съ его стороны излишняя дерзость и самонадѣянность... Можетъ быть, вѣдь, и Раиса Алексѣевна тутъ немножко виновата: кабы держала себя осторожнѣе, этого не было бы... Я и то немножко рассказывалась, что ужъ очень круто его прогнала... Но я ужасно расстроилась: представь себѣ, вхожу, — вижу ручки онъ у нея цѣлуетъ... Я, вѣдь, не знала, что она отказала ему... Ну, у меня просто духъ перехватило... къ сердцу подступило... слова не могу сказать, кричу только: вонъ, вонъ!.. даже дурно потомъ мнѣ сдѣлалось... Если бы я знала, что она ужъ отказала ему, — я бы иначе поступила: я бы напѣла ему такъ, что онъ потомъ всю бы жизнь помнилъ, и отпустила бы его тихо... Да, вѣдь, я не знала... И отчего же ты до сихъ поръ ничего мнѣ не сказала, что отказала ему?..

РАИСА.

Да я, мамаша, Скворцову вовсе не отказывала: я не про него говорю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Про кого же ты говоришь, мать моя?.. Тебя не поймешь...

РАИСА.

Я говорю про Воынова... Я Воынову отказала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ про Воынова?.. Да ты съ-ума, что-ли, сошла?..

ОЛЬГА.

Аркадій, кажется, къ тебѣ и не сватался...

КВАШНИНЪ.

Да я про кого тебѣ говорилъ?.. Развѣ я про Аркадія Петровича говорилъ тебѣ?.. Чтѣ я тебѣ говорилъ?..

РАИСА.

Вы говорили, что есть негодяи, которые ухаживаютъ за богатыми невѣстами, прикидываются влюбленными, тогда какъ у нихъ одна цѣль — какъ-нибудь обмануть и ободрать родителей невѣсты...

КВАШНИНЪ.

Ну... Такъ какое же это отношеніе имѣть къ Воынову?..

РАИСА.

Мнѣ показалось, что вы на него намекаете...

КВАШНИНЪ—вскакивая.

Что-о?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки! она, ей-Богу, съ ума сошла... Что она такое говорить?..

ОЛЬГА.

Не безпокойтесь, — не сошла... Она просто ненавистничаешь, злобствуетъ, что Аркадій предпочелъ меня ей... и со злобы и зависти не знаетъ что ужъ и сказать... Это ужъ такъ глупо, и и гадко, и смѣшно, Раиса, что я отъ тебя этого не ожидала!..

РАИСА.

Нѣтъ, Оля, я не злобствую и не завидую тебѣ, — напротивъ, я тебя очень жалѣю... Ты скоро сама убѣдишься въ этомъ...

КВАШНИНЪ.

Да въ чемъ, въ чемъ—въ этомъ? Ты подумай: что ты говоришь-то?.. Вѣдь, это, въ самомъ-дѣлѣ, только дура или сумасшедшая можетъ говорить... Или ужъ дѣйствительно ты отъ зависти и досады сама не знаешь, что говоришь?.. За что ты жалѣешь Ольгу?..

РАИСА.

За то, что Ольга полюбила и дала слово такому человѣку...

КВАШНИНЪ.

Какому?

РАИСА—рѣзко.

Такому негодяю, какъ Воыновъ...

КВАШНИНЪ—въ бѣшенствѣ.

Раиса!.. я тебя...

ОЛЬГА.

Какъ ты смѣешь, Раиса... Я не позволю тебѣ оскорблять...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки! не кричите: право, она не въ себѣ...

РАИСА.

Выслушайте меня хладнокровно, если можете... Я поторопилась, не выдержала, слыша какъ вы оскорбляете честныхъ людей, превознося негодая, — и проговорила прежде, чѣмъ слѣдовало... Но все равно: не сегодня—завтра вы сами все узнаете... Еще лучше, можетъ быть, что я предупрежу васъ... Послушайте же, — я не сумасшедшая, говорю сознательно и не отъ злобы или зависти... Волюновъ — обманщикъ, негодай... Я боюсь, что...

ОЛЬГА—бросаясь къ сестрѣ.

Раиса! ты не смѣй говорить такихъ вещей... Я понимаю—кто это внушилъ тебѣ... Я не позволю оскорблять при мнѣ того, кто...

Вбѣгаетъ ОРЕСТЪ и вслѣдъ за нимъ, запыхавшись, торопливо входитъ КОВЫРНЕВЪ.

ОРЕСТЪ—вбѣгая.

Папаша, мамаша, чтó же это такое? чтó это значить? Джальму мнѣ не дали, — сказали: описанъ, опечатанъ... И Джальма, и Богатырь, и кабриолетъ, — и все, все, все опечатано... Только что передъ нами чиновникъ уѣхалъ... Чтó же это, папаша, такое?.. (*Чуть не плачетъ*). Джальма мой, — онъ мнѣ подаренъ... Всѣ слышали... Какъ они смѣютъ!.. Это моя лошадь!..

РАИСА.

Вотъ и разъясненіе началось!..

КВАШНИНЪ и ОЛЬГА.

Да чтó это значить?.. Чтó случилось?.. Растолкуй ты, Ковырневъ... Я ничего не понимаю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Объясни, Ардальонъ Михайлычъ, что такое... У меня даже сердце упало... Какъ описано, какъ все опечатано?..

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, матушка, такъ точно, благодѣтель... Самъ я этого дѣла произойти не могъ, и что такое значить—понять не могу, а говорить людишки, рассказываютъ: наѣхалъ, чу, господинъ никакой изъ города, съ медалью, ранымъ-ранешенько, созвалъ народъ, старосту, все описалъ, все запечаталъ, сдалъ старостѣ на храненіе подъ росписку, а самъ уѣхалъ... Только-только мы его не застали....

ОРЕСТЪ.

Но, вѣдь, они должны, папа, отдать мнѣ моего Джальму:

Вѣдь, онъ мой, мнѣ при всѣхъ Аркадій Петровичъ подарилъ... Вѣдь, не могутъ они его...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, погоди ты, отстань!.. (*Къ Ковырневу*). Да по какой причинѣ, по какому поводу это сдѣлано?..

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангелъ мой, темнота!... Ничего добиться не могъ... Ну, знамо, мужикъ, чтó онъ понимаетъ,—говорятъ: начальство приказало да и шабашъ... Тутъ болтать-то—чего не болтаютъ: всякое городять, чего и быть невозможно... Сказываютъ, будто бы и въ залогъ-то все это было у купца нашего, Баранова, и деньги, чу, у него онъ занялъ да не отдалъ, въ срокъ... А иные мелютъ, что будто и вовсе самъ продалъ все заведеніе свое и денежки взялъ впередъ, да лошадей на срокъ не прислалъ, такъ купецъ-отъ хватился, велѣлъ опечатать, чтобы вѣрно было... Кто ихъ пойметъ... Ничего даже разобрать невозможно... Темнота!.. Путнаго-то человѣчка не было ни одного, разспросить-то, узнать-то въ корень не отъ кого... А такъ это прискорбно, такъ прискорбно...

ОЛЬГА.

Папаша, мнѣ кажется, я понимаю, догадываюсь: просто это какая-нибудь гнусная интрига... У такихъ людей, какъ Аркадій, всегда есть враги... Онъ же такой гордый, никому кланяться не хочетъ... Вотъ, воспользовались, что онъ уѣхалъ, и надумали въ его отсутствіе сдѣлать скандалъ... Ужъ навѣрное, что такъ...

КВАШНИНЪ.

Да и я то же думаю... Другого ничего быть не можетъ...

ОРЕСТЪ—къ Ковырневу.

А вотъ я говорилъ тебѣ, звалъ: поѣдемъ пораньше... Кабы тогда поѣхали, не высиживалъ бы ты свой чай, чиновника бы застали, и все узнали бы... Можетъ быть, и Джальму увели бы... А вотъ теперь все изъ-за тебя, дьявола!.. Ъхать бы мнѣ тогда одному, какъ всталъ... Папаша, да неужели же мнѣ Джальму не отдадутъ?..

Вбѣгаетъ АНДРЕВНА.

АНДРЕВНА.

Приѣхалъ, приѣхалъ...

ВСѢ.

Кто? кто?

АНДРЕВНА.

Павлушка высаживаетъ, въ окно видѣла, и съ нимъ, гости никакъ, незнакомые...

КВАШНИНЪ—громко.

Да кто пріѣхалъ-то, старая глушная?..

АНДРЕВНА.

Онъ воротился, кому больше: нашъ баринъ, Аркадій Петровичъ...

Всѣ въ недоумѣніи стоятъ неподвижно.

ОЛЬГА.

Аркадій!.. А, онъ узналъ, воротился, онъ все это разсѣлъ!.. Аркадій, милый!..

Хочетъ бѣжать къ нему на встрѣчу.

РАИСА—хватая ее за руку.

Оля, милая, я прошу тебя, не ходи... погоди здѣсь... Узнай сначала...

ОЛЬГА—вырываясь.

Это что еще?.. Ты думала, тебѣ удастся его оклеветать, осыпать... Ты думала, я тебѣ повѣрю... Нѣтъ, онъ мой, мой женихъ, а не твой!.. Не удалось, не удалось!.. Клеветница, интриганка!.. Аркадій, Аркадь, милый!..

Бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя входитъ ВОЛЫНОВЪ въ сопровожденіи АЛЫБѢВА и становаго пристава. Черезъ нѣсколько времени входитъ СКВОРЦОВЪ.

ОЛЬГА—бросаясь на шею Волынову.

Аркадій... О, какъ я рада, какъ я счастлива!.. Ты воротился, ты...

ВОЛЫНОВЪ—вѣжливо устранивъ ее.

Здравствуйте, Ольга Алексѣевна... Здѣсь есть посторонніе... Я долженъ представить...

КВАШНИНЪ и МАРЬЯ ЕРИГОРЬЕВНА.

Какими судьбами? Какъ такъ?.. Аркадій Петровичъ...

Подходить къ нему. Орестъ опережаетъ ихъ и бросается къ нему на шею.

ВОЛЫНОВЪ—здороваясь со всѣми.

Здравствуйте, здравствуйте... Не ждали?.. Я самъ не ожидаю... Батюшка, папаша, позвольте прежде всего представить вамъ моихъ спутниковъ... Вотъ повѣренный, г. Алябьевъ...

КВАШНИНЪ.

Очень пріятно...

ВОЛЫНОВЪ.

А это, кажется, знакомый вамъ человѣкъ...

Указываетъ на пристава.

КВАШНИНЪ.

Омаа Оомичъ, какъ же... (*Подаетъ руку*). Очень радъ... По-корнѣйше прошу садиться, господа... Чайку, или закусить?.. (*Уходя входящаго Скворцова*). Вамъ что угодно, милостивый государь?..

СКВОРЦОВЪ.

Я въ качествѣ свидѣтеля, по приглашенію повѣреннаго...

КВАШНИНЪ.

Да что вамъ нужно... Какого свидѣтеля?.. Мнѣ никакихъ свидѣтелей не нужно!..

АЛЪБѢЕВЪ,

Я ихъ просилъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля вотъ по ихъ дѣлу... (*Указываетъ на Воынова*).

КВАШНИНЪ.

Ты его приглашалъ, Аркадій Петровичъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, для меня лично г. Скворцовъ совершенно не нуженъ...

КВАШНИНЪ—показывая рукой на дверь.

Такъ не угодно ли вамъ...

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Позвольте, Алексѣй Михайлычъ, они могутъ быть, какъ свидѣтель...

КВАШНИНЪ.

Какъ можетъ быть, коли я этого не хочу... въ моемъ домѣ...

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Такъ точно, могутъ-съ!.. Законъ дозволяетъ это, по желанію повѣреннаго...

КВАШНИНЪ.

Да что же это такое? Объясните же, наконецъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка... Я вамъ объясню...

КВАШНИНЪ.

Объясни, мой другъ, пожалуйста...

ВОЛЫНОВЪ.

Хоть я и окруженъ здѣсь на половину врагами (*взглядываетъ на Раису и Скворцова*), которые рады будутъ случаю выдать въ меня грязью, но за то у меня много и друзей, которые меня понимаютъ (*цѣлуетъ руку Олми*) и, знаю, примутъ во мнѣ участіе... Пока я здѣсь жилъ и хлопоталъ по устройству имѣнія,

а потомъ вотъ потерялъ голову вмѣстѣ съ сердцемъ, которое отдаю, впрочемъ, въ вѣрныя руки... Надѣюсь такъ, Ольга?..

ОЛЬГА — нѣжно.

Развѣ въ этомъ можно сомнѣваться...

ВОЛЫНОВЪ — цѣлуетъ ея руку.

Благодарю, мой ангелъ... Я не сомнѣваюсь!.. Такъ вотъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ изъ Петербурга и желая помѣшкать тому дѣлу, о которомъ вы знаете, мои друзья-пріятели подвели очень хитрую штуку—представили ко взысканію въ судъ какой-то мой вексель въ семь тысячъ, о которомъ я, ей-Богу, совсѣмъ позабылъ, и обдѣляли дѣло такъ, что, за неявною моею въ судъ и за неотысканіемъ моего мѣстожителства, судъ призналъ меня несостоятельнымъ должникомъ и выдалъ исполнительный листъ объ арестованіи меня, съ которымъ вотъ и явился сюда г. Алябьевъ...

АЛЯБЬЕВЪ.

Хоть не совсѣмъ такъ, да это, впрочемъ, все-равно... Продолжайте...

ВОЛЫНОВЪ.

Представьте себѣ: меня хотятъ посадить въ яму, и за какія-нибудь семь тысячъ!.. (Смѣется). Не правда ли, остроумно?.. И, вѣдь, надо же случиться бѣдѣ, что всѣ мои деньги въ Петербургѣ, а теперь на лицо всего какихъ-нибудь полторы тысячи... Я прошу: дайте, господа, мнѣ свободу доѣхать въ Петербургъ безъ скандала, и я вамъ въ тотъ же день уплачу капиталъ съ процентами на проценты—не соглашаются... Такъ вотъ и упрямилъ ихъ, батюшка, заѣхать сюда, надѣясь, что вы не откажетесь уплатить за меня эти деньги, если есть въ наличности... Конечно, вы не доведете, чтобы женихъ вашей дочери хоть одну минуту сидѣлъ въ тюрьмѣ...

ОЛЬГА.

О, конечно!..

КВАШНИНЪ.

Да само собой разумѣется, только въ настоящую-то минуту у меня нѣтъ такихъ денегъ...

ОЛЬГА.

Но вы, папаша, можете достать черезъ день, черезъ два... Вамъ повѣрять такіа деньги...

КВАШНИНЪ.

Да, конечно, могу... Я достану...

РАИСА.

Да, вѣдь, у васъ, папаша, должны быть сто тысячъ, которыя вы заняли у г. Воынова... Вотъ изъ нихъ дайте...

КВАШНИНЪ.

Я, вѣдь, векселя только выдаю, а деньги у Аркадія Петровича въ Петербургѣ... Онъ ихъ тамъ внесетъ.

ВОЛЫНОВЪ—стараясь замать разговоръ, къ Алябьеву.

Такъ вотъ, батюшка согласенъ внести вамъ деньги, только не сейчасъ... Согласитесь подождать...

АЛЯБЬЕВЪ—не отвѣчая Воынову, къ Квашнину.

Значить, вы выдали дутые векселя?..

КВАШНИНЪ.

Какъ дутые?

АЛЯБЬЕВЪ.

То-есть, безденежные, денегъ по нимъ въ руки не получили?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, господинъ Алябьевъ, вы, кажется, вмѣниваете въ наши семейныя дѣла, которыя до васъ не касаются... Вамъ угодно продержать меня здѣсь, или въ моемъ имѣніи, подъ вашимъ надзоромъ, что-ли, пока вамъ заплатятъ всѣ деньги по векселямъ?..

СКВОРЦОВЪ.

Г-нъ приставъ, потрудитесь составить протоколъ, что въ присутствіи вашемъ, г. Алябьева и моемъ, Алексѣй Михайлычъ показалъ, что выдать г. Воынову безденежные векселя и Воыновъ противъ этого ничего не возражалъ... Мы съ Алябьевымъ подпишемся, какъ свидѣтели...

ВОЛЫНОВЪ—гордо.

Это къ чему же-съ?

СКВОРЦОВЪ.

А къ тому, чтобы вы не могли потомъ взыскивать по этимъ векселямъ...

КВАШНИНЪ.

Да вы что же вмѣниваете... Васъ кто спрашиваетъ?

СКВОРЦОВЪ.

Алексѣй Михайлычъ, поймите, какую вы бѣду себѣ приготовляете: вѣдь, Воыновъ можетъ отъ васъ потребовать уплаты по этимъ векселямъ... Никакого общества нѣтъ и не бывало... Все

это пошлый обманъ... Никогда г. Воыновъ не внесетъ за васъ ста тысячъ, да ихъ и нѣтъ у него... Вотъ вы спросите Алябьева: онъ знаетъ всѣ его дѣла... Имѣніе Воынова заложено и перезаложено... Пускай г. Воыновъ скажетъ теперь и подпишетъ подъ протоколъ, что хотя онъ векселя и ввѣлъ, но денегъ по нимъ вамъ не выдалъ, а обязуется выдать тогда-то, подъ особую росписку... Спросите его: дастъ ли онъ такое показаніе?..

КВАШНИНЪ.

Оставьте вы меня въ покоѣ... Я говорить съ вами не хочу... Что вы ввязываетесь?.. Я самъ не дуракъ!.. Убирайтесь вонъ!..

РАИСА.

И это вы, папаша, говорите человѣку, который безкорыстно совѣтуетъ и заботится о васъ!.. Развѣ вы не понимаете, не видите, что васъ обманываютъ, хотятъ разорить...

ВОЫНОВЪ.

Да гдѣ я? Что со мною дѣлаютъ?.. Въ домѣ ли я родителей моей невѣсты, или подъ судомъ, въ камерѣ судебного слѣдователя... Кто же далъ право становому и этимъ господамъ производить мнѣ допросъ?.. За что всѣ эти оскорбленія?.. Ольга Алексѣевна, Алексѣй Михайлычъ, Марья Григорьевна, неужели все это дѣлается съ вашего согласія, съ вашего позволенія?.. Въ такомъ случаѣ вы извините меня, я уйду, я отряхну прахъ отъ моихъ ногъ, на порогѣ этого дома!..

ОЛЬГА.

Папаша, прекратите же эту сцену... Прикажите имъ замолчать... Что это такое?!.. Аркадій, ты успокойся, я вѣрю въ тебя, не сомнѣваюсь, и всѣ мы вѣримъ, и папаша, и татап!..

КВАШНИНЪ.

Да они меня совсѣмъ съ ума свели, съ толку обили... Я совсѣмъ растерялся... Тамъ ихнѣе описываютъ... Тутъ за долгъ сажать хотятъ... Нѣтъ, Аркадій Петровичъ, Богъ съ нимъ съ учредительствомъ, не хочу я въ общество поступать!.. Отдай мнѣ векселя назадъ... Успокой ты меня, и докажи себя передъ ними...

ОРЕСТЬ.

И насчетъ Джальмы, засвидѣтельствуйте, что онъ мой, что вы мнѣ его подарили. Они его описали, опечатали... Не отдають...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, Аркадій Петровичъ, самое это лучшее... Бросьте вы все это дѣло... И намъ и вамъ будетъ покойнѣе... Право, дорогой мой, оставьте вы все это... Будьте...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, я вижу, Марья Григорьевна, что я долженъ все бросить, всѣхъ оставить... Я не ожидалъ, чтобы въ домѣ моей невѣсты какіе-то неизвестные проходимцы осмѣлились оскорблять меня, чтобы сестра моей невѣсты подозрѣвала меня въ мошенничествѣ, въ обманѣ... Да, я долженъ бросить все, и проститься съ вами навсегда... (*Изъ становаму приставу*). Иавольте писать протоколъ, и если хотите... если эта комедія къ чему-нибудь послужить... запишите, что я утверждаю, что векселя не безденежные, что я выдалъ подъ нихъ чистыя деньги, на что у меня есть доказательства, и что въ свое время я ихъ намѣренъ представить ко взысканію. (*Общее движеніе*). А теперь вы можете меня арестовать... Я готовъ ѣхать...

ОЛЬГА—бросаясь къ Волынову.

Аркадій, ты меня оставляешь, ты бросаешь меня?.. Что ты сказалъ? Я ничему этому не вѣрю... Я вѣрю тебѣ одному...

ВОЛЫНОВЪ.

Мнѣ жалко васъ, Ольга Алексѣевна, я васъ любилъ, но я не могу жениться на той, родители которой выставляютъ меня какимъ-то обманщикомъ, чуть не воромъ, которые, взявши деньги, говорятъ, что ихъ не получали, сестра которой намекаетъ, почти прямо называетъ меня мошенникомъ, и вѣстъ съ какимъ-то проходимцомъ, своимъ возлюбленнымъ...

СКВОРЦОВЪ—бросаясь къ Волынову.

Молчать, пока вы цѣлы... Я говорю вамъ въ глаза, что вы негодай, мошенникъ, воръ, и имѣю на это доказательства. Мнѣ хотѣлось только обличить васъ передъ всѣми, и я достигъ своей цѣли... Вы сами себя разъяснили... А по векселямъ вы ничего не получите... Я докажу, что они безденежные, выманенные мошенническимъ образомъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вы докажете?.. О, свѣже-испеченный и непропеченный юристъ!.. Я бы желалъ знать, какія доказательства могутъ опровергнуть документъ, въ которомъ Алексѣй Михайлычъ собственноручно удостовѣряетъ, что деньги по векселямъ отъ меня получилъ... Въ довѣренности, мнѣ выданной, онъ прямо пишетъ, что предоставляетъ мнѣ получить ссуду въ уплату части занятыхъ у меня и полученныхъ сполна ста тысячъ рублей...

СКВОРЦОВЪ, АДЯБЬЕВЪ и ПРИСТАВЪ.

Какъ, вы это подписали?.. Алексѣй Михайлычъ!.. Что вы надѣлали? Вы разорили себя...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—растерянно.

Батюшки, что онъ надѣлалъ?.. растолкуйте вы мнѣ...

КОВЫРНЕВЪ.

Сто тысячъ, ангелъ мой!.. Это деньги!.. На полу не поди-
мешь...

ВОЛЫНОВЪ.

Не я обманщикъ, а меня обманывали... Меня хотѣли здѣсь
оборать... Взяли мои деньги и хотятъ сдѣлать векселя безде-
нежными... Кто выходить мошенникъ и воръ?..

ОЛЬГА.

О, я проливаю слезы, слезы!.. (*Изъ Раксы*). Тебя особенно
и съ твоимъ возлюбленнымъ вмѣстѣ... Это вы, вы все сдѣлали...
Вы хотите лишить меня счастья...

ВОЛЫНОВЪ.

Господа, мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего... Я уйду... (*Хо-
четъ идти*).

ОЛЬГА—бросаясь къ нему.

И я съ тобой... Куда ты, туда и я... Я не оставлю тебя,
не разстанусь съ тобой, никому не отдамъ... Я ничему не вѣрю...
Ты мой, я твоя...

РАЙСА—удерживая Ольгу.

Оля, Оля, постыдись!.. Образумься!..

ОЛЬГА.

Прочь, не сестра ты мнѣ больше...

ВОЛЫНОВЪ.

Извините, Ольга Алексѣевна... Я уйду одинъ... Мнѣ васъ
жалко... Вы не можете быть невѣстою мошенника... Вы ба-
рышня такой хорошей, такой благородной фамиліи... Идите же,
господа... Или я одинъ уйду.

Подходить къ дверямъ, въ которыхъ его останавливаетъ
Орестъ. Ольга истерически рыдаетъ.

ОРЕСТЪ.

А Джальма?.. Какъ же Джальма? Вѣдь, вы подарили его
мнѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Пойдите вы прочь отъ меня, глупый мальчишка!.. (*Отталки-
ваетъ его*).

ОРЕСТЪ—удерживая его.

Нѣтъ, я не отстану... Вы подарили... Вы засвидѣтельствуйте...

КВАШНИНЪ—который до сихъ поръ сидѣлъ
какъ потерянный, вдругъ бро-
сается къ Волинову.

Векселя мои, векселя отдай... Довѣренность... Теперь я все
понялъ... Отдай!.. (*Хватаетъ его за шею*).

ВОЛЫНОВЪ.

Г-нъ приставъ, что же это?.. Это насиліе, разбой!.. Я буду
кричать, требовать помощи...

ПРИСТАВЪ.

Алексій Михайлычъ, успокойтесь, такъ нельзя... Ваше отъ
васъ не уйдетъ... Не дѣлать бы прежде, спросить, посоветоваться...
А такъ нельзя...

КВАШНИНЪ.

А, что?.. Какъ?..

Отпускаетъ Волинова. Тотъ скрывается за дверь. Алябевъ
и приставъ его сопровождаютъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки мои, что же будетъ теперь?.. Алексій Михайлычъ,
что ты надѣлалъ?.. Разорить онъ насъ теперь... (*Рыдаетъ*).

ОЛЬГА.

Пустите меня, пустите къ нему... Я не отстану... Я съ нимъ...

СВВОРЦОВЪ и РАИСА—удерживая ее.

Оля!... Ольга Алексѣевна... Образуемся!.. Придите въ себя!..

КОВЫРНЕВЪ.

Не хорошо, ангелъ мой!.. Придите въ себя... Теперь это
никакъ невозможно...

ОЛЬГА—порываясь.

Пустите, пустите... Проклятіе мое на васъ!.. Проклятіе!..
(*Истерически хохочетъ*).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Держите ее, держите... не пускайте...

КВАШНИНЪ.

А? что?.. Разорить? Вы чего смотрѣли?.. Что прежде не го-
ворили?.. Теперь всё на меня... Кто привелъ, кто сваталъ?..
ты! (*указываетъ на Ковырнева*). Кто повѣрилъ первый, прини-
малъ, расхваливалъ?.. (*къ Марьѣ Григорьевнѣ*)—ты!.. Кто влю-
бился, какъ дура, какъ сумасшедшая?.. (*къ Олѣ*)—ты!.. За-
мужь захотѣлось, потерпѣть, подождать не могла...

ОЛЬГА.

Какъ?.. Я же и виновата... Меня оскорбили, унизили, опорознили, лишили любимаго человека... И я виновата?.. Нѣтъ, вы виноваты во всемъ!.. Еслибъ вы не позволили здѣсь оскорблять его въ присутствіи моемъ, онъ никогда бы не отказался отъ меня... Можетъ быть, вы и деньги получили, а его сдѣлали обманщикомъ, мошенникомъ... Вчера обнимали, цѣловали, превозносили, а сегодня... что?.. И при мнѣ, при постороннихъ... Это хоть кого взбѣситъ... И кому, кому позволили вы издѣваться надъ нимъ?.. Развѣ это люди въ сравненіи съ нимъ... Это ничтожество, завистники, сплетники!.. Если онъ теперь и разорить васъ, такъ по-дѣломъ, по-дѣломъ... Но я-то, я-то за что страдаю?.. За что?.. За что?.. Въ первый разъ въ жизни встрѣтила человека, который полюбилъ, оцѣнилъ меня... И того оклеветали, оскорбили, отняли... Разбили мое счастье, мою жизнь!.. И кто же, кто? родная сестра, сами родители, родной отецъ... О, вы, вы виноваты!.. Я люблю его, я жить безъ него не могу... Я сойду съ ума, я умру... Дайте мнѣ его, верните его... О-о, проклятіе, проклятіе!..

Убѣгаетъ съ истерическими рыданіями и хохотомъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки, не забѣжала бы она куда, не сдѣлала бы чего надъ собою... Бѣгите, смотрите за ней... Орестушка, бѣги за ней...

ОРЕСТЪ.

Вотъ еще... Стану я бѣгать за ней... Она будетъ комедіи представлять, а я бѣгать стану... Мошенникъ, такъ мошенникъ и есть!.. Гдѣ Джальма-то?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ардальонъ Михайловичъ, бѣги, хоть ты, батюшка...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ теперь, ангелъ мой?.. теперь за ней ни въ жизнь не поспѣешь, коли въ нее вступило... Не съ моими ногами... Что одинъ подѣлаешь? Тутъ народу много нужно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, Господи, Господи!.. Батюшки, батюшки!.. Что будетъ... Что будеты!..

КВАШНИНЪ.

Нищѣ, всѣ будемъ нищѣ!.. Разорены, разорены!.. Дочь про-

клинаеть!.. Я виновать, я одинъ виновать во всемъ!.. Погубилъ, разорилъ... себя, семью!.. Обманули, провели, какъ дурака... Своего природнаго, родового мало... Захотѣлъ разбогатѣть, дворянству измѣнилъ, породѣ своей... Всѣ смѣяться будутъ... Дуракъ, дуракъ, посмѣшище общее!.. (Къ Раисѣ и Скворцову). А вы смѣетесь, ради!.. Подвели... На смѣхъ подняли... Смѣйтесь, смѣйтесь!..

РАИСА.

Что вы, папочка, что вы... Гдѣ же мы смѣемся?.. (Подходитъ къ Квашнину).

КВАШНИНЪ.

Прочь, ты не какъ дочь, ты какъ злой врагъ мой поступила... Подговорила этого... (Указываетъ на Скворцова). Онъ силой ко мнѣ ворвался, и ты, вмѣстѣ съ нимъ, меня на смѣхъ, на смѣхъ, на поворъ всѣмъ... Вотъ, молъ, какой дуракъ у меня отецъ!.. Глядите, смотрите, смѣйтесь!.. А ты думаешь—этотъ не того же хочеть: онъ тоже въ карманъ смотреть... Хотъ и разорили, молъ, а все что-нибудь да осталось, что-нибудь да дадутъ: голяку все годится...

СКВОРЦОВЪ.

Вы ошибаетесь, Алексѣй Михайлычъ. Вы напрасно оскорбляете меня...

РАИСА.

Папаша, милый... онъ не такой: онъ честный, безвѣрный!.. Я люблю его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—всплеснувъ руками.

А, батюшки, еще новая радость, честь для нашей фамиліи...

КВАШНИНЪ.

Ха, ха, ха... Чего лучше... Вотъ какіе женихи нынче у моихъ дочерей... Мазурики, мошенники, нищіе, всякіе разночинцы, учителя, поповичи!.. Да кому же и быть?.. Я, Квашнинъ, сталъ тотъ же Ковырневъ: обобрали, разорили, опозорили, осмѣяли!.. Ай, ай, что это? Голова, голова... Душно, душно...

Падаетъ на руки окружающихъ.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангелъ мой, говорилъ, не безпокойтесь: отъ безпокойства болѣзнь приключается...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки, батюшки, что такое? Что съ нимъ?.. Не умеръ ли?..

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... Дурно ему... Орестъ, скажите скорѣе въ городъ, за докторомъ! Ранса Алексѣевна, не теряйтесь: позовите людей, воды, льду, спирту...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангелъ мой... Кто могъ это сдумать?.. Все отъ Бога!.. Прямо сказано: закупъ богатъ и убогъ...

Всѣ окружаютъ Квацинна.

АЛЕКСѢЙ ПОТВѢХИНЪ.

ОТКУДА НЕУДАЧИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ?

Созваніе представителей русской земли для составленія проекта новаго уложенія есть величайшее событіе екатерининскаго царствованія. Дѣянія законодательной комиссіи долго оставались подъ спудомъ и, какъ все неизвѣстное, возбуждали самыя разнообразныя толки. Думали даже, что представители русскаго общества, собранныя Екатериной, проявили стремленія вредныя для общественнаго порядка, навлекли на себя неудовольствіе императрицы и были распущены, какъ неоправдавшіе высокаго довѣрія государыни. Этимъ опаснымъ для спокойствія государства направленіемъ комиссіи объяснялась и та тайна, которая безъ малаго цѣлое столѣтіе скрывала отъ потомства всякіе слѣды ея дѣятельности. Только въ самое послѣднее время, благодаря изданіямъ Русскаго Историческаго Общества, густая тьма, покрывавшая дѣянія депутатовъ, начинаетъ разсвѣтаться, и Россія получаетъ возможность судить о томъ, чѣмъ была въ дѣйствительности надѣлавшая въ свое время столько шума екатерининская законодательная комиссія. Наша литература давно уже оцѣнила по достоинству почтенный трудъ Д. В. Полѣнова. Три изданные имъ тома успѣли уже вызвать и нѣсколько болѣе или менѣе своеобразныхъ переработокъ содержащихся въ нихъ матеріаловъ, каковы, напримѣръ, статьи г. Бланка въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и отдѣлъ въ «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана. Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ

наимѣренія передавать въ той или другой формѣ содержаніе напечатанныхъ уже документовъ ¹⁾. Пользуясь изданнымъ матеріаломъ, а частью и тѣмъ, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться въ архивѣ II Отд. Собственной Е. И. В. канцеляріи, мы хотѣли бы представить общую характеристику дѣятельности комиссіи, и съ этою цѣлью сдѣлать оцѣнку условій, въ которыя она была поставлена, и выяснить возможные причины загадочнаго исхода ея занятій.

I.

Цѣль созванія депутатовъ.

14-го декабря 1766 года послѣдовалъ манифестъ, которымъ разныя сословія имперіи российской призывались прислать выборныхъ «не только для того, — сказано въ манифестѣ, — чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но допущены они быть имѣютъ въ комиссію, которой дадимъ назъ, для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи. Симъ учрежденіемъ Мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великой довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви».

Откуда эта мысль у самодержавной императрицы призвать подданныхъ своихъ къ участію въ законодательствѣ?

Мысль совѣщанія съ подданными объ ихъ нуждахъ и недостаткахъ и о вопросахъ законодательства, которыми эти недостатки и нужды могутъ быть облегчены, такъ естественна, такъ дается самымъ дѣломъ управленія такимъ обширнымъ государствомъ, какимъ и тогда уже была Россія, что скорѣе былъ бы поводъ удивляться и искать причинъ, если бы она не возникла въ умѣ такой просвѣщенной государыни, какою была Екатерина Великая. Эта мысль — даже и не новая въ нашей государственной практикѣ. Въ московской Руси собирались съ этою же цѣлью земскіе соборы. Одинъ изъ нихъ (соборъ 1648 года) былъ созванъ для того, чтобы «государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна». Люди любозна-

¹⁾ Впрочемъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, янв., 1877, стр. 49, въ статьѣ С. К. Брюловой: „Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху“ — было уже сдѣлано изложеніе содержанія, именно, дворянскихъ наказовъ.

тальные и теперь могутъ видѣть въ московской грановитой палатѣ экземпляръ соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, этотъ важнѣйшій памятникъ нашего законодательства московской эпохи, скрѣпленный подписями всѣхъ чиновъ государства. Ближайшіе предшественники Екатерины II также обращались въ законодательныхъ вопросахъ къ содѣйствію выборныхъ людей. Попытку въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ царствованіе Петра II и Елизаветы Петровны. Выборные люди, созданные послѣднею государынею, еще не успѣли кончить своего дѣла и разѣхаться по домамъ, какъ императрица Екатерина II вступила на престолъ. Итакъ, польза дѣла и примѣры исторіи одинаково могли навести Екатерину Великую на мысль о созваніи представителей земли, управленіе которой досталось въ ея руки.

Примѣры нашей исторіи, говоримъ мы, *могли* навести, но не думаемъ, что въ нихъ надо искать ближайшую причину созванія законодательной комиссіи. Взоры императрицы Екатерины, особенно въ первые годы ея царствованія, не были обращены къ русской старинѣ, связи съ которой у ней были очень шаткія. По своему рожденію и воспитанію она не столько принадлежала Россіи, сколько западной Европѣ. Въ лицѣ ея на російскій императорскій престолъ вступила женщина, проникнутая просвѣтительными идеями французской философіи XVIII вѣка, увлекавшаяся мыслями энциклопедистовъ и высоко ставившая одобреніе своей правительственной дѣятельности такими людьми, какъ Даламберъ и Вольтеръ. Молитвенникомъ русской государыни, по собственному ея признанію, служила книга Монтескье — «О духѣ законовъ».

Ближайшую причину созванія выборныхъ съ цѣлью дать Россіи такое законодательство, чтобы «видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться», надо искать въ знакомствѣ императрицы съ западно-европейской литературой и, главнымъ образомъ, съ сочиненіемъ Монтескье, «О духѣ законовъ».

Великая заслуга Монтескье, обратившаго на англійскія учрежденія вниманіе всего образованнаго міра и сдѣлавшаго попытку дать имъ теоретическую конструкцію въ формѣ знаменитаго ученія о раздѣленіи властей, не осталась незамѣченной русской государыней. Она живо заинтересовалась представительными учрежденіями Англіи, знакомилась съ практикою англійскаго парламента, и экземпляръ журналовъ его засѣданій пренесла

А. И. Бибикова, маршалу учрежденной ею законодательной комиссии.

Духовное общеніе съ Западомъ, первые слѣды котораго принадлежать весьма отдаленному времени, въ царствованіе великой Екатерины проявилось въ формѣ далеко необыкновенной и крайне поучительной. Последніе успѣхи западной науки были усвоены русской императрицей и возвѣщены русскому народу съ высоты престола, какъ его драгоцѣннѣйшее достояніе ¹⁾. «Вы увидите,—писала Екатерина въ интимномъ письмѣ къ Даламберу о своемъ трудѣ, экземпляръ котораго хотѣла доставить ему,—какъ тамъ, на пользу моей имперіи, я обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионѣвъ людей, которое изъ того должно постѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служить мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги гениальныхъ людей: они служатъ для благосостоянія человѣчества».

Свои заимствованія изъ Монтескьё Екатерина дѣлала, однако, съ большою осторожностью. Сличеніе ея наказа съ оригиналомъ указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго. Хотя она и считала его трудъ молитвенникомъ, но далеко не находила возможнымъ всегда за нимъ слѣдовать. Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законодательствѣ она не находить возможнымъ повторить въ своемъ наказѣ, какъ общее правило при организаціи законодательной власти. Но на дѣлѣ она призываетъ русскихъ людей къ этому участію. Практика императрицы шла, такимъ образомъ, далѣе ея теоріи: то, чего она не рѣшалась высказать въ теоріи, она легко допустила на практикѣ.

Порядокъ, осуществляемый на дѣлѣ, хотя бы онъ и не былъ введенъ въ систему дѣйствующаго права въ формѣ определен-

¹⁾ Эту особенность своего участія въ дѣлѣ умственного общенія Россіи съ западной Европой императрица хорошо понимала сама. Въ ея письмѣ къ Вольтеру отъ 11 августа 1765 г. находимъ такое мѣсто: „Мнѣ очень изумленъ, встрѣчая въ западной литературѣ произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому, и видя какъ мало пользуются ими для блага другихъ. Мой девишъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и притомъ надѣясь: полезное. У насъ извѣстіе научаютъ, а легко выснимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ—наоборотъ, мы не имѣемъ такихъ удобствъ“. Сб. Рус. Ист. Общ., X, 88.

наго положенія, самъ по себѣ имѣетъ уже великую важность: онъ есть живая дѣйствительность. Возведеніе его въ теорію можно было предоставить будущему.

Манифестомъ 14-го декабря 1766 года представители русской земли призывались къ участию въ законодательствѣ. Таково было дѣйствительное намѣреніе императрицы и такъ именно было оно понято депутатами и ихъ избирателями.

Составители нѣкоторыхъ малороссійскихъ наказовъ особое доказательство заботливости императрицы о пользѣ и благоденствіи народа видятъ, между прочимъ, именно въ томъ, что депутаты созваны не только для того, чтобы выслушать ихъ нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участіе въ составленіи проекта новаго уложенія. Заявленій такого рода намъ не случилось встрѣтить въ великороссійскихъ наказахъ. Но и великороссійскіе депутаты, какъ и депутаты другихъ мѣстъ, обращаясь въ собранію съ своими мнѣніями, постоянно предлагаютъ ихъ «на разсужденіе» собранія, которое они считаютъ въ правѣ дѣлать постановленія.

Въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года, двѣнадцать депутатовъ отъ однопорцевъ, пахатныхъ солдатъ и городовъ равныхъ мѣстностей, при обсужденіи только-что внесеннаго въ собраніе проекта правъ благородныхъ, подали особое мнѣніе, въ которомъ они просятъ отложить обсужденіе проекта на нѣкоторое время, въ теченіи котораго они могли бы ознакомиться съ нимъ. Въ этомъ мнѣніи встрѣчаемъ такое мѣсто: «если оный (проектъ) сходственъ съ положеніемъ нашего государства, и что больше, если согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ, то подтвердимъ и постановимъ оный непоколебимымъ. А если, напротивъ, найдемъ въ немъ что-либо такое, что для всего отечества и будущаго спокойствія можетъ быть вредно, или чего недополнено, — о томъ подать намъ (т.-е. просимъ) свои примѣчанія» (Арх. Дневн. зап. бол. собр.). Даже между однопорцами и пахатными солдатами были люди, которые хорошо понимали, въ чемъ заключался «опытъ чистосердечія и великой довѣренности», съ которыми государыня обратилась къ своему народу.

Заключительныя статьи многихъ наказовъ, въ которыхъ составители заявляютъ желаніе увѣковѣчить на память грядущимъ поколѣніямъ какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ этотъ актъ монаршей воли, едва ли можно понять, если не предположить, что избиратели хорошо видѣли всю политическую важность этого акта. Такъ же надо объяснять и тотъ взрывъ общаго восторга, которымъ сопровождалась первая засѣданія комиссій, и который

привелъ къ поднесенію императрицѣ титула «великой, премудрой матери отечества».

Въ нашей литературѣ принято съ ироніей указывать на то, что комиссія занялась сочиненіемъ титула императрицы, прежде чѣмъ совершила что-нибудь по существу дѣла, для исполненія котораго была созвана. Совершенно напрасно. Поднесеніемъ титула комиссія хотѣла почтить не результатъ своихъ трудовъ, а великое начинаніе государыни, великій актъ призванія представителей русской земли къ участию въ законодательствѣ. Поднесеніе титула указываетъ, что значеніе факта созванія депутатовъ было правильно понято и встрѣчено съ тѣмъ сочувствіемъ и восторгомъ, который вполнѣ приличествуетъ важности заключающейся въ немъ идеи.

Великое значеніе этого факта не укрылось и отъ вниманія Генриха Ширлея, находившагося тогда въ Москвѣ въ качествѣ завѣдующаго англійскимъ посольствомъ при нашемъ дворѣ. Въ день открытія засѣданій комиссіи, онъ писалъ въ Англію: «Ея императорское величество пріѣзжала сюда изъ Коломны въ прошлую субботу, а сегодня въ день, *долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи*, она отправилась, для слушанія божественной службы, въ торжественномъ шествіи, въ соборъ, гдѣ были собраны чины имперіи, а изъ церкви въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ, вступивъ на тронъ, допустила депутатовъ къ чести цѣлованія своей руки» ¹⁾.

¹⁾ Съ этимъ отзывомъ Ширлея, относящимся къ идее начинанія Екатерины, не должно смѣшивать послѣдующихъ его отзывовъ, вызванныхъ самой дѣятельностью комиссіи. Дѣятельность комиссіи, дѣйствительно, заслуживаетъ упрековъ, но это другой уже вопросъ, о немъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что Ширлей не всегда правильно оцѣниваетъ недостатки комиссіи и не всегда по настоящему адресу направляетъ свои упреки. Но подъемъ общаго настроенія, вызванный созваніемъ комиссіи, отразился и въ этихъ позднѣйшихъ донесеніяхъ Ширлея. „Русскіе, писалъ онъ отъ 18-го августа, не говорятъ и не думаютъ ни о чемъ другомъ (какъ о комиссіи), и, видя собранныхъ въ своей столицѣ представителей многихъ націй, столь различныхъ по племени, обычаямъ и религіи, какъ-то: самоѣды, казаки, бугары, татары и пр., которыхъ они считаютъ (быть можетъ, не безъ основанія) вполнѣ зависимыми отъ русской имперіи, они способны заключить, что теперь они составляютъ мудрейшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной“ (Сб. Р. Ист. Общ., XII, 304 и сл. 326 и сл.).

II.

Трудности дѣла.

Великое предпріятіе Екатерины, навѣянное западно-европейскимъ движеніемъ мысли, отражало на себѣ и многіе недостатки этого движенія. Рационалистическая философія XVIII вѣка не умѣла отдать должнаго историческому началу въ развитіи человѣчества. Все, выработанное исторіей, она склонна была осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества; все наслѣдіе вѣковъ она хотѣла бы уничтожить и замѣнить новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на указаніяхъ разума. Законы, съ точки зрѣнія этой философіи, не были результатомъ медленнаго и почти всегда болѣзненнаго историческаго развитія, а должны были возникнуть разомъ въ полнѣйшемъ своемъ объемѣ и всесовершенствѣ.

Екатерина-Великая принесла свою дань этому направленію. Она созвала комиссію для сочиненія *полнаго* проекта уложенія по всѣмъ частямъ законодательства и притомъ *новому* во всѣхъ своихъ частяхъ. Россія разсматривалась ею какъ-бы неимѣющею никакого гражданскаго порядка, а потому все надлежало дать ей вновь. «Надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія», «полезно сдѣлать учрежденіе объ опекуновѣ», — таковыя зыкъ ея наказа комиссіи. Можно подумать, что общество, для котораго написаны эти правила, не знаетъ ни наслѣдованія, ни учрежденія опеки, и всѣ правила гражданскаго обществія приходилось творить для него изъ ничего. Именно такова была задача комиссіи. Задача безпримѣрной трудности.

Сколько же времени назначала государыня для исполненія такой задачи? Время, на которое были созваны депутаты, не было ею опредѣлено. Но Генрихъ Ширлей говоритъ, что тогда думали (конечно, руководящіе люди той эпохи), что на совершеніе этой громадной работы потребуется всего четыре года!

Какъ постановка задачи комиссіи, такъ и время, которое считалось достаточнымъ для ея исполненія, одинаково указываютъ, насколько императрица, при всемъ ея добромъ желаніи, была далека отъ правильнаго взгляда на трудности того дѣла, къ совершенію котораго она приступала.

Призывая депутатовъ къ составленію проекта новаго уложенія, Екатерина не находила, однако, возможнымъ предоставить

имъ полную свободу въ опредѣленіи основныхъ началъ этого уложенія. Въ руководство имъ она сочинила особый наказъ, который и долженъ былъ служить «за правило» составителямъ уложенія. Вотъ какъ члены дирекціонной комиссіи, которая должна была руководить дѣятельностью всѣхъ другихъ частныхъ комиссій, объясняютъ это выраженіе «за правило»: «При сочиненіи хотя многое изъ старыхъ законовъ почерпнато быть можетъ, но они правиломъ не служатъ. Нынѣ все по премудрымъ и никогда неопровергаемымъ правиламъ большаго наказа (такъ назывался екатерининскій наказъ, въ отличіе отъ наказовъ, произнесенныхъ депутатами отъ ихъ избирателей) расположено быть должно. Почему и нѣтъ другаго зеркала, какъ, во-первыхъ, наказъ, а потомъ — здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего».

Изъ приведеннаго мѣста видно, что рационалистическія идеи проникали даже въ умы екатерининскихъ царедворцевъ: они находятъ возможнымъ считать начала законодательства, выраженныя въ наказѣ, вѣчными (потому, конечно, что они разумны), и, кромѣ нихъ, признаютъ только указанія здраваго разсудка. «Любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего» являются какъ мѣстная и, конечно, необходимая модификація чисто-раціоналистическихъ идей. Только начала наказа и здраваго разсудка (что, собственно, одно и то же) обязательны для составителей уложенія; слѣдовать же старымъ законамъ нѣтъ необходимости. Посмотримъ теперь, насколько «никогда неопровержимыя правила наказа» могли облегчить членамъ комиссій ихъ крайне-трудную дѣятельность.

Чтеніе наказа произвело такое потрясающее впечатлѣніе на депутатовъ, что многіе изъ нихъ не могли воздержаться отъ слезъ. Гуманныя идеи, проникающія наказъ отъ начала и до конца, мысль объ общемъ благѣ, какъ цѣли законовъ, смягченіе суровыхъ наказаній московской эпохи и петровскаго законодательства, отбѣна пытокъ, дозволеніе высказывать свободно свое мнѣніе и множество другихъ положеній, имѣющихъ одну общую цѣль въ томъ, чтобы русскій народъ, съ изданіемъ новаго уложенія, получилъ наиболѣе справедливые законы и былъ наиболѣе процвѣтающъ, чѣмъ какой-либо другой народъ въ мірѣ, — все это дѣлаетъ совершенно понятнымъ такое впечатлѣніе. Но мы сдѣлаемъ большую ошибку, если подумаемъ, что отъ наказа оставался только одинъ шагъ къ новому законодательству, которое сдѣлало бы русскій «народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь

далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться».

Геніальныя способности императрицы стоятъ выше всякаго сомнѣнія, добрую ея волю мы также не имѣемъ права заподозрѣть. Но дѣло законодательства представляетъ величайшія трудности, для преодоленія которыхъ необходимы спеціальныя знанія, приобретаемыя путемъ сложной спеціальной подготовки. Екатерина-Великая была просвѣщеннѣйшей женщиной своего времени, но вопросы законодательства были и для нея новостью. «Я начала, — говоритъ императрица, — читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова...» Два года — время, конечно, продолжительное, но мы сомнѣваемся, чтобы и человѣкъ спеціально подготовленный могъ въ это время составить правила для цѣлаго законодательства; тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ императрицы, которая тутъ же впервые и знакомилась съ большинствомъ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1767 года наказъ былъ уже готовъ и врученъ комиссіи, а въ январѣ того же года она писала къ Даламберту о ходѣ своихъ работъ: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и, Богъ вѣдаетъ, что станетъ съ остальнымъ; однаѣо придется рѣшиться къ назначенному мною сроку». Такимъ образомъ, за шесть мѣсяцевъ до начала занятій комиссіи императрица еще сама не знала, что выйдетъ изъ ея труда, долженствовавшего направлять дѣятельность этой комиссіи.

Неудивительно послѣ этого, что наказъ далеко не всегда даетъ опредѣленные правила въ руководство составителямъ уложенія и даже не отличается единствомъ направленія.

Переводя и примѣняя къ нашимъ потребностямъ, какъ ихъ понимала сама императрица, мысли Монтескьё, она по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя стоило бы только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое уложеніе, а указываетъ лишь общее, и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, а нерѣдко ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода.

«Надлежитъ установить порядокъ неподвижной для наслѣдованія», говоритъ наказъ, — но какой? Сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторые указанія на римскій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: «мое намѣреніе въ семь

дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія». Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части—это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственного права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, да и приведенное отличается крайней неопредѣленностью. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наслѣдниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ?

«Полезно сдѣлать учрежденіе объ опекуновѣ», говоритъ наказъ далѣе, но какое,—опять умалчивается, ограничиваясь указаніемъ на то, что опека должна быть «для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ». Но у насъ и прежде была опека и не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея, во всякомъ случаѣ, были опредѣленныя правилъ наказа.

Старые законы не должны имѣть значенія «правилъ» для составителей новаго уложенія; наказъ же, который надо было считать за правило, не обнималъ и сотою части всей сложной системы права.

Неполнота наказа не укрылась совершенно отъ прозорливости императрицы; но можно думать, что относительно мѣры этой неполноты у ней не было точнаго представленія, и практическую пригодность своего труда она значительно преувеличивала ¹⁾. «Какъ нѣтъ ничего совершеннаго, что человѣкомъ сочинено,—говоритъ заключительная статья наказа,—то если откроется въ производствѣ, что на какія ни есть учрежденія въ семъ наказѣ правила еще не положено, дозволяется просить дополненія». Это гордое сознаніе, что наказъ можетъ имѣть несовершенства, свойственныя всѣмъ трудамъ рукъ человѣческихъ, такъ и наводитъ на мысль, что Екатеринѣ В. казалось, что она почти на все положила правила, тогда какъ въ дѣйствительности трудно найти вопросъ, по которому не пришлось бы просить дополненія. То же преувеличеніе практическаго значенія наказа подсказало императрицѣ и 525 статью его, въ которой авторское самолюбіе предписывало «наказъ сей читать въ комиссіи единожды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія комиссіи». Наказъ—объемистый трудъ въ 90 страницъ (съ дополненіемъ къ нему), для прочтенія его нужно было нѣсколько засѣданій, которыя еже-

¹⁾ Это понятно, въ виду тѣхъ льстивыхъ отзывовъ, которые приходилось выслушивать государынѣ отъ своихъ придворныхъ. «Всѣ тѣ, которые видѣли мою работу,—писала она г-жѣ Жоффрэнъ,—единодушно говорить, что это верхъ совершенства, но, мнѣ кажется, что еще надобно почистить»...

мѣсячно тратились, какъ въ большой комиссіи, такъ и во всѣхъ частныхъ, совершенно непроизводительно.

Рядомъ съ крайней неполютой основныхъ началъ законодательства, наказъ страдаетъ и шаткостью своихъ общихъ основаній. Стремленіе въ «новому» уложенію было внушено императрицѣ сочиненіями энциклопедистовъ, ихъ борьбой съ средневѣковымъ порядкомъ вещей. Но рядомъ съ энциклопедистами Екатерина-Великая не съ меньшимъ увлеченіемъ изучала Монтескье. Изъ его книги освоилась она съ идеей о непроизвольности законовъ, о соотвѣтствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта. Эти два совершенно разныхъ направленія, благодаря спѣшности работы, остались въ наказѣ непримиренными. Какъ ревностная ученица Монтескье, государыня высказываетъ мысль, что «законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности». Если это вѣрно, то едвали было нужно впередъ возвѣщать депутатамъ, что они должны сочинить «новое» уложеніе, ибо трудно допустить, чтобы все историческое право не соотвѣтствовало народному умствованію и подлежало замѣнѣ новымъ. Еще менѣе нужно было сочинять какой-либо наказъ въ руководство комиссіи. Народное умствованіе депутаты, конечно, принесли съ собою: надо было только прислушиваться къ нему. Тѣмъ не менѣе Екатерина написала наказъ, въ которомъ даны комиссіи обязательныя правила. Нѣкоторые изъ этихъ правилъ выведены изъ сравненія постановленій разныхъ иностранныхъ законодательствъ на основаніи указаній «здраваго разума». Что дѣлать, если правила, выведенныя императрицей на основаніи «здраваго разума», не сойдутся съ народнымъ умствованіемъ депутатовъ? Случай очень возможный. По правиламъ наказа пытка ни на что не нужна, а по народному умствованію она считалась полезной и примѣнялась въ судахъ еще при императорѣ Александрѣ I-мъ. По правиламъ наказа за кражу не должно было казнить смертью, а по народному умствованію конокраду и теперь еще надо голову рубить. «Что батюшка ему (конокраду) тюрьма-то, — говорили еще недавно крестьяне орловской губерніи своему мировому судѣ, — кабы ты по закону-то, по-Божьему, ему голову отрубилъ, такъ бы полно ему насъ разорять-то; да и другому не повадно, бы было».

Исходныя точки наказа представляютъ, такимъ образомъ, безвыходное противорѣчіе.

До сихъ поръ сказанное даетъ намъ право сдѣлать такое

заключеніе. На комиссію была возложена задача необыкновенной трудности: она должна была составить новое уложеніе по всѣмъ частямъ права. Полной свободы дѣйствія ей не было предоставлено: она должна была руководствоваться правилами наказа. Наказъ же далеко не давалъ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ частямъ законодательства и нерѣдко страдалъ непослѣдовательностью основныхъ своихъ началъ.

Мы видѣли, что наказъ былъ плодомъ весьма спѣшной работы: въ январѣ 1767 г., когда манифестъ о созваніи депутатовъ былъ уже обнародованъ и назначено время ихъ собранія, императрица еще не знала, какія начала она предложить имъ въ руководство. Но женщина, такъ богато одаренная отъ природы, какъ Екатерина-Великая, и такъ близко стоявшая къ практическимъ потребностямъ государственной жизни, очень скоро должна была усмотрѣть недостатки первоначальной постановки трудовъ комиссіи. Дѣйствительно, не прошло и года со дня открытія засѣданій депутатовъ, какъ недостатки эти были уже ей ясны.

Въ концѣ мая 1768 года, она нашла нужнымъ написать «три урока» въ наставленіе частной комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Въ предисловіи къ этимъ урокамъ она говоритъ: «комиссія къ своему дѣлу не можетъ приступить, не узнавъ совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается, отъ чего послѣдуетъ свѣдѣніе въ чемъ иногда недостатокъ, ибо переменна не для произвольной перемены должна быть сдѣлана, но для поправленія недостаточнаго, если что същется, а хорошее и полезное отъ оной изымается, потому что оно всегда въ своей силѣ остаться должно» (Арх., связка № 196).

Работамъ комиссіи дается здѣсь иное и гораздо болѣе практическое направленіе: она не должна сочинять новаго, а только исправлять недостатки стараго. Это задача болѣе опредѣленная и легче исполнимая. Но дѣло было уже сдѣлано: манифестъ, наказъ, распоряженія дирекціонной комиссіи — все было проникнуто крайне туманнымъ стремленіемъ къ новому уложенію. Это неясное направленіе руководило работами комиссіи уже цѣлый годъ. Поставить ихъ на новую почву можно было не специальнымъ наставленіемъ одной изъ частныхъ комиссій, а общими мѣрами, которыя касались бы дѣятельности всей комиссіи, чего, однако, не было сдѣлано. Почва подъ ногами депутатовъ оставалась до конца зыбкой.

III.

Составъ комиссіи.

Составъ комиссіи занимать мысли императрицы, можетъ быть, не менѣе наказа. Изъ черновыхъ бумагъ ея, хранящихся въ общемъ собраніи с.-петербургскихъ департаментовъ сената, видно, что первоначальное составленіе плана выборовъ было поручено князю Вяземскому, оберъ-прокурору Всеволожскому, генералъ-рекетмейстеру Козлову и господину Кузьмину, въ руководство которымъ государыня дала нѣсколько основныхъ мыслей. Но планъ, выработанный этими лицами, былъ потомъ значительно измѣненъ самою императрицею. Остановимся же на составѣ комиссіи, чтобы судить о томъ, съ кѣмъ желала совѣщаться Екатерина В., и кто и какъ отзывался на ея призваніе.

Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о томъ, кому дано было право прислать представителей, и по какимъ округамъ должно было происходить избраніе?

Желая совѣщаться съ представителями страны и выслушать ихъ нужды, императрица, при всемъ стремленіи къ новизнѣ, должна была имѣть дѣло съ существующимъ уже обществомъ и въ тѣхъ его подраздѣленіяхъ, которыя сложились исторически. Россія XVIII вѣка есть государство сословное. Чтобы узнать нужды Россіи, надо было выслушать представителей отъ сословій: каждое сословіе имѣло свои особые права и обязанности, только ему извѣстныя. Согласно съ этимъ фактомъ, Екатерина пригласила прислать выборныхъ отдѣльных сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей ¹⁾. Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ отступленія отъ существующаго историческаго строя общества и также въ духѣ энциклопедистовъ. Сословіе духовенства вовсе не было приглашено прислать депутатовъ,—черта, понятная въ государынѣ, которая такъ дорожила добрымъ мнѣніемъ Вольтера ²⁾. Составъ екатерининской

¹⁾ Такъ по обнародованному образу выборовъ. Изъ черновыхъ же бумагъ императрицы видно, что она пришла къ этимъ сословіямъ не безъ нѣкотораго колебанія. Въ планѣ выборовъ, составленномъ кн. Вяземскимъ и др., различены слѣдующія группы избирателей: дворяне, купцы, цеховые, однодворцы, государственные крестьяне, запорожское войско, донское и другія казачія войска. Черновой списокъ образа, написанный рукою императрицы, тоже различаетъ цеховыхъ и мѣщанъ, какъ особую группу избирателей, отъ купцовъ. Это различіе, конечно, имѣетъ свое основаніе въ различномъ положеніи купцовъ и цеховыхъ.

²⁾ Законы о церковныхъ имуществѣхъ также не остались, конечно, безъ вліянія на это устраненіе духовенства.

комиссіи, такимъ образомъ, существенно отличался отъ состава нашихъ московскихъ соборовъ: сословіе, которому принадлежало такое видное мѣсто въ земскихъ соборахъ, вовсе не было допущено въ комиссію. Изъ лицъ духовнаго званія въ комиссіи засѣдалъ только одинъ членъ, митрополитъ новгородскій, Димитрій. Но онъ былъ представителемъ не духовенства, какъ сословія, а синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ представителями другихъ государственныхъ учреждений: сената, коллегій и пр., которымъ также дано было право прислать депутатовъ.

Нельзя сказать, чтобы эта особенность (которая, кстати замѣтить, не укрылась отъ вниманія тогдашняго англійскаго посла при нашемъ дворѣ, лорда Казкарта) согласовалась съ другими распоряженіями императрицы, и чтобы сама комиссія не почувствовала скоро ея неудобствъ. Екатерина В. вовсе не была той мысли, что депутаты не должны касаться законовъ, относящихся до духовенства. Наоборотъ, она сама указала на необходимость учрежденія духовно-гражданской комиссіи, которая должна была не только остановиться на вопросахъ личнаго положенія духовенства, но принять мѣры, чтобы не верались какія-либо злоупотребленія въ наружное исполненіе духовныхъ обрядовъ, опредѣлить число праздничныхъ дней, способъ ихъ чествованія и пр. Дирекціонная комиссія еще въ августѣ 1767 года разсуждала объ учрежденіи частной комиссіи для духовныхъ дѣлъ, но нашла, что учредить ее не изъ кого, такъ какъ въ комиссіи былъ всего одинъ членъ духовнаго званія (Арх. Днев. зап. дирекц. ком.). А между тѣмъ учредить эту комиссію было необходимо. Въ май слѣдующаго года духовно-гражданская комиссія была, наконецъ, учреждена, но вотъ въ какомъ составѣ, — въ нее вошли: прокуроръ адмиралтейской коллегіи Иванъ Фурсовъ, статскій совѣтникъ Василій Баскаковъ, генералъ-маіоръ князь Волконскій, генералъ-маіоръ Опочининъ и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Потемкинъ. Вотъ тѣ лица, которые были призваны выработать проектъ духовно-гражданскаго законодательства. Надо думать, что они были въ большомъ затрудненіи. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснять скоро послѣдовавшее затѣмъ измѣненіе состава комиссіи: оба генерала и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка вышли, а на мѣсто ихъ были избраны: Петръ Кривскій, депутатъ бахмутскаго дворянства, Иванъ Бантышъ-Каменскій, депутатъ отъ нижнихъ чиновъ чернаго и желтаго гусарскихъ полковъ, и канцеляристъ духовнаго правленія Иванъ Сухопрудскій, депутатъ отъ города Углича. Если, несмотря на невозможность, при отсутствіи депу-

татовъ отъ духовенства, правильно организовать духовно-гражданскую комиссію, эта комиссія тѣмъ не менѣе выработала подробный, пространно мотивированный планъ законодательства по своей части, это надо объяснять тѣмъ, что выборы происходили, иногда, съ отступленіемъ отъ предписаннаго императрицей обряда, благодаря чему въ комиссію и вошли лица, знакомыя съ положеніемъ духовенства. Въ данномъ случаѣ, такимъ лицомъ былъ Иванъ Сухопрудскій, вошедшій въ составъ духовной комиссіи уже по выходѣ изъ нея трехъ военныхъ депутатовъ. Выборы депутата отъ города Углича и составленіе наказа состоялись при сильномъ участіи мѣстнаго духовенства. Углицкій наказъ начинается съ пунктовъ отъ бѣлаго духовенства; подписанъ онъ 22 (если не болѣе) священниками и впереди всѣхъ углицкой соборной церкви ключаремъ, іереемъ Гавріиломъ Ивановымъ; затѣмъ идутъ въ значительномъ числѣ подписи дьяконовъ и дьячковъ по церквамъ; а за ними уже подписались члены магистрата, купцы, копіисты и пр. Все это заставляеть думать, что Сухопрудскій явился въ комиссію какъ довѣренное лицо всего углицкаго духовенства, и, какъ канцеляристъ мѣстнаго духовнаго правленія, долженъ былъ хорошо знать его интересы. На его преобладающую роль въ духовной комиссіи указываетъ современный списокъ членовъ частныхъ комиссій, гдѣ онъ поставленъ на первомъ мѣстѣ, впереди прокурора Фурсова и статскаго совѣтника Баскакова, хотя по чину и времени избранія въ комиссію онъ и моложе ихъ.

Примѣръ Углича показываетъ, что исключеніе духовенства, вызванное тогдашнимъ направленіемъ западной философіи, не оправдывалось «народнымъ умствованіемъ». Правда, духовенство далеко не вездѣ принимало участіе въ выборѣ депутатовъ и составленіи наказовъ, но примѣръ Углича не былъ единственнымъ. Съ участіемъ духовенства встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи. Наказъ отъ города Старога Санжарова, напримѣръ, подписанъ 8-ю іереями. Въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ нѣкоторые признаки скрытнаго вліянія духовенства. Подписей его подъ наказами нѣтъ, но наказы содержатъ статьи о нуждахъ духовенства.

Духовенство имперіи не представляло мощной организованной силы, но совершенно игнорировать его—было ошибкой. Интересы его также нуждались въ представительствѣ: исключенное отъ законнаго участія въ комиссіи, духовенство старалось проникнуть въ нее окольными путями.

Другое отступленіе отъ начала сословности выборовъ было

сдѣлано уже при самыхъ выборахъ въ С.-Петербургъ и Москвѣ, исполнителями воли государыни. Выборы городскихъ депутатовъ Петербурга и Москвы были всесословные. «Лица высшихъ государственныхъ чиновъ сидѣли между гражданами всякаго званія. Эти сановники, дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ ордѣнскихъ знаменъ, или другихъ отличій» (Полѣновъ, I, 10). Представителемъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ и кавалеръ графъ Алексѣй Орловъ, представителемъ Москвы—генералъ-аншефъ и кавалеръ князь Голицынъ. Этими избраніемъ два важнѣйшихъ пункта нашей городской жизни вовсе остались безъ представителей. Графъ Орловъ и князь Голицынъ могли быть представителями дворянства, — но интересы купечества, цеховыхъ, ямщиковъ и другихъ разрядовъ городскихъ жителей были имъ, конечно, совершенно чужды ¹⁾. Такой характеръ выборовъ не могъ не отразиться печальнымъ образомъ и на наказахъ, составленныхъ въ этихъ городахъ. Наказъ отъ города Москвы былъ составленъ при сильномъ участіи мѣстной знати. Онъ подписанъ князьями, графами и дворянами и, сравнительно, небольшимъ числомъ купцовъ. Всѣ подписи занимаютъ всего одинъ листъ бумаги, тогда какъ подписи подъ углицкимъ наказомъ тянутся на пяти листахъ, а на тульскомъ—на шести съ половиной. Одно это сравненіе числа подписей показываетъ уже, насколько московскіе городскіе люди мало интересовались дѣломъ законодательной комиссіи. Сочинителемъ московскаго наказа былъ полковникъ Волебовъ. Содержаніе его отличается крайней безцѣлностью. Читая его, трудно вѣрить, что онъ составленъ въ Москвѣ, въ этомъ средоточіи государственной жизни московскаго періода, изъ котораго выросло цѣлое московское государство,—такъ мало отразились на немъ особенности положенія нѣкогда «царствующаго града Москвы». Наказы Пскова, Чернигова, Архангельска, даже Углича и Нѣжина содержатъ въ себѣ гораздо болѣе любопытныхъ историческихъ данныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе московскаго. Составители московскаго наказа просятъ, напримѣръ, объ учрежденіи въ городѣ Москвѣ публичныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, о заведеніи казенныхъ кирпичныхъ заводовъ, чтобы имъ было гдѣ муку и кирпичъ покупать; о перенесеніи рыбныхъ лавокъ изъ центра города

¹⁾ Дворяне петербургскаго уѣзда вовсе и не послали отъ себя особаго представителя, вѣроятно, въ томъ соображеніи, что они уже достаточно представлены городскимъ депутатомъ.

въ болѣе отдаленныя мѣста, чтобы онѣ не заражали воздуха, и пр. Ясно, кажется, что это не нужды московскаго купчества, и понятно, почему оно такъ поскупилось своими подписями подъ этимъ наказомъ. Такою же безцѣпностью отличается и наказъ города С.-Петербурга, также украшенный подписями князей и графовъ.

Сближеніе сословій есть великое дѣло, къ которому должно стремиться каждое законодательство. Екатерининская коммиссія, въ составъ которой были призваны почти всѣ сословія, необходимо должна была повести къ этому сближенію, ибо дѣло отдѣльныхъ сословій она возводила въ дѣло обще-государственное. Но производить выборы представителей средняго сословія и писать отъ него наказъ дворянамъ, графамъ и князьямъ вмѣстѣ съ купцами, цеховыми и ямщиками—не имѣло никакого основанія. Высшее сословіе только по зимамъ стекалось въ свои роскошныя московскія палаты для развлеченій свѣтской жизни; службъ и повинностей городскихъ оно не несло и не знало. Ему были извѣстны одни удовольствія городской жизни, а не тягости ея и недостатки. Соединеніе лицъ высшаго сословія въ одинъ избирательный округъ съ купцами, цеховыми и ямщиками повело только въ тому, что настоящіе граждане уклонились отъ участія въ дѣлѣ законодательства. Всесословные выборы Москвы и Петербурга, такъ живо описанные почтеннымъ издателемъ актовъ коммиссіи, представляютъ единственно либеральную деформацию во вкусѣ просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

Всесословность выборовъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній того времени, не оправдывалась и съ формальной точки зрѣнія права. По обряду выборовъ депутаты должны были быть посланы городомъ. Въ понятіе же города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра В., которое дѣйствовало и въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило ¹⁾. Это отступленіе городскихъ выборовъ Москвы и Петербурга отъ начала сословности сдѣлано, конечно, не безъ вѣдома императрицы и служить только новымъ доказательствомъ недостаточной твердости основныхъ началъ, съ которыми она приступила къ великому дѣлу созванія законодательной коммиссіи.

Всесословные выборы, точно такъ же какъ и выборы съ участіемъ духовенства, представляются исключеніемъ. Обыкновенно же выборы въ городахъ производились городскими жителями въ

¹⁾ Въ черновыхъ наброскахъ, вмѣсто депутата отъ города, прямо говорится о депутатѣ отъ купцовъ.

тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. купцами, цеховыми, ямщиками, канцелярскими чиновниками и пр.

Но дѣло выборовъ далеко не происходило такъ просто и единообразно, какъ можно подумать, читая написанный Екатериною обрядъ, въ которомъ вовсе не приняты въ соображенію историческія особенности разныхъ мѣстъ. Понятіе города, какъ совокупности людей средняго сословія, возникшее только съ Петра, далеко не успѣло еще объединить во всѣхъ городахъ имперіи всѣхъ городскихъ жителей (въ этомъ тѣсномъ смыслѣ) въ одно сословіе; кромѣ того, жители нѣкоторыхъ городовъ, по разнымъ причинамъ, состояли на особомъ положеніи. Благодаря этому, городское населеніе многихъ городовъ имперіи распадалось на отдѣльныя группы, различавшіяся правами и обязанностями. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ городахъ, жители которыхъ разбивались на такія группы, представлялось совершенною невозможностью, чтобы всѣ избиратели соединились на одномъ депутатѣ, или снабдили бы его однимъ наказомъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, коренное городское населеніе пользовалось магдебургскимъ правомъ и состояло въ вѣдѣніи магистрата; а рядомъ съ нимъ, на особыхъ правахъ, существовало братство нѣжинскаго греческаго купечества и была еще община великороссійскихъ купцовъ. Кромѣ того, въ нѣжинскимъ гражданамъ принадлежало еще нѣкоторое число шляхты и казаковъ, постоянно жившихъ въ городѣ. По мѣстнѣю нѣжинскихъ жителей, эта шляхта и казаки должны были подчиняться магдебургскому праву и вѣдаться магистратомъ. Но на дѣлѣ они давно вышли изъ-подъ власти магистрата и жили по литовскому статуту. Всѣ эти разряды лицъ называютъ себя гражданами Нѣжина, но, благодаря различію правъ, интересы ихъ очень различны. По обряду выбора депутатовъ, городъ Нѣжинъ долженъ былъ прислать одного депутата. Онъ такъ и сдѣлалъ, но снабдилъ его четырьмя разными наказами, по одному отъ каждаго особаго разряда лицъ. Такимъ образомъ, нѣжинскій депутатъ, магистратскій писарь Костевичъ (избраніе магистратскаго писаря указываетъ на преобладаніе перваго разряда) получилъ невозможное порученіе одновременно отстаивать противорѣчивыя ходатайства своихъ избирателей. Городъ Астрахань, находившійся, повидимому, въ подобныхъ же условіяхъ, нашелъ другой исходъ. Несмотря на положительное предписаніе прислать одного депутата отъ города, онъ прислалъ пятерыхъ: одного отъ русскихъ жителей, другого отъ армянъ и католиковъ, третьяго отъ татаръ казанской слободы, четвертаго—отъ татаръ бухарскаго, гилан-

скаго и агрыжанскаго дворовъ и т. д. Всѣ они были признаны сенатомъ въ качествѣ депутатовъ.

Такъ оригинально исправлялись на мѣстахъ недостатки обряда выборовъ, вызванные незнакомствомъ составителей его съ дѣйствительнымъ положеніемъ городского населенія имперіи.

Также не вполне соответствовали обряду и выборы депутатовъ сельскаго населенія и по той же причинѣ: по незнакомству составителей обряда съ положеніемъ сельскаго населенія. По обряду, каждой провинціи дано право прислать по одному депутату отъ слѣдующихъ трехъ разрядовъ свободныхъ сельскихъ обывателей: однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и черносошныхъ крестьянъ. Но, во-1-хъ, эти разряды не исчерпываютъ всѣхъ видовъ свободного сельскаго населенія того времени (здѣсь не упомянуты, напримѣръ, половники, ясачные, приписные къ заводамъ), а во-2-хъ, обрядъ требуетъ присылки разныхъ депутатовъ отъ такихъ разрядовъ, между которыми въ то время уже было весьма трудно провести разграничительную черту (таковы, напримѣръ, однодворцы и нѣкоторые виды пахатныхъ солдатъ). Вслѣдствіе этого, когда приступили къ выборамъ, пришлось, съ одной стороны, допустить къ участію въ нихъ крестьянъ, въ обрядѣ не упомянутыхъ (половниковъ, ясачныхъ, даже экономическихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дворцовыхъ); а съ другой — однодворцы нѣкоторыхъ мѣстностей прислали общаго депутата съ прежнихъ служебъ служилыми людьми, которые были тѣ же пахатные солдаты и должны были бы прислать отдѣльнаго депутата.

Выборы депутатовъ отъ дворянъ, благодаря болѣшему единообразію этого сословія, не подали повода къ такимъ отступленіямъ отъ обряда.

Чтобы познакомить читателя ближе съ составомъ комиссій, мы приведемъ здѣсь современный списокъ числа депутатовъ по губерніямъ и сословіямъ, который, кажется, еще не былъ напечатанъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать въ немъ, кромѣ двухъ мелкихъ поправокъ, только одно отступленіе. Депутаты отъ сельскаго населенія показаны въ оригиналѣ въ ихъ подраздѣленіяхъ, т. е. отъ каждаго изъ трехъ разрядовъ отдѣльно. Въ виду того, что различія этихъ разрядовъ не всегда выдерживались въ дѣйствительности, мы сливаемъ ихъ въ одну общую рубрику депутатовъ отъ сельскаго населенія, къ которымъ причисляемъ и новокрещенныхъ иновѣрцевъ, приславшихъ отъ себя обрусѣвшихъ депутатовъ.

Вѣдомость, сколько въ присутствіи комиссіи находится депутатовъ, за іюль 1768 года:

Губерніи.	Дворяне.	Горожане.	Казани.	Поселана.	Инозѣрци.	Всего.
Московская	49	58	—	5	—	112
Кіевская	—	1	—	1	—	2
С.-Петербургская	3	3	—	—	—	6
Новгородская	18	20	—	4	—	42
Казанская	5	16	—	23	12	61
Астраханская	1	11	10	2	—	24
Сибирская	—	10	2	4	2	18
Иркутская	—	5	—	1	2	8
Смоленская	5	5	—	1	—	11
Эстляндская	4	2	—	—	—	6
Лифляндская	4	4	—	—	—	8
Финляндская	1	4	—	4	—	9
Нажегородская	4	7	—	4	1	16
Малороссійская	10	10	11	—	—	31
Слободская	5	5	3	2 ¹⁾	—	15
Воронежская	17	15	8	8	2	50
Бѣлогородская	17	13	1	4	—	35
Архангельская	6	13	—	3	3	25
Оренбургская	3	4	10	7	10	34
Новороссійская	8	1	7	2 ²⁾	—	18
Всего.	160	207	54	78	32	531

Представители дворянъ состояли на двѣ-трети изъ военныхъ людей, число которыхъ доходило до 109 (въ томъ числѣ 17 отставныхъ). Большая часть военныхъ были штабъ-офицеры — 83 человека, въ томъ числѣ 30 генераловъ. Большинство депутатовъ гражданской службы также принадлежало въ высшимъ чинамъ, съ ассессора начиная. Сенаторовъ было 11 человекъ. Этотъ чиновный составъ дворянскихъ депутатовъ совершенно въ духъ времени. Освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы состоялось только въ 1762 году. Манифестъ о выборѣ депутатовъ нашелъ ихъ еще всѣхъ на службѣ. Если выбирали служащіе дворяне, то, понятно, кто большаго дослужился, тотъ и былъ въ ихъ глазахъ лучше. Другой мѣрки не могло быть.

Другимъ характеромъ отличаются представители городовъ. Великороссійскіе города были почти исключительно представлены купцами, число которыхъ доходить до 173; остальные городскіе

¹⁾ Въ оригиналѣ помечали вмѣстѣ съ казанами, тогда какъ въ напечатаннѣхъ названы просто хлѣбопашцами.

²⁾ Въ оригиналѣ не помечалъ депутатъ отъ помещичьихъ и поселанъ, Степанъ Выченко, прибывшій въ комиссію 22-го іюня. — Такія вѣдомости составлялись за каждый мѣсяцъ.

депутаты—жѣщане, секретари магистратовъ, духовныхъ правленій и т. под. Нѣкоторые малороссійскіе города прислали казаковъ: сотниковъ, полковыхъ писарей и т. под.

Сельское населеніе исключительно выслало депутатовъ изъ своей среды: черносопныхъ крестьянъ, однодворцевъ и т. под.

Депутаты отъ казаковъ, приведенные въ 3-й рубрикѣ, представляютъ собою низшіе чины казачьего войска. По роду жизни это тѣ же крестьяне, но обязанные нести съ принадлежащихъ имъ земель военную службу на своемъ содержаніи. Они также были исключительно представлены лицами своей среды: казачьими сотниками, старшинами, а въ большинствѣ случаевъ простыми казаками. На все число депутатовъ отъ казаковъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ-трехъ депутатовъ, выбранныхъ изъ офицеровъ.

Подъ рубрикой иновѣрцевъ соединены представители отъ татаръ, разныхъ наименованій, самоѣдовъ, башкиръ, черемисовъ, мещеряковъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ, принадлежавшихъ въ сельскому населенію, которые по болѣе части и русскаго языка не знали, а потому имъ и было предоставлено право выбрать себѣ въ помощь особыхъ лицъ подъ именемъ опекуновъ.

Вопросы, подлежавшіе обсужденію комиссіи, должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ. Хотя дворянство и высшіе чины были хорошо представлены, но численное большинство было далеко не на ихъ сторонѣ, и въ случаѣ столкновенія они всегда остались бы въ меньшинствѣ. Не этимъ ли надо объяснять тотъ знаменательный фактъ, что высшіе сановники, за небольшими исключеніями¹⁾, почти вовсе не принимали участія въ преніяхъ?

Хотя въ результатѣ выборовъ надо было ожидать именно такого отношенія числа представителей разныхъ сословій, но есть основаніе думать, что результатъ этотъ не могъ удовлетворить императрицу. Она смотрѣла на дворянство, какъ на опору монархіи и, конечно, была бы болѣе довольна, еслибъ этому со-

¹⁾ Число депутатовъ изъ высшихъ чиновъ, отъ генерала и дѣйст. ст. совѣт. начиная, доходило до 35 человекъ (мы не включаемъ сюда представителей отъ правительственныхъ учрежденій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже). Изъ нихъ только 11 человекъ приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіи первыхъ 100 засѣданій; и изъ этихъ 11-ти, только трое говорили по 2 раза, остальные же 8 только по одному. Двадцать же четыре человека, т.-е. болѣе $\frac{2}{3}$, не приняли никакого участія въ преніяхъ. Въ числѣ ихъ находятся и такіе сановники, какъ графъ Захаръ Чернышевъ, вице-президентъ военной коллегіи, генералъ-аншефъ, сенаторъ, графъ П. И. Панинъ, генералъ-аншефъ, кн. А. М. Голицынъ, позднѣе фельдмаршалъ, дѣйст. стат. совѣт. Дмитрій Волковъ, президентъ мануфактуръ-коллегіи, сенаторы: кн. Вяземскій, кн. Трубецкой, Желябужскій и др., генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, графъ Алексій Орловъ и пр.

словію принадлежалъ и численный перевѣсъ голосовъ. При выборахъ членовъ въ дирекціонную комиссію императрица, которой принадлежало право утверждать выборы, утвердила только лицъ высокопоставленныхъ, не допустивъ въ составъ комиссіи ни одного мелкаго человѣка. Это также указываетъ на симпатіи государыни, которымъ составъ комиссіи далеко не удовлетворялъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, насколько сочувственно отнеслось населеніе Россіи къ довѣрчивому обращенію къ нему императрицы. Сочувствіе населенія должно было выразиться въ его желаніи воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ высылать депутата изъ каждаго округа, въ которомъ были избиратели. Къ сожалѣнію, имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы, не даютъ возможности исчерпывающимъ образомъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ уѣздахъ были дворяне и свободные сельскіе обыватели, и въ какихъ нѣтъ. Мы знаемъ города и уѣзды, изъ которыхъ депутаты были присланы, но не можемъ сказать, что города и уѣзды, которые депутатовъ не прислали, сдѣлали это по нежеланію участвовать въ комиссіи. Фактъ неприсылки можетъ объясняться и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ вовсе не было дворянъ, или другихъ избирателей.

Число свободныхъ сельскихъ обывателей въ это время не велико, и могли быть цѣлыя уѣзды, въ которыхъ ихъ вовсе не было. Этимъ объясняется сравнительно небольшое число представителей отъ крестьянъ въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какова Россія. Но для правильной оцѣнки его надо имѣть въ виду слѣдующее. Избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне высылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе только отъ цѣлой провинціи, заключающей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Такимъ образомъ, представителей сельскаго населенія и должно быть меньше. Но за каждымъ сельскимъ депутатомъ стояло гораздо болѣе избирателей, чѣмъ за городскимъ или дворянскимъ. Они представляли всѣ погосты или сельскія общества своей провинціи и получали отдѣльные наказы отъ каждаго погоста. Депутатъ Чупровъ, напримѣръ, единственный представитель крестьянъ архангельской провинціи, привезъ съ собою 195 наказовъ, отъ уѣздовъ: важскаго, вольскаго, пустозерскаго, мезенскаго, кеврольскаго и двинскаго. Тутъ были наказы отъ черносошныхъ крестьянъ, ясачныхъ, дворцовыхъ и бывшихъ экономическихъ. Въ одномъ двинскомъ уѣздѣ считалось тогда

20,543 души черносошныхъ крестьянъ и 10,913 душъ экономическихъ. Эти цифры даютъ понятіе о той массѣ интересовъ, представителемъ которыхъ явился Чупровъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ архангельской губерніи, которыя выслали также по одному депутату, былъ составленъ еще 241 наказъ. Цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066. Такимъ образомъ, около половины (496) всѣхъ крестьянскихъ наказовъ приходится на архангельскую губернію. Этотъ громадный процентъ свободного сельскаго населенія, выпадающій на одну губернію, объясняется тѣмъ, что новыя московскіе порядки всего менѣе коснулись этой отдаленной области, сохранившей наиболѣе остатковъ до-московской старины. Но изъ сравнительно небольшого числа общинъ, приходящагося на остальную Россію, нельзя еще дѣлать заключенія, что ихъ именно столько и было, и что всѣ онѣ прислали депутатовъ. Какъ не всѣ горожане и даже дворяне воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, такъ, конечно, и не всѣ крестьяне. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ ябургскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, и новолодожскомъ, новгородской, были свободные сельскіе обыватели, а депутатовъ отъ нихъ не было. По смыслу обряда выборовъ, сельское населеніе даже не было обязано прислать депутатовъ. Ему было только предоставлено право, которымъ оно могло и не воспользоваться.

Полное отсутствіе представителей крестьянскаго населенія губерній малороссійской, ливонской и эстляндской объясняется взглядомъ императрицы на тамошнихъ крестьянъ, которыхъ она считала крѣпостными (Сб. Р. Ист. Общ., X, 286), и которые поэтому не были приглашены къ выборамъ. Сравнительно большая цифра крестьянскихъ депутатовъ казанской губерніи объясняется значительнымъ числомъ инородцевъ, принявшихъ православіе, которые одни выслали 14 представителей.

Особенно въ большомъ числѣ явились представители отъ городовъ. Цифра ихъ на 47 человекъ превышаетъ цифру депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства. Но это надо объяснять не болѣею ихъ ревностью къ дѣлу, сравнительно съ дворянами, а тѣмъ, во-первыхъ, что нѣкоторые города, какъ Астрахань, Тула и друг., прислали по нѣскольку депутатовъ, тогда какъ дворяне выслали всегда по одному на уѣздъ, а иногда по одному и на два, и, во-вторыхъ, депутаты отъ средняго сословія были присланы не только отъ уѣздныхъ городовъ, но и отъ нѣкоторыхъ пригородовъ, слободъ и посадовъ, которые уѣздовъ не имѣли.

Положеніе дворянъ этого времени было исключительно при-

випетированное. Пользуясь уже значительной долей земныхъ благъ, нѣкоторые изъ нихъ совершенно равнодушно отнеслись къ законодательной комиссiи, которая имѣла цѣлью сдѣлать подданныхъ имперiи счастливыми. Такъ поступили муромскіе дворяне. Они выслали депутата, но въ наказѣ, ему данномъ, прямо заявили, что по довольномъ общему разсужденіи всего муромскаго дворянства не нашли никакихъ нуждъ и отягощеній, которыя нуждались бы въ исправленіи. Этимъ заявленіемъ, конечно, и новое законодательство, по сколько оно касается дворянъ, признавалось излишнимъ. Они, очевидно, считали уже себя счастливыми и при старомъ порядкѣ вещей. Дворяне нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ и вовсе депутатовъ не выслали. Таковы уѣзды: масальскій, вологровскій, цивильскій, звенигородскій, лебедянскій, сокольскій и землянскій. Нѣкоторые изъ нихъ ссылались при этомъ на свое малолѣдство! ¹⁾.

Но мы сдѣлаемъ большую ошибку, если подумаемъ, что къ великому начинанію Екатерины равнодушно отнеслись только нѣкоторые изъ дворянскихъ избирателей. Какъ бы ни было велико дѣло, нарождающееся въ обществѣ, всегда и во всякой средѣ найдутся равнодушные. Между горожанами они также были, хотя и по другой причинѣ, по крайней бѣдности и недосугу оторваться отъ ежедневныхъ заботъ дня. Горожане Лебедянска, Сокольска, Землянска, Ливнѣ, Ефремова, Новосиля и Данилова не прислали депутатовъ. Въ четырехъ послѣднихъ городахъ, какъ видно изъ заявленій депутатовъ, даже вовсе не было купечества; не-торговому же городскому населенію, которое нерѣдко находилось еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне, было, конечно, не до законодательства на новыхъ началахъ. Такихъ примѣровъ неприсылаи депутатовъ и притомъ отъ всѣхъ сословій можно было бы набрать и еще нѣсколько.

Нѣкоторые города даже лучше сдѣлали бы, еслибъ вовсе никого не послали. Мы разумѣемъ борисоглѣбскую слободу (ярославской губ.), приславшую депутата на правахъ города. Борисоглѣбскіе горожане выбрали своимъ представителемъ купца Семена Еболина. Этотъ Семенъ Еболинъ по смерти своего отца раздѣлился съ братомъ, которому предоставилъ домъ въ Борисоглѣбскѣ, а самъ перѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ и поселился. Узнавъ

¹⁾ Крунная цифра дворянскихъ и городскихъ представителей московской губ. объясняется сравнительно большимъ числомъ уѣздныхъ городовъ, входившихъ тогда въ составъ этой губерніи. Къ Москвѣ было приписано болѣе 54 уѣздовъ, которые теперь раздѣлены между 8 отдѣльными губерніями: московской, костромской, ярославской, калужской, тульской, владимірской, рязанской и тверской.

о постигшей его участи, Ебодинъ просилъ вмѣсто него выбрать другого, ссылаясь на свою болѣзнь и на то, что дома у него въ Борисоглѣбскѣ нѣтъ. Мѣстная ратуша не уважила его ходатайства и требовала, чтобы онъ взялъ наказъ и полномочіе и ѣхалъ представлять интересы своей родины. Можно думать, что борисоглѣбская слобода хотѣла только отдѣлаться отъ чести участвовать въ законодательной комиссіи, и выборы, по всей вѣроятности, пали на отсутствующаго, такъ какъ изъ наличныхъ гражданъ никто не хотѣлъ ѣхать. Дѣло дошло до сената; но эта высшая инстанція показала не большее пониманіе дѣла, чѣмъ мѣстная ратуша. Сенатъ произвелъ цѣлое слѣдствіе и, находя, «что отъ части въ домѣ Ебодинъ отказался уже по выборѣ, а болѣзнь, какъ видно изъ аттестата врача, не такъ чрезвычайна, чтобы могла препятствовать отправленію депутатской должности, опредѣлилъ выслать Ебодина немедленно къ депутатской должности» (Арх., Журналы). Генералъ-прокуроръ Вяземскій увѣдомилъ объ этомъ рѣшеніи маршала комиссіи, и Ебодинъ былъ занесенъ въ списки депутатовъ, въ числѣ которыхъ и оставался до конца, являя примѣръ депутата, противъ своей воли обязаннаго защищать интересы своихъ избирателей. И это, несмотря на то, что по обряду выборовъ каждый депутатъ имѣлъ право, если только не хотѣлъ участвовать въ засѣданіяхъ комиссіи, передать свои полномочія другому.

Это, впрочемъ, не единственный случай неумѣлаго отношенія администраціи къ новому дѣлу представительства. Депутатомъ казаковъ лубенскаго полка былъ избранъ наказъ Мищенко. Получивъ полномочіе, но не дождавшись окончанія составленія наказа, онъ поѣхалъ въ Москву, 7-го августа явился въ сенатъ и того же числа занесенъ въ списки депутатовъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Румянцовъ, узнавъ, что Мищенко уѣхалъ, не явившись къ нему и не взявъ наказа, остался этимъ крайне недоволенъ и обратился въ сенатъ съ просьбой «прислать къ нему Мищенко за карауломъ». По обряду выборовъ явка депутатовъ къ генералъ-губернатору не требовалась, наказъ же, конечно, могъ быть переданъ если не по почтѣ, то какимъ-либо инымъ путемъ. Послѣдствій ходатайства строгаго генералъ-губернатора намъ не удалось розыскать, но Мищенко до конца остался депутатомъ (Арх., Журналы).

Всякое новое дѣло, какъ бы ни было оно само по себѣ хорошо, крѣпнетъ и становится на ноги только съ теченіемъ времени и при умѣломъ и заботливомъ уходѣ. А потому ни равнодушныя нѣкоторой части избирателей къ своему новому праву,

ни промахи администраціи не должны насъ смущать. Они не составляютъ особенности нашей русской природы и, при извѣстныхъ условіяхъ, встрѣчались вездѣ и всегда будутъ встрѣчаться.

Если высшая администрація находила возможнымъ требовать присылки депутата «за карауломъ», то еще менѣе можно удивляться тому, что депутаты не всегда пользовались должнымъ уваженіемъ со стороны населенія. Во время зимняго перерыва засѣданій комиссіи, за которымъ послѣдовалъ переѣздъ ея изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Чупровъ, депутатъ отъ крестьянъ архангельской провинціи, вѣдиль въ себѣ на родину. На одной изъ станцій олонцаваго уѣзда ямщики требовали съ него съ шумомъ и бранью уплаты двойныхъ прогоновъ. Чупровъ не хотѣлъ подчиниться незаконному требованію, убѣждалъ крестьянъ исполнить свою обязанность согласно положенію и указывалъ имъ на свое званіе депутата. Ничто не подѣйствовало, ямщики продолжали шумѣть и даже побили Чупрова, не подозрѣвая, конечно, что они бьютъ дѣятельнаго члена законодательной комиссіи, который не разъ поднималъ свой голосъ въ защиту крестьянскихъ интересовъ.

Передъ обнародованіемъ манифеста о созваніи представителей, у императрицы Екатерины были нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, захочетъ ли населеніе Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи прислать выборныхъ. Среди отдѣльныхъ мыслей императрицы, данныхъ въ руководство князю Вяземскому и другимъ лицамъ, которымъ было поручено составить планъ выборовъ, между прочимъ, встрѣчаемъ и такую: «Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи отдается на волю прислать депутатовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравниніи». Императрица опасалась, что эти части имперіи не захотятъ принять участія въ общемъ законодательствѣ. Но она не сомнѣвалась, что новое законодательство, выработанное по указаніямъ ея наказа, доставитъ гораздо болѣе счастья малороссамъ, остзейцамъ и финляндцамъ, чѣмъ то, которымъ наслаждались они подъ покровомъ ихъ старыхъ привилегій, а потому и выражала надежду, что они будутъ бить челомъ объ уравниніи. До этого же челобитья они должны были, какъ-бы въ наказаніе, оставаться при старыхъ правахъ. Въ обнародованный обрядъ выборовъ это опасеніе не перешло. Изъ извѣстной статьи профессора С. М. Соловьева, мы знаемъ, что по отношенію къ Малороссіи эти опасенія были поддерживаемы въ императрицѣ донесеніями графа Румянцева, тогдашняго генералъ-губернатора

Малороссіи. Отъ 2-го марта 1767 года онъ писалъ государынѣ: «Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйствія и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзвы же у всѣхъ одни: зачѣмъ бы намъ тамъ и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть, конечно, уже надобно, только развѣбъ искать правъ и привилегій подтвержденія» ¹⁾... Разсматривая, однако, списокъ малороссійскихъ депутатовъ по уѣздамъ и городамъ, мы должны придти къ заключенію, что опасенія императрицы не оправдались: малороссійскіе дворяне и горожане явились въ комиссію вовсе не въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дворяне и горожане другихъ мѣстностей. Если не всѣ округа были представлены, то то же явленіе встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ Великороссіи. Также не оправдались опасенія императрицы и по отношенію къ острѣвскимъ провинціямъ и Выборгской губерніи: эти мѣстности, сравнительно, были представлены не слабѣе другихъ. Участіе представителей ихъ въ трудахъ комиссіи далеко не ограничивалось одною защитою мѣстныхъ привилегій: нѣкоторые изъ нихъ не менѣе великороссійскихъ депутатовъ участвовали и въ преніяхъ по вопросамъ общаго законодательства; проектъ же крестьянскихъ правъ былъ весь сочиненъ лифляндскимъ депутатомъ, барономъ Унтернъ-Штернбергомъ. Екатерининская комиссія несомнѣнно могла явиться прекраснымъ средствомъ объединенія разныхъ частей нашей обширной и не вездѣ единоплеменной имперіи.

Мы обозрѣли составъ комиссіи, насколько члены ея являются представителями населенія, въ его подраздѣленіяхъ на сословія. Но Екатерина-Великая не думала ограничить составъ комиссіи только депутатами отъ населенія. Она призвала въ нее еще депутатовъ отъ высшихъ правительственныхъ учреждений: сената, синода, коллегій и главныхъ канцелярій. Кромѣ

¹⁾ „Рус. Вѣс.“ 1861 г. I. 35. Въ этой же статьѣ приведены и отвѣтныя письма государыни къ Румянцову, изъ которыхъ видно, съ какою ясностью мысли и словесностию духа отнеслась она къ залугивавшимъ донесеніямъ своего генералъ-губернатора: «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я,—пишетъ государыня,—препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣтилъ извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 года. Однако же я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертаніе прежнихъ временъ, кои несомнѣнно истекнуть, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они не сходственны съ общимъ добромъ».

того, всѣ губернаторы должны были представить свои соображенія и также входили въ составъ комиссiи всякій разъ, какъ прїѣзжали въ Москву или Петербургъ, куда были перенесены засѣданія ея съ февраля 1768 года. Эти представители отъ учреждений пополнили собой составъ чиновныхъ членовъ комиссiи еще 28 чиновниками, въ числѣ которыхъ было 7 дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ совѣтниковъ и военныхъ генераловъ; остальные же принадлежали къ слѣдующимъ чинамъ до 8-го класса включительно.

Это приглашеніе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учреждений не представляется достаточно соглашеннымъ съ общимъ ходомъ законодательныхъ работъ по составленію новаго уложенія.

Депутаты сената и коллегій приглашались, конечно, въ томъ соображеніи, чтобы законодательная комиссiя имѣла возможность выслушать людей, знакомыхъ съ практикой примѣненія законовъ. Но, по образу управленія комиссiей, каждая частная комиссiя, выработавъ какой-либо проектъ, должна была пригласить въ свое засѣданіе то учреждение, въ полномъ его составѣ, дѣятельности котораго касался выработанный проектъ, и обсудить его вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ проектъ новаго уложенія, по окончательной разработкѣ его въ комиссiи, подлежалъ еще внесенію въ сенатъ, который долженъ былъ рассмотреть его вмѣстѣ со всѣми коллегіями.

Такимъ образомъ, для выслушанія мнѣній правительственныхъ учреждений были приняты гораздо болѣе дѣйствительныя мѣры, рядомъ съ которыми допущеніе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учреждений представляется неимѣющимъ цѣли.

Не достигая никакой цѣли, особое представительство учреждений должно было невыгодно отразиться на дѣлопроизводствѣ этихъ учреждений. Мы видѣли уже, что и помимо специальныхъ депутатовъ отъ сената и коллегій въ составъ комиссiи, путемъ выборовъ отъ дворянъ, вошло болѣе 25 чиновниковъ, членовъ этихъ высшихъ учреждений. Вмѣстѣ съ специальными представителями цифра ихъ доходитъ до 53-хъ человекъ. Засѣданія комиссiи происходили по утрамъ и должны были продолжаться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Высшія правительственныя учреждения, лишившись такого значительнаго числа членовъ, едва-ли могли справиться съ своими текущими дѣлами. Неудобства этого порядка вещей дали себя знать сейчасъ же по открытіи засѣданій комиссiи и вызвали именной указъ императрицы отъ 11-го августа 1767 года, которымъ должностнымъ лицамъ сената и

коллегій предписывалось присутствовать въ комиссіи только два дня въ недѣлю, а остальное время они должны были посвящать текущимъ дѣламъ въ своихъ присутствіяхъ. Участвуя въ комиссіи только два дня изъ пяти (комиссія, обыкновенно, собиралась пять разъ въ недѣлю), могли ли они быть дѣятельными и полезными ея членами? Въ декабрѣ того же года, при переездѣ комиссіи изъ Москвы въ Петербургъ, послѣдовао новое распоряженіе, въ силу котораго всѣ депутаты-чиновники, занимавшіе въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ главные должности (сенаторовъ, предсѣдателей, главныхъ судей и пр.), должны были остаться въ Москвѣ и, слѣдовательно, совсѣмъ перестали принимать участіе въ засѣданіяхъ комиссіи, но выгодами депутатскаго званія, жалованьемъ и другими, имъ всемілостивѣйше предоставлено пользоваться (Арх., Журналы).

Участіе высшихъ чиновъ было, такимъ образомъ, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Мы выше указали уже на то, что они принимали очень малое участіе въ преніяхъ. Это было необходимымъ, хотя и не преднамѣреннымъ со стороны императрицы слѣдствіемъ ея собственныхъ предписаній: если все то, что могла выработать комиссія, должно было еще разсматриваться въ соединенномъ присутствіи сената и коллегій, то зачѣмъ же высокопоставленнымъ членамъ этихъ учрежденій тратить время и трудъ на пренія въ комиссіи, большинство которой состояло изъ лавочниковъ, крестьянъ и казаковъ, которыхъ можно было пересылать за карауломъ, и среди которыхъ, естественно, они должны были чувствовать себя не на своемъ мѣстѣ ¹⁾?

¹⁾ Изъ 28 представителей правительственныхъ учрежденій приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіи первыхъ 100 засѣданій, только 14 человекъ и изъ нихъ только 8 говорили болѣе двухъ разъ. Въ числѣ неучаствовавшихъ находимъ депутатовъ: сената, герольдмейстерской канторы, коллегій лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, мануфактуръ-коллегій, коллегій экономіи и суднаго приказа, которымъ представлялся не разъ случай высказаться. Но если принять въ соображеніе, что депутаты правительственныхъ учрежденій не всегда выходили торжествующими изъ преній, что мнѣнія ихъ подвергались внимательной критикѣ, что случилось, напримѣръ, съ стат. совѣт. Межевиновымъ, депутатомъ коммерцъ-коллегій, обнаружившимъ недостаточное знаніе условій нашей торговли, какъ это выяснилось изъ возраженій купцовъ на его голоса, или съ коллежскимъ совѣтникомъ барономъ Амт, депутатомъ медицинской коллегій, несостоятельностью мнѣнія котораго о томъ, что медицинская коллегія приняла уже всѣ необходимыя мѣры для врачебной помощи деревенскимъ жителямъ, и что они не нуждаются ни въ какихъ улучшеніяхъ по этой части, подала поводъ тенгинскаго глѣбного полка Самсонову произнести противъ него рѣчь, хотя и совершенно справедливую, но проникнутую весьма ядой проніей, что, конечно, не могло понравиться генеральному штабъ-доктору арміи, званіе, въ кото-

Сравнивая составъ екатерининской комиссіи съ составомъ земскихъ соборовъ московскаго государства, нельзя не придти къ заключенію, что московскіе государи поступали практичѣе. Они не исключали изъ состава земскихъ соборовъ духовенства, которое играло въ древней Россіи весьма важную роль и не только какъ учрежденіе чисто-религіозное, но и по вліянію его на наше свѣтское право. Значеніе духовенства, съ самаго начала императорской эпохи, весьма умалется; но нельзя сказать, чтобы роль его въ половинѣ XVIII вѣка была окончательно сыграна и исключеніе его оправдывалось тогдашнимъ «народнымъ умствованіемъ». Съ другой стороны, московскіе государи, призывая вмѣстѣ съ представителями земли и высшіе чины служебной іерархіи, иногда, по крайней мѣрѣ, предписывали имъ имѣть совѣщаніе особо отъ первыхъ, не смѣшиваясь съ ними. Этимъ примѣромъ слѣдовало воспользоваться и организовать комиссію въ формѣ двухъ палатъ, отчего дѣло законодательства могло только выиграть. Не всякое государство можетъ гордиться особымъ сословіемъ, которое оказало бы его развитію такіа же услуги, какія оказала Англіи ея аристократія; но въ каждомъ есть разряды лицъ, провинившіеся аристократическими предразсудками. Не обладая тою силой, какою въ свое время обладали пэры Англіи, они все же сила, ибо въ ихъ рукахъ всѣ важныя административныя и судебныя должности. Дать имъ свою долю участія въ дѣлѣ законодательства также необходимо. Съ пользою это можетъ быть сдѣлано только путемъ выдѣленія ихъ въ особую палату, иначе они отнесутся въ законодательному предпріятію съ такимъ равнодушіемъ, которое уронитъ его въ самомъ началѣ.

Послѣдній вопросъ, на который надо обратить здѣсь вниманіе, относится къ свободѣ выборовъ и составленія наизововъ, которыми должны были избиратели надѣлать своихъ представителей.

Что касается свободы выборовъ, то мы не имѣемъ основанія думать, чтобы она была въ какомъ-нибудь отношеніи стѣснена, и чтобы администрація стремилась не допустить до выборовъ неудобныхъ ей кандидатовъ и, наоборотъ, облегчала выборы людей ей пріятныхъ. Эти приемы современной администраціи конституціонныхъ государствъ были чужды Россіи XVIII вѣка. Вѣра въ благія намѣренія верховной власти была преобладающимъ чув-

ромъ состоялъ баронъ Анж.—если мы примемъ въ соображеніе возможность такой непріятной случайности, то воздержаніе отъ преній правительственнымъ депутатамъ будетъ совершенно понятно.

ствомъ населенія того времени. Правильной оппозиціи правительству, которая достигаетъ опасныхъ для него размѣровъ только благодаря своекорыстнымъ стремленіямъ его органовъ, еще не было, такъ какъ не было и самой почвы, на которой она могла бы дѣйствовать, а потому у администраціи не было и повода къ вмѣшательству въ выборы. По обряду выбора депутатовъ отъ дворянъ и горожанъ, участіе администраціи имѣло мѣсто только при избраніи дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ. Какъ скоро эти лица были избраны, самое избраніе депутатовъ совершалось уже безъ участія администраціи; всѣмъ дѣломъ избранія руководилъ избранный изъ среди сословія старшина. У крестьянъ выборами руководилъ мѣстный представитель администраціи, но, конечно, не для вліянія на выборы, а только для наблюденія за порядкомъ, и потому, что крестьяне уѣзда и провинціи не составляли отдѣльнаго цѣлаго, а Екатерина не находила еще возможнымъ дать имъ особаго сословнаго представителя, въ родѣ предводителя дворянства или городского головы ¹⁾).

Но съ случаемъ вліянія администраціи на составленіе наказовъ встрѣчаемся. Императрица, надо думать, имѣла въ виду свободное составленіе наказовъ. Она хотѣла выслушать «нужды и недостатки» населенія, и если бы она ограничила выраженіе ихъ, то не достигла бы своей цѣли. Приглашеніе высказать «нужды и недостатки» не было бы, въ такомъ случаѣ, правдой, а такой двойственности и желанія подвести своихъ подданныхъ подъ отвѣтственность мы не можемъ допустить въ императрицѣ. По обряду выбора депутатовъ руководство дѣломъ составленія наказовъ предоставлено выборному представителю сословія, а не администраціи. Правда, срокъ для составленія наказа назначенъ очень краткій, — всего три дня. Но нѣтъ основанія думать, чтобы это было сдѣлано прямо съ цѣлью стѣснить свободу выраженія мнѣній. Императрица очень спѣшила съ новымъ уложеніемъ и могла назначить такой краткій срокъ только для ускоренія его хода.

Но не такъ смотрѣла на это дѣло пугливая администрація, которая, по обыкновенію, была *plus royaliste que le roi lui même*, и тѣмъ, конечно, только вредила въ глазахъ населенія охраняемымъ ею интересамъ. Графъ Румянцовъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, доносилъ сенату, что шляхетство новѣтсовъ нѣжинскаго и батуринскаго избрало въ депутаты земскаго судью, Лаврен-

¹⁾ Утвержденіе Генрика Ширеля, что императрица „заботилась составить комиссію лишь изъ такихъ лицъ, которые будутъ подчиняться ея предписаніямъ“ — (Сб. Р. Ист. Общ. XII, 380) совершенно несправедливо.

тія Селецкого, «но не давъ Селецкому полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разѣхались, отложя все сіе на цѣлый мѣсяцъ. Послѣ того на срокъ, собою положенный, вторично съѣхавшись, приступили къ сочиненію наказа, оставя прямую общественную пользу, воснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о такихъ обстоятельствахъ, которыя во всемъ противны точной силѣ и разуму помянутого манифеста. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и выбранный депутатъ Селецкій въ томъ имъ противорѣчили: но они, озлобясь на сихъ, отважились нарушить подѣ присягою сдѣланную довѣренность первому депутату Селецкому и, пользуясь простотою предводителя полковника Тарнавѣота, заставили его въ противность обряда выбрать другаго депутата, подкоморія Григорія Долинскаго». Такъ какъ увѣщанія генераль-губернатора не произвели должнаго дѣйствія, то онъ и просилъ виновныхъ въ описанныхъ безпорядкахъ подвергнуть суду. Въ чемъ состояли разсужденія нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства изъ сенатскаго указа не видно, но сенатъ предалъ виновныхъ суду не за противозаконныя разсужденія, а только за ослушаніе генераль-губернатора. Профессоръ Соловьевъ въ вышеприведенной статьѣ говорить, что они просили: «повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи запорожской избрать гетмана ¹⁾».

Впрочемъ, это единственный случай вмѣшательства администраціи въ дѣло составленія наказовъ, который намъ встрѣтился. Составители наказовъ исключительно стояли на почвѣ дѣйствующаго права и были озабочены лишь его утвержденіемъ и охраненіемъ. Они такъ мало проникнуты духомъ опаснаго новаторства, что администраціи, при всемъ ея усердіи, и повода не представлялось ударить въ набатъ и всполошить мирныхъ жителей.

¹⁾ Изъ переписки государини съ Румянцовымъ видно, какъ смотрѣла она на разсужденія депутатовъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя, по словамъ Румянцева, «во всемъ противны точной силѣ и разуму» ея манифеста: «Хотя бы тотъ, или другой увѣдъ, писала она, недѣльныя просьбы, какъ Стародубскій, въ наказъ свой и вѣсть, то надѣяться можно, что самими депутатами ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ комиссіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многочисленнымъ собраніемъ въ носмѣніе несомнѣнно обращеніи будутъ, тѣмъ паче, когда возлѣ одного, вѣдомомъ наполненнаго наказа, прочтутъ другой умѣренный...» («Рус. Вѣст.» 1861 г. I. 85, ст. С. М. Соловьева). Высочайшій политическій смыслъ императрицы, понятно, несомнѣримъ съ пугливымъ настроеніемъ ея генераль-губернатора.

IV.

Порядокъ занятій.

Порядокъ, которому должна была слѣдовать коммиссія въ своихъ занятіяхъ, составляетъ существеннѣйшую сторону дѣла. На коммиссію была возложена столь обширная и сложная работа, что ей надо было очень и очень подумать о томъ, какъ устроить и довести до конца свое безпримѣрно-трудное дѣло.

Императрица Екатерина понимала всю важность этого вопроса, но, какъ и въ дѣлѣ основныхъ началъ законодательства, она не находила возможнымъ предоставить самой коммиссіи выработать порядокъ своихъ занятій, а опредѣлила его сама. Съ этою цѣлью она написала извѣстный обрядъ управленія коммиссіей ¹⁾. Не исчерпывая всего содержанія этого обряда, мы ограничимся разборомъ тѣхъ его положеній, которыя имѣютъ наибольшее значеніе.

Первое засѣданіе коммиссіи имѣло состояться подъ предсѣда-

¹⁾ Сенаторъ Бибииковъ, въ жизнеописаніи своего отца, говоритъ, что обрядъ управленія коммиссіей и наказъ генераль-прокурору и маршалу сочиненъ его отцомъ, стр. 85, прим. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, на чемъ основано это утвержденіе. Въ библиотекѣ императорской академіи наукъ, среди бумагъ императрицы, находились черновой списокъ генераль-прокурорскаго наказа, писанный рукою государини. Первые три пункта его написаны по-русски, съ нѣкоторыми отступленіями отъ напечатаннаго въ П. С. Зак.; слѣдующіе, по 11-й, по-французски и составляютъ извлеченіе изъ французскаго оригинала; затѣмъ 12-й (въ напечатанномъ это будетъ начало 13-го) и 13-й снова по-русски. Нѣсколько послѣднихъ строкъ 13-го пункта не дописаны. Эта рукопись показываетъ, что императрица сама трудилась надъ составленіемъ наказа генераль-прокурору, заимствуя понятія о правѣ народномъ, естественномъ и пр. изъ сочиненія на французскомъ языкѣ. Что касается обряда управленія коммиссіей, то также сохранились черновые его наброски, писанные рукою государини (Сб. Р. Ист. Общ., X, 280). Этотъ памятникъ подвергался также многократнымъ передѣлкамъ, какъ и наказъ. Есть списокъ его, писанный рукою Карпцоваго, съ собственноручными поправками Екатерины. Онъ состоитъ всего изъ 27 статей (тамъ же, 222); напечатанный же въ П. С. З. имѣетъ 31 ст. Такимъ образомъ, оба эти акта первоначально писаны рукою государини и потомъ постоянно передѣлывались ею, какъ и наказъ коммиссіи, до самаго печатанія. Руки Бибиикова не замѣтно ни въ этихъ, ни въ другихъ предварительныхъ работахъ Екатерины. Въ составленіи плана выборовъ онъ не былъ приглашенъ участвовать. Сочиненіе начертанія для приведенія работъ коммиссіи въ окончанію поручено было не ему, а Андрею Петровичу Шувалову. Надъ трудомъ Шувалова рукою императрицы написано: „Поданъ и сочиненъ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ по нашему повелѣнію, за что ему весьма благодарю“. Трудно думать, чтобы императрица переписывала сама и исправляла сочиненія Бибиикова, нигдѣ не упомянувъ объ этомъ. Судя по дѣятельности Бибиикова въ коммиссіи, должно сомнѣваться, что „обрядъ“ написанъ имъ.

тельствомъ генераль-прокурора, который долженъ былъ пригласить депутатовъ избрать себѣ предводителя, или маршала, т.-е. председателя комиссіи. Этому маршалу обрядъ предоставляетъ право руководить всѣми дальнѣйшими дѣйствіями комиссіи: онъ назначаетъ часъ и мѣсто засѣданій, вноситъ въ комиссію предметы для обсужденія, управляетъ преніями и ставитъ вопросы для рѣшенія, собираетъ голоса, въ случаѣ раздѣленія ихъ даетъ членамъ время для соглашенія, въ случаѣ же раздѣленія по-ровну, долженъ стараться согласить ихъ и снова собрать голоса. Только исходящія отъ маршала предложенія подлежатъ обсужденію собранія. Никто изъ членовъ не имѣетъ права поставить какой-либо вопросъ и довести его до обсужденія собранія. Итакъ, маршалъ является живой и мертвой водой комиссіи: живой, если онъ сумѣетъ справиться съ своей задачей, мертвой — если нѣтъ.

Главнымъ сотрудникомъ маршала по исполненію его трудныхъ обязанностей былъ генераль-прокуроръ, правительственное лицо, съ которымъ маршалъ долженъ былъ предварительно совѣщаться о дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Генераль-прокуроръ присутствовалъ въ комиссіи съ правомъ голоса. Въ случаѣ же равнаго раздѣленія голосовъ, онъ имѣлъ два голоса; такое же право было предоставлено и маршалу.

Для предварительныхъ работъ комиссія должна была, по предложенію маршала, выбрать изъ своей среды нѣсколько частныхъ комиссій. Двѣ такихъ комиссій были предписаны самымъ обрядомъ управленія. Первая и главнѣйшая изъ всѣхъ есть дирекціонная. Она должна была выработать планъ учрежденія всѣхъ остальныхъ частныхъ комиссій и дѣлать представленія маршалу объ избраніи въ нихъ членовъ. Она наблюдала за дѣятельностью этихъ комиссій, давала имъ наставленія, провѣряла ихъ работы съ большимъ наказомъ и исправляла ихъ, если находила отступленія отъ его правилъ. Маршалъ и генераль-прокуроръ были членами дирекціонной комиссіи, а послѣдній начальникомъ ея канцеляріи. Такимъ образомъ въ маршалѣ, генераль-прокурорѣ и дирекціонной комиссіи сосредоточивалась и ими исчерпывалась вся организующая и направляющая дѣятельность комиссій.

Не довѣряя комиссіи ни опредѣленія основныхъ началъ законодательства, ни выработки порядка ея занятій, Екатерина-Великая не находила возможнымъ предоставить въ полную ея волю и выборы маршала и членовъ частныхъ комиссій. Утвержденіе въ должности маршала и членовъ дирекціонной комиссіи она предоставила себѣ самой; представленіе же кандидатовъ въ маршалы и члены всѣхъ частныхъ комиссій было двойное: отъ ком-

миссін и генераль-прокурора. Хотя кандидаты генераль-прокурора также подлежали баллотировкѣ въ комиссіи, но обрядъ не предвидитъ случая ихъ забаллотирования. Благодаря этому, вся направляющая дѣятельность могла оказаться въ рукахъ лицъ, назначенныхъ, собственно, самою императрицею, что дѣйствительно и случилось.

Все вниманіе императрицы было поглощено дѣятельностью комиссіи, которая по справедливости можетъ быть названа любимымъ дѣтищемъ первыхъ годовъ ея царствованія ¹⁾. Она старалась держать въ своихъ рукахъ всѣ ея нити и зорко слѣдила за всѣми выборами, но вовсе не изъ опасенія, что будутъ избраны къ болѣе дѣятельному участию въ законодательствѣ разрушительные элементы.

26 апрѣля 1765 года императрица писала Бибикову: «Александръ Ильичъ, получила я вчерашній день отъ васъ черезъ князя Щербатова списокъ кандидатовъ по балламъ для военной комиссіи. Необходимо нужно, чтобы одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго-нибудь порта нашего въ сію комиссію вошелъ, а еще лучше или архангелогородскій, или кронштадтскій, если они еще не умѣщены. Итакъ, отдавъ на вашъ выборъ, кого изберете, остаюсь къ вамъ доброжелательная». Въ этомъ письмѣ Екатерина выражаетъ заботу о томъ, чтобы въ военной комиссіи, которая должна была обсуждать и положеніе портовыхъ городовъ, но съ военной точки зрѣнія, не были упущены изъ вниманія интересы торгующихъ людей, а потому и требуетъ, чтобы въ нее былъ избранъ гражданскій депутатъ каждаго-либо порта. Маршалъ и генераль-прокуроръ предложили Ивана Рыбникова, депутата отъ города Кронштадта, который и былъ избранъ.

Еще болѣе высокій политическій смыслъ проявлялъ императрицѣ одну статью черноваго обряда управленія комиссіей, въ которой она говоритъ: «Стараться депутатамъ внушать, чтобы они и лифляндцевъ и эстляндцевъ посадили въ разныя частныя комиссіи» (Сб. Р. Ист. Общ., X, 233). Эта статья не перешла въ обнародованный обрядъ, но, конечно, воля императрицы была сообщена и не одному маршалу съ генераль-прокуроромъ. Въ частныя комиссіи, по предложенію этихъ лицъ, было выбрано десять депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій, принимавшихъ не-

¹⁾ 13-го августа 1767 года Генрихъ Ширлей писалъ въ Англію: „Въ настоящую минуту собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и, повидимому, исключаетъ изъ ея кабинета всѣ прочія дѣла“.

рѣдко очень дѣятельное участіе въ работахъ этихъ комиссій. Такъ достигала императрица сліянія разнородныхъ частей своей имперіи въ одно цѣлое.

Но вотъ какъ иногда приводились въ дѣйствіе ея мудрыя предначертанія неумѣльными руками исполнителей ея воли. Въ числѣ избранныхъ въ частныя комиссіи депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій былъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ Вильбоа, представитель отъ дворянства эстническаго дистрикта. Избранный членомъ юстицкой комиссіи, онъ поспѣшилъ отказаться отъ этой чести на томъ основаніи, что правамъ никогда не обучался, а потому и полезнымъ себя для этой комиссіи не признаетъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ не нашли нужнымъ даже ознакомиться съ специальностями тѣхъ лицъ, которыхъ они проводили въ частныя комиссіи, а можетъ быть, по ихъ мнѣнію, знаніе правъ и не нужно было для членовъ юстицкой комиссіи. Самъ Бибииковъ правамъ не обучался, а былъ же председателемъ законодательной комиссіи. Къ сожалѣнію, не всѣ такъ добросовѣстно относились къ своему дѣлу, какъ Вильбоа.

Засѣданія комиссій распадались, такимъ образомъ, на засѣданія большой комиссіи и засѣданія частныхъ, члены которыхъ могли вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе и въ преніяхъ большой.

Въ какомъ отношеніи стояли частныя комиссіи къ большой? По обряду управленія, большая комиссія не составляла проектовъ законовъ, — это было дѣло частныхъ, каждой по ея специальности. Большая же рассматривала проекты, которые вносились въ нее изъ частныхъ и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя комиссіи, вырабатывая проекты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой, или независимо отъ этихъ указаній? Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и «да» и «нѣтъ».

Частныя комиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ, должны были руководствоваться большимъ наказомъ, депутатскими наказами и дѣйствующими законами.

Но большой наказъ, какъ мы знаемъ, далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ и нерѣдко ограничивался приведеніемъ однихъ примѣровъ. Въ этихъ случаяхъ, обрядъ управленія предписываетъ большой комиссіи подавать свое мнѣніе «которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать», и этому мнѣнію дирекціонная комиссія, а слѣдовательно, и всѣ частныя должны были слѣдовать.

Въ данномъ случаѣ, большая коммиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому для нихъ обязательно подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ обрядъ управленія съ мнѣніями большой коммиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ коммиссіямъ не въ наказъ, а только для соображенія. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ коммиссій. Конечно, частная коммиссія, въ виду того, что составленный ею проектъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ, по правилу, мнѣнія большой коммиссіи не связываютъ частныхъ, — эти послѣднія имѣютъ право рассчитывать, что большая коммиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой коммиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило.

Мы затрудняемся объяснить, что заставило императрицу придти къ такимъ совершенно разнымъ выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что нельзя было придумать правила болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности коммиссій, какъ это послѣднее. Если даже «согласныя» (вѣроятно, единогласныя) мнѣнія большой коммиссіи не обязательны для 5-ти членовъ частной, то зачѣмъ же терять ей трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ.

Мнѣніями пяти членовъ частной коммиссіи, конечно, легче было управлять, чѣмъ мнѣніями 500 большой, но тогда не было вовсе надобности и собирать эту большую коммиссію. Не думаемъ, однако, чтобы желаніе заправлять всѣмъ законодательствомъ продиктовало императрицѣ это правило. Она предоставила же коммиссіи право рѣшать вопросы о началахъ законодательства, когда они не указаны точно въ наказѣ. Это право несколько не менѣе того, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Кромѣ того, проектъ частной коммиссіи подлежалъ же обсужденію большой и могъ быть ею измѣненъ.

Думаемъ, что объясненіе этой печальной непослѣдовательности надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицы и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства. Дѣло, за которое взялась императрица съ такимъ полнымъ довѣріемъ къ своимъ личнымъ силамъ, было слишкомъ трудное и для нея совершенно новое. Недосмотръ и ошибки при такихъ условіяхъ весьма обыкновенны.

Предварительныя работы частныхъ комиссій не были, слѣдовательно, приведены въ должную зависимость и связь съ работами большой комиссіи. Ошибка—чрезвычайной важности, лишившая занятія комиссіи всякаго единства и послѣдовательности.

Дѣла въ комиссіи рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ, которое принималось за мнѣніе всего собранія.

Мы ограничимся разобранными правилами обряда и перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ шли на дѣлѣ занятія комиссіи и въ какой мѣрѣ были поняты и выполнены предписанныя ей правила?

Первое дѣло, за которое должна была приняться комиссія, былъ выборъ маршала. Это первое дѣло было вмѣстѣ съ тѣмъ и самое трудное. Большинство членовъ комиссіи не знало другъ друга; они сошлись вмѣстѣ въ первый разъ. Дѣло, для котораго они собрались, было также совершенно новое. Предшествовавшая жизнь Россіи не могла имъ дать никакихъ указаній относительно того, кто же изъ собравшихся депутатовъ способенъ быть руководителемъ въ трудѣ такой важности, какъ занятія законодательной комиссіи. Трудна роль всякаго предсѣдателя; трудности же роли маршала были чрезвычайны: онъ не только долженъ былъ руководить преніями, но и самые предметы обсужденія, порядки, въ которомъ они должны были слѣдовать одни за другими, и, наконецъ, постановка вопросовъ для рѣшенія,—все это исходило отъ него. Для такой роли мало было избрать просто способнаго человѣка,—маршалъ долженъ былъ обладать обширными и притомъ спеціальными познаніями и не только по всѣмъ отраслямъ дѣйствовавшаго тогда въ Россіи права, но и права иностранныхъ государствъ, такъ какъ наказъ, слѣдуя методѣ Монтескьё, постоянно ссылается на иностранныя законодательства. Разобраться въ этомъ громадномъ матеріалѣ—дѣло не легкое. Только послѣдующія пренія могли выдвинуть людей болѣе или менѣе способныхъ занять мѣсто маршала. Въ первыя же засѣданія депутаты, естественно, блуждали въ совершенной темнотѣ.

Выборъ комиссіи палъ на двухъ братьевъ графовъ Орловыхъ, Ивана и Григорія. При данныхъ условіяхъ другого выбора и нельзя было сдѣлать. Все предпріятіе законодательной комиссіи исходило отъ самой императрицы: ею было оно задумано въ тиши кабинета, ею и приведено въ исполненіе. Избирая приближеннѣйшихъ въ ней лицъ, комиссія хотѣла дать ей полную возможность направлять и дальнѣйшую дѣятельность комиссіи согласно своимъ благимъ предначертаніямъ, въ искренно-

сти которых депутаты не могли сомнѣваться. Мы видимъ въ этомъ избраніи побѣдоносный выходъ изъ перваго затрудненія, съ которымъ встрѣтилась коммиссія. Но Григорій Орловъ отказался, ссылаясь на множество возложенныхъ на него дѣлъ; тогда коммиссія избрала на его мѣсто графа Захара Чернышева, также пользовавшагося довѣріемъ государыни. Генераль-прокуроръ предложилъ съ своей стороны въ кандидаты А. И. Бибикова. На это предложеніе коммиссія изъявила полное свое согласіе. Это единодушное одобреніе правительственнаго кандидата, который на предшествовавшей баллотировкѣ, какъ кандидатъ коммиссіи, не получилъ и простого большинства голосовъ (за него подали голоса 165 депутатовъ, а противъ 262) также свидѣлствуетъ о большомъ тактѣ членовъ коммиссіи. Изъ трехъ представленныхъ императрицѣ кандидатовъ она утвердила Бибикова, такъ какъ графъ Иванъ Орловъ просилъ объ освобожденіи его отъ этой чести, а графа Чернышева императрица сама нашла слишкомъ обремененнымъ другими дѣлами. Съ ея точки зрѣнія, выборъ, конечно, былъ самый удачный, ибо кандидатъ генераль-прокурора былъ, безъ сомнѣнія, ея кандидатъ. Послѣдствія покажутъ, насколько этотъ выборъ оправдалъ высокое довѣріе государыни; а теперь мы бросимъ взглядъ на предшествовавшую жизнь Бибикова, слѣдуя біографіи, составленной его сыномъ, чтобы разъяснить, въ какой мѣрѣ она могла подготовить его къ той высокой роли, которая теперь выпала на его долю.

Александръ Ильичъ Бибиковъ родился въ маѣ 1729 года и происходилъ отъ древней фамиліи крымскихъ князей, многія отрасли которой еще въ началѣ текущаго столѣтія жили въ Крыму. Одинъ изъ его предковъ въ XVI столѣтіи, при царѣ Иванѣ, былъ воеводой и успѣшно начальствовалъ 30-ти-тысячною арміею въ войнѣ со шведами. Отецъ Александра Ильича былъ инженеръ-генераль-поручикъ и состоялъ въ дружественныхъ связяхъ съ генераль-фельдцейхмейстеромъ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ и со многими другими высокопоставленными фамиліями своего времени. Такимъ образомъ, по рожденію и связямъ А. И. Бибиковъ уже отъ колыбели предназначался въ видной роли въ своемъ отечествѣ. Воспитаніе получилъ онъ домашнее, сперва въ домѣ отца, а потомъ въ женскомъ московскомъ зачатіевскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена его бабка и тетка, на попеченіе которыхъ онъ поступилъ по смерти матери. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Бибиковъ былъ записанъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ, но продолжалъ оставаться у своихъ родственницъ до дальнѣйшаго повышенія въ чинахъ. Въ 1746 году онъ былъ произве-

денъ въ инженеръ-прапорщики и прямо изъ монастыря перешелъ на службу въ Петербургъ. Съ этого года открылась молодому человеку петербургская жизнь съ обыкновенными для людей его возраста и состоянія удовольствіями. Нѣкоторыя увлеченія этой жизни не совсѣмъ нравились отцу Александра Ильича, и онъ просилъ о переводѣ сына въ болѣе патріархальную Москву, который и состоялся въ 1749 году. Вскорѣ за тѣмъ молодой Бибиковъ, также по ходатайству отца, былъ назначенъ къ строенію кронштадтскаго канала, а въ томъ же 1749 году переведенъ съ чиномъ подпоручика въ артиллерію. Въ 1751 году онъ «за усердіе къ службѣ и знаніе наукъ» былъ пожалованъ поручикомъ артиллеріи и аудиторомъ, а вскорѣ потомъ женился по выбору отца на единственной дочери его друга, князя Козловскаго. Съ возрастомъ служебная карьера Бибикова развивается все болѣе и болѣе. Продолжая пользоваться лестнымъ довѣріемъ начальства, онъ назначается къ разнымъ особымъ порученіямъ, удачное исполненіе которыхъ доставляетъ ему въ 1756 году чинъ подполковника. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣя Семилѣтня война дала ему новый случай отличиться и обратить на себя вниманіе начальства какъ удачными распоряженіями, такъ и подвигами личной храбрости. Въ началѣ 1762 года императоръ Петръ III возвелъ его въ чинъ генераль-маіора, а императрица Екатерина, въ день своей коронаціи, наградила его орденомъ св. Анны. Лично извѣстный государынѣ, генераль Бибиковъ назначался ею къ исполненію нѣкоторыхъ важныхъ и деликатныхъ порученій, какъ, напримѣръ, поѣздка въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство низложеннаго императора Ивана Антоновича, усмиреніе горнозаводскихъ крестьянъ и объѣздъ нашей пограничной линіи съ Польшей, съ цѣлью опредѣленія ея удобствъ съ военной и политической точки зрѣнія. Последнее порученіе было возложено на Бибикова вмѣстѣ съ генераль-поручикомъ Веймарномъ. Осмотръ границы былъ съ успѣхомъ оконченъ лѣтомъ 1766 года, а въ слѣдующемъ году, 38 лѣтъ отъ роду, онъ былъ утвержденъ императрицею маршаломъ законодательной комиссіи.

Заслуги Александра Ильича въ той области дѣятельности, которой онъ посвятилъ свою предшествовавшую жизнь, несомнѣны. Его благонамѣренность, честность, мужество, усердіе и исполнительность заслужили одобреніе всѣхъ его современниковъ. Но, пробѣгая повѣсть его жизни, съ такою любовью написанную его сыномъ, нельзя найти въ ней ни одной черты, которая указывала

вала бы хотя на нѣкоторую склонность его къ тому роду дѣятельности, для которой была созвана коммиссія. Для успѣха всякаго дѣла надо, чтобы исполнители не только знали его, но и любили. Александръ Ильичъ не только не имѣлъ необходимыхъ знаній, но и не любилъ новаго порученнаго ему дѣла и даже боялся его.

Состоя маршаломъ, онъ переписывался съ другомъ своимъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ при датскомъ дворѣ, М. М. Философовымъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками писемъ самого Бибикова, въ которыхъ онъ высказывался о своей дѣятельности въ роли маршала, но въ біографіи помѣщены нѣкоторые отрывки изъ отвѣтныхъ писемъ къ нему Философова. Изъ этихъ отвѣтовъ видно, что положеніе маршала представлялось Бибикову исполненнымъ всякихъ опасностей, онъ любилъ изображать себя человѣкомъ, брошеннымъ въ пучину, готовую ежеминутно поглотить его. Философовъ писалъ Бибикову: «Подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастьхъ океана обращаешься».... Или въ другомъ письмѣ: «Истинно душа моя соболѣзновала, воображая окружающія тебя бездны»....

Вотъ въ какомъ настроеніи духа находился предсѣдатель екатерининской коммиссіи. Незнакомые съ дѣломъ могутъ подумать, что отвѣты Философова писаны предсѣдателю революціоннаго собранія, потрясавшаго основы государства. А между тѣмъ переписка велась съ нашимъ маршаломъ, долженствовавшимъ руководить представителями того народа, о которомъ Петръ-Великій сказалъ, что это есть «послушливѣйшій народъ» въ свѣтѣ, и депутаты котораго дѣйствительно воды не замутили. Храбрый военачальникъ и усмиритель горнозаводскихъ крестьянъ, заслужившій за успѣшное прекращеніе бунта орденъ св. Александра Невского, оказался доступенъ чувству страха и проявилъ робость духа среди мирныхъ законодательныхъ работъ. Тутъ нужно было, конечно, иное мужество, въ которому и Семилѣтняя война не въ силахъ была приготовить.

Избранный довѣріемъ императрицы въ маршалы, Бибиковъ не послѣдовалъ примѣру графовъ Орловыхъ—не отказался. Онъ взглянулъ, конечно, на это избраніе какъ на одно изъ тѣхъ разнообразныхъ порученій по службѣ, къ исполненію которыхъ онъ не разъ призывался. Желая подвигаться далѣе по столь легкой для него служебной дорогѣ, онъ счелъ неудобнымъ отказываться. По всей вѣроятности и сама императрица не представляла себѣ

ясно того важнаго значенія, какое принадлежало роли маршала въ ходѣ занятій комиссіи ¹⁾.

Маршалъ избранъ, маршальскій жезлъ ему врученъ, комиссія можетъ приступить теперь къ своимъ занятіямъ.

Разбору комиссіи подлежалъ громаднѣй матеріалъ. Въ нее поступили: 28 наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, 163 отъ дворянъ, 401 отъ городовъ и 1066 отъ сельскаго населенія (въ этомъ числѣ и наказы отъ казаковъ и инновѣрцевъ), всего 1264 наказа. Кроме того, она должна была имѣть дѣло съ прежними законами, которые не были даже приведены въ извѣстность и собраны во-едино. По полному собранію законовъ число прежнихъ указовъ, съ соборнаго уложенія начиная и по день собранія комиссіи, превосходить 12,900 №№ и занимаетъ болѣе 17 объемистыхъ томовъ въ четвертеу. Начала, на основаніи которыхъ надо было переработать весь этотъ матеріалъ, указаны въ наказѣ; но, какъ мы видѣли, тамъ указано далеко не все. Очень многое приходилось еще установить самой комиссіи.

Изъ бѣглаго ознакомленія съ матеріаломъ, съ которымъ должна была имѣть дѣло комиссія, ясно уже, что она не могла прямо приступить къ составленію новыхъ законовъ: ей надо было предварительно совершить цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Прежде всего надо было выработать самую систему законовъ, въ которую потомъ и можно было укладывать отдѣльныя законоположенія. Система уложенія, для своего времени представлявшая значительный шагъ впередъ передъ судебниками, далеко не удовлетворяла потребностямъ законодательства половины XVIII вѣка и нуждалась въ полной переработкѣ. Затѣмъ нужно было уяснить основныя начала законодательства, насколько они даны большимъ наказомъ, и установить ихъ вновь по тѣмъ вопросамъ, по отношенію къ которымъ наказъ даетъ одни примѣры, или вовсе ничего не даетъ. Наконецъ, привести въ извѣстность содержаніе депутатскихъ наказовъ и дѣйствующаго права. Всѣ эти подготовительныя работы слѣдовало поручить частнымъ комиссіямъ. Большое законодательное собраніе, въ 500 человекъ слишкомъ,

¹⁾ Насколько генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, этотъ главный помощникъ маршала, могъ оказывать ему дѣйствительное содѣйствіе, можно судить по отзыву о немъ Ник. Из. Панина, записанному Порошиннымъ: „Ник. Из. Панинъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ fortuna его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе“. Соловьевъ, Истор., XXVI, 253. Хотя Екатерина и умѣла находить достойныхъ людей, но выборы ея не всегда были одинокимъ удачливымъ.

можетъ съ успѣхомъ обсуждать, какъ общія начала законодательства, такъ и его частныя положенія. Но неправильно будетъ возложить на него непосредственно самую выработку этихъ общихъ началъ и отдѣльныхъ правилъ. Эта предварительная работа съ гораздо болѣешимъ успѣхомъ можетъ быть совершена небольшими специальными комиссіями. При такой постановкѣ вопроса о занятіяхъ комиссіи съ-разу бы выяснился характеръ и объемъ предстоящаго ей труда. Въмѣстѣ съ этимъ выяснилось бы, что дѣло комиссіи не можетъ быть совершено скоро, за одинъ присѣстъ; что большой комиссіи, по опредѣленіи плана занятій и выборѣ членовъ въ частныя, и дѣлать было нечего; до окончания первыхъ предварительныхъ работъ она могла быть распущена по домамъ. Вопросъ о планѣ занятій должно было возбудить маршалу и, конечно, въ первомъ засѣданіи послѣ того, какъ комиссія организовалась и получила возможность дѣйствовать.

Посмотримъ теперь, какъ шли занятія комиссіи въ дѣйствительности. Выше мы видѣли, что порядокъ ея занятій былъ опредѣленъ императрицей въ обрядѣ управленія. Тамъ указано на учрежденіе частныхъ комиссій, на необходимость выработать общія начала, если въ наказѣ они не выражены; указано на то, что въ большомъ собраніи будутъ читаться законы, въ поправленіи которыхъ наиболѣе чувствуется нужда, и депутатскіе наказы, которые предварительно должны быть разобраны по матеріямъ. Все это вѣрно, но слишкомъ обще, и маршалу надо было очень подумать—и не одному, а вмѣстѣ съ комиссіей—о томъ, какъ же осуществить этотъ обрядъ на дѣлѣ.

Мы пройдемъ молчаніемъ первыя семь засѣданій комиссіи, въ которыхъ происходило чтеніе большого наказа и обряда управленія и состоялось опредѣленіе о поднесеніи императрицѣ титула «великой, мудрой матери отечества», и приступимъ прямо къ тѣмъ засѣданіямъ, которыми открылись обыкновенныя ея занятія.

Въ 8-мъ засѣданіи, происходившемъ 20 августа, маршалъ, не ставя никакихъ общихъ вопросовъ о планѣ занятій, предложилъ большому собранію прямо приступить къ чтенію крестьянскихъ наказовъ. Это чтеніе началось съ наказа отъ черносошныхъ крестьянъ каргопольскаго уѣзда. По прочтеніи наказа депутаты стали дѣлать на него свои примѣчанія. Разсмотрѣніе этого наказа еще не было окончено въ 10-мъ засѣданіи, какъ маршалъ предложилъ читать наказъ отъ ясачныхъ крестьянъ казанскаго уѣзда. По прочтеніи сего наказа, онъ пригласилъ желающихъ дѣлать на него свои примѣчанія. Такъ дѣло шло 14 засѣданій,

въ продолженіи которыхъ было прочитано 12 наказовъ. На 12-мъ наказѣ маршалъ оборвалъ чтеніе наказовъ и предложилъ приступить къ чтенію законовъ о правахъ благородныхъ. Чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ также сопровождалось постоянными воззваніями маршала къ членамъ о томъ, чтобы они дѣлали на законы свои примѣчанія. Это длилось 10 засѣданій. Но, прежде, чѣмъ всѣ законы, касавшіеся правъ благородныхъ, были истерпаны, маршалъ прервалъ ихъ чтеніе и предложилъ передать какъ всѣ прочитанные законы, такъ и сдѣланные на нихъ примѣчанія въ частную комиссію о родахъ государственныхъ жителей, а большое собраніе, по предложенію маршала, перешло къ новому чтенію законовъ о купечествѣ, поглотившемъ еще 36 засѣданій.

Таковы занятія комиссіи въ теченіи первыхъ 60 засѣданій. Она начала съ чтенія подлинныхъ наказовъ, ни мало не задумываясь надъ тѣмъ, надо ли еще ихъ читать и что изъ этого чтенія можетъ выдти. Очевидно, порученное маршалу дѣло казалось ему до такой степени легкимъ, что онъ ни минуты не остановился надъ тѣмъ, какъ же за него приняться. Въ обрядѣ управленія сказано: «по усмотрѣнію маршала происходитъ чтеніе законовъ и наказовъ». И вотъ онъ, начавъ чтеніе съ наказовъ, велѣлъ потомъ читать законы.

Но слѣдовало ли наказы и законы читать цѣликомъ, какъ сдѣлалъ маршалъ? Въ обрядѣ сказано: «читать законы, въ управленіи которыхъ болѣе состоитъ нужды, по правиламъ большого наказа, и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ депутатскихъ представляется».... И далѣе: «читать наказы, разобравъ по матеріямъ, и сдѣлавъ выписку».... Эти правила предполагаютъ предварительную работу надъ указами и наказами, которая должна была предшествовать внесенію ихъ въ большое собраніе. Наказы надо было разобрать по матеріямъ, сличить съ дѣйствующими законами и правилами большого наказа, и результаты этого сличенія предложить большому собранію, причемъ можно было читать и подлинныя мѣста изъ наказовъ и указовъ.

Маршалъ потому только приступилъ къ чтенію наказовъ цѣликомъ, что ходъ занятій комиссіи не былъ достаточно выясненъ. Чтеніемъ наказовъ ровно ничего не достигалось, и маршалъ убѣдился въ этомъ собственнымъ горькимъ опытомъ. Крестьянскіе наказы, какъ и наказы другихъ сословій, часто весьма близки между собою и содержатъ много повтореній. Читая наказы цѣликомъ, пришлось по нѣскольку разъ выслушивать не только однѣ и тѣ же нужды и недостатки крестьянъ разныхъ погостовъ

и деревень, но даже одѣ и тѣ же примѣчанія на нихъ членовъ собранія. Чтеніе 12 наказовъ достаточно убѣдило маршала, что такъ продолжать нельзя. Онъ прекратилъ чтеніе наказовъ и никогда болѣе къ нему не возвращался. Но и послѣ этого урока, онъ не пришелъ къ мысли о необходимости выработать планъ занятій, а предложилъ новое чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ.

Но что такое права благородныхъ? Это понятіе очень сложное. Одни права благородныхъ относятся къ области государственнаго права, напримѣръ: пріобрѣтеніе и потеря дворянства, права по службѣ и пр. Другія — гражданскаго, какъ вотчинныя права, особый порядокъ дворянскаго наслѣдованія и пр. Третьи — къ уголовному, такъ какъ въ московскомъ государствѣ дворяне и наказывались нѣсколько иначе, чѣмъ не-дворяне. Наконецъ, были особыя дворянскія права и въ процессѣ. Законы о какихъ же правахъ благородныхъ хотѣлъ читать маршалъ? Этому онъ и самъ не зналъ. Законы читались безъ всякой системы и единственно въ порядкѣ времени. Въ первомъ засѣданіи начали съ процессуальныхъ статей уложенія, но прочли изъ нихъ только двѣ. За ними была прочтена статья уложенія о бракахъ крестьянскихъ дѣвокъ, или вдовъ, и три статьи, относящіяся къ завѣщательному праву. Послѣ этого снова двѣ процессуальныхъ статьи, а за ними одна о необходимой оборонѣ. Этимъ кончилось чтеніе статей уложенія о дворянствѣ. Болѣе къ уложенію уже не обращались, а приступили къ чтенію соборнаго дѣянія отъ 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества. Эти немногіе примѣры могутъ дать понятіе о томъ, какъ читались законы въ комиссіи.

Чтеніе законовъ было такъ же безцѣльно, какъ и чтеніе наказовъ. При чтеніи маршалъ не ставилъ никакихъ вопросовъ, а только приглашалъ членовъ говорить свои примѣчанія. Говорили поэтому такъ же безъ всякаго порядка и общаго плана, какъ и читали. На нѣкоторые законы говорили очень много и по нѣскольку разъ одно и то же, на другіе, не менѣе важныя, ровно ничего. Иногда говорилось и такое, что вовсе не шло къ правамъ благородныхъ. Все это, тѣмъ не менѣе, терпѣливо выслушивалось, записывалось и было передано въ частную комиссію.

Можно спросить, съ какою цѣлью маршалъ предложилъ передать весь этотъ сырой матеріалъ въ частную комиссію?

Въ виду разобранныхъ выше статей обряда управленія, можно подумать, что происходившія въ большомъ собраніи пренія по поводу наказовъ и законовъ, при всей ихъ беспорядочности, предназначались, однако, для руководства частной комиссіи, куда

они и были, съ этою цѣлью, переданы. Обрядъ управленія, дѣйствительно, предписываетъ это. Но пренія въ комиссіи не достигли и этой скромной цѣли. По обряду, депутаты не должны были ограничиваться одними примѣчаніями; имъ надо было придти къ *положеніямъ*, которыя и слѣдовало передать въ частную комиссію хотя не въ наказъ, но для соображенія. Маршалу, поэтому, надо было не выслушивать только примѣчанія, а вывести изъ нихъ вопросъ и поставить его собранію для рѣшенія. А. И. Бибиковъ во всѣ 60 засѣданій не поставилъ ни одного вопроса по существу дѣла, и не произвелъ ниодного голосованія. Такимъ образомъ, частная комиссія о родахъ жителей получила изъ большого собранія не опредѣленія его, а рядъ мнѣній отдѣльных членовъ, къ которымъ, иногда, присоединялись нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Въ чемъ мнѣніе большой комиссіи—этого частная не могла знать: она имѣла подъ руками только ворохъ частныхъ замѣчаній и была лишена всякаго руководства со стороны большинства комиссіи.

Выше мы указали, что отношенія частныхъ комиссій къ большой и самою императрицею были поставлены не совсѣмъ правильно. Недосмотры «обряда» не только не были исправлены практикой, но то, что происходило въ дѣйствительности, было въ всякаго сравненія ниже предписанныхъ императрицею правилъ. Засѣданія большого собранія были превращены въ совершенно безцѣльную читальню и говорильню.

Оставимъ на время большую комиссію и перейдемъ въ дирекціонную, которая должна была представлять маршалу о необходимости учрежденія частныхъ и наблюдать за ихъ дѣятельностью. Посмотримъ, какъ составлена эта направляющая комиссія и какъ исполнила она свою важную задачу.

Значеніе этой комиссіи не укрылось отъ вниманія депутатовъ. Когда въ первоначальный списокъ кандидатовъ въ члены этой комиссіи не попалъ ни одинъ изъ представителей городовъ, они обратились къ собранію съ просьбой представить на утвержденіе императрицы не двухъ кандидатовъ на каждое мѣсто (всѣхъ мѣстъ 5), какъ было рѣшено прежде, а трехъ. Собраніе согласилось, и въ число новыхъ пяти кандидатовъ были избраны четыре представителя отъ городовъ. Императрица утвердила только людей, принадлежавшихъ къ знати: митрополита Дмитрія, вице-президента военной коллегіи, генералъ-аншефа, графа Захара Чернышева, сенатора, генералъ-инженера Николая Муравьева (кандидатъ маршала и генералъ-прокурора), сенатора, тайнаго совѣтника Дмитрія Волкова и графа Ивана Орлова. Ди-

рекціонная комиссія, такимъ образомъ, была составлена исключительно изъ правительственныхъ лицъ.

Первыя три засѣданія комиссіи, согласно предписанному порядку, были посвящены чтенію большого наказа, которое ни къ чему не привело, кромѣ занесенія въ протоколъ чувствъ общаго удивленія членовъ къ мудрости императрицы. Въ черновомъ протоколѣ засѣданія, происходившаго 20 августа, между прочимъ читаемъ: «а гдѣ написано было, что дѣтей обучать грамотѣ для знанія законовъ божескихъ и гражданскихъ, всѣ господа присутствующіе оказывали великое удовольствіе, что сіе полезное дѣло предписано». Въ чистомъ протоколѣ, членами подписанномъ, этой подробности нѣтъ. Тамъ кратко сказано: «читали большой наказъ, при чемъ были разныя разсужденія». Когда пришлось подписывать протоколъ, члены комиссіи извѣстно нашли, что удовольствіе ихъ не есть же какое-нибудь дѣло, которое они обязаны были совершить въ засѣданіи, а потому и нашли нужнымъ скрыть его. Такъ отнеслись члены дирекціонной комиссіи къ чтенію наказа, тогда какъ по обряду они должны были разработать его и представить въ большое собраніе свое мнѣніе о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наказъ не давалъ точнаго правила, или ограничивался одними примѣрами.

Въ 4-мъ засѣданіи князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, внесъ слѣдующее предложеніе: «такъ какъ государство руссійское, въ разсужденіи правъ, раздѣляется на три части: Велико-россію, Малороссію и Лифляндію, и каждая управляется своими законами, то оныя не будутъ ли нужны?» Комиссія нашла, что будутъ нужны.

Въ 5-мъ засѣданіи возбужденъ былъ, наконецъ, вопросъ объ учрежденіи частныхъ комиссій, и въ одномъ изъ слѣдующихъ, послѣ нѣкоторыхъ преній, принято предложеніе сенатора Волкова объ учрежденіи 3-хъ частныхъ комиссій: вотчинной, юстицкой и о родахъ государственныхъ жителей, которыя и были учреждены въ теченіи сентября и октября. Тогда же постановлено: вмѣсто наставленія дать частнымъ комиссіямъ экстрактъ изъ протокола отъ 5 сентября. Въ 12-мъ засѣданіи, по разрѣшеніи вопроса о частныхъ комиссіяхъ, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что же теперь дѣлать? рѣшено снова читать большой наказъ; а вслѣдъ затѣмъ приступили къ чтенію наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, чѣмъ занимались еще и въ 20-мъ засѣданіи (Арх. Дневн. зап. дирекц. ком.).

Такова дѣятельность дирекціонной комиссіи въ первыя 20 засѣданій. Для оцѣнки ея, остановимся прежде на экстрактѣ изъ

протокола отъ 5-го сентября, который она обратила въ наставленіе для частныхъ комиссій. Комиссія о родахъ жителей была учреждена 6-го сентября; 8-го она получила уже это наставленіе отъ дирекціонной. Въ наставленіи ей предписывалось теперь же приступить къ составленію плана законодательства о состояніяхъ, а по утвержденіи его дирекціонной, и самаго проекта правъ разныхъ сословій ¹⁾. Частная комиссія, слѣдовательно, должна была работать надъ подробностями проекта сословныхъ правъ, прежде чѣмъ были выяснены какія-либо общія начала этой вѣтви законодательства. Большое собраніе занималось въ это время чтеніемъ крестьянскихъ наказовъ и еще не приступало къ правамъ благородныхъ. Дирекціонная комиссія ни сама не даетъ никакихъ руководящихъ началъ частной, ни считаетъ нужнымъ ожидать, когда ихъ выработаетъ большое собраніе. Частная комиссія должна работать совершенно самостоятельно и прямо надъ проектомъ. О связи работъ частной комиссій съ работами большого собранія и рѣчи нѣтъ.

Засѣданія только-что учрежденной частной комиссій о родахъ государственныхъ жителей происходили одновременно съ засѣданіями большой, а потому члены ея даже не могли всегда присутствовать при преніяхъ большой ²⁾. Слѣдствіемъ этого было то, что членамъ частной комиссій приходилось повторять все, что было уже сдѣлано въ большой. Въ большой комиссій читаются законы о дворянахъ, и въ частной читаются законы о дворянахъ. Въ большой комиссій, по поводу этого чтенія, отдѣльные депутаты прочитываютъ свои мнѣнія, или, какъ тогда говорили, голоса, и въ частной комиссій читаются тѣ же голоса. Такимъ образомъ, засѣданія большой комиссій и частной съ самаго начала идутъ независимо другъ отъ друга и безъ малѣйшей внутренней связи, ибо пересылка изъ большой комиссій въ частную наказовъ, законовъ и голосовъ, которыми частная, если бы даже и хотѣла, не могла слѣдовать, такъ какъ за отсутствіемъ голосованія не могла знать, въ чемъ состоитъ мнѣніе большого собранія,—не есть же еще связь. Такъ сложилось подѣ

¹⁾ Для примѣра, каковъ долженъ быть планъ, комиссія говоритъ: „Должность ея (частной ком.) разобратъ и раздѣлитъ виды государственныхъ жителей, а именно: о дворянствѣ. Что есть дворянство? какія онаго степени? кто дворянинъ? какія его права? О среднемъ родѣ или мѣщанствѣ. Что есть мѣщанство? какіе онаго роды или степени? какія его права?“ и т. д. (Арх. Дневн. зак. дирек. ком.).

²⁾ Засѣданія большого собранія происходили по утрамъ разъ пять въ недѣлю; въ то же время дня, но только четыре раза въ недѣлю, собирались и члены комиссій о родахъ жителей.

руководствомъ дирекціонной комиссіи отношеніе частныхъ комиссій къ большому собранію.

Обрядъ управленія возлагаетъ на дирекціонную комиссію разработку вопроса о частныхъ комиссіяхъ. Вопросъ о частныхъ комиссіяхъ, на который естественно было возложить всю массу предварительныхъ работъ по собранію матеріаловъ (изъ наказовъ и указовъ), выработкѣ основныхъ началъ, а послѣ утвержденія ихъ большимъ собраніемъ, и по составленію самыхъ проектовъ по отдѣльнымъ отраслямъ права, есть собственно вопросъ объ общемъ планѣ законодательныхъ работъ. Дирекціонная комиссія порѣшила съ нимъ очень скоро: она предложила устроить три комиссіи и тѣмъ покончила, обратившись снова къ чтенію большого наказа, а потомъ наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Императрица Екатерина, зоркимъ окомъ слѣдившая за первыми шагами своего любимого дѣтища, не совсѣмъ-то счастливо развивавшагося, хотя она и не спускала его съ своихъ рукъ, не могла не замѣтить этой бездѣтельности дирекціонной комиссіи, и принялась сама за составленіе общаго плана законодательныхъ работъ. Этотъ планъ появился въ свѣтъ 8 апрѣля 1768 года подъ именемъ «Начертанія о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія» ¹⁾. Здѣсь мы находимъ цѣлую систему законодательства, которое Екатерина раздѣляла на двѣ части: на право общее и особенное. Каждое изъ этихъ правъ, въ свою очередь, подраздѣлялось по предметамъ. Соотвѣтственно этому дѣленію должны быть учреждены и частныя комиссіи, которыхъ для общаго права Екатерина назначила 11, а для особеннаго 4. Все это обязана была сдѣлать, конечно, сама дирекціонная комиссія. Но только по полученіи этого наставленія число частныхъ комиссій было доведено до 19, и большинство ихъ, слѣдовательно, было учреждено уже по прошествіи 7 мѣсяцевъ со дня открытія засѣданій собранія.

Ясно, что среди членовъ комиссіи, приближенныхъ къ императрицѣ, на которыхъ она считала себя въ правѣ наиболѣе разсчитывать, не было людей способныхъ быть исполнителями либе-

¹⁾ Мы выше имѣли уже случай указать, что составленіе этого начертанія было поручено графу А. П. Шувалову. Представленный имъ императрицѣ трудъ носитъ заглавіе: „Опытъ плана всему, о чемъ въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія господамъ депутатамъ трудиться должно“. Этотъ „опытъ“ весь перешелъ къ „начертанію“, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ хранится съ бумагами императрицы въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената. Шуваловъ не былъ депутатомъ. Императрица поручила ему наблюденіе за веденіемъ дневныхъ записокъ.

ральных предначертаний начала ее царствования. Состояние нашей образованности и литературы того времени достаточно объясняет этот печальный факт. Ни маршалъ, ни генераль-прокуроръ, ни члены дирекціонной комиссіи не могли дать должнаго хода законодательнымъ работамъ комиссіи, и депутаты трудились ежедневно безъ всякаго направленія и порядка. Руководящіе люди рѣшительно не знали, что надо было дѣлать, а между тѣмъ по обряду управленія они одни должны были давать направленіе всему дѣлу, и помимо ихъ никто не имѣлъ ни права, ни возможности спасти благое начинаніе Екатерины отъ полнаго крушенія.

Перейдемъ снова въ засѣданія большого собранія. По прочтеніи нѣкоторыхъ законовъ о правахъ благородныхъ, маршалъ приступилъ къ такому же беспорядочному чтенію законовъ о купечествѣ, потомъ предложилъ чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, чѣмъ комиссія занималась въ теченіи 11 засѣданій. За остзейскими привилегіями послѣдовали законы о юстиціи, въ объемѣ столь же смутномъ и неопредѣленномъ, какъ и чтеніе законовъ о правахъ дворянства и купечества. Всѣ эти чтенія происходили въ томъ же порядкѣ, какъ и чтеніе наказовъ и законовъ о правахъ благородныхъ, т.-е. прочитывали какой-либо законъ, маршалъ вызывалъ желающихъ дѣлать свои примѣчанія, желающіе охотно дѣлали ихъ; но изъ этихъ примѣчаній ровно ничего не выходило, такъ какъ не было поставлено и рѣшено голосованіемъ ни одного вопроса. Затѣмъ, весь этотъ матеріалъ, не имѣющій ровно никакого значенія, передавался въ частныя комиссіи.

10 іюля 1768 года чтеніе законовъ о юстиціи было прервано внесеніемъ составленнаго частною комиссіею о родахъ жителей проекта о правахъ благородныхъ.

Проектъ о правахъ благородныхъ уже готовъ, а между тѣмъ большое собраніе не приступало еще къ обсужденію дворянскихъ депутатскихъ наказовъ и не высказало ни одного положенія относительно того, какъ же надо организовать дворянство. Ясно, кажется, что руководители законодательными работами крайне спѣшили поднести императрицѣ плоды своихъ трудовъ, вовсе не заботясь о томъ, чтобы они были зрѣлые. Составленный частной комиссіей проектъ нельзя разсматривать какъ результатъ совѣщаній большого собранія. Это произведеніе членовъ двухъ частныхъ комиссій, состоявшихъ почти исключительно изъ правительственныхъ лицъ, а потому правильнѣе будетъ считать его правительственнымъ, хотя въ содержаніи проекта и видно

вліяніе нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ мыслей, высказанныхъ въ большомъ собраніи ¹⁾).

Въ обзоръ содержанія проекта мы не будемъ теперь входить; мы остановимся только на вопросѣ о томъ, какъ разсматривался этотъ проектъ въ большомъ собраніи.

10 іюля проектъ былъ внесенъ въ собраніе, и маршалъ, въ томъ же засѣданіи, предложилъ прочитать его. Послѣ перваго чтенія, происходившаго, согласно обряду, въ совершенномъ молчаніи, нѣкоторые изъ членовъ заявили желаніе говорить противъ проекта. Не предложивъ выслушать этихъ замѣчаній, маршалъ приступилъ въ томъ же засѣданіи ко второму чтенію и немедленно вслѣдъ за окончаніемъ чтенія сталъ спрашивать членовъ, по статьямъ, согласны ли на нихъ, или нѣтъ, т.-е. приступилъ къ голосованію статей проекта безъ преній.

Вотъ какъ понималъ маршалъ дѣло законодательства. Комиссія не высказала ни одного мнѣнія о правахъ дворянства, проектъ составленъ совершенно независимо отъ тѣхъ взглядовъ, которые могли принадлежать ея большинству, она едва успѣла выслушать его—и ей предлагаютъ, чтобы она сейчасъ же голосовала по статьямъ и безъ всякихъ преній!

Русскій человѣкъ, говоритъ пословица, заднимъ умомъ крѣпокъ. Это свойство его проявилось и въ засѣданіи 10 іюля. Предложенное маршаломъ голосованіе пошло своимъ чередомъ, съ первой статьи начиная, которая была принята всѣми голосами, за исключеніемъ одного. Вторая была принята единогласно; третья и четвертая также приняты. О пятой возникли несогласія. Во время споровъ, возбужденныхъ этой статьей, нѣкоторые члены снова заявили желаніе говорить противъ проекта и даже противъ тѣхъ его статей, которыя уже приняты. Въ это время 28 депутатовъ отъ дворянъ составили письменный протестъ, въ которомъ просили: «по важности матеріи дать время на размышленіе». Одновременно съ ними 12 представителей отъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и горожанъ составили тотъ протестъ, замѣчательное начало котораго мы выписали выше. Овъ оканчивался

¹⁾ Полный ходъ работъ былъ слѣдующій: по составленіи проекта частной комиссіей, онъ былъ рассмотрѣнъ ею въ присутствіи членовъ герольдіи, потомъ внесенъ въ дирекціонную. Изъ дирекціонной, съ ея замѣчаніями, возвращенъ снова въ частную; переработанъ ею; рассмотрѣнъ съ членами герольдіи; снова—въ дирекціонную, а оттуда въ общее собраніе. Частная комиссія о родахъ жителей, работавшая надъ проектомъ правъ благородныхъ, состояла: изъ генералъ-аншефа кн. А. М. Голицына, оберъ-прокурора графа Федора Орлова, генералъ-поручика графа Якова Бриса, ландрата барона фонъ-Уигернъ-Штериберга и купца Николая Сынникова.

такъ: «теперь же къ соглашенію никакимъ образомъ приступить не возможно, понеже ничто не можетъ быть вдругъ совершено, чтó человѣкомъ сочинено». Тутъ же поднялись и татары: они просили дать имъ копію проекта съ переводомъ на татарскій языкъ, такъ какъ они и понять его не могли.

Видя полный неуспѣхъ своего предпріятія, маршалъ вынужденъ былъ уступить и отложилъ разсмотрѣніе проекта на недѣлю (Арх. Днев. зан. бол. собр.).

Въ слѣдующемъ засѣданіи, состоявшемся ровно черезъ недѣлю, присутствовало было къ обсужденію проекта по статьямъ. Нѣкоторыя статьи вызвали весьма много возраженій и поправокъ; для 6 ст., 1-й главы, напримѣръ, было предложено 8 разныхъ редакцій. По содержанію своему, мнѣнія депутатовъ, которыя при этомъ высказывались, далеко не новыя. Многія изъ нихъ были уже высказаны въ самомъ началѣ засѣданій собранія, когда читались законы о правахъ дворянъ, и теперь только повторяются. При заявленіи этихъ возраженій, маршалъ слѣдуетъ совершенно тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался и при обсужденіи наказовъ и законовъ, т.-е. онъ даетъ высказываться отдѣльных мнѣніямъ и затѣмъ, не сводя ихъ ни къ чему, и не ставя никакихъ вопросовъ для голосованія, переходитъ къ слѣдующей статьѣ ¹⁾. Такъ дѣло шло цѣлыхъ 13 засѣданій, въ теченіи которыхъ были разсмотрѣны всѣ статьи проекта, заслушано множество возраженій, но въ результатъ не получилось ровно ничего, кромѣ вороха отдѣльных мнѣній, большинство которыхъ было высказано уже годъ тому назадъ.

Видя безпомощное положеніе своего маршала, императрица снова поспѣшила къ нему на помощь. 13-го іюля она написала ему собственноручное письмо, въ которомъ дѣлала наставленія относительно того, какъ надо поступать въ томъ случаѣ, когда на статью проекта предложено будетъ разомъ нѣсколько новыхъ редакцій. Мѣсяцъ спустя, письмо это, нѣсколько переработанное, было прислано въ комиссію, какъ дополненіе къ обряду управленія комиссіей. Не исчерпывая всего содержанія этого памятника, который весь былъ вызванъ ошибками маршала, мы приведемъ только два его пункта.

При обсужденіи проекта императрица предписывала выбрать особаго депутата, который взялъ бы на себя его защиту. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда противъ статьи проекта высказано не

¹⁾ Единственный случай баллотированія, состоявшійся въ это время, разберемъ ниже.

одно, а нѣсколько мнѣній, предписывалось пригласить депутатовъ подписаться подъ этими разными мнѣніями, и подъ каковымъ окажется болѣе голосовъ, то мнѣніе и должно было войти въ конкуренцію со статьей проекта, а остальные уничтожались, т.-е. всѣ мнѣнія на статью подлежали баллотировкѣ, и то изъ нихъ, которое получило большее число голосовъ, баллотировалось затѣмъ со статьей проекта и, конечно, становилось на ея мѣсто, если получало больше голосовъ.

Получивъ это дополненіе къ обряду 13-го августа, маршалъ, однако, продолжалъ до 4-го сентября ни къ чему неведущее выслушиваніе примѣчаній и только по окончаніи примѣчаній на всѣ статьи объявилъ, что слѣдующія три засѣданія назначаются имъ для преній по спорнымъ вопросамъ.

Эти новыя пренія отличались отъ предшествовавшихъ только тѣмъ, что при чтеніи 2 ст. II-й главы маршалъ объявилъ, что защищать эту статью будетъ депутатъ отъ козловскаго дворянства артиллеріи поручикъ Григорій Коробынъ. Этотъ же депутатъ вызвался затѣмъ самъ защитить нѣкоторыя другія статьи проекта. Это нововведеніе, конечно, было сдѣлано въ исполненіе дополнительныхъ статей императрицы къ обряду. Но отъ чего въ роли защитника проекта выступилъ поручикъ Коробынъ? Въ дополненіи къ обряду сказано, что такого защитника надо выбрать. Допустимъ, что выборъ долженъ былъ произвести самъ маршалъ, но изъ кого? Конечно, изъ среды лицъ, которыя составляли проектъ. Это даже прямо сказано въ вышеупомянутомъ письмѣ императрицы къ маршалу. Но А. И. Бябиковъ не исполнилъ этого совершенно правильнаго требованія государыни и предоставилъ защиту проекта Коробыну, который не принадлежалъ къ составу ни дирекціонной, ни частной комиссіи о родахъ жителей. Почему онъ сдѣлалъ это? Мы выше уже замѣтили, что знатныя лица, входившія въ составъ комиссіи, не любили принимать участіе въ ея преніяхъ. Несмотря на это, волею императрицы, они призывались въ большинство частныхъ комиссій. Исключительно изъ нихъ состояла дирекціонная комиссія; въ частной же комиссіи о родахъ жителей рядомъ съ четырьмя титулованными представителями дворянства сидѣлъ только одинъ представитель отъ горожанъ, купецъ Свѣшниковъ. Надо думать, что именитые люди не захотѣли выступить въ опасной роли защитниковъ составленнаго ими проекта, а на купца Свѣшникова маршалъ не находилъ возможнымъ положиться; вотъ какъ отвѣтчикомъ передъ собраніемъ явился артиллеріи поручикъ Коробынъ, человѣкъ благонамѣренный и либеральнаго образа мыс-

лей (онъ поднималъ въ комиссіи вопросъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ), но въ составленіи проекта нисколько невиноватый. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя статьи проекта онъ защищалъ, а отъ защиты другихъ отказался. По поводу статей 37, 42 и 43, напримѣръ, преній вовсе не было, потому-что никто не вызвался ихъ защищать, хотя и были желающіе ихъ опровергать. Вотъ какъ отнеслись ближайшіе къ императрицѣ люди къ ихъ собственному дѣлу, къ составленному ими проекту правъ благородныхъ.

Посмотримъ теперь, къ чему привели пренія по тѣмъ статьямъ, которыя взялся защищать Коробинъ. Роль этого единственного официальнаго защитника правительственнаго проекта была крайне тяжелая. Желающихъ говорить противъ проекта было очень много. Разъ вызвавшись защищать его, онъ долженъ былъ возражать каждому желающему. Турниръ, возможный развѣ для какого-нибудь чудо-богатыря, въ родѣ Ильи-Муромца. Такимъ сказочнымъ богатыремъ Коробинъ не былъ, не разъ приходилось ему отказываться отъ дальнѣйшей защиты, ссылаясь на то, что имъ высказаны уже всѣ доказательства. Въ такихъ случаяхъ маршалъ переходилъ къ слѣдующей статьѣ, хотя бы и оставались желающіе говорить противъ предшествующей. Маршалъ, на обязанности котораго лежало соглашать членовъ, оставался все время совершенно пассивнымъ зрителемъ этого неравнаго боя: никакихъ согласительныхъ предложеній не вносилъ и, по обыкновенію, не произвелъ ни одной баллотировки, производить которая ему еще недавно вновь было предписано дополненіемъ къ обряду отъ 13 августа. Эти пренія, продолжавшіяся 6 засѣданій и служившія только повтореніемъ предшествовавшихъ преній, точно также не привели ни къ одному постановленію комиссіи, какъ и всѣ прежнія. Въ результатѣ ихъ опять получился ворохъ отдѣльных мнѣній, который маршалъ снова предложилъ отослать въ дирекціонную комиссію для передачи въ частную.

Эти безконечные, ни къ чему неприводящіе споры, которые три раза возбуждались по одному и тому же предмету и всякій разъ съ однимъ и тѣмъ же результатомъ: «передать въ частную комиссію», утомили, наконецъ, и самихъ членовъ большаго собранія. Они, кажется, начали понимать полную бесплодность всѣхъ ихъ «примѣчаній». Въ засѣданіяхъ 23 и 28 іюля, когда проектъ обсуждался въ первый разъ, очень многіе изъ нихъ говорили противъ 6 ст. I главы его, для поправки которой было предложено даже 8 разныхъ редакцій; въ засѣданіи же 15 сен-

тября, когда шли согласительныя пренія, на эту статью никто не сдѣлалъ ни одного замѣчанія.

Разсмотрѣніе проекта большимъ собраніемъ, продолжавшееся 18 засѣданій, нисколько не подвинуло дѣла впередъ. Частная коммиссія, получившая его обратно, точно также не имѣла въ рукахъ ни одного руководящаго мнѣнія большой, какъ и въ началѣ своего труда.

Безплодность засѣданій большого собранія стала переходить и въ сознаніе самой императрицы. На эту мысль наводитъ то, что съ внесеніемъ въ коммиссію проекта о правахъ благородныхъ засѣданія ея становятся все рѣже и рѣже. До этого времени она собиралась, обыкновенно, до пяти разъ въ недѣлю. Съ 10 же іюня по конецъ мѣсяца коммиссія собралась всего четыре раза; въ августѣ и сентябрѣ было только по семи засѣданій. Шестого октября, въ послѣдній день обсужденія проекта, когда, несмотря на всѣ усилія императрицы помочь маршалу, совершенно выяснилась неспособность его поставить какой-либо вопросъ и довести дѣло до голосованія, собранію было объявлено, что впередъ оно будетъ собираться только два раза въ недѣлю. Это объявленіе было сдѣлано устами маршала, но, конечно, оно внушено императрицею.

По сдачѣ проекта въ частную коммиссію, маршалъ снова принялся за чтеніе законовъ, и на этотъ разъ—законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, хотя начатое передъ внесеніемъ проекта чтеніе законовъ о юстиціи и не было исчерпано. Такъ продолжалось до 18-го декабря, когда, по случаю войны съ турками, засѣданія большого собранія были прерваны.

Мы кончили обзоръ хода занятій коммиссіи. Составленный императрицею обрядъ управленія, съ цѣлью опредѣлить порядокъ ея занятій, имѣлъ свои недостатки и нуждался въ умѣлой рукѣ для примѣненія его къ дѣлу. Руководители работъ коммиссіи, принадлежавшіе къ высшимъ чинамъ имперіи, отъ которыхъ государынѣ естественно было ожидать наиболѣе просвѣщеннаго содѣйствія своимъ начинаніямъ, не только не смягчили этихъ недостатковъ искуснымъ примѣненіемъ обряда къ дѣлу, но, еще менѣе самой императрицы знакомые съ тайнами того сложнаго законодательнаго аппарата, къ дѣйствию въ которомъ она ихъ призывала, — они вовсе не умѣли приступить къ осуществленію ея обряда. Благодаря полному ихъ непониманію, обрядъ управленія вовсе не былъ исполненъ, и 18-го декабря 1768 года занятія коммиссіи были совершенно въ томъ же по-

ложениі, какъ и въ день открытія ея засѣданій, 31-го іюня 1767 года ¹⁾).

V.

ОБРАЗЦЫ ПРЕНІЙ.

Грустное впечатлѣніе оставляють въ читателѣ дневныя записки большого собранія, эта лѣтопись его ежедневныхъ занятій; но вовсе не потому, чтобы ему приходилось краснѣть за мнѣнія представителей русской земли. Рѣчи, произнесенныя депутатами въ комиссіи, навсегда останутся памятникомъ твердаго чувства законности и глубокаго политическаго смысла, обнаруженнаго ими при обсужденіи многихъ вопросовъ крайне-деликатнаго свойства.

Мы далеки отъ мысли исчерпать, съ этой точки зрѣнія, весь богатый матеріалъ депутатскихъ наказовъ и голосовъ. Только съ цѣлью нѣсколько пополнить сдѣланную нами картину занятій комиссіи, и показать дѣло и съ другой, неофициальной стороны, — мы приведемъ нѣкоторые выдержки изъ рѣчей депутатовъ по тремъ крупнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ комиссіи разнообразнымъ чтеніемъ, которому она предавалась. Именно: по вопросу объ остзейскихъ привилегіяхъ, о порядкѣ приобрѣтенія дворянства и объ ограниченіи помѣщичьей власти.

Существуетъ мнѣніе, что комиссія проявила опасныя для государственнаго единства стремленія, выразившіяся въ разсмотрѣніи остзейскихъ привилегій, и тѣмъ возбудила въ императрицѣ боязнь за цѣлость имперіи, съ такимъ трудомъ созданной ея великими предшественниками. Посмотримъ, насколько это мнѣніе справедливо.

Какъ возникъ въ комиссіи вопросъ объ остзейскихъ привилегіяхъ? Въ засѣданіи 2-го октября 1767 года, когда маршалъ предложилъ отослать прочитанные законы о дворянствѣ въ частную комиссію, нѣсколько остзейскихъ депутатовъ изъ дворянства вошли въ собраніе съ особымъ заявленіемъ, въ которомъ, указывая на то, что въ предшествовавшее чтеніе не вошли законы о правахъ остзейскаго дворянства, выразили надежду, что комиссія не предприметъ ничего несогласнаго съ высочайше подтвержденными привилегіями остзейскаго дворянства, и про-

¹⁾ Мы далеко не исчерпали всѣхъ недостатковъ въ ходѣ занятій комиссіи; но, для цѣли нашего общаго обзора, довольно и сказаннаго.

силы оставить ихъ права неприкосновенными. Одно изъ этихъ заявленій было подписано генераль-фельдцейхмейстеромъ Вильбоа, другое — генераль-поручикомъ Ренненкампомъ. Выслушавъ ихъ, маршалъ предложилъ собранію, не признаетъ ли оно за нужное приступить къ чтенію привилегій остзейскаго дворянства. Предложеніе изшло, такимъ образомъ, отъ самого маршала. Для правильнаго его пониманія, надо замѣтить, что приближенные къ императрицѣ члены комиссіи — и во главѣ ихъ маршалъ — и самъ генераль-прокуроръ князь Вяземскій нисколько не боялись остзейскихъ привилегій; эти привилегіи возбуждали въ нихъ большой интересъ и даже что-то похожее на любовь. Мы выше говорили уже о томъ, что генераль-прокуроръ Вяземскій, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій дирекціонной комиссіи, предложилъ ей ознакомиться, наравнѣ съ великороссійскими законами, съ привилегіями малороссійскими и остзейскими. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и члены частной комиссіи о родахъ жителей. Въ засѣданіи 27-го сентября, они опредѣлили вытребовать изъ дирекціонной комиссіи нѣсколько книгъ о правахъ дворянства прибалтійскихъ губерній, а изъ малороссійскихъ законовъ — о вольностяхъ шляхетскихъ. Постановленіе совершенно понятное и независимо отъ того, что членомъ этой комиссіи, по волѣ императрицы, былъ остзейскій депутатъ, баронъ Унгернъ-Штенбергъ, для котораго эти привилегіи были дѣйствующимъ правомъ. По большому наказу, русское дворянство должно было имѣть привилегіи, но какія именно, — тамъ не было указано. Чтобы внести въ проектъ правила о дворянскихъ привилегіяхъ, членамъ комиссіи о родахъ жителей, естественно, надо было ознакомиться съ существующими привилегіями и выбрать наиболѣе подходящіе къ нашимъ условіямъ. Они знакомились не только съ правами балтійскихъ дворянъ и шляхетскими вольностями, но съ правами нѣмецкой, французской и англійской аристократіи, а въ засѣданіи 13-го ноября читали даже «великую грамоту, данную отъ англійскаго короля Іоанна его подданнымъ». Теперь понятно, почему маршалъ обратился къ комиссіи съ предложеніемъ читать остзейскія привилегіи. Въ этомъ надо видѣть выраженіе аристократическихъ симпатій высшихъ чиновъ комиссіи, которые нашли нѣкоторую пищу и въ самомъ наказѣ императрицы, — объ опасности же для единства имперіи здѣсь не могло быть и рѣчи.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ вопросу о балтійскихъ привилегіяхъ члены большого собранія, среди котораго высшіе чины были въ меньшинствѣ и гдѣ они стѣснялись говорить откровенно. Въ концѣ засѣданія 30-го ноября, произошло

чтеніе первыхъ пяти (по времени) балтійскихъ привилегій. Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи, депутатъ любимскаго дворянства, отставной секундъ-маіоръ Никифоръ Толмачовъ, подавъ противъ этихъ привилегій голосъ, въ которомъ высказалъ мнѣніе, «чтобы, — слѣдуя общему благу, изображенному въ данномъ комиссіи большомъ наказѣ, какъ по извѣстнымъ правительствующему сенату недостаткамъ балтійскихъ правъ, такъ и для предупрежденія происходящихъ отъ смежныхъ съ означенными губерціями жителей преступленій, въ которыя они впадаютъ по причинѣ разности законовъ, отъ незнанія оныхъ, — были сочинены законы одинаковые для всѣхъ ея величеству подданныхъ народовъ». Къ этому мнѣнію тутъ же присоединилось 25 представителей отъ дворянства и 41 отъ городовъ и казаковъ, а всего 67, — и это по собственному побужденію, безъ всякаго вызова со стороны направляющихъ лицъ. Что же сдѣлалъ маршалъ въ виду этой очевидной возможности получить въ этомъ же засѣданіи общее опредѣленіе комиссіи по существенному вопросу о томъ, надо ли писать одинаковые законы для всей имперіи, или различные для каждой ея части: Великороссіи, Малороссіи, Лифляндіи и пр.? Онъ продолжалъ читать остзейскія привилегіи. Что дѣлали члены комиссіи? они прерывали эти чтенія замѣчаніями о необходимости единого законодательства.

Императрица Екатерина не могла быть довольна заявленіями остзейцевъ. Желая остаться при прежнихъ своихъ правахъ, они прямо выражали этимъ недовѣріе къ началамъ большаго наказа, которыя должныствовали сдѣлать ихъ счастливыми. Прислушиваясь къ все продолжающемуся чтенію этихъ привилегій, она нашла, наконецъ, себя вынужденной подать собственный голосъ. Сохранилось ея письмо къ генералъ-прокурору Ваземскому, въ которомъ она поручаетъ ему такъ устроить, чтобы кто-нибудь изъ знати подавъ голосъ противъ балтійскихъ привилегій, и дасть самыя мотивы для возраженія. Въ этомъ вмѣшательствѣ императрицы не было бы ни малѣйшей надобности, если бы маршалъ умѣлъ — не говоримъ уже руководить, а только пользоваться настроеніемъ собранія: послѣ голоса Толмачова, такъ хорошо поддержаннаго значительнымъ числомъ депутатовъ, не трудно было, при томъ доктринѣ, которымъ и доселѣ пользуются представители власти въ глазахъ русскаго человѣка, получить постановленіе комиссіи о прекращеніи чтеній балтійскихъ привилегій. Желаніе императрицы не было однако исполнено. Никто изъ знати не выступилъ противъ балтійскихъ при-

вѣлегій, и мотивы ея не были развиты предъ собраніемъ (Полѣновъ, II, 337).

При чтеніи законовъ о правахъ благородныхъ, большое вниманіе дворянъ привлекъ вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянства, на которомъ, главнымъ образомъ, и сосредоточивались пренія. Со времени Петра-Великаго, дворянское достоинство пріобрѣталось выслугою: всякій, получившій на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ, дѣлался потомственнымъ дворяниномъ, какова бы званія, по рожденію, онъ ни былъ. Таково было и дѣйствовавшее во время засѣданій комиссіи право. Этотъ сравнительно легкій доступъ къ преимуществамъ дворянскаго званія не могъ нравиться людямъ родовитымъ, которые стремились къ замѣнутости и обособленности. Екатерининскій наказъ, высказавшій начало сословной организаціи государства, — причѣмъ дворянству отводилась роль специальной опоры монархіи и, съ этою цѣлью, предполагалось надѣлать его особыми привилегіями, — могъ дать нѣкоторое основаніе думать, что императрица и сама не прочь удовлетворить этому естественному стремленію знатныхъ фамилій къ болѣе рѣзкому выдѣленію изъ массы остальнаго населенія.

Самымъ виднымъ и энергическимъ представителемъ этого стремленія въ комиссіи былъ извѣстный историкъ, князь М. М. Щербатовъ. Онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ доказывалъ, что дворянство должно пріобрѣтаться рожденіемъ и высочайшимъ пожалованіемъ, а не выслугою; законъ же Петра-Великаго онъ объяснялъ временными причинами. Послѣдняя его рѣчь была сказана «съ крайнимъ движеніемъ духа» и увлекла всѣхъ присутствовавшихъ депутатовъ московской и нижегородской губерній и 27 дворянскихъ депутатовъ другихъ мѣстностей, которые поспѣшили присоединить свои подписи къ его голосу.

Вотъ этотъ памятникъ ораторскаго краснорѣчія XVIII вѣка: «Депутатъ днѣпровскаго пикинернаго полка, — такъ началъ Щербатовъ, — въ мнѣніи своемъ говорить, что всѣ древнія русскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ господинъ депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія русскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію словъ, мнѣ довольно указать на историческія событія. — Одинъ русскій дворянинъ имѣетъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя

Владимира. Другіе, выѣхавшіе знатные люди, берутъ свое начало отъ коронованныхъ главъ. Многія фамиліи хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнить она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣтелемъ дражайшее отечество въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами, — дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ инновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? Тѣ вѣрныя твои чада, — древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они приобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится вѣять еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ то же исполнять и такъ же жертвовать своею жизнью отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею любовью побужденные, не затворяютъ надменностью врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ собратство — удостоятся того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ вѣнчалъ дворянскимъ званіемъ».

Но и новый законъ Петра, по необходимости долженствовавшій вести къ сближенію сословій, не остался безъ защитниковъ. Въ его пользу высказалось болѣе десяти депутатовъ, преимущественно людей не именитыхъ, между которыми были простые казаки и даже представители городовъ. Къ голосамъ говорившихъ присоединяли свои подноси и другіе, число которыхъ достигло, подъ нѣкоторыми мнѣніями, до 20 и болѣе. Чтобы познать съ аргументаціей противниковъ аристократической замкнутости, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи казака Никиты Миронова, одного изъ самыхъ мелкихъ членовъ собранія, представителя нижнихъ чиновъ казацкаго войска съ далекихъ береговъ Терека. Казакъ Мироновъ не убѣдился доводами князя Щербатъ и въ слѣдующемъ засѣданіи рѣшился возражать своему враговичеву противнику.

«Нѣкоторые гг. депутаты,—говорилъ Мироновъ,—въ мнѣніяхъ своихъ о дворянствѣ представляютъ, что званіе это драгоцѣнно и не надлежитъ давать его достигшимъ оберъ-офицерскаго ранга не изъ дворянъ. На сіе осмѣливаюсь предложить слѣдующее. Достоинство дворянское не рождается отъ природы, но приобрѣтается добродѣтелью и заслугами своему отечеству. Могутъ ли гг. російскіе дворяне сказать о своихъ предкахъ, что всѣ они родились отъ дворянъ. Я, напротивъ, полагаю, что въ Россіи болѣе найдется такихъ, которые за воинскія дѣла и другія добродѣтели получили это достоинство. Да и въ военной службѣ, одни ли дворяне защищаютъ свое отечество? Конечно, нѣтъ! Какъ предки ихъ, такъ и въ новѣйшее время, въ прусскую войну, не съ ними ли и другіе вѣнчались тою же кровью? Также и впредь, если, паче чаянія (отъ чего Боже сохрани!) возникнетъ гдѣ-нибудь отъ непріятеля война, то одни ли дворяне будутъ защищать государство? не съ ними ли будутъ люди всякаго званія? и послѣднихъ будетъ еще больше, чѣмъ дворянъ. Если же вышедшимъ вѣрною своею службою не изъ дворянъ въ оберъ-офицерскіе чины не будетъ дано дворянство, то какое же будетъ для нихъ поощреніе въ службѣ? Нѣкоторые гг. депутаты представляютъ еще, что узаконеніе императора Петра I-го было временное, по случаю бывшихъ тогда продолжительныхъ войнъ. Хотя нынѣ у насъ въ Россіи царствуетъ тишина и всѣ мы молимъ Всемогущаго Бога, чтобы и до конца вѣка было мирно, но на пограничныхъ мѣстахъ и теперь не вездѣ благополучно. Проживая на персидской границѣ, близъ горскихъ, беззаконныхъ и звѣрообразныхъ дикихъ народовъ, видимъ, что они не щадя и родъ свой, убиваютъ брать брата и самихъ родителей,^а умертвить русскаго почитаютъ святымъ долгомъ. Показывая^а насъ свирѣпость свою пуще лютыхъ звѣрей, они не столько^а сраженіяхъ, какъ внезапно убиваютъ. Какъ предки нашъ во всегдашней войнѣ обращались, такъ и мы не видимъ себѣ этихъ варваровъ покоя. Находясь постоянно въ воинскихъ унѣбахъ, въ виду проливающейся крови, мы считаемъ за дѣльное воздать возможное благодѣяніе тѣмъ, которые бывають^а сраженіяхъ и ознаменовываютъ себя храбрыми поступками. Такъ, въ слабому моему мнѣнію почитаю справедливымъ п^аявить, чтобы получившіе въ воинской службѣ оберъ-офицерскіе ранги были настоящими дворянами. Я, впрочемъ, предаю^а мною сказанное на разсужденіе почтеннѣйшаго собранія гг. депутатовъ».

Къ этому голосу присоединилось 13 депутатовъ, преимуще-

ственно от казаковъ. Но первымъ присоединился представитель харьковскаго дворянства, полковникъ Матвѣй Куликовскій.

Многочисленными рѣчами противниковъ и сторонниковъ Петровскаго закона разсматриваемый вопросъ былъ исчерпанъ со всѣхъ сторонъ. Оставалось рѣшить его голосованіемъ и, такимъ образомъ, дать частной комиссіи о родахъ руководящее начало для составленія соотвѣтствующей статьи проекта. Хотя рѣчь кн. Щербатова увлекла не только дворянъ, но и многихъ представителей городовъ, тѣмъ не менѣе намъ представляется крайне сомнительнымъ, чтобы голосованіе выпало въ пользу его мнѣнія. Присоединившіеся къ нему депутаты выразили этимъ только свое сочувствіе его горячей защитѣ дворянства «отъ нареканія въ подлости происхожденія». Изъ присоединенія представителей городовъ къ его похвалѣ историческимъ заслугамъ дворянства вовсе еще не слѣдуетъ, что всѣ они подали бы голосъ противъ Петровскаго закона, если бы этотъ вопросъ былъ опредѣленно поставленъ, и такимъ образомъ закрыли бы себѣ «самимъ доступъ въ ряды высшаго сословія ¹⁾». На исходъ баллотировки имѣло бы, конечно, рѣшительное вліяніе мнѣніе кого-либо изъ руководящихъ правительственныхъ лицъ. Но они хранили глубокое молчаніе. Что же касается маршала, онъ, по обыкновенію, никакой попытки къ соглашенію депутатовъ не сдѣлалъ, вопроса для рѣшенія не поставилъ и къ голосованію не приступилъ, несмотря на то, что пренія совершенно выяснили и исчерпали поднятый депутатами вопросъ.

Эта безрезультатность преній не могла не отразиться печальнымъ образомъ и на внесенномъ позднѣе въ комиссію проектѣ правъ благородныхъ. Шестая статья II-й главы проекта, говорящая о приобрѣтеніи дворянства, отличается крайней неясностью ²⁾. При обсужденіи проекта, она вызвала оживленные пренія, причемъ депутатамъ пришлось многое повторить изъ того, что они говорили годъ тому назадъ. Эти пренія также ни къ чему не привели. Но нѣсколько засѣданій спустя, депутатъ дмитровскаго дворянства, сенаторъ, тайный совѣтникъ, князь Иванъ Вяземскій снова возвращался къ этому вопросу и внесъ предложеніе (въ засѣданіи 7-го августа) о томъ, что «дослужившіеся до дворянства не должны быть лишены сего званія, и что надо просить

¹⁾ Позднѣе происходившая баллотировка, о которой рѣчь будетъ ниже, даже являю даетъ основаніе думать, что кн. Щербатовъ остался бы въ меньшинствѣ.

²⁾ Вотъ эта статья: „Добродѣтели и заслуги возводятъ людей на степень благородства“.

государыню, чтобы она велѣла вписать въ списокъ дворянъ, кои отъ предковъ благородныхъ рождены и кои дослужились до сего времени». Хотя предложеніе это было внесено несвоевременно, когда собраніе перешло уже въ обсужденію другихъ статей проекта, хотя оно очень плохо сформулировано (о лишеніи кого-либо дворянства изъ достигшихъ уже этого званія, противъ чего направлено предложеніе, и рѣчи не было), но маршалъ допустилъ его и, по обыкновенію, вызвалъ по его поводу новыя пренія. Депутатъ отъ города Дерпта, профессоръ Яковъ Урсинусъ, очень основательно замѣтилъ князю Вяземскому, на вторую часть его предложенія, что списки дворянъ должны находиться въ герольдіи, которая обязана вести ихъ, а потому просить императрицу не о чемъ. Урсинуса поддержалъ купецъ Барвовъ, депутатъ отъ города Опочки. Вслѣдъ за этими заявленіями маршалъ предложилъ желающимъ подписаться, кто съ кѣмъ согласенъ. Къ мнѣнію Урсинуса присоединилось 99 человекъ, къ предложенію Вяземскаго только—19. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и покончилось. Но въ засѣданіи 18-го августа (второе послѣ описаннаго) маршалъ снова обратился къ предложенію Вяземскаго и пригласилъ членовъ баллотировать его.

Такимъ образомъ, собраніе пришло къ единственному случаю баллотированія законодательнаго вопроса. Мы нарочно останавливались съ нѣкоторой подробностью на его зарожденіи, чтобы показать, съ какимъ трудомъ достался онъ маршалу. Можно подумать, что какая-то невидимая сила натолкнула Вяземскаго, совершенно не во-время, внести предложеніе, которое не разъ уже высказывалось многими членами и въ гораздо лучшей формѣ, но безъ всякихъ послѣдствій; и затѣмъ, та же таинственная сила привела мало-по-малу (въ 4-мъ засѣданіи послѣ внесенія) Бибикова—къ голосованію. Можетъ быть, все это дѣло непосредственно направлялось скрытой рукой императрицы.

Предложеніе Вяземскаго для баллотировки было сформулировано маршаломъ слѣдующимъ образомъ: «Надлежитъ ли учинить всеподданнѣйшій докладъ ея императорскому величеству объ учиненіи разбора дворянству и о внесеніи въ списокъ дворянскій какъ рожденныхъ отъ предковъ благородныхъ, такъ и дослужившихся до чину, приносящаго дворянское достоинство?» (Арх., Днев. зан. бол. собр.) Предложеніе было принято большинствомъ 242 голосовъ противъ 157.

Таковъ примѣръ единственнаго баллотированія. Этотъ единственный примѣръ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣромъ полной неспособности маршала вести дѣло законодательства. Съ цѣлью

уясненія одного изъ началъ законодательства о дворянахъ, Вяземскій внесъ свое предложеніе, которое, надо полагать, состояло въ томъ, чтобы дворяне, дослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, и впредь получали дворянское достоинство, хотя онъ выразилъ его крайне плохо и связалъ вмѣстѣ съ неидущей къ дѣлу просьбой о составленіи дворянскихъ списковъ. Маршалу слѣдовало выяснить предложеніе Вяземскаго и поставить вопросъ, какъ онъ намѣченъ предшествовавшими рѣчами. Поставленный же имъ вопросъ не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія; изъ предложенія Вяземскаго въ него вошла только совершенно ненужная часть—просьба къ императрицѣ о составленіи списковъ. Члены собранія, которымъ были очень памятны происходившія передъ тѣмъ пренія о Петровскомъ законѣ, сформулированное маршаломъ предложеніе поняли, конечно, въ духѣ этихъ преній, т.-е. что они просятъ императрицу, чтобы и впредь оберъ-офицеры вносились въ дворянскіе списки, или, что то же, чтобы чинъ оберъ-офицера давалъ дворянское званіе, а потому и приняли это предложеніе значительнымъ большинствомъ ¹⁾.

Получивъ всеподданѣйшій докладъ комиссіи, императрица препроводила его въ сенатъ, а сенатъ, въ которомъ были члены, лучше сенатора Вяземскаго знакомые съ обязанностями герольдіи, отвѣчалъ, что герольдія давно уже составляетъ списки, но, по неизмѣннѣ достаточныхъ свѣдѣній какъ о древнихъ родахъ, такъ и о выслужившихъ дворянское званіе, работы своей къ окончанію привести не можетъ. Таковъ исходъ этой единственной попытки голосованія. Со стороны маршала эта печальная попытка была, конечно, опытомъ привести въ исполненіе письмо императрицы отъ 13-го іюля, о которомъ мы говорили выше.

При чтеніи законовъ о юстиціи зашла рѣчь о частыхъ побѣгахъ крѣпостныхъ. Этимъ воспользовался депутатъ козловскаго дворянства, артиллеріи поручикъ, Григорій Коробынъ, чтобы высказать мнѣніе о необходимости ограничить права помѣщиковъ, такъ какъ причину побѣговъ онъ видѣлъ въ злоупотребленіяхъ помѣщицкой власти. Такъ поднятъ былъ въ комиссіи вопросъ

¹⁾ Что предложеніе Вяземскаго, сформулированное маршаломъ, дѣйствительно было такъ понято, это видно изъ депеши англійскаго посла, лорда Кавендиша, присутствовавшего въ самомъ засѣданіи. Отъ 19 августа 1768 года онъ писалъ: „маршалъ сказалъ мнѣ, какъ мнѣ передавали, что такъ какъ въ предъидущемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы за всѣми лицами, достигшими офицерскаго чина, было признано дворянство, а въ настоящее засѣданіе было подано противоположное тому мнѣніе, то онъ обязанъ рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ посредствомъ баллотированія“... Сб. Р. Ис. Общ., XII, 859.

о предѣлахъ власти помѣщиковъ. Чтобы выступить съ такимъ вопросомъ въ XVIII вѣкѣ, нужна была значительная доля рѣшимости.

Сама императрица Екатерина вынуждена была сдѣлать въ своемъ наказѣ существенныя отступленія отъ первоначальной редакціи статей, въ которыхъ она касалась крѣпостного права. Къ необходимости этихъ отступленій привели ее тѣ замѣчанія, которыя ей пришлось выслушать отъ разныхъ лицъ, которымъ она читала свой наказъ. Содержаніе первоначально составленнаго императрицей наказа, изъ котораго она потомъ выпустила около половины, до сихъ поръ, во всемъ его объемѣ, намъ неизвѣстно. Но мы знаемъ, что въ спискѣ наказа, который былъ сообщенъ ею поэту Сумарокову, прямо говорилось объ освобожденіи крѣпостныхъ. По крайней мѣрѣ, такъ надо думать, читая возраженія Сумарокова.

«Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, — писалъ Сумароковъ: — скудные люди ни пѣвара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанно будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ, — прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Въ другихъ государствахъ, въ Украинѣ — другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отягтя помѣщичьяго покоя не можетъ. Мнѣ въ деревняхъ во вѣки не жить; во всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ (и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи, — прибавила государыня).

«Продавать людей, какъ скотину, — писалъ далѣе Сумароковъ: — не должно; но гдѣ слугъ брать, когда крестьяне будутъ вольны» (Сб. Р. Ист. Общ. X, 85 и сл.).

На основаніи этихъ возраженій можно, кажется, заключить, что въ первоначальномъ наказѣ прямо говорилось объ освобожденіи крѣпостныхъ, иначе эти весьма горячія возраженія не имѣли бы никакого основанія.

Императрица осталась недовольна замѣчаніями Сумарокова. Она нашла, что «г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобы быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ»... Надо, однако, полагать, что подобныя же замѣчанія, на мысль объ освобожденіи крестьянъ, она слышала и отъ другихъ лицъ. Известно выраженіе Н. И. Панина. Выслушавъ нѣкоторыя части наказа, онъ сказалъ: «*Ce sont des axiomes à renverser des murailles*». Мы не имѣемъ достаточнаго основанія думать, чтобы мысли первоначальнаго наказа, относящіяся до нашего государственнаго устройства, чѣмъ-нибудь отличались отъ мыслей наказа напечатаннаго; а потому это замѣчаніе Н. И. Панина находимъ возможнымъ отнести только къ мыслямъ государыни о вольности крестьянъ, да развѣ еще въ отнѣсѣнныя пытки и нѣкоторымъ другимъ нововведеніямъ въ области уголовного права.

Приведенныя замѣчанія императрица слышала отъ дворянъ, говорились они въ ихъ интересѣ, а по наказу дворяне—опора монархіи. Естественно, что она не могла остаться равнодушной къ нимъ. Благодаря этому, въ наказѣ, данномъ комиссіи, объ освобожденіи крестьянъ уже нѣтъ рѣчи, императрица даже прямо говоритъ: «Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» (260). Все дѣло сводится къ тому, что «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго работъ имуществъ» (261). Но и это робкое «могутъ» замѣняется слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: «Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе, весьма сходственное съ естественнымъ, есть то, котораго частное распоряженіе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, для котораго учреждается» (262). Это заключеніе допускаетъ весьма различныя толкованія и можетъ быть даже приведено съ пользою для защиты мнѣнія Сумарокова.

Въ слѣдующихъ далѣе статьяхъ императрица касается съ крайней осторожностью вопроса о поборахъ съ крестьянъ. Она не рѣшается даже высказывать мысли о необходимости установленія какой-либо опредѣленной нормы крестьянскихъ повинностей, а только находитъ нужнымъ предписать закономъ, чтобы помѣщики съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и такіе поборы брали, которые бы меньше отлучали мужика отъ его дома и семейства (270). Нѣкоторыя другія статьи, касающіяся удрученнаго положенія подданныхъ (276, 277, 288, 295 и др.), императрица даже не рѣшилась отнести прямо къ преступнымъ, хотя онѣ и могутъ быть истолкованы въ ихъ пользу.

Такой осторожностью и даже нерѣшительностью отличаются статьи обнародованнаго наказа¹⁾. Въ виду сопротивленія, которое встрѣтила сама государыня въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, мы не будемъ, конечно, ожидать, что Коробьинъ, довольно близко стоявшій къ руководящимъ людямъ комиссіи, прямо выступитъ съ проектомъ освобожденія крѣпостныхъ. Гораздо позднѣе, въ началѣ нашего столѣтія, не только освобожденіе крестьянъ, но даже проектъ закона о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли не нашелъ сочувствія въ государственномъ совѣтѣ временъ императора Александра I (Иконникова, «Мордвиновъ», 274). Коробьинъ предложилъ установить съ крѣпостныхъ опредѣленные закономъ новинности и признать за ними право собственности на ихъ имущество. Это предложеніе свое Коробьинъ подкрѣпляетъ ссылками на наказъ, но оно идетъ далѣе наказа и отличается болѣею опредѣленностью и рѣшительностью.

Мы приведемъ, хотя въ извлеченіи, голосъ дворянина Коробьина, такъ рѣзко выдѣлившагося изъ среды своихъ собратьевъ. «Когда токмо войду въ такіа мысли, — говорилъ Коробьинъ о своихъ размышленіяхъ относительно причинъ частыхъ крестьянскихъ побѣговъ, — то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради должны бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Они берутъ съ крестьянъ болѣе обыкновенной подати, отдають ихъ въ работу къ своимъ кредиторамъ зарабатывать проценты своихъ долговъ, отбирають крестьянское имущество. Но ежели все сіе безпристрастно рассмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству. Ибо тогда только процвѣтаетъ, или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны; отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ къ защищенію своего отечества распаляющійся происходитъ. Но какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа обществу, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ; разоряя крестьянъ, разоряются всѣ прочіе въ государствѣ... Если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами пред-

¹⁾ Крайняя осторожность императрицы въ крѣпостномъ вопросѣ, къ которой пришла она по выслушаніи замѣчаній на свой наказъ, съ особенной яркостью выступаетъ изъ сличенія «Начертанія о приведеніи работъ комиссіи къ окончанію» съ «Опытомъ» графа Шувалова. Въ опытѣ говорится о томъ, чтобы крестьянъ не продавать безъ земли и изъ вотчинъ въ вотчину, безъ ихъ согласія, не переводить; дворовыхъ же вовсе не продавать. Въ «Начертаніи» все это опущено.

писано; то симъ бы образомъ могла пресѣчься злоупотребленія, происходящія отъ неограниченной власти помѣщика надъ имѣніями своихъ крестьянъ». Сославшись затѣмъ на 215 и 261 ст. б. н., Коробинъ продолжалъ: «Надлежитъ, слѣдовательно, предписать законами, дабы земледѣльцы вѣдали, что они имѣютъ своего собственнаго. Премудрое умствозаніе, изъясняющее матернее сердце! Видите, почтенные гг. депутаты, что матеръ наша къ намъ вѣщаетъ. Она внушаетъ, что земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Она учитъ, что земледѣліе въ томъ обществѣ весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ крестьяне ничего не признаютъ за свое собственное... Надобно предписать закономъ, чтобы крестьянинъ платилъ своему помѣщику ежегодно известную дань, однакоже, по силѣ 277 ст. даннаго намъ наказа, умѣренную»...

Коробинъ хорошо понималъ, что голосъ его не можетъ разсчитывать на сочувствіе большинства дворянъ, и потому постарался сказать, что нашелъ возможнымъ, и для ихъ успокоенія. Въ заключеніи своего голоса онъ разъясняетъ, что дѣло идетъ только объ огражденіи имущественныхъ правъ крестьянъ, права же помѣщиковъ по управленію своими подданными остаются неприкосновенными. Пилюля была позволочена, что не укрылось отъ вниманія противниковъ Коробина, упрекавшихъ его потомъ въ противорѣчіи.

Мнѣніе Коробина вызвало многочисленныя возраженія. Первымъ выступилъ противъ него депутатъ углицкаго дворянства, генералъ-маіоръ Опочининъ. Онъ не находилъ полезнымъ имѣть крѣпостныхъ и не касаться ихъ имущества. Это должно было повести, по его мнѣнію, только къ ненависти между помѣщиками и ихъ подданными. Въ этомъ же смыслѣ высказался депутатъ зарайскаго дворянства, отставной капитанъ Кондыревъ. Представитель дворянства тверскаго уѣзда, лейбъ-гвардіи подпоручикъ Неклюдовъ, доказывалъ, что Россія никогда не чувствовала никакого вреда отъ власти помѣщиковъ, всякія ограниченія ея находилъ бесполезными, такъ какъ побѣги, по его мнѣнію, происходятъ единственно отъ развращенія нравовъ, и, наконецъ, обратилъ вниманіе на непоследовательность Коробина: «ограничить поборы и оставить власть по-прежнему—снѣ два существа вмѣстѣ быть не могутъ», такъ заключилъ онъ свою рѣчь. Противъ Коробина выступилъ и кн. М. М. Щербатовъ. По его мнѣнію, крестьяне бѣгаютъ не отъ одного неправосудія и издѣлиства помѣщиковъ, но и отъ пространства російской имперіи, вмѣщающаго въ себѣ 8 климатовъ по земному шару, что понуж-

дасть многихъ искать способѣйшаго жилища». Остановившись на вопросѣ о привнаніи за крестьянами права собственности на земли, онъ спрашивалъ: «откуда взять имъ земли? Если у помѣщиковъ, то это значитъ лишить ихъ кровью приобрѣтеннаго». Это дало ему поводъ снова распространиться о заслугахъ дворянскаго сословія и обратить вниманіе собранія на отеческія отношенія помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Особенной язвительностью отличается возраженіе депутата муромскаго дворянства, отставнаго гвардіи капитана Ивана Чадаева. Онъ находилъ, что «мнѣніе Коробына, дабы осчастливить государство изобрѣтеніемъ новѣйшей пользы, есть столь похвально, сколь важно его содержаніе; но способы, къ тому предложенные, единою мечтою назвать должно... Не стѣсненіемъ власти благонаправныхъ помѣщиковъ, но исправленіемъ злонравныхъ благоденствіе земледѣльцамъ доставить должно». Депутатъ тамбовскаго дворянства, камеръ-юнкеръ Лопухинъ, выразилъ опасеніе, что уменьшеніе власти помѣщиковъ произведетъ разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердись отечество наше достигло столь высокой степени славы и благоденствія.

Мы исчерпали всѣ существенные мотивы противниковъ Коробына, которые принадлежали, исключительно, къ представителямъ дворянскаго сословія, и перейдемъ теперь къ его сторонникамъ, которыхъ онъ нашелъ какъ между дворянами, такъ и среди представителей другихъ сословій. Чтобы познакомить съ ихъ аргументаціей, мы приведемъ выдержки изъ рѣчей двухъ депутатовъ: Козельскаго и Чупрова.

Депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи (днѣпровскаго пикинернаго полка), маіоръ Яковъ Козельскій, находилъ необходимымъ опредѣлить барщину въ два рабочихъ дня въ недѣлю, а для оброчныхъ имѣній—оброкъ стоимостью двухъ рабочихъ дней, по мѣстнымъ цѣнамъ. Движимое и недвижимое имущество крестьянъ должно было остаться въ ихъ пользованіи, съ тѣмъ, чтобы безъ позволенія помѣщика они не могли закладывать его и продавать; но владѣли бы имъ потомственно, безъ вмѣшательства помѣщика. Развивъ эти положенія, онъ обратилъ вниманіе собранія на пчелу, которая защищаетъ приобрѣтенное трудомъ своимъ и жалитъ, и продолжалъ: «крестьянинъ впередъ знаетъ, что все, что бы ни было у него, то не его, а помѣщиково; каковому человѣку надобно, въ такомъ случаѣ, быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И какъ ему быть добронравну и добродѣтельному, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ семъ насиліи онъ принужденъ и себѣ недоброхот-

ствовать, а отъ того и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣности.... И верховная власть, по самодержавію своему, не требуетъ болѣе опредѣленной всякому службы; желать владѣть крестьянами безпредѣльно—значить желать большаго».

Депутатъ отъ чернососныхъ крестьянъ архангелогородской провинціи, Иванъ Чупровъ, на утвержденіе тѣхъ депутатовъ, которые говорили, что помѣщичьи крестьяне болѣе поощряются къ хлѣбопашеству, чѣмъ государственные, и что господа поддерживаютъ своихъ крѣпостныхъ во время голода и другихъ бѣдствій, отвѣчалъ: «о таковыхъ весь свѣтъ знаетъ, кто у кого подъ защитою и въ добромъ поведеніи и въ немучительствѣ жителство имѣетъ, у помѣщика, или у ховяина, того похулить едва ли кто отважится; да и не на тѣхъ помѣщиковъ поношеніе, которые благоразумными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ, да и г. депутатъ Коробьинъ не о таковыхъ, но о безмѣрно мучающихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ представляетъ, а по слуху довольно таковыхъ признается: недовольны тѣмъ, что по желанію своему, по окладу, съ души берутъ деньгами, съ нихъ же еще и съ домашняго произращенія сверхъ денегъ собираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ; почему оный г. депутатъ и правильно желаетъ узаконить, въ чемъ помѣщикамъ имѣть власть надъ крестьянами». Далѣе Чупровъ нашелъ полезнымъ отвѣтить кн. Щербатову, на вновь высказанную имъ похвалу дворянству: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо, и честь дворянская за достоинство почитается, да однако же и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность состоитъ, чаю, что по возможности своей и все отправляютъ; только нынѣ дѣло не о томъ идетъ, и гг. депутаты не на то собраны, чтобъ чести себѣ приписывать, но въ сходственность большого наказа о узаконеніи всѣхъ вообще и каждого особенно. То по сему, никакой вещи не надо остаться безъ узаконенія и для того не должны, кажется, оставить безъ опредѣленнаго закона и помѣщичьихъ крестьянъ» (Арх. Дневн. зан. бол. собр.).

Кто же остался побѣдителемъ въ этомъ любопытномъ спорѣ представителей русской земли XVIII вѣка, рѣшеніе котораго должно было глубоко повліять на послѣдующія судьбы нашего отечества? Къ сожалѣнію, мы лишены возможности отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ какъ маршалъ, по обыкновенію, ограничился выслушиваніемъ замѣчаній, но преній не направлялъ, согласительнаго предложенія не внесъ, вопроса не поставилъ и голосованія не произвелъ.

Нѣкоторые изъ изслѣдователей, вниманіе коихъ останавливалось на екатерининской комиссіи, основываясь на томъ, что число лицъ, говорившихъ противъ ограниченія помѣщичьихъ правъ, было больше говорившихъ въ его пользу, приходятъ въ заключенію, что Коробьинъ поднялъ безнадежный вопросъ, которому суждено было полное пораженіе въ комиссіи. Другіе повторяютъ это мнѣніе. Не думаемъ, чтобы такое заключеніе было вѣрно. Въ преніяхъ принимало участіе всего около 16 депутатовъ, изъ которыхъ 6 говорили за ограниченіе, 10 противъ, комиссія же состояла болѣе чѣмъ изъ 500 депутатовъ. При голосованіи, голоса распредѣляются не пропорціонально числу говорившихъ «за» и «противъ», а соотвѣтственно распредѣленію интересовъ среди депутатовъ. Большинство дворянъ, вѣроятно, было бы противъ; но и между ними нашлись бы сторонники ограниченія. Коробьинъ и Ковельскій живое тому доказательство. За ограниченіе были и нѣкоторые другіе дворянскіе депутаты, не принявшіе участія въ преніяхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ графъ П. И. Панинъ. Это мы знаемъ изъ записки, поданной имъ императрицѣ Екатеринѣ и приведенной въ вышепомянутой статьѣ профессора Соловьева. Панинъ, согласно съ Коробьиннымъ, думалъ, что въ бѣгству ведетъ крестьянъ, между прочимъ, и неограниченная помѣщичья власть. Для ограниченія ея онъ предлагалъ: запретить продажу въ рекруты и съ раздробленіемъ семей; сочинить примѣрное на все государство положеніе о крестьянскихъ работахъ и податяхъ; барщины назначить 4 дня въ недѣлю, причемъ крестьянинъ не долженъ былъ пахать въ сутки болѣе 1 десятины, косить болѣе 3 копенъ сѣна, рубить болѣе 1¹/₂ сажень дровъ; оброкъ не долженъ былъ превышать 2 рублей. Но все это «примѣрное положеніе» не для публикаціи, а только для секретнаго предписанія губернаторамъ. Мнѣніе гр. Панина отличается, такимъ образомъ, крайней осторожностью и не идетъ такъ далеко, какъ мнѣнія, выраженные въ комиссіи, но въ принципѣ онъ признаетъ необходимость ограниченія и, слѣдовательно, согласенъ съ Коробьиннымъ. До насъ дошли два письма князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, нашего носла при Версальскомъ дворѣ, въ вице-канцлеру кн. Александру Михайловичу Голицыну, члену комиссіи. Въ первомъ письмѣ, отъ 1765 года, онъ говоритъ о пользѣ предоставленія вѣрноподаннымъ права собственности на ихъ земли; во второмъ, отъ 1766 года — на движимости. (Рус. Вѣст. 1876, № 2). Этотъ Голицынъ не былъ членомъ законодательной комиссіи. Но думаемъ, что будетъ

большою несправедливостію къ именитымъ представителямъ дворянскаго сословія утверждать, что только двое изъ ихъ среди сознавали всю несправедливость и государственный вредъ крѣпостныхъ порядковъ ихъ времени ¹⁾. Отъ ихъ молчанія въ комиссіи нельзя еще заключать къ образу ихъ мыслей. Въ проектъ правъ благородныхъ было внесено постановленіе о свободныхъ деревняхъ, а проектъ правъ крѣпостныхъ признаетъ за крестьянами право собственности на ихъ движимости и говоритъ объ учрежденіи для крѣпостныхъ особаго крестьянскаго суда и о правѣ ихъ жаловаться на помѣщика, если онъ будетъ ихъ разорять, а, между тѣмъ, ни авторы этихъ проектовъ, ни члены дирекціонной комиссіи, одобрившей его, не приняли никакого участія въ преніяхъ большаго собранія. Они могли сохранять молчаніе по нежеланію спуститься на арену публичныхъ преній, гдѣ крестьянинъ Чупровъ дѣлаетъ наставленіе князю Щербатову, справедливости котораго они не могли же не признать.

Иначе должно было отнестись къ предложенію Коробьина большинство представителей другихъ сословій, для которыхъ крѣпостное право не представляло никакихъ выгодъ, а наоборотъ — одни неудобства. Мы знаемъ, что купцы прямо жалуются комиссіи на то, что они не могутъ конкурировать съ дворянами, такъ какъ дворяне располагаютъ для своихъ фабрикъ и заводовъ даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, а они должны оплачивать трудъ своихъ наемныхъ работниковъ. Вотъ почему есть достаточное основаніе думать, что большинство представителей другихъ сословій было бы на сторонѣ ограниченія помѣщичьей власти, злоупотребленія которой были у всѣхъ передъ глазами, польза же доставалась только однимъ дворянамъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что среди представителей русской земли XVIII вѣка были люди, которые правильно понимали государственныя потребности своего отечества, умѣли цѣнить хорошее въ Петровскихъ реформахъ и имѣли достаточно мужества для борьбы съ такою старою язвой, какъ крѣпостное право.

¹⁾ Еще въ пользу ограниченія помѣщичьей власти изъ именитыхъ современниковъ комиссіи высказался графъ Яковъ Сиверсъ, новгородскій губернаторъ. Причину крестьянскихъ побѣговъ онъ усматривалъ, какъ и Коробьинъ, въ неограниченной власти дворянъ налагать на крѣпостныхъ какой угодно оброкъ, и требовалъ правительственнаго опредѣленія количества оброка и рабочихъ дней.—Соловьевъ, Ист. XXVI, 187. Сиверсъ не былъ депутатомъ, но могъ присутствовать въ комиссіи въ качествѣ губернатора.

Не голосъ русскаго народа, къ радости всей Россіи, раздавшійся въ комиссіи, производить грустное впечатлѣніе. Нѣтъ! грустное впечатлѣніе производить полное неумѣнье руководящихъ людей воспользоваться этимъ голосомъ и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ, которыя могли составить лучшую славу екатерининскаго царствованія.

VI.

ОТОРОЧКА ЗАСѢДАНІЙ.

Сдѣланный нами разборъ условій, которыми была обставлена дѣятельность комиссіи, достаточно уже уясняетъ исходъ ея занятій.

«18-го декабря 1768 года маршалъ Бибиновъ объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ имъ по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ же частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія» (Полѣновъ, I, XX).

Объявленіемъ войны императрица вовсе не думала воспользоваться какъ средствомъ для прекращенія занятій неудобной ей комиссіи. Война дѣйствительно требовала отсрочки засѣданій большого собранія. Это ясно изъ состава комиссіи. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ—92 состояли въ военной службѣ; въ нимъ надо причислить 54 представителя казацкихъ войскъ, которые также не могли оставаться въ Петербургѣ. За отъѣздомъ этихъ депутатовъ, дѣятельность большого собранія, конечно, не могла продолжаться. Кромѣ того, письменная работа въ значительной мѣрѣ велась также военными людьми: прапорщиками, каптенармусами, сержантами и нр., временно прикомандированными къ комиссіи. Они тоже должны были уѣхать. Еще до указа императрицы, одни члены комиссіи сами заявили о желаніи своемъ присоединиться къ полкамъ, другіе—были вызваны своими начальниками. Такъ, еще 29 ноября князь Голицынъ, начальникъ первой арміи, которому было подчинено и донское

казацкое войско, просилъ прислать къ нему депутата, войскового старшину Сулина, извѣстнаго ему какъ знатока казацкой службы. Вслѣдъ затѣмъ онъ просить отпустить и генераль-поручика Ренненкампа, подписавшаго извѣстное заявленіе о балтійскихъ привилегіяхъ. То же дѣлають и другіе начальники: графъ Григорій Орловъ, генераль-кригсъ-коммиссаръ Глѣбовъ, графъ Петръ Панинъ, которые и сами были членами комиссіи. Графъ Панинъ еще 13 декабря просилъ отпустить изъ комиссіи всѣхъ депутатовъ и офицеровъ по письменной части, входившихъ въ составъ московскаго полка, который уже выступилъ въ походъ противъ турокъ. За недѣлю до этого, поручикъ московскаго полка Астафьевъ самъ просится объ увольненіи, желая раздѣлить участь своего полка (Арх. Журналы). Дѣятели комиссіи разъѣзжаются еще до указа императрицы.

Въ виду этого, отсрочка засѣданій большаго собранія была неизбежна, и императрица дѣйствительно предписала отсрочку, а не замаскированное распущеніе. Предсѣдатель комиссіи, приписывавшій неудовлетворительный ходъ занятій большаго собранія его многочисленному составу, а не своему неумѣнью взяться за дѣло, нѣсколько разъ обращался къ императрицѣ съ представленіемъ о невозможности совѣщаться съ такимъ большимъ числомъ представителей (Біографія, 122, 131). Несмотря на эти неоднократныя представленія, Екатерина во все свое царствованіе не распустила большаго собранія, по крайней мѣрѣ мы не встрѣтили такого указа. Ей больно было, конечно, отказаться отъ замысла, на который она возлагала такіа блестящія надежды. Въ полномъ собраніи законовъ отпечатано нѣсколько указовъ, которыми засѣданія комиссіи еще въ семидесятыхъ годахъ нѣсколько разъ отсрочивались: сперва до 1 мая 1772 годъ, потомъ до 1-го августа и 1-го ноября того же года, и послѣдній до 1-го февраля 1773 года. Такимъ образомъ, еще въ 1773 году императрица рассматривала комиссію какъ существующую. Такъ же смотрѣли на нее и въ обществѣ. Въ томъ же году, бѣлорусскій генераль-губернаторъ, графъ Чернышевъ, просилъ императрицу о дозволеніи жителямъ двухъ вновь присоединенныхъ бѣлорусскихъ губерній прислать въ комиссію составленія проекта новаго уложенія депутатовъ. На этой просьбѣ императрица положила высочайшую резолюцію: «Быть по сему». Послѣднее извѣстіе о комиссіи, которое мы встрѣтили, относится къ 1775 году: въ этомъ году «уложенная комиссія» была помянута въ числѣ тѣхъ учреждений, которыя прибыли съ императрицею изъ

Петербурга въ Москву и теперь должны были возвратиться обратно. Такимъ образомъ, екатерининская комиссія никогда не была распушена, — она просто была забыта.

Эта смерть комиссіи отъ забвенія, — при неправильной постановкѣ задачи ея, при многихъ недостаткахъ организаціи и, наконецъ, при полномъ неумѣнн руководящихъ людей не только исправить искуснымъ примѣненіемъ первоначально допущенныя ошибки, но просто привести въ исполненіе то, что въ предписаніяхъ Екатерины было исполнимаго, — совершенно понятна. Великая мысль императрицы, призвать къ участию въ законодательствѣ представителей всѣхъ сословій и, такимъ образомъ, дать подданнымъ своей обширной имперіи, принадлежащимъ къ разнымъ народностямъ и разнымъ исповѣданіямъ, высшее единеніе, — разбилося, встрѣтившись съ полнымъ неумѣнн дать ей практическое осуществленіе. Въ теченіи года и 6 мѣсяцевъ комиссія не сдѣлала ни одного постановленія по существу законодательныхъ вопросовъ, несмотря на всѣ усилія императрицы помочь ей. Такимъ направленіемъ дѣла маршалъ доказала бесполезность ея гораздо лучше, чѣмъ могли это сдѣлать его неоднократныя представленія. Императрица потеряла, наконецъ, вѣру въ комиссію, а потому и не возобновила ея засѣданій.

Истинныя причины этого факта не были правильно поняты въ свое время. Сенаторъ Бибииковъ, сынъ маршала, въ жизнеописаніи своего отца, высказываетъ такую мысль: «Предпріятіе сіе было рановременно;... нѣкоторые же изъ депутатовъ, увлекаемые вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти, другіе предлагали уничтоженіе рабства»... Вотъ корень тѣхъ обвиненій комиссіи, которыя распространены въ нашемъ обществѣ. Исходя изъ источника, столь близкаго къ маршалу, эти обвиненія легко находили вѣру. Тѣмъ не менѣе, они совершенно неосновательны. Дневныя записки большого собранія, содержащія полную лѣтопись его занятій, нынѣ уже печатаются. Въ нихъ ничего нѣтъ, что бы могло оправдать приписываемыя Бибииковымъ нѣкоторымъ депутатамъ «ухищренія». Думать, что дневныя записки скрыли эти ухищренія, нѣтъ ни малѣйшаго основанія: онѣ писались не для печати, а для поднесенія самой императрицѣ. Скрыть же что-нибудь отъ государыни не было возможности: въ самомъ собраніи было слишкомъ много людей, лично преданныхъ ей, да и сама она, нерѣдко, была невидимой свидѣтельницей происходившаго, — фактъ, вызвавшій неодобреніе со стороны англичанина Ширлея, но не казав-

пійся стѣснительнымъ нашимъ депутатамъ, которые, наоборотъ, восхищались этимъ невидимымъ присутствіемъ государыни. Исторія едва ли представляетъ примѣръ собранія представителей народа, болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и предержавнымъ властямъ. Екатерининская коммиссія ни единымъ заявленіемъ, хотя бы одного своего члена, не погрѣшила противъ поученія апостола: «нѣсть бо власть аще не отъ Бога».

Что касается другого упрека, состоящаго въ томъ, что члены коммиссіи, проникнутые вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, то и онъ также несправедливъ. Члены коммиссіи предлагали не уничтоженіе рабства, а только нѣкоторые ограниченія помѣщичьей власти. Предлагавшіе это члены имѣли на своей сторонѣ государыню, которая въ первоначальномъ наказѣ шла даже далѣе ихъ предложеній и, конечно, вовсе не была испугана вольнодумствомъ Коробкина и его сторонниковъ.

Если царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году издалъ соборное уложеніе, то приглашеніе депутатовъ, съ той же цѣлью, императрицею Екатериною никакъ уже не можетъ быть рассматриваемо какъ преждевременное. Правда, въ той формѣ, въ которой императрица задумала свою коммиссію, она была неосуществима, но въ этой формѣ она никогда и нигдѣ не могла осуществиться. Здѣсь вина не въ основной мысли законодательства при участіи представителей народа, а въ неправильно-выбранномъ способѣ осуществленія этой мысли. Депутатскіе наказы ставили дѣло законодательства вполне практично. Насколько императрица отпаивалась отъ нѣсколько смутныхъ идей, навѣянныхъ на нее чтеніемъ французскихъ книгъ, настолько же представители русской земли исходили изъ нашего дѣйствующаго права, заботясь единственно объ исправленіи его и объ облегченіи нѣкоторыхъ совсѣмъ уже непомѣрныхъ тягостей и злоупотребленій. При такомъ направленіи депутатовъ, дѣло законодательства ставилось на реальную почву и непреодолимыхъ затрудненій не представляло.

Неудачный исходъ екатерининской коммиссіи можно было предвидѣть. Надо только жалѣть, что истинныя причины его не были поняты своевременно. Это могло бы повести къ новымъ, болѣе удачнымъ опытамъ и, во всякомъ случаѣ, спасло бы благое начинаніе Екатерины отъ того недовѣрія, которое и до сихъ поръ еще примѣшивается къ воспоминанію о немъ. Печатаемые теперь акты коммиссіи снимутъ незаслуженно наброшенную на нее тѣнь подозрѣнія и представятъ дѣянія ея въ ихъ истинномъ

свѣтъ. Они раскроютъ множество ошибокъ, которыми съ самаго начала было обставлено это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ раскроютъ и то чувство строгой законности, и ту умѣренность желаній, которыя проявили въ эту памятную эпоху представители русской земли, и дадутъ намъ возможность взглянуть на положеніе Россіи XVIII вѣка при блескѣ того свѣта, которымъ на минуту освѣтила всѣ закоулки нашего обширнаго отечества гениальная мысль великой государыни ¹⁾).

В. СЕРГѢЕВИЧЪ.

¹⁾ На эту заслугу комиссіи указала сама императрица: „Комиссія уложенія,—сказала она,—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свидѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пенсись должно... Стали многіе о цѣтахъ судить по цѣтамъ, а не яко слыше о цѣтахъ“.

ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ.

ПОЭТЪ.

Прошла моя печаль, подобно сновидѣнью,
И нынче слѣдъ ея летучій и пустой
Готовъ я приравнять ночному испаренью,
Упавшему въ траву невидимой росой.

МУЗА.

Скажи, что было то, поэтъ?
Когда же дашь ты мнѣ отвѣтъ?
Давно, давно ужъ я гадаю,
Какая тайна у тебя,
За что покинуть ты меня,
За что напрасно я страдаю?

ПОЭТЪ.

О, то была печаль изъ самыхъ обыденныхъ,
Знакома каждому навѣрное она,
И жалкой лишь душѣ больныхъ и огорченныхъ
Сдается, что для нихъ неправда создана.

МУЗА.

Довѣрься мнѣ въ ночной тиши, —
У обыденной лишь души

Печаль быть можетъ обиденной.
 Раскрой свою больную грудь,
 Чтобъ могъ свободно ты вздохнуть,
 Отъ горькой тайны облегченный.
 Вѣдь знаешь ты, — молчанья богъ
 Печалень, сумраченъ и строгъ,
 И братомъ смерти онъ зовется.
 Отраду жалоба дастъ,
 И съ сердца бремя упадетъ,
 Какъ рѣчь цѣлебная польется.

П О Э Т Ъ.

Повѣришь-ли, меня беретъ уже раздумье,
 Какъ долженъ я тебѣ печаль свою назвать?
 Была-ли то любовь, иль опытъ, иль безумье,
 И можетъ ли она другого поучать.
 Но все же я готовъ теперь передъ тобою
 Ту повѣсть мрачную излить наединѣ.
 Присяжь тутъ съ лирою: волшебною струною
 Буди прошедшее, уснувшее во мнѣ.

М У З А.

Поэтъ! Еще одинъ вопросъ:
 Скажи, — давнишнее то горе
 Вѣдь ты безъ злобы перенесъ?
 Ты больше съ прошлымъ не въ раздорѣ? —
 Чтобъ быть подругою твоей,
 Чтобъ слово вымолвить участя, —
 Я не должна дѣлить страстей,
 Тебя доведшихъ до несчастья.

П О Э Т Ъ.

О, да! Я исцѣленъ безслѣдно отъ недуга,
 И какъ страдалъ — забылъ. Надъ пропастью крутой,
 Гдѣ прежде я висѣлъ, мнѣ, кажется, подруга,
 Что будто бы стоялъ не я, а кто другой.
 Порывовъ нѣчего тебѣ моихъ бояться,
 Согласны мы съ тобой, надѣюсь, можетъ быть.

Какъ сладко горевать и сладко улыбаться
Надъ тѣми музами, что вправѣ мы забыть.

МУЗА.

Какъ мать съ любовью, осторожно
Качаетъ сонное дитя,
Такъ я пугливо и тревожно
Готова выслушать тебя.
Начни рассказъ,—отвѣтомъ нѣжнымъ
У лиры струны зазвучать,
И вотъ, въ сіяньи безмятежномъ,
Ужъ тѣни прошлаго летать.

ПОЭТЪ.

О ты, мой милый трудъ,—отрада лучшихъ дней,
Уединенье золотое!
Опять, мой кабинетъ, сижу въ тиши твоей,
Мое убижище святое!
Знакомцы старые, давно ужъ не видалъ
Я васъ, забытые, родные.
Вотъ лампа вѣрная, съ которой я мечталъ
Въ часы безмолвные, ночные;
Вотъ кресло пыльное... О, чудный мой дворецъ,
Пріютъ спокойствія и мира!
Да, муза юная, вернулся твой пѣвецъ,
Воскресла дремлющая лира!
Хочу я вамъ теперь страданья рассказать
Любви, исполненной отравы:
Увы, мои друзья, то женщина опять...
(Ужъ вы предвидѣли? — И правы!)
У этой женщины я вѣчно былъ въ рукахъ,
Какъ рабъ, покорный господину;
Въ ея безжалостныхъ, губительныхъ ногтяхъ
Порвалъ я сердца половину!
И все же я скажу: нерѣдко близъ нея
Вдали я видѣлъ счастья грѣзы,
Когда мы подъ-руку бродили у ручья
Подъ тѣнью трепетной берѣзы,
И въ мѣсячныхъ лучахъ на тихомъ берегу
Песокъ волшебнo серебрился,

А я ее ласкалъ... Довольно... Не могу!
 Въ чему, безумный, я стремился?
 Навѣрное въ тотъ мигъ была судьбѣ нужна
 Зачѣмъ-то жертва искупленья,
 И злобно за любовь отмстила мнѣ она,
 Какъ будто счастье—преступленье!

МУЗА.

Минута сладкая игриво
 Мелькнула въ памяти твоей,—
 Скажи, зачѣмъ же ты пугливо
 Сдержался слѣдовать за ней?
 Зачѣмъ въ бесѣдѣ откровенной
 Были радости тайны?
 Не лучше-ль, въ тонъ судьбѣ надменной
 Объ ихъ заманчивости бренной
 Теперь съ улыбкой говорить.

ПОЭТЪ.

Нѣтъ! Лучше я взгляну съ презрѣніемъ на горе;
 Теперь, уже остывъ отъ времени къ нему,
 Тебѣ я расскажу, съ улыбкою во вѣорѣ,
 О томъ, какъ я страдалъ, когда и почему...
 Я помню, ночь была осенняя дождлива,
 Почти такая же, какъ видишь ты сейчасъ,
 И вѣтеръ жалобный въ душѣ моей тоскливо
 По струнамъ горестнымъ наигрывалъ не разъ.
 Сидѣлъ я у окна, въ тревожномъ ожиданьи
 Прислушивался я, идетъ ли кто-нибудь...
 Я ждалъ ее... Все нѣтъ!.. Въ невольномъ содроганьи
 Поникъ я головой, и въ любящую грудь
 Вонзилось черное, больное подозрѣнье:
 Измѣна, можетъ быть?... Какъ прежде, за окномъ
 Молчала улица и, точно привидѣнье,
 Подчасъ прохожіе мелькали съ фонаремъ.
 То вдругъ ненастный вихрь мнѣ слышался за дверью,
 И въ немъ чудился мнѣ живой, знакомый вѣдохъ:
 Чего-чего тогда, отдавшись суевѣрью,
 Въ душѣ своей больной придумать я не могъ!
 Напрасно я взывалъ къ своей послѣдней силѣ,

Напрасно отъ нея поддержки ожидалъ,
 Часы урочные безжалостно пробили,
 А милой нѣтъ и нѣтъ... Я плакалъ, я дрожалъ,
 И все еще искалъ съ безпомощной тоскою
 Я тѣнь желанную на брошенномъ пути...
 О, Муза, вѣришь ли, той женщиной пустою
 Безумный былъ огонь зажженъ въ моей груди!
 Все въ мірѣ для нея готовъ я былъ оставить,
 Труднѣй, чѣмъ съ жизнію, разстаться было съ ней,
 И даже въ эту ночь я долженъ былъ лукавить,
 Хитрить съ самимъ собой, стремясь порвать скорѣй
 Всѣ цѣпи прошлаго. Я звалъ ее презрѣнной,
 Я ей приписывалъ всѣ горести свои,
 По образъ красоты небесной, несравненной
 Властительно смиралъ всѣ жалобы мои.
 Зажглась уже заря, и я въ изнеможенъ,
 Убитый, на окнѣ тревожно задремалъ;
 Когда-жъ очнулся я,—въ природѣ пробужденье
 Настало мирное, и утра лучъ сіялъ.
 И вдругъ услышалъ я, по улицѣ сосѣдней
 Какъ будто пронеслись тревожные шаги.
 Я слушаю, гляжу, измученный и блѣдный,
 И что же? То—она! О, Боже помоги...
 Она ко мнѣ идетъ...—Вошла: ей гора мало!
 Откуда ты? Зачѣмъ? Гдѣ ночью ты была?
 Гдѣ тѣло чудное въ часы любви лежало?
 Смѣяться надо мной поутру ты пришла?
 Ты знаешь,—я всю ночь проплакалъ на сторбѣ,
 А ты, любовь свою дѣлила ты съ другимъ?
 Скажи, безстыдная, на чьемъ была ты ложѣ?
 Какъ смѣешь думать ты, что буду я твоимъ,
 Что я къ объятіямъ усталымъ, ненасытнымъ,
 Со страстью нѣжною и ласкою прильну?
 Иди, вернись опять къ дѣламъ своимъ постыднымъ,
 А я на вѣкъ любовь и молодость клянупо!..

МУЗА.

Смирись, смирись! Я умоляю,
 Отъ словъ несдержанныхъ твоихъ
 И я тревожусь и страдаю.
 Едва ли твой недугъ затихъ!

Должно быть, раною глубокой
 Ты былъ когда-то пораженъ.
 Тяжелъ ударъ судьбы жестокой,
 Не такъ легко проходить онъ.
 Забудь ее, дитя родное!
 Ты нмѣ, прежде дорогое,
 Сворѣй изъ сердца изгони,
 Иль, какъ чужое, вспомни.

П О Э Т Ъ.

О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
 Дала измѣну испытать,
 Извѣдать гнѣвъ, порывы злые
 И вѣру въ счастье потерять.
 Тебѣ, тебѣ я, черноокой,
 Тебѣ я шлю проклятье вновь:
 Ты погребла во тѣмѣ глубокой
 Мои надежды и любви!
 Твоя улыбка, взоръ лукавый,
 Твоя губительная рѣчь
 Мнѣ грудь наполнила отравой,
 И былъ бы я готовъ обречь
 Теперь на гибель все земное,
 Въ чемъ есть на радости намѣкъ:
 За то—тебѣ, созданье злое,
 За то—красѣ твоей упрѣкъ!
 Любви восторженные грезы,
 Увы, на-вѣкъ я потерялъ;
 Слезамъ не вѣрю,—тѣ же слезы
 Не у тебя ли я видалъ?
 О, стыдъ тебѣ! Тебѣ довѣрилъ
 Когда-то жизнь и сердце я;
 Я былъ дитя, не лицемерилъ
 И всей душой любилъ тебя.
 Конечно, не было защиты
 У сердца дѣтскаго тогда, —
 Могли такъ скоро быть разбиты
 Восторги юные всегда,
 Но было легче молодымъ
 Мечты совсѣмъ не нарушать.
 О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые

Дала и горе испытать!
 Не ты-ль безжалостнымъ ударомъ
 Слезу заставила бѣжать?
 Повѣрь, источникъ тотъ не даромъ
 Открытъ тобою. Изыскать
 Ему судьба не дозволяетъ,
 Онъ все бѣжитъ, не умолкаетъ,
 Онъ всѣ печали омываетъ
 И будетъ день, увѣренъ я,
 Я въ немъ умоюсь отъ тебя!

МУЗА.

Довольно, мой поэтъ! Послушай: какъ бы мало
 Невѣрной женщиной ты ни былъ увлеченъ,
 Хотя бы день одинъ отраду сердце знало,
 За этотъ день одинъ ужъ долженъ быть прощень
 Ударъ, полученный тобою отъ коварной.
 Ты хочешь быть любимъ, умѣй же уважать
 Любовь минувшую душою благодарной.
 Я знаю: для людей такъ тягостно прощать
 Обиды ближнему,—но если уничтожишь
 Въ себѣ ты ненависть,—вѣдь музъ избѣгнешь ты.
 Предай забвенію, чего простить не можешь.
 Какъ мертвыхъ берегутъ могильные кресты,
 Такъ точно у любви есть бrenные остатки,
 Мечты уснувшія,—и нуженъ имъ покой.
 Зачѣмъ находишь ты, что сумрачны и гады
 Воспоминанія любви твоей былой?
 Быть можетъ, врылась тутъ забота Провидѣнья,
 И душу обновилъ болѣзненный ударъ.
 Мы всѣ находимся у горя въ обученьи,
 Житейской мудрости мы черпаемъ въ немъ даръ.
 Да, мраченъ тотъ законъ, но вѣченъ, непреложенъ,
 Что каждому должно несчастье окрестить;
 Налогомъ горести счастливый мигъ обложенъ,
 Страданьемъ за него мы призваны платить.
 Взгляни—подъ тучами, грозюю и вѣтрами
 Выравниваетъ хлѣбъ свой кдлость золотой,
 И радость я сравню съ душистыми цвѣтами,
 Вспоенными дождемъ, омытыми росой.
 Не самъ ли ты сказалъ, что больше не страдаешь?

Ты счастливъ, ты любимъ, всѣ сладости земли
 Теперь безопасно ты и весело вкушаешь.
 Припомни-жь слезы тѣ, что нѣкогда текли:
 Не ихъ ли горечью, не старымъ ли недугомъ
 Пѣнить все лучшее ты мудро научёнъ?
 И какъ теперь легко тебѣ въ бесѣдѣ съ другомъ!
 Бокаловъ на пиру какъ весель нынче звонъ!
 Ты могъ ли-бъ такъ любить красу земного міра,
 Петрарку, пѣнье птицъ, роскошные цвѣты,
 Искусства древнія, творенія Шекспира,
 Когда-бъ въ ихъ прелести подчасъ не слышалъ ты
 Отвѣта нѣжнаго на прежнія страданья?—
 А неба яснаго прозрачная лазурь?
 А вѣчный ропотъ волнъ? А полночи молчанье?
 Кто-бъ могъ ихъ понимать, не зная душевныхъ бурь
 Иль мукъ безсонницы и думъ о снѣ загробномъ?
 Вѣдь нынче счастливъ ты съ подругою иной,
 И въ сердцѣ, нѣкогда обиженномъ и злобномъ,
 Какой приливъ любви ты чувствуешь порой!
 Теперь, когда вдвоемъ вамъ вечеромъ случится
 Бродить съ ней подъ руку надъ дремлющимъ ручьемъ,
 На тихомъ берегу не также-ль серебрится
 Песокъ заманчиво подъ мѣсячнымъ лучомъ?
 Слетаются опять надъ вами счастья грѣзы,
 Опять дано тебѣ красавицу ласкать
 Подъ тѣнью трепетной, по-прежнему, берёзы,
 И ты ужъ предъ судьбой не станешь унывать.
 Зачѣмъ же ты кланяешь старинныя печали,
 Невѣрные шаги минувшихъ юныхъ лѣтъ?
 Все то, чѣмъ ты богатъ, они тебѣ послали!
 Дитя мое! Въ тебѣ, я знаю, злобы нѣтъ:
 Прости и пожалѣй ту женщину, которой
 Обязанъ первой ты мучительной слезой,
 И да послужить въ томъ самъ Богъ тебѣ опорой,
 Создавшій вашъ союзъ для радости земной,
 Увы, невысказанной безъ горькихъ испытаній.
 Какъ знать? Она тебя любила, можетъ быть,
 И ей не обошлась разлука безъ страданій,
 Но случай ей велѣлъ мечту твою разбить.
 Легко ли было ей въ тебѣ оставить рану,
 Отдать тебя другой, проливши море слезъ?

Не всё же слезы ты приписывать обману!
Прости ее, дитя,—мечту невинныхъ грѣзъ!

ПОЭТЪ.

И правда! Злоба нечестива,
Какъ змѣй подземный холодна,
И содрогаюсь я брезгливо,
Когда ползаетъ по мнѣ она.
Послушай, милая богиня,
Молю—свидѣтельницай будь:
Проникла мирная святиня
Въ мою измученную грудь.
Клянусь глазами голубыми
Моей подруги молодой,
Клянусь я благами земными,
Клянусь я неба синевою;
Клянусь божественной вселенной
И вѣчной благостью Творца,
Звѣздой утра несравненной,
Надеждой тихаго вонца;
Клянусь я жизненною силой,
Роскошной зеленю полей
И всѣмъ, что жду я за могилой,
Клянусь—изъ памяти своей
Теперь на-вѣкъ я изгоняю
Ту повѣсть черную свою!
На мирный сонъ я обрекаю
И тѣнь печальную твою.
О, ты, какъ сладкое видѣнье,
Меня привлекавшая къ себѣ!
Уже готовый дать забвенье,
Даю пощаду я тебѣ.
Простимъ другъ другу. Я снимаю
Предъ Богомъ цѣпь твоей любви,
Съ слезой послѣдней посылаю
Тебѣ послѣднее: прости!

Теперь же, Муза молодая,
Ты, златокудрая моя,
Веди, рѣзвясь и напѣвая,
На праздники жизни ты меня.

Поемъ любовь, поемъ свободу!
Безслѣдно, ненависть, умри!...
Гляди—воскресшую природу
Уже ласкаетъ лучъ зари.
Скорѣй идемъ гулять по лугу,
Цвѣты по прежнему срывать,
Идемъ будить мою подругу,
Ее лелѣять и ласкать.
Какъ солнце землю пробуждаетъ
Такъ, Муза, ты бодринь меня
И возрожденье—сердце знаетъ—
Ко мнѣ придетъ съ лучами дня!

С. А.

ОФФИЦИАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ

ВЪ

ЛИЦАХЪ

Stambul und das moderne Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen. Leipz. 1877.

Два года тому назадъ намъ довелось провести нѣкоторое время въ Константинополѣ и сдѣлать наблюденія надъ общественнымъ бытомъ его османскаго населенія ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ говорится, много воды утекло; Россіи пришлось стать лицомъ къ лицу съ тѣми самыми турками, которые намъ казались какимъ-то отребьемъ міра, жалкимъ исчадіемъ человѣческаго рода. Теперь, когда эти самые турки показали себя не только отчаянными вонтелями, но и вооруженными превосходнымъ оружіемъ, ловко имъ управляющими, выставили замѣчательныхъ полководцевъ, доказали полную самоотверженность — мы можемъ впасть въ другую крайность, или во всякомъ случаѣ не тамъ искать причины испытанныхъ нами явленій, гдѣ она находится въ дѣйствительности. Изученіе дѣла и критическое отношеніе къ нему — вотъ что болѣе всего необходимо въ настоящую минуту.

Настоящая война расплодила за границею цѣлую массу всяческихъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, по такъ-называемому *восточному вопросу*; какъ прежде, такъ и теперь, когда факты, повидному, на лицо, мы находимъ далеко неодинаковыя воззрѣнія на ту-

¹⁾ См. въ „Вѣстникѣ Европы“, авг. и сент. 1876, статьи: „Турецкая цивилизація“.

чаровался: нѣкоторые, тѣсно связанные съ исламомъ, учрежденія и въ этихъ кружкахъ вѣдряютъ свое глетворное вліяніе, такъ что, можно сказать, абсолютное отсутствіе нравственныхъ и физическихъ потребностей въ этихъ людяхъ распространяется вокругъ себя какую-то пустыню, которая просто невыносима для европейца».

Планъ самой книги очень простъ: это—родъ біографій государственныхъ и общественныхъ дѣятелей Турціи, около которыхъ сгруппированы знаменательные факты изъ разныхъ сторонъ жизни и быта этого государства за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Такой планъ частью зависитъ отъ отрывочнаго порядка наблюденій автора, отчасти же обусловливается, думаемъ мы, самымъ свойствомъ предмета. Государственно-общественный строй оттоманской Порты таковъ, что въ ней всѣ дѣла внутренней и внѣшней политики направляются и обусловливаются тѣми или другими взаимными отношеніями отдѣльных личностей—деспота-султана къ ближайшимъ исполнителямъ его воли, разнымъ пашамъ, беямъ, а этихъ послѣднихъ другъ къ другу и къ своимъ клевретамъ; народныя же интересы тутъ совершенно подавлены и вытѣснены личными происками олигарховъ. Съ другой стороны, можетъ быть, снѣженность работы была причиною того, что у автора факты не всегда плотно сгруппированы, и потому мы позволимъ себѣ не стѣсняться рамками самой книги въ своемъ собственномъ изложеніи. Мы также оставляемъ въ сторонѣ свѣдѣнія и разсужденія автора касательно былого-прошлаго Турціи; притомъ эта сторона составляетъ самую слабую и всего менѣе интересную часть книги; остановимся болѣе всего, по выраженію самого автора, на «изображеніи различныхъ стремленій и тенденцій, которыми характеризовались въ послѣднія 15 лѣтъ разные отрасли управленія Турціи и его функцій, такъ какъ я, т.-е. авторъ, въ теченіи цѣлаго царствованія былъ очевидцемъ судебъ, постигавшихъ эту страну».

I.

Султанъ Абду-ль-Азизъ, пока былъ еще только наслѣдникомъ, сидѣлъ у брата взаперти въ своемъ гаремѣ и короталъ время въ обществѣ своей *единственной* жены да разныхъ дервишей, муллъ, ходжей и т. п. фанатической толпы: сопрیکосновеніе съ европейскими элементами столицы для него было недоступно, ибо противъ этого братомъ его были приняты самыя строгія мѣры. И вотъ, въ такой-то обстановкѣ готовился новый султанъ со всѣми

доблестями истого правовернаго турка: Абду-ль-Азизъ не пилъ тогда не только вина, но даже кофе, не курилъ табакъ; былъ крайне расточливъ въ своихъ расходахъ и порицалъ расточительность своего брата. Отъ него всё, и мусульмане и христіане, чаяли много для блага государства; но оказалось, что новый султанъ имѣлъ совершенно особый идеалъ возрожденія своего государства: онъ мечталъ о возвращеніи Турціи въ ея прежнему блеску и могуществу и приведеніи ея въ такое состояніе, чтобы снова заставить трепетать передъ нею Вѣну и даже, пожалуй, распустить побѣдоносное знамя свое передъ Парижемъ, Лондономъ и Петербургомъ. Ненависть свою къ Европѣ онъ не въ силахъ былъ побороть даже и для виду, по требованію этикета, во время своего шествія въ мечеть Эюба на преисясаніе мечомъ; проѣзжая мимо палатки, нарочито устроенной для дипломатическаго корпуса, онъ намѣренно повернулся къ ней спиною и уставилъ глаза куда-то въ неопредѣленное пространство, сдѣлавъ видъ, что онъ что-то такое пристально разглядѣть хотѣлъ. Къ этому принципу, руководившему дѣйствіями Абду-ль-Азиза, т. е. къ его ненависти противъ всей Европы и христіанства, присоединялись еще два не менѣе крупныхъ мотива, а именно — скряжничество и жадность къ деньгамъ и намѣреніе измѣнить систему престолонаслѣдія въ пользу своего старшаго сына.

Въ этихъ видахъ онъ прежде всего принялся за преобразованіе своихъ военныхъ силъ; но оно состояло лишь въ томъ, что онъ переимѣнилъ мундиръ и не обращалъ при этомъ никакого вниманія на дисциплину; увеличивалъ съ каждымъ годомъ панцирный флотъ и не помышлялъ объ образованіи способныхъ моряковъ. Какъ истый турокъ, онъ увеличилъ множество поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ и даже русскихъ (?) офицеровъ, которыхъ до него было очень много въ турецкой арміи. И вотъ, когда первый опытъ показать величіе оттоманской державы сдѣланъ былъ надъ Черной-Горою, то оказалось, что *маленькій князекъ маленькой нации* не только не былъ побѣжденъ, но еще самъ нанесъ нѣсколько пораженій турецкому войску, и это страшно раздражало Абду-ль-Азиза. Полагая всю силу свою въ войскѣ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что главное основаніе прочности государства заключается въ его экономическомъ развитіи; онъ считалъ Турцію какимъ-то неистощимымъ мѣшкомъ и не думалъ заботиться ни о земледѣліи, ни о промышленности, ни о торговлѣ, и т. п. Къ этому еще присоединилась страсть султана къ мотовству и роскоши, которую онъ прежде, бывши наслѣдникомъ, порицалъ въ своемъ братѣ: ставши султаномъ, онъ

вошелъ во вкусъ сладкой жизни и скоро покончить съ своимъ прежнимъ аскетизмомъ; менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ дворцовый бюджетъ съ 10 милліоновъ лиръ возросъ до 20 милліоновъ. Отсюда начинается та расточительная финансовая система, которая довела Турцію до банкротства: всѣ министры финансовъ только и хлопотали, что объ увеличеніи налоговъ, о выпускѣ бумажныхъ денегъ, да о заграничныхъ займахъ. Невѣжественные и низкіе журналисты до небесъ превозносили всѣ эти мѣры, и сами другъ передъ другомъ спѣшили съ предложеніями разныхъ проектовъ тѣхъ или другихъ налоговъ и сулили отъ нихъ горы доходовъ государству. И вотъ, изъ всего этого получилось безпримѣрное въ исторіи явленіе: государство, 25 лѣтъ тому назадъ не имѣвшее ни копѣйки долгу, съ богатѣйшею и плодороднѣйшею территоріею, въ 20 лѣтъ проведенныхъ имъ въ мирѣ и спокойствіи, надѣлало долговъ въ 5—6 милліардовъ франковъ и объявило себя несостоятельнымъ!

Завѣтная мечта—упрочить престолъ за своимъ потомствомъ, также повела Абду-ль-Азиза ко многимъ мѣропріятіямъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Дѣятельнымъ помощникомъ ему въ этомъ была его мать, или какъ ее называютъ по-турецки, *валиде*. Извѣстно, что для устраненія династическихъ несогласій, у оттоманской династіи существуетъ четыре традиціонныхъ правила: 1) старшій въ мужскомъ поколѣніи занимаетъ тронъ; 2) прочіе члены султанской фамиліи не вступаютъ въ законный бракъ, чтобы не образовывалось побочныхъ линій; 3) принцессы выдаются замужъ за любимцевъ изъ подданныхъ, и 4) султанъ при вступленіи своемъ на престолъ долженъ умерщвлять своихъ братьевъ. И вотъ, на послѣдній-то пунктъ, несоблюденный впервые Абду-ль-Меджидомъ, и указывала валиде въ особомъ рескриптѣ, данномъ въ декабрѣ 1874 года, существованіе котораго тщетно отрицали въ свое время туркофильскіе сотрудники газеты «Kölnische Zeitung». Но Мурадъ-эфенди, нынѣшній экс-султанъ, держалъ себя такъ осторожно, что ему удалось избѣгнуть кровавой участи, которой онъ подвергался съ своими братьями по 4-му пункту. Тѣмъ не менѣе султанъ опасался его, и когда ѣздилъ въ 1867 году за границу, то и его возилъ съ собою.

Но какъ бы султанъ ни былъ неограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, все-таки въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ перемѣна престолонаслѣдія, ему приходилось бороться съ традиціею цѣлаго народа, и потому ему нужны были помощники въ ряду главныхъ государственныхъ дѣателей. Съ этой точки зрѣнія для насъ

должно стать совершенно ясно все значеніе въ ходѣ турецкаго управленія отдѣльныхъ личностей, облеченныхъ болѣе или менѣе обширными полномочіями, изъ которыхъ больше всѣхъ фигурировали Фуадъ-паша, Аали-паша и Махмудъ-Недимъ-паша.

Фуадъ-паша и Аали-паша были бы не прочь сослужить службу султану, но, какъ умные люди, они понимали всю опасность такого шага, и потому съ ловкостью дипломатовъ извивались, и съ тѣмъ умерли, что не угодили ему. Мечтою Абду-ль-Азиза ловко воспользовался вице-король египетскій, и, притворившись готовымъ на всѣ услуги пособникомъ, выхлопоталъ въ 1866 году у султана утвержденіе власти за своимъ потомствомъ и нѣкоторые другія уступки. Оба вышеупомянутые взирая безопорно были люди весьма талантливые, чтобы не сказать болѣе, и умѣли обуздывать дикіе порывы своего повелителя. Такъ, про Фуадъ-пашу рассказываютъ, что онъ однажды сказалъ султану: «Государь, вы совершенно правы, что не любите христіанъ, но объ этомъ не надо говорить». Но и тотъ и другой были односторонни и имѣли свои слабыя стороны, сильно вредившія дѣлу. Фуадъ-паша, напр., ничего не смыслилъ въ финансахъ, а между тѣмъ постоянно вѣдѣивался въ хозяйственное управленіе государства, такъ что Турція обзавалась своимъ банкротствомъ главнымъ образомъ этому великому мужу. Такъ, онъ ввелъ налогъ на соль, и съ тѣхъ поръ начались постоянныя эпидеміи; скотоводство пришло въ упадокъ, а съ нимъ упало и производство шерстяныхъ издѣлій, какъ, напр., выдѣлываніе ковровъ и т. п. Шелководство и шелковая мануфактура, составлявшія прежде источникъ богатства для многихъ мало-азійскихъ провинцій, обложены были такими безумными пошлинами, что повсюду приняли въ совершенный застой. На все, на все сдѣланы были непомерные налоги; нѣкоторые мудрые прожектеры предлагали-было обратитъ даже продажу хлѣба и мяса въ монополію; но только фiasco съ монополіей табаку удержало отъ этой недѣльной мѣры. Откупщицы десятинной подати и пошлинъ, ростовщики, въ союзѣ съ безсовѣстными чиновниками, сдирали послѣднюю шкуру съ крестьянина; тюрьмы наполнились массою несостоятельныхъ должниковъ, дошедшихъ до 40,000 человекъ; болѣею частью все это были люди, за которыми числились государственныя недоимки. Дворъ между тѣмъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ помиралъ все, что только выжималось изъ страны. Присылавшіеся изъ провинцій сумми-адъютанты султана везли прямо къ нему. Крупновскія пушки и подарки г-жѣ Брушиъ, которые будто бы заказывались на собственные деньги султана и валиде, въ действительности

относились на счет артиллерійскаго управленія. Даже 6 октября 1876 года, когда государство объявило себя банкротомъ, султанъ потребовалъ полной уплаты по купонамъ принадлежавшихъ ему консолей.

Аали-паша былъ человѣкъ менѣе способный, чѣмъ Фуадъ, но обстоятельнѣе и основательнѣе его, и, пожалуй, еще большіе имѣлъ вліянія на султана. Что онъ зналъ цѣну деньгамъ и любилъ ихъ, доказательствомъ этому служить оставшееся послѣ его смерти состояніе въ 1½ милліона лиръ, около 11-ти милліоновъ рублей. Но вся его дѣятельность точно также, главнымъ образомъ, сосредоточивалась на иностранной политикѣ, въ которой онъ держался Талейрановской системы. Главную его слабость составляла боязнь конкуренціи, вслѣдствіе чего онъ всячески старался отгѣснять, или, вѣрнѣе, отъ государственныхъ дѣлъ всѣхъ мало-мальски способныхъ и талантливыхъ людей; на экономическій же бытъ ввѣренной имъ управленію страны оба они не оказывали, да и не могли оказывать, благотворнаго вліянія: всѣ ихъ мѣропріятія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и благонамѣренныя, ничего не принесли, кромѣ вреда. Но вотъ выступилъ на сцену послѣ нихъ Махмудъ-Недимъ-паша, котораго можно назвать экономомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ полагалъ, что матеріальное благополучіе государства можно упрочить самымъ простымъ способомъ: стоить только сократить до послѣдней степени штаты чиновниковъ, да и остальныхъ, по мѣрѣ возможности, или не платить ничего, или затягивать уплату на самые неопредѣленные сроки. Султанъ держался за Махмуда потому, что онъ подавалъ ему виды на осуществленіе плана о престолонаслѣдіи. Самъ же Махмудъ, по мнѣнію автора, былъ орудіемъ генерала Игнатьева, который, будто бы, одинъ изъ всѣхъ дипломатовъ исполнялъ свою обязанность какъ слѣдуетъ, дѣлательно работая въ интересахъ своего государства. Но вѣрнѣе, что Махмудъ, какъ и вообще всѣ государственные мужи Турціи, имѣлъ въ виду не султана съ его планами, ни генерала Игнатьева съ его дипломатическими ходами, а свой собственный карманъ: такъ оно, по крайней мѣрѣ, выходитъ изъ всѣхъ дѣйствій этого министра. Напримѣръ, съ учредителей компаніи военно-железныхъ дорогъ въ Константинополѣ онъ взялъ взятку въ 35,000 лиръ; съ учредителей австро-оттоманскаго банка—40,000 лиръ. Всѣ эти предпріятія устраивались помимо совѣта министровъ. Изъ-за этого потомъ возникло-было распри между директоромъ оттоманскаго банка, г. Тубини, и англійскимъ банкиромъ Мертономъ. Послѣдній взыскивалъ съ Тубини половинную часть изъ полученныхъ

имъ 100,000 лиръ, какъ благодарность за устройство займа. Это было 18-го іюля 1873 года. Французское посольство, какъ ближайшее начальство г-на Тубини, отказало истцу, съ полною откровенностью заявивши, что г. Мертомъ въ «коммисію» уже получилъ 20,000 лиръ, а что спорныя 100,000 лиръ вовсе не есть коммисіонная плата, а просто-на-просто *pot de vin*, или «взятка», и что истецъ и отвѣтчикъ оба одинаково не имѣли на эти деньги никакого законнаго права.

Главнымъ предметомъ экономической дѣятельности Махмуда было сокращеніе штатовъ и урѣзыванье жалованья чиновниковъ, но, разумѣется, вовсе не съ цѣлью уногребить береженныя такимъ путемъ средства на другія какія-нибудь существенныя нужды государства, а положить ихъ въ свой собственный карманъ. Изъ Эдхема-паши, Джевдетъ-паши, Сафветъ-паши и Кіани-паши составила подѣ грохотомъ титуломъ «коммисіи реформъ» проскринціонная коммисія, которая ежеседѣльно представляла верховному визирю списки подлежащихъ отфисненію чиновниковъ. Увольняли всѣхъ, виновныхъ и невиновныхъ; придирались ко всякому случаю; ибедничеству и доносамъ данъ былъ самый широкій просторъ. Правда, что между исключенными изъ службы чиновниками было много и бесполезныхъ людей, не мало было отъявленныхъ мошенниковъ, но заурядъ съ такими личностями увольнялись люди, 15, 20, 25 и даже 30—40 лѣтъ состоявшіе на службѣ, которые если и не отличались образцовыми знаніями и добросовѣстностью, то, по крайней мѣрѣ, были полезны своимъ практическимъ навыкомъ въ веденіи дѣлъ. На обязанности той же коммисіи было давать другія назначенія оставшимся безъ хлѣба чиновникамъ; но она дѣлала запитатнымъ такія предложенія, что тѣ поневолѣ отказывались; напримѣръ, судѣ предлагали должность писца гдѣ-нибудь въ отдаленномъ провинціальномъ захолустѣ; переводчику предлагали мѣсто на какомъ-нибудь пустынномъ дунайскомъ островкѣ, гдѣ свирѣжствовали лихорадки, и съ окладомъ вчетверо меньшимъ противъ того, каковой онъ получалъ прежде, и т. д. Само собою разумѣется, что подобное безцеремонное сокращеніе штатовъ не могло не отзываться на ходѣ дѣлъ во всѣхъ управленіяхъ, которыхъ коснулась реформаторская дѣятельность Махмуда. Но особенно это обнаружилось въ телеграфномъ вѣдомствѣ, когда, въ іюлѣ 1872 г., на разныхъ телеграфныхъ станціяхъ столицы и ебоихъ предмѣстій подана была масса депешъ отъ имени различныхъ банкирскихъ домовъ, которыми поручались корреспондентамъ этихъ домовъ въ Парижѣ, Лондонѣ и т. д. громадныя фондовыя операціи. Корре-

спонденты сообразили, что тутъ какая-нибудь ошибка, и спросили по телеграфу, точно ли сдѣланы были такіе небывалые заказы, и что же вышло? Оказалось, что тайна мотеншиновъ устроила эту мистификацію для эксплуатированія публики, воспользовавшись невѣжествомъ новаго, удешевленнаго служебнаго персонала, — разслѣдованія же не привели ни къ какому результату, потому что телеграфные чиновники не въ состояніи были надлежащимъ образомъ разобрать подписей на поданныхъ имъ телеграммахъ.

Тотъ же мотивъ экономіи руководилъ министерствомъ Махмуда и въ плутовской разверсткѣ почтовой пересылочной платы въ январѣ 1872 года, которая официально провозглашена была пониженіемъ, а въ дѣйствительности почтовая плата была повышена, какъ это явствуетъ изъ приводимыхъ авторомъ вычисленій.

Не лучше велось дѣло и съ путями сообщенія, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ такое громадное значеніе въ экономическомъ быту всѣхъ странъ. «Турецкая раса, — говоритъ нашъ авторъ, — кажется не имѣть никакого понятія о пользѣ шоссе, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и другихъ средствахъ сообщенія. Пренебреженіе турокъ къ такимъ предпріятіямъ я замѣтилъ во всѣхъ классахъ народонаселенія, даже у купцовъ, фабрикантовъ и земледѣльцевъ. Только въ послѣдніе два года я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ головахъ чиновниковъ министерства общественныхъ работъ стала мелькать смутная идея объ этомъ: они внѣшнимъ чутьемъ замѣтили увеличеніе народонаселенія и его благосостоянія въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ желѣзныхъ дорогъ, хотя никакъ еще не могутъ понять, чему надо приписать это увеличеніе. Свойственное этой расѣ отвращеніе отъ хорошихъ средствъ сообщенія въ высшихъ кружкахъ оправдывается такимъ соображеніемъ: что, молъ, хорошія дороги облегчаютъ вторженіе непріятельскихъ армій». И вотъ почему даже до сихъ поръ турецкое правительство не рѣшило вопроса о соединеніи румелійскихъ дорогъ съ европейскою сѣтью, изъ-за чего оно не остановилось бы даже и передъ разрывомъ съ Австріею. Вотъ почему проектированное еще въ 1847 году шоссе изъ Трапезунта къ персидской границѣ проведено всего на разстояніе ружейнаго выстрѣла, да такъ и брошено. Дѣло это поручено было Исмаиль-пашѣ, который изъ раба, принадлежавшаго смирскому погонщику ослонъ, благодаря своему искусству совершать операцію обрѣзанія, чему онъ обучился у одного цирюльника, возвысился сперва въ званіе главнаго придворнаго медика, еще при султанѣ Абду-ль-Меджидѣ. Когда, въ 1847 г.,

умеръ ребенокъ султанскаго гарема, котораго онъ лечилъ, его уволили и предложили мѣсто губернатора въ Янникъ; но онъ отказался, и его сдѣлали министромъ общественныхъ работъ. Въ это-то время и задумали проложить шоссе изъ Трапезунта черезъ Эрзерумъ и Баязидъ въ персидской границѣ, для каковой цѣли взяли 12 милліоновъ піастровъ изъ фонда софійской мечети и вручили ихъ Исмаиль-пашѣ. По этому случаю данъ былъ пышный обѣдъ, на которомъ присутствовала вся городская знать и иностранные консулы Трапезунта. Затѣмъ, окрестные жители согнаны были на работы съ платою по 3 піастра въ день съ прокормомъ; дорогу довели до подошвы горы Базъ, и этимъ закончилось предпріятіе. Исмаиль-паша, *quasi re bene gesta*, благополучно вернулся назадъ, а о 12-ти милліонахъ ни слуху, ни духу до сего времени. Вслѣдствіе этого, еще 25 лѣтъ тому назадъ бывшій въ крѣпущемъ положеніи Трапезунтъ мало-по-малу сдѣлался незначительною деревнею. Вотъ почему также шоссе отъ моря до мануфактурнаго города Бруссъ, всего на шестидесяти разстояніи, не могло быть окончено въ продолженіи цѣлыхъ 12-ти лѣтъ; да и теперь-то оно годно для путешествія развѣ однихъ только самоубійцъ. Вотъ почему желѣзная дорога отъ моря до Бруссъ еще прежде, чѣмъ была окончена, потребовала громаднаго ремонта. Вотъ почему и новый мостъ между Стамбуломъ и Галатою цѣлыя 9 лѣтъ не можетъ окончиться, а многіе обрывки его, на которыхъ еще не ступала ни одна нога человѣческая, уже починаются. Когда, въ 1862 году, Мюнифъ-эфенди, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, задумалъ было выступить въ печати съ проектомъ расширенія и исправленія константинопольскихъ улицъ, то его вся стамбульская публика почла сумасшедшимъ; да еще и теперь зачастую въ турецкихъ газетахъ встрѣчаются діатрибы противъ устройства конножелѣзныхъ дорогъ и туннеля, ведущаго въ гору изъ Галаты въ Перу. Константинопольская гавань, единственная въ цѣломъ мірѣ, съ которою можетъ равняться развѣ гавань Рио-де-Жанейро, была бы, навѣрное, заперта, если бы корабельное движеніе по ней не давало порядочнаго дохода казнѣ. Прочія же превосходныя гавани, какъ смирнская, митленская, марская и др., благодаря такому варварскому взгляду на вещи, оставлены въ забросѣ. А между тѣмъ груды денегъ тратились на бесполезныя постройки и перестройки дворцовъ. Только смерть Абду-ль-Ависа помѣшала осуществленію проекта постройки громаднѣйшей мечети возлѣ Долма-Бахче, стоимость которой опредѣлена была суммою въ 800,000 лиръ. Своль мало турецкое правительство обращало вниманія

на пути сообщения, это явствует из того, что знаменитый строитель трапезунтского моста, Исмаиль-паша, в октябрь 1873 г., вторично сдѣлавъ былъ министромъ общественныхъ работъ. Въ ту пору носились неблагоприятные слухи о только-что выстроенной Эдземъ-пашою дорогѣ изъ Скутари въ Имидъ (Нивомедію); говорили, что на нее израсходовано вдвое больше противъ сметы; а между тѣмъ она выстроена была такъ дурно, что доходи съ нея не покрывали издержекъ по эксплуатациіи. Султанъ поручилъ новому министру произвести ревизію. Исмаиль-паша со всею пышностью прокатился въ Имидъ и обратно, и потомъ думалъ на досугѣ составить докладъ о ревизіи. Но султанъ тотчасъ же позвалъ его къ себѣ и потребовалъ отчета. Но что же могъ сказать султану циркулярникъ, ничего не смыслищій въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Хотя султанъ очень милостиво поступилъ съ Исмаилемъ, разжаловавъ его изъ министровъ въ градоначальники, но когда тотъ прочиталъ высочайшее повелѣніе о своей отставкѣ, то съ нимъ тутъ же, въ Портѣ, сдѣлался ударъ.

Итакъ, содержаніе всѣхъ чиновниковъ было понижено на 40, 50 и даже на 60 процентовъ; вездѣ, гдѣ только можно было сократить расходъ, онъ былъ сокращенъ, такъ что надо было ожидать непремѣннаго восстановленія балауса въ финансахъ. Но не тутъ то было: въ то время, какъ маленькіе чиновники должны были чуть не умирать съ голоду, кое-какъ перебиваясь на 200, 300, 400 піастрахъ въ мѣсяцъ, жалованье служившихъ тузовъ въ той же пропорціи было увеличено. Напр., Риза-паша, министръ безъ портфеля, получавшій прежде 25,000 піастровъ, сталъ получать 50,000 піастровъ въ мѣсяцъ. Несмотря на колоссальную экономию, государство не могло уплатить 1-го января 1872 года процентовъ по купонамъ, не сдѣлавъ новаго займа. Декретомъ 6 октября 1875 года половина уплаты процентовъ государственнаго долга была произвольно отсрочена на 5 лѣтъ. Эта банкротская махинація была заранѣе подготовлена самымъ секретнѣйшимъ образомъ отъ посольствъ англійскаго и французскаго. Еще вечеромъ 6 числа директоръ банка, провѣдавъ объ этомъ по биржевымъ слухамъ, явился къ верховному взирию удостовѣриться, такъ ли это, и Махмудъ далъ отрицательный отвѣтъ; а поутру 7 октября султанское *ирадѣ* объ этой операціи уже напечатано было въ газетахъ «Басиретъ» и «Вакифъ». Послы великихъ державъ, которые за какіе-нибудь разорванные штаны у пьянаго матроса въ Галаці готовы строчить ноту за нотой въ Порту, тутъ только раскрыли ротъ и глазомъ не моргнули, когда цѣлыя тысячи англій-

ийских и французских подданных лишились своих долготлетних сбережений. А графъ Эвчи, говорили, даже будто бы похвалялъ Порту съ такимъ финансовымъ оборотомъ. Правдѣнныя старо-турки только ухмылялись отъ удовольствія, что ихъ верховный визирь Махмудъ-паша натащитъ длинный носъ гаурамы!

И вотъ, такіе-то кинимые радѣтели блага государства, какъ Махмудъ и К^о, чтобы прикрыть свои веровскія продѣлки, старались пускать пыль въ глаза доверчивой публикѣ нѣкоторыми своими распоряженіями, рассчитанными на эффектъ, но крайне негнѣными и бессмысленными въ основѣ своей. Чуть не каждый день издавались приказы касательно общественнаго благочинія, но, разумеется, не достигавшіе цѣли. Такъ, во время рамазана верховный визирь запретилъ *христіанамъ* курить табакъ на улицахъ и въ своихъ лавкахъ. Несмотря на это, полицейскій однажды замѣтилъ одного лавочника, который курилъ папиросу у дверей своей лавки. — «Развѣ ты не знаешь, что христіанамъ запрещено курить въ рамазанъ?» — «Ну, такъ что же? Это меня не касается: я еврей», — отвѣчалъ нарушитель порядка. И сконфуженный полицейскій остался съ носомъ. Когда онъ донесъ о случившемся начальству, то пришлось отиѣвить плохо сформулированное распоряженіе.

Въ первый день рамазана совершилось торжественное открытіе константинопольской дорожки константинопольской. Верховный визирь командировалъ даже одного изъ своихъ адъютантовъ на эту церемонію. А послѣ обѣда градоначальникъ Али-бей опять велѣлъ прекратить только-что начавшееся движеніе по линіи: не знали, кого слушать. Однако же компанія подала протестъ, и такъ какъ въ предпріятіи участвовали иностранные капиталисты, то государственная касса порядочно поплатилась за эту произвольную выходку градоначальника.

Въ эту пору начала свирѣпствовать холерная эпидемія въ городѣ и предмѣстьяхъ. И вотъ, санитарная коммиссія, чтобы не отстать отъ другихъ во всеобщемъ содомѣ, наложила карантинъ на зараженные дома — это значило, что мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти, могли, сколько имъ угодно было, выходить, а только особамъ женскаго пола строго воспрещалось переступать за порогъ своего дома.

Прочіе дѣльцы тоже не дремали. Военный министръ Эс'адъ-паша, бывшій ненавистникъ христіанъ и европейцевъ, награвливалъ на нихъ вѣренную ему армію, возбуждалъ солдатъ къ самому грубому обхожденію съ беззащитными женщинами и дѣтьми,

не поминія о томъ, какому растлѣнію подвергалъ онъ самый основной элементъ военной корпораціи,—дисциплину. Изодня въ день пьяные солдаты на улицахъ, на гуляньяхъ, на площадяхъ открыто нападали на женщинъ и дѣвушекъ, и даже на дѣтей—начали и рвали платье, и даже просто иногда гребли. Для большей безнаказанности они обыкновенно ходили толпами. Когда же пострадавшіе жаловались, то имъ обыкновенно рекомендовали обращаться къ капитану, майору или полковнику военныхъ частей, къ которымъ принадлежали обидчики, что равнялось отказу, ибо почему могла знать оскорбленная, къ какому полку принадлежали обидѣвшіе ее солдаты. Оставалось прибѣгнуть къ суду общественнаго мѣнія. Всѣ почти газеты завопили, а газета «Levant Herald» даже открыла у себя особую рубрику: *Безчинство преторіанцевъ*. Но военный министръ съ наглостью возражалъ, говоря, что это дѣлали не солдаты, а какіе-то другіе негодяи, переодѣтые солдатами; а какимъ образомъ эти лица могли добыть себѣ военную форму, онъ не считалъ нужнымъ объяснять. Мало того: когда газета «Levant Herald» напечатала цѣлый рядъ жалобъ на солдатъ за подписью оскорбленныхъ, въ числѣ которыхъ были жены и дочери изъ почетныхъ фамилій, нѣкоторые кружковъ, и при этомъ указывалось на отвѣтственность военнаго министра за дисциплину арміи, то Эс'адъ-паша вчинилъ искъ противъ редактора (не Виттнера, конечно), м-ра М'Кома. Но на первомъ же засѣданіи очевидно было, что даже самый безразвѣстный судъ долженъ былъ обвинить истца. Правительство, чтобы не скомпрометироваться обвиненіемъ военнаго министра, поспѣшило отставить Эс'ада-пашу, и процессъ канулъ въ воду. «Но насколько дисциплина арміи,—заключаетъ авторъ,—была распатана, это всего лучше доказали событія 1876 года»—и, прибавимъ мы, варварское обращеніе турецкихъ солдатъ съ нашими плѣнными и ранеными въ нинѣшней войнѣ. Да и какъ было обуздывать дикую солдатскую орду, которую самъ султанъ въ одномъ своемъ приваѣ называлъ «своими дѣтьми»? Какой офицеръ могъ отважиться штрафовать «дѣти султана», когда оно, бывало, провинится?

Издавна существовалъ законъ, что всѣ проезжавшіе мимо султанскаго дворца, верхомъ на лошади или въ кавкѣ по Босфору, обязаны были—первые слѣпиваться, и всѣ—спускать зонтики. Во время гримской войны случилось атлѣйскому послу, лорду Стратфорду Редклифу, проезжать мимо дворца Черарана съ драгоманомъ и слугами верхами на лошадяхъ, какъ вдругъ

ихъ остановили одинъ изъ евнуховъ и потребовалъ, чтобы они спѣшались. Но Стратфордъ, вмѣсто того, чтобы исполнить это требованіе, тотчасъ же послалъ драгомана Пизани во дворецъ къ султану заявить, что вотъ, молъ, какъ оскорбляютъ представителя ея величества королевы Викторіи, солдаты которой проливаютъ кровь въ защиту оттоманской имперіи. Султанъ Абду-ль-Меджидъ понялъ суть дѣла, отмѣнилъ нехлѣбное правило и тотчасъ же приказалъ евнуху извиниться передъ посланникомъ. Но въ концѣ 1871 года законъ этотъ, не практиковавшійся уже въ теченіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, снова былъ восстановленъ, и даже безъ оповѣщенія объ этомъ публики, и только одинъ «Levant Herald» имѣлъ печальную храбрость признать эту мѣру въ порядкѣ вещей.

II.

Раздѣляя мечтательныя стремленія султана возстановить могущество Турціи въ прежнемъ ея блескѣ и въ то же время безсильныя осуществить эти мечты путемъ внутреннихъ плодотворныхъ мѣропріятій, наиболѣе дѣятельные и патріотичные министры временъ Абду-ль-Азиса, какъ Фуадъ-паша и Аали-паша, думали наверстать свою административную неумѣлость дипломатическими изворотами. Вмѣсто того, чтобы положительными мѣрами возвышать благосостояніе и политическую репутацію своего государства, они приложили все стараніе къ подавленію и искорененію не-мусульманскихъ составныхъ элементовъ его, и въ этомъ обнаружилась фанатическая ограниченность воззрѣній даже такихъ людей, какъ оба вышепоименованные турецкіе государственные мужа, которымъ нельзя отказать въ умѣ и относительной образованности. Когда и въ финансахъ, и въ управленіи собственной Турціи все расплзалось, когда въ провинціяхъ то тамъ, то сямъ обнаруживались разныя злоупотребленія и вслѣдствіе того безпорядки и волненія, Сербія, Румынія, Египетъ и Тунисъ были совершенно свободны отъ анархіи,—и вотъ конькомъ Фуада-паши было низвести Сербію и Румынію опять на степень простыхъ турецкихъ провинцій и разорить ихъ при содѣйствіи какаго-нибудь нуждавшагося въ деньгахъ паши, въ чемъ ему ревностно содѣйствовало австрійское правительство, и только помѣшали прочія державы, гарантировавшія независимость дунайскихъ княжествъ: старанія оттоманскаго премьера не увѣнчались успѣхомъ.

Думая повліять на своего повелителя и побудить его къ реформамъ, заставивъ его самолично видѣть плоды европейской культуры, а также чтобы не уронить себя въ глазахъ Европы, послѣдовавъ примѣру другихъ монарховъ дѣлать другъ другу визиты, Фуадъ-паша устроилъ въ 1867 году повѣзку султана въ Европу и сопутствовалъ ему въ качествѣ чичероне. Въ его отсутствіе правителемъ государства остался Аали-паша, съ которымъ они работали за-одно и не разъ мѣнялись своими высокими постами, чтобы дружнѣе и успѣшнѣе осуществлять тѣ или другіе свои замыслы: когда одинъ дѣлался верховнымъ визиремъ, то другой занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, и обратно, такъ-что эти два имени стоятъ неразлучно въ новой исторіи Турціи. Въ февралѣ 1869 года умеръ Фуадъ-паша, оставивъ своей семьѣ громадное состояніе, а своему отечеству — политическое завѣщаніе, написанное въ формѣ предсмертной исповѣди, обращенной къ султану; недоношенное имъ дѣтище, Турція, осталась на попеченіи одного Аали-паши.

Мегемедъ-Эминъ-Аали родился въ 1815 году въ Константинополѣ и былъ сынъ незначительнаго чиновника. Онъ получилъ обыкновенное турецкое воспитаніе, состоящее въ обученіи чтенію, каллиграфіи, корану и словесности. 15-ти лѣтъ онъ поступилъ на службу въ одно изъ бюро Порты, по рекомендаціи Решидъ-паши, который впослѣдствіи былъ верховнымъ визиремъ, и съ этого-то времени началъ онъ свое образованіе, такъ-какъ турецкое государство не имѣетъ никакихъ другихъ учебныхъ заведеній для формированія своихъ чиновниковъ. Решидъ-паша, покровитель его, былъ въ свое время человѣкъ, по-своему, очень дѣятельный, создавшій цѣлую школу дѣловыхъ людей, изъ которой вышелъ между прочимъ и историкъ Джевдетъ-паша. Большую часть служебнаго времени Аали провелъ за-границею въ качествѣ повѣреннаго турецкихъ посольствъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, пока въ 1852 году сдѣлался верховнымъ визиремъ. Но сперва ему не повезло, и его вскорѣ смѣстили. Побывавъ въ разныхъ должностяхъ, въ 1855 году онъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и его имя красуется, вмѣстѣ съ именемъ Джемиль-паши, подъ парижскимъ трактатомъ 1856 года. Послѣ того онъ опять нѣсколько разъ вочевалъ съ одного поста на другой, пока въ 1869 году, по смерти Фуадъ-паши, не сдѣлался верховнымъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; эти должности онъ и занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 6 сентября 1871 года.

Эта легкость, съ какою турецкіе высшіе сановники переимѣняются съ одного поста на другой, достаточно показываетъ, какъ

турецкое правительство мало обращает вниманія на то, насколько лица, назначаемыя на ту или другую должность, знают вѣрную имъ спеціальность, и потому насколько они въ состояніи, какъ слѣдуетъ, вести ту или другую отрасль государственнаго управленія. Поэтому, кто изъ нихъ чувствовалъ въ себѣ, напри- мѣръ, способности и наклонности въ дипломатіи, тотъ оказывался дипломатомъ не только въ международныхъ дѣлахъ Турціи, но и во внутреннихъ мѣропріятіяхъ. Такъ было съ Фуадъ-пашею; таковъ былъ и Аали-паша. Все, что ни затѣвали они для улучшенія экономическаго положенія и юридическаго быта страны, кромѣ вреда ничего не приносило, какъ, напр., введеніе бумажныхъ денегъ, соянаго и другихъ налоговъ, консолидированіе государственныхъ долговъ, секуляризація выморочныхъ недвижимыхъ имуществъ, и т. п.

Правосудіе исповонъ вѣковъ было *partie honteuse* турецкаго государства. При Абду-ль-Азизѣ и рѣчи быть не могло о какихъ-либо улучшеніяхъ въ юридическихъ учрежденіяхъ. Жадность его установила порядокъ не выдавать чиновникамъ жалованья по 6—16 мѣсяцевъ сряду; а послѣдствіемъ этого было колоссальное развитіе взяточничества. Братъ египетскаго хедива Исмаиль-паши, Мустафа-Фазиль-паша, въ бытность свою министромъ юстиціи, выработалъ проектъ юридическихъ реформъ, который хотя и не былъ образцомъ юридической мудрости, но все же заключалъ въ себѣ кое-какія хорошія и полезныя соображенія. Но Аали-паша почему-то былъ противъ этого проекта и никогда не представлялъ его султану, такъ-что еще и теперь онъ валяется гдѣ-нибудь въ кладовой Аали-паши и, вмѣстѣ съ другими бумагами, служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для продовольствія мышей. Какъ дипломатъ и приверженецъ Талейрановской школы, по взгляду котораго языкъ служить только для того, чтобы скрывать мысли, Аали-паша принялъ проектъ и сказалъ: «превосходная работа, которою ваше превосходительство оказали безсмертную услугу его величеству и цѣлому государству, и я считаю за величайшую для себя честь повергнуть ее на утвержденіе его величества и въ этихъ видахъ прошу только нѣсколько дней срока, чтобы просмотрѣть ее. А пока не угодно ли вамъ заняться министерствомъ финансовъ и разслѣдовать, что тамъ такое натворилось; министръ финансовъ производилъ свои частныя спекуляціи на биржѣ на казенныя деньги и причинилъ этимъ казніи страшные убытки; опечатайте тамъ все». На другой день Фазиль-паша представилъ докладъ о своей ревизіи. «Очень хорошо», сказалъ великій визирь: «я вижу, что министръ фи-

нансовъ долѣше не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ; я васъ прошу принять на себя эту должность». — «А что же, ваше превосходительство», замѣтилъ египтянинъ, «будетъ съ моимъ проектомъ юридической реформы, если я теперь оставляю министерство юстиціи?» — «Теперь мнѣ нуженъ пока министръ финансовъ, и для этого никого нѣтъ способнѣе вашего превосходительства; а что касается до вашего великолѣпнѣйшаго проекта, то я ужъ самъ возьмусь провести его». Такимъ образомъ Мустафа-паша сдѣлался министромъ финансовъ, вскорѣ былъ смѣщенъ, а о юридической реформѣ не было вовсе и помину, такъ какъ у Аали-паши не было вовсе и въ мысляхъ приниматься за какую бы то ни было реформу, а тѣмъ болѣе осуществлять ее. Воспитанный въ принципахъ Решидъ-паши и, благодаря своей дипломатической карьерѣ, узнавши по опыту, какъ мало требуется для того, чтобы бросать, сколько угодно, дипломатической пыли въ глаза, онъ только и хлопоталъ, что о какихъ-нибудь фразахъ да газетныхъ статейкахъ: этого ему было довольно.

Для выработки гражданскаго кодекса учреждена была особая коммиссія. Она не нашла ничего лучше, какъ составить сборникъ изъ юридическихъ сочиненій среднихъ вѣковъ, когда мусульманскій міръ болѣе, чѣмъ на три-четверти состоялъ изъ номадовъ; эти сочиненія заключаютъ въ себѣ массу параграфовъ о контрактѣ, залогѣ, обязательствахъ, куплѣ-продажѣ, и т. п., изложенныхъ безтолковнѣйшимъ языкомъ, и столько же пригодны въ настоящее время, сколько, напримѣръ, Ливурговы законы или Зороастрова Зендъ-Авеста приложимы къ британскому торговому флоту. Свидѣтельство христіанъ противъ мусульманъ въ провинціальныхъ судахъ до сего времени еще не допускается. Исполненіе же судебныхъ приговоровъ еще плачевнѣе, такъ-какъ турецкія исполнительныя власти издавна привыкли соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ своими собственными взглядами или интересами.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого состоянія турецкой юстиціи и отношенія къ ней правительственныхъ дѣятелей-патріотовъ, мечтавшихъ единственно о восстановленіи во что бы то ни стало прежняго блеска и могущества представительницы мусульманства, Турціи, и объ обращеніи всѣхъ невѣрныхъ въ ея данниковъ, было прежде всего стремленіе турецкихъ дипломатовъ уничтожить капитуляціи. Прислужникъ стамбульской бюрократіи, газета «Turquie» въ цѣломъ рядѣ статей, выходившихъ изъ-подъ пера Аали-паши и Фуады-паши, и больше всего изъ-подъ пера самого невѣжественнаго и безтактнѣйшаго редактора газеты, доказывала,

что Турція лучшая изъ всѣхъ на свѣтѣ странъ, и что для довершенія ея благополучія недоставало только уничтоженія капитуляцій. И правду надо сказать: различные приступы, сдѣланные въ царствованіе Абду-ль-Азиза на капитуляціи, успѣли-таки сдѣлать порядочныя бреши въ этомъ оплотѣ человѣческихъ правъ въ безправномъ государствѣ, благодаря не столько мудрости турецкихъ дипломатовъ, сколько весьма слабой бдительности европейскихъ правительствъ. Вслѣдствіе уступчивости послѣднихъ, европейцы изъяти изъ-подъ покровительства капитуляцій въ дѣлахъ, касающихся ихъ владѣнія недвижимою собственностью, и плоды такого равнодушія уже дали себя знати за послѣдніе два года, когда Порты начала ставить разные препятствія къ наследственной передачѣ недвижимыхъ имуществъ. Когда Аали-паша открылъ свой походъ противъ капитуляцій, имѣя въ виду поставить всѣхъ европейцевъ въ Турціи въ положеніе полного безправія, въ какомъ находятся турецкіе райи, и поручилъ это дѣло товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Халиль-бею, то константинопольскія посольства возвысили свой голосъ противъ этого покушенія хитраго османлы, и европейскіе кабинеты оставили безъ вниманія заявленія турецкаго правительства. Тогда этотъ маленький Юпитеръ направилъ свои перуны на внутреннихъ враговъ величія Порты, а именно сперва на египетскаго хедива. Въ этихъ-то видахъ и былъ возвращенъ изъ заграничной ссылки братъ Исмаиль-паши, Мустафа-паша, чтобы на всякій случай имѣть наготовѣ средство произвести, когда понадобится, демонстрацію противъ хедива. Но хедивъ оказался такимъ же дипломатомъ, какъ и Аали, если еще не похитрѣе. Онъ выведалъ чрезъ своихъ агентовъ, что Турція не въ силахъ была воевать съ нимъ, да притомъ же онъ имѣлъ на своей сторонѣ Францію, передъ которой, какъ извѣстно, Аали благоговѣлъ,—и не поддался. Аали, дотолѣ неотступавшій ни передъ какимъ противникомъ, тутъ такъ оплошалъ, что даже отсовѣтовалъ султану ѣхать на открытіе Суэскаго канала, и на глазахъ всѣхъ европейскихъ представителей при этомъ торжественномъ случаѣ фигурировалъ въ качествѣ хозяина вице-король египетскій. Это была непоправимая ошибка со стороны Аали-паши; походъ противъ хедива кончился пучкомъ. Такимъ образомъ, и Мустафа-Фазиль-паша больше ужъ не надобился, и вотъ, чтобы какъ-нибудь отъ него избавиться, его и сдѣлали министромъ юстиціи и поручили составить проектъ реформы. И проектъ, и авторъ его, какъ мы уже видѣли, оба манули въ вѣчность.

Еще раньше, когда султанъ предпринималъ путешествіе по

Европѣ и, въ отсутствіе сопутствовавшаго султану Фуадъ-паши, правителемъ государства сдѣланъ былъ Аали-паша, онъ употребилъ-было всю свою энергію на то, чтобы объявлена была война Греціи, самостоятельность которой также была бѣльмою на глазу государственныхъ людей Турціи, а особливо со времени критскаго возстанія, въ которомъ больше всего виноваты были сами же Фуадъ-паша и Аали-паша. Занимаясь такими, по ихъ мнѣнію, великими дѣлами, какъ водвореніе черкесовъ на турецкой территоріи, какъ различныя, уже видѣнные нами выше, финансовыя мѣропріятія; праздноя завтраками, обѣдами, съ неизбѣжными тостами и каламбурами, разные свои дипломатическіе фарсы, ораторствуя въ государственномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ людей равно ничего не смыслившихъ, — Фуадъ-паша и Аали-паша не обращали должнаго вниманія на то, что творилось ихъ губернаторами въ провинціяхъ, въ частности — на островѣ Критѣ. Критскіе старѣйшины, какъ извѣстно, явились къ тогдашнему губернатору Исмаиль-пашѣ съ самыми скромными желаніями; но тотъ ихъ встрѣтилъ ружейными выстрѣлами. Когда они обратились прямо къ Портѣ, то ихъ цѣлыхъ три мѣсяца водили, не давая никакого отвѣта, и тогда критянамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только взбунтоваться. Посланный для улаженія дѣла, въ качествѣ экстреннаго уполномоченнаго, Мустафа-паша, которому принадлежитъ цѣлая половина острова, разумѣется, не имѣлъ никакого интереса подвергать военнымъ опустошеніямъ свои владѣнія, и посылалъ напыщенныя донесенія о небывалыхъ стычкахъ и усмиреніи повстанцевъ. Его заступилъ свирѣпый Омеръ-паша, который и подавилъ-было возстаніе, — какъ вдругъ явился Аали-паша съ примирительною миссіею. Дипломатія все это время не дремала: Франція, Австрія и Россія совѣтовали Турціи уступить островъ Критъ Греціи; но Фуадъ-паша и Аали-паша оставались глухи къ этимъ совѣтамъ. Фуадъ-паша готовъ былъ даже вызвать второй Наваринъ. Это было-озадачило сперва дипломатію, но потомъ она усилила свои представленія. Фуадъ былъ въ это время на смертномъ одрѣ; прочіе министры не знали, что имъ дѣлать, и послали въ Критъ Субхи-пашу спросить мнѣнія Аали-паши, а онъ въ это время составилъ цѣлый проектъ государственной реформы, къ которому мы вскорѣ и вернемся. Желая хоть на чемъ-нибудь выместить несправедливости, постигшія Порту во время критскаго возстанія, — Аали-паша, какъ сказано было выше, и думалъ раздѣлаться съ Греціей, весьма недвусмысленно выказавшей свою симпатію къ тяготѣнію своихъ критскихъ единоплеменниковъ. Онъ бы и успѣлъ,

пожалуй, въ этой затѣѣ, если бы и тутъ не взяла верховенствующая слабость въ его характерѣ — непоколебимое мнѣніе передъ всѣмъ, что исходило изъ Франціи, вслѣдствіе котораго онъ всякую фразу, всякую сплетню, которыя пускались въ свѣтъ изъ Парижа, считалъ въ нѣкоторомъ родѣ божественнымъ откровеніемъ. Наполеонъ устроилъ парижскую конференцію, которая уладила дѣло до нѣкоторой степени согласно съ притязаніями Аали-паши: Греція должна была играть роль несчастнаго подсудимаго преступника; Турція явилась истцомъ и судьей, а прочіе члены конференціи — нѣкими свидѣтелями процесса, на которомъ одна только Россія еще позволила себѣ сдѣлать нѣкоторые замѣчанія.

Но вотъ, какъ-разъ во время разгара этой дипломатической комедіи, подобно какой-нибудь бомбѣ, разразилась франко-прусская война. Еще не раздалось ни одного выстрѣла на нѣмцео-французской границѣ, какъ уже всѣхъ охватила финансовая паника; биржевиками оладѣла пляска св. Вита. Аали-паша, бывшій долготѣ образцомъ дипломатической осмотрительности и разсудительности, добровольно предложилъ императору Наполеону союзъ Турціи противъ Германіи и даже заставилъ султана послать поздравительную телеграмму по случаю огненного крещенія Лулу и Саарбрюкенскаго фарса. Добрый геній Турціи устроилъ однако же такъ, что французское правительство въ своемъ тогдашнемъ ослѣпленіи отклонило союзъ; итакъ, если это предложеніе не повлекло за собой какихъ-либо дурныхъ для Турціи послѣдствій, то этимъ она обязана не государственной неспособності Аали-паши, а единственно французскому высочайшему. Турки не сознавались потомъ въ поздравительной телеграммѣ, и хотя, несмотря на то, существованіе ея было доказано, Аали-паша упорно отрекался отъ нея и даже скомпрометтировалъ этимъ султана.

Ничего не было легче въ то время возстановить авторитетъ султана въ Тунисѣ, и турецкое правительство уже не-разъ начинало серьезно помышлять объ этомъ. Возможно ли было вторично завоевать Алжиръ, и было ли бы это завоеваніе благополучіемъ для страны — это другой вопросъ; но несомнѣнно, что Франція же извлекала пользу изъ смутныхъ обстоятельствъ Туниса, и было совершенно достаточно 5,000 человѣкъ войска да одного фрегата, чтобы положить конецъ этимъ смутамъ, — а Франція такъ же мало была расположена поднимать тревогу изъ-за Туниса, какъ и изъ-за Рима. Но Аали-паша все-таки же трусилъ.

Точно таковой же результатъ имѣли и внутренніе религіозные

войска въ Турціи. Уже Фуадъ-паша сдѣлать изъ католическо-армянскаго вопроса какую-то кашу. Онъ безспорно былъ талантъ-человѣкъ; но ему надоѣдало долго возиться съ мелочами, неизбежно сопряженными съ каждымъ богѣ или менѣе сложнымъ вопросомъ. Папскіе агенты воспользовались этою его слабостью, и буллу «Reversurus», которая касалась не только старинныхъ правъ армянъ-католиковъ, но задѣвала даже суверенныя права Порты, подсунили ему въ намеренно искаженномъ арабскомъ переводѣ латинскаго оригинала; а онъ и принялъ. Во время правительства Аали-пашы, который въ римско-католической церкви видѣлъ могущественнаго союзника исламу противъ греческо-русскихъ домогательствъ, и сильно поддерживался въ этомъ взглядѣ французскимъ правительствомъ, армяне-католики, урѣзанные въ правахъ своихъ, едва могли возвышать свой слабый голосъ; а при Махмудъ-пашѣ, когда Франція принуждена была сосредоточиться исключительно на своихъ внутреннихъ дѣлахъ, послѣ погрома 1870—1871 гг., у представителя русской дипломатіи руки были совсѣмъ развязаны, и ему удалось на этотъ разъ поддержать права анти-хассунитскихъ армянъ и такимъ образомъ сдѣлать тщетными притязанія Ватикана.

Позднѣе, когда Махмудъ-паша дѣятельно осуществлялъ свою экономическую реформу, а военный министръ Эс'адъ-паша занимался натравливаніемъ своихъ солдатъ на мирныхъ гражданъ, выступила на сцену болгарская схизма. Патріархатъ въ своемъ несчастномъ ослѣпленіи упорно отказывалъ своимъ «поп розеншисъ» самымъ умѣреннымъ и самымъ основательнымъ желаніямъ болгаръ,—и дѣло извѣстно чѣмъ кончилось.

Такимъ образомъ, всѣ дипломатическія ухищренія Фуадъ-пашы и Аали-пашы не привели ни къ чему. Даже и Австрія, въ которой турки всегда относились не особенно почтительно, и та поставила ихъ въ должныя границы, отправивъ графа фонъ-Лейнингена съ самыми категорическими представленіями. Ворчанье турецкихъ дипломатовъ на Англію; по поводу различныхъ дѣлъ въ Триполи, Сириі, Іеменѣ, Багдадѣ, Басрѣ и др., также сочтено англичанами за ребячество, которому эти послѣдніе съ-разу положили предѣлъ покупкою акцій Суэскаго канала и пріобрѣтеніемъ острова Сомоторы, а позднѣе просто-на-просто отправкою своего флота въ Бизинскую бухту, съ цѣлью быть каждую минуту на-готовѣ въломиться въ Босфоръ и стать подъ окнами Черагана. Этою мѣрою Англія поспѣшила особенно тогда, когда турки уже начали-было склоняться къ мысли о союзѣ съ Рос-

сбою, о чемъ такъ энергически трубилъ газета «Turquie» редакторъ которой, какъ извѣстно, получаетъ внушенія отъ всѣхъ министерствъ Стамбула. Всѣ эти неудачи, вмѣстѣ съ разгромомъ обожаемой Аали-паши французской имперіи, окончательно разстроили его и безъ того слабое здоровье, и достаточно было одного отступленія отъ діеты, которое онъ позволилъ себѣ на свадьбѣ у одного изъ своихъ подчиненныхъ, чтобы ему слечь въ могилу. Популярность Аали-паши безвозвратно была подорвана желѣзно-дорожною конвенціею, заключенною съ барономъ Гиршемъ. Турки, особливо старые турки, вообще недолголюбиваютъ хорошихъ путей сообщенія, а заключеніе конвенціи по постройкѣ румелійскихъ дорогъ еще сопровождалось самыми жолтосальными, доходившими до полнѣйшаго цинизма, подкупами и взятками, которыя не обошли даже и султанскаго дворца. Аали-паша, бывшій въ то время первымъ секретаремъ султана, тоже не побрезгалъ щедротами барона Гирша. Все, что публично говорилось о немъ похвального, было только простою вѣжливостью къ живому человѣку, и говорилось, пока онъ былъ живъ. Сюда же надо отнести и телеграмму 7-го сентября 1871 года, которая гласила слѣдующее: «*Vienne. La mort d'Aali-pacha a causé ici d'unanimes regrets*». Газета «Turquie», въ своей наивности, которою вообще отличается ея редакторъ, ничего не нашла сказать въ похвалу покойнаго, какъ только назвала его *Талефиромъ и Меттернихомъ Турціи*. Оно такъ и было.

III.

Въ довершеніе характеристики Аали-паши намъ остается еще остановить свое вниманіе на одномъ документѣ, составленномъ оттоманскимъ премьеромъ во время его миротворческой миссіи на островъ Критъ и помѣченной 3-мъ числомъ мѣсяца шабана 1284 года (30 ноября 1867 года). Онъ приведенъ цѣликомъ въ переводѣ; но мы ограничимся лишь нѣсколькими, наиболѣе характерными изъ него выдержками. Извѣстно, что вѣдь и пріятель и сподвижникъ Аали-паши, Фуадъ-паша, то же подарилъ свое отечество подобнымъ же памятникомъ, и въ этой манерѣ двухъ выдающихся личностей изъ турецкой бюрократіи какъ нельзя болѣе сказался духъ самой бюрократіи: на бумагѣ оба эти государственные мужа рассуждали какъ нельзя лучше, съ турецкой и даже отчасти съ не-турецкой точнѣе: зрѣніемъ; а на

ни одинъ изъ нихъ не сдѣлать и сотой доли изъ того, такъ великоблжно творили они въ теоріи. Документъ этотъ важенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ изображаетъ положеніе христіанъ въ Турціи точно такимъ, какъ его представляли и представляютъ всѣ благомыслящіе европейцы, и, слѣдовательно, служатъ самымъ вѣрнымъ опроверженіемъ мнѣній отъявленныхъ туркофиловъ или даже и порядочныхъ, но не вполне свободныхъ отъ предрассудковъ людей, какъ, напримеръ, англичанинъ Галленга, который приписываетъ значительную долю турецкихъ неурядицъ самимъ же христіанскимъ подданнымъ Порты въ своей книгѣ «Two years of the Eastern Question». Никто себя не врагъ, а потому едва ли и Аали-паша былъ расположенъ клеветать на себя или на свое отечество. Онъ начинаетъ свою курьезную записку обзоромъ политическаго состоянія и взаимныхъ отношеній всѣхъ европейскихъ государствъ и приходитъ къ заключенію, что куда ни оглянись, а Турція со всѣхъ сторонъ оказывается въ изолированномъ положеніи. «Еще, — говоритъ онъ, — не успѣли высохнуть чернила подписей парижскаго трактата, какъ императоръ Наполеонъ, творецъ этого трактата, гарантировавшаго Турцію отъ вмѣшательства въ ея дѣла со стороны другихъ державъ, самъ же первый сталъ вмѣшиваться, особливо въ дѣлахъ, касавшихся Румыніи, Сербіи, Черной-Горы, Сиріи и Крита, какъ будто бы вышеозначеннаго трактата и не существовало. Выдвинувъ революціонерный принципъ — что всякій народъ можетъ самъ избирать себѣ правителя и форму правленія, и что никакой народъ не долженъ быть принуждаемъ противъ своей воли подчиняться господству другого народа, онъ вскружилъ головы всѣмъ націямъ, а въ особенности турецкимъ христіанамъ». Фуадъ-паша возлагалъ, въ своемъ завѣщаніи, все упованіе на Англію; но Аали-паша и въ ней не видитъ проку для Турціи, «потому что, — говоритъ онъ, — Англія, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ и своей торговли, ни о чемъ не заботится. Австрію Наполеонъ также поставилъ въ невозможность слѣдить за соблюденіемъ трактата, вырвавъ изъ ея руки Италію, изъ которой онъ намѣревался сдѣлать *соединенные штаты* подъ гегемоніей Франціи; но та не поддавалась его видамъ и сложилась въ самостоятельное крупное государство съ 24 милліонами народонаселенія. А тутъ подоспѣлъ еще римскій вопросъ. Пока императоръ кружился въ этомъ водоворотѣ трехъ противныхъ теченій, уже обнаружались не суляшіе ничего хорошаго въ будущемъ признаки его ошибочныхъ дѣйствій въ Мексикѣ и Германіи. Теперешнія (т.-е. въ 1867 г.) отношенія

Пруссія очевидны; но она пока принуждена идти объ руку съ Россіей. А эта послѣдняя очень хорошо понимаетъ, что рано или поздно Франція потерпитъ крушеніе отъ своихъ собственныхъ ошибокъ и потеряетъ свое вліяніе, и что прямой ея союзникъ есть Пруссія, которая, если ей удастся осуществить свои замыслы въ Германіи, никогда не будетъ препятствовать Россіи въ ея дѣлахъ на Востокѣ». Аали-пашѣ, какъ и Фуаду, также постоянно мерещилась вѣяющая пасть Россіи, выжидавшей лишь благоприятнаго момента, чтобы проглотить Турцію. Онъ поэтому полагаетъ, что Россія будетъ пользоваться всякимъ волненіемъ христіанъ, тѣмъ болѣе, что эти волненія неизмѣнно вызовутъ симпатіи въ самихъ русскихъ вслѣдствіе ихъ единовѣрія съ ними. При этомъ слѣдуетъ ссыла на ноту иностранныхъ державъ по случаю критскаго возстанія, которую Аали-паша считаетъ произведеніемъ петербургскаго кабинета.

Изолированное положеніе Порты, а также затрудненія и опасности, которыми окружена она,—продолжаетъ Аали-паша:—ставить ее въ необходимость держать подъ ружьемъ ту часть народонаселенія, которая и должна бы работать на пользу возрожденія и культурнаго развитія турецкой націи; да и войско не въ силахъ долго удерживать въ повиновеніи 10 милліоновъ не-мухаммеданскаго народонаселенія, готовыхъ всякую минуту къ возстанію и носящихъ въ сердцѣ своемъ затаенное желаніе освободиться. Изъ исторіи же извѣстно, что въ критическую пору всякія полумѣры и медлительность пагубны. Чтобы сохранять основы вѣчнаго благополучія, надобно поскорѣе привести нѣкоторыя жертвы во второстепенныхъ вещахъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. «Нужно ли, когда поднимается штормъ, хотъ на одну минуту задумываться надъ тѣмъ, выбросить или нѣтъ за бортъ часть груза, чтобы спасти корабль государства? А иначе, вѣдь, если корабль будетъ выброшенъ на берегъ—чего Боже сохрани!—то не погибнетъ ли вмѣстѣ съ кораблемъ и весь грузъ его? И не останется ли тогда одно только раскаяніе? А какая польза въ раскаяніи?»

Послѣ этого вступленія, Аали-паша предлагаетъ мѣры, которыми можно еще поддержать клонящееся къ разрушенію государство. Мѣры эти должны вытекать, по его мнѣнію, изъ того основнаго положенія, что права каждаго должны быть гарантированы, и всякій долженъ исполнять свой долгъ, безъ чего немислимо ни общее счастье государства, ни каждаго его члена въ отдѣльности. А для этого необходимо,—говоритъ онъ,—принять за основаніе, что «всякій гражданинъ можетъ имѣть, по

своему положенію, голосъ въ дѣлахъ общества, къ которому принадлежить онъ, и доступъ ко всѣмъ должностямъ долженъ быть открытъ каждому безъ различія религіи или происхожденія, а единственно лишь сообразно его способностямъ и заслугамъ. Эти принципы теперь господствуютъ во всѣхъ уже европейскихъ государствахъ, гдѣ при назначеніи на должность и не упоминаются слова: *католикъ, протестантъ, еврей, атеистъ*. Не-мусульманскіе подданные Порты посылаютъ дѣтей своихъ учиться за границу, приобретаютъ тамъ полезныя познанія; но потому только, что они не мусульмане, они не видятъ впереди никакой будущности и рошутъ на это. Чтобы остановить все болѣе и болѣе усиливающееся среди нихъ недовольство, Порта должна взять въ свои руки инициативу и изыскать средства оградить своихъ подданныхъ отъ иностраннаго вліянія. Надо вселить имъ такіа идеи, дать такое направленіе ихъ образованію, чтобы они ожидали осуществленія своихъ надеждъ не отъ чужихъ государствъ, а отъ своего законнаго повелителя. Въ виду этого, само собою разумѣется, необходимо уничтожить всякую разницу между не-мухамеданами, занимающими должности, и ихъ мусульманскими согражданами, облеченными тѣмъ же званіемъ и занимающими тѣ же должности. Но число состоящихъ на государственной службѣ не-мусульманъ сравнительно съ мусульманами ничтожно, а между тѣмъ число способныхъ для занятія низшихъ и высшихъ постовъ въ государствѣ среди не-мусульманъ все возрастаетъ, а если имъ открытъ безпрепятственный доступъ къ службѣ, то они, благодаря своимъ способностямъ и познаніямъ, овладѣютъ всѣми мѣстами и заслонятъ такимъ образомъ мусульманскихъ чиновниковъ, чего совсѣмъ нежелательно. «Къ сожалѣнію, — говоритъ Аали-паша, — надобно признаться, что мы пренебрегаемъ образованіемъ и нисколько не стремимся сравняться съ окружающими насъ цивилизованными народами, такъ что не будь христіанъ, мы бы не въ состояніи были даже вовсе управлять своимъ государствомъ. И если бы мы захотѣли и впредь относиться къ не-мусульманамъ такъ же, какъ мы относились къ нимъ дѣйстви- тельно раньше, и если бы даже намъ удалось завязать имъ глаза, то все-таки мы бы не могли совершенно устранить вниматель- ства ихъ покровителей, сильныхъ государствъ съ двумя-стами милліонами свободныхъ христіанскихъ подданныхъ. Если же бы мы вздумали пойти инымъ путемъ, или продолжать дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали доселѣ, то фундаментъ мусульманскаго государства — чего Боже сохрани! — распался бы и ослабѣлъ, а независимость мусульманскаго народа уничтожилась бы, какъ

это выходить по многим признакамъ... А чтобы избежать опасности отъ неограниченнаго допущенія христіанъ къ государственной службѣ, мы должны заявить, что всякій желающій поступить на службу долженъ умѣть читать и писать по-турецки? Затѣмъ Аали-паша считаетъ необходимымъ приняться, не щадя денегъ и не щадя дорогого времени, за устройство школъ, въ которыхъ бы дѣти мухаммеданъ и христіанъ обучались вмѣстѣ, такъ чтобы этимъ путемъ мало-по-малу сгладилась та укоренившаяся въ нами ненависть и вражда, которая существуетъ между тѣми и другими. Въ заключеніе онъ указываетъ на неудовлетворительное состояніе правосудія и считаетъ нужнымъ позаботиться о скорѣйшемъ организованиі смѣшанныхъ судовъ и составленіи кодекса гражданскихъ законовъ.

Мы передали почти съ буквальною точностью главнѣйшіе пункты записки Аали-паши. Изъ нея видно, что болѣе образованные оттоманы понимаютъ безнадежное состояніе своего государства, и сознаютъ, въ чемъ заключаются самыя большія мѣста его устройства. Но и тутъ вы на каждой строчкѣ видите все же турка-мусульманина: толкуя о необходимости полной равноправности христіанъ съ мусульманами, онъ все же стремится такъ или иначе сохранить преобладающее положеніе своей національности и достаточнымъ средствомъ къ этому считаетъ навязать свой некультурный языкъ націямъ, настолько опередившимъ турокъ въ образованіи, что едва ли эти послѣдніе въ состояніи теперь догнать ихъ. Что же касается до той фанатической партіи, которая привыкла считать своимъ исключительнымъ правомъ пользоваться всѣми благами государственнаго общежитія, не принося, съ своей стороны, никакихъ жертвъ для поддержанія и развитія этого общежитія, то она не имѣла никакого расположенія къ какому-либо радикальнымъ преобразованіямъ въ государственномъ строѣ, а упорно стояла и стоитъ на своемъ *non possumus*, хоть бы весь міръ провалился, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что предложенныя Аали-пашей мѣры были приняты лишь въ самой незначительной степени и не привели ни къ какимъ результатамъ. Кто имѣетъ терпѣніе со вниманіемъ прочесть записку Аали-паши, тотъ въ состояніи понять, сколь смѣшны должны быть гомеопатическія дозы разныхъ дипломатическихъ совѣтовъ и предложеній въ глазахъ правительства, члены котораго очень хорошо знаютъ объ этомъ замѣчательномъ произведеніи и высказанныхъ въ немъ соображеніяхъ. Консервативная партія турецкая совсѣмъ пренебрегла его совѣтами, а прогрессивная партія такъ-называемыхъ образованныхъ оттомановъ, по-

нила его по-своему и въ сущности ничуть не лучше другихъ фанатическихъ изувѣровъ, какъ это показали послѣдующія дѣйствія ея представителей. Прославленный за свои знанія и образованность, и притомъ не только турками, но и европейцами (пуще всѣхъ французами), Ахмедъ-Вефикъ-паша оказался ни болѣе ни менѣе какъ отъявленнымъ палачомъ, поставившимъ себѣ цѣлью систематическое истребленіе славянскихъ подданныхъ Порты; вожаки младо-турецкой партіи выставляютъ себя либералами передъ европейскою публикою, а подъ рукою у себя творятъ самыя несообразныя съ истинными гуманно-либеральными понятіями вещи. А все это происходитъ оттого, что образованіе, на которое съ такою настойчивостью указываетъ Аали-паша въ своей запискѣ, отливается у нихъ въ самыя уродливыя формы, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ коренныхъ свойствъ оттоманской расы и мусульманской религіи. Въ какомъ положеніи находится теперь эта основная сторона государственно-общественнаго быта всякой страны, т.-е. воспитаніе и образованіе,—это и какъ изъ турецкихъ дѣятелей заявилъ себя на этомъ поприщѣ, объ этомъ мы сейчасъ узнаемъ.

IV.

Въ прежнее время чиновники оттоманской Порты вербовались исключительно изъ *улема* — «ученныхъ», которые получали свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, существующихъ при мечетяхъ, и называемыхъ *медресэ*. Питомцы этихъ заведеній и есть тѣ ознаменовавшіе себя въ послѣднее время *софты*, о которыхъ такъ много было писано, что можно больше уже не распространяться о нихъ. Это классъ тѣхъ тугоумыхъ паразитовъ, которыхъ по ограниченному самодовольству можно приравнять къ нашимъ раскольничьимъ начетчикамъ: также они по-долгу муштруются въ книжной мудрости, также медленны и упрямы въ своей общественной дѣятельности, и потому также свято хранятъ допотопныя унаслѣдованныя традиціи и недоступны никакому освѣжающему образовательному вліянію извнѣ.

Султанъ Махмудъ II, человѣкъ энергическій, покончивъ съ янычарами, махнулъ рукою на почтенныхъ улема и имѣлъ въ виду создать классъ людей, образованныхъ на европейскій манеръ, такъ какъ уже слишкомъ стала ощутительна неудовлетворительность познаній, получаемыхъ въ разныхъ медресэ, для государственныхъ потребностей и сношеній съ Европою, которыхъ

замѣтно осложнились. И вотъ онѣ основалъ медицинскую школу, школы военныя, инженерныя, морскія. Были приглашены учителя и инструкторы изъ Италіи, Австріи, Германіи, Франціи и Англіи. Для образованія чиновниковъ было организовано при ней переводческое бюро, подъ вѣдѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что послѣ греческаго возстанія рѣшено было не поручать должности драгомана Порты грекамъ. Къ счастью, нашелся одинъ турокъ, нѣкто Исмаиль-бей, который по собственной охотѣ еще раньше занимался изученіемъ французскаго языка; и ему, произведши съ грѣхомъ пополамъ экзаменъ, поручена была вышеозначенная должность. Во главѣ этого бюро стоялъ англичанинъ, г. Редгаузъ, знатокъ языковъ. Изъ этой-то чиновничьей школы, въ родѣ лицей, и вышли Фуадъ-паша, Аали-паша, Ахмедъ-Вефикъ-паша, Мюнифъ-эфенди (нынѣ министръ народнаго просвѣщенія) и др. Нѣкоторые молодые люди были посланы для образованія въ Парижъ. Но къ чему повели эти въ основаніи своемъ благія мѣропріятія? Они создали особый классъ полуобразованныхъ фатовъ, монополизировавшихъ государственную службу, утратившихъ всѣ хорошія свойства старомодныхъ софѣ и усвоившихъ всѣ дурныя качества европейскихъ кутилъ, классъ такъ-называемыхъ *стамбульскихъ эфенди*. А произошло это вслѣдствіе особеннаго характера оттоманской расы, питающей непреодолимое отвращеніе къ труду, который она считаетъ унижительною для человѣка, и вѣками привыкшей жить паразитомъ насчетъ подвластной ей христіанской райи. Какъ бы ни были хорошо организованы общественныя школы, онѣ никогда не дадутъ хорошихъ плодовъ, если въ самомъ обществѣ нѣтъ началъ, благопріятствующихъ школьному образованію; а этимъ-то въ корнѣ и страдаетъ турецкое общество.

Турецкое воспитаніе обусловливается гаремнымъ строемъ семейной жизни и существенно разнится отъ европейскаго. Въ то время какъ у насъ воспитаніе дитяти начинается съ появленія его на свѣтъ божій и ведется послѣдовательно родителями, потомъ школою, учителями, профессорами, путешествіями и свободнымъ обращеніемъ съ другимъ поломъ, въ Турціи всѣхъ этихъ воспитательныхъ средствъ не существуетъ. Мать, болѣею частью купленная на рынкѣ рабыня и обученная только искусству кокетничать, само-собою разумѣется, неспособна дать воспитаніе своему дѣтищу; а отецъ по своимъ дѣламъ большую часть дня находится въ отсутствіи. Первые 6—8 лѣтъ ребенокъ остается на рукахъ какой-нибудь негрѣтанки-рабыни или евнуха, и въ ту пору какъ ребенокъ европейца *воспитывается* въ правилахъ порядли-

вості, послушанія, соревнованія, честолюбія, уваженія къ старшимъ, аккуратности, дитя турецкое просто-на-просто *растетъ* въ полнѣйшей распущенности. Ни о какихъ ограниченіяхъ своеволія нѣтъ и рѣчи; напротивъ, воля ребенка во всѣхъ случаяхъ служить закономъ для его родителей и слугъ, и когда одинъ европеецъ, бывши свидѣтелемъ ежедневно повторявшихся подобныхъ отношеній отца къ своему сыну, однажды замѣтилъ объ этомъ отцу, то послѣдній равнодушно отвѣчалъ на это: *Не япаимъ? Джододжукъ истамійбуръ; азыкдыр*: «Что подѣлаешь? дитя такъ хочетъ; это не хорошо». А такія отношенія господствуютъ во всѣхъ турецкихъ семействахъ безъ исключенія, и само-собою очевидно для педагоговъ, что даже самое наилучшее образованіе ничего не помогаетъ турецкому юношеству, независимо отъ физической и интеллектуальной слабости расы. Единственно, что ребенокъ усвоиваетъ въ эти годы—это безграничное презрѣніе къ гурамъ и блистательную идею о превосходствѣ турецкой расы надъ всѣмъ остальнымъ. Принудительнаго обученія, установленнаго закономъ или силою самихъ вещей въ Европѣ, здѣсь не знаютъ, хотя на бумагѣ оно и значится, и даже упоминается въ особой статьѣ недавно провозглашенной конституціи; но до сихъ поръ остается мертвою буквой. Когда молодой барчукъ изъ касты стамбульскихъ эфенди не обнаруживаетъ никакого расположенія чему-либо учиться, то при этомъ довольствуются тѣмъ, что говорятъ вамъ: *Джододжукъ истамійбуръ; не япаимъ*: «Дитя не хочетъ—что подѣлаешь?» И вотъ будущій эфенди растетъ сорванцомъ. Это буквально вѣрно; примѣровъ масса. Приведемъ одинъ. У Рэуфъ-бея, председателя одного отдѣленія государственнаго совѣта, сына покойнаго Рифъ-атъ-паши, который во время миссіи Меншикова былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и считался первымъ стилистомъ въ свое время, есть сынъ лѣтъ 20—22, который до сихъ поръ ни читать, ни писать не умѣетъ, и все свое время проводитъ только въ томъ, что отправляется въ находящейся напротивъ его родительскаго дома отель персидскаго посольства и цѣлыми днями потѣшаетъ посольскую прислугу разными паясничествами, передразнивая грековъ, евреевъ, армянъ, цыганъ, и пр., какъ они выговариваютъ по-турецки.

Въ элементарныхъ школахъ учатъ дѣтей немножко читать и писать, кромѣ того, корану и необходимымъ молитвамъ, разумѣется, чисто механически, безъ пониманія смысла арабскихъ словъ. Много что къ этому еще присоединяется кое-что изъ ариметики. Въ школахъ *руидііе*, т. е. высшихъ городскихъ училищахъ, учатъ немного географіи и исторіи, но уровень этихъ

школъ ниже германскихъ деревенскихъ школъ. Нравственное воспитаніе этихъ школъ крайне ничтожное; физическаго совсѣмъ нѣтъ. И вотъ, богатые турки, сознавая неудовлетворительность этихъ школъ, приглашаютъ для своихъ дѣтей домашняго учителя, болѣею частью ходящаго изъ какого-нибудь медресе, который въ теченіе 5—6 лѣтъ еле-еле выучиваетъ своихъ питомцевъ читать и писать съ грѣхомъ пополамъ и кое-что понимать по-арабски и персидски, а все остальное восполняется въ нихъ національнымъ высокобріемъ, которое не преминетъ этотъ менторъ вселить въ нихъ. Если же отецъ вздумаетъ пригласить европейскихъ учителей для обученія дѣтей иностраннымъ языкамъ, исторіи, математикѣ, рисованію, музыкѣ и т. п. предметамъ, то ходжа навѣрное станетъ этому противиться. До чего можетъ доходить упрямое пренебреженіе ко всему, что возбуждаетъ естественное любопытство во всякомъ образованномъ человѣкѣ, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Племянникъ эскъ-верховнаго вѣзира Махмудъ Недимъ-паши, однажды, говоритъ одному европейцу (именно автору настоящей книги), что онъ гдѣ-то прочиталъ о вознагражденіи изобрѣтателя шахматной игры и цѣлыхъ три дня тщетно трудился надъ вычисленіемъ потребованной награды. Европейецъ замѣтилъ ему, что съ помощью алгебраическихъ вычисленій это легко узнать въ какія-нибудь 15—20 минутъ, а съ логарифмами достаточно и 10 минутъ. Мальчикъ принесъ таблицу логарифмовъ, и европейецъ доказалъ ему сказанное имъ. Но въ то время, какъ онъ работалъ надъ громадными цифрами, мальчикъ обратился къ одному изъ своихъ находившихся при этомъ родственниковъ: *Бакъ, бакъ не адждаибъ шей!* «Гляди, гляди — вотъ диво-то!» А тотъ съ невыразимою флегматичностью спрашиваетъ: «Лязимъ-ми?» — «А развѣ это нужно?» — «Не нужно-то не нужно, да только все же удивительно», отвѣчалъ мальчуганъ. — «Э, ничинъ лязимсызъ шейё бакимъ?» — «Ну, вотъ еще, къ чему стану я смотрѣть на бесполезное дѣло?» — возразилъ тотъ, съ явнымъ пренебреженіемъ повернулся къ нимъ спиною и устоялъ на потолокъ бессмысленный взоръ свой.

Да и что можетъ побуждать османца стремиться къ образованію? Если онъ, какъ сынъ паши или другого высшаго государственнаго сановника, принадлежитъ къ привилегированному сословію стамбульскихъ эфенди, то его на 16—17 году опредѣляютъ въ какое-нибудь бюро Порты, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изучаетъ элементы государственной службы и занимается перепискою или регистратурою, болѣею частью безъ жалованья. Въ то же время, будущій государственный мужъ

обыкновенно женится, тѣмъ уже окончательно прекращается всякое стремленіе къ дальнѣйшей наукѣ. Да и гдѣ ему взять времени для этого? Утромъ онъ пребываетъ въ гаремѣ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время отправляться въ бюро. По окончаніи дневныхъ занятій онъ идетъ куда-нибудь въ кофейню или въ казино, пить тамъ мастику (самый крѣпкій спиртуозный напитокъ, противнаго анисоваго запаха), ужинаетъ, принимаетъ или самъ дѣлаетъ визиты и, въ концѣ-концовъ, опять возвращается въ гаремъ. Дѣти же бѣдныхъ родителей 12—14 лѣтъ поступаютъ въ обученіе къ какому-нибудь ремесленнику, и это самая порядочная часть турецкой націи, отличающаяся сравнительно хорошими нравственными качествами. Если же малый обнаружитъ хоть слабые признаки способностей, то его посылаютъ въ медресъ, гдѣ онъ проводитъ много лѣтъ въ изученіи высшей мусульманской мудрости—толкованіи Корана, мугаммеданскихъ преданій, житій святыхъ, философіи, физики на средневѣковыхъ началахъ, астрологіи, мусульманскаго права и т. п. наукъ, ни къ чему негодныхъ въ практической жизни, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, въ свою очередь, переливать эту чепуху въ души другихъ жаждущихъ просвѣщенія.

Но большая часть предпочитаетъ честному труду проводить праздную, пустую жизнь въ вонюхихъ пашей и другихъ богатыхъ людей, въ качествѣ привратниковъ, конюховъ, кофеваровъ, набивателей трубокъ и т. п. Вслѣдствіе гаремной системы домохозяйства и непреодолимаго отвращенія къ труду, дома зажиточныхъ османлы, какъ извѣстно, всегда переполнены множествомъ челяди, среди которой принципъ раздѣленія домашнихъ послугъ соблюдается съ самою строжайшею точностью. Большинство слугъ не получаетъ никакого жалованья, имѣя у своего господина только кровъ, пищу и обноски платья, а для покрытія прочихъ своихъ нуждъ они должны рассчитывать на подачи отъ тѣхъ, кто бываетъ у нихъ господина просто ли съ визитомъ или съ какою-нибудь просьбою; въ крайнемъ же случаѣ они принуждены зашибать себѣ копѣйку разными плутнями. И вотъ эти-то несчастные паразиты, въ награду за свое долготѣное, бесполезное пресмыканье, впослѣдствіи, при содѣйствіи своихъ влиятельныхъ патроновъ, получаютъ разныя должности въ провинціальныхъ управленіяхъ—дѣлаются чиновниками, окружными начальниками, сборщиками податей, жандармскими офицерами и т. п. Можно себѣ представить, какъ должно идти управленіе, во главѣ котораго сидитъ или бывшій лавей, или конюхъ, или поваръ, и т. п.!

Но турки мало объ этомъ заботятся. Мы какъ сейчасъ поминимъ, бывшій секретарь турецкаго посольства въ Петербургѣ, Реуфъ-бей съ удивительною отзывчивостію о принятомъ у насъ обычай держать особый столъ для прислуги. «У насъ, — говорилъ этотъ *убайк-адамъ* (маленькій человѣчекъ), — что кушаютъ господа, то и прислуга: разница въ пищѣ считается предосудительной!» Оно точно такъ и есть у турокъ: сидитъ ли распредѣлять столъ, когда онъ и у господъ-то состоитъ изъ какихъ-нибудь жареныхъ бадлиджановъ или памы, да пилава на деревянномъ маслѣ. Турки рѣшительно не имѣютъ понятія о тѣхъ потребностяхъ, какія извѣстны всякому цивилизованному европейцу, наиримѣръ, о хорошемъ, т.-е. питательномъ и вкусномъ столѣ, о комфортномъ устройствѣ жилища и т. п. Самъ султанъ спитъ на перинѣ, постилаемой прямо на полъ или на нары; внутренность же домовъ турецкихъ вельможъ поражаетъ отсутствіемъ вкуса и комфорта. Куда же, спросятъ, дѣвають они собираемыя съ такою жадностью деньги? На разные дорого-стоющіе бездѣлки или на цѣнные предметы, но ничуть не гармонирующіе съ остальною обстановкою оттоманскаго комфорта, или же, и это главнымъ образомъ, прямо-на-прямое на удовлетвореніе своихъ скотскихъ страстей, т.-е. на покупку наложницъ и на приобрѣтеніе разныхъ нарядовъ и украшеній для этихъ орудій своего сладострастія. Султанъ Абду-ль-Азизъ, наиримѣръ, покупалъ массу картинъ, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ. Еще недавно въ Парижѣ было заказано для султанскихъ гаремницъ 8,000 паръ башмачковъ стоимостью въ 2,000 франковъ каждая. Поэтому-то равенство прислуги турецкой съ господами въ домашнемъ обиходѣ вовсе не есть что-либо необычайное. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ рабство нигдѣ такъ не господствуетъ и не бросается въ глаза постороннему зрителю, какъ именно въ Турціи. Считая всѣхъ, кромѣ себя самихъ, презрѣнными тварями, стамбульскіе вельможи естественно не даютъ себѣ труда справляться о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ своихъ служекъ, при назначеніи ихъ на начальственные посты среди провинціального населенія, которое въ ихъ глазахъ ничѣмъ не выше скотовъ, а тѣмъ паче ихъ же собственныхъ лакеевъ, конюховъ и т. п. Въ силу такого-то взгляда на вещи, описанный порядокъ замѣщенія второстепенныхъ государственныхъ должностей такъ прочно утвердился въ Турціи, что образовательный цензъ не имѣетъ тамъ доселѣ на практикѣ никакой цѣны, несмотря на всѣ старанія правительства придать ему подобающее значеніе.

Въ концѣ царствованія Абду-ль-Меджида верховный визирь Кыбрысли Мегемедъ-паша устроилъ чиновничью школу подъ именемъ *Мектеб-и-Миллиѣ*, въ которой подъ руководствомъ опытныхъ учителей, болѣею частью христіанъ и европейцевъ, кромѣ языковъ турецкаго и французскаго, преподавались арифметика, геометрія, алгебра, географія, исторія, гражданское и уголовное право, политическая экономія, естественная исторія, статистика. По выслушаніи полнаго курса, продолжавшагося 2½ года, воспитанники получали дипломъ, дававшій имъ предпочтительное право на занятіе служебныхъ мѣстъ въ провинціяхъ, о чемъ и дано было знать всѣмъ генераль-губернаторамъ циркулярно. Но что же вышло на дѣлѣ? Кончившій курсъ въ школѣ ѣдетъ куда-нибудь въ провинцію съ цѣлью занять открывшуюся тамъ вакансію и представляетъ мѣстному мюдру или каиммакаму свой аттестатъ и рекомендательное письмо. Между тѣмъ вали уже назначилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ отчисленныхъ въ за-штатъ трубконабивателей, конюховъ или соразвратниковъ. Онъ съ изысканною вѣжливостью принимаетъ простителя и его рекомендацію, и выражаетъ глубокое сожалѣніе, что тотъ не далъ ему знать объ этомъ раньше, и проситъ кандидата подождать открытія новой вакансіи. Съ открытіемъ новой вакансіи онъ опять обойденъ. «Очень жаль, — извиняется тогда вали, — что это мѣсто было уже раньше мною обѣщано одному очень способному человѣку; потерпите еще немного». Воспитанникъ школы такимъ образомъ ждетъ, все ждетъ, запутывается въ дѣлахъ и, въ концѣ-концовъ, ни съ чѣмъ въ отчаяніи возвращается опять въ Константинополь, гдѣ поступаетъ въ приказчики, газетчики, или, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ домашніе учителя въ какомъ-нибудь семействѣ. Этотъ порядокъ продолжается по сію пору, и еще очень недавно французско-турецкая газета «Хакыкѣтъ» — «La Vérité», органъ военнаго министра, заявила во всеуслышаніе, что уже нѣкто болѣе не хочетъ поступать въ эту школу, которая еще продолжаетъ влечить свое плачевное существованіе. Теперь Абду-ль-Хамидъ возвѣстилъ объ основаніи новой подобной же школы, и объ образованіи особой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая одна уполномочена утверждать должностныхъ лицъ, назначаемыхъ мѣстными мюдрами и каиммакамами; но изъ циркуляра, разосланнаго этою комиссіей, не видно, какими данными она будетъ руководиться, чтобы отличать достойныхъ субъектовъ отъ недостойныхъ и контролировать представленія генераль-губернаторовъ, которые, разумѣется, не перестанутъ подсовывать всегда своихъ креатуръ.

Въ то время когда Абду-ль-Азизъ былъ въ Парижѣ (1867), сопутствовавшій ему Фуадъ-паша договорился съ французскимъ правительствомъ объ устройствѣ лицея на французскихъ началахъ. Первымъ директоромъ его былъ г. Сальва, опытный, добросовѣстный и солидный педагогъ, который однако же, по истеченіи срока своего контракта, не пожелалъ возобновить его и возвратился во Францію. Онъ напечаталъ въ «Revue des Deux Mondes» (за 1874 годъ) статью, въ которой съ полной правдивостью описалъ состояніе этого заведенія и всѣхъ трудностей, съ которыми ему приходилось бороться. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что успѣхи турецкихъ воспитанниковъ всегда были плоше прочихъ учениковъ — наблюденіе, которое подтверждаютъ всѣ, кто только занимался обученіемъ въ Константинополѣ и которое совершенно естественно при существующей системѣ воспитанія въ турецкихъ домахъ. То же самое свидѣтельствуетъ и г. Редгаузъ, долго руководившій переводческимъ бюро при Портѣ, по заявленію котораго въ 1870 въ цѣлой Турціи нельзя было насчитать больше 20 человекъ, понимавшихъ по-французски, хотя ихъ множество училось въ означенномъ бюро.

По уходѣ г. Сальва въ іюнѣ 1875 года директоромъ лицея сдѣланъ былъ нѣкто Савасъ-паша. Грекъ по происхожденію и по ремеслу врачъ, посредствомъ разныхъ интригъ и лобызанія полъ одеждъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ добился въ 1863 — 64 году званія полицейскаго медика. Лѣтомъ 1865 года въ Константинополѣ разразилась страшная, опустошительная холера. Фуадъ-паша учредилъ комиссію изъ врачей, на которую было возложено порученіе со всѣми полномочіями принять всевозможныя мѣры въ прекращеніи эпидеміи. Городъ былъ раздѣленъ на участки, и въ каждый было назначено по два врача. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера, обязана была доставлять донесенія высшему начальству о всемъ, что касалось эпидеміи. Вице-предсѣдателемъ былъ Савасъ-паша, тогда еще Савасъ-эфенди. Въ сентябрѣ эпидемія прекратилась, истребивъ до 30,000 народу. Фуадъ-паша потребовалъ отъ комиссіи доклада о дѣятельности врачей, фармацевтовъ, медицинскихъ студентовъ, фельдшеровъ и т. п. въ видахъ награжденія ихъ орденами. Составленъ былъ списокъ дѣятелей и данъ былъ Савасу-эфенди для представленія вѣдущаго. Что случилось съ этимъ спискомъ, никто доселѣ не знаетъ; известно только то, что вмѣсто врачей, фармацевтовъ, фельдшеровъ, медицинскихъ студентовъ, которые работали, подвергая свою жизнь опасности, награды получили какія-то подозрительныя личности, которыхъ никто нигдѣ не видалъ во время эпидеміи, напр.

люди, подносившіе членамъ комиссіи во время ихъ засѣданій кофе или подававшіе имъ горячіе уголья для закуриванія папиросокъ. Это было все по милости Саваса-эфенди. Сдѣлавшись директоромъ лицея, онъ и тутъ поступалъ подобнымъ же образомъ. Какого-то г. Д'Олли, который 15 лѣтъ тому назадъ эмигрировалъ, по поводу столкновенія съ юстиціею, изъ Бельгіи, онъ сдѣлалъ профессоромъ римскаго права; ирландца Гульда, котораго г. Сальвъ, по педагогическимъ и нравственнымъ соображеніямъ, принужденъ былъ удалить изъ лицея, онъ сдѣлалъ опять преподавателемъ и назначилъ ему 12,000 франковъ жалованья за 8 годовыхъ лекцій. Тогда же былъ основанъ университетъ, называемый *Дару-ль-Фунунъ*. Савасъ-паша сдѣлалъ своего племянника, который дотогѣ занимался торговлею въ Галатѣ, инспекторомъ учебной части, секретаремъ директора и секретаремъ этого университета. Какой-то Янко Виноносъ, о которомъ прежде никто и не слышалъ, произведенъ былъ Савасъ-пашею въ *канцлеръ университета*. Въ то же время Савасъ-паша велъ интриги между Мегемедъ-Рушди-пашею и Мидхатъ-пашею, который былъ тогда верховнымъ визиремъ. Первому онъ обѣщалъ свергнуть послѣдняго, а у Мидхата прикидывался самымъ преданнымъ другомъ, готовымъ выслушивать и принимать въ сердцу всѣ его тайны. Теперь Савасъ-паша губернаторомъ Архипелага и острова Кипра и, какъ писали недавно въ газетахъ, изловилъ шайку морскихъ разбойниковъ.

Въ настоящій моментъ оба эти высшія учебныя заведенія, и лицей и университетъ, ввѣрены управленію Али-Соави-эфенди. Этотъ тоже хорошъ. Стяжавъ себѣ популярность, когда онъ былъ еще простымъ ходжею въ огромномъ тюбанѣ, своими публичными проповѣдями въ мечетяхъ во время рамазана, онъ основалъ потомъ газету «Мубиръ» — «Вѣстникъ» и сталъ во главѣ такъ-называемой младотурецкой партіи. Во время преслѣдованія этой партіи въ 1867 году онъ эмигрировалъ въ Европу; жилъ долгое время въ Лондонѣ, гдѣ сошелся съ извѣстнымъ туркофиломъ Уркугардтомъ и женился на богатой англичанкѣ. Въ 1876 году онъ вернулся въ Константинополь, и теперь стоитъ во главѣ двухъ центровъ оттоманской науки, окружаемый самымъ идолопоклонническимъ почитаніемъ отъ всѣхъ стамбульцевъ. Этотъ закоренѣлый фанатикъ-фарисей началъ свою новую педагогическую дѣятельность съ того, что повыгонялъ изъ лицея всѣхъ учениковъ не-турецкой національности, въ числѣ коихъ было 49 болгаръ, 30 иностранцевъ и будто бы 5 *московцевъ*, хотя первый параграфъ устава лицея гласитъ, что это заведеніе открыто для

встать оттоманских подданных безъ различія. Какъ попали туда русскіе, — рѣшительно не понимаемъ: не разумѣютъ ли подъ ними дѣтей польскихъ эмигрантовъ? Мотивъ этого очищенія очевиденъ и съ полною откровенностью высказанъ Али-Соави-эфенди даже печатно, когда редакція газеты «Османлі» сдѣлала ему упрекъ за такое сокращеніе числа воспитанниковъ. Мало того: онъ обругалъ печатно редактора «Османлі» гяуромъ-москочомъ и привлекъ его даже къ суду за диффамачію. Все турецкое общественное мнѣніе стало на его сторону въ этой исторіи: въ газетахъ посыпались благодарственные панегирики Али-Соави-эфенди отъ воспитанниковъ лица и отъ другихъ взрослыхъ лицъ, не находящихъ словъ въ похвалу такому великому человѣку. Люди близко знакомые со стамбульскими отношеніями, кажется, не ошибаются въ своемъ предположеніи, что Али-Соави-эфенди съ Мидхатъ-пашей и пресловутымъ Ахмедъ-Вефигъ-пашей «составляли», какъ онъ выражается, «адскую тріаду болгарскихъ ужасовъ». Эти триумвиры, пользующіеся громаднымъ вліяніемъ въ стамбульской публикѣ, повидимому, задались цѣлью систематически истребить ненавистныхъ имъ болгаръ и настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль до послѣдняго времени, какъ это явствуетъ изъ образа дѣйствій Али-Соави-эфенди и Ахмедъ-Вефигъ-паши.

Вотъ какъ направляется образованіе турецкаго юношества даже въ настоящую минуту, когда пора бы было образумиться его фанатическимъ руководителямъ и понять, что ретроградная, сумасбродная ихъ система, при всей своей ортодоксальности, не поведетъ къ добру, и рано или поздно найдетъ себѣ достойное возмездіе.

Но всѣ эти личности, какъ Савасъ-паша, Али-Соави-эфенди и др., не болѣе какъ второстепенные дѣятели: главные принципы и направленіе народнаго образованія въ Турціи должны конечно имѣть свое начало въ министерствѣ народнаго просвѣщенія: что же оно дѣлаетъ? какой духъ въ немъ господствуетъ? Наконецъ, могло же быть что-нибудь сдѣлано и по инициативѣ частныхъ лицъ, по почину самого общества турецкаго? Или оно совершенно безучастно относится къ дѣлу воспитанія и образованія молодого поколѣнія и все предоставляетъ благоусмотрѣнію и мудрости правительства? Отвѣтъ на это мы постараемся дать ниже.

В. Смирновъ.

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА

THE SKELETON IN THE HOUSE ¹⁾.

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

— А вотъ это наша спальня,—сказалъ Лебрехтъ, отворяя дверь:—нравится ли она тебѣ?

— Восхитительная,—отвѣчала Анхенъ.

Она простояла съ минуту на порогѣ и обвела глазами комнату. Затѣмъ, быстрыми шагами подошла къ камину и бросилась въ кресло.

— Боже мой, какъ я устала!

Лебрехтъ закусилъ губы, и его красивое лицо, довѣрчиво улыбавшееся передъ тѣмъ, омрачилось. Анхенъ не могла этого видѣть, потому что она поставила ноги на каминную рѣшетку и откинула голову назадъ; но въ ту минуту, какъ онъ тихо проходилъ мимо нея по мягкому ковру, она протянула ему руку, проговоривъ умоляющимъ тономъ:

— Не сердись на меня, Лебрехтъ!

Онъ схватилъ маленькую ручку и прижалъ ее къ губамъ:

— За что могу я на тебя сердиться,—невнятно пробормоталъ онъ, потому что сердце у него стучало, какъ молотокъ. Если она выпуститъ его руки, если глаза ея съ любовью

¹⁾ Т.-е. „Въ домѣ—скелетъ“—соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: на дунѣ камень, болячка; вообще: нечистая, неспокойная совѣсть. — Нѣмецкій оригиналъ печатается въ первыхъ выпускахъ „Журнала Вестермана“.

остановятся на немъ, если губы ея протянутся для поцѣлуя, тогда онъ выскажется!

Но темные глаза глядѣли устало; прелестный, слегка открытый ротикъ не улыбался; рука тихо выскользнула изъ его руки и повисла. Онъ уже готовъ былъ опуститься на колѣни, но тутъ опять выпрямился и отвернулся, съ трудомъ сдерживая вздохи, тѣснившие его удрученную грудь.

Итакъ, снова приходится отложить на завтра признаніе, какъ это было во всѣ шесть недѣль ихъ свадебнаго путешествія!

Но этотъ вечеръ первый, который они проводятъ въ своемъ домѣ! онъ не похожъ на другіе! За нимъ не послѣдуетъ никакого «завтра»; онъ рассчитывалъ на него такъ, какъ игрокъ, который ставитъ на послѣднюю карту все свое достоинствѣ, — такъ и онъ возлагалъ на этотъ вечеръ свою послѣднюю надежду. Завтра онъ долженъ сознаться... но это-то именно и ужасно! Тогда, вѣдь, это не будетъ больше признаніемъ, а просто лишь отерпѣніемъ, устранить которое больше не въ его власти; ни молчаніе, ни ложь, никакія уловки больше немислимы... И вотъ, очутится онъ въ положеніи преступника, упорно и долго заправшагося и вдругъ уличеннаго, и который не можетъ рассчитывать на снисходительность судьи.

И судьей этимъ будетъ его молодая, прекрасная, обожаемая жена, которая такъ слѣпо ему довѣряетъ! которая еще вчера утромъ... Боже мой! неужели онъ въ самомъ дѣлѣ могъ только улыбнуться, когда она, наклонивъ свое разочарованное личико къ его плечу, полу-смѣясь, полу-плача, сказала: «я желала бы только, чтобы у *нею* были твои добрые, честные глаза!» Да! онъ только улыбнулся въ отвѣтъ и безъ счету цѣловалъ ее, но — все же не сознался.

Онъ подошелъ къ окну, раздвинулъ тяжелыя занавѣсы и уставился въ сумракъ осенняго вечера, мощное дыханіе котораго проносилось надъ деревьями, такъ что вѣтки трещали, а сухіе листья неистово волотились объ окна.

И ему вспоминалась та злосчастная лѣтняя ночь и то, какъ онъ, точно безумный, подбѣжалъ къ этому самому окну.

Онъ раскрылъ его, самъ того не сознавая; холодный, сырой воздухъ освѣжилъ его горячій лобъ, и онъ жадно глоталъ его.

— Милый Лебрехтъ, изъ окна страшно дуетъ, — замѣтила Анхенъ у камина.

— Извини, пожалуйста.

Онъ закрылъ окно, задернулъ занавѣсы и отошелъ отъ окна. Жена сидѣла въ прежней позѣ; эта апатія, охватившая суще-

ство, которое онъ привыкъ видѣть съ утра до ночи въ веселомъ, въ возбужденномъ расположеніи духа, досаждала ему въ настоящую минуту, когда онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ.

— Ты устала, Анхень, — сухо произнесъ онъ: — ты бы легла спать.

— Я совсѣмъ не устала, — отвѣчала она, — а какъ-то раскленлась; должно быть, отъ долгой ѣзды и отъ вѣтра, который все время дулъ намъ въ лицо.

— Въ послѣднемъ я не виновата: на то мы и въ Помераніи, на берегу моря, которому незнакомы ваши ирѣнные рейнскіе зефирмы... а что касается ѣзды... то мнѣ очень жаль, но я желала устроить все къ лучшему, ты бы должна была это знать.

Анхень повернулась въ креслѣ: впервые Лебрехтъ заговорилъ съ ней такимъ холоднымъ, можно даже сказать, рѣзкимъ тономъ. Она поглядѣла на него, широко раскрывъ глаза, не столько со страхомъ, сколько съ удивленіемъ.

— Прости меня, — проговорилъ онъ, — я не хотѣлъ упрекать тебя; это сорвалось у меня съ языка... я самъ не знаю, какъ это случилось... должно быть, я самъ раскленился... немного...

— Отдохнемъ хорошенько, — предложила Анхень. — Оставь меня на этомъ креслѣ; на немъ такъ хорошо сидится, а затѣмъ отлично поужинаемъ. Судя по тому огню, который фрау Ульценъ развела въ кухнѣ, она собирается знатно угостить насъ.

— Но я боюсь, что ужинъ будетъ готовъ не такъ-то скоро, — замѣтилъ Лебрехтъ: — вѣдь, ты знаешь, что она ждала насъ двумя часами позже.

— О! я не спѣшу, напротивъ того, — возразила Анхень: — я, право, чувствую себя такой разбитой, что не въ состояніи ѣсть въ настоящую минуту. Я попрошу пона чашку кофе; онъ освѣжитъ меня; когда мы пріѣхали, во всемъ домѣ пахло жаренымъ кофе; мнѣ кажется, что я слышу этотъ запахъ и теперь.

Лебрехтъ, только-что было растянувшійся на кушеткѣ, вдругъ вскочилъ на ноги.

— Боже мой! что съ тобой, Лебрехтъ?

— Со мной? Ничего! я хочу только приказать, чтобы тебѣ подали кофе.

Молодая жена также поспѣшно встала.

— Боже мой! — вскричала она, — какъ ты блѣдеешь! тебѣ, вѣрно, нездоровится! сознайся!

Она приложила руку къ его лбу: лобъ былъ холодный и влажный; онъ почти невольно оттолкнулъ ея руку.

— Ты, право, нездоровъ, Лебрехтъ! не послать ли за твоимъ пріятелемъ?

— Этого только недоставало, — закричалъ Лебрехтъ съ принужденнымъ смѣхомъ, — онъ очень суровъ съ мнимыми больными. Къ тому же, онъ и безъ того долженъ пріѣхать сегодня вечеромъ, хотя бы я лучше желалъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ.

— Почему?

— Я думалъ, что тебѣ было бы пріятнѣе провести первый вечеръ со мной наединѣ. Вѣдь ты знаешь, что это была одна изъ причинъ, почему мы не поѣхали съ курьерскимъ поѣздомъ.

— Да, но какъ ты, можетъ быть, помнишь, — противно моему желанію; мнѣ, напротивъ, казалось, что будетъ гораздо лучше, если твои друзья и твои прикащики насъ встрѣтятъ.

— У меня нѣтъ друзей, кромѣ Бертрама; что касается прикащиковъ, то они успѣютъ еще и завтра встрѣтить своего принципала.

— Я не то хотѣла сказать, Лебрехтъ, а только...

— А только, что тебѣ страшно наединѣ со мной въ этомъ старомъ, пустомъ домѣ.

Анхенъ покраснѣла до корней волосъ.

— Стыдись, Лебрехтъ!

— А развѣ это неправда, Анхенъ?

— А я повторяю: стыдись, Лебрехтъ!

То была настоящая ссора, по крайней мѣрѣ, такъ звучала эта бесѣда въ ухахъ фрау Ульценъ, а если ея уши не все разслышали, то это была не ея вина, потому что фрау Ульценъ, вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ стояла передъ дверью, въ такой неудобной позѣ, что у ней заболѣла поясница. А потому она выправила свою небольшую, плотную фигурку, тѣмъ болѣе, что ссора казалась оконченной, — и постучала въ дверь.

Самъ хозяинъ отворилъ дверь и съ такой силой, что фрау Ульценъ достался порадочный толчокъ, и она принялась тереть локоть, докладывая хозяину, что пріѣхалъ господинъ докторъ и дожидается въ кабинетѣ.

Анхенъ подошла къ полуотворенной двери.

— Мнѣ хочется отказать ему, — сказалъ, запинаясь, Лебрехтъ.

— Ни подъ какимъ видомъ, — вскричала съ живостью Анхенъ, — и я сейчасъ приду; я только немного пріодѣнусь.

— Если онъ останется у насъ весь вечеръ, то тебѣ нѣчего торопиться.

— Тѣмъ лучше, милый Лебрехтъ!

Она хотѣла-было броситься на шею мужу, но присутствіе

фрау Ульценъ, любопытно глядѣвшей своими маленькими глазами, сверкавшими на толстомъ, красномъ лицѣ, стѣснило ее. Поэтому она приложила только палецъ къ губамъ:

— Итакъ, до свиданія! поклонись отъ меня своему пріятелю, и не забудь приказать на-счетъ кофе.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Лебрехтъ, поспѣшно затворяя дверь и не оборачиваясь, такъ-что Анхенъ едва успѣла высвободить подолъ своего платья.

— Онъ сердится на меня, — прошептала она, — и я это заслужила. Ну, вдругъ онъ пойдетъ и пожалуется страшному чело-вѣку, котораго зоветъ своимъ другомъ... Какимъ тономъ онъ сказа-лъ: «мой единственный другъ!» Нѣтъ! онъ не такъ сказалъ, но такъ вышло. А теперь онъ сидитъ вмѣстѣ съ нимъ и изливаетъ ему свою печаль о томъ, что у него такая глупенькая жена и что онъ...

Слезы полились у ней изъ глазъ; она снова бросилась въ кресло, закрыла лицо руками и зарыдала:

— ... Ахъ, онъ несчастливъ! это я сдѣлала его несчастнымъ! — Нѣтъ! нѣтъ! не несчастнымъ, но не такимъ счастливымъ, какъ онъ того заслуживаетъ, какъ я о томъ мечтала и какъ я на-дѣялась: я вѣдь такъ невыразимо люблю его!

Она вдругъ протянула впередъ руки, точно-будто желая об-нять любимаго мужа. Руки упали на коѣнни — и вотъ, она впала въ глубокую думу, глядя бессмысленными глазами на уголья ка-мина.

И въ то время, какъ по горящимъ угольямъ пробѣгали взадъ и впередъ голубые огоньки, въ воображеніи ея проносились кар-тина за картиной, сцена за сценой... тысячи картинъ, тысячи сценъ ея недолгой, счастливой жизни; она такъ ярко горѣла, такъ тепло грѣла — и вотъ, вдругъ теперь она грозить помере-нуть подъ золой.

Вотъ ей видится палуба парохода, по которой «онъ» хо-дитъ взадъ и впередъ съ красной книгой въ рукахъ, погляды-вая на виноградники и горы голубыми, задумчивыми глазами... Онъ давно уже нравился ей, этотъ высокій, бѣлокурый чело-вѣкъ, гораздо раньше, тѣмъ ея пріятельницы начали подсмѣиваться надъ «длинноногимъ англичаниномъ», между тѣмъ, какъ кузень Артуръ поглаживалъ черную бородку и, показываясь съ ноги на ногу, словно желалъ сказать: «слава Богу, что я не похожъ на этого скучнаго господина». Кузень Артуръ сдѣлалъ очень злое лицо, когда папѣ, добродушно разговорившійся съ тѣмъ незна-

компемъ, представилъ его дамамъ: «г-нъ Лебрехтъ Нудель, — торговый домъ въ Вольдомѣ».

«Лебрехтъ Нудель! какое удивительное имя», замѣтилъ кузень Артуръ и тутъ же спросилъ: «не можетъ ли кто-нибудь сказать мнѣ, гдѣ находится Вольдомъ?»

Нѣсколько дней позже, кузень Артуръ отлично зналъ, гдѣ находится Вольдомъ, и успѣлъ тѣмъ временемъ привыкнуть къ имени, которое сначала показалось ему такимъ смѣшнымъ, потому что оно довольно часто произносилось при немъ въ родительскомъ, гостепріимномъ домѣ Анхенъ; его часто посѣщалъ Нудель, которому нужно было пробыть денька два въ Кельцѣ. А изъ двухъ деньковъ выпросилъ цѣлыхъ двѣ недѣли, а дѣла Нуделя все не подвигались впередъ... и... бѣдный Артуръ! — онъ хотѣлъ застрѣлиться!.. и застрѣлился бы! — честное слово! — да только онъ тогда лишился бы удовольствія танцовать на свадьбѣ кузины и доказать ей, что въ его жилахъ текла настоящая, дворянская кровь, а не съ примѣсью мѣщанской, какъ въ жилахъ его кузины. Мама была совсѣмъ на сторонѣ Артура, но добрый папа отстоялъ свою дочку обычнымъ, тихимъ, спокойнымъ манеромъ: — Артуръ долженъ радоваться тому, что у него будетъ кузень, который можетъ выкупить при случаѣ какой-нибудь безпокойный вексель. Я самъ вѣдь простой, незнатный человекъ, и у меня какъ-разъ столько денегъ, что я знаю имъ цѣну. Да! я даже такъ мелокъ, что откровенно сознаюсь, что два милліона, которыми владѣетъ мой зять, мнѣ-таки помогутъ, и если Анхенъ его любитъ, то... Богу извѣстно, какъ охотно оставилъ бы я ее при себѣ! Впрочемъ, Вольдомъ вѣдь все же находится такъ-сказать на землѣ. Я надѣюсь, хоть и не люблю путешествій, убѣдиться въ томъ собственными глазами и на берегу Балтійскаго моря выпить настоящаго рейнвейна за здоровье молодой четы изъ бокала, который подарилъ король прусскій королю вольдомскому.

Королю вольдомскому!

Берлинскій банкиръ, у котораго папа негласно справлялся о состояніи своего будущаго зятя, не только подтвердилъ единодушныя показанія лондонскаго и гамбургскаго торговых домовъ, но даже прибавилъ: «я считаю его еще богаче; онъ, въ самомъ-дѣлѣ, заслуживаетъ того титула, которымъ наградилъ еще его покойнаго отца нашъ блаженной памяти остроумный король. Пусть онъ самъ расскажетъ вамъ эту исторію; ее сообщилъ мнѣ одинъ врачъ изъ Вольдома, съ которымъ я познакомился прошлымъ лѣтомъ въ Селедочной деревнѣ».

И Лебрехтъ разсказалъ ее съ опущенными глазами, точно будто стыдился, и невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ, какъ человѣкъ, сознающійся въ какой-нибудь винѣ.

А между тѣмъ вѣдь это былъ невиннѣйшій въ мірѣ анекдотъ: когда покойный король, охотно посѣщавшій Новую-Поме-ранію и Рюгенъ, посѣтилъ Вольдомъ, онъ остановился въ старомъ домѣ съ остроконечной крышей, на рыночной площади, въ отведенной для него квартирѣ. И когда, на другой день, онъ осматривалъ достопримѣчательности города въ сопровожденіи своего ховяина, который на всѣ вопросы короля: «кто выстроилъ эту набережную въ гавани? кому принадлежать эти магазинны? чьи эти корабли? кто разбилъ этотъ бульваръ? кто выстроилъ эту богадѣльню?» и т. д., — отвѣчалъ постоянно: «я, ваше величество! мнѣ, ваше величество!» — наконецъ, король замѣтилъ, обращаясь къ своей свитѣ и указывая на отца Лебрехта: «Ну, господа, совнаюсь вамъ, что если бы я не былъ, къ сожалѣнію, королемъ Пруссіи, то желалъ бы быть королемъ Вольдома!»

А на великолѣпномъ кубкѣ изъ рѣзанного серебра, присланномъ полгода спустя изъ Берлина, красовался гербъ города Вольдома рядомъ съ прусскимъ королевскимъ гербомъ, и подъ вензелемъ короля стояло имя отца Лебрехта и надпись золотыми буквами: «Благодарный король прусскій — своему вольдомскому собрату».

Какъ часто приходилось послѣ того Лебрехту повторять эту исторію! — и какъ часто отъ души смѣялся ей папѣ и даже гордая мамѣ... улыбалась и она сама... она все время не спускала глазъ съ милаго лица Лебрехта, и оно казалось ей еще въ тысячу разъ милѣе теперь, когда на немъ выражалось смущеніе, и говорила про-себя: «онъ король, а я его королева!.. о! какъ мы будемъ счастливы!»

Будутъ ли они счастливы? — пока они еще не исполнили счастливы, по крайней мѣрѣ, Лебрехтъ не исполнилъ счастливъ! Ему было не по-себѣ въ ея родительскомъ домѣ. Съ папѣ, конечно, онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, — это само-собою разумѣется: кто можетъ не любить добраго, стараго папѣ, который желаетъ добра всему свѣту, а тѣмъ болѣе будущему мужу своей любимой, единственной дочери!

Мамѣ тоже, конечно, не желала обижать его, — о! разумѣется, нѣтъ! — но для Лебрехта, конечно, было тяжело постоянно выслушивать рѣсказни про величіе знаменитаго, дворянскаго рода фонъ-Клюнгель-Пюцъ, изъ котораго происходила мамѣ: о томъ, какъ онъ блисталъ нѣкогда на Рейнѣ съ своими пятьюдесятью

замками и какъ онъ былъ въ родствѣ съ Синингонами и другими аристократическими фамиліями—и даже чуть-было не породнился съ императорскимъ домомъ Габсбурговъ; и какъ блескъ этотъ мало-по-малу угасалъ, подобно заходящему солнцу, пока, наконецъ... о, злая иронія судьбы! — урожденной фонъ-Клюнгель-Пюцъ не пришлось выдти замужъ за бюргера, а ея дочь, — въ силу того желѣзнаго закона, который управляетъ возвышеніемъ и паденіемъ великихъ фамилій, — тоже выходитъ замужъ за бюргера.

А если Лебрехта и не беспокоила мамѣ, то онъ все же никакъ не могъ привыкнуть къ веселой суматохѣ, царствовавшей въ родительскомъ домѣ. Вѣчная толпа гостей надоѣдала ему. Онъ этого, положимъ, не высказывалъ, да это было и не нужно: она ясно читала все въ его полу-грустномъ, полу-гнѣвномъ взглядѣ, которымъ онъ глядѣлъ, когда думалъ, что его не замѣчаютъ, на пеструю толпу: на молодыхъ офицеровъ, гремѣвшихъ шпорами, волочившихъ сабли, — а во главѣ ихъ Артуръ, который относился къ своей роли презрѣннаго любовника то съ трагической, то съ комической стороны, и былъ одинаково нестерпимъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; на этихъ клищеватыхъ, щеголеватыхъ референдаріевъ и ассессоровъ, которые почти всѣ были офицерами резерва, и между ними и ихъ линейными собратами существовало явное или тайное соперничество, и предметомъ его служила опять-таки она.

Она не могла, не хотѣла отрицать этого, когда Лебрехтъ намекалъ ей на то. Не могла и не хотѣла также отрицать и того, что она отъ всего сердца радовалась своимъ побѣдамъ, пока не увидѣла его, — «бѣлокураго англичанина», померанскаго колониальнаго торговца, короля Вольдома! Ну, а теперь прогонимъ это облако! Оно не пристало мнѣ и, кромѣ того, оно выражаетъ сомнѣніе въ моей любви!.. Или же мнѣ слѣдуетъ сомнѣваться въ его любви?

Ахъ! она не сомнѣвалась въ его любви... ни одной минуты! а между тѣмъ то облако, которое, ей казалось, она разъ-навсегда прогнала своими поцѣлуями, — снова и снова появлялось, и становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. И она замѣтила, что эта сумрачность все усиливалась по мѣрѣ ихъ приближенія къ мѣсту ихъ назначенія; да! она совершенно отчетливо помнитъ, что первыя недѣли были совершенно ясны и что какъ-разъ въ тотъ день, когда они распрощались съ Комскимъ озеромъ, чтобы ѣхать обратно домой черезъ Венецію, Вѣну, Прагу и Дрезденъ, расположение духа ея мужа перемѣнилось. Она ломала голову безъ

конца, соображая, что бы это могло значить? Что творится въ его душѣ, когда онъ долгія минуты, а затѣмъ и цѣлыя часы сидитъ, бывало, глубоко задумавшись, въ театрѣ или въ вагонѣ, во время безконечныхъ переѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, и затѣмъ внезапно — и всякій разъ при этомъ исподтишка взглянуть на нее, молча за нимъ наблюдающую — возобновляетъ прерванный разговоръ или заводитъ новый? Дѣла ли его озабочиваютъ? Онъ увѣрялъ ее, что вовсе не дѣла. Не боленъ ли онъ? — но онъ увѣряетъ, что совершенно здоровъ. Или онъ разлюбилъ ее? — Онъ закрывалъ ей ротъ страстными поцѣлуями. Или онъ несчастливъ?

Подъ конецъ никакого другого вопроса больше не оставалось, и потому именно его увѣренія, что онъ счастливъ, что плыветъ на верху блаженства, которымъ его подарила ея любовь, не могли ее успокоить. Вѣдь теперь его не удручала больше слишкомъ оживленная, свѣтская атмосфера, царствовавшая въ родительскомъ домѣ; теперь ему не надобдали вѣчные толки мамѣ про величіе и паденіе ея фамиліи... — все это и другое, что такъ портило жизнь жениху, осталось навсегда позади него: теперь она съ нимъ, она наединѣ съ нимъ среди толпы людей, равнодушно проходящихъ мимо, — наединѣ, такъ, какъ будто бы они находились на Робинзоновскомъ островѣ.

Не для того ли, чтобы скрыть отъ нея настоящую причину своей тоски, говорилъ онъ ей съ меланхолической улыбкой: «да! я готовъ вѣрить, что ты была бы счастлива со мной на Робинзоновскомъ островѣ, какъ и я съ тобой, но — въ Вольдомѣ! въ Вольдомѣ, въ маленькомъ, скучномъ городишкѣ, на берегу сѣраго Балтійскаго моря!» Въ Вольдомѣ, гдѣ театры принадлежатъ къ области фантазій, а концерты къ міру сказокъ, гдѣ не придется хлопотать о выборѣ общества, по той простой причинѣ, что тамъ никакого общества не существуетъ... тамъ, можетъ быть, тебѣ потруднѣе будетъ считать себя счастливой и, быть можетъ, наступятъ и такіе дни, когда ты будешь чувствовать себя несчастной.

Тщетно возражала она ему, сначала съ азартомъ, а потомъ уже съ тайнымъ гнѣвомъ и съ трудомъ подавляемыми слезами:

— Положимъ, что все это такъ, какъ ты говоришь. Но развѣ я это слышу впервые? Развѣ ты этого не говорилъ еще тогда, когда я еще не знала: любишь ли ты меня? нѣтъ! я это знала съ перваго момента и ты тоже зналъ, что я люблю тебя и послѣдую за тобой на край свѣта, а тѣмъ болѣе на твою родину, которую ты рисуешь такой безотрадной. Я спокойно вы-

слушивала тебя и только спрашивала: «Хорошо ли тебѣ тамъ живется?» а ты на это отвѣчалъ: «Я нахожу почти всѣ другія мѣста болѣе привлекательными, но все-таки мнѣ кажется, что я не могъ бы жить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ!»; и тогда я сказала: «Ну, и я, значить, не могу жить въ другомъ мѣстѣ!» И то, что я тогда сказала, я повторяю теперь; и ты долженъ мнѣ вѣрить, пока я тебѣ не докажу противнаго. Пока ты меня любишь, ни слова больше объ этомъ.

Онъ дѣйствительно не возвращался болѣе въ этой тѣмѣ въ послѣднюю недѣлю. Только сегодня утромъ въ Берлинѣ опять затронулъ онъ ее.

Они хотѣли сначала ѣхать съ утреннимъ курьерскимъ поѣздомъ, который приходитъ въ десять часовъ вечера въ Вольдомъ, и онъ уже телеграфировалъ объ этомъ наканунѣ въ свой домъ и въ свою контору. Но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе... къ ея великому удивленію, такъ какъ онъ вообще твердо, почти упрямо держался своихъ рѣшеній, которыя принималъ лишь по зрѣломъ размышленіи. На этотъ разъ вышло иначе. Онъ слишкомъ поздно спохватился, что если они пріѣдутъ въ назначенный часъ, то не избѣгутъ торжественныхъ встрѣчъ и всякихъ другихъ церемоній, хотя приващики въ конторѣ знали, какъ онъ ненавидѣлъ всякія такия представленія. Будутъ произнесены рѣчи, на которыя ему придется отвѣчать; будетъ шумно, безпокойно, а ему смерть какъ хочется тишины и покоя. Онъ себя знаетъ: они могутъ добыть этотъ повой только однимъ способомъ: вмѣсто курьерскаго поѣзда сѣсть на ранній утренній поѣздъ, конечно, это такъ-называемый черепаший поѣздъ, и останавливается на каждой станціи; но тѣмъ не менѣе они пріѣдутъ двумя часами раньше домой.

Она согласилась не потому, чтобы этотъ планъ ей нравился, напротивъ того! она находила совершенно естественнымъ, чтобы приващики устроили праздничную встрѣчу своему принципалу послѣ шестинедѣльной отлучки изъ дому, тѣмъ болѣе, когда онъ возвращался съ молодой женой. Она ничего не имѣла и противъ того, если бы встрѣча оказалась веселой и немного шумной. Но послѣ двухъ-трехъ робкихъ замѣчаній благоразумно замолчала и поторопилась уложить всѣ вещи, чтобы быть готовой къ раннему поѣзду.

И вотъ такимъ образомъ они выѣхали рано поутру, хотя она охотно вдремнула бы еще часочекъ. Послѣдніе дни путешествія были очень утомительны, и она въ самомъ дѣлѣ чувствовала себя очень усталой въ первый разъ за все путешествіе. Но

она не показала этого и даже ни разу не вздремнула въ вагонѣ, хотя раза два не могла подавить легкой зѣвоты! Но чѣмъ болѣе старалась она принимать все съ хорошей стороны, тѣмъ недовольнѣе и нетерпѣливѣе становился Лебрехтъ. Путешествіе оказалось гораздо несноснѣе, чѣмъ онъ думалъ: тихая ѣзда, безпрестанныя остановки — просто нестерпимо. Онъ ходилъ по купѣ...—они ѣхали, какъ и всегда, въ первомъ классѣ и были одни...—взадъ и впередъ, то закрывалъ окно, то снова открывалъ его, ссорился съ кондукторомъ, ворчалъ на мотегара и такъ не-любезно отвѣчалъ одному господину, который подошелъ къ окну вагона на одной станціи и, судя по его словамъ, былъ уроженецъ Вольдома и его пріятель, что тотъ, повидимому, совсѣмъ оторопѣлъ, а сама она испугалась странной раздражительности Лебрехта, обыкновенно такого мягкаго и спокойнаго.

Конечно, онъ тотчасъ же извинился, и она слышала, какъ онъ сказалъ этому господину, закрывая окно: «Мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ въ Бюссовѣ».

Затѣмъ опять началось хожденіе назадъ и впередъ по вагону, и, наконецъ, остановившись передъ нею, онъ сказалъ:

— Въ Бюссовѣ какъ разъ идетъ боковая вѣтвь въ Вольдомъ. Намъ придется дожидаться тамъ цѣлый часъ поѣзда изъ Сундина. Это ужасно скучная остановка, и я буду безнадежно преданъ на съѣденіе этому нестерпимому болтуну. Я хочу предложить тебѣ вотъ что: съ слѣдующей станціи ведетъ старая почтовая дорога въ Вольдомъ. Теперь два часа. Если мы найдемъ тамъ экипажъ, то можемъ пріѣхать въ Вольдомъ почти въ одно время съ этимъ нестерпимымъ поѣздомъ. Мы оставимъ на станціи нашъ багажъ и у насъ будутъ развязаны руки. Я тысячу разъ ѣздилъ по этой дорогѣ, когда былъ мальчикомъ и когда желѣзная дорога еще не была проведена. Она не особенно привлекательна, какъ и вся здѣшняя мѣстность, но для меня съ каждымъ тополемъ, который растетъ на ней, связано какое-нибудь воспоминаніе. И тебѣ можно будетъ при этомъ проверить: справедливы ли мои описанія здѣшней мѣстности и здѣшнихъ людей? Согласна?

Разумѣется, она согласилась.

Искусъ оказался тяжкимъ, и она не разъ должна была сознаться самой себѣ, что Лебрехтъ ничего не преувеличилъ. Людей, правда, она не много видѣла, но мѣстностью могла налюбоваться вдоволь: безконечныя бурныя пастбища или сѣрыя поля, надъ которыми проносился холодный, сырой вѣтеръ, такой сырой и холодный, какого на ея прекрасномъ Рейнѣ не бываетъ

и въ декабрѣ мѣсяцѣ, а не то что въ половинѣ октября! Время отъ времени на этой пустынной равнинѣ попадалась одинокая, окруженная деревьями и кустарниками усадьба; одинокая мельница красовалась на вершинѣ необыкновенно низенькаго холма; на горизонтѣ видѣлась темная полоса лѣса. Хотя она убѣждала себя, что все это должно казаться гораздо красивѣе лѣтомъ, когда луга зелены, пастбища покрыты цвѣтами, необозримыя поля переливаются золотыми волнами и жаворонокъ съ пѣсней поднимается къ голубымъ небесамъ, на которыхъ плаваютъ большія бѣлыя облака, но сѣрая, дождливая дѣйствительность безжалостно заливала пестрыя картины, которыя рисовало воображеніе; потому что вдругъ пошелъ дождь и въ маленькой двухмѣстной, открытой таратайкѣ они были совершенно беззащитны отъ непогоды.

Но все это она перенесла бы гораздо спокойнѣе—хотя сегодня при ея утомленіи неудобное путешествіе казалось ей тяжелѣе, чѣмъ во всякое иное время—если бы Лебрехтъ былъ веселѣе, если бы онъ снова обрѣлъ на своей родинѣ ту спокойную, непринужденную манеру, которая очаровала ее въ немъ. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось. Какъ раньше того онъ бранилъ неудобство ѣзды на желѣзной дорогѣ, такъ теперь онъ ворчалъ на обстановку, которую самъ же создалъ, точно будто чужое неразуміе или упрямство навязало ему ее. Надвинувъ дорожную шапку низко на лобъ, поднявъ воротникъ пальто, сидѣлъ онъ, прислонясь въ уголъ, какъ человѣкъ, который не хочетъ больше терять словъ по поводу непріятности, которой не можетъ предотвратить. И это молчаніе пугало ее еще болѣе, нежели предшествовавшая ему раздражительность. Въ концѣ-концовъ, она не рѣшалась больше заговаривать съ нимъ и вдоволь наслушалась скрипа колесъ, стука лошадиныхъ копытъ и протяжныхъ завываній вѣтра, который проносился надъ сырыми полями и наклонялъ тополи, шелестившія листьями. Охъ! ужъ эти тополи съ ихъ шелестомъ! Если, какъ говорилъ Лебрехтъ, каждый тополь напоминалъ ему его юность, то какъ печальна, должно быть, была эта юность! Она повязала себѣ голову платкомъ, чтобы не такъ явственно слышать нестерпимый шелестъ, и цѣлыхъ четверть часа не открывала глазъ, чтобы не видѣть, какъ наклоняются ихъ вершины, точно привидѣнія.

Но вскорѣ эта предосторожность стала излишней: густыя тучи все темнѣли, да темнѣли и какъ будто опускались все ниже и ниже съ каждымъ разомъ, какъ она на нихъ взглядывала; наступили сумерки, а за сумерками ночь, хотя было навѣрное

не позже семи часовъ. Ни одной ласковой звѣздочки на небѣ, ни одного привѣтливаго огонька на землѣ. Только разъ въ сторонѣ мелькнулъ слабый свѣтъ, да тотчасъ же и погасъ, а вучерь проговорилъ:

— Висѣличный холмъ!

То были первые слова, произнесенныя этимъ человѣкомъ всю дорогу. Она ломала голову потомъ: чтó собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать? Было ли связано и у него какое-нибудь воспоминаніе съ этимъ страшнымъ мѣстомъ, какъ у Лебрехта съ тополями? или же тамъ дѣйствительно стоитъ висѣлица? Чтó это за огонькъ мелькнулъ тамъ вдали? Слава Богу! вотъ еще огонекъ, другой, третій — цѣлый рядъ огней: фонари жгѣзно-дорожной станціи, какъ объяснилъ Лебрехтъ. Затѣмъ еще клочокъ шоссе, слава Богу! — безъ тополей; затѣмъ на-право и на-лѣво низенькія, четырехугольныя, оваренныя слабымъ свѣтомъ окна, между большими темными массами — овины пахарей, живущихъ въ предмѣстьѣ, какъ объяснилъ Лебрехтъ... Узкія, темныя ворота, при входѣ и выходѣ которыхъ колыхался фонарь на цѣпяхъ... Немного лучше освѣщенная улица съ порядочными, какъ кажется, домами... маленькая, четырехугольная площадь, оканчивающаяся съ одной стороны гаванью... Она слышала сквозь завываніе вѣтра шумъ волнъ и смутно видѣла высокія мачты, вырѣзывавшіяся на посвѣтлѣвшемъ немного небѣ, и вотъ, наконецъ, передъ ней выросли два высокія зданія, выдѣлявшіеся среди остальныхъ низкихъ, точно два замка: налѣво ратуша съ остроконечной крышей, направо отъ нея еще болѣе высокое зданіе, тоже съ остроконечной крышей... — его домъ, который будетъ теперь и ея домомъ... Эготъ домъ онъ ей такъ часто описывалъ, и теперь она бросила на него робкій взглядъ, сидя въ таратайкѣ, при слабомъ свѣтѣ фонарей, горѣвшихъ тамъ и сямъ на площади, и свѣтѣ, исходявшемъ изъ оконъ массивнаго, громаднаго дома... нѣмой, темной, каменной тайны, вдыхавшейся до самаго ночного неба.

И вотъ, медленно отворилась массивная дверь, показался старый Бальтазаръ — она давно уже его знала — и немедленно исчезъ, такъ какъ вѣтеръ погасилъ свѣчу, которую онъ держалъ въ рукахъ. Она чуть-было не засмѣялась: вышло такъ, какъ если бы старикъ желалъ показать только свой громадный, багровый носъ! Но она не въ силахъ была разсмѣяться: вотъ порогъ, черезъ который она мысленно такъ часто переступала подъ руку съ своимъ милымъ Лебрехтомъ и...

— Да войди же въ домъ! — закричалъ нетерпѣливо Леб-

рехтъ, расплатившійся съ извозникомъ. Онъ, конечно, не хотѣлъ ее обидѣть, но этотъ рѣзкій тонъ дико прозвучалъ въ ея непривычныхъ ушахъ.

Затѣмъ, конечно, онъ тотчасъ же очутился возлѣ нея, когда она сдѣлала два шага въ большихъ, нижнихъ сѣняхъ, гдѣ господъ встрѣтила маленькая, толстая фрау Ульценъ съ кнivesенами и возгласами удивленія касательно неожиданнаго прїѣзда господъ.—И она подъ руку съ нимъ вошла по широкой желѣзной лѣстницѣ, которая вела изъ нижнихъ сѣней въ галерею, съ громадными черными колоннами. Лѣстница была очень отлога и также съ колоннами. Всѣ комнаты перваго этажа выходили, повидимому, на галерею.

И далѣе она прошла по всѣмъ комнатамъ подъ руку съ Лебрехтомъ, причѣмъ фрау Ульценъ свѣтила имъ, а Бальтазаръ, шествуя по ихъ пятамъ, зажигалъ свѣчи у зеркалъ и на столахъ.

И по тому самому, что свѣтъ постоянно появлялся за ихъ спиной, у ней осталось такое ощущеніе, точно она прошла по лабиринту, въ которомъ никогда не сумѣетъ найти дорогу; а затѣмъ Лебрехтъ отворилъ послѣднюю дверь и сказалъ:

— А вотъ наша спальня, а затѣмъ...

Великолѣпные часы на каминѣ пробили легкимъ серебрянымъ звономъ восемь часовъ. Анхенъ вскочила, какъ человѣкъ, внезапно пробужденный изъ долгаго утренняго сна, во время котораго ему снилось безконечно многое, а онъ въ этой путаницѣ представленій тщетно искалъ одного только, что ему никакъ не давалось...

Нѣтъ! она не спала и не сновидѣнія проносились въ ея головѣ и сердцѣ съ смутной поспѣшностью—въ то время, какъ она смотрѣла на дрожащія голубые огоньки углей, покрывавшихся золою: то проносилась краткая исторія ея любви, которую она снова пережила въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ... которую она обняла въ одномъ взглядѣ, какъ странникъ обнимаетъ обширный ландшафтъ со всѣми подробностями въ то время, какъ онъ глядитъ на облако, которое только-что появилось на горизонтѣ и про которое встревоженный проводникъ сказалъ, что, прежде нежели они достигнутъ ближайшаго мѣста своего назначенія, оно затянетъ весь прекрасный, смѣющийся, окружающій міръ сѣрымъ покрываломъ и зальетъ его потоками дождя.

Встревоженный проводникъ—это ея собственное, сильно-бьющееся, мучимое угрызениями совѣсти сердце! Она плохо выдержала искусь! Съ какихъ это поръ дурная погода можетъ такъ испортить ея расположеніе духа? Развѣ такъ отнеслась она къ

непогодѣ въ то утро, когда ихъ засталъ дождь, когда они ѣздили осматривать Левенбургъ на Зибенгебирге и принуждены были идти пѣшкомъ и подъ проливнымъ дождемъ, по длинной дорогѣ, въ Кёнигсвинтеръ? Но, конечно, она тогда шла съ нимъ подъ руку, и каждое препятствіе, какое ей приходилось преодолевать на своемъ пути, служило поводомъ къ нескончаемымъ шуткамъ и веселости! Но развѣ не была она обязана, потому именно, что онъ сидѣлъ сегодня молчаливый и не въ духѣ, успокоить его удвоенной веселостью. Она, вѣдь, можетъ быть очень веселой — и онъ такъ любить, когда она бываетъ весела! Быть можетъ, онъ ожидалъ этого? Быть можетъ, ея усталое молчаніе послужило доказательствомъ, что его опасенія оправдываются и что она находитъ ужасной его возлюбленную Померанію? А теперь, когда она вошла въ домъ, когда они проходили по комнатамъ... Ну, конечно, онъ ужасно спѣшилъ и было очень темно! Но зачѣмъ она молча шла за нимъ? Зачѣмъ не остановилась, чтобы полюбоваться царской роскошью, съ какой, очевидно, былъ отдѣланъ домъ? И зачѣмъ, когда они вошли, наконецъ, въ эту комнату, которая совсѣмъ и не похожа на комнату, а похожа на большую палатку, обитую голубой матеріей, затканной серебромъ! Такая изящная и богатая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая уютная и удобная, совсѣмъ такая, какой она себя ее представляла, какою она описывала ему ее въ минуту шаловливой веселости... А онъ, милый, добрый, все это понялъ, запомнилъ и устроилъ еще въ тысячу разъ лучше!.. А она! Развѣ она бросилась ему на шею? Развѣ она поблагодарила его за его доброту, за его заботливость, за его любовь? Развѣ она сказала ему: я озарю твой темный домъ своей любовью, какъ озаряетъ росинку утренній солнечный лучъ, и прогоню поцѣлуями облако съ твоего чела, милый, неразумный человѣкъ! И я сдѣлаю тебя такимъ же счастливымъ, какъ и я сама!

Ахъ! ничего, ничего-то этого она ему не сказала! А бросилась вотъ въ это кресло и своимъ глупымъ поведеніемъ впервые, съ тѣхъ поръ какъ его знаетъ, вырвала у него рѣзкое слово, и когда онъ вышелъ отсюда, то облако на его челѣ было мрачнѣе, чѣмъ когда-либо... — облако, которое появилось на немъ не съ сегодняшняго дня, которое, слѣдовательно, вызвала не она своимъ глупымъ поведеніемъ, таинственное облако, уже долгія недѣли таготѣющее на немъ и причина котораго должна лежать глубже и, можетъ быть, только слѣдующая: я обманулся въ тебѣ, ты не та жена, которая можетъ сдѣлать меня счастливымъ!

И когда размышленіе опять привело ее къ тому же заклю-

ченію, къ которому оно всегда приводило ее, — бѣдная Анхенъ залилась слезами, какъ ребенокъ, который не видитъ больше спасенія отъ угрожающей ему опасности, — и рыдала, закрывъ лицо руками, и сжавъ тонкіе пальцы слезы бѣжали ручьями.

И такимъ образомъ она, конечно, не могла видѣть толстой экономки, которая тихо, очень тихо постучавшись въ дверь, слегка приотворила ее, не дожидаясь, чтобы ей закричали: войдите! съ минуту глядя въ щель и затѣмъ снова затворила ее, громко постучалась, какъ будто бы только-что подошла къ двери и вошла въ комнату съ дѣловой улыбкой на толстыхъ губахъ, держа на подносѣ чашку кофе, которую потребовала барыня.

II.

Анхенъ въ испугѣ вскочила съ кресла и постаралась, какъ сумѣла, скрыть свои слезы. Невозможно было и думать, что фрау Ульценъ не замѣтила ихъ, хотя она и виду не подавала, что видѣла слезы Анхенъ, но пододвинула маленькій мраморный столикъ и подала кофе барынѣ, извиняясь, что заставила его такъ долго ждать и что не такъ ловко умѣетъ прислуживать, какъ та горничная, которую г. коммерціи-совѣтникъ и г-жа коммерціи-совѣтница привезутъ съ собой черезъ недѣлю.

— Я не знаю, прійдутъ ли къ намъ мои родители такъ скоро, какъ обѣщали, — отвѣчала Анхенъ.

— Барынъ думаетъ, что они скоро прійдутъ, да и я также. Добрымъ родителямъ, извѣстно, не терпится взглянуть на свою доченьку, а доченькѣ не терпится поглядѣть на родителей, съ которыми ей никогда еще не приходилось разставаться, а съ родителями-то разставаться не легко. Я жила у многихъ господъ, которые только-что поженились и любили другъ друга, что твои голубки. Но только дѣло въ томъ, что одной любовью не проживешь, а надо и еще кое-что кромѣ любви, а пока этого дождешься — пройдутъ мѣсяцы и годы... а иной и во всю жизнь не дождется.

Лебрехтъ расписалъ фрау Ульценъ своей Анхенъ какъ особу, довольно несносную. Она, конечно, полезна въ своемъ родѣ, но у ней пропасть недостатковъ и въ томъ числѣ несноснѣе всего ея нестерпимая болтливость. А благоразумная мамъ не разъ предупреждала ее напоследокъ щадить на первыхъ порахъ вліятельную экономку, прожившую въ домѣ слишкомъ десять лѣтъ, ща-

дѣть до тѣхъ поръ, пока она не почувствуетъ, что она «сама стоитъ на твердой почвѣ».

Но Анхенъ не думала въ эту минуту объ этихъ благоравуныхъ совѣтахъ. Слова толстой старухи, стоявшей около нея со сложенными на животѣ руками, высказанныя съ тѣмъ туземнымъ акцентомъ, какой она впервые замѣтила у Лебрехта и который поэтому ей такъ нравился, напали оттолосомъ въ ея удрученномъ сердцѣ.

— Неужели такъ и не дождутся!—повторяла она.

Фрау Ульценъ боялась, что зашла слишкомъ далеко, но увидѣвъ, что слова ея, очевидно, произвели впечатлѣніе на молодую женщину, спокойно продолжала.

— Ну, да! такъ и не дождутся! но только, конечно, на это никогда не слѣдуетъ указывать, а стараться успокоить бѣдную молодую дамочку, какъ я это всегда дѣлала относительно молодой фрау фонъ-Вильцовъ, гдѣ я раньше уже цѣлыхъ полгода вела хозяйство молодого барона. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, хотя и со слабостями, какъ и всѣ мы, грѣшные, и держивался рюмочки больше, чѣмъ это было ему полезно. Но если бы жена вздумала считать себя отъ этого несчастной, то немного счастливыхъ набралось бы у насъ здѣсь въ околотѣ. А моя молодая барыня чувствовала себя такой несчастной, что сколько я ее ни утѣшала, а въ одно прекрасное утро мы нашли ее въ пруду, позади города; къ жизни ее вернуть намъ не удалось.

— Великій Боже! и неужели такъ и не узнали, что довело ее до самоубійства.

— Нѣтъ,—отвѣчала Ульценъ, качая головой:—одни рассказывали, что она была влюблена до свадьбы въ одного поручика, который остался въ Богеміи, и что хотѣла выдти за него замужъ, да родители не позволили и заставили выдти за моего барина, а другіе... а про поручика говорили, что онъ съ горя застрѣлился. Но все это однѣ сплетни: мнѣ она объ этомъ ничего не говорила, а ужъ навѣрное рассказала бы, вабы что-нибудь было, потому что была мной очень довольна и постоянно твердила:—Какъ хотите, фрау Ульценъ! или: Дѣлайте, какъ знаете, фрау Ульценъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, такой молодой, неопытной дамочкѣ всего лучше довѣриться пожилой, опытной женщинѣ, которая знаетъ хозяйство, какъ свои пять пальцевъ, и ничего не желаетъ для себя, а желаетъ только какъ бы угодить господамъ. На слугъ, вѣдь, вообще нельзя полагаться, въ особенности здѣсь, въ Вольдомѣ, гдѣ у нихъ у всѣхъ въ головѣ засѣла мысль о

переселеніи, потому что кое-кому удалось нажить денегъ въ Америкѣ; а когда людямъ не проживется долго на мѣстѣ, то они всегда увѣряютъ, что я въ томъ виновата, но вы, сударыня, сами увидите, что я нисколько въ этомъ не виновата.

Анхень потихоньку пила превосходный кофе и никакъ не могла отдѣлаться отъ мысли о бѣдной молодой женщинѣ, которая утопилась, никому неизвѣстно по какой причинѣ, и совсѣмъ не слыхала, какимъ образомъ фрау Ульценъ перескочила отъ этого трагическаго предмета къ вопросу о прислугѣ; но она не хотѣла дать той замѣтить свое невниманіе и проговорила наудачу:

— Чѣмъ же вы-то виноваты?

— Не правда-ли? — ревностно подхватила фрау Ульценъ, — чѣмъ же я-то виновата? Я не виновата, что домъ старѣе, чѣмъ шведская стѣна у Сундинскихъ воротъ? и что они говорятъ, что если бы всѣ тѣ люди были еще живы, которые родились въ этомъ домѣ, то всѣмъ намъ стало бы тѣсно въ немъ. Да! сударыня, если молодому существу, попавшему сюда, кажется здѣсь страшно, и оно задумаетъ бѣжать отсюда, проживъ какихъ-нибудь шесть недѣль....—то это въ сущности весьма естественно, потому что, если послушать стараго Балтазара, который тридцать лѣтъ служилъ при покойномъ сенаторѣ и вотъ уже пять лѣтъ какъ живетъ при молодомъ баринѣ: чего только не наслушался и не наглядѣлся онъ, сударыня—этому повѣрить нельзя, пока его не услышишь; а ужъ то, что здѣсь, когда нибого въ комнатѣ нѣтъ, такъ слышно, какъ кто-то какъ будто дышетъ, точно кто-нибудь по близости спитъ въ постели—такъ это я сама тысячу разъ слышала, а также и Дорте слышала, сударыня, наша новая кухарка, которая живетъ уже шесть недѣль, да я еще не знаю, будетъ ли изъ нея толкъ, потому что она хохочетъ день-деньской; но со старей не было никакого слѣду, она подъ конецъ ни о чемъ другомъ не говорила и навѣрное въ первый же вечеръ отъявилась бы и къ вамъ, сударыня, съ этими самыми росказнями; обѣ служанки болтали то же самое, а потому я вынуждена была отпустить ихъ, потому что ни одинъ человѣкъ не можетъ исчезнуть, да я летать также, и это всѣ они говорятъ въ городѣ; а потому имъ здѣсь не мѣсто въ домѣ; подумала я, сударыня, и отказала имъ; если новыя служанки, которыхъ вы наймете, будутъ такія же, какъ и всѣ прочія, но, по крайней мѣрѣ въ первые дни васъ не будутъ беспокоить этими глупыми рѣчами. А это чего-нибудь да стоятъ: не правда-ли, сударыня?

— Я право не знаю, о чемъ вы говорите, — отвѣчала Анхенъ. По лицу экономки пробѣжала полу-смущенная, полу-гнѣвная улыбка.

— Ахъ! вы не знаете, въ самомъ дѣлѣ не знаете, ну, такъ прошу покорнѣйше извинить меня. Я, конечно, не изъ тѣхъ людей, что не умѣютъ держать языкъ за зубами. И когда баринъ сказалъ: — фрау Ульценъ, не говорите объ этомъ женѣ, это будетъ ей сюрпризъ! — то я и не стану говорить; и если бы онъ сказалъ: — фрау Ульценъ, не говорите женѣ про то, что случилось съ г. Флидербушемъ, то я бы тоже ничего не сказала, въ этомъ вы можете быть увѣрены, сударыня... Не приважете ли еще чего, сударыня?

Фрау Ульценъ присѣла и хотѣла молча удалиться, такъ-какъ Анхенъ ей не отвѣчала, съ сознаниемъ оскорбленнаго достоинства, но остановилась въ недоумѣніи. Большіе, темные глаза молодой женщины, внезапно вскочившей съ своего кресла, глядѣли на нее такимъ вопрошающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалось Ульценъ, такимъ испуганнымъ взглядомъ:

— Ахъ! сударыня, неужели же въ самомъ дѣлѣ вы ничего объ этомъ не знаете? — спросила Ульценъ.

Молодая женщина чуть замѣтно покачала въ отвѣтъ головою. Фрау Ульценъ съ непритворнымъ удивленіемъ всплеснула руками и вскричала:

— Господи, сударыня, теперь ужъ я, право, не знаю: должна ли я вамъ говорить объ этомъ? Потому-что если баринъ ничего вамъ объ этомъ не говорилъ... ну! что-жъ вѣдь, у барина совѣсть чиста, и онъ можетъ спокойно ждать, что изъ этого всего выйдетъ и, конечно, не знаетъ того, что говорятъ люди; а не то навѣрное рассказалъ бы вамъ, сударыня, какъ все происходило, потому-что вы, сударыня, не проживете въ Вольдомѣ сутокъ, какъ уже обо всемъ узнаете, и ужъ коли на то пошло, то лучше, чтобы вы, сударыня, узнали это отъ меня, потому-что я желаю добра господамъ и по-крайней-мѣрѣ знаю въ чемъ дѣло, и какъ это случилось; а другіе ровнѣхонько ничего не знаютъ; и какъ они теперь говорятъ, что я завидовала г. Флидербушу... но ужъ про г. Флидербуша баринъ навѣрное говорилъ вамъ, сударыня?

— Не помню, — беззвучно отвѣчала Анхенъ.

— Неужели! — вскричала Ульценъ.

Анхенъ снова усѣлась въ креслѣ, стараясь казаться спокойной, хотя дрожащія колѣни и сильно бьющееся сердце выдавали ея волненіе. Несмотря на свое смущеніе, она очень хорошо

сознавала, какъ неприлично ей выслушивать отъ старой болтуни о такихъ вещахъ и лицахъ, о которыхъ Лебрехтъ умалчивалъ. Но если это молчаніе не было случайнымъ? если онъ молчалъ только затѣмъ, чтобы не встревожить ее? если его собственное безпокойство, его уныніе, его мрачный видъ, который такъ смущалъ ее, объяснятся ей теперь неожиданнымъ образомъ? если ей можно сказать ему сегодня вечеромъ: «я все знаю, Лебрехтъ»?! Но что же? Боже мой? что-жъ это такое? Навѣрное это что-нибудь очень, очень непріятное... это ясно изъ всего, что болтаетъ старуха...

— Не хотите ли присѣсть?—спросила Анхенъ, указывая на стулъ, стоявшій по близости.

Фрау Ульценъ весьма охотно воспользовалась позволеніемъ. Такого удобнаго случая наставить своей мудростью молодую женщину, только-что переступившую за порогъ своего новаго дома, ей еще никогда не представлялось, во всю ее многолѣтнюю хозяйственную практику. Ея приземистая, тучная фигура просто сіяла, когда, усѣвшись на край стула и разглаживая жирными руками складки своего чернаго передника, она проговорила съ самодовольной улыбкой на толстыхъ губахъ:

— Не глядите, сударыня, съ такимъ страхомъ на часы! Когда г. докторъ у барина, такъ они всегда долго-долго засидятся другъ съ другомъ, а сегодня навѣрное засидятся еще дольше, потому-что Бальтазаръ, который только-что пронесъ бутылку вина—ужъ это первое дѣло, когда г. докторъ прійдетъ, но только я ничего худого не хочу этимъ сказать, сударыня, Боже упаси!... — говорить, что они теперь разговариваютъ объ этомъ. А г. докторъ часто бываетъ въ городѣ и всегда принималъ большое участіе въ г. Флидербушѣ, у котораго уже давно не было матери, а только старая тѣтка, вдова моряка, а братъ ея, отецъ молодого Флидербуша, тоже былъ корабельнымъ капитаномъ и много лѣтъ плавалъ на нашемъ кораблѣ, пока наконецъ... сколько бишь тому времени прошло? да! такъ! весною у насъ былъ пожаръ на палубѣ, а осенью «Анна-Марія» потерпѣла кораблекрушеніе, и весь экипажъ потонулъ, а съ нимъ вѣсть и г. Флидербушъ—отецъ то-есть—и вотъ зимою пріѣхалъ къ намъ въ домъ молодой Флидербушъ: этому теперь прошло шесть лѣтъ, и ему тогда было четырнадцать и, значитъ, теперь ему было бы двадцать, если бы....

— Развѣ онъ умеръ? — испуганно спросила Анхенъ.

Фрау Ульценъ бросила меланхолическій взглядъ на потолокъ.

— Въ томъ-то и дѣло, сударыня, что никто этого не знаетъ, и всѣ ломаютъ на счетъ этого голову: потому-что его всѣ знали и всѣ къ нему привыкли. Только бывало и слышишь: Гансъ Флидербушъ! Гансъ Флидербушъ!... его звали Гансомъ, сударыня, и, говорятъ, онъ былъ очень дѣльный малый... теперь по-крайней-мѣрѣ,—хотя прежде я слыхала, о немъ говорили совсѣмъ иначе, и многіе удивлялись: какъ это нашъ баринъ такъ довѣряетъ такому молодому и легкомысленному человѣку. Да, сударыня, я этого не понимаю и всегда радовалась за него, если баринъ чаще приглашалъ его въ столу, нежели другихъ, и ѣздилъ съ нимъ лѣтомъ на воды въ дѣловое время, а зимою катался съ нимъ на конькахъ, или стрѣлялъ въ дѣль за садомъ, и еще три года тому назадъ бралъ его съ собой въ Лондонъ, а въ прошломъ году въ Парижъ, чтобы онъ узналъ свѣтъ, какъ говорилъ баринъ, хотя Бальтазаръ говорилъ—для того, чтобы тамъ провидывать тѣ дурачества, которыхъ ему нельзя провидывать въ Больдомѣ. Конечно, это очень непочтительно со стороны Бальтазара, сударыня, но вы, сударыня, еще не знаете, каковы люди, и я считаю своей обязанностью раскрыть вамъ глаза. Вотъ Бальтазаръ, сударыня, такъ взаправду завидовалъ Флидербушу, и ворчалъ у насъ на кухнѣ еще наканунѣ того дня, какъ баринъ собирался ѣхать на свадьбу—за то, что Флидербушу поручено было укладывать дорожный сундукъ барина, тогда-какъ Бальтазаръ тридцать лѣтъ сряду укладывалъ дорожныя вещи покойному сенатору и всегда ему угождалъ. Флидербушъ укладывалъ сундукъ вотъ въ этой комнатѣ, сударыня, въ которой баринъ всегда спалъ и прежде, хотя она и не была такъ великолепно отдѣлана, какъ теперь; а тѣмъ временемъ г. докторъ сидѣлъ у барина въ кабинетѣ, гдѣ онъ сидѣлъ и теперь, и они выпили тогда этапъ бутылочки двѣ или три. А затѣмъ г. докторъ ушелъ, и Бальтазаръ свѣтилъ ему и ужъ больше на верхъ не возвращался, потому-что спать внизу. Я тоже отослала слуганокъ спать, потому-что на другое утро онѣ должны были рано встать, да и дѣлать имъ было больше нѣчего, да и мнѣ, собственно говоря, тоже, хотя Бальтазаръ не убралъ бутылокъ и стакановъ, но я не знала: можно мнѣ войти или нѣтъ, потому-что баринъ не любитъ, чтобы къ нему входили безъ зова. И должно быть тутъ я чуть-чуть вздремнула и очень удивилась, когда, проснувшись, услышала, что бьетъ полночь, и я думаю, что бой часовъ именно и разбудилъ меня, потому-что часы еще не кончили бить, какъ я проснулась...

— Ну-съ, сударыня, я старая и разсудительная женщина и не изъ трусливаго десятка; но когда этапъ, знаете ли, проснешься

ровно въ полночь и подумаешь, что всё уже давно улеглись спать, и въ домѣ царствуетъ мертвая тишина, и вдругъ услышишь какой-то стукъ и звонъ, словно какъ-бы въ церкви, знаете ли, сударыня, такой глухой и странный, что не знаешь, сверху ли онъ идетъ или снизу? Великій Боже, думаю: а, что бы это могло значить, а г. Флидербушъ... нѣтъ, ей-Богу, сударыня, мнѣ это сначала совѣтъ было не вдомѣкъ; а это ужъ цѣлую вѣчность шумъ-то слышался изъ комнаты барина, и я тѣмъ временемъ прошла уже по корридору мимо кухни, позади комнатъ для приважихъ, гдѣ я сплю, а шумъ все еще не улегся. Ну, вотъ, я собралась съ духомъ и вернулась назадъ, и вправду: шумъ шелъ изъ комнаты барина: сначала голосъ барина, а затѣмъ голосъ Флидербуша, а затѣмъ оба голоса разомъ, точно вотъ когда двое сильно между собою спорять. Ну, сударыня, это было тѣмъ удивительнѣе, что я никогда не слышала худого слова отъ барина про г. Флидербуша, и чтобы г. Флидербушъ вдругъ осмѣлился такъ дерзко говорить съ бариномъ—этому я тоже никогда бы не повѣрила. И чисто отъ удивленія, сударыня, потому-что я знаю, какъ слѣдуетъ себя вести слугѣ, сударыня, экономка же должна показывать слугамъ хорошій примѣръ, а кто подслушиваетъ у дверей, тотъ это дѣлаетъ на свою собственную голову.... Но тутъ даже не надо было и подслушивать... и Рабеляманъ, слуга нашего совѣтника, сударыня, проходилъ навѣ-разъ въ это время по переулку и тотъ тоже слышалъ, хотя въ переулокъ не выходитъ ни одного окошка, и стѣна тамъ толстая, претолстая. Но словъ, сударыня, онъ не могъ разслышать, потому-что и я, сударыня, не разслышала ихъ, хотя стояла у самой двери, и только разъ до меня долетѣли слова барина: — отдай мнѣ его назадъ! а Флидербушъ на это: — нѣтъ! не отдамъ! И затѣмъ, сударыня, поднялась возня; словно какъ-бы они боролись другъ съ другомъ, и при этомъ, должно быть, они толкнули столъ; столъ полетѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ и бутылки и стаканы, которые на немъ стояли; а затѣмъ послышался громкій крикъ и мнѣ кажется, что баринъ прибилъ его, потому-что то кричалъ Флидербушъ. Я бросилась къ двери, дверь заперта, а черезъ сѣни въ столовую, откуда ведетъ другая дверь къ барину; и та дверь на замкѣ. Ну, тутъ ужъ мнѣ стало вдругъ такъ страшно, сударыня, такъ страшно, что я и описать не могу, потому-что тѣмъ временемъ все утихло, словно какъ въ могилахъ, и я, быть-можетъ, простояла нѣсколько минутъ со свѣчей въ рукѣ — и по сіе время еще дивлюсь, сударыня, какъ это я ее не уронила со страху.... а затѣмъ я опять пошла въ сѣни и тутъ, слава Богу! вышелъ самъ

баринъ изъ спальни, сударыня, тоже со свѣчей въ рукѣ и побѣжалъ стремглавъ на лѣстницу, а я побѣжала за нимъ, потому-что онъ меня совсѣмъ не замѣтилъ, и онъ уже сбѣжалъ на первую площадку, какъ я еще стояла на верху и, конечно, сбѣжалъ бы совсѣмъ внизъ, да только свѣча у него вдругъ потухла, и онъ только теперь примѣтилъ меня и закричалъ:—идите сюда, скорѣе, фрау Ульценъ! идите сюда, скорѣе!—Ну, я побѣжала къ нему со всѣхъ ногъ и онъ зажегъ свою свѣчу объ мою, и я увидѣла, что онъ блѣденъ, какъ полотно, и руки у него такъ дрожать, что его подсвѣчникъ все стучается объ мой подсвѣчникъ и онъ не сразу могъ зажечь свѣчу, и я должна была три раза спросить его: что случилось?—нона онъ наконецъ отвѣтилъ: Флидербушъ... но нѣтъ, онъ не сказалъ Флидербушъ, онъ сказалъ: Гансъ выбросился изъ окошка спальни и лежитъ теперь въ саду... Мертвый?—спрашиваю я.—Не знаю,—отвѣчаетъ баринъ; я звалъ его, онъ не отвѣчаетъ.—Но что же такое случилось, сударь?—спрашиваю я опять.

— Мы поспорили,—отвѣчаетъ баринъ:—мнѣ очень жалъ... очень... если бы я могъ думать... и при этомъ губы его дрожали, сударыня, а глаза совсѣмъ собирались выскочить изъ головы, и онъ пытался, такъ что я думала, что онъ упадетъ. Но вотъ онъ выпрямился и проговорилъ: «Теперь ужъ поздно горевать, фрау Ульценъ. Останьтесь здѣсь и разбудите Балтазара, а я самъ пойду его».—Но свѣча у васъ потухнетъ на дворѣ, сударь, говорю я ему.—А вотъ Христіанъ, говоритъ баринъ, я возьму его фонарь.

— Мы сошли тѣмъ временемъ внизъ и проходили мимо окна, которое выходитъ на дворъ. На дворѣ мы увидѣли Христіана...

— ... Это нашъ кучеръ, сударыня, и онъ уже вынулъ карету, въ которой баринъ долженъ былъ ѣхать на другое утро на желѣзную дорогу, да услышалъ, что дождь идетъ, такъ и всталъ, чтобы прикрыть карету рогожкой. Онъ набитый дуракъ, сударыня, и ему хоть когъ на головѣ теши, но что касается лошадей и экипажей... ужъ тутъ онъ маху не дастъ, сударыня. И его большой фонарь былъ зажженъ, а дождь-то лилъ какъ изъ ведра; когда баринъ отворилъ дверь на дворъ, я ему и говорю: «надѣньте шапку». А онъ и не отвѣчаетъ, а приказываетъ только, чтобы Балтазаръ бѣжалъ скорѣе за г. докторомъ. Ну, сударыня, дальше нечего рассказывать; не нашли они его, хотя избѣгали весь садъ, сначала баринъ съ Христіаномъ, а затѣмъ и кое-кто изъ прислуги, которую баринъ велѣлъ разбудить, а затѣмъ они обыскали весь домъ, съ чердака до погреба,

хоть никакой возможности не было ему попасть опять изъ саду въ домъ, а затѣмъ послали искать его по всему городу, но все понапрасну; Флидербутъ не отыскался; баринъ объявилъ о томъ кому слѣдуетъ, и начальникъ полиція въ ту же ночь составилъ протоколъ и сказалъ барину: «Пусть онъ ѣдетъ съ миромъ; что дать пощечину мальчишѣ, который не слушается своего хозяина—самъ Богъ велитъ; а если мальчишка отъ этого возблещется и, вмѣсто того, чтобы попросить прощенья, высочить изъ чистаго упрямства изъ окна, то по-дѣлать ему, если онъ даже и сломаетъ себѣ шею. А что онъ не сломалъ себѣ шеи, такъ это ясно какъ божій день; а разъ онъ не сломалъ себѣ шеи, то очень легко могъ, какъ кошка, перелѣзть черезъ садовую стѣну, а такъ какъ кошки если не къ людямъ привычны бываютъ; такъ къ дому, то надо думать, что онъ вернется, когда дурь съ него соскочитъ... и авось мы еще этого дождемся». Ну-съ, сударыня, старикъ не дождался этого, потому что надѣлю спустя его снесли на кладбище, а онъ былъ самый заветный другъ и пріятель покойнаго сенатора и крестный отецъ нашему барину, и я думаю, что онъ перевернулся бы отъ ужаса въ могилѣ, если бы услышалъ, что люди говорятъ.

— А что они говорятъ? что могутъ они говорить? — вскричала Анхень.

Она вдругъ вскочила съ своего кресла и протянула сложенные руки къ фрау Ульценъ.

Въ залившихъ глазахъ нивенъкой экономки, которая тоже встала съ мѣста, засвѣтился вѣсело-радостный огонекъ въ то время, какъ она глядѣла на взволнованную молодую женщину, тихо показывая жерной головой.

— Что они могутъ говорить, сударыня? да чего только не скажутъ злые люди, чтобы почесать языки, и это про нашего барина, который такъ богатъ, что могъ бы купить весь городъ и такъ щедръ, что бросаетъ деньги за окно, и просто срамъ и стыдъ, кому иной разъ достаются эти денежки. Ужъ въ этомъ случаѣ баринъ вылитый покойный сенаторъ, который когда умеръ, такъ полъ-Вольдома было записано у него въ долговой книгѣ: корабельные капитаны и матросы, и купцы, и ремесленники, и всѣ-то ихъ долги онъ зачеркнулъ и надъ ними написалъ: «получу уплату въ небесахъ!»

Фрау Ульценъ вытерла глаза, какъ она это всегда дѣлала, когда рассказывала эту исторію про покойнаго.

— Да, да,—продолжала она:—то-то былъ добрейшій баринъ — слишкомъ добрый для здѣшняго міра — и чего только они

не говорили про него; и что онъ торговалъ черными невольниками, когда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ ѣздилъ въ Америку; и что у него было съ десятокъ кораблей, которые постоянно плавали между Африкой и Америкой и то и знай, что провозили невольниковъ, но сюда, въ Вольдомъ, никогда и не заглядывали, а постоянно бросали якорь за Висъличною горой—это будетъ отсюда въ полумили разстоянія, сударыня, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ прежде ходить туда, потому что всего еще какихъ-нибудь два года тому назадъ, тамъ стояла старая висълица, пока, наконецъ, сенаторъ не велѣлъ ее прибрать и не поставилъ на ея мѣсто маякъ; а тогда они принялись говорить, что онъ это сдѣлалъ только потому, что покойный король угрозилъ, что онъ его повѣситъ, если онъ не оставитъ торгова невольниками и не велитъ задѣлать подземнаго хода, который ведетъ отъ висълицы прямо сюда въ нашъ домъ. Да, сударыня, этому трудно повѣрить, а, вѣдь, всаправду болтають про это, а другіе говорятъ, что этотъ ходъ вовсе не задѣланъ и существуетъ и по сіе время, и что въ комнатѣ барина, гдѣ жилъ и покойный сенаторъ, есть дверь, которой никто не знаетъ, кромѣ барина, и что сенаторъ, умирая, открылъ ее сыну... и теперь о ней знаетъ нашъ баринъ и больше никто. И что если бы только нашли дверь, то и Флидербушъ то же сыскался бы.

— Господи помилуй!—вскричала Анхень.

— Не правда ли, сударыня, вѣдь, это просто срамъ! но вы, сударыня, не тревожьтесь объ этомъ! Какимъ способомъ исчезъ Флидербушъ изъ сада—этого никто не понимаетъ, потому что вокругъ сада идетъ высокая, гладкая стѣна и только одна дверь ведетъ во дворъ, гдѣ находился Христіанъ съ наретою и штуки двѣ отдушникъ, ведущихъ въ погреба, но онѣ закрыты рѣшеткой. А что касается двери, которая будто бы находится въ комнатѣ барина и которой никто не знаетъ и не можетъ найти, то можетъ быть прежде и существовалъ подземный ходъ, потому что въ домѣ, который стоитъ триста лѣтъ и имѣетъ такіа толстыя стѣны, все можетъ быть; но теперь въ ней только есть шкафъ въ стѣнѣ, который, впрочемъ, такъ великъ, что въ немъ умѣстится поддома, и одна половина его пуста, а въ другой хранились драгоценности, а также и всѣ акты и документы, которые баринъ самъ привелъ въ порядокъ и убралъ по смерти стараго барина—я при этомъ была: цѣлыхъ десять сундуковъ, биткомъ набитыхъ, которые теперь стоятъ въ погребѣ—и кромѣ этого у барина тамъ ничего не было, сколько мнѣ извѣстно, кромѣ удочекъ и ружей; но за два дня до отъѣзда баринъ сказалъ мнѣ:

«Фрау Ульценъ, — сказалъ онъ, — домъ у насъ теперь полонъ работниками и это продлится двѣ-три недѣли, пока все не будетъ отдѣлано, а вы не можете углядѣть за всѣми: не взять ли намъ изъ буфета большой серебряный сервизъ и не спрятать ли его въ шкафъ, потому что хотя люди и честны, но все же кое-что можетъ и потеряться, а такого сервиза больше не найдешь».

«Очень хорошо, сударь, — отвѣчала я, — и мы спрячемъ туда же и ложки и все такое, — береженаго Богъ бережетъ, да и у меня забота съ плечъ долой, потому что ящики въ буфетѣ можетъ всякій отомкнуть кривымъ гвоздемъ. Ну, сударыня, баринъ-то на это разсмѣялся, но мы-то, грѣшныя, знаемъ, какъ это дѣлается. И вотъ я и уложила все въ шкафъ, обернувъ въ мягкую бумагу, какъ и слѣдуетъ, сударыня, когда укладываешь такіа дорогіа вещи... и оставила только полдюжины обыкновенныхъ столовыхъ и чайныхъ ложекъ, на всякій случай; и хорошо сдѣлала, потому что когда вы, сударыня, потребовали кофе, то я и говорю барину: «Не подать ли баринъ къ кофе одну изъ нашихъ прекрасныхъ ложекъ», а баринъ мнѣ въ отвѣтъ: «И такъ будетъ хорошо, я потерялъ ключъ». «Почему вы мнѣ его не отдали?» спрашиваю я. Онъ хотѣлъ отдать ключъ мнѣ и я должна была, когда домъ будетъ готовъ, вынуть вещи и снова поставить ихъ въ буфетъ. Да только въ послѣднюю ночь у барина голова шла кругомъ, и онъ совсѣмъ спать не ложился, потому что мы все искали его, пока, наконецъ, не пробило семь часовъ, и барину нужно было ѣхать на желѣзную дорогу, чтобы поспѣть на слѣдующій день къ милой невѣстѣ въ Кельнъ... Ахъ ты, Господи! вѣдь, это пробило половину девятаго; какъ время-то летитъ, когда займешься разговоромъ! Мнѣ нужно ѣхать въ кухню, сударыня, чтобы господамъ было чѣмъ поужинать, потому что я не очень-то довѣряю Дорте, хотя она три года была у тѣтки Имфельдтъ, первой кухарки, да и баринъ съ докторомъ тѣмъ временемъ, вѣроятно, уже наговорились до-сита и, можетъ быть, вы, сударыня, пожелаете теперь къ нимъ? Не прикажете ли вамъ въ чемъ помочь, сударыня?»

— Благодарю васъ, — отвѣчала Анхентъ: — я и одна справлюсь.

— Вѣрю, — отвѣчала фрау Ульценъ, прибирая кофейный приборъ, — когда такая молоденькая дамочка проведетъ въ дорогѣ шесть недѣль безъ горничной, а баринъ... ну, у нашего барина никогда не было камердинера и... я всегда говорила людямъ, когда они этому дивились: — Молодые господа, — говорила я: —

всегда счастливые, когда бываютъ совѣмъ одни,—и у кого домъ полная чаша, тотъ въ дорогѣ самый покладливый человѣкъ.

Фрау Ульценъ проговорила это замѣчаніе у дверей, ожидая, что молодая женщина поблагодаритъ ее за него ласковымъ словомъ или кивкомъ головы, а быть можетъ, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Но Анхентъ, которая въ эту минуту стояла въ глубинѣ комнаты, передъ большимъ трюмо, повернувшись къ ней спиной, ничего не сказала и не обернулась къ ней. Но за то фрау Ульценъ видѣла въ зеркалѣ, освѣщенномъ канделябрами, отраженіе молодой женщины: она была блѣдна, какъ полотно, и темные глаза потерянно глядѣли впередъ. Фрау Ульценъ подумала, что лишнее ласковое слово не повредитъ. Она стукнула чашкой, чтобы показать, что она еще тутъ и проговорила:

— Сударыня, не принимайте всего этого такъ близко къ сердцу! У кого чистая совѣсть, тому не страшны людскія рѣчи; а нашъ баринъ не такой, какъ г. баронъ фонъ-Клебеновъ въ Вюстене, у котораго я жила въ экономкахъ... теперь этому скоро уже сорокъ лѣтъ, и я еще была тогда совѣмъ молоденькая, и тоже должна была показывать передъ судомъ, точно будто я что и знала, а что я знала? Я, право, такъ-таки ничего не знала. И что-жъ такое, что молодой баринъ придетъ въ столовую и наговоритъ пустяковъ молоденькой дѣвчонкѣ, хотя у него у самого красавица молодая жена... Боже милостивый! извѣстно, молодежь вѣтренна! Ну, а Ловиза, да и знаете ли, сударыня, старый Пальцофъ тоже, должно быть, объ этомъ провѣдалъ, и, должно быть, они поэтому и поссорились разъ въ лѣсу Вюстене. Только разъ баринъ и не вернулся домой, да такъ и пропадалъ цѣлыхъ шесть недѣль, и ужъ все перерыли, искавъ его, и сосновый лѣсъ, и поля, и пруды: а старый-то Пальцофъ впереди всѣхъ, потому что никому и въ голову не приходило подозрѣвать его, и вотъ вдругъ... вотъ тоже въ такое время, въ октябрѣ мѣсяцѣ, собака Іохима Вензаа принялась выть въ сосновой рощѣ — Іохимъ Вензаа былъ пастухъ и повелъ стадо на пастбу вовлѣ сосновой рощи—вотъ собака-то и прибѣгаетъ съ костью во рту, а ужъ пастуху ли не знать всѣхъ востей, онъ сейчасъ же и позвалъ жандарма, который какъ разъ проѣзжалъ по дорогѣ, да и говорить: «это, говорить, кость отъ нашего барина», — и въ самомъ дѣлѣ! въ сосновой рощѣ и нашли его; тамъ онъ и пролежалъ все время, всего лишь на полфута подъ землею; и они десять разъ проходили по этому мѣсту, не подозрѣвая о томъ. Старый Пальцофъ не поспѣлъ зарыть его глубже, лисицы и вырыли его и полуобглодали. И когда пришли брать старика, по-

тому-что вмѣстѣ съ трупомъ нашли и его порошницу, онъ какъ закричитъ: «я васъ заждался совсѣмъ», да какъ всадить себѣ пулю въ любовь, такъ и умеръ на мѣстѣ.

Фрау Ульценъ достаточно громко рассказала эту исторію, самую любимую изъ всѣхъ ея исторій, но она не была увѣрена, что барыня ее слышала, потому что та все еще стояла недвижимо передъ зеркаломъ, и фрау Ульценъ вдругъ стало страшно, не наговорила ли она чего лишняго, о чемъ лучше было бы и помолчать. Но она утѣшила себя мыслью, что она ни слова не сказала про то, про что ей формально было запрещено говорить.

И вотъ она легонько кашлянула... въ знакъ, что уходитъ на этотъ разъ совсѣмъ... постукала кофейнымъ приборомъ, видя, что кашель не помогаетъ, и вышла изъ комнаты въ мучительной неизвѣстности: дѣйствительно ли барыня не замѣтила ея ухода или сдѣлала видъ, что не замѣтила.

Анхель, какъ только услышала, что дверь затворилась, провела руками по лбу и глазамъ, какъ человекъ, вышедшій изъ оцѣпенѣнія; робко оглянулась кругомъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли она одна, а затѣмъ бросилась къ той самой двери, въ которую вышла Ульценъ, заперла ее на ключъ, бросилась затѣмъ къ другой двери, которая вела въ переднія комнаты, и тоже заперла ее. Затѣмъ подбѣжала къ столу, на которомъ лежалъ различный ручной багажъ, открыла эlegantный мѣшочекъ и пошарила дрожащими руками среди всякаго рода красивыхъ дамскихъ вещицъ... вотъ и онъ!

Она вынула это... какой-то предметъ, завернутый въ бѣлый, батистовый платокъ. Она развернула платокъ... носовой платокъ Небрехта и взяла въ руки оригинальный ключъ, съ длинной, гладкой ручкой, зубчатой бородкой и круглымъ ушкомъ. Ключъ былъ покрытъ темными пятнами... она это замѣтила уже раньше, а также и то, что ржавчина окрасила платокъ.

Но разглядывая теперь платокъ противъ свѣта, она увидѣла... Великій Боже! ужъ полно, ржавчина ли это?

Дрожь пробѣжала по ней. Невольно уронила она и ключъ, и платокъ.

Но въ ту же минуту опять подняла ихъ и, оглядываясь кругомъ, какъ будто искала, куда бы лучше спрятать ихъ.

Что это! кто-то идетъ, кажется? нѣтъ... но ключъ и платокъ уже въ карманѣ; куда она сунула ихъ въ страхъ, и гдѣ имъ, пожалуй, безопаснѣе лежать, чѣмъ въ мѣшкѣ.

Отъ кого она причетъ ихъ?

Молодая женщина засмѣялась. Смѣхъ странно прозвучалъ въ ея ушахъ; точно не ея смѣхъ—и она вдругъ залилась слезами.

Противная старуха съ ея гадкими исторiями! а Лебрехтъ! Каково! ни слова мнѣ объ этомъ не сказать!

Она снова усѣлась въ креслѣ передъ каминкомъ и думала, думала, думала... какъ и передъ тѣмъ... нѣтъ, нѣтъ! Теперь она боролась всю всю мочь съ страшной мыслью, что она нашла ключъ къ тоскѣ Лебрехта!

III.

— Что тамъ такое?—спросилъ докторъ.

— Мнѣ послышался шорохъ,—отвѣчалъ Лебрехтъ, снова запирая дверь.—Это прошла Ульценъ, и больше никто.

— Ульценъ, и больше никто... восхитительно! — замѣтилъ докторъ, осушая свой стаканъ и снова наполняя его: — совсѣмъ какъ и подобаетъ человѣку съ нечистой совѣстью. Она, вѣрно, шла отъ твоей жены?

— Должно быть,—отвѣчалъ Лебрехтъ.

— Гмъ! а если да она, такъ себѣ, en passant, не придавая этому никакого значенiя—да и какое значенiе она можетъ этому придать?—открыла твою милую тайну женѣ?

— Я настоятельно просилъ ее не говорить объ этомъ.

— Подъ какимъ предлогомъ?

— Я сказалъ, что желаю... желаю сдѣлать сюрпризъ женѣ.

— Сюрпризъ! хорошо! очень хорошо! А если вдругъ кто-нибудь изъ остальной прислуги обрадуетъ ее этимъ сюрпризомъ? старикъ Балтазаръ, напримѣръ?

— Это въ высшей степени невѣроятно.

— Однако, возможно?

— Зачѣмъ ты меня мучаешь?

— Затѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что твоя тайна... какъ Дамокловъ мечъ, несмотря на всѣ твои предосторожности, виситъ у тебя надъ головой на одной шелковинкѣ...

— Точно я этого не знаю такъ же хорошо, какъ и ты.

— На шелковинкѣ, которая можетъ оборваться каждую минуту, и мечъ тотчасъ же упадетъ,—и ты... погибшій человѣкъ. Да ты и безъ того уже погибшій человѣкъ, и я тебѣ это докажу.

Съ тонкаго, блѣднаго лица доктора пропала ироническая усмѣшка, съ которой онъ до сихъ поръ выслушивалъ исповѣдь прiятеля. Онъ принялся тереть ладонями колѣни длинныхъ, ху-

дыхъ ногъ, сначала тихо, а потомъ все скорѣе и скорѣе, по своей привычкѣ, когда какой-нибудь пациентъ истощалъ его терпѣніе. Онъ не глядѣлъ больше съ юмористическимъ подмигиваніемъ черезъ очки въ лицо пріятелю, но держалъ глаза опущенными, точно все, что онъ собирался сказать, было написано на жоврѣ, и ему нужно было поспѣшно прочитать это, изъ боязни, что въ слѣдующій моментъ оно изгладится.

— Я докажу тебѣ ясно, какъ дважды-два—четыре, что ты не что иное, какъ мономанъ, сошедшій съ ума на томъ, что его преслѣдуютъ, или который воображаетъ, что у него въ брюхѣ засѣлъ центнеръ сѣна, а въ головѣ—мѣра овса. Представь себѣ, ради Бога, какъ бы поступилъ на твоёмъ мѣстѣ разумный человѣкъ? Въ его отношеніяхъ, въ его жизни существуетъ обстоятельство, котораго онъ стыдится, хотя нѣсколько въ немъ не виновать, и котораго онъ такъ же не въ состояніи измѣнить, какъ и носа, съ какимъ природа произвела его на свѣтъ. По моему мнѣнію, уже самый этотъ стыдъ есть совершенно презрѣнная, аристократическая нелѣпость, почти граничащая съ безуміемъ, но еще не составляющая безумія, потому что съ этой стороны я готовъ сдѣлать вкусу самыя значительныя уступки. Что одному кажется совой, то другому представляется соловьемъ, и наоборотъ, — а человѣку, о которомъ мы говоримъ, это обстоятельство было совой съ самаго дѣтства: онъ сердился на сову и боялся ее; и въ своемъ родѣ имѣлъ на то основаніе, потому что другіе люди такъ же слабы, какъ и онъ, и могли попрекнуть его совой, да и попрекали при случаѣ, какъ, напримѣръ, тотъ любезнѣйшій полковникъ, съ его замѣчаніемъ: «мы бы охотно произвели васъ въ офицеры, любезный другъ, но въ нашемъ аристократическомъ полку, знаете...»—убирайся къ чорту, сказалъ тогда этотъ господинъ, и я надѣюсь, что при всякомъ другомъ случаѣ онъ отвѣтитъ каждому, кто вздумаетъ попрекнуть его совой: «убирайся къ чорту!»

Онъ такъ и дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока ему не довелось въ одинъ прекрасный день послать къ чорту не ея, а ее, а на это у него не хватило духа.

Съ своей точки зрѣнія я сожалею объ этомъ; но могу это понять. Мало того: я не моралистъ, во всякомъ случаѣ не такой, который бы не допускалъ исключеній. Я допускаю исключенія; я говорю: любовь есть борьба за существованіе, какъ и война. Въ войнѣ, какъ и въ любви, мораль всегда приводитъ ad absurdum: въ войнѣ, какъ и въ любви позволительны всѣ средства—и плохой тотъ полководецъ, который до

поры до времени откроетъ свою слабую сторону непріятелю. И дуракъ былъ бы тотъ, кто бы далъ взглянуть въ лицо своей возлюбленной, которая, какъ и добродушный полковникъ, *mutatis mutandis* сказала бы: «мнѣ бы очень хотѣлось выйти за васъ замужъ, любезный другъ, но въ нашемъ аристократическомъ домѣ, знаете ли...

Воп! умный полководецъ и умный любовникъ играютъ слѣдовательно въ прятки. Это ихъ священное право; мало того: ихъ долгъ.

Но, *mon cher*, только лишь до поры до времени; только до тѣхъ поръ, пока въ сраженіи не наступитъ моментъ, когда батальонъ, который непріятель принялъ-было за цѣлую армію, долженъ наброситься на непріятеля и заявить ему:—насъ всего горсточка людей, но каждый изъ насъ герой!—только до тѣхъ поръ, пока не наступятъ дни безумной страсти, когда любовь заслоняетъ собою все... тогда онъ долженъ открыть ей все, и будь онъ самъ мистическій лебедный рыцарь или даже самъ сатана, она отвѣтитъ ему:—мнѣ на это наплевать. Я врачъ, мой милый, и я могъ бы, если бы захотѣлъ быть нескромнымъ, привести тебѣ случаи, когда весьма крупныя уступки дѣлались и прощались... да, что я говорю! осыпались самыми горячими поцѣлуями. Но ты... теперь я долженъ перейти къ тебѣ... что ты дѣлаешь? и что ты дѣлалъ? Ты упустилъ тотъ благопріятный, всемогущій, всепрощающій моментъ, моментъ, который никогда не вернется. Никогда! *mon cher*! Онъ остался позади въ томъ свѣтломъ раю, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни раскаянія, ни искупленія, ни покаянія—въ томъ свѣтломъ раю, изъ котораго вы только-что вернулись и съ которымъ безповоротно расстаются молодая женщина съ первыми шагами, которыми она переступила за порогъ дома, гдѣ ей предстоитъ быть хозяйкой. И когда, принимая на свои вѣжныя плечи бремя тяжелой отвѣтственности, она съ испугомъ и сомнѣніемъ спрашиваетъ себя:—будешь ли ты въ состояніи вынести это бремя?—И съ надеждой и довѣріемъ отвѣчаетъ на страшный вопросъ:—да! если онъ будетъ мнѣ вѣренъ и преданъ, онъ, олицетворяющій собою вѣрность, твердость, честность и мужество! И вотъ вдругъ этотъ мужественный, добрый, твердый, вѣрный мужъ подходитъ къ ней съ гримасой:—ты попала въ сѣти, моя бѣдная птичка!—или—что по-моему въ тысячу разъ хуже—съ ласками шепчетъ ей на ухо:—я виноватъ передъ тобой, я недостойнъ...—ну! удивительно ли, если она поймаетъ его на словъ? Говорю тебѣ, *mon cher*, я знаю молодыхъ дамъ, которыя такъ поступали, и судя по всему, что ты мнѣ раньше рассказы-

важъ про твою бариню, я полагаю, что и она поступить точно такимъ же манеромъ. Родство съ Ключенцель-Пютцами съ материнской стороны не сходитъ съ рукъ безнаказанно. Вѣдь мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ мучительной дилеммой, изъ которой прежде все еще могъ быть исходъ: но ты изъ боязни аристократическихъ замашекъ семьи своей жены такъ долго скрывалъ свою тайну, что теперь уже не можешь открыть ее безъ того, чтобы не оскорбить не только этихъ аристократическихъ замашекъ, на которыя намъ наплевать, но даже и нравственности... нравственности, *mon cher*, святость которой и я признаю.

Вспомни слова поэта: «кто обманываетъ довѣріе, тотъ убиваетъ живое существо въ утробѣ матери!» Рана, которую ты нанесешь довѣрчивому сердцу твоей молодой жены, никогда не заживетъ. Отнынѣ и навсегда она не будетъ больше вѣрить тебѣ съ перваго слова; будетъ вѣрить тебѣ только тогда, когда посторонніе подтвердятъ истину твоихъ словъ. Знаешь ли ты, какой это смыслъ имѣетъ, когда для жены требуется подтвержденіе постороннихъ людей?—это значить просто-на-просто другихъ мужчинъ, которые могутъ быть не хуже и не лучше, чѣмъ ты, но которыхъ она считаетъ лучше тебя, изъ одного духа противорѣчія. Я покажу тебѣ на ближайшемъ примѣрѣ, какъ далеко можетъ простираться это недоувѣріе.

Ты говоришь: Ульценъ не сообщитъ ей о твоей тайнѣ, потому что ты запретилъ ей это. Допустимъ, что она устоитъ передъ искушеніемъ, заключающемся уже въ самомъ запрещеніи, и не разболтаетъ о ней. Кто ручается тебѣ, что она не расскажетъ твоей женѣ исторію про Ганса Флидербуша? повторяю, хоть ты и ворчишь: кто ручается тебѣ за это? и притомъ расскажетъ эту исторію со всѣми комментаріями, съ какими она ходитъ по городу? И при этомъ я еще не сообщалъ тебѣ самаго зловѣщаго, потому что хотѣлъ пощадить тебя; но *quod ferrum* *pop sanat, ignis!* итакъ, забытая исторія о потаенномъ ходѣ, ведущемъ изъ этой комнаты на морской берегъ къ Висльичной горѣ, снова вызвана изъ забвенія, и этимъ объясняютъ исчезновеніе юноши. Это смѣшно, не правда ли? а вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не смѣшно. Ты вѣдь не можешь призвать сюда всѣхъ жителей города и сказать имъ:—осмотрите, господа, сдѣлайте милость—это стѣнной шкапъ, можетъ ли онъ выѣстить въ себя всѣхъ васъ, дураковъ? И если тебѣ наплевать на рѣчи дураковъ, такъ подумай, что ихъ рѣчи могутъ дойти до ушей твоей жены, и вдругъ юноша, чего Боже упаси! не вернется, и тайна его исчезновенія останется невыясненной... какъ ты думаешь? можетъ это

способствовать тому, чтобы твоя молодая жена нашла весьма приятнымъ пребываніе въ этомъ старомъ, заброшенномъ замкѣ? Какъ ты думаешь, не будетъ ли она вспоминать про эту исторію каждый разъ, какъ войдетъ въ эту комнату? или... знаешь ли, что я тебѣ скажу, мой милый: на твоёмъ мѣстѣ я бы велѣлъ задѣлать этотъ шкафъ, пока до нея не дошли всѣ эти исторіи и розсказы, такъ чтобы, когда она заговорить съ тобой о нихъ, ты бы могъ спокойно замѣтить ей:—представь, милая, какъ нелѣпы всѣ эти розсказы: въ этой комнатѣ не существуетъ даже шкафа, не то что потайного хода...

Что ты—съ ума сошелъ?

Докторъ вытаращилъ глаза на Лебрехта съ полу-испуганнымъ, съ полу-испытующимъ выраженіемъ, съ какимъ врачъ наблюдаетъ подозрительные симптомы, показывающіе у пациента приближеніе припадка умопомѣшательства. Лебрехтъ же, сидѣвшій до того времени напротивъ доктора и слушавшій его довольно спокойно, такъ по крайней мѣрѣ казалось послѣднему, вдругъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ тяжелое кресло, которое докторъ могъ лишь съ трудомъ сдвинуть съ мѣста, какъ какое-нибудь перышко, и затѣмъ такъ хватилъ имъ изъ всей мочи объ полъ, что, несмотря на коверъ, которымъ былъ покрытъ полъ, кресло затрещало, бутылки и стаканы на большомъ столѣ зазвенѣли, а висячая лампа надъ столомъ замѣтно покачнулася. А Лебрехтъ принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, запустивъ обѣ руки въ густые и курчавые бѣлокурые волосы и затѣмъ сталъ потрясать кулакомъ какъ-бы подъ носомъ у невидимаго противника и затѣмъ остановился какъ разъ напротивъ доктора и заскрипѣлъ стиснутыми зубами.

— Проклятъ! проклятъ!

— Что или кто проклятъ, любезный Лебрехтъ?—спросилъ докторъ тономъ, спокойствіе котораго представляло странный контрастъ съ порывистой предыдущей рѣчью.

— Мы поставили это туда въ шкафъ.

— Что, милый Лебрехтъ?

— Какъ можешь ты спрашивать что... что?

— *Corpus delicti!*

— Ну да! надо же было куда-нибудь дѣть его, то было ближайшее и самое вѣрное убѣжище въ ту минуту.

— Конечно! я совсѣмъ и забылъ спросить, какъ вы съ этимъ распорядились.

— Онъ долженъ былъ достать его и отвезти въ свое мѣсто, въ томъ случаѣ, если я напишу ему, что объяснился съ Анхенъ;

или какъ-нибудь иначе запрятать его... потому что уничтожать его не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ.

— Разумѣется!

— Я оставилъ ему съ этой цѣлью ключъ...

— А онъ увезъ его собой?

— Нѣтъ! изъ-за ключа-то и вышло все дѣло. Онъ грозилъ, что выдастъ меня; я хотѣлъ получить ключъ обратно; а онъ не хотѣлъ его отдавать; я вырвалъ у него изъ рукъ проклятый ключъ... и... и ударилъ его ключомъ...

— До смерти?

— Съ ума ты сошелъ!

— Оставимъ это! тебѣ не зачѣмъ топтать ногами. Значить, не до смерти? ну, а далѣе?

— Далѣе все было такъ, какъ я тебѣ рассказывалъ. Я...

— Ну?

— Я потерялъ ключъ.

— Гдѣ? и какимъ образомъ?

— Самъ не знаю: мнѣ казалось, что я сунулъ его въ одинъ изъ моихъ сундуковъ, но въ дорогѣ напрасно искалъ его: онъ пропалъ.

— Прими это за хорошее предзнаменованіе; пойми это такъ, что тебѣ больше не придется никогда открыть шкафа или, какъ я раньше говорилъ тебѣ, вели на-глухо задѣлать его. И если ты долженъ, по точному смыслу и по буквѣ завѣщанія твоего отца, имѣть таковой, то заведи новый: *le roi est mort!*.. и, какъ и подобаетъ такому великому тирану, торжественно погребенъ подъ сводами собственного дворца. *Requiescat in pace!* и... *vive le roi!*

— Нельзя, нельзя! шкафъ необходимо отпереть; я въ то же самое утро уложилъ въ него все свое серебро.

— Объ этомъ знаетъ кто-нибудь?

— Ульценъ.

— Г-мъ! знаетъ ли она тоже, что ключъ потерянь?

— Я долженъ былъ ей это сказать... недавно... она хотѣла что-то изъ него вынуть. Я предчувствовалъ, что такъ случится, а потому хотѣлъ избѣжать встрѣчи, которую мнѣ собирались устроить приказчики. Мнѣ пришлось бы угонять ихъ, а сервиза-то и нѣтъ...

— И ты боишься открыть шкафъ въ чьемъ-нибудь присутствіи или вообще поручить кому-нибудь другому открыть его? *Cogrus delicti...*

— Красуется на первомъ планѣ.

— Ты долженъ, значить, отпереть шкафъ наединѣ.

— Это трудно сдѣлать, потому что ключъ потерянь, а другого не существуетъ.

— Ну, такъ сломай дверцу! или ты боишься, что шумъ разбудитъ твою жену! И, полно! молодыя, здоровыя женщины спать крѣпко!

Ей-Богу, я не шучу! Что ты дѣлалъ все это время, какъ не рассчитывалъ на крѣпкій сонъ твоей жены: ты рассчитывалъ, что она ничего не слышитъ, ничего не видитъ, что она не замѣчаетъ перемѣны въ тебѣ? Что какое-нибудь неосторожное слово твоей прислуги не объяснитъ ей твою меланхолію такъ, что приведетъ ее въ ужасъ и что даже твои поцѣлуи и ласки не въ силахъ будутъ успокоить ее? Что ты стоишь теперь, точно громомъ оглушенный? Король Вольдома... каждый вершокъ въ немъ отзывается мальчишкой и онъ боится привидѣній, которыхъ самъ вызвалъ изъ мрака! Неужели ничто, ни мои шутки, ни мои серьезныя увѣщанія, ни всѣ мои резоны, ни злой случай, который точно сговорился противъ тебя — а случай существуетъ, повѣрь мнѣ, вопреки Валленштейну! — ни уваженіе къ самому себѣ, ни любовь къ твоей женѣ... ничто, рѣшительно ничто не можетъ подвинуть тебя поступить такъ, какъ тебѣ слѣдуетъ поступать: идти къ женѣ немедленно, прежде нежели она успѣла переступить черезъ этотъ порогъ и все рассказать ей: со слезами или съ проклятіями, съ гнѣвомъ или съ печалью — это мнѣ все равно, рѣшительно все-равно — но все, слышишь ли — все рассказать ей, все, отъ А до Z!

— Ради Бога, тише!

Докторъ въ жару краснорѣчія громко проговорилъ послѣднія слова, указывая рукою на дверь, на порогъ которой ожидалъ появленія Анхенъ. Но взоры Лебрехта, стоявшаго напротивъ него, были устремлены на другую дверь, которая вела въ анфиладу парадныхъ комнатъ, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что эта дверь, которую онъ заперъ собственноручно, была лишь притворена. Быть можетъ, она сорвалась съ задвижки, когда онъ съ такой силой хватилъ стуломъ объ полъ — все-равно, надо опять запереть ее, и онъ готовился это сдѣлать и пробѣжать мимо доктора, котораго онъ почти не слушалъ, къ двери и запереть ее, какъ вдругъ, къ его великому ужасу за ней послышался стукъ отодвигаемаго стула. Испуганный взглядъ его обратился на доктора... и вотъ дверь совсѣмъ отворилась и на свѣтломъ фонѣ салона, освѣщеннаго восковыми свѣчами, показалась высокая, стройная фигура Анхенъ. Она колебалась съ минутой, затѣмъ

легкими шагами, съ улыбкой на прекрасномъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ, пошла на-встрѣчу двумъ пріятелямъ.

IV.

Неожиданное появленіе Анхенъ смутило на минуту обоихъ пріятелей, взволнованныхъ предыдущимъ разговоромъ. Съ трудомъ пролепетала Лебрехтъ, представляя доктора, «что это его самый старый и самый завадышный пріятель», а докторъ пробормоталъ своимъ непонятнымъ горловымъ голосомъ:

— Радъ видѣть васъ въ Вольдомѣ.

При этомъ онъ низко поклонился и, выпрямивъ затѣмъ свою длинную, худую фигуру, поглядѣлъ съ высоты своего долговазого роста на Анхенъ, сквозь сверкающія стекла очковъ; Анхенъ дружески отвѣчала на его пріѣздъ и сѣла на одинъ изъ стульевъ, которые Лебрехтъ поспѣшно придвинулъ къ камину, приглашая пріятеля тоже усѣсться съ ними рядомъ. Но докторъ проворчалъ что-то непонятное сквозь зубы, и принялся шагать по комнатѣ по свойственной ему привычкѣ, когда ему случалось натоленуться въ своей практикѣ на какой-нибудь непредвидѣнный и неизслѣдованный случай, надъ которымъ онъ хотѣлъ поразмыслить на досугѣ, не обращая вниманія на пациента и ни на кого изъ присутствующихъ.

Этого онъ не предвидѣлъ, не могъ предвидѣть!

Онъ представлялъ себѣ, по рассказамъ Лебрехта, Анхенъ маленькимъ, хорошенькимъ, подвижнымъ, вѣчно смѣющимся и дурачащимся существомъ, кокетливымъ не въ мѣру и вообще страшно избалованнымъ и, несмотря на то, или, быть можетъ, по тому самому, самой подходящей женой для его слишкомъ серьезнаго, наклоннаго къ меланхоліи, чопорнаго до педантизма пріятеля. И эта-то веселая, живая фигурка постоянно рисовалась въ его воображеніи во все время оригинальной бесѣды, которую онъ велъ съ своимъ пріятелемъ, и его выводила изъ себя мысль, что любимецъ его души, его идолъ, да! его идеалъ, какъ бы онъ ни нападалъ на него и не дразнилъ его, красивый, гордый малый, король Вольдома, поставилъ себя въ такое нелѣпое положеніе, точно будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ убилъ, сварилъ и съѣлъ Ганса Флидербуша... И все это изъ-за какой-нибудь веселой фигурки! И эта маленькая фигурка навѣрное не доходитъ и до локтя бѣлокурому красавцу, такъ что онъ можетъ взять ее на руки, какъ куклу, и смѣясь прошептать въ маленькое, кукольное

ушко забавную тайну, еслибы куколка вздумала рассердиться тише, куколка, тише! а то не получишь сегодня вечером кусочка сахара!—И куколка усмирлась бы и...

И вотъ онъ обернулся... и видитъ передъ собой молодую даму, совершеннѣйшую противоположность тому портрету, который рисовался у него въ воображеніи: стройную женщину, которой стоить лишь немножко закинуть назадъ голову, чтобы достать до губъ Лебрехта. И такую голову: маленькую и прелестную, какъ у версальской Діаны—съ чистыми, божественно-правильными очертаніями: изъ-синя черными, слегка вьющимися волосами, широкимъ, но нѣжнымъ лбомъ, съ греческимъ жгутомъ волосъ на стройномъ затылкѣ, съ пластическимъ и благородно-блѣднымъ лицомъ и большими, черными, лучистыми глазами, глядящими изъ-подъ красиво выведенныхъ, узкихъ, черныхъ бровей... маленькимъ ротикомъ съ мягкими, но энергическими губками, такъ что сомнѣваешься: что больше пристало имъ: цѣловаться или приваживать? И при этомъ каждое движеніе, каждый жестъ, точно у королевы... голосъ мягкій и густой... Докторъ былъ оглушенъ какъ-бы небеснымъ видѣніемъ.

Да! небесное, грозное видѣніе!

Онъ сразу понялъ все то, что еще за минуту передъ тѣмъ казалось ему хитрой загадкой, хотя разгадка ея по всей вѣроятности весьма проста, и даже пошла! И вотъ хитрая загадка была разрѣшена... въ стыду и вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубокой тревогѣ совѣтника. Первоначальная мысль Лебрехта, представлявшаяся ему передъ тѣмъ трусостью и нелѣпостью, теперь казалась ему гениальной смѣлостью; нежеланіе Лебрехта открыть свою тайну, казалось, по крайней мѣрѣ, весьма понятнымъ; положеніе, въ которомъ онъ теперь находился, нисколько не смѣшнымъ, но въ высшей степени критическимъ, почти отчаяннымъ; безперемонное объясненіе, которое онъ только-что рекомендовалъ, казалось возможнымъ лишь для отчаянно-смѣлаго человѣка, да и то результатъ его былъ бы сомнительнымъ. Предварительная подготовка тѣмъ необходимѣе, что здѣсь не могло быть и рѣчи о безумной, ослѣпленной, всепрощающей и всезабывающей любви. Кто такъ прекрасенъ, тотъ долженъ быть избалованъ любовью! Къ чему давать себѣ трудъ платить за любовь любовью же? Развѣ такъ смотреть молодая, любящая жена? Развѣ такъ говорить молодая, любящая жена? Такъ умно и сдержанно, такъ разумно и холодно... Въ первый вечеръ своего пріѣзда въ домъ любимаго мужа, при первой встрѣчѣ съ лучшимъ другомъ своего мужа? Въ первомъ порывѣ страха ему показалось, что она могла слы-

знать часть ихъ разговора, но теперь онъ больше этого не думалъ. Ни тѣни смущенія! Видъ принцессы, которая не совсѣмъ довольна оказаннымъ ей приѣмомъ, но слишкомъ хорошо воспитана, чтобы дать это замѣтить. Быть можетъ, принцессѣ не нравилось, что онъ все еще тутъ, тогда какъ она достаточно медлила съ своимъ приходомъ, чтобы дать ему время уйти. Отсюда, изъ этой комнаты? Знаете ли, сударыня, что я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, имѣю право быть въ этой комнатѣ, право — которое вы еще должны завоевать себѣ? Знаете ли вы, что вашъ мужъ, который теперь такъ молчаливо принимаетъ васъ у камина и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, — мы просиживали вонъ тамъ, у того стараго, массивнаго стола, изъ прочнаго дуба, изъ году въ годъ каждый вечеръ далеко за полночь, распивая вино, болтая, курия, обмѣниваясь мыслями и наливая другъ другу душу, даже и тогда, когда мы молчали. И вотъ, теперь вдругъ вы приходите и превращаете мужественнѣйшаго человѣка въ труса! Ссорите двухъ заведенныхъ пріятелей! Вонъ, сидите тамъ, точно прекрасное привидѣніе, и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, я, который не боюсь самого сатаны, едва осмѣливаюсь ходить по этому привычному мнѣ полу, который только ради васъ покрытъ ковромъ, и не рѣшаюсь налить себѣ стаканъ вина — даромъ, что отъ продолжительнаго разговора и нервнаго возбужденія у меня пересохло въ горлѣ. Нѣтъ, честное слово, меня вы не осилите, прекрасная чертовка! Да и этого бѣднаго труса также, — или же вы должны будете отнестись его на всѣ четыре стороны, и это такъ же вѣрно, какъ язовусь докторомъ Адальбертомъ Бертрамомъ!

И докторъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ полный стаканъ вина, осушилъ его залпомъ и... снова заходилъ по комнатѣ, перебивая свои нервы, которые сегодня рѣшительно его не слушались, про-себя ругая Лебрехта, трусость котораго очевидно заразительна, проклиная красоту молодой женщины, въ которой онъ теперь видѣлъ уже не случайную причину, но настоящій и главный корень всего зла.

Долговязый, худой человѣкъ, въ душѣ котораго происходила такая борьба, что онъ едва успѣвалъ выговаривать слова въ крайневый разговоръ, — да и это рѣдкое слово произносилъ страннымъ, насмѣшливымъ тономъ, — произвелъ бы на всякаго, кто его видѣлъ въ первый разъ, непріятное впечатлѣніе: бѣдной, обуреваемой мучительными предчувствіями, смущенной и унылой Анхенъ онъ показался просто ужаснымъ, хотя она употребляла всѣ свои усилія, чтобы скрыть произведенное на нее впе-

чуждѣніе. Дѣло оказалось еще хуже, чѣмъ она ожидала! Она боялась доктора и часто полу-шута, полу-серьезно называла его Мефистофелемъ и злымъ гениемъ своего милаго Лебрехта! Известны ли ему ея мысли?—вѣдь онъ, по словамъ Лебрехта, читаетъ сокровеннѣйшія мысли въ душѣ людей! Радуетъ ли его ея страхъ, все возрастающій, въ то время, какъ она робко поглядывала на Лебрехта, съ красиваго лица котораго на вѣки исчезла веселость, производившая на нее такое чарующее впечатлѣніе! Да! глядя на его, какъ-будто на десять лѣтъ постарѣвшее лицо, въ то время какъ онъ молча глядѣлъ на уголья въ каминѣ, она спрашивала себя: неужели это ея любимый, обожаемый мужъ?

Но дѣло въ томъ, что Лебрехтъ сомнѣвался въ самомъ себѣ и былъ доведенъ до послѣдней степени отчаянія. Бертраму, право, не было никакой нужды терять столько словъ и такъ патетически убѣждать его, что онъ поступилъ какъ глупецъ и какъ трусъ; что онъ, если только онъ не дуракъ и не совсѣмъ бездушный человѣкъ, долженъ немедленно высказаться; что съ каждымъ протекающимъ моментомъ положеніе его становится все хуже и хуже! Да, да, да! онъ рѣшился высказаться, онъ повторялъ про-себя безостановочно тѣ слова, которыя онъ рѣшилъ высказать; и надѣялся, что эти слова внезапно сами выговорятся вслухъ, и содрогался отъ страха, который онъ ощутитъ, если они выговорятся. Въ присутствіи Бертрама!—немыслимо! Онъ выскажется тогда, когда Бертрамъ уйдетъ изъ комнаты. Зачѣмъ онъ не уходитъ? чего онъ тутъ завязъ съ своими длинными ногами, между мужемъ и женой, которымъ надо сообщить другъ другу самыя важныя вещи, и зачѣмъ своими демонскими взглядами и жестами приглашаетъ его исполнить оной долгъ? Онъ исполнить свой долгъ, но только не при Бертрамѣ! И тутъ онъ подумалъ, съ какой радостью онъ ждалъ того момента, когда онъ познакомитъ между собой своего стараго пріятеля и жену—двухъ существъ, которыхъ онъ любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ; и неужели въ этой томительной, тяжелой, мучительной встрѣчѣ осуществится тотъ страстно-ожидаемый моментъ?

— Тебѣ больше не предстоитъ сегодня вечеромъ навѣстить никого изъ твоихъ пациентовъ, Адальбертъ? — спросилъ онъ.

Докторъ остановился, посмотрѣлъ черезъ очки на пріятеля съ насмѣшливой усмѣшкой, точно хотѣлъ сказать: «у тебя не хватитъ духа, mon cher!» и снова молча зашагалъ по комнатѣ.

— Я надѣялась, что докторъ отужинаетъ съ нами, — сказала Анхенъ.

Бертрамъ поклонился и слегка повелъ при этомъ своими узкими плечами, что могло одинаково означать: «благодарю, непременно», или же: «извините, никакъ не могу!»

— Ужинъ подадутъ не такъ еще скоро,—продолжала Анхень съ усиленіемъ:—фрау Ульценъ объявила, что ужинъ никакъ не будетъ готовъ раньше десяти часовъ, потому что она ожидала насъ къ этому часу; теперь же...

— Безъ пяти минутъ девять,—подхватилъ докторъ, всколыхъ взглянувъ на часы и пристально на Лебрехта:—и если вы желаете, чтобы я съ вами поужиналъ, то позвольте мнѣ отлучиться на нѣсколько минутъ... Я черезъ нѣсколько минутъ вернусь, Лебрехтъ.

— Вы собираетесь навѣстить вашего пациента?—спросила Анхень.

— Боже сохрани!—отвѣчалъ докторъ:—напротивъ того, съѣмъ здоровыхъ молодыхъ людей, господъ конторщиновъ, и такъ далѣе. Они хотѣли собраться безъ четверти девять у тѣти Имфельдъ—въ нашемъ Grand restaurant, сударыня—чтобы еще разъ прорепетировать октетъ, который они разучили... слова сочинены мною, сударыня,—и премочить кружкой или двумя пива пересохшее отъ волненія и ожиданія горло. Они не уйдутъ отсюда, пока я за ними не приду, а я не хочу, какъ сострадательный человѣкъ, чтобы они просидѣли тамъ всю ночь. Итакъ, черезъ пять или десять минутъ, я вернусь...

Докторъ подошелъ къ маленькому столику, на которомъ лежали его шляпа и трость. У Лебрехта, который передъ тѣмъ такъ страстно желалъ, чтобы онъ ушелъ, мурашки пробѣжали по спинѣ. Когда Бертрамъ уйдетъ,—наступить моментъ признанія... онъ долженъ будетъ высказать то, что тѣснитъ его грудь. Нельзя ли еще отдалить хотя на мгновеніе эту чашу! Хоть маленькую отсрочку, хоть тѣ жалкіе два часа, которые онъ выгадаетъ, если Бертрамъ останется!

— Къ чему тебѣ самому беспокоиться,—сказалъ онъ:—это можно поручить кому-нибудь другому.

— Поручить-то, конечно, можно, но будетъ ли также хорошо выполнено порученіе—другой вопросъ,—отвѣчалъ докторъ, протягивая руку за шляпой.

— Бѣдные конторщики!—сказала Анхень:—они, конечно, думали сдѣлать намъ удовольствіе! Право, съ нашей стороны отвратительно, что мы лишили ихъ этой радости... да и себя также.

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе,—поспѣшно проговорилъ докторъ,—то дѣло поправимо.

это! внутри этихъ толстыхъ стѣнъ, которыя могутъ заглушить каждый гнѣвный возгласъ, каждый громкій крикъ, а между тѣмъ не скрыли ихъ отъ ушей той, которая подслушивала у дверей! Онъ выбѣжалъ вонъ въ ту дверь, разсерженный бросился ему вслѣдъ... черезъ гостиную, черезъ всѣ великолѣпныя, блестящія золотомъ и серебромъ комнаты, черезъ которыя она проходила сначала въ потемкахъ, а затѣмъ при ослѣпительномъ освѣщеніи... до самой спальни, до окна...

Медленный вой, произведенный какъ-бы громадной, силой трубы, заставилъ ее съ испугомъ очнуться отъ своихъ страшныхъ фантазій.

— Великій Боже! что это такое?

— Это упражняется старый нашъ знакомецъ, — сказала докторъ, — камельмейстеръ Нордостъ. Онъ всегда сначала повоевъ въ нашемъ переулкѣ, чтобы испытать, въ голосъ ли онъ; затѣмъ вступаетъ весь оркестръ. Вотъ онъ уже разразился. Не правда ли, какая прекрасная музыка, сударыня? и въ тому же — ничего не стоитъ.

— Крошкѣ развѣ нѣсколькихъ побитыхъ стекломъ и потопленныхъ кораблей, — сказала Лебрехтъ, дѣлая отчаянное усиліе, чтобы заставить разговоръ.

— А пророчъ — старыхъ знакомыхъ, — продолжалъ докторъ, не обращая никакого вниманія на Лебрехта, точно онъ сидѣлъ у камина вдвоемъ съ Анхенъ: — знаете ли, сударыня, что вы здѣсь встрѣтите стараго знакомаго? по крайней мѣрѣ я такъ думаю, судя по тому необычайному интересу, который онъ принимаетъ въ васъ и въ нашемъ супругѣ.

— Знакомаго? да еще къ тому же и стараго? и здѣсь, въ Вольдомѣ? возможно ли?

Докторъ не былъ совершенно увѣренъ, сознавала ли прекрасная молодая женщина то, что говорила: ея большіе, темные глаза глядѣли такъ неопредѣленно, точно мысли ея бродили гдѣ-то далеко, далеко; но онъ говорилъ не для нея, а для Лебрехта, хотя и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ послѣднаго.

— Возможно ли? Вы должны благодарить за это великаго сѣятеля, государство, которое раскидываетъ на всѣ четыре стороны неогнѣнныя сѣмена своей интеллигенціи, въ образѣ своихъ чиновниковъ, а также и на наши наносные пески, на которыхъ такіа драгоцѣнныя растенія обыкновенно не произрастаютъ.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — сказала Анхенъ съ тѣмъ же блуждающимъ, потеряннымъ взглядомъ.

— И ужь, конечно, не такіе, какъ этотъ баринъ:—Лоренцъ Остернъ причисляетъ бы его къ числу *most inquisitive travellers*: онъ снабженъ билетомъ на проѣздъ по всѣмъ фамільнымъ тайнамъ и секретамъ, срокомъ на шесть недѣль. Далѣе, билетъ, которымъ онъ владѣетъ въ качествѣ здѣшняго временнаго директора полиціи, недѣйствителенъ, потому что затѣмъ онъ отправится *recta via* въ Берлинъ, въ министерство, гдѣ, конечно, больше простора для такихъ головъ, какъ его. Но тѣмъ временемъ онъ и здѣсь не теряетъ времени. Онъ все знаетъ,—пару держу, онъ знаетъ, что мы сидѣли здѣсь втроемъ у' мамина, и знаетъ, о комъ мы говоримъ.

— Хорошо бы и намъ узнать, о комъ ты говоришь,—замѣтилъ Лебрехтъ.

— Онъ влюбленъ въ васъ обоихъ и называетъ величайшимъ горемъ въ своей жизни то обстоятельство, что онъ долженъ былъ оставить Кельнъ за недѣлю до вашей свадьбы и не могъ такимъ образомъ почтить ее своимъ присутствіемъ и своей поэзіей, въ которой онъ, судя по его словамъ, сильнѣе Гёте и Шллера, выѣстъ взятыхъ.

— Значитъ, это одинъ изъ твоихъ поклонниковъ, Анхенъ,—сказалъ Лебрехтъ.

Доктора разсердилъ насмѣшливый тонъ, съ какимъ Лебрехтъ бросилъ это замѣчаніе, которое, повидимому, глубоко задѣло Анхенъ. Она вдругъ выпрямилась на своемъ стулѣ, но затѣмъ откинулась на спинку, и краска, появившаяся на ея лицѣ, прошла.

— Безъ сомнѣнія,—подхватилъ докторъ:—однимъ изъ привилегій солнца служить то, что ему всѣ поклоняются: праведные и неправедные, гиганты и... пигмеи.

— Ты говоришь безъ сомнѣнія про маленькаго, горбатаго ассессора,—сказалъ Лебрехтъ...—Франка, или какъ тамъ вонуть это противное существо.

— Фонъ-Франкъ... Оскаръ фонъ-Франкъ,—сказалъ докторъ:—что касается противности, то это дѣло вкуса. — Вы находите его такимъ противнымъ, сударыня?

— Онъ давно знакомъ съ моими родителями,—проговорила Анхенъ.

— Онъ этихъ хвалится,—продолжалъ докторъ,—и тѣмъ глубже социальнѣетъ о томъ, что долженъ будетъ возобновить это пріятное знакомство лишь на очень короткій срокъ.

— Ему, полагаю, не придется вовсе его возобновить,—выѣхался Лебрехтъ,—я ненавижу этого человѣка.

— Неужели же это сердце сердцу нѣтъ подаетъ?

Докторъ внезапно оставилъ ироническій тонъ, даннымъ гесс-риль до сихъ поръ, и сказалъ, обратившись къ Лебрехту:

— Серьёзно, mon cher, я думаю, что это такъ и есть, и что необыкновенная дѣятельность, вызванная этимъ баринкомъ съ первой минуты своего пребыванія адѣсь, въ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ — мы только-что говорили объ этомъ дѣлѣ до вашего прихода, сударыня; Лебрехтъ, конечно, сообщить вамъ о немъ при случаѣ — отнюдь не происходитъ изъ дружескаго участія, какъ утверждаетъ этотъ господинъ, а, напротивъ того, поренится въ тайной, но не достаточно ловко скрытой злобѣ. На меня по крайней мѣрѣ поведение этого господина произвело такое впечатлѣніе, и я уже раньше хотѣлъ тебѣ сообщить объ этомъ и предостеречь тебя отъ этого сладкорѣчиваго лицемерія, и вотъ вижу теперь, къ моему усомненію, что это предостереженіе излишне. — Что съ вами, сударыня?

Суетливый докторъ — такъ какъ и Лебрехтъ, у котораго при этомъ неожиданномъ намекѣ на роковую исторію крови застыла въ жилахъ и въ ушахъ зазвенѣло — не замѣтилъ, что Анкенъ сидѣла блѣдная какъ смерть, близкая къ обмороку, приложивъ руку къ сердцу, тяжело дыша, а потому оба мужчины были одинаково удивлены ея судорожными рыданіями.

Они вскочили съ своихъ мѣстъ, но Анкенъ уже оправилась и улыбалась, жестомъ прося ихъ не тревожиться.

— Извините, — проговорила она, — это ничего, равно ничего — я устала отъ дороги — нѣтъ, не уходите, докторъ! напротивъ того! Вы видите, что я тороплюсь какъ можно скорѣе подаетъ въ число вашихъ пациентовъ. Но только такого рода припадки не долго длятся у меня, слава Богу, — одну минуту, не болѣе, утирая васъ. Право, милый Лебрехтъ, это уже прошло, совсѣмъ прошло. Я думаю даже, что я, просто, голодна — мы, вѣдь, почти ничего не ѣли, милый докторъ — да и вы, вѣроятно, тоже голодны, я пойду справлюсь объ ужины — не бойся, милый Лебрехтъ, что я твою фрау Ульценъ... она должна оставаться полноправной хозяйкой — на нынѣшній вечеръ, по крайней мѣрѣ... Вы смѣетесь, докторъ? право, я не шварлива, какъ нѣкоторые другіе.

Она протанула доктору руку, которую тотъ прижалъ къ губамъ, согнувъ въ три погибели свою длинную фигуру.

— Вы — милая женщина, я долженъ отдать вамъ эту снисходительность, хотя бы даже рѣшительный Лебрехтъ вынулъ меня за это изъ своего дома, какъ несчастнаго полицейскаго комиссара.

— Ты сегодня болтливъ, какъ серена, — проговорила Лес-

режь, принужденно сѣлся, и затѣмъ прибавилъ сердитымъ тономъ, обращаясь къ старому слугѣ, который только-что вошелъ въ комнату:

— Гдѣ вы пропадаете? Я уже съ полчаса тому назадъ какъ позвонилъ. Вы должны... что это у васъ тамъ такое?

— Только-что принесли, — отвѣчалъ старикъ-слуга своимъ глубокимъ голосомъ, подавая дрожащей рукой телеграмму барину.

— Ну, что тамъ еще? — закричалъ Лебрехтъ нетерпѣливо.

Онъ подошелъ къ столу и нацарапалъ свое имя подъ калиткой.

— Вотъ! а затѣмъ придите снова сюда, слышите?

Вальтараъ выпшелъ изъ комнаты.

— Старикъ опять пьянъ сегодня, — замѣтилъ Лебрехтъ, распечатывая депешу: — придется отвязать ему отъ мѣста, какъ ни жаль...

— Что случилось? — закричала Анхель.

Она замѣтила, что Лебрехтъ не успѣлъ заглянуть въ депешу, какъ помертвѣлъ. Лебрехтъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Ради Бога, — вскричала Анхель, — скажи мнѣ: мамѣ больна или папѣ...

— Ахъ! какое болѣе! Они будутъ сюда сегодня вечеромъ.

Анхель радостно вскрикнула, схвативъ телеграмму, которую Лебрехтъ бросилъ на столъ, и прочитала ее вслухъ, какъ будто бы призывая уши въ помощь глазамъ, отуманеннымъ слезами:

«Мамѣ еле-жива отъ нетерпѣнія; надѣялись встрѣтиться съ вами въ Берлинѣ; приѣдемъ съ курьерскимъ поѣздомъ; прошу выслать для мамѣ экипажъ на станцію, а для меня приготовить королевскій кубокъ. Привеземъ съ собой Лизетту», — т.-е. горничную, докторъ, — «твой старый папѣ».

— О! какъ я счастлива! о, какъ я счастлива!

Она нѣсколько разъ поцѣловала телеграмму, причемъ слезы потекли у ней изъ глазъ.

— Вѣрю вамъ, вѣрю вамъ, — отвѣчалъ докторъ и, обращаясь къ Лебрехту, который стоялъ какъ прикованный къ мѣсту, съ наморщенными бровями, тихо шепнулъ ему: — ну, вотъ ты и у праздника! Надѣюсь, что ты теперь скажешь ей обо всемъ?

Анхель не разслушала словъ, но шопотъ доктора долетѣлъ до нея. Темное покрывало снова грозило повиснуть надъ ея радостью; она съ силой отдернула его назадъ.

— Ну, скорѣе, скорѣе! — вскричала она: — вы извините Лебрехтъ и меня... я тоже поѣду съ нимъ. Нѣтъ... лучше будетъ, если... что такое я хотѣла сказать?

— Ты пойдешь со мной, Бертрамъ? Баллазаръ одинъ не справится, — пожалуй, перепутаетъ все, и выйдутъ недоразумѣнія...

— Разумѣется, — отвѣчалъ докторъ... — все готовъ сдѣлать, только бы не вышло недоразумѣнія! Честь мнѣю клянутся.

Оба направились къ дверямъ.

— Докторъ!

Бертрамъ оглянулся: — Что прикажете?

— Я хотѣла вамъ что-то сказать... о мамѣ, милый Лебрехтъ... дамскія дѣла... это до тебя не касается, милый Лебрехтъ; старая болѣзнь, мама... я знаю, она сегодня на вечерѣ заговоритъ о ней и никогда не проститъ мнѣ, если я не предвижу нашего друга о такой важной вещи. Побудьте еще двѣ минуты, докторъ.

Лебрехтъ заскрипѣлъ зубами; итакъ, ему нельзя будетъ высказаться.

— Не хочу мѣшать, — сказала онъ, — до свиданья!

Онъ пошелъ къ двери и съ силой заключилъ ее за собой.

Докторъ держалъ въ рукѣ палицу и трость; онъ бѣсился на Лебрехта, бѣсился на Анхенъ, которая, съ собственнымъ женщинамъ легкомыслиемъ, занимала пустяками минуты, отъ которыхъ зависѣли жизнь и смерть. Онъ собирался даже, со словами: — мнѣ очень жаль, сударыня; въ другой разъ, — выйти за дверь, но молодая женщина, какъ-будто караулившая его, бросилась въ нему и, положивъ свою руку на его руку, вскричала съ мучительной тревогой въ голосъ:

— Не уходите! не уходите! мнѣ нужно съ вами поговорить!

— А! — сказала докторъ: — вамъ надо со мной поговорить? это другое дѣло. Прощу васъ, садитесь, сударыня; въ чемъ дѣло?

ФР. ШИЛЬГАТЕНЪ.

ДѢЛО Г-НА ИЛОВАЙСКАГО

ВЪ ГАЛИЦІИ.

НЕБОЛЬШАЯ ГЛАВА ИЗЪ СЛАВЯНСКОЙ ПАТОЛОГІИ.

Недавно вся наша печать возмолвлена была вѣстью о трехдневномъ арестѣ профессора Иловайскаго въ Галиціи. Возмущеніе это слѣдуетъ приписать, конечно, главнымъ образомъ не столько самому факту ареста, — совсѣмъ не то, — сколько личности, которая подверглась тому. Во всякомъ случаѣ, пріятно уже и то, что волненіе нашей печати по этому поводу повело за собою практическія попытки къ устраненію подобныхъ случаевъ на будущее время. Въ социальную, и тутъ печать и общество наше обнаружили неомолотую знанія условій и причинъ самаго явленія, а отсюда сдѣлалась неизбежною и нецѣлесообразность мѣръ, принятыхъ для устраненія явленія.

Вотъ что узнали мы изъ газетъ нашихъ: г-нъ Иловайскій пріѣхалъ въ городокъ Галичъ, гдѣ хотѣлъ осмотрѣть русскія древности: церковь и развалины замка. Онъ попросилъ отельнаго слугу провести его къ „канонику“ церкви, — но „каноникъ“ оказался римско-католическимъ священникомъ, а не униатскимъ, котораго слѣдовало было назвать „деканомъ“. Каноникъ и указалъ московскому профессору на этого декана. Но пока униатскій деканъ и г-нъ Иловайскій осматривали древности, каноникъ донесъ жандарму, что въ Галичъ прибылъ „московскій агентъ“; у г-на Иловайскаго потребовали паспортъ, арестовали, повезли въ Станиславовъ, потомъ во Львовъ. Тутъ отъ него потребовали удостовѣренія тождества личности съ отмѣченною въ паспортѣ, и какъ г-нъ Иловайскій зналъ въ Львовѣ только трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ умеръ, другой отсутствовалъ, и только третій, редакторъ газеты „Слово“, г-нъ Пло-

щанскій былъ на-лицо, то г-нъ Иловайскій сослался на этого послѣдняго. Послѣ подтвержденія личности г-на Иловайскаго, онъ былъ выпровожденъ въ Россію. По словамъ г-на Иловайскаго, его сначала подозрѣвали, не офицеръ ли онъ, снимающій стратегическіе планы, а потомъ произвели въ панславистическіе агенты, — обвиненіе, противъ котораго протестуетъ г-нъ Иловайскій и передъ русскою публикою, увѣряя, что въ Россіи нѣтъ панславистовъ, и что онъ писалъ только о балканскомъ вопросѣ статьи, которыя ему „въ вину не могутъ быть поставлены“.

Таковъ фактъ, по показаніямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и г-на Иловайскаго. И нѣтъ основанія не вѣрить этимъ показаніямъ, съ которыми въ сущности согласны и показанія тѣхъ газетъ, которыя выступили-было противъ г-на Иловайскаго и — надо сознаться — выступили не совсѣмъ прилично ¹⁾. Совершенно понятно огорченіе нашихъ газетъ и ученыхъ друзей г-на Иловайскаго при видѣ того, что столь невинный человѣкъ заплатилъ хотя бы „трехдневнымъ плѣномъ у поляковъ“ за невинное желаніе увидѣть своими глазами, какъ мало древне-русскаго осталось въ одномъ изъ древнѣйшихъ русскіхъ городовъ. Совершенно понятно желаніе нашихъ ученыхъ обществъ, которыя обратились къ канцлеру князю Горчакову съ просьбой оградить русскіхъ ученыхъ и мирныхъ путешественниковъ вообще отъ пассажей, подобныхъ случившемуся съ г-мъ Иловайскимъ. Тѣмъ страннѣе было прочесть въ двухъ газетахъ, „Голосѣ“ и „Виржевихъ Вѣдомостяхъ“, письма изъ Вѣны, въ которыхъ поддѣржкіямъ галицкихъ жандармовъ противъ г-на Иловайскаго дана полная вѣра, на основаніи чего прочитаны горячія нотации московскимъ панславистамъ, — по показанію г-на Иловайскаго, несуществующимъ, — и непререкаемую, конечно, защиту и похвалы русскому послу въ Вѣнѣ г-ну Новикову. По истинѣ, только въ нашей печати возможна такая поспѣшность и безтактность!

Но только въ нашей же печати и въ нашемъ обществѣ, при нашемъ невѣдѣніи дѣлъ и отношеній въ славянщинѣ, возможна и та неполнота въ передачѣ самыхъ свѣдѣній австрійскихъ газетъ о г-нѣ Иловайскомъ, и наивность надеждъ и мѣръ, принимаемыхъ учеными друзьями г-на Иловайскаго, для огражденія мирныхъ русскіхъ путе-

¹⁾ „Голосъ“ во второй корреспонденціи по этому дѣлу сообщаетъ, что г-нъ Иловайскій спрашивалъ у замка встрѣтившагося крестьянина о князьяхъ русскіхъ, что совершенно понятно въ историкѣ, желающемъ узнать, насколько помнятъ мѣстные люди прошлое. Та же газета сообщаетъ, какъ-бы въ уменьшеніе вины галицкой полиціи, что самъ г-нъ Иловайскій пожелалъ, чтобъ его вели въ Станиславовъ, гдѣ были его вещи и паспортъ, а потомъ во Львовъ. И это понятно — въ виду того, что только во Львовѣ г-нъ Иловайскій имѣлъ знакомыхъ.

посланниковъ въ Австрію. Такъ, напримѣръ, ни одна газета наша не довела до свѣдѣнія своей публики о слѣдующемъ.

При первой вѣсти объ арестѣ г-на Иловайскаго, въ вѣнской „Neue Freie Presse“ было написано, что „когда былъ арестованъ въ Галичъ московскій эмиссаръ, предлагавшій каноннику 1,000 рублей на церковь, то при немъ найдено 36,000 рублей, а также множество прокламаций и сочиненій панславистическаго и социалистическаго содержанія“. Газета „Слово“, редакторъ которой теперь получаетъ благодарственные адреса отъ московскихъ ученыхъ обществъ за выручку г-на Иловайскаго, приведши извѣстіе „Neue Freie Presse“, вмѣсто простого опроверженія этого вздора, написала слѣдующее: „Такъ составляются въ наше время исторіи объ агитаціяхъ русскихъ высланниковъ между русскими народами въ Галиціи противъ австрійскаго правительства. Что протегуемые турецко-польскою политикою нигилисты агитовали своимъ способомъ между нашими народами — не опровергаемъ. Что такіе люди ходили въ Галичъ и другихъ мѣстахъ подъ окомъ римскихъ ксендзовъ и жандармовъ — знаемъ положительно. Не знали о нихъ старѣштва, а лишь теперь отыскиваютъ анти-австрійскихъ агитаторовъ и социалистовъ — въ Иловайскихъ. И такими „правдами“ трактуютъ газеты своихъ читателей“ („Слово“, 1877, № 108).

Узнавши о статьяхъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Голоса“, редакторъ „Слова“ заявилъ, что это „польскія газеты“, и затѣмъ спеціально о „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ написалъ буквально же слѣдующее: „Что можно съ такими тенденціями можетъ издаваться въ Петербургѣ — мы совѣтъ не удивлялись. Развѣ не съ такою программой и направлениемъ издавано въ Кіевѣ „Кіевскій Телеграфъ“, распространенный, какъ поодѣйше оказалось, нигилистически революціонную пропаганду?.. Не Иловайскій, Ансеровъ, Миллеръ, за которыхъ голосомъ идутъ десятки милліоновъ русскаго и славянскаго народа, но ириверженцы „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Кіевскихъ Телеграфовъ“ нанесли такъ намъ (русскимъ галичанамъ), какъ и австрійскому правительству, затрудненія, распространивши между нашею молодежью, подъ претекстомъ украинофильства и вражды противъ русскаго правительства, идеи, соотвѣтныя для умалашенныхъ философовъ и вымѣренныхъ противъ церкви, духовенства и государственнаго порядка. Если затѣмъ нынѣ австрійскія власти требуютъ отъ русскихъ подданныхъ виды паспортовъ, то не изъ опасости передъ панславизмомъ, котораго здѣсь нити пронаговати не потребуетъ, а навѣрно для того, чтобы не пускати въ край вредныхъ общественному порядку агентовъ минимизма, котораго орга-

номъ стались отъ нѣкотораго времени „Виржевичъ Вѣдомости“ („Слово“, 1877, № 113).

Эта одѣлка „Голоса“ и „Виржевичъ Вѣдомостей“, — зажитимъ, газетъ, которыя недавно еще были мѣстомъ охотнаго помѣщенія вѣстей изъ Галиціи въ духѣ партіи, которой брѣганомъ служить похваляемое теперь московскими учеными обществами „Слово“, — не жель только вызвать улыбку въ нашихъ читателей, хотя не удивить никого, послѣ того какъ въ той же братской газетѣ прежнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ были названы казѣцкопольской газетой, а объ обѣдѣ, который былъ данъ петербургскими литераторами г-ну Корнѣ, по оставленіи имъ редакціи, было сказано, что г-нъ Корнѣ самъ себѣ далъ обѣдъ, на которомъ были только поляки! Но что скажутъ г-нъ Иловайскій и московскіе ученые о своихъ пріятелѣ „Словѣ“, прочитавъ вышеприведенныя слова въ защиту придирчивости австрійскихъ жандармовъ къ русскимъ путешественникамъ? Не покажутся ли имъ самыми наивными ихъ надежды, что ихъ адрессы прекратятъ эту придирчивость, если самъ ихъ львовскій союзникъ вполне оправдываетъ ее, хотя и даетъ ей другіе мотивы?

Наши московскіе ученые, очевидно, совсѣмъ не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и совсѣмъ не знаютъ того, что дѣлается въ Галиціи уже нѣсколько мѣсяцевъ, что объясняетъ и исторію съ г. Иловайскимъ, — и на что есть намеки въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ газеты „Слово“.

Галичина издавна одѣлалась театромъ ожесточенной борьбы мѣстной русской и польской интеллигенціи, особенно публицистики, центромъ которой служитъ Львовъ. Съ начала 1860-хъ годовъ произошелъ расколъ и въ галицко-русскомъ обществѣ, въ которомъ отъ господствующаго клерикальнаго направленія въ литературѣ и политикѣ отдѣлилось направленіе болѣе свѣтское, принявшее имя „народной партіи“, или по тамашнему „народовцевъ“. Такъ какъ народъ въ Галиціи принадлежитъ къ одному племени съ нашими украинцами, или малороссами, то эта новая партія, сблизившись болѣе, чѣмъ старая, съ новымъ украинскимъ движеніемъ, въ то время оживившимся въ Россіи, получила названіе украинской, или малорусской. Связью съ нашимъ малорусскимъ движеніемъ далеко не чужда была и старая партія, но теперь, по реакціи молодежи, она стала съ болѣею силою напирать на свое имя просто русской партіи и отстаивать литературное единство русскаго языка, разумѣя подъ нимъ, впрочемъ, не столько литературный языкъ въ Россіи, сколько церковный, имѣя въ виду вообще не столько народъ, сколько церковь, въ особенности духовенство. Въ 1866 г., послѣ Садовъ, наиболѣешей вѣру въ про-

ность существованія Австрій и послѣ „жертвованія руссиновъ по-
лакамъ“, по выраженію одного изъ членовъ министерства гр. Вейста,
старая партія русская въ Галичинѣ сочла необходимымъ оконча-
тельно разорвать свои связи съ малорусскимъ движеніемъ и стати
подъ знамена того самаго направленія, которое у насъ въ тѣ вре-
мена представлялось тогда „Московскими Вѣдомостями“ и „Голо-
сомъ“, и съ которыми слились и московскіе славянофилы, превра-
тившіеся въ „славянскихъ благотворителей“. „Слово“ заняло въ
1866 г. единство и даже полное тожество русской народности отъ
Карпатъ до Амура и проступивъ всякой даже литературной розни.
То же самое высказывалось и въ клерикальныхъ кружкахъ русской
Венгрии. Молодая галицкая партія осталась при малорусской про-
граммѣ, — и расколъ въ галицко-русской интеллигенціи, который сна-
чала разыгрывался на почвѣ орфографіи (старая партія стояла
за орфографію Мамсиновича, такъ-называемую этимологическую, а
молодая — за орфографію г. Кулиша, фонетическую), сдѣлался пол-
нымъ. Кромѣ вульгарныхъ, литературныхъ и политическихъ разно-
гласій тутъ стали дѣйствовать и раздунателства польскихъ газетъ
и, наконецъ, причины денежно-карьерныя. Около этого именно про-
изошла открылась возможность галичанамъ перебраться въ Россію на
мѣста униатскихъ священниковъ, потомъ въ службу учебную. Съ дру-
гой стороны, вліяніе вице-маршала сейма, совѣтника Лавровскаго,
который присталъ къ народной партіи, давало возможность членамъ
ея помѣститься на службѣ въ Галичинѣ, преимущественно учебной.
Вражда поляковъ къ русинамъ „схизматикамъ“ и „косевофиламъ“
заглушила прежнюю вражду ихъ къ „украинофиламъ“, „хлопона-
намъ“, „козакамъ“ и „гайдамакамъ“, тѣмъ болѣе, что молодежь изъ
галицкихъ украинофиловъ, подъ вліяніемъ совѣтника Лавровскаго,
поубавила своего украинофильства и „народовничества“. За то вражда
обѣихъ русскихъ партій достигала до крайности. И, чтб всего хуже,
какъ борьба поляковъ и русиновъ, такъ и русиновъ между собою
велась всѣми средствами, въ числѣ которыхъ запугиваніе властей,
доносы и клевета, самое безцеремонное извращеніе фактовъ играли
самую видную роль, особенно со стороны поляковъ и старыхъ руси-
новъ. Эти приемы борьбы загрузили вопросы спора и понятія обще-
ственные до послѣдней степени. На русской сторонѣ притягивае
личивалась тѣмъ, что хотя вопросъ ставился между партіей зарус-
сей и малорусской — „московской“ и „украинской“, но на самомъ
дѣлѣ ни у одного не было отчетливаго понятія даже о литературѣ
Россіи, ни „московской“, ни „украинской“, и что большинство га-
лицко-русской публики принадлежало собственно къ третьей партіи
„австро-рутецкихъ“ клерикаловъ, создавшихъ себѣ особый, довольно

варварскій, мѣшанный церковно-малорусскій языкъ, и такую же особую литературу, болѣе устарѣлую по формамъ и идеямъ, чѣмъ даже „московская“ литература отъ Ломоносова до Карамзина. И все это маскировалось подъ растопыренныя именныя: русинъ, рускій, рускій. Путаница понятій и нечистота приѣмовъ борьбы усиливались вѣдѣтельствомъ нашихъ кружковъ и печати московско-обрусительнаго и славяно-благотворительнаго направленія, которые, по обыкновенію, не знали сущности дѣла и не хотѣли узнать ее, принимая ярлыки за вещи.

Сколько было въ то время испорчено чернилъ и въ Галиціи, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, сколько было вынуждено произнести словъ, обвиненій, изыскано было „польскихъ интригъ“ и „московскихъ агентствъ“, того и сосчитать нельзя! И шестидесятые годы представили примѣръ такого же ареста русскаго профессора въ Галиціи, какой случился съ г. Илювайскимъ, только еще, кажется, курьезнѣе. Мы говоримъ о проф. Потебнѣ изъ Харькова, который былъ арестованъ въ Австріи, какъ „московскій агентъ“, между тѣмъ какъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ онъ былъ названъ агентомъ малороссійской революціи, пріѣхавшимъ во Львовъ „устроить союзъ русиновъ и поляковъ и давать для народоваго жонда вклады изъ увеличеннаго тогда профессорскаго жалованья“. Только тогда никто не подумалъ адресоваться къ канцлеру съ адресами о защитѣ мирныхъ ученыхъ отъ произвольныхъ доносовъ и арестовъ.

Теперь въ Галичинѣ вновь заострились отношенія, успѣвшія было сгладиться въ началѣ 70-хъ годовъ, и случаи, въ родѣ тѣхъ, какому подвергся г. Потебня, начали повторяться въ увеличенномъ количествѣ и, конечно, будутъ повторяться еще болѣе, несмотря на адреса и толки нашихъ ученыхъ и газетъ, а въ значительной степени, именно смотря на нихъ.

Къ 1875—76 годамъ стали оказывать свое вліяніе на Галицію слѣдующія явленія: во-первыхъ, обращеніе униатовъ въ Польшѣ въ православіе. Оно еще болѣе раздражало поляковъ галицкихъ претивъ „Москвы и скизмы“ и ея „агентовъ“, съ другой же стороны, усилило разладъ между чистыми австро-рутенскими клерикалами и тѣми изъ старо-русской партіи, которые болѣе искренно тянутъ къ „Москвѣ“. У старой партіи явилось два органа: „Слово“,—по-прежнему, униатско-клерикальное, но со вспышками анти-ультрамонтанскими, и даже православными, — и „Сіонъ“ — униатско-ультрамонтанскій, по временамъ готовый относиться благосклонно и къ малорусскимъ автономистамъ, лишь бы они не выступали изъ предѣловъ австрійской легальности и униатскаго благочестія. Далѣе, обращеніе униатовъ въ Польшѣ въ православіе ослабило еще по одной причинѣ „москвофиль-

свое" направление въ Галиччинѣ, даже въ молодежи, которая въ западно-славянскихъ земляхъ весьма практична. Съ прекращеніемъ униі, прекратилась надобность вызова въ Россію священниковъ-галичанъ, а въ тому времени почти прекратились и вывозъ австрійскихъ славянъ въ Россію на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Молодежь галицко-русская стала неслать почти подъ ногами и стала размѣщаться въ кадры мѣстныхъ партій: австро-рутенской и галицко-украинской, съ характернымъ же отъѣздомъ, принимая участіе въ двухъ обществахъ, поставившихъ себѣ цѣлью изданіе популярныхъ книгъ: въ „Обществѣ имени Мик. Качковскаго" и въ „Просвѣтѣ".

Другое явленіе, важное для Галиціи, оказавшее въ настоящему времени вліяніе на тамошнія дѣла,—это открытіе двухъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Львовъ съ Кіевомъ, Украиной и остальной Россіей. Сношенія между галичанамъ и нашими стали чаще, количество книгъ, печатанныхъ въ Россіи, и украинскихъ и великорусскихъ, обращающихся въ Галиччинѣ, стало больше. Больше здоровые элементы галицко-русскаго общества, ознакомившись съ новою русскою литературою, въ ея настоящемъ видѣ, а не по слухамъ черезъ мѣстныхъ ея истолкователей,—увидѣли тѣсноту споровъ между мѣстными москвофилами и украинофилами, увидѣли, что вопросъ о такъ-называемой „москвской" и „украинской" литературѣ есть вопросъ формы, а не сущности, и стали толковать о необходимости превращенія споровъ и о совместной дѣятельности въ пользу своего народа въ его мѣстныхъ условіяхъ. Органомъ такого новаго направленія, къ которому не совсѣмъ благосклонно относились заматерѣвшіе въ спорахъ вожаки готовыхъ уже партій, стала газетка „Другъ", собственность студенческаго общества „Академическій кружокъ" во Львовѣ,—сначала робко, а съ конца 1876 года совсѣмъ открыто. Сохраняя старую правопись, „Другъ" съ этого времени призналъ основой своего языка языкъ народный, и въ то же время сталъ печатать у себя статьи на чистомъ литературномъ языкѣ „петербургско-московскомъ" и перепечатать повѣсть изъ „Отечественныхъ Записокъ", одинъ изъ рассказовъ Г. И. подъ заглавіемъ „Отравленный Дьяволъ". Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто прежнихъ одъ и передѣлокъ нѣмецкихъ похѣстей изъ русской жизни и петербургской придворной исторіи, и невозможныхъ издѣлій мѣстныхъ „прославленныхъ и многовадныхъ" писателей, — „Другъ" сталъ давать переводы очерковъ Эреншана и Шартриана; Золя, Щедрина, преимущественно изъ жизни сельской, близкой къ мѣстнымъ жизненнымъ интересамъ: крестьянъ, помѣщиковъ, учителей, духовныхъ. Появились и оригинальныя пробы рассказовъ изъ жизни рабочихъ, напр., очерки о Борыславѣ, извѣстномъ мѣстѣ до-

быванія петроля и „земляного воску“ въ Галиччинѣ. Все это вызвало нареканія, обычныя всюду при началѣ народно-реального направленія въ литературѣ. Въ довершеніе всего два студентскія общества: „Академическій кружокъ“, основанный подъ покровительствомъ старой партіи, и „Дружескій Лихлярь“, покровительствуемый младшею партіею, рѣшили слиться въ одно общество, сохраняя только формальное различіе, такъ какъ послѣднее общество имѣетъ значеніе специальное: кассы взаимной помощи между студентами.

Все это не могло не вызвать бури раздраженія среди старыхъ вожаковъ, особенно партіи „Слова“. Не совсѣмъ довольны этимъ поворотомъ дѣлъ и такъ-называемые народовѣцы. Они хоть и старались представить движеніе въ молодежи поворотомъ къ нѣмъ партіи, но ясно видѣли, что новое движеніе выходитъ изъ ихъ узкихъ рамокъ и обгоняетъ ихъ совершенно. Надо прибавить, что преклоненіе передъ авторитетиками, чинами и степенями, непривычка къ критикѣ чрезвычайно вкоренены въ Галицію, какъ между русинами, такъ и между поляками. Въ то же время уровень научныхъ идей во всѣхъ слояхъ тамошняго общества до того слабъ, что частныя разногласія почти совсѣмъ не могутъ обращаться за разрѣшеніемъ къ чему-нибудь прочному и широкому, а потому всякій споръ въ Галиччинѣ сейчасъ превращается въ ругань, всякая борьба не разбираетъ средствъ, доходитъ до клеветъ, доносовъ и прямого обращенія въ полицію.

Послѣдней, — а она въ Галиціи польская, — скоро представился и поводъ ко вмѣшательству въ дѣла русиновъ, въ особенности когда начавшаяся война на границахъ Австріи настроила политическіе и полицейскіе нервы на особенно высочій ладъ. Поводъ этотъ далъ страхъ социалистической и панславистической агитаціи, угрожающей существованію Австріи и особенно галицкихъ порядковъ. О томъ какъ всякое славянское движеніе грозитъ тому искусственному равновѣсію, какое устроилось въ нынѣшней политической системѣ Австро-Венгріи, дуализму нѣмецко-венгерскому, который на дѣлѣ является трианжиломъ: нѣмецко-венгерско-польскимъ, — много и говорить. Въ добавокъ эта система политическая прикрываетъ социальное положеніе еще болѣе непрочное, особенно въ восточной половинѣ Венгріи и въ Галиціи, — гдѣ массы народа, преимущественно малорусскаго, находятся въ участіи экономическомъ порабощеніи у шляхты венгерской и польской и у еврейскихъ торгашей, которые постепенно отгнѣсляютъ отъ землевладѣнія и самую шляхту. Такимъ образомъ, здѣсь социальное-экономическое неравенство является безъ всякихъ прикрасъ единоплеменности и единовѣрія классовъ, а напротивъ того во всей рѣзкости и осложненности разноплеменности и разновѣрія высшихъ

и низшихъ классовъ. Понятно, что у послѣднихъ существуетъ ропотъ, болѣе сильный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что первые сами не чувствуютъ никакой опоры подъ собою. Въ минуту борьбы вѣнскихъ централистовъ съ автономными тенденціями поляковъ, которымъ польская шляхта никакъ не можетъ отдаться именно по своей безпощивности и по необходимости для нея поддержки со стороны вѣншей власти, — и которыхъ она не можетъ также и оставить совсѣмъ, — даже въ офиціозныхъ газетахъ нѣмецкихъ, и въ парламентѣ вѣнскомъ высказывалось, что „соціально-экономическое положеніе при Карпатахъ заставляетъ ожидать близкой катастрофы“. Насколько это вѣрно, — трудно сказать. Но періодически ропотъ среди народа принимаетъ болѣе опредѣленную форму: „щось буде зъ жыдамы!“ или: „кажуть, що прыйде москаль, — тоди щось буде зъ панамы — ляхамы и жыдамы“; „Московский царь, — или явить царь до насъ уступитъ и буде землю дѣлить“. Чаше всего сами евреи и польская шляхта вдругъ переполюнутся отъ страха новой гайдамаччины и, конечно, начинаютъ искать вѣнскихъ подстрекателей: въ 40-хъ и 50-хъ годахъ — агентовъ вѣнско-нѣмецкихъ, которымъ исключительно и до сихъ поръ приписываетъ польское общественное мнѣніе галицкую рѣзню помѣщиковъ 1846 года; въ началѣ 60-хъ годовъ — украинофильско-московскихъ коммунистовъ, — казакомановъ и хлопомановъ; въ концѣ 60-хъ годовъ — московско-панславистскихъ подстрекателей. Теперь стали всюду видѣть социалистовъ-интернаціоналовъ и панславистовъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время и съ запада, изъ Германіи, — и съ востока, изъ Россіи — на Галицію стала наливаться волна соціально-демократическаго движенія, — въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что въ Германіи соціально-демократическое движеніе разрослось въ своего рода государство съ значительной кассой, съ нѣсколькими десятками газетъ и журналовъ, между которыми есть даже научныя, и что нѣмецкій элементъ въ Австріи во всѣхъ проявленіяхъ жизни тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ Германіей. Соціально-демократическое движеніе у нѣмцевъ австрійскихъ существуетъ совершенно открыто, до того, что въ Вѣнѣ издается органъ подъ именемъ „Der Socialist“, и любопытно, что даже недавній министръ австрійскій, профессоръ *Шефле*, авторъ книгъ „Kapitalismus und Socialismus“, „Bau der menschlichen Gesellschaft“, — года два назадъ напечаталъ книжку „Quintessenz des Socialismus“, въ которой, признавая, что скорая революція въ направленіи соціалистическомъ была бы нежелательна для самихъ соціалистовъ, высказываетъ однако увѣренность въ необходимомъ разложеніи капиталистическаго строя и въ наступленіи порядка, подходящаго къ

желанному соціалістами. Тотъ же профессоръ Нефле принимаетъ участіе въ изданіи соціалістическаго журнала „Neue Gesellschaft“, выходящаго въ Цюрихѣ. Вызвали во вниманіе подобныя примѣры, а также соціально-экономическое состояніе края, и то, что интеллигенція русиновъ вполне владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, можно удивляться тому, какъ еще слабо въ Галичинѣ даже знакомство съ соціалістическими ученіями, а не тому, что они, наконецъ, проникли и туда.

Это знакомство и это проникновеніе началось весьма недавно и до сихъ поръ весьма слабо: въ 1875 г. въ Вѣнѣ издано было три маленькихъ брошюрки г. В. Кистки („Парова Машина“, „Правда“ и „Розмова про бѣдность“), а въ 1876 и 1877 годахъ появилось въ „Другѣ“ нѣсколько статей, въ которыхъ болѣе въ общихъ чертахъ ставился вопросъ о необходимости посвященія высшихъ классовъ работѣ въ пользу массъ и необходимости слитія въ одномъ лицѣ владѣльца и работника, чѣмъ излагалась сколько-нибудь подробно какая-нибудь сторона соціалістическихъ теорій. Вообще же можно сказать, что въ этомъ органѣ, если въ послѣднее время и заявлялась рѣшительно какая-нибудь соціальная мысль, то только мысль о необходимости искать опоры иѣстному русскому возрожденію въ благѣ массъ, и исследовать причины народной бѣдности—болѣе глубокая, чѣмъ объясненіе ея исключительно „пьянствомъ и лѣнью“,—какъ это принято у патріотовъ галицкихъ, не исключая и тѣхъ, кто зоветъ себя „народовцами“.

Но и эта мысль показалась слишкомъ радикально-соціалістическою въ Галиціи и возбудила ярость не только въ польскомъ обществѣ, но и въ русскомъ, въ средѣ котораго нашлись люди, даже среди студентовъ, призывавшіе противъ распространителей подобныхъ мыслей мѣры полиціи и суда. Какъ мы сказали, по законамъ, въ Австріи соціалістическія идеи и литературная дѣятельность въ ихъ пользу не составляетъ еще преступленія. Австрійскимъ подданнымъ запрещено только участіе въ заграничныхъ соціально-революціонныхъ и вообще политическихъ и тайныхъ обществахъ, подъ которыми въ особенности разумѣется „интернаціональное общество рабочихъ“. Официально даже нѣмцево-австрійскія рабочія общества могутъ называть себя соціально-демократическими, но не могутъ только вступать въ прямыя сношенія не только съ „интернаціональнымъ обществомъ“, но даже съ „германскимъ общимъ союзомъ рабочихъ“, распространившимъ свою дѣятельность въ Германіи весьма широко. Вотъ этимъ-то и воспользовались въ Галиціи противо-демократическіе элементы для того, чтобы имѣть поводъ давить въ са-

момъ его зародившійся давленіе, которое угрожаетъ нѣкъ политическому господству.

Случайныя обстоятельства помогли этимъ попыткамъ подавленія. Въ началѣ прошлаго года львовская полиція задержала нѣсколько русскихъ подданныхъ и нашла у одного изъ нихъ запасъ книгъ различнаго содержанія, отъ самыхъ навичныхъ, въ родѣ сочиненій Гоголя, до великорусскихъ и малорусскихъ брошюръ соціально-демократическаго характера, изъ которыхъ однако большая часть издана была въ Австріи и не затронута была цензурою, или же представляла перепечатку австрійскаго изданія. Вслѣдъ за тѣмъ были арестованы одинъ галицкій студентъ, сотрудникъ „Друга“, — и вмѣстѣ съ другими русскими подданными были обвинены въ принадлежности къ заграничному тайному обществу. Процессъ велся во Львовѣ, въ мартѣ 1877 г., и черезъ петербургскія газеты сталъ извѣстенъ въ Россіи, хотя въ весьма неполномъ и одностороннемъ видѣ. Обвиненныхъ судили какъ членовъ заграничнаго тайнаго общества съ соціально-революционными цѣлями, а въ полицейскихъ свѣдѣніяхъ и газетахъ называли ихъ нигилистами, украинофилами и панславистами. Нѣсколько широко понималось и полиціей и печатью извѣстнаго цвѣта термины, нигилизмъ, украинофильство и панславизмъ, покажетъ отрывокъ изъ письма одного русскаго народнаго учителя въ Венгрію, въ которомъ онъ оправдывается отъ обвиненій, изведенныхъ на него мадьярскими и мѣстными русскими газетами и рассказываетъ, какія книги отобрала отъ него, или, лучше, приняла отъ него полиція. Письмо это напечатано въ 10 № венгро-русской газеты „Карпатъ“ за 1877 г. Вотъ его начало: „Въ 9 числѣ „Карпата“ 1877 г., между разными извѣстіями, въ особенности моей скромной личности касающагося извѣстіе напечатано, по которому у меня полиція нѣсколько брошюръ и книгъ *нигилистическаго* содержанія нашла и конфисковала. Имѣю честь поэтому почтенную редакцію въ слѣдующихъ увѣдомити. Правда, что по нѣкимъ злослѣреніямъ доносамъ появилась у меня полиція для отысканія и нашла нѣсколько книгъ, между прочими Гоголя, Лермонтова и еще нѣкоторые другія, которыхъ содержанія не знаю, такъ какъ онѣ еще не были и разрѣзаны“. Надо пояснить, что газета „Карпатъ“, громко озаглавленная: „общественная (соціальная), церковная, науковая, литературная и экономическая газета“, органъ епархіальнаго правительствa и „общества св. Василія Вед.“, принадлежитъ, какъ и „Слово“, къ тому направленію, которое поощряется нашими славянскими комитетами, т.-е. какъ будто бы направленію обще-русскому, потому что оно не признаетъ литературнаго значенія мѣстнаго народнаго языка. Кіевскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго коми-

тета, который преимущественно вѣдаетъ области австро-русскія, выдалъ обществу св. Василія, въ 1872 г., нѣсколько сотъ рублей при основаніи „Карпата“, и еще въ 1875 году вновь въ этомъ отдѣлѣ поднять былъ вопросъ о выдачѣ субсидіи „Карпату“, какъ газетѣ, „борющейся противъ мадьярскихъ и іезуитскихъ стремленій за русскую церковь и національность“, а петербургскій отдѣлъ слав. благ. комитета, въ концѣ того же года, въ I т. „Славянскаго Сборника“, восхвалялъ „мужество“ редактора „Карпата“. Еще въ прошломъ году „Карпаты“ осудилъ всякое литературное разнообразіе въ русскомъ мірѣ и особенно украинскія попытки писать „языкомъ слугъ“ и слить „господъ со слугами“. Последовательность заставила „Карпаты“ стать за „господъ—мадьяровъ“ противъ „слугъ—славянъ“, и теперь органъ, нѣкоторымъ образомъ основанный на деньгахъ нашихъ славянскихъ благотворителей, открыто защищаетъ Турцію, громитъ Россію, „московскихъ агентовъ“—и усматриваетъ нигилистическую агитацію въ сочиненіяхъ Гоголя и Лермонтова, конфискацію которыхъ онъ,—защитникъ теоріи „единой русской народности и литературы“, вполне одобряетъ. Вполнѣ одобрительно и даже предупредительно отнеслась къ мѣрамъ мадьярской и—въ Галиціи—польской полиціи противъ распространителей „нигилистическихъ“ книгъ, въ числѣ которыхъ были тѣ же сочиненія Гоголя, Лермонтова и пр.,—и органъ галицкихъ общеруссовъ, газета „Слово“,—съ тою только разницею, что она записала ихъ въ число „польскихъ“, а не „московскихъ“ агентовъ. Польскія газеты подхватили сначала вѣсть о поимкѣ „московскихъ агентовъ“,—но тактика „Слова“ сбילה ихъ. Къ тому же, нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, по поводу дѣла о демонстраціи на казанской площади, польскія газеты отнеслись,—изъ „противомосковской“ тактики, сочувственно къ „русскому социализму“. Поэтому, когда поднялся въ Австріи крикъ о поимкѣ „панславистскихъ, московскихъ, украинофильскихъ, нигилистическихъ и т. п. агентовъ“, то польскія газеты не знали, на какую ногу ступить: они то вторили этому крику, то замазывали его. Тѣмъ не менѣе, полиція забрала во Львовѣ и въ двухъ мѣстахъ въ Венгріи всякаго рода русскія—великорусскія и малорусскія книги, судъ заднимъ числомъ запретилъ перепечату изданныхъ въ Австріи же книгъ,—и обвинилъ арестованныхъ въ ихъ распространеніи и въ принадлежности къ „заграничному тайному обществу“, въ томъ, что они были посланы какъ агенты этого общества,—не то изъ Швейцаріи и Лондона, не то изъ Россіи,—собирать для него членовъ. Кара обвиненнымъ сравнительно ничтожна:—согласно австрійскому кодексу,—двое присуждены были къ мѣсячному аресту и выслѣ изъ Австріи,

одинъ (австрійскій подданный) къ 8-ми-дневному. Но приемы обвиненія и основы суда были совсѣмъ произвольны: все обвиненіе основывалось на доказанности существованія за границей Австріи тайнаго революціоннаго общества,—а это-то прежде всего и надо было доказать. Судъ же совершенно произвольно свелъ въ одно общество разныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые были и незнакомы другъ съ другомъ, вѣнчили въ вину всѣмъ имъ письмо, писанное однимъ, другое,—полученное другимъ (это былъ эмигрантъ и у него оказалось письмо изъ Лондона) и т. п. Кромѣ того, одинъ изъ арестованныхъ,—г. Куртиевъ,—оказался по суду совершенно невиннымъ и тѣмъ не менѣе вывезенъ тоже полиціей изъ Австріи, какъ теперь г. Иловайскій,—съ той только разницею, что онъ пострадалъ отъ того еще гораздо больше, чѣмъ московскій ученый. Г. Куртиевъ имѣлъ совершенно законный видъ и мѣсто при русскомъ театрѣ ¹⁾,—второго долженъ былъ лишиться при высылкѣ изъ Австріи. Очевидно, австро-польскій судъ и полиція, поступая такъ произвольно, были вполне увѣрены въ томъ, что не встрѣтятъ протеста въ нашемъ обществѣ и его представителяхъ,—въ чемъ и не ошиблись. Никто,—ни даже печать наша не сказала слова, даже въ виду совершенно несправедливаго поступка съ г. Куртиевымъ, который просидѣлъ 4 мѣсяца въ тюрьмѣ до процесса, признанъ былъ, наконецъ, совершенно непричастнымъ даже по подозрѣнію въ принадлежности къ какой бы то ни было агитаціи, даже въ привозкѣ въ Галицію Гоголя,—и все-таки былъ выпроваженъ изъ предѣловъ Австріи съ потерей своего заработка. Русскія газеты или промолчали, или безъ критики передали свѣдѣнія о судѣ, или явно стали на его точку зрѣнія,—и все вмѣстѣ подтвердило расчетъ австрійскихъ чиновниковъ, что русскаго можно трогать безпрепятственно, и набросить на него тѣнь во всякомъ случаѣ очень легко, если пустить въ ходъ извѣстнаго рода обвиненія.

Какъ же было послѣ того не осмѣлиться на будущее время галицкимъ полицейскимъ агентамъ! А тутъ еще начались, наконецъ, военные дѣйствія по сосѣдству, національныя страсти разгорѣлись, пошли слухи о томъ, что готовится революціонное движеніе въ Австріи,—то противъ Россіи, то противъ Австріи самой. Австрійской, цислейтанской полиціи, кромѣ всего прочаго, представлялся прекрасный моментъ заглянуть въ корреспонденцію, изслѣдовать отношенія разныхъ лицъ и обществъ, подъ предлогомъ исканія нитей заговоровъ,—какъ это передъ тѣмъ сдѣлала транслейтанская полиція по поводу

¹⁾ Русский театръ въ Галиціи имѣлъ нѣсколько актеровъ изъ подданныхъ нашего государства, поступившихъ въ него изъ разныхъ труппъ югозападной Россіи. Нѣсколько лѣтъ назадъ галицко-русская труппа пріѣзжала давать свои представленія въ Россію,—въ Каменецъ-Подольскъ.

дѣла Милетича, котораго сначала обвинили въ оскорбленіи дружественнаго, русскаго правительства, а потомъ, почитавъ корреспонденцію его, — въ заговоръ и противъ Австріи.

И дѣйствительно, — едва успѣли арестованные въ январѣ русскіе подданные отсѣсть свои сроки тюремнаго заключенія, какъ въ мѣхъ львовская полиція вновь поймала одного русскаго подданнаго, какъ „нигилистическаго агента“ въ своемъ городѣ. Онъ оказался польской національности, равно какъ и тѣ лица, съ которыми онъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ, тоже русскій подданный, литераторъ, занимающійся социальными науками, оказался сотрудникомъ двухъ польскихъ газетъ, — „Gazeta Narodowa“ и „Dziennik Polski“. Полиція произвела обыски въ одной типографіи польской, въ польскомъ рабочемъ обществѣ во Львовѣ „Gwiarda“, затѣмъ въ Вѣнѣ въ такомъ же обществѣ „Sila“, затѣмъ въ студентскомъ обществѣ „Ognisko“ въ Вѣнѣ же. Потомъ перешла къ русинамъ: во Львовѣ была арестована почти вся редакція „Друга“, даже обыски и аресты перешли въ семинарію, потомъ распространились по провинціямъ: въ Перемишль, Станиславовъ и др., — наконецъ, опять въ Вѣну, гдѣ тоже арестовано было нѣсколько русиновъ. Тогда-то произошло въ австрійской печати, особенно галицкой, цѣлое столпотвореніе вавилонское, — обнаружившее степень нравственнаго развитія обществъ, которыхъ она служитъ выразителемъ. Всѣ кричали, что полиція напала на слѣдъ страшнаго заговора, революціонной организаціи. Въ этомъ никто не сомнѣвался. Мало того, — всѣ спѣшили дѣлать указанія и даже признанія, истинно трогательныя по своей добровольности. Всякій спѣшилъ не только выгородить себя, но даже унечъ всѣхъ своихъ противниковъ. Одни кричали, что пойманы вербовщики польско-турецкаго легіона, другіе, что — польскаго легіона, который долженъ вторгнуться въ Россію, — третьи, напротивъ, утверждали, что пойманы агенты московскіе, которые хотятъ приготовить народъ въ Галичинѣ, — и русиновъ и мазуровъ, — къ приходу „москалей“ и поднять его обѣщаніями надѣла земли, причемъ не забывалась и „скизжа“, т. е. православіе, казаччина и гайдамаччина. Особенно переполошились евреи и разнесли панику по всему краю. Стали поступать жалобы на крестьянъ, которые тоже стали подвергаться арестамъ, — за угрозы „вырѣзать жидовъ“. Отъ провинціальной шляхты стали появляться въ газетахъ письма, предлагающія образованіе вооруженныхъ обществъ безопасности, стражи изъ консервативныхъ элементовъ. Намѣстникъ почувствовалъ необходимость сдѣлать объѣздъ края, особенно восточной Галиціи. „Газета Народова“ приглашала всѣхъ благомыслящихъ людей по уѣздамъ,

особенно евреевъ, подавать доносы по дорогѣ намѣстнику на всѣхъ подозрительныхъ людей, на всѣхъ разсѣвателей вредныхъ идей.

Вопросъ былъ только въ томъ, отъ кого собственно идутъ эти вредныя идеи? Этотъ вопросъ каждый разрѣшалъ въ Галиціи по-своему. Что въ этомъ дѣлѣ должна была играть роль „всесвѣтная революція“, „безумные философы будущаго“, это признавали всѣ. Но остановиться на нихъ однихъ никто не хотѣлъ. Всякій искалъ того, кто направляетъ въ данномъ случаѣ этихъ „философовъ будущаго“, кто породилъ ихъ, или хотя того, кто попускаетъ дѣйствовать имъ, — и каждый указывалъ на своего противника. Польскія газеты утверждали, что первый арестованный полякъ, русскій подданный, только по имени полякъ, а на самомъ дѣлѣ москаль, что одѣ даже по-польски говорить хуже, чѣмъ по-московски, — и что самые опасные социаллисты, это русинскіе полы, которые разсѣваютъ межъ народомъ социалистическія идеи въ интересахъ „московскаго царя и схиэма“.

„Слово“ клялось, что вся бѣда въ полякахъ и ихъ автономіи, что они выдумали украинифильство, они умышленно попускали социалистическую агитацію противъ Россіи и теперь доигрались до того, что образовалась партія, которая угрожаетъ общему порядку, религіи и т. п., въ особенности, конечно, вредная для русиновъ ¹⁾. Вице-„Слово“ также и львовскихъ „украинифиловъ“, общество „Прогрессу“, и учителей и профессоровъ, въ нему принадлежащихъ: это они-де научили молодежь вреднымъ идеямъ, или, по крайней мѣрѣ, приготовили въ дѣмъ юношество, похвалявая сочиненія украинифиловъ изъ Россіи, оказавшихся революціонерами. Газета „Сіонъ“ при сей okazji напала на Шевченка, котораго сочиненія въ прошломъ году вышли въ Прагѣ новымъ полнымъ изданіемъ, и стали, по мнѣнію церковной газеты, отравлять юношество, даже семинарское. Органы львовскихъ украинифиловъ „Правда“ и „Газета Школьна“, — дѣйствующія, всегда, какъ горячіе хвалители Шевченка и его послѣдователей, попали въ курьезное положеніе, изъ котораго извернулись такъ: они ругали „Слово“ полнымъ доносчикомъ и доказывали свою невинность обвиненіемъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, единственно виноваты. Виноваты же, по ихъ мнѣніямъ, всесвѣтныя революціонеры, принявшіе личину украинифильства, да русское правительство — что развѣдо у себя нигилизмъ, а потомъ выпихнуло его въ Галицію, или, какъ намекала „Газета Школьна“, едва ли не усложнились съ некоторыми эмигрантами изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобъ

1) Въ такомъ родѣ была написана и корреспонденція изъ Вены (?) въ „С.-П. Вѣдомости“ и въ то же самое время почти буквально появилось въ видѣ передовой статьи въ „Словѣ“, — во Львовѣ.

они агитировали въ Австріи, и чтобы въ Россіи, гдѣ уже 10,000 человекъ украинцевъ арестовано и сослано въ Сибирь—имѣть предлогъ окончательно уничтожить Русь-Украину!

Чѣмъ кончится дѣло, по поводу котораго поднялся этотъ странный и въ половинѣ своихъ проявленій чрезвычайно комическій гвалтъ,—мы не можемъ сказать. Дѣло еще не дошло до суда, хотя, говорятъ, скоро будетъ ему представлено. Пока достоверно извѣстно, что прокурорская власть выпустила на волю большую часть притянутыхъ, не усмотрѣвъ повода къ обвиненію ихъ, въ особенности поляковъ, и оставила подъ арестомъ только нѣсколько человекъ русиновъ и одного поляка,—того, что „лучше говорить по-московски, чѣмъ по-польски“,—да еще двухъ-трехъ, въ томъ числѣ одну женщину, крестьянку, и обвиняютъ ихъ въ принадлежности къ заграничному тайному обществу съ социалистическими цѣлями. По всей вѣроятности дѣло опять ведено будетъ и кончится, подобно предыдущему, — но волненіе, имъ произведенное, уляжется не скоро, да и дѣла, подобныя ему, навѣрно, будутъ повторяться.

Именно въ самый разгаръ этого волненія былъ арестованъ среди „ботанической экскурсіи“ въ Карпаты г. Остенъ-Сакенъ — и протрубленъ былъ въ нѣмецкихъ и польскихъ газетахъ, то какъ нигилистическій, то какъ московско-панславистическій агентъ; а когда волненіе это вновь было подогрѣто арестами въ Венгріи и въ польскихъ кругахъ по поводу „трансильванской попытки“,—среди подновленного разгара подозрительности и перекрестныхъ доносовъ явился въ Галицію г. Иловайскій — и подвергся извѣстной исторіи, которую называютъ „трехдневнымъ плѣномъ у поляковъ“. Наши газеты и ученые общества справедливо возмущались этимъ плѣномъ, исполнились благодарности къ виновнику прекращенія этого плѣна и похвального желанія, чтобы на будущее время русскіе путешественники въ Австріи были ограждены отъ подобныхъ случайностей. Но нашъ рассказъ, думаемъ, покажетъ читателю тщетность такого похвального желанія, съ чѣмъ въ основѣ согласенъ и самъ редакторъ „Слова“, наивно превозносимый друзьями г. Иловайскаго: въ Австріи, говоритъ онъ, ловятъ не панславистовъ, а украинофиловъ и нигилистовъ,—и прибавляетъ: „совершенно основательно!“ А кто-ихъ тамъ разбереть? — Полиція, конечно. А пока разберутъ,—субъектъ посадить три дня, а то и шесть мѣсяцевъ, высшій срокъ, назначенный въ Австріи для предварительнаго слѣдствія и заключенія. Полиція же въ Австріи, особенно въ Галиціи и Венгріи, отождествляетъ панславизмъ и „нигилизмъ“, а въ послѣднее время—то и другое съ украинофильствомъ, а все это вмѣстѣ съ „интернаціоналомъ“, — какъ видно изъ отзыва

косовскаго уѣзднаго начальства объ одномъ изъ судившихся русиновъ: „въ послѣднее время занялся очень панславизмомъ“,—и даже, какъ видно изъ арестовъ сочиненій Гоголя, Лермонтова и др., со всякимъ живымъ русскимъ движеніемъ, даже чисто литературнымъ. Въ тому же, дѣйствительно въ Галиціи образовались зародыши партій, которая, не отрекаясь отъ своей народности и на почвѣ ея, старается воспользоваться извѣстными результатами, формами и идеями, выработанными и въ Россіи,—на Украинѣ, какъ и въ „Москвѣ“,—и слить ихъ съ извѣстными идеями западно-европейскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ и съ идеями федеральнаго панславизма. Г. Иловайскій былъ, вѣроятно, совершенно искрененъ, отрицая у себя всякія панславистическія идеи. Права была въ признаніи на этотъ счетъ и газета „Слово“, отрицающая тоже въ своихъ кругахъ, состоящихъ изъ „вѣрноконституціонныхъ“, всегда подающихъ голосъ за теперешнее противославянское правительство въ Австріи. Но въ Австріи не перестанутъ бояться всякаго панславизма и смѣшивать ихъ разные оттѣнки; и чѣмъ больше будетъ усиливаться тотъ именно оттѣнокъ, который теперь складывается въ Галиціи, тѣмъ болѣе будутъ преслѣдовать его, такъ какъ онъ гораздо опаснѣе для теперешней системы, чѣмъ такъ-называемое московское славянофильство и его отголоски и слуги въ самой Австріи,—которые сами выступаютъ врагами такого панславизма и добровольными прислужниками австрійской полиціи. Вотъ почему мы думаемъ, что исторіи, въ родѣ случившейся съ г. Иловайскимъ, не только не имѣютъ шансовъ прекратиться, но только начинаются. Наша печать и ученые общества не могутъ оказать тутъ никакой помощи для огражденія русскихъ путешественниковъ, особенно ученыхъ, литераторовъ и вообще людей, заинтересованныхъ славянствомъ и русскимъ элементомъ въ Австріи,—между прочимъ и потому, что причинъ, придающихъ смѣлость австрійскимъ властямъ въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ подданныхъ, наша печать и ученые устранить не въ силахъ, да, кажется, и не думаютъ о нихъ. Счастье г. Иловайскаго, что онъ ѣхалъ изъ Болгаріи и не имѣлъ, какъ видно, совсѣмъ никакихъ книгъ съ собою. Но явился онъ изъ Германіи и имѣлъ какія-нибудь русскія книги,—австрійскія власти нашли бы, на чемъ основать то обвиненіе, которое взвела на него „Neue Freie Presse“, и сдумали бы скомпрометтировать г. Иловайскаго и въ Россіи, придравшись къ самому ничтожному случаю—къ какой-нибудь брошюрѣ, купленной имъ изъ любопытства въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ и завалавшейся въ его сакъ-воѣжѣ. Все, что могли бы сдѣлать русскія газеты и ученые для предупрежденія подобныхъ печальныхъ случаевъ

ностей, особенно газеты славянофильскаго оттѣнка, это—способствовать умѣренію доносительскихъ привычекъ по крайней мѣрѣ хотъ въ русинахъ австрійскихъ, если не въ другихъ,—привычекъ, составляющихъ лучшую среду для случаевъ, въ родѣ постигшаго г. Иловайскаго. Но для того нашей печати и ученымъ прежде всего надо знать эти привычки, а потомъ имѣть столько искренности, чтобъ называть ихъ своимъ именемъ. А ни призназовъ, ни такого знанія, ни этой искренности мы не замѣчаемъ въ нашихъ газетахъ, ни въ нашихъ ученыхъ обществахъ, ни въ нашихъ славянскихъ комитетахъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и вообще. Изъ всего этого сдѣлали личное дѣло г. Иловайскаго, между тѣмъ какъ тутъ слѣдовало бы поставить вопросъ несравненно шире.

Львовъ, 1877.

К. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1878.

Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го.—Пріѣздъ Государя Императора въ Петербургъ.—Взглядъ на историческую почву развитія.—Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи.—Дѣла мира и дѣло войны.—Сравненіе съ войною 1828 — 1829 годовъ.—Причины неуспѣха крымской кампаніи.—Успѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ.—Внутренніе вопросы и задачи.—Дальнѣйшая работа.—Амнистія печати.

Заря новаго года занималась подъ впечатлѣніемъ радости и торжества: мы праздновали взятіе Плевны, прибытіе Государя въ Петербургъ и столѣтіе со дня рожденія императора Александра Павловича. Уму человека свойственно дѣлать сближенія между историческими числами и, останавливаясь на совпаденіяхъ случайныхъ, переходитъ отъ нихъ къ общему ходу исторіи, улавливая въ немъ ту логическую связь, которая уже вовсе не случайна. Такъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1677 году, мы также вели войну съ турками, которые осаждали Чигиринъ. Сто лѣтъ спустя родился императоръ Александръ I, между двумя турецкими войнами, въ то самое время, когда уже зарождалась мысль о „сѣверной системѣ“ и осуществленіи „греческаго прожекта“ при содѣйствіи дружественнаго намъ сосѣдняго монарха, Іосифа II-го. Императоръ Александръ родился 10 лѣтъ спустя послѣ того, какъ была открыта законодательная коммиссія для сочиненія новаго уложенія; депутаты этой коммиссіи начали свои работы сто-десять лѣтъ тому назадъ. Императору Александру суждено было потомъ вести новыя войны съ Турціею, и не съ одной Турціей,—и ему представлялась мысль о новомъ уложеніи. Конечно, образъ мыслей Александра I-го при началѣ его царствованія былъ обусловленъ и личнымъ его воспитаніемъ и индивидуальнымъ его характеромъ, то-

есть явленіями случайными. Но, отводя должное мѣсто вліянію такихъ личныхъ особенностей, мы все-таки не можемъ упустить изъ виду и логическую связь между мыслями Александра въ 1802—1810 годахъ, во время предначертанія имъ обширныхъ реформъ управленія своею имперіею, и тѣми мыслями, которыя уже за 35—40 лѣтъ передъ тѣмъ были выражены въ наказѣ Екатерины II-ой при учрежденіи комиссіи уложенія. А въ томъ наказѣ, послѣ оговорки о главныхъ чертахъ общаго порядка, соотвѣтствовавшихъ Россіи прошлаго столѣтія, высказывались и слѣдующія мысли: „вольность есть право дѣлать все то, чтó законы дозволяютъ; сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ, никого бы, кромѣ ихъ, не боялись; хотите ли предупредить преступленія: сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія“; въ наказѣ провозглашалось и начало вѣротерпимости: „гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыя сердца, утушая споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію гражданъ“.

Утверждаютъ, что предначертанія императора Александра I-го не были осуществлены имъ въполнѣ, и что въ учрежденіи государственнаго совѣта и министерствъ полагался, по удостовѣренію ближайшаго сотрудника императора, еще только „краеугольный камень огромнаго зданія“. Но если мы обратимся ко времени, болѣе отдаленному, къ эпохѣ екатерининскаго наказа, отъ которой насъ отдѣляютъ болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, то едва ли рѣшимся утверждать, что и всѣ мысли того наказа были потомъ уже совершенно осуществлены. Положимъ, нѣкоторыя изъ нихъ были тогда преждевременны; таково специально было положеніе о равенствѣ: „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были одинакимъ законамъ“. Странно было провозглашать это въ странѣ крѣпостного права и въ такое время, которое видѣло расширеніе области крѣпостного права. Допустимъ, что нѣкоторыя другія мысли наказа устарѣли теперь, по прошествіи столѣтія съ той поры, какъ были выражены. Однако, нѣкоторыя изъ мыслей наказа были осуществлены преемниками Екатерины. Такъ, необходимость „распространенія просвѣщенія между людьми“ была любимой заботой Александра I-го, а самое равенство передъ законами было осуществлено въ нынѣшнее царствованіе.

Только при томъ, чтó уже сдѣлано въ теченіи столѣтія, было бы возможно прежде осуществленіе и другихъ мыслей Екатерины и Александра I-го, неисполнившихся въ свое время главнымъ образомъ именно потому, что онѣ встрѣчали слишкомъ рѣзкое противорѣчіе въ

существованіи рабства. Новая реформа, намъ современная, была весьма мудро *начата снизу*; благодаря тому, только теперь устранены тѣ препятствія къ ея продолженію, которыя были встрѣчены Екатериною II и Александромъ I.

Если мы соберемъ въ одно цѣлое хотя бы тѣ только указанія на необходимость дальнѣйшихъ реформъ, какія успѣли сказаться доселѣ въ учрежденіи правительственныхъ комиссій и сборѣ ими матеріаловъ по разнымъ областямъ государственно-народнаго быта, то увидимъ, что въ сознаніи самого правительства уяснилась необходимость дальнѣйшей, многообразной и обширной работы въ смыслѣ преобразованія. Приведеніе въ порядокъ финансовъ, измѣненіе податной системы, поднятіе производительности страны, улучшеніе нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и земледѣльческаго класса, преобразование крестьянскихъ учреждений, установленіе образовательнаго ценза для занятія государственныхъ должностей, преобразование духовнаго суда, измѣненіе нѣкоторыхъ законовъ о союзѣ брачномъ, измѣненіе всей тюремной системы, реформа провинціальной администраціи и полиціи, пересмотръ всей системы законовъ уголовныхъ — все это представляетъ такую обширную совокупность уже сознанныхъ дальнѣйшихъ преобразовательныхъ заботъ, что и при составленіи екатерининскаго наказа не имѣлось въ виду болѣе обширной сферы для составленія новаго уложенія.

Но за великими реформами, уже осуществленными въ нынѣшнее царствованіе, мы находимся теперь въ такомъ періодѣ, который довольно ярко отличается отъ ближайшаго, нами пережитаго.

При началѣ дѣла реформы, котораго заслуга вся принадлежитъ царственному соименнику Александра I, дѣло это представлялось въ рѣзкихъ, отдѣльныхъ чертахъ. Очевидна была необходимость отмены крѣпостнаго права, введенія открытаго порядка судопроизводства и судопроизводства, предоставленія обществу нѣ котораго содѣйствія въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи. Каждое изъ этихъ преобразованій было необходимо въ отдѣльности, даже безъ органической связи со всѣми остальными улучшеніями, какія могли оказываться нужными. Такъ напр., народъ слѣдовало освободить отъ крѣпостнаго гнета прежде всего, во всякомъ случаѣ, — не дожидаясь никакихъ другихъ, одновременныхъ улучшеній, и хотя бы не было ни новаго суда, ни земскихъ учреждений. Въ свою очередь необходимое преобразование судовъ могло быть совершено и безъ связи съ улучшеніемъ, напр., участи печати или со внесеніемъ свѣта гласности въ дѣла государственныхъ финансовъ.

По поводу эпохи Александра I говорятъ еще, что реформы того времени не имѣли національнаго характера, отличались космополитизмомъ. Славянофилы указываютъ вообще на „космополитическій“ характеръ „петербургскаго періода“, и предрекаютъ намъ, въ противоположность тому періоду, будущность въ какомъ-то, никогда ими не формулированномъ „національномъ“ смыслѣ. Мысль эту недавно выразилъ отъ себя, совершенно неожиданно, „Голось“, при сравненіи имъ реформъ александровской эпохи съ реформами, сдѣланными нынѣ и еще неоконченными. По этому мнѣнію, всѣ внутреннія реформы александровской поры „носятъ на себѣ неизгладимую печать космополитическихъ (!) идей“; нынѣ же, хотя „духъ обще-европейскаго, всемірнаго прогресса несомнѣнъ во всѣхъ реформахъ, но, согласно характеру просвѣщенія и политической жизни XIX вѣка, этотъ духъ облекся у насъ въ *національнныя*, историческія, самостоятельныя формы“. Это мнѣніе отдѣляется отъ славянофильскихъ взглядовъ только благосклонною оговоркою относительно „духа обще-европейскаго, всемірнаго прогресса“. Оно отрекается не отъ обще-европейскаго духа, но отъ обще-европейскихъ формъ, называемыхъ „космополитическими“. Но вѣдь если допускается общность духа, то не понятно, почему полагается непремѣннымъ условіемъ несходство формъ, въ которыхъ тотъ духъ можетъ выразиться. Взглядъ славянофиловъ, какъ онъ ни произволенъ, все-таки цѣлѣнъ; они отрекаются отъ обще-европейскихъ формъ потому именно, что отрекаются отъ обще-европейскаго духа. Ихъ ученіе основано на самобытности русскаго духа, взаимнѣй которой „Голось“ допускаетъ только самостоятельность формъ, при общности духа. Сомнѣваемся, чтобы такое странное ученіе о формахъ, независимыхъ отъ духа, могло найти приверженцевъ. Несостоятельность его очевидна.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя основныя формы, единственныя могущія быть предметомъ разсужденія, неизмѣнно обуславливаются самой сущностью того духа, т.-е. тѣхъ началъ, которыя находятъ въ нихъ свое выраженіе и могутъ воплотиться только въ нихъ. И тѣ преобразованія учреждений, которыя овершились у насъ въ новѣйшее время, вовсе не представляютъ безусловно національныхъ, самостоятельныхъ, несходныхъ съ западными формъ. Наиболѣе самостоятельности представляла, конечно, реформа крестьянская, т.-е. собственно земельный надѣлъ, который былъ формою не столько политической, сколько соціальною. Но и здѣсь не было такого безусловнаго несходства съ остальною Европой, какъ то многимъ кажется. Право крестьянъ на ту

землю, на которой они живутъ и которую обрабатываютъ, въ сущности было не создано, но только *признано* земельнымъ надѣломъ, и въ мотивахъ къ такому законодательному признанію указывалось прямо на то, что право это въ народныхъ понятіяхъ всегда существовало и до освобожденія. Надѣлъ только регулировалъ право естественное, всегда русскимъ народомъ сознававшееся. Существовало же у насъ это право потому, что не было той споліаціи, которая въ западной Европѣ была совершена установленіемъ феодализма. Въ той мѣрѣ, въ какой и на Западѣ отмѣнялся феодальный принципъ землевладѣнія, и тамъ становился возможнымъ выкупъ арендаторами и крестьянами земель. Распространенное и крѣпкое крестьянское землевладѣніе существуетъ нынѣ во Франціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Иногда западные правительства являлись даже посредниками для ликвидаціи феодальныхъ отношеній, облегчая переходъ земель въ руки арендаторовъ и крестьянъ. Такъ, продажа національныхъ имуществъ во Франціи повела именно къ созданію крестьянскаго землевладѣнія, а ирландскій земельный билль Гладстона облегчилъ приобрѣтеніе мелкими фермерами участковъ, ими нанимаемыхъ. Правда, французскіе и германскіе крестьяне и ирландскіе фермеры должны были при этомъ выкупать свои осѣдлые и полевые участки, если хотѣли приобрѣсть ихъ. Но вѣдь и у насъ земельный надѣлъ былъ бы явленіемъ совершенно національнымъ и самостоятельнымъ лишь въ такомъ случаѣ, если бы онъ совершился безъ выкупа, чего въ дѣйствительности не было. Итакъ, совершенно самостоятельнымъ явленіемъ, даже и въ этомъ социальномъ дѣлѣ, у насъ была собственно только одновременность надѣла съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ. Права ихъ на землю нельзя было не признать, такъ какъ оно существовало въ дѣйствительности, и, принимая великое дѣло освобожденія, правительство совершило актъ великой мудрости и справедливости, одновременно явившись посредникомъ при ликвидаціи какъ личныхъ, такъ и земельныхъ отношеній крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ „душъ“.

Что касается другихъ преобразованій, относящихся именно къ устройству государственныхъ функцій, а не регулированію народнаго быта, то въ этихъ преобразованіяхъ—о которыхъ только и можетъ быть рѣчь, когда сравниваютъ характеръ реформъ нынѣшняго времени съ реформами александровской эпохи—рѣшительно невозможно сказать, будто современныя преобразованія совершенно отличаются отъ тогдашнихъ именно „національностью своихъ формъ“, между тѣмъ, какъ тѣ были, по выраженію цитируемой газеты, „оторваны отъ вся-

кой національной, исторической почвы". Если видѣть ошибку александровской эпохи въ такой „оторванности" отъ національной почвы ея предназначеній, то что же придется тогда сказать о преобразованіяхъ Петра-Великаго? Надо или быть славянофиломъ, или не быть имъ, — середины тутъ нѣтъ, всякій средній терминъ былъ бы только самопротиворѣчіемъ. Съ другой стороны, нынѣшнія преобразования въ области суда, самоуправленія, финансовой отчетности, школы и военного устройства вовсе не представили такихъ самостоятельно-національных формъ, которыми бы они существенно отличались отъ характера „космополитическихъ" предназначеній эпохи Александра I-го.

Въ основаніе новаго судоустройства и судопроизводства и мѣстнаго самоуправленія легли формы, выработанныя на Западѣ. Въ судебномъ устройствѣ почти все, начиная съ основныхъ и даже до мелкихъ формъ, взято прямо изъ французскаго и отчасти англійскаго законодательства; въ земскомъ устройствѣ усматриваются формы, взятые изъ Германіи. Тѣ, въ чемъ сказывалось, въ той и другой реформѣ, отступление отъ западныхъ образцовъ, вовсе не составляло какой-либо самобытно-русской, національной формы, но было только неполнымъ осуществленіемъ формъ, заимствованныхъ съ Запада. Порядокъ и всѣ формы составленія финансовой отчетности: составъ и обнародованіе бюджета, дѣйствія и отчетъ контроля, какъ они установлены въ настоящее время, не имѣютъ въ себѣ рѣшительно ни одной національной черты, если не признать за таковую нѣкоторые пробѣлы.

Преобразование школы было предпринято съ прямымъ указаніемъ на западно-европейскія формы: главнымъ аргументомъ новой системы служило именно указаніе на фактъ, что такія формы существуютъ на Западѣ. При этомъ западныя формы были перенаты даже слишкомъ буквально, то-есть оставлены были въ сторонѣ тѣ серьезныя шаги, которые дѣлаются на Западѣ въ новѣйшее время къ измѣненію нѣкоторыхъ исключительныхъ формъ, несоотвѣствующихъ болѣе современнымъ потребностямъ, и вся забота была о томъ, чтобы перенять буквально тѣ формы, какія существуютъ въ западной школѣ издавна, хотя бы онѣ уже и начинали уступать мѣсто условіямъ новымъ. Гдѣ же тутъ „Голосъ" можетъ усмотрѣть „національную, историческую почву"? Всѣ сомнѣнія и разногласія по этому поводу сводились исключительно на то: чему отдать предпочтеніе, тому ли, что на Западѣ существуетъ какъ давняя форма, или тому — въ чемъ уже сказываются условія новыя, которымъ дѣлаются все большія уступки на самомъ

Западѣ. Короче, — образцомъ и здѣсь служилъ Западъ, а о постановкѣ русской школы на какихъ-либо самостоятельныхъ національных формахъ, самобытно произрастающихъ на русской почвѣ, и не „оторванныхъ“ отъ нея, — вовсе не было и рѣчи. Да и не можетъ быть рѣчи о нихъ, какъ только предпринимается не разсужденіе болѣе или менѣе туманнаго свойства, ни къ чему не обязывающее, не положительное дѣло, въ основу котораго приходится класть что-либо дѣйствительно-существующее, а не нѣчто такое, что кѣмъ-то загадывалось, но никѣмъ даже еще не формулировано. Во всякомъ случаѣ, трудно, при всемъ желаніи, усмотрѣть въ преобладаніи латинскаго и греческаго языковъ въ русской школѣ самостоятельно-національную русскую форму, — если только „Голосъ“ не захочетъ ссылаться на греко-латинскую академію въ Кіевѣ.

Наконецъ, и то важное преобразованіе, въ которомъ названная нами газета болѣе, чѣмъ кто-либо, усматривала одинъ изъ величайшихъ успѣховъ нашего времени — преобразованіе военного устройства — цѣлкомъ было взято изъ Германіи, со всѣми готовыми формами. И это было вполнѣ естественно. Разъ заимствованъ духъ системы, нельзя пріискать для его выраженія иныхъ формъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ именно воплощается. Однажды, принявъ основное начало всеобщей личной воинской повинности, пришлось заимствовать всѣ формы, которыя его осуществляютъ. И здѣсь, второстепенныя отступленія отъ германскаго образца никакъ не даютъ права утверждать, что военное устройство представило у насъ самобытную національную форму.

Государь возвратился въ Петербургъ, послѣ побѣдъ, за день до празднованія столѣтія Александра I-го. Какъ уже замѣчено выше, случайныя совпаденія историческихъ чиселъ говорятъ уму именно тогда, когда даютъ ему поводъ уловить не случайную, но логическую связь въ ходѣ исторіи. Царствованіе императора Александра Павловича было эпохой великихъ побѣдъ и великихъ предначертаній. Ни одинъ русскій монархъ до него, со времени Петра I, не являлся съ такими обширными преобразовательными планами, съ такимъ глубокимъ сознаніемъ важности дѣла образованія, съ такимъ убѣжденіемъ въ возможности и необходимости приближенія Россіи къ Европѣ, не по однимъ мундирамъ и условіямъ обществія, но и по самому умственному развитію народа. Изъ всѣхъ преемниковъ Петра I до Александра I ни одинъ не сознавалъ, какъ онъ, — т.-е. въ такой цѣльности и всесторонности — необходимость обширной реформы. Слава на-

шего времени состоитъ именно въ томъ, что главные препятствія, представившіяся Александру I-му и задержавшія его добрую волю, устранены. Сверхъ того, никогда еще въ русской исторіи монархъ не обладалъ такимъ громаднымъ нравственнымъ могуществомъ, какъ Государь, котораго пріѣздъ мы недавно привѣтствовали. Не было еще такой эпохи, когда вся семья русскаго народа, со всѣми входящими въ его составъ національностями и разновѣріями, и разными ступенями развитія, была бы столь тѣсно сплочена, какъ она нынѣ сплочена, въ спокойное, величавое сознаніе своей солидарности съ государствомъ и его Вождемъ. Освобожденная масса сознаетъ, что государство есть уже не источникъ ея закрѣпощенія, но залогъ ея свободы. Раскольники почти забыли о разновѣріи, сознавъ свою полную солидарность съ государствомъ, ихъ не преслѣдующимъ, какъ встарь. Поляки—и тѣ устали враждовать противъ него, и время общаго испытанія избираютъ ужъ не для плановъ о мятежѣ, какъ въ бывшее время, но для проявленія охоты къ окончательному замиренію. А въ Финляндіи засѣдаетъ нынѣ сеймъ, и этотъ сеймъ выражаетъ главѣ государства, какъ правоспособный и уполномоченный органъ финляндцевъ, тѣ же чувства преданности и готовности къ пожертвованіямъ, какія можно слышать во всѣхъ единичныхъ общинахъ и селеніяхъ русскаго народа.

На рукахъ Россіи виѣшняя война. Но что бы ни говорили, никогда еще внутри государства не было у насъ такого спокойствія и единодушія въ общемъ народномъ чувствѣ, какъ нынѣ. Да, мы утверждаемъ, что никогда внутри Россіи не было такого полного и прочнаго спокойствія, какъ нынѣ, и если бы намъ рѣшились возражать указаніемъ на политическій процессъ, то мы отвѣчали бы вопросомъ: что могутъ значить сотни въ сравненіи съ 80-ти-милліоннымъ народомъ? Чтобы вспахать почву Россіи даже и подъ то сѣмя, которое ей полезно, нужны не сотни, не тысячи,—милліоны, и притомъ плуговъ, а не сохъ. Еще вопросъ: что думать о силѣ такой пропаганды, въ которой двадцатаго слова не понимаютъ слушатели въ самый моментъ ихъ произнесенія, — да и тѣ слабыя слѣды, какіе могли бы остаться, быстро зарастаютъ травой, той травой, которую родитъ сама почва? Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, враждебная государству горсть людей въ сравненіи, наприимѣръ, съ тѣмъ многомилліоннымъ, природнымъ, и потому сильнымъ сектаторствомъ, которое прежде враждовало съ государствомъ, приписывая ему нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ ту или иную тягость, приписывая ему самую природу антихриста—какъ это было при Петрѣ В. и послѣ него?

Только бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на всю нашу исторію, начиная съ Петра, мы можемъ убѣдиться фактами, что, собственно

говоря, никогда не было такой относительно спокойной поры внутреннего состоянія Россіи, какъ семидесятыя годы текущаго столѣтія, и въ особенности именно настоящій моментъ. Мятежи раскольниковъ и приверженцевъ старины, почти непрерывный рядъ политическихъ переворотовъ при преемникахъ Петра до предшествовавшаго царствованія, пугачевщина и разинщина, цѣлый рядъ отдѣльных крестьянскихъ волненій, проходящій чрезъ всѣ царствованія, не исключая предшествовавшаго, политическая смута еще полвѣка тому назадъ, рядъ польскихъ возстаній, и враждебное настроеніе по отношенію къ государству преслѣдуемыхъ раскольниковъ, усмирненныхъ поляковъ, финляндцевъ, лишенныхъ сеймовой дѣятельности, даже части зрѣлаго чисто-русскаго образованнаго общества, котораго уныніе по временамъ доходило до того, что оно готово было ждать внутреннихъ успѣховъ отъ внѣшнихъ пораженій, какую бы скорбь ни внушали ей эти пораженія! Въ сравненіи со всѣмъ этимъ, чтó же значать современные попытки къ возбужденію волненій? Вѣдь любая секта бѣгуновъ или хлыстовъ имѣетъ безъ всякаго сравненія болѣе задатковъ къ распространенію. Итакъ, нельзя не согласиться, что именно въ настоящій моментъ Россія представляетъ такое внутреннее спокойствіе и единодушіе, какому давно не бывало примѣровъ, а потому теперь ничто не можетъ связывать преобразовательную дѣятельность, если ей было бы суждено сдѣлать новый шагъ впередъ.

Но и самая война не даетъ никакого повода къ недовольству настоящимъ въ сравненіи съ прошлымъ. Мы не отрицаемъ, что война обнаружила нѣкоторые недостатки, и скажемъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ. Но это были такіе недостатки, которые зависѣли никакъ не отъ ослабленія мужества въ русскомъ народѣ или хотя бы меньшаго искусства въ русскихъ генералахъ; всѣ недостатки, какіе могли обнаружиться войною, сказались преимущественно и опять-таки отъ нѣкотораго отсутствія общей связи и нѣкоторой невыясненности идей. Но сами по себѣ матеріальные результаты, успѣхи, доселѣ достигнутые нынѣшнею войною, никакъ не отставали отъ успѣховъ, одержанныхъ нами на тѣхъ же театрахъ дѣйствій въ прежнія времена.

Съ войною 1853—1856 годовъ было бы излишне и сравнивать нынѣшнюю войну. Съ турецкими войнами, бывшими болѣе полувѣка тому назадъ, сравненіе было бы слишкомъ отдаленно, по разности международныхъ обстоятельствъ. Но мы можемъ бросить взглядъ на войну 1828—29 годовъ. Существенная разница представлялась тремя обстоятельствами: во-первыхъ, въ то время флотъ на Черномъ морѣ имѣла Россія, а Турція его не имѣла, послѣ наваринской битвы; во-

вторыхъ, хотя турецкая армія и въ то время уже устранялась по европейскому образцу, но въ этомъ отношеніи еще только было сдѣлано начало; всего въ 1826 году были уничтожены янычары; въ-третьихъ, наконецъ, Портъ въ то время не удавалось собрать и половины тѣхъ силъ, которыми она располагала въ нынѣшнюю войну, и соотношеніе борющихся силъ въ то время было гораздо благоприятѣе для насъ, чѣмъ нынѣ. Регулярной арміи Турція могла выставить въ 1828 году въ Европѣ всего 50 т. чел., въ 1829-мъ только 40 т. чел. Между тѣмъ, русская дѣйствующая армія при началѣ кампаній какъ 1828, такъ и 1829 года доходила до 150 т. чел., то-есть только на четверть была слабѣе той арміи, которая перешла Дунай весною истекшаго года. Сверхъ того, само-собою разумѣется, что турки въ то время не имѣли надъ нами превосходства оружія.

Кампаніи 1828 и 1829 годовъ на европейскомъ театрѣ войны рѣзко отличались одна отъ другой своимъ характеромъ. Если нынѣ иностранные знатоки говорили намъ, что, растянувъ свою операционную линію, оказавъ пренебреженіе къ крѣпостамъ и необезпечивъ обоихъ нашихъ фланговъ, на которыхъ оставались цѣлыя двѣ непріятельскія арміи, мы нарушили всѣ правила военного искусства, двинувшись преждевременно за Балканы, и вслѣдствіе того встрѣтились сперва съ неуспѣхами, которые были причиной, что война затянулась на слѣдующій годъ,—то можно было бы отвѣчать указаніемъ на примѣръ 1828 года. Въ то время мы повели дѣло сообразно „со всѣми правилами военного искусства“, занялись исключительно крѣпостями. Перейдя Прутъ весною, немного позже, чѣмъ въ нынѣшній разъ, и взявъ въ іюнѣ Браиловъ, наши войска осадили Силистрію и Виддинъ, имѣя цѣлью прежде всего обезпечить наши фланги. Затѣмъ, такъ какъ у насъ былъ флотъ, а у турокъ его не было (онъ былъ уничтоженъ въ 1827 году), то это обстоятельство само опредѣляло направленіе нашихъ наступательныхъ дѣйствій, а именно, указывало имъ путь вдоль побережья Чернаго моря, на Варну и Шумлу. И здѣсь мы не пошли впередъ, оставляя въ тылу или на флангѣ у себя крѣпости: мы обложили Варну, какъ съ моря, такъ и съ суши, ставъ на сообщеніяхъ Варны съ Шумлою. Варна сдалась въ октябрѣ, вслѣдствіе несогласій въ гарнизонѣ, такъ что комендантъ, Юсуфъ-паша, явился въ русскій лагерь и сдался намъ, а адмиралъ Иссетъ-Магометъ, командовавшій небольшимъ отрядомъ, оставшимся въ цитадели, не могъ держаться въ ней. Но это было и все, что мы могли сдѣлать до наступленія холодной поры. Шумлу мы не могли взять, и отрядъ Ридигера, выдвинутый въ тылъ Шумлы, на ея сообщенія съ Адрианополемъ, потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ отступить. Кампанія 1828 года кончилась тѣмъ, что оставленъ

былъ русскій гарнизонъ въ Варнѣ, а остальные войска были переведены обратно, на лѣвый берегъ Дуная. Да и гарнизонъ въ Варнѣ могъ быть оставленъ только благодаря тому, что у насъ былъ флотъ. Нѣтъ, кажется, нужды настаивать на томъ, насколько ходъ нынѣшней войны за Дунаемъ былъ удачнѣе.

Что касалось военныхъ дѣйствій въ Азіи, то главный результатъ въ 1828 году былъ тотъ же, что нынѣ: мы овладѣли Карсомъ. Правда, тогда это стоило намъ несравненно менѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, такъ какъ нынѣ мы въ дѣйствительности сдѣлали въ Арменію два похода. Но организація турокъ въ Азіи въ то время была такъ плоха, сопротивленіе ихъ столь слабо, что Карсъ достался русскимъ войскамъ послѣ штурма, въ которомъ они потеряли не болѣе 300 человѣкъ.

Кампанія 1829 года, какъ уже выше замѣчено, рѣзко отличалась по своему характеру отъ предшествовавшей; она представила болѣе энергіи. Вмѣсто того, чтобы ограничиться обложеніемъ крѣпостей, Дибичъ отыскалъ турецкую армію въ полѣ и разбилъ ее. Но это случилось вслѣдствіе такой неосторожности турокъ и такого неискусства ихъ въ маневрированіи, которыхъ въ нынѣшнюю войну они ужъ вовсе не выказываютъ. Войска наши перешли Дунай въ началѣ весны и снова обложили Силистрію, подойдя къ ней съ востока, вверхъ по теченію Дуная, совершенно такъ, какъ и въ началѣ крымской войны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начаты были дѣйствія и противъ Шумлы: отрядъ генерала Рота былъ выставленъ отъ Варны противъ Шумлы, у Праводъ, на той линіи, по которой теперь проходитъ желѣзная дорога отъ Рушчука къ Варнѣ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ подъ Шумлой стояли главные силы турокъ, противъ нихъ былъ выдвинутъ только небольшой русскій отрядъ, а главные силы Дибича находились подъ Силистріей. Это была все та же мысль о необходимости прежде всего овладѣть ближайшими крѣпостями. Турки воспользовались этой ошибкой, напали на Рота, при Праводахъ, съ превосходными силами, и разбили его. Но самихъ Праводъ они не взяли и остались стоять передъ этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Неосторожность ихъ была такъ велика, что они не только не предвидѣли возможности движенія Дибича отъ Силистріи на ихъ сообщеніе съ Шумлой, но и не знали ничего объ этомъ движеніи, когда оно началось. Такимъ образомъ, Дибичъ пришелъ отъ Силистріи къ Праводамъ въ обходъ турецкаго лагеря и всего въ трехъ миляхъ отъ него, разстояніе втрое больше того, какое отдѣляло турецкую армію отъ Шумлы, а эта армія оставалась на мѣстѣ, не укрывась въ Шумлу. Ставъ въ тылу турокъ и вступивъ въ связь съ Ротомъ, Дибичъ за-

ставилъ турокъ принять сраженіе и совершенно разбилъ ихъ при Булержи.

Между тѣмъ, осада Силистріи продолжалась тѣмъ корпусомъ, который Дибичъ оставилъ передъ нею. Когда Силистрія сдалась, Дибичъ стянулъ тамошній корпусъ къ себѣ и, отдѣливъ часть своихъ войскъ противъ Шумлы, съ остальными силами двинулся чрезъ Балканы на Адрианополь. Балканы не были защищены, и въ августѣ русскія войска овладѣли безъ боя Адрианополемъ. Итакъ, кампанія 1829 года была болѣе похожа на нынѣшнюю; движеніе впередъ было сдѣлано сперва помимо Силистріи, затѣмъ помимо Варны. Правда, на это могутъ возразить, что Дибичъ предварительно отрядилъ достаточныя силы для обезпеченія себя въ тылу противъ Силистріи и Варны. Но за то же онъ и пришелъ къ Адрианополю съ такимъ войскомъ, которое, будучи малочисленно само по себѣ, еще много ослабѣло отъ утомленія и болѣзней, такъ что въ Адрианополь вступили всего 15 тысячъ человекъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ рассказывали, будто Мольтке, узнавъ о первомъ движеніи генерала Гурко за Трновъ, на Шипку и за Балканы, сказалъ, что если русскимъ этотъ планъ удастся, то надо будетъ сжечь все то, что доселѣ написано о военномъ искусствѣ. Но вѣдь тотъ же Мольтке высказывалъ и о томъ вступленіи нашемъ въ Адрианополь мнѣніе довольно сходное. По этому мнѣнію и положеніе Дибича въ Адрианополѣ было по меньшей мѣрѣ крайне-опасное.

Мы не разбираемъ здѣсь достоинства того или другого способа веденія войны, мы только сравниваемъ настоящее съ прошедшимъ. И вотъ къ чему приводитъ насъ такое сравненіе: въ 1828 году наши силы болѣе, чѣмъ вдвое превосходили регулярныя силы турокъ, а между тѣмъ война все-таки затнулась на два года, и въ первомъ году успѣхи наши за Дунаемъ были менѣе значительны, чѣмъ теперь; мы даже не зимовали за Дунаемъ, а вернулись на лѣвный берегъ. Теперь же регулярныя силы турокъ при началѣ войны равнялись нашимъ, а между тѣмъ мы зимуемъ не только за Дунаемъ, но и въ Балканахъ. Въ 1829 году, соотношеніе силъ было опять то же: 40 т. чел. регулярнаго турецкаго войска противъ 150 т. чел. русскихъ — вотъ что позволило отдѣлать достаточныя отряды противъ крѣпостей, и хотя оставшіяся затѣмъ наступательныя силы все-таки были невелики, но вѣдь и у турокъ въ Адрианополѣ оказывалось всего 10 т. чел.

Кампанія 1829 года привела ко взятію за Балканскимъ хребтомъ — Адрианополя, за Саганлуцкимъ хребтомъ — Эрзерума. Мы не станемъ загадывать теперь, къ чему можетъ привести кампанія 1878 года. Но, сравнивъ успѣхи нынѣшней кампаніи съ походомъ

1828 года, нѣмѣ достаточное основаніе сказать, что, несмотря даже на нѣкоторыя ошибки, несмотря и на гораздо болѣе трудность дѣла, оно велось успѣшнѣе, чѣмъ въ 1828 году. А это позволяет надѣяться, что и 1878-й годъ не уступитъ 1829-му.

Безполезно было бы стараться заглушить въ себѣ чувство радости, внушаемое нашими побѣдами. Оно вполне естественно, и сами такъ-называемые „пессимисты“ не въ силахъ заглушить его въ своемъ внутреннемъ сознаніи, хотя могутъ удерживаться отъ его выраженія. Нельзя не радоваться взятію Карса и Плевны, какъ нельзя было не скорбѣть, когда палъ Севастополь. Въ то время пессимизмъ охватилъ большинство русскаго общества, а между тѣмъ скорбное чувство въ немъ не подлежало сомнѣнію; общество нуждалось въ утѣшеніи, и утѣшало себя все-таки тѣмъ, что могло поддерживать его національную гордость: стойкостью обороны при большомъ неравенствѣ силъ. Такихъ пессимистовъ, которые бы искренно радовались неуспѣхамъ національнаго оружія, никогда не было, а такихъ, которые оставались бы равнодушными къ торжеству его—нѣтъ и нынѣ. Было бы несправедливо называть пессимистомъ всякаго, кто, невзирая на послѣднія побѣды, сохранилъ трезвость мысли и отказывался бы забыть въ упоеніи побѣдами все то, что имъ предшествовало, и тѣ недостатки, которые до побѣды выступили наружу довольно ярею. Только дитя можетъ плакать и смѣяться, отдаваясь всецѣло минутному настроенію и забывая совершенно какъ о настроеніи предшествующей минуты, такъ и о поводахъ, его вызвавшихъ; можно испытывать чувство радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываться отъ трезваго сужденія, которое соответствуетъ зрѣлому уму.

Да, побѣда при Авліярь, взятіе Карса, побѣда при Дубнякъ, взятіе Плевны, два значительныхъ успѣха при Мечкѣ внушаютъ намъ вполне законное и естественное чувство радости. Но допустимъ, что за этими успѣхами послѣдовали другіе, еще болѣе блестящіе; допустимъ, что уже взять Рушукъ, что турки разбиты на пути къ Адрианополю, что мы, наконецъ, предписали Турціи такой миръ, который окончательно освободитъ славянъ и даже дастъ Россіи нѣкоторое земельное расширеніе. Будетъ ли этотъ результатъ таковъ, что, въ виду всего происшедшаго мы имѣли бы основаніе предаться исключительно одному упоенію побѣдой, удовлетвориться однимъ возбужденіемъ національной гордости? Едва ли кто станетъ утверждать это не въ заздравныхъ рѣчахъ, а въ серьезномъ, критическомъ разсужденіи. Мы все-таки будемъ сознавать, что побѣдили мы только Турцію, а это еще не создастъ для нашего національнаго сознанія никакой новой эры: и сто лѣтъ тому назадъ мы побѣждали Турцію. Что Россія

теперь сильнѣе, чѣмъ была столѣтіе тому назадъ, для этого не требовалось новой побѣды надъ Турціею: это мы знали и безъ подобнаго удостовѣренія. Во всякомъ случаѣ Россія все-таки Россія, а Турція—Турція.

Самое полное торжество въ нынѣшней войнѣ все-таки не можетъ дать такой пицци развитію шовинизма у насъ, какую дало національному самолюбію въ Германіи торжество ея надъ Франціею. Германское общество, дѣйствительно, такъ увлеклось неожиданнымъ, огромнымъ военнымъ успѣхомъ, что въ немъ значительно ослабли, на время, стремленія къ внутреннему совершенствованію. Но вѣдь это сравненіе совсѣмъ не идетъ къ намъ. Каковы бы ни были наши успѣхи въ настоящей войнѣ, ея невозможно сравнивать съ войною между Германіею и Франціею. Мы видѣли и можемъ увидѣть теперь только повтореніе того, чтѣ видѣли 50 и 200 лѣтъ тому назадъ; для Германіи же война 1870—71 годовъ представила нѣчто совершенно-небывалое, полный переворотъ въ ея всемірномъ и даже внутреннемъ положеніи. Если бы мы не только освободили балканскихъ славянъ, но объединили бы все славянство (предполагая, что это намъ нужно), исторгли бы западныхъ славянъ изъ-подъ власти Австрій и Пруссій и присоединили бы къ славянской имперіи даже такія славянскія области, которыя уже въ продолженіи вѣковъ состоятъ подъ нѣмецкимъ господствомъ, если бы вдобавокъ намъ удалось устроить все это славянство подъ гегемоніею Россіи такимъ образомъ, что всѣ славяне были бы имъ столь же довольны, какъ нѣмцы, составившіе объединенную Германію,—то только тогда наши успѣхи, по своимъ размѣрамъ, сравнялись бы съ успѣхами Пруссій въ эпоху войнъ 1864—1871 годовъ. Наконецъ, для полнаго сходства требовалось бы еще, чтобы самый ходъ такой великой, предпринятой Россіею войны, съ начала и до конца, обнаружилъ такую же подготовленность, предусмотрительность, систематичность и отсутствіе недостатковъ и ошибокъ, чтѣ столь блестящимъ образомъ характеризовало войны, веденныя Пруссіею въ 1864—1871 годахъ, и чтобы, притомъ, во внутреннемъ положеніи у насъ былъ уже достигнутъ извѣстный уровень, такъ-что, напримѣръ, хотя бы финансы наши могли перенести чрезвычайные расходы на войну безъ всякой пертурбаціи.

Илишне было бы указывать одну за другой отдѣльныя черты несходства успѣховъ, какіе мы видѣли и можемъ увидѣть въ нынѣшнюю войну, съ тѣми, которые обнаружались въ упомянутую эпоху въ Германіи. Итакъ, то чувство крайняго удовлетворенія національнаго самолюбія, которое на время отуманило головы нѣмцамъ и заставило ихъ закрыть глаза на нѣкоторые пробѣлы и недостатки,

у насъ вовсе не истекало бы естественно изъ фактовъ и даже находилось бы въ несомнѣнномъ логическомъ противорѣчій съ нѣкоторыми изъ фактовъ, прямо обнаруженныхъ войной. Нынѣшняя война доселѣ засвидѣтельствовала только живое чувство преданности государству въ народѣ, стойкость и геройское самоотверженіе русскаго солдата; она показала также, что у насъ есть и даровитые генералы, которые сумѣли превозмочь даже такіа серьезныя затрудненія, какія представлялись иногда въ недостаточности военнаго матеріала, въ ошибкахъ первоначальнаго расчета силъ, нужныхъ для веденія войны, и основного ея плана, наконецъ, въ нѣкоторомъ недостаткѣ единства въ операціяхъ. Но во всемъ этомъ не было рѣшительно ничего новаго, и потому война, несмотря на блестящіе успѣхи, которыми мы первые никакъ не откажемся гордиться, приноситъ намъ скорѣе урокъ, чѣмъ какое-либо право отказаться отъ дальнѣйшаго ученія, выдавъ самимъ себѣ аттестатъ полной „зрѣлости“. Напомнимъ для примѣра только о нѣсколькихъ такихъ фактахъ, которые теперь уже уяснились для всѣхъ и не могутъ подлежать спору.

Начать съ первоначальнаго исчисленія силъ, нужныхъ для борьбы съ Турціею. Силы эти, какъ въ послѣдствіи стало очевидно, были опредѣлены въ размѣрѣ слишкомъ недостаточномъ. Если въ 1828 и 1829 годахъ, противъ 40-тысячной регулярной арміи, какую имѣла Турція, мы переводили чрезъ Дунай до 150 т. чел., то въ настоящее время противъ турецкой регулярной арміи въ 150 т. чел. требовалось съ самаго начала не менѣе 300 т. чел. Но, съ одной стороны, существовало такое мнѣніе, что болѣе 200-тысячной арміи за Дунаемъ прокормить нельзя,—мнѣніе, которое держалось неизвѣстно на чемъ, такъ какъ если тамъ можно было прокормить 200 т. чел., то почему же нельзя было прокормить третью больше этого числа, какъ то въ послѣдствіи и оказалось фактически возможнымъ. Съ другой стороны, къ военной силѣ Турціи, къ качествамъ ея арміи, состоянію ея вооруженій и запасовъ относились слишкомъ скептически, на основаніи слишкомъ оптимистскихъ свѣдѣній, доставленныхъ нашими агентами въ Константинополь. Подъ влияніемъ такихъ взглядовъ, составъ войскъ, переведенныхъ за Дунай въ началѣ кампаніи представлялъ всего семь корпусовъ, то-есть не превышалъ 200 т. чел., между тѣмъ какъ турецкая армія, со включеніемъ частей нерегулярныхъ, скорѣе превосходила эту цифру, чѣмъ не достигала ея. Такой расчетъ уже самъ по себѣ представлялъ несоотвѣтствіе силъ для успѣшнаго дѣйствія вдали отъ своей территоріи и безъ опоръ, представляемыхъ крѣпостями, между тѣмъ какъ непріятель вездѣ опирался на крѣпости, могъ скоро пополняться подкрѣпленіями и

имѣлъ позади себя удобныя сообщенія—моремъ и нѣсколькими жезлѣзными дорогами.

Но первоначальный расчетъ представлялся особенно недостаточнымъ именно въ виду того общаго плана дѣйствій, который былъ выработанъ еще до войны. Если бы предполагалось вести ее безъ особенно-смѣлой инициативы, а просто по рутинѣ такъ-называемыхъ „всѣхъ правилъ военнаго искусства“, если бы имѣлось въ виду прежде всего обложить Силистрію, Рушукъ и Виддинъ, и двигаться впередъ не ранѣе, какъ по овладѣніи важнѣйшими дунайскими крѣпостями, въ такомъ случаѣ численное равенство нашихъ силъ съ турецкими еще не было бы такъ ощутительно. Часть турецкихъ войскъ должна была бы все-таки оставаться внутри страны и занимать еще другіе крѣпости и пункты, кромѣ непосредственно нами угрожаемыхъ. Но, такъ какъ предварительный планъ состоялъ въ быстромъ движеніи къ Балканамъ, не выжидая взятія дунайскихъ крѣпостей, то таковой образъ дѣйствій требовалъ уже безусловно, чтобы численность нашихъ войскъ весьма значительно превосходила численность непріятеля. Иначе должно было послѣдовать одно изъ двухъ: или одинъ изъ нашихъ фланговъ оказался бы недостаточно обезпеченнымъ и удлиненіе нашей операціонной линіи подвергло бы ее опасности; или же, отрядивъ силы, вполне достаточныя для обезпеченія противъ Рушукъ и Силистріи съ одной стороны, Никополя и Виддина — съ другой, и оставивъ достаточную силу для связи между ними и для обезпеченія выдвигающейся впередъ операціонной линіи, мы могли бы двинуть за Балканы только такой слабый отрядъ, который никакихъ прочныхъ успѣховъ тамъ одержать бы не могъ. Въ дѣйствительности случилось, какъ извѣстно, отчасти и то, и другое, такъ какъ наступательное движеніе Османа изъ Виддина въ Плевну принудило насъ измѣнить первоначальный планъ на половинѣ его осуществленія.

Переходя къ вооруженію и снабженіямъ нашей арміи, мы должны признать несомнѣнный фактъ, что до прибытія войскъ, вооруженныхъ бердановскими ружьями, и до нѣкотораго устройства тыла арміи, установившагося уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ по переходѣ чрезъ Дунай, то и другое оставляло желать многоаго. Правда, теперь, послѣ недавнихъ блестящихъ успѣховъ, нѣчто начинаетъ уже забываться и слышится порою голоса, которые пытаются опровергнуть факты, недавно для всѣхъ столь ясныя. Но тѣмъ съ ббльшей настойчивостью мы должны стараться удержать факты во всей ихъ ясности. Неужели же намъ суждено вѣчно забывать и каждый разъ учиться наново убыточнымъ опытамъ? Такъ недавно, нѣкто г. П. Е. помѣстилъ въ „Голосѣ“ возраженіе противъ нѣсколькихъ словъ „Москов-

сихъ Вѣдомостей" относительно недостатковъ нашего вооруженія. Этотъ авторъ ссылается прежде всего на обычный въ такихъ случаяхъ аргументъ, сѣтуя на „распространеніе извѣстій, которыя могутъ поселить въ войскахъ недоувѣріе къ своей собственной силѣ во время боя", и затѣмъ довольно-наивно замѣчаетъ, что „если бы дѣйствительно вооруженіе нашихъ войскъ было неудовлетворительно, то въ виду непоправимости дѣла въ настоящую минуту, патріотизмъ долженъ былъ бы подсказать, что такія вещи не предаются гласности".

Такихъ разсужденій нельзя пропускать безъ указанія на всю ихъ несостоятельность. Названное письмо напечатано 7 декабря, то-есть послѣ взятія Карса и Плевны. Терялъ ли солдатъ довѣріе въ своей силѣ, видя самъ, что ружье Крынова допускаетъ прицѣльную стрѣльбу только на 600 шаговъ, или не терялъ—это особый вопросъ. Должно быть все-таки не терялъ, потому что и съ такимъ ружьемъ онъ взялъ Карсъ. Но спрашивается, какое вліяніе на довѣріе или недоувѣріе солдата къ его оружію можетъ имѣть журнальная статья, когда солдатъ самолично, лучше какихъ-либо журналистовъ, видитъ, какъ дѣйствуетъ его ружье, и ежедневно собственнымъ опытомъ можетъ сравнить его съ ружьемъ непріятельскимъ? Если бы даже допустить, что солдатъ можетъ потерять довѣріе къ себѣ вслѣдствіе несовершенства оружія, то неужели онъ будетъ дожидаться для этого газетной статьи? Неужели человекъ хромаетъ, напримѣръ, не оттого, что у него одна нога короче другой, но оттого только, что услышалъ, какъ кто-то называлъ его хромымъ? Корреспондентъ „Голоса" говоритъ, что такія вещи изъ патріотизма не должны предаваться гласности. Но вѣдь русскій патріотизмъ можетъ предполагаться только въ русской же печати. А что же выигралось бы, если бы русская печать показывала убѣжденіе въ превосходствѣ нашего оружія, между тѣмъ какъ именно тѣ, отъ кого надо бы скрывать факты, то-есть сама непріятельская армія и корреспонденты враждебной намъ печати видѣли все дѣло на мѣстѣ? Неужели турки подходили на 800 шаговъ къ нашимъ рядамъ только потому, что прочли въ русскихъ газетахъ, что у крыновскихъ ружей нѣтъ прицѣла для стрѣльбы далѣе 600 шаговъ? Разсужденіе г. П. Е. слишкомъ наивное, но никакъ не невинное; оно принадлежитъ именно къ области самыхъ зловредныхъ традицій замалчиванія очевидности и запугиванія говорящихъ правду.

Но такими пустыми разсужденіями авторъ не ограничивается. Онъ рѣшается утверждать, что отзывъ о недостаткахъ нѣкоторыхъ видовъ нашего оружія, какъ ручного, такъ и артиллерійскаго, есть „положительная ложь и клевета". Въ подтвержденіе онъ ссылается

на сообщеніе какого-то неназываемаго имъ офицера, что всѣ наши вооруженія заслуживаютъ „особой похвалы“ и что артиллеріей въ арміи „всѣ довольны“. Мы не будемъ настаивать на очевидныхъ недостаткахъ крннковскихъ ружей; отчего бы эти недостатки ни зависѣли, они стали слишкомъ извѣстны. Впрочемъ, въ задунайской арміи эти ружья теперь уже въ значительной степени уступили мѣсто ружьямъ Бердана и захваченнымъ у турокъ ружьямъ системы Пябоди. Но что касается орудій нѣкоторыхъ калибровъ, то для насъ не можетъ имѣть цѣны сообщеніе неизвѣстнаго офицера, когда мы читали въ официальномъ рапортѣ весьма извѣстнаго генерала, а именно въ донесеніи генерала Скобелева о взятіи Ловчи, что наши орудія уступали турецкимъ. Затѣмъ, въ отношеніи предмета снаряженія весьма важнаго, при той системѣ войны, которая рассчитана, между прочимъ, на неприступность окоповъ, защищаемыхъ скорострѣльнымъ оружіемъ, а именно въ отношеніи шанцевого инструмента, мы имѣемъ не только единогласное свидѣтельство всѣхъ корреспондентовъ, что его у насъ было заготовлено слишкомъ мало и что это затрудняло ходъ работъ подъ Плевной, но еще весьма вѣское официальное заявленіе въ томъ же смыслѣ, а именно—донесеніе того же генерала Скобелева о штурмѣ 30-го и 31-го августа. Тамъ прямо указывалось на недостаточность шанцевого инструмента. Стало быть, кого же г. П. Е. думаетъ обвинять во лжи и клеветѣ?

Не будемъ останавливаться на тѣхъ недостаткахъ, какіе обнаружены въ устройствѣ санитарной и госпитальной части, въ недостаткѣ обозовъ, теплой одежды для раненыхъ, и т. п. Они были отчасти пополнены пожертвованіями общества, на которыя все-таки нельзя было рассчитывать при приготовленіяхъ къ войнѣ, такъ какъ военное устройство вообще должно быть рассчитано не на случайную помощь. Достаточно будетъ перечислить, что слишкомъ оптимистскія свѣдѣнія о слабости Турціи, нѣкоторыя несовершенства первоначальнаго плана и, наконецъ, нѣкоторые, замѣтные пробѣлы въ приготовленіяхъ, то-есть и вооруженіи, и снабженіи,—и представили тѣ недостатки, которыхъ мы не должны игнорировать, которыми, наоборотъ, намъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ новымъ опытомъ.

Полезно оглядываться назадъ, свѣрять настоящее съ прошедшимъ и отдавать себѣ ясный отчетъ, насколько мы ушли впередъ. Само собою разумѣется, что нынѣшнюю войну нельзя сравнивать съ крымскою, такъ какъ та дала неудовлетворительные результаты, а нынѣшняя, благодаря Бога, идетъ успѣшно. Но дѣлать сравненіе между отдѣльными фактами прежняго времени и нынѣшняго все-таки полезно, хотя бы для указанія различій. По мнѣнію генерала Богдановича, „главной причиной неудовлетворительнаго результата нашихъ

усилій (въ крымскую войну) было то, что мы не успѣвали пользоваться благоприятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіи войны". Вопреки существовавшему доселѣ мнѣнію, генераль Богдановичъ видитъ только второстепенную причину нашей неудачи въ „недостаточномъ вооруженіи войскъ и плохомъ устройствѣ хозяйственнаго управленія нашей арміи, въ особенности по части призрѣнія больныхъ и раненыхъ". Намъ кажется, что тѣ недостатки, какіе выказались нынѣ, хотя и не лишили насъ блестящихъ успѣховъ, но нѣсколько замедлили ихъ, —представились какъ разъ въ отношеніи обратномъ тому, какое определено для крымской войны уважаемымъ ея историкомъ. Благоприятными случаями для пораженія непріятеля, какіе только представились, наши генералы нынѣ умѣли пользоваться; они избрали слабозащищенный, удобный пунктъ для переправы черезъ Дунай, которая и совершилась съ малыми потерями; они сумѣли воспользоваться первымъ случаемъ, когда Мухтаръ-паша слишкомъ растянулъ свою боевую линію, и прорвали ее въ центрѣ; они извлекли всю пользу изъ занятого нами шипчинскаго перевала, упорно отстоявъ его противъ нерасчетливыхъ атакъ Сулеймана, который разстроили его армію; промедленіе въ движеніи Шефкета-паши на Плевну было употреблено ими въ пользу для того, чтобы, какъ только позволило прибытіе нашихъ подкрѣпленій, стать на сообщеніе Плевны съ Софією, взявъ вѣрныя позиціи Горнаго-Дубняка и Телиша, чѣмъ и была рѣшена участь Плевны; упущеніе Мехмета-Али въ обезпеченіи себѣ обходной дороги на Орханіе повело къ занятію нашими войсками Этрополя, что заставило Мехмета-Али очистить Орханіе.

Итакъ, если какіе-либо изъ прежнихъ недостатковъ сказались въ нынѣшней войнѣ, то это были не тѣ, которые, по отзыву военнаго историка, стояли на первомъ планѣ въ эпоху крымской войны, но скорѣе такіе, которые хоть издали напоминали то, что имъ поставлено на второмъ планѣ, а именно—недостатки въ вооруженіи войскъ и устройствѣ хозяйственнаго управленія, между прочимъ по части призрѣнія больныхъ и раненыхъ; сюда же слѣдуетъ отнести и нѣкоторые недостатки въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля, въ расчетѣ силъ, нужныхъ для успѣшной съ нимъ борьбы, и въ первоначальномъ планѣ самыхъ дѣйствій, отъ котораго зависѣлъ и расчетъ силъ. Итакъ, недостатки сказались болѣе всего именно въ томъ, что относилось къ приготовленіямъ, къ порядку, къ связи между различными частями одного дѣла, короче къ системѣ устройства. Стойкость солдатъ и искусство генераловъ было на лицо, но и нѣкоторые пробѣлы въ порядкахъ. А это есть только отраженіе всего общаго положенія: нами и дома у себя произведено много работы

для улучшеній по всѣмъ частямъ, но еще недостаетъ связи, недостаетъ и людей, соединенныхъ общою идеей, недостаетъ и выдержки въ начинаніяхъ вслѣдствіе недостатка дѣльности въ предпринятыхъ.

Если окинемъ взоромъ наши реформы, то увидимъ и въ нихъ совокупность огромныхъ усилій и заслуживающихъ уваженія успѣховъ, но увидимъ въ нихъ именно скорѣе совокупность, чѣмъ общность, органическое единство. Пробѣлы между ними еще весьма примѣтны. Такъ, крестьянскія учрежденія, созданныя одной реформой, доселѣ стоятъ особнякомъ отъ земскихъ и судебныхъ учреждений, созданныхъ двумя другими реформами. Крестьянская реформа наложила на выкупающихъ свои земли крестьянъ большое, специально-крестьянское платежное бремя, въ видѣ выкупныхъ платежей, а между тѣмъ собственно государственное податное бремя осталось до сихъ поръ на тѣхъ же крестьянахъ, такъ какъ за реформой крестьянской еще не послѣдовала реформа податная. Такимъ образомъ, крестьяне несутъ одно платежное бремя собственно какъ крестьяне, но въ то же время на нихъ же лежитъ главнымъ образомъ и общее податное бремя, уже безъ всякаго отношенія къ устройству ихъ быта.

Далѣе. Судебная реформа вся основана на началѣ, что личныя права не могутъ быть ограничены безъ приговора суда, и это начало проведено въ той реформѣ до мельчайшихъ подробностей, такъ что даже производство слѣдствія и соединенная съ нимъ власть предварительнаго ареста взяты изъ рукъ полиціи и переданы судебнымъ органамъ. Между тѣмъ, предѣлы правъ административныхъ властей все еще не вполне согласованы доселѣ съ тѣмъ основнымъ началомъ новаго нашего законодательства.

Укажемъ еще и другіе примѣры такого отсутствія органической связи, вслѣдствіе незаконченности, которая производитъ даже нѣчто въ родѣ противорѣчія одного другому. Такъ, министерство финансовъ систематически старалось объ улучшеніи нашего финансоваго положенія, для чего введена новая система составленія росписей, придана имъ гласность опубликованіемъ ихъ, учреждена превосходная система контроля, и отчеты его печатаются и обсуждаются въ газетахъ. Но, принимая всѣ мѣры для уменьшенія сверхсмытныхъ кредитовъ и для провѣрки требованій разныхъ вѣдомствъ, министерство финансовъ все-таки не ограждено отъ ихъ внѣ-бюджетныхъ требованій, и естественно не можетъ удерживать само себя въ распоряженіи кредитными средствами, особенно по выпускамъ кредитныхъ знаковъ, такъ какъ не въ природѣ вещей, чтобы какой-либо органъ могъ сдерживать самъ себя; самыя лучшія условія и самыя благія цѣли единичныхъ лицъ все-таки не могутъ дать той устойчивости въ

дѣйствійхъ отдѣльныхъ частей, какая создается сама собою, однимъ равновѣсіемъ и соглашеніемъ самыхъ учреждений.

Вспомнимъ, что одной изъ главныхъ общихъ чертъ, которыми характеризовались новыя реформы, была гласность: въ финансы, судъ, земство, введено было начало гласности. Между тѣмъ, прямой органъ гласности—печать—доселѣ еще далеко не приобрѣла такихъ условій существованія, которыя возлагали бы на нее юридическую отвѣтственность и давали достаточный просторъ. Изъ такого несоотвѣтствія въ дѣйствительномъ проведеніи начала гласности произошла неизбежная фальшь: печать старалась казаться стоящею на высотѣ своего призванія, а по своимъ условіямъ не могла ей соотвѣтствовать; она силилась казаться тѣмъ, чѣмъ она въ дѣйствительности быть не могла. Второстепенными или далекими вопросами печать должна была замѣнять первостепенные, близкіе, бывшіе у всѣхъ на умѣ. Она у себя дома весьма осторожно относилась и къ станковому, но за то являлась грозною при встрѣчѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ или графомъ Андраши. Такой диссонансъ въ печати отразился въ сбивчивости понятій въ обществѣ; не видя въ печати вѣрнаго отраженія своихъ мыслей, оно отчасти само колебалось, пріучалось сомнѣваться въ очевидномъ, отчасти же — и еще болѣе — теряло довѣріе и уваженіе къ печати. Конечно, эти явленія могутъ быть только временныя; но они все-таки весьма вредны, какъ всякая пертурбація, задержка въ ходѣ развитія.

Продолжая нашъ перечень, замѣтимъ еще, что въ сущности все дѣло современной реформы, во всѣхъ ея отрасляхъ, было построено на мысли уничтожить въ обществѣ его апатію: «выборное начало и гласность въ освобожденіи крестьянъ, земскомъ и судебномъ устройствѣ, даже въ нѣкоторомъ облегченіи положенія русской печати, по сравненію съ временами прежними, — все это имѣло одинъ смыслъ. Мало того, и всѣ прочія реформы, даже неоснованныя на допущеніи выборнаго начала, напримѣръ, хотя бы военная или акцизная, все-таки были рассчитаны на пріисканіе наилучшихъ людей, какихъ въ данный моментъ можетъ дать страна, стало-быть, опять-таки на содѣйствіе правительству въ его благихъ начинаніяхъ — лучшихъ силъ страны. А какъ же ихъ было найти, если общественное мнѣніе само на нихъ не указывало? Вотъ почему въ новомъ дѣлѣ появлялось мало-помалу много старыхъ явленій. Никто не станетъ утверждать, что всѣ призванные оказались избранными, что всѣ дѣятели выказали высокую нравственность, что вообще происходящее вокругъ насъ представляетъ высокій нравственный уровень. Недавно одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, относившійся вовсе не враждебно къ на-

шимъ военнымъ дѣйствіямъ, рѣшился даже прямо высказать въ журналѣ „Nineteenth Century“, что главная наша язва и доселѣ—взлѣтчивость, въ самыхъ многообразныхъ формахъ. Допустимъ, что г. Форбсъ увлекся, что онъ слишкомъ обобщилъ частное, хотя бы и перѣдкое явленіе. Но, вѣдь, и то, что мы слышимъ часто сами въ своей средѣ,—повторяемъ,—вовсе не высказываетъ общаго убѣжденія, что уровень нравственности въ такихъ и иныхъ примѣрахъ, которые увлекаютъ собою и другихъ людей, соответствуетъ общему уровню нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ. Если бы это было такъ, въ такомъ случаѣ не было бы и сѣтованій; общество не понимало бы возможности ничего лучшаго. Итакъ, для успѣха дальнѣйшей преобразовательной работы въ будущемъ необходима общая идея, органическая связь, а для выполненія нужны наилучшіе люди, на которыхъ могло бы указывать общественное мнѣніе. Введенныя уже въ дѣло реформы начала общественнаго содѣйствія и гласности, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, внесутъ въ понятія и дѣйствія людей правду, а въ государствѣ, съ возвышеніемъ нравственнаго уровня, и матеріальное благосостояніе. Итакъ, работа начатая далеко еще не кончена, и къ этой мирной работѣ, въ согласіи и полномъ взаимномъ довѣріи общества съ правительствомъ, можно примѣнить слова, сказанныя недавно Государемъ Императоромъ о нынѣшнихъ трудахъ военныхъ: „Многое нами сдѣлано, но намъ предстоитъ еще много впереди“.

Настоящее „Обозрѣніе“ было уже набрано, когда появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 16-го сего декабря, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: сложить съ поврежденныхъ изданій, которыя въ настоящее время состоятъ подъ дѣйствіемъ объявленныхъ имъ предостереженій, силу этихъ взысканій“.

Нѣтъ надобности прибавлять, что къ такому милостивому акту Высочайшей воли, ошастливившей вышеупомянутое ходатайство г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ своимъ согласіемъ, наша печать отнесется съ полнѣйшимъ пониманіемъ важности этого акта и увидитъ въ немъ новый знакъ заботъ Государя Императора о судьбахъ отечественной печати; этимъ заботамъ не воспрепятствовала и великая „злота дня“ переживаемого нами времени. Ежедневная печать по мѣрѣ своихъ силъ принимала дѣятельное участіе въ военныхъ

событіяхъ, поддерживала патріотизмъ, и если могла иногда грѣшить, то развѣ только избыткомъ и преувеличеніемъ такого патріотизма. Но, какъ мы позволили себѣ замѣтить еще въ прошедшемъ обозрѣніи, „опытъ относительнаго простора, предоставленнаго печати по отношенію къ военнымъ событіямъ, доказалъ полнѣйшую безвредность такого относительнаго простора“—и можетъ быть только въ дипломатіи наша печать не всегда обнаруживала необходимыя дипломатическія свойства и подчасъ выражала свою готовность вступить въ борьбу чуть не съ цѣлымъ міромъ. Настоящій актъ Высочайшей воли устраняетъ теперь всякую мысль о томъ, что просторъ, данный печати въ военное время, могъ оказаться вреднымъ; въ виду такого акта и въ печати можетъ только еще болѣе укрѣпиться убѣжденіе, что ея существованіе не безплодно, что правительство и въ будущемъ не оставитъ своихъ заботъ о дальнѣйшей ея организаціи на началахъ, положенныхъ въ основаніе закона 6-го апрѣля 1865 года, имѣющаго теперь за собою цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ опыта.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/14 декабря, 1877.

XXXII.

НОВЫЕ УСПѢХИ ДРАМЫ ВО ФРАНЦІИ.

Давно уже я ничего не говорилъ о театрѣ. Между тѣмъ, не разъ указывать на то, какіе быстрые успѣхи сдѣлала на немъ за послѣдній годъ натуралистическая идея. Истекшій годъ займетъ особое мѣсто въ исторіи нашей драматургіи: онъ былъ свидѣтелемъ первыхъ серьезныхъ усилій къ обновленію нашей сцены, гдѣ кончались съ предсмертнымъ стономъ маріонетки трагедіи и романтической драмы. Итакъ, я обращаюсь къ послѣднимъ сценическимъ успѣхамъ, доказавшимъ потребность реализма въ театрѣ, и затѣмъ въ заключеніе скажу, на чемъ же мы теперь остановились.

I.

Годъ тому назадъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Comédie Française дала „l'Ami Fritz“ Эрмана-Шатриана. Это послужило какъ-бы откровеніемъ, и, начиная съ этой эпохи, драматическіе писатели, болѣе или менѣе сознательно, стали наперерывъ другъ передъ другомъ переносить повседневную жизнь на сцену. Вотъ почему я начну съ „l'Ami Fritz“, который такъ-сказать далъ толчокъ анализу лицъ и общественной среды.

Въ пьесѣ передается простая исторія женитьбы одного добраго малаго, Фрица Коблюсъ. Этотъ здоровенный силачъ—богатый, веселый, уроженецъ нашего незабвеннаго Эльзаса,—ведетъ веселую жизнь холостяка въ обществѣ землемѣра Фредерика, сборщика податей Ганзэ и кутилы Жозефа;—эта троица закоренѣлыхъ холостяковъ поноситъ брачную жизнь, куря трубки за десертомъ. Между тѣмъ, старый раввинъ Давидъ Сисель, упрямый свать, далъ себѣ слово женить Фрица. И съ этой цѣлью онъ отсылаетъ его на три недѣли на ферму Мезанжъ, гдѣ Фрицъ влюбляется въ дочь собственнаго фермера, крошку Сюэль, превосходную хозяйку съ бѣлыми ручками и

голубыми глазами. Хотя онъ и думалъ-было спастись бѣгствомъ, но любовь не даетъ ему покоя, и онъ женится на Сюзель, а старшій Давидъ торжествуетъ: эпикурейская, эгоистическая холостая жизнь въ сотый разъ побѣждена его усиліями.

Весь сюжетъ въ этомъ. Но что это за очаровательная идиллія, — не идиллія жеманнаго поэта, а откровенная и здоровая идиллія, о какой могъ бы мечтать Раблѣ. Громадное достоинство пьесы заключается въ расположеніи сценъ, въ побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ языкѣ, которымъ они говорятъ. Эта добродушная комедійка приноситъ съ собой или—вѣрнѣе сказать—подтверждаетъ цѣлую театральную революцію. Наконецъ-то передъ нами раскрываютъ уголокъ міра дѣйствительнаго, а не условнаго міра подмостковъ.

Въ первомъ дѣйствіи сценарій самый естественный. Служанка, Катринъ, и ея сосѣдка, Лизбетъ, которая пришла ей помочь, накрываютъ на столъ, болтая на-счетъ Кобюса и его возвращенія на женитьбу. Кобюсъ сегодня именинникъ и пригласилъ обѣдать пріятелей. Самъ онъ возвращается изъ погреба. Подходятъ пріятели, и начинается обѣдъ, одинъ изъ обжорныхъ провинціальныхъ обѣдовъ. И вотъ, когда выступаетъ на сцену Сюзель, съ громаднымъ букетомъ фіалокъ, которыя она нарвала по изгородямъ. Фрицъ приглашаетъ ее остаться и отобѣдать съ ними. Но ей конфузно въ обществѣ всѣхъ этихъ господъ, которые не торопятся съ обѣдомъ. Затѣмъ, когда она ушла и трубы раскурены, старикъ Давидъ проповѣдуетъ о необходимости жениться среди разнузданнаго веселья, царствующаго за десертомъ, и громкаго хохота гостей.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе живого и болѣе естественнаго, какъ это первое дѣйствіе. Это цѣлая картина дѣйствительной жизни, начиная съ того момента, когда служанка накрываетъ скатерть, и кончая тѣмъ, когда веселая компанія уходитъ въ нивную. Слова Фрица, съ которыми онъ выходитъ изъ-за стола: „Катринъ, убирай!“ показываютъ, что обѣдъ служитъ какъ-бы осью, вокругъ которой вертится все дѣйствіе. И сцены такъ легко, такъ живоенно сдѣланы одна другую, что дѣйствующія лица ни-разу не подходятъ къ бутылкѣ суфлера; весь діалогъ проходитъ въ дѣйствіи, актеры говорятъ и дѣйствуютъ въ одно время. Это, на мой взглядъ, — характеристическій фактъ. Къ тому же, какая искренняя веселость, какъ живутъ эти счастливые люди и каковъ нѣжный ароматъ издаетъ среди блюдъ, весело дымящихся, букетъ Сюзели!

Второй актъ обставленъ еще удачнѣе. Фрицъ на фермѣ Мезанжъ, гдѣ за нимъ ухаживаетъ Сюзель. Косцы, отправляющіеся на работу, нѣжною будятъ его. Послѣ этого, онъ заказываетъ завтракъ Сюзели:

яйца, редиску и сливочное масло. Какъ! влюбленный человѣкъ и снисходить къ такимъ пошлымъ мелочамъ? Боже мой, да, конечно! этотъ влюбленный съ аппетитомъ кушаетъ, и даже Сюзель побѣждаетъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что готовить ему превкусныя кушанья. Послѣ завтрака, молодая дѣвушка взбирается на вишневое дерево и рветъ вишни на десертъ, а Фрицъ ихъ поѣдаетъ. Затѣмъ является компанія друзей. Старикъ Давидъ въ восторгѣ, потому что очень хорошо видитъ, какъ Фрицъ влюбленъ. Сюзель подходит къ колодцу, чтобы зачерпнуть воды, а старикъ проситъ у ней пить и пускаетъ въ ходъ библейскій рассказъ о Ревекѣ, съ цѣлью заставить молодую дѣвушку разговориться и выпытать тайну ея любви. Но когда Фрицъ догадывается, что любитъ Сюзель, Давидъ же объявляетъ, что женить ихъ, онъ допускаетъ, какъ гусь, своихъ пріятелей похитить себя. Замѣтите, что все это дѣйствіе тоже представляетъ картину, выхваченную цѣлкомъ изъ жизни дѣйствительной. Передъ нами проходитъ настоящее деревенское утро, приготовленія въ завтраку, любовь, такъ какъ она развивается среди мелкихъ фактовъ повседневной жизни. И какъ милы эти редиски, яйца и масло, замѣняющія въ настоящемъ случаѣ обычныя разглагольствованія о цвѣтахъ и звѣздахъ! Долженъ сознаться въ одной слабости: я пришелъ въ восторгъ отъ настоящаго вишневаго дерева и настоящей воды, которыя видѣлъ на первомъ представленіи. *Comédie Française* первая показала примѣръ реализма въ декораціяхъ, и примѣръ, поданный такимъ авторитетомъ, какъ *Comédie Française*, долженъ найти себѣ подражателей.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ опять въ столовую Фрица, но тутъ уже не видно пирующихъ, не слышно смѣха. Фрицъ боленъ. Любовь, которую онъ старается подавить, лишаетъ его аппетита, и онъ отказывается идти обѣдать съ пріятелями, которые зовутъ его съ собой. Наконецъ, старикъ Давидъ заставляетъ его рѣшиться, объявивъ ему, что нашелъ мужа для Сюзели и что его фермеръ, Христель, долженъ придти къ нему просить руки Сюзели. Тогда Фрицъ въ прелестной сценѣ узнаетъ отъ молодой дѣвушки, что она не любитъ мнимаго жениха, и предлагаетъ ей выйти за него замужъ. „Любишь ли ты меня, Сюзель?“ Дѣвушка отвѣчаетъ, бросаясь ему на шею: „Ахъ! да, м-г Кобюсъ“. Какая восхитительная откровенность! Конечно, это дѣйствіе самое блѣдное изъ всѣхъ трехъ. Но какъ естественно развивается въ немъ людская драма. Многіе нашли, что Фрицъ очень грубъ, потому что любовь выражается у него потерей аппетита. Ужъ не долженъ ли онъ былъ бы, по ихъ мнѣнію, написать сонетъ? Вотъ, первый влюбленный на театрѣ, который страдаетъ

отъ любви, какъ и всѣ люди вообще. У него не варитъ желудокъ, что очень вѣрно наблюдено. Банальные влюбленные совершенно напрасно прижимаютъ руку къ сердцу, потому что сердце не при чемъ въ припадкѣ страсти, и вся боль сосредоточивается въ желудкѣ. Но вотъ Фрицъ женится—и выздоравливаетъ. Теперь Сюзель навѣрное будетъ заваривать его.

Вотъ и вся пьеса. Итакъ, достаточно было изобразить на театрѣ человѣческую истину, старую, какъ міръ, изобразить ее при условіяхъ правды и новизны, чтобы увлечь зрителей. Веселый малый, любящій погулять, и ловкая и добрая дѣвочка овладѣли всей залой. Къ чему же намъ толковать послѣ этого о сложныхъ интригахъ, построенныхъ по извѣстнымъ правиламъ? Обыкновенно, я не ставлю ни въ грошъ успѣхъ. Но тутъ я ему радуюсь: „l'Ami Fritz“ одержалъ успѣхъ при особенныхъ условіяхъ, при которыхъ менѣе удачно задуманная пьеса провалилась бы. Хотя приверженцы успѣха во что бы то ни стало и оказались невѣрны своей теоріи и принялись доказывать публикѣ, что она напрасно смѣется и плачетъ,—пьеса тѣмъ не менѣе шла удачно, и мы убѣдились, что можно рукоплескать пьесѣ вопреки всякимъ ходячимъ условіямъ и правиламъ, довольствуясь тѣмъ, что она выхвачена изъ дѣйствительности, и изъ самой грубой дѣйствительности три или четыре картины представлены съ строгой правдой.

Я не смѣлъ надѣяться на такой разительный примѣръ и ужъ, конечно, не ожидалъ, чтобы этотъ примѣръ былъ показанъ Comédie-Française. Я очень хорошо знаю, что „l'Ami Fritz“ увѣнчался успѣхомъ благодаря поэтической сторонѣ идилліи; но ужъ и то хорошо, что реализмъ водворился съ торжествомъ на нашей первостепенной сценѣ. Подумайте!—настоящій обѣдъ въ Comédie Française, настоящее вишневое дерево, съ настоящими вишнями, настоящій колодезь, съ настоящей водой! И, кромѣ этихъ подробностей mise-en-scène, надо слышать языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующие лица, этотъ живой, естественный языкъ. Влюбленный говоритъ, что немного подпилъ, остальные дѣйствующие лица пересказываютъ другъ другу о своихъ дѣланишкахъ безъ фразъ, точно прохожіе, которые бы встрѣтились на улицѣ. Главный упрекъ, который дѣлали авторамъ, заключается въ томъ, что въ ихъ пьесѣ слишкомъ много ѣдятъ. Я нахожу, что въ ней недостаточно ѣдятъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ ней ѣли въ продолженіи всѣхъ трехъ дѣйствій. Развѣ ѣда не литературна во Франціи? Гаргантюа въ духѣ нашего народа. Нѣкоторые изъ нашихъ провинцій, Турренъ, Эльзасъ, славятся своими обжорами. Легенды показываютъ намъ нашихъ отцовъ за столомъ, пирующихъ всю свою

жизнь. И неужели же намъ не дозволено представить этого эпического зрѣлища на сценѣ, на основаніи какихъ-то чахоточныхъ, жеманныхъ соображеній? Ахъ, мы и безъ того слишкомъ много выпустили крови у нашей литературы, мы слишкомъ много выставляли на сценѣ дѣйствующихъ лицъ, питавшихся росой и вареньемъ, и имѣемъ право требовать, чтобы намъ показали здоровыхъ ребятъ, геройски работающихъ челюстями! Долгъ платежей красенъ. И вотъ почему я нахожу, что въ „l'Ami Fritz“ ѣдятъ слишкомъ мало, потому что дѣйствующія лица въ немъ должны накушаться за всѣхъ своихъ предшественниковъ: за деревянныхъ грековъ и римлянъ трагедій, за оловянныхъ рыцарей романтической драмы, за малокровныхъ буржуа приличныхъ комедій, за тысячи-тысячъ маріонетокъ, перебывавшихъ на сценѣ. Я бы желалъ, чтобы Фрицъ, выѣстъ съ своими гостями, провозгласилъ слѣдующій тостъ: „за здоровье жизни, за здоровье живыхъ произведеній!“

Но теперь, несмотря на свое восхищеніе, долженъ высказать, однако, всю правду. „L'Ami Fritz“, повторяю, идиллія, не больше. Гг. Эрманъ-Шатрианъ, которые извлекли пьесу изъ одного изъ своихъ романовъ, очень живо сочувствуютъ природѣ. Они вели въ Эльзасѣ жизнь, которую отлично умѣютъ живописать, гибкимъ и реальнымъ языкомъ. Но отъ нихъ не слѣдуетъ требовать созданія глубокихъ характеровъ. Ихъ дѣйствующія лица реальны въ томъ смыслѣ, что у нихъ вѣрные жесты, вѣрная интонація, вѣрный костюмъ. Но всѣ эти дѣйствующія лица выкроены по одному фасону и не представляютъ собою новыхъ и интересныхъ документовъ. Представьте себѣ добродушныхъ куколъ, которыя бы разгуливали среди вполне точныхъ и превосходно нарисованныхъ декорацій. Конечно, я не говорю, что картина жива, и не спорю, что, быть можетъ, существуютъ уголки въ мірѣ, гдѣ жители всѣ отличаются такой ровностью темперамента. Даже, если хотите, такая простота пружинъ ближе къ повседневной жизни, чѣмъ исключительные случаи, исключительные люди, въ которыхъ и зло и добро выражаются крупными чертами. Но, запираясь въ этомъ монотонномъ мірѣ, лишаешься всей выгоды глубокаго изученія человѣческой природы: тутъ уже не приходится забираться въ глубь человѣческаго сердца, а только скользить по поверхности. Съ какимъ бы талантомъ ни было написано такое произведеніе, оно остается средняго качества—и только нехурно.

Итакъ, „l'Ami Fritz“—произведеніе не высокаго разбора. Какъ я уже говорилъ, его нѣжныя и поэтическія стороны, эльзасская среда, затрогивающая нашъ патріотизмъ, очевидно, гораздо больше содѣйствовали его успѣху, нежели реалистическія стремленія. Но именно

теперь, послѣ „l'Ami Fritz“, легко понять, чѣмъ можетъ быть этотъ реализмъ, очищенный отъ цвѣтовъ, которыми его такъ удачно украсили гг. Эрманъ и Шатріанъ. Вообразите себѣ дѣйствующихъ лицъ, глубже изученныхъ, разныхъ темпераментовъ, страсти которыхъ, сталкиваясь, создали бы драму! Придайте больше энергій дѣйствию, завяжите и развяжите его только путемъ игры страстей, въ простой и реальной исторіи. Вдохните реальную жизнь въ дѣйствующихъ лицъ и въ самое дѣйствіе. Сохраните точныя декораціи „l'Ami Fritz“ и выхватите каждое дѣйствіе, какъ это сдѣлали авторы, изъ жизни дѣйствительной; представьте завтракъ, утро въ деревнѣ, какое-нибудь одиночное событіе, которое бы объяснило произвольное дробленіе на акты, — и вы получите пьесу, какую мнѣ такъ хотѣлось бы видѣть на театрѣ; новыя рамки, въ которыхъ можно было бы возобновить изученіе всѣхъ страстей. Такимъ образомъ создается цѣлый родъ произведеній; драма пойдетъ на ряду съ романомъ, на театрѣ воспользуются человѣческими документами, изслѣдованіемъ человѣческой природы, столь поразительно начатымъ нашимъ великимъ Бальзакомъ.

Я увѣренъ, что драматическіе писатели нашли бы много свѣжихъ эффектовъ, еслибы захотѣли дать себѣ трудъ наблюдать: какимъ образомъ вещи происходятъ въ дѣйствительной жизни. Самые простые факты жизни были до того искажены на театрѣ, что эти факты вышли бы необыкновенно рельефны и необыкновенно новы, если бы ихъ изобразили правдиво. Большая ошибка у насъ заключается въ томъ, что всѣ утверждаютъ, будто театръ живетъ условной жизнью. Только правда вдохновляетъ и очаровываетъ зрителей.

Безъ сомнѣнія пришлось бы изображать голую правду, а это не совсѣмъ удобно, потому-то я охотно признаю, что у театра есть своя особенная оптика. Задача станетъ очень трудной въ тотъ день, когда отбросить сантиментальную поэзію и вывести на сцену нѣсколькихъ негодяевъ, чтобы мы не заскучали въ обществѣ однихъ честныхъ людей.

II.

Въ прошломъ сентябрѣ на театрѣ „Gympase“ произошло также довольно крупное событіе. Два талантливыхъ актера, занимающіеся слегка литературой, поставили пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ: „Pierre Gendron“, и въ этой пьесѣ критика усмотрѣла весьма рискованную попытку реализма. Тутъ уже выступили не бисвитные персонажи, не легкій и поэтически-фамиллярный языкъ „l'Ami Fritz'a“. Гг. Лафонтенъ и Ришаръ, авторы, избрали рамкой фабрику, а героями—рабочихъ, говорящихъ на грубомъ и картинномъ языкѣ народа. Казалось бы, что смѣлость попытки безусловна.

Но что окончательно придало пьесѣ характеръ неожиданной новизны, это главнымъ образомъ буржуазная спеціальность сцены, на которой она давалась.

„Gympase“ по преимуществу театръ поклонниковъ Скриба,—театръ, живущій всѣми традиціями хорошаго тона, добродѣтелей и приличій, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ никогда не уклонялся.

Литература, пользующаяся на немъ успѣхомъ, есть литература скромная, прилизанная, строго придерживающаяся традицій. И вотъ вдругъ на эту сцену выводить работниковъ въ блузѣ, пьяницъ съ краснымъ носомъ, цѣлую грубую и безцеремонную драму. Вы понимаете, какой вышелъ сильный контрастъ. „Pierre Gendron“, который могъ бы показаться невиннымъ въ другомъ мѣстѣ, въ театрѣ „Gympase“ получилъ характеръ сорви-головы. Сюрпризъ былъ полный и, благодаря, быть можетъ, его неожиданности, успѣхъ былъ также полный въ первое представленіе.

Дѣло въ томъ, что „Pierre Gendron“ въ первоначальномъ своемъ видѣ представлялъ большую драму въ пяти дѣйствіяхъ, предназначавшуюся для одного изъ бульварныхъ театровъ. Декорація изображала при этомъ фабрику, а дѣйствіе разрѣшалось трагично. Мнѣ говорили, что эта пьеса была представлена двумъ или тремъ театральнымъ директорамъ, но они ее не приняли, по разнымъ причинамъ. Тогда Лафонтенъ, одинъ изъ авторовъ, вздумалъ снести ее къ Монтиньи, ловкому директору „Gympase“. Тотъ сперва-было очень испугался. Но онъ очень любилъ Лафонтена, который когда-то игралъ у него на сценѣ и, къ тому же, очень соблазнился предложеніемъ этого артиста сыграть главную роль въ своей драмѣ. Но только она не могла оставаться пятнадцатой; „Gympase“ не выдержалъ бы такую махину, выкрашенную черной краской, во вкусѣ „Ambigu“ или „Porte-

Saint-Martin". Итакъ, „Pierre Gendron“ передѣляли, сократили его на два акта, измѣнили нѣкоторыя сцены и такимъ образомъ создали теперешнюю пьесу, въ которой опытный глазъ можетъ разглядѣть слѣды болѣе капитальной пьесы и болѣе мрачной развязки.

Мнѣ надо было разсказать исторію пьесы, чтобы сдѣлать затѣмъ нѣкоторые выводы. Но сперва я долженъ поговорить о самомъ произведеніи. Вотъ его содержаніе: Пьерръ Жандронъ хорошій работникъ, механикъ, у котораго есть двѣ дочери отъ перваго брака, Мадлена и Луиза. Мать умерла, отецъ взялъ любовницу, Розалію, отличную и честную хозяйку, которая воспитала дѣтей и наконецъ стала считаться законной женой ихъ отца. Они живутъ вмѣстѣ уже нѣнадцать лѣтъ, и всѣ на фабрикѣ считаютъ ихъ женатыми, такъ что нельзя было бы даже и понять, почему они не женились, еслибы авторы не приписали Розаліи страннаго чувства, о которомъ я буду говорить ниже. Луиза выросла у отца, ее баловали; она видѣла дурной примѣръ, воспитавшій въ ней худыя инстинкты. Ей извѣстно фальшивое положеніе ея мнимой мамки, и она готова сбиться съ пути и убѣждать съ братомъ хозяина фабрики, Эрнестомъ Дюбюиссономъ, молодымъ вѣтрогономъ, прокутившимъ свое состояніе. Напротивъ того, Мадлена, крестница ш-ше Рибо, тетки хозяина, Поля Дюбюиссона, весьма талантливаго инженера, воспитывалась въ пансіонѣ и вышла оттуда невинной и прелестной дѣвушкой. Она любитъ молодого инженера, который платитъ ей взаимностью. Въ этомъ аленькомъ мірѣ всѣмъ бы жилось хорошо, если бы одинъ негодяй мрабочій, литейщикъ, по имени Луваръ, по прозванію Угорь, не пришелъ наниматься на фабрику. При видѣ его Розалія смущается и приходитъ въ отчаяніе, и тутъ мы узнаемъ тайну несчастной женщины. Ее когда-то обезчестилъ Луваръ, и вотъ поэтому-то она ни за что не хотѣла согласиться выдти замужъ за честнаго Жандрона. У негодая есть письмо отъ нея, и онъ грозитъ открыть ея тайну.

Хуже всего то, что онъ жилъ когда-то въ подмастерьяхъ у Жандрона, и этотъ послѣдній, ничего не подозревавшій, хочетъ пригласить его въ свой домъ, на семейный обѣдъ въ день своихъ именинъ. Розалія плачетъ, Пьерръ сердится, а Луиза окончательно смущаетъ весь домъ, сообщивъ Мадленѣ, что отецъ живетъ съ любовницей. Тѣмъ временемъ Луваръ опять увлекается Мадленою, мечтаетъ о томъ, чтобы увести ее съ собой и старается увѣрить Пьерра, что у ней есть любовникъ. Наконецъ, наступаетъ роковое объясненіе. Розалія во всемъ признается Пьерру, который тѣмъ не менѣе женится на ней въ концѣ-концовъ, какъ это легко было предвидѣть. Луваръ, совершившій, какъ полагаютъ, убійство, когда работалъ въ

Египтъ, надъ прорытіемъ Суэзскаго перешейка, увозится жандармами. Мадлена должна выдти замужъ за хозяина фабрики, а па-те Рибо общаетъ вернуть на путь истинный Луизу, сбѣжавшую съ молодымъ Эрнестомъ, и которая безъ сомнѣнія выйдетъ за него замужъ. Какъ видите, всѣ мрачныя краски пьесы подвергиваются розовымъ цвѣтамъ: зло наказано, а добро торжествуетъ.

Теперь легче понять, какимъ ампутаціямъ подверглась пьеса. Кажется несомнѣнно, что она оканчивалась не такъ идиллично. Въ настоящемъ ея видѣ въ ней право слишкомъ много браковъ въ ея развязкѣ, и это всеобщее счастье очень обезцвѣчиваетъ произведеніе. Но я могу сдѣлать болѣе серьезные упреки. Авторы, какъ кажется, очень мало знаютъ міръ рабочихъ. Они основали свою пьесу на чувствѣ стыдливости и щекотливости, котораго Розалія въ жизни дѣйствительной ни на минуту не испытала бы. Въ какомъ-нибудь предметѣ Розалія двадцать разъ созналась бы Жандрону, что имѣла любовника до него, и двадцать разъ вышла бы за него замужъ, если бы онъ ей это предложилъ! Поэтому, когда Луваръ появился, ей стоило бы только сказать одно слово:—вотъ негодяй, о которомъ я тебѣ говорила, Пьерръ, защити меня! Но въ такомъ случаѣ драмы не существовало бы. И вотъ такимъ образомъ драма кишитъ невѣрными подробностями. Напримѣръ: одну минуту Жандронъ толкуетъ, что будетъ драться на дуэли съ похитителемъ своей дочери, и это вызываетъ улыбку, потому что еще не бывало примѣра, чтобы рабочий дрался иначе какъ на кулачкахъ.

По-моему, „Pierre Gendron“ драма—ни то, ни сѣ. Она сильно смахиваетъ на обычныя наши мелодрамы, но у ней есть литературная отдѣлка. Луваръ очень мало отличается отъ обычныхъ злодѣевъ, а тотъ способъ, какимъ отъ него отдѣляются при развязкѣ, превращая его внезапно въ убійцу, слишкомъ удобенъ. Негодный рабочий совсѣмъ не таковъ: онъ пьетъ, бьетъ баклуши, обижаетъ женщинъ, дѣлаетъ всякія пакости, но не убиваетъ. Поэтому Луваръ не списанъ съ натуры, и остается просто на-просто драматической куклой, какими угощаютъ насъ десятками всѣ наши писатели. Я уже говорилъ, насколько невѣрна личность Розаліи. Луиза и Мадлена не правдивѣе. Луиза пошла по той дорожкѣ, съ какой дѣвушки ея темперамента обыкновенно не сворачиваютъ, и это значитъ слишкомъ дешево отдѣливаться отъ зрителей, если утѣшать ихъ фразой, что Луиза преобразится въ честную женщину. Что касается Мадлены, то она представляетъ собой уступку, сдѣланную драматическимъ условнымъ правиламъ. Авторы отдаютъ ее въ пансіонъ для сохраненія ея непорочности, какъ будто пансіоны какія-то храни-

лица непорочности. Это понятіе буржуазное. Вообще, вторая дочь совсѣмъ лишняя въ драмѣ, и введена въ нее лишь затѣмъ, чтобы служить извиненіемъ смѣлости изображенія Луизы съ ея животной чувственностью. Съ той минуты, какъ она выходитъ замужъ за хозяина, все обстоитъ благополучно, и честь Жандроновъ восстановлена. Уже одинъ этотъ бракъ, самъ по себѣ, испортилъ для меня все произведеніе, потому что низводитъ его на степень самыхъ вульгарныхъ пьесъ.

Совсѣмъ тѣмъ я считаю, что „Pierre Gendron“ сослужилъ знатную службу на театрѣ натуральной школы. Послѣ „l'Ami Fritz“ нельзя было желать лучшаго доказательства. Успѣхъ „l'Ami Fritz“ объясняли индивидуальнымъ характеромъ пьесы. Но „Pierre Gendron“—пьеса грубая, и такъ какъ драма эта произвела большой фуроръ на первомъ представленіи, то критика вынуждена была признать, что натуральная школа дѣлаетъ большіе успѣхи на сценѣ. Къ тому же, въ этого рода попыткахъ, въ этой литературной борьбѣ внутреннее достоинство произведеній не принимается въ расчетъ. Достаточно, чтобы произведеніе слыло за реалистическое, хотя бы оно и не было таковымъ; побѣда тѣмъ не менѣе обезпечена. Публика увидѣла въ „Pierre Gendron“ произведеніе натуральной школы; она рукоплескала ему, слѣдовательно, она признала натуральную школу на театрѣ. Вотъ единственный выводъ, который я дѣлаю въ настоящемъ случаѣ.

Впрочемъ, хотя я и строго, но охотно признаю, что гг. Лафонтенъ и Ришаръ сдѣлали весьма интересную попытку. Какъ бы ни была несовершенна эта попытка, она тѣмъ не менѣе переноситъ міръ рабочихъ на сцену, гдѣ до сихъ поръ онъ появлялся лишь въ отвратительныхъ мелодрамахъ.

А во Франціи не легкое дѣло изображать низшіе классы въ литературныхъ произведеніяхъ: если мы и отрелись отъ классическихъ и романтическихъ героевъ, за то остановились на буржуазныхъ дѣйствующихъ лицахъ, не позволяя себѣ спускаться до народа. Изучать народъ—это уже довольно смѣло, хотя бы изученіе это и было нѣсколько поверхностнымъ. Гг. Лафонтенъ и Ришаръ поступили еще храбрѣе, и эта-то храбрость и ввела въ заблужденіе публику: они заставили говорить настоящимъ рабочимъ языкомъ работниковъ, введенныхъ въ „Pierre Gendron“, языкомъ очень картиннымъ, пересыпаннымъ словами изъ argot. Форма въ сущности всегда болѣе всего поражаетъ толпу во всякомъ произведеніи, и рѣдко бываетъ, чтобы толпа заботилась о сущности. Итакъ, если Луваръ и другіе говорятъ на argot, значить авторы взяли ихъ изъ народа. Вѣрная

рѣчь заставила увѣрять въ вѣрность характеровъ. И всего удивительнѣе то, что *argot* былъ признанъ. Въ этомъ заключается цѣлая литературная революція. Надо знать, какой ужасъ питають у насъ ко всякому искреннему слову, ко всякой правдивой картинности, чтобы понять, какъ изумителенъ этотъ успѣхъ. „*Pierre Gendron*“, которому апплодируютъ въ „*Gymnase*“,—вотъ въ чемъ торжество, каковы бы ни были достоинства анализа, выказаннаго въ немъ авторами.

Итакъ, опытъ произведенъ. Послѣ „*l'Ami Fritz*“ могли еще оставаться сомнѣнія. Можно было отговариваться тѣмъ, что публика „*Comédie-Française*“ захвачена врасплохъ поэтической прелестью этой эльзасской картинки. Но теперь, послѣ грубости языка „*Pierre Gendron*“, послѣ этой картины рабочей жизни, признанной вѣрною, несомнѣнно, что толпа пришла къ тому, что готова допустить, готова желать даже въ драматическихъ произведеніяхъ стремленія къ реализму. Такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлаго ряда годовъ въ толпѣ происходитъ глухой переворотъ. Послѣ вѣкового сопротивленія и отвращенія, она вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ начинаетъ апплодировать тому, чтѣ еще вчера осмистывала; это значитъ, что толпа соврѣла для новаго движенія; долгое время рукоплесканія толпы доставались на долю классическому репертуару; затѣмъ они перешли на сторону романтической драмы, и понадобилась еще четверть столѣтія, чтобы снискать ихъ произведеніямъ натуральной школы. Я знаю, что битва еще не окончательно выиграна, такъ какъ утверждаю, что „*Pierre Gendron*“—самая ordinaria мелодрама, но болѣе старательно написанная, ей приданы размѣры комедіи съ анализомъ и она скрашена оригинальностью языка. Но какъ бы то ни было, а побѣда обезпечена, потому что публика доказала, какъ она готова восхищаться вѣрнымъ изображеніемъ на сценѣ повседневной жизни, хотя бы даже и очень неприглядной, лишь бы только талантливый человѣкъ взялся за дѣло.

III.

Перехожу къ другому аргументу, и этотъ аргументъ черпаю въ „*Cigale*“, пьесѣ въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Мейльяка и Галевы, которая только-что имѣла большой успѣхъ на сценѣ „*Variétés*“. Мы ясно увидимъ здѣсь, что всякій драматическій кодексъ бесполезенъ, и что авторы пользуются въ сущности полной свободой сочиненія.

Въ „*Cigale*“ интрига до того избыта, до того пошла, что авторы

очевидно совѣтъ не заботились объ основѣ своего произведенія. Въ этомъ отношеніи беззаботность никогда еще не была доведена до такой степени.

Въ пьесѣ рѣчь идетъ о молодой дѣвушкѣ, Стрекозѣ, похищенной уличными комедіантами, и которая убѣгаетъ отъ нихъ, чтобы спастись отъ любовныхъ преслѣдованій троицъ изъ своихъ товарищей. Она попадаетъ на постоянный дворъ, посѣщаемый живописцами и влюбляется въ художника Мариньяна, затѣмъ находитъ своихъ богатыхъ родителей и превращается въ м-лле Дезаллюръ. Бѣда въ томъ, что у Мариньяна есть любовница, которая его обманываетъ, и что, съ другой стороны, м-лле Дезаллюръ желаютъ выдать замужъ за ея кузена Эдгара. Но все устроивается такъ, какъ и слѣдовало ожидать: Эдгаръ наслѣдуетъ любовницу Мариньяна, а этотъ послѣдній женится на Стрекозѣ. Вотъ и все. Это больше, нежели блѣдно,—это ничтожно.

Что же могло подвинуть гг. Мейльяка и Галевн, такихъ искусныхъ и тонкихъ писателей, избрать сюжетъ, отъ котораго отвернулся бы самый послѣдній изъ водевилистовъ? Я полагаю, что ими руководило слѣдующее соображеніе:—у насъ будутъ въ распоряженіи два очень живописныхъ міра: міръ уличныхъ комедіантовъ и міръ живописцевъ; невозможно, чтобы мы не набрали на какія-нибудь удачныя находки, давъ волю своей фантазіи и наблюдательности. И они написали пьесу не ради самой пьесы, но ради сценъ. Что за дѣло до цѣлаго, если каждый эпизодъ въ отдѣльности будетъ достаточно привлекателенъ, чтобы овладѣть зрителями. Все дѣло было въ томъ лишь, чтобы вдохнуть жизнь въ дѣйствующихъ лицъ, вырвать изъ жизни рельефныя картины и замѣнить театральную технику нашихъ драматическихъ писателей заботой о вѣрности деталей, приправленныхъ парижскимъ остроуміемъ.

Вотъ какимъ образомъ Мейльякъ и Галевн придали интересъ такому избитому сюжету. Они перенесли этотъ сюжетъ въ реальную парижскую среду, въ среду современную, которой еще никто не изображалъ на театрѣ, и публика пришла въ восторгъ отъ этого. И какая за то прелестная картина вышла изъ перваго акта, гдѣ изображенъ постоянный дворъ въ Барберонѣ, воспроизведенный съ мельчайшими подробностями. Первые реплики двухъ живописцевъ: Мариньяна и Мишию, появленіе Стрекозы, которую нашли въ обморокѣ у одного дерева въ лѣсу, длинная исторія, которую она такъ забавно рассказываетъ, изумительное появленіе трехъ комедіантовъ Каркассонна, Биби и Филоша, наконецъ, послѣдняя сцена, въ которой похитенный родителей Стрекозы узнаетъ въ ней благородную дѣвицу

Дезаллюрь—всѣ эти сцени кажутся чрезвычайно живыми, потому что, при всѣхъ своихъ комическихъ преувеличеніяхъ, онѣ содержатъ неблѣднѣе количество правдивыхъ подробностей и вѣрныхъ наблюдений. Чувствуется, что дѣйствующія лица списаны съ дѣйствительности.

Вторая картина мнѣ нравится меньше. Она переноситъ насъ въ тетѣ ш-ме Дезаллюрь, и выходитъ въ разрядъ рутинныхъ драматическихъ пріемовъ. Хорошенькія сценки попадаютъ и въ ней; такъ, напр., та, въ которой Эдгаръ и его кузина объясняютъ другъ другу, что нѣсколько не любятъ другъ друга; та, въ которой приносятъ Мариньяна, упавшаго въ рѣку; сцена, когда Стрекова и любовница живописца чуть не вцѣпляются другъ другу въ волосы; но все это нѣсколько натянуто. А между тѣмъ обстановка чудесная: дача въ Буживалѣ, выстроенная на берегу рѣки, парижскія окрестности, такіа красивыя и живописныя.

Но всего характеристичнѣе третья картина. Надо замѣтить, что въ концѣ второго акта пьесѣ наступилъ рѣшительный конецъ, если только у нея было начало. Остается только женить Стрекову и Мариньяна—операція изъ самыхъ простыхъ и никакъ не можетъ наполнить собой цѣлаго акта. Можно было вопрошать себя, чѣмъ займутъ гг. Мейльякъ и Галеви сцену. Друзья ихъ дрожали за нихъ. И что-жъ, однако! эта третья картина всѣхъ забавнѣе. Она обезпечила успѣхъ всей пьесы; авторы безъ церемоніи забили пьесу. Я не думаю, чтобы можно было найти другой примѣръ такого полного презрѣнія къ театральной механикѣ. Мариньянъ женится на Стрековѣ, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, чтобы показать намъ внутренній бытъ живописца, вывести на сцену юную шлоу живописи, которая у насъ съ такою отвагою отыскиваетъ себя мѣсто на солнцѣ. Мариньянъ распространяется объ „импрессионистахъ“; самъ онъ „люминистъ“ и „интенціонистъ“. Декорація мастерской съ ея знаменитыми картинами М. Мане, Клода Моне, Дега, Сезанна, Ренуара, Сислея, Пизарра и пр., очень забавна. И весь актъ занятъ разсужденіями о новой художественной формулѣ, съ которою выставки въ улицѣ Лепельтѣ познакомили весь Парижъ. Что касается меня, то я питаю большую нѣжность къ живописцамъ-импрессионистамъ. Я хочу вѣрить, что гг. Мейльякъ и Галеви тоже проникнуты любовью къ этимъ художникамъ-новаторамъ, которые ищутъ въ живописи того же, чего они сами ищутъ въ театрѣ—современной жизни и правдиваго изображенія разнообразнѣйшихъ сторонъ великаго Парижа. И даже если обсуждать ихъ способъ осуществленія этой задачи, надо признать за импрессионистами то достоинство, что они открыли

снисать, въ которомъ наша національная живопись совершить свое обновленіе. Сколько бы надъ ними ни смѣялись и ни отрицали ихъ, а они тѣмъ не менѣе придали искусству истинно-художественное направление, единственное, какое происходило со времени романтическаго движенія 1830 г. И доказательствомъ этому служитъ то, что наши ежегодныя выставки наполнены произведеніями импрессионистовъ, т.-е. я хочу сказать—произведеніями лукавыхъ молодыхъ людей, которые копируютъ импрессионистовъ, прикрашивая ихъ для вѣщнаго удовольствія буржуа.

Но вернемся къ „Cigale“. Говорятъ, что только гг. Мейльякъ и Галевн могутъ позволить себѣ такую плохо-скроенную и плохо-спитую, но такую интересную пьесу. Это просто-на-просто означаетъ, что у нихъ есть оригинальность. Но если такъ, если оригинальность оказывается столь успѣшной на театрѣ, вопреки драматическому кодексу, то почему бы и другимъ оригинальнымъ авторамъ не попытаться снискать успѣхъ, не прибѣгая къ традиціямъ? Мы видимъ, какъ всѣ правила попираются ногами при аплодисментахъ залы. Это должно подавить въ насъ и то слабое уваженіе, какое мы могли сохранять къ правиламъ. Совсѣмъ тѣмъ я долженъ сознаться, что, по моему мнѣнію, дѣло было бы не хуже, если бы, вмѣсто этого растрепаннаго сюжета, гг. Мейльякъ и Галевн избрали какую-нибудь солидную исторію, связаную и цѣльную. Благодаря своему парижскому остроумію и тонкой наблюдательности, они обходятся совсѣмъ безъ основы или даже больше того, ухищраются справиться съ плохой основой. Это фокусъ, которому я аплодирую, никому не совѣтую ему подражать. Неужели они сами не понимаютъ, какую мощь приобрѣли бы ихъ произведенія, если бы они провели до конца свою любовь къ современной жизни и къ реальности. Они любятъ нашъ Парижъ, знакомы со всѣми его мірами, и обладаютъ легкой и живой кистью, необходимой, чтобы хорошо живописать ихъ.

Но все это одни только орудія труда. Надобно прибавить къ этому матеріалъ, т.-е. живое и крупное содержаніе. Разъ они заимствуютъ тѣлы и разговоры изъ жизни дѣйствительной,—почему бы имъ не заимствовать также правдивыхъ событій, вмѣсто того, чтобы нускаться въ условныя интриги, не выдерживающія критики?

Когда я пишу все это и требую такъ-настоятельно свободы для сцены, я думаю въ особенности о подростающемъ поколѣніи писателей, о томъ поколѣніи, которое роковымъ образомъ должно обновить наше драматическое искусство. Самымъ страшнымъ препятствіемъ во Франціи для автора, желающаго писать драмы или комедіи,

дроблено. Слишкомъ чувствуется, что дѣйствіе существуетъ тутъ только ради рамокъ, и эпизоды, роковымъ образомъ носящіе монотонный характеръ, въ концѣ-концовъ утомляютъ, тѣмъ болѣе, что ихъ можно было бы уничтожить, не вредя ходу пьесы. Это происходитъ оттого, что наши драматическіе писатели недостаточно еще прониклись натуральной формулой и стараются загладить свои попытки къ анализу, придерживаясь истасканныхъ, театральныхъ комбинацій прошлаго времени.

V.

Но я не имѣю въ виду устранять себѣ масленицы, говоря только о пьесахъ, написанныхъ по реалистической формулѣ. Надо мнѣ отдать отчетъ и о другихъ успѣшныхъ представленіяхъ послѣдняго времени, чтобы представить полную картину драматическаго движенія во Франціи въ настоящую минуту. Впрочемъ, эти успѣхи представляютъ такія стороны, которыя только помогутъ мнѣ сдѣлать свои выводы.

На первомъ планѣ укажу на успѣхъ, какой имѣло на сценѣ „Comédie Française“ возобновленіе „Hernani“ Виктора Гюго.

Въ настоящее время у насъ очень трудно судить о Викторѣ Гюго, какъ о драматическомъ писателѣ. Всякаго рода пренятствія не дадутъ откровенно высказывать своей мысли, потому что откровенность была бы почти грубостью. Авторъ еще живъ и окруженъ такимъ ореоломъ славы, послѣ такой долгой и блистательной жизни литературнаго короля, что правда, высказанная въ лицо этому державному старцу, показалась бы почти оскорбленіемъ. Конечно, мы уже отошли на достаточное разстояніе отъ романтизма. На театрѣ мы уже—потомство, и можемъ проанести свое сужденіе; но я думаю, что уваженіе будетъ сковывать намъ уста до тѣхъ поръ, пока Викторъ Гюго живъ и можетъ насъ услышать.

Я помню свою молодость. Намъ было нѣсколько мальчишекъ, жившихъ въ нѣдрахъ Прованса, влюбленныхъ въ природу и поэзію. Драммы Виктора Гюго преслѣдовали насъ, какъ дивныя видѣнія. По окончаніи классовъ, съ памятью, оледенѣлой классическими тирадами, которыя мы должны были учить наизусть, мы просто отогрѣвались, заучивая сцены изъ „Hernani“ и „Ruy Blas“. Сколько разъ на берегу маленькой рѣчки, послѣ продолжительнаго купанья, мы разгрызали между собой цѣлые акты! Затѣмъ мы мечтали: ахъ! если бы увидѣть все это на театрѣ! и намъ казалось, что потолокъ обрушится отъ восторга зрителей.

Теперь, послѣ долгихъ лѣтъ я удовлетворилъ этому желанію моей юности; я увидѣлъ на сценѣ „Hernani“, который былъ до сихъ поръ мнѣ знакомъ только въ чтеніи. Велико было мое изумленіе. Эта драма, гдѣ поэтъ все принесъ въ жертву эффекту, гдѣ онъ нагромождаетъ одну нелѣпость на другой, единственно для того только, чтобы придать побольше рельефности антиitezѣ,—эта драма производитъ весьма посредственный драматическій эффектъ. Перрэнъ, директоръ „Comédie Française“ тщетно поставилъ блистательно пьесу, и даже поручилъ написать новую фанфару талантливому музыканту: сердце не трогается, голова не кружится, въ окончательномъ результатѣ получается разочарованіе, потому что все это представлялось болѣе широкимъ и болѣе громоноснымъ.

Впрочемъ, я отлично объяснилъ себѣ это разочарованіе. Я былъ очень выгодно обставленъ. Моя ученическая память просыпалась; я поджидалъ сцены, которыя приводили насъ въ восторгъ въ былое время, и съ удивленіемъ видѣлъ, какъ онѣ леденѣли на сценѣ, производили скуку и утомленіе, несмотря на свои поэтическія красоты. Какъ! такъ это-то „Hernani“, облеченный костью и плотью, такъ вотъ онъ—тѣ готическія залы, которымъ наше воображеніе придавало такіе грандіозные размѣры, такъ вотъ тѣ героическія слова и дѣйствія, которыя вызывали передъ нами цѣлый міръ гигантовъ! Боже мой! какъ это воспроизведеніе средневѣкового видѣнія умалило его и низводило высокое до рубежа смѣнного. Да, нѣтъ сомнѣнія, театръ Виктора Гюго созданъ только для чтенія. Я слыхалъ это мнѣніе, но не вѣрилъ его, только увидѣвъ одно изъ произведеній поэта на сценѣ. Викторъ Гюго точно будто слишкомъ высоко забрался. Онъ нуждается въ воображеніи читателя, для расширенія рамокъ его романтическихъ поэмъ. Въ чтеніи нелѣпости не такъ бросаются въ глаза, сверхъестественныя лица меньше поражаютъ, декорации, только намѣченные, принимаютъ громадныя размѣры. Напротивъ того, на театрѣ матерія даетъ себя чувствовать, рамки суживаются, нечеловѣческій характеръ дѣйствующихъ лицъ бросается въ глаза, банальность подмостковъ какъ-будто смѣется надъ лирической напыщенностью драмы. Изъ этого вытекаетъ аксіома, которую я охотно выражу въ слѣдующихъ словахъ: „существуетъ извѣстный предѣлъ идеализации, за которымъ всякая пьеса становится нелѣпой, потому что матеріальныя средства театра не позволяютъ ее осуществить“.

Безполезно вдаваться въ критическій разборъ „Hernani“. Я говорю, само собой разумѣется, о драматической основѣ произведенія, потому что стихи давно уже признаны совершенствомъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что всѣ почти признаютъ странность этого платониче-

скаго бандита, который во всякъ случаѣ ведетъ себя, какъ десятилѣтній ребенокъ. Старикъ Гомецъ тоже весьма диковинное лицо, какой-то фразеръ Бартоло, въ которомъ въ концѣ-концовъ выискивается палачъ; и какъ онъ навешъ при этомъ, какую жалостную мину корчить при развязкѣ, когда донья Соль проглатываетъ свою порцію яду; какъ будто бы „ce vieillard stupide“ не долженъ былъ предвидѣть, что убить молодую дѣвушку, потребовавъ смерти Эрнани! Я не хочу входить въ разборъ пьесы, но не могу не подчеркнуть нѣкоторыхъ пунктовъ. Въ „Hernani“ по преимуществу выразилась романтическая формула: стремленіе добиться возможно большаго эффекта, какими бы то ни было путями. Отсюда изобрѣтеніе знаменитаго рога. Когда рогъ протрубить, Эрнани долженъ будетъ умереть, и мы заранѣе знаемъ, что рогъ протрубить, когда бандитъ превратится въ вельможу, счастливаго и могущественнаго. Такимъ образомъ, поэтъ получаетъ, нагромождая наглѣвость на наглѣвость, этотъ изумительный пятый актъ, этотъ любовный дуэтъ, прерванный дыханіемъ смерти. Осмѣлюсь ли сказать? впечатлѣніе получается далеко не такое грандіозное, какъ бы того хотѣлось поэту.

Оно мнѣ показалось даже тягостнымъ. Мы погружаемся съ головой въ міръ призраковъ. Сцена происходитъ въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ мнимой кастильской чести, гдѣ уже нѣтъ ничего человѣческаго. Вѣрность клятвѣ можетъ быть хорошей драматической пружиной, но заставлятъ славнаго малаго умирать въ вечеръ своей свадьбы, потому что онъ поклялся убить себя по первому требованію—это басня, не что иное, какъ страшный кошмаръ, въ которомъ нѣтъ ни на грошъ правды, и который возмущаетъ самихъ честныхъ людей. Въ залѣ нѣтъ ни одного честнаго человѣка, который бы не сбросилъ съ величайшимъ удовольствіемъ стараго Гомеца съ террасы. Законы чести, понимаемые такимъ образомъ, чудовищны. Я не вижу ни трагическаго правоученія, ни трагической истины.

Ахъ! какъ пріятно было бы услышать человѣческое слово среди всей этой дѣланной поэзіи! какъ пріятно было бы отдохнуть отъ идеала, если бы намъ дали хоть вѣточекъ анализа! Поэтъ оставляетъ при развязкѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ такими же, какими взялъ ихъ въ первой сценѣ, нисколько не изучивъ ни ихъ сердца, ни ихъ ума. Эрнани и донья Соль проходятъ черезъ всю пьесу въ одной и той же суровой и нѣжной повѣ. Это тины во вкусѣ 1830 г., отиѣченные рокомъ и тайной. Въ этомъ диковинномъ романтическомъ мірѣ, чѣмъ болѣе лицо какое-нибудь оставалось неизвѣстнымъ, тѣмъ оно было и интереснѣе.

Одинъ Донъ-Карлосъ вѣрнѣе природѣ, и по-тому въ немъ заключается истинное величіе драмы.

Но меня поразила и другая вещь: скука, какой вѣдетъ отъ этой пьесы. Романтическая драма стала несомнѣнно такою же скучной, какъ и трагедія. Мы нисколько не интересуемся всѣми этими господами. Діалогъ наполненъ испанскими именами, которые невнятно доносятся до публики, и вся историческая часть, съ аффектаціей выдвигаемая на первый планъ, и которою авторъ злоупотребляетъ, оставляетъ насъ холодными, вниманіе утомляется, зритель становится разсѣяннымъ и съ трудомъ слѣдитъ за дѣйствіемъ. Ни на одну минуту волненіе не овладѣваетъ зрителемъ. Иллюзія не производится, нѣтъ мѣста для глубокаго литературнаго восхищенія. Такъ напримѣръ, часто поднимался на смѣхъ разсказъ Терамена въ „Федръ“; но развѣ безконечный монологъ Карла V, передъ гробницей Карла Великаго, не есть тотъ же разсказъ Терамена, которому вдобавокъ нѣтъ конца. Онъ также утомителенъ для зрителей. И какая опять скука вѣдетъ отъ знаменитой сцены съ портретами. Викторъ Гюгб, когда писалъ ее, думалъ, что онъ очень сцениченъ. А вышло наоборотъ, ничто такъ не замедляетъ дѣйствія, какъ это бесполезное перечисленіе предковъ.

Надо видѣть въ какое затруднительное положеніе поставленъ актеръ, играющій Донъ-Карлоса во время этой нескончаемой болтовни стараго Гомеца. При чтеніи, это и въ голову не приходитъ. На сценѣ неправдоподобность сцены бросается въ глаза. Донъ-Карлосъ двадцать разъ заставилъ бы стараго болтуна замолчать. И все это ради того, что поэту хотѣлось удешевить эффектъ, чтобы сильнѣе подчеркнуть, что Сильва не можетъ выдать своего гостя. Вѣда въ томъ, что весь эффектъ пропадаетъ: его приходится слишкомъ долго ждать.

Конечно, во время перваго представленія много хлопали. Но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ характера этихъ апплодисментовъ. Я говорилъ уже, что невозможно разсуждать въ наше время о театрѣ Виктора Гюго. Слишкомъ много вліяній дѣйствуютъ на публику, чтобы восторгъ, съ какимъ встрѣчено возобновленіе представленій его драмъ, былъ справедливымъ и безпристрастнымъ приговоромъ. Во-первыхъ, выступаетъ впередъ вопросъ политическій, который очень важенъ. Въ Викторѣ Гюгб привѣтствуютъ великаго патріота, великаго республиканца. Съ другой стороны, въ театрѣ присутствуетъ романтический хвостъ, т.-е. я подразумѣваю подъ этимъ людей, убаюкиваемыхъ въ юности романтизмомъ и привѣтствующихъ эту литературу своей молодости, безъ разбора партій.

Сюда слѣдуетъ причислить иное поколѣніе поэтовъ, зачисленныхъ въ романтическій полкъ. Съ одной стороны уваженіе къ человѣку, съ другой — глубокое литературное восхищеніе помогаютъ тому, что весьма освѣзательная скука, производимая мѣсосою, скрывается за этими оваціями.

Если бы я сказалъ, что публика оставалась холодна, несмотря на англодисменты, то это смахивало бы на парадоксъ. А между тѣмъ это чистая правда! Сколько разъ въ мѣстахъ, заранѣе опредѣленныхъ, одни плакеры дѣйствовали, среди ледяного безмолвія залы; раздавался вдругъ тотъ рѣзкій, особенный залпъ рукоятеканій, который внезапно начинается и внезапно кончается, точно ружейный залпъ. Въ другихъ мѣстахъ вся зала одушевлялась; но только это всегда бывало по поводу стиховъ, которые останутся самыми прекрасными въ нашей французской поэзіи. Въ „Hernani“ всегда рупоуплещутъ поэту, но не драматическому писателю.

Мнѣ остается высказать еще послѣдній аргументъ, а поговорю въ нѣсколькихъ строкахъ о двухъ актерахъ, игравшихъ въ этой драмѣ: Монне-Сюлли и Вормсъ. Вормсъ въ роли Донъ-Карлоса имѣлъ такой громадный успѣхъ, что Монне-Сюлли, игравшій роль Эрнани, отошелъ на задній планъ. Это весьма характеристичное обстоятельство. Главное несчастіе Монне-Сюлли, этого талантливаго актера, заключается въ томъ, что онъ родился полустолѣтіемъ позже. Ему слѣдовало родиться вмѣстѣ съ Фредерикомъ Леметромъ и Вожакомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда онъ нашелъ бы себѣ мѣсто, тогда какъ теперь я считаю, что онъ совсемъ не въ своей сферѣ.

Рѣчь Монне слишкомъ отрывиста и слишкомъ пламенна для нашихъ ушей. Его пѣвучій голосъ удивляетъ насъ, мы находимъ неестественнымъ то, какъ онъ ворочаетъ глазами и скалитъ свои бѣлые зубы; когда онъ ходитъ по сценѣ, то кажется просто бѣшеннымъ возлѣ своихъ спокойныхъ и разсудительныхъ товарищей. Дѣло въ томъ, что въ немъ течетъ кровь 1830 г., и онъ играетъ Эрнани такъ, какъ бы его играли въ то время, а потому въ настоящее время намъ онъ кажется почти смѣшнымъ. Возлѣ него Вормсъ кажется совсѣмъ инымъ. Этотъ послѣдній какъ-бы созданъ для натуральной драмы. Онъ анализируетъ свою роль, овладѣваетъ ею вполне и передаетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Это искусный художникъ, страстно любящій правду и которому противныя безполезныя преувеличенія. И подумайте, какое чудо! онъ сказалъ монолога Карла V-го съ такимъ величественнымъ спокойствіемъ, что весь успѣхъ оказался на его сторонѣ. Развѣ это не изумительно? реальный актеръ побѣждаетъ романтическаго актера, и какъ разъ.

на почвъ 1830 г.? Романтическая формула значить совѣтъ отжила, если Борнсу сдѣлали овацію въ „Негнані“.

Меня лично упрекали въ томъ, что я неблагодарный сынъ романтизма. Нѣтъ, я вовсе не неблагодаренъ. Я знаю, что наши старшіе братья выиграли славную битву и проникнуты восхищеніемъ и благодарностью къ Виктору Гюго. Но только что меня сердить и когда я начинаю возмущаться, такъ это тогда, когда сектанты хотять остановить французскую литературу на романтизмѣ. Если вы завоевали свободу, то дозвольте и намъ воспользоваться ею. Романтизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ возмущеніемъ; намъ предстоитъ генеръ воспользоваться побѣдой, создавая правдивыя произведенія. Движеніе, начатое вами, продолжается нами, что-жъ тутъ удивительнаго? Это человѣческій законъ. Мы заимствуемъ вашъ умъ, но не хотимъ вашей риторикѣ.

Я уже говорилъ, какое мѣсто занимаетъ Викторъ Гюго въ моей юности. Я отъ него не отрекся, но думаю только, что пора помѣстить его въ музей нашихъ великихъ писателей, рядомъ съ Корнелемъ и Мольеромъ. Драмы его будутъ даваться время отъ времени, какъ славныя формулы искусства извѣстной эпохи. Не забудутъ, что „Негнані“ былъ написанъ имъ въ двадцать семь лѣтъ, и что онъ привнесъ съ собой цѣлую литературную революцію. Блескъ этой поэзіи будетъ вѣчно восхищать. Но само собой разумѣется, что нельзя считать „Негнані“ послѣднимъ словомъ нашей драматической литературы, что эта литература продолжаетъ развиваться, что болѣе логическая и болѣе глубоко-гуманная формула можетъ наследовать формулѣ романтической.

Возобновленіе представленій „Негнані“ ничего не доказываетъ. „Негнані“ произведеніе классическое, и ему можно только рукоплескать. Слѣдовало бы Виктору Гюго поставить на сцену тѣ двѣ драмы, которыя лежатъ у него въ портфель, какъ говорятъ, чтобы можно было судить о точномъ впечатлѣніи новаго произведенія, написаннаго по старой формулѣ. Что касается меня, то я резюмирую свое мнѣніе, сказавъ, что драмы поэта—очень плохой театръ, драпированный очень красивыми стихами.

VI.

Другой аргументъ, къ которому не преминуть прибѣгнуть противники натурализма—это великій успѣхъ, одержанный на послѣднихъ дняхъ въ *Ambigu* гг-ни Деннери и Кормонъ большой, шести-актной мелодрамой: „*Une saute céleste*“. Публика на первомъ представленіи не переставала плакать и аплодировать. Это фактъ, который слѣдуетъ засвидѣтельствовать и рассмотреть.

Главной удачей авторовъ оказался выборъ сюжета, глубоко гуманнаго. При ихъ знаніи театра имъ пришло въ голову: какую трогательную драму можно построить на положеніи, имѣвшемъ мѣсто въ нѣсколькихъ недавнихъ процессахъ: а именно на положеніи отца убійцы, котораго дочь, дѣвочка четырехъ или пяти лѣтъ, своимъ показаніемъ передаетъ отца въ руки правосудія. Прологъ будетъ раздирающій, а въ пьесѣ позднѣе отецъ и дочь снова сталкиваются, причѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы по возможности драматичнѣе обработать ихъ взаимное отношеніе.

Само собой разумѣется, авторы избрали точкой отправленія обстоятельство, неизбежное для мелодрамы: отецъ невиненъ. И вотъ какой прологъ въ двухъ картинахъ сочинили они. Мы находимся наканунѣ битвы при Фонтенѣ. Одинъ сержантъ, Жанъ Рено, приходитъ тайкомъ повидаться съ женой Мадленой и дочерью Адриенной, пятилѣтнимъ ребенкомъ. Но главнымъ образомъ онъ пришелъ затѣмъ, чтобы вручить Мадленѣ на храненіе фамильныя бумаги и драгоценности, переданныя ему однимъ путешественникомъ, графомъ де-Морва, очутившемся между двухъ армій, смертельно раненнымъ, и подарившимъ ему сумму въ триста лундоровъ. Надо сказать, что Жанъ Рено спасъ графа отъ одного мародера, еврея Лазаря, который готовился добить графа. Жанъ Рено уходитъ обратно въ лагерь; но не успѣлъ онъ выйти въ дверь, какъ Лазарь, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, входитъ въ окно. Онъ хочетъ, чтобы Мадлена выдала ему бумаги и драгоценности, но такъ какъ та сопротивляется, а маленькая Адриенна, запертая въ сосѣдней комнатѣ, принимается кричать, то онъ велитъ матери, чтобы она заставила умогнуть ребенка, сказавъ: не бойся, я съ твоимъ отцомъ. Мадлена падаетъ, сраженная ударомъ ножа, сбѣгаются сосѣди, сенешаль составляетъ протоколъ на основаніи показанія дѣвочки, которая повторяетъ то, что она слышала. И никто въ селеніи этому не удивляется, потому что Жанъ Рено, честный человѣкъ, обожавшій жену, зачастую страшно ссорился съ ней изъ ревности. Вторая картина пролога происходитъ

на другой день послѣ битвы при Фонтенэ. Жанъ Рено взялъ знамя, и его полковникъ д'Обтерръ поздравляетъ его. Въ эту минуту приходитъ сенешаль съ маленькой Адриенной. Съ Жана Рено снимаютъ допросъ, ребенокъ дѣлаетъ свое показаніе, и отецъ присуждается къ смертной казни, поверженный въ самое трагическое отчаяніе насильственной смертью жены и страшнымъ обвиненіемъ дочери. Ему остается вѣрять только его товарищъ по оружію Шамборанъ, который не вѣритъ въ его виновность.

Итакъ, вотъ завязка. Этотъ прологъ заранее даетъ предчувствовать все содержаніе драмы, и для того, кто знаетъ бульварный репертуаръ, не трудно угадать то, что произойдетъ. Можно навѣрное предсказать, что Адриенна, очень счастливая, встрѣтится со своимъ отцомъ, очень несчастнымъ, и что невинность этого послѣдняго, послѣ болѣе или менѣе жестокихъ перипетій, будетъ, наконецъ, признана, между тѣмъ, какъ настоящій виновный, Лазарь, будетъ наказанъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Искусство авторовъ должно заключаться лишь въ томъ, чтобы самымъ занимательнымъ образомъ привести публику къ развязкѣ, уже заранее имъ извѣстной. Развязка извѣстна, но неизвѣстно, какъ дойдутъ до нея авторы. И даже не нужно быть особенно догадливымъ, чтобы сообразить, какинъ образомъ Лазарь будетъ уличенъ. У Мадленъ было очень роскошное ожерелье, подаренное ей въ день свадьбы ея крестной матерью г-жой д'Обтерръ. Жанъ Рено положилъ его вмѣстѣ съ драгоценностями, врученными ему графомъ де-Морна, такъ что Лазарь, если только вздумаетъ продать эти драгоценности, — безосознательно для самого себя, предъявить доказательство совершеннаго имъ убійства и воровства. Вотъ и вся незатѣйливая механика драмы, весьма искусно построенной.

Итакъ, драма развязывается весьма развязно, даже слишкомъ развязно. Когда драматурги неловки, то они становятся нахальны. Шамборанъ спокойно поручилъ Адриенну герцогу и герцогинѣ д'Обтерръ, которые воспитываютъ ее, какъ приемную дочь, не подозревая о томъ: кто ея отецъ. Въ драмѣ есть весьма сложные сцены, которыхъ я не стану разбирать и которыя клонятся единственно лишь къ тому, чтобы весь этотъ людъ, знавшій другъ друга, на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ позабылъ другъ о другѣ. У герцога и герцогини, конечно, это просто-на-просто расвѣянность. Наконецъ, какъ бы то ни было, а въ ту минуту, какъ молодая дѣвушка, богатая, счастливая, осипанная всѣми благами и всѣми дарами, готовится выйти замужъ за молодого офицера, котораго любить, проходить не дорогѣ толпа каторжниковъ, которыхъ вѣжливо просятъ войти въ

нарь отдохнуть подъ тѣнистыми деревьями. Да! представьте себѣ, какъ все это просто дѣлается на свѣтѣ. Они входятъ, и отецъ узнаетъ дочь, потому что, само-собою разумѣется, Жанъ Рено находится въ числѣ этихъ каторжниковъ. Отецъ и дочь кричатъ добрыхъ четверть часа, между тѣмъ какъ другіе каторжники дѣлаютъ видъ, что ничего не слышать. Затѣмъ, наконецъ, когда надо снова пуститься въ путь, Жанъ какъ-будто спохватывается, что они не одни, и становится въ рядъ, дѣлая знакъ дочери молчать. Мнѣ это показалось комичнымъ. Однако публика плачетъ — и очень горько.

Драма была бы кончена, если бы авторы не придумали новой интересной перипетіи.

У Адриенны есть пріятельница, вмѣстѣ съ ней воспитывавшаяся въ монастырѣ, Валентина, исторія которой тоже очень романична. Отецъ ея довѣрилъ ее канониссу д'Армалъе и затѣмъ исчезъ безслѣдно. Между тѣмъ, оказывается, что Валентина дочь графа де-Морна. Когда Лазаръ появляется съ бумагами и драгоценностями, которыя у него хранились въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, онъ заявляетъ притязаніе на титулъ графа де-Морна, чтобы войти во владѣніе громадными помѣстьями, и такъ какъ ему нужно прежде признать Валентину, чтобы достигъ своей цѣли, то онъ является за ней въ замокъ д'Обтерръ, гдѣ она находится вмѣстѣ съ Адриенной. Я ничего не говорю про этого терпѣливаго мошенника, но, право, онъ слишкомъ хитеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ наивенъ. Валентина признаетъ въ немъ отца. Но вотъ, роясь въ знаменитыхъ драгоценностяхъ, она находитъ знаменитое ожерелье Мадлѣны, которое Адриенна сто разъ ей описывала. А такъ какъ мнимый графъ де-Морна лишаетъ Жана Рено его послѣдней надежды, дѣлая противъ него убійственное показаніе, что онъ никогда и не думалъ довѣрять своихъ драгоценностей и своихъ бумагъ этому солдату, то Валентина больше не сомнѣвается: ея отецъ — убійца. Тутъ я ожидалъ, что вся зала расхохочется, до того это невѣроятно; но ничуть не бывало, — зала принялась аплодировать. Очевидно вѣдь, что человѣкъ, убившій Мадлѣну и укравшій бумаги, не можетъ быть графомъ де-Морна. Естественно было бы Валентинѣ подумать: „этотъ человѣкъ не можетъ быть моимъ отцомъ. Онъ укралъ драгоценности, онъ укралъ титулъ, онъ вообще воръ и лгуны“. Но, ради хода драмы, нужно было, чтобы Валентина повѣрила, что она дочь этого негодяя. Такимъ образомъ, положеніе ея относительно Адриенны весьма драматично. Адриенна, пяти лѣтъ отъ роду, выдала отца, не вѣдая, что творить, и это злое дѣло убиваетъ ее. Валентина, взрослая и сознающая смыслъ своихъ поступковъ, можетъ ли, въ свою очередь, выдать отца,

чтобы спасти невиннаго Жана Рено? Вслѣдствіе этого, между Валентиной и мнимымъ де-Мориа — и затѣмъ между обѣими дѣвушками — происходятъ весьма мучительныя и хорошо написанныя сцены.

Наконецъ, пьеса развязывается такъ, какъ этого можно было ожидать, судя по прологу. Каноникисса сообщаетъ Валентинѣ, что она дочь графа де-Мориа, но что негодяй, который явился къ ней, конечно, не ея отецъ. Съ этой минуты, Валентина болѣе не колеблется показать ожерелье — и Лазарь уличенъ. Жанъ Рено, находящійся вѣдѣ по приназу герцога, котораго авторы нарочно сдѣлали губернаторомъ Прованса, объявляется невиннымъ, и Адриенна выходитъ замужъ за своего молодого офицера, который выказался такимъ рыцаремъ, что въ продолженіи всей драмы восторгался гуманной мыслью, что женится—во что бы то ни стало—на дочери невиннаго каторжника.

Такова „Une sainte célébre“—и, повторяю, я безъ малѣйшаго смущенія свидѣтельствую объ ея весьма законномъ успѣхѣ. Особенно обветшала вѣдѣ драма романтическая, драма историческая, драма съ развѣвающимися султаномъ и длинными тирадами. Денпери и Кормонъ, правда, немѣстили свою драму въ царствованіе Людовика XV, но весь вопросъ тутъ только въ однихъ костюмахъ. Пьеса вполне современная. Къ тому же, надо сознаться, что мелодрама въ такомъ видѣ была и останется силой. Какъ хотите вы, чтобы толпа оставалась равнодушной въ такимъ сильнымъ впечатлѣніямъ: мать, которую убиваютъ, маленькая дѣвочка, кричащая за кулисами, отецъ, обвиняемый по-напрасну? Публика всегда роковымъ образомъ будетъ ходить на такіа представленія, подобно тому, какъ она ходитъ смотрѣть, какъ гильотинируютъ въ улицѣ Ларокеттъ, или—какъ она бросается на улицу—глядѣть на раздавленнаго человѣка. Это удовольствіе чисто-физическое, если въ этомъ вообще есть какое-нибудь удовольствіе. Нервы потрясены, слезы текутъ невольно. Это эффекты вѣрный и сильный, противъ котораго безсильны всѣ литературныя разсужденія, всѣ вопросы вкуса.

По-моему, прологъ превосходитъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если бы измѣнить въ немъ языкъ, который ни на что не похожъ, то я бы не потребовалъ другого ни для какой современной драмы, написанной по той формулѣ, на которую я указывалъ. Я рѣдко видѣлъ на театрѣ что-либо болѣе удачное и эффектное, чѣмъ убійство Мадленны. Во второй картинѣ, отчаяніе отца, страшное показаніе Адриенны требовали бы гениальности для того, чтобы вышло все то, что должно было бы выйти; но въ сущности авторы достаточно намѣтили поло-

женіе. Зато все пропало тамъ, гдѣ начинается самая драма. Какая дикая комбинація: герцога и каторжника! Какъ бы вы хохотали, если бы неожиданное волненіе не хватало бы васъ за горло. Деннери и Кормонъ посмѣялись бы въ отвѣтъ на мой упрекъ, что ихъ драма невѣроятна. Очень имъ нужна правда! они хотятъ только завладѣть публикой. И вотъ они громоздятъ эффектъ на эффектъ, заранее зная, въ какихъ мѣстахъ женщины будутъ плакать. Каторжникъ приходитъ къ герцогу—сенсация! дочь, въ платьѣ съ оборками, бросается въ объятія отца въ красной курткѣ—сенсация! злодѣй приходитъ со шкатулкой—сенсация! развязка, которой всѣ ожидаютъ и которую заранее предвидятъ, приходитъ безъ малѣйшей неожиданности, но сенсация, тѣмъ не менѣе, произведена,—сенсация вопреки и наперекоръ всему. И самыя глупыя фразы, глупыя до слезъ, будутъ вызывать наибольше рукоплесканій. Это—фактъ, и сердиться на него бесполезно. Общественной глупости всегда нуженъ будетъ какой-нибудь исходъ.

Но какой критикъ осмѣлится сказать нашей литературной молодежи:—вы видите, такія вещи удаются, пишите же ихъ.

Гдѣ тотъ варваръ, тотъ человѣкъ, лишенный всякаго вкуса, который бы захотѣлъ вовлечь нашъ театръ въ такой омутъ? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что мелодрама—родъ грубый и низшій, не заявляющій особыхъ притязаній. Я его оставляю на его мѣстѣ и только желаю ему немного болѣе здраваго смысла и немного болѣе стиля. Неужели это слишкомъ большое требованіе. Когда пьесу Деннери и Кормона дадутъ двѣсти или триста разъ сряду, отъ нея останется только брошюрка, надъ которой посмѣются наши дѣти. Съ болѣешимъ уваженіемъ къ правдѣ, они могли бы оставить послѣ себя литературное произведеніе.

VII.

Я уже указалъ, говоря о тѣхъ пьесахъ, которыя пользуются успѣхомъ, на тѣ выводы, какія думаю извлечь изъ всего этого. Мы имѣемъ дѣло уже не съ теоріей, а съ цѣлымъ рядомъ опредѣленныхъ и весьма типичныхъ фактовъ. Давно уже я предсказывалъ развитіе на театрѣ натуралистическаго движенія; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы стремленіе къ изслѣдованію и анализу, выражающее собой весь девятнадцатый вѣкъ и внесшее переворотъ во всѣ науки и искусства, оставило въ сторонѣ драматическое искусство. Естественныя науки появились въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Химія, физика родились

вмѣстѣ съ нашими столѣтіемъ; исторія и критика возродились и были такъ сказать созданы послѣ революціи; цѣлый новый міръ вышелъ изъ нѣдръ земли и пришлось начинать сызнова: анализировать человѣка и матерію, изслѣдовать то, что существуетъ. Изъ этого выросла великая натуральная или реалистическая школа, которая глухо, неутомимо развивалась, шествуя зачастую въ потемкахъ, но тѣмъ не менѣе подвигалась впередъ гигантскими шагами и восторжествовавшая наконецъ во-очію. Въ романѣ Бальзакъ былъ смѣльнымъ и могучимъ новаторомъ, поставившимъ на мѣсто воображенія поэта наблюденіе ученаго. Но въ театрѣ переворотъ совершался гораздо медленнѣе. Никакой еще знаменитый писатель не выразилъ новой идеи въ какой-нибудь драмѣ или комедіи. Только въ силу аналогіи можно было предсказывать, что театръ не останется въ сторонѣ отъ общаго движенія вѣка.

Теперь у насъ на-лицо факты, и я указалъ на нихъ. Я не придаю тѣмъ пьесамъ, которыя даются въ настоящее время на нашихъ театрахъ, такого значенія, какового у нихъ нѣтъ. Но онѣ тѣмъ не менѣе являются весьма интересными симптомами. Какъ вы думаете: стали бы аплодировать „l'Ami Fritz“ двадцать лѣтъ тому назадъ? Конечно, нѣтъ. Эта пьеса, въ которой во-время ѣдятъ, въ которой влюбленный говоритъ такимъ обиденнымъ языкомъ, возмущилъ бы и классиковъ и романтиковъ. Чтобы объяснить ея успѣхъ, надо признать, что время сдѣлало свое дѣло, и медленный переворотъ совершился въ публикѣ. Правдивыя картины, отталкивавшія сначала, теперь привлекаютъ. Толпа увлечена, и отнынѣ театръ доступенъ для всякихъ попытокъ. Вотъ единственное заключеніе, какое можно вывести. Въ театрѣ „Gymnase“ успѣхъ „Pierre Gendron“ быть можетъ еще удивительнѣе для того, кому знакомъ прѣсный репертуаръ этого театра. И тамъ произошло типичное явленіе: „Pierre Gendron“ выдержалъ только двадцать представленій, несмотря на успѣхъ перваго. Онъ снискалъ рукоплесканія образованной публики, но публика буржуазная осталась къ нему холодна, что доказываетъ медленность того движенія, о которомъ я говорилъ. Что касается „Club“ и „Cigale“, то успѣхъ ихъ, болѣе постоянный, очевидно зависитъ отъ декораций и „mise-en-scène“. Поэтому не слѣдуетъ преувеличивать торжества. Публика еще не вполне побѣждена. Но она вступила на путь уступокъ и на этомъ пути уйдетъ далеко.

Если изучить ближе исторію нашей драматической литературы, то мы различимъ въ ней нѣсколько рѣзко очерченныхъ періодовъ. Во-первыхъ, мы видимъ младенчество искусства, фарсы и истеріи среднихъ вѣковъ, простые речитативы, говорившіеся среди ребяче-

ской „mise-en-scène“ и самых первобытных декораций. Мало-помалу пьесы усложняются, но самым варварским образом, и когда появляется Корнель, то его приветствуют главным образом как новатора, потому что онъ очищаетъ драматическую формулу того времени и освящаетъ ее своимъ гениемъ.

Расинъ и Мольеръ тоже новаторы, непризнанные современниками и вызывавшіе ихъ несправедливыя и даже разъяренныя сужденія. Было бы весьма любопытно и поучительно изучить по документамъ то, какъ классическая формула создавалась у насъ. Она навѣрное соответствовала образованію и общественному духу той эпохи. Ничто не бываетъ прочно, если не построено на потребностяхъ общества. Трагедія царяла въ продолженіи трехъ вѣковъ, потому что она отвѣчала потребностямъ трехъ вѣковъ. Гении различныхъ темпераментовъ поддерживали ее своими произведеніями. Поэтому мы видимъ, что она долго еще господствовала даже и тогда, когда второстепенные таланты производили совсѣмъ ничтожныя вещи. Она была установившейся силой и продолжала при этомъ служить литературнымъ выраженіемъ того общества, и ничто не могло бы сокрушить ее, если бы само общество не исчезло. Послѣ революціи, послѣ этого глубокаго переворота, который все преобразилъ и создалъ новый міръ, трагедія продолжала еще влечить жалкое существованіе, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Затѣмъ формула рухнула, и восторжествовалъ романтизмъ, воцарилась новая формула. Надо перенестись въ первую половину нашего столѣтія, чтобы вполне понять значеніе этого крика свободы. Новое общество еще не сложилось окончательно. Возбужденные умы, насильственно перенесенные изъ одной сферы въ другую, пребывали въ опасномъ лихорадочномъ состояніи, и первое примѣненіе, какое они сдѣлали изъ завоеванной свободы, выразилось въ слезахъ и вопляхъ, въ мечтаніяхъ объ изумительныхъ похожденіяхъ, о сверхъестественной любви. Всѣ глядѣли на звѣзды и убивались—весьма любопытная реакція противъ общественнаго освобожденія, провозглашеннаго цѣною такихъ потоковъ крови. Я остаюсь въ предѣлахъ драматической литературы, и утверждаю, что романтизмъ въ театрѣ былъ мятежомъ, вторженіемъ побѣдоносной толпы, которая насильно протиснулась на сцену съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами. Въ первую минуту, сражающіеся главнымъ образомъ старались поразить умы новой формой; они риторикѣ противопоставили другую риторикъ, древности—средніе вѣка, экзальтацію страсти экзальтаціи долга. Вотъ и все, такъ какъ сценическая условность перемѣстилась,—и только. Дѣйствующія лица продолжали быть марионетками, только иначе одѣтыми, и ничто не измѣнилось кромѣ наруж-

ности и языка. Впрочемъ, этого было довольно для того времени. Надо было завладѣть театромъ во имя литературной свободы, и романтизмъ выполнялъ роль мятежника съ невѣроятнымъ блескомъ. Но кто же не понимаетъ въ настоящее время, что этимъ роль его и ограничилась. Развѣ романтизмъ выражаетъ наше общество тѣмъ или инымъ способомъ? развѣ онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ нашей эпохи? Очевидно, нѣтъ. Поэтому онъ уже устарѣлъ, какъ жаргонъ, котораго мы больше не понимаемъ. Классическая литература, которую онъ льстилъ себя надеждою замѣнить, жила въ продолженіи трехъ вѣковъ, потому что она опиралась на самый складъ того общества; но романтизмъ, ни на чемъ не основанный, кромѣ фантазіи нѣсколькихъ поэтовъ или, если хотите, переходящей болѣзни умовъ, возбужденныхъ историческими событіями, долженъ былъ роковымъ образомъ исчезнуть вмѣстѣ съ этой болѣзнью. Онъ послужилъ поводомъ къ великолѣпному расцвѣту лирики, и это будетъ его вѣчной славой. Но въ настоящее время, когда переворотъ выяснился окончательно, всѣмъ стало очевидно, что романтизмъ былъ просто-напросто звеномъ между классической литературой и реалистической. Мятежъ оконченъ, и теперь предстоитъ основать новое государство. Натуральная школа вытекаетъ изъ классическаго искусства, подобно тому какъ новое общество основано на обломкахъ древняго общества. Она одна соотвѣтствуетъ нашему общественному состоянію, она одна имѣетъ глубокіе корни въ современномъ духѣ, и она дастъ единственную формулу прочнаго и живучаго искусства, потому что эта формула выразитъ современное мышленіе. Вѣтъ ея нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ скоропреходящихъ модъ и фантазій. Она, повторяю, служить выраженіемъ нашего вѣка, и чтобы ей погибнуть, необходимо было бы, чтобы новый переворотъ преобразовалъ наше демократическое общество.

Теперь можно пожелать одного только: появленія генія, который бы освятилъ натуралистическую формулу. Въ романѣ появился Бальзакъ, и романъ былъ основанъ. Когда появятся наши Корнели, Расины, Мольеры, чтобы основать у насъ новый театръ? Я указалъ на ихъ предвозвѣстниковъ. Остается—надѣяться и ждать.

Эмиль Зола.

ДВА ДѢЛА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ.

СБОРНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Т. XXI. Спб. 1877.

Юбилей Александра I-го, заключившій собою истекшій годъ, благодаря и значенію того времени, и усиліямъ печати, вызвалъ въ обществѣ новый интересъ къ Александровской эпохѣ; въ теченіи двухъ-трехъ дней газеты были переполнены обзорѣніями этого двадцати-пяти-лѣтія, біографическими подробностями, рассказами отдѣльных эпизодовъ, анекдотами и т. п. Все это, правда, получило размѣры болѣе крупныя, нежели то было въ обычаѣ при подобныхъ случаяхъ, но все это, конечно, и ограничилось одною поверхностью общественной жизни, гдѣ вообще такъ скоро вытѣсняются одни впечатлѣнія другими, болѣе новыми. Иное значеніе имѣютъ факты изъ области науки, историческіе памятники эпохи. Хотя новый выпускъ (21-й томъ) „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ появился ко дню юбилея и притомъ посвященъ исключительно времени Александра I-го, но, по важности его содержанія, самому выбору напечатанныхъ въ немъ документовъ, этотъ выпускъ совершенно выдѣляется изъ ряда эфемеридъ, которыми обыкновенно сопровождались всѣ юбилеи.

Документы, вошедшіе въ составъ новаго выпуска, характеризуютъ собой два главныхъ дѣла царствованія Александра I-го:—защита государства отъ могущественнаго внѣшняго врага, и защита его отъ не менѣе могущественныхъ внутреннихъ враговъ, а именно, общественной апатіи, повальной лжи, повсемѣстнаго хищничества, всякихъ административныхъ злоупотребленій, при полномъ безсиліи закона. Кульминаціоннымъ пунктомъ внѣшней борьбы была отечественная война; хотя она окончилась полнымъ торжествомъ, но за нимъ побѣдителя уже ожидали сѣти Меттерниха; война внутренняя была только объявлена въ видѣ реформъ,—но такъ и осталась неоконченною, заглушенной шумомъ и блескомъ внѣшней борьбы.

Для эпохи отечественной войны въ „Сборникѣ“ изданы донесенія и письма самому императору и канцлеру графу Румянцову изъ-за границы: изъ Парижа—князя А. Б. Куракина и графа А. П. Шувалова; полковника А. И. Чернышева—изъ Шенбрунна, близъ Вѣны, и изъ

Парижа; и барона Сухтелена—изъ Стокгольма. Эпоха, которую обнимаютъ эти документы, а именно, 1809—1812 гг., служила прологомъ къ колоссальной европейской войнѣ, и уже это одно говоритъ о великой важности ихъ и необычайномъ интересѣ. Это, можно сказать, повѣствованіе, продиктованное самими дѣйствующими лицами; въ прежнее время писали романы въ письмахъ, и именно подобнымъ романомъ можно назвать всю эту дипломатическую переписку, и читается она съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, какъ читаются романы лучшихъ авторовъ. Особенно любопытны своими живыми подробностями, схваченными, очевидно, съ натуры, донесенія полковника А. И. Чернышева (впослѣдствіи князя и военного министра). Мы можемъ здѣсь представить, конечно, только небольшой образчикъ оттуда, и остановимся именно на томъ, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ интересамъ дня.

Донесеніе пишется въ октябрѣ 1810 года, прямо къ императору. Въ Россіи идетъ война съ Турціею, и военныя дѣйствія сосредоточены около Руссука. Французскій дворъ живетъ въ Фонтенблѣ; 9-го октября у императора балъ. Полковникъ Чернышевъ собирается оставить Францію; его пригласили также на балъ. Наполеонъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы, кромѣ письменнаго обращенія къ императору Александру, довести чрезъ Чернышева устно до его свѣдѣнія о многихъ важныхъ вещахъ и изобразить ему „положеніе дѣлъ такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ, и въ томъ свѣтѣ, въ какомъ Наполеонъ желаетъ“. Императоръ отводитъ Чернышева къ окну—и тамъ, въ сторонѣ отъ другихъ, завязывается бесѣда.

„Его Величество,—говоритъ Чернышевъ,—спросилъ меня, не имѣемъ ли мы (т.-е. въ посольствѣ) извѣстій о нашихъ дѣлахъ въ Турціи, и сказалъ, что онъ предполагаетъ—теперь Руссуку уже взять, и сдача этой крѣпости должна была быть непремѣннымъ послѣдствіемъ битвы при Ботинѣ; его мнѣніе таково, что мы могли бы заключить миръ, самое позднее—въ январѣ мѣсяцѣ. Тогда турки, гордые тѣмъ, что сопротивлялись и сражались нѣкоторое время съ русскими, и, сверхъ того, теряя окончательно надежду на поддержку со стороны континентальныхъ державъ, сочли бы необходимымъ уступить обѣ провинціи (нынѣшнюю Румынію), которыя мы уже завоевали. По его мнѣнію, была ошибка съ нашей стороны, что турки показали въ этой кампаніи больше энергіи и сопротивленія, чѣмъ въ предыдущія, и что наша переправа черезъ Дунай произвела въ нихъ такую тревогу и придала мужество; что онъ не понимаетъ, каковъ былъ нашъ планъ: если идти на Константинополь, то пришлось бы преодолѣть много трудностей не только со стороны турокъ, но и со стороны

другихъ державъ. Для осуществленія этого проекта нужно было имѣть во главѣ арміи человѣка, соединявшаго въ себѣ военныя доблести съ большими политическими соображеніями; что въ этомъ отношеніи графъ Каменскій былъ очень слабъ... Его (Наполеона) мнѣніе и планъ были таковы; что мы должны были бы удовольствоваться тѣмъ, чтобы, расположивъ четыре дивизіи на лѣвомъ берегу Дуная, отражать турокъ каждый разъ, когда они пытались переправиться, а не принимать дальше. Онъ былъ увѣренъ, что тогда турки, видя, что отобрать завоеванныя провинціи имъ не удастся, и видя согласіе между великими континентальными державами, по необходимости принуждены были бы заключить миръ на требуемыхъ условіяхъ, что такого рода война съ ними не произвела бы въ нихъ ни того энтузіазма, ни того изступленія, которые они показали, а слѣдовательно стѣнла бы намъ меньше людей и меньше денегъ... Послѣ этого онъ мнѣ говорилъ о нашемъ вексельномъ курсѣ и сказалъ: „не война съ англичанами была причиной тому, что онъ сдѣлался такъ плохъ; что надо винить въ этомъ дурное управленіе финансами у насъ съ давнихъ поръ и слишкомъ большое количество выпущенныхъ ассигнацій“...

Нѣсколько дней спустя, полковникъ Чернышевъ имѣлъ новую и длинную бесѣду съ Наполеономъ; вся она посвящена мирнымъ увѣреніямъ императора и его доводамъ въ пользу невозможности самой мысли о войнѣ между Россією и Францією. Любопытно, что въ 1810 году Наполеонъ высказалъ по этому поводу мысль, которая спасла бы его черезъ два года, если бы онъ ее не забылъ: „Я не зналъ бы что дѣлать, углубившись во льды Польши, или войдя въ долины Украины“, говорилъ Наполеонъ въ опроверженіе слуховъ, будто онъ собирается объявить войну Россіи.

Чѣмъ болѣе мы приближаемся ко времени окончательнаго разрыва, тѣмъ болѣе выступаетъ въ письмахъ и донесеніяхъ драматическая сторона дѣла, подготовлявшаго въ тиши кабинетныхъ переговоровъ и обоюдныхъ вѣжливостей колоссальное столкновеніе народовъ, со всѣми внутренними пружинами этой драмы и изворотами, ключъ къ которымъ, очевидно, держалъ въ своихъ рукахъ Наполеонъ. Историкъ найдетъ тутъ массу мелкихъ указаній на ничтожныя факты, которые явились потомъ причиною великихъ событій. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, Куракинъ, видно, былъ уже вполне увѣренъ въ неизбежности войны, и даже, „уступая требованіямъ своей совѣсти“, смѣло рѣшился взяться не за свое дѣло и изложить императору Александру I-му свой планъ предстоящей войны съ Наполеономъ. Замѣчательно, что это какъ разъ тотъ планъ, который

вскорѣ началъ приводить въ исполненіе Барклай-де-Толли. „Полагаю,—пишетъ Куракинъ,—что мы не должны упускать изъ виду, что наша имперія не имѣетъ иныхъ крѣпостей, кромѣ груди нашихъ солдатъ, тогда какъ Наполеонъ ведетъ войну въ 800 миляхъ отъ Франціи, и ея границы защищены многими линіями крѣпостей, начиная съ тѣхъ, которыя онъ велѣлъ возвести послѣ Тильзитскаго мира въ герцогствѣ Варшавскомъ. Не для того, чтобы показать наше невыгодное въ военномъ отношеніи положеніе, я позволяю себѣ сдѣлать это замѣчаніе, но для того, чтобы вывести изъ него такое заключеніе, что необходима крайняя осторожность, государь, чтобы не подвергнуть опасности дѣльность нашихъ границъ, которыя на огромномъ пространствѣ, отъ Риги до Каменца, совершенно открыты, и не рѣшаться на генеральныя сраженія. Настоящій способъ вести эту войну, по моему мнѣнію, долженъ заключаться въ томъ, чтобы избѣгать всякаго генеральнаго сраженія и сообразоваться, сколько-возможно, съ малою войною, принятою въ Испаніи противъ французовъ, чтобы ихъ тревожить и стараться уничтожать недостаткомъ продовольствія такіа огромныя массы, которыя они поведутъ на насъ“.

Но еще за годъ до вступленія въ борьбу съ Наполеономъ, указанія на неизбежность ея были очень слабыя; надежда на мирный исходъ дѣла, повидимому, преобладала, и 1810 и 1811 годы могли явиться потому кульминаціоннымъ пунктомъ въ другомъ великомъ дѣлѣ Александровской эпохи: въ эти два года окончательно созрѣла мысль о великихъ внутреннихъ реформахъ и даже были сдѣланы первые шаги къ ихъ осуществленію. Для разъясненія сущности этого другого великаго дѣла помѣщенъ въ новомъ выпускѣ Сборника „Отчетъ въ дѣлахъ 1810 года, представленный императору Александру I-му М. М. Сперанскимъ, 11-го февраля 1811 года“, почти наканунѣ отечественной войны. Изъ первыхъ строчекъ этого отчета видно, какъ его авторъ намѣренъ былъ отнестись къ своему дѣлу, различая при этомъ публичныя и довѣренныя отчеты: „Въ публичныхъ отчетахъ,—говоритъ Сперанскій,—министры и управляющіе разными частями обыкновенно стараются доказать, что все идетъ наилучшимъ образомъ. Я счелъ бы себя недостойнымъ вниманія Вашего, если бы въ довѣренномъ отчетѣ дозволилъ себѣ представлять подобныя увѣренія“.

Насколько финансы опредѣляютъ общее положеніе дѣла, оно было ко времени отечественной войны, и еще за два года до нея, дѣйствительно критическое: „125 милліоновъ доходу, 225 милліоновъ расходу, 577 милліоновъ долгу“ — такъ восклицаетъ Сперанскій,

перейдя къ финансовымъ вопросамъ. Въ теченіи двадцати-двухъ лѣтъ передъ тѣмъ (1787 г.—1809 г.) всѣ финансовыя операціи, по словамъ отчета, состояли въ одномъ выпускѣ ассигнацій, и только въ годъ самаго отчета въ первый разъ былъ составленъ правильный финансовый планъ. Такимъ образомъ съ 1-го января 1810 года, можно сказать, въ первый разъ началась у насъ финансовая исторія. „Въ какихъ обстоятельствахъ должно было планъ сей приводить въ дѣйствіе?“ — спрашиваетъ Сперанскій. — „Тогда, какъ сильнымъ потрясеніемъ весь кредитъ Европы почти уничтожился, когда цѣлыя царства, такъ сказать, исчезали, торговля въ отчаяніи, самая недвижимая собственность безъ достовѣрности, и одно то только каждый считаетъ своимъ, что можно спасти отъ войны и скрыть отъ налоговъ—серебро и золото. Въ семъ состояніи общественныхъ дѣлъ, въ теченіи одного года, среди всеобщаго, такъ сказать, пожара, надлежало исхитить наши финансы изъ опаснаго ихъ положенія“.

Какъ человекъ государственнаго ума, Сперанскій понималъ, что финансы составляютъ только часть всего механизма, а потому еще въ концѣ 1809 года онъ составилъ „общій планъ государственнаго устройства, который — говорится въ отчетѣ — Вашему Величеству угодно было рассмотреть и опредѣлить и коего послѣдствіемъ было учрежденіе совѣта (государственнаго) и министерствъ въ настоящемъ ихъ видѣ“. По „общему плану“, въ его отдѣлѣ государственныхъ установлений, предполагалось открыть въ теченіи 1810 года или преобразовать три органа: государственный совѣтъ, министерства и сенатъ. Но устройство сената совсѣмъ не удалось окончить; устройство министерствъ осталось только не завершеннымъ, вслѣдствіе отсутствія уставовъ и недостатка между ними связи и единообразія: „вслѣдъ за симъ работа сія совершится: въ ней останется одинъ только важный пунктъ неразрѣшеннымъ: отношеніе министерствъ къ сенату, доколѣ сенатъ не будетъ образованъ“.

Вообще Сперанскій признавался въ томъ, что дѣло преобразованія шло слишкомъ медленно и мало успѣшно и искалъ причины тому не въ однихъ естественныхъ затрудненіяхъ. „Нельзя не признать здѣсь, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ—такъ говоритъ онъ въ заключеніе—что время ихъ совершенія (т.-е. государственныхъ установлений) далеко отстало отъ первоначальнаго предназначенія; но если исчислить множество текущихъ дѣлъ, коими ходъ сихъ важныхъ учреждений непрестанно былъ затрудняемъ, если разсудить, что при учрежденіяхъ сихъ соображенія личныя у насъ, какъ и вездѣ, столько же представляютъ трудностей, сколько и самое дѣло, если, наконецъ, измѣрить все время и труды, поглощенные устройствомъ

финансовъ, не только въ главныххъ его операціяхъ, но и въ самыхъ подробностяхъ: то умедленіе сіе окажется естественнымъ.—Тѣмъ не менѣе нельзя не сожалѣть о потери времени, и если что можетъ въ семъ утѣшить, то одна только мысль, что предметы сіи не отложены и не потеряны изъ виду, но всѣ находятся въ движеніи и болѣею частью близки въ своему концу“.

Эти слова, полныя надеждъ, отдѣлялись отъ новой всеобщей европейской войны всего какимъ-нибудь годомъ. Изъ всѣхъ задуманныхъ реформъ въ болѣе законченномъ видѣ явился одинъ государственный совѣтъ. „Но сколь далеко еще—восклицаетъ Сперанскій—отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства! Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще не продолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще по необходимости избирать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шагу поровнялся онъ въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государственныхъ мѣ видимъ. Недостатокъ сей не можетъ однако же быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно“.

Но всѣ сѣтованія отчета на „естественное умедленіе“, жалобы его на „личныя соображенія“, которыя „у насъ, какъ и вездѣ, столько же представляютъ трудностей, сколько и самое дѣло“,—все это не помѣшало Сперанскому оцѣнить важность и заслугу того, что уже было совершено подъ личнымъ покровительствомъ императора. „Совѣтъ—говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ отчету—учрежденъ не для разрѣшенія судныхъ дѣлъ, но для того, чтобы власти законодательной, доселѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были разсматриваемы съ болѣею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ болѣею свободою, такъ какъ и никогда (должно правду сказать) самодержецъ не внималъ ее съ болѣеимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовласти къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ, умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ ска-

затѣ, въ своемъ указѣ: „внѣвъ мнѣнію совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. — Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствию. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, которое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному его камню. — Но если бы зданіе сіе и не совершилось; если бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ: то и въ семъ предположеніи совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе. — Есть мѣры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть рассчитываютъ ихъ министры, присуждаетъ совѣтъ; а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать своего необходимаго утвержденія. — Бываютъ и могутъ быть положенія критическія, въ коихъ тяжесть сія должна быть нарочито увеличена. Таковъ есть случай войны. Здѣсь государь долженъ защищать свое отечество, а дѣло его совѣта есть измѣрять и налагать мѣру частныхъ пожертвованій. Совѣтъ долженъ въ нихъ отвѣтствовать, сколько бы оно ни казалось чрезмѣрнымъ. Такимъ образомъ власть верховная будетъ всегда сохранять свойственный ей характеръ; она будетъ имѣть менѣе произвольности, но болѣе истинной дѣйствующей силы“.

Вся эта бесѣда, вставленная въ дѣловой отчетъ, дѣлаетъ много чести уму и характеру лица, которое вело ее, а еще болѣе тому, кто ей благосклонно внималъ. Императоръ, какъ видно изъ того же отчета, вовсе не находилъ себѣ поддержки ни въ окружающей его средѣ, ни въ самомъ обществѣ. Объ этомъ можно легко заключить изъ той опасности, какой подвергался въ то время самъ Сперанскій, избранный для выполненія предначертаній императора. Въ самомъ концѣ отчета, Сперанскій, жалуюсь на многочисленность своихъ обязанностей, откровенно говоритъ государю: „... Я слишкомъ часто и на всѣхъ путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистію, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіи одного года я попеременно былъ мартинистомъ, наборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и дѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного,

безъ всякихъ связей, меня ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ какъ опаснаго уловителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ негѣпостямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной; я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда ображались найти во мнѣ послушнаго кліента и когда пользы ихъ страстей требовали противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, чтó Вашему Величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ... Простите мнѣ, Ваше Величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастье къ Вамъ приближаться, я имѣлъ случай, можетъ быть, болѣе другихъ познать силу и пространство Вашихъ мыслей и желаній не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства. Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ Вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе“.

Еще не такъ давно существуетъ „Русское Историческое Общество“, а уже оно успѣло оказать большія услуги наукѣ и внести много свѣта въ наше недавнее прошедшее, особенно въ тѣ двѣ эпохи, которыя справедливо продолжаютъ привлекать къ себѣ вниманіе—Екатерининскую и Александровскую. Хотя послѣдній томъ приготовленъ къ юбилейному торжеству, но, какъ мы уже замѣтили, онъ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ поспѣшности работы: планъ его, очевидно, былъ заблаговременно обдуманъ, и текстъ внимательно редактированъ недожившимъ до конца своей работы А. Н. Поповымъ. Проф. Вестужевъ-Рюминъ посвятилъ, въ началѣ тома, памяти покойнаго нѣсколько весьма сочувственныхъ страницъ, вполне заслуженныхъ неизмѣннымъ трудолюбіемъ покойнаго на большомъ пространствѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ дѣятельности, отрывшейся въ 1847 году однимъ изъ почтенныхъ трудовъ въ нашей славянской литературѣ: „Путешествіе въ Черногорію“; оно не утратило своего значенія и до настоящей минуты. Десять лѣтъ тому назадъ и нашъ журналъ былъ обязанъ покойному его

трудами. Въ 1868 г. онъ напечаталъ у насъ двѣ статьи: въ январѣ, февралѣ и мартѣ — „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“; и въ апрѣлѣ — „Дѣло Новикова и его товарищей“; въ 1869 г., въ январѣ — „Екатерина II и іезуиты“. А. Н. Поповъ не переставалъ трудиться надъ историческими изслѣдованіями до послѣднихъ дней жизни. Новѣйшая его работа надъ бытовою и политическою исторіею отечественной войны, издававшаяся въ „Русскомъ Архивѣ“, къ сожалѣнію, кажется, осталась не совсѣмъ оконченною: смерть за-стала автора надъ этимъ почтеннымъ трудомъ и сдѣлала тѣмъ болѣе чувствительною утрату, понесенною историческою наукою въ лицѣ покойнаго.

М. С.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 ноября по 20 декабря 1877 года.

28-го ноября вечеромъ, по Петербургу пронеслась вѣсть, что Плевна пала, и Османъ съ своею арміею взять въ плѣнъ. На слѣдующій день появилось официальное извѣстіе объ этой побѣдѣ и вызвало восторгъ. Плевна могла быть занята, по выходѣ оттуда Османа; но она была взята вмѣстѣ съ арміею и съ Османомъ во главѣ ея; наконецъ, Плевна съ 44-хъ-тысячною арміею Османа не сдалась намъ на капитуляцію, вынужденная однимъ голодомъ или потерями отъ бомбардировки, какъ сдались нѣмцамъ Мецъ, Страсбургъ, Парижъ, Тіонвилль и т. д. Нѣтъ, она была взята съ бою, послѣ отчаянной попытки непріятеля пробиться. Все это представляло полное удовлетвореніе національному чувству, которое было болѣзненно возбуждено почти пяти-мѣсячною обороною Плевны, съ троекратнымъ отраженіемъ нашихъ нападеній. Естественно потому, что паденіе ея вызвало въ Россіи искренній и всеобщій восторгъ. Подъ вліяніемъ его, русское общество охотно усвоило себѣ теперь ту легенду о гениальности Османа, которая прежде была сложена англійскими и нѣмецкими

писателями. Почти такое же легендарное значеніе въ этомъ дѣлѣ было придано и той мысли, что Плевна можетъ быть взята только посредствомъ „стального кольца“. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ, при всѣхъ войнахъ. Легенда сперва замѣняетъ собой исторію. Но даже и тогда, когда устанавливается критическій взглядъ исторіи, легенда продолжаетъ существовать на ряду съ нею, и представляетъ собой исторію популярную.

Паденіе Плевны до такой степени преобладало надъ прочими фактами войны за прошлый мѣсяць, что должно занять собою почти все мѣсто настоящаго обзора. Но прежде, чѣмъ разсказать самое событіе, необходимо провѣрить самыя представленія о значеніи плевнинскаго періода нынѣшней войны.

Главное изъ этихъ представленій то, что „Плевна“ явилась какъ нѣчто случайное, измѣнившее всѣ условія войны за Дунаемъ; что „Плевна“ могло и не быть, и тогда русскія войска, быть можетъ, уже теперь находились бы въ Константинополѣ или по меньшей мѣрѣ въ Адрианополѣ; что гениальнымъ авторомъ „Плевны“ былъ Османъ-паша, и что если бы не его геній, то ничто не задержало бы нашего торжественнаго наступленія впередъ; наконецъ, что только благодаря оригинальной мысли о необходимости „стального кольца“ и затѣмъ благодаря новому плану и работамъ подъ Плевною, которыя постепенно сдѣлывали это кольцо, мы ее и взяли. Всѣ эти представленія, если хотите, вѣрны въ общихъ чертахъ, какъ вѣрны въ своей сущности и народныя былинны, когда въ случайныхъ олицетвореніяхъ передаютъ смыслъ историческихъ событій. Но въ эпическихъ представленіяхъ много совершенно-неточнаго, и самыя простыя вещи являются въ нихъ съ примѣсью чего-то чудеснаго.

Что такое означала „Плевна“ въ дѣйствительности, въ смыслѣ стратегическомъ, и что была сама Плевна какъ позиція, въ смыслѣ тактическомъ? Уяснимъ себѣ эти два вопроса, и тогда убѣдимся, что первую роль играла въ этомъ дѣлѣ сила вещей, а не сила чьего-либо личнаго творчества.

„Плевна“ въ смыслѣ стратегическомъ означала ни болѣе ни менѣе какъ необезпеченность праваго фланга нашей общей линіи дѣйствій. Необезпеченность эта явилась просто потому, что мы двинулись впередъ, не обезпечивъ себя достаточными силами противъ Видина. Допустимъ, что перейдя черезъ Дунай въ составѣ семи корпусовъ, наши войска направились бы прежде всего на дунайскія крѣпости; что одинъ корпусъ сталъ бы въ Добруджѣ, два двинулись къ Рущуку, затѣмъ къ Силистріи; два взяли бы Никополь и пошли

бы на Виддинѣ, а два остальные остались бы въ Систовѣ и впереди его между Осмою и Янтрой, готовые отразить нападеніе главной турецкой арміи изъ четырехугольника на линію Янтры и поддерживать по мѣрѣ нужды виддинскій отрядъ. И при такой системѣ дѣйствій, самое большое, что мы сдѣлали бы до сихъ поръ за Дунаемъ, при силахъ въ 200 тысячъ человѣкъ, могло быть только взятіе Виддина или Рушукъ (предполагая Никополь взятымъ). Дѣло въ томъ, что двухъ корпусовъ было бы недостаточно, чтобы овладѣть Виддиномъ, гдѣ стоялъ Османъ съ 40 т. чел., имѣя возможность рассчитывать на вспомогательныя силы изъ Ниша и изъ Западной Болгаріи, т.-е. на тѣ еще 30 тысячъ человѣкъ, которые онъ впоследствии стануль къ себѣ въ Плевну. Съ другой стороны, Рушукъ могъ быть взятъ двумя корпусами не иначе, какъ при помощи нашихъ центральныхъ силъ, которыя нанесли бы пораженіе на Янтрѣ или на Ломѣ главной турецкой арміи, идущей отъ Разграда, изъ четырехугольника.

Итакъ, при полномъ обезпеченіи нашей базы на Дунаѣ и обоихъ нашихъ фланговъ, никакихъ силъ для серьезнаго наступленія впередъ, въ глубь Болгаріи, у насъ бы не осталось. Стало быть насъ задержала на пять мѣсяцевъ не Плевна, но недостаточность силъ, съ которыми была начата кампанія. Вѣдь, Виддина мы также не взяли бы тремя штурмами, при силахъ, равныхъ съ турецкими, и если бы попытались при этомъ условіи штурмовать Виддинѣ, то были бы еще вѣрнѣе отражены каждый разъ, чѣмъ отъ Плевны.

Но мы хотѣли идти впередъ: таковъ былъ первоначальный планъ; мы пренебрегали Виддиномъ, который былъ далеко, верстъ за двѣсти; подражая нѣмцамъ, мы пошли мимо крѣпости, но не подражали имъ въ томъ, что они обходили крѣпости не иначе, какъ оставляя противъ каждой изъ нихъ достаточныя силы. Мы пошли впередъ, и вотъ—тогда явилась передъ нами „Плевна“. Но что же означало ея неожиданное, хотя вовсе не случайное появленіе? Оно означало, что самъ Виддинѣ, пренебреженный нами, потому что былъ вдали, придвинулся къ намъ ближе и сталъ, въ образѣ Плевны, у самой Осмы, то-есть на самомъ боку нашей растянутой операціонной линіи, напомнилъ намъ о своемъ существованіи и о томъ, что такой силы нельзя обойти, не принявъ предварительно мѣръ, чтобы нейтрализовать ея дѣйствіе.

Что же потребовалось впоследствии для того, чтобы сломить армію Османа въ Плевнѣ и нейтрализовать Виддинѣ, удерживая въ то же время напоръ восточной турецкой арміи изъ четырехугольника, и тѣ проходы, которые уже были заняты нами далеко впереди, въ

Балканахъ? Потребовалось переправить вновь за Дунай тысячъ семьдесятъ человекъ русскихъ войскъ, привлечь къ войнѣ Румынію, а за нею и Сербію. Итакъ, что же была „Плевна“ въ смыслѣ стратегическомъ: это былъ только передвинутый Виддинъ, не болѣе; съ той, пожалуй, разницей, что настоящій Виддинъ все-таки остался, но сохранилъ уже только третъестепенное значеніе.

Переходя теперь къ личной „геніальности“ Османа-паши, выскажемъ такое мнѣніе, что личный талантъ онъ проявилъ главнымъ образомъ только какъ инженеръ, не въ смыслѣ строителя, конечно, такъ какъ честь строительства принадлежала начальнику инженеровъ, но въ смыслѣ генерала, сумѣвшаго оцѣнить громадное значеніе окоповъ при скорострѣльномъ оружіи. Самое движеніе его изъ Виддина въ Плевну, которое считается геніальной чертою, не было даже плодомъ его инициативы: оно было предписано ему изъ Константинополя военнымъ совѣтомъ. Корреспондентъ весьма серьезной по своимъ сообщеніямъ „Politische Correspondenz“, оставшійся доселѣ въ самомъ Виддинѣ, писалъ ей, уже послѣ взятія Плевны: „когда Османъ-паша, въ іюнѣ, *получилъ предписаніе предпринять фланговое движеніе въ Плевну*, онъ стянулъ къ себѣ всѣ свободныя войска“ и т. д. Что движеніе арміи Османа не было замѣчено, въ этомъ странно видѣть заслугу Османа, такъ-какъ 40-тысячную армію на пути скрыть нельзя. Допустимъ, что Осману не было предписано идти только къ Плевнѣ; ему было скорѣе предписано идти на помощь Никополю, что оказалось уже поздно.

Ставъ затѣмъ на плевнинскую позицію, крѣпкую по природѣ, Османъ тотчасъ принялся укрѣплять ее, и въ этомъ его положительная заслуга. Затѣмъ, его дивизія отбила 8 іюля штурмъ трехъ нашихъ полковъ, имѣвшихъ слабую артиллерію; въ этомъ ужъ никакой заслуги турецкаго начальника не было; дажѣ — съ 40 тысячами человекъ, Османъ сталъ въ крѣпкой позиціи, и, имѣя превосходное ручное оружіе съ громадными запасами патроновъ, отбилъ 18 іюля штурмъ нашихъ двухъ дивизій. Могло ли быть иначе? Могли ли 20—30 челов. отнять штурмомъ такую позицію у непріятеля, во всякомъ случаѣ стойкаго и энергическаго? Наконецъ — штурмъ 30 августа: 70 тысячъ человекъ противъ 70 же тысячъ, въ позиціи, сдѣланной почти неприступною: могъ ли быть результатъ иной, чѣмъ былъ, и причѣмъ тутъ геніальность турецкаго полководца?

Но вотъ его прямая, хотя и болѣе скромная заслуга: онъ превосходно укрѣпилъ Плевну. Редуты его, съ нѣсколькими ярусами ложементовъ, потребовали громадной работы, которая была исполнена весьма быстро и поддерживалась во все время осады; самое распо-

ложенеіе редутовъ, взаимно-поддерживавшихъ одинъ другой, было весьма искусно. Его инженерныя работы нейтрализовали и тѣ успѣхи, какіе намъ случалось одерживать: мы взяли большой гривицкій редутъ, но владѣніе имъ не принесло намъ никакой пользы; позади его уже готовъ былъ другой, почти равносильный и для перваго неуязвимый. Мало того. Сознавая всю важность для себя обезпеченія софійскаго шоссе, по которому долженъ былъ двигаться къ нему вспомогательный корпусъ и по которому получались всѣ снабженія, Османъ возвелъ на самомъ этомъ шоссе рядъ укрѣпленій, каковы Дольній-Дубнякъ, Горній-Дубнякъ и Телишъ. Безъ взятія ихъ невозможно было и обложенеіе Плевны.

Въ необходимости такого обложенеія мы, наконецъ, убѣдились въ сентябрѣ. Конечно, это была мысль превосходная, но возможно ли было не придти къ ней? Неужели же, послѣ трехъ штурмовъ, стоившихъ намъ 32 т. чел., мыслимо было надѣяться еще на четвертый штурмъ? Итакъ, при всей несомнѣнной основательности и важности того убѣжденія, что намъ оставалось дѣйствовать только блокадой, излишне было бы видѣть въ немъ нѣчто совершенно-оригинальное, неожиданное, такое, чѣмъ могло и не установиться само собою.

Затѣмъ, судьба Плевны была рѣшена взятіемъ гвардіею укрѣпленій на софійскомъ шоссе и расположеніемъ гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу рѣки Виды, въ тылу западныхъ турецкихъ укрѣпленій и моста изъ Плевны на Видѣ. Послѣ этого, вопросъ о сдачѣ Плевны дѣлался уже только вопросомъ времени. Правда, Османъ могъ рассчитывать на помощь изъ Орханіе и Софіи, сперва отъ Шефкета, потомъ отъ Мехемета-Али пашей. Но генералъ Гурко, овладѣвъ Горнымъ-Дубнякомъ и Телишомъ, разстроилъ корпусъ Шефкета; затѣмъ, двинувшись на Правецъ и на Этрополь, и взявъ эти пункты, принудилъ Мехемета-Али очистить Орханіе и изъ наступательной роли перейти къ роли оборонительной при Арабъ-Конакѣ. Тогда исчезла уже всякая надежда для Османа.

Вся суть дѣла съ нашей стороны, дѣйствительно, и заключалась въ этомъ обложеніи и въ отраженіи турецкаго корпуса, назначеннаго къ деблокированію Плевны. Что касается непосредственныхъ дѣйствій подъ самой Плевною, то-есть противъ ея укрѣпленій, то они сами-по-себѣ вовсе не обусловливали овладѣнія Плевною. Правда, мы взяли еще 30-го августа большой гривицкій редутъ, а затѣмъ генералъ Скобелевъ овладѣлъ южною позиціею, такъ-называемыми „Зелеными высотами“. Но ни гривицкій редутъ, ни Зеленныя высоты никакого вреда остальнымъ турецкимъ позиціямъ не нанесли. „Служиваніе кольца“ заключалось въ томъ, что у насъ производились по-

выя работы, переставлялись батареи для болѣе успѣшнаго дѣйствія. Но, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ, никакого замѣтнаго дѣйствія наша бомбардировка и съ новыхъ батарей не производила. Корреспондентъ „Голоса“, г-нъ Градовскій, приводитъ свой разговоръ съ командиромъ одной изъ нашихъ осадныхъ (24-хъ-фунтовыхъ) батарей; командиръ сказалъ ему о себѣ: „мы стрѣляемъ скорѣе безпокойства ради, чѣмъ для серьезнаго вреда. Вѣдь Плевну мы думаемъ взять не бомбардированіемъ!“ Тотъ же корреспондентъ приводитъ слухъ объ изреченіи генерала Тотлебена, что взятіе Плевны было—„сухарный вопросъ“.

Итакъ, весь вопросъ былъ въ обложеніи и успѣшномъ дѣйствіи противъ вспомогательной арміи, выдвинувшейся въ Орханіе. Необходимость обложенія была столь очевидна, особенно послѣ третьяго неуспѣшнаго штурма, что мысль о ней не могла принадлежать никому въ отдѣльности; она была — очевидностью для всѣхъ. Но что же сдѣлало возможнымъ обложеніе: только прибытіе гвардейскаго, части гренадерскаго корпусовъ и еще другихъ подкрѣпленій, что—вмѣстѣ взятое—доводило русскую армію съ румынскою за Дунаемъ до цифры свыше 300 тысячъ человѣкъ.

Итакъ, всѣ главныя черты дважды измѣнявшагося положенія дѣлъ были обусловлены прежде и болѣе всего—самой силою вещей. Что касается specially таланта Османа-паши, то выше уже указано, въ чемъ именно онъ главнымъ образомъ проявился: въ энергіи производства работъ и искусномъ расположеніи верховъ. О „геніальности“ его говорить рѣшительно нѣтъ повода и замѣтимъ даже, что Османъ-паша, пришедшій въ Плевну не по своему почину, въ дѣйствительности не выполнилъ и той задачи, которая на него была возложена, когда ему было предписано сдѣлать это движеніе. Угрожать флангу противника, можетъ быть достаточно, когда противникъ еще не сдѣлалъ ошибки, не вытнулся впередъ, оставивъ свой флангъ необезпеченнымъ. Но когда такая ошибка уже сдѣлана, тогда требуется взять непріятеля во флангъ, а не только угрожать ему. И вотъ, если бы Османъ, послѣ успѣшнаго отраженія двухъ нашихъ штурмовъ, 8-го и 18-го іюля, двинулся во второе изъ этихъ чиселъ къ Систову, преслѣдуя насъ, какъ онъ имѣлъ полную возможность это сдѣлать, тогда могло произойти нѣчто такое, что вполне оправдало бы основную мысль его движенія къ Плевнѣ. Но этого онъ не сдѣлалъ, а, стало-быть, ничего лично-геніальнаго и не произвелъ.

Онъ остался въ Плевнѣ. Говорятъ, онъ остался выжидать третьяго нашего штурма, а послѣ третьяго — четвертаго, затѣмъ пятаго. Но какое же основаніе могъ онъ имѣть къ ожиданію, что мы будемъ

дѣлать эти новые штурмы? Онъ остался въ Плевнѣ и оставался тамъ *самимъ домо*. Если Плевна не должна была служить опорой для наступательнаго дѣйствія, для прорыва нашей операціонной линіи, а только играла роль задержки, то роль ея была окончена въ сентябрѣ, послѣ третьяго штурма. Въ то время наши подкрѣпленія были еще въ пути, Осману было не трудно выйти изъ Плевны по софійскому шоссе, прикрываясь рядомъ укрѣпленныхъ позицій, которыхъ мы, при равенствѣ силъ съ нимъ, быть можетъ, и не взяли бы, а онъ соединился бы съ Шефкетомъ и устроилъ бы ближе къ Балканамъ, оставаясь на нашемъ флангѣ, новую „Плевну“, болѣе близкую къ Софіи и Адрианополю, — наконецъ, защищаемую 70-тысячнымъ войскомъ, а не 44-тысячнымъ, какъ было нынѣ. Между тѣмъ, оставшіеся въ Плевнѣ на неопредѣленное время, онъ тѣмъ самымъ, очевидно, обрекалъ себя и свою армію на гибель, — и участь его становилась сперва вопросомъ о Шефкетъ-пашѣ, о Мехметъ-Али-пашѣ, а потомъ уже и просто „сухарнымъ вопросомъ“.

Въ какомъ положеніи былъ этотъ „сухарный вопросъ“ къ концу ноября, у насъ, повидимому, не было извѣстнаго съ достовѣрностію. За то о приготовленіяхъ турокъ къ движенію изъ Плевны и о самомъ началѣ его свѣдѣнія у насъ были получены заблаговременно, и всѣ командиры частей были предупреждены быть на-готовѣ. Не имѣя возможности отступить на Софію, Османъ-паша рѣшился пробиться въ направленіи къ Виддину. Для этого слѣдовало двинуться по софійскому шоссе, которое на протяженіи 4—5 верстъ идетъ изъ Плевны по широкой ложбинѣ — сперва къ сѣверу, а потомъ поворачиваетъ на западъ. Эта ложбина закрыта съ обѣихъ сторонъ возвышенностями, на которыхъ расположены сѣверныя и сѣверо-западные укрѣпленія Плевны. Такъ, по правой сторонѣ ложбины находятся редуты опанешскій и буковскій, на который румыны дѣлали однажды неуспѣшное нападеніе. Ложбина пересѣкается далѣе рѣкою Видомъ, чрезъ которую каменный мостъ ведетъ къ митропольскимъ высотамъ, на сѣверо-западѣ отъ Плевны. Здѣсь слѣдовало пробиться сквозь русскія траншеи и, оставивъ софійское шоссе, идти далѣе на Виддинъ. Не имѣя въ настоящее время такихъ обстоятельныхъ официальныхъ свѣдѣній, которые разъяснили бы самый ходъ дѣйствія, мы въ дополненіе къ телеграммамъ и краткому описанію „Русскаго Инвалида“, беремъ пространную телеграфическую корреспонденцію г. Магъ-Гахана въ „Daily-News“ и, въ особенности, прекрасный рассказъ г. Градѣвскаго въ „Голосѣ“.

Для удобства переправы Османъ устроилъ чрезъ Видъ еще два моста изъ телегъ, для пѣхоты, предназначивъ каменный мостъ собственно для артиллеріи и для обоза. Видъ былъ такъ малоемъ, что

его въ крайнемъ случаѣ можно было перейти и въ бродъ. На софійскомъ шоссе, за мостомъ, была устроена батарея изъ 4 орудій, которыя могли обстрѣливать все пространство за рѣкой по направленію къ Митрополю. Въ ночь на 28 ноября Османъ перевелъ отборныя свои войска за рѣку Видъ, въ Плевнѣ же оставилъ больныхъ и только незначительное число войска для прикрытія отступленія. Но самая линія передовыхъ редутовъ и городъ оказались пусты, когда туда стали вступать съ востока и юга наши войска. Такъ какъ ложбина закрыта со всѣхъ сторонъ, то съ нашихъ позицій нельзя было видѣть движенія по ней турецкихъ войскъ. Османъ-паша, находясь самъ въ передовомъ отрядѣ, ударилъ на митропольскую позицію съ такою стремительностью, что раздавилъ занимавшій ее сибирскій гренадерскій полкъ; несмотря на отчаянное сопротивленіе этого полка, турки овладѣли окопами и взяли шесть нашихъ орудій.

Между тѣмъ, войска наши, заранее предупрежденные о приготовленіяхъ турокъ, поспѣшили на канонаду и ружейную пальбу, которыя раздалась за Видомъ. Атака была произведена непріателемъ на лѣвый флангъ расположенія гренадерскаго корпуса. Справа поспѣшили на помощь сибирскому полку гренадерскіе же полки: сперва самогитскій, за нимъ астраханскій, къ которому командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ Ганецкій, обратился съ ободрительными словами, указывая ему на необходимость взять снова во что бы то ни стало занятую непріателемъ нашу позицію. Гренадеры бросались въ атаку и послѣ ожесточеннаго боя сбили непріателя съ позиціи, отнявъ у него нашу батарею. Въ этотъ моментъ на помощь гренадерамъ подоспѣла 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Турки потеряли сами 7 орудій и знамя, и стали отступать за Видъ.

Но отступленіе обратно въ Плевну было уже для нихъ невозможно. Услыхавъ около 8 часовъ утра канонаду за Видомъ, русскія и румынскія войска съ востока и юга двинулись впередъ и заняли большіе редуты, оставленные турками. Румыны заняли второй гривицкій редутъ, потомъ двинулись къ Опанешу и овладѣли имъ, послѣ слабаго сопротивленія частей, оставленныхъ Османомъ для прикрытія. Въ тылу турокъ, отступавшихъ отъ Митрополя за Видъ, раздалась выстрѣлы румыновъ, и непріатель, подвергшись одновременно натиску нашихъ гренадеръ отъ Митрополя и огню румыновъ съ тыла, смѣшался въ нестройныя толпы, скученныя на обонхъ берегахъ Виду. Вскорѣ среди нихъ появился бѣлый флагъ. Между тѣмъ, съ юга войска генерала Скобелева вступили въ крешинскій редутъ; всѣ редуты впереди Плевны и самый городъ постепенно были заняты нашими войсками безпрепятственно.

Около половины девятаго вылазка Османа оказалась уже не-

успѣшную, но бой продолжался еще четыре часа; только около 12 часовъ огонь началъ стихать и въ половинѣ перваго у турокъ показался бѣлый флагъ. Къ генералу Ганецкому подъѣхалъ турецкій офицеръ для переговоровъ. Но генералъ объявилъ ему, что для переговоровъ долженъ явиться одинъ изъ главныхъ начальниковъ турецкой арміи. Тогда прибылъ начальникъ турецкаго штаба, Теверикъ-паша, и объявилъ, что Османъ-паша раненъ. Между тѣмъ, русскіе и турки близъ моста стояли уже мирно, всего въ пятидесяти шагахъ другъ отъ друга. Генералъ Ганецкій поѣхалъ самъ къ домику, въ которомъ находился Османъ-паша, раненный въ ногу. Въ домикѣ онъ нашелъ пашу, сидѣвшаго на скамейкѣ. Османъ тотчасъ согласился на безусловную капитуляцію: вылазка не удалась, а всѣ позиціи, которыя составляли силу Плевны, были уже въ нашихъ рукахъ. Послѣ этихъ переговоровъ, къ мосту прибылъ и великій князь — главнокомандующій. Свиданіе генерала Ганецкаго съ Османомъ происходило въ два часа, а въ три часа турки уже буквально „положили“ оружіе, тамъ, гдѣ стояли, такъ что вся дорога была покрыта ружьями. Англійскій корреспондентъ передаетъ слѣдующія слова генерала Скобелева объ Османѣ: „У него—физіономія великаго полководца; а въ восторгѣ, что видѣлъ его; онъ гаси (непобѣдимый) Османъ и останется Османомъ-побѣдителемъ, несмотря на то, что сдался“.

Замѣчанія, сдѣланныя въ началѣ статьи, позволяютъ намъ огорчиться и здѣсь, что удивленіе къ геніальности Османа, такъ сильно высказавшееся у насъ, было преувеличено; собственно радость, внутренняя побѣдой, сказывалась и въ этомъ удивленіи и даже въ нѣкоторомъ сочувствіи къ Осману. Между тѣмъ, такого сочувствія онъ уже рѣшительно не заслуживалъ; въ Плевнѣ не оказалось ни одного плѣннаго русскаго или румына; вспомнимъ еще, что послѣ отбитія нашихъ штурмовъ 18 іюля и 30—31 августа Османъ не позволялъ намъ подобрать раненныхъ, изъ которыхъ многіе погибли отъ неподачи помощи, не говоря о тѣхъ, которые сдѣлались жертвами башибузуковъ.

Численность арміи Османа, положившей оружіе въ Плевнѣ, представляла 44 т. чел., сверхъ потери, доходившей до 4 т. чел. по показанію начальника турецкаго штаба. Въ числѣ плѣнныхъ находилось 10 нашихъ: муниръ Османъ-паша, ферикъ Альди-паша, 8 бригадныхъ генераловъ и 2128 офицеровъ. Орудій взято 77. Въ Плевнѣ оставалось еще большое число раненныхъ и больныхъ, которые не были взяты Османомъ въ обозъ и не считаются въ приведенной цифрѣ плѣнныхъ. Наши потери представляли: 77 офицеровъ и 1792 нижнихъ чина.

Взятіе Плевны и послѣдовавшее за нимъ вступленіе въ войну

Сербин сдѣлаю возможнымъ распредѣлить нашу плевнинскую армию или какъ она называлась, „отрядъ обложенія Плевны“, между софійскимъ и рушукскимъ отрядами и балканскимъ отрядомъ генерала Радецкаго. Какъ совершенно это распредѣленіе, о томъ до сихъ поръ свидѣній не имѣется. Мы должны теперь бросить взглядъ на дѣйствія этихъ отрядовъ въ направленіи къ Софіи, на Ломъ и близъ Трнова.

Дѣйствія софійскаго отряда, генерала Гурко, въ тылу Плевны раздѣлялись на три момента, весьма различныхъ по своему значенію. Первый моментъ—взятіе Дубняка и Телиша обусловило обложеніе Плевны; второй моментъ—взятіе Правца и Этрополя, означало наступленіе противъ арміи Мехемета-Али и лишеніе защитниковъ Плевны всякой надежды на его помощь; наконецъ, третій, наступившій послѣ совершеннаго очищенія сѣверныхъ склоновъ этропольскаго Балкана отъ вспомогательной арміи Мехемета, оставленія имъ города Орханіе и отступленія за переваль,—означало уже нѣчто новое, неизмѣнное болѣе никакого отношенія къ Плевнѣ. Генералу Гурко предстояло теперь совершить второй забалканскій походъ, идти на Софію и далѣе по дорогѣ на Филиппополь, преслѣдуя отрядъ Мехемета, и въ соединеніи съ войсками генерала Радецкаго, которыя наступали бы съ сѣвера, дать рѣшительныя сраженія турецкимъ войскамъ за Балканами. Но этотъ второй походъ за Балканы генералъ Гурко совершаетъ уже не съ 10—15 т. чел., какъ первый, а съ 50-ю тысячами, которыя имѣютъ быть вѣроятно еще усилены на цѣлую половину.

Дѣйствія этого отряда очень интересны въ военномъ отношеніи, такъ какъ они представляютъ рядъ шахматныхъ ходовъ, принуждавшихъ непріятеля уступать одну позицію за другою, но замѣчательны еще и по той картинности, физической и нравственной, какую представляетъ борьба съ могучими силами балканской природы, стоящей за турокъ. Войска всходятъ на высокія горы, причемъ пушки поднимаются солдатами на обледенѣлыя кручи горъ. Къ каждой ротѣ генералъ отрядилъ одно орудіе, возложивъ доставку его на указанную позицію на отвѣтственность ротнаго командира; въ каждой ротѣ имѣются лѣмки для того, чтобы поднимать пушки на позицію людьми. При сильныхъ морозахъ, войска съ неимоверными трудами поднимаются на такія позиціи, которыя были оставлены турками безъ охраны, потому что считались ими неприступными. Овраги и лѣса, горы и снѣга—все это преодолевается необыкновенной настойчивостью и выносливостью нашихъ солдатъ.

Послѣ того, какъ Правецъ и Этрополь были заняты нами, турки вышли изъ Орханіе и заняли мѣстечко Врачанъ, при вхождѣ въ

ущелье р. Бебреша, чтобы удержать дальѣйшее наступленіе русскихъ по софійской дорогѣ. Но тогда ген. Гурко поручилъ колоннѣ генерала Дандевилля двинуться изъ Этрополя чрезъ Стригль-Балканъ къ югозападу, въ обходъ Врачеша. Это движеніе заставило турокъ очистить Врачешъ послѣ того, какъ ген. Дандевилль взялъ съ бою греотскую высоту; а между тѣмъ ген. Гурко двинулъ другую колонну, ген. Эллиса, изъ Правца, въ слѣдъ за отступавшимъ непріателемъ, и эта колонна, вступивъ въ баба-конакскій перевалъ, заняла 19 ноября, къ западу отъ шоссе, позицію въ виду сильно-укрѣпленнаго Арабъ-Конака, который составляетъ здѣсь главную опору непріателя. Цѣлый день 20 числа наши солдаты встаскивали орудія на позицію, которая господствуетъ надъ Арабъ-Конакомъ; на слѣдующій день они были атакованы 12-ю таборами турокъ, но послѣ 4-хъ-часоваго боя отбили ихъ съ огромнымъ для непріателя урономъ. Послѣ того, колонна генерала Эллиса сильно укрѣпила занятія ею высоты и применила лѣвымъ флангомъ къ колоннѣ генерала Дандевилля; затѣмъ началось бомбардированіе Арабъ-Конака. Между тѣмъ двѣ другія колонны ген. Гурко уже заняли Златицу, на южномъ склонѣ Балкана.

Но дальѣйшія наступательныя дѣйствія ген. Гурко были временно приостановлены, какъ сообщали англійскіе корреспонденты, по распоряженію изъ главной квартиры. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ, а Арабъ-Конакъ остается еще въ рукахъ турокъ. Но въ этомъ мѣсяцѣ взята Плевна, и въ войнѣ приняла участіе Сербія, что создаетъ новое положеніе дѣлъ.

Передъ началомъ ими военныхъ дѣйствій, происшедшимъ 1 декабря, сербскіе отряды были расположены такъ: на восточной границѣ Сербіи, на р. Тимокѣ, корпусъ Хорватовича, около 20 т. чел. На юго-востокѣ—моравскій отрядъ Лѣшанина, въ виду турецкой крѣпости Ниша, около 14 т. чел.; на югѣ—яворскій отрядъ Николича, около 10 т. ч.; на западной границѣ, по р. Дринѣ, дивизія Алимича, около 8 т. чел. Резервы подъ начальствомъ Вѣлимарковича, около 18 т. ч., стоятъ между тимокскимъ и моравскимъ отрядами. Общая численность этихъ войскъ—около 70 т. чел. пѣхоты, 3 т. кавалеріи и 250 орудій.

Отряды тимокскій, моравскій и яворскій перешли границу 1 декабря. Тимокскій отрядъ одной частью направился къ Виддину, куда съ восточной стороны стягиваются румыны, и занялъ 5 декабря мѣстечко Адліе; другой частью—на Вѣлградчикѣ, взявъ съ бою проходъ св. Николая въ Балканахъ; остальная часть тимокскаго отряда направилась къ Пироту—и 16-го взяла его съ бою. Моравскій отрядъ занялъ 6 декабря Мраморъ близъ Ниша, противъ котораго этотъ отрядъ долженъ дѣйствовать, а затѣмъ взялъ городъ Прокопле и Куршумле и выдвинулъ передовую часть своихъ силъ до Лесковаца. Яворскій

отрядъ овладѣлъ Рашкой и Янковомъ и продалъ оружіе населенію Старой Сербіи. Наконецъ, отрядъ Вѣлимарковича занялъ Агъ-Паланку.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій связь съ дѣйствіями генерала Гурко можетъ представить именно движеніе части отряда Хорватовича на Пиротъ, который отстоитъ всего на 70 верстъ отъ Софіи. Теперь понятно, что, въ виду вступленія сербскихъ войскъ на театръ войны, дѣйствія ген. Гурко противъ Арабъ-Конака могли быть приостановлены. Съ одной стороны, движеніе сербовъ впередъ изъ Пирота, съ запада, къ Софіи можетъ побудить турокъ очистить Софію, что можетъ отозваться и на рѣшимости ихъ отставать позиціи на востокъ отъ Софіи, при Арабъ-Конакѣ и Комарцахъ. Съ другой стороны, если бы этого не случилось и турки продолжали бы удерживать эти позиціи, то до штурма Арабъ-Конака или до обхода его, корпусъ ген. Гурко долженъ выждать тѣ значительныя подкрѣпленія, которыя имѣли направиться къ нему отъ Плевны. Сверхъ того, жестокіе морозы на Балканахъ, доходившіе до 20 градусовъ, не благоприятствовали скорому наступленію.

Командовавшій восточною турецкою арміею Сулейманъ-паша за послѣднія пять недѣль трижды кидался съ одного края нашей дунайско-балканской операціонной линіи на другой, ударая то на лѣвый флангъ нашего рушукскаго отряда, вблизи самаго Дуная, то на войска наши близъ сѣвернаго склона Балкана, то снова на первый изъ названныхъ пунктовъ. Цѣлью его при этомъ было, вѣроятно, только освободить себя отъ упрека, что онъ ничего не сдѣлалъ съ своей стороны для отвлеченія нашихъ дѣйствій противъ Плевны. Полагаемъ это потому собственно, что серьезной надежды воспрепятствовать имъ Сулейманъ въ ноябрѣ уже имѣть не могъ.

Послѣ того какъ нападеніе, сдѣланное имъ 14 ноября на 12-й корпусъ, при Мечкѣ между Ломомъ и Янтрою, было отбито и показало невозможность оттѣснить нашъ рушукскій отрядъ за Янтру, Сулейманъ перебросилъ значительныя силы на свой лѣвый флангъ, къ Османъ-Базару, и 22 ноября атаковалъ съ 20 т. чел. нашу позицію впереди Елены, у Марени, занятую всего двумя и то неполными полками, сѣвскимъ и орловскимъ, подъ начальствомъ ген. князя Святополкъ-Мирскаго. Полки эти принуждены были отойти къ Еленѣ, и здѣсь были окружены со всѣхъ сторонъ и понесли большія потери. Имъ удалось однако пробиться на укрѣпленную яковичскую позицію, на дорогѣ отъ Елены въ Трновъ. Выѣстъ съ тѣмъ, другой турецкій отрядъ, въ 10 т. чел., занялъ Златарицу близъ самаго Трнова и угрожалъ оттуда самой столицѣ Болгаріи. Но этотъ отрядъ былъ выбитъ изъ Златарицы силами, посланными изъ Трнова, а между тѣмъ 24 числа къ князю Мирскому подоспѣли значительныя подкрѣпленія.

Турки въ этотъ день возобновили атаку съ силами въ 30 т. чел., но вскорѣ отъ нея отказались. Въ двухъ названныхъ выше полкахъ потеря въ дѣлѣ при Еленѣ состояла изъ 50 офицеровъ и 1800 нижнихъ чиновъ и 11 орудій, которыя достались туркамъ.

Черезъ шесть дней послѣ этого нападенія на Елену и Златарицу съ силами до 40 т. чел., и черезъ два дня послѣ того какъ пала уже Плевна, а именно 30 ноября, Сулейманъ-паша съ такимъ же числомъ войскъ (60 таборовъ) снова ударилъ на позицію 12-го корпуса, великаго князя Владиміра Александровича, у Мечки. Наши войска отбили нѣсколько сильныхъ атакъ, и получивъ въ подкрѣпленіе свѣжую бригаду, сами перешли въ наступленіе и преслѣдовали непріятеля до Лома. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ была 25 офицеровъ и 700 солдатъ, турки потеряли около 3 т. чел.

Послѣ этого дѣла, подвижный Сулейманъ-паша предпринялъ медля общее отступательное движеніе, замаскировавъ его незначительными передовыми отрядами. Отступление совершалось уже изъ четырехугольника восточныхъ крѣпостей — за Балканы, въ Румелію, для прикрытія Адрианополя. Въ крѣпостяхъ четырехугольника оставлены гарнизоны, силою въ 8—10 т. чел. въ каждой.

Въ видѣ отдѣльных эпизодовъ войны, слѣдуетъ указать на два новыхъ подвига русскихъ моряковъ. Пароходъ „Россія“, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Баранова, захватилъ 13-го декабря, близъ Пендераклии, турецкое трехъ-мачтовое паровое судно, транспортъ, съ цѣлымъ таборомъ низама, свыше 700 человекъ, и прибылъ съ своей добычей въ Севастополь. Пароходъ „Константиинъ“, подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Макарова, подошелъ 15-го декабря къ Батуму и пустилъ катера для подведенія минъ подъ стоявшихъ тамъ двухъ броненосцевъ. Двѣ мины, пущенныя съ катеровъ, взорвались — одна подъ трубою броненосца, другая — подъ его гротъ-мачтою. Съ берега былъ открытъ ружейный огонь, который, впрочемъ, не сдѣлалъ вреда нашимъ морякамъ. Катерами командовалъ лейтенантъ Зацаренный; мины были пущены имъ и лейтенантомъ Щетинскимъ.

Подъ Эрзерумомъ не произошло ничего новаго, кромѣ занятія 9-го декабря частью нашихъ войскъ нѣсколькихъ селеній къ сѣверовостоку отъ этой крѣпости, по ольтинской дорогѣ; эта часть войскъ спустилась, такимъ образомъ, съ главной позиціи нашей на Деве-Бойну, въ равнину.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для посовія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 1-го октября 1877 года.

Въ засѣданіи присутствовали 23 члена.

По открытіи засѣданія, секретарь прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета съ 1-го мая по 30-е сентября, а казначей—отчетъ о приходахъ общества за то же время.

По произведенной баллотировкѣ, избранъ единогласно въ члены общества Викторъ Теофиловичъ Пуцковичъ. Предсѣдатель сообщилъ о смерти членовъ общества: А. Н. Веклемишева, А. И. Варгунина, С. М. Жуковского и В. Ц. Илимova.

Чрезвычайное собраніе 1-го октября 1877 года.

По открытіи засѣданія, предсѣдателемъ было доложено, что назначенное на 5-е мая нынѣшняго года чрезвычайное собраніе для разсмотрѣнія проекта устава ссудосберегательной кассы для литераторовъ не могло состояться, въ виду крайне незначительнаго числа прибывшихъ въ это засѣданіе членовъ общества, и было отложено до осени. Съ тѣхъ поръ на проектъ устава ссудосберегательной кассы для литераторовъ поступили замѣчанія отъ редакціи журнала „Гражданинъ“ и отъ двухъ литераторовъ. Послѣ довольно продолжительныхъ преній о томъ, слѣдуетъ ли приступать въ настоящемъ засѣданіи къ разсмотрѣнію проекта устава, предсѣдателемъ былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: „желаетъ ли собраніе приступить къ разсмотрѣнію проекта устава?“ По утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, собраніе приступило къ обсужденію проекта устава въ общемъ и въ частностяхъ, причемъ нѣкоторые изъ представленныхъ замѣчаній были признаны общимъ собраніемъ уважительными. Въ заключеніе собраніе поручило комитету, согласно съ этими замѣчаніями, измѣнить нѣкоторыя статьи проекта устава и затѣмъ представить его на утвержденіе правительства.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. ОТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

■ НОВАЯ КНИГА: ■

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергія Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер

■ НОВАЯ КНИГА: ■

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додэ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ремюза. —
Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

Н. В. Анненкова. Спб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ
4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми мате-
ріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлин-
скаго, доселѣ неизданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунъ пятидесятихъ годовъ. — II. Н. В. Гоголь въ Римѣ. —
III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г. — IV. Е. П. Ковалевскій. — Спб. 1877. Стр.
343. Ц. 1 р. 50 коп.

Седьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:
НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.
1845 — 1876.

Избранныя стихотворенія, съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ. Спб. 1877.

Стр. 258 и XII. Цѣна 75 коп.; въ анги. переплетѣ 1 руб.

Остатокъ въ продажѣ: Пушкинъ, Гоголь, Гривоздовъ, Тургеневъ, — каждый томъ отдѣльно 75 копѣекъ. Земскія управы, училища и книгопродавцы, при покупкѣ 5 экз. отдѣльнаго тома, или при одномъ экземплярѣ всѣхъ пяти наличныхъ томовъ, пользуются уступкою 20%.

ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ

СОВРАЩЕНІЕ ДѢТСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ВЫПУСКЪ I: Исторія съ календарею. — Спб. 1877. Стр. 125. Ц. 20 коп.

Сборъ отъ продажи въ пользу Елисаветинской Дѣтской Больницы.

ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОСНОВО-НАЧАЛА ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ.

Сочиненіе В. Лесевича. Спб. 1877. Стр. 295. Цѣна 2 рубля.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Стр. 239.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОЕ ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиля Зола. Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкени. Переводъ съ французскаго. Д. Н.

Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнотипажными рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 8-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERATURE.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1878.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1878.

	Стр.
I.—ЛОРДЪ БАЙРОНЪ И ЕГО СУДЬБА.—Биографическій очеркъ.—I.—О. О. Миллера	457
II.—ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ.—1790-й годъ.—Историческая повѣсть.—Г. П. Данилевскаго	501
III.—ОФИЦИАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ.—V-VII.—Окончаніе.—В. Д. Смирнова	600
IV.—ИЗЪ АЛЬФРЕДА де-МЮССЕ.—I. Майская ночь. II.—Августовская ночь.—С. А. Андреевскаго	630
V.—ПАТРОНАТЪ ВЪ РОССІИ И ЗА-ГРАНИЦЕЮ.—Организація помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія.—II. Ф.	640
VI.—ДУМЫ И ГРЕЗЫ.—III. Наше горе.—IV. Зачѣмъ?—V. Пѣсня молота.—Стих. Н. М. Минскаго	672
VII.—БОЛГАРІЯ ВО ВРЕМЯ ВОИНЫ.—Замѣтки и Воспоминанія.—V. Наше гражданское управленіе.—VI. Отъ Тырнова до Казанька.—Евг. И. Утина	676
VIII.—СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА: THE SKELETON IN THE HOUSE.—Повѣсть.—V-VIII.—Окончаніе.—Фр. Шпильгагена	731
IX.—ХРОНИКА.—По поводу критикъ и рецензій на книгу „Земледѣланіе и земледѣлец“.—Письмо въ редакцію.—Кн. А. И. Васильчикова	778
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бюджетъ 1878 года.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны	814
XI.—ЗАМѢТКА.—Новая теорія г-на Евгенія Маркова.—А.	836
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Планы Бисмарковскихъ реформъ.—К.	839
XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Разногласица въ сенъ-джамскомъ кабинетѣ.—R.	857
XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XXXIII.—Наши современные поэты.—Эм. Зола	873
XV.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.—Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга: „Путешествіе по Европейской Турціи“.—М. П-овъ	896
XVI.—НЕКРОЛОГЪ.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.—М. С.	906
XVII.—ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—Январь	915
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Анна Каренина, гр. Л. Н. Толстаго.—Очерки Персін, П. Огородникова.—Миръ реальный и миръ идеальный, И. Я. Викола.—Жизнь европейскіхъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. II.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

ЕГО СУДЬБА

СОЧИНЕНІЯ ЛОРДА БАЙРОНА ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ, ИЗДАННЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. В. ГЕРВЕЛЯ. ЧЕТВЕРТЪ ТОМА. Спб. 1874—1877 г.

I.

Il a combattu toute sa vie contre le monde dont il est issu, et pendant sa vie comme après sa mort, il a porté la peine des ressentiments qu'il a provoqués et des répugnances qu'il a fait naître. Un critique étranger peut être plus équitable et louer librement la main puissante dont il n'a pas senti les coups.

Taine.

Одинъ изъ послѣднихъ нѣмецкихъ биографовъ-критиковъ Байрона совершенно отрѣшаетъ великаго поэта отъ его родной почвы. «Въ своемъ возникновеніи, на всемъ своемъ пути, какъ своимъ блескомъ, такъ и своимъ закатомъ, онъ рѣшительно уподобляется метеору—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ англійской литературѣ. Главную пищу для своей поэзіи и собственный ея центр тяжести нашелъ онъ въ Англіи, и за то лишился той отеческой

почвы, которая такъ благотворно дѣйствуетъ на сердце и на поэзію, доставляя имъ внутренній миръ... Онъ—настоящій гражданинъ вселенной между англійскими писателями, смѣло перешагнувшій черезъ границы своего отечества; не даромъ его и привѣтствовалъ Гёте, какъ глашатая мировой литературы» ¹⁾. Напротивъ того, извѣстный французскій историкъ англійской литературы, хотя и выставившій на видъ междуусобные счеты Байрона со своимъ отечествомъ, признаетъ его, несмотря на это, между всѣми англійскими поэтами нашего вѣка и самымъ великимъ и наиболѣе *англійскимъ*. «Онъ такъ великъ и до того англичанинъ, что одинъ онъ можетъ лучше насъ познакомить съ своею страной и съ своимъ вѣкомъ, чѣмъ всѣ прочіе, взятые вмѣстѣ» ²⁾. Который изъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе? Кто таковой Байронъ—безпочвенный гражданинъ вселенной, или поэтъ, оставшійся подъ неотразимою властью своею, ненавидимой имъ, національности, и съ тѣмъ вмѣстѣ поэтъ мировой?

Это еще ничего не доказываетъ, если отечество и при жизни преслѣдовало Байрона и послѣ смерти опѣнило его гораздо менѣе, чѣмъ другія страны; въ биографіи Байрона, помѣщенной въ извѣстной «Encyclopaedia Britannica» прямо признанъ фактъ его нисколько не уменьшающагося, а, напротивъ, возрастающаго вліянія — на материкъ, но не въ самой Англіи. Та же «Энциклопедія» указываетъ на рыаный дионирамбъ Байрону Кастелара — извѣстнаго вождя республиканизма въ Испаніи, и сознается при этомъ, что самихъ англичанъ не даромъ упрекаютъ въ небрежномъ къ нему отношеніи (neglecting). «Фактъ этотъ, — замѣчается при этомъ, — во всякомъ случаѣ знаменателенъ» ³⁾. Между тѣмъ какъ на европейскомъ материкѣ продолжаютъ появляться труды, посвященные безпристрастному изслѣдованію жизни и сочиненій Байрона, въ Англіи продолжаютъ сплетать на него клеветы, дошедшія, наконецъ, до прямой уголовщины подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія г-жи Бичеръ-Стоу, противъ которой съ особенною доказательностью ополчился въ своемъ трудѣ нѣмецъ—Эльзе. Другой нѣмецъ—Энгель—выступилъ еще въ 1876-мъ году апологетомъ Байрона исключительно на основаніи выписокъ изъ собственныхъ писемъ его и записокъ, до сихъ поръ остающихся самой слабой защитой поэта въ глазахъ англичанъ, которымъ досталось отъ него тутъ

¹⁾ Karl Elze, Lord Byron. Berlin, 1870, p. 875—76.

²⁾ Taine, Histoire de la littérature Anglaise, 2 éd., t. IV, p. 335.

³⁾ Encyclopaedia Britannica, vol. IV, p.

никакъ не меньше, чѣмъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ ¹⁾. Нѣмецъ-апологетъ посвятилъ свою книгу англичанину, а именно Двараэли—лорду Биконсфилду, председателю комитета для сооруженія памятника Байрону. Такимъ образомъ, только послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, Англія, скупя сердце, не отказала однако же въ примирительномъ увѣнчаніи лаврами своему гениальному Авессалому. Но тѣнь его, врага лицемерной англійской добродѣтели, прикрывающей англійскій эгоизмъ, не могла, конечно, не содрогнуться при видѣ заподазлаго вѣнка, подаваемого ей рукой человека, ставящаго выше всего исключительно «англійскіе интересы». Быть введеннымъ въ отечественный capitoлий при такихъ условіяхъ—какая странная честь для того, кто угасъ въ Миссолунги, не успѣвъ непосредственнымъ участіемъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи заставить забыть грѣхи своей частной жизни и хотя сколько-нибудь загладить политическіе грѣхи своего народа!

Но какимъ же образомъ дошелъ Байронъ, относительно Англіи, до той роли Авессалома, которая обещалась ему во всякомъ случаѣ дорого и до сихъ поръ не даетъ ему отдохнуть и въ самой могилѣ? Сложились ли такимъ образомъ обстоятельства, что сынъ оказался уже черезъ-чуръ непохожимъ на своего отца, такъ что въ этомъ и прямая разгадка разлада его съ отцомъ;—или же, наоборотъ, сынъ вышелъ весь въ отца и не могъ ужиться съ нимъ потому, что коса тутъ нашла на камень?

Какъ ни много было до сихъ поръ писано о жизни Байрона, многое въ ней остается еще загадочнымъ, да и останется, можетъ быть, навсегда, вслѣдствіе уничтоженія дневника поэта ²⁾. За то сочиненія Байрона составляютъ, по преобладанію въ нихъ личнаго начала, его настоящую автобіографію или, по крайней мѣрѣ, его самопризнаніе или исповѣдь (Selbstbekenntnisse, confessions).

На основаніи этихъ, главнымъ образомъ, поэтическихъ самопризнаній, а также и тѣхъ, которыя заключаются въ его письмахъ, и сбережены его другомъ Муромъ,—при помощи критически оцѣненныхъ не англійскими изслѣдователями различныхъ

¹⁾ Lord Byron, eine Autobiographie nach Tagebüchern und Briefen, mit Einleitung und Erläuterungen, von Eduard Engel. Ergänzungsband zu Byrons Werken. Berlin, 1876.

²⁾ Что, какъ извѣстно, произошло послѣ смерти Байрона не безъ участія его жены, которая такимъ образомъ отняла у него возможность выяснить и, можетъ быть, оправдать многое и въ семейныхъ его отношеніяхъ (см. Elze, Lord Byron, p. 280).

постороннихъ свидѣтельствъ о Байронѣ,—можно, не принадлежа его родинѣ, постараться безпристрастно пролить свѣтъ на его тяжбу съ нею, т.-е. на взаимныя отношенія между характеромъ поэта и національнымъ характеромъ страны. Но если Тэнъ совершенно правъ, говоря, что правдивый голосъ можетъ раздаться только со стороны людей, не испытавшихъ на самихъ себѣ могучихъ ударовъ поэтическаго бича Байрона, то, съ другой стороны, въ особаго рода искушеніе могутъ быть введены тѣ, кому приходится по-сердцу безпощадное бичеваніе имъ своего отечества. Такое искушеніе можетъ оказаться особенно сильнымъ именно у насъ, и именно въ настоящее время. Надо заранѣе это имѣть въ виду, останавливаясь, при видѣ новаго изданія Байрона въ русскомъ переводѣ, все еще на загадочномъ образѣ стараго «властителя нашихъ думъ». Чѣмъ менѣе пристрастнаго фанатизма, чѣмъ болѣе трезвой правды, тѣмъ болѣе пользы окажется для науки, а также и для самой текущей жизни, которой не слѣдуетъ отказываться отъ руководства живой науки даже въ минуты наибольшаго напряженія.

Всѣмъ извѣстенъ тотъ мрачно причудливый складъ въ характерѣ Байрона, который сказался и въ его враждѣ съ окружающимъ обществомъ. Въ объясненіе этой психологической черты Маколей, въ своемъ блестящемъ *Essay* о Байронѣ, указываетъ на старую сказку о злой волшебницѣ, отравившей новорожденному всѣ дары добрыхъ волшебницъ. Байронъ,—поясняетъ Маколей,—былъ очень красивъ, но поврежденіе ноги при самомъ рожденіи сдѣлало его хромымъ на всю жизнь. При всѣхъ преимуществахъ знатнаго происхожденія (если,—прибавлю я отъ себя,—это дѣйствительно преимущество для человѣка съ высшимъ духовнымъ призваніемъ), онъ не могъ ими вполне воспользоваться потому, что экономическое положеніе его знатнаго рода было довольно критическое и не сразу поправилось сколько-нибудь ощутительнымъ образомъ. Но взглядъ Маколея остроуменъ—не болѣе. Подобнаго рода причуды судьбы выпадаютъ на долю многихъ, не доводя ихъ однако же до меланхолическаго ожесточенія. Гораздо вѣрнѣе указаніе на наследственность въ родѣ Байроновъ самой болѣзненной причудливости. Но вѣдь черта эта свойственна и англійскому характеру вообще, обыкновенно соединяясь съ тѣмъ, что называется англійскимъ *сплиномъ* (слово, которое Пушкинъ напрасно думалъ перевести нашимъ русскимъ *хандра*). Эта національная болѣзнь, обыкновенно объясняемая (конечно, односторонне), климатическими условіями Англіи, съ особенною силою сказывается въ нѣкоторыхъ личностяхъ и фамиліяхъ. Въ родѣ

Байроновъ она доходила до страстности, граничившей съ бѣшенствомъ. Наслѣдственность этой психологической черты объясняется, можетъ быть, не столько передаваемою физическаго темперамента, сколько заразительностью нравственнаго вліянія и примѣра. На бѣду для нашего поэта, къ наслѣдственной причудливости его почти бѣшеннаго отца присоединилась и нервная раздражительность его матери, доходившая также до изступленія, — чѣмъ бы ни объяснялось это, — особенностями ли ея темперамента и воспитанія, или же раздражающимъ вліяніемъ на нее полу-сумасшедшаго мужа. Довольно рано лишившись отца, поэтъ остался на рукахъ у матери, которая то осыпала болѣзненно-щедрыми ласками этого единственнаго сына, то вдругъ, подъ вліяніемъ той же нервной любви, требуя отъ него какого-то невозможнаго совершенства, становилась способною предавать его проклятіямъ за то, что онъ не удовлетворялъ ея идеальнымъ требованіямъ. Понятно, что это должно было развить и въ мальчикѣ ту же нервную страстность въ отношеніяхъ къ матери, которая позже, на рубежѣ юношества, доводила его съ нею до такихъ сценъ, что они грозили другъ другу сейчасъ же покончить съ собою при помощи отравы, послѣ чего сынъ обыкновенно бѣгалъ въ аптеку и просилъ отнюдь ей не отпускать яду, и узнавалъ при этомъ, что мать успѣла побывать тамъ же и точно также предупредить на его счетъ ¹⁾. Тою же болѣзненною нервностью объясняется, надо думать, и то, что Байронъ былъ страстно влюбленъ сперва восьми, потомъ двѣнадцати лѣтъ, и что память сердца именно о первой любви оказалась еще настолько сильною въ шестнадцатилѣтнемъ юношѣ, что онъ едва могъ придти въ себя и не слишкомъ обнаружитъ свое волненіе передъ матерью, которая именно и рассчитывала его подразнить извѣстіемъ, что предметъ его первой дѣтской страсти достался другому ²⁾. Та же чувствительность сказывалась впоследствии и въ отношеніяхъ къ товарищамъ по школѣ и университету. — «Всѣ мои школьныя связи были страсти», — говоритъ Байронъ. Встрѣчи съ бывшими товарищами всегда доставляли ему особенное наслажденіе, тѣмъ болѣе, что ему не было суждено пользоваться этимъ особенно часто, такъ какъ друзья его вообще умирали рано. Потребность любить и особенно — быть любимымъ должна была усиливаться въ

¹⁾ Elze, p. 80.

²⁾ Эти-то сердечныя отношенія и выражены въ стихотвореніи „Сонъ“, написанномъ гораздо позже и производящемъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы все это только-что успѣло пройти сквозь душу поэта.

Байронъ по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе гнѣвныхъ выходовъ матери, въ немъ неизбежно развивалась мысль, что она не любитъ его, а вслѣдствіе этого и собственное его сердце невольно для нея сжималось; съ другой стороны, и судьба, преждевременно лишившая его самыхъ милыхъ друзей, не могла не представляться ему какою-то несправедливою мачихой. Горькое чувство обиженности и сиротства все болѣе и болѣе развивалось въ немъ. Все болѣе и болѣе ожесточало его страстную душу. Мысль о томъ, что терпятъ вѣдь и другіе, и терпятъ, можетъ быть, больше его, едва ли могла унимать его личныя жалобы: по крайней мѣрѣ, въ его поэзіи этого почти не видать. Но въ Байронѣ обнаруживалось уже съ дѣтства великодушное стремленіе — облегчить чужую тяготу или даже снять ея часть на себя. Известенъ рассказъ о томъ, какъ еще школьникомъ, видя, что большой шалунъ бьетъ маленькаго товарища, онъ подбѣжалъ къ нему опротивѣвъ, глядя на него во всѣ глаза. «Чего тебѣ, крошка?» — спросилъ его обомлевшій буянъ. — «Я хочу принять на свою долю половину твоихъ ударовъ» — послѣдовало въ отвѣтъ. Въ этомъ уже виднѣтъ зародышъ того направленія, которое развили въ послѣдствіи поступленіемъ Байрона — сперва въ итальянскіе карбонари, потомъ въ греческіе гетеристы.

Образованіе Байрона началось съ того, что онъ, по его собственному свидѣтельству, очень много читалъ, и уже съ пятилѣтняго возраста читалъ рѣшительно все, что попадалось подъ руку, за исключеніемъ только газетъ и журналовъ, которые достались ему въ первый разъ, когда онъ былъ уже восемнадцатилѣтнимъ юношей. Онъ долженъ былъ такимъ образомъ долго оставаться вдали отъ текущихъ событій и тѣмъ свободнѣе переноситься воображеніемъ изъ эпохи въ эпоху и изъ края въ край. Рано прочелъ онъ и все священное писаніе, особенно пристрастившись, опять по его собственному свидѣтельству, въ ветхому завѣту и только съ трудомъ осиливая новыи. Едва ли это объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя части новаго завѣта отличаются болѣе отвлеченнымъ характеромъ, мало привлекательнымъ для отроческаго возраста. Независимо отъ преобладающаго въ ветхомъ завѣтѣ эпическаго начала и отъ образности въ самой его дидактикѣ, и внутренній смыслъ его морали всегда долженъ былъ болѣе приходить по сердцу Байрону, чѣмъ смыслъ новаго завѣта. Евангельское изреченіе: «если кто-нибудь ударить тебя въ щеку, подставь ему и другую» не менѣе, конечно, наглядно, чѣмъ ветхозавѣтное: «око за око, зубъ за зубъ», но послѣднее должно было болѣе нравиться Байрону уже въ дѣтствѣ при его преждевремен-

ной ожесточенности. Если онъ готовъ былъ отдаться подъ ударъ обидчика изъ большихъ, то, конечно, отъ умѣнія поставить себя, въ сознаніи внутренней своей правоты, выше всякой обиды. Маленькимъ Байрономъ руководило стремленіе явиться смѣлымъ защитникомъ такого же маленькаго, какъ онъ, отъ большого, — стремленіе, льстившее въ значительной степени его самолюбію. Онъ и вообще былъ въ училищѣ безстрашенъ и смѣлъ въ отношеніи къ старшимъ, ласковъ и предупредителенъ къ младшимъ, часто разыгрывая предъ послѣдними роль защитника ¹⁾. Самоотверженіе въ чисто-христіанскомъ духѣ, съ полнымъ забвеніемъ своего я, не могло его привлекать еще въ дѣтствѣ — при болѣзненно-чрезмѣрномъ развитіи въ немъ уже тогда именно этого я.

Училище въ Гарро, куда отданъ былъ Байронъ, должно было дисциплинировать его умственное развитіе посредствомъ того строгаго классицизма, на которомъ въ немъ все основывалось по господствующему въ Англіи педагогическому обычаю. Но это школьное направленіе, по свидѣтельству Эльзе, заключало въ себѣ слишкомъ мало привлекательнаго для Байрона, такъ что онъ и тутъ остался болѣе или менѣе предоставленнымъ своему самообразованію. Заслуживъ, подобно весьма многимъ высоко даровитымъ личностямъ, славу довольно лѣниваго ученика и не подавъ, по собственному его свидѣтельству, ни малѣйшаго повода видѣть въ немъ будущаго поэта, онъ подавалъ надежды развѣ на ораторскій даръ, проявившійся въ немъ въ то время, когда онъ декламировалъ въ классѣ какіе-нибудь литературные образцы. Даръ этотъ и шелъ бы въ нему, какъ въ будущему члену парламента. Надо думать, что это не мало льстило самолюбію мальчика. Извѣстно, что когда, со смертію старшаго въ родѣ, званіе лорда досталось десятилѣтнему Байрону, это произвело на него очень сильное впечатлѣніе — особенно благодаря его крайней нервности и вовсе не педагогическому приему, употребленному при этомъ въ школѣ, подъ вліяніемъ того старобританскаго аристократизма, который вторгается даже и въ педагогику. При совершенно новомъ для него, во время переключеніи учениковъ, обращеніи: *dominus!* онъ, привѣтствуемый товарищами, былъ до того этимъ потрясенъ, что не былъ въ состояніи отвѣтить обычнымъ *adsum* и разразился истерическими слезами ²⁾. Мечты о будущей выдающейся роли съ этихъ поръ вѣроятно не давали

¹⁾ Elze, p. 39.

²⁾ Elze, p. 29.

покая мальчику, и безъ того уже любившему въ играхъ представлять предводителя: не даромъ другъ Байрона, Муръ, находилъ, что не малымъ бы счастьемъ для него было не знать о своемъ «перствѣ» по крайней мѣрѣ до двадцатилѣтняго возраста.

Гордое сознаніе преимущественности должно было еще болѣе развиться у Байрона въ Кембриджскомъ университетѣ, этой, впрочемъ, вовсе имъ не любимой *alma mater*, которую онъ иронически охарактеризовалъ такимъ образомъ въ своихъ «Часахъ Досуга» (*Hours of Idleness*):

«Счастливъ юноша, посвященный въ Эвклидовы аксіомы, хотя бы и мало знакомый со всѣмъ остальнымъ. Счастливъ онъ, если умѣетъ скандировать греческіе стихи съ искусствомъ знатока, хотя бы не былъ въ состояніи написать ни одного стиха по-англійски!... Если бы онъ и недоумѣвалъ при имени отечественной *Magna charta*, — онъ за то отлично помнитъ законодательство Спарты... Плохо зная имя Авонскаго барда (Шекспира) — онъ за то будетъ превозносить безсмертную славу греческихъ драмъ»¹⁾.

Байронъ негодовалъ на Кембриджъ за избытокъ классицизма, успѣвшій ему надоесть уже въ Гарро. Этимъ избыткомъ отвлеченности должно было поддерживаться то отстраненіе отъ окружающей среды, къ которому Байронъ былъ приведенъ уже своимъ всевозможнымъ чтеніемъ (за исключеніемъ именно такого, которое могло бы знакомить его съ текущею живнью). Классицизмъ только ограничивалъ эту отвлеченность, перенося исключительно въ міръ двухъ великихъ народовъ древности. Въ той огромной дозѣ, въ какой онъ отпускается въ Англій, безъ сколько-нибудь достаточнаго противовѣса со стороны отечественнаго жизнія, онъ не можетъ не содѣйствовать нравственной обособленности, оторванности юноши отъ ближайшихъ условій *мѣста и времени*, всегда способной погружать въ эгоизмъ, остающійся *эгоизмомъ*, какъ бы утонченно и возвышенно онъ ни разумѣлся. Конечно, историческіе примѣры древности являются нерѣдко образцами гражданской доблести и могутъ развивать въ молодежи гражданское чувство. Но то, что въ древности *обязывало* личность, ради чего поступалась она частью своихъ правъ и своего счастья — это было понятіе слишкомъ ограниченное, все же слишкомъ тѣсно связанное съ *личными* правами и счастьемъ. *Отечество*, какъ оно понималось въ древности даже и на высшихъ ступеняхъ достигнутого ею развитія, связывало между собою только тѣхъ, кто счи-

¹⁾ Thoughts suggested by a college examination (Byrons Poetical Works, new edition, in 8 vol. London. John Murray. 1870, vol. III (miscellanies), p. 69.

таися полноправными гражданами, а число ихъ было ограничено. Древность вовсе не знала того, что обозначается словомъ *народъ*, въ его теперешнемъ смыслѣ, т.-е. какъ совокупность всѣхъ говорящихъ однимъ языкомъ и живущихъ подъ однимъ закономъ, какъ бы различны ни были ихъ положеніе, образъ жизни и степень развитія. Эту существенную черту классической древности вполне вѣрно понялъ (и отнесся къ ней далеко не безъ сочувствія) даже мыслитель, выдававшійся въ XVIII в. по своему стремленію къ равенству и готовый, ради его, даже вернуться къ первобытной порѣ. «У грековъ,—говорилъ Ж. Ж. Руссо,—все, что слѣдовало дѣлать народу, дѣлалъ самъ народъ. Онъ постоянно собирался на площади» (т.-е. все время проводило на ней въ дѣлахъ политическихъ небольшое число полноправныхъ гражданъ). «Рабы справляли за него всѣ работы, его же великимъ дѣломъ была его свобода» (но рабы вѣдъ составляли громадную массу народа, составляли большинство). «Какъ? — спрашиваетъ Руссо:—свобода осуществляется только при помощи рабства? Можетъ быть. Обѣ крайности сходятся. Бываютъ такіа несчастныя положенія, когда можно сохранить свою собственную свободу только на счетъ свободы другихъ, такъ что гражданинъ не будетъ вполне свободнымъ, если рабъ не будетъ вполне рабомъ. Вы, народы новаго міра, не имѣете болѣе рабовъ, но за то вы сами рабы; за ихъ свободу вы платитее вашею. Хвалитесь, сколько хотите, такимъ преимуществомъ, а же скорѣе въ немъ вижу низость, чѣмъ человѣчность». Выходитъ, что и у Руссо, при всей его парадоксально-напускной ненависти ко всякой цивилизации, какъ къ основному источнику человѣческаго неравенства, все-таки сказалась закуска, доставшаяся европейской цивилизации отъ такъ-называемаго возрожденія классической древности (*renaissance*). Свойственный древне-классическому міру духъ *преимущественности* легко прививался къ соотвѣстственнымъ, по своей основѣ, феодальнымъ началамъ средневѣковой Европы и только содѣйствовалъ своимъ культурнымъ влияніемъ ихъ отвлеченной выработкѣ, возведенію ихъ въ систему. Если феодальный бытъ служилъ самою неблагоприятною почвою для воспріятія нравственной сущности христіанства, то возрожденіе древности еще болѣе устранило ея влияніе.

Старыя преданія англійскаго феодализма уже въ дѣтствѣ надѣлили Байрона званіемъ лорда, поставившимъ его въ особое преимущественное положеніе даже передъ родною матерью. Англійская педагогическая система должна была въ сильной мѣрѣ содѣйствовать развитію въ немъ стремленія къ широкому проявленію

своего я. Понятно, что для христіанскаго смиренія и самоотверженія уже не оставалось мѣста, и дѣтское нерасположеніе Байрона къ новому завѣту должно было только усилиться въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ. Онъ откровенно и высказывалъ это — въ великому соблазну своихъ соотечественниковъ, которые, вмѣстѣ съ преданіями феодальнаго быта, сохраняли и преданія средневѣковаго *формальнаго* христіанства. Правда, оно уже не было *католицизмомъ* (въ собственной Англіи), но оно оставалось тою же формальною вѣрою, обязательно какъ бы ради выслуги у небеснаго сюзерена.

Байрону между тѣмъ претила всякая выслуга. Принявъ въ наслѣдство средневѣковыя права, онъ былъ далекъ отъ принятія вмѣстѣ съ ними какихъ-нибудь обязательствъ. Если бы онъ родился въ средніе вѣка, ему бы слѣдовало быть сюзереномъ, но онъ бы не могъ быть ничѣмъ вассаломъ. Со званіемъ лорда продолжала соединяться и въ его время обязательная служба небесному сюзерену, но Байронъ былъ противъ нея уже потому, что хорошо зналъ, въ какой степени завѣтъ этого воображаемаго «сюзерена», его *новый* завѣтъ съ людьми, не соотвѣтствовалъ всѣмъ тѣмъ личнымъ правамъ и преимуществамъ, которыхъ держались его воображаемые «вассалы». Прямая натура Байрона не была въ состояніи фальшивить и лицемерить; онъ зналъ, что христіанство несовмѣстимо съ тою безграничностью личной свободы, къ которой стремился онъ по своей натурѣ на почвѣ преданій феодализма и классицизма, и онъ открыто и смѣло говорилъ вслухъ, что только съ трудомъ могъ *осилить новый заветъ*.

Съ другой же стороны, можетъ быть опять изъ желанія быть лично послѣдовательнымъ и не считать для себя обязательными возвращенія того класса общества, принадлежность къ которому доставляло ему однако же несомнѣнное удовольствіе, Байронъ открыто утверждалъ, — опять въ великому соблазну своей среды, — что если держаться, по примѣру предковъ, положительной религіи, то слѣдуетъ всякой другой предпочесть католическую, какъ самую древнюю ¹⁾. Такъ какъ при этомъ, однако же, Байрону вовсе не нравилось папство, то предпочтеніе, отдаваемое имъ католичеству, зависѣло, надо думать, оттого, что оно всегда умѣло удерживать свою самостоятельность и не было способно на какія либо сдѣлки съ посторонними силами, хотя сколько-нибудь похожія на ту волосальную сдѣлку, въ силу которой явилась англикан-

¹⁾ Такомъ, по крайней мѣрѣ, она ему представлялась. Письмо къ Далласу 21 января 1808 г. (Engel p. 17).

ская церковь. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ католичество по нраву Байрону должно было приходиться и то, что оно оказывалось не особенно-то причастнымъ христіанскому духу смиренія и кротости. Это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ уцѣлѣвшей въ католицизмѣ завѣски дохристіанскаго, классическаго латинства, а мы знаемъ уже, что, какъ ни надобѣло Байрону школьный классицизмъ, мучившій его, по его собственному свидѣтельству, въ продолженіи тринадцати лѣтъ, — во многомъ онъ совершенно сжился съ его духомъ, что и вызывало у него даже предпочтеніе къ классическимъ формамъ въ современной европейской литературѣ.

Выступивъ уже 19-ти лѣтъ авторомъ (можетъ быть не безъ желанія удивить своихъ бывшихъ наставниковъ, никакъ этого не ожидавшихъ), Байронъ въ первомъ своемъ поэтическомъ сборникѣ, «Часахъ Досуга», старается, по свидѣтельству Тэна, слѣдовать строгости старой классической теоріи ¹⁾. Въ содержаніи же даетъ онъ тутъ много разъ почувствовать, до какой степени не безразлично было для него быть уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ привѣтствовану: *dominus!* Если онъ говоритъ во вступленіи, что единственная его претензія, это — занять мѣстечко въ «толпѣ писателей джентльменовъ», съ преимуществомъ попасть послѣ смерти въ каталогъ писателей королевской или знатной крови, спасшей отъ забвенія многія имена при всемъ томъ, что сочиненія ихъ давно забыты, — то это, конечно, можно принять за иронію. Но въ концѣ того же предисловія онъ приводитъ слова Джонсона по поводу поэмъ одного изъ своихъ благородныхъ родственниковъ (графа Карлиля): «когда знатный человѣкъ дѣлается писателемъ, то онъ имѣетъ право рассчитывать, чтобы ничто, сколько-нибудь заслуживающее похвалы въ его сочиненіяхъ, не было оспариваемо». Правда, молодой поэтъ прибавляетъ, что онъ не желалъ бы пользоваться этимъ преимуществомъ, а предпочитаетъ самыя озлобленныя нападенія безымянныхъ критиковъ такимъ похваламъ, которыя относились бы исключительно къ его титулу. Въ одномъ изъ стихотвореній, обращаясь къ неназванному тутъ другу, онъ проситъ его не завидовать преимуществамъ аристократическаго происхожденія.

Въ стихахъ, посвященныхъ своему родовому ньюстетскому аббатству, Байронъ, прощаясь съ могилами предковъ, общается

¹⁾ И позже, замѣчаетъ Тэнъ, почти во всѣхъ сочиненіяхъ Байрона ощутительны слѣды классицизма. Онъ советуется держаться и самъ строго держится правила извѣстныхъ единствъ въ трагедіи. Онъ любитъ ораторскую форму, симметрическую фразу, *style condensé* (Taine, Hist. de la litt. Angl., IV, 354).

имъ никогда не забыть ихъ славы. ¹⁾ Въ другихъ стихахъ, посвященныхъ молодымъ поэтамъ товарищу Байрона, герцогу Дорсету, припоминаются преданія его рода, и въ заключеніе говорится: «таковы были твои предки; поддержи же славу ихъ имени» ²⁾).

Въ большомъ стихотвореніи, посвященномъ воспоминаніямъ дѣтства, Байронъ, затрогивая подъ именемъ Эвріала друга своего графа Делавера, называетъ его «достойною отраслью древней линіи» ³⁾. Во всемъ этомъ слишкомъ ярко проглядываетъ несомнѣнный аристократизмъ. Въ объясненіе можетъ быть приведено и слѣдующее свидѣтельство самого Байрона изъ того же сборника стиховъ, свидѣтельство о тѣхъ педагогическихъ приемахъ, съ какими относились къ товарищамъ Байрона и, конечно, къ нему самому. Обращаясь къ молодому графу Дорсету, «пользующемуся званіемъ, ставящимъ его въ самое малое разстояніе отъ трона», Байронъ предостерегаетъ его такимъ образомъ: «не позволяй удалять себя отъ науки и отъ всякаго контроля, несмотря на бездѣйствіе этихъ учителей, которые снисходительно смотрятъ на герцогскія проказы, зная, что титулованный мальчикъ будетъ со временемъ въ состояніи однимъ словомъ доставлять повышенія и всякія милости».

Въ томъ же сборникѣ первыхъ своихъ стиховъ Байронъ проявляетъ и гордое чувство личной независимости отъ своей среды, той самой среды, которой чистою кровью и семейными славами онъ такъ гордился. Въ посланіи «къ Бечеру, который совѣтовалъ ему болѣе посѣщать общество», онъ говоритъ: «я не хочу спускаться къ этому міру, который я презираю... Еслибъ сенатъ или лагерь требовали моихъ услугъ, честолюбіе, быть можетъ, заставило бы меня выдвинуться. Когда пройдетъ первая молодость и ея испытательные годы, я, можетъ быть, попытаюсь показать себя достойнымъ своего происхожденія... Я живу лишь для того, чтобъ заслужить похвалу потомства... Но на что я присоединюсь къ стаду, управляемому модой. Къ чему стану я льстить его заправщикамъ и пресмыкаться передъ ихъ законами. Къ чему унижаться передъ гордыми, и расточать похвалы не-

¹⁾ Стихотвореніе помѣщено 1808 г., т.-е. поэту было тогда всего пятнадцать лѣтъ. Замѣчу что у г. Гербеа переведено всего нѣсколько стихотвореній изъ „Часовъ Досуга“. Страннымъ образомъ читатель не предупрежденъ объ этомъ никакимъ примѣчаніемъ. Къ тому же, стихотворенія выбраны изъ этого сборника далеко не самыя характерныя.

²⁾ Помѣчено 1805 г., когда Байрону было 17 лѣтъ.

³⁾ Делаверъ родился въ 1791 г., стало быть ему не могло быть болѣе 16 лѣтъ, такъ какъ „Часы Досуга“ вышли въ 1807 г.

лѣпостямъ? Къ чему искать счастья въ дружбѣ съ глупцами?» ¹⁾. Подобное направленіе, все болѣе и болѣе развиваясь въ Байронѣ, становилось весьма для него опаснымъ. Англійская аристократическая среда издавна выработала извѣстный кодексъ правилъ, которыхъ держится съ самою надменною косностью, при лицемѣрномъ незамѣчаніи ихъ устарѣлой односторонности. Горе тому, кто вадумаетъ хотя сколько-нибудь освободиться изъ-подъ ихъ власти, кто осмѣлится ополчиться со своимъ личнымъ умомъ противъ наслѣдственной мудрости передового класса. Но если такъ, то, при характерѣ Байрона, столкновение со своими стало на первыхъ уже порахъ для него неизбежнымъ.

Между тѣмъ и въ той средѣ, въ которую вступилъ онъ уже по собственному желанію въ качествѣ дилеттанта, но дилеттанта, конечно, рассчитывавшаго на скорую славу,—въ средѣ литературной, онъ сразу же нашлъ себѣ враговъ. Въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, роль его вышла сначала страдательная: онъ сдѣлался жертвою яростнаго нападенія со стороны «Эдинбургскаго Обозрѣнія», посмѣявшагося довольно мѣтко надъ его аристократической спѣсью въ соединеніи съ претензіей быть поэтомъ. Критику, при англійскихъ нравахъ, едва ли непріятно поразилъ самъ по себѣ этотъ аристократизмъ, но онъ поразилъ ее именно въ связи съ тѣмъ, что показалось ей только *претензіей* на поэтический даръ. Въ этомъ отношеніи Байрону пришлось раздѣлить участь многихъ, на первыхъ порахъ непризнанныхъ, а потомъ, и даже вскорѣ потомъ, знаменитыхъ писателей. Критика прямо рѣшила, что едва ли существовалъ когда-нибудь сборникъ стиховъ болѣе посредственныхъ, а потому и посовѣтовала молодому лорду навсегда распрощаться съ поэзіей. Давно уже замѣчено, что это-то и должно было, при самолюбиво-упорномъ характерѣ Байрона, подтолкнуть его къ тому, чтобы сдѣлать прямо наоборотъ. Правда, онъ и впослѣдствіи отпирался отъ писательства какъ отъ исключительнаго призванія, но отпирался, уже посягнувъ своихъ литературныхъ противниковъ своею несомнѣнно-признанною и быстро установившеюся литературною славою. Но злая эдинбургская критика заключала въ себѣ слѣдующее мѣткое замѣчаніе: «хотя поэты и имѣютъ привилегію на эгоизмъ, все же они должны пользоваться ею съ умѣренностью». И что же? несмотря на безспорную вѣрность этого замѣчанія, Байронъ,—конечно, не только на зло критикѣ, а вслѣдствіе основной особен-

¹⁾ Ни одного изъ этихъ въ высшей степени характерныхъ стихотвореній въ изданіи г. Гербеля не оказывается.

ности своего характера и своей поэтической природы, — навсегда остался въ поэзіи «эгоистомъ» — въ томъ смыслѣ, какъ понимала это критика. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно выражалъ, какъ извѣстно, только самого себя, — и вся Европа такъ долго находилась подъ обаяніемъ этихъ постоянныхъ варьяцій на одну и ту же, совсѣмъ, повидимому, не широкую тему, т.-е. постоянно занималась, вмѣстѣ съ поэтомъ, собственною его личностію. Тѣмъ имѣлъ полное право сказать, что «едва ли существуетъ другой, столь великій поэтъ съ воображеніемъ столь ограниченнымъ» ¹⁾. Но результаты, достигнутые Байрономъ при всей этой ограниченности сферы его воображенія, конечно, показываютъ, какъ промахнулись эдинбургскіе критики, поспѣшивъ его отнести къ разряду посредственностей. Одна сила таланта однако же не могла бы приковать къ личности поэта вниманіе всего міра. Для этого нужно, чтобы самое содержаніе этой личности было широко-глубоко, чтобы она вмѣщала въ себѣ цѣлое множество личностей.

Будемъ же слѣдить далѣе за поэтическими проявленіями многообъемлющаго байроновскаго типа, чтобы вѣрно опредѣлить, при его міровомъ значеніи, и его отношенія къ націи, произведшей поэта.

Байрону, при его самолюбіи, прежде всего надо было хорошенько отомстить своимъ литературнымъ врагамъ (хотя онъ и увѣрялъ въ своихъ письмахъ, что только мать его огорчилась ихъ выходкой, а самому ему отъ этого горя мало ²⁾). Местью его была злая сатира: «*Англійскіе барды и шотландскіе критики*» ³⁾. Отдѣлывая критиковъ, онъ отдѣлялъ и тѣхъ, кого они превозносятъ (многихъ отдѣлялъ только за то, что самого его не включили въ число этихъ превозносимыхъ) наприм. В. Скотта и Мура, конечно не заслуживавшихъ, чтобы на нихъ вымещали чужую вину и впоследствии отплатившихъ Байрону добрыми отношеніями къ нему (Муръ даже прямо дружбою). Развѣнчивая, какъ ему кажется, ложныя знаменитости, Байронъ невольно увлекается ролью защитника своей эпохи отъ этого, какъ онъ выражается, «*легіона идіотовъ*». Онъ видитъ въ себѣ въ этомъ случаѣ защитника истинной чести Англіи. «Ея почетное имя, говорить онъ, никогда не лишится справедливаго уваженія, ко-

¹⁾ Taine, Hist. IV, 352.

²⁾ Engel, p. 19. Въ другомъ мѣстѣ, правда, онъ сознался: „мнѣ лишь тогда стало хорошо, когда я далъ волю гнѣву въ своихъ стихахъ“ (35).

³⁾ Въ настоящемъ русскомъ изданіи Байрона сатира эта помѣщена въ 8-мъ томѣ, въ переводѣ П. И. Вейнберга (въ 1-мъ изданіи ея не было).

торнымъ оно окружено, какъ имя страны, превосходящей всѣхъ свободою и болѣе всѣхъ любимой музами. О, если бы твои барды, Альбионъ, старались соперничать съ тобою въ славѣ и становиться болѣе достойными твоего имени! Чѣмъ были Аѳины въ наукѣ, Римъ—въ военномъ могуществѣ, Тиръ—въ апогее своей славы—все это соединилось теперь въ тебѣ, дорогая Англія, самодержавная повелительница земли, прелестная царица океана». — Разъ навсегда въ этомъ случаѣ отечество привело въ такой пафосъ поэта, оцѣнившего тутъ то, въ чему такъ страстно стремился онъ самъ—безграничную мощь и власть, широкое развитіе личности въ собирательномъ значеніи нации. Онъ даже прямо увлекается тутъ англійскою національною исключительностью, вмѣняя нелюбимому имъ поэту—Саути—какъ-бы въ недостатокъ патриотизма слѣдующій сюжетъ: «вотъ шествуетъ впереди всѣхъ Іоанна д'Аркъ, этотъ злой бичъ Англіи и гордость Франціи. Пусть злой Бедфордъ сжегъ ее какъ колдунью—нашему поэту что за дѣло? Статуя ея красуется у него въ храмѣ славы, ея цѣпи падаютъ, дверь тюрьмы отърывается и дѣвственница фениксъ возрождается изъ своего пепла». — Становясь способнымъ вмѣнить въ вину сочувствіе такой свѣтлой личности, потому что она не только не своя, но и прямой врагъ (хотя и древній врагъ) Англіи, т.-е. миролюба на этотъ,—впрочемъ, первый и послѣдній разъ,—политическому эгоизму, т.-е. политической безнравственности своего общества, Байронъ, съ другой стороны, проникается тутъ его пуританскою нравственностью въ тѣсномъ смыслѣ, обвиняя другого поэта, Мура (отдѣливаемого изъ-за благосклонности къ нему критики), въ эротизмъ. «Тяжело,—говоритъ онъ,—музѣ произносить обвинительный приговоръ; но она должна быть справедливою и не имѣть права щадить гармоническихъ защитниковъ разврата. Чисто то пламя, которое горитъ на ея алтарѣ; съ отвращеніемъ бѣжитъ она отъ зараженного олимпа; но, полная снисходительности къ молодости, прощаетъ тебѣ (Муру) и говоритъ: «исправься и перестань грѣшить». — Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своей сатиры, вдаваясь въ тотъ же морализаторскій пафосъ, Байронъ вслѣдъ затѣмъ начинаетъ обличать англійское лицемеріе и ханжество. — «Пусть Італія, мастерица на всевозможные способы утончать нравы и обычаи, но, въ то же время, развращать сердца—пусть она, наводняя нашъ городъ своими туземными ухищреніями, санкціонируетъ пороки и прогоняетъ всякое общественное приличіе... Не обнажайте карательныхъ мечей, вы, истребители нашихъ пороковъ, вы, святые реформаторы, вы, для спасенія нашихъ грѣшныхъ душъ, приказывающие, чтобы

по воскресеньямъ не пѣвились пивныя кружки и оставались въ бездѣйствіи бритвы цирюльниковъ; вы, свидѣтельствующіе неоткупоренными бутылками и небритыми бородами о вашемъ священномъ чествованіи дня субботняго». Самъ поэтъ вполне непричастенъ общественному лицемѣрію, и, проповѣдуя нравственность, откровенно сознается въ своихъ собственныхъ слабостяхъ. «Я, говоритъ онъ, самый вѣтренный изъ этой оглашенной толпы, умѣющій очень хорошо понимать добро и дѣлать зло, свободный отъ всякой опеки въ томъ возрастѣ, когда щитъ разума не прикрываетъ насъ, — пробивающійся сквозь безчисленную армію страстей, побывавшій на всѣхъ тропинкахъ обольстительныхъ наслажденій и на каждой изъ нихъ сбивавшійся съ дороги ¹⁾, даже я долженъ возвысить голосъ, даже я сознаю, что подобныя явленія, подобные люди разрушаютъ общественное благо».

Слова эти вылились, можетъ быть, изъ-подъ пера Байрона подъ вліяніемъ самыхъ свѣжихъ воспоминаній о томъ широкомъ разгулѣ, какому отдался онъ, по окончаніи курса въ Кембриджѣ, въ родовомъ своемъ замкѣ Ньюстетѣ, вовсе уже не смущаясь тѣнями своихъ славныхъ предковъ. Легко могло статься, что этимъ разгуломъ Байронъ отчасти унималъ въ себѣ желчь, несомнѣнно возбужденную «Эдинбургскимъ Обзорѣніемъ», хотя онъ самолюбиво скрывалъ это. Съ другой стороны, разгулъ Байрона могъ доставлять ему наслажденіе и какъ дерзкій бунтъ противъ англійской аристократической чопорности и того добродѣтельнаго соблюденія внѣшнихъ приличій, подъ которыми такъ часто скрывалась, по его свидѣтельству, внутренняя безнравственность.

Между тѣмъ въ «Англійскихъ бардахъ и шотландскихъ критикахъ» сказано кое-что, идущее совершенно въ тонъ со средой, въ которой принадлежалъ Байронъ, находящееся въ прямой связи съ аристократизмомъ его «Часовъ Досуга». Обращаясь къ представителямъ того рода поэзіи, который затрогивалъ жизнь бѣдныхъ классовъ общества, и отдавъ, это правда, справедливость инымъ изъ нихъ, Байронъ отзывается о другихъ съ явнымъ пренебреженіемъ — не только въ слабости ихъ дарованія, но и въ самому излюбленному ими предмету. «Теперь, — говоритъ онъ, — стоить любому крестьянину олончить свое земное странствіе, любому лугу украситься заборомъ — въ честь этихъ событій сейчасъ же зазвучитъ ода... Продолжайте пѣть, о, вы, гармоническіе са-

¹⁾ Строки, ниѣющія, очевидно, автобіографическое значеніе. Энгель не включилъ ихъ въ свою „автобіографію“ Байрона, ограничиваясь исключительно письмами и записками поэта; но для полной автобіографіи такого въ полномъ смыслѣ лирикану нужны и безчисленные выписки изъ его сочиненій.

поминки! Изготовляйте въ одно и то же время баптизмъ и стихотвореніе!» Въ другомъ мѣстѣ Байронъ, нападая уже не на какую-нибудь бездарность, а на самого Вальтеръ-Скотта, придирается къ нему именно за набираемые имъ предметы. «Скажи, спрашиваетъ Байронъ, развѣ въ лѣтописяхъ Каледоніи не найдется воспоминаній о подвигахъ болѣе благородныхъ, чѣмъ гнусныя продѣлки клана воровъ и мошенниковъ» ¹⁾.

Но не долго суждено было Байрону попадать хотя изрѣдка въ тонъ со своею аристократическою средою. Нравясь ему своими преимуществами, она все болѣе и болѣе стѣсняла обязательностью своего условнаго кодекса его непокладисто-гордое я. Тотъ же Вальтеръ-Скоттъ, такъ безцеремонно отдѣланный молодымъ писателемъ - лордомъ, вовсе не сердясь на него, искренно сожалѣлъ о немъ, говоря: «Бѣдный Байронъ!... онъ самъ погубилъ себя безумнымъ презрѣніемъ къ общему мнѣнію» (т.-е. главнымъ образомъ—къ мнѣнію своего же класса). Онъ точно будто хотѣлъ сказать: «вамъ не нравится это? такъ вотъ вамъ за то и покуше еще въ томъ же родѣ!» ²⁾.

Усиленію этого направленія въ Байронѣ содѣйствовало въ сильной степени и духъ времени. Его стремленіе къ безграничной свободѣ личности нашло себѣ цинку въ томъ ученіи французскихъ мыслителей, которому принадлежала такая значительная доля участія въ подготовленіи переворота, завершившаго XVIII в. во Франціи. Въ сущности, ученіе этихъ мыслителей только упростило и сдѣлало доступными всѣмъ идеѣ, первоначально развившіяся на англійской почвѣ—идѣ бывшаго всегда сильнымъ въ Англіи *начала личности*, воздѣланнаго вліяніемъ классицизма. Но когда упрощенная французами форма этихъ идей открыла имъ доступъ во всѣ классы общества, тогда первые ихъ испугались именно англичане, т.-е. англійская аристократія, почувшшая въ этомъ что-то со временемъ разрушительное для своихъ правъ, и задавшаяся съ этихъ поръ тѣмъ болѣе явнымъ консерватизмомъ. Она окончательно вообразила себя самымъ небомъ призванною защитницею всего, ниспровергавшагося французскою популяризацией духа личности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ популяризація эта сказалась такъ сильно и крупно и въ практикѣ—событіями революціи. Вотъ новый поводъ къ усюренному разладу Байрона съ консерватизмомъ своей среды.

Разладъ этотъ сталъ невыносимъ для Байрона, и онъ, слѣдуя

¹⁾ Байронъ въ изд. Гербеля, III, стр. 68, 70, 76, 77, 79 81, (отдѣлк: *Сатиры*).

²⁾ Taine, IV, 341.

впрочемъ обычаю англійскихъ же аристократовъ—обращаться на время въ туристы, отправился въ дальнее и долгое путешествие. Онъ рѣшился на это тѣмъ скорѣе и тѣмъ охотнѣе, что и съ матерью продолжались у него нелады, вслѣдствіе взаимной неуступчивости двухъ одинаково страстныхъ и самолюбиво упорныхъ характеровъ. Единственное существо въ родствѣ, которое могло бы удержать Байрона — была его сестра Августа, любившая его такъ нѣжно и такъ ровно, что у него, при всей его самолюбивой мнительности, никогда не являлось сомнѣнія на ея счетъ. Но она была уже замужемъ, Байронъ не видался съ нею цѣлыхъ три года и даже не съѣздилъ проститься съ ней, а уѣхавъ, не простившись также и съ матерью.—Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ послѣдней, онъ распространяется о пользѣ путешествій. «Я знаю,—пишетъ онъ тутъ,—какъ вредно торчать дома, погрязнувъ по уши въ предрассудкахъ островитинъ, а потому и думаю, что долженъ бы существовать законъ, который бы заставлялъ нашихъ молодыхъ людей каждагодно совершать путешествія въ тѣ двѣ страны, которыя еще, какъ союзныя, не закрыты для насъ войною». Видно, что непріязненное столкновеніе съ родиной совершенно охладило его жаръ къ ней или, по крайней мѣрѣ, заставило его, изъ самолюбія, считать себя къ ней охлажденнымъ. Впрочемъ, онъ оговаривается въ томъ же письмѣ: «если я замѣчаю въ чемъ-нибудь превосходство Англіи (относительно котораго, впрочемъ, мы очень часто находимся въ заблужденіи), то я радуюсь этому; если же я вижу, что Англія въ чемъ-нибудь отстаетъ отъ другихъ націй, то я вывожу себя отсюда урокъ. А если бы я засѣлъ въ вашихъ городахъ и далъ бы себя весь вѣкъ обкуривать и напускать передъ собою туману, то я бы не приобрѣлъ и малѣйшей доли того, чему я выучился и что я теперь знаю».

Въ томъ же самомъ письмѣ Байронъ увѣряетъ, что онъ даже не ведетъ дневника и что писательство ему вообще надобно. «Если мнѣ удалось,—пишетъ онъ,—моею послѣднею книгою доказать критикамъ и свѣту, что я стою немного дороже, чѣмъ они думали, то этого съ меня и будетъ, и я не стану какимъ-нибудь новымъ трудомъ ставить на карту свою извѣстность ¹⁾. Правда, у меня есть еще кое-что въ рукописи, но это останется для моихъ потомковъ, и если они сочтутъ это достойнымъ обнародованія, то пусть оно продлитъ хоть немного память обо мнѣ». Это «кое-что», о которомъ съ такимъ «смиреніемъ паче гордости»

¹⁾ «Англійскіе Барды и Шотландскіе Критики» имѣли, какъ извѣстно, успѣха.

говорить тутъ Байронъ, было начало его «Странствованій Чайльд-Гарольда», являющихся, какъ извѣстно, поэтическимъ дневникомъ его путешествія.

Мать отвѣчала, повидимому, соображеніями о продажѣ его родового замка Нью-Стета, важными для поправленія ихъ экономическаго положенія и соединявшимися въ умѣ ея, какъ кажется, съ мыслию о возвращеніи его въ отечество. Байронъ отвѣтилъ ей, что именно въ случаѣ продажи своего замка онъ и остался бы за границею. «Нью-Стетъ, — писалъ онъ, — это единственная моя связь съ Англіею; стоить только порвать ее, и у меня не станетъ ни малѣйшей охоты оставаться дома... Къ тому же, я чувствую себя до того гражданиномъ вселенной, что каждое мѣсто, гдѣ я могу пользоваться такимъ чуднымъ климатомъ, какъ здѣсь, и жить такъ роскошно, при столь небольшихъ расходахъ, какъ въ какой-нибудь англійской высшей школѣ, — каждое подобное мѣсто будетъ для меня отечествомъ, да я и считаю имъ въ самомъ дѣлѣ берега Архипелага». Безъ малаго четыре мѣсяца спустя онъ однако же извѣщалъ мать о скоромъ своемъ возвращеніи послѣ двухгодовой отлучки, но замѣчая при этомъ, что онъ возвращается въ отечество съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ оставилъ его — *равнодушіемъ*. Впрочемъ, по его увѣренію, это чувство не распространялось на мать. Извѣстно, что поэтъ уже не засталъ ее въ живыхъ. «Я почувствовалъ всю правду того, что мы можемъ имѣть только *одну* мать», — писалъ онъ послѣ ея смерти доктору Пиготу ¹⁾. Оставшись наединѣ съ ея тѣломъ, онъ плакалъ, какъ рассказываютъ, навзрыдь. Не желая показаться въ такомъ состояніи людямъ, онъ не былъ на похоронахъ, а сталъ, когда двинулся поѣздъ, фехтовать со своимъ слугою, но скоро свалился съ ногъ какъ-бы въ обморокъ ²⁾.

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ внезапной смерти матери, Байронъ тогда же набросалъ свое завѣщаніе. Его воля была, чтобы тѣло его было погребено въ склепѣ посреди сада въ Нью-Стетѣ безъ всякихъ церемоній, безъ богослуженія и безъ всякой надписи, кромѣ простого обозначенія имени и возраста. Его воля была также, чтобы его вѣрный пёсъ не былъ изгнанъ изъ того же склепа.

Но поэтъ отмѣнилъ свое рѣшеніе относительно той новой рукописи, о которой писалъ онъ матери. Вмѣсто того, чтобы

¹⁾ Всѣ приведенныя тутъ письма помѣщены въ извлеченіи у Энгеля, на стр. 25—29.

²⁾ Elze, p. 112—113.

быть завѣщанными потомству, первыя двѣ пѣсни «Странствованій Чайльдъ-Гарольда» вышли въ свѣтъ въ 1812 г., быть можетъ, не безъ затаенной мысли поэта о томъ, что послѣ ихъ появленія латиническая надпись на гробѣ: «Лордъ Байронъ—такимъ-то лѣтъ», будетъ уже сама по себѣ достаточно краснорѣчива.

За два дня до появленія своей новой поэмы, Байронъ показавъ гордое пренебреженіе къ заботѣ о томъ, чтобы не нажить себѣ новыхъ враговъ передъ ея выходомъ въ свѣтъ. Въ верхней палатѣ парламента была произнесена имъ рѣчь, служившая самымъ смѣлымъ вызовомъ, обращеннымъ къ своей же средѣ, той самой средѣ, которая не могла, напримѣръ, простить Байрону, что онъ, предаваясь своему разгулу въ Нью-Стетѣ, велѣлъ себѣ сдѣлать кубокъ изъ черепа. Байронъ произнесъ рѣчь ¹⁾ по поводу недавнихъ волненій между англійскими рабочими, вызванныхъ невыносимымъ ихъ положеніемъ. «Все это, — говорилъ онъ, — происходило въ 130 миляхъ отъ Лондона, а мы, добрые люди, вполне увѣренные въ непривосновенности своего величія, продолжали себѣ наслаждаться побѣдами за границей—при самыхъ явныхъ домашнихъ бѣдствіяхъ. Но всѣ взятые вами города, всѣ эти арміи, отступившія передъ вашими вождями, стоятъ ли они того, чтобы ради ихъ вы подраивали другъ друга, когда у васъ дома раздоръ, когда вамъ приходится посылать солдатъ и палачей противъ собственныхъ вашихъ гражданъ. Вы называете этихъ людей *толпою* (а *mob*)—отчаянною, опасною и невѣжественною, и вамъ представляется, что единственное средство унять «многоголоватаго звѣря», это—отсѣчь ему нѣсколько лишнихъ головъ... Но сознаемъ ли мы все, чѣмъ мы обязаны этой *толпѣ*? Она воздѣлываетъ наши поля и служитъ въ нашихъ домахъ, она пополняетъ нашъ флотъ и нашу армію, она сдѣлала насъ способными противиться всему свѣту; но она же станетъ противиться намъ сама, когда нерадѣніе о ней (*neglect*) и бѣдствія доведутъ ее, наконецъ, до отчаянія. Вы можете, сколько вамъ угодно, называть *народъ* (*people*)—*толпою*, но не забывайте, что толпа высказываетъ нерѣдко не что иное, какъ желанія *народа*... Я посѣтилъ нѣкоторыя изъ самыхъ удрученныхъ областей Турціи, но и подъ властію самаго деспотическаго изъ невѣрныхъ государствъ не найти такихъ отталкивающихъ бѣдствій (*squalid wretchedness*), какія я встрѣтилъ по возвращеніи въ самое сердце христіанской страны!»..

¹⁾ 27 февраля 1812 г.

Не трудно замѣтить, что послѣднія слова заключаютъ въ себѣ упрекъ англичанамъ въ лицемерности, или, по крайней мѣрѣ, безплодности ихъ «христіанства». Въ другой своей рѣчи ¹⁾ Байронъ налегъ на непоследовательность ихъ религіозности въ отношеніи католиковъ въ видѣ вопроса: «въ какой мѣрѣ то, что они вѣрують—не мало, а *слишкомъ* мною (въ сущности—главное обвиненіе, возводимое на нихъ), въ какой мѣрѣ такой избытокъ преданности своему Господу можетъ сдѣлать этихъ нашихъ согражданъ неспособными хорошо служить своему королю?» Тутъ же Байронъ ополчился и противъ религіозной нетерпимости англійскихъ школъ, въ которыхъ, на основаніи общепринятаго англійскаго катихизиса, развивается мысль, что католики—тѣ же идолопоклонники. «Не значить ли это,—спрашиваетъ Байронъ, —выдѣлывать изъ дѣтей вашихъ скорѣе дьяволовъ, чѣмъ людей ²⁾?.. Ужъ лучше въ такомъ случаѣ отправлять ихъ на острова Южнаго океана, гдѣ они все же скорѣе бы остались людьми, хотя бы и выучились людоедству; право, менѣе отвратительно развивать въ нихъ способность пожирать мертвыхъ, чѣмъ преслѣдовать живыхъ». Обозвавъ такимъ образомъ своихъ соотечественниковъ утонченными людоедами заживо, Байронъ достаточно имъ отомстилъ за весь шумъ, поднятый изъ-за того черена, который нашелъ онъ на кладбищѣ и изъ котораго сдѣлалъ кубокъ.

Понятно, что такіа рѣчи должны были произвести потрясающее впечатлѣніе,—никакъ не меньше, чѣмъ «Чайльдъ-Гарольдъ». Послѣ этого можно было опасаться, какъ бы Байронъ не предпочелъ вообще роль оратора, столь увлекательную для самолюбія. Такимъ образомъ исполнились бы ожиданія его школьных наставниковъ, а равно и обѣщаніе Шеридана, что изъ него, если онъ будетъ такъ продолжать, непременно выйдетъ великій ораторъ ³⁾. Въ отрывкѣ дневника, относящемся къ 1813 г., Байронъ говоритъ: «если бы я имѣлъ виды на вѣншній успѣхъ въ Англіи, то я бы, конечно, ограничился однимъ парламентомъ. Но у меня нѣтъ честолюбія,—увѣряетъ онъ, однако же вслѣдъ затѣмъ оговаривается:—а если бы оно у меня и было, то только въ смыслѣ: *aut Caesar, aut nihil*». Мѣшало, стало быть, опасеніе, что все же ему не удастся быть *первымъ* ораторомъ. «Быть

¹⁾ Произнесенной 21 апрѣля того же года.

²⁾ Въ письмѣ къ матери отъ 14 января 1811 г., Байронъ съ другой стороны замѣтилъ, что „люди сами причиняютъ себѣ болѣе зла, чѣмъ могъ бы имъ причинить дьяволъ“ (Engel, p. 26).

³⁾ Engel, p. 38.

первымъ человѣкомъ государства,—говорить онъ въ томъ же отрывкѣ,—не диктаторомъ, не какимъ-нибудь Суллой, а Вашингтономъ или Аристидомъ, быть первымъ по таланту и доблести—это значить быть первымъ послѣ Божества». «Франклинъ, Пеннъ,—или, пожалуй, Брутъ, Кассій, даже Мирабо и Сентъ-Жюсть», перечисляетъ онъ далѣе тѣхъ, чья роль для него привлекательна. «Изъ меня же никогда ничего не выйдетъ, или ужъ самое большее, чего я могу надѣяться, это чтобъ кто-нибудь сказалъ про меня: «онъ бы, можетъ быть, могъ, еслибъ захотѣлъ». Вотъ это мнительное недовѣріе къ себѣ изъ того же самолюбія, не мнрившагося ни съ какою ролью, кромѣ самой первой, и удержало Байрона въ кругу писателей, гдѣ онъ, повидимому, былъ увѣреннѣе въ своемъ первенствѣ, хотя и продолжалъ отзываться объ авторствѣ очень свысока. «Кто станетъ писать, будучи годнымъ на что-либо лучшее?—спрашивалъ онъ еще 24 ноября 1813 года. — Дѣйствія, дѣйствія, дѣйствія! — говорилъ Демосеентъ. — Дѣйствія! говорю и я, а никакъ не писательства, всего менѣе ромоплетства! Пусть только приглядятся къ жалкому, однообразному житью-бытью всей этой разновидности (species) въ человѣчествѣ,— за исключеніемъ Сервантеса, Тасса, Данта, Аріоста, Клейста (всѣ они были дѣятельными и дѣльными гражданами), да Эскила, Софокла и еще, можетъ быть, двухъ изъ древнихъ, — и вообще окажется, что этого сорта люди—самыя бесполезныя и праздныя твари!» ¹⁾

Такой взглядъ на авторство могъ усилиться въ Байронѣ отъ перѣдкоу странности отношеній между писателемъ и обществомъ, странности, которую Байронъ испыталъ на себѣ. За «Часы Досуга» обозвали его «посредственностью изъ посредственностей»; «Барды и Критики» измѣнили его положеніе въ литературномъ мірѣ ради силы его желчныхъ выходокъ, направленныхъ, между прочимъ, противъ самыхъ и по справедливости любимыхъ писателей; наконецъ, «Чайльдъ Гарольдъ», т.-е. пока только двѣ пѣсни поэмы, разомъ поставили Байрона въ первый рядъ современныхъ поэтовъ ²⁾.

Между тѣмъ въ этомъ «Чайльдъ-Гарольдѣ» сразу узнали знакомыя черты и при томъ тѣ же самыя, которыя такъ оттолкнули

¹⁾ Engel, p. 35, 37, 39—40.

²⁾ В.-Скоттъ говорилъ, что въ теченіи цѣлаго столѣтія ни одинъ литературный трудъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія. „Я проснулся въ одно прекрасное утро,—разсказывалъ самъ Байронъ—и увидѣлъ себя знаменитостью“ (Poetical Works of L. Byron. New edition in 8 volumes. London, John Murray. 1870, v. I, p. 14).

отъ поэта окружающую его среду. Напрасно онъ увѣрялъ въ предисловіи, что въ «Чайльдѣ» не слѣдуетъ видѣть «извѣстное лицо» и разъ навсегда объявлялъ, что это «образъ, созданный воображеніемъ для извѣстной цѣли», хотя въ «нѣкоторыхъ частяхъ и можетъ быть случайное сходство съ кѣмъ-нибудь». Байронъ сообщаетъ въ началѣ поэмы, что гербъ предковъ его героя достался ему въ наслѣдство безъ пятенъ, но что самъ герой смѣялся надъ добродѣтелью и посвящалъ ночи разгулу; что прежде чѣмъ имъ была прожита третья часть жизни, его постигло нѣчто гораздо худшее, чѣмъ несчастье: онъ почувствовалъ всю полноту пресыщенія.

Среди своихъ безчисленныхъ похожденій, онъ искренно и глубоко полюбилъ *одну*. О такой любви говорится и въ «Часахъ Досуга», какъ о спасительномъ оберегѣ отъ нравственнаго паденія. Но «Чайльду» она не могла бы помочь; «если бы онъ и имѣлъ успѣхъ, онъ потомъ осквернилъ бы тишину семейной жизни». Впослѣдствіи, уже въ Испаніи, въ немъ какъ будто вспыхиваетъ новая любовь, напоминающая ту первую, но онъ спѣшитъ сослаться на пресыщеніе:

... оно теперь слѣдитъ
За мной, какъ тать, вездѣ...

«Готовый, ради развлечения, встрѣтиться даже съ какимъ-нибудь большимъ положительнымъ горемъ или хотя бы даже спуститься на дно ада, онъ наконецъ хватается, какъ за якорь спасенія, за путешествіе,—онъ такъ и рвется въ далекій путь. У него была мать, и онъ не забылъ объ этомъ, но избѣгъ свиданія съ ней передъ отъѣздомъ; была у него и сестра, которую онъ любилъ, но онъ не повидался и съ нею, прежде чѣмъ пуститься въ свое печальное путешествіе. Ясно, что это была страница изъ жизни самого же поэта, но выставившая его нравъ въ преувеличенно-мрачномъ свѣтѣ, какъ бы на зло обществу, вводящему на него всевозможныя обвиненія. Страница эта какъ бы хотѣла сказать: я еще хуже того, чтó вы думаете и останусь таковъ—ужасайтесь! Но характеристикѣ героя не доставало тѣхъ реальныхъ подробностей, которыхъ и впослѣдствіи никогда не оказывалось у героевъ Байрона, живущихъ всегда внѣ условій пространства и времени. Чайльдъ не вышелъ современнымъ англичаниномъ съ плотью и кровью; между тѣмъ въ poemѣ говорилось объ его замкѣ, его пажѣ, и критика, новидимому, воображала, что поэтъ хотѣлъ отодвинуть его въ средніе вѣка—для того—вѣроятно думалось ей—чтобы хорошенько замаскировать его сход-

ство съ собою. Отнесясь вообще весьма благосклонно къ поэмѣ, критика замѣтила, что она «представляетъ анахронизмъ, что герой вовсе не проникнутъ рыцарскимъ духомъ, такъ какъ времена рыцарства были времена любви, славы» и т. п. Байронъ воспользовался этимъ возраженіемъ, чтобы разочаровать своихъ соотечественниковъ насчетъ рыцарства, чтобы устранить тотъ розовый цвѣтъ, который любили они наводить на старину, потому что то была старина ихъ предковъ. «Добрыя старыя времена, отвѣчалъ поэтъ, когда l'amour du bon vieux temps, l'amour antique процвѣтали, были самыя безнравственныя изъ всѣхъ временъ». ¹⁾ Этимъ собственно и ограничилась защита Байрономъ своего героя: если бы онъ жилъ дѣйствительно во времена рыцарства, онъ бы вовсе не оказался безнравственнѣе другихъ — даже при томъ сгущеніи темныхъ красокъ, въ которомъ заключалась особаго рода идеализація Байрономъ «Чайльда» ²⁾. Что поэтъ готовъ былъ утаивать сочувственныя черты дѣйствительности, это видно уже изъ того, что онъ, страстно искавшій имѣть друзей, но частью преждевременно терявъ ихъ, частью въ нихъ разочаровавшись ³⁾, выставляетъ Чайльда совершенно замѣнявшимся въ самомъ себѣ:

Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
Онъ пылкой дружбѣ не вѣрялъ
И человѣка не искалъ
Для изліяній откровенныхъ,
Хотя бы гордая тоска
Была какъ море глубока.

Пессимистическое утаиваніе добрыхъ своихъ сторонъ видно и изъ «пѣсни», влагаемой поэтомъ въ уста Чайльду. Тутъ говорится о тоскѣ его пажа. Этотъ мальчикъ дѣйствительно сопровождалъ поэта и дѣйствительно тосковалъ, такъ что поэтъ отправилъ его обратно въ Англію вмѣстѣ съ своимъ слугой Мурреемъ и при этомъ еще назначилъ особую сумму на его воспитаніе. Въ поэмѣ тоска пажа вовсе не приводитъ къ его увольненію отъ путешествія; она служитъ только въ тому, чтобы вызвать въ Чайльдѣ своего рода зависть:

¹⁾ Прибавленіе къ введенію, писанное въ 1818 г. См. въ изд. г. Гербеля, I, 183.

²⁾ Но видъ изъ этого выходило, что на самомъ дѣлѣ гербъ предковъ могъ достаться Чайльдѣ незамѣтаннымъ лишь въ условномъ смыслѣ чести, а не въ чисто нравственномъ смыслѣ.

³⁾ Одинъ изъ друзей, приглашенный поэтомъ провести съ нимъ послѣдній передъ его отъѣздомъ вечеръ, отказался по какому-то пустому поводу (Кіле).

Довольно, малютка! понять я умѣю,
 Что слезы такія—не стыдъ ¹⁾,
 И если-бъ я чистое сердце имѣлъ,
 Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ ²⁾.

То же самое вызываетъ у Чайльда и тоска по семьѣ и родинѣ его стараго слуги ³⁾, слезы котораго онъ унимаетъ такъ:

Довольно, мой добрый служитель—ты правъ.
 Печаль твоя стоить похвалы;
 Но я... не таковъ легковѣрный мой нравъ...
 Смѣясь, край родной повидаю.

И вслѣдъ за нимъ, несмотря на ихъ «похвальную» грусть, отправляются и они: онъ барски тащить за собою людей, совсѣмъ уже не смѣющихся и не ищущихъ развлечения въ путешествіи.

Чайльдъ-Гарольдъ именно только *завидуетъ* слезамъ своего пажа и своего слуги, но при этомъ считаетъ совершенно законнымъ свой собственный недостатокъ слезъ:

Къ чему о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ ⁴⁾.

Изъ писемъ къ матери видно, что *такимъ же покинутымъ созданьемъ, какъ онъ самъ*, сперва показался Байрону и его маленький Робертъ, котораго онъ потому-то и захотѣлъ взять съ собою. Убѣдившись потомъ въ противномъ и отпустивъ его съ дороги домой, поэтъ долженъ былъ тѣмъ живѣе почувствовать свое нравственное одиночество: оказалось, что онъ только всѣми покинутъ. Вѣрность стараго Флетчера мало его утѣшала, потому что, не разлучаясь съ поетомъ, онъ все-таки постоянно жаловался и нылъ. И вотъ поэтъ восклицаетъ со своимъ Чайльдъ-Гарольдомъ:

Корабль мой, неси же меня по волнамъ!
 Пусть море кипитъ подо мной,
 Неси, куда хочешь—къ далекимъ странамъ,
 Лишь только не въ край мой родной!

Обиженная личность поэта не чувствуетъ себя способною любить въ этомъ крайъ кого-нибудь;—она вообще не умѣетъ, не хочетъ и даже считаетъ малодушнымъ любить безъ того, чтобы и ее

¹⁾ Въ подлинникѣ: вдутъ въ твои глаза.

²⁾ Въ подлинникѣ: и мои бы глаза не остались сухими.

³⁾ Байронъ на самомъ дѣлѣ готовъ былъ отпустить домой и своего стараго Флетчера, но вѣрный слуга самъ не захотѣлъ разлучиться съ нимъ, сопровождалъ его въ путешествіяхъ и впоследствии принималъ его послѣдній вздохъ въ Миссолунги.

⁴⁾ На этотъ разъ въ переводѣ сказано болѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; буквально было бы: „мое величайшее горе, что я не покидаю ничего, что бы требовало слезъ“.

любили! Но при самомъ отплытіи чуть-было не вышли наружу
иные чувства:

Скалистый берегъ потерялся
Подъ пѣной волнъ и уплылъ вдаль,
И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался,
Что край родной покинуть жаль;
Но это было на мгновенье ¹⁾
И, затанувъ невольный стонъ,
Въ тотъ мигъ себя не выдавъ онъ
Единымъ словомъ сожалѣнья...

Начинается рядъ самыхъ новыхъ и разнообразныхъ путе-
выхъ впечатлѣній. Вотъ Португалія расточаетъ передъ сыномъ
«туманнаго Альбіона» яркія красоты своей залитой солнцемъ
природы:

О, Боже! небо не скупилось
Для этихъ мѣстъ въ своихъ дарахъ...
Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
Что за окрестности въ горахъ!
Лишь несчастными руками
Здѣсь человекъ все портить могъ.

Тутъ или сказался смутный отзвукъ давнишняго чтенія, или
же оказалось невольное совпаденіе съ Ж. Ж. Руссо, съ кото-
рымъ у Байрона оказывались и другія точки соприкосновенія.
«*Tout est bien en sortant des mains de l'Auteur des choses, tout
dégénère entre les mains des Hommes*»—читаемъ мы въ самомъ
началѣ «Эмиля»—книги, основанной, впрочемъ, на томъ, что
самъ по себѣ человекъ *хорошъ*, но что онъ испорченъ такъ на-
зываемою «цивилизацией». Возвръщеніе Байрона оказывалось не-
сравненно болѣе радикальнымъ въ своемъ пессимизмѣ: человекъ
представлялся ему *въ самомъ корнѣ своей природы дурнымъ*, и
уже устами Чайльда (во второй пѣснѣ) онъ говоритъ рѣши-
тельно:

Природу я душою обнимаю,—
Она милѣй... ²⁾

Тамъ же говоритъ онъ:

Жить безъ людей въ ущельяхъ горъ,
Спускаться къ пропастямъ глубокимъ
Еще не значить быть однимъ
Скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ
И въ цѣломъ мірѣ одинокимъ;
Но это значить—тотъ постигъ
Природы тайны и языкъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ: „но эта тихая мысль уснула въ его груди“.

²⁾ Въ переводѣ Кошлова.

Но мизантропія не мѣшаетъ Чайльдъ принимать по временамъ участіе въ человѣческихъ интересахъ, и даже въ интересахъ той самой Англіи, которую онъ такъ охотно покинулъ. Замокъ Цинтра въ Португаліи напоминаетъ ему о заключенной здѣсь конвенціи. Она не была почетна для англичанъ и съ чувствомъ ненависти олицетворена поэтомъ въ образъ какого-то бѣсника...

Въ томъ замкѣ на сѣхъ онъ собралъ
Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгресса
И ихъ надежды осмѣялъ...
Здѣсь побѣдитель покорился
И предъ безуміемъ поникъ
И вновь спасителемъ явился
Дипломатическій языкъ.
О, лавры, лавры! вы обидны
Героямъ нашимъ навсегда.
Срамъ побѣдителю, когда
Онъ растеряется постыдно
И клонитъ голову въ странѣ,
Имъ покоренной на воинѣ ¹⁾.

Тутъ, конечно, сказалась та сторона права Байрона, которая заставляла его становиться на сторону *дѣла* противъ *словъ*, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, онъ даже готовъ былъ презрительно относиться къ своему званію поэта. Ему казалось обиднымъ уже то, что люди прямого открытаго *дѣла* уступили говорунамъ и писакамъ—ихъ дипломатическому языку. Совершенно въ сторонѣ имъ оставленъ вопросъ о томъ, что управляло тутъ *дѣломъ*;—оно цѣнится имъ уже само по себѣ, какъ побѣда сильной и твердой человѣческой воли, какъ осязательное проявленіе человѣческаго я. Все, что внѣ этого я, т.-е. выше его, всякая идея объ отвлеченной справедливости или добротѣ—устраняется, какъ ограниченіе этого я. Байронъ, упорный стоятель за свою личность, въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, является и стоятелемъ за національное я—за честь этой Англіи, которую самъ онъ выставялъ въ своей рѣчи чуть не хуже Турціи.

Чайльдъ-Гарольдъ переѣзжаетъ въ Испанію—и находитъ тутъ тотъ же разладъ между *природой* и *человѣкомъ*:

¹⁾ Въ буквальный переводъ было бы: „онъ поразилъ героевъ въ замкѣ Маріаль-вѣ; онъ обошелъ ихъ мозгъ (если только у нихъ былъ мозгъ) и обратилъ суетную радость націй въ горе. Тутъ безуміе низвергло на землю гордость побѣдителя и политикъ возвратила обратно то, что сокрушило оружіе: для такихъ вождей, какъ наши, напрасно цѣлуютъ лавры! Горе побѣдншей, а не побѣжденной рати—съ тѣхъ поръ, какъ поруганный триумфъ поникъ головою на берегу Луситаніи“.

О, для чего въ странѣ очасливой
Народъ свободный не живетъ!

—восклицаетъ онъ, невольно обращаясь къ жителямъ края:

Сыны Испаніи, проснитесь!
Оружье въ руки и—впередъ!

Но они уже сдѣлали это, и Чайльдѣ остается только задуматься надъ будущими плодами ихъ мужества, вѣснть достоинство этихъ плодовъ сравнительно съ прошедшимъ Испаніи:

Судьба испанскаго народа
Была всегда для насъ странна:
Ему невѣдома свобода,
Но за нее дралась страна.

Если такъ, то вся эта отчаянная борьба должна представиться, и дѣйствительно представляется поэту отвратительною человѣческою бойней. Съ презрѣньемъ олицетворивъ бѣсенна конвенціи, онъ съ ненавистью и ужасомъ олицетворяетъ также и великана-людоеда войны. А въ ней ли не сила *дѣйствія*, въ ней ли не осязательное проявленіе всей крупно разившейся мощи человѣческаго я, устремившагося къ міровому владычеству въ лицѣ Наполеона, встрѣтившаго неожиданный отпоръ въ этихъ несвободныхъ испанцахъ?

Но вотъ во 2-ой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольдъ уже въ Греціи. Тутъ, въ прошедшемъ, блестящія преданья свободы, если только зажмурить глаза на ту массу рабовъ, которые ею не пользовались. И они дѣйствительно не помѣшали Чайльдѣ восторгаться древнею греческою свободой и славой, горестно спрашивая:

Вся эта слава для того ли,
Чтобъ древнимъ подвигамъ добра
Подчасъ дивился въ скромной школѣ
Досужій разумъ школара?

Да, она вся ушла въ книгу и притаилась тамъ. Въ дѣйствительности—

... цѣлый край лежитъ безъ силъ
И на спинѣ своей несетъ
Безславно свой турецкій гнетъ...
Рабы съ рожденья до могилъ
Не слышать—жребій ихъ таковъ—
Позорный звонъ своихъ оковъ...

Былое, правда, не совсемъ позабыто:

Имъ снится призракъ прошлой славы;
Они съ надеждою глядятъ
На иностранныя державы,
Чтобъ хоть онѣ пришли сорвать
Съ нихъ рабства горькую печать...

Но такое ожиданье *чужой помощи* вызываетъ презрѣнье гордаго Чайльдъ-Гарольда...

Рабъ! но развѣ вы забыли:
Кому свободы сладокъ даръ,
Тѣ рабству сами наносили
Въ бою рѣшительный ударъ!

.

Въ Чайльдъ-Гарольдѣ такимъ образомъ еще не предвидится тотъ, кто впоследствии пошелъ умирать за грековъ: тутъ онъ еще говоритъ имъ, что они должны *сами себя спасти*. А его отечество? Развѣ оно бы позволило это имъ при той дисциплинѣ, въ которой англичане, по его же словамъ, такъ строги? Во имя этой же дисциплины Греція должна была молча нести свое иго, потому-что это нужно для «англійскихъ интересовъ»! Чайльдъ-Гарольдъ не востаетъ противъ этого, хотя ему представлялся тутъ самый удобный случай попрекнуть свою постылую родину. Онъ и попрекнулъ ее,—но только съ одной стороны—за тѣ античные мраморы, которые выломаны были изъ храмовъ Акрополя по приказанію лорда Эльджина и впоследствии куплены англійскимъ правительствомъ. Чайльдъ-Гарольдъ негодуетъ лишь какъ художникъ и археологъ:

О, кто безъ слезъ посмотреть нынѣ
На край, измученный отъ ранъ,
На искаженные святыни,
На жертвы хищныхъ англичанъ?
Будь проклята часть, когда узнали
Они сюда вторичный путь,
Когда раздавленную грудь
Безчеловѣчно разрывали
И увезли чужихъ боговъ
Трофеемъ хладныхъ береговъ.

То же сдѣлалось предметомъ особой поэмы, написанной Байрономъ въ Афинахъ въ 1811 г.: «*Проклятіе Минервы*». Сама богиня, выходя изъ своего храма, грозитъ тутъ поэту:

Палада будетъ въѣзъ главой твоихъ враговъ ¹⁾.

¹⁾ У г. Гербеля менѣе близко: „страны твоей враговъ“.

Поэтъ сначала старается защитить собственно англичанъ, давая при этомъ просторъ старому чувству мести противъ Шотландіи—ради задѣвшей его на самомъ порогѣ его литературнаго поприща критики «Эдинбургскаго Обзорія». Дѣло въ томъ, что отвѣтникъ передъ Палладой, «грабитель и воръ» святыни ея храма, лордъ Эльджинъ—родомъ изъ Шотландіи,—и вотъ поэтъ поясняетъ Палладѣ, что это—

Туманный край софистовъ-подлецовъ.
Дыханье горъ ея и топкихъ береговъ,
Въѣдаясь въ черепъ, мозгъ жидитъ и размягчаетъ,
Который, наконецъ, водою выступаетъ,
Такой же мутною, какъ грязь ея долинъ
И столь же ледяной, какъ снѣгъ ея вершинъ ¹⁾.

Но богиня не убѣждается доводами поэта; она отвѣчаетъ ему, что—

.... Не одинъ Эльджинъ узнаетъ муки мщенія...

Она грозитъ лишить своихъ совѣтовъ и Великобританію—уже не за одно оскорбленіе своей святыни, а также за другія дѣла, на которыя ей съ отвращеніемъ указываетъ богиня:

Взгляни на Категаты! Союзница британцевъ
Льетъ слезы среди руинъ сожженныхъ ими шанцевъ.
Здѣсь не Паллада въ бой сыновъ твоихъ вела
И не она союзъ святой разорвала!

т.-е. вѣроломство, оказанное Англіей относительно Даніи (въ 1803 г., когда Англія напала въ мирное время на Копенгагенъ, сожгла его и плѣнила датскій флотъ). Такое вѣроломство далеко отъ *политической мудрости*. Но богиня указываетъ и на другія *политическія преступленія* Англіи, на ея образъ дѣйствій въ Индіи, суля ей расплату по-дѣломъ въ будущемъ:

Передъ тобой Востокъ, гдѣ смутные сыны
Гангесскихъ водъ, сойдясь подъ знаменемъ войны,
До корня потрясутъ владычество британцевъ.
Взгляни—мятежъ среди воинственныхъ бирманцевъ
Вздымаетъ ужъ свою могучую главу
И не склонить ее, пока, багря траву,
Широкій Индъ волной кровавой не помчится,
Чтобъ съ Англіей за все съ ляхвою расплатиться.

¹⁾ Это вообще передано вѣрно; я позволилъ себѣ только незначительныя измѣненія.

Такъ—да погибнуть всѣ! Я, давъ свободу вамъ,
Не позволяла быть жестокими къ рабамъ ¹⁾.

Тутъ уже, очевидно, не тотъ, на древне-греческой жизни основанный взглядъ, который заставлялъ даже Руссо говорить, что для полноты свободы однихъ нужно, можетъ быть, рабство другихъ. Обличенье грѣховъ отечества поставило Байрона на болѣе широкую точку зрѣнія—на точку зрѣнія общей справедливости и гуманности, и, приписываемая внушеньямъ самой Паллады, такая точка зрѣнія становится для него настоящимъ, глубокимъ и дальновиднымъ мудростью. Въ томъ же смыслѣ выяснился и взглядъ поэта на отношенія англичанъ къ испанцамъ. Обращаясь къ первымъ, Паллада говорить имъ:

Вотъ и Испанія! Она вамъ руку жметъ,
Отталкивая васъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ воротъ ²⁾.

Но богинѣ еще мало этихъ обвиненій—она раскрываетъ и внутреннія язвы гордой своей славой и своей судьбой Англіи, тѣ язвы, которыя Байронъ указалъ уже въ своей первой парламентской рѣчи: «обернитесь, наконецъ, домой,—хотя вы и не охотно разглядываете то, что тамъ дѣлается; городъ вашъ полонъ скорби; хотя въ немъ и раздаются громкіе клики пиршества, но вотъ тутъ въ немъ изнываетъ голодъ, а вонъ тамъ шныряетъ грабежъ» ³⁾.

Проклятыя Паллады заключаются предсказаньемъ горькой расправы за все, ожидающей Англію отъ другихъ странъ:

Скажи, какъ взглянуть твой народъ униженный
На пышный городъ свой, со всѣхъ сторонъ зажженный
И возносящій вверхъ надъ Темзой уstraшенной
Могучій столбъ огня? Не хмурься, Альбионъ!

¹⁾ Последніе два стиха не довольно близки. Въ подлинникѣ:

Pallas, when she gave
Your free-born rights, forbid ye to enslave,

т.-е. „Паллада, давъ вамъ ваши права свободныхъ людей, запретила вамъ обращать другихъ въ рабство“.—Замѣчу, что „Проклятіе Минерны“ въ первый разъ является въ русскомъ переводѣ въ настоящемъ изданіи.

²⁾ Это мѣсто совершенно невѣрно передано въ переводѣ, заставающемъ Палладу обращаться съ этими словами къ *Испаніи*. Я сдѣлалъ поправку. Но буквально было бы: „взгляните на вашу Испанію;—она пожимаетъ руку, которую ненавидитъ, она мужски пожимаетъ ее, отталкивая васъ отъ своихъ воротъ“.

³⁾ Пришлось передать это мѣсто прозой, такъ какъ стихи русскаго перевода слишкомъ далеки отъ подлинника.

Твоимъ былъ факель тотъ, которымъ былъ зажжонъ
Рядъ гибельныхъ востровъ возмездія земного ¹⁾
Отъ Таго темныхъ водъ до Рейна голубого.
Когда-жъ они твои освѣтятъ берега,
Не сѣтуй, что судьба была къ тебѣ строга:
Вѣдь жизнь за жизнь—есть всѣмъ извѣстное ученье.

Высказать такіа грозныя истины своимъ соотечественникамъ могъ только человѣкъ, самъ про себя сказавшій: «никогда я не лстилъ силѣ, ни разу не подавилъ ни одной мысли, просившейся наружу» ²⁾. Но, при всей своей смѣлой самостоятельности и Байронъ, однакоже, не рѣшился напечатать такую поему. Она вышла въ свѣтъ уже послѣ его смерти ³⁾.

Къ судьбѣ Греціи возвращается Байронъ и въ своемъ «*Гяуръ*», появившемся уже въ маѣ 1813 г.

Противопологая ея грустную судьбу ея же чудной природѣ, онъ склоненъ объяснить первую своею любимую мыслью о томъ, что человѣкъ въ самомъ корнѣ дурень:

... Тамъ, гдѣ вся страна
Богамъ въ жилище создана,
Гдѣ все—и нѣга и краса,
Гдѣ всѣ природы чудеса
Разлиты щедрою рукою,
Тамъ люди съ злобною душой ⁴⁾
Стремятся радость омрачить
И рай въ пустыню обратить.

Хотя и странно сравнивать произведенія совершенно различныхъ странъ и различныхъ эпохъ, но мнѣ невольно при этомъ напоминаетъ взглядъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ на при-

¹⁾ Этихъ двухъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ; они прибавлены, очевидно, ради рѣсмы.

²⁾ Письмо къ Муру отъ 9 апрѣля 1814 г. Engel, p. 45.

³⁾ Въ 1828 году. Переводъ г. Гербеля помѣщенъ въ IV т. его изданія. Точно также ненапечатанными остались написанные въ первый же періодъ дѣятельности Байрона «*Отзвукъ Горация*», въ которыхъ опять затрогивались нѣкоторые современные вопросы, обезоружившіе юста неожиданнымъ благородствомъ своихъ отношеній къ нему (несмотря на выходки противъ нихъ въ «*Hours of Idleness*»). Намечатана, но подъ псевдонимомъ, написанная почти одновременно съ «*Проклятіемъ Минервы*», сатира «*Вальса*», въ которой Байронъ съ ювеналовскимъ жаромъ наусуется на одадограсную распушенность этого танца, заимствованнаго изъ Германіи вмѣстѣ съ ганноверскою династіею, и такъ полюбившагося англичанамъ при всей лицемерной ихъ похвалѣ своей строгой нравственности. Ясно, что это была новая выходка поэтической нести Байрона своимъ соотечественникамъ, такъ любимыхъ его упрекать въ безнравственности.

⁴⁾ Не вѣрнѣ ли: слюбился съ бѣдой (enamoured of distress)?

чину бѣдствій русской земли во время междоусобій и во время татарщины. Они видѣли эту причину въ грѣхахъ людей вообще. Эта отвлеченная точка зрѣнія помѣшала имъ видѣть настоящій корень зла и дѣйствовать противъ него. Что касается Байрона, то онъ, правда, не остается при своемъ отвлеченномъ взглядѣ; далѣе онъ указываетъ уже опредѣлительнѣе на тѣхъ *тирановъ*, отъ которыхъ все зло въ Греціи ¹⁾, а возможность ихъ въ ней объясняетъ, какъ и въ «Чайльдъ-Гарольдъ», собственными качествами грековъ:

Эллада! трудно описать
Твой путь отъ славы до цѣпей!
Одно, что можемъ мы сказать:
Не отъ чужихъ, а отъ дѣтей
Погибла ты: твоихъ оковъ
Виною не мощь твоихъ враговъ,
А рабскій духъ родныхъ сыновъ.

Но и тутъ, какъ въ «Чайльдъ-Гарольдъ», онъ еще далѣе отъ того, чтобы указать на другую *спеціальную* причину печальной судьбы Греціи—на эгонистическія отношенія европейскаго Запада къ судьбѣ христіанъ на Востоцѣ. Герой поэмы, этотъ Гауръ, вовсе даже не изъ числа тѣхъ, которые выносятъ, въ теченіи вѣковъ, всю тяготу, соединенную съ этой презрительной кличкой. Онъ не изъ числа постоянныхъ жертвъ турецкаго деспотизма; онъ—не грекъ, а венеціанецъ, случайно столкнувшійся въ *личной сраженіи* съ туркомъ. Раба турка полюбилась Гауру и полюбилась за это жизнью; Гауръ мститъ за нее ея господину, но вовсе даже не находя его неправымъ, а говоря:

... если бы она
И жила была такъ невѣрна,
Я-бы сдѣлалъ то же, что и онъ.

Все дѣло тутъ, стало быть, въ *личной мести*, мести со стороны человѣка, для котораго вся жизнь заключалась только въ *личной любви*. Въ своей исповѣди игумну монастыря, въ которомъ онъ уединяетъ себя отъ постылагаго ему міра, онъ прямо говоритъ:

Не скрою: слѣдъ мой на землѣ,
Какъ хищной птицы на скалѣ ²⁾,
Означенъ кровью—весь въ крови;
За то въ любви я походилъ
На голубей: я разъ любилъ,

¹⁾ Въ переводѣ г. Студитскаго (вообще удачномъ) эта черта смягчена.

²⁾ У г. Студитскаго не такъ близко къ подлиннику: „какъ слѣдъ орлиный“.

Иной не вѣдая любви...

Пусть издѣвается глушецъ

Надъ вѣчной вѣрностью сердець...

Ради этой вѣчной любви, онъ, далекій отъ мысли о покаяніи, готовъ вѣровать въ вѣчную жизнь. Приноравливаясь, можетъ быть, къ понатіямъ лица, которому открываетъ онъ свою душу, онъ употребляетъ такое сравненіе:

Молитва, какъ ты знаешь самъ,

Возносить душу къ небесамъ;

Въ любви же сами небеса

Нисходятъ въ душу, какъ роса...

Не есть ли это прямая идеализація Байрономъ той его первой безнадежной любви, которая, какъ ему могло казаться, осталась бы и его единственною любовью, если бы не пришлось ей остаться навсегда безнадежной. Но Гяуръ, лишившись любимой женщины, вспоминаетъ про друга юности: онъ проситъ сообщить ему о своей судьбѣ, о судьбѣ человека, которому остается только умереть и который дѣйствительно умираетъ, потому что его Лейла не стало, а другъ юности гдѣ-то тамъ, далеко. Весь окружающій человѣческій міръ для него совершенно не существуетъ: онъ въ состояніи любить только съ тѣмъ, чтобы быть самому любимымъ. При этомъ невольно опять напрашивается—уже не сравненіе, а противопоставленіе: это исповѣдь Наливайки въ извѣстномъ отрывкѣ Рылѣва. Тутъ, какъ и у Байрона, страстная душа наливаетъ свои чувства передъ безстрастнымъ монахомъ, отказываясь отъ покаянья, находя, что ей не въ чемъ каяться. При извѣстномъ вліяніи Байрона на нашу литературу двадцатыхъ годовъ, очень можетъ быть, что самое *положеніе* заимствовано нашимъ поэтомъ у англійскаго. Но какъ не похоже содержаніе исповѣди украинца на содержаніе исповѣди Гяура. Наливайко у нашего поэта совершенно не знаетъ ни личной любви, ни личной ненависти. Онъ безгранично любитъ свою родину, онъ безгранично ненавидитъ ея враговъ, и вотъ онъ-то поэтому и имѣлъ бы полнѣйшее право сказать про свою любовь, что чрезъ нея небеса входятъ въ душу, потому что въ его любви нѣтъ ничего ограниченнаго, узкаго и сколько-нибудь своекорыстнаго, а она, какъ небо, распространяетъ и свѣтъ и тепло во всѣ стороны, не требуя ничего самому себѣ. А вѣдь Байрову представлялся такой же случай выставить человека, живущаго только мыслію о своемъ народѣ: стоило сдѣлать этого Гяура грекомъ, или славяниномъ, словомъ—включить его въ ряды турецкой раи и на-

дѣлать его жаждой освобожденія отъ ига своихъ братьевъ, отщепенъ за нихъ вѣковому врагу. Но «Гяуръ», какъ и «Чайльд-Гарольдъ», является только отраженіемъ самого Байрона съ его воспоминаніями о личной любви и о личной дружбѣ, — Байрона, оторвавшагося отъ своей родины и не настолько еще привязавшагося къ этой несчастной Греціи, чтобы полюбить ее уже въ то время не только археологическою любовью! Въ остальныхъ же чертахъ «Гяура» опять же таки распознаются черты «Чайльд-Гарольда»:

... Что-то есть въ его очахъ,
Что таятъ, вселяетъ страхъ:
Мятельный блескъ ихъ говорить,
Что духъ надменный въ немъ дарить
И что онъ требуетъ одной —
Одной покорности слѣпой...

Братья монастыря невольно избѣгаютъ его взгляда; только изрѣдка «нисходитъ онъ до улыбки» (to smile descendeth he), когда же это съ нимъ бываетъ —

Въ его улыбкѣ ровной
Видна насмѣшка надъ бѣдой...

Живя въ монастырѣ, онъ далекъ отъ того, чтобы проникнуться однимъ духомъ съ братіей:

... Онъ златомъ и серебромъ,
Украсилъ бѣдный божій домъ,
Но нѣтъ тщесавья одного,
А не изъ вѣры... Отъ него
Доселѣ нѣтъ церковный сводъ
Вотще молебной рѣчи ждетъ...

И если кто нѣтъ злыхъ духовъ,
Оставивъ свой подземный кровъ,
Явился въ образъ людей,
Онъ вѣрно точно былъ таковъ...

Издавъ своего «Гяура» въ маѣ 1813 г., Байронъ уже въ сентябрѣ того же года выпустилъ въ свѣтъ пятое его изданіе. Въ ноябрѣ же появилась его «Абидосская Невѣста», — поэма, основанная на томъ же чувствѣ *личной любви* Селима къ Зюлейкѣ и его *личной мести* ея отцу, ради которой онъ готовъ даже стать противъ своихъ соотечественниковъ въ ряды греческихъ пиратовъ. Мѣстомъ дѣйствія служить, какъ видно изъ этого, тотъ же Востокъ, про который поэтъ говоритъ тутъ:

... то—одна сторона!
 Въ ней дышетъ все божественной красою;
 Но люди тамъ съ безжалостной душою...
 Земля какъ рай... Увы, зачѣмъ она—
 Прекрасная—злодѣямъ предана 1).

Тутъ такимъ образомъ виною печальной судьбы Востока является не человѣкъ вообще, а та воинственная орда, власти которой отданъ этотъ земной рай.

Къ самому концу того же 1813 г., всего въ какихъ-нибудь десять дней, Байронъ написалъ «Корсара» — опять новую вариацию на ту же вѣчную свою тему, тѣмъ не менѣе разошедшуюся, какъ рассказываютъ, въ теченіи одного дня, въ количествѣ 14,000 экземпляровъ 2). Человѣкъ безъ рода и племени, такъ сказать, принадлежащій собственно только морю, на которомъ бурно течетъ его жизнь, Конрадъ на немъ своего рода «царь—вольный человѣкъ» (какъ величаются цари въ сказкахъ), неограниченно властвующій надъ своею воинственною дружиною и надъ сердцемъ женщины, которую любитъ онъ съ такимъ же постоянствомъ, какъ Гууръ. Публика до того оказалась склонна видѣть и въ этомъ Корсарѣ того же Байрона, что разнесся слухъ, будто бы поэтъ, во время своего путешествія, на самомъ дѣлѣ предавался пиратству 3). И онъ рѣшительно подалъ самъ къ тому поводъ, приписавъ Конраду даже слѣдующую свою чудливую особенность:

Лишь черствый черный хлѣбъ и разныя коренья
 Да взрѣдка плоды—дней лѣтнихъ украшенье—
 Вотъ все, что съ первыхъ дней, въ теченіи многихъ лѣтъ,
 Являлось передъ нимъ какъ завтракъ и обѣдъ 4).
 Не падая во прахъ предъ страсти обаяньемъ,
 Онъ смѣлый духъ питалъ тѣмъ гордымъ воздержаньемъ.

Послѣдніе два стиха должны, надо думать, служить объясненіемъ тому, что побуждало самого Байрона постоянно держать именно этотъ строжайшій постъ. Онъ, надо думать, хотѣлъ доказать, что сдумѣлъ бы точно также восторжествовать и надъ всякою страстью; если же не торжествовалъ надъ столь многими, то собственно потому, что *не хотѣлъ*, и потому-то, напротивъ, предавался имъ

1) Поэма эта помѣщена у Н. В. Гербеля въ прекрасномъ переводѣ И. И. Козлова.

2) Poetical Works of L. Byron, new edition. London. 1870, v. 2, Introduction to the Corsair.

3) Ibidem.

4) Непереведенною остается тутъ слѣд. черта: „вся эта позитивная пища походилъ на столь отрицательную“.

на зло мѣтвѣю общества. Поэтъ описываетъ даже наружность своего героя чертами, напоминающими его собственную наружность:

Сложенный хорошо, съ высокими, гибкими станомъ
И мощною рукой, онъ не былъ великаномъ,
Но каждый, кто-бъ свой взглядъ остановилъ на немъ,
Конечно-бъ увидалъ поболѣ, чѣмъ въ другомъ,
И, увидавъ, сказалъ, что все въ немъ поражаетъ,
Но какъ и почему, того и самъ не знаетъ.

Состояніе души Конрада, предшествовавшее его разбойничеству на морѣ, вполне передаетъ ту самолюбивую обиженность всѣмъ и всѣми, которою отличался поэтъ.

Обманутый людьми въ благихъ своихъ мечтахъ,
Онъ проклиналъ добро, какъ золь своихъ причину,
А не плутовъ и ихъ презрѣнную личину,
И не хотѣлъ понять, что добрыя дѣла,
Свершенныя людьми, приносятъ—вмѣсто зла—
Имъ радость и любовь, и доброе желанье,
Скорѣе повторить свое благодаренье,
Когда оно падетъ на добрыя сердца ¹⁾.
Будя въ врагахъ боязнь и злобу безъ конца,
Когда еще сильнымъ въ немъ были увлеченья,
Онъ слишкомъ презиралъ людей, чтобъ угрызенье
Въ немъ было совѣсти, и гнѣвъ свой принималъ
За тайный зовъ души на праведное мщенье
Всѣмъ за винны немногихъ; самъ онъ сознавалъ,
Что сталъ преступникомъ, но мыслью утѣшался,
Что лучше кто его, тотъ лучшимъ лишь казался,
Тотъ былъ лишь лицемеръ, свершавшій то въ потьмахъ,
Что смѣлый совершалъ открыто, на глазахъ ²⁾.

Но Конрадъ сохранилъ способность любить, когда и его любили. Всѣ симпатическія наклонности, уцѣлѣвшія въ немъ, сосредоточились на одномъ лицѣ — Медорѣ. Въ недоумѣніи она говорить ему:

Не чудно-ль, что съ душой, столь нѣжною ко мнѣ,
Природы лучшія движенія въ войнѣ.

Но онъ объясняетъ, что «сила любви его къ ней и возможна только при ненависти къ остальнымъ людямъ; — чувства эти такъ въ немъ смѣшались, что если ихъ разлучить, то, полюбивъ человечество, онъ долженъ будетъ разлюбить Медору».

¹⁾ Въ подлинникѣ послѣднее выражено гораздо короче.

²⁾ Я позволю себѣ тутъ небольшія измѣненія въ переводѣ, приближающія его къ подлиннику.

Но судьба лишаетъ его любимой женщины, и онъ, подобно Гяуру, съ нею одной терять рѣшительно все:

Кто чистъ, тотъ въ часъ бѣды стремится къ небесамъ,
Куда затворенъ входъ озлобленнымъ сердцамъ;
Но тотъ, кто гордъ душой, въ комъ тронъ свой виждетъ злоба,
Кого надежды лучъ не ждетъ за дверью гроба,
Тотъ, разрывая цѣпь съ землей, терять все...

А между тѣмъ Конрадъ продолжаетъ жить, если вѣрно мнѣніе англійскихъ критиковъ, что продолженіемъ ему служить Лара (герой новой поэмы Байрона), что Медора была жертвою загадочнаго врага Лары, Эццелина, а пажъ Лары, Каледъ, эта же самоотверженно любящая Гюльнара, которая спасла Конрада изъ турецкаго плѣна, но уже слишкомъ поздно для того, чтобы онъ могъ соединиться съ Медорой ¹⁾. Въ этой любящей женщинѣ, переодѣтой пажемъ, могли опять усмотрѣть черту изъ собственной жизни Байрона, котораго во время его широкаго житія-бытія, по выходѣ изъ Кембриджской *alma mater*, нѣкоторое время сопровождала всюду такая же переодѣтая женщина, къ великому, разумѣется, соблазну англійскаго общества. Такимы же воспоминаніемъ изъ собственной жизни поэта оказывается и слѣдующее описаніе молодости Лары-Конрада: лишившись отца слишкомъ рано, чтобы понять свою потерю,—

Онъ сталъ своихъ поступковъ господиномъ.
Но человекъ затѣмъ лишь властелиномъ
Становится, чтобъ счастья не знать.
Не помня ласкъ, способныхъ удержать
Отъ тысячи стезей, ведущихъ къ преступленью,
Онъ съ раннихъ лѣтъ умѣлъ повелѣвать,
Когда всего нужнѣй повиновенье ²⁾.

Лара, какъ извѣстно, является также и обладателемъ собственнаго родового замка, въ который и возвращается онъ въ началѣ поэмы, послѣ долгой отлучки Богъ вѣсть куда (во время этой отлучки, какъ полагають, онъ и былъ Конрадомъ—корсаромъ). Долго шла о немъ дурная молва; наконецъ, о ней позабыли, и онъ могъ бы поддерживать славу своихъ знатныхъ отцовъ.

Но онъ, подобно поэту, не счелъ нужнымъ объ этомъ подумать, отдавшись, подобно ему, жаждѣ наслажденій, хотя и владѣлъ достаточною силою, чтобы одолѣть ее (какъ это видно изъ строгаго поста Конрада). Онъ относился съ презрѣніемъ къ за-

¹⁾ Poet. Works of L. Byron, London. 1870, v. II, Introduction to Lara.

²⁾ Объ эти автобіографическія черты указаны уже у Эльзе (стр. 64).

урядной добродѣтели, всегда и во всемъ стараясь поражать собою, быть загадкой для всѣхъ, никому, поѣтому, не отерывая своей души, но самъ за то охотно заповая въ чужое сердце. Онъ былъ способенъ любить гораздо сильнѣе, «чѣмъ могло бы большинство людей, и въ мечтахъ своихъ перешелъ за предѣлы дѣйствительности... Отказываясь признать себя виновнымъ, онъ, наконецъ, взвалилъ всю вину на природу... Дѣйствія человѣческой воли сталъ онъ принимать за дѣло судьбы... Слишкомъ высокій душою для обыкновеннаго эгоизма, онъ умѣлъ порою пожертвовать своимъ благомъ для блага другихъ, но вовсе не изъ состраданія или долга, а по какому-то странному направленію мысли, побуждавшему его съ затаенною гордостью дѣлать то, чего бы другой не захотѣлъ сдѣлать. То же самое побужденіе, въ минуту соблазна, выводило его и на путь преступленія—до такой степени онъ то парилъ выше, то спускался ниже людей, посреди которыхъ считалъ себя осужденнымъ жить» ¹⁾. Все это, конечно, только дальнѣйшее выясненіе типа Конрада, такъ что хотя бы между обѣими поэмами и не было никакой фактической связи, между ними несомнѣнна связь внутренняя, — впрочемъ, та, которую можно легко прослѣдить и во всѣхъ поэмахъ Байрона, — такъ какъ всѣ онѣ только различныя варіаціи его безконечной исповѣди вслухъ, исповѣди, на которую онъ приглашалъ весь міръ и которой—что еще замѣчательнѣе—дѣйствительно долго и жадно внимали всѣ концы образованнаго міра. Эта исповѣдь тѣшила его гордость, такъ какъ она постоянно соединялась съ обвинительнымъ актомъ противъ другихъ людей и противъ природы съ правящими ею силами. Эти силы обвинялись и въ томъ, что служило гордой душѣ исповѣдывающагося главнымъ источникомъ наслажденія. Конрадъ находилъ его въ подчиненіи себѣ другихъ:

Такъ было до сихъ поръ и будетъ безконечно.
Такъ всѣ для одного трудиться будутъ вѣчно!
Законъ природы въ томъ. Пусть бѣдный не влечетъ
Того, кто, не трудясь, трудомъ его живетъ.
Златая цѣпь тяжка! О, еслибъ люди знали,
Насколько легче ихъ всеневныя печали!

Далѣе едва ли можетъ пойти аристократизмъ мысли. Крупная личность имѣетъ право развиваться насчетъ множества другихъ, да еще воображать себѣ, что это право — бремя, такое

¹⁾ Я не рѣшился привести этого важнаго мѣста въ стихотворномъ переводѣ, такъ какъ онъ не точно передаетъ смыслъ подлинника.

брѣмя, казого нивогда бы и не снести обыкновеннымъ смертнымъ. Но если такъ, то освобождать другихъ изъ-подъ своей власти, значить только снимать съ себя лишнюю тяготу. Лара и является вдругъ освободителемъ своихъ рабовъ, а поэтъ спѣшитъ увѣрить, что имъ руководить вовсе не желаніе сдѣлать добро. Но онъ приписываетъ ему при этомъ еще и особый, уже совершенно эгоистическій умыселъ:

Что для него народная свобода?

За слабыхъ онъ; чтобъ сильныхъ въ грязь втоптать ¹⁾!

— такъ какъ эти сильные были его враги. Послѣ этого невольно напрашивается вопросъ: не отразился ли и тутъ самъ поэтъ, произнесшій въ парламентъ свою рѣчь за рабочихъ, можетъ быть, собственно для того, чтобы насолить лордамъ — своимъ сотоварищамъ-непріятелямъ, или, по крайней мѣрѣ, увѣрявшій самого себя, что имъ руководить только подобное побужденіе? Вѣдь не даромъ еще въ дѣтствѣ, увлекаясь духомъ ветхозавѣтнаго гнѣва и мести, онъ съ трудомъ лишь осиливалъ, какъ мы видѣли, новый завѣтъ.

Тотъ же духъ обнаруживается и въ Ларѣ, не сносящемъ и въ минуту смерти самаго символа христіанства:

..... когда изъ вокругъ стоящей
Толпы къ нему вдругъ кто-то подошелъ
И показалъ ему символъ
Любви и правды—крестъ животворящій,—
Онъ на него разсѣянно взглянулъ
И отвернулся.....

А Каледъ даже оттолкнулъ крестъ, т.-е. оттолкнула его Гюль-нара, если вѣрно, что она скрывается подъ именемъ Каледъ, — и въ такомъ случаѣ отвращеніе это понятно, какъ какъ Гюль-нара — магометанка. Самъ же поэтъ при этомъ напоминаетъ Чайльда, завидовавшаго способности своего пажа и слуги — любить близкихъ. Такъ же точно поэтъ завидуетъ тутъ всѣмъ тѣмъ, кто способенъ христіански любить и вѣровать. Онъ говоритъ про Каледъ:

Боясь за Лару, онъ не понималъ,
Что для него жизнь только начиналась,
Та жизнь любви, жизнь сладостная та,
Что лишь тому желанною являлась,
Кто сердцемъ чистъ, кто вѣруетъ въ Христа.

Блистательный успѣхъ, съ избыткомъ вознаграждавшій, но-

¹⁾ У г. Гербеля это мѣсто переведено иначе и довольно близко къ подлиннику.

видимому, за неуспѣхъ при первомъ выступленіи на литературное поприще, — при самолюбіи поэта, не могъ не быть встрѣченъ съ его стороны холодно, даже съ пренебреженіемъ. Этимъ объясняется, что въ промежуткѣ между «Корсаромъ» и «Ларой», онъ опять-было зарекся писать, — мало того, переговаривался со своимъ книгопродавцемъ насчетъ совершеннаго уничтоженія всѣхъ уже изданныхъ своихъ сочиненій. Но вѣсть объ отреченіи отъ престола Наполеона не позволила Байрону отречься отъ писательства, заставивъ его откликнуться на такое мировое событіе новыми стихами ¹⁾.

Наполеонъ, какъ яркое проявленіе силы личности, не могъ не привнать къ себѣ съ самаго начала вниманія Байрона. Если даже такая ужасная личность, какъ Али-паша Янинскій, произвела на него въ своемъ родѣ благоприятное впечатлѣніе своею энергіею и заслужила отъ него названіе «магометанскаго Бонапарта» ²⁾, то тѣмъ понятнѣе увлеченіе Байрона настоящимъ Бонапартомъ, сказавшееся еще въ ученическіе годы поэта. Изъ дневника его видно, что уже въ 1803 г. онъ защищалъ его бысть отъ поношеній со стороны площадныхъ ругателей, и что съ тѣхъ поръ Наполеонъ оставался героемъ для него. Это увлеченіе человѣкомъ, который выдвинулся самъ собою такъ далеко впередъ и сталъ такъ высоко надъ всѣми государями по рожденію, усиливало въ Байронѣ по мѣрѣ того, какъ росла ненависть къ Наполеону англійской аристократіи, видѣвшей въ немъ исчадіе революціи. На зло друзьямъ-лордамъ, Байронъ еще болѣе восхищался геніемъ — homo novus, сумѣвшимъ, къ тому же, такъ вѣрно разгадать англичанъ и сдѣлаться до такой степени страшнымъ для этихъ, какъ впоследствии ихъ назвалъ поэтъ, «надутыхъ торгашей» ³⁾. Но съ 1813 г. совершается поворотъ въ отношеніяхъ Байрона къ Наполеону. Только-что приведенное мѣсто изъ дневника поэта написано именно въ 1813 г. и отъ воспоминанія о прежнемъ увлеченіи великимъ человѣкомъ переходитъ къ грусти объ его паденіи. «Бѣжать, оставивъ на произволъ судьбы свою армію!» съ негодованіемъ восклицаетъ поэтъ,

¹⁾ Elze, p. 186. То же сообщается въ примѣчаніяхъ къ новому англійскому изданію сочиненій Байрона (Poetical Works of L. Byron, new edition in eight volumes, London. John Murray, 1870, vol. III, introduction to the ode to Napoleon Bonaparte). Напротивъ, извѣстный французскій переводчикъ Байрона, Benjamin Laroche, сообщаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ, будто поэтъ отрѣкся отъ писательства уже послѣ оды Наполеону.

²⁾ Elze, 98 (на основаніи писемъ Байрона къ матери).

³⁾ «Домъ Жуанъ», п. X (haughty shopkeepers).

поясняя дагѣе, что и величайшій человѣкъ можетъ быть побѣжденъ, но и побѣжденный остается внутренне ненадомленнымъ, упорно вѣрнымъ *себѣ и своимъ*. Правственное паденіе Наполеона тѣмъ болѣе и рѣшительнѣе располагало націи къ ненависти Байрону старинѣ, къ «глупой, заплѣсневѣлой системѣ европейскаго равновѣсія», какъ выражался въ пылу негодованія поэтъ, видѣвшій въ этой системѣ тормазъ для всякаго смѣлаго личнаго начинанія въ политической жизни. Разочарованіе въ представителѣ новаго начала, въ этомъ «истадин революціи», какъ его величали лорды, склоняетъ Байрона къ политическому индифферентизму. «Если бы,—пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ 1813 года, — учредилась мировая республика, то я бы сейчасъ сталъ защитникомъ неограниченной власти». Дѣло въ томъ, что «въ богатствѣ—сила, въ бѣдности—рабство — и такъ оно вездѣ на землѣ, и любая форма правленія такъ же пригодна, какъ и всякая другая» ¹⁾. Въ такомъ настроеніи былъ поэтъ еще до окончательнаго паденія своего прежняго идола.

Когда же разнеслась молва о рововомъ событіи въ Фонтенебю, Байронъ написалъ свою «Оду Наполеону», въ которой говоритъ: «со времян непокорнаго ангела, несправедливо названнаго утреннею звѣздою, ни одинъ человѣкъ, ни одинъ духъ не падалъ съ такой высоты». Наполеону, по мнѣнію поэта, все же представлялся выборъ: «Умереть властелиномъ—жить рабомъ! Онъ съ постыдной рѣшительностью выбралъ послѣднее». Дагѣ поэтъ вспоминаетъ Суллу и Карла V: оба отказались отъ власти сами, а не уступивъ чьему либо принужденію. «Еще лучше, конечно, замѣчаетъ онъ про Карла V, было бы никогда не знакомиться ни съ кельей ханжи, ни съ престоломъ деспота». Такимъ же деспотомъ признаетъ тутъ поэтъ и Наполеона на его самосозданномъ мировомъ престолѣ; «а было время, говоритъ онъ павшему, когда вся земля принадлежала Франціи, а Франція принадлежала тебѣ, —и когда добровольное отреченіе отъ этой безпредѣльной власти доставило бы тебѣ болѣе чистую славу, чѣмъ та, которая соединяется съ именемъ Маренго.» Поэту при мысли о св. Еленѣ припоминается, правда, другое существо, также заживо прикованное къ скалѣ, но вполне сохранившее свое нравственное величіе. Но сравненіе съ Прометеемъ не подходитъ къ Наполеону. Не зависть боговъ, а «справедливый судъ Божій» постигъ послѣдняго, сопровождаемаго въ изгнаніе «не благословеніями, а проклятіями людей, и способнаго вызвать своимъ заключительнымъ актомъ

¹⁾ Engel, p. 34, 36, 41.

(хотя онъ далеко не худшій) насмѣшку самого сатаны: тотъ по крайней мѣрѣ сохранилъ въ паденіи всю свою гордость, и, если бы былъ смертнымъ, умеръ бы съ тою же гордостью».

Байронъ такимъ образомъ продолжаетъ сочувствовать ничему не поворачивающемуся произволу личности, котораго высшимъ идеаломъ и является сатана, продолжавшій и позже въ себѣ привлекать его поэтическое вниманіе и удивленіе. Ему досадно, что Наполеонъ не устоялъ въ таковомъ сатанинскомъ величій и непобѣдимости. Но, съ другой стороны, онъ болѣзненно сознаетъ и всю нравственную тщету такого величія, хотя бы оно и осталось непоколебленнымъ до конца. «Больно думать, восклицаетъ онъ, что міръ, это благородное твореніе Божіе, служилъ подножіемъ для таковой низкой твари»,—низкой, стало быть, и въ свои лучшіе дни, на самой высотѣ своего величія. Она была низка потому, что «одаренная силой спасать—она дарила своихъ поклонниковъ только могилами, такъ что паденіе ея послужило для людей урокомъ, сколько нивости заключается въ честолюбіи».

Итакъ, уже не сила сама по себѣ, не сила себѣ довлѣющая и вызывающая поклоненіе уже тѣмъ, что она *сила*—цѣнится тутъ поэтомъ, а сила, получающая назначеніе *онъ себя*, существующая для того, чтобы *спасать другихъ*—вотъ что незамѣтнымъ образомъ вытекло для него изъ развѣчиванья Наполеона. И вотъ, въ концѣ оды, въ видѣ утѣшенія, вѣсто разбитаго идола, возвышается передъ нимъ монументально-несокрушимый ликъ человѣка, вѣчно сильнаго именно своею способностью *спасать*. «Есть ли, спрашиваетъ поэтъ, между всѣми сильными міра хотя одинъ, на комъ бы могъ отдохнуть утомленный взоръ, кто, не блистая преступною славой,—не дѣлался бы предметомъ презрѣнья? Онъ есть, такой человѣкъ,—первый, послѣдній—лучшій; это—Цинциннатъ Запада, тотъ, кого не могла бы возненавидѣть и самая зависть, онъ, завѣщавшій потомству имя Вашингтона, чтобы постоянно заставлялъ краснѣть человечество при взглядѣ на это одинокое исключеніе».

Если англійской аристократіи не былъ и не могъ быть милъ прежній идолъ Байрона—Наполеонъ, то еще болѣе не милымъ долженъ былъ представиться ей и этотъ новый предметъ его восторженнаго сочувствія, этотъ защитникъ свободы людей, которыхъ Англія считала своими собственными ренегатами, къ тому же не представлявшій никакой Ахиллесовой пяты и тѣмъ болѣе непріятный для враждебнаго стана.

Въ пылу разочарованія Наполеономъ дойдя, какъ мы видѣли, до полнѣйшаго политическаго индифферентизма, поэтъ по

всей Европы, подъ оживительнымъ вліяніемъ личности Вашингтона, отдаетъ рѣшительно предпочтеніе той формѣ правленія, которая установилась въ странѣ, возвеличенной имъ. «Чѣмъ болѣе, — пишетъ онъ въ отрывкѣ изъ своего дневника, относящемся къ тому же 1814 г., — чѣмъ болѣе равенства между людьми, тѣмъ безпристрастнѣе раздѣляется зло и становится при помощи подобнаго дѣла выносимѣе, — а потому я стою за республику» ¹⁾.

Итакъ, добро все-таки невозможно въ человѣческомъ мірѣ, а потому просто суетно стремиться дѣлательно къ нему; добро должно быть замѣнено однимъ равномернымъ распредѣленіемъ зла. Мы видимъ, что въ «Борсарѣ» Байронъ въ самомъ избыткѣ *права* и жизненныхъ благъ видитъ и избытокъ *тлѣности*; самый властный и богато-одаренный есть вмѣстѣ и самый несчастный, но вознагражденіемъ служитъ ему гордое сознаніе своей преимущественности въ пользованіи этимъ добромъ-зломъ. Въ только-что приведенныхъ словахъ дневника сказала уже готовность поступить этимъ гордымъ сознаніемъ, отказаться отъ доставляемой имъ отрады, допустивъ равномерный дѣлежъ между людьми. Но старая личная завкаса сохраняется, повидимому, и тутъ: все дѣло все-таки — въ *себѣ*, въ облегченіи своего я снятіемъ съ него лишней тяготы, только суетно принимаемой за какое-то благо. Примѣръ Вашингтона еще не возымѣлъ окончательнаго вліянія, новый завѣтъ съ его духомъ любви, обращающей самое нго заботу о другихъ въ положительное благо, оставался еще не освоеннымъ, хотя и возбуждавшимъ уже порою зависть въ Байронѣ въ тѣмъ, кому удастся его осилить.

Ор. Миллеръ,

¹⁾ Engel, p. 42.

ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ

1790-й годъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ...

Потемкинъ.

Въ одномъ изъ городовъ Бессарабин, въ минувшемъ году, понадобилось занять подъ военный складъ часть каменнаго зданія, заваленнаго дѣлами какой-то, всѣми забытой, интендантской комиссiи. При переносѣ бумагъ, на чердакѣ архива, среди разнаго хлама, обратили вниманіе на старомодную, безногую шифоньерку. Въ ней оказалась часть разныхъ полуистлѣвшихъ фуражныхъ дѣлъ извѣстнаго, въ походахъ Суворова, фанаторійскаго пѣхотнаго полка, и связка тетрадей, изъ синеватой плотной, мелкоисписанной бумаги, съ заголовкомъ: «Памяти Россійскаго Агамемнона». — Съ боку одной изъ страницъ приписка: «О моемъ, полномъ тревоженій, примѣчательныхъ встрѣчъ и событій, незабвенномъ пребываніи на Дунаѣ, писать для своихъ дѣтей и внуковъ секундъ-майоръ Савватій Вехтбергъ».

Въ текстѣ найденной рукописи замѣнены лишь нѣкоторыя, совсѣмъ устарѣлыя слова, — теперь мало даже понятныя, и разсказъ раздѣленъ на главы.

I.

... Зимой, въ началѣ 1790 года, въ Петербургѣ было особенно много веселостей. Не забуду я той поры до конца жизни.

Выпущенный изъ кадетъ морского корпуса во флотскіе батальоны, состоявшіе лично при особѣ наслѣдника-цесаревича, Павла Петровича, я проживалъ въ Гатчинѣ, но не-рѣдко отлучался на побывку и въ столицу. Моимъ батальоннымъ былъ самъ государь-наслѣдникъ, какъ генералъ-адмиралъ и президентъ морской коллегіи; другими командовали Неплюевъ, Аравчеевъ и Малиютинъ.

Моряки особенно любили цесаревича; но его «финанціи» были нарочито не обширны, а подъ часъ и ой-какъ скудны. Мундирчики наши, на прусскій ладъ, короткіе и темнозеленые, были часто изъ перекрашеннаго суконца, а потому, побывавъ на солнцѣ, даже при томъ пѣгѣ. Но мы не унывали, кое-какъ, хоть тѣсненько, «обострѣжились» и, въ поношенной амуниціи, не уступая щеголямъ и петиметрамъ, отдавали охотно дань молодости и свѣту. Ахъ, время, время, неизгладимое въ сердцахъ и въ памяти тогдашнихъ людей!

То былъ двадцать-восьмой годъ преславнаго государствованія великой монархини Екатерины Второй. Она старѣлась, но не уставала въ знаменитыхъ дѣлахъ. Блескомъ былъ окруженъ ея престолъ. Первая турецкая война — Румянцовская — кончилась; продолжалась вторая, — Потемкинская. Мы, кадеты, собираясь на свободѣ о томъ о семъ потолковать, мало говорили о громкихъ внутреннихъ событіяхъ претекшихъ временъ, — о засѣданіяхъ въ зинемѣ дворцѣ именитой комиссіи для начертанія «Новаго Уложенія», равно какъ о Пугачевѣ и укрощеніи его приснонамятнаго бунта. За то на устахъ всѣхъ были имена Потемкина и Суворова, особенно послѣдняго. Насъ тянуло на Дунай, туда, гдѣ казалось такъ близко осуществленіе новой великой Восточной системы, сирѣчь безсмертнаго «греческаго проекта» свѣтлѣйшаго, изгнаніе турецкихъ ордъ изъ Европы и всѣмъ желанное восцареніе на древнемъ византійскомъ престолѣ второго внука императрицы, Константина. Такъ нареченный въ честь послѣдняго Палеолога, павшаго при разгромѣ турками Византіи, одиннадцатилѣтній внукъ Екатерины въ то время былъ нарочито окруженъ греками. Его кормилица, слуги и даже товарищи игръ были природные жители Греціи. Въ Петербургѣ былъ въ тѣхъ же цѣляхъ устроенъ греческій кадетскій корпусъ. И нѣкоторые жители Элады писывали августѣйшему отроку просительныя письма, съ

титоломъ: «Кротчайшему греческому самодержцу, Константину Третьему». Государыня въ январѣ устроила при дворѣ пышную свадьбу дѣвицы Мурузи съ Комнѣномъ и сама убирала къ вѣнцу невѣсту. Начинали учиться по гречески...

Золотые, счастливые годы! Всѣ мы тогда жили смѣлыми, возвышенными мечтаніями.

Былъ у меня товарищъ по морскому корпусу, Ловцовъ, малый пылкій, чувствительный и одаренный прекраснымъ сердцемъ. Съ нимъ въ особенности мы любили проводить время въ толпахъ о военныхъ матеріяхъ. Я былъ рѣзвый, шустрый мальчикъ, склонный къ забавамъ и шалостямъ. И воспитаніе наше тогдашнее, по Эмилію, было болѣе въ естественныхъ упражненіяхъ, въ играхъ, бѣганьи на свободѣ, въ танцахъ и другихъ физическихъ забавахъ. Война, подвиги смѣлыхъ героевъ наполняли мое воображеніе. Нашъ корпусъ находился въ то время въ Кронштадтѣ. Уединенная на морскомъ берегу липовая аллея, въ корпусномъ саду, была любимымъ мѣстомъ нашихъ бесѣдъ съ Ловцовымъ. Бывало, забѣдемъ туда, усядемся съ книгами, или гуляемъ вдали отъ другихъ товарищей и отъ начальства. Мы подѣляли въ корпусѣ главныхъ героевъ: одни были за смѣлаго въ бояхъ, воеателя Суворова, другіе—за блистательнаго въ политическихъ замыслахъ, пышнаго Потемкина.

По выходѣ изъ корпуса, Ловцовъ списался съ отцомъ и тотчасъ отправился въ дѣйствующую противъ турокъ дунайскую армію. Какъ я ему завидовалъ и какъ ропталъ на свою судьбу, особенно, когда мой другъ, проѣдомъ черезъ Херсонъ, отписалъ мнѣ въ пространной цидулѣ, что тамъ на городскихъ триумфальныхъ, въ честь Потемкина, воротахъ дворянствомъ были начертаны сіи знаменательныя слова: «Путь въ Византію». Византія! изгнаніе новыхъ мавританъ и возрожденіе, черезъ Россію, падшей и забытой имперіи Палеологовъ! Горячо билось въ то время любовью къ родицѣ сердцѣшко только-что выпорхнувшаго изъ гнѣзда, легковрылаго птенчика.

Въ Гатчинѣ, вдругъ цесаревича, было тоже пыльное настроеніе, хотя самъ впечатлительно-чуткій и рыцарски-возвышеннаго духа государь-наслѣдникъ по-неvolности сдерживался. На всѣ его просьбы государынѣ-матери, отпустить его къ храброму россійскому войску, стоявшему у Дуная, послѣдовали ясные и безповоротные отказы, съ совѣтомъ: заниматься своимъ дѣломъ и ждать «когда воснутъ сего пункта».

Въ Петербургѣ, куда я «иновѣ» наѣзжалъ повеселиться съ товарищами, повергаться въ театрахъ и на гуляньяхъ, былъ замѣ-

тенъ отмѣняемый отъ гатчинскаго и во многомъ неслѣдственный образъ мыслей. Въ ближнихъ дворскихъ кругахъ старались всѣми силами отвратить помыслы монархини отъ продленія предпринятой войны, находя то рановременнымъ, фантастическимъ и аки бы, въ виду французскихъ происшествій, даже весьма вредительнымъ для спокойствія и мирнаго процвѣтанія самой россійской имперіи.

Въ тайности-же этою критикой подводились злые подёсны подъ сильнаго вельможу, перваго тогдашняго пособника государини, Потемкина. Свѣтлѣйшему напелся въ тотъ именно годъ неожиданный и негаданный соперникъ, юный будущій князь, Платонъ Зубовъ. Все начинало рабѣдывать новому всевластному дворскому свѣтилу, а, въ сходствіе того, и тайно порочить каждое распоряженіе князя Таврическаго, — къ тому же отъ обиженной гордости, въ непостижимомъ бездѣйствіи, мирно жившаго въ то время среди блестящей свиты въ Яссахъ.*

Помѣстье моего отца, В***а губерніи, было въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Зубовыхъ, и мы хорошо знали всю ихъ неказистую роденку. Ухъ, сильно были чванливы и спѣсивы, и ой какъ жадны къ власти и къ почестямъ, а ума весьма средняго и даже простаго. Наши домашнія дѣла помѣшали мнѣ проситься на Дунай. Долги отца, по поручительству за кого-то изъ сродниковъ, державшаго винный откупъ, грозили намъ немалыми бѣдами. Но была къ тому и еще одна причина.

Вскорѣ по моемъ выходѣ изъ кадетъ, — на зиму въ Петербургъ пріѣхала моя двоюродная тѣтка, Ольга Аркадьевна Ажигина.

Помѣстье Ажигиныхъ, Горенъ, было не вдали отъ деревни моей бабушки и крестной матери, у которой я часто гасцивалъ, до поступленія моего въ корпусъ. И какъ я всякій разъ радовался, когда бабушка, наѣзжая сосѣдокъ, возила и меня въ красивую и прелестную усадьбу Горозъ. Домъ Ольги Аркадьевны стоялъ у озера, на гребнѣ далеко-виднаго холма, весь въ зелени стараго, густорослаго сада, сбѣгавшаго по отвесамъ и оврагамъ къ водѣ, съ боскетами, перекидными мостиками, качелями, гротами и островками.

По саду рѣзалась черноволосая, коротко, живомъ остриженная, въ бѣломъ передничкѣ, съ жарими глазами и съ премилою родинкой на подбородкѣ, семилѣтняя Пашута, единственная дочь вдовы, хлѣбосольной, дорожной и доброй, хотя нѣсколько сердитой на видъ, Ольги Аркадьевны. Говорю — сердитой, потому что, бывало, нахмурить Ольга Аркадьевна свои черныя, прегустыя

брови, — ну, — Зевсъ громовержецъ, или по крайности арабиستانскій левъ. А изъ-подъ бровей свѣтятся такіе ласковые, простые и сердечные глаза. Кажется, вотъ положить тебя, шалуна, подъ горячій чай, на широкую свою ладонь, другою приклонить, только мокренько станетъ. А она вареньежъ кормить, цѣлуетъ да пыхтитъ, куда дѣлся и гнѣвъ. Ну, премилая и преавантажная была барыня. О Пашутѣ нечего и говорить.

А, какъ теперь, вижу эту веселую, проворную и шаловливую, какъ котеночъ, рѣзвущую. Не посидитъ на мѣстѣ: разбросаетъ куклы, цѣтныя лоскутки, прыгаетъ по стульямъ или вертится юлой по паркету, стоя на одной ногѣ. То присядетъ, охаетъ, перецыганиваетъ старую няню Меркульевну; то ураганомъ налетитъ на комоды и уклады матери, перероеетъ все, нанесетъ вороха отрѣзковъ и всякаго хлама, и садеть съ иглой у столика, — кукламъ платья шить. Но глядишь — опять все бросила, размела, съ собачкой-болонкой возится, гремитъ, или вдругъ стихла, пропала, ну, точно вѣтромъ ее унесло. Ищутъ ее подъ мебелью, въ занавѣсахъ, на хорахъ, на чердакѣ. Ольга Аркадьевна махнетъ рукой — бросьте, молъ, ее непутную; знакомое дѣло... А потомъ встревожится: ну, какъ выскочила егоса, попала въ колодезь, или въ сугробъ; собаки опять же такія злыя во дворѣ. Пыхтитъ, сердится, вызываетъ ее: выходи, Пашутка, отъ дьяконицы пирожковъ съ макомъ принесли, поймали на проталинкѣ снѣгирия. Выскочить она изъ какой-нибудь норы, изъ-за печки, изъ шкафа съ платьемъ, и заливается. Но вотъ ей исполнилось десять, одиннадцать лѣтъ. Она все та же юла, но стала выравниваться, хорошеѣтъ. Папилютки носить, на плечикахъ modestie, а съ кошечкой спать, целенаетъ ее и водить въ какомъ-то вязаномъ изъ гаруса уморительномъ колпакѣ.

Я былъ тремя годами старше матушки троюродной сестрицы, Прасковьи Львовны, и не скроюсь въ томъ, когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, сталъ очень къ ней равнодушенъ. Въ деревнѣ чего у насъ не бывало: умильные переглядыванья при большихъ, вздохи, поднесенія цвѣтовъ, и нечаянныя встрѣчи въ боскетахъ, да въ тѣнистыхъ, дремучихъ аллеяхъ, а разъ гдѣ-то, на мостикѣ, искусно перекинутомъ черезъ шумящій ручей, даже и неожиданно-сорванный, весьма перепуганный поцѣлуй, — словомъ амурныя мистеріи, по всей формѣ. Разстались мы на время, какъ-бы на-короткѣ, а случилось весьма на долго, почти на семь лѣтъ. И какъ я досадовалъ, что, отправясь въ корпусъ, не предвидѣлъ столь долгосрочной разлуки!

Въ день послѣдняго отъѣзда изъ Горокъ — это было осенью — Ажигина садилъ разный лѣсной молодникъ въ своемъ саду, и

мы съ Пашей на память тоже посадили въ цвѣтчной клумбѣ, передъ домоу, молоденькій въ полъ-аршина дубокъ.

Троюродная сестрица Пашута, подъ конецъ деревенской моей жизни, тѣмъ особенно стала меня занимать, что вообразилась мнѣ, по ея впрочемъ словамъ, какою-то неприванною, таинственной жертвой у матери, — Ольги-то Аркадьевны! — добавляя я себѣ вполсѣдствіи. — «И не любить-то ее, какъ слѣдуетъ, варенья мало даютъ, — зубы испортить, — и по-французски Ломонда все велеть учить, а онъ такой противный; въ чулкахъ и въ передникѣ репейниковъ нанесла съ огорода, всю дымовую кисейную юпочку испромсала въ поспѣвшемъ крушовникѣ; бѣгаешь, какъ мальчикъ-сорванецъ, по сырости, горло застудишь; въ чернилахъ не токма персты, даже весь носъ, писавши урокъ, перекрасила». — И какъ бывало встрѣтимся гдѣ въ забуулѣ, шепчетъ Пашута на мамашу, да такъ въ серъбѣ, какъ что важное, по тайности, сдвинетъ брови, оглядывается и гровитъ, чтобъ не проговорился. Тогда я не понималъ причины тѣхъ шептаній, а послѣ ихъ относилъ къ пересудамъ какой-либо долгоязыкой, не встати ластивой приживалки, либо къ раннему чтенію любовныхъ рыцарскихъ и всякихъ романовъ, которые Пашута бирала у матери и тайкомъ читала въ своей горенкѣ. Рыцари спасали героинь изъ-за заперти, изъ неприсутнихъ вышекъ; ну, и Пашута быстрыми, вглядчивыми глазками искала въ Горкахъ своего рыцаря. Помню послѣднюю нашу встрѣчу въ деревнѣ. Былъ теплый осенній день. Посадивъ на клумбѣ, среди цвѣтовъ, дубокъ, мы побѣжали подъ гору, къ гроту. Паша сѣла на еачель. Я взялся за веревку и сталъ ее покачивать. Какъ теперь ее вижу — въ косахъ, въ голубомъ короткомъ платьѣцѣ и въ панталончикахъ. Она задумалась. Ленты косъ и передникъ развѣваются.

— О чемъ, Пашута, думаешь?

— Ахъ! сказку о жарь-птицѣ, о грифахъ вспомнила. Точно сажу на грифъ и лечу — лечу... земля, прудъ, Горки и ты самъ, точно дымъ, виднѣются изъ облаковъ...

Хлопотливая и шумная корпусная жизнь мелькнула для меня незамѣтно. Пока бабушка была жива, я не-рѣдко писывалъ къ ней и повсегда слалъ поклонны «сосѣдкамъ» — спрашивая о здоровьѣ троюродной сестрицы, о гротахъ, ея любимой кошкѣ и о посаженномъ дубѣ. Баловница-бабушка, сама имѣвшая въ жизни не мало, какъ она говорила, амурныхъ «гисторій», покровительствовала моему настроенію. Черезъ нея я препровождалъ

«матушкинъ-кузинъ» собственнаго переписыванія, съ виньетами, романсы для пѣнія Белиградцаго, модные марши для фортепьяно Сартти, а иногда и прелюбо подобранные, иносказательные, съ аеростихами, куплеты. Пугала, бывало, бабушка.

— «Представь, топ bijou! — писывала она: — въ твою-то Лайсу сердцеѣдъ и псовый охотникъ, одинъ штыкъ-юнкеръ, напѣ сосѣдъ влюбился. Вездѣ-то онъ, топ соеуг, мотается, гдѣ только ляжетъ ея слѣдокъ; не пускаютъ шаматона въ Горкамъ на пушечный выкъ; такъ онъ, Dieux la garde! ночи напролетъ снуетъ по лунѣ верхомъ за озеромъ и трубитъ въ охотничій, большущій рогъ, подаетъ о себѣ голосъ»...

Со смертью бабушки, свѣдѣнія мои объ Ажигинныхъ превратились. Домой о нихъ я не рѣшался писать. Тамъ знали о моемъ дѣтскомъ волокитствѣ; я же старался казаться теперь степеннымъ и возмужалымъ. А гдѣ тамъ степенность! Время, впрочемъ, взяло свое. Классныя занятія, экзамены, выпускъ въ офицеры, обмундировка, новые товарищи и нешуточная строгая служба въ Гатчинѣ, съ веселыми побывками въ столицу, все это мало-по-малу незамѣтно изгладило мои деревенскія впечатлѣнія, — особенно урывки въ Петербургъ.

Не было сверстника болѣе меня въ тѣ годы падкаго до всякихъ проказъ и холостыхъ кутежей. Рослый, статный, румяный; голубые глаза съ поволокой, русая коса и буили въ пудрѣ и распомажены, надушенъ, находчивъ, весельчакъ, танцоръ и хохотунъ. Ахъ, гдѣ вы нынѣ, тѣ прошлые, давніе годы? Природная, вѣчная пудра посеребрила голову... «Кто будетъ на вонскомъ бѣгу? Вехтѣвъ будетъ? ну, и мы тамъ!» — бывало рѣшаютъ товарищи. Театра, охоты, танцевъ, попойки безъ меня и не затѣвали. Гдѣ Вехтѣвъ, тамъ и жизнь, смѣхъ, плясъ и всякія веселости. Попадался я и въ разныхъ превратностяхъ: разъ, побившись объ закладъ, въ женскомъ платьѣ, забрался я къ вечернѣ въ дѣвичій, престрогий пансіонъ; въ другой — проигрался въ карты въ преображенскомъ полку и, спустивъ на отыгрышъ шубу, доѣхалъ обратно въ Гатчину по морозу, зарывшись въ одномъ мундирчикѣ въ чухонскій возъ съ соломой. Были—впрочемъ, больше для виду—и волокитства за цыганками; но тощій кошель не довелъ ни до чего серьезнаго.

Пріѣздъ Ажигинныхъ меня переродилъ.

Нечего говорить, какъ я обрадовался, когда въ Гатчину до меня дошла вѣсть изъ дому, что Ольга Аркадьевна рѣшила провести зиму 1790 года въ Петербургѣ. Матушка писала, что причиной тому было желаніе Ажигиной закончить образованіе уже взрослой дочери по музыкѣ, танцамъ и рисованію, а вѣрнѣе,

чтобъ дать своему «мигу-дружку Пашутѣ» случай побывать въ столицѣ. Да и какъ было не соблазниться! Здѣсь жила великая монархиня и былъ дворъ, и сюда всякъ стремился тогда изъ глуши деревень, взглянуть на новый міръ и на модныя столичныя забавы.—«Выдетъ за мужъ, не до того будетъ»—сказала, навѣстивъ матушку, Ольга Аркадьевна:—«пойдутъ дѣти, мужъ не повезетъ; а теперь сама еще, пока дѣвка, владыка. Надѣюсь, и вашъ Савватій Ильичъ, какъ добрый знакомый и истинный кавалеръ, навѣститъ насъ».

Урожай хлѣба и травъ былъ въ то лѣто въ нашихъ мѣстахъ вообще изрядный, цѣны на сельскіе припасы стояли хорошія. Ажѣгина списалась съ Цинклершей, своей кумой, бывшей въ Петербургѣ за экономомъ Смольнаго монастыря, наняла у Николы Морского недорогою, по приличію и по своему рангу квартиру, чистую да укромную, отправила впередъ нужныя вещи и часть дворни, а сама переѣхала въ столицу въ началѣ января.

Помню, какъ билось мое сердце, когда, по отпискѣ родительницы, я пріѣхалъ изъ Гатчины и вошелъ въ посеребренный отъ инея палисадникъ однояруснаго, съ антресолями и верхнимъ балкономъ, деревяннаго дома николевской пощады.

Старый буфетчикъ Ермиль, сидя въ преогромныхъ оловянныхъ очкахъ и съ чулочными спицами въ рукахъ, не узналъ меня въ передней. Да и гдѣ было узнать въ «сторѣсломъ», плечистомъ, съ завитою въ буляхъ косой, флотскомъ офицерѣ былаго неотесаннаго, деревенскаго барчѣнка, камлотовые штіблеты и бумажные камзолы котораго кроились и шились не руками столичнаго перваго портвога, Миллера, а сѣдого крѣпостнаго закройщика, Прошки.

Знакомые по Горкамъ столовые, семилѣровны, съ звонками и съ музыкой «нортоневскіе» часы тѣтушки пробили полдень, когда я, оправясь въ передней у зеркала, взялся за ручку залныхъ дверей. За ними слышались мягкіе, нѣжные звуки клавесина, а имъ вторили порывистыя, какъ-бы нетерпѣливыя трели скрипки. Я вошелъ.

Дородная, нѣсколько посѣдѣвшая, тѣтушка, въ бѣломъ утре-немъ пудромантелѣ и въ чепцѣ на неубранныхъ волосахъ, съ недовольствомъ глядя въ ноты, сидѣла за клавесиномъ. А среди комнаты, въ свѣтло-кофейномъ кафтанѣ, на жирныхъ, прудастыхъ, ловко-изогнутыхъ ножкахъ, въ позиціи, готовой на легкокрылый прыжокъ, стоялъ румяный, съ строгой мордочкой старчикъ, танцовальный французъ-учитель. Онъ вправо и влево размахивалъ скрипичей, нетерпѣливо топалъ ножкой по полу, ударялъ смычкомъ по струнамъ и собственными, преуморительными, на жен-

скій манеръ, выгибаниями и присѣданиями сопровождаютъ плавные шассе, пиѣ и глиссэды своей ученицы. Какъ теперь вижу эту картину, хотя тому прошло столько долгихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

Чуть взявшись концами пальцевъ за слегка-приподнятый, сѣро-дымчатый, кисейный подолъ, и гордо-разсѣянно откинувъ красивую, съ невысокою, à la Titus, прической голову, плясунья показывалась, дѣлая фигуру гавота, въ тотъ мигъ, какъ я вошелъ.

— Chassez, balancez, jetez... et salut... en troisième! — командовалъ, расшаркиваясь, старчикъ. Меня увидали. Крикъ, шумъ, объятія, привѣтствія, разспросы. Танецъ брошенъ. Я остался объдать — и весь вечеръ.

Въ возмужалой, стройной дѣвушкѣ, съ деревенскимъ, здоровымъ загаромъ и съ высокой крѣпкой грудью, я въ силу спозналъ былую рѣзвуху Пашуту, съ которой когда-то велъ дѣтскую дружбу въ хоромахъ и боскетахъ Горокъ. Большіе каріе глаза смотрѣли прямо и смѣло. Тонкая улыбка не сходила съ подвижного лица. Пока мы говорили съ Ольгой Аркадьевной, она разсѣянно взглядывала то на меня, то на покрытые морозными узорами окошки, за которыми слышались бубенцы и санный гулъ проносившихся, по наѣженной гололѣдѣ, городскихъ саней.

— Весело вамъ здѣсь, сестрица? — спросилъ я Пашуту, когда мы остались вдвоемъ.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтила она: — для чего-жъ и прѣхали? Весѣлому жить хочется, помирать не можется.

— Вамъ ли думать о смерти?

— Да, такъ весело жить, — улыбнулась она: — смѣхъ тридцать лѣтъ у воротъ стоитъ, и свое возьметъ.

— Любо васъ слушать, не горожанка. А ужъ матушка лѣзетъ васъ и, чай, ласкаетъ? одна вѣдь дочушка у ней...

— Еще бы! она такая славная.

— Выѣзжаете?

— О, да! въ операхъ, балетахъ были.

— А знакомыхъ приобрѣли?

— Зачѣмъ? намъ и безъ нихъ пріятно.

Видю, сдержаннѣе стала, не идетъ, какъ прежде, на открытость.

— Ну, Савватій Ильичъ, — сказала мнѣ послѣ первыхъ двухъ-трехъ заѣздовъ Ольга Аркадьевна: ты вѣдь роденька, хоть и не близкая, да по сердцу. Я на чистоту. Стыдно будетъ забывать тетку и сестренку. Уважь, почаще навѣдывайся къ деревенщинѣ, провинціаламъ. Руководи, указывай Пашѣ, чтò и какъ. Замѣкъ да запоръ дѣву не удержать. Вѣдь тебѣ всѣ эти деликатессы и финессы, какъ на ладони. Хотимъ поучиться да взглянуть на

здѣшнихъ вертопрашества. У васъ тутъ всякія моды, карусели, куртаги, балы...

— Что-жъ, тѣтушка, съ Богомъ!—раскошеливайте горѣцкія похоронки. Для кого-жъ и припасали?

— Такъ-то, такъ, голубчикъ. Да ой-какъ здѣсь все дорого. Помочи, племянничекъ! нельзя-ли, понимаешь, уторговать, подешевле добыть тѣхъ и этихъ вашихъ всякихъ диковинокъ. Вотъ хоть бы модныя магазейны,—вдохнула и тоже оглянулась Ажигина: — да опять и эти ваши мастерицы... Шельма на шельмѣ! Была я у Лепрэ и у Шелепихи на Морской... Ахъ, душегубки! ахъ, живодерки! — прибавила Ольга Аркадьевна, закатавъ головой и даже зажмурясь.

— *Matan, finissez!*—перебила ее, полузакрывшись вѣеромъ, Пашута.

— Что *finissez*? Что ты понимаешь, да мигаешь? правду вѣдь говорю... Опять же онъ не сторонній, а родня и при томъ вѣжливый кавалеръ, ну, и не откажетъ. А дѣвичье терпѣнье—золото ожерелье...

Какъ мнѣ ни было досадно и даже горько, что меня Ажигины почитали за родню, тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце и охотно, я имъ пособилъ, гдѣ могъ. Ѣздилъ съ ними къ Шелепихѣ и къ Лепрэ, мотался по магазинамъ, по театрамъ и катаньямъ.

«Ожгла меня въ конецъ эта Ажигина», — говорилъ я себѣ, не на шутку чувствуя, что съ первой же встрѣчи снова сталъ прикованъ къ милому когда-то предмету. Куда дѣлись гонанья съ товарищами, пирушки и сильная въ то время картѣжь... Настали заботы о костюмѣ, — въ порядкѣ ли онъ, — разодѣнешься, ни пылинки, на ямскую тройку и въ Петербургъ. Сперва по праздникамъ, а тамъ и въ будни, при случаѣ, сталъ я неотмѣнно ѣздить изъ Гатчины къ Николаю - Морскому. Особенно любилъ я заставлять Пашу по домашнему, въ корнѣтѣ, то-есть въ распашномъ капотикѣ. Привозилъ матушкѣ-сестрицѣ новыя французскія книжки и гравюры, гамбургскія и любекскія газеты и модныя ноты. Забьемся въ ея горенку, она съ ногами на софѣ, а я ей рассказываю. Читалъ съ нею, рисовалъ и писалъ ей въ альбомѣ, а съ Ольгой Аркадьевной игралъ ради забавы въ фофаны и въ дурачки, и толковалъ о придворныхъ и гатчинскихъ новостяхъ.

— Пріѣзжайте, милый Савватій Ильичъ, — бывало шепнеть Пашута на разставаньи:—въ четвергъ опять концертъ Поевилло; уговорите мамашу; ахъ, какъ хорошо пѣлъ вчера придворный хоръ...

Не совсѣмъ-то приходились мнѣ по-душѣ чрезыѣрные вы-

ѣзды и увлеченія Пашуты столичными веселостями и обывающими, а она отъ нихъ была безъ ума.

— Молода, вырвалась изъ деревенской глуши! — оправдывалъ я сестрицу передъ ворчавшей иногда ея матушкой, а самъ вотъ какъ ревновалъ ее и къ концертамъ, и къ итальянскимъ операмъ и ко всякому выѣзду изъ дому.

«Время образумить и обратить ее къ тому, кто не наглядится на нее, не надышется!» — утѣшалъ я себя, провожая Ажигиныхъ въ экипажѣ въ театръ или пѣшкомъ гуляя съ нарядной кузиной по Аглицкой набережной: — «пусть упивается забавами, пусть щеголяетъ и веселится. Она вспомнить прошлое, оцѣнить мои чувства, и счастьемъ моему быть не далеко».

II.

Столичные веселости были въ полномъ разгарѣ. Публика сходила съ ума отъ новаго балета «Шалости Эола». Всѣхъ плѣняли въ этой истинно-волшебной пьесѣ танцовщики Пикъ, Фабіани и Лѣсогоровъ, особенно-жъ первыя тогдашнія балетчицы Сантини, Канціани, Настюша Берилева и Нечочка Поморева. Нѣсколько разъ мы посѣтили этотъ балетъ, какъ и славныя комедіи «Недоросль» и «Школу злословія».

Русская вольная группа Книппера, игравшая въ театрѣ Локателли, у Невы, на Царицыномъ лугу, поставила въ тотъ годъ комическую и презабавную оперу «Гостинный дворъ» — слова и музыка Михайлы Матинскаго, крѣпостного пѣвчаго графа Ягужинскаго. Весь городъ перебивалъ въ этой оперѣ, гдѣ роль жениха уморительно до слезъ игралъ московскій актеръ изъ мѣщанъ, Залышкинъ. Мы дважды были въ этой оперѣ, послѣдній разъ, незадолго до масляной, въ день рожденія Ольги Аркадьевны. Сама она послѣ театра разболталась зубами, подвязала къ щекѣ подушечку съ ромашкой и не вышла къ чаю.

Пашута, накинувъ на корнётъ тенлую кацавейку, осталась одна со мной въ гостиной. Толковали мы о томъ, о семъ, перебирали игру актеровъ, общество, которое видѣли въ партерѣ и въ ложахъ. А послѣ нѣсколькихъ раздумій, вздоховъ и павъ, я, подъ влияніемъ вечера, проведеннаго въ такой близости къ несравненной, не смогъ болѣе стерпѣть.

— А помните-ли, сестрица, Горки, прошлыя времена? — спросилъ я, помолчавъ.

«И зачѣмъ я называлъ ее сестрицей?» — спохватился я тутъ же въ досадѣ.

— Какъ не помнить! — отвѣчала она, откинувшись въ кресло: — дѣтскія, милыя увлеченія.

— Помните Ломбонда?

Она кивнула мнѣ головой.

— Жива Меркульевна? — здравствуетъ кошка? цѣль, живъ дубокъ?

Нѣжная улыбка была мнѣ отвѣтомъ изъ глубины заслоненнаго отъ лампы кресла.

— Ахъ, несравненное время! — произнесъ я: — тогда ничто не мѣшало, такъ близко былъ мой рай...

Сказавъ это, я спохватился и не смѣлъ поднять глазъ. Но какъ было выдержать? Мнѣ вспоминались не разъ сказанныя кузиной похвалы вечерамъ въ Смольномъ у кумы ея матери, гдѣ Пашута то съ тѣмъ плясывала, то съ другимъ изъ извѣстныхъ въ городѣ щеголей, превознося ихъ любезности, ловкость и вѣжливо расточаемые заветной провинціалкѣ комплименты. Я ждалъ, чтó объявить Паша на мое признаніе?... Она молча протянула мнѣ изъ-подъ кацавейки руку и, когда я восхулся ее поцѣлуемъ, сказала мнѣ: «какой вы славный, добрый, Савватій Ильичъ, съ вами такъ отрадно»... И только...

Черезъ день мы гуляли съ Пашей по набережной вдоль Невы. Мостовая была скована морозомъ. Лихіе рысачники проносились мимо насъ, лорнируя мою спутницу въ преогромные, вошедшіе тогда въ моду лорнеты.

— Ахъ, голубчикъ Савватій Ильичъ! — сказала она, скользя легкой походкой: — какъ весело! вотъ жизни! ну, какъ бы я хотѣла быть богатой...

— И зачѣмъ особое богатство? у васъ ли, съ матушкой, нѣтъ достатка?

— Нѣтъ, не то, не то...

— Родовая ваша вотчина первая въ уѣздѣ, — продолжалъ я: — какъ устроена, прилажена, и все для васъ...

— Нѣтъ, — скучно въ деревнѣ, глушь, пустота! То-ли здѣшніе люди, — какъ обворожительны. Эта пышность, роскошь, жизнь бьетъ ключомъ... Экипажи какіе, смотрите. Утромъ — свиданья, визиты... ахъ, прелесть!.. чтó ни вечеръ, — танцы, балы. Деревня... да кто-же возьметъ меня, хоть бы съ нашими постылыми Горками?

— Прости, мое божество, — сказалъ я тихо, прижавшись къ Пашутѣ: — есть одинъ — ужи его не угадаешь? И если не богатъ онъ достаткомъ, за то искреннимъ, горячимъ чувствомъ. Онъ давно, давно у твоихъ ногъ...

Паша ни слова не отвѣтила, только, склонившись, шибче по-

шла. Вечерѣло. Снѣгъ срывался и падалъ въ тишинѣ легкими хлопьями.

— Что-жъ ты отвѣтишь тому человѣку?—спросилъ я, заглядывая въ лицо моей спутницы.

Она молча прошла улицу, другую. Стала видна ихъ квартира. Вдругъ она остановилась, обернулась ко мнѣ. Грудь ея прерывисто дышала. Во всю щоку заигралъ могучій ажігинскій румянецъ.

— Не обманывается тотъ человѣкъ?—спросила она, пристально глядя на меня.

— Клянусь, онъ говорить отъ сердца.

— Ну, такъ не бѣда, — отвѣтила она: не богатый варить пиво, — тароватый; дождикъ вымочить, солнце высушить. Кто принесетъ тучу, тотъ принесетъ и ведро. А ему открой, что отвѣту быть черезъ двѣ недѣли... тогда и прїѣзжай.

— Отчего-жъ не теперя! Паша, Пашута...

Она вырвала руку и легкой козочкой выбѣжала на свое крыльцо.

Я оцѣнялъ, обезумѣлъ отъ восторга. «Вотъ скрытница, плутовка, какъ мучить. Да не долго сомнѣваться, ждать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ». Я потерялъ спокойствіе, сонъ. Что ни день, съ полковыми оказіями и по почтѣ начались пересылки изъ Гатчины нѣжныхъ, на цѣтной раздушенной бумагѣ, грамотъ. Я списывалъ цѣлыя страницы, справлялся объ ея занятіяхъ, здоровьѣ, ревновалъ ее. «Вѣрно, другой счастливецъ нашелся?» — изливалъ я горе въ письмахъ: «оттого, знать, и медлишь... Много красавцевъ въ Питерѣ. Откройся, скажи, кто тебя плѣнитъ?» — «Много хорошихъ, да милаго нѣтъ» — отшучивалась въ отвѣтахъ Пашута: «сватались къ дѣвушкамъ тридцать съ однимъ, а быть ей за однимъ».

Не утерпѣлъ я, примчался изъ Гатчины черезъ недѣлю. Хотѣлъ оскѣпать Пашу узоризнами, а она и вотъ съ вопросомъ:

— Получилъ приглашеніе въ Смольный?

— Какое приглашеніе?

— Балъ-маскарадъ у мадамъ Цинклеръ. Вчера тебѣ послано.

— Ни за что не поѣду, — сказалъ я.

— Пустяки, какое дѣтство. Тамъ весело будетъ, натапцуемся, наговоримся.

Я отступилъ шагъ, выпрямился.

— Прасковья Львовна, — сказалъ я торжественно: — сегодня я прїѣхалъ, чтобъ съ вашего согласія сдѣлать формальное предложеніе Ольгѣ Аркадьевнѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не теперь: — зажала она мнѣ ротъ: послѣ бала—ну, прошу тебя—послѣ, чтобъ мама не догадалась.

— Но какая причина? развѣ не вѣришь, не любишь мамашу?

— Ахъ, люблю и вѣрю, но лучше молчи теперь, молчи. Тамъ, на вечерѣ, будемъ свободны, ничѣмъ не связаны; понимаешь, воля?— до-сыта напалимся, набѣсимся. Ты, смотри, какъ я писала, достань латы и шлемъ, съ перьями,— я буду испанской цвѣточницей... Для всѣхъ тайно, и вдругъ послѣ... ахъ, какъ весело... мамаша-то удивится... ну, милочка, помолчи теперь. Согласенъ?

Тихій ангелъ пролетѣлъ между нами. «Ребенокъ!» подумалъ я: «страсть въ тайнѣ, въ секретамъ. Вешнія воды, дѣвичьи сны. Это тѣ же романы, читанные въ сельской тиши».

— Согласенъ, но съ однимъ уговоромъ,— отвѣтилъ я.

— Съ какимъ?

— Поѣдемъ кататься.

— Охотно. — Мамаша, дайте намъ бѣренъкаго,— сказала Пашута входящей матери.

Ольга Аркадьевна была съ утра что-то не въ духѣ; египетскій модный пассьянсъ ей не удавался. Она кинула Ермила, велѣла запретъ намъ санки, и мы помчались.

Никогда не изгладится изъ моихъ воспоминаній эта поѣздка. Мы неслись по Фонтанѣ.

— Знаете, топ соупин, чей это домъ?—спросила, оглянувшись за Измайловскимъ мостомъ, Пашута.

— Какъ,— говорю,— не знать! домъ князя Платона Зубова.

— Тутъ и младшій его братъ, графъ Валерьянъ, проживаетъ,— сказала она:— какой красавецъ...

— Щеголишка, пустохватъ! гдѣ, кстати, его ты видѣла?

— Показывали намедни въ оперѣ...

— Пожалуй,— замѣтилъ я, съ улыбкой, самъ между тѣмъ вспыхнувъ:— еще можетъ чей-нибудь риваль? ты измѣнишь... онъ твой супирантъ...

— Вотъ глупости, совсѣмъ этотъ Валѣрка, называютъ, ребенокъ, ну, ей-Богу, какъ дѣвочка,— и щоки съ пушкомъ, и въ ухѣ брильянтовая серьга. Ха—ха... Я безъ смѣху на него не могла смотрѣть. Видѣлъ ты его?

— Нѣтъ, не видѣлъ—отвѣчаю, а вошки подъ камзолomъ такъ и скребутъ:— да и не жалю; первый шалбѣрникъ, верхохватъ. Хороши нравы; недавно, слышно, съ гусарской ордой, человекъ полсотни, съ пѣсенниками, барабанами, ложками и трещотками, ночью подошелъ къ дому одной молоденькой вдовы и такъ ее перепугалъ своей серенадой, что та чуть отъ страха не умерла... Что имъ, лишь бы попойки, обиды женщинъ, кутежи!

Полагаю, что, говоря это, я и блѣденъ сталъ въ тѣ минуты. А Паша смѣется, тормошитъ меня за руку.

— Ну, какой онъ тебѣ соперникъ, — ты человѣкъ, а то дѣвочка какая-то, херувимъ изъ леденчика.

Только и сказала; но не разъ вспоминалъ я впослѣдствіи тѣ слова. Миновали мы Аничевъ дворъ, увидѣли Екатерину, съ сѣренными ливрейными лакеями, катившую въ возѣ по Невской перспективѣ, выѣхали къ Лѣтнему саду. Петровскіе дубы и липы стояли въ морозныхъ блестяхъ.

— И нашъ дубокъ когда-нибудь вырастетъ, будетъ такимъ же, — сказала Пашута, кутая въ шубку лицо.

— Великъ ли сталъ? — спросилъ я.

— Да видѣнъ ужъ изъ цвѣтовъ. Тутъ тянется онъ въ началѣ, за то переростетъ потомъ всѣ деревья, всю мелочь.

Я обхватилъ Пашу. Бурый конь, фыркая, вынесся на ледъ, полетѣлъ по широкой Невѣ.

Не за горами былъ и условленный срокъ для объясненія съ Ольгой Аркадьевной. Жаль мнѣ было думать, въ заѣзды мои, что она ничего не знаетъ. Бывало, сидитъ, мудреный свой пассьянсъ раскладываетъ и, глядя на Пашуту, будто думаетъ: «Золото мое, когда-же я тебя пристрою и дожусь-ли той счастливой поры?»

Наканунѣ указанного мнѣ дня, былъ назначенъ тотъ именно балъ-маскарадъ, у жены эконома Цинклера въ Смольномъ, куда меня такъ звала Пашута. Подобныя вечеринки въ самомъ зданіи учрежденій, носившихъ смиренный титулъ монастыря, были въ тѣ годы не въ диковинку. Составлялись онѣ какъ-бы съ доброю цѣлю: дать лучшимъ питомицамъ старшихъ курсовъ, въ присутствіи классныхъ дамъ, провести время и повеселиться не токмо съ подругами, но и съ родными, знакомыми подругъ. Сюда допускались межъ тѣмъ и кадеты выпускного разряда, а съ ними, по протекціи, пробирались гвардейцы и иныхъ полковъ офицеры.

Цинклерша, познакомивъ Пашуту съ начальницей Смольнаго, генеральшей Лафонъ, добыла разрѣшеніе на свой вечеръ и для меня. Предполагались игры всякаго рода, фанты, пѣніе, потомъ танцы въ характерныхъ костюмахъ съ монастырками. Я, разумѣется, сговорилъ себѣ желаемый нарядъ въ лучшемъ видѣ, — досталъ его, черезъ товарищю, изъ балетной гардеробной. Все уладивъ и приспособивъ, я сталъ съ замираемъ сердца ждать субботы, на масляной, когда долженъ былъ состояться предложенный балъ.

И вдругъ — хлопъ повѣстка, явиться къ ротному. Я нацѣпилъ шпагу, одѣлся въ полную форму и пошелъ. Встрѣчаетъ съ тревожнымъ видомъ.

— Слышалъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Шведы-то...
 — Что-жъ они?
 — Экспедицію флотомъ готовить противъ насъ къ веснѣ.
 — Ну, не поздоровится имъ,—сказалъ я.
 — Я и самъ такъ думаю. А между тѣмъ вотъ ордеръ генералъ-адмирала. Повелѣвается тебѣ отъ цесаревича, немедленно взять ямскихъ и ѣхать секретно съ этими бумагами къ начальнику русскаго отряда, Салтыкову, въ Выборгъ.

— Когда ѣхать?
 — Сейчасъ.
 — Вотъ тебѣ и масляная,—не утерпѣлъ я не сказать.
 — А что-жъ, попроси въ штабъ фельдъегерскую, еще успѣешь захватить конецъ блиновъ.

— Да нельзя-ли замѣниться, попросить кого?
 — Ну, не совѣтую. Знаешь порядки его высочества; не любить онъ со службой шутить.

Огорчила меня эта вѣсть. Дѣлать нечего. Справилъ я себѣ фельдъегерскій плакатъ и полетѣлъ, даже Пашу не извѣстивъ,—думаю, успѣю въ суббогѣ. Для того по пути въ Петербургъ бросилъ на постояломъ и припасенный маскарадный костюмъ. А дѣло вышло иначе и совсѣмъ плохо. Салтыкова въ Выборгъ я не засталъ; онъ пировалъ на блинахъ у знакомя изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Пока я съѣзжалъ туда, вручилъ ему секретныя бумаги, вернулся съ нимъ въ городъ и выждалъ, когда тотъ всѣмъ распорядится, напишетъ и вручитъ мнѣ по формѣ отвѣтъ, безъ коего мнѣ возвращаться не дозволялось,—не только кончилась масляная, но и наступилъ первый день поста. Какъ я сѣлъ опять въ сани и какъ проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ужъ и остановиться мнѣ было жутко, того не припомню. Отъ огорченія—стыдно признаться—я не разъ принимался плакать на пути.

Пріѣзжаю въ Гатчину, отдаю по начальству рапортъ о поѣздѣ и бумаги, а самъ думаю: «Когда-то еще тѣ шведы вдумаютъ въ намъ въ гости, а меня лишили вонъ какого удовольствія». Повертѣлся я на квартирѣ, зашелъ кое-къ кому изъ товарищей, слышу—странная какая-то исторія случилась въ столицѣ. Слухъ пропелъ, что какіе-то повѣсы въ Петербургѣ, нанявъ ямскую карету, произвели похищеніе нѣкоей, благороднаго и уважаемаго дома, дѣвицы. Молва прибавляла, что ее предварительно опонили какимъ-то зельемъ, отъ коего она чуть не умерла, и что полиція, бросившись искать похитителей и похищенную, наскочила на такія лица, что по-неволѣ прикусила языкъ и тотъ-

часть должна была прекратить дальѣйшіе розыски. Разумѣется, толковали объ этомъ, какъ всегда по началу, въ неясномъ и сбивчивомъ видѣ, и я сперва не обратилъ на эти рассказы особаго вниманія. Одни изъ рассказчиковъ были за смѣлыхъ и ловкихъ сорванцовъ, другіе за жертву ихъ обмана.

Но зашелъ я къ нашему батальонному лекарю. Это былъ близорукій и страшно разсѣянный нѣмчикъ изъ Саксоніи, по фамиліи Громайеръ, общій другъ и повѣренный въ дѣлахъ. Онъ черезъ минуту забывалъ, чтó ему говорили, а потому никто его не боялся, и всѣ съ нимъ были откровенны. Умѣя отменно клеить изъ картона коробочки и уклады, онъ, кромѣ горчишниковъ, ревеня и какого-то бальзама на водкѣ, почти не употреблялъ другихъ медикаментовъ. И меня онъ, на гатчинской скукѣ, не разъ принимался учить искусству клеить. Но мнѣ это показалось тошнѣхонько, и я заходилъ къ нему болѣе почитать «Вольнаго Гамбургскаго Корреспондента», который онъ выписывалъ на сбереженія отъ жалованья. Я засталъ его за чтеніемъ какой-то цидулки. — Грубіяны, варвары, готтентоты! — ворчалъ онъ, пробѣгая нѣмецкія строки петербургскаго коллеги. И когда я спросилъ, въ чемъ дѣло? — онъ, замигавъ подслѣповатыми, огорченными глазами, протянулъ мнѣ письмо, середина котораго начиналась особымъ заглавіемъ: «Новая Кларисса Гарло».

Съ первыхъ строкъ, въ которыхъ излагалось событіе, занимавшее городъ, я вдрогнулъ и чуть не лишился чувствъ: передо мной мелькнули знакомыя имена. Похитителями оказывались графъ Валерьянъ Зубовъ и его родичъ и наперсникъ во всѣхъ его похожденияхъ, Трегубовъ, а похищенной — дѣвица Ажигина. Съ трудомъ дочиталъ я мелкоисписанныя страницы, спокойно, по возможности, произнесъ нѣсколько незначительныхъ словъ и поспѣшилъ уйти отъ лекаря. Тогда только я понялъ замѣшательство и сдержанность нѣкоторыхъ товарищей, бывшихъ въ послѣдній день масляной въ Петербургѣ, съ которыми мнѣ привелось перемолвить о новой столичной аванюрѣ. Я затаилъ на днѣ души роковое открытіе и, старая нетерпѣніемъ, сталъ молча ожидать поры, чтобъ, не показывая своего настроенія, подъ благовиднымъ предлогомъ, вырваться изъ Гатчины въ Петербургъ.

Желанный случай насталъ. На второй недѣлѣ поста надо было ѣхать съ заказомъ въ интендантствѣ кое-какой батальонной аммуниціи.

До-нынѣ ясно помню чувство, съ которымъ я подѣлжалъ къ недавно еще дорогому и волшебному для меня пріюту, въ домѣ попадѣи у Николаи-Морского. — «Если я такъ долго не навѣщалъ тѣтушки, — мыслилъ я, — то и она хороша; хоть бы строкъ,

въ такихъ обстоятельствахъ, откленинулась. Значить, я не нуженъ, лишній сталъ. Посмотримъ, чѣмъ оправдаютъ свое приключеніе».

Я позвонилъ въ завѣтный когда-то дверной колокольчикъ. Ко мнѣ вышла незнакомая въ лисьей душегрѣйкѣ, старая женщина. То была, какъ я потомъ узналъ, хозяйка дома.

— Госпожа Ажигина дома?—спросилъ я.

— Обѣ выѣхали.

— Куда? давно?

Лицо ли, голосъ ли мой выдали меня, старуха поправила на себѣ душегрѣйку, и, глянувъ какъ-то въ бокъ, объяснила, что ея бывшія постояльцы, получивъ нѣкоторые неотложныя письма изъ своей отчины, снялись и на первой недѣлѣ отбыли во-своихъ.

— Такъ и дочь?—спросилъ я почему-то.

— И барышня,—отвѣтила попадья, какъ-бы думая: «бѣдный ты, бѣдный, проглядѣлъ, а безъ тебя вотъ что случилось».

Я бросился къ знакомымъ, въ полицію, побывавъ въ Смольномъ. На мои разспросы, даже глазъ на глазъ, всѣ отвѣчали нехотя и полунамеками. Въ Zubовскомъ домѣ швейцаръ объявилъ, что графъ Валерьянъ Александровичъ выѣхалъ въ Трегубовское, тверское помѣстье, на медвѣжью и лосью охоту, и вернется не ближе середины поста.

Въ тотъ же вечеръ я снова завернулъ къ никольской попадѣ. «Да вы не племянничекъ ли Ольги Аркадьевны?»—спросила она, и когда я назвалъ себя, пригласила зайти къ ней. Что я перечувствовалъ, видя тѣ самыя горницы, хоть и не съ той обстановкой и мебелью, гдѣ еще такъ недавно длились мои блаженные часы, того никогда мнѣ не выразить. Вотъ залъ, гдѣ стояли горѣцкія клавесины и гдѣ, освѣщенное яркимъ зимнимъ солнцемъ, я увидѣлъ въ памятное утро мое божество. Вотъ гостиная, гдѣ проведенъ вечеръ послѣ опернаго спектакля. Каждый уголокъ напоминалъ столько пережитыхъ впечатлѣній, ожиданій, надеждъ.

Попадья усадила меня, откинула оконную занавѣску, и въ сумеркахъ указала черезъ каналъ на противостоявшій, высокій домъ.

— Отъ тебя, сударь, нечего тайтъ,—сказала она: ты свой и пожалѣешь бѣдняжку. Тутъ они, шалберники, и устроили свою западню.

— Такъ, дѣйствительно, былъ обманъ, засада?—спросилъ я, чувствуя, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Былъ ихъ грѣхъ, да и она не безъ вины.

— Это надо доказать, не вѣрю!—вскрикнулъ я, вскакивая.

— Что ты, что!—остановила меня за руку попадья:—и себя,

государь мой, и меня на вѣкъ погубишь. Не знаешь нѣчто, что за люди?

— На нихъ судъ, гнѣвъ государыни. Я добьюсь, не всѣ-жъ стануть прикрывать.

— Вѣнниковъ, батюшка, много, да пару мало. А и въ доброй тяжбѣ на лапти не добьешься.

— Такъ я заставляю ихъ самихъ.

— Слушай лучше. Тётушка твоя добрая, да извини, не въ проносъ молвить слово, высоко несется и баламутка порядочная... Не наше бабье дѣло, а прямо скажу: ейная кума во всемъ первая доводчица и погубителька. Трегубову да графчику Валерьяну она другую изъ монастырокъ готовила, а вышло вонъ что. Видишь окошко? Въ немъ они треклятые и караулку свою въ скрытности устроили. Сняли тамъ горницы, да и ну силки раскидывать. Что за окаянїа, какъ ни взглянешь, маются все какіе-то молодчики. Мало-ли всякихъ наѣновъ, и не вдомѣкъ. Знаками все, — то прямо съ книжкой сядетъ, то боемъ, будто читаетъ; а вечеромъ свѣчи — двѣ-три на подоконникѣ, было и больше. И все то, по условію, были разныя обозначенїа, потомъ пошли и цидулки...

— Какъ? переписывались?—спросилъ я.

— Ну, что опять вскинулся? точно и твоихъ тамъ не было! Не диво, что дѣвка амурныя грамотки пишетъ; коза во дворѣ, козелъ черезъ тынъ глядитъ. Лишь бы сама пава перѣ свое берегла.

— Что же вышло и какъ все случилось?—спросилъ я.

— Надавали глупъ-человѣку всякихъ обѣщанїй, да при томъ и клялись. Она не вѣрила, не подпускала ихъ близко. Только все порѣшилось на той самой маскарадѣ у кумы, куда она раженная ѣздила плясать. Вѣсомъ началось, бѣсомъ и кончилось. Ждали случая съ смолянкой, одной княгинюшкой; начальница видно догадалась и той не пустила на вечеръ. Она-жъ сыпала приманку не даромъ и подкатила саночки Ажѣгиной...

— Какъ? стало она,—спросилъ я: по своей охотѣ?

— Не разберешь. Весь вечеръ скучала, какъ въ воду опущена, ни въ игры, ни въ танцы. Мать измаялась отъ духоты, уѣхала раньше,—дѣвицы же стали просить, она дочку на куму оставила. А при разѣздѣ оттерлась Паша какъ-то въ суетѣ, вынулись ее искать — и слѣдъ простылъ. Кучеръ съ Ермиломъ подали карету—нѣтъ барышни. Уехали ее въ другомъ экипажѣ, гдѣ лакей и кучеръ были переодѣтые господа.

— Боже! настрадалась я,—продолжала рассказница,—вчужѣ глядя на твою тётеу, какъ объявилась эта пропажа. Сперва охала

она, трепыхалась все, будто путнаго чего ожидала, а сама глазъ съ иконъ не сводить, ночи на пролетъ молится. То туда, въ городъ метнётся, то сюда. Ничего не добиться: все заслонилось, точно въ потемкахъ. Какъ полагаете,—спрашиваетъ: гдѣ и когда обвинчались? — Да почему, говорю, думаете, что былъ вѣнецъ?—Какъ почему? клялся вѣдь, принцессой божилися сдѣлать, всѣхъ озолотить. — Свадьбой, сударыни, не таки, говорю, дѣла вончаются, а вы бы, милая барыня, шептулочьи, да сундучки ея перерыли, не было-ль какой нерезонной въ письмахъ передачи? — Она смолчала, заперлась на замокъ и тутъ-то вдоволь злосчастная напилась полни.

— Что-жъ въ тѣхъ письмахъ?

— Твоя ничего, и она вотъ какъ жалѣла, что ничего о тебѣ прежде не знала. А тѣ сорванцы прямо, какъ-дурманомъ, опоилю простоту. Родителька-де твоя все дѣтей тебя считаетъ; взаперти, молю, такую красоту-королеву держать, удаляетъ отъ хорошихъ людей. И ужъ не упомяну всего... Да! вотъ еще... Нынче свѣтъ-де ужъ не тотъ; пренебреги старѣмъ, да ветошью; брось постылый затворъ; ключъ, молю, тебѣ даденъ отъ жезлѣзной двери,—ужли его кинешь? Ахъ, душегубы... Будь иронией, а не монашкой. Вотъ, голубка-то бѣлая и стала иронией, попала въ сѣть...

— Вы сказали,—замѣтилъ я:—что Ажигины вдвоемъ вернулись въ деревню? Какъ же такъ, откуда взялась дочь?

— А ужъ это, сударь, завсегда такъ-то съ нашею сестрой,—заключила попада:—на то наша мудрость, да вѣра въ мужчинскія слова... И конецъ бываетъ, куда какъ не по клятвѣмъ и божбѣ. На другой день слышитъ твоя тѣтка, что бѣглянка въ скрытности объявилась у кумы. До утра только и была въ отлучкѣ. Пѣшая прибилась рано по холоду къ заставѣ, а дальше подвезли ее охтенскіе дровяники. Какъ повидала ее Ольга Аркадьевна, такъ и съ ногъ пала. Чтò ни спрашивали Пашу, ничего не открыла, ни слова не сказала. Легла ничкомъ въ подушку, да такъ три дня лежала безъ пищи и сна, только вдыхала глухо, да плечиками отъ слезъ подѣргивала. Съѣздила съ ней Ажигина къ Скорбящей, отслужила молебенъ и увезла ее молчкомъ въ деревню...

— Гдѣ-жъ была Прасковья Львовна?

— Никто не знаетъ. Думаютъ, увезли ее на дачу графа, да испугалась она, либо опомнилась, и какъ-нибудь урвалась...

«Опомнилась, легко говорить!» — подумалъ я: «прощай на вѣкъ, Пашута!» — Поблагодаривъ разскащцу, я возвратился въ Гатчину, на себя не похожъ. Хотѣлъ писать къ Ольгѣ Арка-

дѣвѣ, къ своимъ, — рука не бралась за перо. «Измѣнила ты мнѣ, на кого промѣнила мою приверженность, любовь? — размышлялъ я нѣ себя: какой урокъ! Но тѣ-то изверги, злодѣи? Ужли на нихъ и расправы нѣтъ? Но кто вмѣшается, чье право? Братъ одного изъ нихъ въ какой силѣ; у другого связи, богатство... Да и пошла вѣдь она охотой»...

И ударился я разъ ночью, какъ теперь помню, въ слезы; такъ плакалъ, такъ, что самъ спохватился: это что же? Анъ возмездіе и вотъ въ руки...

«Кому-жъ и мстителемъ быть за безпомощную дѣвушку» — сказалъ я себѣ: «какъ не мнѣ, если не по разбитому сердцу, хоть бы по одному родству?» — Распалился я этими мыслями такъ, что думать, думать и рѣшилъ опять ѣхать въ Петербургъ. Въ то время и въ голову мнѣ не приходило, что изъ того можетъ выдти, въ какія обстоятельства я буду поставленъ и куда занесетъ меня неожиданная, негаданная судьба.

Была весна. Наступилъ май. Въ Петербургѣ стало зѣло не спокойно. Шведы объявили намъ войну. Сперва на это мало обращали вниманія. Но вдругъ прошелъ слухъ, что шведскій флотъ вышелъ изъ Штокгольма и пустился на поиски нашего. Гатчинскихъ морскихъ батальоновъ еще не требовали въ походъ. Они неотлучно находились при резиденціи наслѣдника. Донесенія объ эволюціяхъ штокгольмской эскадры межъ тѣмъ приходили все тревожнѣе, и, наконецъ, стали тутъ и индѣ тараторить, что ихъ дерзостныя намѣренія могутъ вскорѣ нанести грозу и самой резиденціи великой російской монархини.

Въ такое-то время, послѣ долгой отлучки, я навернулся въ Петербургъ, куда надо было съѣздить за приѣмомъ батальонной аммуниціи.

III.

Это было двадцать-третьяго мая, 1790 года. Задержанный интендантскими не порядками, я заночевалъ въ Петербургѣ и пробудился на заѣзжемъ дворѣ, на Морской, отъ грома неожиданной и весьма внушительной пушечной пальбы. То шведскій флотъ, прорвавшись мимо Свеаборга и Ревеля и открывъ бомбардировку по нашему, съ утра началъ сраженіе близъ Кронштадта, защищаемого адмираломъ Крузомъ.

Изумленный городъ высыпалъ на улицы. Лица всѣхъ были блѣдны и встревожены. Всякъ спрашивалъ и никто не зналъ, на что надѣяться и чего ожидать. Всѣ робко поглядывали поверхъ крышъ, не летятъ ли чинѣнныя бомбы.

Я за другими вышелъ на адмиралтейскую площадь. Стекла дворцовыхъ оконъ примѣтно вздрагивали отъ повторительныхъ залповъ, раскатило и гулко доносились отъ взморья по Невѣ. Нѣкій изъ ближней свиты, престарѣлый, но желавшій казаться бодрымъ вельможа, какъ я узналъ впоследствии, знаменитый Бецкій, будто ненарокомъ вышелъ, поддерживаемый ливрейнымъ лакеемъ, на крыльцо, и сталъ, смѣясь, обращаться къ народу. Самъ шутить, а глаза все на рѣку, и губы блѣшенки. Онъ незадолго вовсе ослѣпъ, но скрывалъ это отъ публики; и лавей его держалъ за рукавъ, чтобъ дернуть, когда нужно было вклиниться знакомцамъ при встрѣчѣ.

— Охота, братцы, безъ дѣла стоять?—сказалъ Бецкій, обращаясь къ народу: — государыню, кормилицу нашу, безносите... все кончится, вѣрьте, благополучно. Ну, гдѣ имъ, горе-богатырямъ, супротивъ русскихъ? Отъ Петра-то Великаго поговорку, чай, слышали?.. Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой...

— То, ваше сіятельство, Полтава, — судачили въ толпѣ: а эвось вонъ насъ куда, въ самому ему на порогъ двинули. —

Слѣпой старецъ, привкусъ языкъ, заковылялъ къ своей каретѣ.

Пальба въ вечеру затихла, а съ нею куда дѣлись и сомнѣнія. Столичный людъ извѣстенъ онъ, каковъ. Охотники до веселостей и всякихъ праздныхъ утѣхъ мигомъ приободрились. Невская перспектива покрылась гуляющими. Началось гонянье бѣговыхъ, охотничьихъ дрожжекъ, колясокъ въ шорной аглинцой упряжи. Понесли хвосты расфуфыренные, съ ливрейными драбантами, модницы. Зашмыгали, таратора о шведской пальбѣ, гвардейскіе и статскіе петиметры. Зашелъ я въ военную коллегію; тамъ одни писцы; мое дѣло не двинулось. — «Что, — думаю: — останусь еще день; все равно ѣхать съ пустыми руками. А въ вечеру, авось, что-нибудь объяснится и о шведахъ». Я же въ тѣ роковые дни возилъ о нихъ первыя секретныя предувѣдомленія.

И захотѣлось мнѣ, при этомъ воспоминаніи, самому повеселиться, встрѣтить товарищей, съ горя съ ними покутить. Изъ коллегіи я зашелъ въ книжную лавку Глазунова, узнать, нѣтъ ли тамъ новыхъ о политикѣ вѣдомостей? Слышу разговоръ двухъ посѣтителей:

— Сегодня, — сказалъ одинъ изъ нихъ: государыня повелѣла дать на Царицыномъ въ театрѣ трагедію Рославъ.

— Дмитревскій, il grande, большой таланто! — произнесъ другой, старый, — очевидно иностранецъ: въ Парижѣ съ Лавенюмъ, въ Лондонѣ съ Гаррикомъ, на одной сценѣ игралъ. Надо бы въ театрѣ.

Меня какъ бы что подтолкнуло. Я пообедалъ въ Демутовомъ

трактиръ, бросился на Царицынъ лугъ, въ Книпперовъ театръ. Тамъ я взялъ себѣ наилучшее мѣсто въ партерѣ и до вечера бродилъ по набережной у Лѣтнаго сада.

Недавно передѣланный изъ простаго балагана, этотъ театръ былъ новинкой для горожанъ. Ложъ не имѣлось, а кромѣ партера, вдоль стѣнъ, былъ сдѣланъ трехъ-ярусный открытый балконъ, отдѣленія втораго, безъ промежутковъ, искусно возвышались одно надъ другимъ. Живопись плафона и стѣнъ хоть и была изрядно пестра, за то общій видъ зрителей, сидящихъ амфитеатромъ, какъ въ древности, весьма хорошъ. На занавѣси была изображена Оемида, принимающая поздравленія благодарныхъ россиянъ. Кромѣ параднаго крыльца, имѣлось еще нѣсколько отдѣльных подъѣздовъ, просторныхъ и столь умно устроенныхъ, что давки, особенно во время несчастья, пожара, при выходѣ случиться не могло. Давно то было и много послѣ переиспытано, а я до мелочей ясно помню, какъ проведенъ мною былъ тотъ вечеръ.

Сѣлъ я, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, на свою лавку. Сбоку у меня старичокъ, тотъ самый иностранецъ, что у Глазунова подалъ мнѣ мысль объ этомъ спектаклѣ. Мы разговорились. Онъ оказался итальянцемъ, учителемъ молодого графа Бобринскаго. Вижу, черезъ рядъ скамеекъ, противъ меня два вертлявыхъ затылка, въ разубранныхъ первыхъ парикмахеромъ косахъ; гвардейскіе аксельбанты и галуны; тончайшими духами отдаютъ отъ платковъ, коими они машутъ при аплодисментѣ актрисамъ.

— Кто это? — спрашиваю итальянца.

— Графъ Валерьянъ Зубовъ... знаете?

— А другой?

— Его Санчо-Пансо, Трегубовъ.

Я такъ и вскипѣлъ. Но странное дѣло, остался почти спокоенъ и тихъ, точно не слышалъ отвѣта сосѣда. Помню, какъ съ легкимъ сердцемъ и даже весело я прислушивался къ игрѣ актеровъ, а въ междодѣйствіи — къ шуму и къ громкому говору, больше по-французски, съ мѣста на мѣсто переходившихъ театральныхъ пересудчиковъ. Раздавалось и обычное въ тѣ годы щѣлканье орѣховъ, во время игры, не только въ заднихъ рядахъ партера, но и въ ближайшихъ къ сценѣ отдѣленіяхъ балкона, гдѣ засѣдали первыя столичные модницы.

Больше всѣхъ вертѣлись графъ и Трегубовъ. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ знаменитой Княжнинской трагедіи, какъ-бы нарочито тѣмъ оказывая пренебреженіе къ высокому искусству Мельпомены, они съ преглупою угодливостью то подавали зна-
комымъ дамамъ въ нижнія ложи лорнетки, цѣбты, то подносили

имъ сласти, или публикаціи о модахъ, причемъ непомѣрно гремѣли шпорами и саблями.

Въ одно изъ междодѣйствій, утомленный духотой, я вышелъ съ итальянцемъ подышать чистымъ воздухомъ, а встати завернулъ и въ особую при театрѣ караулку, гдѣ, въ видахъ бережности отъ огня, разрѣшалось курить. Желающіе здѣсь же имѣли обычай распивать принесенныя изъ лавокъ прислужой и привезенныя изъ дому бутылки венгерскаго и прочихъ винъ. Мы покурили и вышли.

Вижу на площади, у крыльца, стоить, въ кругу припѣваль, графъ Валерьянъ Зубовъ.

— Что мнѣ декламаторскіе таланты и это вѣтъ вашего прославленнаго Дмитревскаго! — ужли не постылъ онъ вамъ? Вотъ Неточка Поморева — это другая статья...

— Такъ рѣшено? — спросилъ его Трегубовъ.

— У разѣзда, господа, — объявилъ Зубовъ: — сперва аплодисментъ, цвѣты, — а тамъ...

Болѣе я не разслышалъ. Взглянулъ на его румяное отъ экстаза, красивое и смѣющееся, женоподобное лицо, и вдругъ увидѣлъ, подъ бровей, въ ухѣ брилліантовую серѣжку. Тутъ и вспомнилась мнѣ Пашута. Все завертѣлось передо мной: офицеры, площадь, толпа, спѣшившая изъ караулки, экипажи, фонари.

— Вамъ бы, сударь, — сказалъ я, подойдя къ графу: — не за актрисами гоняться.

Зубовъ смѣшался.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ: — и кто вы такой? Не имѣю чести васъ знать.

— А я васъ доподлинно знаю, — отвѣтилъ я: — не угодно ли на пару словъ?

Онъ отошелъ со мной въ сторону. Я называлъ себя.

— Но въ чемъ же ваша надобность ко мнѣ? — спросилъ онъ.

— Часъ и мѣсто, государь мой, если вы памятуете, что есть честь?

— Дуэль? — спросилъ онъ вполголоса, покраснѣвъ.

Всѣ его прихлебатели поотодвинулись при этомъ словѣ, и ни на комъ нѣтъ лица.

— Что-жъ, — продолжалъ онъ: — я не прочь отъ сатисфакціи; только не въ такомъ мѣстѣ, господинъ Вехтѣвъ, конверсація; и, притомъ, убѣждены-ль вы доподлинно въ моей токмо провинности? То было недоразумѣніе, карнавальная шалость въ маскахъ, на-парі... и, притомъ, не о вашей родственницѣ...

— Ни слова больше! да или нѣтъ? — вскрикнулъ я, задрожавъ и хватаясь за шпагу.

Чувствую, меня схватили сзади, отводить дальше от публики. Оглядываюсь,—два незнакомыхъ артиллериста, открыто ставшіе за меня. «Давно пора проучить зазнавшихся фаворитовыхъ родичей и ихъ друзей!—говорятъ они, пожимая мнѣ руки:—мы къ вашимъ услугамъ». Я имъ назвалъ себя и мѣсто моей стоянки. Они подошли къ графу и къ его саттелитамъ и условились о срокѣ и мѣстѣ поединка. Установили драться вечеромъ слѣдующаго дня на пистолетахъ, за Калинкиной деревней.

Утромъ я отправилъ нарочнаго въ Гатчину, извѣщая, что коллегія замедлила съ выдачей порученныхъ мнѣ вещей и что я надѣюсь все окончить черезъ сутки. Пообѣдавъ гдѣ-то въ гостинницѣ, я прокатился почему-то мимо Николы-Морского и по Невѣ, и заблаговременно возвратился на постоялый. Тутъ я заверся въ нанятой горенкѣ и сталъ писать письма къ родителямъ. Я писалъ съ увлеченіемъ, орошая слезами послѣднія, быть можетъ, строки къ дорогимъ сердцу людямъ, и откровенно, безъ утайки, рассказавъ имъ все, что со мной произошло и къ чему я, по долгу совѣсти, готовился. Отнеся лично письмо въ почтовую контору, я прилежъ отдохнуть.

Было недалеко до вечера. Тревоги предыдущей безсонной ночи утомили взволнованный духъ. Мнѣ мерещилось близкое будущее: роковой, безвременный конецъ, сраженные горемъ отецъ и мать и отношеніе къ моей судьбѣ Пашуты. Тяжелыя, мрачныя мысли роились въ душѣ. Вотъ получается въ родномъ домѣ мое письмо, а вотъ и приказъ по флоту: исключается изъ списковъ убитый мичманъ такой-то. Я не могъ вздремнуть, всталъ и присѣлъ писать прощальное обращеніе къ своей измѣнницѣ. Съ этою исповѣдью на груди, я рѣшилъ идти на барьеръ.

Много ли прошло времени, не упомяну. Надъ одной строкой я задумался. Пашута, какъ живая, представилась моимъ мысленнымъ взорамъ. Вотъ она дѣвочкой, быстроглазая, стриженная, рѣзвая, какъ перепелка; встрѣчи въ Горкахъ, въ вѣшніе цвѣтныя дни, бѣготня по пахучему саду, прятки у гротовъ, катанья въ лодкѣ, качели у пруда. Затѣмъ переписка, бабушкины запугиванья влюбленнымъ, трубящимъ въ рогъ, отставнымъ юнкеромъ, пересылка поклоновъ, стиховъ. А вотъ она въ Петербургѣ, ужъ матушка-сестрица, Прасковья Львовна, хотя для меня все та же Пашута. Урокъ танцевъ, утомительный старчикъ, учитель со скрипочкой, мать въ пудромантелѣ за клавишами, пѣніе романсовъ, чтеніе Ричардсона, Дидерота, Де-Фо,—прогулки пѣшкомъ и въ саняхъ на буренькомъ, бесѣды вдвоемъ. И такъ близко было счастье. И все улетѣло, какъ сонъ. «Вы меня предали, продали, и кому же? Знаете ли вы, что за личность, на искательства ко-

торой вы поддались? Вы для него—минутная забава, одна изъ прихотей празднаго, пустого, набалованнаго верхохвата. Отчего вы не сказали мнѣ ранѣе и откровенно? Зачѣмъ безжалостно разбили любящее сердце? Говорятъ о какой-то случайности, роковомъ недоразумѣніи. Нѣтъ, вы не даромъ о немъ говорили, интересовались имъ. Наконецъ... письма... Да, я узналъ, вы ихъ получали, и о нихъ мнѣ ни слова. Но, знайте, никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ»...

Въ дверь постучались.

«Секунданты,—подумалъ я, подписавъ и вложивъ въ готовый пакетъ неконченное письмо къ Пашутѣ:—что-жъ, други честные, сторонніе, идѣте,—готовы». Я опустилъ письмо въ карманъ и отперъ дверь.

Вмѣсто бравыхъ, возвышенныхъ духомъ артиллеристовъ, на порогѣ изъ присѣнковъ вынырнулъ невзрачный, коротконогий, одутловатый и рѣшительный видомъ, пожилой полицейскій поручикъ. Крупныя губы, носъ пугливой и маленькіе, сторожкіе, недобрые глаза.

— Не вы-ли мичманъ Вехтѣевъ?—спросилъ онъ, придерживая шпаженку и оглядывая внимательно горницу и меня.

— Такъ точно.

— Извольте-жъ, государь мой, за мной въ секунду слѣдовать.

— Куда?

Вмѣсто отвѣта, онъ подаль мнѣ, съ внушительнымъ видомъ, запечатанный большою печатью пакетъ. Я вскрылъ его, пробѣжалъ бумагу. То было требованіе о «неуклонной и непродолжительной, въ чему буду», явѣй моей, къ лицу, имя котораго было всѣмъ хорошо вѣдомо.

Меня какъ варомъ обдало, потомъ бросило въ неудержную, внутреннюю дрожь. Я хотѣлъ-было распорядиться, дать знать хозяйкѣ, позвать слугу; но полицейскій поручикъ ершомъ и стойко воспротивился.

— Чтѣ вы, сударь!—сказалъ онъ, скривя ротъ какимъ-то наглымъ, преподлымъ манеромъ:—какіе тутъ распоряженія! въ моментъ, въ терцію-съ повелѣнно... Не на плясъ, не на маскарадную вечеринку зовутъ ваше благородіе, а къ самому его высокопревосходительству, Степану Ивановичу, господину Шешковскому.

Я поглялъ—возврата и послабленія не было и быть не могло. Я взглянулъ въ окно. На улицѣ насъ ужъ дождала городова, извозицья, крытая коляска. Я зашелкнулъ дверь на ключъ, и мы отправились. Въ корридоръ я встрѣтилъ растеряннаго постояльскаго слугу; съ ключомъ я успѣлъ ему передать для отправки на почту и заготовленное письмо. Мы поѣхали.

Всю дорогу занимать мои мысли необычный, таинственный человекъ, которому такъ неожиданно теперь передавала меня судьба. Въ корпусѣ и въ Гатчинѣ много о немъ было шутки-каній. Всѣ знали, что, знаменитый и страшный въ то вообще мягкое время, этотъ человекъ не съ-разу приобрѣлъ свою грозную репутацію. Онъ сперва занимался мирными науками и даже былъ не чуждъ обихода съ музами; кропалъ стишоны и учился у какого-то заѣзжаго живописца писать акварельными красками ландшафты и изображенія нѣжныхъ амурныхъ пасторалей.

Въ молодости лѣтъ Шешковскій, какъ сказывали, даже попался въ написаніи нѣкоего вольнодумнаго на одного своего начальника пашевилы и былъ за то въ немалой передрагѣ и встрастѣ. Но годы взяли свое. Бездарный, завистливый рифмо-слагатель и неудавшійся мазилка соблазнился первою отличкой по рангу. За ней пошли другія. Непризнанный, презираемый товарищами, Перонъ бросилъ измѣнщику лиру и остался въ длани съ однимъ наказующимъ бичомъ.

Соученикъ и мой другъ, Ловцовъ, въ корпусѣ былъ вхожъ къ одному вельможѣ, стороннику и одномышленнику Потемкина, и мнѣ не разъ сказывалъ о его отношеніяхъ къ Шешковскому.

Возвышенный духомъ и добраго сердца Потемкинъ, радѣя о чести и славѣ обожаемой имъ монархини, рѣшился при одномъ случаѣ не токмо критиковать, но даже и урекать свою вѣнценосную благодѣтельница и учительницу: «Ну, матушка-богиня, выдвинула ты на склонѣ своихъ дней изъ російскаго арсенала таковыя двѣ ржавыя и гнусныя пушки, какъ на Москвѣ князь Прозоровскій, а здѣсь Шешковскій... Прости, великая, но какъ бы тѣ пушки, не въ мѣру усердія стрѣляя, не затемнили твоего имени». Что касается до личныхъ сношеній, то прямой предъ всѣми Потемкинъ ужъ ни-чуть не стѣснялся съ тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ. Встрѣчаясь съ нимъ, онъ обыкновенно шучивалъ. — «Ну, Степанъ Ивановичъ, какъ изволишь кнутобойничать?» — «По-маленьку, ваша свѣтлость», отвѣчалъ вопрошаемый: «по маленьку! исполняемъ возложенныя на насъ службишки»....

Къ такому-то человекъу меня везли на аудіенцію. Мы миновали Казанскую церковь, гостинный дворъ и приблизились на уголъ Итальянской и Садовой, гдѣ въ одномъ изъ бывшихъ домовъ Бирона находилось тогдашнее помѣщеніе Шешковского.

Меня ввели въ небольшую приемную. Приѣхали мы туда за-свѣтло; но я долготѣю дожидаясь хозяина квартиры, бывшаго въ ту пору гдѣ-то въ гостяхъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, загремѣли внутри двора колеса его экипажа. Онъ вошелъ

въ свои апартаменты боковыми, скрытными отъ постороннихъ, ходомъ. Его прибытіе я угадалъ по вытянувшимся лицамъ дежурныхъ и по немалой суетѣ, начавшейся въ комнатахъ флигеля. Прошелъ одинъ писецъ, другой, зашмыгали съ бумагами вахтеры, разныхъ вѣдомствъ курьеры. И вотъ затѣнькалъ гдѣ-то глухой, дребезжащій колокольчикъ. Ему отвѣтилъ судорожный бой моего сердца.

Меня позвали къ Степану Ивановичу.

IV.

Подъ вліяніемъ общихъ толковъ, я предполагалъ встрѣтить нѣчто съ перваго раза ошеломляющее, нѣчто легендарное, въ родѣ страшнаго дракона, крылатаго, съ огненнымъ взоромъ и съ длиннымъ, змѣинымъ языкомъ.

Каково же было мое удивленіе, когда за столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ, между двухъ, какъ теперь помню, восковыхъ свѣчей, я разглядѣлъ прямо сидѣвшую противъ меня, добродушную фигуру невысокаго, сгорбленнаго, полнаго и кротко улыбавагосся старика. Ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Въ такомъ родѣ я встрѣчалъ изображенія нѣкоторыхъ, прославленныхъ тихимъ правленіемъ, римскихъ папъ. Жирный, въ мягкихъ складочкахъ, точно взбитый изъ сливокъ, подбородокъ былъ тщательно выбритъ; сѣрые глаза смотрѣли вяло и сонно; умильные, полныя губы, смиренно и ласково сложенные, казалось, готовы были къ одному ободряющимъ, привѣтъ и ласку несущимъ словамъ. Бѣлыя, сквозящія жиркомъ руки, въ покорномъ ожиданіи, были сложены на животѣ.

Я вспомнилъ городскіе толки, что Шешковскій тайно сѣзаетъ не токмо провинившихся юношей, но и важныхъ, попадавшихъ въ «первыхъ пунетахъ» взрослыхъ мужчинъ и дамъ, а потому, боясь отравы, уже давно, окромя крѣпкаго чаю, печѣныхъ въ крутую яицъ, молочнаго и трехъ, ежедневно освящаемыхъ, просфоръ, по нѣсколько дней ничего почти не ѣлъ. Такъ напоминала о себѣ совѣсть этому, захватившему высокое довѣріе монархини, ничтожному проходимцу.

Шешковскій, при моемъ входѣ, съ тою же улыбкой, молча указалъ мнѣ стулъ, опустилъ глаза въ раскрытую передъ нимъ бумагу и, сказавъ: «Такъ-то, молодой человѣкъ, познаваемымся!» спросилъ мои имя, годы, рангъ, а равно мѣсто жительства и состояніе моихъ родителей. Голосъ его былъ такъ ласковъ и добръ. Мнѣ казалось, что я слышу стараго друга дѣтства, готоваго спро-

сить: «Ну, какъ матушка, батюшка? давно ли получалъ о нихъ вѣсти? жива ли бабушка?»

«Что же это?», подумалъ я, разглядывая сидѣвшаго противъ меня доброхота: «гдѣ же драконъ?» — Вскорѣ, однако, въ его рѣчи послышалась неприятная, посторонняя примѣсь, будто гдѣ-то неподалеку, въ сосѣдней комнатѣ, или за окномъ, начали сердиться и глухо ворчать два скверные кота.

— Въ кабалѣ, въ атомѣ или въ черной магіи, сударикъ, не упражнялся ли?—спросилъ меня Шешковский, глядя въ лежавшій передъ нимъ листъ:—и въ какихъ градуссахъ сихъ вольнодумныхъ, пагубныхъ наукъ ты обрѣтался и состоялъ?

Я былъ ошеломленъ. Что оставалось отвѣтить? Пересиливъ, насколько возможно, волненіе, я спокойно возразилъ, что ни въ какихъ градуссахъ не упражнялся и въ нихъ не состоялъ.

— Отлично... Такъ и слѣдуетъ ожидать отъ истиннаго росіянина. А не злоумышлялъ ли чего, хотя бы малѣйше, къ возмущенію, бунту, или къ какому сопротивному расколу, — продолжалъ, всматриваясь въ бумагу, Степанъ Ивановичъ:—каковой клонился бы къ освященному спокойствію монархини, или къ нарушенію обманными шептаньями, передачами и иными супротивными дѣяніями народной, воинской и статской тишины?

— Не умышлялъ....

— Хвалю.... Истинные отечества слуги таковыми быть повсегда должны.... А какъ же ты,—поднявъ вдругъ насмѣшливо-холодный взоръ Шешковский:—а какъ же ты затѣялъ публичный афронтъ, да еще съ наглыми издѣвками, подполковнику, кавалеру Георгія четвертыя степени и флигельс-адъютанту, графу Валерьяну Александровичу Зубову?

— На то я былъ вынужденъ его же кровной и сверхъ мѣры несносной обидой особѣ, близкой мнѣ.

— Въ чемъ обида?—спросилъ, взглянувъ на меня изъ-за сѣчей и тотчасъ зажмурившись, Шешковский:—въ чемъ, говори....

— Не отвѣчу.

— Отвѣтишь,—тихо прибавилъ, не раскрывая глазъ, Степанъ Ивановичъ.

— То дѣло чести и ему быть должно токмо между имъ и мной...

— Заставлю!—еще тише сказалъ, чуть повернувшись въ креслѣ, Шешковский.

Я безмолвствовалъ. Общее наше молчаніе длилось съ минуту. Я не давалъ отвѣта.

— Такъ какъ же? — спросилъ опять Степанъ Ивановичъ: — что вздумалъ! вѣдь пащѣнокъ, пѣся твоя голова! самъ не пони-

маешь, что можешь вызвать! все имѣю, все вѣдь во власти... четвертнымъ полѣномъ, не токмо-что, бить могу и сталъ бы,— да помни, неизреченны милости къ такимъ...

— Я не пѣся голова и не пащѣнокъ,—твердо выговорилъ я, глубоко-обиженный за свое происхожденіе и рангъ: — чай, знаете гатчинскіе батальоны; я офицеръ собственнаго экипажа государя-цесаревича. При томъ вѣщательство въ приватныя дѣла...

— Вотъ какъ, гусекъ! — проговорилъ, нахмурившись, но все-еще желая казаться добрымъ, Степанъ Ивановичъ.

— Не гусекъ, повторяю вамъ, а царевъ слуга. Въ мудрое-жъ и кроткое, какъ и сами вы говорите, правленіе общей нашей благодѣтельности не могъ я, сударь, предполагать, чтобъ кого, безъ суда и законной революціи, кто смѣлъ четвертнымъ полѣномъ бить.

Шешковскій протянулъ руку къ колокольчику, но остановился и со вздохомъ опять сложилъ руки на животѣ. Не ожидалъ онъ, видно, такого отвѣта.

— Изверги, масоны, мутьяны, отечества враги! — сказалъ онъ, качая какъ-бы въ раздумьи головой: — свои законы у васъ! хартии, право народовъ, натуры! Мирабо, доморослые Лафайѣты! слушай ты, глухой офицершкѣ, да слова не пророни...

Тутъ Шешковскій точно преобразился. Глаза его проснулись. Руки задвигались по столу. И показался онъ мнѣ въ ту минуту моложе, бодрѣй и даже выше прежняго.

— Слушай, дерзновенный, — произнесъ онъ громче и съ разстановкой: — посягая на ближнихъ слугъ монарха, на кого святотатски посягаешь? Изволишь ли вѣдать персону его сіятельства князя Платона Александровича?

— Какъ не знать.

— Ну, а вѣдь они тому—братецъ. Кому не воздасть должнаго респекта?... Такъ вотъ тебѣ резолюція, пова на словахъ. Сроку тебѣ двое сутокъ. Не токма о поединкѣ, или о новыхъ экспликаціяхъ, но чтобъ ровно черезъ сорокъ-восемь часовъ, отъ сего момента,—слышишь ли,—духу твоего не пахло, какъ въ сей резиденціи, такъ равно и въ Гатчинѣ.

— Но я на службѣ. Дозволите ли передать о томъ по начальству?

Шешковскій улыбнулся, опять какъ-бы въ безсиліи закрылъ глаза и вздохнулъ. Пальцы его сплелись и снова старались смиренно уложиться на камзолѣ.

— Попробуй,—сказалъ онъ: — ну, такъ, для-ради любознанія, попытайся...

Онъ досталъ табакерку, раскрылъ ее и, щурясь съ усмѣшкой на меня, потянулъ изъ нея носомъ.

— Не постигаю, — проговорилъ я: — гдѣ-жъ правда, законъ?

— Лучше безъ разговоровъ, — перебилъ Степанъ Ивановичъ: — либо прочь отсюда тишайше, по доброй волѣ; либо телѣжка, фельдъегерь и... Сибирь.

Я опустилъ голову, соображая, съ какимъ злорадствомъ бѣгали по мнѣ тѣмъ временемъ торжествующіе взоры Степана Ивановича.

— Итакъ, Вехтѣвъ, вотъ готовый пакетъ, — сказалъ съ пренебрежительною мягкостью Шешковскій: все готово и подписано. Напрасно, милый, было и спорить.

Голова моя кружилась. Я съ трудомъ слѣдилъ за ходомъ своихъ мыслей. Ясно было, что друзья графа успѣли принять всѣ нужныя мѣры. Случай въ театрѣ получилъ огласку и меня рѣшили, тѣмъ или другимъ способомъ, сбыть съ глазъ столичныхъ говоруновъ.

— Такъ какъ же, въ отпускъ или въ чистую? — спросилъ, послѣ небольшой паузы, Степанъ Ивановичъ.

— Лучше, батенька, въ чистую, абшйдъ, — прибавилъ онъ, не дождавшись моего отвѣта: — поинци ходатаевъ, протекціи; авось, и государь-цесаревичъ твою службу вспомнить и естати пожалуетъ. Никогда не упускай случая, — соплись на родителей: стары, молъ, и требуютъ помощи, деревнишки смротѣютъ безъ призору — ну, и отпустить. А если нужно, — дай знать, и я, въ чемъ надобеть, ужъ такъ и быть, помогу...

Я, молча, обернулся и хотѣлъ уйти. Помню, что притомъ даже не поклонился грозному Степану Ивановичу. За мной послышался заглушенный, веселый и дружескій смѣхъ старца.

— Ну, куда-жъ ты, вѣтеръ-голова? амъ и не все, вѣдь, еще кончено.

Я остановился.

— Вотъ чтб... Подпиши-ка, на всякъ разъ, такъ, для памяти хотя, вотъ эту бумажонку.

Онъ протянулъ мнѣ по столу листъ съ заготовленнымъ въ рукоприкладству, вѣтвеннымъ и подъ страхомъ нещадной кары общіаніемъ, — выѣхать немедленно изъ столицы и ея окрестностей и молчать обо всемъ, чтд мною слышано отъ Степана Ивановича, господина Шешковского.

Какъ пьяный, какъ сонный, я вышелъ на улицу, возвратился на постоялый, послать за почтовыми и въ утро былъ въ Гатчинѣ.

Тамъ я нашелъ два письма. Одно было изъ деревни отъ отца, другое отъ Ловцова, изъ дунайской арміи.

Отецъ писалъ, что дѣла наши по сельской экономіи весьма неавантажны, что со дня на день грозитъ продажа съ аукціона, по залогу въ казну, всего нашего имѣнія, и что одно упованіе на Бога и на добрыхъ людей. «Добрыхъ! гдѣ они?» подумалъ я, дочитавъ эти строки.

Письмо Ловцова было объ иной матеріи. Онъ рассказывалъ о Турціи. Отрядъ Гудовича, при коемъ онъ служилъ, по прежнему стоялъ у нижняго Дуная, томясь въ ожиданіи дѣлъ, воими между тѣмъ такъ медлилъ главнокомандующій.

«Свѣтлѣйшій,—писалъ Ловцовъ,—живетъ въ Яссахъ, погруженный въ полнѣйшее бездѣйствіе и въ столь великую хандру, что приближенные не рѣшаются ему дѣлать намековъ, не тожмо о дальнѣйшихъ, всѣми ожидаемыхъ, смѣлыхъ предпріятіяхъ, но и вообще о текущихъ дѣлахъ. А время уходитъ; турки, переживъ несносныя тягости минувшей зимы, вздохнули, начали стягивать изъ Азіи новыя, дико-свирѣпыя полчища и открыли во всѣхъ мечетяхъ и на базарахъ священную проповѣдь поголовнаго ополченія за вѣру. Они ввели въ Дунай сильную гребную и парусную флотилію, укрѣпили побережныя фортеціи и, по словамъ лазутчиковъ, снабдили огромнымъ гарнизономъ и по соразмѣрности провизіей стоящую на главномъ, исконномъ нашемъ пути къ Стамбулу, крѣпость Измаиль».

Далекій мой другъ описывалъ, при этомъ случаѣ, благословенныя страны, гдѣ онъ въ то время находился, въ столь увлекательныхъ, живыхъ краскахъ, а страданія и надежды на русскую помощь единовѣрныхъ намъ греческихъ, болгарскихъ, молдавскихъ и иныхъ народовъ такъ трогательно, что наши школьныя бесѣды и мечтанія о боевыхъ походахъ и побѣдахъ безсмертнаго Миниха и славнаго Румянцева воскресли во мнѣ съ новою, неодолимою силой.

«Ужъ не персть ли Божій, не указаніе ли свыше?» подумалъ я, прочтя письмо Ловцова:—«въ подобную минуту и такое напоминаніе! Неужели послѣ этого выходить въ отставку, ѣхать въ деревню и на вѣкъ закабалить себя и свою молодость въ мирной, но дикой и сердце-гнетущей глуши? Нѣтъ, лучше принести посильную пользу отечеству, пожертвовать неудавшейся жизнью тамъ, на краю свѣта, гдѣ, какъ мы всѣ ждали тогда, загоралась заря воскресенія близкихъ намъ, и гдѣ гениями Суворова и Потемкина—я твердо вѣрилъ въ то—готовились свѣту новыя безсмертныя подвиги и новыя неувыдаемые лавры русскаго оружія».

Отдавъ ротному отчетъ въ исполненіи порученныхъ мнѣ ком-

миссій, я скорехонько собрался и обратился въ любимцу, комнатному камердинеру государя-наслѣдника, къ Ивану Кутайсову, съ неотступной просьбой устроить мнѣ въ тотъ же день свиданіе, буде можно, на-единѣ съ его высочествомъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ плѣнный мальчишка-турченокъ, изъ городка Кутая, крестникъ цесаревича, его истопникъ, цирюльникъ и фельдшеръ, а въ недалекомъ будущемъ, какъ всему свѣту извѣстно, російскій высокочинный баронъ и, наконецъ, могучій, украшенный первыми кавалеріями графъ и владѣлецъ десятковъ тысячъ подаренныхъ ему крестьянъ,—Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, близко зналъ насъ всѣхъ, тогдашнихъ гатчинскихъ офицеровъ, и къ намъ благоволилъ.

Я засталъ цесаревича слугу въ гардеробной, за подготовкой для прогулки выѣздной аммуниціи великаго князя.

— Что, сударь, деньгъ понадобилась?—спросилъ онъ, скаля зубы на мою просьбу.

— Нѣтъ, Иванъ Павлычъ, по милости его высочества, еще не нуждаемся въ томъ...

— Такъ отличку какую? а? Ты, ваше благородіе, говори правду, зачѣмъ пришелъ?

Я рѣшилъ пока скрыть принятую мысль и отвѣтилъ, что получилъ письма отъ родителей, что они пожелали видѣть меня, а какъ, въ виду шведскаго вторженія, морскимъ батальонамъ, вѣроятно, повелѣно будетъ находиться въ полномъ сборѣ, то я и рѣшился искать доступа къ его высочеству, для полученія отпуску, хотя на краткую отлучку во-свои.

— Шведское вторженіе! успокойся, бѣчна, — возразилъ съ улыбкой Кутайсовъ,—они ужъ далеке... Что-жъ до аудіенціи, такъ вотъ тебѣ она... пойдѣмъ... а совѣтъ мой, сударикъ, коли что по службѣ, то побывай у Неплюева, особливо-жъ у Арсенія Андренча Аравчеева.

Онъ пріотворилъ дверь, провелъ меня къ кабинету наслѣдника, предупредилъ его о моей просьбѣ и черезъ минуту я былъ передъ особой его высочества.

Государь-наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ принялъ меня въ собственномъ маломъ кабинетѣ. Онъ стоялъ, полуоборотясь къ окну, и надѣвалъ большія, съ раструбами, лосинныя перчатки, поданныя ему для прогулки. У крыльца, какъ видно было изъ окна, поигрывалъ подведенный рейтенехтомъ любимый его, столь извѣстный въ послѣдствіи, бѣлый, англазированный верховой конь, по имени Помпѣи. Какъ теперь вижу статную, рыцарски-благородную фигуру Павла Петровича: лиловый бархатный сюпервѣстъ, поверхъ короткаго, бѣлаго колѣта, кружев-

ной шейный платокъ и такіе же манжеты, высокіе ботфорты со шпорами, треуголь съ плюмажемъ подъ мышкой и орденская звѣзда на груди.

Не забуду я, пока живъ, благосклоннаго приѣма великаго князя, хотя въ началѣ на меня и погнѣвались. Приѣмъ даже главныхъ сотрудниковъ цесаревича, Аракчеева и Неплюева, былъ также, по мнѣнью объясненій, сперва строгій, потомъ сочувственный. Какъ давно было и какъ между тѣмъ все ясно я помню, точно вчера то совершилось.

— Перевода прошу, — осмѣлился я прямо сказать, — вовсе увольненія изъ гатчинскихъ батальоновъ.

Мнѣ были хорошо знакомы быстрые, неуправляемые вспышки этой безупречно-благородной и по вращенію вроткой души, не терпѣвшей признанія кривотолковъ или лжи.

— Обманулъ? Ивана Павлыча проведъ? добился? — вонъ, вонъ, въ чистую! курятники, полотеры, торгаша!..

«Курятниками» и «полотерами» въ досадѣ въ то время обыкновенно называли большую часть тогдашняго гвардейскаго офицерства, дѣйствительно въ оны годы болѣе походившаго на богатыхъ купцовъ и мѣщанъ, чѣмъ на военныхъ.

— Меня требовали въ Шешковскому, — въ силу я проговорилъ.

— Къ Шешковскому? что ты?

— Съ меня взята подписка въ молчаніи.

— Ну, какъ знаешь...

— Передъ всѣми, но не передъ моимъ благодѣтелемъ долженъ я молчать, — отвѣтилъ я.

Тутъ откровенно я передалъ все, что со мною произошло въ Петербургѣ. Я говорилъ безъ стѣсненій. Меня слушали сумрачно, глядя въ окно и изрѣдка, чуть слышно восликая подъ носъ, особенно при упоминаніи нѣкоторыхъ именъ: «coquins! scelegats»...

— И если, простите, — заключилъ я, задыхаясь отъ подступившихъ слезъ: — если государь-цесаревичъ, коего обожать и коему служить я готовъ до гроба, соблаговолитъ оказать мнѣ милость, молю о дозволеніи мнѣ ѣхать не въ деревню къ отцу, а на Дунай, въ дѣйствующую армію, куда нынѣ стремлюсь и по долгу совѣсти и по судьбѣ, постигшей меня.

— Жаль, жаль... ты было такъ нѣрично выпекся! послѣ нашихъ батальоновъ, заразишься, погибнешь въ праздности и таковой распутной толкотнѣ!

Я въ то время зналъ ужъ причину особливаго гатчинскаго неудовольствія на Сибѣлѣвшаго, который не хотѣлъ, или не сумѣлъ, въ омутъ дворскихъ интригъ, отстоять священнаго и искренняго рвенія государя-наслѣдника — быть при дѣйствующей арміи.

— Впрочемъ, поѣзжай! такъ и быть... Берусь лично устроить твоё дѣло. Нынче-жъ будетъ доведено въ Сарское и доложено о тебѣ... На Дунаѣ и впрямь не одинъ вѣдь Пансальвинъ, князь тѣмъ... тамъ Суворовъ, Гудовичъ, Кутузовъ...

Я, склонясь, въ почтительномъ молчаніи, ожидалъ дальнѣйшихъ сообщеній.

— Въ Яссахъ будь не долго: — балеты, комедіанты, когда войско рвется къ бою! цѣлый сераль разряженныхъ модницъ и замужнихъ, безстыдныхъ побродяжекъ, а еще не взялъ ни одной путной крѣпости, не то что пашалыка... Ну, можешь готовиться, съ Богомъ... Поѣзжай; увидишь графа Александра Васильича, Михайлу Иларіонича, кланяйся имъ. А что найдешь нужнымъ, отписывай ко мнѣ, — только осторожнѣй. Понимаешь?

Не забуду послѣднихъ часовъ моего пребыванія въ Гатчинѣ. Надо было узнать отъ Аракчеева результатъ доклада въ Сарскомъ. Аракчеева я дома не засталъ и положилъ вновь добиться аудіенціи великаго князя, какъ моего батальоннаго командира. Я сѣлъ въ саду, на скамьѣ, за кустарной клумбой, ближайшей къ крыльцу цесаревича, и просидѣлъ здѣсь долго, не рѣшаясь вновь просить Кутайсова и раздумывая то и сѣ о предпринятомъ отъѣздѣ на Дунай. Солнце сильно припекало. Я очнулся, засыпавъ курць-галопъ Помпона. Бѣлый козы былъ взмыленъ. Потемнѣлые бока его тяжело дышали. Видно было, что цесаревичъ, для разсѣянія пришедшихъ мыслей, сдѣлалъ немалый туръ по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ.

Завидѣвъ меня и какъ-бы ожидая моего обращенія, онъ замедлился на ступенькахъ крыльца.

Я осмѣлился подойти и спросить, послѣдовало ли разрѣшеніе государыни и позволяетъ ли его высочество сообщить о томъ моему ротному?

Кивкомъ головы отвѣтилъ онъ утвердительно, и съ улыбкою махнулъ мнѣ перчаткой съ крыльца...

Великій князь сдержалъ слово. Онъ испросилъ обо мнѣ разрѣшеніе государыни. Zubovымъ же было все равно, лишь бы съ глазъ меня долой. Они поддерживали ходатайство цесаревича. Былъ подысканъ и благовидный въ тому предлогъ. Меня командировали въ южную армію, съ очередными депешами, отдавъ притомъ на усмотрѣніе и въ распоряженіе Свѣтлѣйшаго и обязавъ нигдѣ, не токмо не сворачивать съ пути, но даже и не останавливаться.

Такимъ образомъ, лишенный возможности провѣдать родителей, я откланялся его высочеству, простился съ товарищами и, съ фельдгерской подорожной и съ сумкой на имя фельдмаршала, уѣхалъ прямо въ Молдавію.

Надо, впрочемъ, сознаться, я свернулъ съ дороги, заѣхалъ въ Горки. Что я хотѣлъ тамъ предпринять, не помню. Когда я приблизился ко двору, было уже поздно вечеромъ. Ажигинскій домъ еще кое-гдѣ свѣтился; я разглядѣлъ свѣтъ въ гостиной и въ комнатѣ Пашуты.

Остановясь у ограды, я вошелъ въ садъ.—«Нѣтъ! объясненія не поймутъ»—рѣшилъ я, возвращаясь. Въ отблескѣ гостинныхъ оконъ, я разглядѣлъ заветный дубокъ, прошелъ къ нему, ухватилъ его за вѣтви, съ силой рванулъ изъ мягкой клумбы, надломилъ, и безъ оглядки уѣхалъ обратно по маршруту.

Чѣмъ болѣе удалялся я отъ родины и приближался къ югу, тѣмъ страннѣй и непостижимѣй казалось мнѣ все происшедшее со мной.—«А ужъ какъ удивится Ловцовъ» — утѣшалъ я себя: «онъ ожидаетъ отвѣта на свое письмо, а вмѣсто отвѣта—и вотъ я самъ»...

Дни становились жарче, небо прозрачнѣй и синѣй. Вотъ украинскія степи, Днѣпръ, запорожскіе хутора и опять степи. Вотъ долгополыя, бѣлыя свиты и широкія войлочные капелюхи кишиневскихъ царанъ. Вотъ кукурузныя и табачныя нивы, жидовскія корчмы и лавчонки, — арнауты, румыны, — цыганскіе грязные таборы, мамалыга съ масломъ, перецъ въ каждомъ кушаньи, овцы съ курдюками, верблюды въ возахъ, сторожевыя вышки, казацкіе разъѣзды, пѣхотный у какой-то рѣчки лагерь, и цѣль поѣздки—столь ожидаемый городъ Яссы.

V.

Сильно колотилось мое сердце, когда я приблизился къ резиденціи главнокомандующаго и началъ соображать, что въ скорости долженъ буду предстать предъ лицо мужа толковой силы, генія и столь многихъ, всюду гремѣвшихъ противоположностей права.

Неподалеку отъ Яссъ, у небольшой молдавской корчмы, меня догналъ другой курьеръ. То былъ немолодой и, какъ жукъ, черный отъ пыли и загара, провіантскій офицеръ. Мы зашли освѣжиться въ корчму, и какъ, разговаривая, узнали, что намъ путь къ одной цѣли, то и рѣшили ѣхать остальные перегоны вмѣстѣ. Онъ возвращался изъ командировки отъ главной квартиры, а потому возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство узнать, куда и зачѣмъ онъ ѣздитъ. Онъ, впрочемъ, болѣе отмалчивался. Въ числѣ его поклажи были два небольшихъ, упакованныхъ въ рогожи, боченка, которые онъ особенно бережно хранилъ и, несмотря на усталость, не спускалъ съ глазъ.

«Вѣрно червонцы» — подумалъ я, но казны безъ конвоя не возять.

— Не порохъ ли? — спросилъ я, указывая на багажъ.

— О, нѣтъ, — неохотно отвѣтилъ мой спутникъ: — иначе какъ бы я могъ курить! не порохъ, а взорвать можетъ мою судьбу почище всякой бомбы...

Онъ, между тѣмъ, разговаривалъ со мной о другихъ предметахъ и сообщалъ мнѣ многое о Свѣтлѣйшемъ, о чѣмъ прежде я зналъ только слегка. Намъ предстояло вмѣстѣ явиться къ князю. А потому остальной путь Потемкинъ не сходилъ у насъ изъ бесѣды: какъ приметъ насъ обоихъ, будетъ ли доволенъ и что съ того выйдетъ каждому изъ насъ?

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ молодости, какъ всѣмъ вѣдомо, обучался у духовныхъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, изъ коего былъ исключенъ «за лѣнь и частое нехождение въ классы». Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, еще при восшествіи ея на престолъ. Попадъ изъ гвардейскихъ офицеровъ въ оберъ-секретари Синода, а въ скорости и въ генералъ-адъютанты къ ея величеству, онъ не разъ, видя къ себѣ, изъ-за придворныхъ интригъ, охлажденіе государыни, рѣшался бросить свѣтъ и даже подумывалъ о постриженіи въ монахи. А когда ему, вслѣдствіе неосторожнаго приложенія къ больному глазу примочки тогдашняго всезнайки, фельдшера академіи художествъ «Ерофеича» — пришлось на одинъ глазъ окривѣть, то это такъ повліяло на его амбицію, что онъ и впрямь удалился въ Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ рясу и сталъ готовиться къ постриженію. Прозорливость и доброта сердобольной монархини и тутъ его спасли. Екатерина его навѣстила и уговорила возвратиться къ своему престолу. — «Тебѣ, Григорій, не архіереемъ быть, — сказала она: — ихъ у меня довольно; а Потемкинъ одинъ, и его ждетъ иная въ мірѣ стезя».

Слова государыни сбылись въ точности.

Покоритель нѣкогда грознаго Крыма, основатель Екатеринослава, Херсона и Николаева, и насадитель на мѣстѣ буйнаго, дикопорожняго Запорожья, тихой и плодоносной Новороссіи, Свѣтлѣйшій удостоился, въ помраченіе навѣтовъ враговъ, показать государынѣ, въ ея путешествіе на югъ, новосозданныя и возрожденныя имъ области имперіи. На мѣстѣ татарскаго аула Гаджи-бей, онъ основалъ Одессу, а мало извѣстную и заброшенную крымскую гавань Ахтіаръ обратилъ въ разносящій нынѣ грома, по всему Понту Эвксинскому и далѣе, Севастополь. Здѣсь въ 1787 году императрица увидѣла, какъ-бы по мановенію волшеб-

наго жезла, возникшія укрѣпленія, до четырехъ-сотъ домовъ, склады, верфь и сильную духомъ моряковъ, юную эскадру. Мысль Великаго Петра о южномъ флотѣ сбывалась.

Послѣ уничтоженія новыхъ мамелюковъ, Запорожской-Сѣчи, Потемкинъ былъ возведенъ въ графы и вскорѣ сталъ ближайшимъ помощникомъ царственной своей учительницы, во всѣхъ ея предначертаніяхъ о югѣ. Смѣлый «Греческій прожектъ» напелъ въ немъ горячаго и преданнѣйшаго пособника. Потемкинъ сталъ грезить Дунаемъ, гдѣ нѣкогда Святославъ ставилъ города, — Царьградомъ и Босфоромъ, видѣвшими когда-то ладьи и мечи Олега и Ярослава... Петръ стремился на сѣверъ и утвердился тамъ. Потемкинъ разумно обратилъ взоры Россіи на благодатныя, родственныя ей страны юга...

Монархиня любила и цѣнила геній Свѣтлѣйшаго. Но она видѣла его слабости и ихъ покрывала, хотя «иновѣ» надъ ними и подтрунивала. Такъ, въ правилахъ эрмитажа, насчетъ его дистракціи и всѣмъ извѣстныхъ привычекъ, былъ ею вставленъ пунктъ: «Всѣмъ быть веселымъ, но ничего не портить и не грызть».

Произведенный въ генералъ-фельдмаршалы и награжденный воеводствомъ кричевскимъ, Потемкинъ, по смерти князя Григорія Орлова и воспитателя цесаревича графа Никиты Панина, сталъ при дворѣ главнымъ и всемогучимъ лицомъ. Еще въ первую турецкую кампанію, Румянцовскую, онъ прислалъ о театрѣ войны обширныя и дальновидныя примѣчанія. Когда началась нынѣшняя вторая турецкая война, то онъ сперва командовалъ екатеринославскою арміею, а потомъ ему подчинили и украинскую, освободивъ притомъ отъ команды надъ ней Румянцова. Покоривъ Россіи Тавриду, онъ своимъ геніемъ, безъ сомнѣнія, предуготовилъ для потомковъ и освобожденіе Царьграда.

Штурмъ и взятіе Очакова прославили Потемкина, какъ полководца; но видъ гибели тысячъ людей, приводя его сердце въ несказанное горе, былъ ему невыносимъ. Во время приступа пушенныхъ въ штыки суворовскихъ егерей, князь Григорій Александровичъ, сидя у батареи на валу, все время крестился и, закрываясь руками, блѣдный, вѣвъ себя, со слезами и съ ужасомъ повторялъ: «Господи, помилуй ихъ, помилуй!»

Нравъ Свѣтлѣйшаго былъ постоянной загадкой для общества и не моему слабому перу изобразить, для прославленія въ потомствахъ, его примѣчательныя черты.

То пышный, блестящій и жадный въ веселостямъ и почестямъ, то мрачный меланхоликъ, врагъ раболѣпныхъ льстецовъ и мизантропъ, съ раскольниками начѣтчикъ, съ дамами нѣжный Эндиміонъ, Потемкинъ нонѣ являлся во дворѣ ликующій, без-

печный, счастливый, смѣшившій до слезъ Екатерину умѣньемъ перецыганивать ея голосъ, манеру, или свакалъ по Невской першпективѣ, въ зеленой, бархатной бекешѣ, подбитой на тысячныхъ соболяхъ, въ брилліантахъ и пуанде-шпанахъ. А завтра, на цѣлые дни, недѣли, запирался въ комнату и лежалъ здѣсь на диванѣ, небритый, немытый, растрепанный, сторбленный, въ заношенномъ халатѣ и въ стоптанныхъ туфляхъ на-босу ногу. Угрюмо и молча хандря, онъ въ такіе часы, надо полагать, въ удаленіи и тайности отъ всѣхъ, обсуждалъ свои высокія пропозиціи. По природѣ лѣнтивъ, онъ, принимаясь за выполненіе задуманнаго, трудился безъ-устали днемъ и ночью. Ожидая опасности, тревожился, какъ малое дитя; когда же опасность приходила, онъ встрѣчалъ ее безпечно и весело. Скупой и мотъ, вольнодумецъ и суевѣръ, онъ былъ подобіемъ тогдашней Россіи: дикая необузданность граничила въ немъ съ мягкостью воспринятыхъ европейскихъ обычаевъ.

Видомъ гордый сатрапъ, поведениемъ утонченный, во вкусѣ старинныхъ французскихъ нравовъ, придворный, величественный, головой выше всѣхъ и красивый, какъ древній Агамемнонъ, Потемкинъ свободное отъ службы время проводилъ, читая, молясь, либо компанствуя за пиршествами и волокитствуя. Считаая себя баловнемъ Бога, онъ, какъ изнѣженный грѣшница, боялся чорта. Ходила молва о свареной имъ въ восьми-пудовой серебряной ваннѣ ухѣ, цѣною въ полтысячи червонцевъ. Онъ вѣрилъ въ сны, разныя примѣты и, вѣдучи на любовное свиданіе, крестился противъ каждой церкви и молельни.

Амурнымъ похощеніямъ Свѣтлѣйшаго не было числа. И тутъ же его нравъ не стѣснялся; въ слѣпомъ и ревнивомъ бѣшенствѣ, онъ зачастую срывалъ пышные головные уборы съ возлюбленныхъ и, не стѣняясь ничѣмъ, гналъ ихъ прочь. Свои веселые дни онъ называлъ «каной Галилейской», а мрачные — «сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ».

Книги для Потемкина были насущнымъ хлѣбомъ. Онъ ихъ не читалъ, но жадно проглатывалъ. И въ то время, какъ соперникъ князя, Платонъ Зубовъ, омрачилъ послѣдніе годы правленія мудрой монархини, раздувая ея болѣзненную подозрительность и преслѣдуя такихъ писателей, каковы Новиковъ и Радищевъ, универсально-образованный Потемкинъ дружилъ съ смѣлымъ острякомъ-поэтомъ Костровымъ и съ переводчикомъ Омѣра Петровымъ, читалъ въ подлинникъ Софокла, переводилъ историковъ, въ томъ числѣ Флѣри, любилъ поэзію, самъ втайнѣ писывалъ недурные стихи и покровительствовалъ гонимому сатирику Княжину.

Юношей-студентомъ Свѣтлѣйшій любилъ прислуживать въ

церкви, раздувать іереямъ кадило и выносить съ дьячкомъ передъ дарами свѣчу. Не забывалъ онъ этихъ наклонностей и на вершинѣ почестей, жалѣя въ шутку, что командуетъ генералами, а не попами, и прибавляя въ страстныхъ эпистолахъ къ предметамъ любви такія изреченія: «Облаченный и въ архіерейство, преподавъ бы я тебѣ мое благословеніе, — да побѣдиши враги твоя красотою своею и добротою своею».

Врагъ любостязанія, всякихъ лишнихъ прижимовъ, стѣсненій и малостей, Потемкинъ настоялъ на отѣнѣ въ арміи, во время походовъ, пудры, булаевъ и косъ, и на дозволеніи носить, вмѣсто кафтановъ, просторныя куртки. Все отечественное что превыше иностраннаго, онъ ненавидѣлъ лѣсть и раболѣпство, какъ не выносилъ медицины и не слушался лекарей. Скрывая свои умозрѣнія о государственныхъ дѣлахъ, онъ, какъ всѣ отъ природы лѣнивые и вспыльчивые люди, терпѣть не могъ напоминаній о запущенныхъ или забытыхъ дѣлахъ, какъ никогда же, боясь напоминанія смерти и расчетовъ съ жизнью, не носилъ съ собою и карманныхъ часовъ.

Трата изъ дарованныхъ ему средствъ на свою жизнь до трехъ миллионѣвъ въ годъ, Потемкинъ не умѣлъ подчасъ ограничивать себя и въ служебныхъ отношеніяхъ. Разъ обратилась къ нему одна важная придворная барыня: «Пристрой, голубчикъ князинька, да и пристрой мою гувернантку-мамзель къ какому-нибудь дѣлу на казенный счетъ. Я рассчитала ее, и она пока безъ мѣста». — Чтобъ отдѣлаться отъ бѣса-бабы, князь и причислилъ ту мамзель, по формѣ, къ гвардіи — на казенный паекъ. Много объ этой и подобныхъ его шуткахъ толковали въ то время, и сама государыня, осведомясь о забавной выходкѣ Потемкина, не мало тому смѣялась.

То былъ вѣкъ славной пышности и сказочнаго мотовства. При дворѣ незабвенной монархини, сказывали, угля для подогрѣванія парикмахерскихъ щипцовъ тратилось на пятнадцать тысячъ рублей въ годъ, а на самовары на пятьдесятъ тысячъ, — и сливочъ выписывалось при дворѣ на четверть миллиона въ годъ.

Со въѣздомъ въ Яссы, какъ я, такъ и мой спутникъ стали невольно терять спокойствіе и робѣть. Въ пріемѣ Свѣтлѣйшаго лежала разгадка нашей участи. Мнѣ предстояло либо попасть къ дѣлу — достойному, полезному, либо затеряться на новой аренѣ, какъ-бы мелкой песчинкѣ въ морскомъ боловоротѣ, безъ всякаго слѣда.

Провіантскій фельдгегеръ, бывшій все время въ спокойномъ

и бодромъ духѣ, подѣ-конецъ крайне присмирѣлъ. На послѣдней станціи, пока намъ запрягали, онъ куда-то юркнулъ, а когда вскочилъ опять въ телѣжку, я его не узналъ. Онъ успѣлъ умыться, прибраться, и изъ чернаго, исключеннаго цыгана сталъ милостивымъ, съ располагающими чертами лица, блондиномъ.

Разговорясь, гдѣ и какъ намъ остановиться, послѣ приѣма князя, мы въѣхали въ форштатъ. Резиденція Потемкина была здѣсь же невдалѣ, на загородной, окруженной садами, дачѣ князя Кантакузена. Свѣтлѣйшій особенно любилъ это мѣсто, такъ какъ здѣсь было удобно давать городу и дамамъ его свиты непрерывныя празднества, до коихъ онъ былъ такой охотникъ. «Вотъ квартира капельмейстера Сарти», объявилъ мой спутникъ, указывая отдѣльный флигель, близъ княжескаго дворца. По его словамъ, Сарти содержалъ при князѣ до трехъ-сотъ музыкантовъ и пѣлую труппу балетныхъ танцоровъ и танцовщицъ. Балы смѣнялись театрами, фейерверки и кавалькады концертами свѣтскаго и духовнаго пѣнія. «Въ прошлую зиму, — сказалъ мой спутникъ, — этотъ волшебникъ Сарти исполнилъ у его свѣтлости собственнаго переложенія кантату «Тебѣ Бога хвалимъ», причемъ слова «святъ, святъ» сопровождались придуманною имъ бѣглою пальбой изъ пушекъ». — Въ числѣ красавицъ, гостившихъ въ то время при главной квартирѣ, мой спутникъ назвалъ княгиню Гагарину, графиню Самойлову и, въ особенности, жену двоюроднаго брата князя, Прасковью Андреевну Потемкину. Для этихъ дамъ Свѣтлѣйшій выписывалъ, съ особыми фельдъегерами, разныя диковинки: иеру съ Урала и Каспія, шевсинскихъ въ бадягахъ жирныхъ стерлядей, невскую лососину, калужское тѣсто, трюфли изъ Перигѣ, изъ Милана итальянскіе макароны, и варшавскихъ каплуновъ. «А не задолго до моего выѣзда, — добавилъ спутникъ, — прослышавъ, что нѣкіе два брата, кавказскіе офицеры, Кузьмины, лихо пляшутъ по-цыгански, князь, выполняя чей-то дамскій капризъ, — выписалъ и этихъ Кузьминыхъ. Тѣ прискакали съ курьеромъ изъ Екатеринодара, отплясали усердно у его свѣтлости по-цыгански и вновь уѣхали вспать». — «Что-жъ было съ ними?» — спросилъ я спутника. — «Да ничего, все благополучно кончилось, — исполнили по мѣрѣ силъ желаемое, услышали: спасибо, ребята! — и безпрепятственно отретировались».

Былъ полдень, когда мы подъѣхали въ оградѣ княжескаго дворца. Солнце страшно пекло. На небѣ ни облачка. Кругомъ ни пѣшихъ, ни конныхъ. Только часовые, въ бѣлыхъ курткахъ и шалкахъ, молча прохаживались у воротъ. Мой спутникъ сходитъ въ какую-то караулку, поговорилъ съ дежурнымъ, и скоро мы предстали передъ любимымъ, ближнимъ секретаремъ Потемкина, ге-

нераль-майоромъ Василюмъ Степанычемъ Поповымъ. Послѣдній, носившій по своей добротѣ у офицеровъ имя Васи и Васильи, съ важностью оглядѣлъ насъ, опросилъ, взялъ отъ меня письма и провелъ насъ въ садъ, говоря, что его свѣтлость прогуливается, а гдѣ, онъ того не знаетъ.

— Станьте здѣсь, — рѣшилъ Поповъ, указавъ намъ мѣсто невдале отъ дворца, у перекрестка двухъ дорожекъ. Самъ же онъ, оправя свой красноворотный мундиръ, съ ужимкой певалье, отошелъ къ сторонѣ, сталъ читать привезенныя мной на его имя столичные письма и, какъ мнѣ показалось, при чтеніи, раза два на меня взглянулъ. Мой спутникъ, идя въ садъ, осмѣлился спросить вѣжливоса Попова: «въ духѣ?» и, получивъ въ отвѣтъ: «такъ и сякъ...» — еще болѣе оробѣлъ и смѣшался.

Прошло нѣсколько минутъ. Невдале, за зеленою лавровъ и миртовъ, послышался странный голосъ. Кто-то грубымъ и нѣсколько фальшивымъ басомъ мурлыкалъ про себя несвязную и аки-бы ему одному понятную пѣсню. Въ тишинѣ, напоенной ароматомъ сада, стали слышны звуки мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ. Точно грузный слонъ двигался своими мягкими, медленными ходами. Я оглянулся: важный секретарь, попрыгавъ письма, сталъ тоже на вытяжку. На моемъ-же товарищѣ не было лица.

«Свѣтлѣйшій!» — пронеслось у меня въ мысляхъ, и я съ трепетомъ ждалъ появленія обожаемаго, величественнаго вельможи, котораго никогда не видѣлъ и котораго всегда мнѣ рисовался въ образѣ свазочнаго, восточнаго сатрапа или гомерическаго Агамемнона.

Изъ-за деревъ, на усыпанную пескомъ дорожку, выскочилъ матерой, свазочный Илья-Муромецъ. Вышелъ и сталъ смотрѣть на насъ. Широкія плечи, сѣрый поношенный халатъ на распахну, обнаженная, волосатая грудь, красная тафтяная рубашка, непудренная, въ природныхъ завиткахъ, встрѣпанная, свѣлорусая безъ пылинки голова и на босу ногу узконосые, желтые, молдавскіе плѣсепанцы. Въ рукѣ онъ держалъ свертокъ ноть.

Свѣтлѣйшему въ то время было лѣтъ пятьдесятъ, но на видъ онъ казался моложе, хотя не по лѣтамъ сгорбленъ и мѣшковавъ. Я съ удивленіемъ увидѣлъ совершенство тѣлесной, человѣческой красоты: продолговатое, красивое, блѣлое лицо; носъ соразмѣрно-протяженный, брови возвышенныя, глаза голубые, ротъ небольшой и пріятно-улыбающійся, подбородокъ округлый, съ ямочкой. Лѣвый открытѣйшій глазъ былъ странно-покоенъ, рядомъ съ свѣлымъ, воржымъ и нѣсколько-разсѣяннмъ правымъ глазомъ.

Поповъ назвалъ насъ. Я подаль князю адресованныя на его имя конверты.

— Одинъ умылся, а этотъ арапъ, — проговорилъ Свѣтлѣйшій, вскрывая пакеты.

Я такъ и отъишилъ. Глаза стали властно запорошены. Ну, отчего и я не догадался прибраться? Потемкинъ прочелъ одно письмо, другое, поморщился и, зѣвнувъ, передалъ бумаги Попову. «Послѣ» — сказалъ онъ, двинувшись далѣе, и очевидно вовсе не думая въ ту минуту ни о тѣхъ, кто ему писалъ, ни тѣмъ менѣе о доставителѣ денегъ. Мы, не шелохнувшись, стояли молча.

— А знаешь, Степанычъ, — замедлясь, обратился Потемкинъ къ Попову: — что отвѣтилъ мнѣ съ давешнимъ гонцомъ Александръ Васильичъ?

«Суворовъ» — подумалъ я, замирая отъ счастья услышать рѣчь великаго о великомъ.

— Матушкѣ-государынѣ похотѣлось узнать, — продолжалъ князь, — что дѣлаетъ генералъ-аншефъ, графъ Суворовъ? Ну, я ему, какъ ты знаешь, и отписалъ; а онъ въ отвѣтъ: «Я на камушкѣ сижу, на Дунай рѣку гляжу».

Я взглянулъ на Потемкина: его лицо усмѣхалось и вмѣстѣ было печально.

— Все вотъ музыку подбираю на эти слова, — добавилъ князь со вздохомъ: — Сарти прислалъ, да у него всё итальянщина — а я одну смоленскую пѣсню вспомнилъ... Не знаешь-ли? — какъ дѣвки капусту рубили и возла поймали. Вотъ бы въ Питеръ послать.

Поповъ молчалъ.

— Такъ ты отличишь у насъ захотѣлъ? — вдругъ обернулся ко мнѣ Свѣтлѣйшій: — въ свѣтскіе, въ штабъ? жовб, да чардашъ съ валашскими мамзелями отплясывать? флото-пѣхотный боецъ! надобно питерское вертѣніе въ контратанцахъ? прошу извинить, — нѣтъ у меня для тебя мѣста.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— И безъ того у насъ вонъ, съ Василиемъ Степанычемъ, легионъ прихлебателей. И свои, и французы, и нѣмцы, есть даже изъ Америки. Скоро не-тѣмъ будетъ кормить. Можешь, сударь, отправляться по добру-здорову обратно въ Гатчину и респектовать отъ меня посланнымъ тебя отъѣнное мое почтеніе.

«Такъ вотъ онъ, мой идеалъ, герой!» — подумалъ я съ горечью: — «и чѣмъ я виноватъ, что прибылъ не изъ другого мѣста, а изъ Гатчины?»

Потемкинъ запахнулъ, принявъ рапортъ отъ моего спутника и, не взглянувъ въ бумагу, направился ко дворцу.

— Молю объ одномъ, — рѣшился я выговорить вслѣдъ князю: — удостойте меня послать въ передовые отряды и въ такое

мѣсто, гдѣ бы я могъ всѣмъ... жизнью пожертвовать для славы отечества и вашей.

Потемкинъ не слышалъ меня. Уйди онъ въ то время, приговоръ мой былъ бы подписанъ. Я по всей вѣроятности уѣхалъ бы изъ арміи на другой же день. Но вдругъ князь уронилъ взоръ на рапортъ провіантскаго курьера.

— Какъ? — воскликнулъ онъ: — капуста изъ Серпухова... клюква... и подновскіе, свѣжепросольные огурцы? и ты, пентюхъ, молчишь? гдѣ они, гдѣ?

Офицеръ указалъ на припасенные подъ крыльцомъ боченки.

— Михеича! — крикнулъ Свѣтлѣйшій, присѣвъ въ безсиліи на ступени крыльца.

Явился, переваливаясь, толстый, въ парикѣ и въ бѣломъ передникѣ, ближній офиціантъ и старый, домашній слуга князя. Боченки вскрыли. Но когда догадливый посолъ, приподнявъ квашенные капустные листья и кочни, вынулъ изъ нихъ что-то бѣлое и головатое и, какъ-бы съ робостью сказалъ: — «А ужъ это, ваша свѣтлость, я на свой страхъ... извините, — мяснѣвская рѣдька-съ...» — изнѣженный, съ притупленнымъ вкусомъ, князь растаялъ. У него слюнки потекли.

— Ахъ, ты, скотина! вотъ удружилъ! — даже плюнулъ Свѣтлѣйшій, смотря на гостинцы, какъ на нѣкую святыню, и дивясь гению посланца: — магъ, шельмецъ, магъ! пехеразада, сонъ на яву...

И, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ не въ шутку:

— Вотъ, сударь, истые слуги отечества; вотъ съ какихъ проевъ брать примѣръ. А они въ свиту, въ прихлебатели! У васъ вонъ ужъ и Державинъ Зубова въ громкихъ одахъ превозносить, а этотъ мнѣ — рѣдьку, да-съ... Кто лучше? этотъ безпримѣрно. Правъ ли я, Василий Степанычъ? Посуди! — обратился князь къ Попову: — главнокомандующій сытъ, доволенъ; будетъ довольна и сыта и его армія. Ахъ, они буфоны, гороховые шуты! Громкихъ дѣлъ имъ нужно, — отчего не беретъ Тульчу, Исаичу?.. Эй, — крикнулъ онъ уходившимъ съ боченками слугамъ: — на ледъ, по маковку, да соломкой сверху... Михеичъ, голубчикъ! для-ради такого случая, яичницу сегодня глазунью, да съ свинымъ саломъ, зеленого луку побольше...

И, щелкая плѣпанцами, легко и бодро двинулся на крыльцо матерой Илья-Муромецъ.

Поповъ придержалъ меня за фалду.

— Обожди, запрячься тутъ гдѣ-нибудь! — шепнулъ онъ, наспѣвая за княземъ: — придетъ добрый часъ, все авось переделается... Меня просать за тебя; всерабственно готовъ служить его высочеству...

Мысленно благословляя цесаревича, я отправился въ городъ и приискалъ себѣ, въ отдаленномъ и глухомъ его предмѣстьѣ, небольшую коморку. Оттуда я навѣдывался къ Попову. Но ждать «добраго часа» Свѣтлѣйшаго мнѣ пришлось долѣе, чѣмъ я могъ думать.

Послѣ капусты и рѣдьки, князь было ожилъ; вскорѣ однако впалъ въ прежнюю хандру. «Бракъ въ Канѣ Галилейской» смѣнился вновь для него «сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ». Напоминать ему обо мнѣ, значило — въ конецъ испортить дѣло. Такъ прошло болѣе двухъ недѣль.

VI.

Однажды, — такъ рассказывалъ мнѣ впоследствии Поповъ, — сидѣлъ Свѣтлѣйшій съ ногами на диванѣ и, по обычаю, запустивъ гребнемъ пальцы въ волосы, читалъ вновь привезенныя французскія и нѣмецкія газеты. Извѣстія изъ Англіи и Пруссіи, особенно-же изъ Франціи, гдѣ тогда болѣе и болѣе разигрывалась революція, сильно интересовали князя.

— А гдѣ тотъ-то, флото-пѣхотный боецъ? — спросилъ онъ вдругъ Попова, который возлѣ занимался разборкой и отправкой бумагъ.

— Какой, ваша свѣтлость?

— Ну, да помнишь, что въ герои тутъ изъ Питера просился?

— Давно, полагаю, дома, — отвѣтилъ знавшій обычай князя Поповъ.

— Жаль, — сказалъ Потемкинъ: — забрался въ такую даль и вдругъ съ носомъ.

Поповъ услышалъ это — и ни слова.

— Согласись однако, — пробѣжавъ еще два-три газетныхъ листа, произнесъ Свѣтлѣйшій: — Зубовы... да и весь ихъ соціетэтъ!.. вотъ, надо думать, бѣсятся; подслужиться кой-кому хотѣли морякомъ... Какихъ рекомендацій наслали... Анъ и не выторѣло...

— Не дали бы, ваша свѣтлость, маху, — отозвался Поповъ.

— Какъ маху?

— Да вѣдь Вехтѣевъ не Зубовской руки.

Потемкинъ посмотрѣлъ черезъ газету на Попова.

— Какъ не Зубовской? — спросилъ онъ.

— Помнится, этотъ молодой человекъ даже что-то сказалъ о ссорѣ и неудавшемся его поединкѣ съ братомъ Платона Александровича...

Потемкинъ спустилъ ноги съ дивана и бросилъ газеты.

— Что-жъ ты молчалъ?

— Запомнать, ваша свѣтлость.

— Посылай ему тотчасъ курьера, зови.

— Извините, теперь пожалуй и не поѣдетъ.

— Какъ не поѣдетъ? ко мнѣ?!

— Обидѣлся, я, чай... строго ужъ ему отвѣчено.

— Вотъ какъ... Обидчивы нынче люди... А послушай, чѣмъ бы его расположить?

Поповъ подумалъ и отвѣтилъ: — Надо прежде освѣдомиться, доподлинно ли Вехтѣвъ уѣхалъ? Онъ что-то связывалъ объ ожиданіи отписки отъ отца.

Меня тогда же, разумѣется, нашли, но я былъ снова призванъ къ Потемкину только на слѣдующій день.

А наканунѣ вечеромъ у князя съ Поповымъ былъ примѣчательный разговоръ. Огорченный нападеями иностранныхъ газетъ, Свѣтлѣйшій для развлеченія принялся тонкой пилвой обтачивать и чистить оправу какой-то цѣнной вещицы. Кучки дорожныхъ камней и жемчуга лежали передъ нимъ на столѣ, межъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

— Требуютъ, спрашиваютъ, тормозятъ! — сказали онъ Попову: — да возможно-ль то все, и въ добавокъ, какъ видишь, въ моемъ вторженномъ положеніи? Со всѣхъ сторонъ такіа вѣсти; а меня тамъ пересушиваютъ, ризы мои дѣлаютъ, распятію предають, — удаляютъ отъ моего солнца, счастья, жизни...

Князь помолчалъ.

— Я измученъ, Василій Степаничъ, бодрости лишень, сна, — продолжалъ онъ, налегая на пилку: — слабѣю подъ часъ отъ всяческихъ драгъ душой и тѣломъ, какъ малое дитя, а имъ подавай триумфы, побѣды, вѣнки! Если бы все-то знали... Изведутъ, отдалятъ, — произнесъ онъ, глянувъ въ сторону и какъ-бы видавдали нѣкія таинственныя и другимъ непомятныя отравленія: — ну, чѣдъ, полагаешь, нужно мнѣ, чего еще искать?

Помощь не нашелся съ отвѣтомъ.

— Чего желать человѣку въ моей судьбѣ? — продолжалъ князь, не поднимая лица: — меня ли соблазнить побѣдами, воинскими триумфами, когда вижу, насколько напрасны и губительны они? Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими транжирить и швырять ихъ по пустякамъ. Я полководецъ по высшей волѣ, по ордеру, не по природѣ; не могу видѣть крови, ранъ, слышать стоны и вопли истерзанныхъ снарядами людей. Излишній гуманитетъ несовмѣстимъ, братецъ, съ войной... Вотъ графъ Александръ Васильевичъ — тотъ на мѣстѣ, ему и книги въ руки... Отчего-жъ, саро-сишь, я здѣсь, а не при дворѣ?

Изумили Попова эти рѣчи. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и сказалъ — пока живъ, не забыть ему, что услышалъ онъ въ тотъ незабвенный часъ. Свѣтлѣйшій всталъ, медленно прошелся по горницѣ, открылъ окно въ стемнѣвшій садъ и опять сѣлъ.

— Невсповѣдимы судьбы Божьи! — сказалъ онъ: низринулъ Іова, превознесъ Іосифа! Чего я желалъ, къ чему стремился, исполнено, — всѣ помыслы, прихоти. Нуждался въ чинахъ, орденахъ, — имѣю; любилъ мотать, играть въ карты, — проигрывалъ не смѣтныя, безумныя суммы. Захотѣлъ обзавестись деревнями, — надарено и куплено вдоволь. Любилъ задавать праздники, балы, пиры, — давалъ такіе, что до меня и не снилось. Пожелалъ имѣть по вкусу дома, — настроилъ дворцовъ. Драгоцѣнностей имѣю столько, что ни одному частному человеку и во снѣ не снилось. И всѣ мои страсти, планы, во всемъ приводились въ дѣйство и выполняются... А, клянусь тебѣ, нѣтъ и не можетъ быть человека несчастіе меня?

Поповъ сталъ возражать.

— Не вѣришь? — спросилъ упавшимъ, какъ-бы молящимъ голосомъ князь: — думаешь, шучу? нѣтъ и нѣтъ! Всѣ вы стремитесь, надѣетесь, авось грянуть битвы, — отличіе, всѣмъ слава. Для меня-жъ, дружище, все въ мірѣ пустоши, тлѣніе, гробъ поваленный, уготованный человѣчеству... И не будь звона, не будь ласковыхъ взоровъ оттолѣ, далече, ея повелѣній, — я бы жизнь свою, не задумавшись, истребилъ, разбилъ вотъ какъ это...

Тутъ онъ схватилъ со стола дорогую саксонскую вазочку и, разбивъ ее объ-полъ въ дребезги, удалился въ опочивальню.

Явившись по зову Попова, я былъ принятъ княземъ на-единѣ. На этотъ разъ Потемкинъ былъ тщательно выбритъ, одѣтъ, отменно вѣжливъ и добръ. Пряди шелковистыхъ, съ замѣтной просѣдою, волосъ красиво отгѣняли его женственно-мѣлкій, высоко-вскинутый лобъ. Полныя, какъ у счастливаго ребенка, губы были осынены величавою, располагающею улыбкой.

— Ну, говори откровенно, — произнесъ онъ: — что за исторія у тебя вышла со вторымъ Зубовымъ?

Я изложилъ все подробно и безъ утайки. Лицо Потемкина, при моемъ разсказѣ, не разъ омрачалось и по немъ пробѣгали судороги.

— Желаніе твое будетъ исполнено, — сказалъ онъ, когда я вончилъ, — куда хочешь причислиться?

Я назвалъ передовой отрядъ графа Ивана Васильича Гудовича, гдѣ служилъ Ловцовъ.

— Завтра же можешь отправляться. И, если въ чемъ будетъ у тебя нужда, обращайся ко мнѣ.

Я поклонился. Идолъ мой, сердечный герой вновь туманилъ мою душу восторгомъ, а глаза слезами.

— Ты молодецъ, отъ судьбы не уйдешь,—продолжалъ князь:— занесла тебя доля, садись на нашу ладью... Греческій прожектъ, путь въ Константинополь... Вы, юноши, безъ сумнѣнія, плѣнены... Чай, и твое сердце не разъ замирало въ восхищеніи отъ такихъ чаяній?.. Дай, Боже, монархинѣ выполнить высокіе священные обѣты. Слава ея и вѣрныхъ ея слугъ—широковѣтвистое дерево; и подъ его сѣнію когда-нибудь отдаленные потомки съ благодарностью вспомнятъ о насъ. У корней того древа ползаютъ и шипятъ змѣи.. Но не змѣи ему опасны, а черви... По мелочи, тайкомъ, подъ землей точатъ они, *зубатые*, жадные... Съ виду тихіе, безстрастные, знаютъ наметку, а больше—какъ угодно-съ... Платокъ на куртагѣ въ-время поднятъ съ паркета,—и пошегъ въ гору... Мальчикъ писанный, сущій ребенокъ!.. а глядишь... Ну, да прощай, Господь съ тобой; кланяйся графу Ивану Васильичу..

Я поклонился и, высказавъ, какъ могъ, мою признательность, направился въ двери.

— Стой,—окликнулъ меня князь.

Я обернулся.

— Нужны тебѣ деньги?

— Пока не терплю лишеній.

— Не нужны? Чудаки ты, человекъ. И мнѣ впрочемъ ничего не нужно, вотъ онъ знаетъ!—указалъ князь на входящаго Попова, принимаясь грызть ногти, что, по молвѣ, было признакомъ сильнаго въ немъ душевнаго волненія.

Пріѣздъ мой въ отрядъ Гудовича, какъ и первое мое тамъ пребываніе, остались особенно памяты для меня. Свиданіе съ Ловцовымъ было самое радостное, тѣмъ болѣе, что ему и въ мысляхъ не грезилась наша встрѣча въ Турціи. Поповъ, облакавшій меня и почтившій впоследствии даже особымъ довѣріемъ, взялъ съ меня слово молчать о переданной имъ бесѣдѣ съ княземъ, что я, при жизни его свѣтлости, и побуждался свято выполнить. Но теперь, пробѣгая въ памяти цѣпь долгихъ лѣтъ, не могу, милый сынъ и мои будущіе потомки, не сказать вамъ о знаменательныхъ событіяхъ того времени, для чего, переправя, со временемъ, гдѣ нужно, и можете переписать сіи листы, для печатанія даже въ публику...

Мнѣ съ годами стало вполне ясно тогдашнее, многимъ не-

понятное настроеніе Потемкина. Его мечты о возстановленіи Византійской имперіи, о царствѣ Константина поколебались.

Вѣрный союзникъ и товарищъ Екатерины въ войнѣ съ турками, австрійскій императоръ, больной, угрожаемый сосѣдями и видя предательства и фермантаціи въ собственныхъ своихъ областяхъ, а паче всего обманутый въ надеждахъ на подданныхъ своихъ венгерцовъ, близился къ кончинѣ. Войска его были отозваны изъ Турціи. Онъ умеръ въ тотъ годъ весной. Его преемникъ, подъ вліяніемъ Голландіи, Пруссіи, особливо-жъ Англіи, безъ участія и вѣдома Екатерины, завелъ негоціи о мирѣ съ султаномъ. Недовѣріе Потемкина къ австрійцамъ оправдалось на дѣлѣ. Ему въ такихъ обстоятельствахъ приходилось думать ужъ не о завоеваніи Царьграда. Онъ съ горечью увидѣлъ, что турки начинаютъ негосировать не о своемъ спасеніи, а спорять объ утвержденіи за Россіей даже тѣхъ земель и правъ, которыми, въ силу прежнихъ завоеваній, мы обладали нѣсколько лѣтъ. Коснусь сего пункта подробнѣе.

Ослабленіе турокъ чуть было не обратилось въ нашу пользу. Великій визирь, не дождавшись исхода переговоровъ, неожиданно перешелъ Дунай у Рущука, противъ коего въ Журжѣ стояли австрійцы. Поелику у турокъ было восемьдесятъ тысячъ войска, австрійскій же полководецъ былъ вдвое слабѣе, то и запросилъ онъ насъ о помощи. Русскіе вострепнулись.

Отряду Суворова повелѣно было подкрѣпить австрійцевъ. Онъ бросился къ Журжѣ. Но съ Потемкинымъ вновь начались колебанія. Онъ то подвигалъ командированный отрядъ, то слалъ гонцовъ и вновь его останавливалъ. Десятаго іюля Суворовъ донесся до Киленъ и прождалъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся къ Гинешти и, къ изумленію всѣхъ, стоялъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Въ два дня съ пѣхотой прошелъ семьдесятъ верстъ до Низапени и снова тридцать дней бездѣйствовалъ. Наконецъ, ему присланъ ордеръ — сразиться. Въ три дня форсированнымъ маршемъ съ пѣхотой онъ прошелъ къ Бухаресту сто-двадцать-пять верстъ, увидѣлся съ австрійскимъ фельдмаршаломъ, условился обо всемъ, расположилъ мѣсто битвы. Новая викторія готовилась огласить давно молчавшіе берега Дуная... Но пришла вѣсть, что заключенъ миръ Австріи съ Турціей, а съ ней и приказъ о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій.

— «Для чего драться и терять людей за землю, которую ужъ рѣшено возвратить врагамъ?» — писалъ Потемкинъ къ Суворову, требуя его назадъ. Суворовъ повиновался. Расположась у Галаца, онъ совѣтовалъ главнокомандующему овладѣть, посредствомъ гребного флота, устьями Дуная, взять сильно-укрѣп-

ленный Измаилъ и, отрывъ доступъ въ Добруджу, двигаться далѣе безъ союзниковъ. Отвѣта на вызовъ не послѣдовало. Да и что было отвѣчать князю? Изъ Петербурга приходили дурныя вѣсти. Швеція передъ тѣмъ грозила самой столицѣ. Враги не дремали. Вліяніе Зубова росло съ каждымъ днемъ. Потемкинъ терзался ревностью къ власти, сомнѣніями, въ малодушной бѣзвѣзности, — съ каждымъ новымъ курьеромъ, узнать о своемъ паденіи. Предупреждая опалу, низверженіе съ высоты почестей и славы, онъ хотѣлъ все бросить и удалиться въ смоленскую губернію на покой.

Но повѣяло надеждой къ лучшему. Война съ Швеціей, безъ вѣдома стерегущей Англіи, кончилась въ августѣ миромъ въ Верелѣ. Дворъ ожилъ. Сорокъ линейныхъ кораблей, четырежды разбившихъ шведскій флотъ, ожидали приказа идти противъ Англіи. Даже въ угрозу Пруссіи готовъ былъ двадцатитысячный корпусъ вторгнуться въ Польшу. Къ Потемкину понеслись совѣты дѣйствовать смѣлѣй... Гудовичъ, съ флотиліей, гдѣ находился и я, въ половинѣ октября, взялъ, послѣ сильной атаки, крѣпость Кицію. Булгаковъ и Мансуровъ на Кубани разбили наголову и взяли въ плѣнъ, со всею свитой, лагеремъ и множествомъ пушекъ, турецкаго сараскира, Батталъ-пашу. Но главное, на что указывалъ Суворовъ, взятіе Измаила и дальнѣйшее шествіе за Дунай, оставалось безъ исполненія. Недовольство въ войскѣ было всеобщее.

— «Для чего-жъ мы не беремъ другихъ, болѣе сильныхъ крѣпостей, не идемъ на Царьградъ? — роптали въ арміи и на судахъ: — изъ-за чего томимся въ гирлахъ и по болотнымъ пустырямъ, болѣемъ и мремъ не въ битвахъ, а отъ молдавскихъ лихорадокъ? Долго ли намъ кормить своей кровью турецкихъ комаровъ и слушать не громъ орудій, а кваканье лягушекъ? Гдѣ наши соколы, Румянцевъ, Суворовъ? Отчего молчитъ Потемкинъ? Онъ обабился, или турки подсыпали ему дурману! — Стали кое-гдѣ толковать ужъ и объ измѣнѣ, о подкупѣ...

Все это зналъ Свѣтлѣйшій, и оставался въ упорномъ, мирномъ дефансѣ. Курьеры по прежнему пересылались отъ него въ государынѣ и обратно. Придворные трактанты стали благосклоннѣе? Но князь, повидимому, былъ погруженъ въ прежнее безучастіе ко всему, въ недѣятельность, а колыми паче въ лютую хандру. Кто-то прислалъ ему рѣдкое вѣевское изданіе «Книга хваленій, сирѣчь Псалтырь», и онъ погружился въ сличеніе его текста съ прежними тисненіями.

«Ясы — Капуя Свѣтлѣйшаго, — явились его столичные и наши лагерные дармоедцы-остраки: — опустился князь Григорій Але-

ксандрычъ, одряхлѣлъ не по лѣтамъ, нравственно угасть, въ напыщенности и сибаритствѣ своего двора. Видна птица по полету. Не бываетъ кукушкѣ соловомъ. И пора давно освѣжить, поднять духъ арміи инымъ вождемъ. Пѣсня Таврическаго спѣта...

Больше всѣхъ судачили и шипѣли о князѣ иностранные вождѣры и эмигранты, имъ обласканные и, въ надеждѣ легкихъ триумфовъ, кишмя-кишѣвшіе при главной квартирѣ. Въ ожиданіи отличекъ, снявъ мундиры и надѣвъ фраки, они исправно плясали на молдаванскихъ балахъ и редутахъ и безъ усталы чesали языки.

— Измаилъ, государи мои, не Килія и не Тульча, — отвѣчалъ Потемкинъ этимъ критиканамъ: — локальное положеніе вовсе иное. За его твердынями сорокъ-тысячъ отборнаго войска, припасовъ на годъ и самъ сераскиръ Аудузлу-паша. Хоть цѣпанье намъ и не противно, но упаси Богъ тратить людей; я не вожедиратель-людоѣдъ... тысячи лягутъ даромъ. Всѣ вы привыкли къ театральнымъ, легкимъ эффектамъ... Опера-буффа, въ ущербъ строгимъ, старымъ концертамъ, всѣхъ переверкала...

— Такъ что-жъ дѣлать? — кипятились заметные гости.

— А вотъ что. Война надѣла Турціи; авось и мы, какъ это ни прискорбно, кончимъ съ подобающимъ достоинствомъ — дипломатіей...

Ропотъ и гнѣвъ дешеваго политиканства на Свѣтлѣйшаго росли. Взоры и слухъ мерзились видѣннымъ и слышаннымъ на счетъ его. Всѣ ожидали его смѣны. Онъ, между тѣмъ, усердиемъ остервененное злорѣчіемъ сердце и броса псалтырь, за тѣмъ новое и небывалое по причудамъ празднество.

Не вдали отъ яснаго лагеря, Потемкинъ повелѣлъ, яко бы для генеральнаго «ревю» — соорудить въ полѣ подземную палату. Убралъ ее колоннами, бархатомъ, шелками и бронзой, а вокругъ поставилъ два поля съ барабанами, ружьями и батареей изъ ста пушекъ. И когда Свѣтлѣйшій, за «ужиною», вышелъ съ гостями изъ землянки и, поднявъ кубокъ вина, далъ знакъ, что пьеть въ честь гостей, барабанщики ударили тревогу, ружья подняли багальный огонь, а за ними и пушки огласили околность далеко-слышными, оглушительными залпами.

Такъ развлекалъ Потемкинъ умы легковѣрныхъ пересудчиковъ и не чаявшихъ, что, между тѣмъ, онъ готовилъ и чѣмъ соображалъ поучивствовать русскіимъ врагамъ.

Около того же времени я получилъ нерадостныя вѣсти отъ родителей. Ненасытный и алчный оберъ-прокуроръ перваго департамента сената, отецъ Зубова, пользуясь своимъ положеніемъ, занимался покушкою на барыши выгодныхъ тяжбныхъ дѣлъ.

Узнавъ, что сосѣднее съ его В** — ой вотчиной наше помѣстье описано къ продажѣ съ аукціона, онъ внесъ, куда слѣдуетъ, свои деньги и, противъ всякихъ правъ и законовъ, выкупилъ это имѣніе безъ публичныхъ торговъ. Гражданская палата, а за ней и намѣстническое правленіе выдали графу вводный листъ, а моимъ родителямъ предложили изъ помѣстья выѣхать въ кратчайшій срокъ. Отмстивъ за мою исторію съ его сыномъ сказывалась здѣсь ясно. Намъ грозило полное разореніе.

Я вспомнилъ обѣщаніе помощи Свѣтлѣйшаго и рѣшилъ при случаѣ просить отпуска въ Яссы. Въ войскѣ, между тѣмъ, пронеслась вѣсть, что турки, видя наше бездѣйствіе, сами составили новыя калькуляціи и замыслили перейти въ наступленіе на нашъ авангардъ, бывшій подъ командою Кутузова.

VII.

Было начало октября. Стояла теплая, сухая, только этимъ благословеннымъ краемъ свойственная, въ такую пору, погода.

Отрядъ генераль-маіора Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова охранялъ линію Днѣстра, отъ Бендеръ до Аккермана. Очаковъ ужъ прославилъ имя этого генерала. Здѣсь, два года назадъ, онъ былъ раненъ въ голову, причѣмъ пуля, войдя въ високъ, вылетѣла въ затылокъ.

Кутузовъ получилъ повелѣніе передвинуться къ югу. Разбивъ два турецкихъ передовыхъ табора, онъ направился къ гирламъ, близъ которыхъ и расположилъ свой отрядъ. Подъ его началомъ было нѣсколько гренадерскихъ и егерскихъ полковъ, двѣ тысячи донскихъ и запорожскихъ казаковъ и часть флотиліи, при коей состояли — я и Ловцовъ. Флотилія находилась подъ охраной казаковъ, занимавшихъ аванпостами холмистый берегъ, у молдаванской деревушки Петѣшти.

Этимъ движеніемъ Кутузова завершились впрочемъ наши тогдашнія дѣйствія. Турки, запершись въ Измаилѣ, молчали и насъ не тревожили. Опять настала однообразная скука, тщетныя ожиданія наступленій и общее невѣдѣнье и тишина.

Близилась осень, съ ея дождями, холодами, а тамъ и зима. Зная настроеніе главной квартиры, всѣ убѣдились, что кампанія этого года кончилась, и на досугъ толковали о томъ, гдѣ и какъ придется «оборѣаться» на вѣнтеръ-квартиры.

Нельзя сказать, чтобъ мы утопали въ роскошѣхъ; но мы и не жаловались на судьбу. Роптали одни господа замотайловы-десятка. Въ отрядъ, по мысли Свѣтлѣйшаго, подвезли нѣсколько

сотѣ югатайскихъ войлонныхъ палатокъ. Солдаты окопали ихъ канавками, обсыпали сѣнзу землей и обставили сѣяннѣ камышомъ, натасканнымъ изъ гишлоухъ заводей и озеръ. Жилось, по вторую, не ахти-какъ. Темные вечера коротались бесѣдами за чугуныи чайникомъ, пѣснями съ гитарой, пуншемъ, а иногда и картами въ маѣо. Болѣе играли въ казачиомъ корпусѣ Платова, имѣвшаго повсѣгда изрядный запасъ цимлянскаго. Съ возвышенности, на которой стоялъ лагерь пѣхоты, были видны прибрежныя, глинистыя холмы, поросшіе ивами и кустами, плавни и нѣсколько назвирьовъ Дуная.

Несмотря на строгія запрещенія, егера, что-ни-день, отъ скуки пробирались въ одиночку и по нѣсколькѣ человекъ къ запорожскимъ пикетамъ, къ рѣкѣ, ловя рыбу, собирая сушиниъ для костровъ, а иногда рѣшавъ и охотиться съ ружьемъ. Особенно соблазнялъ солдатъ невиданный, вечерній перелетъ тамошней дичи. Пробретъ егерѣ передъ вечеромъ изъ лагеря, станетъ въ гущинѣ камышей, у Дуная, и хлопаетъ изъ мушкета, слѣдя по свисту крыльевъ за птицами, летящими на воду съ просыпныхъ и кукурузныхъ полей. Смотришь, позднѣ въ сумерки и тащится къ рогному котлу, искусанный комарами и увѣшанный отъѣвшими на привольѣ утками и куликами.

Не однихъ солдатъ соблазнялъ этотъ перелетъ. Охотились и офицеры, въ томъ числѣ и Ловцовъ. На него нашелъ въ этомъ какой-то особенный стихъ. Я ему нѣсколько разъ и въ подробностяхъ передавалъ о моемъ приключеніи съ Папшой. Моя исповѣдь произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ то-и-дѣло вспоминалъ о моемъ разсказѣ и обращался ко мнѣ съ вопросами о дальнѣйшихъ моихъ намѣреніяхъ. «Я забылъ о нанесенной мнѣ обидѣ,—говорилъ я съ горечью:—и не хочу о томъ болѣе думать».—«Нѣтъ, не повѣрю,—отвѣчалъ онъ:—будешь думать».—«Почему?»—«Потому... ну, да что! увидишь,—она навѣрно пошла въ монастырь...»—«Изъ-за чего?»—«Вспомни мое слово: сердце чувствуетъ»...

Разсказы о родицѣ не покидали нашихъ бесѣдъ. Въ сходствіе того, бывало, сидимъ на палубѣ или подъ войлочнымъ шатромъ у казачковъ, вуримъ, поглядывая на рѣву и на тихое, звѣздное небо, и толкуемъ о корпусѣ, о Питерѣ и о близкихъ. Письма съ родины доходили рѣдко и каждое нами обсуждалось до мелочей. Въ одномъ изъ домашнихъ писемъ обмолвились, наконецъ, и объ Ажигиныхъ. Матушка получила вѣсти о нихъ отъ какой-то знакомой, жившей по сосѣдству съ Горками. Строго осудивъ вѣтренную Папшуту и даже дважды обозвавъ ее въ письмѣ ю мнѣ низкою, бездушною «поганкой» и «сквернавкой», ма-

тушка прибавляла, что персть Господень, очевидно, спасъ меня: отвергнутая измѣнница затихла, какъ вѣтромъ ее сдуло, нигуда не кажется, ходитъ въ черномъ и, по слухамъ, собирается на долгій отъѣздъ прочь отъ своихъ краевъ. «И ты, Саввушка,—прибавила мнѣ мать,—не даромъ у меня въ сорочкѣ рожденъ: избавился отъ такой ранней истомя, да засухи, и теперь воленъ, какъ вѣтеръ. Приѣзжай-ка, милъ-дружокъ, въ здоровьи и благополучи въ нашу Вехтѣвску,—авось ее еще отстоимъ! мы тебѣ вотъ какую принцессу приотыщемъ».

— А что, Савватій? не я говорилъ?—произнесъ, выслушавъ эти строки, Ловцовъ:—удалется, потрясена... чудное созданіе! Твоя родительница, извини, не права; и я въ жизнь ужъ теперь не повѣрю, чтобъ Ажигина тебѣ измѣнила.

— Какъ не повѣришь? а все, что случилось?

— Убей Богъ, душа говорить,—кипятился Ловцовъ:—не по комъ-инюмъ Ажигина и черное носить, какъ по тебѣ...

— А Зубовъ съ родичемъ?

— Не говори ты мнѣ о нихъ. Вѣрь, ее отуманили, обманули. Неопытная, пылая дѣвушка; мысли разыгрались, опять же эти книги,—ну, и замутилась. Она-ль одна сочла себя въ заточеньи, жертвой, и рвалась изъ-подъ крыла матери на бѣдовый ухарскій подвигъ? Такъ вотъ ее и вижу. Ты не подоспѣлъ изъ командировки, тебя нѣтъ,—а у ней ужъ весь планъ готовъ: замаскирована, гдѣ-жъ рыцарь? какъ бы матери сюрпризъ? а тебя нѣтъ...

— Хорошъ подвигъ,—осерчалъ я:—тебя слушаю, надо счесть виновникомъ себя.

— У нихъ, у дѣвочекъ, вѣдь это все иначе, — продолжалъ Ловцовъ:—ахъ, какъ же ты не понимаешь? Тамъ своя логика и свои тонкости... Да и всякъ юноша... Ну, хоть бы наши гардемарины, или юнкера... Вспомни, разбери, какъ гонялись за оперными и балетными дѣвками! Развѣ не одни шалости, не одна прыткая, безшабашная дурь? вѣдь тѣ же годы, та же кровь... Вспомни нашихъ и въ Аккерманѣ; поколотили жиды и готовы были на его жидовѣ жениться, ну, немедленно, въ минуту, въ секунду и тутъ же, среди разбитыхъ бутылокъ, недоѣденной мамалыги и оторопѣлыхъ молдаванъ... Не такъ развѣ было? не такъ?

Бѣдовый былъ этотъ Ловцовъ; общественный, добрѣйшій, милѣйшій товарищъ, но скорый и вспыльчивый, какъ порохъ. Отъ близорукости, онъ еще въ корпусѣ носилъ очки. И чуть возмется черезъ нихъ,—шея и уши въ красѣ, ничего не помнить: въ жерло пушки, въ огонь готовъ влетѣть.

Его рѣчи, пылая защита Пашуты и острая, томящая скука

бездѣйствія измучили меня. Я сталъ видѣть не иначе, какъ тяжелые, странные сны. Все манило меня къ дѣлу, къ подвѣтѣ подвига, который бы расшевелилъ и оживилъ общій застои. Одна мысль начинала меня занимать, и я предавался ей во всѣ свободные часы, для чего отлагалъ пока и поѣздку въ Яссы, съ цѣлью хлопотать о спасеніи имѣнія отца.

Дни между тѣмъ стояли тѣ же чудные, почти лѣтніе. Ни облачка, тихо и ясно, какъ въ май. Только предвѣстники осеннихъ невгодъ—бѣлые паутины—летѣли и медленно спускались по травѣ и камышамъ.

Разъ мы лежали съ Ловцовымъ у берега въ казацкомъ шалашѣ. Въ лагерь, за ближнимъ холмомъ, пробили вечернюю зорю; барабаны и трубы смыкли; затаили въ обозѣ кузнечные молоты, у котловъ пѣсни, звуки балалаекъ и торбановъ. Одинъ за другимъ потаскали по взгорью костры. Совсѣмъ стемнѣло. Ловцовъ съ утра былъ въ возбужденномъ, нервическомъ состояніи.

— На твоихъ мѣстѣ я бросилъ бы все,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ:—и уѣхалъ бы къ ней...

— Къ кому?

— Къ Ажигиной.

— Ты смѣшаешься надѣ мной?—произнесъ я, подъ настроеніемъ мысли, о которой не переставалъ думать.

Онъ вскочилъ, проворно сталъ надѣвать плащъ.

— Слушай,—произнесъ онъ:—если я шучу, пусть мнѣ не дожить до утра.

Тутъ онъ взялъ ружье, мѣшокъ съ зарядами и вышелъ изъ шалаша.

— Куда ты?—спросилъ я.

— Къ острову, въ секретъ. Казаки Михайлѣ Ларіоничу рыбы рѣшили положить.

— Ну, не стыдно-ли такъ по-пусту рисковать?—сказалъ я въ досадѣ:—почемъ знаешь, что турки не проникли и васъ не сперсуютъ?

— Пустое,—отвѣтилъ голосъ Ловцова ужъ за шалашомъ въ темнотѣ:—мѣста перемѣнились, и лазутчики доносятъ, что турковъ не видать на тридцать верстъ кругомъ. А въ твоей-то, къ перлу, къ дѣткѣ... ужъ какъ хочешь, братъ... ахъ, жизнь наша треплятая...

Конца рѣчи его я не расслышалъ; но его слова перевернули вверхъ дномъ мою сдержанность, замкнутость. Я догналъ его на берегу.

— Слушай,—сказалъ я:—вмѣсто того, чтобы тратить по-пу-

сту силы, напрасно подвергать гибели другихъ и себя, невыполнимъ дѣло, не дающее мнѣ спокойствія и сна.

— Какое? какое?..

— Подговоримъ запорожцевъ, — они достанутъ у изукрашенныхъ простые челны, переодѣнемся рыбаками и преберемся вверхъ по рѣкѣ.

— Завѣмъ? — спросилъ Левцовъ.

— За островомъ, противъ Изманлы, стигнувшись на земную стоянку весь турецкій гребной флотъ...

— Ну, ну?

— А дайте, что Богъ дастъ...

Левцовъ горячо пожатъ мнѣ руку. Я передалъ ему своей планъ въ подробностяхъ и въ слѣдующую ночь мы явились на условное свиданіе. Невдалека отъ берега насъ ожидали запорожцы. Я объяснилъ имъ, какъ приступить и выполнить дѣло. Они слушали молча, понура чубатая головы.

— Князь гетманъ оттого можетъ и сидѣть, какъ рѣдка въ огородѣ, — произнесъ одинъ изъ свѣчниковъ, когда я кончилъ, — что никто ему не снялъ на бумажку изманльскихъ шанцовъ... Мы уже пытались, да не выгорѣло... Авось, его превелѣбіе пощелкаетъ бровями и дастъ добрымъ людямъ размять отерпѣлыя руки и ноги въ бою съ некрестами.

— Готово? — спросилъ я.

— Готово.

Запорожцы сошли въ Дунай, вытащили изъ камышей зарытые припрятанныя лодки, всѣ — въ томъ числѣ и мы съ Левцовымъ — переодѣлись въ рубахи и шапки горловыхъ молдаванъ, спрятали въ голенища ножи, и уложили на дно сѣта, мушкетъ, и кое-какую провизію. Колебкократно мы вспоминаю то время, ясно и живыми образами является оно предо мной.

Ночь была тихая, мглстая. Даже съ вечера трудно было разглядѣть окрестные, подернутые туманомъ берега. Теперь, тогда же за отмелью, начиналась непроглядная тьма. Дунай, будто дыша, плескался о края отмели, лаяла быстрая, темная волна. То тамъ, то здѣсь зарождалось и вновь пропадали какіе-то страшные, отрывистые звуки. Парусъ мерещился. Будлая ворона, сорвавшись съ песчаного бугра, какъ нѣкое живое чудовище, плыла серединой рѣки. Плескъ рыбы, шелестъ ночныхъ птицъ — кидали невольно каждому въ холодъ и трепетъ. Запорожцы сѣли въ лодки, мы за ними, всѣ перекрестились и налегли на весла.

Не буду рассказывать въ подробностяхъ о нашемъ предпріятіи, хотя считаю за нужное передать о нѣкоторыхъ мелочахъ. Мы плыли всю ночь, день стояли гдѣ-то въ заливѣ, въ кустахъ,

и еще проплыли ночь. Огонь разводять не смѣли. И досталось же намъ отъ мошекъ и комаровъ; не помогали и сѣтки, намазанныя дегтемъ. Руки и лица наши вдулись, запылись кровью. Особенно жалко было видѣть Ловцова. Мы изъ предосторожности обрѣзали себѣ короче волосы, а онъ, близорукій, нестерпимый, не носилъ и очковъ. Мы старались не говорить ни о чемъ. Онъ же ничего не могъ разглядѣть и по минутно спрашивалъ, гдѣ мы и не видно ли турецкихъ разбѣдъ?

Въ одномъ мѣстѣ, во вторую ночь, послышался у берега шелестъ. Лодки въ темнотѣ плыли дефилею небольшихъ острововъ.

— Что это? — тихо вскрикнулъ Ловцовъ, хватаясь за мушкетъ.

— Брось, пане, рушницу, — сказалъ ему братъ куреннаго атамана, Чепига: — то не вѣроги.

— Кто-жъ это?

— А повѣдишь.

Справа ислѣй раздался мѣрный, тихій плескъ весель. Всѣ приталили дыханіе. Изъ колымавшейся, густой осоки, медленно выплыло что-то длинное, черное. Еще минута. Востроносый, ходкій челнъ съ размаху влетѣлъ между казацкихъ лодокъ.

— Здоровы были, братья по Христу, — проговорилъ голосъ съ челна.

— И вы, братья молодцы, будьте здоровы.

— Харьб? — спросилъ Чепига.

— Онъ самый.

По челну зашлепали кожаные, безъ подошвъ, чубаки. Здоровенный, плечистый некрасовецъ обрисовался у корма; съ нимъ рядомъ не то болгаринъ, не то грекъ.

— Проведешь? — спросилъ Чепига.

— Проведу, — отвѣтилъ, пресовывая бороду, некрасовецъ.

— Да, можетъ, опять какъ тогда?

— Ну, не напались бы, братцы, раки, была бы наша котерма. Не бовтесъ?

— Кошевой звелѣлъ, — гордо объяснилъ другой запорожецъ, Понамаренко-пушкарь: — а что вѣрно конемъ, того послушаться не можно.

Некрасовецъ помялся плечами, взглянулъ на своего спутника.

— А какъ поймать, да на колъ, либо кожу съ живого сдеруть? — спросилъ онъ.

— Ну, пой про то вашимъ бабамъ да дѣвкамъ, — презрительно вставилъ третій запорожецъ, Бурлай: — а коза на то она и есть, чтобъ ее, когда можно, сдирали... Да чорта лысаго сде-

руть. Ты же, братъ, коли договариваться, води; а не то, лучше и не срамись. Свѣдьмо?

Некрасовецъ условился, передалъ дукаты спутнику, тотъ сѣлъ въ весла, и челны потянулись далѣе по рѣкѣ. Товарищъ некрасовца говорилъ по-русски.

Въ воздухѣ похолодѣло; въ концѣ же ночи поднялся таинной туманъ, что лодку отъ лодки трудно было разглядѣть, и они держались кучей. Въ сырой, побурѣвшей мглѣ стали надвигаться то одинъ берегъ, то другой.

— Ну, братцы, видай теперь сѣти; да гребни лѣвѣй, — тихо окликнулъ вожакъ: — не наткнуться бы на ихъ суда. Тутъ впрямъ за косою и Иаманлъ.

Сѣти были брошены. Весла чуть шевелились. Вожакъ не ошибся...

Въ поблѣвшемъ туманѣ, какъ въ облакѣ, противъ передней лодки обрисовалась громада двухпалубнаго, съ пушками, корабля. Паруса убраны; у кормы ходитъ въ чалкѣ часовой. Не успѣли его миновать, возлѣ — другой, такой же, выше — чуть видный — третій. Съ послѣдняго кто-то громко и сердито крикнулъ.

— Что это? — спросилъ я некрасовца.

— Ругаются, прочь велеть ѣхать; палубами грозятся отдуть.

Лодки стали отгибать островъ противъ Иаманла. Близились густыя нвы, по тотъ бокъ пролива — лѣсистой, въ оврагахъ, холмъ. Поднимался свѣжій утренникъ. Туманъ залубился. Кое-гдѣ его полосы раздвинулись: изъ-подъ нихъ обозначились бѣлыя стѣны, башни, ломанныя линіи земляныхъ батарей, и въ двѣ шеренги передъ крѣпостью — весь парусный и гребной турецкій флотъ.

Сильно забились наши сердца, когда изъ-за острова ми считали суда, пушки на нихъ и на крѣпости. «Ну, ваше благородіе, — обратился ко мнѣ Чепига: — бери карандашъ да бумажку, наноси все на планчикъ». Я на спинѣ запорожца набросалъ въ записную книжку очеркъ крѣпости и сталъ перечислять суда. Оглянулся — нѣтъ лодки некрасовца, какъ въ воду канулъ. «Струсили, видно, собаки, — сказали сѣчевики: — да мы и безъ нихъ вернемся». Утро загоралось во всей красѣ: синій Дунай засверкалъ вертеломъ, крѣпость ожила; раздались голоса вдоль берега, засновали ялики, гдѣ-то послышался барабанъ, заиграли турецкія трубы.

— Что-жъ, ребята? — спросилъ я, понявъ исчезновеніе лодчана: — не отдаваться-жъ въ полонъ живымъ?

— Не отдаваться. Взяли, перевертни, деньги, да видно, чортовы головы, насъ и продали.

— Выводи лодки къ берегу, — сказалъ я, кончивъ набросокъ: — тамъ камышами, и въ лѣсъ.

— Въ гущину батёла лысаго найдутъ, — прибавилъ Чепига: — сперва вмѣстѣ, а заслышимъ погоню, въ разсыпную.

— Хлѣба осталось? — спросилъ я.

— Осталось.

— Ну, кого Богъ спасетъ, авось и до своихъ доберемся.

Встанувъ лодки къ заливу, мы съ ружьями бросились на берегъ. Почва шла болотомъ, потомъ въ гору, кустами. Сплошной безлѣсный лѣсъ сомкнулся вокругъ насъ. Сначала намъ мерещилась погоня. Мы ускоряли шаги, чуть переводили дыханіе. Но вскорѣ все стихло. Въ полдень мы отдохнули, закусили — воды только не добыли — и передъ вечеромъ подошли къ окраинѣ лѣса, окаймленнаго голыми, песчаными пустыремъ. Далѣе опять начинался сплошной лѣсъ. Чтобъ насъ не открыли, рѣшено было пройти этотъ пустырь ночью.

Чуть смерклось, мы раздѣлились. Одни безъ препонъ направились къ берегу, въ надеждѣ поискать лодокъ, другіе — прямо долиной. У всѣхъ была надежда, что по ручью, протекавшему въ долинѣ, должны оказаться болгарскіе поселки. «Если насъ не скроютъ, то хоть накормятъ, укажутъ путь», — толковали мы, пробираясь по мягкому, бѣлому песку. Учредивъ сей маршрутъ, мы шли долго. Начинаясь разсвѣтъ.

Вдругъ что-то прозвучало. Окрестность будто охнула. Мы замерли. То былъ выстрѣлъ, за нимъ раздался другой. «Это наши» — смутно пронеслось у каждого въ мысляхъ.

— Что-жъ, братцы, — сказалъ я: — ужли пропадать товарищамъ? Вѣрно ихъ открыли; надо попытаться имъ помочь.

— За мной! — крикнулъ Ловцовъ.

Мы взвели курки, направились къ берегу. Песокъ смѣнился трясиной. Ноги вязли въ болотной травѣ. И вотъ мы добѣжали. Сталъ видѣнъ берегъ. Вода забѣлѣла межъ кустовъ.

— Здѣсь, братцы, здѣсь! — заслышавъ голоса, не утерпѣлъ и крикнулъ Ловцовъ.

Подъ ивами что-то шелохнулось. Сверкнулъ огонь, грянулъ протяжный, ружейный выстрѣлъ. Мы сквозь дымъ бросились къ камышамъ. Тамъ, отталеваясь баграми, въ двухъ глубокяхъ, отчаливали отъ берега ушедшіе впередъ наши товарищи. Мы добрались къ нимъ, по-поясъ въ водѣ. Лодки поплыли изъ залива. Съ середины рѣки обозначился оставленный нами берегъ.

Подъ ивой, какъ теперь помню, стоялъ здоровенный, толстый турчинъ, въ красной курткѣ и съ обнаженной бритой головой. Онъ наводилъ мушкетъ на лодку и изрѣдка по насъ стрѣлялъ. Поодаль отъ него, нагнувшись къ землѣ, возился надъ чѣмъ-то другой турчинъ. Между ними, на пригорѣхъ, непо-

движно б'їгло що-то навзничь распластанное; ближе вь берегу еще двое безь движенія. Мы оглянулись другъ на друга, перекрестились.

Живъ ли остался Ловцовъ, или погибъ съ другими, непавшими подь выстрѣлы турокъ, о томъ мы узнали нескоро.

Скрывшись оть новой погони вь островѣ, мы поплыли, съ заходомъ солнца, далѣе, и черезъ сутки, измученные, еле-живые оть голода, дотащились вь нашиму аванпостамъ. Вѣсть о нашемъ поискѣ разнеслась по лагерю. Всѣ хвалили отвагу развѣдчиковъ и оплакивали погибшаго Ловцова. Кутузовъ призывалъ меня, слегка попенялъ и даже пригрозилъ арестомъ, но кончилъ тѣмъ, что черезъ два дня мнѣ же поручилъ препроводить вь Яссы запорожцевъ, бывшихъ на поискѣ, и лично передать Свѣтлѣйшему набросанный мною очеркъ Измаила и стоявшей тамъ флотиліи.

Никогда я не забуду ощущеній, съ которыми вновь подѣзжалъ изъ лагеря къ Яссамъ. Мысль о потерѣ Ловцова не давала мнѣ покоя, мучила меня. — «Я виноватъ вь его гибели, — говорилъ я себѣ: — зачѣмъ было его брать? Я зналъ его пылкость, несдержанность; притомъ же онъ близорукъ, — нарвался прямо на пулю... Боже, Боже! За что такіа испытанія?» Я отдалъ все, что имѣлъ, всѣ свои вещи, деньги, даже подаркомъ матери — часы, лишь бы узнали о немъ. Всѣ розыски были тщетны.

Передовая телѣга, везшая меня, чуть двигалась вь ночной тиши. Другія съ запорожцами поотстали. Небо ярко горѣло звѣздами. Вотъ Медвѣдица, золотой сноузъ Стожара. Я съ замираніемъ сердца вспоминалъ, какъ любовался этими-жъ звѣздами вь корпусѣ, съ Ловцовымъ. Сколько ожило вь памяти съ ними: экзамены, выпускъ, первые на службѣ шаги, Пашута и первая любовь. Живо представлялись мнѣ дни у бабушки, поѣздки вь усадьбу Горовъ, корпусныя письма, пріѣздъ Ольги Аркадьевны, столкновение вь театрѣ и рассказъ попадьи. Боже! зачѣмъ не состоялся поединокъ? И зачѣмъ здѣсь, вь Турціи, погибъ онъ, неповинный ни вь чемъ, а я живъ, не убитъ? Она бы узнала, оцѣнила бы меня... Вотъ преданность, вотъ любовь! — прошептала бы она, прочтя мое имя вь реляціи: онъ не вынесъ, ушелъ на поприще славы и палъ героемъ... Ужли-жъ и вь конецъ отъвернулась отъ насъ слава? Ужли никуда мы не двинемся, не предпримемъ ничего, и правы запорожцы, что Свѣтлѣйшій, какъ рѣдька вь огородѣ, засѣлъ по шую вь сомѣніяхъ и вѣчныхъ колебаніяхъ? Нѣтъ, я везу ему точный снимокъ Измаила и флота.

Пригодились корпусные уроки фортификаціи. Онъ взглянуть и, нѣтъ сомнѣнія, объявить походъ.

VIII.

Я присутствовалъ при аудіенціи князя Григорія Александровича запорожцамъ.

Потемкинъ вышелъ къ нимъ съ гордой осанкой, въ борзатомъ гетманскомъ кафтанѣ, въ лентахъ и орденахъ. Войсковой судья черноморской казачьей команды, охранявшей квартиру главнокомандующаго, умный, смѣливый и «писмѣнный» Антонъ Головатый, былъ назначенъ Поповымъ представить князю прибывшихъ удалцовъ. Тѣ, какъ были на-скоро отправлены изъ лагеря въ дорогу, стояли отреченные, въ порванныхъ рубахахъ и свитахъ, лные даже босикомъ. Свѣтлѣйшій принималъ ихъ за нищихъ.

— А гдѣ-жъ твои храбрые молодцы?—спросилъ онъ, оглянувшись на Головатаго.

— Да это-жъ, ваше превелѣбіе, они и есть,—отвѣтилъ съ поклономъ войсковой судья.

— Неужели начальство поскупилось получить снабдить ихъ въ дорогу?

— А что нужно, батюко ты нашъ, хоть бы казаку?—отвѣтили запорожцы:—роспытались мы у коша, кошевой сказалъ: идите съ добрымъ человекомъ; ну, мы и пошли, а ихъ благородіе и списали планчикъ.

Потемкинъ взглянулъ на меня. Я ему подалъ рисунокъ. Онъ очевидно меня не призналъ, — такъ я загорѣлъ и огрубѣлъ за это время.

— Теперь, княже, нѣтъ ужъ опаски,—сказалъ Чепига:—турчинова фортеція какъ на ладони. Зваліте, ваше высокопревелѣбіе, и побей, Боже, насъ и нашихъ дѣтей, коли не заберемъ намаильскаго пашу, со всѣми его панченатами.

Потемкинъ вскользь поглядѣлъ на рисунокъ, опустилъ его въ карманъ и, покачавъ головой на щеголей-штабныхъ, стоявшихъ здѣсь же въ сторонѣ, — «не вамъ, дескать, чета» — объявилъ производство нѣкоторыхъ изъ запорожцевъ, въ томъ числѣ и Чепигу, офицерами. Всей партіи казаковъ, бывшихъ въ поискѣ, князь повелѣлъ выдать новое, полное, по ихъ обычаямъ, платье и по сту червонцевъ. Деньги и платье запорожцы, впрочемъ, къ слову сказать, пропили меньше чѣмъ въ трое сутокъ и не выходя изъ Яссы, и отретировались обратно, какъ пріѣхали, въ лохмотьяхъ. Радостямъ ихъ не было конца. «Походъ, походъ!»

толковали они, распѣвая свои заунывные, боевыя пѣсни. Вышло однако иначе.

Мнѣ, какъ главѣ развѣдчиковъ, Свѣтлѣйшій назначилъ особый приемъ.

— Думаешь, буду хвалить?—спросилъ онъ, вынувъ изъ баула и вновь разсматривая привезенный мною рисунокъ:—отличились вы, флотскіе, одинъ даже чуть ли не погибъ. Но ни къ чему, братецъ, все это, ни къ чему,—прибавилъ, нахмурясь, Потемкинъ:—не въ томъ дѣло...

Я ошѣмѣлъ отъ этой неожиданности.

— Согласись,—продолжалъ онъ,—ты свѣжій человѣкъ, и въ Гатчинѣ проходилъ достойную, почетную школу. Я говорилъ всѣмъ, доказывалъ. Мы заморимъ турокъ осадою, заставимъ сдаться, возьмемъ, далѣе, рядъ другихъ крѣпостей; а намъ... охъ, что, сударь, и говорить!—объявять вдругъ—баста, ни на пядень!—и пропадутъ задаромъ всѣ труды, вся кровь, вся честь...

— Кто же скажетъ, ваша свѣтлость?—осмѣлился я спросить.

— Есть такіе,—произнесъ онъ загадочно.

Порывшись въ бумагахъ, Потемкинъ отложилъ одну изъ нихъ и прикрылъ ее бронзовой накладкой.

— О отважный подвигъ твой и этихъ смѣльчаковъ,—продолжалъ князь:—изобличаетъ въ васъ достойныхъ всякой похвалы слугъ. Я тебя давече не призналъ. По твоему отличію и качеству, о тебѣ ужъ репортовано выше. Но это все, братецъ, ни къ чему. Вы рветесь, ты особенно; это понятно и дѣлаетъ тебѣ честь. Я тебя не забылъ; намятку твой вызовъ, принять и выполнить такую комиссію, въ коей бы видна была твоя персональная послуга. Готовъ ли ты, Вехтѣвъ, сдержать слово? Нынѣ найдется дѣло и для тебя...

— Приказывайте, располагайте жизнью моею, мною!—воскликнулъ я въ радости.

Князь позвонилъ. Вошелъ Поповъ.

— Гдѣ Бауэръ?—спросилъ Потемкинъ.

Секретарь удивился вопросу.

— Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ нынче Бауэръ?—нетерпѣливо застучалъ князь по столу пальцами.

— Проѣхалъ Буда-Пештъ, можетъ и Вѣну.

— Французскій языкъ знаешь?—обратился ко мнѣ Григорій Александровичъ.

— Съ-измальства, въ домѣ родительскомъ, и опять же въ корпусѣ обученъ.

— А ну, прочитай, вотъ, Вехтѣвъ,—сказалъ онъ, протянувъ мнѣ книгу...—Не дурно; расскажи теперь, попробуй, прочтен-

ное своими словами... Слышишь, Василий Степанычъ, видно на Жювондъ зубы пробѣлъ, какъ и мы съ тобой... Пѣвуна, всякого метрѣтра, за поясъ заткнеть. Ну, изготуежь же, по этой матеріи, бумаги и все, что нужно. Въ командировку, сударь, нынче-жъ въ ночь выѣдешь.

— Куда, ваша свѣтлость? — спросилъ Поповъ, вглядываясь въ поданный ему, мелко-исписанный каракулями Свѣтлѣйшаго, листокъ.

— Ахъ, батюшки, куда! извѣстно, въ догонку Бауэра, въ Парижъ... Наговорили болтуны, — почти безъ каблукъ... А оказывается чуть не въ полтора вершка. Прасковья Андреевна, сударь, вычитала въ «Вольномъ Корреспондентѣ» — обратился ко мнѣ Потемкинъ: — что при платьѣ а-ля-бѣль-пуль дамы нынче опять носить и башмаки съ высокими, выгнбными каблуками. Каблуки, именно каблуки; безъ нихъ ни шагу... Такъ готовься, братецъ, поѣдешь въ подмогу Бауэру. Умъ хорошо, два лучше. Хлопочите... помогите угодить фрѣрушкеной супругѣ...

Поповъ сдѣлалъ мнѣ знакъ уходить. Князь меня остановилъ.

— Передъ отправкой зайдѣ сюда, — сказалъ онъ, — получишь еще лично отъ меня цидулку въ королевскому башмачнику, — какъ бишь его?... Они разрушили Бастилю, грозятъ самому трону, религіи, а деспотъ — мода — не даетъ имъ покоя, властвуетъ ими, какъ дѣтьми... Всѣмъ русскимъ мотамъ велѣно выѣхать изъ Парижа; Бауэру и тебѣ — исключеніе. Ты рвался изъ усердія бить турокъ; поусердствуй пока иначе, — баринъ постарайся угодить. А что выгоды въ жизни — это, братъ, еще бабушка на-двое сказала. Послѣ самъ увидишь и поймешь...

Удивило меня, а потомъ и разобидѣло это рѣшеніе. «Какъ? офицеру покупать башмачи для какой-то Прасковьи Андреевны? Супруга фрѣрушки! да мнѣ-то какое дѣло? Выкидывать штучи Свѣтлѣйшій, и къ нимъ ужъ привыкли, — но такого, да еще съ носившимъ мундиръ гатчинскихъ батальоновъ, — я не ожидалъ».

Повѣся носъ, въ досадѣ на всѣхъ и все, я возвратился въ «кафѣ», гдѣ занялъ комнату. Офицеры бросились меня поздравлять.

— Отмѣнный, завидный случай, вѣрная тропа къ отличіямъ.

— Да въ чемъ же дѣло? — спрашивалъ я.

— Какъ въ чемъ? неужто не знаешь? Во всемъ городѣ и въ лагерѣ только и говору, что о новой причудѣ Таврическаго. И кому-жъ выпало на долю ее совершить? Ближнему, любимому адъютанту князя, Бауэру, и тебѣ, Вехтѣевъ... Оба какъ-бы въ

одинъ рангъ поставлены... Такимъ порученія не забываются. Любимый предметъ, властительница сердца, жена дериуроднаго, брата Свѣтлѣйшаго... Радуйся, да скорѣе отъѣзжай; а те какъ бы еще князь не раздумалъ. Съ нимъ это бываетъ.

Получилъ я отъ скупяги-Попова подорожную на фельдъегерскихъ, прогоны и щедрое пособіе на подъемъ, а въ прощальной аудіенціи отъ князя нѣсколько частныхъ писемъ, и въ томъ числѣ небольшой пакетъ, съ надписью: «Распечатать черезъ недѣлю, по прибытіи на мѣсто».

На другой день я отправился въ столицу Франціи. Завистники штабные провожали меня вѣжливо и искаательно; но я видѣлъ ихъ двумысленныя улыбки и слышалъ ихъ шопотъ: «фельдъегерь по башмачной части; не вывели батальоны, выведутъ штабные каблучки».

Въ Парижѣ, съ появленіемъ странныхъ комиссіонеровъ, поднялась буря толковъ и всякихъ пересудъ. Я засталъ Бауэра внѣ себя отъ бѣготни по магазинамъ, въ возѣ съ башмачниками и поставщиками модныхъ вещей. Онъ выбивался изъ силъ, хлопоталъ лично и черезъ подходящихъ агентовъ въ принсканіи, по привезенной мѣркѣ, башмаковъ, съ отдѣлкой изъ перьевъ, или а-ля-бѣль-пуль. «Des souliers pour madame la princesse Potemkine!» — тараторили на всѣ лады словоохотливые французы. Вѣсти о новоприбывшихъ мурьерахъ главнокомандующаго дунайской арміи понесли всюду, вырвали въ чудовищные размѣры.

Отчаяннымъ и вѣтренымъ парижанамъ такая фанфара была на руку. Столица первого въ Европѣ народа была польщена прихотью могучаго русскаго вельможи. И тамъ, гдѣ уже второй годъ царилъ якобинцы, гдѣ во имя правъ человѣка были уничтожены церкви, монастыри и всякія внѣшнія отличія, гдѣ духовенство присягнуло народу и закону, гдѣ выходили газеты Лустало «Революціи Парижа» и Марата «Другъ народа» и толпа валила смотрѣть на празднество федераціи на Марсовомъ полѣ и на политическую трагедію Жозефа Шенье «Карлъ Де-вятый» — тамъ всѣ заговорили о русскомъ фельдмаршалѣ, удостоившемъ командировать своего адъютанта въ столицу великаго народа, за покупкой изобрѣтенныхъ этимъ народомъ башмаковъ. Уличные крикуны, съ портретами Мирабо, Баля и Лафайета, вынесли на продажу изображенія Потемкина. Газеты приводили десятки анекдотовъ изъ его жизни, увѣряя, что князь въ Яссахъ посаженъ своей возлюбленной на хлѣбъ и на воду, и что она его не выпуститъ, пока фельдмаршалъ не добудетъ ей желаемой обновки. Въ онахъ книжныхъ магазинахъ явился печатный, съ каррикатурами, памфлетъ, гдѣ былъ изображенъ султанъ, по-

дающій на всѣхъ фаворитѣхъ князя собственную обувь. Нѣкій же догадливый содержатель театра и музыкальный композиторъ написалъ даже по сему случаю преострый, съ куплетами, водевилъ, водѣ именовъ: «Бѣдствіи Сѣвернаго Рыцаря», на представленіи котораго публика повадилась, какъ на нѣкое дѣло. Мы сами съ Бауэромъ многократно были на томъ представленіи и хотѣли съ души надѣ пьесой, гдѣ остроумно изображали насъ самихъ.

А въ то время, какъ парижане занимались водевилемъ и всею этою исторіею новаго чудачества Свѣтлѣйшаго, контора русскаго банкира Сатерланда считала передъ нѣмой, еще недавно-высокопочтенной и титулованной красавицею, обитательницей Сенжарменскаго форштата, по векселю князя, шестъдесять-тысячь ливровъ золотомъ.

Дѣло въ томъ, что припелъ указанный срокъ. Я распечаталъ особо мнѣ врученный пакетъ, нашелъ вексель и краткую инструкцію относительно банкира и оной дамы. Обсудивъ съ Бауэромъ, какъ исполнить указанное, мы раздѣлили роли. Онъ тайно доставилъ запечатанное письмо князя дамѣ, а — вексель и ордеръ Свѣтлѣйшаго банкиру.

Впослѣдствіи объяснилось, что названной красавицѣ было предложено ловкой рукой выбрать изъ бюро страстно влюбленнаго въ нее, вновь назначеннаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Делессара, нужные для князя дипломатическія тайныя бумаги. Золотой ключъ отперъ дверь въ податливости корыстливой сальфиды и передалъ ей крылья бабочки и благопотребную рѣшимость льва. Она слетала, куда слѣдуетъ, изловчилась и возложенную на нее порученность спроворила отнѣсно успѣшно. Копія съ нужныхъ бумагъ намъ были переданы, въ перемѣтъ вновь вышедшаго кодекса «Правъ человека» — а подлинники бумагъ положены на прежнее мѣсто.

Тутъ я съ Бауэромъ простился. Онъ остался улаживать въ картонны и сундуки вороха бархатныхъ, шелковыхъ, сафьянныхъ и всякихъ башмаковъ, и расплачиваться съ лавочниками и мастерами. Я же навѣстилъ двухъ первыхъ въ Парижѣ медиковъ, какъ-бы для совѣта о больныхъ глазахъ, бережно упаковалъ въ сумку книгу «Правъ человека», и пустилъ слухъ, что ѣду для консультаціи съ врачами, еще въ Италію. Черезъ Миланъ и Триестъ, я прибылъ въ Вѣну, дождался тамъ Бауэра и, одновременно съ нимъ и съ его модною поклажей, явился обратно въ Яссы, въ концѣ ноября.

Содержаніе доставленныхъ документовъ оставалось долгое время для всѣхъ тайной. По смерти же князя, при разборѣ его бумагъ

Поповымъ и Бауеромъ, оказалось, что то была война съ секретнаго отказа французскаго кабинета первому министру англійскаго короля Георга Третьяго. Напереворъ стоявшей за насъ оппозиціи бессмертнаго Фокса и его друзей, Портланда и Девоншира, коварный и скрытный Питтъ предлагалъ, для возбужденія англійской нижней палаты и въ видахъ отмщенія французскихъ умовъ отъ возмущавшей парижской неурядицы, заключить оборонительный и наступательный договоръ Англіи съ Франціей, съ цѣлію принудить русскихъ къ остановкѣ войны противъ Турціи. Франція отказала. Прочія державы, подъ влияніемъ Англіи, были до того въ великой фермантаціи; намъ грозили войной съ Пруссіей, даже Австрія клонилась нашъ кабинетъ къ принятію негодій мира съ Турціей—одна отдаленная Гинипанія была спокойна... И вдругъ руки наши развязались...

Получивъ такое свѣдѣніе, Потемкинъ увидѣлъ, что дѣло Восточной Системы спасено.

— Василій Степановичъ,—крикнулъ онъ Попову, пробѣжавъ поданныя ему бумаги:—балъ на завтра, танцы и базаръ, съ фейерверкомъ... Молодцы, господа!—обратился онъ къ Бауеру и ко мнѣ:—Прасковья Андревна сама отъѣхала ваше усердіе и поблагодарить.

Бауера онъ влихнулъ въ кабинетъ, а, подойдя ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ и зашѣлъ по церковному: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко!» Онъ хотѣлъ нацѣпить мнѣ въ петлицу орденъ; я его остановилъ.

— Иной награды, воли стою,—осмѣлился я прервать.

— Какой?—всего проси: заслужишь.

Я передалъ о захватѣ отцомъ Зубовыхъ имѣнія моихъ родителей.

— И грабителей проучимъ, и отъ креста не уйдешь,—сказалъ Свѣтлѣйшій:—возвращайся къ арміи и рендеву отъ меня Михайлѣ Ларивичу; мысли ваши на-дняхъ будутъ утѣшены...

IX.

Едва я возвратился къ колоннѣ Кутузова, гдѣ меня тѣмъ временемъ причислили къ егерскому полку, пришла вѣсть, что нашей гробной флотиліи, взявшей Тульчу и Исаичу, удалось прервать сообщеніе Имамъ-паши съ занятыми нами, правымъ берегомъ Дуная. Множество запорожскихъ чаекъ и заготовленныхъ въ Севастополѣ шкунъ, душальшлюпокъ, полѣаръ, ботовъ и галеръ вошли гирлами въ рѣку, подтанулись къ занятымъ нами крѣпостцамъ. Поль-

заявъ этимъ, Свѣтлѣйшій предписалъ командиру корпуса, Гудовичу, занять десантомъ островъ противъ Измаила, устроить тамъ въ тайности кегель-батарею и, начавъ обстрѣливаніе самой фортеціи, подойти къ ней съ суши и отъ рѣки, и попытаться взять ее осадой. Стало извѣстно, что въ Стамбулѣ опять усилилась партія войны; муфти, стоявшій съ матерью султана и сералемъ за миръ, былъ смѣненъ. Порта напрягала послѣдніе ресурсы, съ цѣлю выбить насъ изъ занятыхъ ею владѣній.

Обложеніе Измаила началось, по этому плану, 21-го ноября. Войско вздохнуло отрадно.

Но гдѣ было изнуренному непогодой, болѣзнями, бездорожьемъ и всякими лишеніями, двадцати-восьми-тысячному отряду, половину коего составляли казаки, мѣряться съ грозной фортеціей, снабженной въ обиліи свѣстными, огнестрѣльными и прочими припасами, въ которой за неприступными, земляными и каменными твердынями, сидѣлъ съ сорока-тысячнымъ, отборнымъ и свѣжимъ войскомъ, самъ сераскиръ Мегметъ-Аудузу-паша? Первый пылъ арміи, обрадованной приступомъ къ дѣйствіямъ, прошелъ. Начались сомнѣнія, колебанія. Последнее-жъ время года, непрестанные проливные дожди, холодъ, грязь и болѣзни въ войскѣ еще болѣе усилили общій упадокъ духа. Черезъ недѣлю по началу осады, Гудовичъ созвалъ военный совѣтъ, для обсужденія вопроса: продолжать ли предпріятіе, или ретироваться на зимнѣй-квартиры? Генералы, послѣ недолгихъ колебаній, рѣшили — отступить.

Мы двинулись по убійственнымъ дорогамъ, затопленнымъ дождями и фаззетыми нашими же обзовами, въ обходъ болотъ, у озеръ Бугурлея и Ялтуха. Предписано было идти къ Рени и Галацу, гдѣ, вопреки общему мнѣнію и къ удивленію всѣхъ, сидѣлъ въ то время, какъ-бы нарочно забытый и всѣмъ оставленный, любимецъ арміи и всего русскаго народа, безсмертный Суворовъ...

Былъ сквернѣйшій, холодный и сырой вечеръ второго декабря 1790 года.

Колонна Кутузова, гдѣ мнѣ дали въ команду роту фузилеровъ, шла цѣлыя сутки, но сдѣлала, по лѣсистымъ топямъ и оврагамъ, не болѣе пятнадцати-двадцати верстъ, каждый часъ, каждый мигъ ожидая, что вотъ растворятся ворота Измаила и въ нашемъ тылу раздадутся грозные крики преслѣдующихъ турокъ. Авангарду скомандовали привалъ. Кое-какъ установили обозъ и разложили по мокрому песку костры.

Налетавшій мелкій, какъ сѣвозъ сито, дождь то и дѣло тушилъ еле-тлѣвшій бурьянъ, сучья и кукурузные стебли. Обмокшіе,

прозябшіе солдаты толпились у ротных котловъ. Офицерство забралось къ чайникамъ, въ насоро разбитыя палатки. Сумерки сгустились. Я не могъ обогрѣть у слабого огня продрогнувшихъ, окоченѣлыхъ членовъ, и сталъ, разминаясь, прохаживаться между палатками.

Влѣво отъ авангарда видѣлась темная полоса озера; вправо—рядъ пустынныхъ бугровъ, востгдѣ поросшихъ мелкимъ кустарникомъ. Ноги сволѣзли въ жиловъ, расплзавшейся во всѣ стороны грязь. То здѣсь, то тамъ въ сумеркахъ, подъ шуршаніе и назойливый пискъ зарядившаго на всю ночь дождя, слышались говоръ солдатъ.

— То-же старыми зовутся, круподѣры, — толковалъ кто-то нодъ намыоченной фуры недовольнымъ, старымъ басомъ:—двадцать лѣтъ въ полевой, да въ гваризонѣ шесть, и опять взяли, — служу. А какова новѣ муниципія? Одинъ шонполь на двухъ... Были каски: зимой—холодно, въ дождь—въ загривокъ, какъ изъ трубъ...

— За то новѣ кивера, — перебилъ говорившаго молодой, веселый голосъ:—ахъ, братцы, ну, чисто оцѣпаннныи вѣчетъ; спередѣ—хохолъ, сзади—мопастъ; въ зимушку оцѣтъ будешь безъ щей и ушей.

— Нѣтъ, ты, дядя, уважь — когда жалованье? — спросилъ третій голосъ изъ-за палатки, своснившейся надъ лужей:—двѣ трети его и въ глаза не видѣли. Отъ кукурузы, да отъ тремлѣтого напущенія живота подвало. Оѣна конямъ не даютъ; можно, молъ, и на подножномъ... А подножный что? нынче грязюка, заѣфа слѣтъ.

— Хорошо то-же хотъ бы самъ-отъ, — продолжалъ первый претикать, очевидно о Гудовичѣ:—подъ Килией ни разу его, какъ есть, и не видѣли на брешь-батареѣ; все изъ резерва, даже въ туманѣ, въ подворную трубку глазѣлъ.

— Да! ты вотъ лобъ подставляй, — отозвался кто-то, прохаживавшійся, отъ коновязи:—а они и къ параду въ обѣдни не выходятъ. То-ли, братцы, Лиссандра Васильчъ...

— Суворовъ?

— Ну, да... Это—хотъ бы въ очаковску зиму. Стоимъ мы, братцы... ахъ, въ жить, то-есть!.. ну, какъ есть...

Дождь будто пересталъ. Я набилъ трубку у костра, закурилъ; слышу, толкуеть въ сторонѣ кучка отставшихъ артиллеристовъ.

— Хучъ бы тебѣ выгода какая, ли лагерь взяли, — провианъ, ли городъ—серебра, золота. Портни въ дыряхъ, сапожашковъ и званія нѣтъ.

— За то, Есѣичъ, у Свѣтлѣйшаго, видѣлъ ли, двѣсти гра-

нодировъ холонами; выросъ дубиной, хорошо педалъ тарелку за фрештыкомъ, ну, онъ-те сичась и въ офицеры.

— Для виду только?

— Какой для виду! Портного за кафтанъ—въ подпрапорные, молдаванчина-серебряника—въ корнеты, булочника пожаловать въ подпоручики. Лошадей у него болѣе двухъ сотъ, и всѣ, братцы, кормятся на счетъ кирасирскаго и драгунскаго полковъ. А подрачники грабятъ! вотъ антихристы... Зашелъ это я къ Сементъ-Митричу, разуть, совсѣмъ ознобилъ щиколки; послѣдняя подошва въ лужѣ у моста осталась. А онъ жретъ мамалыгу, смѣется: ты, говоритъ, въ припрыжку...

— Ахъ, жизнь! ахъ, горе! И гѣтъ на нихъ, людоедовъ, суда-расправы.

— Австрийскъ, сканьваютъ, своихъ вѣшалъ. Вотъ бы нашимъ-то...

— Держи карманъ, на нашихъ толстошесъ видно веревка еще не сплетена...

Духъ тогдашняго армейскаго критиканства мнѣ быть не въ новостъ. Но то, что привелось услышать въ дни нашей ретирады, смутило меня сверхъ мѣры. Я возвратился въ палатку, прилежъ на влажныхъ снопахъ, гдѣ ужъ расположились трое другихъ офицеровъ, и завернулся въ шинель.

Лагерь смолкалъ. Пригоровъ, на которомъ стояла наша палатка, былъ въ передней линіи авангарда. Внизу видѣлись лужи узкаго проселка, вѣднаго къ мосту, черезъ ближній ручей. Съ вечера долго слышались съ той стороны крики погонщиковъ-молдаванъ, тащившихъ на волахъ, черезъ дырявые мостовые горбыли, оставшія пушки какой-то баттарен.

Изъ-подъ обвисшей, намокшей парусины было видно, какъ надъ овражной долиной бѣжали низкія, бурныя, ключеватыя облака.

— Господи! хоть бы ужъ замиреніе,—сказалъ въ отвѣтъ высокому, широкоплечему майору Неклюдову, лежавшій воелъ меня, больной лихорадкой, молодой, вѣчно-жалующійся и разочарованный въ ожиданіяхъ, прапорщикъ Гуськовъ:—въ два мѣсяца хотѣли Константинополь взять! по недѣлямъ рубахи не мѣняешь, отъ каршетовъ осталась какая-то корпія; навинулъ барабанщикъ изъ стараго кивера подметку,—а она, анаема, какъ ожунь, опять ѣсть проситъ, эту хлѣбъ такъ и врассыиваетъ...

— Ну, миленькій, все простишь, какъ у тебя это убѣжденіе, что тебя не тронетъ ни штыкъ, ни пуля,—возразилъ ему, весело вскидываясь изъ-подъ шинели и садясь въ потьмахъ палатки, Неклюдовъ:—миѣ, господа, дыгана въ Яссахъ гадала, что я кончу походъ не токма живъ, даже не раненъ.

— Изобрѣненіе раны, какъ разъ!—сердце застала, промѣнясь больной Гуськовъ:—у нихъ штуцера Цѣльнера и Гамерле, писто-
леты Лазаря Лазарѣичи. Съ нашими только оспаривались. Вѣтъ и
Ломцовъ былъ увѣренъ....

— Да вѣдь онъ живъ?

— Хороша жизнь въ Измаилѣ, въ плѣну... Вотъ-то еще
храбрый Россъ надумаетъ, и придетъ его забавить...

Долго я слушалъ, притворяясь, что заснулъ. У самого все
было промочено до костей. Стыдъ за себя и за другихъ тѣснилъ
мысли. Боже, хоть бы изъ-за угла пальная капля пнула! Круп-
ныя капли изрѣдка мѣрно падали, сквозь дыры парусины, то
на руки, то на лицо. Сонъ сталъ одолевать, но я пробуждался,
взглядывалъ въ щель двери, прислушивался къ звукамъ ночи.
Что-то шлопало по грязи, вѣтеръ шаталъ палатку, шелестилъ
травами и камышомъ. Чавкали фурштатскія клечи; жалобно за-
ывала гдѣ-то полковая собачка. Вираво, на чуть видномъ при-
горѣ, свѣтился фонарь у ставки Кутузова.

Вдругъ я вспомнилъ. За шую побѣждала наводнившаяся надъ
заплатанной парусиной холодная, дождевая вода. Въ то же
время, вѣвѣ отъ моста, слышалось топанье конскихъ копытъ.
— «Что бы это было? — подумалъ я:—откуда явятся конницы?
ужъ не янычары-ли пробрались въ обходъ?»

Нагнувъ на-скоро шинель, я вышелъ изъ палатки. Дождь
пересталъ. Къ пригору, брызгая по лужамъ, пробирались гусь-
комъ всадники. Въ начинавшемся блѣдномъ разсвѣтѣ я разгля-
дѣлъ казачьи шапки и пики.

— Чья волонна?—спросилъ, завидѣвъ меня, передній, оста-
навливая у взгорья поджарого, тяжело дышавшаго вылыми реб-
рами, горбоносого кабардинца.

— Шестая, Кутузова, — отвѣтилъ я, видя, что часовой у
въѣзда въ лагерь вытянулся передъ всадникомъ во фронтъ.

— Какія части?—продолжалъ тотъ.

— Три батальона егерей, два гренадеровъ и сотня бутскихъ
стрѣлковъ. За ними почуетъ отрядъ Самойлова и часть артилле-
рин Мекноба...

Говеря это, я приблизился и разглядѣлъ всадника. То былъ
худой, подвижной, съ маленькимъ личикомъ старикъ; длинные
сѣдые локоны выбивались изъ-подъ его намошного треугола. Оф-
рая, подпоясанная ремнемъ, старенькая шинель была черная отъ
дождя. Комки жидкой грязи обилили высокіе сапоги, обвислыя
фалды и руку, въ которой была нагайка.

— Офицеръ?—крикливымъ, добрымъ голосомъ спросилъ ста-
рикъ, склонивъ ко мнѣ обштрѣнное и чуть видное отъ брызгъ

грязи лицо: — ну, ваше благородіе, уважь, веди насъ къ Михайлѣ Ларіоновичу. Старый знакомый... Чтѣ смотришь? Гонцы, голубчикъ, — съ повелѣніемъ, изъ главной квартиры, — гонцы... пристойная знатности, помилуй Богъ!

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?

— Цымлянскій станицы старшина, Фролъ Терентьевъ Балаболенинъ.

Я, какъ подобаетъ, отдалъ честь прибывшему и повелъ его къ ставкѣ Кутузова. Спутники старика двинулись слѣдомъ, съ удивленными лицами, оглядывая меня и какъ-бы межъ собой перемигиваясь.

— Такъ вы, сударихи, на попятный? отступать? — насмѣшливо донрашивалъ, обдергиваясь и оправляясь въ сѣдлѣ, именовавшій себя Балаболенинымъ.

— Развѣ мы? — отвѣтилъ я: — мало ли чего хотѣлось бы? вѣрно, нечего разсуждать.

— Гости хорошіе и вѣсти такіа-жъ, optimissime! — проговорилъ и прищелкнулъ пальцами старикъ: — не вринетъ трижды петель, отречетесь отъ принятыхъ рѣшеній: а ты, козырь! ишь, всталъ раньше всѣхъ... молодець!

Меня что-то какъ-бы подтапливало и подмывало. Самъ не понимая, — почему, я точно на крыльяхъ летѣлъ. Странное, сладкое чувство всего меня наполняло.

Среди луга, отдѣлавшаго два взгорья, была широкая водомоина. Рыжій кабардинецъ старика заупрямился. Я подобралъ пландъ, шагнулъ въ воду, взялъ воня подѣ усты и перевелъ черезъ колдобину.

— Эхъ, важно! такъ, такъ! — ободрялъ всадникъ, видя, какъ я шлепаю ботфортами по водѣ: да ты въ водѣ, какъ дома... ужъ не изъ моряковъ ли?

Я отвѣтилъ, что изъ моряковъ.

— Покинулъ Рибаса? и хорошо сдѣлать... Ротой командуешь? молодець! штыкъ онъ лучше, братъ, всякой лодки добѣдетъ...

Мы добрались до палатки отряднаго командира. Кутузовъ былъ ужъ на ногахъ. Деньщики возились у раснакованной фуры, ставили самоваръ. Толстенкій, румяный и не выспавшійся адъютантъ, Кнохъ, что-то съ недовольнымъ видомъ писалъ, подѣ диктовку Михаила Ларіоновича, на барабанѣ. Самъ Кутузовъ сидѣлъ на опрокинутомъ ведеркѣ; полковой фельдшеръ, въ фартухѣ, выбрилъ ему правую щоку и подновлялъ мыло на лѣвой.

Не успѣлъ я, съ рукой у шляпы, отрепортовать генералу о прибытіи изъ главной квартиры такого-то гонца, — всадники, пробравшись между фуръ, тоже наспѣли къ палаткѣ. Передовой

вскочилъ на земь, бодро встряхнулся, бросилъ поводья ближнему изъ казаковъ и мелкимъ, бойкимъ развальцемъ двинулся прямо къ генералу.

— Хорошъ Балаболкинъ!!... батюшка графъ Александръ Васильичъ! — вскрикнулъ Кутузовъ, отстранивъ фельдшера и вставая на встрѣчу гостя.

— Ура! — весело произнесъ, оглядывая всѣхъ и махая мотрой шляпой, гость: — такимъ богатырямъ да отступать? назадъ! обратно, съ походомъ...

«Генералъ-аншефъ Суворовъ! ужли онъ? откуда?» — послышались голоса вблизи меня. Я обмеръ въ радости и удивленіи.

Суворовъ и Кутузовъ дружески обнялись.

— Вы, сударь, съ вами Гудовичъ, Голицынъ, Меклюбъ и Рибасъ, всѣ, — продолжалъ Суворовъ, не выпуская изъ перепачканной, худой и красной своей руки полныхъ, бѣлыхъ пальцевъ Кутузова: — всѣ части отнынѣ становятся подъ мою верховную команду. — (Кутузовъ, моргнувъ зрячимъ глазомъ, почтительно приставилъ ко лбу пальцы свободной руки). — А потому, батюшка, ординарцевъ сюда, штабныхъ, вѣстовыхъ. Трубача! снимать лагерь. Да-съ... Мѣшкать нечего... Приятно будетъ невѣрнымъ, фуй, вотъ какъ приятно-съ! — какъ пилюля полынная... Нынче же къ вечеру на прежнія позвѣи въ Имамаллу; а завтра... помилуй Богъ!.. увидимъ, какъ поступить...

Кутузовъ оглянулся на адъютанта. Суворовъ придержалъ его за руку.

— Повелѣно, — произнесъ онъ: — взойдя тутъ, съзнова ложиться, во что ни стало... а потомъ... Ну, да увидимъ; батюшка... увидимъ, сударики мои... А, впрочемъ, вотъ тебѣ, Михайло Ларіонычъ, и на бумагѣ...

Тутъ Александръ Васильичъ отстегнулъ лацканъ кафтана, вынулъ отсырѣвшій, порывѣлый пакетъ, вручилъ его Кутузову, и оба они, давая другъ другу дорогу, съ аттенціей и молча, вошли въ палатку.

«Суворовъ, Суворовъ!» — понеслась радостная вѣсть по лагерю. Все ожило, задвигалось. — «Какой приказъ? наступленіе? голубчики вы мои, дождались-таки праздника!» — Одна мысль, что Суворовъ въ авангардѣ, переродила общее настроеніе. Все рвалось впередъ. — «А эти сѣрбины, босніяки, болгарчики — сущіе хохлы, нашъ братъ» — толковали лякующіе солдаты, недавно еще ругавшіе за разныя прижимки одноплеменниковъ: «какъ есть свои, и вѣстятся по нашему и все... И отчего матушка-царица ихъ не заберетъ совсѣмъ у турка?» — Какъ нарочно, перемѣнилась и по-

тогда. Тучи подобрались, стали расходиться. Выглянула полоса чистаго синяго неба. Начало подмораживать. Лагерь копошился, сининая палатки, вьюча и запрягая фурн.

Въ полдень Суворовъ вышелъ изъ ставки Кутузова, тоже выбритый, въ синей шерстяной фуфайкѣ и въ чистомъ бѣломъ колпакѣ.

— Не видать что-то моихъ соколовъ, — сказалъ онъ, щурясь противъ солнца: — ужъ и ждала-жь, ждала своего друга молодца...

— Не это-ли, ваше сіятельство? — осмѣлился я указать за ручей.

Отъ моста на лугъ по-взводно въѣзжалъ конный отрядъ. За кавалеристами тянулись, блестя штыками и бляхами шляпъ, шеренги фанагорійскаго, вездѣ слѣдовавшаго за любимымъ вождемъ, егерскаго полка.

— Спасибо! вторая послуга... Быть тебѣ въ моихъ ординарцахъ, — сказалъ, взглянувъ на Кутузова и быстро на одной ногѣ обратиться ко мнѣ, Суворовъ: — дай имъ знать, что, молъ, дядюшка тутъ; ищи, — каша — готовы. Тащи ихъ къ котламъ... Понялъ? Штыкъ, внезапность, быстрота... вотъ наши вожди — не отставай и ты.

Я поспѣшилъ на встрѣчу подходившаго отряда. Но какъ забилось мое сердце, когда я узналъ, что въ тотъ же день меня причислили къ штабу Суворова. Я расположился при главной, походной квартирѣ, и пока живъ, не забуду того, что я тутъ испыталъ и чему сдѣлался очевиднымъ и глубоко-тронутымъ свидѣлемъ.

Ранней утренней зарей, третьяго декабря, бывшій отрядъ Гудовича, обратясь вспять, какъ свѣгъ на голову, вновь появился предъ твердынями Измаила. Колебаній, безнадежности не было и слѣда. Малодушные порицатели смолкли. Духъ героя зажегъ бодростью и рвеніемъ робкія, упавшія сердца.

Въ войскахъ такъ объясняли это событіе: на донесеніе Гудовича, о крайней невозможности взять Измаиль, Потемкинъ, отъ 25 ноября, изъ Бендеръ, прислалъ отвѣтъ: «Вижу пространственныя ваши толкованія, а не вижу вреда непріятелю», — и тогда же послалъ въ Галацъ приказъ Суворову: «Вести штурмованіе и, буде окажется можно, взять Измаиль». — Суворова въ этомъ письмѣ Свѣтлѣйшій называлъ «милостивымъ другомъ», а себя «вѣрнѣйшимъ слугою». Отвѣтъ Суворова князю состоялъ въ двухъ строкахъ: «Получа повелѣніе, отправился къ Измаилу. Боже! даруй намъ помощь свою».

Потемкинъ между тѣмъ вскорѣ впалъ въ новыя сомнѣнія. Получивъ извѣстіе, что Гудовичъ ужъ отступилъ, онъ послалъ въ догонку Суворову, отъ 29 ноября, новый ордеръ: «Извѣстася о ретирадѣ корпуса Гудовича, предоставляю вашему сіятельству

поступить тутъ по лучшему усмотрѣнію, — продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ, или его оставленіемъ. Вы на мѣстѣ, и руки у васъ развязаны». Но Суворовъ болѣе рѣшилъ не поддаваться такимъ патаніямъ. Онъ по-своему объяснилъ новый приказъ главнокомандующаго. — «Воля отступать и не отступать» — сказалъ онъ, прочтя бумагу: «слѣдовательно, отступать не приказано». Въ такомъ смыслѣ, положа все на мѣрѣ, и повелъ дальнѣйшія приготовленія.

Войско, двинувшись, расположилось полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Иаманла, занявъ почти двадцать верстъ вдоль берега Дуная. Установилась ясная, морозная погода. Вѣтеръ и стужа увеличились. Стали грѣться ракіей и пуншами изъ моднаго рижскаго бальзама. Суворовъ повелѣлъ поддерживать день и ночь костры. Приготовивъ лѣстницы и фашины, онъ обучалъ по ночамъ войска дѣйствовать ими; осматривалъ съ инженерами удобныя мѣстности и отряжалъ вылазки, а чтобъ турки предполагали возобновленіе правильной осады, диспозировалъ и возвелъ рядъ батарей, чуть не въ полсотнѣ сажень отъ бастионовъ Измаила, откуда намъ и стали отвѣчать непрерывнымъ, ожесточеннымъ огнемъ. Наводили наши, направляя орудія, дули въ замерзшіе дулаки и, нуская снаряды, приговаривали: «ишь, бабушка Терентьевна, какъ сморкается! ну-ка, уважь еще, уважь»...

Громадныхъ размѣровъ фортеція, по обширности своей названная турками «орду-калеси», то-есть — сборъ войскъ, занимала въ окружности десять верстъ. Съ Дуная ее окружали каменные стѣны; съ суши — земляной валъ, въ четыре сажени вышиной, со рвомъ еще глубже. Въ ней было до трехъ-сотъ пушекъ и сорока-тысячный гарнизонъ, на половину изъ отчаянныхъ снаговъ, вейбековъ и янычаръ.

Седьмого декабря, 1790 года, генералъ-аншефъ Суворовъ послалъ сераскиру Мегмету-Аудузу-пашѣ, «всѣмъ почтеннымъ султанамъ» и прочимъ пашамъ прокламацію, съ требованіемъ, безъ напраснаго кровопролитія, — сдать крѣпость, дабы могли быть пощажены отъ раздраженнаго воинства женщины, младенцы и другіе невоинные. Гордый сераскиръ, отказавшійся незадолго отъ принятія визирскаго достоинства, отвѣчалъ черезъ парламента: «Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и лебо уаждетъ на землю, нежели сдастся гаурамъ Измаилъ».

X.

— Сами захотѣли, ну, попробуютъ! — сказали Суворовъ, отпѣвая и радостнымъ взоромъ пробѣгая переводъ хвастливаго отвѣта наши.

Узнавъ, что ссраскира, въ его рѣшимости, поддерживали нѣкоторые изъ нашей и между прочимъ братъ крымскаго хана, Капланъ-Гирей, бывший въ Имамѣ съ шестью молодыми сыновьями, Суворовъ увѣдомилъ Аудузу, «что если тотъ въ двадцать четыре часа не выставитъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, и гарнизонъ ея содѣляется жертвой ожесточенныхъ воиновъ». Ссраскиръ, въ отвѣтъ на новое увѣдомленіе графа, удвоилъ канонаду съ крѣпостныхъ орудій.

А въ вечеру примчался отъ Святейшаго новый гонецъ. Страшась неудачей омрачить себя и славу вѣранныхъ ему войскъ, Потемкинъ окончательно снѣмилъ посланные передъ тѣмъ распоряженія и предписывалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхъ». — Суворовъ отвѣтилъ князю: — «Мое намѣреніе непремѣнно. Два раза было руссійское войско у воротъ Имамла, — стыдно будетъ, если въ третій оно отступитъ, не войдя въ него».

Ночью девятаго декабря былъ созванъ окончательный военный совѣтъ.

Всѣ первенствующіе въ арміи генералы, подъ разными предлогами, на это совѣщаніе почему-то не удостоили явиться. Дѣло рѣшилось тринадцатью второстепенными командирами. Бригадиръ Матвій Платовъ, будучи, какъ младшій изъ всѣхъ, спрощенъ въ началѣ, первый подписалъ резолюцію: штурмовать. За нимъ Орловъ, Самойловъ, Кутузовъ; а далѣе и всѣ, колебавшіеся и приходившіе въ отчаяніе, дозволили рѣшеніе: «Приступить къ штурму неотлагательно. И потому уже нѣтъ надобности относиться къ его силѣ. Обращеніе осады къ блокаде исполнять не должно. Отступленіе предосудительно».

Узнавъ рѣшеніе, Суворовъ вбѣжалъ въ засѣданіе совѣта, всѣхъ передѣловалъ и объявилъ: «Одинъ день Богу молиться, другой учиться; въ третій — Боже Господи! въ знатные походы — слава, смерть, или побѣда».

Утромъ десятаго декабря, была открыта рѣдкая, слабая, съ перерывами, пальба съ флота и съ баттарей на сушѣ и на острову, дабы обмануть турокъ мнимымъ недостаткомъ у насъ пороха и прочихъ снарядовъ. Въ вечеру канонада стихла.

Ночь съ десятаго на одиннадцатое декабря была послѣдняя

передъ грознымъ приступомъ, который прогремѣлъ во всемъ свѣтѣ и воспѣтъ безсмертнымъ Бѣйрономъ. Съ вечера сильный, безъ вѣтра, морозъ скрѣпилъ окольные болота и дорожную грязь. Наступили сумерки. Войско готовилось молча и набожно къ битвѣ, гдѣ столько тысячъ храбрыхъ ожидала люта, безжалостная смерть.

Меня повели въ землянку Суворова, запертую въ передовой части нашихъ позицій. Это была просторная, безъ оконъ, укрытая сучьями и кукурузными снопами, перегороженная на-двое яма, съ ишуркой и дымникомъ въ стѣнѣ, и съ каминнымъ щитомъ вмѣсто двери. Освѣщалась она свѣчками, вставленными въ пустыя бутылки.

Сутуловатый, черномазый полтавецъ Бондартчукъ, тогдашній графскій денщикъ, высунувшись съ лоханкой изъ-за перегородки, гдѣ стояла походная, складная кровать главнокомандующаго, сказалъ мнѣ: «Звелѣли, добродію, обождать». По этотъ бокъ перегородки, безмолвно и мирно, тихо гдѣ-нибудь на родинѣ, въ Гатчинѣ или Чухломѣ, потрескивали въ печи отсюда добытые сухіе полѣны. Пахло дымкомъ и столь любимымъ графскимъ приспаньемъ, смѣсью мяти, шалфея и калѣфера. Воображеніе переносило въ русскую баню, а въ опочивальнѣ графа естаті слышались нѣкіе пріятные запахи, запахъ и какъ-бы приспанье.

— Еще, голубчикъ, хохлинь! Ну-ка, Бондартчукъ! Ой, Господи! да важно какъ, еще! — восклицала Алевксандръ Васильевичъ, очевидно подставляя подъ лоханку денщика то лицо, то затылокъ, то плечи.

— Удивляешься? — спросилъ онъ вдругъ, выйдя самушанный въ простыню: — часочекъ рекреаціи! съ Покурова, братъ, головы не мылъ; на утро же, знаешь, какое дѣло....

Графъ вытерся, опростала голову, сѣлъ на какой-то обрубокъ и протянулъ въ печь худыя, волосатыя, тоже вымытыя ноги, на которыя денщикъ сталъ натягивать шерстяныя стоптанныя онучки, вмѣсто чулковъ, и сапоги. Все тѣло графа, впадины плечи и узкая, плоская грудь, поражаема слабостью и худорьбой. Онъ, подъ вліяніемъ пріятной печной теплоты, смолкъ и сталъ слегка задремывать.

— «И этому щедушному старыку предстоитъ завтра такое страшное, отвѣтственное дѣло» — подумалъ я.

— Пуговочку... ниже... охъ, что же это? — проговорилъ въ полуснѣ Суверевъ и вдругъ весело раскрылъ глаза: молодая была, — янычаръ была, стара стала, — баба стала... Выходишь, ты тутъ? Слушай, ты же живая и не дѣвчонка! слыши, да по

правдѣ, любяшь Питеръ?.. То-то, гдѣ его любить! Ближе въ пѣмнѣмъ... Оттого и многія тамъ пакости. Всюду, окъ, проникаетъ питерскій воздухъ... Прислони, братецъ, дверь въ сѣняхъ плотнѣе,—такъ-то... Оно спокойнѣй. Не то, какъ бы опять изъ Яссы не запахло Питеромъ. Критика, политика, вернуфты! сохрани и помилуй отъ нихъ Богъ, помилуй...

Бѣлье и рейтузы были надѣты. Деньщикъ, выгнувшись, давно стоялъ съ камзолемъ и сюпервестомъ въ рукахъ. Но графъ медлилъ подниматься отъ печки. Я тоже молча ожидалъ приваній. Наверху, за двернымъ щитомъ, слышался сдержанный шопотъ, толпились адъютанты и прочіе штатные.

— Воскресъ убитый Топаль-паша, хромой паша! воскресъ, — проговорилъ, глядя въ печку, Суворовъ:—такъ меня, сударь, прозвали турки за хромоту и совсѣмъ-было схоронили подъ Бендерами... Да ожилъ на страхъ изувѣрамъ и завтра явится, какъ Божья кара. Самъ Петръ Александровичъ, не то что, самъ Задунайскій меня лично цѣнилъ и одобрялъ. У Вобана, сударь, у Тюренна и Монтенукули учились мы, вонъ съ Бождарчукомъ, военной премудрости и всякому артикулу. Мы не антишамбристы, не блюдолизы, хоть и вандалы, дикари. Солдаты любить насъ, друзья славить, враги бранять... Ну-ка, Прохоръ Ивановичъ, другую прежде фуфаячку поверхъ этой; оно теплѣй. Да пуговичку... шліфная пряжка намени лопнула, досталъ ли иглуку, иголочки зашить? досталъ? ну, молодецъ. А ты, Вахтѣевъ, — вотъ зачѣмъ я тебя позовалъ: отыщи въ чемоданѣ баульчикъ такой, — походную аптечку. Матушка-царица, Екатерина Алексѣевна, снарядила ее сама, своими ручками, и прислала мнѣ послѣ Очакова, — во-ѣмки съ ней не расстаюсь. Тамъ ты приладь на плечо и завтра вонъ за мной. Сердцеушитель-Господь чертитъ каждому путь... Можеть кому и пособить...

Хилый, сморщенный старикъ, кряхтя, поднялся со свамъ, надѣлъ камзолъ, обвязалъ шею чистымъ батистовымъ платкомъ, передвѣнько прибралъ свой гарбейтель-кесичку, затесалъ сзади на лобъ часть жидкихъ, сѣдыхъ волосъ и подвернулъ ихъ за ватушкой-хохолкомъ, одѣлся въ синій съ золотомъ кафтанъ, со звѣздами, пристегнулъ шпагу, промѣлся по земляникѣ и куда дѣлалъ сонливость и хилость. «Туалетъ солдата тановъ — всталъ и готовъ!» — сказалъ Суворовъ: — честь и хвала князю Потемкину, поубавилъ кукольныхъ занятій у война... но все еще немало осталось! Графъ поправился шляпой съ бѣлымъ плюмажемъ, расправился, обернулся, — я его не узналъ. Три ночи не спавшій въ переговорахъ съ турками, шестидесяти-лѣтній старикъ, немощный думской, никому незримой борьбой, и страдавшій ревма-

тивами раненой ноги, глядѣлъ бодрѣмъ, выносливѣмъ, свѣжимъ и молодымъ. — «Фазаны тутъ?» спросилъ Суворовъ Прошку. — «Тутъ», отвѣтилъ денщикъ. Такъ графъ вымывалъ парадникъ штабныхъ. «Ну, теперь выкинуть штуку, — подумалъ я, вспоминая выходки графа: — выскочить, крикнуть иштукомъ, чтобы разбудить дремлющій станъ»...

— Господа, по мѣстамъ! — сказалъ Суворовъ серьезно, торжественно вѣбраваясь изъ землянки и направляясь къ большому есафдену костру. Графъ позвалъ насмаченныхъ саранѣ начальниковъ, кое-кого изъ офицерства, и сѣлъ у огня, дожидаясь условнаго знака. Штурмъ, какъ всѣ знали, былъ предположенъ до разсвѣта, по выпуску трехъ, съ промежутками, сигнальных ракетъ.

Войско для взятія крѣпости было раздѣлено на три отряда, — въ каждомъ по три колонны. Правымъ крыломъ, или первымъ отрядомъ, командовалъ двоюродный братъ Свѣтлѣйшаго, мужъ Прасковьи Владимировны, генералъ-поручикъ Потемкинъ; второе, или лѣвое крыло было поручено племяннику князя Таврическаго, генералъ-поручику Самойлову; третьимъ, отъ рѣки, командовалъ контръ-адмиралъ Рыбасъ. Начальниками подчиненныхъ имъ колоннъ были генералъ-маіоры: Лавовъ, Мекнобъ, Ласси, Беебородко, Кутузовъ, Арсеньевъ; бригадиры: Платокъ, Орловъ, Марковъ и атаманъ заморожцовъ Чепига.

Костры шестой колонны, Кутузова, бывшей въ отрядѣ Самойлова, свѣтились красивыми правильными рядами слѣва, но холмамъ и спускамъ въ ложину, подходившую здѣсь къ самой рѣкѣ.

Суворовъ, полулежа на примерзлой травѣ и кутаясь въ бурну, отдавалъ послѣдніе приказанія. Рѣкій, пронизывавшій холодомъ и сыростью вѣтеръ, дувшій съ-вечера, затихъ. Въ отблескѣ графскаго костра рисовалось нѣсколько старинныхъ и молодыхъ фигуръ, почтительно стоявшихъ возлѣ Александра Васильича. Въ сторонѣ, у смежныхъ огней, слышалась французская, бѣдная, самоуверенная рѣчь. Между говорившими я узналъ прибывшихъ въ эти дни нѣкоторыхъ изъ агентовъ иностранныхъ дворовъ и наспѣвшихъ изъ ясной главной квартиры партизанскихъ воиновъ и волонтеровъ. На коврѣ бокомъ къ огню сидѣлъ блондинъ и сильно близорукій, съ пріятной важной осанкой, сынъ извѣстнаго принца Де-Лини. Съ нимъ оживленно спорилъ, сидя на корточкахъ, въ бархатномъ кофѣйномъ кафтанѣ, въ кружевныхъ манжетахъ и огромномъ жаббѣ, веряливый и толстенькій, съ острыми носомъ, смуглый, герцогъ Фронсакъ — впоследствии извѣстный на югѣ Россіи, герцогъ Римель. Недалеко отъ нихъ, въ кругу обку-

живших его артиллерійскихъ офицерахъ, приклоняя къ лущеному лафету, полулежалъ на кучкѣ соломы другой эмигрантъ, суровый и блѣдный, бѣлѣвшій лихорадкой и зубами и съ подвязанной щекой, графъ Ланжеронъ.

— Все это вѣрно, все это такъ, — говорилъ онъ съ расстановкой на родномъ языкѣ, закрывая отъ боли глаза: — но мнѣ, въ концѣ-концовъ, непонятна эта безконечная война; столько погибнуть жизней, прольется крови. И все кажется даромъ, врядъ ли одолѣемъ эту странную машину смерти. Всѣ европейскіе авторитеты сходятся въ томъ, что Имамъ положительно неприступенъ для штурма...

— А мы все-таки его возьмемъ и двинемся съ триумфомъ къ Константинополю! — съ вызывающей усмѣшкой, сказать, глядя на француза, невысокій, рыжеватый, съ веснушками на лицѣ, нѣхотный майоръ.

— Какъ, безъ союза съ другими? — спросилъ, морщась и хватаясь за щеку, Ланжеронъ.

— Съ нами Суворовъ, кто противъ насъ? — отвѣтилъ нѣсколько напыщенно майоръ: — притомъ же...

— Нѣтъ, вы скажите, гдѣ ваши союзники? — рѣво его перебилъ эмигрантъ: — ихъ у Россіи нѣтъ и быть не можетъ... Оставляя страданія другимъ странамъ, допуская, навинтите, безбожниковъ подрывать древніе троны, вѣру...

Я пошелъ къ другому костру.

— Безумныя, насбиточныя затѣи, и притомъ — столько риску! — пронзесъ въ сторонѣ, за лафетомъ, другой, какъ-бы знакомый мнѣ голосъ, отъ котораго я невольно вздрогнулъ. Говорившаго мнѣ не было видно за окружавшими его...

«Неужли онъ? мой заклятый врагъ? — пронеслось у меня въ головѣ: — графъ Валеріанъ Зубовъ! какими судьбами? За легкими отличіями, или на помѣху славнаго предпріятія присланъ изъ столицы? Но какъ могъ, какъ рѣшился его допустить сюда Потемкинъ?» Я хотѣлъ подойти, взглянуть ближе, но ошибся ли, какъ въ то время меня кликнули къ Суворову. Я нашелъ его въ ту минуту, когда онъ, бесѣдуя съ командиромъ козачковъ, Платовымъ, говорилъ ему, не стѣсняясь близостью иностранныхъ вояждѣровъ: «Каждый французъ, батюшка Матѣй Ивановичъ, по природѣ танцмейстеръ; вся сила у него въ ногахъ, а не въ головѣ»...

— Выхтѣвъ, — сказалъ, завидя меня, графъ: — свѣди изъ Михайлѣ Ларіонову; пригласилъ бы онъ костры; туманеть, — не долго до рассвѣта... пусть думаютъ турки, что мы заснули... А въ туманѣ, при огняхъ, команды не проглядѣли-бъ сигналовъ.

Я вскочилъ на рѣдкогриваго, донскаго мерина, на которомъ

Идѣлъ въ тѣ дни, пробрался между нѣхотой и пушками и направился къ передовой цѣпи пестрой колонны. Сторожкій, сильно тряскій конь, забирая ружьи и натягивая поводья, въѣхалъ на лѣсистый бугоръ, проскакалъ вдоль козачьей цѣпи и бережно, между залегшихъ секретовъ, сталъ спускаться въ оврагъ, за которымъ видѣлись огни отряда Кутузова.

«О, люди! — разсуждалъ я, пробирался каменнотымъ, темнымъ дномъ оврага: — онъ, могучій, на верху почестей и силъ, онъ, Свѣтлѣйшій, для котораго, по его же словамъ, одинъ токмо законъ и одна въ жизни цѣль, — слава и честь обожаемой монархини, — могъ такъ потеряться и упасть духомъ! Знаетъ Зуфовыхъ, знаетъ все ихъ ничтожество, зло и зависть къ себѣ, и уступаетъ, заискиваетъ въ нихъ. Однимъ дуновѣніемъ, словомъ — пожелай только, явись хоть на мигъ обратно въ столицу, и онъ разбѣгалъ бы весь ихъ жалкій, бездарный комплотъ, — а онъ покоряется, льститъ и насланному брату кровнаго, смертельнаго врага оказываетъ почтеніе и респектъ, видимо отражаетъ его къ столь священному, важному дѣлу. И этотъ мальчишка, питерскій шалобѣрникъ и шаркунъ, его же столь подло критиканить. Ну, Свѣтлѣйшій... еще понятнѣе — дипломатъ; не Суворовъ? онъ какъ согласился? Или и этотъ стойкій, крѣпкій столпъ погнулся передъ дуновѣніемъ нелюбимаго имъ питерскаго вѣтра?»

Я нашелъ Кутузова, отдалъ ему приказъ главнокомандующаго. Онъ ласково выслушалъ мое порученіе, простился и, перекрестивъ меня, сказалъ: «Ну, съ Богомъ! все будетъ выполнено; а жаль, что ты не у меня, — ну, да авось свидимся». Когда же я обратился вспять, онъ подошелъ ко мнѣ, склонился къ ебдлу, и спросилъ вполголоса: «А что, Вехтѣвъ, графъ-то Валерьянъ Александровичъ при особѣ Александра Васильича, или получилъ особую команду?» На мой отвѣтъ, что я ничего въ томъ не знаю, Кутузовъ прибавилъ съ аттенціей: «Уважь, братецъ, передай его сіятельству, графу Валерьяну, мое высокопочитаніе и желаніе отъ былаго знакома всѣхъ отиѣвнѣйшихъ симъ утромъ триумфовъ»...

Пока я возвращался къ позиціи главнокомандующаго, кистри вдоль всего фронта перемали одинъ за другимъ. Настала общая, торжественная тишина. Она длилась не долго.

Въ три часа влетѣла первая сигнальная ракета, — всѣ взялись за оружіе. Въ четыре — другая, ряды построились. Въ пять взошла третья и, бороздя туманъ, глухо взорвалась въ высотѣ. Все войско осыпало себя крестнымъ знаменіемъ и молча, съ Су-

воровымъ, впереди, двинулось въ незримымъ въ ночной темъ окопамъ и бастионамъ Измаила.

Конница расположилась на нумичный выстрѣлъ отъ крѣпости. Казаки, назначенные для перваго натиска, взяли павъ на перевѣсъ. Ни одна лошадь не ржала. Пупки, съ обверченными соломой колесами, безъ звука занявъ указанныя мѣста, снялись съ передковъ. Въ ихъ интервалы, медленными густымъ строемъ, стала продвигаться пѣхота, Суворовъ, оруженый штабомъ, появлялся то здѣсь, то тамъ, ободряя подкованные ноги, наставляя офицеровъ и перебрасывая шутками съ солдатами.

— Немогунайки, вѣжливи, краснословики могутъ оставаться въ резервъ,—говорилъ онъ:—недомолвки, намѣки и безтолковые на подмогу къ нимъ поступать,—а мы, братцы, впередъ...

— Пилаву, ребятушки, турецкихъ орѣховъ вонъ тамъ вамъ принасъ! говорилъ онъ, указывая на выдвигавшіяся изъ темноты очертанія крѣпости.

— Ишшо рано, ваше сіятельство! отаѣчали изъ ближнихъ рядовъ.

— Врещъ, вострое,—шутилъ графъ своимъ бойкимъ, лапидарнымъ слогомъ:—голодному ѣсть, усталому на поврѣкъ сѣсть, а бѣдному дукатовъ не счесть!

«Го-го-го!» любовно и радостно отвѣчали сдержанный смѣхъ по солдатскимъ, уходящимъ въ потѣмнѣ рядамъ.

Войско безъ выстрѣла подошло и построилось въ ста саженьхъ отъ крѣпости. Суворовъ началъ было рѣчь къ ближайшимъ: «Храбрые воины! дважды мы подступали, въ третій побѣдимъ»... да махнулъ рукой—ну, молъ, ихъ, красныя слова—и, только прибавивъ Платову: «такъ постарайся же, голубчикъ Матвѣй Ивановичъ!» далъ знакъ начинать. На ближнемъ бастионѣ замѣтили русскихъ. Тамъ поднялась суета, раздались крики «алла!»—имъ отвѣтили громкимъ «ура!» Гринули первые, нестройные ружейные и пушечные выстрѣлы. Мигъ,—и земля кругомъ застопала отъ залповъ освѣтившихся въ пороховомъ дымѣ хадмовъ и батарей.

Съ первымъ щелканьемъ картечи, брызнувшей по нашимъ рядамъ, егеря и казаки, таща лѣстницы, бросились къ стѣнамъ. Глубокій ровъ, до половины залитый болотистой, вонючей водой, остановилъ передовую шерангу. Залпы съ бастиона освѣщали площадь и ровъ, гдѣ произошло это замедленіе. Суворовъ ужъ подтянулъ поводья кабардинца, хотѣлъ помчаться туда.

«Охотники, за мной!» громко крикнулъ кто-то впереди замѣтившихся. Смотря, размахивая новенькой, незадолго выписанной изъ Пешта шляпой, побѣждалъ во рву мой недавній сожитель по палаткѣ, секундъ-майоръ Неклюдовъ, которому гадала цыганка.

«Прочь лѣстницы, — грудью, братья, ура!» Онъ первый вскочилъ въ ровъ, ближніе за нимъ. Вонъ они ужъ на той сторонѣ. Вытая монья и штыки въ песокъ, аттакующіе шеренги стали вбираться на валъ. Егеря внизу осматривали выстрѣлами амбразуры редута. Въ отблескѣ нашихъ свѣтящихся бомбъ и турецкихъ равнявшихся раветъ было видно, какъ мокрый, испачканный тиною, Неклюдовъ быстро карабкался по откосу бастіона. Ворвавшись въ редутъ, онъ окрикнулъ голосомъ вскрикнулъ: «съ Богомъ, соколки! наша взяла!» воткнулъ надъ стѣной полковое знамя и упалъ навзничь. Новенькая треуголка скатилась по эскарпу редута: онъ былъ раненъ на-вылетъ въ грудь изъ ближней турецкой батареи.

Въ шесть часовъ утра взошла на валъ вторая колонна Ласси. Первая Львова и третья Мейноба должны были ее подкрѣпить, но опоздали: Мейноба и Ласси одновременно и тяжело были ранены, впереди своихъ полковъ. Ласси могъ еще командовать. Съ прострѣленной рукой, онъ повелъ далѣе свой отрядъ и штыками взялъ нѣсколько батарей за Хотинскими воротами.

На лѣвомъ флангѣ было хуже. Кутузовъ пробился сквозь уличные завалы, сквозь картечь и зтаганы янычаръ, предводимыхъ братомъ крымскаго хана. Онъ овладѣлъ ужъ главнымъ редутомъ, господствовавшимъ надъ этой частью города. Но сильный отрядъ спаговъ, поддержанный артиллеріей и полкомъ гѣлохранителей сераскира, съ распущеннымъ зеленымъ знаменемъ, зашелъ ему въ тылъ и сталъ охватывать какъ Кутузова, такъ и сосѣднюю колонну, бывшую подъ начальствомъ раненаго въ ту минуту Безбородко.

Побѣда ускользала изъ рукъ наступавшихъ героевъ. Осыпавшие гранатами, бомбами и пулями, солдаты замаялись, стали отступать. Въ это время былъ убитъ пулей командиръ пѣхотнаго полочеаго полка, Яцунскій.

Молодой, русый, въ свѣтло-синей раскѣ, священникъ этого полка вскочилъ на разбитый брустверь, поднялъ крестъ и крикнулъ: «Что вы, братья? равни вашего вождя? съ Богомъ, за мной! — вотъ вашъ командиръ!»... Онъ бросился въ улицу; ближнія роты за нимъ; но опять бѣгутъ въ разсыпную назадъ. Полоса дыма разсѣялась. Легли сотни. Синяя ряса священника виднѣлась въ грудѣ окровавленныхъ тѣлъ.

Въ это время къ Суворову подсканалъ знакомый мнѣ адъютантъ Кутузова, Кнохъ. «Дальше нѣтъ силъ наступать; просить подкрѣпленій»... Онъ не докончилъ реляціи. Осколокъ лѣпнувшей вблизи гранаты ранилъ его въ плечо.

— Вехтѣвъ, аптечку сюда, аптечку! — крикнулъ, обращаясь

ко мнѣ Суворовъ:—костоѣда на пальцы треклятымъ изувѣрамъ! да вотъ чтѣ... поѣзжай-ка къ Курузову и скажи, нѣтъ отступленія! я жалую его комендантомъ Измаила и ужъ пошлалъ курьера съ вѣстью о взятіи крѣпости...

«Благослови насъ Богъ!» стѣнгли на переднемъ крылѣ Курузовъ. Онъ потребовалъ къ себѣ сосѣдній херсонскій полкъ и, едва тотъ къ нему направился, командовалъ новымъ отчаяннымъ натискомъ, опрокинулъ зинчаръ и тѣлохранителей сераскира, и на ихъ плечахъ, владя черезъ ручьи и каналы портативные мосты, ворвался въ пылавшій со всѣхъ концовъ городъ. Я не могъ двинуться обратно. Меня стиснули и повлекли наступавшіе далѣе и далѣе батальоны.

Не вдали, съ оглушающимъ трѣскомъ и гуломъ, влетѣлъ на воздухъ пороховой подвалъ, взорванный турками подъ оставленнымъ ими бастиономъ. У места горѣла мететь, изъ оконъ и дверей которой гремѣли выстрѣлы засѣвшей тамъ горсти турокъ. Въ концѣ улицы поднимался громадный, черный столбъ дыма отъ зажженной нашими калеными бомбами главной казармы.

Меня съ лошадыю прижали къ мостовой оградѣ, трещащей подъ натискомъ проходившихъ частей. Съ криками: «ну-ка, его! такъ-то, жарь!»—и стрѣлая на пути черезъ мостъ, валала пѣхота, за ней артиллерія, казаки и опять егеря. Картаульные единороги и дальнобойныя, вугѣрновскія пушки снимались съ передковъ, пѣхотѣ разступались, и картечь съ визгомъ клестала по пустѣвшимъ, дымившимся улицамъ. Сзади черезъ головы летѣли снаряды изъ казацкихъ мѣртвѣ. Еще жарѣлъ и еще по-жарѣ. Подъ Суворовымъ было убито двѣ лошади. Въ восемь часовъ утра онъ сѣлъ на третью и, при звукахъ трубъ, съ полками: сѣнто-николаевскимъ, фанагорійскимъ, малороссійскимъ гренадерскимъ и петербургскимъ, прошелъ всѣ предмѣстья Измаила.

Началась перестрѣлка и страшная, безпощадная рѣзня, на штыкахъ и ятаганахъ, въ улицахъ пылавшаго со всѣхъ концовъ города.

Цѣлыя роты зинчаръ и эскадроны спяговъ бросали оружіе и, ставъ на колѣни, протигивали руны, съ искаженными отъ страха лицами, моли о пощадѣ: «аманъ, аманъ!»—Суворовъ ѣхалъ молча, нахмури брови, не глядя на нихъ и какъ-бы думая: «сами захотѣли,—пробуйте!»... Остервенѣлые солдаты штыками, саблями и прикладами, безъ сожалѣнія, валили въ лужи крови тысячи повдно-сдававшихся бойцовъ.

XI.

Я почиталъ мою миссію къ Кутузову оконченной. Его храбрый отрядъ выбилъ турокъ съ указанныхъ фортовъ и вошелъ въ ближайшія улицы. Я подъѣхалъ къ нему, съ цѣлью узнать, что онъ приважаетъ дополнить къ рапорту главнокомандующему? Михайлу Ларионовича я засталъ у какого-то сада. Присклонясь къ корявому, душастому орѣшнику, онъ жадно пилъ добытую въ соседнемъ колодезь воду. Мундиръ на немъ былъ растагнутъ, обрызганъ грязью и кровью; коса расплелась; руки и лицо въ пороховой копоти.

— Вонъ, за тѣмъ огородомъ, видишь?—обяснялъ онъ, переводя духъ, отъѣзжавшему Гуськову: — бери взводъ, роту... не опоздаешь, дай знать Платову...

Не успѣлъ онъ кончить, откуда-то съ страшнымъ, сверкающимъ гуломъ и визгомъ, налетѣлъ тяжелый снарядъ. Что это было, граната, бомба или ядро? Перемахнувъ черезъ садъ, колодезь и наши головы, снарядъ обо что то хлопнулъ и, незамѣченный глазу, унесся далѣе. Лошадь Гуськова взвилась. Смотрю, онъ поблѣднѣлъ, сталъ склоняться съ сѣдла. Изъ обнаженного снарядамъ, благо колѣна хлесталъ кривой струей кровавый фонтанъ. Мы бросились къ раненому.

— Вектѣвы!—крикнулъ Кутузовъ:—въ арсеналъ,—видишь, двѣ башни?—наши плѣнные... Турки ихъ рѣжутъ... Бери бугцевъ—вонъ за огородомъ... не опоздать бы, голубчикъ... именемъ моимъ...

Я доскакалъ въ указанному мѣсту. Что передумалось въ тѣ мгновѣнія, трудно изобразить. Не скажу, чтобы я не дорожилъ собственной жизнью; но мнѣ мучительно было мыслить, что меня убьютъ на пути и я не достигну цѣли. Свистѣвшія вправо и влѣво пули, разрывавшіяся здѣсь и тамъ гранаты я считалъ направленными именно въ меня. «Какъ? мнѣ не удастся оказать помощи? Эти несчастные, и между ними,—можетъ быть,—измученный голодомъ, цѣпями Ловцовъ»...

Я шпорилъ лошадь. Минувавъ одинъ переулокъ, другой, я достигъ огорода. Невысокій, рыхловатый и толстенный майоръ, тотъ самый, что спорилъ съ Ланжерономъ объ исходѣ войны, только-что собравъ разсыпанную межъ обгорѣлыми небутекъ и деревь роту бугцевъ и, съ оторванной фалдой, поднявъ япсагу въ обметанной чѣмъ-то, окровавленной рукѣ, сталъ выводить солдатъ въ опустѣлую, застилавшуюся дымомъ улицу.

— Извергъ ты рода человѣческаго,—кричалъ майоръ, съ вы-

пиченными на веснушечномъ лицѣ, сердитыми глазами, обращаясь къ плечистому, длинному, свонфуженно и робко шагающему черезъ грядки, фельдфебелю: — турчанка въ шароварахъ ему, изволите видѣть, понадобилась! Бабу имъ, треклятымъ иродамъ, давайте! сласти всякія, перины, чубуки! А ты прежде, распробестія, службу, а тогда и въ задворки...

Подсказавъ къ маіору, я передалъ ордеръ Кутузова.

— Что-жъ, берите, — бѣшено крикнулъ онъ, въ досадѣ и на меня: — матушкины, тетушкины отлички! все съ налету-съ! — продолжалъ онъ, озираясь на ходу: — ты вѣрой-правдой, а у тебя нѣтъ-подъ носа...

Столбъ дыма и земляныхъ комьевъ, какъ исполинскій косматый кустъ, вдругъ съ трескомъ выросъ между грядокъ. Осколками разорвавшейся бомбы были за-мертво сношены и сердитый, въ веснушкахъ, ругавшійся маіоръ, и длинноногий, свонфуженный фельдфебель. Офицеровъ въ ротѣ больше не было. «Стройся, соменись! — командовалъ я, слѣзая съ лошади: — лѣвое плечо впередъ, черезъ плутбѣнгъ, своимъ шагомъ... марши!» — Я повелъ роту въ арсеналъ.

Любовь къ жизни, страхъ за жизнь, съ новой, еще болѣею силой, загорѣлись во мнѣ. — «Нѣтъ, меня не убьютъ и не ранятъ!» думалъ я, шагая улицей, загроможденной обломками разрушенныхъ и гудѣвшихъ въ заревѣ пожара аданій, трупами враговъ и своихъ.

Гдѣ-то вправо трещала раскатыстая, частая перестрѣлка мушкетеровъ; ближе за клубами дыма, летѣвшего поперекъ улицы, слышалась турецкая команда и настигающія волны близкаго, русскаго ура. Команда и крики смолкли; очевидно, дѣло пошло на лѣтчики.

Рота, предводимая мной, вышла на опустѣлую, обставленную каменными зданіями, площадь. Въ глубинѣ ея виднѣлся съ двумя башнями, обнесенный сквозной оградой, арсеналъ. На столбахъ и выступахъ ограды висѣли трупы казенныхъ. Среди площади догоралъ костѣрь, и надъ нимъ на колыяхъ торчали обгорѣлые, безъ носовъ и ушей, живьемъ замученные плѣнники. Одинъ изъ страдальцевъ еще двигался. — «Видите, братцы? вотъ каковы изверги!» — крикнулъ я. — Не выдадимъ, выручимъ остальныхъ — подхватили егеря.

Я раздѣлилъ роту на двѣ части. Одну выстроилъ подъ прикрытіемъ мечети, другую послалъ въ обходъ арсенальной ограды. Надо было пройти площадь, на которую съ незанятаго русскими береговаго редута, съ нашимъ появленіемъ, стали ложиться снаряды. Резервъ двинулся въ переулочъ. Остальныхъ я повелъ

дворомъ, прилежавшимъ къ арсеналу. На площади посматривали конскій топотъ. За рѣшеткой показалась кучка нашихъ всадниковъ, скакавшихъ въ направленіи къ редуту. Впереди ихъ мнѣ бросился въ глаза, на небольшой париковой лошади, въ блестящемъ мундирѣ, гвардейскій офицеръ. — «Ужли опять онъ?» — подумалъ я, пораженный встрѣчей.

— Опоздали графчики, — проговорилъ возлѣ меня дѣвный фланговый: — наши и пить турки не дадутъ...

Я оглянулся. Со двора было видно, какъ на зеленые откосы рѣчного редута, точно муравьи, посыпались, поднимаясь выше и выше, самойловскіе егеря. Злое чувство еще злѣе сказалось во мнѣ къ обидчику, не желавшему мнѣ дать satisfactiō. — «И вотъ въ то время, — подумалъ я: — когда эта горсть храбрыхъ, не щадя себя, стремится искитить отъ лютой гибели мучимыхъ братьевъ, — онъ спокойно гарцуетъ, поспѣвая къ лаврамъ, добываемымъ чужими руками. Ему бы, фанфарону, въ ломберъ теперь играть... Ловцовъ, другъ мой! — прибавилъ я мысленно, взглядывая на окна арсенала: — предчувствуешь-ли ты, кому суждено тебя спасти?»

Толпа зейбековъ, засѣвъ въ окнахъ и на башенныхъ крышахъ, стала осыпать насъ выстрѣлами. Мы ворвались въ арсенальный дворъ. У воротъ лежалъ, съ отрубленными руками, старикъ монахъ, захваченный при послѣднемъ отступленіи Гудовича. На крыльцѣ валялась обезглавленная болгарка-маркитантка. Возлѣ былъ брошенъ на-двое расчѣченный, обнаженный ребенокъ. А въ двухъ шагахъ отъ него, на угляхъ, въ чугунномъ горшкѣ варился плавъ съ бараниной и кипѣлъ въ котелѣ кофей.

Видъ истерзанныхъ мучениковъ остервенилъ солдатъ. Не слыша команды, они бросились къ внутреннимъ ходамъ. Поражаемые пулями, падали, стремились встать, и опять опускались. По нимъ, наирая другъ на друга, бѣжали задніе ряды. «Но кто же изъ нихъ убьетъ меня?» — думалось мнѣ при видѣ свирѣпыхъ, бородатыхъ лицъ, въ чалмахъ и фескахъ, выглядывавшихъ то здѣсь, то тамъ и въ упоръ стрѣлявшихъ изъ-за прикрытія: — «чей выстрѣлъ, чья пуля сразитъ меня и на вѣкъ оставитъ мое, такъ бьющееся, сердце?»

Въ узкія окна правой башни повалилъ дымъ. Изнутри ясно слышались русскіе вопли — «горимъ, горимъ!» — «Наши! касатки!» — гаркнули солдаты: — «лѣстницу, рѣшетки ломать!» — Егеря потащили отъ сарая какія-то жерди.

— Въ крайнее лѣвое цѣлся, бей на выстрѣлъ! — закричалъ я, бросившись къ тѣмъ, которые стрѣляли изъ-за крылечного на-

вѣса. Я думалъ этими выстрѣлами прикрыть ладившихъ и поднимавшихъ къ башнѣ лѣстницу.

Но мои мысли странно и рѣзко вдругъ прервались. Поднятая со шпагой, правая рука безсильно повисла. Въ глазахъ все завертѣлось и спуталось: жерди, солдаты, клубы дыма, повалившаго изъ окна, обезглавленная болгарка на крыльцѣ и разрубленный на-двое, курчавый, обнаженный ребенокъ.

Я, какъ помню, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, съ жаждой воздуха, побѣды, жизни и общаго счастья, ухватясь за сдавленную и вдругъ какъ-то страшно переставшую дышать грудь, безсильно и жалко, будто тотъ же ребенокъ, упалъ на чьм-то протянуты, въ продыранныхъ и стоптанныхъ сапогахъ, ноги. Мнѣ почудилось, а можетъ быть я впоследствии о томъ слышалъ отъ другихъ и принялъ это за дѣйствительность: дворъ арсенала огласился громкимъ, перекатистымъ ура. Изъ-за башни гудѣлъ топотъ быстрыхъ, подбѣгающихъ ногъ. «Мой резервъ» — подумалъ я, замирая въ сладкомъ забытьи.

Догадка моя оправдалась. Турки были сломлены и всѣ до одного переволоты. Плѣнныхъ спасли.

Не стану рассказывать, какъ я былъ поднятъ и доставленъ на берегъ, на перевязочный пунктъ. Своимъ спасеніемъ я былъ обязанъ морякамъ Рибаса, взявшимъ городъ со стороны рѣки.

— Ну, какъ чувствуешь себя? — спросилъ меня кто-то въ лазаретномъ шалашѣ, едва я очнулся отъ лихорадочнаго бреда.

Онъ, другъ и товарищъ дѣтства, Ловцовъ, былъ передо мной. Я не вѣрилъ себѣ отъ радости, хотѣлъ говорить, но меня остановили. Лекаръ, перевязавшій раздробленную въ локтѣ мою руку, сильно опасался, отъ чрезмѣрной потери крови, за исходъ моего леченія.

Раненныхъ везуда было дѣвать. Видъ ихъ страданій разрывалъ душу. У одного былъ на-искось разсѣченъ черепъ, мозгъ выглядывалъ изъ-подъ окровавленныхъ, русыхъ волосъ. У другого осколкомъ гранаты была прострѣлена грудь; въ отверстіе раны было видно трепетавшее, блѣдно-розовое легкое. Хорошенькому темноволосому адъютанту Мекноба, который въ Яссахъ плѣнялъ всѣхъ, танцуя съ молдавскими красавицами чардашъ, отняли по колѣно ногу. Душный запахъ крови наполнялъ, открытый съ двухъ концовъ, оперативный шалашъ.

— Одначе держались и турки! — объяснялъ за мной Ловцову выбившійся изъ силъ лекаръ: — Капланъ-Гирей вывелъ пятерыхъ сыновъ; всѣхъ ихъ докавали платовскіе казаки; онъ послѣдній

свалился на трупы дѣтей... Тѣло сераскира насилью распознавали въ грудѣ крошеннаго мяса...

— А сколько всѣхъ турокъ убито?—спросилъ лекарь подѣхавшаго штабнаго.

— Убито больше двадцати-трехъ тысячъ; въ томъ числѣ насчитано шестьдесятъ пашей... Взято двѣсти-пятьдесятъ пушекъ и до четырехъ-сотъ знаменъ...

— Кто же тебя освободилъ?—услыгъ я спросить, вечеромъ ужъ, въ больницѣ, Ловцова:—какъ это было? ну, объясни, кто вломалъ дверь, кто вошелъ первый?.. ты знаешь, вѣдь... судьба...

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

— Да не стѣсняйся... я велъ, охъ, знаю... и все-таки...

Онъ склонился къ моему изголовью, оправилъ мнѣ волосы, постель. Исхудалое, блѣдное, обросшее бородой его лицо было сумрачно, важно. Въ глазахъ виднѣлись слезы.

— Спасъ насъ тотъ,—сказалъ онъ,—кто и тебѣ дастъ спасеніе. Онъ одинъ... ему одному...

— Да о чемъ ты?

— Помнишь, въ ту ночь, въ лагерѣ—въ палатѣ,—прошепталъ Ловцовъ, пригинаясь ко мнѣ:—припомни, я говорилъ тебѣ, ручался... Ахъ, Савватій, все время въ страданіяхъ, въ плѣну, я думалъ... Ее обманули, она неповиновна ни въ чемъ.

Я горячо пожалъ руку Ловцову. Отвѣчать не имѣлъ силъ. Тысячи терзаній подступали къ сердцу, и я искренно жалѣлъ, что не былъ въ тотъ день убитъ на-повалъ.

— Что дѣлать съ городомъ?—спросили Суворова, по взятіи Измаила.

— Дѣло прискорбное и—помилуй Богъ!—моему сердцу зѣло противное,—отвѣтилъ онъ:—но должна быть острастка извергамъ въ роды родовъ... Отдать его во власть, на двадцать-четыре часа, въ полное распоряженіе арміи...

Добычи было захвачено солдатами въ Измаилѣ больше чѣмъ на два милліона. Солдаты носили въ обозъ жемчугъ рукавицами. Во многихъ русскихъ селахъ долго потомъ встрѣчались арабчики-червонцы, персидскіе ковры и шелки.

Графъ Александръ Васильичъ послалъ фельдмаршалу въ Яссы рапортъ о штурмѣ: «Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила». Государынѣ онъ отправилъ особое донесеніе: «Гордый Измаилъ палъ въ стопы Вашего Величества».

На утро въ Измаилѣ, въ церкви греческаго монастыря св. Іоанна, пѣлся благодарственный молебенъ. Умершій отъ раны, генералъ Мекнобъ былъ похороненъ рядомъ съ убитыми Вейсманомъ и Рибопьеромъ.

Шесть дней очищали городъ отъ труповъ и обломковъ сгорѣвшихъ и разрушенныхъ канонадою зданій. Раненыхъ разлѣгали въ двухъ уцѣлѣвшихъ кварталахъ. Былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса. Гремѣлъ гимнъ «Славься симъ, Екатерина». Салютовали пушки.

Спусти недѣлю, генералитетъ и прочее начальство пировали въ квартирѣ Павла Сергѣича Потемкина. Здѣсь Суворовъ узналъ отъ племянника Свѣтлѣйшаго о сдержанныхъ, хотя и благосклонныхъ на его счетъ выраженіяхъ въ реляціи Таврическаго императрицы о штурмѣ Измаила. Болѣе-жъ всего его обидѣло то, что рѣшили далѣе въ Стамбулу не идти и что князь послалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ не кого-либо изъ дѣйствительно заслужившихъ эту порученность, а брата своего соперника, графа Валерьяна Зубова. Суворовъ, по обычаю, смолчалъ, но выразилъ свой достойный гнѣвъ инымъ, присущимъ ему способомъ.

— Шутъ, блюдолизъ, двуличка, вилышка! — напустился онъ вдругъ на своего слугу, Бондарчука, служившаго за обѣдомъ у Павла Сергѣича: — дистракція, субординація! подаешь не по чинамъ. Высока лѣствица воинскаго чиновначалія! Съ нихъ начинай, — указалъ онъ на сидѣвшихъ въ концѣ стола оберъ-офицеровъ: — имъ и карты въ руки, а мы съ тобой здѣсь капральство, послѣдніе...

Вставъ изъ-за стола, Суворовъ отдалъ генераламъ послѣднія распоряженія, велѣлъ опять привести себѣ простую казацкую лошадь, велѣлъ Бондарчуку вздуть свою походную вальдильничку и окурить себя ладаномъ, надѣлъ бараній тулупъ и верхомъ, въ сопровожденіи слуги, отправился обратно въ Галацъ, куда его фанаторійцы или на зимнія квартиры. Въ лазаретахъ развились повальные горячки. Больныхъ стали вывозить въ сосѣдніе города. Я этого ужъ не помнилъ, такъ какъ заболѣлъ изъ первыхъ. Между офицерствомъ тогда пошла по рукамъ и читалась тайномъ въ палаткахъ сатира остролова, Павла Дмитріича Циціанова: «Бесѣда російскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ». Здѣсь въ разговорѣ убитыхъ на войнѣ солдатъ, Дужильнаго и Статнаго, была изложена весьма ѣдкая критика на бывшій штурмъ и на Потемкина.

Встрѣча побѣдителя Измаила съ фельдмаршаломъ произошла въ концѣ декабря, того же 1790 года. О ней мнѣ впоследствии передавалъ Бауэръ.

Желая пристойными почестями салютовать подчиненнаго себѣ вождя, Потемкинъ рѣшилъ принять къ тому подобающія мѣры. Онъ послалъ въ Галацъ фельдъегеря, съ приглашеніемъ Суворову, буде онъ кончилъ должное, по времени года, расквартирование войскъ, явиться къ нему въ Яссы.

Въ ожиданіи именитаго гостя, князь Григорій Александровичъ распорядился изготovitъ, для мужской и дамской части своей свиты, парадный обѣдъ, съ пѣвчими и съ вечернимъ, нарочито-приспособленнымъ, балетнымъ спектаклемъ; городъ же велѣлъ украсить флагами, иллюминаціей и триумфальными изъ декораций воротами.

Разставя отъ вѣзда въ Яссы и вплоть до своей квартиры нарочныхъ махальныхъ, Потемкинъ препоручилъ адъютанту Бауэру доложить, лишь только генераль-аншефъ покажется въ улицахъ города. Тотъ засѣлъ въ залѣ, откуда дорога была видна на версту.

Суворовъ между тѣмъ считалъ всѣ эти затѣи и предположенія. Его ждали въ приличномъ его званію и лѣтамъ, рессорномъ калѣшѣ, а онъ прибылъ на парѣ фурлейтскихъ, и притомъ ночью, въ рогожаной, аки-бы поповской долгущѣ. Упряжь была въ шорахъ, но веревочная. На запяткахъ сидѣлъ, въ польскомъ жупанѣ, съ вылетами, престарѣлый инвалидъ, на козлахъ кучеръ, въ широколобой молдаванской шляпѣ и въ овчинномъ, до пятъ, балахонѣ. Рано утромъ изъ самобѣднѣйшаго арнаутскаго квартала генераль-аншефъ тѣмъ же цугомъ двинулся въ разукрашенной резиденціи Свѣтлѣйшаго.

Смѣтливый Бауэръ угадалъ ожидаемаго гостя, какъ по странной формѣ ковылявшей, рогожаной долгущи, такъ и по необычному хлопанью въ княжескихъ воротахъ кучерского, длиннаго быка. Онъ предупредилъ фельдмаршала.

Князь Григорій Александровичъ бросился изъ комнатъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти и съ первыхъ ступеней, какъ увидѣлъ ужъ передъ собой Суворова.

— Чѣмъ я могу, сердечно-чтнмъ мой другъ, Александръ Васильичъ, — сказалъ онъ въ искреннемъ волненіи, обнимая графа: — тѣмъ долженъ наградить васъ за ваши заслуги?

— Другъ, другъ? — заспѣшилъ, взбѣгая съ оглядкой на крыльцо и закашляваясь, Суворовъ: — нѣтъ, ваша свѣтлость! что же, помиуйте-съ... Я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться... Не идти далѣе? прочь Стамбулъ? ну, и шабашъ... А

окромъ Бога и моеѣ всемогуществѣйшей монархини никто награждать меня не можетъ, никто...

Князь замѣнился въ лицѣ. Отступя, онъ сказалъ только: «Отъ тебя ли слышу?» — не видя, что гость молчитъ, обернулся и молча пошелъ въ зало. Тамъ Суворовъ вручилъ ему формальный оходъ дѣлъ рапортъ. Свѣтлѣйшій не взглянулъ въ бумагу.

— Публика верхняго парламента не одобрить? министерія въ суетѣ и колеблется дальше идти? — спросилъ, гордо выпрямляясь и зажмурилъ глаза, Суворовъ: — мужайтесь, князь... Не придворные наветы... вашъ геній... Исторія помянетъ вѣчнымъ признаніемъ ваши труды...

Фельдмаршалъ, не слыша его, глядѣлъ въ окно. Сдѣлавъ по залѣ нѣсколько неровныхъ, колеблющихся шаговъ, Потемкинъ и Суворовъ молча разстались и болѣе въ жизни не видѣлись.

Въ январѣ слѣдующаго, 1791 года, графъ Суворовъ, по зову императрицы, явился въ Петербургъ. Государыня приняла его, среди первыхъ лицъ двора, отиѣнно-внимательно и пригласила его къ столу...

— Гдѣ желаетъ, багюнка-графъ, быть намѣстникомъ? — спросила Екатерина, за тостомъ въ честь его побѣдъ, поставя адѣсь же въ лавровомъ вѣнцѣ, выписанный изъ Англіи бюстъ нашего политическаго пособника оратора Фокса.

— И, матушка-царица, — отвѣтилъ, склоня голову, графъ: — ты слинивомъ любишь своихъ подданныхъ, чтобъ наказать мною такую либо провинцію. Я чудаю, мальчишка, Алкивиадъ! знаю тысячу гримасъ, пронаю... Родился отъ мушкетера, дай и кончить жизнь солдатомъ.

Потемкинъ, разгнѣвавшись въ Яссахъ на Суворова, ужъ болѣе ему не прощалъ. Самый вызовъ побѣдителя Иманла въ столицу ему не нравился. Онъ высказался противъ пожалованія Суворову фельдмаршальскаго жезла и предоставилъ ему, за славный подвигъ, только чинъ подполковника преображенскаго полка.

Въ февралѣ Свѣтлѣйшій также побѣхалъ въ Петербургъ, какъ выражался, съ цѣлью вырастить большой зубъ.

Въ концѣ апрѣля онъ устроилъ для императорскаго дома свой знаменитый циръ въ Конногвардейскомъ, впослѣдствіи Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, въ торжество покоренія Измаильской крѣпости, предполагалось представить государынѣ плѣнныхъ нашихъ. Присутствіе въ столицѣ главнаго виновника достигнутой побѣды стѣснело князя. За три дня до этого праздника, Екате-

рина, будто невзначай, сказала, на вечернемъ собраніи въ эрмитажѣ, Суворову:

— Я васъ, батюшка, Александръ Васильичъ, преповірую въ Финляндію, для осмотра и укрѣпленія тамошнихъ границъ. Что скажете на это?

Суворовъ молча припалъ къ рукѣ императрицы, у коей отъ невольной алтерациі красныя пятна выступили на щекахъ. Возвратившись домой, онъ послалъ за почтовыми, сѣлъ въ телѣжку, доскакалъ въ одну ночь до Выборга и утромъ оттуда послалъ съ курьеромъ государынѣ письмо: «Жду повелѣній твоихъ, матушка!»

Тамъ—до времени—графа и оставили.

XII.

Четырехлѣтняя, предпринятая съ толикими надеждами и силами, война съ Турціей завершилась почти ничѣмъ. Поддержанная Англіей, Голландіей и Пруссіей, опасавшимися возрастанія Россіи, Оттоманская Порта отвергла мирныя условія русскихъ и рѣшилась продолжать войну. Рѣшивъ, оставленный на Дунаѣ Потемкинымъ, 27-го іюля 1791 г. разбитъ визиря на-голову подъ Мачиномъ. Черезъ три дня послѣ этой побѣды, онъ заключилъ окончательный съ Турціей миръ. Австрійскій императоръ подписалъ съ Пертой мирный договоръ позднѣе, въ августѣ, въ Сястовѣ.

Россія потеряла много людей и денегъ, а гора родила мышь: мы остались при томъ же, чѣмъ начали. — «La guerre est une vilaine chose, monsieur!» — писала Екатерина Вольтеру о турецкой войнѣ.

Не долго затѣмъ здравствовать Свѣтлѣйшій. Рубежъ исполнисаго шествія къ славѣ былъ имъ пройденъ. Онъ не могъ легко пережить разбитыхъ въ дребезги гордыхъ мечтаній своихъ и обожаемой монархини. Новая восточная система, великая мысль возстановленія древней Византійской имперіи, должны были кануть съ того времени въ рѣку забвенія. Молва извила его, будто онъ стремился дѣлать войну, съ цѣлью освободить Молдавію и Валахію и, снявъ съ нихъ турецкое ярмо, сдѣлаться съ своимъ потомствомъ ихъ всевластнымъ и независимымъ отъ Россіи господаремъ.

Изъ Петербурга Потемкинъ выѣхалъ раздраженный и убитый духомъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ сломить и грознаго ему возрастанія партіи Зубовыхъ. Передъ выѣдомъ онъ занимался разными примѣтами, толковалъ предчувствія, сны. Прибывъ въ

Яссы, князь заболѣлъ молдавской, злою лихорадкой и ужъ болѣе не поправлялся. Онъ вспоминалъ столичные пиры, жалѣя, что не вдоволь имъ наситился, такъ какъ вдругъ получилъ странное убѣжденіе, что доживаетъ послѣдніе дни.

Случился при томъ весьма печальный, имѣвшій на князя неотразимое вліяніе, казусъ. Въ августѣ, въ Галацѣ скончался покровительствуемый имъ генералъ, братъ супруги цесаревича, принцъ Виртембергскій. На отпѣваніи принца, Потемкинъ вышелъ изъ церкви—туча тучей. Больной и утомленный давкой и духотой, онъ въ разсѣянности, видѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на траурныя, гробовыя дроги, поданныя для покойника. Воображеніе его было этимъ такъ потрясено, что онъ лишился сна и сталъ на себя не похожъ. Постоянная взволнованность и несоблюденіе діеты вызвали нервическую горячку. Князь рвался къ своей любимой Новороссіи...

Подписавъ дрожащей рукой инструкціи Самойлову, онъ въ сопровожденіи своей племянницы, молодой графини Браницкой, и правителемъ канцеляріи Попова, выѣхалъ чуть живой въ Николаевъ. Въ сорока верстахъ отъ Яссы, онъ почувствовалъ приближеніе кончины.

Было теплое, тихое осеннее утро.

Свѣтлѣйшій сталъ безцѣнно метаться и тревожиться. Со словами: «Теперь некуда больше ѣхать... стойте! хочу умереть въ полѣ!» — онъ велѣлъ вынести себя изъ кареты. На травѣ, изъ казацкихъ дротиковъ и ковровъ, устроили шатѣръ, возлѣ на-скоро разостлали бѣлый, фельдмаршальскій плащъ князя. Онъ обратилъ взоръ на безоблачное небо, обнялъ подаренный государыней, походный образокъ Спаса, проговорилъ: «прости, милосердная мать-государыня!» и тихо скончался на рукахъ плачущей красавицы, графини Браницкой.

Узнавъ о смерти Свѣтлѣйшаго, Суворовъ прослезился и сказалъ: «Се человекъ—образъ мірской суеты! помилуй Богъ!.. бѣги отъ него, мудрый! А что до нашихъ замысловъ о Турціи, не мы исполнимъ высокую задачу, наши внуки, правнуки»...

Съ другими больными и ранеными на штурмъ Иманля меня препроводили въ концѣ декабря 1790 г., въ Галацъ. Я пришелъ въ полное сознаніе и сталъ оправляться лишь въ началѣ февраля. Подживленіе раздробленной руки, задержаніе горячкой, пошло успѣшнѣе съ весеннимъ воздухомъ и тепломъ.

Квартировалъ я въ небольшомъ уютномъ домикѣ, недалеко отъ опустѣлой квартиры Суворова. Дунай освободился отъ льда. Наступилъ мартъ. Кто выдвигалъ, сѣвши на почтовыхъ

и по рѣкѣ на родину, откуда такъ рѣдко въ то время доходили вѣсти. Я давно не имѣлъ писемъ отъ матери.

Пользуясь разрѣшеніемъ прогулокъ на воздухѣ, я пробирался, съ забинтованной рукой, на берегъ, садился у пристани и, въ ожиданіи срочныхъ австрійскихъ судовъ, весьма неаккуратно развозившихъ почту, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ синюю даль, думая о родинѣ и обо всемъ, что я въ ней оставилъ.

Однажды, — это было передъ вечеромъ, — тщетно прождавъ или проглядѣвъ почтовый парусъ, — я пришелъ утомленный въ квартиру, велѣлъ поставить самоваръ, сѣлъ у окна въ кресло и заснулъ. Мнѣ грезилась Гатчина, отпуславшій меня великій князь-цесаревичъ, мать, совѣтовавшая забыть измѣнницу, усадьба Горюкъ, Ажигины. Долго ли спалъ я, не знаю, только почувствовалъ, что меня будятъ. Отерлъ глаза, передо мною дежидикъ Якушъ, изъ родныхъ владимірцевъ.

— Что тебѣ? — спросилъ я, неясно различая въ примеркнувшей комнатѣ его лицо.

— Ваше благородіе спрашиваютъ, — какъ-то странно огляраясь и вполголоса отвѣтилъ, обмывовенно невыносимо басивикій, Якушъ.

— Кто?.. да говори же, ахъ! что тамъ?

— Письмо-съ, — проговорилъ онъ, подавая пакетъ.

«Ужъ не хватилъ ли черезъ край, съ хозяйкой, раинъ?» — подумалъ я. — «Отъ родителей!» — добавилъ я въ мысляхъ, вскрывая пакетъ: «наконецъ-то, послѣ столь долгихъ ожиданій. Здоровы-ль они, дорогіе, и знаютъ ли, что мы скоро увидимся, что моему пребыванію на Дунаѣ вотъ-вотъ конецъ?»

Поднеся письмо къ окну, еще освѣщенному лучами заката, я сталъ его читать, протеръ глаза, опять взглянулъ въ бумагу и чуть еѣ не выронилъ.

Письмо было за подписью оберкамердинера его высочества, Ивана Павловича Кутайсова; но, разумѣется, сочинено не имъ, а кѣмъ-либо изъ приближенныхъ къ государю-цесаревичу сановниковъ. Во всякомъ же случаѣ по его слогу прошлось перо и болѣе высокой особы.

Такъ въ то время писывались цидулы не въ одному изъ ошастливленныхъ службой при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Вотъ его вошія.

— «Господинъ, его высочества гатчинскихъ морскихъ батальоновъ, бывшій мичманъ, Вехтѣвъ! Вы и вдали отъ насъ, въ походахъ и въ битвахъ съ нечѣрными, паче-жъ всего прочаго, при славномъ штурмованіи имманьской, сильной фортеціи, гдѣ при томъ тяжело и ранены, — не уронили чести знамени, коему

служите. Оправдавъ во всемъ, какъ подобаетъ достойному русскому гражданину, возлагавшія на васъ вѣлѣнія начальства и надежды всѣхъ, знающихъ вашъ нравственный квалитѣтъ, вы не пошли по стопамъ хлѣбодцевъ, томо вертящихся на пирушкахъ и въ контратанцахъ, и тѣмъ дали прежнему вашему ближайшему командиру пріятный долгъ, утруждать о васъ вселюбезнѣйшую нашу и свято чтимую всѣми государыню, родительницу его высочества. Генераль-аншефъ, графъ Суворовъ, благосклонно поддержалъ о васъ аттестацію. А посему, спѣшу тебя, старый знакомецъ, обрадовать: вы вчера произведены, не въ примѣръ прочимъ, въ капитаны арміи и получили анненскій третьей степени крестъ, а сегодня назначены, съ соизволенія и по мысли графа Александра Васильича,—буде ваше здоровье то дозволить и вы въ томъ изъавите довольство,—командиромъ второго батальона бугскихъ стрѣлковъ, съ коими вы столь мужественно отбили въ оной фортеціи русскіхъ, военнаго и статскаго званія, плѣнниковъ. А теперь скажу тебѣ конфиденціально и нѣкую приватную просьбу. Государь-наслѣдникъ и великая княгиня, его супруга, навели точныя и несомнѣнныя справки о поступившей пепинѣркой въ воспитательный, для круглыхъ сиротъ домъ, вашей знакомѣ, достойной дѣвицѣ изъ дворянъ, Прасковѣ Львовнѣ Ажигиной. Великая княгиня узнала ея рѣдкій, чистый нравъ и высокія добродѣтели. Госпожа Ажигина ни передъ Богомъ, ни передъ тобой ни въ чемъ неповинна. Случай съ нею былъ особливо-фатальный и противъ ея воли. Прости ее, какъ и она сама, столько претерпѣвъ, простила въ душѣ своего оскорбителя. Забудь все и да не зайдетъ солнце въ гнѣвъ твоимъ. Господинъ секундъ-маіоръ и кавалеръ, Вехтѣвъ! Двѣ нѣжкія, высокаго ранга, вѣдомыя вамъ персоны просятъ васъ принять пропозицію сватовъ и не отказать въ рукѣ бывшей вашей невѣстѣ. Господь да благословитъ ее и тебя, голубчикъ, на многія лѣта и долгое счастье. За симъ есмь, впрочемъ, всепокорный и отнѣнно-готовый во услугамъ вамъ, Иванъ Кутайсовъ. Гатчина, марта втораго, 1791 года.—Приписка:—«А подателемъ сего, угадаешь-ли, кто вызвался быть?»

— Гдѣ? гдѣ?—вскрикнулъ я, не помня себя и опрометью бросаясь въ двери.

Въ стемнѣвшей, тѣсной горенкѣ что-то въ дорожной, темной и смятой одеждѣ прошумѣло отъ порога и съ воплемъ повисло у меня на груди. Я обхватилъ, прижалъ исхудалую, безмолвную гостью, привлекъ къ окну дорогое, заплаканное лицо, слясъ пречестъ на немъ мою радость, счастье...

— Прости меня, Саввушка, — проговорила, обнимая меня, Пашута: — я тебя никогда, никогда не переставала любить.

Свадьбу мы сыграли въ маѣ, въ Горкахъ, куда мнѣ дали полугодовой, для поправленія здоровья, отпускъ. Туда пріѣхали и мои родители. Великій князь Павелъ Петровичъ прислалъ въ презентъ новобрачной чайный, севрскаго фарфора, сервизъ, а мнѣ въ миниатюрѣ весьма схожія, на слоновой кости, свой портретъ. Отецъ, благодаря заступничеству Потемкина, успѣлъ окончательно спасти наше имѣніе отъ захвата стараго графа Зубова, и былъ въ отчужденномъ духѣ. На свадебномъ балѣ онъ танцевалъ гавотъ съ моей тещей. Мать, узнавъ невѣстку, охотно съ ней примирилась, а съ моей тещей дружески сыграла шесть партій въ маѣо и въ модный тогда гамбонъ. Послѣ бала сожгли фейерверкъ въ саду у грота, надъ прудомъ. Веселье было на цѣлый уѣздъ.

Во время иллюминаціи, Пашута взяла меня подъ руку и, непримѣтно для прочихъ, провела верхними аллеями къ дому, гдѣ на цвѣточной площадкѣ я въ памятную, тяжелую ночь, ѣдучи на Дунай, обломалъ и выдернулъ посаженный нами когда-то дубокъ.

— Вотъ онъ, — сказала Пашута, подведя меня, межъ сиреневыхъ и розовыхъ кустовъ, къ срединѣ площадки — онъ цѣлъ! Я нашла его тогда утромъ, вновь посадила и вырастила моими слезами и молитвами о тебѣ...

Прошло девять лѣтъ. Я былъ вполне счастливъ съ Пашутой. Какая это была жена и мать, и какъ я ее любилъ!

Въ послѣдній годъ царствованія незабвеннаго для меня, рыцарски-возвышеннаго и столь мало оцѣненнаго современнымъ міромъ, императора Павла, я былъ произведенъ въ секундъ-майоры и вскорѣ назначенъ командиромъ фанаторійскаго полка. Покоритель Измаила ужъ отошелъ въ вѣчность.

Какъ истый Россіянинъ, я рѣшилъ поклониться праху безсмертнаго, всемістнаго побѣдителя, и встать отвезти изъ Бендеръ въ вадеты въ сѣверную столицу, гдѣ такъ давно не былъ, старшаго, восьмилѣтняго моего сына, Сергѣя, на память коему, впоследствии, я озабочился стать сочинителемъ и сей исторіи. Соверша оную поѣзду, я мнилъ самую близость моего жизненнаго разрушенія содѣлать безмятежною и мирною.

Былъ мартъ 1801 года. Прибывъ въ Петербургъ, я осмѣлился искать счастья представиться императору Павлу, для чего и за-

писался въ пріемной графа Ивана Павловича Кутайсова. Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Въмѣсто пышности—простота, вмѣсто веселья, вартъ, попойекъ—служба, суровость, дисциплина, тишина. Новыя лица властвовали, новыя партіи складывались...

Государь не замедлилъ назначить мнѣ аудіенцію. Это было въ недавно-отстроенномъ, Михайловскомъ дворцѣ. Я не узналъ Павла Петровича. Куда дѣлся свѣтлый, какъ бы окрыленный взоръ, нѣкогда стремившійся къ Дунаю, вслѣдъ за суворовскими орлами? Куда дѣлась легкая, статная походка и этотъ въ бархатномъ колетѣ всадникъ, скакавшій на своемъ бѣломъ Помпонахъ по мирнымъ гатчинскимъ садамъ? Передо мной былъ озабоченный, въ суровыхъ морщинахъ и примѣтно посѣдѣвшій отъ раннихъ, немолчныхъ тревогъ, вѣнчанный дѣлецъ.

— Полковникъ Вехтѣевъ! очень радъ!—сказалъ императоръ, привѣтливо поднимаясь на встрѣчу мнѣ отъ груды бумагъ:—радъ видѣть стараго гатчинца. Ну, какъ живешь, что семейство, жена?

Тутъ усталые, когда-то живые и ясные глаза Павла Петровича засвѣтились знакомою, мягкой улыбкой.

— Ты счастливѣе меня,—проговорилъ онъ, выслушавъ мои отвѣты на рядъ быстрыхъ, отрывистыхъ вопросовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ воспоминаній о Гатчинѣ и о суворовскихъ походахъ въ Италію и Францію, государь задумался, тревожно прошелся по комнатѣ и, пристально взглянувъ на меня, произнёсъ:

— Вехтѣевъ! я знаю о твоей поѣздкѣ въ Парижъ.

Я почтительно склонился.

— Ты дѣльный, исполнительный человѣкъ. Понадобисья мнѣ. Не забуду тебя, приплету за тобой.

Тѣмъ первое свиданіе кончилось. Дня черезъ два за мной явился курьеръ. Тотъ же благосклонный пріемъ и то же облаженіе высокой милостью. Покончивъ чтеніе какой-то присланной отъ канцлера бумаги, государь подошелъ къ окну, взглянулъ на Лѣтній садъ, видѣвшійся изъ дворца, и, по нѣкоторой паузѣ, изволилъ промолвить, что посылаетъ съ повелѣніемъ къ наказному атаману войска Донского, Орлову, съ изготовленными дополнительными планами и маршрутами къ Инду и Гангесу...

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Величіе и смѣлость рѣшеннаго, почти легендарнаго предпріятія ошеломили, подавили меня. Глубоко тронутый довѣріемъ и новою милостью монарха, я возвратился на»

Здѣсь «Записки Вехтѣева» прекращаются. Конецъ рукописи былъ, очевидно въ послѣдствіи, кѣмъ-то оторванъ и, сколько о томъ ни старались, не найденъ нигдѣ.

Посѣтивъ В***ю губернію, я освѣдомился о помѣстьи, принадлежавшемъ въ прошломъ вѣкѣ роду Ажигиныхъ. Деревня Горки существуетъ и до-нынѣ и находится во владѣніи Петра Сергѣича Вехтѣева, внука автора здѣсь приведенныхъ мемуаровъ.

Еще бодрый, румяный, съ сѣдыми усами и съ такою же оклатой бородой, шестидесятилѣтній старикъ, Петръ Сергѣичъ, узнавъ цѣль моего заѣзда, принялъ меня очень радушно. Я попалъ въ Горкахъ на семейный праздникъ а именно на день рожденія семилѣтней внучки хозяйина, Фленушки.

Виновица праздника была очевидно любимицей всей семьи. По-знакомая со мной, она подвела меня къ двумъ фамиліинимъ портретамъ, изображавшимъ красивую, въ напудренной, высокой прическѣ, сухощавую даму, и добродушнаго, полнаго, съ краснымъ отложнымъ воротомъ и однимъ эполетомъ, мужчину.

— Это моя прабабушка, а вотъ ее мужъ!—сказала быстро-глазая, коротко-остриженная и живая Фленушка, взглядывая сбоку, какое впечатлѣніе произвести на меня ее слова:—прадѣдушка былъ добрый, а она... злюка.

— Почему?—удивился я.

— Она... ахъ, нѣтъ! то не она, а другая прабабушка! та бросила жениха и не любила вопскъ... а вы любите?

— Этотъ ребенокъ такъ все замѣчаетъ и ничего не боится!—поспѣшила мнѣ объяснить, отводя меня, мать Фленушки:—представьте, недавно я призвала управляющаго и говорю—вынесите въ саду на полянахъ траву; тамъ много ящерицъ, Флена увидитъ и еще испугается. А она тутъ же запустила руку въ фартухъ и мнѣ въ отвѣтъ: помилуйте, мама, у меня ужъ два дня вотъ живая ящерица въ карманѣ, и я ее кормлю сахаромъ.

— Сушая, кажется, Пашута,—сказалъ я.

— Кто это?

— Да ее прабабушка, — отвѣтилъ я, разглядывая портретъ напудренной дамы.

Семья Вехтѣевыхъ, какъ и весь этотъ, точно забытый временемъ уголокъ, была очень симпатична и своеобразна. Каменный, старинный домъ, съ цвѣтными изразцами печей, съ семидюймовыми часами, съ отдѣланной въ бронзу мебелью и венеціанскими, въ стеклянныхъ рамахъ зеркалами, такъ и вѣялъ прошлымъ вѣкомъ. Говорили о начавшейся войнѣ съ турками, о переходѣ Дуная и Балканъ. Сынъ хозяйина, отецъ Фленушки, былъ въ дѣйствующей арміи, писалъ о Тырновѣ, о Шибкѣ. О немъ говорили сдержанно, робко. Извѣстій отъ него давно ужъ не было. На мой вопросъ, какъ кончилъ жизнь Савватій Ильичъ? мнѣ отвѣтили, что онъ былъ убитъ подъ Бородинымъ.

Его сынъ, Сергѣй, отецъ нынѣшняго владѣльца Горохъ, служилъ въ двадцатыхъ годахъ во флотѣ и умеръ въ Италіи, раненный въ Наваринскомъ бою.

Существованія привезенныхъ мной записокъ никто не подозрѣвалъ. Ихъ чтеніе было устроено въ портретной, въ кругу всей семьи. Я и невѣстка Петра Сергѣича, бывшая смолянка, читали вслухъ по-очереди. Старинные портреты, работы Тишбейна, Левицкаго и ихъ учениковъ, какъ живые, привѣтливо глядѣли изъ потемнѣвшихъ, фигурныхъ рамъ.

Послѣ первыхъ главъ рукописи, Фленушка засуетилась, сбѣгала куда-то и, принеся свѣжій дубовый листокъ, молча положила его передо мной. Выслушавъ конецъ записокъ, она принесла фарфоровую, разрисованную чашку.

— Я не знала прабабушки, — сказала она: какая она добрая! теперь я никогда, никогда...

— Не бросишь жениха? — спросилъ внучку, съ густымъ, простодушнымъ смѣхомъ, дѣдъ: а вотъ ты лучше покажи гостю Дунюшкинъ сундукъ...

Дѣвочка молча прижалась къ матери.

Дунюшка полвѣка сряду была слугой въ этомъ домѣ и въ ея сундукѣ, оставшемся, десять лѣтъ назадъ, послѣ ея смерти, хранились между разнымъ хламомъ семейныя бумаги Вехтбевыхъ, связки нисемъ, лечебники, травники и пр. Флена любила рыться въ кладовой въ этомъ сундукѣ, разобрать документы котораго хозяева все откладывали.

Въ тотъ же вечеръ вся семья собралась къ чаю на цѣточную площадеу, подъ дубомъ. На чайный столъ былъ поставленъ жалованный, съ пастушками и амурами, севрскій сервизъ. Толковали о Потемкинѣ, Суворовѣ, о Екатеринѣ и Павлѣ.

Освѣщенный яркимъ лѣтнимъ багрецомъ на маковкѣ и сбоку отъ пруда, столѣтній, снизу стемнѣвшій дубъ, далеко простиралъ свои вѣтви надъ поминавшей давніе, забытые годы семьей.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛѢВСКІЙ.

1877 г.

ОФФИЦАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ

ВЪ

ЛИЦАХЪ

Stambul und das moderne Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen. Leipzig, 1877.

О к о н ч а н і е .

V ¹⁾).

Учрежденное еще въ 1847 году, министерство народнаго просвѣщенія въ Турціи существуетъ уже 30 лѣтъ. Впрочемъ, вся дѣятельность его состоитъ лишь въ томъ, что оно ведетъ списки учителей съ означеніемъ ихъ именъ и содержанія; случалось, что министромъ народнаго просвѣщенія дѣлался человекъ, который ничему самъ не учился, кромѣ каллиграфіи, и въ тому умѣлъ всякими паясничествами забавлять султана Абду-ль-Азиза; такимъ былъ, напримѣръ, Невресь-паша. Иногда правительство, вкупѣ съ министерствомъ, время отъ времени принималось за нѣкоторыя улучшенія въ дѣлѣ народнаго образованія; но эти начинанія такъ и оставались только начинаніями и не вели ни къ какому путному результату. Такъ, въ началѣ 50-хъ годовъ постановлено было составить учебникъ по всеобщей исторіи. Съ этой цѣлью было учреждено три комиссіи: для древней, средней и новой исторій. Каждая комиссія состояла изъ трехъ лицъ—

¹⁾ См. выше, янв., 275 стр.

предсѣдателя, который только курилъ трубку, христіанина, на которомъ собственно и лежалъ весь трудъ, да писмоводителя, которому нѣчего было писать. Предсѣдателемъ комиссіи для древней исторіи былъ Субхи-паша, весьма ученый человѣкъ, который нѣсколько серьезнѣе другихъ смотрѣлъ на дѣло, и по нѣкоторымъ вопросамъ обращался къ одному европейцу за совѣтами. Въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, Субхи-паша совершенно серьезно говорилъ ему: «Въ вашихъ исторіяхъ многое разсказывается о какомъ-то Кирѣ, который будто бы основалъ Персидское государство, тогда-какъ наши историческія книги ничего не знаютъ объ этомъ человѣкѣ; только въ одномъ сочиненіи я нашелъ, что Киръ былъ верховнымъ визиремъ Навуходоносора, и мнѣ сдается, что все, что европейцы толкуютъ о Кирѣ и его преемникахъ, есть чистѣйшій вымыселъ. Вотъ если бы мнѣ могли указать на какой-нибудь восточный источникъ, которымъ бы подтверждались эти сказанія—это было бы другое дѣло!» Европейецъ возразилъ ему на это, что можно назвать не одинъ, а нѣсколько такихъ источниковъ, и указалъ ему на книги ветхаго завета, а именно на книгу Эздры, Нееміи и Осеири; затѣмъ, на Бигистунскія клинообразныя надписи, которыя находятся близъ турецкой границы на пути изъ Багдада въ Гамаданъ, въ которыхъ сохранились подробныя свѣдѣнія о Даріѣ, сынѣ Гистаспа, и его династіи, начиная отъ Кира до его времени, не говоря уже о другихъ меньшихъ памятникахъ въ Персеполи, Гамаданѣ и въ турецкихъ предѣлахъ близъ Вана, изъ которыхъ можно достаточно убѣдиться по-крайней-мѣрѣ въ существованіи Кира, Дарія и Ксеркса. Но ученый предсѣдатель скоро нашелся, что отвѣтить на это. «Ветхій заветъ», сказалъ онъ, «искаженъ евреями и христіанами и, слѣдовательно, вовсе не достовѣрный источникъ. А что касается до клинообразныхъ надписей, то хотя многіе европейскіе ученые и утверждаютъ, будто они въ состояніи читать ихъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это только пустое хвастовство, *fable convenue*, которую они, какъ и многое кое-что другое, хотѣли бы навязать свѣту».

Нужно замѣтить, что, по мнѣнію могоммедавъ, только тѣ мѣста Библіи искажены евреями и христіанами, въ которыхъ будто бы возвышалось о посланничествѣ Могоммеда; а Субхи-паша распространилъ этотъ предразсудокъ, ограничивающійся, при томъ, чисто-догматическимъ вопросомъ, на весь ветхій заветъ цѣликомъ.

Такъ послѣ ничего и не слышно было о тѣхъ трехъ комиссіяхъ.

Верховный визиръ Аали-паша исходатайствовалъ у султана

высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы члену драгоманата Ахмеду-Хылыми-эфенди поручено было перевести какой-нибудь изъ иностранныхъ учебниковъ исторіи для школьнаго употребленія. Порученіе было исполнено, и когда первый томъ труда былъ напечатанъ, Ахмедъ-Хылыми-эфенди представилъ его въ министерство. Тутъ по этому поводу происходило долгое совѣщаніе, а потомъ приглашенъ былъ самъ переводчикъ, и ему возражали въ такомъ родѣ:

«Вотъ вы пишете здѣсь объ Авраамѣ, другъ Божию — миръ надъ нимъ! — а совсѣмъ не упоминаете объ огнѣ, которымъ хотѣлъ его сжечь Нимродъ; а было весьма встати упомянуть объ этомъ и разъяснить читателямъ, былъ ли этотъ огонь зажженъ фосфорными спичками, или инымъ какимъ-либо способомъ». А. Хылыми отгвчалъ на это: «Такъ какъ Авраамъ не былъ современникъ Нимрода, то Нимроду не могло и въ голову придти осуждать Авраама на сожженіе». — «Вы пишете здѣсь, далѣе, о Соломонѣ, сынѣ Давида — миръ надъ ними обоими! — и о храмѣ, построенномъ имъ въ Іерусалимѣ; а не упоминаете при этомъ, что храмъ-то былъ выстроенъ, по повелѣнію Соломона, геѣями. Намъ думается, что подобная книга не годится для нашихъ школъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы сдѣлать учебникомъ исторіи въ нашихъ школахъ «Житія святыхъ» (т.-е. магометанскихъ).

А «Житія святыхъ» — книга, составленная тѣмъ самымъ членомъ учебнаго совѣта, который производилъ допросъ.

Переводчика попросили опять удалиться изъ засѣданія совѣта, въ которомъ затѣмъ произведено было голосованіе насчетъ того, какой учебникъ ввести въ школахъ. Само собою разумѣется, что единогласно рѣшено было въ пользу «Житія святыхъ». Въ это время входитъ министръ народнаго просвѣщенія, Субхи-паша, и спрашиваетъ, о чемъ шли толки. Когда ему подробно изложили сущность дѣла, — онъ заявилъ: «господа, вы не имѣете никакого права разсуждать объ этомъ: его величество султанъ повелѣлъ перевести эту книгу и употреблать ее въ школахъ, и вы совершенно не въ правѣ подвергать баллотировкѣ высочайшее повелѣніе, а тѣмъ болѣе постановлять рѣшеніе, противное этому повелѣнію».

Такимъ образомъ, «Житія святыхъ» опять были устранены; но не лучше стало и съ другою книгою: все изданіе было сдано въ министерство и до сихъ поръ гниетъ гдѣ-то въ подвалѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что простое народонаселеніе, преимущественно анатолійское, по свидѣтельству многихъ, жившихъ среди него, путешественниковъ, имѣетъ многія хорошія каче-

ства — честность, умеренность, трудолюбие, гостеприимство и обходительность; но оно погружено во мракъ самого первобытнаго невежества и суевѣрія, выѣдреннаго въ него правовѣріемъ, исламомъ. Что же касается до того класса, который и долженъ бы быть проводникомъ въ свою націю европейской цивилизаціи и культуры, т. е. классъ чиновной аристократіи, стамбульскихъ эфенди, то онъ представляетъ собою полнѣйшую деморализацію. Обезпеченный должностною монополіею и преждевременно истощаясь, еще въ томъ возрастѣ, когда европейскій юноша едва только вступаетъ въ права мужской зрѣлости, этотъ классъ съ каждымъ поколѣніемъ становится все хуже и хуже не только въ интеллектуальномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Кто, будучи врачомъ, или учителемъ, или въ иной-какой профессіи, имѣлъ случай ближе познакомиться съ семейными отношеніями этихъ людей, тѣ единогласно утверждаютъ, что развѣ еще перво-рожденный ребенокъ, продуктъ сравнительно еще здороваго организма, обладаетъ всѣми физическими и умственными способностями, пока онъ самъ впоследствии не растратилъ ихъ всякаго рода излишествами; дѣти же, рождающіеся позже, сплошь и рядомъ бываютъ болѣе или менѣе золотушные, слабоумные, вялы и лѣнны. Вслѣдствіе этого уровень умственнаго образованія въ этомъ классѣ у турокъ годъ-отъ-году все падаетъ. Немногія исключенія, какія выдаются своимъ талантомъ и способностями, не принадлежать къ стамбульскому населенію. Напр., Ахмедъ-Вефיקъ-паша — сынъ перешедшаго въ мусульманство еврея и гречанинъ; теперешній верховный визирь Эдхемъ-паша — грекъ, попавшій въ руки турокъ еще мальчишкой во время хіосской катастрофы 1822 г.; Субхипаша сынъ гречанки изъ Морей; недавно, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія Мюнифъ-эфенди — арабъ изъ Аинтаба и т. д. Только Решидъ-паша, Аали-паша и Фуадъ-паша составляютъ замѣчательныя исключенія. Послѣдній происходитъ изъ конійской фамиліи Кечеджі-Задѣ, существующей 300 — 400 лѣтъ. Наслѣдственный порокъ сердца грозитъ и этой фамиліи скорымъ и неминуемымъ прекращеніемъ.

Но и эти замѣчательныя личности ничего не могли произвести: здоровое пониманіе ими вещей и лучшія ихъ стремленія парализовались односторонностію или недостаткомъ энергіи, коренившимися въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ условіяхъ быта оффиціальнаго турецкаго міра и его общихъ религіозно-нравственныхъ понятій. При такихъ условіяхъ дѣло образованія не много можетъ выиграть. Кто вполне понимаетъ значеніе образованія, тотъ приступаетъ къ нему, откинувъ всякое самоиѣніе и воору-

жившись энергіею и готовностью употребить на него всё силы и средства свои. Иначе относятся къ этому дѣлу въ Турціи: выучившіеся кое-чему сейчасъ начинаютъ мечтать о себѣ какъ о свѣтилахъ мудрости и относиться свысока къ вещамъ, которыхъ хорошенъко не понимаютъ; или же дѣлаютъ изъ образовательныхъ предпріятій спекуляцію, а чаще относятся къ дѣлу образованія съ полнымъ равнодушіемъ и не выказываютъ никакой готовности содѣйствовать его развитію и возвышенію. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Ахмедъ-Вефикъ-паша играетъ теперь такую видную роль въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ въ Турціи, что мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этой личности. Какъ уже сказано было, онъ не принадлежитъ къ турецкой расѣ: въ его жилахъ течетъ смѣшанная, семитическая и греческая кровь; самыя черты лица показываютъ его семитическое происхожденіе. Безспорно, что онъ одинъ изъ свѣдущихъ и образованныхъ турокъ, вышедшихъ изъ переводческаго бюро министерства иностранныхъ дѣлъ. Во время vizирства Решидъ-паши онъ всецѣло углубился въ изученіе славнаго прошлаго оттоманской имперіи. Въ 1848 году онъ былъ делегатомъ со стороны Порты на конференціи въ Бухарештѣ, результатомъ которой была Балто-Лиманская конвенція, вскорѣ, впрочемъ, утратившая свою силу вслѣдствіе новыхъ событій въ Молдавіи и Валахіи. Послѣ того онъ занималъ много различныхъ должностей, но не выдвигался замѣтно. Чистокровные стамбульскіе эфенди смотрѣли на него какъ на *hoto novus*; да и онъ не упускалъ случая давать имъ чувствовать свое умственное превосходство. Грубость тона, которую онъ позволялъ себѣ даже и въ отношеніи къ европейцамъ, была причиною враждебности къ нему Аали-паши, который, какъ выложенный дипломатъ, не любилъ никакихъ рѣзкостей. Въ 1860 году онъ былъ сдѣланъ посломъ въ Парижѣ, и его-то настояніямъ Турція обязана тѣмъ, что французскія войска тотчасъ по окончаніи своей миссіи оставили Сирію. Но Наполеонъ III постарался скоро избавиться отъ него, и онъ былъ отозванъ. По восшествіи на престолъ султана Абду-ль-Азиза, Ахмедъ-Вефикъ обѣзжалъ въ качествѣ ревизора западныя мѣстности Малой-Азіи и открылъ тамъ массу злоупотребленій. Сдѣлавшись министромъ *вакуфовъ* (благочестивыхъ вкладовъ), онъ было принялся за очистку этой авгіевой конюшни отъ колоссальныхъ злоупотребленій; но его образъ дѣйствій былъ не по вкусу стамбульскимъ эфенди. Аали-паша принялъ ихъ сторону, и Ахмедъ-Вефикъ снова удалился къ частной жизни. На своей дачѣ возлѣ самой высокой башни

въ Румели-Хисарѣ онъ проводилъ все время за книгами: издавалъ сочиненія древнихъ оттоманскихъ писателей, преимущественно историковъ; переводилъ комедіи Мольера; печаталъ учебники, ландарты и т. п. При Махмудъ-Недимъ-пашѣ онъ снова былъ исправляющимъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія до конца 1872 г. Но грубость, которую онъ часто позволялъ себѣ не только съ невѣждами и негодяями, но и съ порядочными людьми, нажила ему много враговъ, и онъ опять долженъ былъ удалиться въ уединеніе, въ которомъ и оставался до послѣдняго времени. Въ 1876 году его командировали, какъ представителя оттоманской учености, на международный сѣздъ ориенталистовъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, по провозглашеніи конституціи, онъ былъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ въ турецкомъ парламентѣ, а теперь — генералъ-губернаторомъ въ Адрианополѣ и занимается вѣдѣніемъ болгаръ всѣхъ возрастовъ и состояній, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ мятежѣ.

Отличительную черту характера А.-Вефика составляетъ полное отвращеніе къ европейцамъ и ко всему европейскому. Шовинизмъ его еще имѣлъ бы смыслъ, если бы былъ противопоставляемъ тѣмъ отребьямъ человечества, которыя приливаютъ въ Турцію изъ Европы и, какъ волки и гіены, рыщутъ, ища себѣ добычи; но шовинизмъ этотъ не имѣетъ у него никакихъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного ориенталиста. Какъ самоучка, онъ о многихъ произведеніяхъ европейской науки совсѣмъ не знаетъ, другихъ же не понимаетъ. Онъ совершенно правъ, напримѣръ, указывая нѣкоторые недостатки въ турецкихъ словаряхъ Менинскаго, Ханджери, Бянки и Ценвера; но и его собственный словарь турецкаго языка далеко не соответствуетъ современнымъ научнымъ требованіямъ лексикографіи: онъ безъ всякой разумной цѣли придумалъ какую-то запутанную систему расположенія словъ; многія слова славянскія производитъ изъ греческаго или изъ итальянскаго языковъ и т. п.

Редактированныя имъ изданія прежнихъ турецкихъ писателей не имѣютъ и признаковъ наукообразности: въ нихъ нѣтъ ни вариантовъ, которыхъ, вѣсти замѣтить, всегда не мало въ восточныхъ памятникахъ, ни историко-литературныхъ, ни филологическихъ примѣчаній. Собственные произведенія Вефика, въ родѣ его «Фезлекъ», краткой исторіи Турціи, суть не болѣе какъ дюжинныя компіляціи. Бывши делегатомъ на конгрессѣ ориенталистовъ, онъ не сдѣлалъ никакого научнаго сообщенія. До-

вольно сказать, что и сами турки далеко не всё считаютъ его свѣтиломъ, какимъ его выставялъ мимоходомъ въ своихъ сочиненіяхъ покойный французскій генеральный консулъ въ Константинополѣ Белентъ: намъ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывъ о немъ, какъ о *шарлатанѣ*. Недостатокъ дѣйствительныхъ ученыхъ заслугъ своихъ онъ за то старается при всякомъ удобномъ случаѣ восполнить наглѣмъ лганьемъ, на какое способны только высокопоставленные турки. Мы уже упоминали прежде о той беззащитности, съ которою онъ всё маломальски порядочныя турецкія сочиненія выдавалъ за *его собственныя*, и не краснѣлъ, если его, бывало, прямо въ глаза изобличать во лжи. Вотъ еще нѣсколько характерныхъ фактовъ. Бывши въ Петербургѣ, онъ раздавалъ всѣмъ лично знакомымъ съ нимъ членамъ конгресса экземпляры сочиненія арабскаго писателя Замахшари «Атвату-з-Зачабъ», незадолго передъ тѣмъ изданное французскимъ оріенталистомъ Барбье-де-Мейнардомъ съ примѣчаніями. «Что за притча?»—спрашивали себя получившіе такую подарокъ. А дѣло было вотъ въ чемъ: въ предисловіи ученый французъ разсыпался въ комплиментахъ Ахмеду-Вефику за то, что онъ прислалъ ему экземпляръ того же сочиненія, *напечатаннаго* въ Константинополѣ. Вефикъ такое обыкновенное между учеными одолженіе, въ которомъ не было бы и нужды, если бы въ его отечествѣ существовала правильно организованная книжная торговля, не задумался поставить себѣ тоже, вѣроятно, въ ученую заслугу и, чтобы повѣдать о ней свѣту, привезъ цѣлый тюкъ чужого труда и награждалъ имъ оріенталистовъ. Въ частныхъ разговорахъ онъ ни объ одномъ ученомъ не отзывался какъ о заслуживающемъ своей репутаціи, и очень многихъ, *въ томъ числѣ и г. Вамбери* называлъ *своими плохими учениками*, надъ просвѣщеніемъ которыхъ онъ напрасно трудился, ибо изъ нихъ не вышло никакого проку. «А ваши,—сказалъ онъ разъ про русскихъ,—профессора—какіе это профессора, если они лѣзутся хватать (*attraper*) прибыльныя чиновничьи должности»... Единственно, кого онъ признаетъ истиннымъ ученымъ — это Раулинсона, да и то, надо полагать, въ пику своимъ же ученымъ туркамъ, которые, какъ мы видѣли, дешифрируемыя европейцами клинообразныя надписи считаютъ за *fable convenue*; а отчасти еще и потому, что онъ считаетъ себя, Богъ вѣсть съ какой стороны, *соучастникомъ* въ трудахъ англійскаго оріенталиста: должно быть, сочиняетъ. До чего Вефикъ враждебенъ всему европейскому, это онъ высказываетъ каждую минуту.

•

Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ прежде всего притворился страшно страдающимъ отъ ревматизма и избобрѣлъ на этотъ случай особую даже походку. Когда ему предложили порекомендовать доктора, то онъ, охотно принявъ это предложеніе, прибавилъ при этомъ, съ своимъ саркастическимъ хохотомъ: «только пожалуйста, чтобъ этотъ докторъ былъ не изъ общества Краснаго Креста, а *то онъ меня отравитъ!!!*» Во время своего посѣщенія Императорской Публичной библіотеки онъ завелъ рѣчь о разныхъ научныхъ сокровищахъ Стамбула и между прочимъ о монетахъ. «У насъ», — говорилъ онъ, — «страшное множество всякихъ древнихъ монетъ; нѣсколько миллионовъ уже правительствомъ сплавлено и перечеканено на новую монету; а затѣмъ *европейскіе ученые*, пользуясь позволеніемъ разсматривать сохранившіяся въ нашихъ коллекціяхъ монеты, много изъ нихъ *поторовали*, и вотъ я сдѣлалъ султану представленіе о томъ, чтобы запереть ихъ въ сундуки, и заперъ, да крѣпко заперъ, такъ какъ я *дѣлаю все, что хочу, въ Стамбулѣ...* Вотъ этотъ господинъ вамъ это можетъ засвидѣтельствовать!» — добавилъ онъ, безъ церемоніи указывая на меня прочимъ лицамъ, предъ которыми онъ ораторствовалъ. Увидѣвъ проѣздомъ черезъ Неву Петропавловскую крѣпость и при этомъ вспомнивъ о своей поѣздкѣ въ Кронштадтъ, онъ выразился: «Это все созданія варваровъ!» Но потомъ, вѣрно спохватившись, прибавилъ: «я всѣхъ военныхъ считаю варварами!» Хорошо хоть то, что онъ и своихъ военныхъ тоже не превозноситъ. Когда, бывало, заведешь съ нимъ разговоръ о комъ-нибудь изъ профессоровъ «Дару-ль-Фулуна» (университета стамбульскаго), то онъ дѣлалъ видъ, что онъ ихъ не знаетъ, говоря: — «да, ихъ много тамъ; они всѣ *являются* ко мнѣ; но я ихъ *не принимаю дальше передней!*» Собственно трудно разобрать, что за идеалы у этого человѣка: Европа и европейцы въ его глазахъ дрянъ; турки, отдѣльные личности, тоже не лучше того; остается какое-то отвлеченное понятіе — Турція, которое онъ цѣнитъ выше всего на свѣтѣ и не допускаетъ никакихъ несовершенствъ въ этомъ заоблачномъ, идеальномъ государствѣ. Странно только одно: сколько ни приходилось мнѣ читать о немъ отзывы европейцевъ, всѣ называютъ его честнымъ человѣкомъ. Кромѣ подобнаго отамва о немъ нашего неизвѣстнаго автора, такой же панегирикъ его честности написала ему и одна гувернантка изъ англичанокъ («Биржев. Вѣдом.», №№ 337 и 344 за 1876 г., фельетонъ). Эта, долго жившая въ Константинополѣ, госпожа приписываетъ ему же какой-то радикальный переворотъ, произведенный имъ въ гаремной

жизни своего дома, изъ котораго онъ будто бы создать *домашній очагъ* въ смыслѣ англійскаго *home*. Равнымъ образомъ, когда Ахмедъ-Вефикъ пріѣзжалъ въ Петербургъ на конгрессъ ориенталистовъ, онъ тоже былъ рекомендованъ кѣмъ-то изъ нашего посольства въ письмѣ въ одному изъ учредителей конгресса, какъ *заремный реформаторъ* и *ревнитель женскаго образованія* въ Турціи. Конечно, англичанка, какъ женщина, могла быть знакома въ преобразованный гаремъ Вефика и могла ближе знать строй его жизни; съ ней спорить поэтому трудно. Но я, съ своей стороны, только позволю себѣ сомнѣваться въ правильномъ пониманіи Вефикомъ истиннаго образованія и заключаю это изъ того, что девятилѣтняя дочь его начала свое обученіе съ древняго арабскаго сочиненія «Таріхъ-и-Табарі» — родъ нашихъ старинныхъ хронографовъ или пален. Точно также во время моего посѣщенія Вефика сыновья его со сложенными на животѣ руками смиренно сидѣли обыкновенно у порога, изрѣдка вскакивая для исполненія какой-нибудь послуги для своего *эфенди*; женскій же полъ, за исключеніемъ вышеупомянутой маленькой его дочери, вовсе не показывался, или же закутанный съ ногъ до головы въ чадру прохаживался въ саду и издали поглядывалъ въ растворенныя окна гостиной, гдѣ мы сидѣли, любопытствуя знать, что за гуаръ пребываетъ въ ихъ домѣ. Когда Вефику пожалованъ былъ титулъ паши, то онъ сказалъ по этому случаю въ парламентѣ: «уже четыре или пять разъ мнѣ предлагали титулъ паши, и я все отказывался; но теперь я его принимаю, такъ какъ я усматриваю въ пожалованіи мнѣ этого титула то высокое уваженіе, какое его величество султанъ питаетъ къ конституціи». Тѣмъ не менѣе онъ дѣйствовалъ въ парламентѣ скорѣе какъ правительственный комиссаръ, чѣмъ президентъ свободнаго представительнаго собранія, и у него нѣрѣдко происходили крупныя столкновенія съ нѣкоторыми провинціальными депутатами, о чемъ официальные отчеты въ газетахъ, конечно, не сообщали и чего не ожидали сами составители турецкой конституціи.

И вотъ такіе-то господа, какъ Али-Соавъ-эфенди и Ахмедъ-Вефикъ-паша, пользуясь значительнымъ вліяніемъ въ Стамбулѣ, даютъ направленіе образованію оттоманскаго юношества: они только воспитываютъ подобныхъ себѣ фанатиковъ-самохваловъ и патріотовъ, что уже и обнаружилось въ послѣднее время въ турецкой печати. Въ турецкихъ газетахъ безпрестанно раздаются возгласы въ родѣ слѣдующихъ: «*Библиотеки европейцевъ въ нынѣшнее время наполнены нашими (т.-е. турецкими) книгами и сборниками*

длинной вереницы біографій нашихъ ученыхъ, а они называютъ насъ... *варварами*... Гяурскій міръ утратилъ способность различать, что добро и что худо»... («Басиретъ», № 2210). Или вотъ что недавно пишетъ газета «Имранъ» (№ 52): «Османъ—это такой благодатный народъ, предки котораго, повелѣвая міромъ въ то время, когда вся Европа была погружена во мракъ невѣжества и звѣрообразія, *озарили всю вселенную лучезарнымъ солнцемъ мусульманской цивилизаціи*. Наслѣдственный фанатизмъ османовъ есть только ихъ прогрессъ, повергающій въ недоумѣніе нѣкоторыхъ кривоглагольцевъ изъ европейцевъ. *Науки и искусства Европы суть достояніе османовъ*, ибо они капиталъ любовнательности и смѣлливости, необходимыхъ для усвоенія этихъ наукъ и искусствъ, унаслѣдовали отъ дѣдовъ своихъ, *положившихъ основаніе этимъ наукамъ и искусствамъ*. То, чего европейцы не въ состояніи изучить и въ 10 лѣтъ, османамъ легко достичь въ 5 лѣтъ—это уже доказано, напр. изученіе иностранныхъ языковъ». Но образецъ безграничнаго чванства турецкихъ недоучекъ-шовинистовъ представляетъ длинная статья одного молодого османскаго медика, питомца медицинской школы, въ №№ 11 и 12 военно-медицинскаго турецкаго журнала «Джеридъ-и-Тыббіе-и-Аскеріе» (январь и февраль 1873 г.), подъ заглавіемъ: «О важнѣйшихъ медицинскихъ и гигиеническихъ открытіяхъ». Авторъ старается доказать въ ней, что всѣ важнѣйшія открытія въ области медицины, какъ, на примѣръ, вакцинація, принадлежать восточнымъ ученымъ, и что европейцы до сихъ поръ пробавляются ихъ безсмертными трудами. «Какъ могутъ европейцы, которые ножрали наслѣдіе могаммеданскихъ университетовъ, приписывать открытія, сдѣланныя нами въ средніе вѣка, безчисленныя великія медицинскія и гигиеническія открытія, какимъ-нибудь своимъ *мусъ*?»

Другіе же вліятельные турки, которые могли бы содѣйствовать своимъ положеніемъ развитію науки въ своемъ отечествѣ или, по крайней мѣрѣ, готовить средства и пособія для нея, смотрятъ на нее съ чисто спекулятивной точки зрѣнія. Такъ, знакомый уже намъ Исмаиль-паша, сдѣлавшись изъ цырюльниковъ главнымъ придворнымъ лейбъ-медикомъ, занялся собираніемъ древнихъ монетъ, приобрѣтая ихъ отчасти добровольною уступкою владѣльцевъ, частію получая въ подарокъ, а больше всего добывая путемъ вымогательствъ. Сдѣлавшись министромъ торговли, онъ разослалъ по провинціямъ приказъ о томъ, что всѣ древнія монеты должны быть продаваемы исключительно *правительству*, т.-е., другими словами, всюду поставленнымъ агентамъ Исмаиль-паши, и этимъ онъ сразу уничтожилъ весьма развитый дотогѣ въ

Турція промисель—свободную торговлю монетами, ибо чиновники постарались исполнить приказаніе высшаго начальства, не разсуждая о томъ, сколь оно вредно. Ровно ничего не смысли въ монетахъ, Исмаиль обращался къ нумизматамъ за опредѣленіемъ монетъ, а потомъ, на основаніи сообщенныхъ ими свѣдѣній, поручилъ своему кяль (интенданту) привести ихъ въ порядокъ и составить каталогъ, причемъ самъ онъ только курилъ свой чубукъ. И вотъ, когда онъ сталъ членомъ государственнаго совѣта, т.-е. уже закончилъ свою служебную карьеру, онъ продалъ въ Смирнѣ свою коллекцію.

Не больше готовности выказываетъ и османское общество, когда ревнители просвѣщенія обращаются къ его содѣйствію. Замѣтивъ быстрое возрастаніе школъ армянской и особливо греческой общинъ, дающее перевѣсъ грекамъ и армянамъ надъ турками въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, турецкія газеты вопіяли противъ такого бѣдствія, и прежде всего стали требовать, чтобы министерство народнаго просвѣщенія взяло подъ свой *строжайшій надзоръ* эти школы, — разумѣется, въ видахъ низведенія ихъ на одинаковый уровень съ турецкими. Это уже чисто турецкая логика! Въ то время какъ греческіе банкиры жертвуютъ тысячи и десятки тысячъ лиръ на поддержку существующихъ и учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній, турки не въ состояніи были составить путемъ подписки даже незначительной суммы въ 15,000 піастровъ, понадобившейся на устройство школы въ населенномъ турками мѣстечкѣ Эрэнкѣ (недалеко отъ Босфора), такъ что, за исключеніемъ нѣсколькихъ лиръ, пожертвованныхъ турками, весь недочетъ взялъ на себя богатый албанскій христіанинъ Христати Зографосъ. Аали-паша и Юсуфъ-Кямилъ-паша одно время посѣщали общество армянскихъ усильщиковъ и собственнымъ наблюденіемъ убѣдились въ успѣхахъ этихъ труженниковъ, которые, проработавъ цѣлый день, еще находили время и средства по вечерамъ учиться. И вотъ рѣшено было завести ремесленное училище для турецкихъ работниковъ на добровольныя пожертвованія, и съ этою цѣлью была открыта подписка. Фуадъ-паша подписалъ 500 лиръ, Аали-паша—500 лиръ, и такъ далѣе; прочіе сановники подписали каждый по своему состоянію. Возведено было колоссальное зданіе въ расчетѣ на громадную подписную сумму. И что же? Когда начали собирать деньги, то никого изъ подписавшихъ не оказалось дома, такъ что, кромѣ какихъ-нибудь 2, 3, 5, много 10 лиръ, никто больше не заплатилъ. Фуадъ-паша умеръ; Аали—тоже, а наследники отказались платить. Между тѣмъ цѣль была достигнута: школа по-

минально была учреждена, зданіе выстроено, и Европѣ пущено пылъ въ глаза, что собственно и требовалось; а тамъ—будь себѣ что будетъ.

Еще лучше были случаи въ Айваджикѣ и Салоникахъ, показывающіе, насколько дѣло образованія сочувственно самому турецкому обществу, если бы даже и нашлись дѣятели на этомъ поприщѣ изъ турокъ. Въ Айваджикѣ правительство выстроило красивое помѣщеніе для городского училища: но, видѣсто того, чтобы посылать въ него дѣтей своихъ, фанатическая чернь настронгла ихъ выбить стекла въ этомъ зданіи и натворить другихъ подобныхъ безобразій. Простоявъ нѣкоторое время пустымъ, зданіе это было отдано потомъ въ наемъ греческой общинѣ, которая съ благодарностью воспользовалась такимъ предложеніемъ. Въ Салоникахъ же одинъ учитель, по недостатку помѣщенія для школы, занимался обученіемъ дѣтей у себя на дому. Наконецъ, послѣ долгихъ исканій и просьбъ, ему отведено было правительствомъ мѣсто на дворѣ одной мечети, которая уже 60 лѣтъ стоитъ разрушенная, съ тѣмъ чтобы онъ на свой счетъ выстроилъ школу. Но тогда цѣлый кварталъ возсталъ противъ этого: какъ, молъ, можно строить школу на этомъ мѣстѣ, предназначенномъ для молитвы вѣрующихъ (хотя уже 60 лѣтъ никто тамъ не молился)—точно будто школа каковой-нибудь неприличной домъ!

Напрасно, слѣдовательно, иногда указываютъ, какъ на образецъ, на распространенность грамотности среди мусульманскаго турецкаго населенія. Эти познанія, которыми надѣляются турокъ ихъ разные ходжи да муллы, плодять лишь суевѣріе да видѣряютъ фанатизмъ, а къ образованію въ европейскомъ смыслѣ османлы такъ же враждебно относятся, какъ ко всему, что носить на себѣ слѣды истинной культуры. Что касается до самыхъ грубыхъ суевѣрій, то они господствуютъ не только среди низшаго турецкаго народонаселенія, но даже въ такъ-называемыхъ высшихъ классахъ. Еще до сихъ поръ существуетъ должность придворнаго астролога («Мюнеджимъ-баші»), которую въ настоящее время исправляетъ Хаджиръ-Тагиръ-эфенди, бывший до половины марта 1877 года председателемъ учебнаго совѣта и теперь сенаторъ. На его обязанности, какъ гофъ-астролога, лежитъ опредѣлять счастливые часы и минуты для совершенія всякихъ официальныхъ торжествъ. Онъ ежегодно издаетъ альманахъ, въ которомъ съ самою величайшею точностью указываются дни, когда хорошо стричь волосы, обрѣзывать ногти, принимать слабительное, посѣщать друзей, покупать дома, сады или рабовъ, когда ничего не дѣлать, когда отправляться въ путешествіе, открывать вровъ и

т. п. Въ 1850 году въ Константинополь прѣѣхалъ извѣстный астрономъ Петерсъ (теперь онъ въ с. Америкѣ) съ рекоменда-
тельными письмами отъ А. Гумбольдта и отъ другихъ ученыхъ;
но это ни къ чему не повело, потому что какъ разъ въ тотъ
день, когда онъ былъ представляемъ прусскимъ посланникомъ вер-
ховному визирю Решидъ-пашѣ, взорвало линейный корабль «Нус-
ретіе». «Если этотъ французъ-астрономъ», сказалъ Решидъ-паша,
«предвидѣлъ такое несчастье, то, значить, онъ лукавый злодѣй;
а если онъ ничего объ этомъ не зналъ, то въ такомъ случаѣ
онъ невѣжда, и намъ нечего съ подобнымъ человѣкомъ имѣть
дѣло». Одинъ муфти (ученый законовѣдъ) разъ спрашиваетъ
автора нашей книги, что бы могло предзнаменовать случив-
шееся тогда лунное затмѣніе—войну, или миръ, эпидемію, или
мятежъ, или что-нибудь другое подобное. Докторъ Мюлигъ,
(Mühlig), врачъ германскаго посольства, во время Абду-ль-Азиза
считался во дворцѣ *persona ingratisima*, потому что турки произ-
носили его фамилію *Мюлигъ*, что значить на арабскомъ языкѣ
«убійца», «губитель». Во время болѣзни даже самые образован-
ные турки приглашаютъ какого-нибудь ходжу или шейха для
заклинанія и изгнанія болѣзни посредствомъ какихъ-то особен-
ныхъ молитвъ ¹⁾. Въ одной изъ окраинъ Константинополя, близъ
Адрианопольскихъ воротъ, есть большое пустопорожнее мѣсто,
принадлежащее Рауфъ-бею. Онъ вздумалъ-было построить на этомъ
мѣстѣ дома и просилъ разрѣшенія на это у подлежащаго на-
чальства. Въ государственномъ совѣтѣ долго спорили по этому
поводу, пока предсѣдатель Эдгемъ-паша (зять нынѣшняго султана),
который дотолѣ спокойно читалъ себѣ газету, наконецъ прислу-
шался къ спорящимъ и спросилъ, ужъ не о томъ ли лугѣ идетъ
рѣчь, который состоитъ *подъ надзоромъ римскаго папы*, и когда
получилъ утвердительный отвѣтъ, то категорически заявилъ, что
онъ никогда не согласится на это, ни за что не желая брать
на себя такой *тяжкой ответственности*. Чтобы понять смыслъ
этого заявленія Эдгемъ-паши, надобно знать, что у турокъ су-
ществуетъ народное повѣрье о томъ, что отъ вышеупомянутаго
луга есть подземный и подводный ходъ въ Римъ, и что папа

¹⁾ Въ подтвержденіе этого мн. съ своей стороны, можемъ указать на объявленіе,
печатавшееся мѣсяца два тому назадъ въ турецкихъ газетахъ, о томъ, что какой-то
Мегемедъ-Садикъ-эфенди, изъ потомковъ шейха Таджу-д-Дина, покоящагося въ Ке-
саріи (значить потомокъ святого—это важная статья), занимается *отчитываніемъ*
отъ всевозможныхъ болѣзней (газета «Имранъ», № 49). А въ газетѣ «Вакиъ» (№ 725)
въ концѣ этого объявленія прибавлено даже, что этотъ эфенди великій мастеръ
своего дѣла.

въ ночь наканунѣ каждаго новаго года отправляется этимъ путемъ въ Константинополь самолично освѣдомиться, все ли еще этотъ лугъ не застроенъ; ибо какъ только онъ будетъ застроенъ домами, папа, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, долженъ провозгласить о наступленіи въ этотъ годъ страшнаго суда, на которомъ и по ученію ислама будетъ предсѣдательствовать Иисусъ Христосъ.

Въ довершеніе всего, даже сама печать турецкая раздѣляетъ суевѣрныя понятія черни и содѣйствуетъ ихъ распространенію и укорененію. Вотъ что писала газета «Басиретъ» въ маѣ 1872 года. Провзнали какъ-то, что въ глубинѣ Азіи, у одного курдскаго шейха, хранится «налінъ» (родъ деревяннаго сандалія), принадлежавшій пророку Могаммеду, и что шейхъ этотъ изъявлялъ готовность уступить свою драгоценность въ государственную сокровищницу и самолично доставить ее. Священный сандалій доставленъ былъ сухимъ путемъ до Самсуна, а оттуда съ экстреннымъ пароходомъ привезенъ въ Стамбулъ, гдѣ съ торжественною процессіей, въ которой участвовали верховный визирь и всѣ министры, былъ отнесенъ въ хранилище священныхъ древностей въ старомъ Сераѣ. Провинціальныя и столичныя газеты рассказывали даже о чудесахъ, совершенныхъ священнымъ сандаліемъ. Напримѣръ, когда его перевозили въ Амасію черезъ рѣку Ирисъ (по-турецки Ешиль-ирмакъ), воды этой рѣки вдругъ остановились и сдѣлались гладки какъ зеркало. Около 500 овецъ, пасшихся на горѣ Зерѣ, устремились всѣ внизъ, окружили лошадь, везшую «налінъ, и шли за нею въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, пока, наконецъ, съ десятокъ изъ нихъ были заколоты въ жертву, чѣмъ прочія овцы остались довольны и возвратились къ своему пастбищу.

Корень невѣжества, неспособности и безнравственности турокъ составляетъ ихъ семейный бытъ, покоющійся на весьма важномъ законоположеніи корана, довазывающимъ, что исламъ есть противополитурная религія, если строго отличать *культуру* отъ *цивилизаци*, которой не чужды и османлы. Цивилизація есть какъ бы только первая ступень выхода изъ варварства; но она далеко еще не культура; не будучи въ состояніи облагородить внутренній складъ человѣка, его характеръ, и сдѣлать его воспримчивымъ къ высшимъ, жизненнымъ идеаламъ, цивилизація, слѣдовательно, есть не что иное, какъ «замалеванное варварство».

Вотъ въ этому-то семейному строю турецкой жизни и къ нѣкоторымъ проистекающимъ изъ него послѣдствіямъ мы и обратимся теперь.

VI.

Корантъ, какъ извѣстно, если и не предписываетъ, то, по крайней мѣрѣ допускаетъ *полигамію*: законныхъ женъ мусульманинъ, сообразно своимъ средствамъ, можетъ имѣть четыре, наложницъ же неограниченное число. Рабыня, забеременевшая отъ своего господина, дѣлается свободною. Несоблюденіе супружескихъ обязанностей и отказъ въ надлежащемъ содержаніи даютъ женѣ право искать развода. При несуществованіи общности имущества супруговъ въ исламѣ, мужъ обязывается возвращать получающей разводъ женѣ ея приданое. Вообще у мусульманъ разводъ весьма легко дѣлается; для наложницъ же онъ, само-собою разумѣется, вовсе не нуженъ.

Возрастъ для вступленія въ бракъ не опредѣленъ: очень часто дѣти еще въ колыбели бываютъ обручаемы другъ другу родителями. Половое же сожителство часто начинается въ томъ возрастѣ, когда европейское дитя сидитъ еще на школьной скамейкѣ, и съ этой поры до дѣйствительнаго брака не знаетъ себѣ никакихъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія ставятся самою природою. Обыкновенно мальчика или его дядя (негръ-дядька), а то и сами родители еще до брака снабжаютъ рабынею; а тѣмъ, кто по своему положенію не можетъ имѣть жены или наложницы, проституція представляетъ средство истощить свои силы еще въ ту пору, когда наши юноши начинаютъ только понимать различіе половъ.

Друзья турокъ обыкновенно ставятъ на видѣ, что фактически полигамія существуетъ и въ Европѣ, а исламъ только легитимировалъ ее. За то европейскіе законы признаютъ лишь моногамію, противозаконное же сожителство не признается семейнымъ домомъ; по этимъ законамъ вѣббрачныя дѣти не имѣютъ правъ на наслѣдство. Последнее обстоятельство особенно возмущаетъ европейскихъ писателей, занимающихся социальнымъ вопросомъ. Правда, что вѣббрачный ребенокъ есть также человѣческое существо; но въ какихъ послѣдствіяхъ ведетъ равное съ прочими членами семьи положеніе батардовъ, какъ это среди мусульманъ водится, объ этомъ, конечно, судить не европейцамъ.

Прежде всего полигамія вредно вліяетъ на экономическій бытъ турокъ. Содержаніе гарема, куда входитъ все безъ разбора женское народонаселеніе турецкаго дома — жены, наложницы, рабыни, дочери — стѣбитъ огромныхъ расходовъ: для него необходимо много особыхъ помѣщеній, особая прислуга, болѣею частью особня вухни, а у зажиточныхъ людей даже и особые сады,

особые экипажи и т. д. Если въ этому присовокупить еще полное невѣдѣніе того, что называется экономіей, домоводствомъ, то само собою станетъ очевидно, что при равныхъ условіяхъ христіанитъ или еврей будетъ гораздо зажиточнѣе, нежели турокъ, а это обстоятельство не остается безъ вліянія на гигиеническія, интеллектуальныя и даже нравственныя отношенія различныхъ семействъ турецкихъ.

Чтобы имѣть хорошій гаремъ, слѣдовательно, надобно располагать для этого достаточными ресурсами. Но гдѣ же взять ихъ, когда честный, но тяжелый трудъ считается у турокъ унижительнымъ дѣломъ; когда, напримѣръ, сынъ какаго нибудь сановника считаетъ за стыдъ быть врачомъ, адвокатомъ, учителемъ, купцомъ, банкиромъ, фабрикантомъ и т. п.? Все это ложится своею тяжестью на государственную казну. Всякій паша или другой важной сановникъ, имѣющій сыновей и дочерей, только и помышляетъ о томъ, какъ бы добыть мѣстечко въ государственной службѣ своему сыну или зятю. И вотъ гдѣ причина существованія въ Турціи громаднаго количества бесполезныхъ должностей и всевозможныхъ синекуръ, непроизводительно поглощающихъ государственные доходы. Чтобы, напримѣръ, отправить небольшую сумму денегъ или посылку по почтѣ изъ столицы въ провинцію, вамъ придется имѣть дѣло съ семью разными почтамтскими чиновниками и потерять по крайней мѣрѣ часть времени, между тѣмъ во всякомъ европейскомъ почтовомъ агентствѣ вы то же самое дѣло покончите въ какія-нибудь 5—10 минутъ. И такой порядокъ ведется во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ турецкихъ.

Но главное зло, порожденное ненормальными житейскими потребностями турецкаго быта, составляетъ взяточничество. Язва эта столь развита въ Турціи и столь общезвѣстна, что о ней и распространяться нѣтъ надобности. Довольно того, что султанъ Абду-ль-Меджидъ даже санкціонировалъ своею властью разнѣръ подарковъ натурою—курами, яйцами, молокомъ,—какіе можетъ принимать чиновникъ, не рискуя быть обвиненнымъ во взяточничествѣ. Такъ какъ даже и въ самомъ дворцѣ не пренебрегаютъ привошеніями разныхъ банкировъ, устраивающихъ государственные займы, фабрикантовъ, поставляющихъ оружіе, пушки и т. п., то, конечно, вышеупомянутое законоположеніе остается мертвою буквою для прочихъ смертныхъ. Когда Махмудъ-Недимъ-паша 6 октября 1876 года объявилъ государство банкротомъ, со всѣхъ сторонъ сбѣжались шакалы и гіены, чтобы поживиться хотъ востами финансоваго трупа Турціи. Посыпались массы вся-

нихъ проектовъ отъ разныхъ спекулянтовъ. Послѣ долгихъ конференцій принятъ былъ проектъ *единства государственныхъ долговъ* гг. Скулуди, П. Розе и Стенифортза, причемъ, конечно, не было и помышленія объ облегченіи государственныхъ тягостей, а всѣ только думали о собственной наживѣ. И въ самомъ дѣлѣ, при этомъ совокупленіи разныхъ долговъ съ разными процентами, гарантіями и условіями, въ одинъ долгъ присчитали цѣлыхъ два милліона лиръ противъ дѣйствительной суммы, изъ которыхъ одинъ милліонъ пошелъ во дворецъ, полмилліона въ карманъ верховнаго визиря, а остальное подѣлили между собою вышеупомянутые три учредителя. Всѣмъ и каждому также извѣстно, какія баснословныя суммы расходовалъ египетскій хедивъ во дворцѣ и у министровъ, чтобы выхлопотать себѣ разные фирманы, обезпечившіе ему положеніе независимаго монарха. Однимъ фирманомъ ему дарованъ титулъ хедива; другимъ — наслѣдственность власти; третьимъ — отмена ограниченія военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; четвертымъ — право заключать торговые договоры съ иностранными государствами; пятымъ — господство надъ гаванью Зейлой у входа въ Черное море; шестымъ — перемѣна египетскаго судостроительства. Всѣ эти фирманы стоили сотенъ тысячъ лиръ, изъ которыхъ ни одного гроша не попало въ государственную кассу. Однажды хедивъ, впрочемъ, такъ выразился въ своемъ гаремѣ о такомъ постыдномъ порядкѣ турецкаго государственнаго управления: «турецкіе чиновники — это собаки, которыя съ головы до пятъ обгаживаютъ (*berissen*) своего господина».

Другое слѣдствіе полигаміи составляетъ быстрый ущербъ турецкаго народонаселенія. На первый взглядъ это кажется какъ будто бы парадоксомъ; а на дѣлѣ выходитъ такъ. Мусульманская полигамія есть нѣчто иное, чѣмъ противозаконная полигамія въ Европѣ. Здѣсь она есть вмѣстѣ и полиандрія и полигинекія, чѣмъ нѣсколько и уравниваются ея физическія послѣдствія. Турецкая же полигамія значительную часть населенія обрекаетъ на абсолютное безбрачіе, отнимая женъ у другихъ бракоспособныхъ мужчинъ въ пользу полигамистовъ. Кромѣ того, естественный недостатокъ женщинъ въ странѣ при подобныхъ условіяхъ влечетъ за собою необходимость приобрѣтать ихъ изъ другихъ земель путемъ покупки, похищенія и военнаго плѣна. Въ прежнія времена женщины доставлялись въ Турцію съ Кавказа; теперь же, когда русское правительство уничтожило этотъ гнусный промыселъ, остались одні африканскія негрятинскія страны, и насчетъ ихъ до сихъ поръ ведется самая бойкая торговля невольницами, хотя турецкая пресса и отрицаетъ ее. Уже потому,

что турецкая жена или наложница есть очень дорого стоящая игрушка, многие турки принуждены вести безбрачную жизнь. А те, которые имѣют по нѣскольку женъ, никогда въ действительности не производятъ столько потомства, чтобы имъ восполнилось то количество дѣтей, котораго слѣдовало ожидать отъ другихъ, остающихся незамѣнатыми. Султанъ Абду-ль-Меджидъ, напримѣръ, имѣлъ до 500 сожителъницъ, и только 13 человѣкъ дѣтей; у брата его было не меньше женъ, а дѣтей всего только пятеро. Причина понятная: турецкій мальчикъ отъ преждевременныхъ извѣстствъ совершенно истощается въ той порѣ, когда европейскій только-что дѣлается совершеннолѣтнимъ; оттого гаремъ его или остается совершенно безплоднымъ, или же бываетъ въ состояніи произвести лишь нѣсколько златокушанныхъ вѣтвинокъ.

Кромѣ этихъ, независящихъ отъ индивидуальнаго провѣковаго послѣдствія полигаміи, обнаруживающихся въ вырожденіи турецкой націи, ей присуще другое не менѣе нагубное явленіе, которое уже происходитъ изъ нравственнаго состоянія націи, порождаемаго полигаміей — мы разумѣемъ страшно развитой въ Турціи преступный обычай истребленія плода женщинами ¹⁾. Ближайшею причиною его служатъ соперничество гаремницъ, изъ коихъ каждая старается приобрести исключительное вліяніе на своего сожителя и пользоваться предпочтительнымъ предъ прочими его вниманіемъ. А такъ какъ главное достоинство женщины въ глазахъ турка заключается въ ея физической красотѣ и способности доставлять наибольшее чувственное удовольствіе своимъ тѣлеснымъ сложеніемъ, то отсюда естественнымъ образомъ происходитъ стремленіе турчанокъ по возможности набѣгать дѣторожденія. Авторъ книги, съ которою мы имѣемъ дѣло, говоритъ, что онъ въ 8—10 specially занимался этимъ вопросомъ: собиралъ самыя точныя свѣдѣнія, дѣлалъ наблюденія касательно этого предмета, и по его разсчету въ одной столицѣ ежегодно совершается до 4,000 выкидышей, и притомъ исключительно среди турецкаго населенія. Турки сперва сочли эту цифру преувеличенною, пока не получили подтвержденія въ февралѣ 1877 года въ официальной турецкой газетѣ «Джерид-и-Хавадисъ». Авторъ статьи въ этой газетѣ пишетъ, что въ одномъ кварталѣ, гдѣ онъ живетъ, въ продолженіи 20 дней было замѣчено шесть случаевъ вытравленія плода, причемъ одна изъ турчанокъ теперь уже въ чет-

¹⁾ Существованіе этого обычая въ Турціи подтверждаютъ и другіе ученые изслѣдователи, изучавшіе Турцію въ гинанитическомъ отношеніи, какъ, напр., г. Вульфъ (см. его *Reise in den Orient*, 1860—1861. В. II, S. 102).

второй раз необличается въ этомъ преступномъ дѣяніи. Если за основаніе вышеприведенную цифру, мы получимъ въ итогѣ ежегодно 100—110 случаевъ на кварталъ; а такъ какъ Константинополь съ окрестностями имѣетъ болѣе 40 кварталовъ, то, слѣдовательно, цифра 4,000 на весь городъ ничуть не будетъ преувеличеніемъ. Въ той же статьѣ прибавлено также, что 95 процентовъ дѣтей и болѣе двухъ-третьей матерей дѣлаются жертвами этого варварскаго обычая. Другая турецкая газета, «Басирѣтъ», напечатала небольшую статью о томъ же самомъ предметѣ въ апрѣлѣ 1875 года; во предлагала очень низкую цѣну противъ этого порока мѣру — убійствѣ женщинъ «нимамми» (духовенствомъ). Да и о каніяхъ тутъ можетъ быть рѣчь мѣрахъ, когда въ декабрѣ 1875 года мать султана Абду-ль-Азиза надала формальный приказъ о томъ, что каждая обитательница султанскаго гарема, какъ только забеременитъ, должна позаботиться о вытравленіи плода; а если операція не удастся, то при рожденіи ребенка ему не должно перевязывать пуповинны, пока онъ не войдетъ кровью; а тѣ, какія уже были дѣти во дворцѣ, никогда не должны впредь показываться. Для исполненія этой варварской операціи у турокъ существуетъ даже особый классъ мегеръ, извѣстныхъ подъ именемъ «канлі эбэ» (кровная баба), которыя преспокойно и безмаказанно занимаются своею ужасною практикою въ палатахъ вельможъ турецкихъ.

Да отчего турчанкамъ и не прибѣгать къ подобному средству, какъ плодовостребленіе, въ своихъ видахъ? Вся ихъ жизнь, всѣ ихъ интересы не выходятъ изъ предѣловъ ихъ гарема. Угнетенное ихъ развитіе настолько ограничено, что онѣ не въ состояніи исвать разсѣянія отъ своей скучной, однообразной тюремной жизни въ какихъ-нибудь благородныхъ занятіяхъ, напр., въ чтеніи книгъ и т. п. Слѣдуетъ тоже прескучивать, не находя себѣ матеріала, вслѣдствіе полного отчужденія турецкихъ женщинъ отъ всякой общественной дѣятельности; вѣчно онѣ должны мозолить другъ другу глаза и дома, и на базарѣ, и на гуляньяхъ: показываться женщины на улицѣ въ обществѣ мужчины, хоть бы даже мужа или родственника, считается предосудительнымъ. Да и одѣтъ-то онѣ, выходя изъ дома, обязаны какъ можно плотнѣе закутываться въ свои безобразныя «ферадже» (салоны) и «яшмаки» (вуали), о чемъ то-и-дѣло въ турецкихъ газетахъ раздаются грозныя имъ напоминанія (напр., въ № 168 газеты «Мусаватъ» за 1877 г.), которымъ охотно вторитъ правительство и издаетъ соответственные въ этомъ духѣ предписанія стамбульскимъ данамъ («Вакытъ», № 588, 1877 г.). Даже

теперь, въ трудное военное время, газеты, постоянно обращаясь съ воззваніями къ благотворительности женщинъ, при этомъ предупредительно устраняютъ въ нихъ даже и мысль о непосредственномъ участіи хоть бы, напримѣръ, въ уходѣ за ранеными, вставляя это доброе дѣло, вошедшее въ обычай у гяуровъ, какъ гнусный развратъ, котораго надо остерегаться православнымъ. Не мудрено поэтому, что всѣ мысли турчанокъ вращаются около одного своего животнаго призванія—быть орудіями тѣлесной улады своихъ сожителей; что въ молодости онѣ только и стараются всѣми позволительными и непозволительными средствами поддерживать свою привлекательность, а подъ старость становятся страшными вѣдьмами, горько слѣдящими за поведеніемъ своихъ молодыхъ подругъ, съ которыми онѣ уже больше не въ состояніи соперничать. Мнѣ живо припоминается случай, какъ одинъ европеецъ во время шестія султана въ нитицу на молитву намѣренно или случайно втерся-было въ толпу турчанокъ. Тѣ изъ нихъ, которыя были помоложе, нисколько не препятствовали, а старухи неистово завопили на него: «Гечъ! гечъ!» (ступай! ступай!) Правда, есть и поэты изъ турчанокъ; но всѣ произведенія ихъ представляютъ тѣ же безплодныя заигрыванія съ своею неудовлетворенною страстью, въ которыхъ проходить и дѣйствительная жизнь этихъ затворницъ.

То, что съ давнихъ поръ творится въ турецкомъ обществѣ въ силу гнуснаго обычая, то въ послѣднее время породило въ сельскомъ населеніи все болѣе и болѣе усиливающійся пауперизмъ. Жена христіанскаго поселаннина, раздѣлая съ нимъ всѣ труды его, способствуетъ возвышенію его благосостоянія; турчанка же, въ силу своего религіознаго закона, принуждена вѣкъ прозябать какимъ-то паразитомъ. Не далѣе какъ 1876 году губернаторъ въ Передней Азіи издалъ приказъ, которымъ строго воспрещалось женщинамъ, мужья, братья и дѣти которыхъ отправились воевать съ сербами и черногорцами, самими обрабатывать поля свои. Зія-паша, принадлежащій къ партіи младотурокъ, отъ которыхъ турбофилы чаяли не вѣсть-какого прогресса, сдѣлавшись губернаторомъ города Амазін, посѣтилъ однажды шелкопрядильную фабрику, въ которой работали сотни дѣтей обоюбого пола и безъ различія вѣроисповѣданія. Ригоризмъ этого фанатика былъ шокированъ присутствіемъ турецкихъ дѣвочекъ, съ открытыми лицами и веселыми пѣснями работавшихъ на фабрикѣ, и онъ приказалъ, чтобы ихъ тотчасъ же тамъ не было, не давши себѣ труда поразмыслить, что, можетъ быть, трудами рукъ ихъ кормились бѣдные ихъ отцы, престарѣлыя матери и

малолѣтнія сестры, и что родители этихъ дѣвочекъ, будучи сами мусульмане, не нашли ничего въ этомъ предосудительнаго.

Турецкая пресса тоже въ послѣднее время обратила вниманіе на усилившееся вымирание и обѣдненіе турецкаго населенія и довольно вѣрно указывала на причины такого печальнаго явленія, въ числѣ коихъ упоминаются ея полигамія, плодотребленіе и преждевременное истощеніе молодого поколѣнія изнѣженіями. Но, по недостатку твердости убѣжденій и основательныхъ знаній, турецкіе публицисты, вмѣсто того, чтобы энергически настаивать на принятіи цѣлесообразныхъ мѣръ, сами сбиваются съ толку, подогрѣваютъ высокомеріе и повинимъ своей развращенной націи своими выходками противъ европейской культуры и, забывъ о ея болѣе живыхъ прегрѣшеніяхъ, съ жаромъ повторяютъ глупыя діатрибы «Neue-Freie-Presse», которая, въ числѣ доказательствъ превосходства ислама, однажды указывала на то, что будто бы «турецкія женщины вполне равноправны съ мужчинами, ибо плѣнныя дѣвицы въ Турціи вступаютъ въ бракъ съ знатными лицами; что мусульмане своихъ детей не подкидываютъ въ церковнымъ дверямъ, и что власти ихъ не повинтовываютъ домамъ терпимости» («Басиретъ», № 1985). Все отъ перваго слова до послѣдняго тутъ ложь. Положимъ, что турецкое правительство не тернитъ среди мусульманскаго населенія непотребныхъ домовъ; что оно предписываетъ своимъ женщинамъ закутываться отъ взоровъ мужчинъ; что оно бы готово было преслѣдовать, какъ величайшее беззачетіе, обращеніе дѣвушки или женщины въ какому-нибудь честному занятію, напр., въ случаѣ если бы она сдѣлалась продавщицею въ магазинѣ, или врачомъ и т. п.; но эта внѣшняя добродѣтель, полицейская мораль, есть только маска, подъ которою кроется отвратительное лицемеріе. Вотъ примѣръ.

Одинъ еврей, обвинявшійся отъ азартныхъ игръ и другихъ пороковъ, продалъ свою 14-ти-лѣтнюю дочь за 15 лиръ содержательницѣ дома терпимости. Хозяйка пригласила раввина, который и советамъ брачному дѣвушкѣ съ слугою заведенія, причемъ брачнымъ контрактомъ строго возбранялось супругамъ сожителство, такъ какъ дѣвушка предназначена была стать жертвою проституціи. Полиція въ Галатѣ схватила всѣхъ участвовавшихъ въ этой гнусной сдѣлкѣ и представила въ главное полицейское управленіе для наказанія виновныхъ. Но тамъ ихъ всѣхъ отпустили, такъ какъ они заявили, что они всѣ дѣйствовали въ этой постыдной торговлѣ по взаимному согласію. Одинъ только раввинъ остался подъ арестомъ за неправильное

отправление своих обязанностей. А затѣмъ одинъ турокъ откупилъ дѣвушку у содержательницы непотребнаго заведенія за 20 лиръ для своего собственнаго гарема.

Еще бы турецкое правительство шокронительствовало непотребнымъ заведеніямъ, когда таковы воѣ дома турецкой знати, составляющей это самое правительство: какъ же назвать, въ самомъ дѣлѣ, жилище какова-нибудь паши, наполовину населеннаго его многочисленными фаворитами? А потребности прочихъ классовъ, помимо извѣстныхъ фарисейскихъ мусульманскихъ воззрѣній, игнорируются какъ несущіеся никакому вниманію, на томъ основаніи, что всѣ эти люди — существа низшей породы, канальи, которые созданы единственно для того, чтобы работать. Да и престолудниновъ-то или людей средняго класса принуждаютъ къ сравнительно добродѣтельной жизни лишь недостатокъ средствъ, а не особымъ нравственнымъ возвышеннымъ понятіямъ, которые, воспитанныя на традиціяхъ мусульманскихъ, у всѣхъ турокъ въ сущности одинаковы.

Не лучшее вліаніе турецкій семейный бытъ оказываетъ и на отношенія родителей къ дѣтямъ и на нравственное воспитаніе послѣднихъ. «Мусульмане, — по словамъ газеты «Басиретъ», — не подвигиваютъ дѣтей своихъ къ церковнымъ дверямъ», что дѣлается — разумѣй — христианами. Еще бы — когда они истребляютъ ихъ еще въ утробѣ! Но нельзя сказать, чтобы многоженцы могли быть такъ же привязаны къ своимъ дѣтямъ, какъ однополовые люди; чтобы они въ нихъ видѣли вторыхъ себя и потому такъ же рачительно жемлись объ ихъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи и объ устройствѣ ихъ будущности, какъ они несутся о своемъ собственномъ комфортаѣ. На это также имѣются примѣры. Къ одному пріятелю автора нашей книги, должно быть, занимающему видный постъ на турецкой службѣ, приходить одинъ ходжа (учитель) вотъ съ какимъ дѣломъ: онъ прогналъ отъ себя свою первую жену и намѣревался теперь жениться на другой; но сперва онъ хотѣлъ снять съ рукъ двухъ своихъ сыновей отъ перваго брака, которымъ было около 12—15 лѣтъ. Такъ вотъ онъ пришелъ просить принять ихъ въ сиротскій домъ. Онъ хотѣлъ было помѣстить ихъ въ медицинскую школу, но ихъ не приняли, потому что они не имѣли требуемаго свидѣтельства о томъ, что они умѣютъ читать и писать. Поэтому онъ ихъ отдалъ въ обученіе одному трубачу. Ходжа пояснилъ, что сиротскій домъ устроенъ только для бѣдныхъ дѣтей, неимѣющихъ ни отца, ни матери, а следовательно онъ не можетъ принимать дѣтей, у которыхъ есть родители; что мудро было

также рассчитывать и на опредѣленіе въ медицинскую школу, если эти два парня, да еще дѣти учителя, до сихъ поръ не обучены чтенію и письму; что, равнымъ образомъ, нѣтъ смысла отдавать ихъ въ науку къ трубачу, потому что профессія трубача вовсе не такова, чтобы общала что-нибудь лестное впоследствии. Нѣжному отцу совѣтовали лучше обучить своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу: сдѣлать изъ нихъ корзинщиковъ или горшечниковъ. Последнее ходжа нашелъ некривичнымъ. «Да развѣ занятіе корзинщика или горшечника есть что-нибудь безчестное?» возразилъ ходжѣ раздосадованный пріятель и прогналъ его вонъ.

Въ воспитаніи, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе примѣръ: что же добраго можетъ выйти изъ мальчика, съ самаго дѣтства своего выдающаго вокругъ себя одну огульную дѣнь, свары и безпутство? Флегматическіе отцы, притупившіе въ себѣ всякую нравственную чувствительность малыми жедами, какъ мы видѣли, равнодушно смотрятъ на безпривзорное провѣрстаніе своихъ дѣтокъ; или же не имѣютъ въ тому возможности, будучи принуждены проводить большую часть дня внѣ дома по дѣламъ службы, а время отдыха посвящать своему гарему. Материки, заняты взаимными расприами и кокетствомъ, да къ тому же крайне неразвитымъ, не до дѣтей. А для тѣхъ, въ родѣ евнуховъ-жегровъ, прямой расчетъ внушить въ себѣ расположеніе и привязанность своего барченка, поглажая его страстишками; да и чему путному могли бы научить рабы эти, если бы даже и пожелали? Установившаяся же обычая наследственность чиновничьихъ должностей обезличиваетъ будущаго офенди въ матеріальномъ отношеніи. Естественно, что при такихъ семейныхъ условіяхъ турецкій юноша растетъ пошлостью и безъ времени дряхлѣетъ физически и нравственно, успѣвъ уже въ дѣтствѣ испытать всѣ сладости празднаго сластолюбія, составляющаго идеалъ правовѣрнаго турка. Если же этому юношѣ посчастливится провести нѣкоторое время въ Парижѣ, въ качествѣ ли ученика какого-нибудь заведенія, или атташе тамашаго турецкаго носольтва, то—первымъ дѣломъ—онъ постарается перенять манеры парижскихъ деиди: въ публичныхъ мѣстахъ Константинополя онъ появится уже не иначе, какъ въ ландо и въ безукоразненнѣйшемъ костюмѣ, предастся всѣмъ мыслимымъ и немислимымъ безобразіямъ разврата и дѣлаетъ такіе долги, о какихъ и помысла не имѣютъ въ Европѣ (прошъ развѣ Россіи, прибавимъ мы). Что молодые люди должны на нѣсколько тысячъ лиръ—это весьма обыкновенное явленіе въ Турціи: сынъ туниса Махмуд-паша и зять египетскаго принца Мустафа-Фазиль-паша, со зре-

мени возвращенія своего изъ Париза, въ 1870 году, слѣдственно въ казія-нибудь шесть лѣтъ, надѣлалъ долговъ слишкомъ на полмилліона франковъ. Еще этого господина извиняетъ отчасти то обстоятельство, что отецъ его страшный богачъ, такъ что кредиторы рано или поздно могутъ быть удовлетворены; но большинство мотовъ находится далеко не въ такихъ условіяхъ, потому что отцы ихъ вовсе не богаты.

При такомъ духѣ, господствующемъ въ цѣломъ турецкомъ обществѣ, оказываются безуспѣшными всякія попытки отдельныхъ благоразумныхъ отцовъ—дать иное направленіе дѣтамъ своимъ. Ахмедъ-бей, братъ бывшаго министра Махмудъ-Недимъ-паши, будучи самъ неспособенъ ни къ какой службѣ вслѣдствіе неизлечимой глухоты и не имѣя большого состоянія, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать сыновьямъ возможно лучшее по турецкимъ понятіямъ воспитаніе и употребилъ на это значительную долю ограниченныхъ средствъ своихъ; но изъ нихъ никакого не вышло проку. Одинъ изъ сыновей, Неджибъ-бей, отличался тѣмъ, что упорно пренебрегалъ всякимъ образованіемъ и проводилъ все время или ровно ничего не дѣлая, или же страшно развратничая. Когда дядя его, Махмудъ-Недимъ-паша, вторично сдѣлавшись верховнымъ визиремъ (въ 1875—76 гг.), хотѣлъ дать племяннику мѣсто, то послѣдній изъявилъ желаніе быть посланнымъ въ Паризъ въ посольство. Когда желаніе его исполнилось и его назначили атташѣ при посольствѣ въ Паризѣ, съ жалованьемъ въ 4000 піастровъ въ мѣсяцъ, то онъ и не думалъ снѣзнить отпираться на свой постъ подъ разными предлогами; а между тѣмъ самъ уже надѣлалъ долговъ въ счетъ своего оклада, сумма которыхъ была переведена на *Banque Ottomane* въ Паризѣ и записана тамъ на счетъ турецкаго казначейства. Не такъ какъ нашъ бей все еще и не вспоминалъ объ отъѣздѣ, то министерство финансовъ отказало въ платежѣ денегъ, и онъ до сихъ поръ остается долженъ. Дядя потребовалъ, чтобы онъ или отправился, или же взял отставку; но ни того, ни другого не послѣдовало, и онъ былъ уволенъ; а теперь живетъ безъ дѣла, живя, разумеется, на счетъ отца своего. Правильно зная отецъ его, при всеобщемъ беденствѣ, былъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что у него на покрытие самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей оставался только одинъ «сегимъ», родъ пожизненной ренты. Когда подходилъ срокъ получения по ней 6000 піастровъ процентовъ, онъ отдавалъ купонъ Неджибъ-бей, чтобы тотъ дисконтировалъ его и принесъ ему деньги. Неджибъ-бей дисконтировалъ купонъ за 4000 піастровъ; но вмѣсто того,

тебѣ принести деньги домой, гдѣ сидѣли безъ толпы, безъ освѣщенія, безъ масла, безъ рису, словомъ — безъ всего, они провировавъ ихъ въ Перѣ и Галатѣ въ вторыхъ притонахъ, въ публичныхъ домахъ и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, да еще причинили безпокойство своимъ домашнимъ, которые не знали что съ ними случилось. Когда дали знать полиціи, то она, очень хорошо зная подобнаго рода людей, тотчасъ розыскала его въ одномъ публичномъ домѣ; а денегъ, конечно, уже при немъ не оказалось.

Если бы даже и выискались между молодыми турками благоразумные, то едва ли бы они могли устоять противъ соблазновъ распутаго сотоварищества, которое въ Турціи процвѣтаетъ во всей своей силѣ. Лѣтомъ 1873 года разразилъ турецкой молодежи дождь до того, что образовалась дѣлая шайка подъ именемъ «тусунъ» (жиръ, сало), которая выходила не на разбой, убійство и воровство, а ватѣтъ, чтобы среди была-дня хватать мальчишковъ, дѣвушекъ и женщинъ и насиловать, такъ что никто не отваживался отпущать на улицу своихъ домашнихъ. Шайка эта такъ была организована, что даже полиція ничего не могла противъ нея подѣлать: во главѣ «тусуна» стоялъ человекъ, отецъ котораго нѣкогда былъ смотрителемъ султанскихъ садовъ, а тестъ былъ военный министръ. Надо было прибѣгнуть въ самыя энергическія мѣры, чтобы положить конецъ этому безобразію.

Я слышалъ собственными ушами, какъ турецкіе мальчишья гимназисты, расхаживая по корридору въ здании министерства народнаго просвѣщенія, въ ожиданіи предстоявшаго имъ экзамена, и болтая между собою, хвастались другъ передъ другомъ, какъ они весело провели время наканунѣ въ какихъ-то помпѣйныхъ и кто изъ нихъ сколько выпилъ «мастикъ» (прѣвнѣйшій спиртуозный напитокъ, въ родѣ донпель-нуммеа) — чего же еще лучше?

Отсутствіе нравственнаго семейнаго и общественнаго воспитанія въ Турціи дѣлаетъ то, что пресловутая гордость турокъ и наглая ихъ самоуверенность вовсе не есть признакъ сознанія своего человѣческаго достоинства, свойственнаго истинно-культурному человѣку. Тотъ самый юный денди, который въ другомъ мѣстѣ готовъ третировать не только райю, но и бѣднаго человека изъ своихъ же турокъ, не стыдится играть роль презымающагося животного въ кабинетѣ министра или другого иного высшаго самовластнаго и публично становится передъ ними на колѣни и цѣловать край его одежды. Не ставъ онъ этого дѣлать, — онъ не можетъ рассчитывать получить мѣсто: его будутъ считать чужакомъ, несмающимъ свѣтскаго обращенія; а

человѣкъ безъ свѣтскихъ матерей, но понятіемъ турокъ, не годясь для государственной службы.

Дуэль, напримѣръ, совершенно непонятна туркамъ, не только потому, что у нихъ нѣтъ понятія о личной чести. Они знаютъ одну только честь, которую жалуетъ имъ султанъ въ формѣ чина или орденовъ. У нихъ вовсе не считается предсудительнымъ нить, бить, за-просто бесѣдовать, короче—быть въ одномъ обществѣ съ человѣкомъ, который занимается какими-нибудь грѣшными дѣлами, съ извѣстнымъ негодяемъ; не считается за стыдъ быть уличеннымъ во лжи, чему блистательнымъ примѣромъ можетъ служить знаменитый Ахмедъ-Вефикъ-паша; словомъ,—имъ вовсе непонятно, что человѣкъ можетъ и долженъ приобретать и поддерживать свою честь самъ, своею собственною личностью.

Точно также турецкій дѣловый человѣкъ никакъ не можетъ жить себѣ въ толкѣ того,—зачѣмъ это дѣловой европеецъ такъ дорожитъ временемъ. Первому рѣшительно ничего не значитъ на дѣло, на исполненіе втораго достаточно получаса, употребить цѣлые дни, недѣли и даже мѣсяцы и годы. Онъ гдѣ-нибудь въ чужомъ городѣ крестовойно даромъ проживетъ нѣсколько недѣль въ «ханѣ» (азіатская гостинница), если у него въ этомъ мѣстѣ есть какое-нибудь незначительное дѣло, которое онъ могъ бы окончить въ одинъ день. Спѣшность, съ которою европеецъ работаетъ, добывая себѣ хлѣбъ, туркамъ кажется просто какою-то безнравственностью. Когда еще европеецъ гонится за матеріальными приобрѣтеніями, то онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, дѣла, которая если и не оправдывается въ глазахъ турка его торопливости, то все-таки очевидна и понятна для него. Но ужъ онъ рѣшительно недоумѣваетъ, какъ это европеецъ можетъ безъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, напримѣръ, отыскивать и отырывать неизвѣстныя страны, собирать камни, растенія, платить большія деньги за древнія, ничего не стоящія монеты, проводить цѣлые дни въ обзорѣніи развалинъ и т. п.: все это ему кажется просто какимъ-то помѣшательствомъ. А если случится, что подобный «глупецъ» при этомъ еще лишается жизни, то турокъ видитъ въ этомъ даже безумное влѣдѣство. И было бы тщетно стараться разубѣдить его въ этомъ; отсюда не слѣдуетъ думать, что это происходитъ изъ негъ въ чистѣмъ упрямствѣ или ограниченности: это скорѣе коренится въ самой сущности ислама. Коранъ не ограничивается однимъ только религіознымъ и нравственнымъ понятіемъ: онъ имѣетъ также предзнавіе на установленіе всѣхъ вообще, какія только можно себѣ представить,—физическихъ, интеллектуальныхъ, гражданскихъ и политическихъ воззрѣній спо-

изъ послѣдователей. По взгляду мусульманина, все, что составляет среду, окружающую его еднѣвѣрцемъ, есть прямое слѣдствіе этихъ религіозныхъ установленій, и если онъ замѣчаетъ въ иномыслящихъ что-либо противорѣчащее этимъ исконнымъ традиціямъ, онъ съ ужасомъ усматриваетъ въ этомъ религіозную ересь. Это совершенно справедливо. Въ бытность свою въ Константинополѣ, мнѣ разъ случилось ѣхать на пароходѣ по Босфору. Въ числѣ пассажировъ находился одинъ англичанинъ, возвращавшійся съ зоологической экскурсіи, совершенной имъ на азіатской сторонѣ пролива. Шляпа его вся была утыкана булавками, на которыхъ припилены были собранныя имъ разныя насекомыя. Богѣ живучія изъ нихъ еще продолжали шевелиться въ предсмертной агоніи; бабочки хлопали крыльями. Надо было видѣть, въ какое негодованіе привело это одного солиднаго турка, который сталъ во всеуслышаніе читать мораль гауру-зоологу, говоря, что грѣшно такъ обращаться съ животными безъ всякой надобности, и лучше если бы онъ сейчасъ же сжигъ этихъ насекомыхъ съ булавою и впредь не дѣлалъ бы такихъ глупостей. По лицамъ прочихъ, сидѣвшихъ по близости турокъ и слышавшихъ его проповѣдь, видно было, что они вполнѣ раздѣляли его мнѣніе. Во всемъ этомъ странно именно то, что турки, не стѣсняющіеся распаривать животы и подвергать другимъ всевозможнымъ истязаніямъ беззащитныхъ христіанъ, безъ различія пола и возраста, — тутъ проявляютъ жалость. Но насекомыя не исповѣдуютъ никакой религіи, а это — гауры!

VII.

Въ заключеніе два слова о младо-туркахъ. Младо-турецкая партія образовалась гдѣ 12—15 тому назадъ въ оппозицію старо-турецкой, и именно самому выдававшемуся ея члену, верховному визирю Аали-пашѣ. Это были молодые люди самаго обыкновеннаго покроя, которые набрались прогрессивныхъ идей частью во время своего долгаго или короткаго пребыванія въ Парижѣ, — частью начитавшись помпезныхъ произведеній французской литературы. Это была какъ-разъ пора займовъ, пора безумнаго мотовства и расточительности. Надежды, возлагавшіяся на Абду-ль-Азиса, съ его вощареніемъ совершенно исчезли; а тутъ еще чаще прежняго должностными мѣста стали давать христіанамъ, что ужасно какъ коробило стамбульскихъ эфенди и турецкую *Jemmesse dorée*. Они считали невыразимую нелепость и

присоединялись къ христіанамъ, и разражались неконкретнымъ шовинизмомъ въ газетахъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя они издавали массами. Самыми выдающимися членами этой партіи были: Али-Соави-эфенди, Кемаль-бей, Тевфигъ-бей (журналистъ), Зія-бей (членъ государственнаго совѣта), Мегемедъ-бей (племянникъ бывшаго верховнаго визиря Махмудъ-паши), Ахметъ-Митхадъ-эфенди (журналистъ), и т. д.

Лѣтомъ, 1867 года, разразилась первая буря надъ *Jemte Turquie*. Издававшіяся ею газеты отличались необузданностью тона и рѣчи, особенно газета «Мухбиръ», редакторомъ которой былъ Али-Соави-эфенди. Главнымъ образомъ, катастрофа вызвана была заговоромъ, который они составили съ цѣлью произвести революцію. Тѣхъ членовъ этой компаніи, которые были незначительнѣе, правительство хотѣло было привлечь на свою сторону и, назначивъ ихъ губернаторами, такимъ образомъ думало выпроводить ихъ изъ столицы. Али-Соави-эфенди получилъ мѣсто въ Малой Азіи, кажется, въ Чангри; Зія-бей былъ назначенъ губернаторомъ Кипра. Но они не поддались на эту уловку, а предпочли поскорѣе спастись въ Парижъ; нѣкоторые же, опоздавшіе, были арестованы и потомъ сосланы въ различные захолустья.

Большинство эмигрировавшихъ вели весьма плачевную жизнь въ Парижѣ. Только время отъ времени имъ оказывалъ пособія египетскій принцъ Мустафа-Фазилъ-паша, тоже находившійся тогда въ Парижѣ, потому что онъ тогда протестовалъ противъ фирмана, которымъ онъ лишенъ былъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Египетъ. Онъ былъ тоже сосланъ, но вовсе не принадлежалъ къ младо-туркамъ. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ былъ Али-Соави-эфенди: онъ продолжалъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ издавать свой «Мухбиръ» и тысячи экземпляровъ спроваживалъ въ Турцію.

По смерти своего отъявленнаго врага Аала-паши, эти добровольные и невольные изгнанники были помилованы Махмудъ-Недимъ-пашею, и всѣ, за исключеніемъ Али-Соави-эфенди, вернулись назадъ. Мегемедъ-бей, племянникъ верховнаго визиря, недолго, впрочемъ, подымалъ отечественнымъ воздухомъ: онъ вскорѣ умеръ отъ нѣнства, къ которому пристрастился еще до своей ссылки. Зія-бей былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ, и такъ какъ заговорщика недолго было опредѣлить на государственную должность, то верховный визирь привелъ его къ своей домашней канцеляріи.

Большая часть прочихъ членовъ молодой *Turquie* имѣетъ обра-

тилась къ журналистичѣ. Всѣхъ ихъ видѣно былъ Кемаль-бей, который съ большимъ успѣхомъ издавалъ газету подѣ названіемъ «Ибретъ» — «Образецъ». Онъ написалъ, кромѣ того, нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ одно, а именно драма «Ватіанъ, яхотъ Силистріа» — «Отечество или Силистрія», было роковымъ для его партіи. Пьеса эта дана была въ апрѣлѣ 1873 года на турецкомъ театрѣ въ Константинополѣ съ такимъ успѣхомъ, что напикъ нужнымъ дать еще представленіе. Огромная толпа народа явилась въ этотъ вечеръ вооруженною, и вѣроятно бы дошло до кровопролитія, если бы только полиціей не были приняты самыя энергическія мѣры. Главные члены *Jeune Turquie*, Кемаль-бей, Тевфигъ-бей, Ахмедъ-Мидхаль-эфенди и т. д., были въ тотъ же вечеръ арестованы и сосланы частью въ Родось, частью въ Кипръ, чѣмъ дѣло на нѣсколько лѣтъ и прекратилось. При тѣмъ рѣшительнѣмъ султанѣ они въ прошломъ году получили амнистію и возвратились опять въ Константинополь. Главные ихъ противники сошли со сцены: Аали-паша умеръ; Абду-ль-Азизъ умеръ; конституція дана; партія торжествуетъ. Въ настоящій моментъ она уже взяла въ свои руки турецкое общественное мнѣніе въ лицѣ своего коновода Али-Савви-эфенди. Толпы народа стекались слушать этого мусульманскаго Савонаролу, когда онъ въ прошлый рамазанъ выступилъ на каеодру въ качествѣ проповѣдника въ мечети Ая-Суфьи, и сборъ, предназначенный въ пользу раненныхъ, былъ громадный. Когда газета «Османлы» упрекнула его, какъ ректора университета и лицея, за сокращеніе штатовъ воспитанниковъ (онъ выгналъ 95 учениковъ изъ лицея, не принадлежавшихъ къ османской націи), ему посыпались со всѣхъ сторонъ — и отъ учениковъ, и отъ ихъ родителей — благодарственные адреса и порицанія вышеупомянутой газетѣ. Передъ парламентскими выборами изъ стамбульскихъ выборныхъ округовъ потекли къ нему письменныя просьбы принять на себя званіе депутата. Самъ этотъ фарисей-фанатикъ наполняетъ своими сумасбродными статьями столбцы газеты «Имранъ», «Цивилизація», редакторомъ которой хотя и подписывается какой-то Метемедъ-Рашидъ, но которая по всѣмъ даннымъ есть органъ самого Али-Савви. Почувъ новую силу, и старо-турки, кажется, применили теперь къ партіи младо-турецкой. Да почему и не применить, когда основныя принципы тѣхъ и другихъ одинаковы? Самый зрѣй ихъ противникъ, Аали-паша, вполне раздѣлялъ ихъ воззрѣнія; но, какъ дипломатъ, онъ не одобрялъ ихъ слишкомъ уже откровеннаго и рѣзкаго образа дѣйствій. Тѣ и другіе проникнуты однимъ и тѣмъ же шовинизмомъ: они одинаково ненавидятъ христіанъ, и при-

томъ не только живущихъ въ ихъ собственной странѣ, но и въ Европѣ вообще. Но такъ какъ до европейцевъ у нихъ руки коротки, то они изливаютъ теперь весь ядъ своего фанатизма на бѣдныхъ болгаръ. Ахмедъ-Вефикъ-паша, подвизающійся на поприщѣ казней этихъ несчастныхъ беззащитныхъ рабовъ дикой орды, ведетъ дѣятельную переписку съ Али-Соави-эфенди и, очевидно, получаетъ отъ него варварское вдохновеніе. Одинъ дѣйствуетъ вистѣлицею, другой печатнымъ словомъ, чтобы задержать неслышанное даже и отъ ихъ ослабленныхъ глазъ шатаніе и можетъ быть близкое разрушеніе ихъ возлюбленнаго отечества. А что одно время въ Европѣ приходили въ умиленіе отъ молодой *Турціи*, то это было чистое недоразумѣніе, въ которомъ умыслено держали европейцевъ какъ сами члены этой партіи, такъ и ихъ европейскіе поклонники. Проповѣдуя печатно, что, по основному ученію ислама, государственно-общественныя дѣла должны подлежать обсужденію цѣлаго народа, они утверждали, что, по тому же самому ученію ислама, не-мохаммедане должны быть исключены изъ этого участія въ управленіи государствомъ: дѣло этихъ «каналій» только работать, а не политикою заниматься. Поэтому, перепечатавъ свои произведенія на французскомъ языкѣ на показъ Европѣ, младо-турецкіе фанатики выпустили въ переводѣ всѣ направленные противъ христіанъ и Европы діатрибы, заключавшіяся въ турецкомъ текстѣ. Господствующее теперь направленіе въ умахъ стамбульцевъ, руководимыхъ заклятыми врагами европейской культуры и человѣческой равноправности, способно разжечь фанатизмъ турецкой массы до того, что она рѣшится, пожалуй, на отчаянную борьбу съ «московами» до послѣдней крайности, или же, принужденная уступить превосходящей силѣ, выместитъ свою неудачу на ближайшихъ, какія подвергнутся ей подъ руку, жертвахъ—на беззащитныхъ христіанахъ и даже на своихъ государственныхъ людяхъ, не исключая, пожалуй, и самого калифа вѣрующихъ, султана. Если дѣла кончатся опять программой реформъ константинопольской конференціи, то все это можетъ дать только срокъ туркамъ изыскать болѣе цѣлесообразныя средства къ систематическому истребленію не-мусульманскаго элемента въ своемъ государствѣ, но едва ли заставить ихъ вполнѣ образумиться и навсегда отказаться отъ своей завѣтной химерической мечты—возстановить прежнее могущество и блескъ Отоманской Порты, и заставить трепетать всѣ прочія сосѣднія государства Европы.

В. Смирновъ.

Декабрь, 1877.

ИЗЪ
АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ

I.

МАЙСКАЯ НОЧЬ ¹⁾.

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!
Сегодня, въ эту ночь, рождается весна.
Шиповникъ ужъ цвѣтетъ; душистыми вѣтрами
Отъ юга вѣетъ къ намъ; поляна зелена
И птички вешнія гнѣздятся подъ кустами.
Спой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!

ПОЭТЪ.

Какая тамъ, въ долинѣ, тьма!
Я видѣлъ тѣнь: изъ-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени луговъ,
Въ лѣсу мелькала межъ дерѣвъ,
И вдругъ—опять ея не стало...

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Вотъ ночь, благоухая,
Колеблетъ свой покровъ надъ сонною землею

¹⁾ „Октябрьская ночь“—см. выше: янв., 285 стр.

И роза, надъ жучкомъ листочки зашныкая,
 Съ заботой нѣжною поить его росой.
 Послушай, что за тишь! Правемни образъ милой,
 Лети въ объятія къ ней мечтою легкомыслий!
 Сегодня на рѣкѣ вечерній лучъ потухъ
 Такъ нѣжно, будто онъ томился отъ разлуки,
 И въ воздухѣ ночномъ лобзаній таютъ звуки,
 Какъ будто въ немъ любви парить незримый духъ.

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ печаль меня томить
 И сердце бьется и щемить
 И грудь такъ тягостно вздыхаетъ?
 Кто тамъ за дверью у меня?
 И лампа тусклая моя
 Зачѣмъ тревожно такъ пылаетъ?
 Вотъ мѣрно, глухо въ тишинѣ
 Часы пробили на стѣнѣ...
 Вотъ будто голосъ недалекій
 Коснулся слуха моего...
 Кто тамъ? Молчанье. Никого...
 О, я несчастный, одинокій!

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Броженъе молодое
 Природу въ эту ночь волнуешь и томить,
 Желаньями любви сгараешь все земное,
 И страстью бурною вся кровь моя кипить.
 Когда-то для тебя прекрасною была я,
 Прекрасна и теперь,—взгляни ты на меня...
 Иль, милый, ты забылъ, какъ нѣкогда, рыдая,
 Ты палъ ко мнѣ на грудь, и тихо, осяня
 Тебя своимъ крыломъ, я тучи разогнала,
 Когда, еще дитя, ты началъ горевать?
 О, дай мнѣ поцѣлуй... Мнѣ жить осталось мало,
 Молитвы я прошу, чтобъ утро увидать.

ПОЭТЪ.

Не твой ли голосъ музыкальный
 Я слышу, Муза? Мой цвѣтокъ!

Моя бѣдня! Твой печальный
 Питомецъ жиньче одинокъ.
 О, незнайная, родная,
 Одна мнѣ близкая теперь,
 Войди, заскаясь и блвстая
 И душу свѣтомъ наполняя,
 Въ мою покиннутую дверь.

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! То—я, твоя подруга.
 Я видѣла съ небесъ, какъ былъ печаленъ ты,
 Сидѣемый тоской сердечнаго недуга,
 И я къ тебѣ сошла съ лазурной высоты.
 Страдалецъ мой, я вѣдьсъ! Я знаю, тайной боли
 Душа твоя полна. Не снова-ль, милый мой,
 Манить тебя любовь, какъ призравъ лучшей доли,
 Какъ отблескъ радости мелькая предъ тобой?
 Иди, мы воспоемъ минувшія тревоги
 И счастья свѣтлаго утраченные дни;
 Волшебной силою, могучіе, какъ боги,
 Въ туманѣ прошлаго засвѣтимъ мы огни.
 Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
 Мы тотчасъ вызовемъ на лирѣ. Хочешь: въ даль
 Учимся въ уголокъ, гдѣ нѣтъ терзаній скуки
 И гдѣ забвеніемъ врачуетъ печаль?
 Куда мы полетимъ? Весь міръ открытъ предъ нами:
 Вонъ тамъ—Италія въ загарѣ золотомъ,
 Вдали—Шотландія съ зелеными холмами,
 Тамъ—горы Греціи, въ туманѣ голубомъ,
 Глядятся съ высоты въ кристальные заливы...
 О, чудная страна! О, мой родимый край!
 Откуда-жъ мы возьмемъ волшебные мотивы
 Для пѣсенъ и молитвъ? Рѣшайся, выбирай:
 О томъ ли будемъ пѣть, что ангелъ безмятежный
 Тебѣ напентывалъ сегодня на зарѣ,
 Когда, сорвавъ сирень рукою бѣлоснѣжной,
 Съ цвѣтами чудными склонился онъ къ тебѣ?
 Блестящіе полки поплемъ ли въ бой торжачій?
 Надежду-ль окрылимъ? усьемъ ли слезой?
 Любовника-ль взведемъ по лѣстницѣ висячей?
 Замылимъ ли вонъ подъ вихремъ и грозой?

Поднявъ ли къ небесамъ задумчивые взгляды,
 Мы будемъ пѣть Того, кто въ благодсти своей,
 Въ лазури засвѣтилъ несчастнымъ лампады,
 Кто жизни и любви вливаетъ въ нѣкѣ слей?
 Въ морскую-ль глубину проникнемъ, гдѣ кораллы
 И жемчугъ мы сорвемъ съ таинственнаго дна?
 За смѣлымъ ли стрѣломъ выберемъ мы на скалы?
 Предъ нимъ трепещетъ лань; испуганно она
 Со взоромъ жалобнымъ вывадетъ о пощаду;
 Оврагъ ее манить, дѣтеныши зовутъ...
 Стрѣлокъ ее сразитъ, а жадные къ награду
 Собаки собрались надъ жертвою и ждуть,
 И сердце теплое охотникъ имъ бросаетъ.
 Воспѣть ли дѣву намъ? Стыдлива и стройна,
 Она своей красой, какъ вешній день, сияетъ;
 Къ обѣдѣ съ матерью въ соборъ идетъ она;
 За ними юный пажъ. Съ тревогою во взглядѣ,
 Красавица, забывъ молитву и соборъ,
 Внимаетъ, какъ звучитъ въ церковной колоннадѣ
 Песенный бѣгъ коня и эхо звонкихъ шпоръ.
 Иль вызовемъ съ тобой на бални вѣковыя
 Мы старой Франціи героевъ, — и тогда
 Воскреснетъ тотъ романсъ, которымъ кочевые
 Пѣвцы упрочили ихъ славу навсегда.
 Элегія къ тебѣ принимать ли образъ блѣдный?
 Иль Ватерлоскаго героя оживить,
 Который тмы людей рухой своей побѣдной
 По прихоти своей рѣшился погубить?
 Но къ славному вождю явился вѣстникъ ночи,
 Онъ гордаго нивергъ однимъ ударомъ крылъ,
 Соменнулъ ему навѣсъ воинственныхъ очей
 И руки на стальной груди его сложились.
 Иль нмѣ низкое званіе-памфлетиста
 Мы выѣсимъ къ столбу сатиры, для того,
 Чтобъ онъ отравой ругательства и свиста,
 Смѣясь изъ темнаго пріюта своего,
 Не смѣлъ у генія тревожить вдохновеній
 И лавры обгрызать на избранномъ челѣ!
 Спой пѣсню, мой поэтъ! Смотри — отъ дуновений
 Весеннихъ я лечу... Остаться на землѣ
 Мнѣ трудно... Часъ насталъ, часъ думъ и глѣбоуѣній.
 О, дай мнѣ хоть слезу!.. Теряюсь я во мглѣ...

ПОЭТЪ.

О, если ты однихъ любованій
 Иль слезъ желаешь отъ меня, —
 Подруга, вѣрь, безъ колебаній
 Ихъ дамъ тебѣ отъ сердца я.
 Когда утопишь ты въ зенитѣ,
 Когда на небѣ будешь ты,
 Припомни, какъ тебѣ на лирѣ
 Вѣбравъ я сладкія мечты!
 Теперь, увы, не воспѣваю
 Ужъ я ни славы, ни любви.
 Не слышу жизни я въ крови
 И даже зло не проклинаю.
 Не льется рѣчь, и я въ тиши
 Внимаю лепету души.

МУЗЫКА.

Но что-жъ ты думаешь? Что я, какъ вихрь осенній,
 Съ могилъ собираю скорбь и жадно слезы пью,
 Блуждая по стопамъ печальныхъ привидѣній?
 А нѣжный поцѣлуй, — не я-ль тебѣ дамъ?
 Нѣтъ! Сорная трава, которую хотѣла
 Я съ корнемъ истребить, то — лѣнь твоя, мой другъ.
 И если въ старину душа твоя болѣла,
 Раскрой и обнажи мучительный недугъ.
 Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ путь его опаснѣй;
 Поэтъ! свою печаль безслѣдно ты не прячь.
 Отчаянія гнѣсъ едва-ль не всѣхъ прекраснѣй,
 Есть гнѣсы дивныя, похожія на плачъ.
 Ты знаешь — пеликанъ, когда онъ прелетаетъ
 Въ вечернемъ сумракѣ въ оставленнымъ птенцамъ,
 Вся жадная семья на берегъ выбѣгаетъ,
 Отца издалека вовесть знакомый гамъ
 И крикъ его дѣтей. Избравъ утѣсь высокій
 И дѣтокъ защитивъ повиснувшимъ крыломъ,
 Онъ въ небо темное вонзаетъ взоръ глубокий,
 И льетъ густая кровь сбѣгающимъ ручьемъ
 Изъ груди жалкаго кормильца-рыболова!
 Нѣтъ корма у него, напрасно онъ искалъ
 Добычи въ вѣнцахъ, вдоль берега морского

И въ черной глубинѣ за цѣпью синихъ скалъ.
 Онъ сердце лишь свое принесъ для насыщенья
 Любимыхъ имъ дѣтей, и молча дѣлитъ онъ
 Свою всю внутренность. Не чуя истощенья,
 Голодною толпой задавленъ, - окруженъ,
 Онъ нѣжностью своей печаль свою смягчаетъ.
 Такъ, жертва чистая, пируя свой конецъ,
 Свою живую грудь для близкихъ онъ терзаетъ.
 Бываетъ иногда, что любящій отецъ,
 Усталый умирать отъ пытки непосильной,
 Рѣшительный ударъ себѣ наноситъ самъ.
 Тогда несется крикъ въ ночной тиши могильной,
 Его послѣдній вопль по темнымъ берегамъ.
 Онъ страшно такъ звучитъ, что путникъ запоздалый
 Невольно крестится, и въ разные концы
 Всѣ птицы прячутся отъ пѣсни небывалой:
 Такъ плачутъ, мой поэтъ, великіе пѣвцы!
 Они даютъ шумѣть толпѣ самодовольной,
 Пока не призовутъ ее къ себѣ на пиръ,
 Но полонъ горечи звукъ пѣсни ихъ застольной,
 Они, какъ пеликанъ, собой питаютъ міръ.
 Не тѣшится толпа ихъ сворбными рѣчами:
 Отъ нихъ, какъ отъ меча, сверкаетъ полоса,
 Змѣясь по воздуху волшебными огнями,
 Но каплетъ изъ нея кровавая роса.

ПОЭТЪ.

О, ненасытная! Не въ силѣ
 Я лѣтъ больной, гора отъ ранъ.
 Зачѣмъ чертитъ слова на пыли,
 Когда несется ураганъ?
 Умчались молодости годы,
 Когда на праздникъ свободы
 Я птичкой рѣзвой напѣвалъ.
 Съ тѣхъ поръ же столько я страдалъ,
 Что еслибъ вызвать пожелалъ
 На лирѣ горечь этихъ дней, —
 Порвалъ бы струны я на ней!

II.

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ.

МУЗА.

Лишь солнце перешло въ лазури безпредѣльной
 Черту созвѣздія, дающаго весну,
 Какъ стала жизнь моя угрюмой и безцѣльной,
 А счастье унеслось въ далекую страну.
 Забыта я съ тѣхъ поръ своимъ поѣтомъ милымъ,
 Я жду, когда-то онъ стоскуется по мнѣ...
 Увы! Его жилище пустыннымъ и унылымъ
 Стоитъ уже давно въ безлюдной тишинѣ.
 Одна лишь я иду, какъ изгнанная Пери,
 Склонять свое чело къ его забытой двери
 И плакать на его покинутой стѣнѣ.

ПОЭТЪ.

Привѣтъ тебѣ, мой другъ любимый,
 Моя ты слава и мечта!
 Опять я здѣсь, опять одни мы,
 И всѣхъ милѣй подруга та,
 Что насъ встрѣчаетъ въ день возврата.
 Людской хвалой и блескомъ злата
 Я былъ на время увлеченъ.
 О, мать моя! моя родная!
 Твой сынъ вернулся, неземная,
 И снова гдѣсь жаждетъ онъ.

МУЗА.

Зачѣмъ, о, вѣтренники!—понять тебя мнѣ трудно—
 Отъ мирныхъ этихъ мѣстъ бѣжать ты вѣчно радъ?
 Кого, какъ не судьбу, ты ловишь безразсудно,
 И съ чѣмъ, какъ не съ тоской, приходишь ты назадъ?
 Чѣмъ занять ты вдали, когда я здѣсь тоскую?
 Напрасно ищешь ты зарницы въ темнотѣ.
 Среди земныхъ утѣхъ любовь мою святую
 Едва-ль ты сохранишь въ небесной чистотѣ,

Всегда твое жилие пустимъ я находила
И въ часъ, когда вездѣ стихалъ движенья гулъ,
А я въ твоёмъ саду подъ окнами бродила,
Ты ночи расточалъ на пагубный разгулъ.
Иль снова любишь ты и вырваться изъ плѣна
Нѣтъ силъ въ тебѣ опять, питомецъ бѣдный мой?
А здѣсь, гляди, кругомъ осыпалась вервѣна
И ты не проводишь отцвѣтъ ея слезой.
Та зелень грустная пророчить увяданье
И мнѣ, когда меня твой духъ не оживить:
Взовьется къ небесамъ ея благоуханье, —
И память обо мнѣ на небо улетитъ.

ПОЭТЪ.

Идя сегодня по равнинѣ,
Я кусть шиповника напелъ;
Цвѣточекъ блѣдный въ серединѣ
Дрожалъ: бѣдняжка! онъ отцвѣлъ...
А тутъ же рядомъ, зелѣтъ,
Бутоны качался на стеблѣ:
Онъ молодой былъ, онъ былъ милѣе, —
Такъ мать-природа, будто фея,
Людей смѣняетъ на землѣ.

МУЗА.

О, жалкій человѣкъ! Все тотъ же ты, несчастный!
Ногами топчешь прахъ и въ свѣту льнешь челою.
Вездѣ кровавый бой, повсюду путь опасный,
И сердце какъ ни лжетъ, все рана есть на немъ.
Одинъ надѣется, тотъ сѣтуетъ на Бога,
Комедию одну играетъ цѣлый свѣтъ;
Подъ лоскомъ мишуры скрываютъ люди много,
Но вѣрно въ нихъ одно: ихъ спрятанный смелеть.
Увы! любимецъ мой, твой даръ тебя повинуетъ,
И лира ни на что привѣтомъ не звучитъ,
А гений твой въ чаду пустыихъ желаній стигнутъ,
Любовью въ женщинѣ до срока онъ убить;
Растратилъ душу ты на слезы и страданья, —
Не взыщеть Богъ за кровь, какъ взыщеть за рыданья!

ПОЭТЪ.

Сегодня въ рощѣ голосъ сладкій
 Я птички рѣзвой услыхалъ,
 Въ ея же гнѣздышкѣ украдкой
 Птенцовъ я мертвыхъ увидалъ.
 Я пѣньемъ птички любовался...
 Кто слабъ, разбить и изнемогъ,
 Тому, вѣдь, Богъ еще остался:
 Надежда — здѣсь, на небѣ — Богъ.

МУЗА.

Но что же ты найдешь, когда въ изнеможеніи
 Вернешься ты одинъ въ очагъ забытый свой?
 Ты всюду встрѣтишь пыль, — слѣды пренебреженья,
 Оттуда улетать отрада и покой,
 Тамъ духъ невидимый на-вѣки поселится,
 Чтобъ спрашивать тебя: что сдѣлалъ ты съ собой?
 Иль ты надѣешься, что совѣсть усныится
 Подъ звуки мирные поэзии былой?
 А гдѣ убѣжище поэзии? — Сознайся,
 Что въ сердцѣ лишь твоемъ; во сердце замолчить,
 Его разспрашивать тогда ты не пытайся,
 Глетворный ядъ страстей его испепелить.
 Лишь изрѣдка его живучіе остатки,
 Какъ змѣи обовьютъ всю грудь твою кольцомъ, —
 И кто же облегчитъ тѣ жгучіе припадки?
 Кто сѣтовать придетъ надъ горестнымъ пѣвцомъ,
 Когда Совдатель самъ, быть можетъ, мнѣ прикажетъ,
 Чтобъ, недостойнаго, я кинула тебя,
 Въ небесную страну мнѣ грозно путь укажетъ
 И, крыльями блеснувъ, какъ сонъ, исчезну а?
 А прежде, помнишь ли, ничто не угрожаю
 Свиданью нашему въ таинственныхъ лѣсахъ,
 Гдѣ въ тихія мечты тебя я погружала,
 А силфы прятались въ каштановыхъ вѣтвяхъ,
 Желая подсмотрѣть красу мою нагую...
 Тамъ слезы пѣжныя жемчужною росой
 Припомни, какъ ронялъ ты въ воду клочковатую!
 Что сдѣлалъ ты, поэтъ, съ той радужной весной?
 И кто сорвалъ плоды, что я заколдовала?
 Щека твоя цвѣла здоровьемъ молодымъ,

Которымъ я тебя отъ неба надѣляла;
 Теперь же смотришь ты безсильнымъ и худымъ.
 Безумный! съ красотой и даръ ты свой теряешь.
 Ты гнѣваешь боговъ; они возьмутъ меня,
 И если упаду я съ неба для-тебя, —
 Чѣмъ, жалкій, предо мной себя ты оправдаешь?

КОРЪТЪ.

Вѣдь птичка не груститъ, а свищетъ и порхаетъ
 На вѣткѣхъ надъ своимъ разрушеннымъ гнѣздомъ,
 А радостный цвѣтокъ, что въ полѣ расцвѣтаетъ, —
 Едва другой цвѣтокъ свой вѣнчикъ раскрываетъ, —
 Склоняется въ траву покорнымъ стебелькомъ;
 Вѣдь вѣчно мы въ лѣсу ногами попираемъ
 Подъ зеленью живой опавшіе сучки,
 И сколько міръ земной, трудясь, ни изучаемъ,
 Мы знаемъ лишь одно, что взгляды немѣняемъ,
 И дальше насъ несутъ невѣрные шаги;
 Вѣдь, все, до самыхъ скалъ, — добыча разрушенья,
 И все погибшее рождается опять,
 И самая война готовить удобренье
 Полямъ, дающимъ хлѣбъ, — для жизни подкрѣпленье,
 Которое съ могилъ идемъ мы собирать;
 Итакъ, что стоитъ жизнь? Затѣмъ же воздержанье?
 Люблю, хоть блѣденъ я; люблю — хоть буду хилъ;
 Люблю — и я отдамъ свой геній за любовь,
 Люблю — и я хочу, чтобъ вѣчный ключъ страданья
 Мнѣ впалую щеку слезою оросилъ.
 Да, Муза, я люблю, и смѣло я рѣшился
 Разгулу и страстямъ хваленіе воспѣть,
 И буду повторять, чтобъ каждый веселился,
 Что былъ я цѣломудренъ, — нынче измѣнился
 И въ радостяхъ любви готовъ я умереть.
 О, сердце гордое! Гнетъ вѣчныхъ колебаній
 Тебя удерживали: раскрой свою любовь,
 Красуйся, какъ цвѣтокъ, среди благоуханій;
 Страдавшимъ нужно жить для новыхъ испытаній,
 Тому, кто разъ любилъ — любить тому и вновь.

О. А.

ПАТРОНАТЪ

ВЪ

РОССІИ И ЗА-ГРАНИЦЕЮ

ОРГАНИЗАЦІЯ ПОМОЩИ ОСВОБОЖДАЕМЫМЪ ИЗЪ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I.

Дѣятельность филантропическая вызывается естественно сочувствіемъ въ участіи ближняго и стремленіемъ облегчить ее; но если бы существовало только это одно соображеніе въ пользу организаціи патроната, съ цѣлью помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, мы бы еще не рѣшились ставить этотъ вопросъ теперь, въ минуту, когда всѣ усилія частной филантропіи обращены на другой патронатъ, на облегченіе участіи семействъ павшихъ и раненыхъ воиновъ. Мы не рѣшились бы, при существованіи только этого соображенія, сдѣлать малѣйшій шагъ, послѣдствіемъ котораго могло бы быть ослабленіе вниманія общественнаго въ послѣднимъ и удѣленію части этого вниманія въ освобожденнымъ изъ тюремъ, — людямъ во всякомъ случаѣ порочнымъ, потому что они уже были изобличены въ нарушеніи закона общественнаго.

Мы рѣшаемся поднять теперь этотъ вопросъ потому только, что съ безотложнымъ разрѣшеніемъ его связаны самыя существенныя интересы гражданскаго общества и правительства, въ отношеніяхъ безопасности, благосостоянія, нравственности и государственной экономіи. Мы ставимъ его потому, что, не будучи

до сихъ поръ ни разу затронуть въ нашей печати и законодательныхъ сферахъ, отъстоитъ, тѣмъ не менѣе, въ самой близкой связи съ дѣломъ тюремной реформы, которымъ серьезно занята теперь наша законодательная власть. Мы желаемъ обратить на него вниманіе, такъ какъ только при организаціи помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія можно ждать сколько-нибудь успѣшныхъ результатовъ отъ тюремной реформы и такъ какъ, при организаціи ея, возможно значительное уменьшеніе расходовъ на тюремное дѣло, падающихъ на государственную и земскую казну, а слѣдовательно и на карманы каждаго частнаго лица.

Эти положенія стали уже аксіомою для нашихъ западныхъ соседей, преимущественно въ Швейцаріи, Великобританіи, Франціи и Сѣверо-Американскомъ Союзѣ, гдѣ они встрѣчаютъ весьма широкое практическое примѣненіе. Много умовъ работало по тюремному вопросу, много опытовъ перебрано здѣсь и не мало финансовъ поглотили онѣ изъ казначействъ различныхъ государствъ. Было время, когда теорія потребовала введеніе одиночной системы во всѣ мѣста заключенія, даже для малолѣтнихъ, — и громадныя суммы отпущены въ услуги этой мысли. Было другое время, когда теорія требовала для арестантовъ системы общихъ работъ съ обязанностью безусловнаго молчанія, но при ночномъ раздѣленіи по спальнямъ, — государства не остановились передъ расходами и такими наказаніями для осуществленія и этой мысли. Возможныя иныя предложенія, сколько-нибудь выдерживавшія критику, равнымъ образомъ встрѣчали исполнителей, не останавливавшихся передъ обширными затратами. Словомъ, правительство и общество на Западѣ съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы обезпечить успѣхъ тюремной дѣятельности и дожидаться тѣхъ результатовъ, которые имъ обѣщали пенитенціаристы. Но дождались-ли они ихъ?

Успѣхъ тюремной дѣятельности общество опредѣляетъ, и не можетъ не опредѣлять, цифрою рецидива преступленій, такъ какъ основная задача, которая ставится себѣ тюрьмою новѣйшей школы, состоитъ въ исправленіи своихъ узниковъ, въ предупредженіи для нихъ нравственной и физической возможности или даже необходимости совершать новыя преступленія по освобожденіи. Между тѣмъ цифра рецидива во всѣхъ государствахъ, располагающихъ даже самыми совершенными тюремными системами, представляется громадною и — что всего хуже — годъ отъ году возрастаетъ. Если всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ Франціи раздѣлить на осужденныхъ въ первый разъ и рецидивистовъ, то на долю пер-

выкъ придется лишь отъ 35 до 40%, а на долю вторыхъ—отъ 60 до 65%. Въ Англіи съ Уэльсомъ въ общахъ составѣ тюремнаго населенія, по официальнымъ даннымъ, рецидивисты составляютъ около 30%; но если обратить вниманіе, что тамъ не принимаются такіа тщательныя мѣры для поминтированія рецидива, какія имѣютъ мѣсто во Франціи, и что самое помянутое рецидива въ Англіи гораздо тѣснѣе, то безъ преувеличенія цифру рецидивистовъ въ тюрьмахъ этой страны можно опредѣлить не менѣе, чѣмъ въ 60%. Въ Бельгіи, обладающей наиболѣе благоустроенною тюремною системою, по свидѣтельству Олифенса на лондонскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, цифра рецидивистовъ между арестантами достигаетъ 78%. Въ тюрьмахъ Австріи рецидивисты составляютъ 57%. Пруссія въ своихъ тюрьмахъ содержитъ отъ 60 до 70% рецидивистовъ. Въ пенитенціаріяхъ Норвегіи рецидивисты составляютъ 40%, въ Швеціи ихъ насчитываютъ 30%. Высказывается иногда мнѣніе, что въ Россіи, располагающей обширною системою судебной и административной ссылки, нѣтъ основаній опасаться чрезвычайнаго распространенія рецидива. Но мнѣніе это не оправдывается дѣйствительностью. Не говоря уже о сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ полуторасолѣтняя ссылка выработала организованный преступный классъ, даже въ Европейской Россіи рецидивъ стоитъ на весьма почтенной цифрѣ 20% общаго количества осужденныхъ, а во включеніемъ бродягъ поднимается почти до 25%; въ округахъ нѣкоторыхъ судебныхъ палатъ, напр., с.-петербургской, рецидивъ уже стоитъ на 30%.

Такимъ образомъ, опасность рецидива не можетъ быть устранена одними тюрьмами. Это становится совершенно помянутымъ, если взглянуть то положеніе, въ которомъ оказывается недавній узникъ тотчасъ послѣ освобожденія его.

За исключеніемъ незначительнаго ихъ количества, нѣмногихъ готовую и обеспеченную семью, большинство освобожденныхъ суть люди, могущіе снискивать себѣ прожитіе лишь подъ условіемъ ежедневнаго труда. Положимъ даже, —что, собственно говоря, у насъ лишь рѣдкое исключеніе, —что они успѣли вынести изъ тюрьмы заработную плату; но послѣдняя никогда не достигаетъ такой величины, чтобы дать имъ возможность занести мастерство за свой счетъ и рискъ, такъ что имъ необходимо предстать искать работы у другихъ. Не кто дастъ охотѣ работу чуждую, про котораго извѣстно лишь, что онъ отсидѣлъ свой срокъ въ тюрьмѣ, кто согласится принять его въ свою мастерскую? У освобожденнаго, предоставленнаго самому себѣ, есть единственный

возможность получения работы—скрывать, что онъ находился въ тюрьмѣ; но это шансъ весьма не вѣрный, какъ по осторожности, такъ и потому, что онъ можетъ быть разрушенъ первымъ встрѣчемъ съ какимъ-нибудь старымъ знакомымъ по тюрьмѣ. А между тѣмъ, заработанная въ тюрьмѣ сумма успѣла уже насладиться, и освобожденный изъ тюрьмы, преслѣдуемый недоверіемъ и предубѣжденіемъ общества, окруженный безвыходно нищетою, съ ужасомъ видитъ приближеніе того дня, когда ему придется погнѣбнуть въ тяжелой борьбѣ жизни или уступить соблазнамъ преступленія. Такова участь лучшихъ изъ осужденныхъ. Перспектива ея хорошо извѣстна тюремнымъ сидѣльцамъ, и не удивительно, что для отклоненія бѣдъ стѣнъ бѣже между ними опытные въ первый же шагъ свободной жизни употребляютъ вынесенныя изъ тюрьмы деньги не на бесплодную большую частью попытку варочиться честнымъ трудомъ, а на покупку орудій для новыхъ преступленій и на присканіе товарищей. Такимъ образомъ тюрьма, самымъ фактомъ пребыванія въ ней челоука, закрываетъ ему честный трудъ и вызываетъ рецидивъ преступленій. При наилучшей постановкѣ, она въ силахъ дать своимъ ученикамъ рабочія привычки, обучить ихъ какому-либо мастерству, возбудить въ нихъ сознаніе совершенной несправды и стремленіе стать на дорогу честной жизни и честнаго труда; но ея высшія стѣны закрываютъ отъ глазъ общества тѣ усилія, въ которыхъ прибѣгаютъ лучшие изъ арестантовъ для самосправедленія, и такимъ образомъ недоверіе и предубѣжденіе общества встрѣчаетъ всѣхъ освобождаемыхъ безъ различія, неизбежно толкая ихъ на новыя преступленія.

Для того именно, чтобы ослабить это неизбежное вліяніе высинокъ тюремныхъ стѣнъ и обратить на пользу общественную дорого-стоющія усилія тюремнаго содержанія, и необходима организация помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія. Формы этой помощи могутъ быть весьма разнообразны, начиная отъ устройства такъ-называемыхъ переходныхъ тюремъ (*intermediale prisons*) ирландской тюремно-каторжной системы, перехода къ устройству частныхъ убѣжищъ и рабочихъ домовъ для освобожденныхъ и кончая единичными вспомошествованіями освобожденнымъ присканіемъ мѣстъ, доставленіемъ работъ, примиреніемъ ихъ съ родными, присканіемъ помѣщеній вдали отъ преступнаго товарищества, облегченіемъ эмиграціи, а также, въ случаѣ крайности, выдачею на руки небольшихъ суммъ. Но при всемъ разнообразіи этихъ формъ, основная идея помощи состоитъ въ томъ, чтобы облегчить освобожденному возможность утилизировать при-

обрѣтенныя въ тюрьмѣ работѣ привычекъ и ремесленныя познанія, возвратить его въ среду свободнаго общества полезнымъ членомъ. Преслѣдуя эту цѣль, дѣло вспомоствованія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія уже успѣло увѣнчаться на Западѣ значительными успѣхами. Если волонеры и пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ успѣли значительно понизить рецидивъ между своими питомцами, то этотъ блестящій результатъ, какъ нынѣ признано, сталъ возможнымъ потому только, что они, во-первыхъ, стараются какъ можно ближе поддерживать постоянныя сношенія между свободнымъ обществомъ и своими питомцами еще во время заключенія, и, во-вторыхъ, принимаютъ на себя заботы о помѣщеніи освобождаемыхъ на работы въ частнымъ лицамъ, поддерживая связи съ малолѣтними и по освобожденіи ихъ. Весьма естественно было распространеніе этой идеи и на мѣста заключенія для взрослыхъ; правда, первая часть задачи здѣсь менѣе выполнима, но для второй открытъ полный просторъ. И дѣйствительно, опытъ не замедлилъ подтвердить еще разъ, что истины простыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ истины великія, богатые благотворными послѣдствіями. Изъ 363 освобожденныхъ, встрѣтившихъ поддержку со стороны гласговскаго общества, только 13 человекъ впади въ рецидивъ, а 350 были спасены и для себя, и для государства. Въ средѣ покровительствуемыхъ парижскимъ генеральнымъ обществомъ, рецидивистовъ оказалось менѣе 15%. Тюрьмы нившательская и цюрихская въ Швейцаріи низкимъ процентомъ рецидива обязаны главнымъ образомъ дѣятельности существующихъ при нихъ обществъ вспомоствованія освобождаемымъ. Въ другихъ странахъ замѣчены столь же благоприятные результаты.

Мы считаемъ невозможнымъ болѣе закрывать на нихъ глаза, и потому находимъ въ высшей степени своевременнымъ и полезнымъ познакомить читателей съ дѣломъ организаціи помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ чертахъ. Наше описаніе мы начнемъ со Швейцаріи, какъ государства, гдѣ помощь освобождаемымъ успѣла пустить весьма глубокіе корни въ общественное сознаніе, тѣмъ болѣе, что объ этой странѣ мы имѣемъ самыя точныя и подробныя свѣдѣнія.

II.

Попечительства объ освобождаемыхъ изъ тюремнаго заключенія преступникахъ возникли въ Швейцаріи въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія и началомъ своимъ обязаны какъ вообще гуманнымъ воззрѣніямъ швейцарскаго общества на судьбу бывшихъ преступниковъ, такъ и постоянно возрастающему въ этомъ государствѣ числу преступленій, въ особенности же преступленій, совершаемыхъ во второй разъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Тщательное изслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ, доводящихъ людей до преступленія, привело швейцарское общество къ убѣжденію, что тюремное заключеніе во многихъ случаяхъ не исправляетъ преступника, и что, въ виду опасности, грозящей преступнику, по полученіи имъ свободы, снова совершить какое-нибудь преступленіе или вообще сбиться съ пути добродѣтели и законности, необходимо не только обезпечить дальнѣйшее его существованіе въ матеріальномъ отношеніи, но позаботиться также и о довершеніи нравственнаго его исправленія, начало которому было положено въ тюрьмѣ.

Сентъ-Галленскій кантонъ былъ однимъ изъ первыхъ, въ которомъ общество особенно рѣшительно отнеслось къ судьбѣ бывшихъ преступниковъ и не замедлило устроить у себя для нихъ попечительство, полезная дѣятельность котораго и началась съ половины 1839 г. Исторія возникновенія этого попечительства совпадаетъ съ исторіею учрежденія въ С.-Галленѣ новой тюрьмы по принципамъ карательно-исправительной системы. Характеръ устройства этой тюрьмы необходимо требовалъ учрежденія особаго братства или общества для надзора за освобожденными преступниками. Послѣ того, какъ вопросъ объ учрежденіи новой тюрьмы и тѣсно связаннаго съ нею попечительнаго братства былъ въ теченіи 1836 и 1837 годовъ устно и печатно разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, за словомъ не замедлило послѣдовать и дѣло. Осенью 1838 г. была отстроена сказанная тюрьма, а 24 ноября того же года изданъ новый законъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, въ 5-мъ пунктѣ котораго выражено: «Каждый освобождаемый изъ тюрьмы, если только онъ гражданинъ кантона или постоянный житель онаго, по отбытіи имъ срока наказанія, передается въ вѣдѣніе попечительства на срокъ отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ». Что касается до характера дѣятельности этого попечительства, то въ общихъ чертахъ онъ уже ранѣе былъ опредѣленъ рѣшеніемъ великаго совѣта, отъ 15 ноября

того же года, касательно управленія тюрьмою. Въ 5-мъ пунктѣ этого рѣшенія сказано: «Коммиссія по управленію тюрьмою позаботится о томъ, чтобы всѣ преступники, по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, нашли себѣ приличное пристанище и честный заработокъ и были переданы подъ надзоръ попечительства. Съ этою цѣлью коммиссія позаботится объ устройствѣ своего собственнаго попечительнаго общества, на которое малый совѣтъ можетъ возложить попеченіе объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ, по одобренному имъ плану». Въ томъ же засѣданіи великаго совѣта были выработаны основныя положенія о предполагаемомъ обществѣ, которое и составилось 10 іюня 1839 г. изъ 36 членовъ, принадлежащихъ къ разнымъ частямъ кантона, а 21 того же іюня это общество получило утвержденіе со стороны малаго совѣта, выразившаго при этомъ, между прочимъ, надежду, что «общество будетъ руководствоваться чисто христіанскою любовью въ исполненіи того дѣла, котораго законъ не можетъ вѣнчать въ обязанность».

Такимъ образомъ учредилось съ неослабною силою и усиліемъ дѣйствующее понынѣ С.-галленское попечительное общество, въ основаніе котораго, какъ мы могли замѣтить, принята система принужденія (*Zwangssystem*), т.-е. условіе, чтобы не нѣкоторые лишь, а всѣ безъ исключенія освобождаемые изъ тюремнаго заключенія преступники поступали въ вѣдѣніе попечительнаго о нихъ общества. О томъ, насколько сочувственно относится С.-галленское общество къ судьбѣ бывшихъ преступниковъ, можно судить уже потому, что только-что названное нами попечительство, имѣвшее въ началѣ всего только 36 членовъ, въ 1865 г. насчитывало ихъ 1005 человекъ и содержало на своемъ попеченіи 774 освобожденныхъ, причемъ рецидивъ преступленій въ кантонѣ составлялъ только 11 на 100.

Въ цюрихскомъ кантонѣ попечительное общество объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія образовалось гораздо позднѣе С.-галленскаго. 10 апрѣля 1865 г., по приглашенію правительственнаго совѣтника Бенца, собралось въ залѣ великаго совѣта около 250 человекъ мужского пола, которые въ то же засѣданіе проектировали статутъ предполагаемаго общества, а 21 того же апрѣля статутъ этотъ былъ утвержденъ и правительствомъ, вслѣдъ зачѣмъ избранные изъ общаго числа членовъ 7 человекъ для управленія дѣлами попечительства вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. Попечительство это, не принявшее въ основаніе своего устава той системы принужденія, которою характе-

ризуется С.-галленское попечительное общество, отличается отъ послѣдняго также и тѣмъ, что:

1) оно охраняетъ свое покровительство исключительно молодыми преступниками;

2) принимаетъ на свое попеченіе не только преступниковъ, освобожденныхъ изъ главной кантональной тюрьмы, но также и выпускаемыхъ изъ разныхъ другихъ окружныхъ тюремъ, и —

3) при главномъ или центральномъ комитетѣ имѣетъ въ округахъ зависящіе отъ него меньшіе окружныя попечительства, обязанныя нещасъ какъ о лицахъ, освобожденныхъ изъ окружныхъ тюремъ, такъ равно и о содержавшихся прежде въ главной кантональной тюрьмѣ и помѣщенныхъ затѣмъ на жительство въ соответственный округъ. Въ случаѣ невозможности учредить окружныя попечительства, вмѣсто нихъ, устраиваются по крайней мѣрѣ окружныя комитеты.

Въ отношеніи порядка внутренняго управленія, а также правъ и обязанностей лицъ, составляющихъ Цюрихское попечительство, необходимо замѣтить, что въ то время, какъ въ С.-галленскомъ кантонѣ директоръ тюрьмы, не будучи членомъ попечительства, обязанъ только сообщать ему послѣднему, за 6 недѣль до освобожденія изъ тюрьмы каждаго преступника, свѣдѣнія объ его возрастѣ, состояніи, поведеніи, совершенномъ преступленіи и т. п., директоръ цюрихской кантональной тюрьмы, вмѣстѣ съ состоящимъ при ней священникомъ, суть непрѣмные члены центрального комитета, обязанные участвовать во всѣхъ его засѣданіяхъ и представлять ему подробныя свѣдѣнія о предназначаемыхъ въ освобожденію изъ тюрьмы лицахъ. По полученіи такихъ свѣдѣній председатель комитета выбираетъ изъ среды его особаго члена для каждаго изъ освобождаемыхъ, котораго избранный членъ обязанъ затѣмъ навѣщать въ тюрьмѣ, чтобы поближе познакомиться съ нимъ, узнать объ его будущихъ планахъ и предположеніяхъ, о родѣ жизни и занятій, которыя онъ намѣренъ въслѣдствіи избрать себѣ и т. п.

Основнымъ правиломъ попечительства принято не оказывать покровительства тѣмъ преступникамъ, которые не нуждаются ни въ матеріальной, ни въ нравственной помощи, или которые отвергаютъ предлагаемую имъ помощь, хотя, быть можетъ, она была бы имъ очень полезна, и, наконецъ, такимъ, исправленіе которыхъ невѣроятно. По числу своихъ членовъ Цюрихское попечительство, вѣроятно вслѣдствіе своего повѣнческаго открытія, значительно уступаетъ С.-галленскому. Такъ, въ 1863 г. это попечительство насчитывало всего только 668 членовъ, причемъ

покровительствовало 378 освобожденнымъ преступникамъ; но тѣмъ не менѣ дѣятельность ето оказалась вполне благотворною и въ значительной степени способствовала уменьшенію числа преступленій въ кантонѣ.

Говоря о цюрихскомъ кантонѣ, необходимо еще замѣтить, что въ немъ, вмѣстѣ только-что описаннаго попечительства для освобожденныхъ преступниковъ мужского пола, существуетъ съ 1839 года также «дамское попечительное общество», основанное г-жею Елизаветою Фри, урожденной Гёрней, изъ Лондона, исключительно для лицъ женскаго пола, и дѣйствующее, судя по нѣсколькимъ у насъ свѣдѣніямъ, весьма успѣшно. Члены этого общества неоднократно посѣщаютъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, обучаютъ ихъ, и вообще назиданіемъ, совѣтомъ и собственнымъ примѣромъ стараются возратить вовлеченныхъ въ преступленія женщинъ на путь добродѣтели. По отбытіи срока заключенія, бывшія преступницы, въ случаѣ надобности, получаютъ отъ общества въ продолженіе нѣкотораго времени пропитаніе и работу. Если обществу не представляется возможности опредѣлить освобожденную женщину къ какому-нибудь мѣсту или въ какое-нибудь порядочное семейство, тогда ей дается на нѣкоторое время убѣжище въ домѣ какого-нибудь ремесленника въ кантонѣ, съ которымъ общество заключило на сей предметъ особые условія; или же общество передаетъ эту женщину на попеченіе въ одну изъ тѣхъ иностранныхъ убѣжищъ (во Франціи и Германіи), съ которыми оно состоитъ въ дѣятельномъ сношеніи. Что касается до денежныхъ средствъ, то общество не ощущаетъ въ нихъ недостатка, такъ какъ добровольныя пожертвованія поступаютъ къ нему, можно сказать, въ избытѣ.

Въ люцернскомъ кантонѣ попечительное общество утредилося въ одномъ году съ Цюрихскимъ. 1 марта 1855 г., Люцернское общепольное общество, по инициативѣ одного изъ своихъ членовъ, обратившаго вниманіе общества на значительное возрастаніе въ кантонѣ числа преступленій и преступниковъ, единогласно рѣшило позаботиться о противодѣйствіи такому печальному явленію устройствомъ попечительства для освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ. Постановлено было съ этою цѣлью собраться вновь на 6-е декабря того же года. Въ составленномъ и разосланномъ по этому случаю приглашеніи ко всѣмъ членамъ и благонравнымъ людямъ, между прочимъ, указывается на то обстоятельство, 1) что число преступленій и преступниковъ въ люцернскомъ кантонѣ за послѣднія десять лѣтъ упрямилось; 2) что наказаніе и исправительное заведеніе, если они даже и

вполнѣ соотвѣтствуютъ положенной въ основаніе ихъ цѣли — устрашенія и исправленія — вовсе не способствуютъ уменьшенію числа преступленій и рецидивовъ ихъ; 3) что преступникъ, покидающій тюрьму съ твердою рѣшимостью вести на будущее время честную жизнь, будучи предоставленъ самому себѣ, если даже въ немъ и не развилась еще привычка къ преступленіямъ, вслѣдствіе встрѣчающихся его въ жизни обстоятельствъ, сплошь и рядомъ вновь попадаетъ на путь порока, и что въ видахъ противодѣйствія такому присворбному явленію въ Англіи, Германіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи устроились попечительныя общества для освобожденныхъ преступниковъ; и 4) что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только существуютъ подобныя попечительства, рецидивъ преступленій значительно уменьшился; такъ, напр., въ Лондонѣ, представляющемъ для человѣка болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, соблазна и искушеній, онъ не превышаетъ 11%. Означенное воззваніе произвело желаемое дѣйствіе. Собраніе 6 декабря въ тотъ же день выработало для предполагаемаго попечительнаго общества уставъ, въ общихъ чертахъ схожій съ уставомъ Цюрихскаго попечительства, а 10 числа того же декабря мѣсяца уставъ этотъ былъ утвержденъ правительственнымъ совѣтникомъ, послѣ чего общество и открыло свои дѣйствія, продолжающіяся и по сіе время. Къ сожалѣнію, Люцернское попечительство не можетъ похвалиться особенными успѣхами на избранномъ поприщѣ, вслѣдствіе того, что встрѣчаетъ иногда недобріе къ себѣ со стороны общества и, сверхъ того, ощущаетъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ.

По образцу С.-галленскаго и Цюрихскаго попечительственныхъ обществъ, мало по-малу открылись затѣмъ подобныя же учрежденія и въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ Швейцаріи. Такъ, въ 1858 учредилось попечительство въ кантонѣ Тургау, въ 1860 г. въ Ааргау, въ 1874 г. въ Апенцелѣ и Бернѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ кантоновъ въ то же самое время открылся и «Дамскій комитетъ» для призрѣнія освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія женщинъ. Въ томъ же 1864 году послѣдовало преобразование, или, точнѣе сказать, возрожденіе попечительства въ кантонѣ Ваадтѣ, которое хотя и было учреждено еще ранѣе С.-галленскаго, именно въ 1834 г., но по встрѣтившимся затрудненіямъ въ скоромъ же времени должно было отказаться отъ своей цѣли и на время передать состоявшихъ подъ его опекой освобожденныхъ преступниковъ въ вѣдѣніе Лозанскаго Евангелическаго общества. Попечительное общество открыто также и въ Женевѣ, но о характерѣ и результатахъ его дѣятельности намъ ничего не извѣ-

стно. — Въ кантонѣ гор. Базеля нѣтъ особаго попечительства объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ; вмѣсто же попечительства, заботу о судьбѣ такихъ лицъ, по отбытіи ими опредѣленнаго срока тюремнаго заключенія, приняло на себя существующее тамъ общество для распространенія добра и общественной пользы (*Gesellschaft zur Beförderung des Guten und Gemeinnützigen*). Благотворная дѣятельность этого общества ограничивается, къ сожалѣнію, только одними молодыми преступниками, которые получаютъ отъ общества, по выходѣ изъ тюрьмы, необходимую одежду, инструменты и матеріалы для работы, а также обучаются на его счетъ разнымъ ремесламъ.

Имѣются ли подобныя попечительства, или, вообще говоря, обозначена ли хоть сколько-нибудь судьба освобожденныхъ изъ тюремъ преступниковъ въ другихъ кантонахъ Швейцаріи, — намъ неизвѣстно. По крайней мѣрѣ до 1870 г. въ другихъ, не названныхъ нами здѣсь, кантонахъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ источниковъ, не существовало ничего подобного. Мы думаемъ однако, что въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ и другія мѣстности Швейцаріи успѣли уже хоть сколько-нибудь сравняться въ этомъ отношеніи съ описанными нами кантонами, такъ какъ необходимость учрежденія попечительствъ во всѣхъ кантонахъ признана была въ Швейцаріи еще въ 1869 году, какъ это видно изъ реферата, прочитаннаго предсѣдателемъ с.-галленскаго суда и тамошняго попечительства объ освобожденныхъ преступникахъ Г. М. Форреромъ на бывшемъ 21 и 22 сентября 1869 г. въ С.-Галленѣ общемъ собраніи Швейцарскаго тюремнаго общества. Въ первыхъ двухъ, окончательныхъ принятыхъ собраніемъ, тезисахъ этого реферата выражено: «Попечительство объ освобожденныхъ изъ тюремнаго заключенія уголовныхъ преступникахъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и такихъ лицахъ, которые были подвергнуты исправительному наказанію), въ видахъ поддержанія общественной нравственности и обезпеченія общественнаго права, составляетъ исполнѣ дѣлесообразное и полезное учрежденіе и потому необходимо позаботиться о томъ, чтобы это учрежденіе существовало рѣшительно во всѣхъ кантонахъ».

III.

Изъ Швейцаріи перейдемъ въ сосѣднюю съ нею Германію и посмотримъ на дѣятельность тамошнихъ попечительныхъ обществъ, начало которыхъ относится въ двадцатымъ годамъ настоящаго столѣтія. Результаты дѣятельности германскихъ попечительствъ почти столь же удовлетворительны, какъ и швейцарскихъ. Изъ числа, напр., 6,436 человекъ, содержавшихся въ 1864 году въ 34 мѣстахъ заключенія Германіи, было только 1,739 такихъ, которые совершили преступленіе во второй разъ; слѣд. рецидивъ составлялъ только 27%. Такимъ благоприятнымъ результатомъ Германія обязана главнымъ образомъ неутомимой дѣятельности своихъ попечительствъ о бывшихъ преступникахъ. Не имѣя возможности, по недостатку состоящихъ въ нашемъ распоряженіи источниковъ, описывать исторію возникновенія и развитія каждаго изъ германскихъ попечительствъ, и въ то же время не желая утомлять читателей повтореніемъ почти одного и того же, мы въ настоящемъ нашемъ очеркѣ ограничимся только упоминаніемъ на главнѣйшіе пункты устава берлинскаго тюремнаго общества, основаннаго въ 1828 году и принявшаго, между прочимъ, на свою обязанность также и попеченіе объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ, и на наиболѣе выдающіяся черты дѣятельности Дюссельдорфскаго попечительства, учрежденнаго въ 1826 году, исключительно для преступниковъ, выпускаемыхъ изъ тюремъ Рейнской провинціи и Вестфалии. Этихъ немногихъ данныхъ будетъ, какъ мы надѣемся, вполне достаточно для оцѣнки той громадной пользы, которую приносятъ всѣ вообще подобныя попечительства въ Германіи.

«Наше общество», сказано, между прочимъ, въ уставѣ Берлинскаго тюремнаго общества, «поставившее себѣ также задачей содѣйствовать нравственному и гражданскому улучшенію освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ и такимъ образомъ способствовать устраненію того недовѣрія, которое встрѣчаютъ бывшихъ преступниковъ при возвращеніи ихъ въ гражданское общество, и тѣхъ препятствій къ ихъ дальнѣйшему усовершенствованію, которыя приходится при этомъ испытывать даже самымъ лучшимъ изъ нихъ, тогда только можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда его дѣятельность будетъ имѣть во всѣхъ отношеніяхъ воспитательный характеръ. Въ его дѣятельности, какъ и въ дѣятельности воспитательной, должна быть оказываема одновременно и помощь тѣлесная и помощь духовная: первая—для

устраненія препятствій, мѣшающихъ нравственному исправленію, а послѣдняя—какъ непосредственно дѣйствующее цѣлебное средство. Заботясь о бывшихъ преступникахъ, общество должно тщательно слѣдить за ними и руководить ими; между обществомъ и находящимися на его попеченіи бывшими преступниками должны существовать такія же отношенія, какія существуютъ между отцомъ и сыномъ, между опекуномъ и опекаемымъ. — Оказываемая обществомъ освобождаемымъ преступникамъ тѣлесная или матеріальная помощь никакъ не должна имѣть характера раздаванія милостыни, дабы нельзя было упрекнуть общество, что оно людямъ, дошедшимъ до крайности вслѣдствіе совершенныхъ ими преступленій, отдаетъ то, что должно бы было принадлежать столь же нуждающимся, но ничѣмъ не запятнавшимъ себя людямъ. Отнюдъ не должно забывать, что оказываніе матеріальной помощи не составляетъ цѣли общества, но только служитъ средствомъ для цѣли, т.-е. для того, чтобы поставить освобожденныхъ преступниковъ на путь исправленія и держать ихъ на этомъ пути; необходимо постоянно помнить, что эта помощь должна имѣть мѣсто только при увѣренности или по крайней мѣрѣ достаточной вѣроятности, что освобожденный твердо намѣренъ исправиться, и никакъ не должна переступать за предѣлы своей цѣли,—вообще же эта помощь должна заключаться только въ доставленіи освобожденному честнаго заработка посредствомъ соотвѣтствующей его склонностямъ и умѣнью работъ. Поэтому тѣ изъ освобожденныхъ, которые не хотятъ работать, точно такъ же не могутъ и не должны пользоваться подобною помощью, какъ и тѣ, которые не могутъ работать по тѣлесной неспособности: первые должны быть передаваемы въ вѣдѣніе полиціи, а послѣдніе—въ вѣдѣніе попечительства о бѣдныхъ. — Болѣе чѣмъ о тѣлесной помощи, въ видахъ истиннаго исправленія бывшаго преступника, обществу слѣдуетъ заботиться объ оказаніи ему духовной помощи, т.-е. о томъ, чтобы онъ живо сознавалъ не столько свою тѣлесную, сколько свою духовную безпомощность или свою грѣховность и величѣмѣрно стремился бы выдти изъ такого бѣдственнаго состоянія.— Общество должно находиться въ постоянномъ сношеніи съ начальствомъ мѣстъ заключенія и получать отъ него, за нѣсколько времени до освобожденія того или другого преступника, свѣдѣнія: 1) объ его имени и фамиліи, 2) о возрастѣ, 3) о вѣроисповѣданіи, 4) о происхожденіи и прежнемъ образѣ жизни, 5) объ его родителяхъ или опекунахъ, если таковые у него есть, 6) объ его будущемъ мѣстопробываніи, 7) о совершенномъ имъ преступленіи, 8) о судебномъ мѣстѣ, приговорившемъ это къ тюремному за-

включенію, 9) о продолжительности его заключенія, 10) о днѣ освобожденія его изъ тюрьмы, 11) о прежней его судимости, 12) объ его поведеніи во время нахождения его въ тюрьмѣ въ послѣдній разъ и о томъ, насколько можно надѣяться на дальнѣйшее его исправленіе, 13) объ его познаніяхъ и 14) объ его собственныхъ предположеніяхъ насчетъ предстоящей ему по освобожденіи жизни.—Если заключенный въ тюрьму успѣлъ заработать себѣ тамъ нѣкоторую сумму денегъ, то, по освобожденіи его оттуда, ему выдается изъ этой суммы лишь столько, сколько ему необходимо для того, чтобы добраться до избраннаго имъ самимъ или назначеннаго ему обществомъ мѣста будущаго его жительства; остальная же часть его заработка отдается въ распоряженіе общества, которое и снабжаетъ освобожденнаго на счетъ этой суммы всѣмъ необходимымъ ему обзаведеніемъ въ новой его жизни. Общество вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ полицейскими властями и чрезъ нихъ посредствомъ провѣряетъ и дополняетъ полученныя имъ изъ мѣстъ заключенія свѣдѣнія о преступникахъ. Опредѣляя освобожденнаго преступника на какое-нибудь мѣсто или отдавая его въ обученіе какому-нибудь мастерству, общество съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно должно сообщить будущему хозяину освобожденнаго все, что ему извѣстно о прошлой жизни послѣдняго. Общество должно употребить всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы помѣшать возобновенію связей освобожденнаго съ товарищами его прежней порочной жизни и отстранить отъ него, по возможности, всѣ тѣ внѣшнія побужденія, при которыхъ было совершено уже искупленное имъ преступленіе. Если освобожденный, побуждаемый искреннимъ раскаяніемъ и угрызеніями совѣсти, самъ пожелаетъ быть помѣщеннымъ сколь можно далѣе отъ мѣста, въ которомъ онъ совершилъ преступленіе, то обществу слѣдуетъ удовлетворить, по возможности, такому желанію».

Заканчивая здѣсь изложеніе главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ пунктовъ устава Берлинскаго тюремнаго общества касательно его попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ, считаемъ не лишнимъ прибавить, что общество это съ давнихъ поръ успѣло уже приобрести всеобщую извѣстность въ восточной Пруссіи и въ числѣ своихъ членовъ и добровольныхъ жертвователей, оказывающихъ ему немалыя услуги въ матеріальномъ отношеніи, насчитываетъ нѣсколько высокопоставленныхъ особъ и, между прочимъ, императора и императрицу Германіи и другихъ членовъ царствующей въ Пруссіи фамиліи.

Обратимся теперь къ Дюссельдорфскому попечительному обществу. Уставъ этого общества имѣетъ въ основныхъ положеніяхъ много общаго съ Берлинскимъ. Члены общества ознамливаются съ преступниками еще до выхода послѣднихъ изъ тюрьмы, изучаютъ ихъ тамошнюю жизнь, узнаютъ ихъ склонности, способности и предположенія на-счетъ дальнѣйшей ихъ жизни на свободѣ, даютъ имъ читать книги религіозно-нравственнаго содержанія и доставляютъ имъ, по возможности, работу. Такимъ образомъ, попечительство начинаетъ свою дѣятельность еще въ тюрьмѣ, чѣмъ главнымъ образомъ и кладется прочное основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ. При выходѣ преступника изъ тюрьмы, ему, для необходимаго первоначальнаго обезпеченія въ жизни, выдается денежное пособіе изъ суммы, составляющейся изъ членскихъ взносовъ. Въ крайнихъ случаяхъ, вмѣсто денежнаго пособія, освобожденному дается временное помѣщеніе въ особомъ убѣжищѣ, содержимомъ на средства попечительства. Срокъ пребыванія въ этомъ убѣжищѣ различенъ, смотря по обстоятельствамъ и по поведенію бывшаго преступника; для лицъ же, не подающихъ надежды на исправленіе, онъ не можетъ продолжаться болѣе 6-ти мѣсяцевъ. Если проживающій въ убѣжищѣ своимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ успѣетъ снискать себѣ полное довѣріе своихъ попечителей, тогда общество рекомендуетъ его на какое-нибудь частное мѣсто, причѣмъ въ день выхода его изъ убѣжища въ честь его устраивается небольшое празднество. Кромѣ главнаго или центральнаго Дюссельдорфскаго попечительства, въ провинціяхъ устроены такія же вспомогательныя ему попечительства, имѣющія одинаковую съ нимъ организацію и обязанныя представлять ему ежегодные отчеты о своей дѣятельности.

Большую поддержку своей дѣятельности встрѣчаетъ Дюссельдорфское попечительство со стороны мѣстнаго духовенства. Такъ, на одиннадцатомъ провинціальномъ синодѣ въ Вестфаліи сдѣлано нѣсколько весьма важныхъ и полезныхъ для дѣятельности попечительнаго общества постановленій. Первымъ изъ этихъ постановленій вмѣнено въ обязанность состоящимъ при тюрьмахъ духовнымъ лицамъ сообщать приходскимъ пасторамъ фамиліи освобожденныхъ, которые, по выходѣ изъ тюрьмы, намѣрены проживать въ районѣ ихъ приходовъ; пасторамъ же сихъ послѣднихъ предложено посѣщать поселившихся въ ихъ приходѣ бывшихъ преступниковъ, способствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами нравственному ихъ улучшенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ—не оставлять безъ своего покровительства также и семействъ этихъ

людей. Сверхъ того, имѣя въ виду, что недоуѣріе, питаемое обыкновенно обществомъ къ бывшимъ преступникамъ, и особенно къ такимъ, которые состоятъ подъ надзоромъ полиціи, составляетъ главнѣйшее препятствіе въ дѣлѣ перевоспитанія этихъ лицъ, синодъ постановилъ просить министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ полицейскаго надзора или, по крайней мѣрѣ, о значительномъ его ослабленіи, какъ для бывшихъ преступниковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи самого попечительства, такъ и для независящихъ отъ общества, но отличающихся вполнѣ безупречною нравственностью. Въ заключеніе, синодъ призналъ необходимымъ, чтобы сверхъ уже существующихъ были открыты еще новыя убѣжища для лицъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣры, принимаемыя Дюссельдорфскимъ попечительнымъ обществомъ и вестфальскимъ духовенствомъ для нравственнаго исправленія бывшихъ преступниковъ.

IV.

Отъ Германіи обратимся къ Англіи и посмотримъ на дѣятельность тамошнихъ обществъ попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ.

Существованіе попечительныхъ обществъ для бывшихъ преступниковъ съ давнихъ уже поръ узаконено въ Англіи особыми правительственными актомъ и одобрено также очередными сессіями мировыхъ судей (Quarter Sessions), въ большей части значительнѣйшихъ графствъ и городовъ, какъ-то: въ Миддлсексѣ, Серрей, Ланкаширѣ, Йоркширѣ, Стаффордширѣ, Вервикширѣ, Уилтсѣ, Лондонѣ, Бристолѣ и пр. Каждое изъ этихъ графствъ и городовъ имѣетъ у себя дѣятельное общество попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ. Общества эти, вездѣ, гдѣ только они учреждены, оказываютъ самое благотворное вліяніе, засвидѣтельствованное лицами, заслуживающими наибольшаго довѣрія. Такъ, напримѣръ, лордъ Морлей, читая 24 іюля 1871 года въ палатѣ лордовъ во второй разъ отъ имени правительства билль «О предотвращеніи преступленій», между прочимъ сказалъ: «Не могу закончить съ этою частью предмета, не воздавъ вполнѣ заслуженной похвалы «обществамъ для поощренія освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія», приносящимъ громадную пользу. Справедливость требуетъ, чтобы добрыя дѣла этихъ по-истинѣ благотворныхъ учрежденій были вѣдѣмы всему свѣту». Въ такомъ же точно смыслѣ выразился въ 1872

году и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, лордъ Абердинъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на международномъ тюремномъ конгрессѣ.

Не ограничивалось однако только узаконеніемъ этихъ обществъ, англійское правительство, въ виду несомнѣнной ихъ пользы для государства, проявляющейся главнымъ образомъ въ уменьшеніи числа рецидивовъ преступленій и происходящемъ отсюда сокращеніи расходовъ по содержанію въ тюрьмахъ преступниковъ, постановило оказывать имъ также и матеріальную поддержку изъ своихъ собственныхъ средствъ. Такъ, закономъ 1862 года дозволено судьямъ выплачивать за каждаго освобождаемаго изъ мѣста заключенія особую выходную сумму, въ размѣрѣ не свыше двухъ фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги поступали въ вѣдѣніе подлежащаго общества вспоможенія бывшимъ заключеннымъ. Этого-то источника, вмѣстѣ съ членскими взносами и пожертвованіями благотворительныхъ лицъ, и составляетъ тотъ фондъ, располагая которымъ, попечительныя общества въ своей дѣятельности достигаютъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ тюремная статистика Англіи. Такъ, напримѣръ, изъ числа 2,565 человѣкъ, освобожденныхъ въ теченіи семи лѣтъ изъ Коудъ-Батъ-Фильдской тюрьмы, благодаря поддержкѣ со стороны столичнаго общества для пособія бывшимъ заключеннымъ, только 159 возвратились въ своей прежней порочной жизни. Столь же утѣшительныя цифры можно было бы привести и для другихъ мѣстностей и тюремъ Англіи.

Не излагая подробно исторіи учрежденія и характера дѣятельности всѣхъ попечительныхъ обществъ Англіи, мы опишемъ для примѣра, по имѣющимся у насъ достовѣрнымъ источникамъ, образъ дѣйствій одного только Лондонскаго попечительнаго общества, именуемаго «The discharged prisoners' aid Society».

Лондонское попечительное общество, основанное на началахъ истинно-христіанскаго человеколюбія, состоитъ въ вѣдѣніи самыхъ именитыхъ мужей Англіи. Комитетъ этого общества, подъ предѣтельствомъ маршала Вестминстерскаго, составляютъ епископъ и члены королевскаго совѣта и парламента. Въ числѣ именъ вице-президентовъ этого комитета встрѣчается, между прочимъ, и имя лорда Шефсбѣри. Изъ отчета общества за 1867 годъ видно, что въ періодъ времени съ 1857 по 1867 годъ общество содержало на своемъ попеченіи 5,257 преступниковъ, въ томъ числѣ 4,678 мужчинъ и 579 женщинъ. Помощь, оказанная обществомъ этимъ лицамъ, заключалась главнымъ образомъ въ снабженіи ихъ одеждою, инструментами и матеріалами для про-

изводства ремеслъ, и нѣкоторыми другими средствами для приобрѣтенія заработка честнымъ трудомъ. Секретарь комитета маіоръ Тильбрукъ въ концѣ своего отчета приводитъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько дѣйствительно полезна была помощь, оказанная обществомъ освобожденнымъ преступникамъ, и насколько по тому самому полезно для государства учрежденіе этого общества.

Цѣль Лондонскаго попечительнаго общества ясно выражена во 2-мъ пунктѣ его устава, въ которомъ сказано: «Общество имѣетъ своею цѣлью оказывать покровительство тѣмъ изъ освобожденныхъ преступниковъ, которые избраны комитетомъ; покровительство же это заключается въ доставленіи бывшимъ преступникамъ работы или средствъ для возвращенія на родину, въ принсканіи имъ приличнаго помѣщенія, или оказаніи временной помощи тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ поступить куда-нибудь на мѣсто». Что касается до способовъ достиженія основной своей цѣли, то въ отношеніи ихъ опредѣлено обществомъ: 1) ни въ какомъ случаѣ не покровительствовать освобожденному, если съ его стороны нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что покровительство будетъ для него дѣйствительно полезно, и 2) пользоваться въ дѣлѣ оказанія покровительства только самыми простыми мѣрами, удобнѣшными и благотвѣтельно вліяющими на нравственность покровительствуемыхъ. Первую гарантію, какая требуется обществомъ отъ освобождаемаго, составляетъ рекомендація директора той тюрьмы, въ которой онъ содержался. Въ этой рекомендаціи должны заключаться самыя полныя и точныя свѣдѣнія о прошедшей жизни бывшаго преступника, объ его поведеніи за время пребыванія его въ тюрьмѣ, о цифрѣ причитающагося ему отъ тюрьмы денежнаго вознагражденія за произведенныя имъ работы, объ его склонностяхъ, способностяхъ и о родѣ занятій, которыя онъ предполагаетъ избрать себѣ по освобожденіи на волю. Къ этимъ свѣдѣніямъ обыкновенно прилагается и фотографическое изображеніе освобождаемаго, которое, вмѣстѣ съ такими же портретами другихъ бывшихъ преступниковъ, хранится въ обществѣ въ особомъ альбомѣ. Вторая, не менѣ важная гарантія, требуемая попечительствомъ отъ освобождаемаго, состоитъ въ томъ, что въ случаѣ желанія послѣдняго поступить на попеченіе общества, онъ долженъ, по выходѣ изъ тюрьмы, тотчасъ же явиться въ агентство общества и передать секретарю его всѣ свои деньги, вырученныя имъ отъ работъ, исполненныхъ во время пребыванія его въ тюрьмѣ. Эта мѣра полезна въ томъ отношеніи, что даетъ обществу вещественное ручательство за искренность

намѣренія освобожденнаго исправиться и отнимаетъ у него возможность непроницательно изстратить приобретенный имъ въ тюрьмѣ заработокъ. Вся эта сумма—или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ея—передается затѣмъ тому лицу, которое соглашается принять въ себѣ бывшаго преступника въ услуженіе и которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщается по секрету и все прошлое освобожденнаго. Есть еще и третья гарантія, придающая обществу особенный авторитетъ въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ освобождаемыхъ, именно тѣхъ, которые, на основаніи принятой въ Англіи системы, за свое примѣрное поведеніе и трудолюбіе, получаютъ такъ-называемое «ticket of leave» (увольнительный билетъ), т. е. освобождаются на извѣстныхъ условіяхъ изъ тюрьмы до истеченія опредѣленнаго имъ срока заключенія. Одно изъ этихъ условій состоитъ въ томъ, что освобождаемый подчиняется полицейскому надзору. Если же условно освобождаемый конвиктъ пожелаетъ поступить на попеченіе общества, тогда полицейскій надзоръ замѣняется для него надзоромъ самого общества, въ агентство котораго онъ обязуется являться каждый мѣсяцъ. Пока поступившія на попеченіе общества лица проживаютъ въ Лондонѣ, они остаются внѣ полицейскаго надзора: полиція можетъ, конечно, знать ихъ, но ей формально запрещено слѣдить за ними, если только не представится какихъ-нибудь обстоятельствъ, навлекающихъ на нихъ подозрѣніе въ совершеніи новыхъ преступленій. За то попечительное общество зорко слѣдитъ за своими конвиктами и доставляетъ о нихъ въ опредѣленные сроки свѣдѣнія начальнику полиціи. Въ случаѣ нарушенія конвиктомъ предписанныхъ ему условій, онъ немедленно передается въ вѣдѣніе полиціи. Этой послѣдней мѣры болѣе всего боятся освобожденные, потому что въ надзоръ за ними самого общества видать все-же-таки аеть, внушаемый обществу чувствомъ любви и желанія имъ добра, каковаго чувства они вовсе не предполагаютъ въ надзоръ полицейскомъ; — этимъ и объясняется, почему люди этого сорта такъ добровольно подчиняются всѣмъ правиламъ общества, какъ бы ни были строги эти правила. Таковы мѣры, которыми конечительное общество гарантируетъ свои дѣйствія.

Средства, употребляемыя обществомъ для достиженія поставленной въ основаніе его цѣли, весьма просты: они заключаются главнымъ образомъ въ пріисканіи покровительствуемымъ имъ лицамъ соотвѣтственной ихъ способностямъ и наклонностямъ должности,—напримѣръ, слуги въ какомъ-нибудь семействѣ, сидѣльца въ магазинѣ и т. п., или же — доставленіи имъ необходимыхъ средствъ для начатія какого-нибудь собственнаго торговаго или

промышленнаго предпріятія. Казалось бы на первый взгляд, что не легко помѣстить подобнаго рода людей куда-нибудь на должность; но въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ иное. Въ Лондонѣ, да и вообще въ Англіи, есть весьма много людей, которые, руководствуясь принципомъ человеколюбія, не боятся принимать въ себѣ въ услуженіе подобныхъ несчастливцевъ, особенно же имѣя въ своихъ рукахъ такіа отличныя средства для удержанія ихъ въ предѣлахъ должнаго и законнаго, каковы — заработокъ освобожденнаго и знаніе всей прошлой его жизни.

До пріисканія соотвѣтственнаго мѣста, общество выдаетъ состоящему на его попеченіи освобожденному изъ заработной платы въ тюрьмѣ суммы самое необходимое количество денегъ и нанимаетъ ему помѣщеніе въ части города, наиболѣе отдаленной отъ мѣста жительства прежнихъ его товарищей по пороку и преступленію, вліяніе которыхъ могло бы быть для него вреднымъ. Если покровительствуемое обществомъ лицо есть женщина, то ее обыкновенно помѣщаютъ въ какое-нибудь убѣжище, съ начальницей котораго общество состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, или въ какой-нибудь другой особѣ, пользующейся довѣріемъ общества. Лица престарѣлыя или одержимыя тѣлесными недостатками и потому не могущія заниматься ручными работами, снабжаются отъ общества нѣкоторымъ количествомъ овощей или плодовъ и дѣлаются мелкими уличными торговцами. Впрочемъ, такого рода занятія не особенно одобряются агентами общества, такъ-какъ мелочная торговля на улицахъ легко развиваетъ страсть къ бродячей жизни и приводитъ нерѣдко мелкихъ торговцевъ въ сношенія съ прежними знакомыми, послѣдствіемъ чего могутъ быть рецидивы преступленій. Тѣ изъ освобожденныхъ, у которыхъ въ колоніяхъ есть друзья, готовые принять ихъ въ себѣ на жительство и способствовать ихъ нравственному улучшенію, получаютъ отъ общества бесплатно билетъ на проѣздъ туда и сверхъ того необходимую экипировку.

Что касается до самой организаціи общества, то она какъ нельзя болѣе проста. Комитетъ изъ трехъ секретарей, изъ которыхъ два почетные, двухъ или трехъ комиссіонеровъ и столько же инспекторовъ, заведуетъ всѣми дѣлами общества. На инспекторовъ исключительно возложена обязанность навѣщать ежедневно одного или нѣсколькихъ изъ освобожденныхъ, помѣщенныхъ обществомъ на какія-нибудь должности, и затѣмъ представлять секретарю письменный рапортъ о результатѣ этихъ посѣщеній. Содержаніе представляемыхъ инспекторами рапортовъ вносится съ возможною полнотою и точностію въ общіе списки при-

зрѣваемыхъ обществомъ; такъ-что изъ изъ этихъ списковъ можно составить самую полную біографію бывшихъ преступниковъ съ момента поступленія ихъ въ вѣдѣніе общества.

Познакомившись въ предыдущемъ съ организаціею и характеромъ дѣятельности Лондонскаго общества попеченія объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ и получивъ такимъ образомъ возможность составить себѣ по нему общее понятіе объ устройствѣ и образѣ дѣйствій всѣхъ прочихъ попечительствъ этого рода въ Англіи, мало-лишь тѣмъ отличающихся отъ разсмотрѣннаго, взглянемъ также и на дѣятельность Франціи по отношенію къ людямъ, искупившимъ свои преступления тюремнымъ заключеніемъ и вновь вступающимъ въ жизнь съ обществомъ.

V.

Во Франціи общественное мнѣніе долгое время не признавало громадной пользы, приносимой государству учрежденіемъ обществъ попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ. Никакія убѣжденія лучшихъ законовѣдовъ Франціи, каковы, напр., Шарль, Лукасъ и др., указывавшихъ на необходимость позаботиться о судьбѣ освобождаемыхъ, ни постоянное возрастаніе рецидива, ни достойный подражанія примѣръ другихъ просвѣщенныхъ государствъ Европы, — ничто не могло вывести Францію изъ ея апатіи и побудить ее заняться улучшеніемъ нравственнаго и матеріальнаго быта бывшихъ преступниковъ. Общество до того было проникнуто презрѣніемъ къ подобнымъ личностямъ, что когда въ 1842 г. бывший тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дюпатель, въ палатѣ депутатовъ сталъ разбирать проектъ объ учрежденіи попечительства объ освобожденныхъ преступникахъ, то многіе изъ присутствовавшихъ въ собраніи рѣшились поднять свой голосъ противъ такой мѣры, считая ее утопіею великодушія.

Не слѣдуетъ, однако, думать, будто во Франціи, которую никакъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи человеколюбія, рѣшительно ничего не было сдѣлано на пользу падшаго человечества. Напротивъ и въ ней учреждались, понынѣ еще существующія, попечительства для освобожденныхъ преступниковъ, пріюты, убѣжища и т. п. Такъ, напр., всѣмъ извѣстно попечительное общество для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ Сенскаго департамента, обзавшее своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ знаменитымъ Беранже-отцу и вышеупомянутому криминалисту Лукасъ. Были

также сдѣланы отдѣльныя попытки учрежденіи попечительствъ и для взрослыхъ, не имѣвшихъ, однако, никакого опредѣленнаго плана и предназначавшіяся исключительно для женщинъ, устроены даже многіе пріюты и убѣжища для взрослыхъ, бывшихъ преступниковъ мужского и женскаго пола. Но всѣ эти учрежденія какъ по основной цѣли своей, такъ и по способамъ достиженія ея и результатамъ своей дѣятельности существенно отличны отъ попечительствъ для освобожденныхъ — въ томъ значеніи этого слова, какое придается ему въ другихъ государствахъ Европы.

Таково было положеніе дѣлъ во Франціи до самаго 1869 г., въ которомъ пасторъ Робенъ, членъ вышнѣшняго генеральнаго французскаго тюремнаго общества, учредилъ общество попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія взрослыхъ преступникахъ протестантскаго вѣроисповѣданія и тѣмъ положилъ во Франціи начало такимъ же попечительствамъ, какія существуютъ и въ другихъ перечисленныхъ нами выше государствахъ.

Одновременно съ учрежденіемъ этого общества, другое лицо, совершенно справедливо именуемое неутонченнымъ и равностнымъ пропагандистомъ идею о необходимости повсемѣстнаго распространенія попечительствъ о бывшихъ преступникахъ, задумало громадный проектъ устройства одного генеральнаго попечительства этого рода для всей Франціи, которое, познакомивъ французское общество съ значеніемъ заграничныхъ попечительствъ и пользою, приносимую ими своимъ государствамъ, вынуждало бы отдѣльныя силы Франціи къ совокупной дѣятельности на пользу нуждающагося въ перевоспитаніи человѣка. Это былъ Ламаркъ.

Въ концѣ 1870 года, преодоливъ множество затрудненій, Ламаркъ успѣлъ, наконецъ, убѣдить своихъ согражданъ въ настоятельной необходимости учрежденія задуманнаго имъ попечительства и не замедлилъ привести затѣмъ свое намѣреніе въ исполненіе. Этому, конечно, много способствовали также и тогдашнія обстоятельства. На глазахъ Франціи совершались тогда событія, болѣе, чѣмъ когда-либо, требовавшія исканія всѣхъ возможныхъ средствъ къ искорененію порока и нищеты. Въ силу этихъ обстоятельствъ идея Ламарка нашла себѣ, наконецъ, всеобщее сочувствіе и дѣятельную помощь со всѣхъ сторонъ. Національное собраніе, къ которому Ламаркъ обратился съ просьбою объ утвержденіи своего проекта и объ оказаніи ему необходимаго содѣйствія, единогласно одобрилъ этотъ проектъ, декретомъ отъ 4 ноября 1875 г. узаконило существованіе генеральнаго общества попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія Франціи.

Учрежденное такимъ образомъ по идѣ и плану Ламарка, генеральное попечительное общество имѣетъ въ виду двоякую цѣль:

1) Покровительствовать освобожденнымъ изъ тюремъ Франціи, доставляя имъ необходимую для существованія работу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и одежду, инструменты для производства ремеслъ, а также и временное пристанище, и —

2) Содѣйствовать учрежденію во всѣхъ мѣстахъ французской территоріи попечительныхъ обществъ, поддерживать эти общества всѣми зависящими отъ него мѣрами и поощрять частныхъ лицъ къ благотворительности въ пользу освобожденныхъ.

Несмотря на недавность своего основанія, генеральное попечительное общество успѣло уже оказать свое содѣйствіе около 700 освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія и вызвать открытіе провинціальныхъ попечительствъ во всѣхъ концахъ Франціи. Не перечисляя названій всѣхъ этихъ попечительствъ, замѣтимъ только въ заключеніе, что ихъ въ настоящее время такое множество, что правительство и общество озабочены уже не столько изысканіемъ средствъ въ открытію новыхъ учреждений этого рода, сколько разрѣшеніемъ вопроса о наилучшей въ практическомъ отношеніи организаціи ихъ. Такимъ образомъ, Франція, долгое время отстававшая въ дѣлѣ покровительства бывшимъ преступникамъ отъ другихъ государствъ Европы, въ какіе-нибудь два или три года успѣла сдѣлать на этомъ поприщѣ едва ли не болѣе того, до чего дошли другія государства въ теченіи многихъ лѣтъ труда, терпѣнія и настойчивости.

Во остальныхъ государствахъ западной Европы благотворительное дѣло учрежденія попечительствъ для освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ, какъ кажется, или вовсе не находитъ себѣ примѣненія, или практикуется въ самой слабой степени. По крайней мѣрѣ относительно Бельгіи намъ извѣстно, что тамошнее общество считаетъ существованіе попечительствъ для бывшихъ преступниковъ дѣломъ почти лишнимъ, и надѣется, что полного исправленія преступниковъ можно достигнуть, вовсе не прибѣгая къ этой мѣрѣ, съ помощью лишь правильной системы тюремной дисциплины. Въ Швеціи точно такъ же еще очень мало сдѣлано на пользу освобожденныхъ. Такъ, въ 1872 году тамъ, какъ видно изъ стѣнговъ шведскаго королевства на запросы, сдѣланные ему бывшимъ въ Лондонѣ международнымъ тюремнымъ конгрессомъ, существовало всего только два попечительныхъ общества этого рода. Судя, однако, по словамъ совѣтника при верховномъ дворѣ шведскаго королевства, извѣстнаго криминалиста К. д'Оливекрони,

для Швеціи не далеко то время, когда и она въ дѣлѣ обезпеченія судьбы освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія станетъ на уровень съ Англіею, Германіею и другими государствами. «Съ чувствомъ живѣйшей радости, — говоритъ д'Оливекрона въ концѣ своего сочиненія: «О причинахъ рецидива преступленій и средствахъ къ ослабленію ихъ вліянія», — узнали мы, что патриотическое общество (Fosterländska Föreningen), принесшее уже столько пользы пропагандою бережливости и сокращенія расходовъ, въ годовомъ засѣданіи 25 апрѣля 1872 года сдѣлало воззваніе къ шведскому народу «о необходимости принять мѣры къ уменьшенію рецидива». Это воззваніе найдетъ себѣ, надѣемся, сочувственный отголосокъ во всѣхъ сердцахъ добрыхъ гражданъ и истинныхъ друзей человѣчества; патриотическое общество, конечно, не напрасно обратилось къ шведскому народу съ воззваніемъ относительно предмета, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ серьезнаго вниманія и самаго горячаго рвенія». «Мы заканчиваемъ эти страницы», добавляетъ д'Оливекрона въ заключеніе своего сочиненія, «въ полной надеждѣ, что въ скоромъ времени образуется и генеральное общество попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія взрослыхъ и молодыхъ преступникахъ, центральное отдѣленіе котораго будетъ въ Стокгольмѣ, а вспомогательныя — во всѣхъ главныхъ городахъ провинцій. Если общество это получитъ хорошую организацію, если въ управленіи и дѣятельности этого общества примутъ участіе мужчины и женщины, полные рвенія и опытности, тогда отечество и человѣчество могутъ и должны ожидать отъ него прекрасныхъ результатовъ».

Что касается до принятой въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ системы попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ, то о ней, по неизмѣнно у насъ нѣзаконитымъ давнымъ, мы рѣшительно ничего не можемъ сказать; мы думаемъ, однако, что судьба бывшихъ преступниковъ обезпечена въ Америкѣ не менѣе, чѣмъ и въ Англіи.

VI.

Изложивъ въ предыдущихъ очеркахъ развитіе и современное состояніе общественной помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія за границей, мы должны обратить теперь вниманіе на самую большую сторону этого вопроса, именно на состояніе его въ нашемъ отечествѣ.

Молодой, но уже составившій себѣ почетное имя въ политико-филантропической дѣятельности, англичанинъ, Мэри Браунъ (Mitteu Browne), въ представленномъ имъ брейтонскому съѣзду социальныхъ наукъ рефератѣ объ обществахъ вспомоществованія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, между прочимъ, говоритъ: «Въ Россіи пенитенціарная реформа находится еще въ состояніи зародышномъ. Первое общество покровительства освобожденнымъ учреждено въ этой имперіи въ 1872 году.» Какъ ни суровъ этотъ приговоръ, но и его приходится принять за комплиментъ: у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного общества, которое бы учредилось съ цѣлью вспомоществованія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, такъ что, за однимъ исключеніемъ, о которомъ мы скажемъ далѣе, въ нашемъ обширномъ отечествѣ освобожденные изъ мѣстъ заключенія остаются совершенно на произволъ общественныхъ предубѣжденій и недоброжелательства, которыя въ большинствѣ случаевъ приводятъ ихъ къ новымъ преступленіямъ.

Полная весьма интересныхъ страницъ русская исторія тюремнаго попечительства, въ которомъ, при непосредственномъ починѣ правительства при имп. Александрѣ I и Николаѣ I, одно время принимала дѣятельное участіе вся высшая интеллигенція нашего общества, оставляетъ на первый взглядъ такой важный пробѣлъ совершенно непонятнымъ. Но объясненіе его лежитъ именно въ весьма широкихъ и неумѣстныхъ для общества задачахъ, которыя были на него возложены его уставомъ.

На основаніи устава 1819 г., перешедшаго затѣмъ въ Сводъ законовъ, общество попечительное о тюрьмахъ представляетъ собою разбросанную по всей имперіи сѣть установленій, вѣдающихъ хозяйственную и нравственную стороны тюремной жизни подъ ближайшею отвѣтственностью лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе на государственной службѣ. Оно образовалось въ ту историческую эпоху тюремной филантропіи, когда послѣдняя задавалась одною задачею — облегчить по возможности тяжелую участь тюремныхъ сидѣльцевъ въ отношеніяхъ экономическомъ и нравственномъ, и остановилось на этой первобытной точкѣ, несмотря на истекшіе полвѣка. Филантропическая дѣятельность, поставленная подъ ближайшую отвѣтственность лицъ официальныхъ, мало-по-малу исказилась въ своемъ существѣ и превратилась въ канцелярскую рутину. Множество работъ по внутренней тюремной жизни закрывали глаза общества отъ попеченій объ участи арестантовъ по освобожденіи, и какъ только тюремныя ворота отъкрывались для арестанта, общество

попечительное «о тюрьмахъ» переставало существовать для него... до новаго преступленія.

Однако, хотя уставъ общества попечительнаго о тюрьмахъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о помощи освобожденнымъ, въ немъ не содержится прямого на то запрещенія. Съ другой стороны, законъ, хотя и косвенно, устанавливаетъ мѣры, рассчитанныя на поощреніе освобожденныхъ къ честной жизни за предѣлами тюрьмы; такъ, напр., онъ заботится, чтобы арестантъ въ выходу изъ тюрьмы могъ заработать деньги, выдаваемые по освобожденіи, вводить надъ освобожденными полицейскій надзоръ и надзоръ общества, одною изъ задачъ втораго, несомнѣнно, должно быть устраненіе отъ недавняго узника прежнихъ пагубныхъ вліяній и доставленіе ему возможности окончательно смыть съ себя пятно преступленія. Руководясь этими мотивами, С.-петербургскій комитетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1875 году основалъ «Убѣжище для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія», съ особымъ въ немъ отдѣленіемъ для несовершеннолѣтнихъ. Сюда могутъ поступать освобождаемые изъ различныхъ тюремъ С.-Петербурга въ теченіи недѣли со дня освобожденія, и пользоваться въ убѣжищѣ помѣщеніемъ, пищею и одеждою въ теченіи до 4 мѣсяцевъ. Попечительство и начальникъ убѣжища пріискиваютъ приврѣщаемымъ работы на свободѣ, облегчаютъ имъ возвращеніе на родину, заботятся объ устройствѣ въ самомъ убѣжищѣ мастерскихъ для занятій приврѣщаемыхъ и принимаютъ другія мѣры, направленные къ тому, чтобы направить своихъ питомцевъ по дорогѣ чести и общественной пользы. Несовершеннолѣтніе изъ приврѣщаемыхъ, по уставу, пользуются въ убѣжищѣ и школьнымъ преподаваніемъ въ объемѣ народныхъ училищъ. Изъ слѣдующей приврѣщаемымъ заработной платы вычитается стоимость содержанія ихъ, для каждаго въ отдѣльности.

Вотъ и все, что имѣется имѣется въ Россіи по предмету попеченія освобожденнымъ изъ тюремъ. Но, во-первыхъ, этотъ классъ лицъ съ избыткомъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ имперіи, кромѣ С.-Петербурга, и участь его во многихъ мѣстахъ, преимущественно густо населенныхъ, представляется весьма тяжелою. Во-вторыхъ, при той формѣ попеченія, которая принята С.-петербургскимъ комитетомъ, помощь можетъ быть доставляема весьма ничтожному количеству нуждающихся въ ней даже въ мѣстахъ, гдѣ она практикуется, гдѣ убѣжища открыты и находятся въ дѣйствиіи. Чтобы доставить освобожденнымъ помѣщеніе, содержаніе и работы, нужны громадныя затраты, и для сокра-

щенія ихъ необходимо прибѣгать къ сокращенію числа привръ-
ваемыхъ. «Убѣжище» С.-петербургскаго комитета, въ теченіи двухъ
лѣтъ своего существованія, приняло всего около 90 человѣкъ,
а между тѣмъ оно ежегодно обходится комитету, за вычетомъ
расходовъ на обзаведеніе мастерскихъ и наемной плати (1200 р.),
не менѣе чѣмъ въ 3000 руб. То же было замѣчено и въ дру-
гихъ государствахъ; напр., убѣжище въ Глэсгау, учрежденное
въ 1859 г., приняло въ этомъ году только 60 человѣкъ, между
тѣмъ стоимость его въ теченіи первыхъ девяти мѣсяцевъ, не счи-
тая издержекъ на обзаведеніе, возрасла до 433¹/₂ фунт. стерл.,
т.-е. около 3000 руб. Въ-третьихъ, и самое главное, единствен-
ная практикуемая у насъ форма попеченія объ освобожденныхъ,
по самому существу своему, наименѣе пригодна для достиженія
сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ и во всякомъ
случаѣ не можетъ быть рекомендована въ видѣ общаго правила.
Къ ней можно прибѣгать съ пользою только относительно нѣко-
торыхъ категорій освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, именно
несовершеннолѣтнихъ обоихъ половъ и отчасти совершеннолѣт-
ныхъ женщинъ; что же касается совершеннолѣтнихъ мужчинъ,
то опыты западныхъ государствъ успѣлъ доказать уже крайнюю
непригодность и даже вредъ ея. Сошлюсь на Глэсгауское убѣ-
жище, которое уже названо выше. Съ апрѣля 1859 по январь
1860 г., оно помѣщалось въ скверѣ св. Андрея, представляя
изъ себя пріютъ-мастерскую, подобно С.-петербургскому убѣ-
жищу; но изъ 60 поступившихъ въ него, 25 человѣкъ за но-
вые преступленія подверглись вторичному наказанію, 5 чел.
скрылись безъ вѣсти, 4 эмигрировали. Столь неутѣшительный
результатъ лѣща, стоявшаго во главѣ убѣжища, объяснили помѣ-
щеніемъ его въ городѣ, вблизи отъ привръщаемыхъ ихъ преж-
нихъ товарищей, и потому рѣшили перевести его въ деревню,
заявъ привръщаемыхъ сельско-хозяйственными работами. Но гро-
мадныя затраты, положенныя на осуществленіе этой мысли (около
1000 ф. ст.), не вознаградились ожидаемыми результатами. *Доп-*
третьи поступившихъ въ убѣжище-ферму (41 чел.) впали въ
новые преступленія, и только относительно 8 человѣкъ свѣдѣнія
были удовлетворительны. Энергическій и весьма честный началь-
никъ, стоявшій во главѣ этого учрежденія, вынужденъ былъ
прийти къ заключенію, что «убѣжище могло привести пользу
только несовершеннолѣтнимъ, побывавшимъ въ тюрьмѣ единствен-
ный разъ и не успѣвшимъ запасться друзьями въ этой средѣ.
Но случаи этого рода были настолько рѣдки, что ими не могутъ
оправдываться весьма серьезныя расходы, поглощенные убѣжи-

печень». Тогда глэстаускіе филантропы порѣшили отказаться отъ этой формы попеченія, извѣстной подъ именемъ коллективной, и постепенно, въ теченіи непрерывной 15-ти-лѣтней дѣятельности, выработали такъ-называемую индивидуальную форму попечительства. Она состоитъ въ томъ, что общество, черезъ своихъ членовъ и агентовъ, о каждомъ освобожденномъ заботится особо. Никакихъ общихъ помѣщений не устраивается, но за то, знакомясь съ арестантомъ еще въ тюрьмѣ и признавъ его достойнымъ помощи, глэстауское общество прискиваетъ ему немедленно работу на свободѣ, старается примирить его съ родственниками или прежними хозяевами, въ случаѣ нужды содѣйствуетъ эмиграціи и лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ выдаетъ отъ себя матеріальное пособие, но не деньгами на руки, а платою за помѣщеніе и содержаніе освобожденнаго на первое время. При этомъ способѣ попеченія, расходы значительно сократились (въ теченіи 10 лѣтъ издержано столько, сколько прежде издерживалось въ теченіи одного года), и вмѣстѣ съ тѣмъ рецидивъ въ средѣ призываемыхъ палъ до 10% ¹⁾). Столь же успѣшныя результаты получались и на континентѣ Европы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ индивидуальное попечительство. Парижское генеральное общество, построенное на такомъ основаніи, въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ своего существованія доставило помощь болѣе чѣмъ 600 освобожденнымъ, при самыхъ скромныхъ денежныхъ затратахъ и съ блестящими результатами по цифрамъ рецидива.

Такимъ образомъ, при выборѣ индивидуальной системы попеченія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, денежный вопросъ оказывается далеко не столь непреодолимымъ, какъ бы могло показаться съ перваго взгляда. Несомнѣнность этой истины выступить еще рельефнѣе, если твердо слѣдовать основному началу, на которомъ должно быть построено все дѣло попеченія: оно должно быть доставляемо не всѣмъ желающимъ, а лишь нуждающимся въ немъ и заслуживающимъ его, притомъ только въ предѣлахъ необходимости и съ обязанностью призываемаго возвратить, по возможности, всѣ понесенныя на него расходы. «Рука помощи, — говоритъ Ламаркъ, человеколюбіе котораго едва ли можетъ быть заподозрѣно, — должна быть протягиваема только освобожденнымъ исправившимся или подающимъ надежду на исправленіе. Что же касается тѣхъ изъ нихъ, которые выставляютъ на показъ свое безсиліе или, прикрываясь личиною честности, на самомъ дѣлѣ твердо рѣшились не отступать отъ

¹⁾ Lamarque, La réhabilitation des libérés. Paris, 1877, стр. 170.

своихъ порочныхъ привычекъ, то помогать имъ значило бы осуждать человѣколюбіе быть жертвою обмана». «Черезъ-чуръ щедрая помощь,—прибавляетъ онъ,—въ большинствѣ случаевъ будетъ скорѣе приманкою для порока и лицемерія, чѣмъ поощреніемъ къ раскаянію. Наоборотъ, ограниченіе филантропической дѣятельности исключительно помощью моральною легко можетъ подорвать успѣхъ всего дѣла. Обѣ нравности слѣдуетъ тщательно избѣгать». Конечно, выборъ изъ всей массы освобожденныхъ дѣйствительно нуждающихся въ помощи и заслуживающихъ ее представляется дѣломъ не легкимъ, но въ немъ заключается почти вся задача, и опытъ нашихъ сосѣдей успѣлъ уже выработать главнѣйшія мѣры, обеспечивающія ея правильное разрѣшеніе. Въ Швейцаріи, въ Великобританіи и во Франціи прибѣгаютъ для этого къ тщательному изслѣдованію прежней жизни освобождаемаго, стараются разузнать, каковы его родные и знакомые и каково поведеніе его въ тюрьмѣ. Находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тюремною администраціею, попечительныя общества значительную часть свѣдѣній получаютъ отъ смотрителя тюрьмы или черезъ его посредство. На случай недостаточности свѣдѣній, собираемыхъ этимъ путемъ, попечительныя общества расширяютъ ихъ при помощи своихъ членовъ и агентовъ; послѣдніе играютъ особенно выдающуюся роль и признаны уже крайне необходимымъ органомъ попечительной дѣятельности для освобожденныхъ. Заинтересованный полученіемъ жалованья, близко знакомый съ фабричными и промышленными учрежденіями, а также съ міромъ рабочихъ, онъ доставляетъ попечительствамъ свѣдѣнія, которыя невозможно получить изъ бумагъ освобождаемаго, прискидываетъ мѣста и имѣетъ въ своемъ распоряженіи тысячи путей для того, чтобы слѣдить за освобожденнымъ, пользующимся помощью. Опытномъ дознано, что расходъ на хорошаго комиссіонера отнюдь не долженъ останавливать попечительство.

Прочныя связи съ тюремнымъ начальствомъ, возможность знакомиться съ освобождаемыми еще въ стѣнахъ тюрьмы и сношенія съ полиціею для полученія свѣдѣній о поведеніи освобожденнаго существенно необходимы для успѣха попечительной дѣятельности. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы правительство не протянуло руку помощи попечительству: развитіе попечительной дѣятельности неминуемо приведетъ къ уменьшенію въ странѣ рецидива преступленій, а въ этому результату направлены усилія высшаго правительства. Слѣдуетъ даже ожидать денежной помощи отъ правительства, такъ какъ, особенно на первыхъ порахъ, частная попечительная дѣятельность можетъ быть

серьёзно стѣснена недостаткомъ средствъ. Парижское общество, послѣ двухъ лѣтъ своего существованія, признано «учрежденіемъ общественной пользы» и получаетъ теперь отъ правительства ежегодно денежную субсидію, въ выдачѣ которой правительство не имѣетъ поводовъ раскаяваться. Но изъ этого не слѣдуетъ, что попечительная дѣятельность должна быть подчинена официальной власти. Напротивъ, только при полной ея самостоятельности, хотя бы съ самымъ широкимъ контролемъ правительства, только при отсутствіи канцелярской рутинны и мертвящихъ формальностей, дѣло вспомошествованія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія можетъ идти успѣшно. Положенію, въ которомъ находится нынѣ наше «Общество попечительное о тюрьмахъ», хорошо намъ знакомо и должно предостеречь насъ на будущее время отъ этой пагубной ошибки.

Слѣдуя этимъ началамъ, по нашему мнѣнію, не трудно найти способы и средства для осуществленія идеи попечительства освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, не откладывая этого важнаго дѣла въ долгій ящикъ. Во-первыхъ, эту задачу могло бы примкнуть къ своимъ обыкновеннымъ заботамъ Общество попечительное о тюрьмахъ. Если С.-петербургскій комитетъ его нашелъ даже возможнымъ исходатайствовать учрежденіе особаго убѣжища, поглощающаго значительныя средства и требующаго обширную администрацію, то тѣмъ болѣе возможно расширить обыкновенную дѣятельность общества на попеченіе освобожденнымъ въ той формѣ, которая не требуетъ ни прискиванія квартиры, ни устройства мастерскихъ, приспособленіе которыхъ для лицъ этой категоріи весьма затруднительно, и обойдется несравненно дешевле. Оставивъ убѣжища для несовершеннолѣтнихъ, комитеты могли бы ввести для взрослыхъ *индивидуальное* попечительство. Включеніе этой новой и многообещающей задачи въ кругъ дѣятельности комитетовъ, по нашему убѣжденію, было бы крайне желательно въ собственныхъ интересахъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ; служа ей, Общество могло бы снова завоевать то высокое уваженіе, которымъ оно пользовалось еще не такъ давно, развить частную инициативу въ средѣ своихъ членовъ, указать имъ благородную цѣль дѣятельности, и такимъ образомъ могло сохранить свое существованіе, которому грозитъ серьезная опасность вслѣдствіе того, что правительство недовольно, да и имѣетъ полное право быть недовольнымъ его дѣятельностью. Извѣстно, что обѣ комиссіи, которымъ была поручена разработка тюремной реформы, пришли въ мысли о необходимости упразднить это учрежденіе, признавъ, что задачи, преслѣдуемыя

имъ, всецѣло принадлежать тюремной администраціи и что доставляемое обществомъ вспомошествованіе арестантамъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Конечно, при тюремной реформѣ Обществу попечительному о тюрьмахъ во всякомъ случаѣ необходимо будетъ измѣнить свои цѣли и формы дѣятельности, даже если оно удержится. Но, начавъ измѣнять ихъ теперь по собственному почину, включивъ въ свою программу удовлетвореніе такихъ потребностей, жизненная необходимость которыхъ бьетъ въ глаза, Общество могло бы замѣнить вопросъ о своемъ прекращеніи вопросомъ преобразованія, что было бы крайне желательно и въ интересахъ самого Общества, и въ интересахъ цѣлаго государства: въ интересахъ Общества—потому что смертный приговоръ ни для кого не желателенъ, и мы не можемъ допустить, чтобы общество не приняло самыхъ энергическихъ мѣръ для устраненія опасности, грозящей его существованію; въ интересахъ цѣлаго государства—потому что успѣхъ государственныхъ мѣръ обезпеченъ болѣе, если онѣ основываются на учрежденіяхъ преобразуемыхъ, чѣмъ когда ихъ приходится связывать съ учрежденіями вновь создаваемыми, еще не существующими. Инициатива всего дѣла могла бы быть взята на себя или комитетами, или президентомъ и совѣтомъ президента Общества; послѣднее было бы всего болѣе желательно, такъ какъ при этомъ способѣ сбережется много дорогого времени.

Но, кромѣ Общества попечительнаго о тюрьмахъ, во-вторыхъ, дѣло заботы объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія съ успѣхомъ могли бы взять въ свои руки и другія частныя общества или кружки, дѣйствующіе въ опредѣленномъ районѣ. Не имѣя другихъ заботъ, спеціально посвящая себя помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, такія частныя общества представляютъ значительные шансы успѣха. Тѣ изъ нихъ, которые устроятъ это дѣло практичнѣе, въ скоромъ времени могутъ надѣяться на субсидію правительства, но во всякомъ случаѣ желателенъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ испытанія за свой страхъ и рискъ, прежде чѣмъ будетъ получена правительственная субсидія. Этотъ періодъ обезпечить самостоятельность такихъ частныхъ обществъ и поможетъ имъ прискаты способы дѣятельности, всего прямѣе ведущіе къ цѣли. По той же причинѣ съ нашей точки зрѣнія желательно сперва образованіе отдѣльных частныхъ обществъ, и только съ теченіемъ нѣкотораго времени дѣло вспомошествованія освобожденнымъ можетъ завершиться соединеніемъ отдѣльныхъ обществъ въ одно общее или главное. Во Франціи, гдѣ нынѣ существуетъ, по ста-

раніямъ Ламарка, такое генеральное общество, раньше его уже дѣйствовали многочисленныя частныя общества, такъ что дѣло помощи освобожденнымъ уже было подготовлено во всѣхъ концахъ этого государства. Тѣмъ болѣе необходимо и желательно предварительное развитіе отдѣльныхъ обществъ у насъ, гдѣ существуетъ много такихъ сторонъ государственнаго и народнаго быта, которыхъ нѣтъ за-границей и съ которыми нужно познакомиться поближе, лицомъ къ лицу; такъ, напр., общественное управленіе, круговая порука, административная ссылка и другіе институты нашей бытовой жизни могутъ оказать весьма серьезное вліяніе на постановку вопроса о помощи освобожденнымъ, и съ ними намъ предстоитъ познакомиться самостоятельно.

Успѣхъ попечительной дѣятельности для освобожденныхъ зависитъ отъ степени готовности и сочувственности, съ которыми правительство протянетъ руку помощи частной инициативѣ. Имѣя въ виду общегосударственное значеніе этого дѣла и нашу, выработавшуюся вѣками, непривычку къ частному почину въ подобныхъ случаяхъ, было бы даже желательно, чтобы на первое время правительство приняло участіе даже въ самой инициативѣ, но не мѣрами бюрократическими, конечно, а силою своего правительственнаго авторитета. По образованіи обществъ, имъ необходимо предоставить находящіяся въ распоряженіи правительства способы ознакомленія съ освобожденными и наблюденія за поведеніемъ ихъ по освобожденіи, какъ-то: право посѣщать ихъ въ самой тюрьмѣ, право просматривать тюремныя книги, сносіться съ полиціей и т. под. Затѣмъ, года черезъ три-четыре послѣ начала дѣятельности отдѣльныхъ кружковъ, слѣдуетъ вызвать къ жизни центральное общество вспомошествованія освобожденнымъ, которое сольется съ отдѣльными вѣтвями этой системы учрежденій, пополнить пробѣлы, которые неминуемо встрѣтятся, и завершить собою организацію помощи.

Тогда—и только тогда, мы будемъ имѣть право сказать рецидивистамъ: вы имѣли полную возможность остановиться на дорогѣ честной жизни, но вы этого не сдѣлали и потому заслужили то наказаніе, которое вамъ назначено закономъ. Тогда, и только тогда, отпадетъ упрекъ, по которому само общество является какъ-бы участникомъ совершаемыхъ въ средѣ его преступленій.

И. Ф.

ДУМЫ и ГРЕЗЫ

III *).

НАШЕ ГОРЕ.

Не въ ярко блестящемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляетъ-скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понура,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская Печаль.
Безвѣстна ей проклятіи буре,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная Муза сберегла...

*) См. выше: 1877 г., дек. 461 стр.

IV.

ЗАЧѢМЪ?

Мнѣ снилось: въ шапкахъ изъ бѣлмыхъ свѣговъ
Касались горы сѣдыхъ облаковъ.

Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
Онъ началъ ломать вѣковыя вершины.

И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ злобно вскричалъ: «Мнѣ болтать недосужно,
Чтобъ вырастить лѣсъ, это мѣсто мнѣ нужно».

Мнѣ снилось: вздымается стотысячный лѣсъ,
Косматою гривой касаясь небесъ.

Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
Онъ дубы и ели ломалъ и осины.

И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ злобно вскричалъ: «Мнѣ болтать недосужно,
Чтобъ выстроить замокъ, мнѣ лѣсъ имѣть нужно».

Мнѣ снилось: замокъ стоялъ высоко;

Ограды и рвы сторожили его.

Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ колоды,
Металъ онъ ограды, и башни, и своды.

И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ крикнулъ мнѣ: «Брось свои глупыя рѣчи,
Мнѣ надо-жъ размять богатырскія плечи!»

V.

ПѢСНЯ МОЛОТА.

Быстро кузнецъ спину гнетъ, выпрямляется,
 Молотомъ тяжкимъ желѣзо куетъ.
 Мечется молотъ, плющить, накаляется,
 Въ искры радится, гремѣть и поетъ:

Всю жизнь я свою
 Плющу и кую
 Что хочешь—стальное, желѣзное.
 Не знаю я самъ,
 То-ль цѣпи рабамъ;
 Труда-ли орудье полезное.

Что скажетъ купецъ,
 Сготовить кузнецъ:
 То дѣло людское, мудреное.
 Мнѣ-жъ надо стучать,
 Бовать, расплющать
 Желѣзо, въ печи раскаленное.

Бумъ!... куйся и гнись,
 Полоска, плющись,
 Насъ скоро разлука ждетъ вѣчная.
 Боль хочеть судьба,
 Чтобъ цѣпью раба
 Была ты, прости мнѣ, сердечная!

Въ тѣ грустные дни
 Меня не кляни.
 Я самъ—полоса несвободная,
 Всегда надъ огнемъ,
 Вся въ искрахъ кругомъ
 И вѣчно нѣмая, холодная...

Но если бы ты
 По волѣ судьбы

Для дѣла служила полезнаго,
Блестя и звеня:
Припомни меня,
Ты узника вспомни желѣзнаго.

Всю жизнь я свою
Плющу и кую...
Моя-ли судьба не тяжелая?
Но часто во снѣ
Мерещатся мнѣ
И счастье, и воля веселая...

Бумъ!... куйся и гнись,
Полоска, плющись,
Прочь, горе и дума невольная!
Мнѣ надо стучать,
Ковать, расплющать,
Я самъ—полоса подневольная...

Н. Минскій.

БОЛГАРИЯ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА V *).

Наше гражданское управленіе.

Надъ прописными правилами принято обыкновенно смѣяться, а между тѣмъ, право, надъ нѣкоторыми изъ нихъ стоило бы почаще задумываться — какъ отдѣльными людямъ, такъ и цѣлымъ народамъ. Возьмите, напримѣръ, это мудрое изреченіе: «кто хочетъ управлять другими, тотъ пусть научится прежде управлять собою»! Сколько разъ эта прописная истина приходила мнѣ на память въ Болгаріи, когда я лицомъ къ лицу встрѣтился съ тѣмъ гражданскимъ управленіемъ, которое вводилось тамъ при нашемъ вступленіи въ этотъ несчастный отъ людей, но счастливый отъ природы край.

Отправляясь въ Болгарію,—мнѣ приходилось уже въ томъ каяться,—я блуждалъ въ самой кромѣшной тѣмѣ, думая о гражданскомъ управленіи, водворяемомъ нами въ неотвоеванной еще странѣ. Что за задача этого гражданского управленія, каковы его цѣли, во имя какой идеи выставимъ мы наше знамя среди болгарскаго населенія? Какъ-то непонятно казалось, чтобы въ странѣ, истекающей кровью и неосвобожденной еще отъ турецкаго владычества, мы спѣшили заводить собственные порядки, съ

*) См. выше: дек., 1877, стр. 379.

которыми мы жили, но которые болгарамъ были одинаково чужды. Впрочемъ, сладкія надежды, — кому это неизвестно, — никогда не покидаютъ человека, и потому въ волю можно было утѣшать себя мечтою, что все это нажется непонятно только тѣмъ, кто не посвященъ въ глубокий сокровенный смыслъ нашей общей славянской политики.

Впрочемъ, чѣмъ бы кто ни утѣшался, одна мысль должна была все-таки тревожить, — тѣмъ болѣе, что она тащила за собой на буксирѣ цѣлый рой другихъ думъ, связанныхъ съ гаданіями о послѣдствіяхъ этой неожиданно тяжелой войны. Мысль эту можно, мнѣ кажется, высказать смѣло, и притомъ не закутывая ее въ цѣлое облако смягчающихъ и затемняющихъ разсужденій. Какъ было нами объявлено, мы начали войну изъ-за освобожденія болгаръ, полнаго освобожденія, безъ всякихъ личныхъ видовъ, безъ тѣни покушенія на самостоятельность болгарскаго народа. Освободить Болгарію отъ изнуряющаго ее и физически и нравственно турецкаго гнета и предоставить ей полную свободу устроить свою государственную жизнь сообразно ея собственнымъ желаніямъ и интересамъ — такова, казалось, заманчивая, благородная и вѣстѣ разчетливая роль, выпавшая на долю Россіи. Оставаясь же въ предѣлахъ этой роли, повидимому, излишне было бы переносить на болгарскую почву нашу собственную и чуждую Болгаріи администрацію. Минутельность, это исторически привитое всѣмъ намъ чувство, вызывало тревожный вопросъ: не обнаруживаетъ ли введеніе русскаго гражданскаго управленія замысла водворить въ Болгаріи, взамѣнъ турецкой системы, тотъ строй, который выработался цѣлыми вѣками общественной жизни Россіи? Не желаемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ же шагахъ самостоятельнаго существованія болгарскаго народа, навязаться имъ въ учителя и сдѣлаться непрошенными руководителями во всемъ, что касается ихъ политическаго устройства? Чего добраго! А между тѣмъ, какъ было не сознаться, что не по плечу еще русскому обществу принимать на себя роль руководителя другого, хотя и близкаго намъ народа, что для выполненія, хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ, этой трудной роли — необходимо прежде всего пройти ту школу, которая научаетъ управлять собою, а пока эта школа еще впереди, до тѣхъ поръ не слѣдуетъ забывать глубокаго смысла упомянутой уже прописной истины.

Но какъ бы отчетливо ни было сознаніе въ непригодности русскаго общественнаго строя — служить краеугольнымъ камнемъ для политической организаціи другого народа, тѣмъ не менѣе

введеніе нами гражданскаго управленія въ Болгаріи волей-неволей заставляло задаваться вопросомъ — сдѣлѣмъ ли мы по отношенію къ болгарамъ остаться въ тѣхъ скромныхъ границахъ, къ которымъ обязываетъ насъ весьма многое. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе просился наружу, что вся почти западная Европа никогда не переставала твердить, что она не вѣритъ въ беззастѣнчивое русско-й политики на Востокѣ, что намъ въ дѣйствительности нѣтъ никакого дѣла до права народа на самостоятельное политическое существованіе, что мы будто бы не имѣемъ даже основанія возмущаться системою турецкаго гнета, практикуемаго въ Болгаріи, а, наконецъ, и это главное, что будто бы даже провозглашеніе самаго принципа свободы противорѣчитъ всѣмъ нашимъ традиціямъ, и т. п.

Какъ ни оскорбительны казались для національнаго самолюбія подобныя варіаціи на старую тему нашего политическаго обскурантизма, но все-таки эти толки заставляли задумываться и слѣдить еще болѣе за всѣми мѣрами, принимаемыми относительно Болгаріи. Но если еще въ далекомъ отъ Болгаріи задача гражданскаго управленія представлялась какою-то туманною, двусмысленною, то тутъ, на мѣстѣ, въ Тырновѣ, этомъ центрѣ болгарской жизни и вмѣстѣ центрѣ гражданскаго управленія, она не только не становилась для васъ болѣе ясною, но, напротивъ, — присматриваясь и къ этой задачѣ и къ самому гражданскому управленію нѣсколько ближе, вы не могли не чувствовать, какъ смущеніе, уже прежде закрапившись въ вашу душу, теперь только усиливается и вызываетъ въ васъ цѣлый рядъ сомнѣній — такъ ли мы понимаемъ нашу настоящую роль въ дѣлѣ освобожденія южныхъ славянъ?

Мой скептицизмъ относительно гражданскаго управленія былъ, разумеется, ничто по сравненію съ скептицизмомъ моего спутника пессимиста.

— Что же вамъ кажется страннымъ въ этомъ гражданскомъ управленіи? — спрашивалъ его одинъ изъ защитниковъ этого управленія, имя которыхъ, впрочемъ, далеко не было легіонъ.

— Да какъ вамъ сказать? Я просто не вижу въ немъ смысла, не понимаю я, для чего оно вводится, какая его цѣль, что-то ужъ очень мудреное захотѣли мы придумать, — отвѣчалъ знакомый читателю «маркизъ Поза».

— А между тѣмъ — возражали ему — дѣло чрезвычайно просто и какъ нельзя болѣе ясно. Вдумайтесь только въ особый характеръ этой войны, и тогда, можетъ быть, гражданское управленіе получить и для васъ смыслъ. Война эта совсѣмъ особенная,

и нисколько не походить на обыкновенныя войны. Мы пришли сюда не завоевывать, а освобождать, мы вступаемъ въ страну не какъ враги населенія, а какъ его друзья, какъ старшіе братья, какъ покровители, и потому совершенно естественно, что между покровителями и покровительствуемыми устанавливаются совсѣмъ особыя отношенія.

Въ этомъ аргументѣ была, безъ сомнѣнія, доля правды. Трудно было не согласиться, что эта война, которую исторія, быть можетъ, назоветъ славянскою войною, носить на себѣ совершенно исключительный характеръ. Обыкновенно непріятель, вступая въ чужую страну, ничего не падить, нисколько не интересуется внутреннимъ управленіемъ края, онъ видитъ передъ собою только враговъ, и въ силу этого задача его чрезвычайно проста. Тутъ же было прямо противоположное. Начиная войну за освобожденіе болгаръ отъ турецкаго владычества, мы вступали въ страну и въ качествѣ друзей и въ качествѣ враговъ, въ одно и то же время мы должны были и оберегать населеніе отъ разоренія, всюду падить его, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно подвергать его тяжелому испытанію; съ одной стороны, мы должны были смести турецкое безправное управленіе, съ другой дать возможность установиться такому порядку, который отвѣчалъ бы желаніямъ и интересамъ болгарскаго населенія. Но «дать возможность» очевидно не означаетъ «навязывать» покровительствуемому народу тотъ или другой порядокъ, а предоставить ему устроить свою судьбу по своему усмотрѣнію. Но не такъ понималъ «покровительство» защитникъ гражданскаго управленія, и потому онъ вызвалъ ѣдкій отвѣтъ.

— Въ томъ-то и горе, — отвѣчалъ его противникъ, — что покровители слишкомъ часто склонны смотрѣть на покровительствуемыхъ какъ на нѣчто безгласное, что должно только слушаться и благодарить! И ужъ если говорить откровенно, то я опасаясь, чтобы мы именно не впали въ эту грустную ошибку.

— Однако же, согласитесь, — возражали ему, — что мы оказали бы крайне плохую услугу цивилизаціи, если бы не позаботились о томъ, что станетъ съ этимъ «бѣднымъ» народомъ, послѣ того, что мы избавимъ его отъ турецкаго правительства. Это народъ не развитой, не подготовленный, не привыкшій управлять собою, и потому на комъ же, какъ не на насъ, лежитъ обязанность указать ему тотъ путь, по которому онъ долженъ идти?

— Вы стоите на самой опасной почвѣ, какую можно себѣ только представить, и я шлю мольбы къ небу, чтобы наша политика не усвоила себѣ подобныхъ воззрѣній. Для меня

вопросъ чрезвычайно простъ. Россія, безъ сомнѣнія, представляетъ собою изъ всѣхъ славянскихъ государствъ самое сильное, самое могущественное, и я радуюсь, что Россія отдастъ «свою силу» въ услуженіе угнетеннымъ славянскимъ національностямъ. Но этой силой и должно исчерпываться наше служеніе, другого мы ничего дать не можемъ, да главное и не должны, хотя бы только для того, чтобы не умалить значенія нашей услуги. При другихъ условіяхъ, мы, конечно, помимо физической силы, могли бы служить и нашей нравственной силой. Но вѣдь вы хорошо знаете, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Вотъ почему мы должны устранить всякое намѣреніе внести въ Болгарію какую-то цивилизующую силу, такъ какъ такое намѣреніе было бы принято, и не безъ основанія, за стремленіе водворить среди болгаръ порядокъ, основанный на всемъ что угодно, только не на широкомъ пониманіи свободы народа.

— Вы не отвѣчаете на вопросъ, — возражалъ защитникъ гражданскаго управленія. — Неужели же, по вашему мнѣнію, исполнивъ нашу высокую задачу освобожденія болгаръ, мы можемъ сдѣлаться равнодушными зрителями той неурядицы, той, пожалуй, анархіи, которая станетъ поѣдать страну нисколько не хуже, чѣмъ поѣдали ее турки. Развѣ не погибнуть въ такомъ случаѣ безплодно всѣ принесенныя нами тяжелыя жертвы!

— А неужели, — послышался отвѣтъ, — вы до сихъ поръ еще не убѣдились, что самое губительное для народа, это когда являются на сцену непрошенныя спасители отъ какой-то фантастической анархіи. Я пойду еще дальше, и скажу, что даже временная неурядица въ Болгаріи несравненно менѣе пагубна для народа, чѣмъ чужеземное вмѣшательство, а извѣстно, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ склонны обывать неурядицею такой порядокъ, при которомъ народъ самостоятельно управляетъ своею судьбою. Ваше опасеніе на счетъ болгаръ проистекаетъ изъ давно знакомаго намъ всѣмъ источника, изъ традиціонной привычки смотрѣть на каждый народъ какъ на малое неразумное дитя, требующее себя строгой няньки. Довольно турки нянчили болгаръ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ, и повѣрьте, что они прочно станутъ на обѣ ноги и безъ отеческаго надзора пойдутъ прямою дорогою. Если вамъ нужны примѣры, взгляните на Румынію, Сербію: вѣдь онѣ также находятся въ такомъ же положеніи, какъ и болгары, — однако посмотрите, какъ они устроились! Конечно, онѣ не представляютъ собою могущественныхъ державъ, но вѣдь могущество, хотя бы даже и не кипучее, какъ часто случается, не составляетъ еще счастья народовъ. Вотъ почему ограничимся тѣмъ,

что при помощи нашей силы вырвем болгаръ изъ турецкихъ копей; я думаю, что это достаточно святая задача и немалая услуга славянскому дѣлу, и не будемъ помышлять о внесеніи въ нихъ непременно новыхъ порядковъ, хотя бы только для того, чтобы, въ знакъ благодарности, не получить отъ нихъ очень скоро горькаго упрека!..

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ большого спора по поводу введенія гражданскаго управленія въ Болгарію, такъ какъ въ немъ достаточно ясно обрисовываются тѣ два мнѣнія, которыя такъ часто приходилось потомъ выслушивать, бесѣдуя объ этомъ вопросѣ. Едва ли возможны были какия-нибудь колебанія и сомнѣнія относительно того, которое изъ этихъ двухъ мнѣній было болѣе справедливо. Самая плачевная судьба; могущая только вынудить на долю каюго-либо народа, это—недѣльность подъ опеку, лишиться своей полноправности. Пусть народъ переживаетъ эпохи колебанія, пусть онъ выбивается изъ силъ, терпитъ неудачи, лишь бы не брали его подъ опеку, потому что въ такомъ случаѣ онъ утрачиваетъ вѣру въ самого себя и мало-по-малу становится слѣпымъ орудіемъ своихъ опекуновъ. Внутренняя борьба, какими бы бурями она ни была преисполнена въ Болгаріи, только воспитаетъ, закалитъ народъ, опека же расслабитъ его политическое тѣло, самое существованіе его подвергнетъ опасности постепеннаго разложенія. Опека не только опасна, но она, сверхъ того, и бесполезна. Если въ народѣ существуетъ внутренняя сила, способность къ жизни, къ развитію, тогда опека излишня, она только задержитъ ростъ народа; если же этой жизненной силы въ немъ нѣтъ, то никакая опека не поможетъ, не спасетъ его отъ смерти. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, не утратили ли болгары этой жизненной силы, не убита ли въ нихъ способность къ прогрессивному движенію впередъ. На такой вопросъ отвѣчать немудрено. Если пятисотлѣтнее суровое владѣтельство, если разлагающее византійское вліяніе, вся коварная работа греческаго духовенства оказались безсильны заглушить громкіе стоны болгарскаго народа, если безчеловѣчные удары, наносимые ему въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не заставили умолкнуть, наконецъ, его волю, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ народѣ таится жизненная сила, способная выдти наружу, какъ только ей будетъ предоставленъ просторъ. Къ чему же тогда опека, задерживающая проявленіе этой силы? Неужели изъ опасенія, что эта сила направится по иному пути, нежели тотъ, который, быть можетъ, былъ бы желателенъ въ интересахъ того или другого направленія.

Вопросъ объ отношеніи нашимъ къ болгарскому народу не могъ, разумѣется, не возбуждаться, когда мы рѣшились поднять знамя освобожденія его изъ-подъ турецкаго ига, онъ неминуемо долженъ былъ представиться, когда мы готовились вступить въ Болгарію. Но какъ же онъ разрѣшился? Я вовсе не желаю утверждать, чтобы его разрѣшили въ смыслѣ опеки, но самая практика гражданскаго управленія могла давать нѣкимъ поводомъ подозревать, что рѣшеніе послѣдовало именно такое, а не другое. Конечно, подозрительность рѣдко даетъ хорошіе результаты, и потому лучше прямо и откровенно задаться вопросомъ: каково же было наше официальное отношеніе къ болгарскому народу?

Первое слово, обращенное къ этому народу, было слово любви и мира. Россія рѣшилась, говорилось болгарамъ въ воззваніи, обнародованномъ при вступленіи въ ихъ страну нашихъ войскъ, «оградить вашу народность и утвердить за вами тѣ священные права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы приобрѣли не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки». Если бы прошлыя историческія событія не поколебали до извѣстной степени вѣру въ нашу силу, въ твердую рѣшимость положить предѣлъ мученическому существованію болгарскаго народа, какъ свободно вдохнулъ бы этотъ народъ, читая гуманныя слова обращеннаго къ нему воззванія: «отсѣлъ русское оружіе оградить отъ всякаго насилія каждаго христіанина, ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы, ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ-либо другимъ. За каждое преступленіе послѣдуетъ безпощадное наказаніе. Одинаково будутъ обезпечены жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и миродѣлъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ».

Нѣсколько разъ и въ Сивовѣ, и въ Тырновѣ мнѣ приходилось наблюдать болгаръ, читавшихъ это воззваніе, прибитое къ стѣнѣ. Я присматривался къ тому, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ знаменательныя слова, обещающія имъ свободу и возрожденіе къ новой политической и общественной жизни; но едва ли какой-либо безпристрастный наблюдатель подмѣтилъ бы уже тогда въ ихъ глазахъ, выраженіи, даже словахъ — чув-

ство увѣренности, что дѣйствительно уже тогда пробилъ часъ освобожденія отъ мусульманскаго безправнаго гнета.

— Отчего, — приходилось мнѣ спрашивать у болѣе развитыхъ и великодушныхъ образованнѣе болгаръ, — у нихъ не дрогнетъ ни одинъ мускулъ, когда они читаютъ это воззваніе? Чѣмъ объяснить этотъ индифферентизмъ, который, повидимому, проглядываетъ у нихъ даже въ дѣлѣ ихъ собственнаго возрожденія?

— Скажите — не индифферентизмъ, а утрата вѣры, — было мнѣ отвѣтомъ! — Мы съ вами понимаемъ, что такое это мѣсто воззванія — и онъ указалъ мнѣ на строки: «Сплотитесь твердо подъ сѣною русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края» — мы съ вами понимаемъ, — добавилъ болгаринъ, — что въ этихъ словахъ кроется рѣшимость, обѣщаніе добиться нашего освобожденія, но масса населенія относится къ нимъ съ скептицизмомъ, обусловленнымъ боязнью, что за свое сочувствіе вамъ, русскимъ, они дорого заплатятъ туркамъ. И не обвиняйте насъ за такое недоувѣріе! Справедливо, конечно, что побѣды русскаго знамени не разъ уже оглашали Дунай и Балканы, но развѣ эти побѣды до сихъ поръ дали намъ что-либо, кромѣ горя и лишннихъ страданій! Развѣ болгары не помогали вамъ во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ съ нашимъ врагомъ, помогали немногимъ, конечно, но, по крайней мѣрѣ, всѣмъ, чѣмъ могли только, — и что же? Турки кровью каждый разъ заставляли платить насъ за ту посильную помощь, за то сочувствіе, которое мы выказывали вамъ! Мы вѣримъ, безъ сомнѣнія, въ ваше братское къ намъ чувство, но мы не увѣрены, что вы въ силахъ будете сдѣлать все то, что вы обѣщаете намъ. Вотъ причина, — закончилъ онъ, — почему болгары, храня въ своемъ сердцѣ любовь къ вамъ и благодарность, относятся, повидимому, холодно къ теплomu воззванію, возвѣщающему имъ новую зарю въ ихъ политической жизни.

Каковъ долженъ быть новый строй политической жизни болгарскаго народа, объ этомъ, разумѣется, не говорилось въ воззваніи, хотя инымъ и казалось, что въ концѣ прокламаціи къ болгарамъ уваживались не только контуры этого строя, но даже и отношеніе къ нему Россіи. «По мѣрѣ того, — упоминалось въ воззваніи, — какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутреннюю страну, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участию въ немъ будутъ немедленно

призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной въ охраненію всеобщаго порядка и безопасности... Слушайте русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе». Едва ли однако изъ этихъ словъ можно было дѣлать выводъ, что Россія возьметъ на себя трудную задачу продиктовать болгарамъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ новый строй ихъ общественной жизни. Прида, въ воззваніи говорится, что мѣстное управленіе будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ «установленной для сего власти», но нигдѣ не высказано, что власть эта будетъ русская, и что такимъ образомъ освобожденные болгары попадутъ подъ бдительную опеку Россіи. Но если бы такая мысль и заключалась въ концѣ обращенія къ болгарамъ, то она стояла бы въ противорѣчій со вступительными словами воззванія, съ указаніемъ на примѣры Румыніи и Сербіи, освобожденныхъ, какъ сказано, русскимъ вліяніемъ и оружіемъ. Сербія, вырванная изъ турецкаго гнета, была предоставлена исполнѣ сама себѣ, несмотря на то, что сербы при своемъ освобожденіи вовсе не находились на высшей степени политическаго развитія, чѣмъ болгары. Сербія представляла собою, такъ сказать, мужицкое государство, безъ образованнаго сословія, ея могучіе народные дѣятели, Милоши и Карагеорги, были простыми мужиками, стоявшими въ ряду гайдуковъ, и все это однако не помѣшало сербамъ тотчасъ выбрать мужицкую скупщину, принявшую въ свои руки бразды правленія. Только въ управленіи Румыніею Россія, начиная съ сороковыхъ годовъ до 1856 г., принимала болѣе непосредственное участіе, но оно и не ознаменовало однако себя никакими благодѣяніями и вызвало къ себѣ только всеобщую вѣлюбовь среди румынскаго населенія. И только тогда, когда прекратилось наше непосредственное вліяніе на политическую судьбу Румыніи, она быстро двинулась впередъ и усвоила себѣ тѣ государственныя начала, которыя выработаны западно-европейскою жизнію. Примѣръ Сербіи, предоставленной собственному попеченію и оттого не поглощенной анархіей, примѣръ Румыніи, для которой началась новая эра только съ той минуты, когда она была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, говорятъ достаточно громко для того, чтобы никто не считалъ себя обязаннымъ брать въ опеку и болгаръ, освобождаемыхъ русскою силою.

Повидимому, все это ясно и просто, но въ дѣйствительности оказывается не совсѣмъ такъ. Введеніе гражданскаго управленія,

обрисовывая наше отношеніе къ болгарамъ болѣе ясно, чѣмъ воззваніе, набрасываетъ сомнѣніе и вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и думъ самаго разнохарактернаго свойства. Еще до объявленія войны стало извѣстнымъ, что если только война дѣйствительно вспыхнетъ между Россією и Турцією, то водвореніе новаго порядка вещей въ Болгаріи выпадетъ на долю князя Черкаскаго, что именно онъ и не кто иной будетъ поставленъ во главѣ гражданскаго управленія освобождаемаго нами края. Очень скоро дѣйствительно состоялось назначеніе этого государственнаго человека на должность завысшаго гражданскими дѣлами. Это назначеніе, хотя въ то время никто еще не зналъ, въ чемъ должно заключаться гражданское управленіе, быть можетъ, не исключая и самого князя Черкаскаго, встрѣтило всеобщее сочувствіе. Князь Черкасскій пользовался довольно значительною популярностію, притомъ популярностію либеральнаго человека. Я не желаю, конечно, ни мало отрицать либерализмъ устроителя Болгаріи, но меня всегда занималъ вопросъ, какими именно заслугами князь Черкасскій приобрѣлъ себѣ столь громкую извѣстность. Правда, онъ былъ однимъ изъ дѣателей въ важную эпоху освобожденія крестьянъ, но вѣдь были же тамъ и другіе, не менѣе видные дѣатели, о которыхъ едва помнать, а ужъ во всякомъ случаѣ не пользующіеся и сотою долею популярности князя Черкаскаго.

Вообще говоря, чуднымъ образомъ,—я не отношу этого къ князю Черкасскому,—складываются у насъ репутаціи. Какъ ничего не стоитъ набросить на человека несовѣтъ выгодную тѣнь, даже хуже, унижить его въ глазахъ общества, подчасъ предать даже проклятій всѣхъ вселенскихъ соборовъ, такъ точно также легко создать у насъ человеку совершенно незаслуженную репутацію, чуть не благодѣтеля человѣческаго рода. И дурные и хорошие поступки нигдѣ съ такою быстротою не забываются, какъ у насъ. Справедливой оцѣнки человека, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, не существуетъ. Общество судитъ людей не по ихъ достоинствамъ, а по своему минутному настроенію. Сегодня безъ всякихъ основательныхъ поводовъ оно начинаетъ превозносить человека, и тогда ужъ нѣтъ, что называется, удержу. Ему приписуютъ всѣ прекрасныя качества: онъ и уменъ, и талантливъ, и великодушенъ, природа наградила его всеми дарами. Попробуйте спорить. Васъ покроютъ дружнымъ шиканьемъ.

— Помилуйте, — говоришь имъ, — вѣдь этотъ человекъ всю жизнь свою считался слабоумнымъ.

— Мало ли что! онъ былъ непонятъ, но теперь никто не

имѣть права сомнѣваться въ томъ, что это замѣчательный человекъ! Онъ доказалъ и свой умъ, и свой талантъ, и свой гений, и свою аристократическую честность!

Нечего дѣлать, нужно подчиниться, и у васъ отнято даже право сомнѣваться публично въ томъ, въ чемъ вы даже не сомнѣваетесь, а чему просто вѣрите.

Какъ этого счастливица ни за что превознесли, такъ другого ни за что втопчутъ въ грязь, и нужно большое мужество, рѣдко встрѣчающееся среди насъ, чтобы, наперекоръ бессмысленному приговору, отстаивать и талантъ, и честь, и даже честность человека. Едва ли нужно приводить примѣры, съ какою легкостью создаютъ у насъ фальшивыя репутаціи? Затѣмъ искать далеко, время войны дало уже не одно тому доказательство.

Вотъ почему я не рѣшаюсь дѣлать характеристики и князя Черкаскаго, опасаясь впасть въ преувеличеніе въ ту или другую сторону, хотя такая характеристика представлялась бы весьма интересною въ виду той роли, какую онъ играетъ и теперь, какъ губернаторъ Болгаріи, и, быть можетъ, будетъ играть впоследствии при вѣроятномъ отдѣленіи этой чудесной страны отъ угнетающей ее Турціи.

Отказываясь отъ всякой личной характеристики губернатора Болгаріи, я все-таки, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, долженъ пополнить его послужной списокъ, съ общественной точки зрѣнія. Итакъ, его положительная заслуга — это участіе въ важномъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, доставившее ему репутацію либеральнаго человека, отстаивавшаго освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ. Далѣе идетъ его дѣятельность въ царствѣ польскомъ въ эпоху «умиротворенія» края послѣ революціоннаго движенія. Но эта дѣятельность менѣе всего могла упрочить за княземъ Черкасскимъ популярность либеральнаго человека, и въ Польнѣ нинѣшній губернаторъ Болгаріи былъ осуждаемъ общественнымъ мнѣніемъ за врутость своего права и т. п. Но въ Польнѣ для него было оправданіе — онъ «умиротворялъ» возставшій противъ Россіи край, хотя, конечно, умиротвореніе умиротворенію рознь, и дѣли правительства едва ли не лучше достигаются тѣми, которые никогда не расстаются съ справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Покинувъ Польшу, князь Черкасскій возвратился въ Москву, гдѣ принималъ на себя должность городского головы. Эта новая его дѣятельность не усилила, и даже поколебала ту симпатію, которою всегда дарилъ его Москва, и въ глазахъ весьма многихъ ослабила его репутацію. Упрекаютъ князя Черкаскаго за то, что либерализмъ не помогалъ ему быть

защитниками тѣлесныхъ наказаній, но можно ли этому удивляться? И до настоящей минуты у насъ не перевелось еще люди, пользующіеся даже нѣкоторымъ уваженіемъ ввѣстной части общества, и нестыдящіеся отстаивать розги. Какъ не сказать, что на нашихъ правахъ вообще лежитъ еще печать чего-то дико-грубого, и гр. Алексѣй Толстой зналъ свое общество, когда писалъ:

И будетъ онъ спины вамъ бить батошѣмъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ!

Все это, однако, были детали, неспособны поколебать давно установившейся репутаціи человѣка, и потому назначеніе князя Черкасскаго возбудило самыя пылкія надежды и вызвало самыя сочувственныя ему толки. Толки эти, весьма естественно, быстро пронизвали въ Болгарію, и всѣ сколько-нибудь интеллигентныя болгары спѣшили благодарить судьбу, что она посылаетъ имъ въ управители такого либеральнаго, просвѣщеннаго, истинно-европейскаго государственнаго человѣка. Къ сожалѣнію, такое мнѣніе удерживалось недолго, и очень скоро уже многіе болгары жаловались, что надежды ихъ не сбылись.

Я хорошо помню, какъ въ первый, или во второй день моего пребыванія въ Тырновѣ, я встрѣтился съ однимъ болгаринѣмъ, принадлежавшимъ къ партіи молодой Болгаріи, который на мои вопросы о гражданскомъ управленіи, о князѣ Черкасскомъ, сталъ горько жаловаться на вводимые порядки.

— Чѣмъ же вызвано ваше неудовольствіе? — спрашивалъ я его.

— О! намъ дали очень скоро почувствовать, какъ смотреть на насъ! Съ первыхъ же шаговъ показали намъ, что явились въ Болгарію не для того, чтобы войти въ наше положеніе, узнать близко край, внимательно относиться къ нашимъ нуждамъ, а только для того, чтобы приказывать и повелѣвать, не обращая нисколько вниманія на наши мнѣнія, на наши представленія!

Я находилъ этотъ отзывъ голословнымъ и домогался фактовъ.

— Вы требуете фактовъ, — продолжалъ болгаринъ: — извольте. Вотъ одинъ. Когда еще русскія войска, — сталъ онъ рассказывать, — не перешли черезъ Дунай, въ Пловдивѣ отправилась болгарская депутація. Она была крайне милостиво принята самимъ Государемъ, князь Горчаковъ точно также обласкалъ ее, а тутъ обошлась совсѣмъ иначе. Въ рѣзкой формѣ заявили имъ, что не хотятъ знать никакихъ депутацій, чтобы они не смѣли думать, что являются какъ представители болгарскаго народа, что Болгарія не знаетъ и не будетъ знать политическаго представительства.

ства, и громко посещитовали ихъ, чтобы они выбросили изъ головы всякія политическія заги. Представьте себѣ, — съ болыпою уже горячностью сталъ передавать болгарикъ, — когда одинъ изъ этой депутаціи пожелалъ высказать какое-то соображеніе, ему громко закричали: «Мы не нуждаемся въ вашихъ соображеніяхъ, вы должны только слушаться и повиноваться, а не разсуждать!» Скажите пожалуйста, — прибавили намъ: — неужели у васъ принято такъ обращаться съ людьми, не совершившими никакого преступленія: мы вѣдь думали, что такъ обращаются только въ Турціи.

Я, разумѣется, не придаю особаго значенія этому разсказу, полагая, что такой приемъ болгарской депутаціи былъ результатомъ какого-нибудь недоумѣнія, или просто случайнаго дурнаго расположенія духа губернатора Болгаріи, но, съ сожалѣніемъ, это было далеко не послѣдній разсказъ въ такомъ родѣ, и далеко не послѣдняя жалоба болгаръ на суровое съ ними обращеніе.

Но, безъ сомнѣнія, дѣятельность гражданскаго управленія нужно судить не потому, какое впечатлѣніе производитъ нѣкоторое лицо, хотя и это впечатлѣніе не лишено своего значенія — тамъ въ особенности, гдѣ мы являемся въ качествѣ освободителей. Дѣятельность эта не богата еще дѣлами, хотя она и началась, еще до вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію. Первымъ актомъ губернатора Болгаріи было назначеніе, какъ всегда почти бываетъ у насъ, комиссіи для собранія матеріаловъ, съ цѣлью изученія Болгаріи. Задача этой комиссіи была весьма почтенная, и если она не выполнила ее особенно блестящимъ образомъ, то разумѣется только потому, что она должна была ее выполнить съ необыкновенною поспѣшностью. Собрать матеріалы для изученія Болгаріи въ какой-нибудь мѣсяцъ или два — дѣло не легкое: 30-го апрѣля была командирована комиссія, получившая отъ князя Черкасскаго для руководства подробную программу работъ, изъ Кышинева въ Бухарестъ. 3-го мая она приступила къ своимъ трудамъ, а 21-го мая, т.-е. по прошествіи всего 18-ти дней, вынесла уже въ свѣтъ первый выпускъ матеріаловъ, въ объемѣ девяти печатныхъ листовъ. Если принять въ расчетъ то время, которое должно было быть употреблено на напечатаніе труда комиссіи, да при томъ еще въ небольшой болгарской типографіи, гдѣ имѣется всего две наборщика, то надо полагать, что комиссія употребила на составленіе первой книги не болѣе двухъ-трехъ дней. Какою бы исполнимою способностью къ труду ни отличались члены комиссіи, нѣльзя, конечно, было и требовать, чтобы, при такой неумеренной быстротѣ ра-

боях, вынужденные въ свѣтъ матеріалы обладали серьезными достоинствами. Нѣтъ, эти матеріалы въ сущности представляютъ не что иное, какъ на-скаро сдѣланные переводы отрывковъ изъ западныхъ сочиненій, поставленныхъ подъ руку членамъ комиссіи. Эта работа въ-полнѣхъ представляетъ собою довольно характерную черту, она обрисовываетъ собою все гражданское управленіе. Не долго думая, не долго размышляя, сдѣлать поскорѣе, а заимѣть—какъ будетъ сдѣлано,—это вопросъ совершенно второстепенный! Но отчего же, можно спросить, потребовалась такая поспѣшность? Она объясняется двумя причинами: первая, это полное незнакомство того края, въ который мы вступали; вторая—это повальное убѣжденіе, что въ два, при мѣсяца мы очутимся передъ стѣнами Константинополя, вся Болгарія будетъ въ нашихъ рукахъ, а нельзя же, молчали, оставить страну, не водворивъ въ ней немедленно порядка, и не поручивъ охрану его русскимъ дѣтелямъ.

Куда ни шла вторая причина, хотя и къ ней нельзя относиться серьезно, не первая? Боже, какъ вѣрно она рисуетъ собою нашу размышлительную натуру, наши нравы, всю нашу систему! Сколько войнъ вели мы въ Турціи, сколько разъ приходили въ соприкосновеніе съ болгарами, чуть не цѣлый вѣкъ твердимъ мы, что наша политика на Востокѣ заключается въ освобожденіи, сначала говорились—христіанскихъ, потомъ славянскихъ вѣрностей, наконецъ, въ послѣднее время, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, начиная съ герцеговинскаго возстанія, мы понимали уже, что эта игра можетъ вывалить цѣлый пожаръ, который заставитъ насъ вступить въ Болгарію,—и что же! мы даже не позаботились узнать, каково состояніе народа, ради котораго мы будемъ воевать, какой существуетъ порядокъ въ этой странѣ, какъ она управляется, какими средствами располагаетъ,—словомъ, можно было подумать, что Болгарія лежитъ гдѣ-то далеко, за тридевять земель, куда не проникало никогда вниманіе человѣческаго существо. Возможно ли представить себѣ большее легкомысліе, обозначающее и съ этой стороны нашу полную неприготовленность въ моментъ начала войны; не могъ ли я не вспомнить слова петербургскаго пессимиста, что наше отношеніе къ болгарамъ не серьезное, что вчера мы нисколько не поминяли о немъ, а сегодня вдругъ возпламенились, но этотъ пламень можетъ такъ быстро погаснуть, какъ быстро онъ вспыхнулъ.

— Неужели въ этому удивляетесь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ знакомыхъ пессимистовъ, бесѣдуя о нашемъ отношеніи къ Болгаріи, — я бы, признаюсь, удивлялся, если бы было иначе, еслибы, на-

чиная эту войну, у насъ оказалось знаніе страны, народа, условій его жизни, законовъ, словомъ—всего того, что доказываетъ серьезное отношеніе къ дѣлу. Мы вѣдь не имѣли! Вотъ если бы тѣ предприняли подобную войну, то они, конечно, предварительно бы изучили каждое село, каждую деревню, и лучше бы знали болгаръ, чѣмъ когда либо ихъ знали турки или даже сами болгары. А намъ этого не нужно, мы все понимаемъ, не размышляя, все знаемъ, не изучая. Вы, я вижу, слишкомъ требовательны!

Увы! эта иронія находила себѣ полное оправданіе. Гражданское управленіе Болгаріи, очевидно, стремилось доказать, что можно прекрасно управлять страной, не имѣя никакого понятія о странѣ и народѣ, которымъ люди призваны управлять. Судя по тѣмъ лицамъ, которыя были призваны для управленія княземъ Черкасскимъ, можно, съ увѣренностью не ошибиться, и сказать, что онъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ.

Выборъ лицъ, призванныхъ для гражданского управленія Болгаріею, былъ представленъ исключительно князю Черкасскому; поэтому этотъ выборъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ отношеніе гражданского губернатора къ своей задачѣ. Во время моего пребыванія въ Тырновъ и позже, мнѣ пришлось встрѣтиться и довольно близко узнать тѣхъ, на чью долю выпала благодарная роль—служить проводниками русскаго вліянія въ Болгаріи. Я могу говорить объ этихъ лицахъ совершенно свободно, не испытывая ни малѣйшаго стѣсненія, такъ какъ, само собою разумѣется, что я вполне отдѣляю ихъ личныя достоинства отъ качествъ, требуемыхъ извѣстною дѣятельностью.

Значительное большинство лицъ, приглашенныхъ княземъ Черкасскимъ для гражданского управленія Болгаріею, являлось изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ, какъ мы уже о томъ упоминали. Преимущественно это были молодые еще офицеры, и тѣ, вторыхъ мнѣ привелось узнать, люди крайне симпатичные, съ добрымъ сердцемъ и хорошими наклонностями. Нѣкоторые изъ нихъ оставили въ моей памяти незабываемое впечатлѣніе, отъ нихъ вѣяло какою-то теплотою и задумчивостью.

Но между обладаніемъ личными достоинствами, дѣлающими человека привлекательнымъ, и обладаніемъ качествами, необходимыми для такой дѣятельности, какъ управленіе чужою страной, еще громадная разница. Такая дѣятельность требуетъ извѣстныхъ знаній, высшего образованія, пониманія историческихъ условій, благодаря которымъ сложилась общественная жизнь и воспитались такіе или другіе нравы, словомъ, она требуетъ

известной подготовки, а что ея не было у лицъ, призванныхъ въ Болгарію, въ этомъ они всегда сами сознавались, и отсутствіе такой подготовки менѣе всего можетъ быть имъ поставлено въ вину.

— Я точно въ дремучемъ лѣсу,—говорилъ мнѣ одинъ только-что назначенный начальникъ округа,—я не имѣю, что мнѣ дѣлать, а между тѣмъ, повидимому, у меня масса обязанностей; только и есть одно утѣшеніе, что не я одинъ въ такомъ положеніи, а всѣ мы бродимъ въ потьмахъ, не зная, зачѣмъ мы здѣсь, что мы имѣемъ право дѣлать, и чего нѣтъ.

Меня не могъ, конечно, не интересовать вопросъ, вслѣдствіе какихъ соображеній всѣ эти гвардейскіе офицеры, имѣвшіе дѣла известное положеніе, хорошо имъ знакомую дѣятельность, рѣшились бросить Петербургъ и посвятить себя совершенно новому и незнакомому дѣлу. Всѣ почти отвѣты походили другъ на друга, какъ два листа одного и того же дерева.

— Видите ли,—говорилъ мнѣ тотъ же офицеръ,—гвардія оставалась въ Петербургѣ, между тѣмъ всѣ стремились за Дунай, перевода добиться было довольно трудно, а между тѣмъ предлагаютъ ѣхать сюда. Отчего же не попробовать? Поправится—хорошо, нѣтъ, а ничего не теряю. Изъ полка я не выхожу, производство идетъ своимъ чередомъ, наконецъ, разъ что я здѣсь, мнѣ уже легче попасть въ дѣйствующую армію, да если бы этого и не случилось, все-таки—не бѣда. Пробуду здѣсь нѣкоторое время, увижу новую страну, и въ добавокъ получаю здѣсь хорошее жалованье, подъемные и т. д.

Что люди, пріѣхавшіе въ Болгарію для управленія этою страной, люди, вырванные изъ совершенно чуждой этого рода дѣятельности среды, и нисколько не подготовленные ни предшествовавшею дѣятельностью, ни своимъ чисто-спеціальнымъ образованіемъ, ни пріобрѣтенною опытностью, рассуждаютъ такимъ образомъ, это совершенно понятно и естественно, и, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставлено имъ въ вину; но что ихъ приглашаютъ, вызываютъ, ими заставляютъ весьма серьезныя обязанности, этого не понимали они сами, какъ не понимаю, я полагаю, никто, кто только не посвященъ въ преобразовательные замыслы гражданскаго губернатора Болгаріи. Но пока эти замыслы еще обнаружатся, во всей глубинѣ ихъ, наждаго посторонняго человѣка перахлѣвъ этотъ наплывъ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми въ большинствѣ случаевъ не знали что дѣлать. Въ Петербургѣ ихъ торопили словами: спѣшите на мѣ-

кто вынужден новаго служенія! — въ Туркестанѣ поговариваютъ: подождите, намъ нигдѣ васъ дѣвать!

А между тѣмъ, содержаніе этихъ лицъ было уже, конечно, определено, они его получали, и содержаніе не меньшее. О чемъ другомъ у насъ на Руси не подумаютъ, а ужъ о штатахъ безпомыслился нечего: они всегда составляли предметъ особой заботливости. Объ этихъ штатахъ стоить сказать нѣсколько словъ, такъ какъ всѣ расходы по содержанію лицъ, вызванныхъ для гражданскаго управленія, должны были возмѣщаться изъ денежныхъ сборовъ болгарскаго края, и по тѣмъ болгары могли ознакомиться съ тѣмъ, какъ будутъ расходоваться ихъ деньги. Я знаю, что противъ этого сейчасъ же можетъ быть сдѣлано такое возраженіе: сколько бы ни стоило болгарамъ русское управленіе, все-таки оно будетъ дешевле турецкаго! Сперва вѣтъ, но вѣдь мы и пришли-то въ Болгарію, чтобы освободить ее отъ гнета и разоренія. Итакъ, каковы же опредѣленные штаты? Прежде всего — губернаторъ, получающій 7,000 руб. жалованья, сверхъ чего на экстраординарные расходы ему полагается ежегодно отъ 6,000 до 10,000 р. с. Затѣмъ идетъ вице-губернаторъ, получающій 4,500 р.; далѣе, начальникъ округа 2,500 р., получающій, сверхъ того, на экстраординарные расходы да разѣвды еще 1,500 р.; полиціймейстеръ столько же и т. д. и т. д. Нельзя при этомъ не замѣтить, что, на основаніи положенія о штатахъ, «суммы, назначаемыя на экстраординарные расходы, остаются въ безотчетномъ распоряженіи лицъ, коимъ они назначены». Если къ этому прибавить еще, что значительная часть этихъ окладовъ должна быть выдаваема золотомъ, что всѣ лица, призванныя въ Болгарію изъ Россіи получаютъ на подѣвъ тодовое жалованье «и двойные, но чинамъ, прогонны, на одинаковомъ основаніи съ чинами, отправляющимися на службу въ Туркестанскій край», что всѣмъ лицамъ «отводятся насчетъ городовъ и селеній соотвѣстныя помѣщенія», — то дѣлается довольно понятнымъ, что матеріальныя условія представлялись настолько заманчивыми, что весьма легко могли бы преодолѣть въ людяхъ, призванныхъ въ Болгарію, сознаніе своей абсолютной неприготовленности къ тому дѣлу, которому они должны были служить.

Я далекъ, впрочемъ, отъ мысли дѣлать упрекъ тѣмъ лицамъ, которые явились въ Болгарію для занятія различныхъ должностей по гражданскому управленію тѣмъ; принимая сдѣланное имъ предложеніе, они руководились не исключительно матеріальными выгодами, забывая о всемъ остальномъ. Многихъ изъ этихъ лицъ мнѣ пришлось узнать довольно близко, и я съ увѣрен-

вѣстью могу сказать, что большинство изъ нихъ стояло вѣрно подобнымъ нареканіямъ. Но въ чему же тогда, меня могутъ спросить, они принимали эти назначенія; если матеріальныя выгоды не пересиливали всѣхъ другихъ соображеній, то зачѣмъ они не отказались отъ приглашеній, если только они сознавали свою неприготовленность, свою неумѣлость?

Этотъ вопросъ приходилось дѣлать и мнѣ, и выслушавъ отвѣтъ, полный искренности, я отлично понималъ, что со стороны этихъ людей не было сдѣлано не только ничего предосудительнаго, но что 99 на 100 поступили бы точно такъ же, какъ и они.

— Когда мнѣ предложили ѣхать въ Болгарію, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ этихъ офицеровъ, — я прежде всего поспѣшилъ отказаться. Отчего же вы отказываетесь, спрашивали меня: развѣ условія кажутся вамъ недостаточно выгодными? — Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — условія чрезвычайны выгодны, но я не могу принять этого предложенія, такъ какъ я ровно ничего не знаю и не понимаю въ дѣлѣ гражданскаго управленія! — «Помилуйте, вамъ ничего знать и не нужно, вы можете быть совершенно спокойны, вы получите точныя инструкціи и будете по нимъ дѣйствовать!» — Я чувствовалъ, — продолжалъ мнѣ рассказывать офицеръ, — что такой доводъ мало убѣдителенъ и продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ.

— Чѣмъ же васъ убѣдили? — спрашивалъ я.

— Меня убѣдили не доводами, а именемъ князя Черна-скаго. Я всегда слышалъ о немъ, какъ объ очень замѣчательномъ человѣкѣ, и потому когда мнѣ стали говорить: — Поищите, если князь Чернаскій предлагаетъ эти мѣста гвардейскимъ офицерамъ, онъ, значитъ, знаетъ, что дѣлаетъ! Это было для меня самый убѣдительный доводъ, я подумалъ-подумалъ — и рѣшился попробовать!

И я долженъ сказать, что большинство людей, пріѣхавшихъ въ Болгарію, смотрѣли на свои мѣста какъ на пробу, и весьма многіе изъ нихъ очень скоро убѣдились, что проба оказалась неудачною. Всѣ почти жаловались на то, что имъ приходилось дѣйствовать, какъ Богъ пошлетъ на душу, никакихъ серьезныхъ и дѣльных инструкцій они не получали, а если и получали, то такія, какимъ не было возможности слѣдовать. Двадцать разъ приходилось мнѣ слышать жалобы, что тѣ, которые должны были наставлять ихъ въ новой дѣятельности, сами не знали, что имъ дѣлать; отсюда происходило то, что сегодня дается какое-нибудь предписаніе, завтра отменяется, сегодня говорятъ — поступайте такъ,

завтра прямо наоборот. Словомъ, всё почти очень скоро убѣдился, что хаосъ, еще естественно господствующій въ дѣлахъ во время войны, несравненно болѣе господствуетъ въ умахъ, что желали сочинить что-то очень мудрое, а сочинили только нѣчто очень мудреное.

Вслѣдствіе этого, единства въ дѣятельности не было никакого, все опредѣлялось чисто субъективными возрѣніями того или другого лица. Одинъ являлся дѣйствительно защитникомъ болгаръ, и старался пріобрѣсти ихъ сочувствіе и любовь въ русскимъ, другой становился защитникомъ турокъ и весьма сурово обходился съ болгарами.

— Я знаю,—говорилъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ округа, когда мы странствовали по его владѣніямъ, и останавливались въ деревняхъ,—что «братушки» меня терпѣть не могутъ, но мнѣ это все-равно, это такой дрянной народецъ, съ которымъ нужно обходиться строго. Теперь они боятся меня, потому что знаютъ, что я имъ даромъ ничего не пропущу: виновать—двадцать пять нагаекъ! Пусть боятся!

— Послушайте,—возражалъ я ему,—однако вѣдь нагайка это очень дурное средство пріобрѣсти расположеніе болгаръ.

— А я вотъ бы сдѣлалъ васъ на недѣлку начальникомъ пѣвы, то вы бы и увидѣли, можно или нѣтъ обходиться безъ нагайки: вы каждый день сыпали бы двѣсти-триста пугвъ! Вы не знаете болгаръ, а что насаетъ ихъ расположенія,—да Богъ съ нимъ, но что оно намъ нужно?

— Да вѣдь вы все забываете, что мы пришли вѣдь освобождать ихъ! А вы съ нагайкой!

— Повѣрьте мнѣ, что для нихъ лучшее освобожденіе—это нагайка!

И сколько я съ нимъ ни спорилъ, онъ твердо стоялъ на своемъ, что управлять болгарами безъ нагайки невозможно, и продолжалъ ее считать лучшимъ орудіемъ правительственной мудрости.

И не подумайте, чтобы это былъ какой-то звѣрь, которому бы доставляло удовольствіе сыпать ударами нагайки,—нѣтъ, это былъ чрезвычайно милый, добрый и умный человекъ. Нагайка вытекала вовсе не изъ звѣрскихъ инстинктовъ, а изъ известной системы воспитанія и самого крайняго непониманія нашей задачи среди южныхъ славянъ. Ему казалось почему-то справедливымъ отстанывать интересы турокъ, оставшихся въ мѣстности, занятой нашими войсками, и сурово преслѣдовать малѣйшее проявленіе въковой злобы болгарскаго населенія противъ нихъ угне-

такой. Узнает онъ, что какой-нибудь болгаринъ послѣ занятія города или деревни русскими дозволяетъ себѣ присвоить что-либо изъ турецкой собственности, тотчасъ на сцену появляется нагайка.

— Да перестаньте, что вы дѣлаете, развѣ это возможно!

— А по-вашему. можно дозволить грабить? я ихъ проучу, этихъ братушекъ!

И сколько ни стараешься убѣдить, что въ моменты остраго кризиса нельзя такимъ образомъ относиться къ людямъ, выстрадавшимъ, кажется, всѣ муки ада отъ турокъ, что грабежъ является подчасъ вовсе не результатомъ желанія ограбить, а желанія вполне естественнаго отомстить; ничто не дѣйствуетъ, все доводы бессильны.

— Какое мнѣ дѣло до ихъ прежней вражды, я хочу, чтобы какъ турки, такъ и болгары жили спокойно. Посмотрите на турокъ, на которыхъ такъ нападаютъ, какъ они ведутъ себя, какъ обращаются съ болгарами, — ни одинъ ихъ не тронетъ; такъ пусть же и болгары знаютъ, что они не смѣютъ ихъ обижать. А кто обижаетъ, тому — нагайка!

Тщетно было возражать, что нельзя скоро забыть вѣковой вражды, что турки ведутъ себя тихо и скромно только потому, что они побѣжденные, что они не грабятъ и не убиваютъ болгаръ только потому, что видятъ предъ собою русскихъ солдатъ, но что пусть только уйдутъ послѣдніе, пусть хоть на нѣсколько часовъ эта мѣстность снова будетъ занята турецкими войсками, и тогда еще и еще разъ вся деревня или весь городъ будутъ залиты болгарскою кровью. До этихъ соображеній начальнику казны, или округа, не было никакого дѣла, всѣ историческія условія онъ совершенно игнорировалъ. Онъ примѣнялъ къ управляемымъ имъ болгарамъ ту систему военной дисциплины, къ которой привыкъ еще съ юныхъ лѣтъ, и ему казалась дикою и невозможною всякая иная система. Онъ не могъ понять, что система военной дисциплины совершенно непригодна для гражданскаго управленія, и потому нагайка немилосердно ходила по спинамъ несчастныхъ болгаръ. Правда, спины эти были давно уже привычны къ безчеловѣчнымъ ударамъ. Сѣно не скошено въ срокъ — нагайка, мостъ не исправленъ — нагайка, не поставлено известное число подводъ — нагайка! Но можно ли, спрашивается, было винить такого начальника округа за систему его управленія? Очевидно, нѣтъ: онъ дѣйствовалъ по своему крайнему разумію, убѣжденный, что онъ руководится чувствомъ справедливости какъ въ отношеніи турокъ, такъ и въ отношеніи болгаръ. Винить, конечно, можно

было только тѣхъ, кому вѣрено было устройство гражданскаго управленія. Результаты такой системы мнѣ пришлось наблюдать въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мы останавливались. Турки относились къ этому начальнику округа съ видимымъ расположеніемъ; въ своихъ домахъ оказывали ему всякія любезности, валили всевозможныя жалобы, — и получали, нужно сказать, полное удовлетвореніе. Болгары же безпрекословно исполняли приказанія, но на лицахъ ихъ нельзя было прочесть ни особаго довольства, ни радости. Они получали убѣжденіе, что если ихъ били произвольно турки, то также произвольно будутъ ихъ и русскіе.

Если я указываю на такое нѣсколько оригинальное пониманіе своихъ обязанностей одного изъ должностныхъ лицъ гражданскаго управленія, то только потому, что оно далеко не представляло собою явленія исключительнаго, рѣзко-отличавшагося отъ всего остального. Напротивъ, если меня что-либо поражало, то, конечно, это преобладающая, видная роль, которую такъ часто играла нагайка. Примѣръ заразителенъ, и употребленіе нагайки быстро переходило отъ одного къ другому. Она, къ сожалѣнію, получила право гражданства, и кто только не злоупотреблялъ этимъ оригинальнымъ орудіемъ цивилизаціи! Болгары, очевидно, не могли быть особенно довольны такимъ управленіемъ; сопряженнымъ при этомъ со всѣми бѣдствиями и страшными жертвами войны, между тѣмъ это подчасъ даже дурно-скрытое неудовольствие служило источникомъ нареканій въ неблагодарности и испорченности. Всѣ точно забывали, что отъ народа, да притомъ забитаго и находящагося въ силу турецкаго ига въ невѣжественномъ состояніи, нельзя требовать разсужденій, отмѣченныхъ печатью философской зрѣлости, на тему: мы должны претерпѣть новыя страданія въ настоящемъ, чтобы достигнуть лучшаго будущаго! Болгарскій народъ усталъ страдать; онъ жаждалъ чуть не царствія небснаго на землѣ... можно ли винить его, что онъ не сирывалъ горечи своего разочарованія? Когда настоящее терзаетъ васъ, то надежда на будущее мало того способна утѣшить!

Съ одной стороны, такое недовольство тѣхъ, кого мы пришли освобождать, съ другой — отсутствіе какой-либо ясно-установленной задачи отчетливаго пониманія своей роли, своихъ обязанностей, своего назначенія, вызывали въ свою очередь недовольство даже тѣхъ лицъ гражданскаго управленія, для которыхъ нашлось все-таки дѣло въ сѣверной части Болгаріи, — а такихъ, строго говоря, было не много. Если эти горько жаловались на свою судьбу и не разъ проклинали тотъ день, когда приняли приглашеніе

князя Черкасского, то что же сказать о тѣхъ, для которыхъ изобрѣтали дѣло, потому-что въ дѣйствительности его не было? Множество лицъ наѣхало въ Болгарію съ цѣлью управлять страной, но управлять было нѣтъ, приходилось ждать у моря погоды.

Но гражданскій губернаторъ Болгаріи, невидимому, не обращалъ на то вниманія, и желая размѣстить изъзванные лица, назначалъ ихъ губернаторами, вице-губернаторами, начальниками округовъ въ Русукуъ, Филиппополь, Плевну. Всѣ эти назначенія происходили въ тотъ тревожный июль мѣсяць, когда имъ испытывали столько же неожиданныхъ, сколько и горькихъ неудачъ. Подобныхъ назначеній имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ — дискредитированіе гражданского управленія, и кто только не дѣлалъ обидныхъ ироническихъ замѣчаній:

— А что же, не назначенъ еще губернаторъ адрианопольскій!

— Дѣ ужъ кстатѣ было бы назначить губернатора въ Константинополь.

Такимъ образомъ, гражданское управленіе еще лѣтомъ завоевано и Русукуъ, и Филиппополь, и другіе города.

Представьте же себѣ положеніе человѣка, который на вопросъ—какую онъ занимаетъ должность? вынужденъ отвѣтить:

— Я назначенъ губернаторомъ Русукуа!

— Русукуа? да развѣ онъ взятъ?

— Нѣтъ, онъ не взятъ, но онъ можетъ быть взятъ!

И русукускій губернаторъ получаетъ 7000 р. жалованья, и филиппопольскій губернаторъ получаетъ тѣ же 7000 р. Не въ правѣ ли были дивиться болгары такому оригинальному расходованію суммъ, собираемыхъ съ нихъ нашими властями.

Весьма многіе изъ офицеровъ гвардіи не могли мириться съ немическимъ положеніемъ, созданнымъ имъ гражданскимъ управленіемъ, и думали только о томъ, какъ-бы поскорѣй развязаться съ принятыми ими предложеніями.

— Нѣтъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ этихъ людей, — я ни за что не останусь служить въ этомъ гражданскомъ управленіи; если бы я только могъ предвидѣть всю эту комедію, я бы никогда сюда не пріѣхалъ. Слава Богу, гвардія, говорятъ, будетъ вызвана на театръ войны; какъ только она придетъ, я снова тотчасъ возвращусь въ свой полкъ. Я не могу играть роль какой-то буланъ, а служить тутъ съ пользою я не въ силахъ, у меня нѣтъ на то ни подготовленія, ни опытности.

Гвардія пришла, и тотъ, который произносилъ эти слова съ такою искренностью, возвратился въ свой полкъ. Онъ сослужилъ службу русскому народу, но, увы! смертию заплатилъ онъ за

принесенную имъ пользу. Турецкая граната подносила его молодую жизнь въ сраженіи при Горнемъ-Дубняѣ, — онъ погибъ смертью челоѣка, исполнившаго свой святой долгъ передъ родиною.

Но чѣмъ же, спрашивается, можетъ быть объяснено приглашеніе лицъ изъ военнаго сословія для занятія должностей по гражданскому управленію? Я не могъ доѣрять тому объясненію, которое мнѣ приходилось такъ часто слышать. Объясненіе это казалось мнѣ просто неправдоподобнымъ. Оно состояло въ томъ, что вызовъ лицъ, совершенно не приготовленныхъ къ такого рода дѣятельности, обусловливается будто бы исключительно личными свойствами самого начальника, его характеромъ, не терпящимъ никакой самостоятельности во всѣхъ, кто только ему подчиненъ. Его противники рѣшительно настаивали, что, обладая свойствомъ, не рѣдко встрѣчающимся въ государственныхъ людяхъ, не выносить въ подчиненныхъ самага легкаго противорѣчія и считать собственное мнѣніе непозволительнымъ мольнодумствомъ, князь Черкасскій остановился въ своемъ выборѣ на лицахъ военнаго сословія какъ на элементѣ, наиболѣе привыкшемъ къ дисциплинѣ и къ слѣпому повиновенію, безъ всякихъ разсужденій и безъ тѣни критики, воля начальника. Они утверждали, что губернаторъ Болгаринъ держался убѣжденія, что на землѣ существуетъ только одна разумная, сознательная воля — это его собственная, и что потому всѣ остальные лица, которыя должны были помогать ему въ дѣлѣ управленія Болгаринъ, не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ послушными орудіями въ его рукахъ. Тѣ же противники доказывали далѣе, что это убѣжденіе вытекало изъ общаго его политическаго міросозерцанія, краеугольнымъ камнемъ котораго служило положеніе, что народы созданы для управителей, а вовсе не управители, какъ кричатъ легкомысленные либералы, для народовъ.

— Все, что происходитъ въ Болгаринъ въ сферѣ гражданского управленія, — говорили мнѣ противники князя Черкасскаго, — все это не ново, все это является сколкомъ съ того, что дѣлалось въ царствѣ польскомъ. Тамъ точно такъ же и преимущественно всѣ должности находились въ рукахъ лицъ военнаго сословія, привыкшихъ дѣйствовать рѣшительно, круто. Привычка къ крутости сохранилась, и отдѣлаться отъ нея, новизинному, не такъ-то легко. Она заставляетъ даже забывать различіе въ почтѣ для дѣятельности. Тамъ приходилось имѣть дѣло съ не-другами правительства, тутъ же вы встрѣчаете только друзей русскаго народа. Тамъ крутость могла побѣждать, тутъ она вооружаетъ

тѣхъ, которые видятъ въ русскихъ старшихъ братьевъ, пришедшихъ на помощь. Вотъ почему система дѣйствій, устанавливаемая здѣсь и заключающаяся въ томъ, что въ одинъ прекрасный день назначать начальникомъ округа или даже губернаторомъ человека, виднаго въ нагайкѣ лучшее средство для управленія, а въ другой — высокоумно и рѣзко отнесутся къ болгарамъ, являющимся для выраженія чувства благодарности, сегодня заподозрять цѣлую партію, хотя бы партію молодой Болгаріи, въ политической неблагонадежности и обвинить ее чуть не въ революціонныхъ проискахъ, завтра устранять отъ общественной дѣятельности болгарина только за то, что онъ мечтаетъ для своей родины о самостоятельной политической жизни, о свободномъ, нестѣсненномъ опекою, развитіи — такая система дѣйствій едва ли доставитъ Россіи прочную любовь и беззаветную преданность со стороны болгаръ, на что, безспорно, Россія приобрѣла право цѣною обильно-проливой дорогой крови русскаго солдата-героя. И будутъ ли виноваты, скажите, одни только болгары, если за сдѣланное имъ добро — освобожденіе отъ турецкаго ига, они не заплатятъ тою горячею привязанностью, которая, кажется, на вѣки должна была бы соединить это несчастное племя съ русскимъ народомъ?

Что въ этомъ мѣѣніи была значительная доля справедливаго, въ этомъ трудно было сомнѣваться тому, который хотя нѣсколько присмотрѣлся на жѣствъ къ характеру гражданскаго управленія. Характеромъ этихъ объясняется между прочимъ и то, что въ числѣ лицъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, было такъ мало дѣйствительно гражданскаго элемента. Казалось бы совершенно естественно, чтобы въ дѣлѣ введенія гражданскаго управленія въ Болгарію приняли участіе люди, получившіе хоть какой-либо навыкъ въ такому дѣлу своею предшествовавшею дѣятельностью въ Россіи, — люди если и не специально знакомые съ болгарскимъ народомъ, то все же хоть получившіе высшее образованіе, болѣе способные освоиться съ историческими условіями близкаго намъ народа. Такихъ людей, однако, за исключеніемъ трехъ-четырехъ человекъ, на которыхъ была возложена разработка вопросовъ по финансовой, судебной части, въ дѣйствительности не оказалось. Почему? потому ли, что такихъ не находилось, людей не было желающихъ ѣхать въ Болгарію и посвятить себя скромной и невидной дѣятельности въ незнакомой странѣ? Это предположеніе казалося невѣроятнымъ въ виду того сочувствія, которое обнаружилось въ русскомъ обществѣ къ дѣлу освобожденія южныхъ славянъ. Нельзя же сказать, чтобы у всѣхъ

это сочувствіе было только, по выраженію Гамлета, «слова, слова и слова!» И на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Мнѣ приходилось встрѣчать людей, съ прекраснымъ образованіемъ, полныхъ энергіи и готовности служить славянскому дѣлу, порѣшавшихъ пріѣхать въ Болгарію, чтобы предложить свои услуги начальнику края, но предложеніе ихъ было принято такъ, что люди эти, дорожившіе чувствомъ собственного достоинства, должны были очень скоро отказаться отъ мысли стать въ непосредственное дѣловое отношеніе въ болгарскому народу.

Зная это, я не могъ принимать вполне справедливыми тѣ доводы, которыми сторонники принятой системы гражданскаго управленія защищали какъ самую систему, такъ и назначеніе на весьма серьёзные должности лицъ, совершенно къ тому неподготовленныхъ.

— Что же вы хотите, — говорили они, — когда у насъ нѣтъ людей! Мы и у себя — то, въ Россіи, жалуемся постоянно на недостатокъ въ людяхъ, и жалуемся не безъ основанія. Посмотрите, что дѣлается въ земствахъ, въ мировыхъ учрежденіяхъ, какъ исполняется составъ слѣдователей, прокуратуры, адвокатуры, вспомните, много ли находилось людей, дѣйствительно серьёзно подготовленныхъ для проведенія въ жизнь совершенныхъ реформъ, и тогда вы признаете, что лучшее можетъ быть, что можно было придумать для Болгаріи — это призвать лицъ изъ военнаго сословія, которые по крайней мѣрѣ смѣло будутъ исполнять все призванія и, не разсуждая хорошо ли то или другое, или дурно, будутъ безпрекословно держаться данныхъ имъ инструкцій.

— А не думаете ли вы, — возражали этимъ сторонникамъ установленной системы гражданскаго управленія, — что ваша защита, не говоря уже о томъ, что она несправедлива, гораздо болѣе походить на обвиненіе, нежели на защиту. Вы указываете на недостатокъ въ людяхъ, но не проистекаетъ ли этотъ недостатокъ, этотъ ограниченный кругъ настоящихъ «набранныхъ» только оттого, что въ дѣйствительности было мало «званныхъ» — что условія, которыми постоянно обставлялось призваніе лицъ, были таковы, что многіе вынуждены были не отказываться на зовъ? Условія же эти все тѣ же, какихъ вы требуете для лицъ, явившихся въ Болгарію, и выражающіяся въ немногихъ словахъ: «слѣпое исполненіе», «не разсуждать» «безпрекословно» повиноваться. Что выйдетъ изъ такой системы въ Болгаріи, можно и не говорить, такъ какъ нѣтъ разумной системы, основанной на неразумныхъ принципахъ!

Но противъ доводовъ первыхъ, т. е. защитниковъ граждан-

сваго управленія, можно мнѣ кажется сдѣлать еще одно и самое вѣсное возраженіе. Если правда, что въ Россіи не существуетъ людей подготовленныхъ въ такой дѣятельности, то не служить ли это лучшимъ доказательствомъ, что мы не должны вносить въ Болгарію нашихъ порядковъ, что не нужно было задаваться цѣлью устроить въ этой странѣ гражданское управленіе, а слѣдовало только освободить этотъ народъ отъ пятистлѣтнаго рабства и предоставить ему устроить свою политическую жизнь по своему собственному усмотрѣнію? Авось болгары не оказались бы хуже сербовъ, сумѣвшихъ безъ посторонней опеки устроить себѣ политическую жизнь, и нельзя сказать, чтобы эта жизнь не покоилась на разумныхъ началахъ. Признавая вѣрнымъ положеніе, что наша общественная жизнь не выработала достаточно людей даже для собственного обихода, — единственная мораль, которую можно вывести изъ такого положенія, опять-таки сводится къ вѣчной истинѣ, что прежде чѣмъ воспитывать другихъ, нужно позаботиться о своемъ собственномъ воспитаніи. Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать справедливымъ, что наше поведеніе въ отношеніи болгаръ было бы болѣе цѣлесообразно, если бы мы ограничились введеніемъ во время войны исключительно военнаго управленія, и отбросили бы въ сторону всякія попопзушенія, не довольствуясь освобожденіемъ болгаръ отъ турецкаго ига, надѣлать ихъ еще высокимъ общественнымъ строемъ.

Итакъ, нельзя не согласиться, кажется, съ тѣмъ, что политическія соображенія были противъ введенія гражданского управленія въ Болгарію русскими властями. Но къ политическимъ соображеніямъ должны быть также присоединены соображенія чисто практическія или, вѣрнѣе, военно-практическія. Время войны не создано вообще для того, чтобы могли быть предпринимаемы внутреннія реформы въ странѣ. Время это наступаетъ съ оочечаніемъ военныхъ дѣйствій. Какимъ бы блескомъ ни завершилась та или другая война, но блескъ этотъ никогда не долженъ ослѣплять глаза людей, которымъ дорого не мишурное, а истинное величіе своей родины. Та или другая война по своему исходу, благодаря героизму ли арміи или деморализаціи противника, можетъ быть вполнѣ блестящею, и все-таки на общественномъ организмѣ она можетъ обнаруживать такіа язва, которыя ведутъ къ полному разложенію политическаго тѣла, если своевременно не будутъ приняты мѣры, способныя исцѣлить ихъ. Горе странѣ, если военные успѣхи настолько отуманяютъ общественное сознаніе, что она возмечтаетъ о своемъ совершенствѣ и забудетъ о под-

тачивающихъ ее извѣхъ. Но не прежде чѣмъ съ наступленіемъ мира можетъ быть, или, вѣрнѣе, должно быть приступлено къ внутреннимъ преобразованіямъ. Если такое положеніе справедливо вообще, то оно имѣетъ въ особенности значеніе, когда идетъ вопросъ о такой странѣ, какъ Болгарія, испытывающей на себѣ еще ближе таковы-сказать горячее состояніе, вызываемое неизбежными ужасами войны. Можно ли въ такой странѣ найти хотя единого человѣка, который бы въ это тревожное время сохранялъ настолько спокойствіе духа, чтобы могъ отдаться всецѣло служенію мирныхъ интересовъ? Очевидно, нѣтъ. Притомъ, шансы войны бываютъ и переменчивы. Сегодня вы вырываете изъ рукъ турокъ нѣсколько селеній и городовъ, вы устанавливаете новый порядокъ вещей, избираете людей, которые должны служить этому новому порядку! Завтра враги торжествуютъ, положимъ и временно, но тѣмъ не менѣе этотъ, даже самый мимолетный переходъ власти достаточенъ для того, чтобы сместить только-что установленный новый порядокъ и подвергнуть жестокимъ карамъ тѣхъ, кто дерзнулъ принять на себя роль его служителей. При такомъ положеніи неизбежно будетъ подрывать авторитетъ всѣхъ тѣхъ, кто устанавливалъ этотъ новый порядокъ. Но помимо этого условія, требованія войны крайне напризны. Сегодня нужно принять одну мѣру, завтра эти напризны условія войны потребуютъ ея уничтоженія и замѣны ея мѣрою прямо противоположною. Вслѣдствіе этого является постоянное колебаніе, недопускающее установленіе чего-либо прочнаго, а между тѣмъ безъ этой прочности едва ли возможно и помышлять о серьезномъ проведеніи въ народную жизнь какихъ-либо началъ того или другого порядка.

ГЛАВА VI.

Отъ Тырнова до Казанлыка.

Введеніе гражданскаго управленія въ Болгарію въ разгаръ самой войны должно было подтвердить все сказанное мною выше самымъ нагляднымъ образомъ, и потому — способъ введенія новыхъ порядковъ, результаты, которые достигались, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мнѣ представился случай быть свидѣтелемъ введенія гражданскаго управленія и убѣдиться въ степени прочности водворяемаго порядка. Случаюсь этимъ я и воспользовался съ тѣмъ болѣею охотою, что онъ давалъ возможность ближе взглянуть въ болгаръ и самому сдѣлать оцѣнку ихъ отношенія къ намъ, русскимъ.

Войска наши были уже за Балканами. Храбрый отрядъ генерала Гурко, преодолевъ страшныя трудности, занялъ уже Казанлыкъ. Кто не помнитъ этого времени, когда въ началѣ іюля мы мечтали уже черезъ мѣсяцъ или два окончить кампанію. Все, казалось, намъ улыбалось, мы не знали препятствій. Въ занятой нашими войсками мѣстности, очищенной отъ турецкаго правленія, предстояло ввести гражданское управленіе. Въ видахъ ближайшаго ознакомленія съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность и для введенія въ ней новаго порядка, изъ Тырнова должны были отправиться нѣсколько человѣкъ офицеровъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, но не посвященныхъ еще въ его сокровенный смыслъ. Съ ними долженъ былъ ѣхать одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, стоявшій около князя Черкаскаго; ни у кого почти я не видѣлъ такого яснаго пониманія нашей задачи, такого свѣтлаго взгляда на наше отношеніе къ южнымъ славянамъ. Едва ли это былъ не единственный человѣкъ, хорошо знакомый съ нравами, характеромъ болгарскаго народа и съ тѣми историческими условіями, которыя создали и этотъ характеръ и эти нравы. Примкнувъ къ этой небольшой партіи, состоявшей изъ людей какъ нельзя болѣе симпатичныхъ, 11-го или 12-го іюля мы выѣхали изъ Тырнова.

Съ этою-то «коммиссіей» по дѣламъ гражданского управленія я совершилъ весь путь отъ Тырнова до Казанлыка. Мы останавливались въ городахъ, селахъ и деревняхъ, и путь этотъ былъ интересенъ не только съ точки зрѣнія ознакомленія съ вводимыми нами порядками, но, быть можетъ, еще больше съ точки зрѣнія бытовой. Во время этого странствованія можно было вдоволь присмотрѣться къ болгарамъ и къ ихъ отношенію къ намъ, русскимъ. Нужно ли говорить, что на нашемъ пути часто встрѣчались суровые слѣды войны, съ ея неизбежными спутниками, разореніемъ и опустошеніемъ, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ это представляется настроенной на ужасы фантазіи. Богатая природа, непривычная для нашего глаза растительность, стройный хлѣбъ на корню, роскошныя виноградники сврадывали впечатлѣніе то покинутыхъ, то сожженныхъ деревень, попадавшихся нерѣдко по дорогѣ. Хлѣбъ, виноградники не пострадали отъ войны, они не подверглись уничтоженію по той же причинѣ, по которой сохранились всѣ мосты, телеграфы и многіе города и деревни, покинутыя турками. Приказъ уже былъ отданъ уничтожать хлѣбъ на корню и другія произведенія земли, но приказъ запоздалъ; быстрое движеніе передового отряда вплоть до Казанлыка спасло до-балканскую Болга-

рѣю отъ варварскаго опустошенія. Сожженныя деревни были турецкія, и сожгла ихъ народная мѣсть. Большинство же другихъ турецкихъ деревень представляло собою полную картину запустѣнія: турки при приближеніи нашихъ войскъ бѣжали, но это бѣгство турокъ ни мало не было похоже на бѣгство десятковъ тысячъ болгаръ: тѣ бѣжали, захвативъ все свое имущество, и для спасенія его отобрали у болгаръ на прощанье ихъ лошадей, воловъ, словомъ—весь скотъ. Попадались, впрочемъ, и смѣшанныя деревни, на половину турецкія, на половину болгарскія. Изъ одной деревни всѣ турки ушли, въ другой остались, и къ чести болгаръ нужно сказать, что ни жизнь, ни достояніе этихъ оставшихся на своихъ мѣстахъ турокъ не подвергались ни малѣйшей опасности. Я не скажу разумѣется, что ни одинъ турокъ не былъ лишенъ жизни, ни одна вещь не была насильственно отнята у нихъ,—быть можетъ, такіе факты и встрѣчались; но, во всякомъ случаѣ, если они и бывали, то настолько рѣдко, что о нихъ не говорили, и мнѣ не приходилось слышать таковыхъ жалобъ отъ турокъ. Быть можетъ, скажутъ: страхъ удерживалъ этихъ людей обирать оставшихся въ своихъ жилищахъ турокъ; но едва ли такое возраженіе было бы справедливо, такъ какъ необбѣжавшихъ турокъ сравнительно было такъ мало, что они были вполне безсильны передъ болгарскимъ населеніемъ. Скажутъ: страхъ возвращенія турокъ и ихъ будущей мести! но и это было бы невѣрно, такъ какъ болгары—увѣ!—хорошо знали, что если турки восторжествуютъ, то ничто, никакое дружелюбное отношеніе къ оставшимся туркамъ, не спасетъ ихъ отъ поголовной рѣзни и дикаго истребленія.

Что болгары не ошибались въ этомъ, тому кровавыя доказательства дали Ловча, Казанлыкъ, Беброво, Ески-Загра, Іени-Загра, Елена и еще многія другія деревни и села. Но глазъ скоро привыкалъ къ этимъ покінутымъ или сожженнымъ жилищамъ, и мы двигались впередъ, не обращая на нихъ больше вниманія. Къ вечеру мы пріѣхали въ Драново, большое селеніе, имѣвшее полное право считать себя городомъ, да еще не изъ послѣднихъ. Не зная бы, что турки еще нѣсколько времени тому назадъ держали это селеніе въ страхѣ и трепетѣ, нигде бы по наружному виду и въ голову не пришло, что здѣсь людямъ жилось не привольно:—все такъ чисто, красиво, улицы, дома, украшенные зеленью, теравшіеся въ садахъ, вызвали отрадное впечатлѣніе, не только поддерживаемое, но еще усиливаемое довольнымъ видомъ высыпавшаго на улицу населенія. День былъ праздничный, женщины, дѣти,

чисто и даже красиво одѣтые, смотрѣли на военные костюмы съ какимъ-то веселымъ любопытствомъ. Мужчины дружески кланялись, снимая свои шапки, и на всѣхъ этихъ шапкахъ красовались кресты. Да, сомнѣнія нѣтъ, мы были желанные гости, и какъ легко было настроиться, судя по вѣншему виду, на самый радужный тонъ. Совсѣмъ идиллія! Но такъ ли безмятежно было на душѣ у всего этого люда? Рабство приучаетъ ко лжи и притворству, и изъ этихъ «добродѣтелей» создается вторую натуру. Когда люди извѣстными общественными строемъ, закономъ не одними болгарамъ на свѣтѣ, доводятся до того животнаго состоянія, что они дѣлаются способными лобзать ту руку, которая наноситъ удары ихъ человѣческому достоинству, тогда трудно становится добраться до искренняго чувства. Любовь и ненависть выражаются тогда въ одинаковыхъ формахъ. Вотъ почему и здѣсь наружный видъ вовсе еще не доказывалъ, что весь этотъ людъ ошоловлено смотритъ на свое будущее. За видимой улыбкой скрывалась невидимая на первый взглядъ тревога; но присмотритесь ближе, и это скрытое чувство опасенія не уйдетъ отъ вашего наблюденія.

Мнѣ не мудрено было въ этомъ убѣдиться, когда я вмѣстѣ съ другими пришелъ въ конакъ, т.-е. полицейское управленіе, куда приказано было собрать членовъ временнаго управленія общиною, замѣнившаго собою турецкое управленіе. Такихъ членовъ было десять, кромѣ предсѣдателя, но въ конакъ пришли не только члены временнаго управленія, но многіе изъ жителей, такъ что комната, корридоръ, дворъ—все наполнилось народомъ.

Необыкновеннымъ смиреніемъ, носившимъ на себѣ печать заботы, столь привычной для нашего глаза, проникнуты были собравшіеся тутъ болгары. Они стояли, и при первомъ почти словѣ кланялись и благодарили, благодарили и кланялись.

— Вамъ извѣстна прокламація русскаго царя въ болгарамъ?—спрашиваютъ ихъ черезъ молодого переводчика, сына извѣстнаго болгарскаго поэта Соловейко.

— Неизвѣстна!—отвѣчали болгары.

— Вамъ извѣстно, что впредь вы *наседа* освобождаетесь отъ уплаты бедель?

— Неизвѣстно!—отвѣчаютъ болгары и кланяются.

Бедель, это—подать, которую турки брали со всѣхъ крестьянъ за полное освобожденіе ихъ отъ воинской повинности. Подать эта, безъ сомнѣнія, не была особенно тяжела для болгаръ, особенно, если подумать, что, благодаря ей, они не несли самой тяжелой, хотя и самой высокой въ нравственномъ смыслѣ повин-

ности. Но для того, чтобы дорожить этою повинностью, необходимо сознание, что обязанность каждого человека — защищать свою родину, отстаивать независимость, свободу своего народа, и вместе съ тѣмъ необходимо, чтобы существовало другое сознание, что человекъ отстаиваетъ дорогіе ему интересы, что эти интересы таковы, что для нихъ стоить жертвовать своею жизнью. Однимъ изъ самыхъ опасныхъ результатовъ порядка, основаннаго не на свободной волѣ народа, а на попраніи народныхъ правъ, какъ то было въ Болгаріи, заключается именно въ томъ, что это сознание исчезаетъ, что человекъ не только начинаетъ относиться равнодушно, но даже враждебно къ тому строю государственной жизни, который всегда болѣе или менѣе ставится на карту въ критическую минуту, когда всѣ граждане призываются подъ знамена. Нѣтъ болѣе важнаго симптома опасной болѣзни, неминуемо грозящей жизненной силѣ государства, чѣмъ когда во время войны, люди, искренно преданные и горячо любящіе свою родину, вынуждены опасаться за успѣхъ оружія той страны, въ которой они принадлежатъ, страшась, что этотъ успѣхъ упрочитъ только безправный порядокъ. Теперь становится вполне понятнымъ, что болгары не могли дорожить военною повинностью, что они предпочитали платить взамѣнъ ея извѣстный налогъ. У нихъ не могло быть сознанаія высокой обязанности защищать свою родину — потому что Турція всегда была для нихъ злою, преступною мачихой, у нихъ не было интереса защищать ея государственный строй, потому что строй этотъ служилъ для нихъ источникомъ чудовищныхъ бѣдствій. Естественно поэтому, что болгары, подданные турецкой имперіи, каждый разъ, какъ начиналась въ ея предѣлахъ война, должны были горячо желать, чтобы турецкому оружію было нанесено рѣшительное и грозное поражение.

Вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіе отъ этой повинности разслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственные силы людей. Они привыкаютъ къ мысли, что сами они бессильны, что охранять ихъ должны другіе, мало-по-малу у нихъ исчезаетъ необходимое для народа мужество, и кончается тѣмъ, что въ освобожденіи своемъ отъ воинской повинности они видятъ не позоръ безправныхъ людей, а даже извѣстное преимущество. Причины эти, дѣйствовавшія въ продолженіи многихъ вѣковъ, должны были оказать свое вліяніе на болгарскій народъ, а потому едва ли можно удивляться и негодовать, что болгары не приняли съ особеннымъ восторгомъ жѣры, уничтожавшей бѣду, но замѣненной общемою воинскою повинностью. Скорѣе слѣдовало дивиться тому,

что, несмотря на въѣзовое вліяніе этихъ разлагающихъ мужество народа причинъ, среди его отыскался таковой значительный процентъ гражданъ, охотно взявшихся за оружіе, вступившихъ въ болгарскіе легіоны, доказавшихъ еще разъ цѣлому свѣту, что же военная выправка научаетъ умирать людей геройскою смертію, а святая любовь къ свободѣ личной и свободѣ своихъ ближнихъ.

Но если возвышеніе, что «всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, освобождаются навсегда отъ уплаты этой подати», не вызвало особаго восторга среди болгарскаго населенія, за то не вызвало и ни малѣйшаго ропота. Болгары признали такую мѣру справедливою и полезною, хотя и не могли видѣть въ ней дѣйствительнаго «освобожденія» отъ этой подати, а только замѣну денежной подати повинностью натурою. Одно слово въ текстѣ официального возвышенія этой мѣры должно было бы, конечно, вызвать въ странѣ всеобщую радость, это слово: «навсегда»; но болгары давно уже, и не безъ причинъ, были заражены ядомъ сомнѣнія. Слово это выражало собою, такъ сказать, обязательство, принимаемое на себя Россіей, что начата война не будетъ окончена прежде, чѣмъ вся Болгарія не будетъ вырвана изъ турецкихъ когтей, и это торжественное обѣщаніе болгары, безъ сомнѣнія, приняли къ свѣдѣнію, хотя послѣдующія событія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и показали, что во время войны гораздо лучше избѣгать такихъ громкихъ словъ, какъ «навсегда», «навѣки» и т. д. Особенная осторожность требовалась именно въ Болгаріи, гдѣ во всѣхъ предшествующихъ войнахъ мы не дали вовсе доказательствъ въ твердости нашей политики. Вслѣдствіе этого болгары относились съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ громкимъ заявленіямъ гражданскаго управленія, и, несмотря на всю законность такого скептицизма, имъ часто ставили его въ вину, требуя отъ нихъ, чтобы слова они принимали уже какъ за совершившіеся факты.

— Какъ можемъ мы радоваться, — приходилось имъ слышать отъ болгаръ, — когда у насъ нѣтъ увѣренности, что все возвышенное намъ сбудется въ дѣйствительности и что слова надежды не превратятся въ слова горькой пропіи надъ нашею жалкою судьбою!

Рядомъ съ возвышеніемъ объ уничтоженіи навсегда бедели, представители гражданскаго управленія объявили и объ уничтоженіи другой дѣйствительно страшной для болгаръ подати, это — опуръ, или, въ переводѣ на русскій языкъ, — десятины со всѣхъ произведеній земли. Взамѣнъ отменяемой точно также «навсегда» десятины должна была быть введена поземельная подать, взи-

мазня, какъ говорилось, на правильныхъ основаніяхъ. Съ этою мѣрою случилось то, что должно было еще разъ подтвердить, что во время войны, въ странѣ, подвергнутой всѣмъ ея случайнымъ, противорѣчивымъ требованіямъ, невозможно задаваться мыслию вводить что-либо неизмѣнное. Такъ, первоначально, въ іюлѣ мѣсяцѣ, было положено въ 1877 г. собирать десятину натурою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска. О такомъ сборѣ десятины натурою было объявлено болгарамъ. Мѣсяцъ спустя было принято другое рѣшеніе — не собирать натурою, а взимать десятину деньгами. Измѣненіе этой мѣры обуславливалось, разумѣется, необходимостью, соображеніями интендантства, контрастомъ съ товариществомъ гг. Горвица, Грегера и Котана, и мало ли еще чѣмъ могла быть вызвана необходимость собирать десятину не натурою, а деньгами. Разъ, что такое измѣненіе было признано полезнымъ, нечего и говорить, что необходимо было его совершить, несмотря ни на что, не обращая даже вниманія на то, что для болгаръ, особенно въ этомъ году, было бы выгоднѣе платить натурою, такъ какъ, благодаря войнѣ, сбыта продуктовъ, помимо интендантства или товарищества, никакого не было, но, разумѣется, для товарищества поступленіе десятины натурою было бы невыгодно, такъ какъ у арміи были бы запасы, которыхъ нельзя было бы поставлять по дорогой цѣнѣ. Но дѣло, конечно, не въ томъ, насколько то могло быть невыгодно для болгаръ, насколько выгодно, положимъ, хоть для товарищества, — эти соображенія не могли быть, безъ сомнѣнія, принимаемы въ расчетъ при замѣнѣ одной мѣры другою: польза арміи — вотъ единственное соображеніе, которымъ слѣдовало руководиться. Случайно это измѣненіе оказалось выгоднымъ товариществу, — что дѣлать! значить, судьба! Фортуна покровительствуетъ ему, счастье во всемъ его преслѣдуетъ! Но эти измѣненія, выходящія изъ гражданскаго управленія, производили нѣкоторый хаосъ среди болгаръ. Пріѣзжаетъ въ нихъ одно лицо и объявляетъ: сборъ десятины будетъ производиться натурою! Они кланяются и благодарятъ. Черезъ нѣкоторое время является другое лицо и говоритъ: сборъ будетъ производиться деньгами. Болгары кланяются и недоумѣваютъ! Робко обращаются они съ вопросомъ:

— Не ошиблись ли вы, говоря, что десятина будетъ собираться деньгами: намъ только-что на дняхъ объявили, что будутъ брать натурою.

И болгары не знаютъ, кому вѣрить, тому или другому, а какъ тогъ, такъ и другой — власть! И никакъ они не могутъ объ-

занимать себя, что за перемѣна случилась въ нѣсколько дней, — сегодня такъ, завтра иначе, сегодня одно распоряженіе, завтра прямо противоположное, и мало-по-малу у нихъ закрадывается мысль, что мы сами не знаемъ, чего хотимъ, что у насъ нѣтъ строго послѣдовательнаго, обдуманнаго плана, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. А такая мысль вредна, она наноситъ ущербъ авторитету русской власти. Приведенный мною примѣръ былъ, разумѣется, не единственный. Объявляется, напримѣръ, болгарамъ посредствомъ органовъ гражданскаго управленія, что за каждую поставленную ими подводку они будутъ получать, положимъ, по 3 франка. Подводки поставляются, положимъ, для перевозки раненныхъ, нужно платить. Кто будетъ платить — военно-медицинское управленіе или гражданское управленіе, но болгары объ этомъ спорѣ не знаютъ, а знаютъ, что денегъ не получаютъ. Я привожу такой случай вовсе не для того, чтобы сказать, что мы обижали болгаръ; нѣтъ, можетъ быть, вполне было бы справедливо, чтобы они поставляли подводки безъ всякаго вознагражденія, война вѣдь ведется ради ихъ освобожденія, слѣдовательно, и на нихъ должны падать тягости, жертвы войны, — но только для того, чтобы объяснить, почему въ гражданскому управленію они не относились съ большимъ доверіемъ.

Вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ объявлялось болгарамъ о сборѣ податей въ 1877 году, нигдѣ не подмѣчалъ я ни тѣни ропота. Относительно сбора самого тяжелаго налога — десятины, имъ было сдѣлано облегченіе въ томъ смыслѣ, что требовали его уплаты не сразу: въ сентябрѣ должна была быть уплачена половина, въ октябрѣ одна четверть и въ ноябрѣ остальная четверть. Строго говоря, болгары до нѣкоторой степени имѣли право роптать на сборъ податей во время войны; экономическая дѣятельность была остановлена, во многихъ мѣстностяхъ они подвергались разоренію и, наконецъ, мысль, тяжелая мысль, что турки во второй разъ заставятъ ихъ заплатить налоги, никогда ихъ не покидала. Вотъ почему отсутствіе ропота не можетъ не быть поставлено имъ въ заслугу.

Въ Драновѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ избранія должностныхъ лицъ, такъ какъ послѣ ухода турокъ тотчасъ же образовался адѣсъ изъ болгаръ совѣтъ старѣйшинъ, принявшій въ свои руки бразды правленія. Отнимъ временнымъ управленіемъ далеко не всѣ жители были довольны, но не смѣли смѣнить его, такъ какъ это временное управленіе получило санкціи гражданскаго управленія. Причина недовольства лежала въ томъ, что весь онъ почти состоялъ изъ того элемента, который зовется

чорбаджи, т.-е. тѣхъ болгаръ, которые прикинулись внолнѣ съ турками, сами въ значительной степени отуречились и всегда держали ихъ руку. Вслѣдствіе того, что они перешли на сторону турокъ, они быстро богатыли, турки сдавали имъ на откупъ налоги, и они немилосердно грабили своихъ соотечественниковъ. Когда кто-либо изъ другого класса, изъ людей, принадлежавшихъ въ «молодой Болгаріи», желалъ взять откупъ на болѣе льготныхъ для народа условіяхъ, тогда чорбаджи являлись въ пашѣ, давали большую взятку, и откупъ оставался въ ихъ рукахъ. Взявъ откупъ, они бесстыдно начинали притѣснять болгаръ; положимъ, требуютъ съ нихъ уплаты налога, у болгарина нѣтъ денегъ, они являлись на помощь и предлагаютъ нужную сумму изъ 5% или 6% въ мѣсяцъ. Черезъ мѣсяцъ—требованіе уплаты, переписывается обязательство, прибавляются проценты, и въ концѣ концовъ болгаринъ попадаетъ подъ страшное ярмо ростовщика. Благодаря такому способу дѣйствій, цѣлыя деревни очутились въ неволѣ. Естественно, что съ освобожденіемъ Болгаріи отъ турецкаго владѣнства наступитъ и освобожденіе отъ власти чорбаджи, которая держится только силою турецкаго гнета. Чорбаджи это прекрасно понимаютъ, и потому естественно крайне недовольны настоящею войною. Эти чорбаджи, составляющіе, разумѣется, незначительный процентъ всего болгарскаго народа, образуютъ собою, такъ сказать, болгарскую аристократію. Этотъ классъ, пользующійся такою справедливою ненавистью, до крымской кампаніи игралъ совсѣмъ иную роль. Чорбаджи были люди образованные, и въ силу своего образованія пользовались значительнымъ вліяніемъ. Населеніе относилось къ нимъ съ уваженіемъ, такъ какъ всегда въ столкновеніяхъ съ турецкими властями они отстаивали интересы народа. Но послѣ крымской кампаніи они утратили свой характеръ, образованіе среди нихъ стало исчезать, и ихъ защитниковъ своего народа они превратились въ грубыхъ кулаковъ и ростовщиковъ, всячески притѣсняющихъ населеніе, и стали служить лучшимъ оплотомъ турецкой системы.

Такіе-то люди, прикинувшись своею болгарскою національностью, по уходѣ турокъ, старались забрать въ свои руки власть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Дриневѣ, имъ и удавалось; но населеніе знаетъ имъ цѣну, и какъ только наступитъ болѣе спокойное время и болгарамъ будетъ предоставлено устроиться по своему усмотрѣнію,—они всюду потеряютъ свое вліяніе. Этотъ элементъ относился и относится къ намъ враждебно, но элементъ этотъ отуреченный, а между тѣмъ весьма

многие, въ своихъ нападкахъ на болгаръ, судятъ именно о настроеніи всѣхъ болгаръ по этимъ же-болгарскимъ экземплярамъ.

Не вездѣ было еще учреждено временное правленіе, не вездѣ были избраны должностныя лица, совѣты общинъ; въ мѣ- которыхъ мѣстностяхъ происходило еще междоусобице. Такъ было въ мѣстечкѣ Травнѣ, куда мы шлі́хали на слѣдующій день. На дворѣ канакъ или полицейскаго управленія были собраны всѣ жители, и на нашихъ глазахъ произошло избраніе на различныя должности въ общинѣ. Нельзя было не быть пораженнымъ тѣмъ спокойствіемъ, достоинствомъ, съ которымъ происходили эти выборы. Группы между собою совѣщались, толковали, и потомъ громко заявили, что такого-то они избираютъ на такую-то должность. Избранныя лица отвѣчали на всѣ предложенные вопросы, они все знали, что дѣлается у нихъ въ общинѣ; если кто не зналъ, другіе сейчасъ подсказывали. Объясняли, что у нихъ столько-то домовъ турецкихъ и болгарскихъ, столько-то семействъ турецкихъ бѣжали, столько-то осталось; сколько у нихъ школъ, учениковъ и ученицъ, сколько учителей и т. д. Ни разу мнѣ не пришлось услышать: у насъ нѣтъ школъ! въ каждой общинѣ, немножко побольше, а двѣ и три школы, есть и учителя и учительницы и вездѣ много учениковъ. Эти отвѣты, я не могу не покаяться, постоянно приводили меня въ смущеніе. Не турки, правда, завели всѣ эти школы, но—надобно отдать справедливость и непріятелю—турки терпѣли, дозволяли заводить школы; они, несмотря на всю свою грубость и отсталость, не страшились въ послѣднее время распространенія образованія, они, какъ мнѣ говорили, не старались инквизиторскимъ образомъ забраться въ душу каждаго сельскаго учителя — не скрываетъ ли онъ въ себѣ замысла испровергнуть существующій въ Турціи порядокъ. Турки предоставляли болгарамъ свободу обученія и только не дозволяли заводить высшія училища, университеты. Что-жъ! Турки дѣйствовали въ этомъ случаѣ только откровенно, въ дѣйствительности они могли бы обставить вступленіе въ высшія заведенія такими колючими преградами, что все равно въ нихъ попадали бы только избранные. Болгары все-таки должны быть благодарны туркамъ за разрѣшеніе свободно обучать грамотѣ народъ.

Спокойствіе, простота, разумность, съ которою происходили выборы въ общинахъ, ясное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, сознаніе того, что необходимо для Болгарин, словомъ—всѣ наблюденія, какія приходилось дѣлать, служили подтвержденіемъ только того положенія, что самая большая ошибка, которую мы

могли бы только сдѣлать, это—объявить болгаръ народомъ несовершеннѣйшимъ и вообразить себя призванными опекунами и учителями. Сами болгары относительно своего будущаго разсуждаютъ какъ нельзя болѣе основательно.

— Пусть,—говорятъ они,—намъ будетъ предоставлено только пространство—и дѣло пойдетъ у насъ на ладъ. Мы выберемъ себѣ представителей, и они выработаютъ такую политическую организацію, которая будетъ наиболѣе соответствовать нашимъ интересамъ.

И все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, меня какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ справедливости этихъ словъ. Нѣтъ болѣе ошибочнаго положенія, какъ то, что представительное правленіе пригодно только для народовъ, стоящихъ на очень высокой ступени умственнаго и политическаго развитія. Если народъ способенъ выносить дурное правительство, каково было въ Болгаріи, то ужъ, конечно, онъ способенъ вынести хорошее правительство. Если бы нужно было представлять доказательства въ пользу этого положенія, то стоитъ лишь сослаться на то, что дѣлается въ настоящее время въ Турціи. Ужъ если какой-либо народъ могъ считаться неспособнымъ для усвоенія себѣ представительнаго правленія, то, конечно, это турки. Вотъ отчего провозглашеніе турецкой конституціи было встрѣчено во многихъ государствахъ однимъ вырывомъ смѣха. Смѣялись тѣ, кто имѣлъ право смѣяться, но еще больше смѣялись, и главное—дурными, притворнымъ смѣхомъ—тѣ, которые не имѣли на то ни тѣни права. И что же мы видимъ? Представительное правленіе, несмотря на всю свою молодость, вступаетъ въ открытую борьбу съ вѣковымъ турецкимъ абсолютизмомъ, и теперь уже можно видѣть, что побѣда останется не на сторонѣ послѣдняго. Если же турки выказали способность къ представительному правленію, то нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія предполагать, что болгары окажутся менѣе въ нему способными. Тѣ, кто враждуетъ противъ него въ Болгаріи, доказываетъ только одно, что его личные выгоды наиболѣе удовлетворяются порядкомъ, прино противоположнымъ представительному правленію. Не въ такомъ случаѣ слѣдовало бы выказывать большую откровенность и заявить открыто: я противодѣйствую такой формѣ правленія, потому что не нахожу въ ней для себя личной выгоды! а не прикрываться въ нападеніяхъ на эту форму громкими словами о пользѣ и благѣ народа. Впрочемъ, въ Болгаріи и не встрѣчается много людей, не признающихъ возможнымъ введеніе представительнаго правленія.

Противники его живутъ въ лагерѣ приверженцевъ опеки и нашего гражданскаго управленія.

— Помилуйте,—восклицаютъ они,—какъ возможно думать о представительномъ правленіи для Болгаріи, когда мы не находимъ даже людей, родныхъ замѣть мѣста губернаторовъ, вице-губернаторовъ, начальниковъ округовъ и т. д. Мы нашли всего нѣсколько человѣкъ, но и тѣ оказались мало способными для такой дѣятельности.

— А не думаете ли вы,—возражалъ при мнѣ одинъ болгаринъ,—что вы не находите людей вовсе не потому, чтобы ихъ не было, а совсѣмъ по инымъ причинамъ, изъ которыхъ первая та, что вы не хотите искать ихъ, а вторая, болѣе серьезная, заключается въ томъ, что вы относитесь съ предубѣжденіемъ къ тѣмъ, которые дозволяютъ себѣ проявлять малѣйшую самостоятельность, что вы отрешиваетесь точно отъ нечистой силы, отъ всѣхъ людей, принадлежащихъ къ партіи «молодой Болгаріи»; на всѣхъ этихъ людей вы наложили ваше veto, только потому, что, по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ причинамъ, вы вездѣ чувствуете революціонный духъ. Если бы вы могли освободиться отъ этого ложнаго страха передъ краснымъ призракомъ, тогда вы убѣдились бы, что нашлись бы люди, если и не стоящіе на высотѣ европейскаго образованія, то вполнѣ все-таки пригодные, чтобы служить честно и добросовѣстно своему народу. Такіе люди существуютъ въ Болгаріи, и если только намъ будетъ предоставлено право располагать нашею судьбою сообразно нашимъ интересамъ, тогда вы убѣдитесь, что мы вовсе не будемъ вынуждены искать себѣ губернаторовъ, начальниковъ округовъ и иныхъ должностныхъ лицъ въ другой, хотя бы и родственной намъ странѣ.

Вопросъ, какъ относятся болгары къ нашей политикѣ, каковы стремленія, желанія народа относительно его будущаго, представлялся, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интереснымъ, и потому, естественно, что разговоры съ болгарамъ, особенно изъ интеллигентнаго класса, очень часто вращались около этой тѣмы. Нужно при этомъ замѣтить, что болгары вели себя въ этомъ отношеніи крайне осторожно, они не желали, точно опасались говорить откровенно, и требовалась нѣвѣстная настойчивость, чтобы заставить ихъ, не стѣняясь, выразить свое мнѣніе. Вопросъ этотъ можно нѣсколько обобщить.

Существуетъ ли дѣйствительно тѣсная связь между Россіей и южными славянами, или связь эта дѣланная, искусственная, изобрѣтенная? Не клонятся ли всѣ стремленія южныхъ славянъ

только къ тому, чтобы высвободиться изъ-подъ тяжелаго ига турокъ, и не относятся ли они безразлично къ вопросу: кому будетъ принадлежать извѣстное главенство надъ ними, Россіи, Австріи, или какому-либо другому государству? Задаваясь этимъ вопросомъ, я не могу не припомнить словъ одного изъ вождей герцеговинскаго востанія, Любобратича, съ которыми мнѣ привелось встрѣтиться еще въ Бухарестѣ. Говоря о роли Австріи и Россіи среди южныхъ славянъ, онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ сталъ доказывать, что только одной Россіи принадлежать всѣ ихъ симпатіи.

— Что съ нами будетъ, я не знаю, только я говорю одно—лучше я приму исламъ и сдѣлаюсь туркомъ, лучше намъ навсегда оставаться подъ этимъ варварскимъ господствомъ, чѣмъ быть присоединенными къ Австріи и сдѣлаться нѣмцами. Неужели, — продолжалъ Любобратичъ, — мы боролись въ продолженіи пятидесяти лѣтъ за наше существованіе, за право остаться славянами, только для того, чтобы результатомъ этой борьбы сдѣлалось наше опечаленіе. Вопросъ стоитъ прямо: есть славянство или его нѣтъ? Если есть, то ни единая часть славянскаго племени не можетъ быть принесена въ жертву. Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, Болгарія—все это одна славянская семья, стремящаяся къ самостоятельному существованію. Въ какой формѣ она явится, будетъ ли какая-нибудь династія или не будетъ, это все равно. Россію мы любимъ, на Россію надѣмся, и если у девяти-десятихъ населенія, — выразился онъ съ большою энергіею, — вы разрѣжете сердце, то вы прочтете въ немъ любовь къ Россіи, которую ничто не могло поколебать. Въ русской политикѣ мы часто видѣли колебаніе, сомнѣніе, опасеніе подчасъ начинало завраживаться въ душу, но мы вѣрили въ силу исторической необходимости, и событія оправдали нашу вѣру. Война явилась ея результатомъ. Будьте же увѣрены, что кровь русскаго народа льется не даромъ; пролитая кровь будетъ служить тѣмъ цементомъ, который скрѣпитъ славянское единство подъ сильнымъ главенствомъ Россіи. И чѣмъ больше впередъ будетъ идти наше внутреннее развитіе, тѣмъ связь Россіи съ южными славянами будетъ все крѣпче и крѣпче.

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ разговора только потому, что онъ хорошо рисуетъ отношеніе южныхъ славянъ къ Россіи. То, что говорилъ Любобратичъ, довольно часто мнѣ приходилось слышать въ Болгаріи. Болгары несомнѣнно чувствуютъ большое тяготѣніе къ Россіи, несмотря на печальныя страницы въ прошломъ, они любятъ Россію, но любовь эта, не нужно заблуж-

даться, вовсе не сентиментальнаго свойства. Они не ослѣплены нашимъ блескомъ, нашимъ могуществомъ; этотъ «бѣдный» народъ, по выраженію одного политическаго Юпитера, прекрасно понимаетъ наши сильныя и слабыя стороны и подвергаетъ критическій оцѣнкѣ не только нашу внѣшнюю, но и внутреннюю политику. Несмотря на то, что уровень ихъ политическаго развитія далеко не высокъ, они понимаютъ, что зовется въ политикѣ бѣлымъ, что чернымъ, и въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ руководствуются все-таки примѣрами историческими, отношеніемъ нашимъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя уже состоятъ съ нами въ бракѣ.

— Скажите,—приходилось мнѣ не разъ спрашивать у болгаръ,—чего желаетъ вашъ народъ, къ чему онъ стремится?

— Онъ стремится,—было мнѣ отвѣтомъ,—прежде всего получить право жить, потому что подъ владичествомъ Турціи мы не живемъ, а только медленно умираемъ. Мы просимъ жизни, просимъ освободить насъ отъ нашего вѣковаго и жестокаго врага.

— Прекрасно. Положимъ, что это законное желаніе будетъ, наконецъ, удовлетворено, какія тогда ваши надежды на будущее? на что вы разсчитываете?

— Все, что съ нами ни сдѣлаютъ, все будетъ лучше того положенія, въ какомъ мы находимся теперь. Будемъ ли мы присоединены къ другому государству, образуютъ ли изъ насъ отдѣльное княжество, мы всѣмъ будемъ довольны!

— Да, но чего вы сами желаете?

Молчаніе.

— Желали бы вы быть присоединенными къ Россіи?

— Если иначе нельзя, мы будемъ довольны!

— А если можно?

— Тогда лучше отдѣльное существованіе подъ покровительствомъ Россіи.

— Отчего же лучше,—допытывался я.

— Видите ли, мы къ Россіи очень привязаны, но быть присоединенными къ вамъ все-таки было бы неудобно. Мы народъ еще мало развитой, намъ нужно мало-по-малу выработать свои порядки, намъ необходимо устройство простое, несложное. Если бы мы подпали подъ власть Россіи, то вы стали бы примѣнять къ намъ ваши порядки, давно сложившіеся, къ которымъ мы не готовы, могли бы возникнуть недоразумѣнія, вы бы считали насъ неспособными, неразвитыми, ну, пожалуй, и не пошло бы хорошо!

Я отлично понималъ, что въ этихъ словахъ есть много не-

договореннаго, что другая мысль шевелится въ головѣ, и только не выходитъ наружу по недостатку откровенности.

— Но отчего же вы думаете, что мы будемъ относиться къ вамъ свысока?

— Да видите ли, — отвѣчалъ мнѣ болгаринъ: — если вы уже хотите, чтобы я былъ откровеннымъ, то я вамъ скажу, что и теперь ужъ, когда не рѣшенъ вопросъ, что съ нами будетъ, вы относитесь къ намъ слишкомъ строго...

— Въ чемъ же, однако, выражается эта строгость?

— Да хоть бы въ отношеніи къ намъ вашего управленія. Если ужъ теперь оно смотритъ на насъ какъ на своихъ подчиненныхъ, крѣпостныхъ, то что же было бы, если бы мы перешли подъ вашу власть. Обращаются съ нами круто, не желаютъ выслушать ни одного болгарина. Кто ни подойдетъ, только и слышитъ: «вы народъ неразвитой, вы не должны разсуждать; если вамъ говорить что-нибудь, вы должны слушаться и быть благодарны!» Мы, конечно, благодарны, но все-таки вѣдь мы лучше знаемъ, что намъ нужно, а между тѣмъ заявлять не смѣемъ. Да и не одинъ губернаторъ такъ обращается, его примѣру слѣдуютъ и другія лица гражданскаго управленія. Вотъ почему мы и желали бы лучше имѣть свое управленіе. Свои нужды и потребности мы знаемъ хорошо. А подъ главенствомъ Россіи мы хотимъ быть; мы были бы довольны, если бы намъ дали русскаго князя и у насъ установился бы такой порядокъ, какъ въ Румыніи или Сербіи.

Меня невольно поражало, какъ скоро среди болгаръ сдѣлалось непопулярно наше гражданское управленіе и съ какою быстротою распространяются различные рассказы о губернаторѣ Болгаріи. Какъ образецъ того, что вызывало недовольство, я приведу слѣдующій, передаанный мнѣ рассказъ. Болгары не желали, чтобы ихъ духовенству была предоставлена особенно вліятельная роль въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Объ этомъ нежеланіи они серомно и заявили, но получили грозный отвѣтъ, чтобы они не смѣли разсуждать подобнымъ образомъ, что духовенство должно имѣть предпочтительное вліяніе, что болгары народъ неблагодарный, что они должны помнить, какъ духовенство поддерживало ихъ національность, сохранило ихъ языкъ, что они должны относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, что религія это краеугольный камень и т. д.

— А мы никогда и не думали, — прибавлялъ мнѣ, — говорить что-нибудь о религіи, мы говорили только о духовенствѣ, потому что знали его хорошо.

Нужно при этомъ сказать, что дѣйствительно болгарское духовенство стоитъ на очень низкой степени развитія, и при этомъ большинство не пользуется особенно хорошою репутаціею, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли различныя отношенія съ турками. Отсюда проистекаетъ то, что болгары относятся безъ особеннаго почтенія къ своему духовенству, хотя среди его, конечно, есть люди, глубоко преданные интересамъ своей родины.

Трудно, конечно, сказать, насколько справедливымъ было во всемъ, что говорилось о гражданскомъ управленіи. Вѣрно только то, что его судили, въ большинствѣ случаевъ, не по дѣламъ его, а по словамъ. Иначе, впрочемъ, едва ли и могло быть, потому что настоящей дѣятельности его еще не было и не могло быть. Были единичные факты проявленія этой дѣятельности, но эти единичные факты далеко не всегда заслуживали одобренія. Непопулярность его, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что болгары опасались, чтобы оно изъ временнаго не превратилось въ постоянное, а опасались они потому, что въ дѣйствительности желали имѣть свое собственное управленіе, желали и надѣялись достигнуть самостоятельнаго существованія. Но это желаніе вовсе не стояло въ противорѣчіи съ ихъ искреннею вполнѣ привязанностью къ Россіи.

Въ этой привязанности, въ этой любви къ русскимъ нельзя было мнѣ не убѣдиться во время поѣздки отъ Тырнова до Каваника.

Оставивъ Травну, мы послѣ довольно тяжелаго перехода, вознаграждаемаго, впрочемъ, на всемъ пути необыкновенною яркостью величественныхъ картинъ Балканскихъ горъ, сдѣлали привалъ въ небольшой чисто-болгарской деревнѣ Станче-Ханъ. Въ этой деревушкѣ не видѣли еще до насъ ни одного русскаго офицера, ни одного солдата, и потому жители стали разсматривать насъ съ особенно великимъ любопытствомъ. Они кланялись, улыбались, гурьбой проводили насъ до маленькаго домика, гдѣ помѣщалась школа, отданная на ночь въ наше распоряженіе. Черезъ переводчика они стали допрашивать насъ, откуда мы пришли, куда направляемся, гдѣ стоятъ русскія войска, много ли ихъ, и, въ свою очередь, передали, что въ нѣсколькихъ верстахъ, въ семи или девяти, есть банни-бузуи, но что къ нимъ пока не приходили, ихъ не трогали.

— Вотъ, пожалуй, узнаютъ, что вы сегодня пришли къ намъ, такъ, чего добраго, сдѣлаютъ ночью набѣгъ!

На встрѣчу къ намъ вышелъ священникъ, старецъ лѣтъ 80, съ длинною бѣлою бородою, съ давно потухшими глазами. По

внѣшнему его виду, онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ болгаръ, развѣ только бѣдностью своего одѣянія. Эта бѣдность невольно говорила о жалкомъ положеніи православнаго духовенства, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто не держалъ руки турокъ. Съ этимъ старцемъ мы могли объясняться по-русски, но немного можно было вынести изъ разговора съ нимъ. По своему развитію онъ не стоялъ выше всѣхъ остальныхъ своихъ односельчанъ. Онъ пригласилъ насъ отслушать молебень, и мы отправились въ церковь, которая стояла тутъ же, воцѣпъ школы. Нужно было сказать, что это—церковь, чтобы догадаться о томъ, такъ какъ ничто во внѣшнемъ видѣ не подсказывало, что это былъ православный храмъ. Небольшой сарай съ плоскою крышею, безъ креста, не говоря уже о колокольнѣ. Колокольни нигдѣ не допускались, звонъ колоколовъ не раздавался въ Болгаріи до самаго вступленія нашего въ этотъ несчастный край. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Тырново, гдѣ населеніе по преимуществу болгарское, и тамъ впервые раздался колокольный звонъ послѣ занятія его нашими войсками. Но въ этой деревушкѣ турки не дозволяли даже выставить креста надъ этимъ жалкимъ сарайчикомъ, откуда неслась къ небу молитва презрѣнныхъ глауровъ, несмотря на то, что тутъ не было даже ни единого турецкаго дома. Внутреннее убранство церкви отвѣчало вполнѣ внѣшнему виду, оно было по-истинѣ нищенское. Небольшой иконостасъ изъ бѣлаго простого дерева съ двумя бѣдными, ничѣмъ не украшенными образами. На царскихъ вратахъ должно быть была когда-нибудь рѣдкая позолота, но она вся обвалилась, и отъ нея остались только едва видимые слѣды. Ни въ одной самой бѣдной русской деревнѣ никто не встрѣчалъ, конечно, никогда такой бѣдной, заброшенной церкви. Двѣ-три восковые свѣчи передъ образами освѣщали своимъ слабымъ свѣтомъ этотъ скромный, точно покинутый христіанскій уголокъ. Съ нами вошло еще нѣсколько челоувѣкъ болгаръ, и священникъ своимъ слабымъ, едва слышимымъ старческимъ голосомъ сталъ служить молебень. Риза на немъ была поношенная, вся истертая, и еле-еле держалась на его плечахъ. Не было пѣвчихъ, не было дѣяча, и какъ-то глухо, замолительно раздавался дряхлый голосъ старца среди четырехъ голыхъ стѣнъ этого запретнаго храма. Трудно передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ эта нищенская церковь, едва освѣщенная двумя-тремя мерцающими огоньками, безсильными разсѣять наступившій мракъ, эта заброшенность, подсказывавшая, что имя Христа со страхомъ произносится среди этихъ людей, эта непривычная для глаза бѣдность одѣянія, видимо забытаго, слу-

жителя церкви. Жутко дѣлалось на сердцѣ, и не смиреніе, а злобу вызывала эта скрывающаяся отъ людского взора молитва, злобу и ненависть противъ тѣхъ, кто угнетаетъ свободу совѣсти народа, кто похищаетъ у людей право свободно исповѣдывать свои убѣжденія, свои вѣрованія и даже право свободно молиться своему Богу.

Какъ-то заунывно раздавалась здѣсь молитва о русскомъ воинствѣ, и какъ-то живѣе, судорожнѣе чувствовалась здѣсь боль за тѣ обильныя жертвы, которыя пали и должны будутъ пасть еще и еще, за ту дорогую кровь, которая пролилась уже изъ груди русскаго народа.

Слабый, едва внятный голосъ старца продолжалъ раздаваться. Онъ молился о здравіи живыхъ, и даже о здравіи давно отошедшихъ въ вѣчность; видно было, что жизнь давно здѣсь застыла, и давно уже не проникала сюда никакая газета. Отъ насъ впервые узналъ болгарскій священникъ о смерти покойнаго наслѣдника, и когда ему сказали о томъ, онъ взглянулъ только своими потухшими глазами, точно удивленный, ни слова не отвѣтилъ и вычеркнулъ осторожно это имя изъ своей книжки.

Не въ веселомъ настроеніи всѣ мы вышли изъ церкви. Невольную жалость, состраданіе вызывали болгары. Когда мы вернулись къ нашему домику, болгары, человѣкъ двадцать, суетились около стола, приготовляя намъ ужинъ. Навѣрно они зарѣзали для насъ самаго жирнаго барана. Зарѣзанный баранъ свидѣтельствовалъ объ ихъ радости видѣть среди себя первыхъ русскихъ.

— Чего добраго, и баши-бузуки захотятъ на насъ пострѣлы! — сказалъ кто-то.

Какъ ни мало было къ тому оснований, но опытные военные люди приняли мѣры предосторожности. Поставили на ночь въ деревнѣ двухъ-трехъ болгаръ съ ружьями, да казаки по-очереди должны были стоять на часахъ.

— Да прогоните вы часовыхъ, отпустите спать болгаръ, — заговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы всѣ, сколько насъ было, размѣстились на ночь на полу въ маленькой комнатѣ болгарской школы.

— А вы поручитесь, что въ цѣлой деревнѣ не спускалось никого, кто бы сбѣгалъ за нѣскольکو верстъ и не предупредилъ турокъ о нашемъ прибытіи? — отвѣчалъ самый опытный изъ нашей компаніи. — Я вамъ совѣтую лучше, господа, положить револьверы около себя, на войнѣ вѣдь все случается.

И начались рассказы о различныхъ случаяхъ неожиданныхъ нападеній.

— Полноте, господа, страсти-то рассказывать! стануть башибузуи изъ-за насъ себя безповинны ночью!

Рассказы не унимались.

— Господа! кто помнить, какъ въ дѣтскіе годы старуха няня рассказывала на ночь страшныя сказки?

Всѣ разсмѣялись и умоляли. Часовые напрасно простояли на часахъ до разсвѣта. Башибузуи озадались въ этотъ разъ схожими съ сказочными разбойниками, которые никогда не тревожатъ безмятежнаго сна.

Рано утромъ тронулись мы далѣе. Путь предстоялъ тяжелый. Нужно было переваливать черезъ Балканы. Мы рѣшились спуститься въ долину Розъ не черезъ Шиббу, не черезъ ханъ-кіойскій проходъ, а черезъ травнянскій и сельчанскій, гдѣ не проходили еще русскія войска. Мнѣ живо рисуются тѣ сверхъестественныя усилія, тѣ страданія, тѣ мучы, которыя должны были испытать наши войска, переходя черезъ Балканы потомъ въ зимнюю пору, сопровождаемую на вершинахъ горъ страшными морозами, невыносимыми вьюгами и метелями! Нужно было обладать гигантскою бодростью, быть воодушевленнымъ по-истинѣ геройскимъ духомъ, чтобы совершить то, что въ послѣднее время совершенно русскою арміею. Если лѣтомъ, въ то время, когда стояла прекрасная погода, когда солнце палило своими лучами, переходъ черезъ Балканы сопряженъ съ такими трудностями, какія намъ пришлось испытать, то что же должно быть зимою, во время стужи, гололедицы и урагановъ? Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ при одной мысли, какія терзанія должны были перенести люди, да еще безъ хорошихъ сапоговъ, безъ теплаго платья, совершая этотъ геройскій переходъ черезъ Балканы.

Большую часть дороги приходилось не то идти, не то ползти, лошади еле-еле шли за нами, на каждомъ шагу отступаясь, сдвигаясь, выбиваясь изъ силъ. Крутизна ужасная, почва каменистая, и мѣстами до того скользкая, что не знаешь, какъ и ступить. Такъ и казалось въ горькую минуту, что вотъ-вотъ потеряешь равновѣсіе, ноги подвоятся и стремглавъ покатились внизъ. Часовъ шесть продолжался этотъ тяжелый путь, пока мы не спустились съ страшной крутизны, пока мы не вошли въ великолѣпное ущелье, среди котораго пріютилась довольно большая болгарская деревня Сельцы.

Трудно подыскать слова, которыми бы можно было передать ту радость, которая охватила жителей этой деревни, когда они увидѣли небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пятнадцати человѣкъ. Это была самая искренняя, неподдѣльная радость, ка-

кую мнѣ только тогда-либо удавалось видѣть. Я невольно подумалъ о томъ упрекѣ, который такъ часто слышался въ Болгаріи: «стоило намъ изъ-за братушекъ начинать войну, когда они относятся къ намъ такъ недружелюбно!» Вся эта деревня, имѣвшая отъ 55 до 60 домовъ или кнѣтъ, высыпала намъ на встрѣчу. Десятки рукъ протягивались къ намъ, многіе бросались къ нашимъ лошадямъ, хватали платья, руки и цѣловали ихъ. Точно подлѣ конвоемъ всего населенія деревни мы направились, по указанію болгаръ, на какую-то лужайку. Въ одну минуту они натаскали сюда ковровъ, подушекъ и подлѣ тѣнью вѣкового, орѣхового дерева устроили намъ мѣсто для отдохновенія. Никогда, я думаю, никому не задавали они еще такого пириества, какъ намъ. Сто человекъ, не ѣвшихъ нѣсколько дней, могли бы насытиться! Въ избытѣ радости они принесли чуть не цѣлаго жаренаго барана, куръ, супъ съ цыплятами, какую-то болгарскую кану съ медомъ, нѣсколько кувшиновъ вина, словомъ—каждый несъ, что у него только было, и всѣ мы невольно вспомнили Демьянову уху. Густою толпою окружили они насъ и радостно шептались. Женщины засыпали насъ цвѣтами; не знали болгары, чтѣ бы придумать, чтобы доказать намъ свою радость. Горько разобидѣлись они, когда мы хотѣли заплатить имъ за обѣдъ.

«Вы пришли насъ избавить отъ вѣкового врага,—говорили они,—и не хотите позволить намъ хоть накормить васъ!»

Какихъ только пожеланій не дѣлали намъ, когда мы сѣли на коней, чтобы продолжать нашъ путь до Казанлыка. Всячески сначала уговаривали они остановиться у нихъ, не ѣхать дальше, говоря, что выѣзжать подлѣ-вечеръ не безопасно, что по дорогѣ могутъ встрѣтиться бани-бузуки, и лучше переждать до утра. Три-четыре человека изъ деревни отправились провожать насъ, чтобы указывать дорогу, хотя два другіе, сопровождавшіе насъ до деревни Сельцы, не рѣшились ѣхать дальше, опасаясь сдѣлаться жертвами бани-бузуковъ.

На пути отъ деревни Сельцы до Казанлыка лежало нѣсколько турецкихъ деревень. Наши болгарскіе проводники не переставали убѣждать насъ, что лучше сдѣлать нѣсколько лишнѣхъ верстъ, но объѣхать эти деревни, чѣмъ повстрѣчаться съ оставшимися въ своихъ деревняхъ турками. Совѣтъ ихъ не былъ принятъ во вниманіе, такъ-какъ всѣ раздѣляли, и исполнѣ основательно, убѣжденіе, что если турки ужъ остались, то они не рѣшатся сдѣлать что-либо въ родѣ нападенія.

— Да развѣ турокъ много, чего вы боитесь? — спрашивали болгаръ.

— Больше, чѣмъ насъ, — отвѣчали они.

— Да вѣдь у нихъ оружіе отобрано; они поворились; значитъ, это мирные турки!

— Они мирные, — возражали проводники, не хотѣвшіе проходить мимо турокъ, — только до тѣхъ поръ, пока они боятся! А оружіе у нихъ есть! Они сдаютъ только старое оружіе, нигда негодное, а хорошее припрятываютъ!

Въ послѣднихъ словахъ заключалась правда. Сколько разъ случалось у турокъ отбирать оружіе; они сами несутъ его и складываютъ.

— У васъ нѣтъ больше ружей?

— Мы всѣ отдали; у насъ ничего не осталось.

Смотришь, черезъ нѣсколько дней они начинаютъ рѣзню, являются ружья, револьверы, ятаганы — все это такъ хорошо припрятано до поры-до-времени, что, несмотря на обыски, ничего нельзя было открыть.

Болгары имѣли, впрочемъ, основаніе не попадаться на глаза туркамъ. Послѣдніе слѣдили тщательно за тѣми изъ болгаръ, которые являлись проводниками или оказывали русскимъ какія-нибудь другія услуги, и ужъ эти болгары, при первомъ оборотѣ счастья на сторону турокъ, конечно, не могли избѣжать самаго лютаго истребленія.

Медленно двигались мы впередъ. Съ горной высоты мы еще издалека увидѣли двѣ деревни, какъ намъ сказали, турецкія; но, нѣсколько приблизившись, мы могли уже отличить, что деревни были сожжены, дома стояли разрушенныя, и среди развалинъ, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дымившихся, уцѣлѣло нѣсколько домовъ.

— Кто сожгъ эти деревни? — спрашивали мы у болгаръ.

— Сами турки, какъ всегда, — отвѣчали болгары.

Иной разъ, впрочемъ, являлась варіація въ отвѣтъ, говорили, что сожгли русскіе. Подчасъ оно дѣйствительно такъ и бывало, но въ большинствѣ случаевъ деревни жгли сами болгары, и никогда почти они не хотѣли въ томъ сознаться, точно опасаясь чего-то. Я уже упоминалъ, что ставить болгарамъ въ упрекъ эти пожары, разрушенія, — едва ли было бы справедливо. Въ темпераментѣ народа нельзя не удѣлить извѣстнаго мѣста и чувству мести, особенно когда эта месть является такою законною, какъ здѣсь.

Казалось бы, что въ этихъ сожженныхъ и опустошенныхъ

деревенных не могло быть турокъ, — гдѣ имъ тутъ жить! — но, въ дѣйствительности, когда мы подѣхали, — увидѣли довольно много турокъ, бродящихъ среди развалинъ. Надъ деревней развивался бѣлый флагъ, какъ эмблема того, что деревня покорилась, и что въ ней живутъ только мирные турки. Это были турки, бѣжавшіе при приближеніи русскихъ, но затѣмъ, по занятіи Казанлыка, Эски-Загры и Лени-Загры, возвратившіеся на свои пепелища и испросившіе себѣ у казанлыкескаго коменданта билеты на свободное прожительство въ своихъ деревняхъ. Нужно сказать, что русскія власти, несмотря на то, что въ занятой мѣстности мы были окружены врагами, не только не препятствовали туркамъ оставаться на своихъ мѣстахъ, но всячески этому содѣйствовали, общая покровительствомъ противъ какой-либо вспышки болгарской ненависти.

— Затѣмъ удерживаютъ турокъ, — говорили болгары, пусть бы они уходили, а то они будутъ намъ мстить.

Но русскія власти хотѣли выказать свою гуманность въ отношеніи турокъ, и нельзя не сказать, что это желаніе быть гуманнымъ, заслуживающее само по себѣ полного одобренія, иногда шло слишкомъ далеко и становилось источникомъ страшныхъ бѣдствій для болгаръ. Дѣло въ томъ, что даже оставшіеся или возвратившіеся въ свои жилища турки вовсе не были склонны платить намъ тою же монетою. «Мирные» турки, всячески показывавшіе намъ свою покорность, обнаруживавшіе, поведимому, такую кротость и отсутствіе вражды, — какъ только наши войска покидали ту или другую мѣстность, тотчасъ изъ «мирныхъ» превращались въ звѣрей, и вымещали чудовищными неистовствами надъ болгарами свою временную покорность и кротость. Достаточно было дошедшаго до нихъ извѣстія, что русскіе потерпѣли гдѣ-нибудь поражение, что турецкія войска приближаются къ нимъ, чтобы тонъ немедленно измѣнился, и чтобы ихъ обхожденіе получило характеръ чего-то вызывающаго.

— Если бы туркамъ не предоставляли спокойно жить въ занятыхъ вашими войсками мѣстахъ, то нашихъ не погибло бы столько, — говорили болгары: — наши дѣти тогда не тонули бы въ крови!

Въ не-гуманное само-по-себѣ дѣло, какъ война, трудно внести начала гуманности, особенно въ войнѣ съ фанатизированными турками, неостанавливавшимися ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Послѣдовать ихъ примѣру мы, разумѣется, не могли: нужно было только принимать большія мѣры предосторожности противъ расходившейся ярости турокъ. Впрочемъ, ужъ если грѣ-

пить, то лучше грѣшить въ избытѣ гуманности, нежели въ презрѣніи къ ней. Гуманность въ отношеніи турокъ заставляла только желать, чтобы то же гуманное отношеніе было усвоено нами и во всѣхъ нашихъ собственныхъ, общественныхъ дѣлахъ. А то, чего добраго, насъ кольнуть русской же пословицей: «въ людяхъ ангель—не жена, дома....»

Подѣхавъ въ турецкой деревнѣ, мы увидѣли какого-то турка, стоявшаго въ сторонѣ; мы кликнули ему, чтобы онъ подошелъ къ намъ, но турокъ бросился безъ оглядки бѣжать въ сторону. Другіе же турки, замѣтивъ насъ, собрались въ кучку и вышли на дорогу. Прежде, чѣмъ мы обратились къ нимъ съ какимъ-нибудь вопросомъ, они вытаскивали бѣлыя бумажки и стали показывать намъ. Это были разрѣшенія казанскаго коменданта безпрепятственно проживать имъ въ этихъ деревняхъ. Видъ этихъ турокъ былъ довольно сумрачный, и видимо они не желали отвѣчать намъ на вопросы.

— Въ Казаньѣ есть русскія войска?

— Не знаемъ!

— А по-сосѣдству нѣтъ турокъ? башни-бузуковъ?

— Не знаемъ!

Одинъ только отвѣтъ мы и слышали отъ нихъ: «не знаемъ». Какъ они здѣсь жили, среди развалинъ и опустошенной мѣстности, — одному Богу извѣстно. Но что они вернулись въ надеждѣ, что мы вынуждены будемъ скоро оставить эту мѣстность, и что и для нихъ наступитъ праздникъ, — въ этомъ трудно было сомнѣваться. Въ ихъ обращеніи была гордость, какая-то самоувѣренность, ихъ взглядъ говорилъ недоброе. Быть можетъ, въ это время они уже знали то, что было неизвѣстно намъ, это — о наступательномъ движеніи Сулеймана-пашы съ огромными силами противъ небольшого отряда изъ нѣсколькихъ тысячъ генерала Гурко, столь блистательно — что бы ни говорили — совершившаго нашъ первый переходъ черезъ Балканы: не вина, конечно, этого отряда и его начальника, что имъ не дали или не могли дать своевременно надлежащихъ подкрѣпленій. Наши проводники-болгары торопили насъ скорѣе отбѣжать подальше отъ этой турецкой деревни. Кто не знаетъ, что у страха глаза велики: манушанные болгары опасались, что турки помилуютъ насъ въ-тылъ нѣсколько пулъ на память свиданія съ ними. «Мирные» турки — нужно отдать имъ эту справедливость — имѣли не-разъ случай доказывать, что на ихъ покорность нельзя особенно полагаться. Они умѣли устраивать засады и въ полѣ, и въ домахъ. Ъдетъ кто-

нибудь себѣ тихо среди «мирныхъ» турокъ, — вдругъ выстрѣлъ, и сѣдокъ сваливается съ коня, пораженный на-смерть.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы пробирались въ Казанлыку по долинѣ Розъ. Никто, впрочемъ, изъ насъ не могъ получить понятія о той красотѣ, которая доставила этой мѣстности такое поэтическое прозвище. Ни одной розы мы не видѣли на пути: онѣ давно уже отцвѣли, и палающее солнце выжгло даже всю зелень.

Въ Казанлыкѣ мы надѣялись настигнуть отрядъ генерала Гурко, но надежды эти не сбылись. Мы пріѣхали въ Казанлыкъ поздно вечеромъ, а рано утромъ въ тотъ самый день генералъ Гурко оставилъ этотъ городъ. Изъ тѣхъ болгарскихъ городовъ, въ которыхъ мнѣ привелось быть, Казанлыку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. Я не скажу, разумѣется, чтобы онъ походилъ на городъ европейскій, но онъ отличался отъ другихъ восточныхъ городовъ своею опрятностью, чистотою. Христіанская часть города съ открытыми домами, съ окнами на улицу, рѣзко отдѣлялась отъ мусульманской его части, съ домами, окруженными высокими каменными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимались высокія деревья. Богатый болгаринъ, въ домъ котораго мы остановились, принялъ насъ съ сдержанною любезностью. Всѣ мы пріѣхали въ Казанлыкъ съ самыми розовыми надеждами, и потому насъ невольно поразили характеръ его разсужденій о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Да, да, конечно, вы зашли далеко и скоро, но что будетъ еще впередъ! Я опасаясь, — говорилъ онъ, хотя въ голосѣ его и не слышалось ни опасенія, ни участія къ русскимъ: — чтобы вамъ не пришлось вернуться обратно.

Мы недоумѣвали, спрашивали его, но хитрый болгаринъ, изъ чорбаджей, отдѣливался самыми общими фразами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ болгаръ, которые жили въ большой дружбѣ съ турками и, получая удовлетвореніе въ своихъ личныхъ выгодахъ, нисколько не скорбѣли о бѣдственномъ и униженномъ состояніи болгарскаго народа. На нашихъ глазахъ онъ постоянно имѣлъ сношенія съ турками, по нѣскольку разъ въ день къ нему приходили и турецкій кадій, т.-е. судья, и другія лица, заведомо стоявшія на сторонѣ турокъ. На другой день намъ объяснился его загадочный вечерній разговоръ. Въ Казанлыкѣ войскъ болѣе не было, всѣ ушли, оставалась только одна сотня казаковъ. Ночью еще распространился слухъ, что генералъ Гурко потерпѣлъ пораженіе, и что нѣсколько тысячъ башки-бузуковъ съ небольшимъ отрядомъ регулярныхъ войскъ идутъ изъ Карлова на

Казань. Чуть-свѣтъ насъ разбудили этимъ неожиданнымъ печальнымъ извѣстіемъ. Городъ, жители имѣли унылый, сумрачный видъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, что зовется паникой, и никогда эта тяжелая картина не изгладится изъ моей памяти. Паника охватила всѣхъ жителей; не было болгарина, который не поддался бы ея гнету. Пропала улыбка, пропала радость, исчезли куда-то шапки съ крестами, — на улицахъ на взрослыхъ и мальчуганахъ показались фески, у всѣхъ на лицѣ было написано одно только чувство — страхъ. Болгары не кланялись намъ больше съ обычнымъ радушіемъ, на улицахъ не раздавались слова: «здравствуй, братушка!» — все стихло, притаялось, — у многихъ въ глазахъ уже можно было прочесть какъ-бы упрекъ: «что теперь будетъ съ нами?» Турки заперлись въ своихъ домахъ, не показывались больше на улицахъ, и всѣ чувствовали, что тамъ, за этими стѣнами, они ведутъ оживленную радостную бесѣду и каждую минуту надѣются услышать шумное приближеніе тѣхъ, кто освободитъ ихъ отъ власти ненавистнаго врага и снова принизитъ поднявшійся было духъ ихъ евковыхъ рабовъ — болгаръ. Многія лавки закрылись, ставни домовъ захлопнулись, люди ходили растерянные, мужчины, женщины, дѣти — все было въ отвратительной власти испуга! Точно свинцовая доска придавила весь городъ.

— Что дѣлать? что предпринять? — вотъ вопросъ, которымъ задавались немногіе русскіе, оставшіеся въ Казань. Положеніе коменданта Казань было невеселое, можно было потерять энергію, но онъ не падалъ духомъ и старался успокоивать отчаявшихся болгаръ.

— Пошлите скорѣе на Шипку, дайте знать начальнику болгарской дружины: онъ, быть можетъ, спустится оттуда съ нѣсколькими орудіями, — говорили ему мои спутники, гвардейскіе офицеры.

Послали на Шипку, но когда оттуда придетъ отвѣтъ — и придетъ ли? — а между тѣмъ волненіе въ городѣ все усиливается. Что тутъ дѣлать? И страшное дѣло! когда паника охватываетъ городъ, никто какъ-бы не задается вопросомъ: «да откуда явился такой слухъ, правда ли все это? можетъ быть, въ дѣйствительности ничего особенно дурного и не случилось?» Во время войны нѣтъ, кажется, хуже зла, какъ появленіе тревожнаго слуха, быстро разнесеннаго летящею молвою. Не разъ во время настоящей войны онъ вызывалъ отвратительную панику. Кто доставилъ извѣстіе, что башни-бузукки идутъ изъ Карлова на Казань? кто сообщилъ о пораженіи передоваго отряда? — никто не

знаеть, а между тѣмъ всё вѣрятъ, всё считаютъ, благодаря охватившей городъ паникѣ, эти извѣстія несомнѣнными.

Комендантъ отправилъ двухъ-трехъ казаковъ охотниковъ въ передовой отрядъ, чтобы узнать что-либо вѣрное, но казаки не возвращались, точно пропали. А между тѣмъ населеніе нужно какъ-нибудь успокоить, нужно на что-нибудь рѣшиться, нужно принять какія-нибудь мѣры на случай приближенія турокъ. Оставлять городъ, уйти на Шинку, никому не приходило даже въ голову: каждый понималъ, что отъѣздъ въ такую минуту хотя бы одного русскаго только усилилъ бы панику и вызвалъ бы бѣгство всего болгарскаго населенія, бѣгства, сопряженнаго съ страшными жертвами.

— Что же, какъ намъ быть? на что мы рѣшима? — спрашивали всё другъ друга на импровизованномъ военномъ совѣтѣ.

— Надо защищаться, принять мѣры въ сопротивленію, удержатъ турокъ хоть на нѣсколько часовъ, пока не подойдетъ помощь съ Шинки или не отступить въ Казанлыку передовой отрядъ.

Но какъ защищать Казанлыкъ, когда всё наши военные силы въ эту минуту ограничивались сотнею казаковъ!

Какъ можно было оставить Казанлыкъ безъ прикрытія!

Но объ этомъ поздно было разсуждать. Рѣшеніе защищать Казанлыкъ было принято и тотчасъ приступлено къ организаціи обороны. Собрали болгаръ; тѣмъ, у кого не было оружія, его выдали; ихъ повели на большое поле на окраинѣ Казанлыка, впереди монастыря, и на этомъ полѣ закипѣла работа. Стали немедленно рыть ложементы, дѣлать вездѣ окопы, всё засуетились; гвардейскіе офицеры, пріѣхавшіе служить по гражданскому управленію, вновь попали въ свою колею: распоряжались, указывали мѣста, гдѣ нужно копать землю, и черезъ нѣсколько часовъ открытое поле было превращено — такъ или иначе — въ укрѣпленное мѣсто. Болгары, укрѣпляя земляными работами Казанлыкъ, какъ-то пріободрились. Рѣшеніе защищаться подѣйствовало на нихъ какъ нельзя лучше: лица нѣсколько просіяли, и когда къ вечеру работы были приведены къ концу, во всѣхъ ложементахъ были поставлены вооруженные болгары, городъ не имѣлъ уже такого встревоженнаго вида: паника ослабла, пробудилась энергія, твердость. Подойди турки, — Казанлыкъ не былъ бы занятъ ими безъ боя.

Ночь прѣшла благополучно, а на утро было получено радостное извѣстіе, что передовой отрядъ не только не разбитъ, но что генералъ Гурко нанесъ пораженіе туркамъ при Лени-Загрѣ, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ. Въ то же

время сдѣлалось извѣстнымъ, что слухъ о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ башки-бузуковъ былъ ложный, и что, такимъ образомъ, ничто не угрожаетъ болѣе Казаннику. Городъ моментально получилъ другой видъ, болгары опять сдѣлались веселы, привѣтливы, скрылись фески, появились опять шапки съ крестами, слова болгары радужно кланялись русскимъ, «мирные» турки показались на улицахъ съ скромнымъ, покорнымъ видомъ. Исчезла свинцовая давившая доска, опять просвѣтлѣло небо. Въ этотъ день Казанникъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Вчера война тѣснила насъ со всѣхъ сторонъ, сегодня, казалось, она за тридцать земель!

Одинъ такой день, какъ тотъ, который мы провели въ Казанникѣ, среди всеобщей тревоги и паники, долженъ былъ бы, казалось, говорить о несвоевременности введенія гражданского управленія, предполагающаго извѣстную прочность порядка. Но мало ли что можетъ назаться. Инструкціи должны были исполняться въ точности, гражданское управленіе должно было вводиться. Опять собраніе въ конакѣ, но только болѣе многочисленное, болѣе торжественное. Тотчасъ по занятіи Казанника было сдѣлано распоряженіе объ избраніи совѣта изъ всѣхъ сословій, какъ изъ болгаръ, такъ равно и изъ турокъ. Большая комната, съ турецкими диванами вдоль всѣхъ стѣнъ, была наполнена представителями болгаръ и турокъ. Тѣ и другіе сидѣли рядомъ, безъ видимыхъ признаковъ вражды, и только на нѣкоторыхъ лицахъ турецкихъ представителей можно было прочесть злобу и ненависть. Эта злоба и ненависть не была ложнымъ впечатлѣніемъ извѣстнымъ образомъ настроеннаго воображенія, нѣтъ, она существовала въ дѣйствительности, да и могло ли быть иначе. Правда, нѣкоторые турки умѣли отлично скрывать ее, но за то другіе не настолько владѣли собою. Мнѣ долго будетъ памятно выраженіе лица одного изъ турецкихъ представителей въ эфемерномъ совѣтѣ Казанника. Во все время онъ не произнесъ ни единого слова, онъ сидѣлъ сумрачно, опустивъ глаза, но когда поднималъ ихъ, то во взглядѣ его было столько сдержанной злобы, бѣшенства, негодованія, что можно было только удивляться, какъ онъ рѣшился присутствовать въ этомъ собраніи и выслушивать приказанія ненавистныхъ для него побѣдителей. Когда я смотрѣлъ на него, для меня какъ-то понятнѣе становились тѣ страшныя, звѣрскія сцены, которыя такъ часто обливали кровью Болгарію. Это былъ кадій. За то нѣкоторые другіе турки имѣли довольно спокойный и добродушный видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенные достоинства.

Въ этомъ собраніи происходило то же, что и на всѣхъ другихъ. Было объявлено, что «навсегда» уничтожаются бедель, «навсегда» отменяется сборъ десятины, наконецъ, было сдѣлано внушеніе или, вѣрнѣе, увѣщаніе, чтобы болгары и турки жили между собою дружно, не обижая другъ друга, что «навсегда» должна исчезнуть всякая распря и что съ этой минуты наступать для всѣхъ жителей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, спокоевіе и миръ. Кланялись болгары, прикладывали руки къ своей груди турки, въ знакъ признательности, но, впрочемъ, не всѣ. Суровый еадій оставался неподвижнымъ. Наконецъ, имъ было объявлено, что отнынѣ «навсегда» устанавливается свобода вѣроисповѣданій, что магометанская религія будетъ пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и христіанская, что какъ мечеть, такъ и православный храмъ будутъ одинаково стоять подъ охраною закона. Болгары, повидимому, искренно радовались, слушая все, что имъ говорилось, они забыли о только-что пережитой паникѣ, и не подозрѣвали, несчастные, что торжественное слово «навсегда» означало въ то время не болѣе, какъ «на двадцать четыре часа». Несчастные не догадывались, что выражать свою радость на глазахъ турокъ значило совершать преступленіе, которое они должны были искупить такъ скоро не только своею кровью, но и кровью своихъ женъ, дѣтей, всѣхъ имъ близкихъ. Хорошо, что будущее закрыто отъ людей, а то жутко было бы намъ всѣмъ смотрѣть на ихъ «преступную» радость.

Окончилось собраніе. Шумная толпа довольныхъ и счастливыхъ болгаръ обружала насъ, когда мы увидѣли двухъ протискивающихся впередъ болгаръ; они отыскивали въ конахъ коменданта.

— Что вамъ нужно? — спросилъ ихъ черезъ переводчика комендантъ.

— Мы пришли просить оружія, — отвѣчали болгары, видимо крайне возбужденные, — мы хотимъ защищаться сами отъ турокъ, которые угрожаютъ нашей деревнѣ.

Эти два болгарина прибѣжали изъ какой-то деревни по близости къ Казанлыку; они явились отъ имени всѣхъ жителей, не желавшихъ бѣжать передъ турками, а сопротивляться, бороться, отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое достоинствіе, свою жизнь.

Мнѣ часто приходилось слышать жалобы на болгарское малодушіе, на ихъ трусость, на неспособность самимъ отстаивать свою независимость, свою свободу, свое право на существованіе. Эти два болгарина какъ-бы давали отвѣтъ на эти жалобы. Какъ защищаться безъ оружія, а между тѣмъ его-то и не было, да и не могло быть, такъ какъ ничто не навлекало на населеніе та-

ныхъ свирѣпыхъ преслѣдованій турокъ, какъ появленіе оружія у того или другого болгарина.

Мы вышли изъ конака, сдѣлавъ визитъ плѣнному найманому или начальнику уѣзда, бичу болгарскаго вассаленія, отличившемуся, какъ передавали, страшнымъ зѣвствомъ во время рѣни въ Батакѣ. Болгары, естественно, ненавидѣли его, какъ только могли, и зорко стерегли своего врага, притворявшагося маслѣд-шимъ. Мы посѣтили также «мирныхъ» турокъ, пригласившихъ насъ посмотреть на ихъ жизнь, на ихъ дома. Они приняли насъ съ своимъ обычнымъ гостепріимствомъ. «Гость» для турокъ—это нѣчто священное, пусть то будетъ даже самый злѣйшій ихъ врагъ.

— Ну, что,—спрашивали мы у нихъ:—когда русскіе вступили въ Казанлыкъ,—болгары не начали васъ грабить?

— Были такіе случаи, но не много, — говорили турки, и, повидному, въ словахъ ихъ не было никакого раздраженія. Точно забыта была вѣковая вражда.

Но не прошло и двухъ сутокъ; какъ турки доказали, что эта вражда не можетъ быть забыта, и что болгары и турки не могутъ жить подъ однимъ и тѣмъ же небомъ.

Но что было въ Казанлыкѣ черезъ два дня, объ этомъ будетъ идти рѣчь въ слѣдующей главѣ; теперь же все представлялось умиротвореннымъ, и казалось, что никогда болѣе Казанлыкъ не будетъ переживать тяжелыхъ, страшныхъ дней.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ мы оставляли Казанлыкъ. Мои спутники возвращались обратно въ Тырново черезъ Шипку и Габрово, а же рѣшился съ ними расстаться и применить къ двумъ-тремъ офицерамъ, въ тотъ же день отправлявшимся въ Эски-Загру, гдѣ они надѣялись встрѣтить отрядъ генерала Гурее.

. Дѣла наши шли, повидному, такъ успѣшно, что черезъ десять дней, много двѣ недѣли, мы рассчитывали быть уже въ Адрианополѣ, но... прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, и какихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ русскія войска вступили въ этотъ городъ! Ожидая быть скоро свидѣтелемъ нашего торжества, а долженъ былъ—это происходило въ концѣ іюля—сдѣлаться свидѣтелемъ нашего отступленія и всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми отзывалось оно на судьбѣ десятковъ тысячъ болгарскаго народа. Вмѣсто Адрианополя, мнѣ пришлось еще разъ увидѣть Казанлыкъ, но—увы!—уже обогранный болгарскою кровью.

Евг. Утинъ.

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА

THE SKELETON IN THE HOUSE.

П О В Ъ С Т Ь.

O k o n c h a n i e.

V *).

Докторъ, обратившись къ Анкенъ съ вопросомъ, вовсе не любопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло; ему было ясно главное, а именно, что не въ мамашѣ дѣло. Очевидно, старая Ульценъ выболтала тайну; другъ его Лебрехтъ, значить, не напрасно боялся, ничего не преувеличивалъ: жена его негодуетъ теперь на оскорбленіе, нанесенное знатнымъ предкамъ ее матери, урожденной фонъ-Клюнгель-Пютцъ, которую злополучный случай, — если только то былъ случай! — привелъ теперь сюда совершать позоръ дочери. Повидимому, ее встревожило также и то, что онъ, старый знакомый, многолѣтній другъ дома, занялся въ немъ такъ нехотати. Впрочемъ, оно понятно. Докторъ является теперь лишнимъ свидѣтелемъ безобразія! И вотъ, она, вѣроятно, намѣрена излить свое сердце, исполненное стыда и негодованія хоть передъ другомъ, такъ какъ не осмѣливается сдѣлать этого передъ мужемъ, или, быть можетъ, не считаетъ стоящимъ вниманія выказывать свое пренебреженіе презираемому человѣку: вѣдь во всю предыдущую сцену она держала себя съ образцовымъ спокойствіемъ и сдержанностью! Но пусть, пусть-на попробуетъ сдѣ-

*) См. выше: янв., 312 стр.

питья съ нимъ, съ докторомъ! Онъ умѣетъ изгонять бѣсовъ, а въ особенности бѣса высокомерія. Она узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло!

Въ то время, какъ докторъ съ каждымъ шагомъ, который онъ дѣлалъ по комнатѣ, забирался все далѣе и далѣе по тому ложному пути, на который его натолкнуло дружеское рвеніе и странная увѣренность въ непогрѣшимости своей наблюдательности, у бѣдной Анхенъ давно уже пропало мужество отчаянія, съ какимъ она удержала его. Что она надѣялась? Чего она хотѣла? Открыть мрачному, угрюмому человѣку муку, испытанная ею съ тѣхъ поръ, какъ она переступила за порогъ этого дома, что ея сердце не въ силахъ больше выносить страха, мучительнаго страха и страшной мысли, заронившейся въ ея душу... Она не думала... нѣтъ! нѣтъ! Она не вѣрила этой мысли, она отгоняла ее, какъ спящій старается прогнать кошмаръ, когда онъ давить во снѣ! Все это тоже не болѣе какъ ужасный сонъ, отъ котораго она проснется, если только соберетъ всѣ свои силы, и призоветъ къ себѣ на помощь! Помогите! помогите!

Но крикъ замеръ на ея дрожащихъ губахъ; вмѣсто того, кто то сказалъ... можетъ быть, то была она сама, хотя она и не узнала собственного голоса, и онъ показался ей чѣмъ-то постороннимъ голосомъ и какъ будто донесся съ конца комнаты:

— Я хочу переговорить съ вами не о мамашѣ, а о Лебрехтѣ... онъ такой странный... такой унылый... все это послѣднее время... и сегодня вечеромъ... и во время долгого путешествія сюда... и теперь еще... мои родители... мой добрый, старый панъ... онъ всегда съ такой охотой говорилъ объ этомъ... съ такой охотой... они такъ часто шутили надъ этимъ... почему... почему...

Чужой голосъ былъ заглушенъ рыданіемъ, но это рыданіе исходило изъ ея груди, и то ея слезы впитались межъ пальцевъ, которые она прижала къ глазамъ, бросаясь въ кресло.

Докторъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на фигуру, сжавшуюся въ креслѣ. Неужели она въ самомъ дѣлѣ ничего не знаетъ? Дрожащее почему, дважды повторенное, совсѣмъ не звучитъ такъ, какъ если бы она знала въ чемъ дѣло и досадовала на мужа. Можетъ быть, у молодой женщины разстроились нервы отъ утомительнаго пути? Можетъ быть, ее смущаетъ, тревожитъ только странное поведеніе Лебрехта? Не желаетъ ли она, чтобы онъ объяснилъ ей то, о чемъ Ульценъ умолчала? чтобы онъ...

Но такъ какъ онъ, повидимому, уже ошибся разъ, то теперь хотѣлъ дѣйствовать навѣрняка. Онъ сказалъ:

— Почему Лебрехтъ отказалъ вамъ въ такой, необходимомъ, ничтожной любви, какъ вынуть зубокъ изъ швава? Вы это желаете знать?

Она кивнула головой:

— Да, да! и это также?

— И это также? Следовательно, и еще что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала испуганная Анхенъ, судорожно сжимая пальцы и уставивъ ошолобѣнные глаза на доктора.

Не сказать ли ей въ чемъ дѣло? Случай представлялся благопріятный: она, кажется, въ мягкомъ настроеніи, расстроена, боится можетъ быть, что Лебрехтъ станетъ срывать свое непонятное для нея неудовольствіе также и на ея родителей; что родители, въ ихъ удивленію и страху, найдутъ, что медовый мѣсяцъ уже омрачился таинственными тучами, а онъ можетъ сказать ей: вотъ въ чемъ дѣло! теперь же бѣги на-встрѣчу твоему Лебрехту, когда онъ вернется, и шепни ему съ поцѣлуемъ на ухо: — я все знаю! И ты увидишь, какъ въ одно мгновеніе она станетъ прежнимъ Лебрехтомъ!

Нѣтъ! онъ не можетъ ей этого сказать! Если Лебрехтъ ухитрился запутаться въ этихъ сѣтяхъ, какъ неразумный левъ, то пусть самъ пытается порвать свои узъ; неужели спасеніе должно придти отъ услужливой миши. Это было бы плохой дружеской услугою! Любовь многое прощаетъ: но она не прощаетъ трусости. И воспоминаніе о трусости мужа никогда не изгладится изъ памяти молодой красавицы, если онъ лишитъ Лебрехта возможности собственной ногой раздавить подлаго червяка.

Но онъ можетъ сдѣлать слѣдующее: показать ей подлаго червяка, какимъ онъ представлялся въ глазахъ Лебрехта: ужаснымъ дракономъ! онъ можетъ попытаться поставить ее на точку зрѣнія Лебрехта; внушить ей должное впечатленіе въ чудовищу! Это онъ можетъ сдѣлать... и попытается сдѣлать это.

Онъ снова положилъ пшеницу и трость на столъ, усадивъ на-противъ Анхенъ на низенькомъ креслѣ, и сказалъ, медленно глядя острыми колѣни ладонями и глядя сверху внизъ на встревоженную Анхенъ:

— Не знаю, извѣстно ли вамъ изъ англійскихъ романовъ... изданія Таухница, — одно выраженіе, которое не то, чтобы очень часто, но и вѣрѣно попадаетъ, особенно у Теккерея... мимоходомъ сказать, онъ тоже одинъ изъ моихъ святыхъ: «The skeleton in the house» — скелетъ въ домѣ?

Анхенъ вадрогнула, но чудакъ разсѣялся при этомъ ужас-

новый вопросъ. Какъ могъ бы онъ смѣяться, если бы все это не было одной изъ его страннѣйшхъ шутокъ? Она отвѣчала наудачу:

— Мнѣ помнится, я читала это выраженіе, но живая не могла хорошенько взять его въ толкъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, — сказать докторъ, смѣясь еще рѣшительнѣе: — какой-нибудь смыслъ долженъ связываться съ этимъ словомъ; но прежде всего последуемъ совѣту Мафистофеля и «остановимся на словѣ». Сказать, сударыня, сказать... это звучитъ странно въ ушахъ непосвященнаго человѣка. Это вполнѣ естественно: скелетомъ называется то, что остается отъ человѣка, когда прекрасное, цвѣтущее тѣло снова обратится въ прахъ: вонецъ мѣсяца, такъ сказать; и «если мѣсяца звучитъ не особенно пріятно», то о концѣ все-таки ничего неизвѣстно, и когда гениальный молодой вутла пьетъ шампанское изъ человѣческаго черепа, то въ сущности это только придаетъ лишнюю пикантность напитку! Не правда-ли?

— Можетъ быть, — прошептала Анкенъ.

— Вѣрно, говорю вамъ. Да и вообще дѣло такъ просто, что доступно даже дѣтскому пониманію: не смерть нигдѣ и никогда не бываетъ желаннымъ гостемъ, а потому не особенно-то любить и ее ослабленную эмблему; если же мы найдемъ ее тамъ, гдѣ ей быть надлежитъ, то не находимъ въ томъ ничего особеннаго, и въ крайнемъ случаѣ, если вы Гамлетъ и вамъ попадется въ руки черепъ Йорика, то самое большое, что вы изречете нѣсколько меланхолическихъ, сильно дискредитирующихъ цѣну жизни, но вообще комористическихъ словъ. — Но представьте себѣ, сударыня, что остроумный принцъ остался бы въ живыхъ, сдѣлался королемъ и сталъ бы вдвое остроумнѣе; не повода-ли бы его юморъ всякій разъ, какъ ему приходится бы проходить по одной лѣстницѣ въ замкѣ, несмотря на то, что нѣкій болливый, старшій господинъ давно уже успокоился на кладбищѣ? Сказать на кладбищѣ, сударыня, такая же немилая вещь, какъ и крыса въ погребѣ или какъ шнага въ помнати; но сказать подъ лѣстницей... это, скажу вамъ, все-равно, что крыса за обоями: вытаскивай шнагу изъ помнати и рави вискорѣй! Вы понимаете меня, сударыня?

— Конечно, конечно, — пробормотала бѣдная Анкенъ.

— Да и какъ не понять! У васъ, женщины, такъ тонко развито чувство гармоніи: нелепо привозитъ бантъ, ленточка, цвѣтъ которой не подходитъ къ вашему платью, — одинъ эти мелочи уже могутъ привести васъ въ отчаяніе; а тутъ, шутка! скелетъ подъ лѣстницей, fi, donc! И еще другое обстоятельство

навёрное не ускользнуло от вашей провицательности, а именно: что страшнаго предмета въ вышеупомянутомъ случаѣ вовсе не существовало, и спѣшу прибавить, что нѣтъ никакой надобности, чтобы онъ существовалъ, если только онъ уже былъ тамъ однажды; мало того, иду далѣе: онъ можетъ быть совсѣмъ неосязимый объектъ, какъ, напримѣръ, какая-нибудь математическая точка, которой не видалъ еще ни одинъ человѣческій глазъ и вокругъ которой весь свѣтъ вертится. Вы не математикъ, сударыня. Нѣтъ? Все-равно, мы занимаемся здѣсь не математикой, но моралю, эстетикой—если хотите, въ которой женщины насъ всегда перещегоаютъ, подобно тому, какъ и въ нашемъ случаѣ онѣ играютъ важную роль. Не упускайте изъ виду, сударыня, только одного пункта, того пункта, которому намъ стоитъ придать только одинъ эпитетъ, чтобы тотчасъ же подобрать наилучшій переводъ къ англійскому выраженію.

Докторъ снялъ очки и принялся протирать стекла желтымъ полковымъ носовымъ платкомъ. Это было бы большимъ облегченіемъ для бѣдной Анхень, тѣмъ болѣе, что страшному человѣку пришлось снять руки съ колѣнъ, если бы только онъ не походилъ на помѣшаннаго, съ своими остоленбѣлыми, сѣро-зелеными глазами, съ красными вѣками. Уже не помѣшанный ли передъ нею, въ самомъ дѣлѣ, и изрекаетъ свои глупости только затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе себя слушать? Былъ ли во всей этой велѣщѣ какой-нибудь страшный смыслъ, котораго онъ не хотѣлъ прямо высказать и котораго она донскивалась? Ей хотѣлось крикнуть ему: «да говори же, въ чемъ дѣло?» но ей точно заперли ротъ на замокъ,—и вотъ страшный человѣкъ снова надѣлъ очки на ястребинный носъ; ладони снова заёрзали по острымъ колѣнямъ и на губахъ заиграла непокорная усмѣшка, и онъ продолжалъ говорить съ той же изумительной торопливостью; одно слово погоняло другое, и казалось, что онъ не даетъ даже себѣ времени перерести духъ.

— Но наилучшій переводъ, сударыня, рѣдко когда вполне передаетъ подлинникъ: онъ выражаетъ то слишкомъ много, то слишкомъ мало: въ данномъ случаѣ слишкомъ много. Нашъ любезный, метафорическій скелетъ все еще остается темнымъ пунктомъ; но отнюдь не всякій темный пунктъ есть скелетъ. Темная точка найдется въ каждомъ индивидуальномъ существованіи; мало того: индивидуумъ можетъ даже быть веселъ, если темныхъ точекъ у него не много, и я знавалъ людей, которые были татуированы, точно любой новозеландскій военачальникъ; не существуетъ также ни одной семьи, гдѣ бы не существовало своей

темной точки: сынъ, выдающій веселя, дочка, събжавшая съ учителемъ музыки—и мало ли чего не бываетъ; но все это относится къ настоящему скелету, какъ острыя болѣзни къ хроническимъ недугамъ. Скелеть, сударыня, есть ироническій, консервативный недугъ; болѣе того: это исключительно аристократическій недугъ. Чтобы вполне созрѣть, ему недостаточно одной человеческой жизни; ему нужно, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько поколѣній, поколѣній съ историческими традиціями, сударыня. Можемъ ли мы послѣ того удивляться, что недугъ впервые наблюдается, изученъ, классифицированъ и окрещенъ въ Англіи: въ Англіи, странѣ наслѣдственной мудрости и традиціонной глупости, наслѣдственныхъ добродѣтелей и наслѣдственныхъ пороковъ, старинныхъ, источенныхъ червами родословныхъ и старинныхъ, изгрызенныхъ крысами домовъ? Можемъ ли мы удивляться, что въ Англіи сдѣлали интересное открытіе: что всякому скелету нуженъ старый домъ, или, наоборотъ, что во всякомъ старомъ домѣ есть свой скелеть?

Докторъ, говоря эти послѣднія слова, такъ сдвинулъ очки съ носа, что личико Анхенъ вынырнуло изъ-подъ ихъ краевъ. Личико это было блѣдно,—быть можетъ, немного блѣднѣе, чѣмъ прежде, но, какъ ему показалось, не отъ страха и даже не отъ напряженнаго ожиданія. «Постой, я усилю свои заклинанія», подумалъ докторъ и продолжалъ:

— Существуетъ страшная легенда, сударыня, что были такіе времена, когда вторую половину нашего тезиса люди понимали буквально и замуровывали въ фундаментъ дома, которому желали долголѣтія, невиннаго младенца. Но хотя я считаю всякіе ужасы возможными въ жестокіе и глупые средніе вѣка, однако, въ чести человечества, хочу думать, что этого никогда не происходило въ дѣйствительности, и что мы имѣемъ тутъ дѣло съ образчикомъ народной поэзіи, которая зачастую придумывала символическое выраженіе для наблюдаемаго явленія. Наблюдаемое же явленіе говорило, что рѣдко или почти никогда не бывало, чтобы домъ доживалъ до старости или—что въ нашемъ смыслѣ равнозначуще—становился богатъ и могущественъ, если не находилось существа, которое бы приносило ему въ жертву свою невинность или, выражаясь логичнѣе, принималъ на себя какую-нибудь вину,—быть можетъ, не считая этого виной! Честный рыцарь, которому на голову обрушивалась его хижина, считалъ вполне естественнымъ осѣдлать своего коня и рысать въ кустахъ, воялъ большой дороги, до тѣхъ поръ, пока не награбитъ столько денегъ, сколько нужно, чтобы построить рейнский, графъ-

снй замоу въ славу Божию. Достойный камергеръ, который могъ угодить своему молодому, пылкому повелителю лишь цѣною своей фамиліи чести, совершалъ это, конечно, лишь *in usum delphini*, т.-е. къ выцшему благополучію своихъ внуковъ, чтобы имъ жилось лучше на свѣтѣ, нежели ихъ дѣдушнѣ...

— Но милые внуки, сударыня, были ли они благодарны, какъ слѣдуетъ, дѣдушнѣ за жертву, которую онъ имъ принесъ? Разумѣется: они выстроили часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ рыскалъ ихъ дѣдушка въ кустахъ, но только слабонервные люди не могутъ вѣнчаться или крестить дѣтей въ этой часовнѣ безъ того, чтобы имъ не пришло на умъ, что подъ плитами, на которыхъ они стоятъ на колѣняхъ, лежитъ скелетъ дома. Быть можетъ, также портреты Агамемнона, принесшаго дочь въ жертву, изъять изъ портретной галлерей предковъ, потому что исторія слишкомъ щекотлива, но тѣмъ не менѣе, всякій разъ, какъ въ старой загѣ даютъ балъ, свозъ завываніе скрипокъ и ропотъ контрабаса, ясно слышится, какъ стучать восты скелета, который замурованъ въ стѣнѣ, подъ толстыми, золотыми, парчевыми обоями. Вы смотрите на часы, сударыня: теперь немного больше четверти десятого, а Лебрехтъ только-что выѣзжаетъ изъ-подъ воротъ—въ узкомъ переулкѣ экипажъ всегда такъ ужасно гремитъ—право, Лебрехту слѣдовало бы мавадамизировать переулокъ;—вы видите, у насъ пропасть времени, и мнѣ хотѣлось бы показать вамъ еще нѣсколько экземпляровъ изъ моего собранія скелетовъ, которые, быть можетъ, наинтереснѣйшіе, хотя и не сравнятся съ первыми по романтическому ужасу, но за то въ нихъ нѣтъ недостатка въ юмористическихъ чертахъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующій случай: вотъ большой-большой торговый домъ, который ведетъ торговля сношенія со всѣми странами міра, корабли котораго плаваютъ по всѣмъ морямъ, который считаетъ только на тысячи, и вотъ этотъ большой-большой домъ хранить въ одномъ изъ своихъ флигелей... Вы думаете: у купеческаго дома не можетъ быть никакого скелета? Прошу извинить: это совершенно ложный взглядъ, который я прощаю родовой аристократіи, и который я, быть можетъ, подкрѣпилъ своимъ одностороннимъ изображеніемъ дѣла. Подумайте только о царственныхъ средневѣковыхъ купцахъ, о Фулерахъ, о Вельзерахъ и другихъ, которые, по-истинѣ, ни въ чемъ не уступали въ своихъ дворцахъ дворянскимъ коршунамъ въ ихъ разбойничьихъ замкахъ. Да и нѣтъ нужды, чтобы такой старинный домъ былъ непременно дворцомъ; достаточно, если онъ давно уже существуетъ и обитается все одной и той же фамиліей, фамиліей врачей, сважемъ мы, чтобы привести при-

нѣтъ изъ моей профессіи. Уже мой дѣдъ былъ врачомъ, отецъ — само собой разумѣется — и сынъ тоже врачъ. Но прадѣдъ, выстроившій большой домъ, былъ по ремеслу цирюльникомъ, и такъ какъ онъ выстроилъ свой домъ благодаря своей бритвѣ, то не только завѣщалъ, чтобы эта бритва красовалась на вѣнчѣ-вѣнчѣ въ видѣ герба на самомъ видномъ мѣстѣ передняго фасада, но и заказалъ, чтобы не смѣли закрывать самую цирюльню, а, напротивъ того, удерживали ее до скончанія вѣка, и завѣщалъ своимъ потомкамъ и наследникамъ, — подѣ страхомъ потери всего состоянія, и будь они тысячу разъ доктора медицины и сами Эскулапы въ лицахъ, содержать цирюльню отъ своего имени и даже учиться въ ней ремеслу цирюльнича, хотя бы только въ теченіи мѣсяца. Представьте себѣ, сударыня, какъ долженъ чувствовать себя человѣкъ, специалистъ своего дѣла, голова котораго наполнена мировыми идеями, и въ гербѣ котораго красуется бритва... та самая бритва, изъ-за которой ему пришлось выслушать не мало колесостей въ своей жизни, которая положительно лишила его доступа въ нѣкоторые корпораціи, куда влекло его честолюбіе, поселившееся въ его душѣ, вообще мужественной и откровенной, а въ недо-вѣрія и даже трусости?

Впервые докторъ умолялъ на нѣкоторое время, онъ даже пересталъ терять свои погѣни и устоялся на Анхентъ, вытянувъ длинную шею и дожидаясь отвѣта или хоть какого-нибудь замѣчанія, которое бы доказало, что она поняла его, что она чувствуетъ, куда онъ мѣлитъ.

— Извините, — пролепетала Анхентъ: — но я должна на минуту оставить васъ.

Докторъ почувствовалъ себя какъ человѣкъ, натолкнувшійся на запертую дверь тамъ, гдѣ ожидалъ найти отпертую. Онъ, хотѣвшій, чтобы молодая женщина поняла всѣ его намеки, его рискованныя уподобленія, его головоломныя фантазіи... онъ не понималъ, что она врядъ ли даже слышала его послѣднія слова, и ужъ навѣрное не поняла ихъ; что въ эту минуту она испытывала только одно желаніе: выдти изъ такого положенія, котораго, она чувствовала, не въ силахъ долѣе выносить. Въ его глазахъ она была избалованной дамой, гордой принцессой, которая, вопреки всему, продолжала ѣхать въ своей побѣдной колесницѣ и не можетъ даже представить себѣ ухабовъ, на которыхъ ломаютъ себѣ шею остальные простые смертные, пѣшеша бредущіе по избитой тропѣ.

И вмѣстѣ съ этой мыслью, пронесшейся какъ молнія въ его головѣ, горячая кровь прилила въ его мозгъ, затѣмъ откланялся

отъ мозга къ сердцу, и онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ пылкой ненависти къ этому молодому, прекрасному, гордому созданию, явившемуся сюда лишь затѣмъ, чтобы навѣки лишить его возлюбленнаго Лебрехта мира и покоя и поселить гибель и несчастіе на вѣки-вѣчные въ этомъ старомъ, потѣнномъ домѣ. Не высказать ли ей это?

Еще немного—и горячій человѣкъ исполнилъ бы свое намѣреніе. И усиліе, которое онъ долженъ былъ употребить надъ самимъ собой, чтобы не наговорить лишняго, привело такое же дѣйствіе на его настроеніе, какъ испоры, вонзаемые всадникомъ въ бока коня, несущагося черезъ рвы и изгороди.

— Пойдите, сударыня, только одну минуту, дайте мнѣ только высказать, какую роль играютъ милыя дамы въ этой патологической домашняго скелета. Итакъ, узнайте, сударыня, что онѣ... героини съ бархатными, неввинными газельими глазами и бѣлыми, изящными ручками, унизанными перстнями, слишкомъ часто, почти всегда бываютъ причиной, вызывающей страданіе на свѣтъ Божій, что онѣ усиливаютъ и обостряютъ страданіе, что онѣ дѣлаютъ нестерпимымъ то, что можно было бы еще кое-какъ выносить,—потому что для первоначальнаго владѣльца скелета все же оруженъ ореоломъ прошлаго, которое всегда бываетъ свято для людей, и зачастую скелетъ такъ срастается съ нимъ, онъ такъ привыкаетъ къ нему, какъ Филоклетъ къ своей ранѣ. Вот! — Но вотъ является въ домъ молодая женщина! Она посторонняя и не знаетъ, какимъ образомъ скелетъ сросся съ нашей плотью и кровью. Она находитъ только, что это ужасная и потѣшная вещь,—тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ потѣшнѣе. Она не питаетъ никакого уваженія къ скелету... она только стыдится его. —И это, сударыня, еще наилучшій исходъ и благо тому молодому человѣку, который еще до свадьбы находитъ въ себѣ мужество сказать: «подъ нашей лѣстницей, въ стѣнѣ нашего дома лежитъ нашъ фамиліальный скелетъ, ну, а затѣмъ хочешь: выходи за меня замужъ, не хочешь—нѣтъ».

— Менѣе честенъ, но все еще достаточно разуменъ хитрый Рауль Синяя-Борода, который съумѣетъ объявить про скелетъ въ медовый мѣсяцъ, такъ себѣ еп раззавант. Хотя это и бесполезно, но онъ все же предупреждаетъ прекрасную Филлисъ, когда она станетъ женой Синей-Бороды, не совать своего любовника въ страхомъ смерти, въ покой, находящійся въ башнѣ, и къ которому ведетъ вотъ этотъ золотой, нѣтъ золота вышней пробы, ключъ! Потому что, видите ли, сударыня, если молодая дама не послушается и будетъ такъ долго играть съ во-

лотымъ ключикомъ, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день дверь не растворится, то она начнетъ оплакивать страшную картину, представившуюся ей взорамъ, и отравлять жизнь милому мужу!.. Ну да вѣдь Синія-Борода изучалъ Гегеля и знаетъ, что наказаніе есть право неправо и пр. и... отсѣчетъ хорошенькую, неосторожную голову. — Но, сударыня, въ тысячу, въ десять тысячъ разъ хуже, всего хуже тотъ случай, когда добрая Филлисъ ничего не знаетъ, ничего не подозреваетъ, потому что у ней нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, нѣтъ ушей, чтобы слышать, и пристасть къ милому муженьку, чтобы онъ показалъ ей серебряный сервизъ, знаменитый серебряный сервизъ, запертый въ стѣнномъ шкафѣ, отъ котораго потеряны ключи. И муженёкъ, который совершенно вѣрно говоритъ себѣ, что дѣло все-таки всплыветъ, наконецъ, наружу, отпираетъ, наконецъ, шкафъ, и что-жъ! фамильные драгоценности тамъ, и блестать, и сверкать, но на драгоценностяхъ воцѣляется скелетъ и скалить зубы: «мое почтеніе! очень радъ тебя видѣть! ты и я — мы составляемъ одно цѣлое, потому что вѣдь ты знаешь, что ты взяла меня вмѣстѣ съ стариннымъ домомъ».

И въ то время, какъ докторъ, вскочивъ съ мѣста, прокричалъ это самыми непріятными голосовыми нотами, вытянувъ впередъ худую руку, страшный порывъ вѣтра налетѣлъ на домъ и потрясъ его до самаго основанія. Вѣтеръ, должно быть, напелъ скважину въ оконной рамѣ, сильно трещавшей, потому что въ комнатѣ раздавался пронзительный, жалобный вой и сквозь него послышался крикъ...

Анхенъ испустила этотъ крикъ: она стояла — какъ изображеніе ужаса — съ дрожащими, блѣдными губами и, ломая руки передъ докторомъ, спросила:

— Ради самого неба! чтó въ шкафу?

— Какъ чтó, — отвѣчалъ докторъ: — я уже имѣлъ честь доложить вамъ, знаменитый кубокъ и пр., а также и скелетъ!

Онъ отвѣсилъ одинъ изъ своихъ забавнѣйшихъ поклоновъ и пошелъ къ двери за шляпой и тростью, какъ вдругъ дрожащая рука схватила его за руку:

— Я... я... фрау Ульценъ, говорила передъ тѣмъ... и ваши послѣднія слова... что онъ долженъ мнѣ все сказать... что... не замѣняешь ли тутъ Гансъ Флиндербушъ?

Докторъ провелъ ладонью по лбу. Чтó онъ надѣлалъ? Возможность, мало того, вѣроятность, что Ульценъ наболтаетъ съ три короба — это обстоятельство, на которое онъ самъ передъ тѣмъ указывалъ Лебрехту — совсѣмъ вылетѣло у него изъ головы, точно будто его и не существовало! Развѣ тайна уже обнаружена? Не-

возможно; она бы иначе сдѣлала свой вопросъ, не съ такимъ страхомъ. Небу извѣстно, какихъ ужасовъ наговорила ей старая болтушка! Чтѣмъ благоразумнѣе: объяснить ей въ чемъ дѣло? или лучше оставить ее еще нѣкоторое время въ неизвѣстности, которая окружала побѣгъ Ганса? И даже, если можно, еще усилить эту неизвѣстность, такъ чтобы открытіе настоящей тайны показалось ей послѣ этого настоящимъ солнечнымъ лучомъ?

— Да, да,—отвѣчалъ онъ,—Гансъ Флидербушъ, сумасбродный мальчишка—такъ какъ вы уже про него знаете—надѣлалъ намъ много хлопотъ и еще, вѣроятно, надѣлаетъ. Хотя онъ врядъ ли сломалъ себѣ шею, но утопленникъ тотъ же мертвецъ. Если только эта кошма, этотъ мальчишка... кошки не такъ-то легко тонуть. Но намъ приходится выжидать, выжидать!

Тутъ докторъ для разнообразія и такъ какъ не могъ достать колбѣтъ, погладилъ длинный, худой подбородокъ, длинными, худыми пальцами.

— Значить, не Гансъ Флидербушъ... скелетъ?

— Я еще не видѣлъ его въ этомъ видѣ... но... чего нѣтъ, то еще можетъ быть; я вамъ уже говорилъ: для настоящаго скелета нужно время, много времени.

— Что же это такое?

— Видите, сударыня, если бы я могъ или хотѣлъ вамъ это сказать, то давно бы сдѣлалъ это. У врача, знаете ли, должны быть на этотъ счетъ самые рѣшительные принципы. Я никогда не вмѣшиваюсь въ семейныя дѣла, а изъ моихъ разглагольствованій одно должно быть ясно, что скелетъ принадлежитъ къ числу интимнѣйшихъ семейныхъ дѣлъ. При этомъ вы и Лебрехтъ попали въ самое худшее, самое щекотливое положеніе, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ, вслѣдствіе вмѣшательства третьяго лица. Я ни за что не хочу быть этимъ третьимъ лицомъ. Лебрехтъ самъ познакомитъ васъ со своимъ скелетомъ. До сихъ поръ у него не доставало для этого ключа отъ стараго шкафа и мужества. Будемъ надѣяться, что онъ найдетъ вмѣстѣ и ключъ и мужество...

— Я... ключъ у меня.

— У васъ?.. ключъ у васъ? и вы это говорите только теперь? Вы не говорили объ этомъ Лебрехту? А Лебрехтъ скрываетъ отъ васъ, какъ тайну то, къ чему у васъ давно есть ключъ... Честное слово, вотъ самая забавная исторія изъ всѣхъ, какія только я знавалъ въ жизни!

И докторъ засмѣялся, громко засмѣялся, но только смѣхъ

его больше походило на крикъ стараго нѣтуха, нежели на человѣческій смѣхъ.

Кровь залила полнѣе щеки Анкенъ до самыхъ висковъ, и, опустивъ длинныя рѣсницы на плачущія щеки, она проговорила слабымъ, дрожащимъ голосомъ, которому ей не съ разу удалось придать твердость:

— Я знаю, что это очень дурно съ моей стороны; но я хотѣла попутить... божусь вамъ. Въ Веронѣ... кажется, это было въ Веронѣ... передъ отъѣздомъ... Лебрехтъ куда-то ушелъ... я хотѣла вынуть изъ его сундука путеводитель, котораго мы никакъ не могли найти, и я думала, что его сунули въ сундукъ. Я никакъ не могла его найти; вынула, наконецъ, всё вещи и на днѣ сундука... нашла ключъ, завернутый въ носовой платокъ. Клянусь вамъ: я хотѣла попутить... я хотѣла его спросить... такъ, при случаѣ, спросить...

— Не ключъ ли это отъ его сердца?—договорилъ докторъ, съ участіемъ глядя въ прекрасное, молодое, пристыженное личио.

— Да... да...

— И чтобы онъ на будущее время лучше берегъ его?

— Да... да...

— Видите: я кое-что смыслю въ сердечныхъ дѣлахъ! но продолжайте и сидьте: сидя лучше говорится.

Онъ предложилъ руку молодой женщины, довелъ ее въ креслу у камина и сѣлъ на свое старое мѣсто, напротивъ ея. Голосъ его не звучалъ больше насмѣшливой, какъ до сихъ поръ; выраженіе лица не было больше саркастическимъ, и руки спокойно лежали на колѣняхъ.

— Вы хотѣли отдать ему ключъ тотчасъ по пріѣздѣ сюда?

— Да, да... и для этого положила его въ мой ручной сакъ-вожъ, чтобы онъ былъ у меня подъ руками, а потомъ совсѣмъ забыла про него... я все это время была... поведение Лебрехта такъ тревожило меня... онъ былъ зачастую такъ мраченъ, разсѣянъ... я думала, что онъ...

Двѣ крупныхъ слезы скатились съ темныхъ рѣсницъ.

— Что онъ не любитъ васъ, такъ какъ бы вамъ этого хотѣлось... какъ вы этого заслуживаете?

Докторъ взялъ руку Анкенъ и пожалъ ее.

— Я такъ мучилась, — говорила Анкенъ, со слезами:—я все спрашивала себя: что я сдѣлала такого, чтобы потерять его любовь? Нѣтъ, нѣтъ... онъ любитъ меня, не правда ли? онъ любитъ меня? но онъ не былъ счастливъ... и я... я сдѣлала его

несчастливы! Еще раньше, когда я сидѣла у камина тамъ, наверху, пока Ульценъ не приходила... я обо всемъ опять передумала, и у меня въ умѣ вертѣлась все одна и та же страшная мысль, что я не могу сдѣлать его счастливымъ, не могу! А тутъ пришла фрау Ульценъ и принялась говорить безъ умолку... я почти не слушала ее, пока она... сама не знаю, какъ это случилось... не начала рассказывать про вечеръ, передъ отъѣдомъ Лебрехта; какъ она изъ духни....

— Слышала споръ и такъ далѣе; могу себѣ представить, какъ она все это разуверила. И тутъ вы и вспомнили про ключъ?

— Она такъ много говорила про шкафъ и....

— Про нехѣпости, которыя болтаютъ люди. Надѣюсь, что вы этому не вѣрите?

— Нѣтъ, но я нашла все это такимъ ужаснымъ, такимъ отвратительнымъ, и удивлялась, что Лебрехтъ ничего не рассказывалъ мнѣ; конечно, изъ боязни меня встревожить; но лучше было бы, если бы онъ мнѣ рассказалъ. Я хотѣла порадоваться тому, что знаю теперь причину его унынія, но никакъ не могла радоваться; сердце у меня ныло, сама не знаю почему. Я взяла ключъ, чтобы отдать его Лебрехту.... Ульценъ сказала, что онъ потерялъ ключъ отъ стѣнного шкафа, и я была убѣждена, что это тотъ самый ключъ. Потомъ я вошла сюда изъ той комнаты... вонъ въ ту дверь... Докторъ, пожалуйста меня: чтѣ долженъ сказать мнѣ Лебрехтъ? чтѣ такое спрятано въ этомъ шкафѣ?

Она встала съ кресла, сложивъ руки на груди, и съ мольбой устремивъ на него большіе, темные, полные слезъ, глаза. Къ страстному сердцу этого человѣка прилила жаркая кровь. Она была такъ прекрасна, такъ волшебна-прекрасна, какъ тѣ видѣнія, которыя представлялись его опьяненнымъ взорамъ въ ночные часы, когда муза тихо прикасалась къ его сильно-бьющимся вискамъ! Вотъ и повторилось буквально то, чтѣ онъ говорилъ Лебрехту часъ тому назадъ: въ своей сердечной тоскѣ она обратится къ другимъ мужчинамъ! Долженъ ли онъ допустить гибель этого глупца? Долженъ ли онъ?...

Онъ прохаживался медленными шагами по помнатѣ и, наконецъ, подошелъ къ ней.

— Видите ли, я бы далъ отрѣзать себѣ этотъ палецъ... нѣтъ, я этого не могу сдѣлать ради интересовъ моей профессіи... но я бы далъ много, очень много, за то, чтобы Лебрехтъ былъ разумникомъ № 1 изъ моего давешняго повѣствованія и своевременно отерпылъ бы вамъ тайну. Я боюсь, что время упущено. Но какъ

бы то ни было, онъ и онъ одинъ долженъ вамъ ее отыскать. Я не смѣю этого сдѣлать. Вы слишкомъ умны для того, чтобы разыгрывать неблагодарную роль любопытной жены Рауля Сней-Бороды. Что касается самаго скелета, то онъ принадлежитъ, по своей ничтожности, къ самой послѣдней категоріи. Относительно же глупаго мальчишки, Ганса....

— Меня озабочиваетъ только то, что его касается,—перебила Анхенъ послѣшно и тревожно. — Если вы можете меня увѣрить, что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго... люди болтаютъ такія странныя вещи....

— Пустое, сударыня, пустое!

— Но ужасно, что они смѣютъ болтать! и могутъ болтать до тѣхъ поръ, пока молодой человѣкъ скрывается неизвѣстно гдѣ. О, Боже мой, ну, вдругъ онъ не вернется! Ну, вдругъ онъ умеръ! Ужасное это обстоятельство никогда не выяснится, страшное подозрѣніе... его смѣютъ подозрѣвать! Я узнала это изъ бестолковыхъ рѣчей экономки....

— Глупая старуха!

— А когда вы заговорили про Франка... вѣдь вы это сдѣлали не безъ намѣренія... вы хотѣли предостеречь Лебрехта....

— Помилуйте! предостеречь! но отъ чего же?

— Отъ возней этого человѣка, котораго... я смертельно оскорбила, который повліялся отмстить мнѣ и Лебрехту... и который отмститъ, когда представится случай, какъ только сумѣетъ.

— Этого я не зналъ,—сказалъ докторъ,—но это объясняетъ мнѣ многое... многое. Въ чемъ дѣло, скажите мнѣ, если можно? или нѣтъ, оставимъ это, я вижу, что это вамъ непріятно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала Анхенъ,—вы должны все знать; я, быть можетъ, была слишкомъ рѣзка, но этотъ противный человѣкъ... они всѣ такъ враждебно относились къ Лебрехту... мой кузенъ Артуръ, и другіе, и г. фонъ-Франкъ... а Лебрехтъ... онъ не обращалъ на это никакого вниманія... онъ слишкомъ гордъ; но я видѣла, что онъ замѣтилъ, какъ они позволяютъ себѣ смѣяться за его спиной... надъ его именемъ, которое, конечно, не красиво... и я каждую минуту боялась, какъ-бы не вышло исторіи... потому-что онъ очень вспыльчивъ... и я знала, что существуетъ стихотвореніе, написанное фонъ-Франкомъ... Одна пріятельница....

— Ну, ужъ разумѣется,—замѣтилъ докторъ.

— Отвратительное и оканчивавшееся въ подражаніе Гейнсовою Лорелей: «Das hat Herr Lebrecht Nudel, der König von Woldom gethan»... Я была вѣ себя... и воспользовалась первымъ случаемъ... на пароходѣ... я подошла къ нему и сказала:

— Ну, что-жъ дажѣ, я вранѣе поздравляю его.

— Я сказала: пасквилянтовъ слѣдуетъ остерегаться, но и пасквилянты тоже должны держать ухо востро... у королей руки длинныя...

— Великолепно! ну, а что отвѣтилъ на это пасквилянтъ?

— Я не дала ему времени отвѣчать мнѣ. Но отъ той же пріятельницы я узнала, что онъ поклялся страшной клятвой отмстить мнѣ за это, и вотъ теперь нужно же на бѣду, чтобы онъ находился тутъ... въ настоящую минуту... когда мои бѣдные родители... когда мой бѣдный папѣ... если онъ объ этомъ узнаетъ... а злой человѣкъ непремѣнно сообщитъ ему... папѣ будетъ очень огорченъ, что Лебрехтъ не хочетъ отпереть шкафа... не согласится ли онъ отпереть его, если я скажу ему, что ключъ у меня? не согласится ли?

Докторъ потерялъ свои колѣни.

— Это хитрый вопросъ, — отвѣтилъ онъ: — Лебрехтъ уже вѣроятно предупредилъ вашего отца, что сегодня нельзя будетъ выпить изъ королевскаго кубка; онъ можетъ смутиться, если ему скажутъ про ключъ, а я не хотѣлъ бы увеличивать его смущенія, которое и безъ того очень велико. Вы тоже, сударыня, изъ опасеній, которыя я вполне понимаю, пропустили удобную минуту. Пусть лучше ключъ считается потеряннымъ, потому-что вообще, по моему глубокому убѣжденію, во всемъ этомъ роковомъ дѣлѣ онъ играетъ лишь символическую роль. Настоящій ключъ совсѣмъ иной, и я надѣюсь, что Лебрехтъ отыщетъ его рано или поздно, но для истинной любви, которая все терпитъ, все прощаетъ... не слишкомъ поздно. Ключъ при васъ?

— Да, — отвѣчала Анхенъ, колеблясь.

— Знаете, что я вамъ предложу: отдайте его мнѣ!

— Вотъ онъ.

Анхенъ вынула изъ кармана ключъ, завернутый въ платокъ. Докторъ, которому нуженъ былъ только ключъ, развернулъ платокъ и собирался передать его Анхенъ, какъ вдругъ поспѣшно отвелъ назадъ протянутую руку и торопливо сунулъ платокъ, вмѣстѣ съ ключемъ, въ боковой карманъ своего сюртука.

— Это кровь?

Анхенъ проговорила такъ тихо, что казалось диковиннымъ, какъ это докторъ услышалъ ея слова; и быть можетъ въ самомъ дѣлѣ онъ скорѣе прочиталъ этотъ вопросъ на блѣдныхъ, дрожащихъ губахъ, потому-что въ его собственной душѣ откликнулся въ эту минуту тотъ же вопросъ.

— Это можетъ показать только химическій анализъ, — отвѣчалъ онъ, застегивая сюртукъ и вставая съ мѣста.

— Это кровь! — проговорила Анхенъ и словно подкошенная, опустилась на стулъ.

Докторъ съ состраданіемъ поглядѣлъ на нее.

— А если бы и такъ, — медленно произнесъ онъ... — Что бы ни случилось, но и самому Лебрехту... я вѣрю въ это такъ, какъ въ то, что я его другъ... известно только начало, но не конецъ. Злая воля дѣлаетъ преступникомъ, но не поступокъ... поэтому Лебрехтъ въ глазахъ друга никогда не можетъ быть преступникомъ... неужели онъ можетъ быть имъ въ глазахъ любви?

— Никогда! никогда! никогда! — закричала Анхенъ, ломая пальцы.

— Что бы ни случилось?

— Я его люблю! я его люблю!

— Богъ благослови васъ.

Докторъ сдѣлалъ одинъ шагъ и снова остановился.

— Я надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ это. Соберитесь съ духомъ: бракъ былъ воспрещенъ въ средніе вѣка тѣмъ, которые продались чорту, потому что любовь, говоритъ Вольфрамъ-фонъ-Эшенбахъ, существуетъ и въ аду; бракъ же есть высшее очищеніе любви, и кто шестуетъ, озаренный его свѣтомъ, тотъ идетъ по пути благочестія. Но Богъ зачастую ведетъ своихъ святыхъ по чудесному пути; кто любить, тотъ бы желалъ смягчить для любимого человека даже майскій воздухъ, и ради него выдерживаетъ бурю и ненагоду, и бросается въ огонь и въ воду, если нужно. Еще разъ повторяю: надѣюсь, что во всемъ этомъ не представится надобности. И еще разъ повторяю: Богъ благослови васъ!

Только стукъ двери заставилъ Анхенъ вспомниться и сообразить, что докторъ ушелъ. Она вскочила со стула. Затѣмъ она отдала ему ключъ? Она хотѣла-было вернуть его, бросилась къ двери, но та вела въ столовую, а когда она добѣжала до сѣней и отворила ихъ, то было уже поздно. Внизу захлопнулась входная дверь съ страшнымъ громомъ, глухо откликнувшись въ обширныхъ сѣняхъ. Затѣмъ все утихло. А она, прислонясь къ колоннѣ, прислушивалась къ біенію своего сердца и еще разъ беззвучно повторила:

— Затѣмъ я отдала ему ключъ!

VI.

Докторъ былъ глубоко потрясенъ предшествующей сценой, онъ проникся живѣйшимъ восторгомъ къ прекрасной молодой женщинѣ и былъ сильно озабоченъ положеніемъ любимаго друга. Машинально спустился онъ съ лѣстницы въ нижнія сѣни, и, растворивъ наружную дверь, остановился въ нерѣшительности: не вернуться ли назадъ и не осмотрѣть ли самому подозрительный шкафъ, или же идти дальше и предоставить все на волю случая, — какъ вдругъ вѣтеръ вырвалъ дверь изъ неувѣрной руки и захлопнулъ ее передъ его носомъ.

— Проклятый вѣтеръ! закричалъ докторъ.

— Сердится погода! — проговорилъ около него хриплый голосъ.

— Кто тамъ! закричалъ докторъ.

— Я, Кабельманъ!

— Чего вамъ вдѣсь надобно? что, вашей женѣ стало хуже?

— Боже упаси, г. докторъ.

— Ну, такъ въ чемъ дѣло?

— Мнѣ поручено попросить васъ къ господину ассессору — по дѣламъ службы.

Докторъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ-бы собираясь ухватиться за ручку двери, хотя зная, что пружина замка защекинулась и теперь отворить ее съ улицы было невозможно.

— Въ чемъ дѣло, Кабельманъ? Не случилось ли опять чего съ Ледебуръ? Я вѣдь говорилъ господину ассессору, что бѣдняга совсѣмъ свихнется, если онъ будетъ дальне морить ее темнотой и голодомъ.

— Нѣтъ, дѣло касается не Ледебуръ, г. докторъ. Она сидитъ теперь, по предписанію врача, въ седьмомъ номерѣ, гдѣ пользуется воздухомъ и свѣтомъ; а сегодня вечеромъ она получила теплое кушанье и сама сказала мнѣ:

— Кабельманъ, этимъ я обязана окружающему врачу, потому что тотъ, другой, онъ..... тутъ она сказала очень дурное слово, г. докторъ..... онъ бы далъ мнѣ сгнѣть на соломѣ. Дѣло касается.....

Полицейскій служитель, на цѣлую голову переросшій долго-вязаго доктора, согнулся и проговорилъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Мнѣ не слѣдовало бы этого говорить, но я знаю, что

г. докторъ меня не выдастъ: дѣло касается г. Нуделя и молодого Флидербуша.

Докторъ пытался было засмѣяться, но могъ только кашлянуть.

— Знаете ли, Кабельманъ, вы не обязаны сообщать ему этого по службѣ, но я бы желалъ, чтобы чортъ побралъ вашего господина ассессора.

Полицейскій служитель приподнялъ форменную фуражку и почесалъ короткіе, курчавые волосы.

— Да, да, да, да! г. докторъ: я ничего противъ этого не имѣю; и чортъ былъ бы желаннымъ гостемъ, потому что коли онъ что заберетъ себѣ въ голову, то не успокоится прежде нежели не добьется своего, и вотъ теперь онъ добился своего.

— Глупости!—сказалъ докторъ:—добился своего! онъ просто рехнулся!

— Да, да, да, да! г. докторъ: по-моему онъ тоже пожалуй рехнулся, и я бы охотнѣе посадилъ его въ двадцать-четвертый номеръ, чѣмъ Ладебуръ..... если бы только не этотъ проклятый стѣнной шкафъ!

У доктора морозъ пробѣжалъ по жиламъ: значить, и онъ тоже знаетъ!

— Онъ узналъ про него не отъ меня,—продолжалъ полицейскій, какъ-бы извиняясь,—хотя я бы и могъ ему объ этомъ сказать, потому что знаю домъ такъ же хорошо, какъ свой карманъ, знаю и стѣнной шкафъ также на верху въ боковой комнатѣ, гдѣ жилъ покойный сенаторъ; онъ пряталъ въ немъ свои документы, и я самъ довольно часто клалъ ихъ туда и вынималъ ихъ оттуда. Разъ, какъ я стоялъ передъ шкафомъ, онъ сказалъ мнѣ: Кабельманъ, какъ думаешь, сколько тысячъ талеровъ перетаскалъ я, черезъ ту дыру, съ Висбличной горы?—Эхъ! г. сенаторъ, говорю я, да кто же этому вѣрить.—Ты, говоритъ, вѣришь да и весь городъ также. И при этомъ засмѣялся; и я тоже засмѣялся, потому что онъ любилъ пошутить; но Небелофъ божится Христомъ Богомъ, что г. сенатору не затѣмъ было идти въ дверь, чтобы выйти изъ своей комнаты, и многие говорятъ то же самое. Но не говори, смотри, Небелофъ, г. ассессору объ этомъ, сказалъ я ему; и онъ не сказалъ, когда г. ассессоръ сталъ спрашивать его про шкафъ и про то, что люди о немъ болтаютъ. Ну, г. докторъ, право, и я ему ни слова о томъ не говорилъ, а напротивъ—все увѣрялъ: пустое болтаютъ, г. ассессоръ; и думаю я, что на томъ бы онъ и успокоился, какъ вдругъ, съ полчаса тому назадъ, онъ позвонилъ и позвалъ меня въ себѣ и

я вижу, что онъ бѣгаетъ по комнатамъ и потираетъ себя рукой, и говоритъ:—ну, Кабельманъ, я добился своего, и въ десять часовъ, когда г. Нудель придеть домой, мы заглянемъ въ стѣнной шкафъ и посмотримъ, не найдемъ ли мы тамъ что-нибудь такого, что доставитъ удовольствіе его молодой женѣ.—Да, говорю я, г. ассессоръ, г. Нудель уже съ восьми часовъ дома и теперь опять поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать старыхъ госнодь; мнѣ говорилъ Небелофъ, г. докторъ, что фрау Ульценъ посылала къ сенатору Цингеру за серебромъ, потому что г. Нудель потерялъ ключъ отъ шкафа; я и говорю это г. ассессору, и что г. докторъ въ гостяхъ теперь у молодой. А г. ассессоръ какъ засмѣется.... точно старая обезьяна, г. докторъ, и говоритъ: онъ потерялъ ключъ, вотъ какъ? ну, мы поможемъ ему найти его! и велѣлъ мнѣ бѣжать къ вамъ, г. докторъ, и сказать: чтобы вы немедленно пожаловали къ нему на одну минутку; г. ассессору надо переговорить съ вами о дѣлѣ, а вотъ вы какъ разъ и вышли изъ дома.

Докторъ, какъ ни хотѣлось ему поскорѣе уйти, спокойно далъ старику высказаться, затѣмъ поднялъ воротникъ своего пальто и сказалъ:

— Хорошо, Кабельманъ, черезъ часъ, скажите ему, я буду; теперь мнѣ рѣшительно некогда.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но полицейскій не двинулся съ мѣста.

— Не дѣлайте этого, г. докторъ, никакого толка все равно не выйдетъ. Онъ уже послалъ Мартенса на желѣзаную дорогу и велѣлъ неотступно слѣдовать за г. Нуделемъ, но такъ, чтобы г. Нудель этого не замѣтилъ! Я самъ слышалъ, какъ онъ ему наказывалъ это.

— Вотъ какъ! ну, такъ подождите одну минутку, я сейчасъ вернусь.

Докторъ схватился за звонокъ; полицейскій покачалъ головою:

— Не дѣлайте этого, г. докторъ. Небелофа нѣтъ дома, намъ не скоро отворять, а мнѣ отданъ строжайшій приказъ немедленно привести васъ, г. докторъ; я думаю, что онъ до сихъ поръ еще не прислалъ за нами.

— Ну, такъ скажите, что вы меня не нашли, что я уже ушелъ.

— Никакъ не могу, г. докторъ; вѣдь долженъ я помнить о своей присягѣ. Знаете ли, г. докторъ, пойдите со мной: быть можетъ, онъ образумится, когда переговоритъ съ вами и отложитъ

хоть до завтра. Бѣдная молодая женщина.... въ первый же вечеръ ея прїѣзда.... это вѣдь ужасно; утро вечера мудренѣе.

— Но, Кабельманъ,—вскричалъ докторъ, вы вѣдь разсудительный человѣкъ: неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что человѣкъ можетъ безъ всякаго повода убить человѣка и затѣмъ сповоино вѣхать жениться?

— Ну, ну,—возразилъ Кабельманъ,—поводъ-то, положимъ, былъ, и спокойно онъ не уѣхалъ; мало ли чего не бываетъ на свѣтѣ, да еще и похитрѣе. Однако пойдѣте, милый г. докторъ, давно пора.

Докторъ колебался: «не лучше ли, въ самомъ-дѣлѣ, идти? Если онъ даже и не убѣдитъ фонъ-Франка, что подозрѣнія его неосновательны — а какимъ образомъ убѣдитъ онъ его въ томъ? Кто знаетъ, какія улики отрыла эта полицейская ищейка! — у него на всякій случай есть оружіе: онъ можетъ сказать въ крайнемъ случаѣ:—мнѣ знакомы личные мотивы, которые руководятъ вами въ этомъ дѣлѣ!—слабое орудіе, когда имѣешь дѣло съ такимъ злымъ и мстительнымъ человѣкомъ! но нужно все же попытаться и поглядѣть, что изъ этого выйдетъ».

Съ колокольни сосѣдней церкви глухо донесся, словно завыванія вѣтра, бой часовъ: безъ четверти десять! Черезъ какихъ-нибудь полчаса Лебрехтъ вернется съ родителями... и молодая, прекрасная, блѣдная женщина, которая ждетъ теперь тамъ, на верху...

— Ну, идемъ, Кабельманъ!—проговорилъ докторъ и вышелъ изъ-подъ глубокаго портика, подъ которымъ происходилъ этотъ разговоръ, и прошелъ мимо передняго фасада стараго дома, съ остроконечной крышей, въ переулокъ, по направленію къ ратушѣ.

Старый полицейскій молча послѣдовалъ за нимъ.

Тѣмъ временемъ уходъ доктора не остался незамѣченнымъ въ кухнѣ. Дорте, которая давно уже поглядывала въ оконечію, черезъ которое можно было видѣть часть галлерей и лѣстницы, опустила приподнятый ею уголокъ шторы и сказала, обращаясь къ фрау Ульценъ:

— Наконецъ-то! ну, теперь пойдѣте и спросите: что же я должна зажарить къ ужину.

— Я съ мѣста не тронусь,—отвѣчала фрау Ульценъ, медленно вертя большими пальцами обѣихъ рукъ:—если барыня болтаетъ кѣлымъ чашъ съ докторомъ, вѣсто того, чтобы заниматься своимъ хозяйствомъ... то мнѣ навсѣ же дѣло.

— На то вы экономка,—замѣтила Дорте,—а таковой молодой женщинѣ мало ли о чемъ надо поговорить съ докторомъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Дорте! вѣдь ты сама молоденькая дѣвушка!—укорила фрау Ульценъ.

— Я не ребенокъ,—отвѣчала дѣвушка, смѣясь:—пора мнѣ знать, какъ дѣла идутъ на свѣтѣ; но я должна сказать одно: мнѣ она нравится.

— Я не покупаю кошечъ въ мѣшечъ,—отвѣчала фрау Ульценъ, бросивъ философскій взглядъ на ярко вычищенные кастрюли, блестящія въ большомъ кухонномъ шкафу.

— Она совсѣмъ не похожа на кошку,—отвѣчала Дорте:—у ней такіе добрые, честные глаза и она такъ хороша собой, такая тонкая и стройная, и когда она стояла въ своемъ темномъ дорожномъ платьѣ... ну, что-жъ, фрау Ульценъ, красивѣе ея не найдешь вѣдь во всемъ околотеѣ; даже сенаторша Бусовгаръ не сравнится съ ней! Она могла бы быть чутьчку повеселѣе, конечно... это бы не повредило. Боже милостивый, какъ я подумаю только: такая молодая, и такая красавица, и такая богатая,—и такой молодой, красивый и богатый мужъ...

— Благодарю Бога, что я не на ея мѣстѣ,—объявила фрау Ульценъ.

Дѣвушка захохотала во все горло:

— Трудненько было бы себѣ это представить, фрау Ульценъ.

— Поживемъ, увидимъ. Впрочемъ, я-то не увижу: я больше здѣсь не жилецъ.

— Вы это только такъ говорите, фрау Ульценъ.

— Я не говорю только такъ, а это такъ и есть,—подхватила съ жаромъ фрау Ульценъ.—Я не даромъ жила у столькихъ господъ, и могу понять, когда въ домѣ неладно. Здѣсь совсѣмъ такъ идутъ дѣла, какъ у барона Грибена, гдѣ я прожила въ экономкахъ пять лѣтъ; онъ еще женился на молодой графинѣ Пустофъ—и не прожили они одной недѣли въ деревнѣ, какъ онъ застрѣлился въ собственной спальнѣ, а что касается молодой женщины, то она спала на другомъ концѣ замка, и...

Фрау Ульценъ пододвинула свое кресло на два вершка ближе и сказала таинственнымъ тономъ:

— У него было шесть пальцевъ на правой ногѣ: женщина, обмывавшая его тѣло, сама мнѣ передавала это.

— Боже мой!—вскричала Дорте, всплеснувъ красными руками:—развѣ она этого не знала?

Фрау Ульценъ ничего не отвѣчала, но продолжала еще таинственнѣе:

— А то вотъ еще пріѣхалъ г-нъ фонъ-Линдбладъ изъ Швеціи и женился на меньшей изъ двѣнадцати дѣвицъ фонъ-Пас-

сельвицеръ, а старый Пассельвицеръ отдалъ за ней въ приданое Рандофъ, потому что Линдбладъ совсѣмъ обошелъ его, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ изъ Швеціи его первая жена, отъ которой онъ убѣжалъ, и велитъ доложить о себѣ барынѣ...

— Боже милостивый, вѣдь бываютъ же такіе люди на свѣтѣ! — закричала Дорте. — Что же сказала бѣдная, молодая жена? — я говорю про вторую.

— Что она сказала? — ровно ничего не сказала, но велѣла запрягать карету, взяла съ собой своихъ двухъ маленькихъ дѣтей, — младшему не было еще шести мѣсяцевъ, — другая тоже привезла съ собой пару дѣтей, съ льняными волосами, — и вернулась въ Пассельвицеръ, а теперь живетъ въ Сундинѣ.

— И вы думаете, что у нашего барина есть такая тайная жена?

Фрау Ульценъ презрительно засмѣялась:

— Тутъ творятся вещи похуже, Дорте, и я говорю: если старые господа пріѣхали недѣлю раньше того, какъ должны были пріѣхать, и прислали о томъ депешу, а баринъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда прочиталъ ее, и у насъ нѣтъ серебра для стола, и баринъ потерялъ ключъ отъ шкафа и не велитъ отпирать его... — это все не просто, говорю я, и Небелофъ говорить то же самое.

— Стыдился бы вы оба! — закричала Дорте съ жаромъ: — совсѣмъ это негодится, когда живешь въ домѣ — да еще такъ долго — и въ домѣ что случится, о чемъ никому не извѣстно, и позволяютъ о томъ сплетничать людямъ въ городѣ, да еще и сами сплетничаютъ, — да такъ, что у бѣдной дѣвушки, которая живетъ въ домѣ всего шесть недѣль, отъ ужаса волосы становятся на головѣ дыбомъ, тогда какъ г-нъ Флиндербунъ просто-на-просто удралъ; и хотя я очень любила, когда онъ приходилъ къ тетѣ Имфельдъ, потому что онъ всегда такъ дурачился, но теперь я была бы рада, если бы ему надавали столько же колотушекъ, сколько дней онъ находится въ бѣгахъ... ужъ тогда онъ навѣрное бы отъявился.

— Ну, ужъ, что онъ является, — это несомнѣнно. Сегодня вечеромъ онъ уже два раза явился, — сказалъ старый Небелофъ, входя въ кухню незамѣченнымъ обѣими женщинами.

— Если вы еще разъ скажете что-нибудь такое, то я закричу, — объявила Дорте.

— Онъ является? когда? кому? да говорите же! — вскричала фрау Ульценъ.

Старикъ бросилъ ящикъ, который несъ въ рукахъ, съ такой силой на столъ, что изъ него посыпались ложки, а самъ уткнулся въ кресло, съ котораго фрау Ульценъ вскочила въ первомъ порывѣ вснуга.

— Да говорите же!—вторично закричала фрау Ульценъ.

— Или я закричу!—поддержала Дорте.

— Дай ему сначала придти въ себя!—замѣтила фрау Ульценъ.

Она вынула изъ вухоннаго шкафа бутылку вина, налила полный стаканъ и поднесла его къ самому носу старика. Старикъ взялъ его дрожащей рукой, осушилъ залпомъ, перевелъ духъ и сказалъ:

— Часовъ въ семь—за часъ до прѣзда господъ—я заходилъ внизъ къ прикащикамъ, чтобы спросить: не запрутъ ли они сегодня пораньше, такъ какъ собираются въ десять часовъ пѣть. А тамъ въ это время сидѣлъ башмачникъ Кюнъ и рассказываетъ, что г-нъ ассессоръ призывалъ его вчера и показывать ему пару сапогъ—и спросилъ: не сапоги ли то г-на Флидербуна, такъ какъ онъ всегда шилъ на него. А башмачникъ Кюнъ сказалъ: «да! это его сапоги»—и спросилъ, откуда ихъ взялъ г-нъ ассессоръ. А г-нъ ассессоръ засмѣялся и говорить, что это его не касается: съ него довольно и этого, и что онъ можетъ идти. И мы толковали объ этомъ, а г-нъ Шмидтъ зажегъ лампу, потому что уже стемнѣло, и говорить:—какъ можно принимать сапоги, которые шилъ полгода тому назадъ, и что онъ даже позабылъ, каковы г-нъ Флидербушъ изъ себя, а онъ всего лишь шесть недѣль, какъ пропалъ;—а я въ это время поглядѣлъ въ окно и хотѣлъ вспомнить: а какое, молъ, въ самомъ-дѣлѣ, у него лицо?—и вдругъ вижу лицо его глядѣть на меня изъ-за двухъ сахарныхъ головъ и подмигивать мнѣ, такъ-что я почти пролилъ свой ромъ, а когда снова взглянулъ на то мѣсто,—его ужъ не было. Фрау Ульценъ, налейте мнѣ еще стаканчикъ.

Экономка охотно налила ему еще стаканъ; старикъ выпилъ его, перевелъ духъ и продолжалъ:

— Я рассказывалъ объ этомъ Кабельману, когда проходилъ мимо рагуши, гдѣ онъ стоялъ у двери, а Кабельманъ и говорить: «Его нѣтъ больше въ живыхъ и г. ассессоръ самъ нашелъ вчера его сапоги на Висльичвой горѣ, подъ соснами; Мертенсъ былъ съ нимъ... и говорить, что онъ такъ-таки и нашелъ прямо на сапоги, точно носомъ почуялъ ихъ, какъ собака ищейка, говорить Мертенсъ... и... говорить Кабельманъ... ты увидишь, Бальтазаръ: что онъ добьется своего! держи только языкъ за зубами и не разболтай про стѣнной шкафъ, и я тоже промолчу объ

этомъ; вѣдь не мы принесли его на Висбличную гору». И, говорю я, какая мнѣ корысть болтать, да Боже меня упаси! ну, хорошо, иду я къ Цингстамъ и прошу одолжить дюжину серебряныхъ ложекъ, потому что ждутъ старыхъ господъ, а кашъ баринъ потерялъ ключъ отъ стѣнного шкафа. Тутъ сенаторъ подмигнулъ сенаторшѣ, а сенаторша подмигнула сенатору; они сидѣли какъ разъ въ это время за столомъ, и сенаторша встала, достала ложки и подала мнѣ, ни слова не говоря, и я тоже ни слова не сказавъ, и все еще думалъ объ этомъ, какъ проходилъ по рыноку, а дождь такъ и хлещетъ мнѣ въ глаза, и я какъ ударюсь зонтикомъ въ дверь: «Что ты, пьянь, Небелофъ!» — спрашивалъ я самого себя и закрываю зонтикъ. — Небелофъ! — признаю отъ чей-то голосъ возлѣ меня.

— Глупости, — проговорила Дорте.

— Тихе, — остановила фрау Ульценъ: — г. Флидербушъ?

— Я также спросилъ: г. Флидербушъ! потому что голосъ шелъ изъ окна конторы, точь-въ-точь какъ они всегда, бывало, перекикаются со мной, когда желаютъ узнать: ушелъ ли со двора баринъ и можно ли имъ часочкомъ раньше закатиться къ теткѣ Имфельдъ. Вдругъ въ третій разъ раздается возгласъ: «Небелофъ!» такъ что я и самъ не знаю, какъ отворилъ дверь, а онъ вышелъ позади меня и холодной какъ ледъ рукой дотронулся до моего затылка и въ третій разъ закричалъ...

Страшный свистъ и трескъ не далъ старику договорить; огнемъ нахнуло въ кухню изъ кухонной печи и кухня вся наполнилась дымомъ. Дорте, которую покинулъ весь остатокъ ея мужества во время страшнаго разсказа старика, непустила раздражительный крикъ, упала на колѣни и, закрывъ лицо руками, продолжала кричать, какъ вдругъ чья-то рука, которую она приняла за руку фрау Ульценъ, легла къ ней на плечо, и чей-то голосъ, только не фрау Ульценъ, спросилъ:

— Что тутъ случилось?

Дорте осталась на колѣняхъ и, протянувъ сложенные руки къ молодой барынѣ, проговорила, среди рыданій:

— Я не виновата, сударыня: я долго крѣпилась и говорила, что это грѣхъ и стыдъ говорить такія вещи про нашего барина, и я этому не вѣрю, сударыня, право не вѣрю!

— Встань, — сказала Анхенъ.

Дѣвушка приподнялась, подошла къ нимъ, и стала къ полуобороту къ барынѣ, стараясь подавить свои рыданія и въ страшномъ смущеніи, что ей сказать, если барыня спроситъ: отчего она такъ закричала и чему это она не вѣритъ?

Но барыня, повидимому, не обращала больше на нее никакого вниманія и только спросила совершенно спонойнымъ тономъ, чему Дорте очень удивилась: «Часто ли дымить въ кухнѣ? и что это за ложки въ ящикѣ? и кто велѣлъ принести ложки?» на что фрау Ульценъ должна была отвѣтить, что она сдѣлала это потому, что баринъ уѣхалъ, ничего не приказавъ на этотъ счетъ, а она не хотѣла беспокоить барыню, а вѣдь безъ ложекъ никакъ нельзя ужинать.

И на это барыня не сказала ничего особеннаго, но спросила только: «Накрыть ли столъ и на сколько приборовъ?» и попросила фрау Ульценъ провести ее въ комнаты, отведенныя для гостей, на которыя она хочетъ посмотрѣть прежде, чѣмъ прійдутъ господа, хотя она и заранѣе убѣждена, что все въ нихъ въ порядкѣ.

Съ этимъ Анхенъ вышла изъ кухни и взяла съ собой фрау Ульценъ.

Фрау Ульценъ показалось, что барыня, которая глядѣла со всѣми другими глазами, чѣмъ прежде, очень сердита, и она рѣшилась идти на встрѣчу бурѣ: барыня не должна винить ее за то, что въ городѣ ходятъ такіе злые слухи, она раньше говорила: «Вѣдь людямъ рта не замажешь, а теперь сама барыня слышала это собственными ушами. Но какъ же можетъ быть иначе, когда г. ассессоръ управляетъ ратушей и формально старается лишить барина чести и репутаціи и — да простить ему Богъ его грѣхъ — привести его на висѣлицу?» Она не хотѣла раньше говорить объ этомъ, чтобы не напугать молодую барыню, только-что пріѣхавшую домой. Но даже хорошо, что барыня, наконецъ, узнала объ этомъ и можетъ сказать барину, чтобы онъ остерегался г. ассессора и во-время принялъ противъ него мѣры, потому что въ маленькомъ городѣ ужъ такое правило: свой глазокъ — смотрокъ. А когда такое лицо, которое считается наибольшимъ послѣ г. бургомистра въ городѣ и всегда ходитъ въ лакированныхъ сапогахъ и желтыхъ перчаткахъ, собственной персоной отправляется на Висѣличную гору, чтобы искать тамъ сапоги, а затѣмъ вѣрять пьяному сапожнику, что это сапоги г. Флидербуша... то она не можетъ не спросить у барыни, можно ли довѣрять такому человѣку?

Фрау Ульценъ чувствовала себя очень неловко, потому что въ то время, какъ она говорила такимъ образомъ, оправляя плечи и передвигая стулья, барыня стояла къ ней спиной у окна, не возражая ни единого словечка, а она вслѣдствіе этого говорила все больше и дальше и все усиливала крики. Но какъ

же испугалась она, когда барыня, повернувшись, вдруг показала свое блѣдное, какъ мѣль, и какъ-бы застывшее лицо, такъ что даже большіе, темные глаза глядѣли неподвижно, и вдругъ съ этимъ-то блѣднымъ лицомъ и неподвижными глазами прошла мимо нея къ двери, которая оставалась открытой и тамъ, не оборачиваясь, проговорила голосомъ, который совсѣмъ и не похожъ на ея голосъ:

— Если я понадобитсяъ, то прислать за мной въ бариннову комнату.

Фрау Ульценъ такъ испугалась, что нѣсколько минутъ, послѣ того какъ барыня ушла, простояла, какъ прикованная, на одномъ мѣстѣ, и когда вернулась въ кухню и передала приказаніе барыни Балтазару, то на вопросъ старика и Дорте: «Что это означаетъ?» отвѣтила только: «Пусть болтаетъ тотъ, кто не умѣетъ держать языка за зубами, а что до нея касается, то она не промолвить больше ни слова, если бы даже ей вырывали языкъ изо рта калеными щипцами».

Между тѣмъ въ комнатѣ Лебрехта Анхенъ сидѣла у камина, закрывъ лицо, и передъ закрытыми глазами ее носилась картина, которую она только-что видѣла въ окно спальни, выходившее въ переулокъ, гдѣ стояла ратуша и гдѣ въ комнатѣ, приходившейся ниже той, гдѣ она сама находилась, стоялъ большой столъ, покрытый книгами и документами и озаренный яркимъ свѣтомъ лампы, спускавшейся съ потолка. За большимъ столомъ виднѣлась горбатая фигура ассессора фонъ-Франка и безобразный профиль его отчетливо вырѣзывался на заднемъ фонѣ. Онъ жестикулировалъ худой рукой, обращаясь къ доктору, который, опустивъ голову и поглаживая подбородокъ руками, стоялъ возлѣ него и молча слушалъ его оживленную рѣчь. А затѣмъ докторъ тоже принялся жестикулировать своей длинной рукой, и, казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ выѣднётся въ волосы маленькому человѣку, который, скрестивъ руки на груди, иронически улыбался. А затѣмъ вдругъ фонъ-Франкъ повернулся къ столу и позвонилъ въ колокольчикъ, причемъ появилась необыкновенно длинная фигура въ мундирѣ и стала возлѣ доктора, между тѣмъ, какъ г. фонъ-Франкъ, не садясь, наклонился надъ столомъ и на листѣ бумагѣ, блестящемъ при свѣтѣ лампы какъ сѣмъ, что-то торопливо писалъ перомъ. Докторъ же, не поворачиваясь, протянулъ руку длинной фигурѣ въ мундирѣ, и та, съ своей стороны, протянула руку, такъ что ихъ руки на минуту коснулись одна другой, и затѣмъ они ихъ разняли, какъ разъ въ ту минуту, какъ фонъ-Франкъ выкладывалъ сложенную

бумагу въ конвертъ и, написавъ адрессъ, отдалъ вошедшему слугѣ, который затѣмъ пошелъ къ двери, вышелъ вонъ изъ высокой комнаты со сводами въ узкій корридоръ, спустился съ широкой лѣстницы на рыночную площадь, гдѣ дома съ остро-конечными крышами были озарены темно-краснымъ свѣтомъ факеловъ, горѣвшихъ на черномъ эшафотѣ, водвинутомъ посреди площади, а на эшафотѣ стоялъ онъ—блѣдный и печальный—и глядѣлъ на собственный домъ и, протянувъ къ ней руки, говорилъ: «Ты бы могла спасти меня, но ты отдала ключъ въ чужія руки, и теперь я долженъ умереть!» А затѣмъ наступилъ мракъ и въ мракѣ сверкнулъ, точно молнія, мечъ...

Съ громкимъ крикомъ взошла Анхенъ съ своего мѣста: передъ ней стоялъ человѣкъ, котораго она дожидалась.

— Прошу прощенія, — сказалъ человѣкъ, — меня сюда при-
слали. Я долженъ передать вамъ, сударыня, поклонъ отъ г. ассессора и это письмо.

Хриплый голосъ старика дрожалъ, когда онъ говорилъ это, и рука, которою онъ подаль ей письмо тоже дрожала, и онъ удивился, что маленькая, бѣлая ручка, принявшая отъ него письмо, было такъ тверда, и что прекрасная, молодая дама, которая теперь подошла къ столу, чтобы прочесть письмо при свѣтѣ лампы, стояла выпрямившись во весь ростъ и спокойно читала письмо, и затѣмъ, положивъ его на столъ и повернувшись къ нему, сказала спокойно:

— Хорошо; благодарю васъ.

Старикъ покачалъ головой:

— Не за что, сударыня, и съ позволенія вашего, сударыня —я добροжелатель вашего супруга и г. доктора—могу я спросить: что вамъ пишетъ г. ассессоръ?

— Только то, что онъ черезъ полчаса явится сюда съ докторомъ, чтобы увидѣться съ моими родителями: мы давно знакомы съ г. ассессоромъ.

И, говоря это, она улыбнулась такъ странно, что у старика морозъ подрагъ по кожѣ.

Онъ прошепталъ:

— Если вы его знаете, сударыня, то, конечно, съумѣете воспользоваться тѣмъ получасомъ времени, какой у васъ еще остается, и знаете, что вамъ дѣлать съ ключомъ, который вамъ посылаетъ г. докторъ.

VII.

Кабельманъ положилъ ключъ на столъ и не говоря больше ни слова, даже не взглянувъ на молодую женщину, крупными шагами вышелъ вонъ изъ комнаты.

Она тоже не двигалась съ мѣста, пока онъ не заперъ за собою дверь; но вслѣдъ за тѣмъ со всѣхъ ногъ бросилась въ этой двери и заперла ее на замокъ. Затѣмъ подбѣжала ко второй двери, ведущей въ столовую, и къ третьей, ведущей въ салонъ, и заперла на ключъ и эти двери. Послѣ того подбѣжала къ столу и взяла большой ключъ, причемъ рука ея дрожала, точно она схватилась за раскаленное желѣзо. Съ минуту казалось, что она снова выронить изъ рукъ ключъ; но она не вынуждала ключа, а глаза ея были устремлены на раскрытую записку, лежавшую передъ ней:

«Милостивая государыня! Донось, сдѣланный съ часъ тому назадъ здѣшнему полицейскому начальству — дѣло идетъ о необъяснимомъ до сихъ поръ, хотя и не совсѣмъ безослѣдною исчезновеніемъ одного молодого человѣка, конторщика вашего супруга — вынуждаетъ меня произвести сегодня вечеромъ, хотя и частный, обыскъ въ вашемъ домѣ. Вышатаство доктора Бертрама, который въ настоящую минуту находится у меня и въ качествѣ окружнаго врача будетъ присутствовать при обыскѣ, было совсѣмъ ненужно, чтобы побудить меня исполнить мою обязанность самымъ бережнымъ образомъ. Эта бережность во всякомъ случаѣ предписывается уже той безукоризненной репутаціей, какою пользовался до сихъ поръ вашъ супругъ, носящій столь уважаемое, можно сказать столь знаменитое имя, а также и искренней дружбой, которая столько уже лѣтъ привязываетъ меня къ вашему родительскому дому, и глубокимъ восхищеніемъ, которыя я лично почтительнѣйше и недалеко питалъ къ вашей особѣ. Поэтому я прошу позволенія явиться, какъ молчаливый, скромный гость, въ тотъ моментъ, когда вашъ супругъ привезетъ вашихъ родителей въ ваши объятія и останется послѣ того, какъ ваши родители удалятся на покой.

«Милостивая государыня! Я не прошу у васъ извиненія. Явиться въ этотъ случаѣ значило бы признавать себя виновнымъ. Моя судьба — дѣлать вамъ непріятное; но именно потому, что такова моя судьба, я долженъ переносить ее. Есть одно чувство, которое стоитъ выше всякой щекотливости: это чувство долга.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть

Оскаръ фонъ-Франкъ.

— Чувство долга, — проговорила Анхенъ: — я поучусь у этого демона!

Ключъ не горѣлъ больше въ ея рукѣ; въ другой она держала свѣчу, которую взяла съ каминна. И вотъ подбѣжала она къ тому углу обширнаго покоя, гдѣ въ толстой стѣнѣ, выступавшей на нѣсколько вершковъ, долженъ былъ скрываться шкафъ. Докторъ указывалъ на это самое мѣсто. Тамъ не мѣсто она никакъ не могла отыскать свавины замка въ матовыхъ обояхъ изъ тисненой, темножелтой кожи. Секунды показались ей цѣлой вѣчностью. — О, Боже мой! Боже мой! — простонала она; — гдѣ, гдѣ замки! — вотъ они!

Ключъ былъ вложенъ въ замокъ.

И вотъ снова раздалось завываніе бури въ окно, близъ котораго она теперь стояла, — желтыя гардины заколыхались, точно ихъ толкала кто-то, кто стоялъ позади нихъ; въ шкафу раздался трескъ, точно сухія кости стучались другъ о дружку.

— О! Боже! помоги мнѣ!

Обѣ половинки растворились разомъ. Въ тотъ же моментъ какой-то большой предметъ упалъ какъ разъ возлѣ нея на толстый коверъ. То могла быть большая доска, оторвавшаяся отъ дверцы шкафа или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она не обратила на нее вниманія — такъ же — какъ и на опасность, какой подвергалась. Она не обратила также вниманія на предметы, стоявшіе на полкахъ, занимавшихъ всю правую сторону шкафа съ низу до верху. Высокія канделябры, великолѣпныя вазы, блестящія груды ложекъ, ножей и вилокъ, сверкающіе кубки и чаши, большой кубокъ — королевскій подарокъ въ этой царской сокровищницѣ... какое ей было дѣло до всего этого. Тамъ, на-лѣво, въ большомъ пустомъ пространствѣ, въ одномъ изъ глубокихъ угловъ, куда не доходилъ свѣтъ свѣчи — тамъ надо искать потайного хода. Она дошла до противоположной стороны, нигдѣ никакого отверстія; гладкія, необыкновенно оригинальныя обои покрывали стѣны, на которыхъ на крюкахъ висѣли разные вещи: пары дѣлъ необыкновенныхъ сѣделъ, съ серебряной сбруей, хлыстики, ковши, различной формы перода и удочки, охотничьи ружья и нѣсколько паръ высокихъ сапоговъ, очевидно предназначенныхъ для ноги Лебрехта, не то, чтобы очень маленькой.

— Чего вы такъ усердно ищете?

Этотъ голосъ раздался, какъ будто надъ ея головой, изъ глубины шкафа, изъ груды вещей — мягкій, звучный голосъ, какой-то жесесный. — То не могъ быть человѣческій голосъ!

Бѣдная Анхенъ сложила руки, какъ она это дѣлывала ре-

бѣнгомъ, когда молилась любимому святому. Дрожащія губы произнесли полузабытую молитву.

— Быть можетъ, я могу помочь вамъ?

Голосъ звучалъ за ея спиной: громкій, твердый голосъ, мужской голосъ... а она заперла всѣ двери.

Анхенъ не закричала: послѣ того, что она пережила въ послѣдніе часы и въ особенности въ послѣднія минуты, она была закалена противъ всякаго земного страха. Она наклонилась за свѣчой, которую поставила возлѣ себя на полъ и, поднявшись съ полу, обернулась.

Но и для робкой души не показалось бы страшнымъ загадочное появленіе молодого человѣка, лицо котораго она освѣтила свѣчой: красивое, обрамленное мягкими темными кудрями юношеское лицо, съ большими голубыми, ласковыми глазами, чуть пробивающимися усиками на тонкихъ губахъ, изъ-за которыхъ на минуту сверкнули зубы.

— Г. Флидербушъ!—закричала Анхенъ.

Красивый юноша сложилъ руки на груди, низко кланяясь. Изъ удрученной груди Анхенъ вырвался радостный крикъ; изъ глазъ полились слезы, ослѣпившія ее на минуту. А затѣмъ она ужъ и сама не помнила, какъ вышла изъ шкафа и куда дѣвался подсвѣчникъ изъ ея рукъ; но юноша уже былъ у ея ногъ, повторяя:

— Простите меня! и попросите моего добраго хозяина простить меня!

Анхенъ сѣла на стулъ, потому что колѣни ея дрожали, а Гансъ стоялъ возлѣ нея и рассказывалъ скороговоркой, свойственнымъ ему шутивымъ тономъ, жестами и съ едва сдерживаемымъ смѣхомъ:

— Какъ я вошелъ въ домъ? да всего какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ, позади стараго Балтазара, который отъ страха, что я подшутилъ надъ нимъ, оставилъ дверь открытой настежъ. Удобнѣе войти я не могъ бы, не правда ли? я осторожно прокрался по лѣстницѣ и пришелъ на верхъ какъ разъ въ ту минуту, какъ вы шли съ фрау Ульценъ осматривать комнату для гостей. Потомъ я проскользнулъ въ эту комнату и стоялъ за гардинами, когда Кабельманъ—не правда ли какой, славный старикъ?—принесъ вамъ письмо отъ ассессора.

Тутъ Гансу очень хотѣлось расхохотаться; но онъ удержался и сказалъ съ лицемѣрно-серьезной миной:

— Боже мой, сударыня! ужасно. соблазнительно, когда можно такъ одурочить человѣка. Выслушайте меня: я уже три дня, какъ

нахожусь въ Вольдемѣ и сирываюсь у своего пріятеля, капитана Мартина, который въ ту ночь, какъ я совершилъ свое *salte mortale* изъ окна въ садъ и зацѣмъ по грушевому дереву взобрался на садовую стѣну и перелезъ черезъ нее—одно изъ самыхъ удачныхъ моихъ гимнастическихъ упражненій—взялъ меня въ себѣ на корабль, который въ ту же ночь отплылъ въ Штеттинъ. И Мартинъ—добрая душа—вѣрно сохранилъ мою тайну; деньгами снабдилъ меня опять-таки. Мартинъ, и, между нами будь сказано, я бы не такъ скоро вернулся, если бы не стосковался по моему милому хозяинѣ и старому домѣ, вслѣдствіе чего и рѣшился попросить прощенія, и распрощался съ моими братьями и сестрами по Аполлону.—я идѣ въ эти шесть недѣль прощтался изъ города въ городъ и изъ села въ село, въ эту скверную погоду, по нашей милой Помераніи съ грустной бродичицъ комедіантовъ. И вотъ я поспѣвннлъ въ объятія своего добраго Мартина, который, къ счастью, тоже вернулся изъ своей поѣздки.—И вотъ, сударыня, проживая у Мартина въ его маленькихъ двухъ горенкахъ въ ожиданіи свиданія и примиренія съ моимъ милымъ хозяиномъ, вдругъ слышу я—въ моей величайшей потѣхѣ—отъ друга Мартина, какія изумительныя исторіи рассказываются въ городѣ по случаю моего исчезновенія, и какъ снова выкопали баснословное сказаніе о потайномъ ходѣ, ведущемъ будто бы изъ комнаты хозяина на Висльичную гору, чтобы объяснить мое исчезновеніе, и какъ новый полицейскій комиссаръ выслушиваетъ всѣхъ бабъ сплетницъ, которымъ хочется потолковать объ этой исторіи, и какъ теперь каждая изъ нихъ клянется и божится, что хозяинъ убилъ Ганса и свезъ черезъ потайной ходъ на Висльичную гору и тамъ зарылъ его подъ соснами, но только не его сапоги, про тѣ онъ какъ-то позабылъ! и въ самомъ дѣлѣ! третьяго дня господинъ асессоръ нашелъ ихъ тамъ! Мы, т.-е. я и Мартинъ, собственноручно выставили ихъ для него, и онъ не преминулъ ихъ найти. Это была шутка, сударыня! а сами мы притаялись и чуть не лопнули со смѣха.

— Но вотъ Мартинъ, зашедшій сегодня мимоходомъ въ контору за справками, узналъ, что вы сегодня пріѣдете съ курьерскимъ поѣздомъ, и тотъ же самый шутникъ написалъ г-ну асессору письмо, въ которомъ извѣщали его, что хотя это дѣло и опасное, но что если онъ найдетъ въ себѣ мужества войти въ домъ вмѣстѣ съ возвращающимся хозяиномъ и приступить къ обыску стѣнного шкафа въ комнатѣ хозяина, то онъ откроетъ свѣтъ въ домѣ.

— Скелетъ,—завричала Анхень,—скелетъ!

— Выраженіе нѣсколько сильно, сударыня, не спорю: оно

могло бы даже выдать все дѣло; но оно неудержимо соскочило съ пера писавшаго, потому что онъ такъ часто слышалъ его отъ доктора Бертрама—вы ужь, конечно, познакомились съ нимъ, сударыня? Но, тѣмъ не менѣе, ледица попала въ канканъ, а человѣкъ съ чистой совѣстью, т.-е. вамъ покорный слуга, бродить весь вечеръ, съ тѣхъ поръ, какъ стемнѣло вокругъ дома, и видѣлъ, какъ вы пріѣхали и какъ, затѣмъ, хозяинъ опять уѣхалъ на извѣстную дорогу, вѣроятно, встречая кого-нибудь...

— Моихъ родителей,—объяснила Анхентъ.

— Такъ я и думаю... Ну, вотъ, въ то время, какъ я стоялъ за портикомъ входной двери и услышалъ разговоръ доктора Бертрама съ Кабельманомъ, совѣсть моя заговорила, и я увидѣлъ, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей путѣ и что въ сущности то была плохая штука, плохая хотя бы уже потому, что человѣкъ, собирающійся просить прощенья, не долженъ позволять себѣ шутить. И при этомъ мнѣ пришло въ голову, что когда вамъ, на чье заступничество я болѣе всего рассчитывалъ, супругъ расскажетъ про глупую исторію, случившуюся въ вечеръ отъѣзда хозяина, и про то, какъ мы сняли вотъ это и спрятали въ шкафъ...

— Что это такое?—спросила Анхентъ, впервые поглядѣвъ на длинную черную доску, которая чуть-было не упала на нее, когда она раскрыла шкафъ, а теперь лежала между ней и Гансомъ, и тотъ пальцемъ указывалъ на нее.

— Вы этого не знаете?—спросилъ Гансъ.

— Конечно, нѣтъ, какая-то доска,—отвѣчала Анхентъ, смѣясь надъ страннымъ выраженіемъ, которое приняло лицо Ганса при ея отвѣтѣ.

— Вы не знаете, что стоитъ на оборотѣ доски?

— Но она не прозрачна...

— Ахъ ты, Боже мой милостивый, ахъ ты, Боже мой милостивый,—закричалъ Гансъ:—ну, возможно ли это? онъ ничего не сказалъ вамъ про это до сегодняшняго дня, до сегодняшняго вечера? онъ скрылъ это отъ васъ, онъ, который вообще живетъ подъ стекляннымъ колпакомъ, и долженъ такъ жить, потому что сердце его чисто, какъ хрусталь...

— Что это такое?—спросила Анхентъ, и сердце ея снова тревожно забилося, несмотря на шутливую декламацию Ганса.—Я хочу это знать.

— Вы хотите... въ самое дѣло, хотите? Ну, если такъ, то

отойдите на несколько шаговъ назадъ, а то вы не разглядите въ чемъ дѣло: вѣдь это предназначено для большой перспективы.

Опустился на колѣни, онъ приставилъ доску къ длинному нарисуну.

— Что это означаетъ?—спросила Анхенъ.

— Боже мой! Боже мой! буквы, однако, достаточно крупны, — пробормоталъ Гансъ сивозъ бѣлые зубы.

— Я хочу сказать: что означаетъ эта шутка?

Гансъ снова уронилъ доску, но обратной стороной, такъ что надписи осталась на верху, и, вскочивъ съ колѣнъ, закрычалъ:

— Шутка, вы называете это шуткой? Шутка — то, что едетъ не разбило сердце моему доброму хозяину? шутка, изъ-за которой онъ чуть не убилъ своего вѣрнаго оруженосца? Шутка! развѣ вы не прочитали число, выставленное въ лѣвомъ углу: 1654? и другое, въ pendant къ нему, въ правомъ: Renovatum 1854? Renovatum, сударыня, это значитъ «возобновлена, заново одѣлана, оскѣжена...» старшимъ сенаторомъ, Лебрехтомъ Первымъ, королемъ Вальдома, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ Лебрехту Второму, если ему дорого опцовское благословеніе, на которомъ вообще строится синовиное благополучіе, оставить ее висѣть тамъ, гдѣ она провисѣла въ продолженіи двухъ столѣтій — вонъ тамъ, подъ окномъ. И Лебрехтъ Второй оставилъ ее тамъ висѣть — хотя, когда онъ вступилъ въ управленіе, то съ несовѣстнъ чистой совѣстью и иезуитской хитростью перевелъ лавочку въ узкій переулокъ ратуши — до той памятной ночи! И вотъ говоритъ онъ мнѣ, здѣсь, въ этой комнатѣ, у того стола, на которомъ стояла цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ, и когда уже надвигался глухой, полнотный часъ: «Гансъ, — говоритъ онъ, — они тамъ, на Рейнѣ, въ своемъ домѣ, съ зеркальными стеклами и балконами, убранными цвѣтами, все еще не знаютъ, что здѣсь, въ Вальдомѣ, каждая рыночная торговка покупаетъ каждый фунтъ кофе, и каждый матросъ — свой табакъ, и каждый башмачный подмастерье — свою селѣдку у короля вальдомскаго». — Ну, такъ что-жъ? — спрашиваю я. — «Она не выйдетъ за меня замужъ, если узнаетъ это». — Ну, такъ Богъ съ ней, — говорю я. — Сударыня, не негодуйте на меня за это: я васъ тогда еще не видалъ! Онъ только усмѣхнулся презрительно, и затѣмъ сталъ жаловаться на свою судьбу: на то, какъ онъ виноватъ, что не сказалъ вамъ объ этомъ въ первую минуту, и какъ онъ провинился еще сильнѣе, когда дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а онъ все не сознавался, и какъ онъ долженъ теперь вновь провиниться — и еще сильнѣе — онъ, вѣдь, понимаетъ это, потому что наступитъ же,

наконецъ, моментъ, когда вы, прѣѣзжая по старой рыночной площади, увидите вывѣску. «Ну, такъ прѣѣзжайте съ нечистымъ поѣздомъ,—говорю я.—Вѣдь не будетъ же она сіять огненными буквами». Сударыня, не сердитесь на меня за это: но, право, онъ мнѣ казался совсѣмъ не въ нормальномъ состояніи; да и самъ я былъ на три-четверти не въ своемъ умѣ и снялъ вывѣску съ крюковъ, поставилъ ее вонъ въ тотъ шкафъ и, заперевъ шкафъ, положилъ ключъ себѣ въ карманъ. Вѣдь, можетъ быть, король Вольдома найдетъ въ себѣ достаточно мужества, въ которомъ у него никогда не было недостатка съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, и если онъ мнѣ прикажетъ, то я снова поѣху вывѣску на старое мѣсто, и пусть, кто хочетъ, ужасается ее. А если бы у него не нашлось мужества... Я видѣлъ во его глазахъ, сударыня, что у него не хватитъ мужества, что онъ будетъ откладывать призваніе, которое его такъ страшитъ, до послѣдней минуты. И когда я увидѣлъ такую слабость въ такомъ сильномъ человѣкѣ, такую беспомощность въ королѣ Вольдома, тогда меня постигло искушеніе, и въ душѣ моей проснулась мысль: онъ долженъ это сдѣлать теперь! разрѣшить мнѣ то, о чемъ я уже неоднократно просилъ его въ шутку и серьезно: дозволить мнѣ доказать изумленному свѣту, что Гарриксъ и Тальма и Лудвигъ Девріентъ и какъ они тамъ всѣ называются, жалкія ничтожества сравнительно съ Гансомъ Флидербушемъ, единственнымъ и несравненнымъ! И вотъ, сударыня, онъ ни за что не хотѣлъ позволить этого; я просилъ, онъ отказывалъ; я умолялъ, онъ называлъ меня дуракомъ; я разсердился, онъ сталъ надо мной смѣяться; я сталъ грозить, онъ запретилъ мнѣ разъ навсегда упоминать объ этомъ, пока онъ мой хозяинъ, а я—жалкій болванъ—я пригрозилъ... я пригрозилъ выдать моего хозяина. Клянусь всѣмъ, для меня святымъ, что я говорилъ это не серьезно, и никогда бы этого не сдѣлалъ; но бургундское, сударыня, и поздній часъ—я, конечно, былъ очень непримчивъ и заслуживалъ бы хорошей встрѣпки, не то, что того единственнаго удара, которымъ онъ награждалъ меня... нечаянно,—я это знаю, когда онъ хватилъ меня ключомъ, который вырвалъ у меня изъ рукъ, по головѣ. Но рука его тяжела, кровь хлынула у меня изъ носа и я упалъ на тотъ столъ и, падая, швырнулъ его со всѣмъ, что на немъ стояло. А онъ сталъ на колѣни вблизи меня, положилъ мою голову къ себѣ на грудь и сталъ говорить мнѣ милыя, ласковыя слова; но—Боже мой! сударыня, я былъ пьян!—я яростно вскочилъ на ноги: «Вы прибили меня—мы кнѣти!»—Гансъ, останься!—«Не хочу».—Ты долженъ остаться.—Ну, тутъ

ужь, сударыни, я протрезвился только въ кабинетъ Мартина; да и то лишь наполовину, причѣмъ мы уже уплыли на десять миль въ открытое море и возвращаться было поздно. — Боже мой, — что вамъ угодно?

Анхень, съ сіяющими, темными глазами и ямочками на щекахъ, и смѣющимся ротиномъ, не могла, кажется, достаточно наглядѣться на Ганса и послушаться его, — но тутъ вдругъ сдѣлала серьезное лицо и, вставъ внезапно со стула, побѣжала въ столовую. Но вотъ она снова вернулась изъ нея съ веселымъ лицомъ, и поспѣшно проговорила:

— Скорѣе, милый Гансъ, скорѣе!

— Что прикажете? — спросилъ Гансъ, готовый «за милота Ганса» сразиться съ самимъ чертомъ, если бы только красавица приказала ему это.

— Въ столовую... я такъ рѣшила... перенесите все это въ буфетъ!

И она взяла изъ серебряной посуды первое, что ей попалось подъ руку, и побѣжала съ этимъ въ столовую, а за нею Гансъ, неся два подсвѣчника, чайникъ и королевскій кубокъ.

— Мы переставимъ все это сюда опять, — сказала Анхень. — Я останусь здѣсь и стану прибирать, а вы приносите мнѣ вещи.

Гансъ бѣгалъ взадъ и впередъ, а Анхень разставляла посуду, и съ такимъ вкусомъ, что Гансъ каждый разъ останавливался и любовался, пока, наконецъ, не принесъ послѣдней вещи и все не было готово.

— А теперь что? — спросилъ Гансъ, надѣясь, что найдется еще дѣло, просто лишь изъ одного удовольствія помогать красавицѣ.

— Я, право, не знаю: возможно ли это? — сказала Анхень.

— Возможно, — отвѣчалъ Гансъ рѣшительно.

Они уже вернулись въ угловую комнату.

— Не можете ли вы вотъ это... вы говорили, что могли бы повѣсить это обратно на мѣсто, — но врядъ ли вы это успѣете сдѣлать.

— Успѣю, — отвѣчалъ Гансъ, — теперь всего половина одиннадцатаго; порады всегда опаздывать на полчаса. Пари держу, что онъ еще не прищелъ, да чтобы пріѣхать сюда, имъ понадобится, по крайней мѣрѣ, четверть часа... а я черезъ пять минутъ буду готовъ.

— Вы справитесь совсѣмъ одинъ?

— Да, совсѣмъ одинъ, безъ всякой помощи, какъ и тогда, когда снималъ ее. Г. Нудель не хотѣлъ и не долженъ былъ

привасаться къ ней. Она виситъ тутъ, подъ окномъ, и ее под-
держиваетъ широкій карнизъ; да къ тому же она вовсе не тя-
жела. Время и черви источили ее и она стала ворсиста, какъ
грибъ, и если все еще держится, то только благодаря толстому
слою лака; тяжести только кольца по обѣимъ концамъ, которыя
слѣдуетъ надѣть на крючья. А видѣть меня никто не можетъ:
на всемъ рынкѣ не видать ни одной кошки, не то, что человѣка.

Гансъ не послушалъ возраженій Анхенъ: ни ея просьба
оставить лучше это, ни ея слабого крика, когда онъ отворилъ
окно, и буря и дождь ворвались въ него,—его не остановило
то, что онъ убѣдился, что снять выѣску было гораздо легче,
чѣмъ надѣть,—не остановила весьма серьезная опасность поле-
тѣть вниз головой на мостовую вмѣстѣ съ выѣской — онъ бы
ни за что не выпустилъ ее изъ рукъ—и вотъ какъ разъ въ ту
минуту, какъ онъ подумалъ:

— Конченъ балъ, прощай, красавица!—онъ почувствовалъ,
что красавица держитъ его за спягу: точно электрическій
ударъ подтолкнулъ его руку... и выѣска плотно сидѣла на
крюкахъ. Онъ прыгнулъ въ комнату, заперъ окно, и сказалъ:

— Теперь что?

— Сначала отдохните!

— Зачѣмъ! вѣдь времени у насъ немного во всякомъ слу-
чай! Въ чемъ дѣло?

— Вы должны быть скелетомъ!

Она показала на пустой шкафъ, дверцы котораго были рас-
крыты настѣжь. Гансъ раскохотился во все горло; молодая жен-
щина тоже разсмѣялась: еще минута—и они готовы были встать
за руки и начать прыгать, точно рѣзвые дѣти.

— Это прелестно!—вскричалъ Гансъ:—этого только не до-
ставало! ахъ! Я дуракъ! какая вы хитрая!—онъ долженъ былъ
вѣдь найти меня въ шкафу! Ну, вотъ онъ и найдетъ меня!

— Но вѣдь можете пройти нѣкоторое время, прежде чѣмъ
я васъ выпущу—съ часъ, пожалуй.

— Да хотя бы мнѣ пришлось просидѣть въ немъ и до
утра!

— И вамъ придется тотчасъ же войти въ шкафъ и я васъ
запру, потому что мнѣ надо еще пойти распорядиться по хо-
зяйству...

— Не стѣсняйтесь изъ-за меня...

Гансъ уже влѣзъ въ шкафъ и собирался захлопнуть другую
половину, но вдругъ снова высунулъ голову и сказалъ:

— Но, не правда-ли, сударыня, вы принимаете на себя ответственность передъ вашимъ супругомъ?

— Будьте спокойны!

— Благодарю... но я все время собираюсь спросить васъ: какимъ образомъ ключъ очутился въ рукахъ у доктора?

— Это до васъ не касается.

— Благодарю! но, не правда-ли, сударыня, вы бы все-таки вышли за него замужъ, если бы я знала про это?

— Хорошо, что я этого не знала.

Она проговорила это такъ серьезно, что Гансъ никакъ не могъ унять.

— Почему же?

— Мнѣ бы пришлось выдержать большую бурю, и...

Она провела рукою по лбу; но затѣмъ засмѣялась:

— Теперь, я васъ запроу.

— Еще одно слово: могу я стоять или дышать по временамъ и вообще выкидывать какія-нибудь штуки?

— Будьте тише воды, ниже травы!

— Ну, такъ прощайте мона.

Смѣющееся лицо исчезло; Анхенъ затворила шпайфъ, заперла его, положила ключъ въ карманъ, кивнула головой шпайфу, какъ будто могла видѣть, что Гансъ посылалъ въ немъ въ эту минуту ей поцѣлуй рукою и, отперевъ предварительно всѣ двери, побѣжала черезъ галлерею въ кухню, приведя въ неописанное удивленіе собравшихся трехъ слугъ въ кухнѣ, угрюмыхъ, молчаливыхъ и печальныхъ, — гнѣвъ, что бессознательно для самой себя весело запѣла, идя по галлерей.

— Она съ ума сошла, — сказала фрау Ульценъ.

— Или онъ и ей также явился, — замѣтилъ Балтазаръ.

— Не можетъ быть, чтобы это пѣла барыня, — рѣшила Дорте.

Но вотъ барыня появилась на порогѣ, улыбалась, какъ майское утро, и закричала голосомъ, вмѣстѣ и ласковымъ и повелительнымъ:

— Ну! въ самую послѣднюю минуту я должна задать вамъ цѣлую кучу дѣла! Мнѣ говорилъ докторъ, что молодые конторщики измѣдятся у... Имфельдъ, такъ кажется зовутъ ее, Балтазаръ! Ну, такъ идите сейчасъ къ нимъ и передайте поклонъ отъ г. доктора: онъ извиняется, что заставилъ ихъ такъ долго ждать, и затѣмъ тихохонько проведите ихъ въ столовую. А еще, Балтазаръ,несите-ка обратно эти ложки, вѣдь это не большой призвъ, и поскорѣй возвращайтесь домой. — А вы, милая

фрау Ульценъ, накройте тѣмъ временемъ столъ не на пять приборовъ, какъ вы это уже одѣлали, но на пятнадцать. Балътазаръ, какъ вернется, поможетъ вамъ, да и моя Аннетта также. Она очень ловкая дѣвушка. А серебро, какое вамъ понадобится, вы можете взять изъ буфета... Я тоже приготовила сюрпризъ барину. Ступайте въ столовую. А вы, моя милая... Дорте, такъ кажется васъ зовутъ,—скоро ли поспѣеть у васъ ужинъ? И что вы намъ стоговили? Два жаренухъ? Ну, этого будетъ довольно.

Барыня отворила дверцу въ духовой шкафъ и заглянула въ него. Но Дорте словно приросла къ мѣсту, уставивъ изумленные глаза на Анхенъ,—между тѣмъ какъ остальные двое вышли изъ кухни,—а у Анхенъ, хотя она и говорила весело и живо, глаза были полны слезъ. Этого зрѣлища Дорте не могла долге выдержать. Она подбѣжала къ барынѣ, ушла передъ ней на колѣни и вскричала, рыдая:

— Ахъ! не притворяйтесь, милая барыня, все проналю!

— И ты, Дорте?

— Ахъ! барыня, что же дѣлать, если Кабельманъ пришелъ въ кухню и сказалъ:—самъ ассессоръ сейчасъ придетъ!

— И уйдетъ назадъ, Дорте!

— Но съ кѣмъ? Съ добрымъ баринкомъ! Ахъ, Боже мой! Ахъ! Боже мой! Вы не повѣрите, какой онъ добрый!

— Откуда ты его знаешь, Дорте? Но сперва встань и... говори потише!

— Я уроженка Вольдома, сударини,—рыдала Дорте, поднимаясь съ колѣнъ,—я дочь штурмана, сударини, — съ одного изъ его кораблей — мой отецъ оборвался съ мачты и уналъ за бортъ, а у моей матери было, кромѣ меня, еще шесть человѣкъ дѣтей и все малъ-мала меньше, и всѣ мы умерли бы съ голоду, если бы г. сенаторъ не позаботился о насъ; мальчишекъ отдалъ въ ученье и воспиталъ ихъ матросами; и теперь они всѣ хорошо пристроены и четверо даже женаты—а я была самая младшая и однихъ съ нимъ лѣтъ, и мы часто играли вмѣстѣ, когда были дѣтьми, здѣсь—на дворѣ, и на рынкѣ, и на мѣшкахъ балласта въ гавани—и хоть я и штурманская дочь, а онъ—сынъ сенатора, но онъ не гордился передо мной, и водился со всѣми мальчишками, но только былъ всѣхъ ихъ сильнѣе, а насъ, дѣточекъ, онъ всегда бралъ подъ свое покровительство и однажды сказалъ мнѣ:—Дорте, сказалъ онъ мнѣ:—я не могу на тебѣ жениться, но когда ты будешь выходить замужъ, то я дамъ тебѣ приданое, и я думала: что онъ совсѣтъ и позабылъ объ этомъ. Но когда меня помолвили на святой съ Христианомъ Шульгенцемъ — онъ

тотже штурманъ, сударыня, и находится теперь въ Америкѣ, а когда онъ вернется весной, то мы обвѣщаемся — вотъ онъ и говорить мнѣ: — Дорте, я позабочусь о твоёмъ приданомъ, а когда онъ уѣзжалъ жениться, шесть недѣль тому назадъ — я жила у тети Имфельдъ уже два года, — Дорте, — сказала онъ, — мнѣ бы хотѣлось, чтобъ жена, когда прійдетъ, нашла бы въ домѣ хорошую дѣвушку, на которую могла бы положиться, и я уже говорилъ съ теткой Имфельдъ... Ахъ! сударыня, я совсѣмъ не для хвастовства говорю это... но въ цѣломъ Вольдомѣ не найдется человѣка — ужъ между бѣдными навѣрное ни одного — кому бы онъ не помогать и не разъ... такой души, какъ у нашего барина, ни у кого больше нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, сударыня, хотѣе вѣрить, хотѣе нѣтъ... и вдругъ теперь...

— Не плачь, милое дитя, — сказала Анхель.

— Да вѣдь вы тоже плачете, сударыня, — рыдала Дорте.

— Все нѣтъ, — отвѣчала Анхель.

Дорте провела обѣими красивыми руками по глазамъ.

— Я никогда не забуду про твои слезы, пока буду жива! никогда! а теперь готовь свое жаркое, моя милая.

Дорте осталась посреди кухни, и сама не знала, во снѣ ли она это видѣла, или красавица-барыня въ самомъ дѣлѣ подѣловала ее, а затѣмъ ушла, или, скорѣе, улетѣла изъ кухни.

VIII.

— Послѣ васъ, пожалуйста! — Нѣтъ, послѣ васъ, если позволите! — больше они ничего не сказали, — докладывалъ Бальтазаръ, который необыкновенно быстро исполнилъ данные ему порученія, и теперь шёлъ доктора и г. фонъ-Франка, по приказанію барыни, которая находилась съ фрау Ульценъ въ столовой, въ комнату барина.

Бальтазара, совсѣмъ отрезвившійся, благодаря всѣмъ чудесамъ, которыя онъ видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе десять минутъ — и только по временамъ украдкой обвѣивавшійся по-истинѣ жалостливыми взглядами съ фрау Ульценъ — не могъ въ самомъ дѣлѣ сообщить ничего иного. Но старикъ не успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ споръ, прервавшійся въ его присутствіи, снова разгорѣлся.

— А я вамъ поверю и повторю, — кричалъ ассессоръ тихимъ, тонкимъ, но замѣчательно-истиннымъ голосомъ: — я ничего не сдѣлалъ и не дѣлаю такого, чего бы вы сами не сдѣ-

дали на моемъ мѣстѣ. И если—чего я не отрицаю—это дѣло меня такъ слабо интересуетъ, то развѣ вы не называете интереснымъ случаемъ болѣзнь, которая съ такою силой завладѣваетъ вполне здоровымъ на видъ человекомъ, что у всѣхъ честныхъ людей волосы становятся дыбомъ на головѣ при видѣ его, или другой коварный недугъ, который никакъ не поддастся внешней наукѣ? И развѣ долгъ и нѣмѣсть съ тѣмъ интересъ не заставляютъ васъ наблюдать каждый подозрительный симптомъ? и развѣ вы не выводите вашихъ заключеній о характерѣ болѣзни на основаніи этихъ наблюденій, этихъ изслѣдованій? Развѣ симптомы, которые я перечислилъ вамъ въ моемъ случаѣ, не достаточно подозрительны? развѣ они не такого рода, что всякій прокуроръ въ мірѣ немедленно заарестовалъ бы на ихъ основаніи человека? Молодой человекъ не ушелъ живымъ изъ этой комнаты — это для меня ясно, какъ Божій день! Куда онъ дѣвался? да! почтеннѣйшій, объ этомъ-то я ломалъ себѣ голову въ продолженіи четырехъ недѣль, пока сегодня вечеромъ не получилъ удивительнѣйшаго довѣда, который вамъ угодно называть мистификаціей. Хорошо! мы увидимъ, насколько тутъ правды! Трупа не запираютъ въ шкафъ и не оставляютъ его тамъ въ теченіи шести недѣль — согласенъ, по многимъ причинамъ! Я не вѣрю также въ потайной ходъ, но я хорошо изучилъ постройку этого дома по старинному плану, доставленному мнѣ нашимъ городскимъ архитекторомъ: стѣны настолько толсты, что позади шкафа, который мнѣ давно подозрителенъ, или подъ нимъ легко можетъ быть какая-нибудь впадина или нѣчто въ этомъ родѣ. Вонъ тамъ, въ выдающемся углу комнаты, у окна—вы видите, какъ я хорошо могу ориентироваться, хотя и никогда не бывалъ въ этомъ домѣ—долженъ быть шкафъ. И встати—какъ, однако, вдругъ осѣняютъ на самомъ мѣстѣ необыкновенныя мысли! — куда дѣвалась вывѣска, которая до той ночи висѣла подъ тѣмъ окномъ и пропала въ ту ночь?

— Но какую, чортъ побери, это имѣетъ связь со всѣмъ дѣломъ?—вскричалъ докторъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ ассессоръ, потирая низенькій лобъ;— я знаю только, что когда я пріѣхалъ въ Болыдомъ, то впервые узналъ, въ моему немалому удивленію, о существованіи мелочной лавочки въ этомъ домѣ; объ этомъ обстоятельствѣ, въ то время, какъ г. Нудель проживалъ въ качествѣ жениха въ Кѣльмѣ, я не слыхалъ никогда ни полслова, хотя какъ близкій другъ дема былъ бы соизвѣстнъ всего, что тамъ происходило, — и въ отношеніи для г. жениха, потому-что, насколько я знаю эту семью и въ особен-

нести тещу г. Нуделя, за него ни за что не выдали бы дочь, если бы это обстоятельство было известно. Молодой человек был его доверенным лицом... онъ и вывѣлся изъ дому и ту же ночь. Право! это наводитъ меня совсѣмъ на необыкновенныя мысли, на совсѣмъ новыя комбинаціи... вы смѣетесь, натурально.

— Я не смѣюсь!—отвѣчаютъ докторъ, находившіеся на другомъ концѣ комнаты.

— Однако здѣсь былъ слышенъ смѣхъ,—замѣтилъ ассессоръ, стоявшій возле шкафа.

— Ну, значить это самъ сатана смѣется!—закричалъ докторъ.

Ему было не до смѣху: онъ боролся съ искушеніемъ схватить за горло этого дьявола, какъ лающую бѣшеную собаку, готовящуюся вылезти ядовитые зубы въ то, что для него дороже всего на свѣтѣ! Боже мой! чѣмъ все это кончится? ну, если молодая женщина не воспользовалась ключомъ, который онъ ей послалъ, или не рѣшилась употребить его въ дѣло... а развѣ онъ самъ не отнялъ у ней послѣднато мужества?... Если этотъ ужасный человѣкъ, черные, проницательные глаза котораго проникали сквозь глубочайшія тайны, какъ стекло, найдутъ какой-нибудь окровавленный платокъ, или фуражку, или вообще какой-нибудь предметъ, принадлежащій Гансу, или другую какую-нибудь улику; если онъ, какъ это неизбежно, найдетъ въ шкафу вывѣску—что изъ этого воспослѣдуетъ? И тогда... тутъ послышался стукъ кареты, быстро катившейся... грохъ и трескъ раздались подъ самыми окнами, затѣмъ, стой! они пріѣхали! громкій звонокъ... поспѣшныя шаги по лѣстницѣ... кто-то сбѣгаетъ съ лѣстницы и затѣмъ поднимается на нее.... вотъ слышится голоса... чѣмъ все это кончится? .

—Снова дамъ вамъ слово,—сказалъ ассессоръ, шепотомъ, подойдя къ доктору,—что я, помимо всякихъ личностей, буду соблюдать величайшую деликатность. Отъ такта молодой женщины, отъ поведения г. Нуделя будетъ зависеть, смогу ли я соблазнить ее. —Любимый г. Нудель, простите ли вы старому другу милого дома въ Кельнѣ, если онъ—по приглашенію и подъ отвѣтственностью нашего безцѣпнаго доктора—осмѣливается уже сегодня вечеромъ привѣтствовать васъ и просить позволенія быть допущеннымъ въ вашъ семейный кружокъ?

Лебрехтъ, только-что вошедшій въ комнату, бросилъ мрачный взглядъ на бѣднаго доктора, который, какъ безумный, бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не взявъ протянутую руку ассессора и сказалъ:

— Гостепріимство, г. фонъ-Франкъ, считается у насъ, въ Помераніи, ненарушимымъ закономъ. По этому милости просить. Моя жена уже знаетъ о вашемъ присутствіи. Она проситъ извинить ея отсутствіе еще въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, пока она здоровається съ своими родителями. Не угодно ли пока садиться? Не сядешь ли и ты, Адальбертъ?

— Благодарю! — отвѣчалъ докторъ, продолжая бѣгать по комнатѣ.

Красивое лицо Лебрехта измѣняло безпокойство, мучившее его. Ничье присутствіе не могло быть такъ ему непріятно въ настоящую минуту, какъ отсутствіе ассессора. Все время какъ онъ бѣгалъ на дебаркадеръ, забившись въ темный уголъ кареты, ему припоминались предостереженія пріятеля, печальный взглядъ, брошенный на него бѣдной, ничего не подовѣряющей Анхенъ, когда онъ выходилъ изъ комнаты; — безуміе того положенія, въ какое онъ себя поставилъ, стало для него яснымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его созрѣла твердая рѣшимость. Онъ хотѣлъ не только одной Анхенъ, не только родителей, но всѣмъ имъ вмѣстѣ и въ присутствіи Бертрама, уваженіемъ котораго онъ дорожилъ болѣе, чѣмъ уваженіемъ всѣхъ остальныхъ людей, вмѣстѣ всѣхъ, за исключеніемъ Анхенъ, — онъ хотѣлъ сказать имъ: вотъ что случилось! Поступайте теперь, какъ знаете! Какъ они поступить? что скажутъ родители? что скажетъ Анхенъ — онъ заранѣе уничтоженно склонялъ голову: онъ заслуживалъ, но его мнѣнію, всякой кары, мало того: онъ спрашивалъ себя: не желательно ли для него, чтобы его постигла самая жестокая кара? и можетъ ли онъ, въ случаѣ если бы онъ избѣгъ ея, когда-либо жить снова въ мирѣ со своей совѣстью? Какъ онъ перенесетъ ее — объ этомъ онъ себя не спрашивалъ.

А теперь влюбный случай бросилъ ему на дорогу этого человѣка, къ которому онъ съ перваго момента почувствовалъ глубокую, неопределимую антипатію, чей злой языкъ онъ уже испыталъ на самомъ себѣ, въ чьей враждебности — хотя онъ и не имѣлъ на то доказательствъ — онъ былъ инстинктивно убѣжденъ, и котораго такъ уважали, если не сама Анхенъ, то ее родители. Ему уже было непріятно, когда Бертрамъ вскользь упомянулъ давеча, что этотъ человѣкъ находится въ настоящее время въ Вольдомѣ; и вотъ, вдругъ, теперь этотъ человѣкъ сидитъ, словно ему на зло, передъ его каминомъ. Или же это было лишь усугубленіемъ наказанія? не долженъ ли онъ сознаться въ присутствіи этого человѣка въ томъ, чего не смѣлъ объявить въ присутствіи друга? Ну, что-жъ! онъ вѣдь рѣшилъ, что нѣмавое

наказаніе не будетъ слишкомъ жестокииъ: тяжёлье этого не могу придумать для него самъ сазана!

Въ то время, какъ эти мрачныя, безутѣшныя мысли наводили душу бѣднаго, молчаливаго Лебрехта, а г. фонъ-Франкъ болталъ съ полной непринужденностью о Кальнѣ и Вальдомѣ, о томъ и сѣмъ, доктору Вертраму было вдоволь времени, чтобы наблюдать за странной четой у камина: неужели это его другъ бесѣдуетъ съ новымъ знакомымъ? вѣтъ! то бѣдная муха попала въ паутину пауку, который осторожно трогаетъ нитку, чтобы видѣть, какъ велика сила сопротивленія у его жертвы;—то глупый бѣдняга-путникъ спокойно идетъ своей дорогой въ то время, какъ разбойникъ, стоя за деревомъ, прицѣливается въ него изъ ружья,—это человѣкъ, котораго ударъ въ сердце повергаетъ бездыханнымъ на стулъ въ то время, какъ онъ собирается помянуть уголья въ каминѣ...

Такъ размышлялъ чудакъ, опирая ноть ужаса съ своего лица, и вдругъ онаметѣлъ на мѣстѣ съ платкомъ въ рукахъ: на порогѣ двери, которую Балтазаръ распахнулъ настежь, показался внушительнаго вида старшій господинъ въ черномъ фракѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, между двухъ высокихъ и туго-накрахмаленныхъ брыжжакъ, ведя подъ-руку высокую, полную даму въ черномъ шелковомъ платьѣ, выдающейся чертой лица которой былъ орлиный носъ, красовавшійся межъ густыхъ, черныхъ, прямыхъ бровей, а въ-за черныхъ плечъ этой достойной пары выглядывало прекрасное личико, котораго только онъ и искалъ, и онъ увидѣлъ устремленный на него взглядъ большихъ, лучистыхъ глазъ, сопровождаемый лукавой, веселой улыбкой... и всѣ въ комнатѣ, не исключая и самого ассессора, были испуганы страннымъ звенящимъ возгласомъ, похожимъ—не то на крикъ человѣка, не то на крикъ цѣтуха, и который несомнѣнно испустилъ докторъ, несмотря на то, что онъ съ почтительнѣйшей миной подходилъ теперь къ г-ну и г-жѣ Comexienrath Шмицъ и предъявилъ, въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ, право быть имъ представленнымъ въ качествѣ старѣйшаго и лучшаго друга Лебрехта.

Минуту спустя, общество, устроенное вокругъ камина, завязало самый веселый разговоръ, въ которомъ одинъ только Лебрехтъ не принималъ участія. Какое ему было дѣло до воспоминаній г-на фонъ-Франка о гостепріимномъ домѣ въ священномъ городѣ? какое дѣло до милостивыхъ отвѣтовъ его тещи? какое дѣло до разсказа свекра о событіяхъ дня, — о голодѣ и жадѣ, мужественно перенесенныхъ, чтобы не испортить ужина,

а главное — королевского кубка? какое дѣло до юмора Бертрама, изливавшегося въ самыхъ дикихъ выходкахъ и неоднократно уже повергавшаго добраго стараго папѣ припадкамъ судорожнаго смѣха? Взоры его угадывали вскаки лишь «ея» лица, которое никогда еще не вазалось ему столь прекраснымъ, одушевленное веселостью, представившею для него такой убійственный контрастъ съ его усталой, молчаливостью въ предыдущіе часы. И затѣмъ поторенилась она надѣть веленое шелковое платье, которое онъ такъ любилъ, потому что впервые онъ увидѣлъ ее въ немъ? — лишь затѣмъ, чтобы дать ему сильнѣе почувствовать, какого сокровища готовъ онъ лишиться, быть можетъ, навсегда! Замоленъ тогда ее смѣхъ, который время отъ времени серебромъ раскатывается среди разговора, и горестно и сладостно раздастся въ его ухахъ! Омрачится ее прелестное личико при первыхъ же его словахъ, которыя, однако, должны быть высказаны:

— Уважаемые гости! позвольте мнѣ сказать пару словъ...

— Ни нодъ какимъ видомъ, — перебилъ его докторъ, все время наблюдавшій за нимъ, несмотря на свои дурачества: — онъ хочетъ произнести спичъ! не дозволяйте этого, сударыня!

— Ни за что на свѣтѣ! — воскричала Анхентъ, отрываясь, но-видимому, отъ оживленной бесѣды съ ассессоромъ: — ты скажешь спичъ за столомъ... Я обожаю застольные спичи. Папѣ отлично говорить ихъ. Да, да, папахентъ, это такъ! а г-нъ ассессоръ, должно вамъ знать, докторъ, прославился на всемъ Рейнѣ своими тостами! Что же касается васъ, милый докторъ, то послѣ рѣчи, которую вы мнѣ сказали сродня, — я многого ожидаю отъ васъ. А, Лебрехтъ, ты тоже долженъ сказать спичъ! — право! хочешь или нѣтъ: я все-таки вѣдь пригласила твоихъ приказчиковъ — я удивляюсь, что еще ихъ здѣсь нѣтъ — всѣхъ, даже и тѣхъ, что сидятъ въ нашей лавкѣ. Да, да, мамахентъ, у насъ есть своя лавка! настоящій магазинъ колоніальныхъ и съѣстныхъ продуктовъ, которая существуетъ уже Богъ знаетъ съ какихъ временъ и въ которой можно все достать, что только можетъ понадобиться для кухни. Могу сказать: ничто въ этомъ велико-лѣпномъ, старомъ домѣ меня такъ не порадовало, какъ моя лавка. Потому что — знаешь, мамахентъ? — Лебрехтъ подарилъ мнѣ въ день нашего обрученія доходы съ лавки, на мои нарядные расходы, — это составляетъ нѣсколько тысячъ талеровъ въ годъ, мамахентъ! Мы хотѣли сдѣлать вамъ сюрпризъ, и Лебрехтъ велѣлъ даже снять старую вивѣску, но я слишкомъ горжусь своей лавкой и велѣла снова повѣсить вивѣску на старое мѣсто. Вы ее не замѣтили въ темнотѣ. И — знаешь, папахентъ? — сахаръ и по-

меранцы для королевского кубка будутъ изъ моей ланки. Но, мамахень, что тебя особенно должно интересовать, такъ это то, что у насъ есть свелеть въ домѣ, а свелеть въ домѣ—знаешь ли?—есть самая аристократическая вещь въ мірѣ, потому что свелеть можетъ водиться лишь въ очень знатныхъ домахъ, и въ каждомъ знатномъ домѣ есть свой свелеть. Вотъ докторъ, который знаетъ всю исторію свелетовъ, говоритъ, что существуютъ хроническіе и острые свелеты,—такъ вѣдь, докторъ? Но хроническіе-то и суть самые настоящіе, а нашъ хроническій,—самый настоящій. О, онъ возбуждиль во мнѣ такое любопытство поглядѣть на нашего свелета, но Лебрехтъ потерялъ ключъ отъ стѣнного шкафа, гдѣ сидитъ нашъ свелеть, и мнѣ пришлось ждать, пока же привезли нашъ багажъ! И поэтому, въ великому отчаянію нашей фрау Улицень, я и по сіе время нахожусь безъ нашего серебра, которое, вмѣстѣ съ королевскимъ кубкомъ, спрятано въ немъ, а потому давно пора достать наше серебро и идти ужинать. Свелеть тоже, натурально, тамъ. Ты, мамахень, не должна пугаться его. Въ нашихъ пятидесяти замкахъ навѣрное водилось несмѣтное количество свелетовъ, и нашему ассессору будетъ такъ пріятно съ нимъ познакомиться! Вы тоже изъ стариннаго дома, г-нъ фонъ-Франкъ, и я знаю, что вы обоимъ свелетамъ, а въ особенности нашему. — Вотъ ключъ, милый Лебрехтъ!

На лицо Лебрехта легло горячее облако съ того момента, какъ Анхень произнесла роковое слово. Бертрамъ ли выдать его? откуда она взяла ключъ—объ этомъ онъ не успѣлъ раздуматься, да оно было и ненужно. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ одно только: раскаяніе, искупленіе приходитъ слишкомъ поздно. Ему хотѣлось броситься со стыдомъ въ ноги волшебницы, которая, сладко улыбаясь, шуточно высвобождала его изъ тѣхъ путъ, которые онъ своею глупостью наложилъ на самого себя.

И въ то время какъ онъ—слабый, пристыженный человѣкъ—еще дивился незаслуженной милости, новый лучъ озарилъ его голову! Неужели это можетъ быть? Ея прежнее смущеніе... ея теперешняя веселость... давешніе намеки Бертрама... непонятное присутствіе ассессора... полицейскій служитель, неотступно слѣдовавшій за нимъ на дебаркадеръ малѣйной дороги—она знала обо всемъ этомъ, все вынесла, обо всемъ промолчала... она, которую онъ не считалъ достаточно великодушной, чтобы простить ему жгучій пустякъ... и которая теперь приготовила ему еще лучшій даръ...

Сильный чмокъ былъ сраженъ величиною своего благополучія. Онъ вскопчилъ съ своего мѣста, какъ пьяный и бросившись къ швафу, распахнулъ оба его двери.

— Гансъ!

Гансъ съ такою неснѣнною бросился въ объятія своего милаго хозяина, что нельзя было понять, выбѣжалъ ли онъ изъ швафа, или выросъ изъ земли. Даже мамаша Анхенъ не успѣла вскрикнуть отъ удивленія или отъ испуга, въ то время, какъ оба свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки, со слезами на глазахъ снова и снова обнимали другъ друга и жали другъ другу руки.

Но вотъ Гансъ первый вырвался изъ объятій Либрехта, отеръ слезы, вѣжливо поклонился и сказалъ:

— Прошу прощенья, господа, меня зовутъ Гансъ Флидербушъ, я четвертый прикащикъ въ домѣ вашего зятя... А, г-нъ ассессоръ фонъ-Франкъ? радуюсь необыкновенно случаю познакомиться съ вами. Вы должны извинить, господа, и мое волненіе, и мою худобу! не шутка вѣдь просидѣть шесть недѣль въ темнотѣ, безъ всякаго развлеченія, кромѣ ежедневной, ночной прогулки черезъ потаенный ходъ на Вислинскую гору и тамъ играть въ карты съ капитанами невольничьихъ кораблей! И представьте, эти негодяи, обыгравъ всѣ мои деньги, перебрали всю серебряную посуду, шутокъ за шукой, вромѣ королевскаго кубка, г. коммерціи совѣтникъ, который, какъ видите, одиноко красуется въ швафу и который я ни за что не хотѣлъ отдать. И представьте себѣ, какъ велика жадность у этихъ негодяевъ: они сняли подъ кофеецъ съ меня сапоги...

— *Manvais sujet!* — закричалъ докторъ, кладя оба руки на плечи Ганса, — когда ты образумишься. Вы должны знать, г. коммерціи совѣтникъ...

И докторъ тихо похлопалъ по плечу г. коммерціи совѣтника, не понимавшаго ровно ничего во всей этой шуткѣ, но чуть не помиравшаго со смѣха, глядя на забавнаго человѣка, точно выскочившаго изъ карнавала, и, отведя его въ сторону, шепнулъ ему два-три слова въ поясненіе этой загадки, въ то время, какъ Гансъ перепрыгнулъ за порогъ въ столовую, откуда доносились шопотъ и звуки камертона, настраиваемого на А.

— Ради Бога, любезный г. фонъ-Франкъ, что все это означаетъ? — шептала коммерціи совѣтника ассессору.

Въ это время, большія двери въ столовую распахнулись. Изъ нея полился ослѣпительный блескъ сотни свѣчей въ канделябрахъ на столѣ, заставленномъ серебромъ, и на стѣнахъ, надъ головами восьми или десяти молодыхъ людей, въ черныхъ фра-

кахъ и бѣлыхъ галстукахъ, которые тотчасъ же заплѣли на голосъ одной извѣстной мелодіи:

Кому амуръ надѣнетъ цѣпи,
Тому бываетъ тѣсенъ свѣтъ!
И онъ спѣшить сойтися съ тою,
Кого ему милѣе нѣтъ!

И въ часъ, когда ее онъ встрѣтитъ
И къ сердцу вѣрному прижметъ,
Счастливей нѣтъ его на свѣтѣ,
Да съ ней и горе онъ снесетъ.

Вѣдь все, что рокъ ему готовить,
Онъ дѣлитъ съ милою своею!
Она въ бѣдѣ ему поможетъ!
И съ нею радости свѣтлѣй!

Невинна ты, кротка, прекрасна,
Сияетъ взоръ счастливый твой.
Ему ты будешь утѣшеньемъ,
Подругой вѣрной, дорогой.

И мы, друзья, поемъ вамъ хоромъ,
Что вѣримъ вашей мы звѣздѣ!
Желаемъ счастья и здоровья
Прекрасной, юной мы четѣ!

Затѣмъ кругъ разступился, чтобы пропустить гостей, предводительствуемыхъ Гансомъ, который несъ «королевскій кубокъ». Папа Шмицъ, ведшій Анхенъ подѣ руку, шепнулъ ей на ухо:
— Знаешь, Анхенъ, я скажу мамѣ, что я тоже зналъ объ этомъ, не правда ли?

Урожденная же фонъ Клингель-Пютцъ, которую Лебрехтъ велъ подѣ руку, милостиво увѣряла его, что она не вѣритъ; разумеется, ни одному слову той нѣсколько безцеремонной шутки, какую позволила себѣ Анхенъ съ «лавкой».

Докторъ остался нѣсколько назади, и затѣмъ оглянулся, чтобы предложить руку ассессору.

Но ассессоръ исчезъ.

— Жалко, — пробормоталъ докторъ, надѣвая очки, — онъ не глупъ и могъ бы сегодня вечеромъ позабавить меня... Какъ бываютъ добры и незлобивы люди, благополучно отдѣлавшіеся отъ «скелета въ домѣ» — the skeleton in the house!

Фр. Шпильтгагенъ.

ПО ПОВОДУ КРИТИКЪ и РЕЦЕНЗІЙ

НА КНИГУ „ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ“.

Письмо въ Редакцію.

Въ нашихъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ говорилось не разъ о моемъ послѣднемъ сочиненіи „Землевладѣніе и Земледѣліе“; хотя большая часть этихъ отзывовъ очень благосклонны и лестны для автора, но были заявлены и нѣкоторые серьезныя возраженія, на которыя я считаю долгомъ представить мѣмъ отвѣты и объясненія.

Я это дѣлаю не изъ авторскаго самолюбія и не смѣю бы занимать читателей такой полемикой, еслибъ не признавалъ того нужнымъ для разъясненія самаго вопроса, составляющаго предметъ моего сочиненія. Этотъ предметъ такой сложный и спорный, что я напередъ долженъ былъ предвидѣть много возраженій и выжидалъ ихъ, чтобы распознать и различить слабыя стороны моихъ изслѣдованій и по возможности ихъ пояснить и исправить.

Самая слабая ихъ сторона та, что они касаются одного изъ живыхъ вопросовъ нашего времени, раздѣляющаго образованнѣйшія общества Европы на два враждебные лагеря, такъ что эконоическая, хозяйственная ихъ сторона всегда заслоняется тенденціозными политическими видами, которые болѣе или менѣе мѣшаютъ правильному обсужденію самаго предмета.

Поэтому неудивительно, что и моя книга, какъ и многія другія попытки—освѣтить эту темную область поземельнаго быта сельскихъ сословій, подверглась нареканіямъ съ разныхъ и самыхъ противоположныхъ сторонъ: многіе читатели, удостоившіе мою книгу только

прочтениемъ отдѣльныхъ страницъ, нашедъ въ ней отголосокъ анти-соціальныхъ ученій, европейскихъ демагоговъ и, закрывъ книгу на такихъ неблагонамѣренныхъ отрывкахъ, произнесли надъ ней строгій приговоръ:—она отзывается коммунизмомъ.

Другіе, совершенно наоборотъ, ставятъ мнѣ въ вину нѣкоторую сдержанность или даже непослѣдовательность, робость въ моихъ сужденіяхъ, и, соглаваясь со мной въ общихъ взглядахъ и принципахъ, жалуются, что я не провожу ихъ въ дѣйствительный бытъ, не при-мѣняю ихъ всецѣло къ практикѣ и какъ будто стараюсь отъ основ-ныхъ положеній, мною же предложенныхъ.

Одинъ изъ критиковъ, возводитъ на меня даже формальное обвиненіе „въ безпринципности и противоположности принциповъ“, упрекаетъ меня, „что я дѣйствую въ пользу реакціи и желаю ей угодить“, угрожаетъ „не пригласить меня въ устроители русской земли“ (sic!), и, наконецъ, дѣлаетъ мнѣ внушеніе, приводя библейское изреченіе: „горе сердцамъ, страшимымъ и рукамъ ослабленнымъ и грѣшникамъ ходящимъ на двѣ стези“ ¹⁾. — Эти-то противоположныя обвиненія и оправдываютъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ утѣшаютъ меня сознаниемъ, что я удержался на той „стезѣ“ (говоря библейскимъ слогомъ моего критика), по которой хотѣлъ идти. *Стезя эта*—не реакція и не *устройство русской земли*, а ея изслѣдованіе, изученіе народнаго быта и соглашеніе интересовъ разныхъ классовъ жителей мирнымъ путемъ разумныхъ уступокъ.

Но за исключеніемъ этого крайне строгаго выговора, я искренно долженъ благодарить моихъ критиковъ за вниманіе, коимъ они удостоили мой посильный трудъ и за многія дѣльныя ихъ замѣчанія, на которыя я постараюсь дать нужныя объясненія.

Первое замѣчаніе, о которомъ я выше упомянулъ: „что сочиненіе мое отзывается пресловутыми теоріями европейскихъ соціалистовъ“—было мнѣ дѣлаемо очень часто словесно читателями, недочитавшими мою книгу до конца, но оно было сформулировано и въ печати, на-примѣръ, въ статьѣ, помѣщенной въ здѣшней французской газетѣ ²⁾.

Въ этомъ обвиненіи мнѣ довольно трудно себя оправдать, если бы такое оправданіе было необходимо, ибо дѣйствительно исходныя мои положенія, заимствованы прямо изъ задачаній такъ-называемыхъ соціальныхъ демократовъ; что въ жалобахъ европейскихъ рабочихъ

¹⁾ Отеч. Зап., авг., 1877, стр. 264.

²⁾ 31 января 1877 г.

классовъ много справедливого, что городской пролетаріатъ возникъ изъ экспропріаціи сельскихъ сословій, что крупное землевладѣніе въ Европѣ подавило мелкія крестьянскія хозяйства, и что эти причины повліяли вредно, пагубно на социальный строй образованныхъ странъ свѣта—во всемъ этомъ я раздѣляю вышеупомянутыя заявленія. Неудовольствіе рабочихъ классовъ, хотя оно и эксплуатируется агитаторами для своихъ видовъ и цѣлей, простирается, однако, изъ естественныхъ коренныхъ причинъ, изъ коихъ главная—та, что они находятся въ вѣчной кабалѣ наемнаго труда, не имѣя своего собственнаго хозяйства.

Затѣмъ, я также удостовѣрился изъ новѣйшей исторіи освобожденія крестьянъ и устроенія ихъ быта, что эти благотѣльные реформы были обставлены въ разныхъ государствахъ такими аграрными и кредитными мѣрами, которыя неизбежно должны были привести большую часть сельскихъ жителей къ несостоятельности, заставить ихъ не насильственно, но по крайней нуждѣ—распродать или уступить свои имущества и въ концѣ-концовъ утратить прежній осѣдлый хозяйственный бытъ, чтобы превратиться въ наемниковъ и слугителей.—Это я признаю великимъ зломъ, грозною опасностью, въ чемъ я думаю согласны и мои оппоненты. Но они считаютъ такое положеніе рабочихъ классовъ какъ будто закономъ естества, условіемъ гражданства и цивилизаціи и во всякомъ случаѣ неизбежнымъ послѣдствіемъ высшей культуры; я же, напротивъ, усматриваю изъ исторіи, что оно произошло вовсе не изъ такихъ естественныхъ причинъ, не отъ приращенія и густоты населенія, не отъ недостатка земель и неспособности людей,—а отъ неправильнаго распредѣленія имущества, дурной организаціи наслѣдства и родственныхъ правъ и недостатка кредита, который поглощался, истощивался помѣстными и торговыми сословіями; и такъ какъ всѣ эти явленія были послѣдствія законодательныхъ и экономическихъ мѣропріятій, то я полагаю, что они могутъ быть предотвращены такими же заблаговременными предпріятіями для огражденія мелкихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, мое мнѣніе о злокачественности самаго этого факта, т.-е. безземельнаго положенія европейскихъ рабочихъ, совпадаетъ съ мнѣніями западныхъ радикаловъ и социалистовъ. Но, при обсужденіи причинъ этого явленія и средствъ его избѣгнуть, я становлюсь на другую почву и прихожу къ выводамъ діаметрально противоположнымъ. Коммунистическія и социалистическія школы возникли на Западѣ въ то время (въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія), когда уже общественный и аграрный строй въ этихъ странахъ окончательно сложился, и изъ прежняго осѣдлаго, домовитаго крестьянства выдѣлилась большая масса немущихъ рабочихъ-наем-

никовъ. Это положеніе и было принято социалистами какъ совершившійся фактъ, какъ исходный пунктъ ихъ предначертаній. Видя, съ одной стороны, что все недвижимыя имущества подѣлены, и съ другой, что низшіе классы присуждены исключительно къ наемной работѣ, они раздѣлили всѣхъ жителей на два разряда: собственниковъ и рабочихъ, и стали разсматривать ихъ какъ два противоположные и непримиримые элемента современныхъ обществъ. Предметомъ ихъ заботъ и попеченій были рабочіе классы, какъ они есть, т. е. безземельные и бездомные, и такъ какъ возвращеніе имъ утраченныхъ имуществъ и раздѣлъ земель оказывались невозможными безъ всемірной революціи, то они (социалисты) не нашли другого исхода, какъ отрицаніе самаго права собственности и основанныхъ на ней правъ семействъ и наслѣдства и провозглашеніе социальной революціи. Изъ того, что этими правами высшія и среднія сословія злоупотребляли, они выводили заключенія, что они незаконны, противоестественны; изъ того, что земель не доставало для всѣхъ жителей, они заключали, что земля не должна принадлежать никому.

Такимъ образомъ, рабочий бытъ сдѣлался главнымъ предметомъ изслѣдованій и агитацій, какъ будто онъ и составляетъ естественное положеніе рода человѣческаго; вопросы объ ассоціаціи рабочихъ, наемной платѣ, рабочихъ часахъ, стачкахъ и т. п. вращались въ одномъ и томъ же кругу неразрѣшимой задачи — вывести людей изъ кабалы людей богатыхъ и сдѣлать человѣческій трудъ и личную работу исполнѣ самостоятельными, независимыми отъ собственности. Изслѣдованія большей части иностранныхъ экономистовъ были посвящены почти исключительно быту городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, которые составляютъ въ Европѣ главную и самую безпощадную массу пролетаріевъ, и при этомъ все-таки упускалось изъ виду другое важнѣйшее соображеніе: изслѣдованіе того источника, откуда течетъ пролетаріатъ, а именно *сельскаго крестьянскаго быта*, который устроенъ такъ на основаніи римской и европейской юриспруденціи, что изъ него неукрестанно набираются толпы новыхъ рабочихъ пролетаріевъ.

Такая постановка вопроса мнѣ кажется совершенно превратною, хотя, впрочемъ, нельзя не признать, что для европейскихъ социалистовъ она представлялась едва ли не единственнымъ средствомъ для проведенія своихъ доктринъ: — городскіе и фабричные рабочіе, уже отвыкшіе отъ хозяйственной, семейной жизни, болѣе или менѣе развращенные бродяжничествомъ въ отодихахъ и городахъ, утратившіе привычки и приемы сельско-земледѣльческаго быта, очень мало способны въ владѣнію и управленію нелегальной собственностью, и еслибъ имъ предложены были земельный надѣлъ, то они вѣроятно отказались бы

отъ такого благодѣянія, или, принявъ, не могли бы справиться съ тяжелымъ трудомъ полевыхъ работъ, требующихъ особаго навыка.

Поэтому европейскіе социалисты принуждены были вѣсть за исходное положеніе это состояніе низшихъ классовъ, т.-е именно *рабочее ихъ состояніе*, нѣмущее, бездомное, и всѣ ихъ предначертанія объ улучшеніи народнаго быта исходили изъ стремленія освободить рабочихъ отъ гнета капитала и собственности, сдѣлать личный трудъ вполне независимымъ и самостоятельнымъ. Не видя возможности надѣлать рабочіе классы имуществомъ, и сознавая, что такой надѣлъ или передѣлъ въ странахъ густонаселенныхъ очень затруднителенъ, они по неволѣ задались идеальной задачей—сдѣлать трудъ вполне вольнымъ и безъ помощи движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ, придумывая для этого разныя комбинаціи, которыя по сіе время не привели ни къ какимъ результатамъ.

Въ Россіи вопросъ этотъ представляется въ совершенно иномъ видѣ.

Процессъ обезземленія низшихъ классовъ и перехода сельскихъ жителей изъ крестьянскаго состоянія въ городскіе и фабричныя черноработіе, процессъ, доведенный до конца въ Англіи, до половины въ другихъ странахъ Европы, въ Россіи, благодаря Бога, былъ прерванъ въ самомъ началѣ. Большая часть рабочаго населенія сохранила свои недвижимыя имущества, земли и дворы, и обыватели русской земли, сельскіе и городскіе, за весьма немногими исключеніями, соединяютъ въ себѣ оба эти элемента имущества, собственность общинную или частную. Они заинтересованы въ одинаковой степени и въ выгодахъ земледѣлія какъ работы, и въ прибылкахъ и убыткахъ землевладѣнія, какъ собственности. Изъ этого, очевидно, вытекаетъ необходимость разсматривать эти интересы совокупно; ставить рабочій вопросъ отдѣльно или даже противоположно праву собственности, какъ европейскіе социалисты, вначало бы разсѣкать надвое не только сельскія общества, но и самыя хозяйства, семьи, дворы, наконецъ и самыя личности, которыя попеременно въ одномъ и томъ же индивидуумѣ являются то рабочими, то хозяевами, то наемниками, то собственниками.

Крестьянинъ, какъ домохозяинъ, имѣетъ такую же нужду и пользы, какъ и прочіе собственники, онъ рассчитываетъ, какъ и крупный или средній владѣлецъ, на изобиліе урожая и высокія цѣны своихъ продуктовъ, хотя такая дороговизна хлѣбовъ, съѣстныхъ припасовъ и другихъ сырыхъ матеріаловъ, очевидно, противна интересамъ рабочихъ пролетаріевъ, городскихъ сословій и другихъ потребителей.

Но, съ другой стороны, тотъ же домохозяинъ, если собственное хозяйство не покрываетъ его потребностей или если у него остается

свободное время отъ домашнихъ работъ, ищетъ постороннихъ заработковъ, отходить на промыслы, и тутъ временно превращается изъ владѣльца-хозяина въ рабочаго-наемника, интересуясь, наоборотъ, удешевленіемъ цѣнъ на продукты и возвышеніемъ рабочей платы.

Однимъ словомъ, въ немъ, въ крестьянинѣ, сливаются интересы землевладѣнія и земледѣлія, собственности и труда, и главный вопросъ его благосостоянія разрѣшается соотношеніемъ этихъ двухъ факторовъ между собой: чѣмъ крутѣе владѣніе, чѣмъ менѣе онъ долженъ прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ крестьянскомъ состояніи элементъ землевладѣльческой, и, наоборотъ, чѣмъ мельче собственныя хозяйства и надѣлы земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе преобладаетъ между ними рабочій элементъ.

Это отношеніе я старался выразить общей формулой, что благосостояніе народа „будетъ тѣмъ лучше обезпечено, чѣмъ болѣе народныя массы будутъ заняты работой на себя, въ собственномъ хозяйствѣ“, или, другими словами: чѣмъ болѣе будетъ собственническое домохозяйство; я выразилъ это условно, потому что нельзя допустить, чтобы все рабочее население круглый годъ было занято домашнимъ хозяйствомъ; въ сельскомъ быту это въ особенности невозможно, потому что полевныя работы сами собой прекращаются, въ теченіе цѣлаго полугодія.

Отношеніе это потому указывается самой природой, во крайней мѣрѣ въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ, и личный наемный трудъ представляется естественнымъ подспорьемъ хозяйственного земледѣльческаго промысла.

Вотъ тѣ начала, которыя я старался провести въ моемъ сочиненіи.

Не знаю, относятся ли онѣ коммунизму или социализму, но, во всякомъ случаѣ, они исходятъ не изъ вымысловъ и предположеній, но изъ дѣйствительнаго, нынѣ существующаго быта нашего народа, и приводятъ не къ разрушенію правъ собственности и семейства, а къ укрѣпленію ихъ на всѣхъ сословіяхъ и упроченію ихъ оснѣдлага, хозяйственнаго быта. Если же предвидѣть загниваніе, постигшія всѣ буржуазскія общества отъ неправильнаго распредѣленія имущества, предостеречь отъ нихъ своихъ современниковъ впередъ, когда еще остается много свободныхъ земель и есть возможность согласить интересы собственническихъ съ выгодами рабочихъ—если это значитъ проводить коммунистическія, антисоціалныя доктрины, то я долженъ принять на душу эту вину.

Другой мой оппонентъ сдѣлалъ мнѣ такое возраженіе, а именно: „что право полной собственности на земли, съ предоставленіемъ крестьянскимъ общинамъ права отчуждать ее, противоположно стариннымъ народнымъ понятіямъ о правѣ всѣхъ и каждого на пользованіе пустошорожной землей“.

Далѣе онъ говоритъ: „для успѣха колонизаціи необходимо предоставить переселенцамъ право выбирать мѣста, право перемѣнять ихъ въ случаѣ ошибки, возможной при выборѣ. Этими самымъ уже исключается (какъ общее правило) мысль о покупке переселенцами земли въ колонизируемыхъ мѣстностяхъ, и остается возможною лишь та форма, въ которой нашъ народъ привыкъ, *форма оброчнаго владѣнія на неопредѣленный срокъ, съ правомъ перехода оныхъ на новыя земли*. Фактъ бредяжничества не долженъ устрашать никого, такъ какъ отъ добра добра не ищутъ“.

Заключеніе г. рецензента состоитъ въ томъ, „что въ смыслѣ общаго правила слѣдуетъ сохранить въ колонизируемыхъ мѣстностяхъ форму пользованія землею за оброчную зависимость или особую форму неизмѣнной ренты, выплачиваемой поселенцами казнѣ съ тѣмъ, что въ послѣдствіи, если поселеніе получитъ прочность, то поселенцы добровольно могутъ выкупить ее въ собственность“¹⁾.

Это составляетъ, если я не ошибаюсь, единственный предметъ моего разговора съ авторомъ означенной статьи, и я искренно ему благодаренъ, что онъ даетъ мнѣ случай разъяснить этотъ вопросъ, по существу очень спорный.

Я, во-первыхъ, позволю себѣ выразить сомнѣнія, чтобы „народное понятіе о правѣ каждого на пустошорожныя земли“ было примѣнимо къ настоящему крестьянскому быту. Понятіе это дѣйствительно есть въ народѣ или, вѣрнѣе сказать, было въ тѣ уже отдаленныя времена, когда пустыя земли было болѣе, чѣмъ желающихъ на нихъ водвориться; тогда и крестьяне и помѣщики поселялись на неизвѣданныхъ и неотхоженныхъ дачахъ, владѣя чѣмъ Богъ послалъ, куда ходили топоръ и коса; для таковой закладки не требовалось никакого акта, никакого межеванія. Но коль скоро потребовалось указаніе границъ, отрѣзка участковъ, то право каждого отъяснилось правомъ другихъ, и прежнія смутныя понятія о правѣ на пустыя земли указали только нашимъ крестьянъ къ бестолковому воячеству на Амуръ-рѣку, на теплую воду, на какую-то парусинную фабрику, гдѣ они находили вѣсто дарового надѣла—разореніе.

Плата за землю въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ нынѣ полагаемъ, составляетъ такой ничтожный процентъ при переселеніи, что успѣхъ

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 янв. 1877 г.

колонизаціи зависить не оттого, даромъ ли или за плату приобрѣтаются земли, а гораздо болѣе оттого, чтобы были сокращены или облегчены издержки на перѣздъ, отысканіе мѣста и формальности на ввѣздъ во владѣніе.

Но главное возраженіе относится къ тому, что я предполагаю отводить земли подъ поселенія въ полную собственность, и это, по мнѣнію рецензента, противорѣчить и древне-русскимъ принципамъ и народнымъ понятіямъ о мірскомъ, неотчуждаемомъ владѣніи. Тутъ дѣйствительно приходится согласить самые разнородные интересы: съ одной стороны, надо предвидѣть, что будетъ много такихъ случаевъ, что цѣлыя сельскія общества, или артели, подвинутся на переселеніе и, вѣроятно, перенесутъ и на новыя мѣста свои мірскіе, общественные порядки; но, съ другой стороны, нельзя не предполагать, что представится еще болѣе случаевъ одинокихъ переселеній, и спрашивается: нужно ли ихъ отсѣнить невыполнимымъ условіемъ, чтобы они заранѣе приписались къ обществу людей, имъ незнакомыхъ, или чтобы они предварительно отыскали товарищей для основанія на новыхъ мѣстахъ новаго общества?

Такия условія были бы равносильны полному запрещенію переселенія для отдѣльных домохозяевъ и семействъ, а между тѣмъ, по нашимъ понятіямъ, такіе отдѣльные переходы именно и желательны: переселеніе цѣлыми обществами всегда сопряжено съ большими смутами, и совершается только тогда, когда гнетъ и неудобства дѣлаются невыносимыми; такъ, напр., можно ожидать, что многіе изъ крестьянъ, имѣвшихъ неосторожность принять четвертной надѣлъ, захватятъ желаніе переселиться цѣлыми селеніями или многочисленными группами; изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ крестьянскія земли рѣдительно не выносятъ податныхъ оmlадовъ, можно ожидать такихъ переселеній цѣлыми обществами, если, сибирскимъ прибавить, податная реформа не предупредитъ такого печальнаго кризиса. Но эти случаи и подобныя составляютъ исключительныя, чрезвычайныя явленія, происходящія изъ ошибочныхъ мѣръ, принятыхъ при освобожденіи крестьянъ, и которыя должны быть регулированы одновременно другими мѣрами. Мы же имѣли въ виду настоящую систему колонизаціи, постоянный отливъ въ некоторой части населенія изъ густо населенныхъ и малоземельныхъ мѣстностей на новыя мѣста и постоянную прибыль душъ, которая никакими мѣрами не можетъ быть прекращена.

Это движеніе обнаруживается другимъ порядкомъ, а именно — высыланіемъ отдѣльных семействъ, которыя уступаютъ свои полосы другимъ односельцамъ и черезъ это восстанавливаютъ правильную пропорцію между землей и рабочими силами. Этого рода переходы настолько же желательны, насколько же полезны въ общемъ эконо-

мическомъ отношеніи, насколько переходы рѣльными обществами въ томъ же отношеніи вредны. Для нихъ-то я полагаю необходимымъ допустить приобрѣтеніе участковъ не-семейно и въ полную собственность, предоставляя ихъ собственной инициативѣ въ послѣдствіи приписываться въ сельскія общества или основывать таковыя новыя между собой на общемъ мірскомъ положеніи ¹⁾.

Въ сущности мое разногласіе со многими оппонентами заключается въ томъ, что они ожидаютъ отъ общиннаго (т.-е. мірскаго) начала болѣе, чѣмъ я,—что оно предотвратитъ эксплуатацию крестьянъ посторонними аферистами и домашними кулаками, удержитъ между ними равенство состояній и предохранитъ ихъ отъ сельскаго пролетаріата. Я же, отдавая преимущество общинному землевладѣнію передъ участковымъ, вижу въ немъ только одно изъ средствъ предупредить до известной степени эти злоупотребленія и ихъ быстрое развитіе. Въ совокупности съ другими мѣрами оно можетъ имѣть благое дѣйствіе; если, напр., сельскимъ обществамъ открытъ будетъ общедоступный кредитъ, взаимное страхование отъ огня и падежа скота, то лихоимство кулаковъ и аферистовъ будетъ значительно упрощено; если малоземельнымъ крестьянамъ будетъ дана возможность переселяться и приобрѣтать новыя земли, то процентъ безземельныхъ крестьянъ будетъ меньше — и для всѣхъ таковыхъ мѣрпріятій наша мірская организація имѣетъ громадные преимущества передъ подворными поселеніями. Въ этомъ-то именно отношеніи я ее и защищаю, какъ грубую, но плодородную почву, на которой могутъ быть предприняты другія насажденія съ большими удобствами, какъ сѣть общественныхъ союзовъ, основанныхъ на взаимности и предоставляющихъ готовые кадры для другихъ учрежденій, опирающихся тоже на взаимности интересовъ.

Не этой организаціи надо помогать для ея правильнаго будущаго развитія. Если же изъ опасенія нарушить принципы, констатнуть самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, мы будемъ отстаивать

¹⁾ Я глубоко убѣжденъ, что большая часть русскихъ переселенцевъ, если даже они первоначально и будутъ селиться подворно, въ послѣдствіи, при первой возможности, сойдутся въ сельскія общества или припишутся къ нѣмъ существующимъ обществамъ, и что мірской порядокъ разверстѣ земель по рабочимъ силамъ введется самъ собой и въ новыхъ поселеніяхъ. Но я не вижу возможности установить общинное владѣніе обязательно при самомъ подвореніи, потому что, приходя изъ дальнихъ странъ въ незнакомую ему среду, переселенецъ не можетъ дать своимъ одесельцамъ никакого обезпеченія въ своей исправности, а требовать, чтобы они приняли съ самаго начала возложила въ свою круговую поруку,—значитъ подрывать самое значеніе такоу поруководства.

его грубыя и положительно вредныя проявленія, то едва ли русскій сельскій міръ устоитъ противъ всемогущихъ элементовъ, ему враждебныхъ, и мы окажемъ ему неоцѣнимую услугу. Такъ, напримѣръ, можно ли допустить съ тѣмъ же рецензентомъ: „что для колонизаціи остается возможною только форма оброчнаго владѣнія на неопредѣленные сроки съ правомъ перехода опять на новыя мѣста?“—или „что бродяжничества не надѣе опасаться, потому что отъ добра — добра не ищутъ“.

Да, дѣйствительно отъ добра не слѣдуетъ искать добра; но вотъ какое добро неминуемо послѣдуетъ изъ той формы владѣнія, которая предлагается въ означенной статьѣ—за *оброчную повинность съ правомъ перехода на другія мѣста*: земледѣлецъ, если онъ трудолюбивый и смѣтливый мужикъ, въ первые же годы распашетъ весь свой участокъ и засѣетъ его наиболѣе цѣнными и истощающими почву продуктами: льномъ, просомъ, бѣлотуркой, пшанкой; затѣмъ въ послѣдующіе годы и нѣсколько лѣтъ сразу воздѣлаетъ на тѣхъ же мѣстахъ сѣрпые хлѣба, рожь и овесъ, и когда и они перестанутъ родиться, онъ броситъ вывезанную землю и заявитъ право перехода на новыя мѣста.—Онъ будетъ дѣйствовать по прямому, совершенно основательному расчету, не дѣлая затратъ, не улучшая почву, не извлекая изъ нея всю пользу, все добро, какое въ ней есть, и бросая ее, когда это добро исчерпано.

Такъ-то, потворствуя дурнымъ привычкамъ, грубымъ инстинктамъ простого народа, можно дойти до предположеній, угрожающихъ разореніемъ всей русской земли, и подъ предлогомъ удовлетворенія насущныхъ потребностей подрывать благосостояніе самого народа.

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что предположенія, подобныя этому, совершенно соответствуютъ духу, привычкамъ, желаніямъ нашихъ крестьянъ; усидчивый, прилежный трудъ—нѣтъ ли еще по праву; просторъ степей и луговъ, приволье лѣсовъ и выгоновъ, спорная работа, распашное хозяйство,—вотъ что составляетъ излюбленную мечту нашихъ хлѣбопашцевъ, переданную имъ отъ отцовъ и дѣдовъ, которые дѣйствительно пользовались неограниченнымъ привольемъ прежнихъ временъ. Поэтому надо признать, что предлагаемая форма поселеній, на неопредѣленный срокъ и съ „правомъ перехода“ была бы принята съ восторгомъ бѣльшей частью переселенцевъ. Но это-то и составляетъ, по нашему разумѣнію, главную опасность таковыхъ предположеній, еслибы они когда-либо могли состояться; за кратковременнымъ увлеченіемъ послѣдовало бы горькое разочарованіе, и за первыми переселенцами, выбравшими лучшія земли и извлекавшими изъ нихъ лучшіе соки, послѣдовали бы другія толпы, которыя горько бы поплатились за благодѣянія, оказанныя имъ предшественниками.

Я думаю, что мое разногласіе съ нѣкоторыми уважаемыми мной оппонентами происходитъ именно отъ той различной точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на аграрный вопросъ; они полагаютъ, что равномерное распредѣленіе поземельной собственности есть высшая цѣль, въ коей должны стремиться благоустроенныя общества, и въ этомъ я съ ними согласенъ, но съ одной существенной поправкой: *чтобы при такомъ распредѣленіи соблюдались и существенные интересы народнаго хозяйства*, т.-е. охранялись плодородіе почвы, растительность лѣсовъ и другія условія рациональнаго хозяйства. Отъ этого взглядъ мой на поземельныя отношенія выходитъ нѣсколько иной, чѣмъ у нихъ, менѣе широкій, но болѣе опредѣлительный: я желаю бы, чтобы при новыхъ поселеніяхъ и при отводѣ новыхъ земель соблюдалась строгая бережливость, чтобы голословныя заявленія и жалобы крестьянъ на малоземелье не принимались всегда на вѣру, чтобы размеры надѣловъ соображались съ дѣйствительными рабочими силами, чтобы хлѣбопашцы были заинтересованы въ поддержаніи производительности почвы—и все это я считаю нужнымъ, во-первыхъ, для того, чтобы запасъ земель преждевременно не истощился легкомысленной раздачей въ даръ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, и, во-вторыхъ, чтобы онъ былъ берегаемъ для земледѣльцевъ, наиболѣе нуждающихся и трудолюбивыхъ.

Государственная территорія имѣетъ свои предѣлы, но приращеніе населенія безгранично; производительности почвы и растительности лѣсовъ, злаковъ и хлѣбовъ поставлены природой неуклонныя границы, но потребностямъ человѣка нѣтъ предѣловъ. Увлечать простой народъ такими соблазнительными мечтами, какъ широкій и даровой надѣлъ, частые передѣлы и переходы съ одного мѣста на другое—это значить—учитывать громадными процентами его же собственную будущность и завыщать грядущимъ поколѣніямъ уплату протестовавшаго векселя.

Я переходжу затѣмъ къ двумъ статьямъ, помѣщеннымъ въ двухъ послѣдующихъ номерахъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ 1877 года, и такъ какъ онѣ принадлежатъ, если не ошибаюсь, двумъ различнымъ авторамъ, взгляды которыхъ на мой трудъ нѣсколько различны, то я долженъ отвѣчать на нихъ отдѣльно.

Въ первой изъ этихъ статей сочиненіе мое разбирается на двѣ части, теоретическую и практическую, и насколько одна кажется удовлетворительною, основательною рецензенту, настолько же вторая признается „никуда негодною“. Послѣ многихъ одобрительныхъ отзывовъ объ отдѣльныхъ моихъ сужденіяхъ, онъ отрываятъ совер-

ненную непоследовательность ихъ и противорѣчіе между принципами и ихъ примѣненіями, въ особенности же вѣсноты противъ мѣръ исчисленій крестьянскихъ земель, нормальныхъ размѣровъ надѣловъ; замѣчать сомнѣніе, что количество ихъ преувеличено, и что вообще цифры у меня приводятся разныя на разныхъ страницахъ и, какъ онъ выражается, „танцуютъ“.

На это замѣчаніе я долженъ обратить тѣмъ болѣе вниманія, что дѣйствительно числовыя данныя въ моемъ сочиненіи могутъ назваться нѣсколько сбивчивыми, несмотря на то, что я старался, сколько могъ, согласить разногласіе статистическихъ показаній. Но относительно крестьянскихъ земель въ Россіи я придерживался официальныхъ исчисленій, которыя несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ, потому что въ нихъ не включаются земли, приобретенныя крестьянами въ частную собственность; кромѣ того, изъ разныхъ показаній я выбиралъ самыя умѣренныя и выводилъ изъ итоговъ тѣ цифры, которыя значительно измѣняютъ средніе выводы, какъ, напр., земли крестьянъ сибирскихъ губерній, коимъ приходится на душу 18,93 десятинъ. Главнымъ руководствомъ мнѣ служили труды податной комиссіи и труды комиссіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства, изъ коихъ первые изданы въ 1870, а вторые—въ 1873 годахъ, и хотя извѣстно, что въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ покупка земель крестьянами и переселенія на новыя земли производились въ большихъ размѣрахъ, я принималъ цифры, опубликованные въ 1870 г. Общій итогъ собственно крестьянскихъ земель составляетъ 116 милліоновъ, и эта цифра, приведенная и въ новѣйшихъ статистическихъ трудахъ профессора Янсона, служила мнѣ основаніемъ для дальнѣйшихъ исчисленій. Г-нъ рецензентъ говоритъ, что въ другомъ мѣстѣ я насчитываю 158 милліоновъ дес. и причисляю къ крестьянскимъ владѣніямъ казачьи земли. Это не такъ: я дѣйствительно имѣлъ въ виду отличить мелкое землевладѣніе отъ крупнаго, и вывести пропорцію между ними по всей имперіи; при этомъ я полагалъ, что крестьянскія хозяйства отличаются отъ помѣстнаго владѣнія не однимъ наименованіемъ, но самымъ порядкомъ веденія хозяйства, а именно тѣмъ, что въ первыхъ главныя работы производятся самимъ домохозяиномъ съ помощію домохадцевъ, а во вторыхъ—наемными рабочими. На этомъ основаніи я причислялъ къ землямъ, называемымъ официально „крестьянскими“,—земли, состоящія во владѣніи служилыхъ казаковъ, и земли колонистскія, такъ какъ онѣ имѣютъ тотъ же характеръ мелкаго землевладѣнія, эксплуатируемаго хозяевами; далѣе, я также исключилъ изъ помѣстныхъ земель участки менѣе 19 десят. и городскія общественныя земли и причислялъ ихъ къ мелкому владѣнію по той же причинѣ, что они хотя и не называются крестьян-

едини, но по разному сроку принадлежать въ той же категоріи малыхъ владѣній,—и изъ этихъ цифръ вывелъ общій итогъ 158 и 164 милл. десятинъ. Но этотъ расчетъ сдѣланъ только для того, чтобы вывести, какъ сказано, пропорцію между помѣстной собственностью и мелкими земледѣльческими хозяйствами и чтобы показать, что послѣднія составляютъ въ Россіи преобладающій элементъ поземельной собственности; относительно же собственно крестьянскихъ земель, въ тѣсномъ смыслѣ, я придерживался во всѣхъ моихъ расчетахъ цифръ, выведенныхъ на стр. 484, по которымъ приходится на 22.544,583 душъ (за исключеніемъ Сибири)—116.103,720 десятинъ или въ средней сложности 5,1 десятины на ревизскую душу ¹⁾.

Г-нъ рецензентъ также неточно цитируетъ другое мѣсто моего сочиненія, говоря, что я полагаю, что максимумъ надѣла на 1-дворъ, состоящій изъ 3-хъ рабочихъ душъ, долженъ быть не болѣе 10—15 десятинъ. Изъ этого можно бы заключить, что я рассчитываю надѣлъ 10—15 на трехъ полныхъ рабочихъ мужского пола, между тѣмъ какъ я считаю на 1 дворъ только 1½ мужика рабочаго возраста и остальные подработчики, бабы и подростки. Максимумъ надѣла я вовсе не определяю, а говорю только о нормальномъ, т.-е. среднемъ надѣлѣ, и вывожу его изъ слѣдующихъ цифръ: всѣхъ крестьянскихъ

¹⁾ Тотъ же упрекъ въ непоследовательности и въ общности цифръ мнѣ дѣлается и другимъ рецензентомъ, въ журналѣ „Недѣля“, № 32, 1877 г., потому что я въ одномъ мѣстѣ говорю, что въ сѣверной полосѣ крайній предѣлъ крестьянскаго поддворнаго надѣла будетъ 10 десятинъ, а въ другихъ, что средній нормальный надѣлъ надо принять въ 15 десет. Это не противорѣчіе: на тяжелыхъ почвахъ сѣверной полосы, требующихъ навоза, обработанъ 10 десет. труднѣе, чѣмъ 20 на черноземѣ; уборка хлѣбовъ и сѣва въ сырыхъ климатахъ вдвое продолжительнѣе, и поэтому, принимая для однихъ мѣстностей норму въ 10 дес., а для другихъ въ 20, мы и выводимъ среднюю цифру въ 15.

Вообще, большая часть моихъ критиковъ приписываютъ мнѣ совершенно негѣрное мнѣніе, будто я утверждаю, что крестьянскія надѣлы вообще по всей Россіи недостаточны. Я говорю, что въ общей сложности итогъ крестьянскихъ земель соответствуетъ рабочимъ силамъ нашихъ сельскихъ жителей, но въ частности представляются такіе крупныя исключенія, что распредѣленіе земель въ дѣйствительности выходитъ очень неравномѣрное. Еслибы я былъ того мнѣнія, что крестьяне надѣлены достаточно землей, то съ какой стати предлагать бы колонизацію, устройство кредита для переселенія и другія мѣры для увеличенія надѣловъ? Но другое дѣло—уравненіе, доведеніе недостаточныхъ надѣловъ—и общее заключеніе о будто бы всеобщемъ малоземельи нашихъ крестьянъ. Въ этомъ я рѣшительно не раздѣляю мнѣнія моихъ оппонентовъ, точно такъ, какъ и не вижу пользы въ отводѣ крестьянамъ лѣсныхъ угодій: лѣсная культура, по долгосрочности своей, требуетъ особенной бережливости, которая сѣвнительна для бѣдныхъ хозяевъ, имѣющихъ крайнія настоянныя нужды, и лѣсныя дѣла, отдаваемые крестьянамъ, были бы мгновенно истощены и распроданы; я, напротивъ, полагаю, что даже и помѣщичьи лѣса должны быть охранены отъ произвола владѣльцевъ.

здоровъ считается въ имперіи (всѣ-таки съ исключеніемъ Сибири) — 7.361,769. Число рабочихъ въ селеніяхъ, по имѣющимся статисти-ческимъ свѣдѣніямъ, въ точности не выведено, но, по расчетамъ, возраста и на практикѣ оно обыкновенно равняется немного болѣе половинѣ ревнскихъ душъ, 50 или 52%. Такъ что, зная число ревнскихъ душъ (22.437,301 крестьянъ муж. пола) можно приближи-тельно считать между ними — 11.218,000 полныхъ мужиковъ рабочихъ; владѣющихъ 116.103,720 десятинами.

На 1 дворъ приходится	15,77 дес.
„ 1 рабочего приходится	10,84 „
„ 1 ревнскую душу приходится	5,1 „

Эти-то цифры служили мнѣ исходнымъ положеніемъ для даль-нѣйшихъ сужденій о крестьянскомъ владѣніи.

Затѣмъ я старался разъяснить себѣ одинъ изъ самыхъ трудныхъ, но существенныхъ вопросовъ сельскаго хозяйства — сколько десятинъ земли и мучья можно обработать взрослымъ крестьяниномъ съ по-мощью бабы и малолѣтнихъ дѣтей. Для этого я сначала обратился къ многостороннимъ изслѣдованіямъ и опытамъ иностранныхъ эконо-мистовъ и хозяевъ, и нашелъ, что, смотря по климатамъ и порядку культуры, проперція эта колеблется между 10 и 20 десятинами на 1 дворъ.

Въ умѣренныхъ климатахъ сѣверной Германіи полный трудовой участокъ, Hufe, arbeitsfähige Baueinstelle, полагается въ 10—15 деся-тинъ, въ Шотландіи, hide, въ 12 дес., въ Литвѣ и Польшѣ, урочка, въ 20 дес.; при низменномъ культурѣ и лучшей почвѣ, какъ, напр., въ южной Англіи, на 1 рабочего полагается земли не болѣе 15 ак-ровъ (около 6 дес.); англійскіе экономисты рассчитываютъ, что фермы не болѣе 80 акровъ (11—12 дес.) обыкновенно водятся самими фермерами-хлѣбопашцами, фермы въ 30 и до 75 акровъ (27 де-сятинъ) ими же, но съ помощью батраковъ, а болѣе крупныя эксплуа-тируются арендаторами-господами (gentlemen's farms) посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Въ прибалтійскомъ краѣ, по свидѣтельству одного изъ опытѣйшихъ агрономовъ, профессора Миттендорфа, участки въ 8—12 десятинъ обрабатываются самими домохозяевами, при болѣе крупныхъ размѣрахъ, отъ 20 до 50 десятинъ — крестьянскіе хозяева должны держать отъ 2—3 рабочихъ.

При этомъ я обращаю вниманіе моихъ оппонентовъ на слѣдую-щее обстоятельство: во всѣхъ странахъ, гдѣ крестьянскіе дворы пре-обладаютъ извѣстную среднюю проперцію, они мало-по-малу принимаютъ характеръ полной собственности, то-есть обрабатываются батра-ками или сдаются въ аренду: такъ въ Пруссіи, гдѣ полные крестьян-скіе дворы состоятъ изъ 25 и до 100 дес., такъ и въ остзейскомъ

край, такъ и въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, гдѣ на душу отведено по 50—60 дес.: одинокіе и слабые хозяева, не осиливая обработку такихъ пространныхъ владѣній и стѣсненіе возмездныхъ сборовъ, на нихъ лежащихъ, распродаютъ или уступаютъ свои участки болѣе зажиточнымъ односельцамъ. Не довольствуясь этими указаніями и предвидя возраженіе, обыкновенно у насъ дѣлаемое, что Европа намъ не указъ, я обратился къ сѣверной Америкѣ, гдѣ пустыхъ земель также изобильно, какъ въ Россіи, и гдѣ демократическія начала строго соблюдаются: по извѣстному акту конгресса 1785 года, участки подъ поселенія отводились въ размѣрѣ 40 акровъ (почти 15 десятинъ) и за плату, разсроченную на 5—7 лѣтъ по $1\frac{1}{4}$ доллара за акръ, что составляетъ за полный участокъ около 62 рублей.

Послѣ этого я перешелъ къ соображенію о томъ, можетъ ли эта пропорція быть принята въ Россіи, слѣдуетъ ли ее уменьшить или увеличить,—другими словами: можетъ ли русскій рабочий обработать столько же земли, какъ нѣмецкій или американскій, болѣе или менѣе? Тутъ я прежде всего долженъ былъ замѣтить, что сезонъ полевыхъ работъ продолжается у насъ 5—6 мѣсяцевъ, а въ другихъ краяхъ 7—8, также—что русскій православный мужикъ празднуетъ въ году, кромѣ воскресеній, по меньшей мѣрѣ, 40 дней, а крестьянинъ-протестантъ не болѣе 7—10 дней, и что поэтому трудно предположить, чтобы нашъ земледѣлецъ могъ обработать въ 120—150 дней одноконной сохой столько же, какъ нѣмецъ или англичанинъ въ 200 дней и пароконнымъ плугомъ. Изъ сравненія и сопоставленія этихъ обстоятельствъ я убѣдился, что крестьянское земледѣніе должно быть разсчитано по извѣстной нормѣ рабочихъ силъ, и что норма, выведенная по опыту другихъ странъ, должна быть скорѣе уменьшена, чѣмъ увеличена въ Россіи.

Но противъ этого намъ дѣлали очень вѣскія возраженія словесно и въ печати.

Какъ же можно сравнивать, говорили мнѣ, наши русскія холодныя и тяжелыя почвы съ плодородными нивами средней Европы и съ дѣйственными преріями Америки? Тамъ десятина даетъ 10—12 зеренъ, у насъ 3—4, и не ясно ли какъ $2 \times 2 = 4$, что у насъ нахѣлъ долженъ быть вдвое-втрое больше, если урожай меньше!!!

Но это совсѣмъ не ясно; еслибъ, по милости Божьей, хлѣба и всякіе продукты производились сами собой, вырастали изъ почвы безъ труда человѣка, то расчетъ вышеприведенный былъ бы вѣренъ; но за наши грѣхи благодать эта намъ не дана, и чтобы обезпечить

земледѣльца—недостаточно отводить ему землю, нужно дать ему и рабочую силу, соответствующую его индустріи. Если же въ Германіи и Америкѣ полный годовоі урочъ рабочаго считается 10—15 десят., то спрашивается: можетъ ли русскій земледѣлецъ обработать столько же? Тяжелыя, мокрыя почвы, лежащія 6 мѣсяцевъ подъ снѣгомъ, поднимаются ли легче? Голые пески, которые укриваютъ всю западную полосу Россіи, требуютъ ли менѣе удобренія? Сильнѣ ли у насъ рабочій свогъ, лучше ли наши орудія, образованнѣ ли наши хлѣбопашцы? Слѣдуя этой системѣ, что чѣмъ хуже земля и чѣмъ болѣе ея нужно для пропитанія, тѣмъ обширнѣ должны быть владѣнія, можно придти къ такимъ выводамъ, вторые прямо подрываютъ земледѣльческій бытъ, расширяя его до безпредѣльности. Поэтому вѣрнѣ, мнѣ кажется, принять обратное положеніе—*что чѣмъ хуже земля, чѣмъ короче лето, чѣмъ суровѣ климатъ, тѣмъ болѣе требуется работы на то же пространство для произведенія такого же количества зерна и овощей, и тѣмъ менѣе будетъ и пространство, обрабатываемое однимъ земледѣльцемъ.*

Но и этимъ мои оппоненты не убѣждаются. Разсчитывайте вы какъ хотите,—говорятъ они,—но вѣрно то, что нашъ мужикъ нашеть гораздо болѣе, чѣмъ полагается на рабочаго, по вашимъ же исчисленіямъ; что онъ, во времена быы, работалъ на барина 3 дня въ недѣлю, что онъ и теперь своей пашней не довольствуется, вездѣ и всегда старается прихватить земли и вездѣ жалуется на тѣсноту и мало-земелье.

Еслибъ подобныя аргументы не приводились иногда людьми серьезными и практическими, мы бы приняли ихъ за шутку или за отзывъ людей, никогда не видавшихъ крестьянской пашни. Да, дѣйствительно, такъ, какъ производится у насъ пахота, можно всахать не 20 дес., а пожалуй 40—50: забирая борозду по-шире и по-малыше и привязывая къ поясу позади пахаря ялчу съ деревянной бороной; можно скосить много луговъ, оставляя прокосы, обходя кочки, корни и пни, которые на слѣдующій годъ заростутъ такой пересльсю, которую коса уже болѣе никогда не возьметъ; можно жать хлѣбъ повыше, вязать его похуже, убирать въ провелемъ одну часть хлѣба, чтобы не дать осыпаться второй, однимъ словомъ, работая споро, размашисто и небрежно, какъ любятъ работать русскій мужикъ, можно владѣть большими пространствами и производить мало хлѣба, что и составляетъ отличительную черту нашего крестьянскаго хлѣбопашества. Когда въ доказательство малоземелья приводится, что большая часть нашихъ крестьянъ симають зѣмли помѣщичьи, казенныя, удѣльныя, то это доказательство такъ же слабо, какъ и предыдущія, ибо

въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ они арендуютъ чужія угодья, очень часто крестьяне оставляютъ свои нолосы вкупѣ.

Главная черта крестьянскаго хозяйства слѣдующая: работая небрежно, ворочая сохой, нѣтъ-труду-въ-тогда; тотъ же самый менкій, верхній пластъ земли, и меніиѣ достаточнаго числа скота и удобрѣнія, наши земледѣльцы, по-крайней-мѣрѣ, въ сѣверо-западной и центральной полосѣ, омончательно уже выпахали свои деревенскія зѣмли и для своихъ посѣвовъ должны искать свѣжихъ новыхъ земель; они ихъ забираютъ сколько могутъ вспахать, но гораздо больше, чѣмъ могутъ порядочно обработать и своевременно убрать, и для того, чтобы прихватить гдѣ-либо пашу, цѣльну, рѣзи, лядины, бросаютъ и запускаютъ свою коренную, истощенную пашню; для того, чтобы вымочить ленъ, вымолотить хлѣбъ въ дальней вустошѣ или степи, оставляютъ свой хлѣбъ подъ дворами на корню или въ снопахъ, однимъ словомъ, они снимаютъ чужія зѣмли не потому, что у нихъ земли мало, но потому, что ихъ зѣмли выпаханы и изнурены, и что на нихъ, кромѣ сѣрыхъ хлѣбовъ, ржи и овса, ничего не родится.

Вотъ въ этомъ-то замолдованномъ кругу вращается земледѣліе нашихъ крестьянъ: они издавна распахали свои луга и выпахали свою пашню и вмѣсто того, чтобы исправить ее лучшей культурой, унавоживать, осушать, забираютъ все шире и шире новыя зѣмли, которыя истощаются еще скорѣе, потому-что лежать отъ дворовъ дальше и унавоживаются еще менѣе. Земледѣльцы съ своей стороны возвышаютъ цѣны на сдаточныя зѣмли, но ни мало не заботятся о поддержаніи ихъ производительности, продаютъ ихъ безъ надзора хищнической культурѣ съѣмщиковъ, и выѣстъ, дружно, безъ зазрѣнія, ревнуя о разореніи своихъ хозяйствъ, жалуются одни на малоземелье, другіе на бездоходность ихънй, на которыя не прилагаютъ ни порядочнаго труда, ни необходимыхъ затратъ.

Въ этомъ положеніи нашего сельскаго хозяйства я считаю, что допoлненіе крестьянскаго надѣла въ общей массѣ не принесло бы пользы и могло бы причинить большой вредъ, способствуя распространѣнію хищнической культуры и дальнѣйшему запущенію коренныхъ мірсенхъ пашень.

Это и есть то предположеніе, которое окончательно скомпрометтировала меня въ глазахъ почтеннаго моего рецензента, и въ нгу негодованія, чтобы выставить противоположность моихъ принциповъ, онъ пишетъ, что „самъ же князь Васильчиковъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 689) приводитъ, что у насъ работники обрабатываетъ 14 дес.“. Я раскрываю стр. 689, и вижу, во-первыхъ, что это нину вовсе не я, а г. Чаславскій въ статьѣ „Торговля въ Ригѣ“, которая выписана

у меня на означенной страницѣ, и, во-вторыхъ, что это мѣсто, приведенное изъ другого сочиненія, вполне подтверждаетъ мое мнѣніе и самымъ убѣдительнымъ примѣромъ: г. Чаславскій,—однимъ изъ тѣхъ немногихъ публицистовъ, которые собираютъ свѣдѣнія о русской землѣ не за письменными столами, а по мѣстамъ,—описывая бытъ одной волости Курской губ., приводитъ очень замѣчательный фактъ:

Въ волости считается ревизскихъ душъ—2645 и изъ нихъ взрослыхъ работниковъ—мужиковъ—1360. Они имѣютъ своихъ земель только по 2,75 дес. на душу, а всего 7267 д., но снимаютъ въ эконіи князя Юсупова по цѣнѣ $7\frac{1}{2}$ р. за десятину—5500 д.; между тѣмъ изъ общаго числа 1360 рабочихъ уходятъ на заработки—650; такъ-что вся обработка 12.787 дес. ложится на 750 рабочихъ. Отпавшая парное поле, г. Чаславскій считаетъ, „что на каждого остающегося дома работника приходится по 14 дес. пашни въ двухъ поляхъ“, и тутъ же прибавляетъ: „понятно, до какой степени несовершенна должна быть обработка при такихъ размѣрахъ запашки“.

Далѣе, тотъ же авторъ приводитъ расчетъ совершенно-вѣрный изъ другой мѣстности, тамбовской губерніи, гдѣ средний надѣлъ:

на душу	4,08 дес.
„ одинъ дворъ	13 „
„ одного работника	6,12 „

На одинъ крестьянскій дворъ при 3,17 рев. душахъ и $1\frac{1}{2}$ рабочихъ муж. пола и $1\frac{1}{2}$ женскаго пола приходится въ такъ-называемую лѣтнюю страду:

Сжать и убрать 4 дес. озимаго	40 дней.
„ „ „ 4 „ ярового	24 „
Запахать, посеять и оборонить 4 дес. озимаго	24 „

Всего . . 88 дней.

Лѣтняя страда, какъ извѣстно, продолжается у насъ около 6 недѣль, съ 15 іюля по 1 сентября; въ это время должны непременно совершиться всѣ вышеупомянутыя работы. Если исключить изъ 6 недѣль (42 дня), 6 воскресеній и 6 празднивовъ (Ильинъ день, Преображеніе, Успеніе, Флора и Лавра, Усѣновленіе главы Предтечи и Александровъ день 30 августа), то остается на цѣлый дворъ (считая $1\frac{1}{2}$ рабочихъ мужскаго пола и $1\frac{1}{2}$ женскаго пола)—90 дней. Это расчетъ математическій, но природа математики не соблюдаетъ, и на 90 дней обыкновенно посылаетъ нѣсколько дней дождя и ненастья, такъ-что при 4-хъ-десятидневномъ надѣлѣ крестьянинъ едва ли успѣетъ своевременно убрать и посеять свой хлѣбъ.

Но онъ положительно можетъ вспахать и оборонить гораздо больше, потому что на яровой посѣвъ имѣетъ до 30 и болѣе дней,

начиная въ апрѣлѣ посѣвъ картофеля, овса, и кончая въ восходѣ мая посѣвомъ ячменя, льна, гречи; въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ бабы также пахутъ, а мальчики 10—15 лѣтъ боронятъ, онъ легко можетъ приготовить весной пашни десятины 8—10, въ особенности если довольствуется однимъ взметомъ, какъ это зачастую и дѣлается. Эту-то непропорціональность между посѣвомъ и уборкой крестьяннинъ постоянно упускаетъ изъ вида, и отъ этого выходитъ, что онъ заставлятъ — особенно яровыхъ хлѣбовъ — болѣе, чѣмъ можетъ убрать, что хлѣбъ осныается и прорастаетъ въ снопахъ, и что изъ урожая 5—6 четвертей онъ выколачиваетъ 3 или 4, — остальные потерины невозвратно, не по волѣ Божьей, и не по дурному качеству почвы, а потому собственно, что, по широтѣ нашей натурѣ, мы забираемъ болѣе пространства, чѣмъ можемъ обработать.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ меня принять для крестьянскаго двора норму въ 10—15, соответствующую 4—5 дес. на ревизскую душу. Рецензентъ спрашиваетъ меня: отчего 10, а не 2 или 3 десятины? — и самъ же отвѣчаетъ на свой вопросъ: „потому что я желаю этимъ способомъ направить остатокъ или половину силы на арендуемую землю“ ¹⁾.

Я же именно утверждаю, что — при настоящемъ уходѣ за землею и при краткости нашего лѣта — отъ 10—15 десятины домохозяину средняго состоянія никакого излишка рабочихъ дней въ лѣтнюю

¹⁾ Въ новѣйшемъ сочиненіи профессора Ясона („Опытъ статистическаго изслѣдованія“, 1877), на стр. 23, авторъ, рассчитывая надѣлъ въ не-черноземной полосѣ, полагаетъ его не менѣе 8-ми десятинъ на душу, на томъ основаніи, что урожай озимаго хлѣба полагается самъ-3. Но, спрашивается, можно ли дѣлать какіе-либо расчеты на такомъ исчисленіи, которое равняется полнѣйшему неурожаю: если урожай дѣйствительно родится самъ-3, то земледѣлецъ положительно работаетъ себѣ въ убытокъ, и чѣмъ шире будетъ его надѣлъ, тѣмъ крупнѣе будетъ и убытокъ. Кромѣ того, я утверждаю, что такой пропорціи запашки въ сѣверныхъ губерніяхъ, о какихъ упоминаетъ профессоръ, крестьянинъ средняго состоянія порядочно обработать не можетъ: 8 десятинъ на душу соответствуютъ 12 на рабочаго, 24 на дворъ. Изъ нихъ, по расчету г-на Ясона, приходится озимаго посѣва на душу 2 десятины, чѣмъ составляетъ на 1 рабочаго мужика 8 десятинъ, на 1 дворъ 6 десятинъ. Не говоря уже о прочихъ работахъ, но для унавоживанія одного парнаго поля (полагая по 3 штуки скота на десятину) нужно бы держать крупнаго скота на дворъ 18!! Или же не класть навоза — и тогда довольствоваться такимъ же неурожаемъ, какой рассчитываетъ г-нъ профессоръ, и работать весь свой вѣкъ въ убытокъ. Я думаю, что урожай самъ-3 составляетъ исключенія, которыя показываются самими крестьянами изъ предосторожности и недоверія къ собираемымъ статистическимъ свѣдѣніямъ; если же это дѣйствительно такъ, то надо изъ этого заключить, что хлѣбопашество въ этой полосѣ Россіи немисливо и что никакія мѣры не приведутъ крестьянъ изъ ихъ бѣднаго состоянія. Усиливать производство, расширять промыслы, производящіеся въ убытокъ, во всякомъ случаѣ, — мѣра не рациональная, но я твердо убѣжденъ, что эти расчеты неѣтрны и что средній урожай гораздо выше показаннаго.

страду, въ рабочую пору, оставаться не можетъ, и что если онъ пахать и засѣваетъ болѣе, то эти работы производятся дурно и небрежно, въ ущербъ производительности почвы и въ убытокъ самому земледѣльцу. Само-собой разумѣется, что эта норма не должна быть принята въ смыслѣ математическаго масштаба, по каему намѣряются крестьянскіе надѣлы; я нисколько не думаю, чтобы слѣдовало подводить всѣ крестьянскія земли подъ одну мѣру, и полагаю, что будутъ и такія мѣстности, гдѣ надо допустить и болѣе широкій надѣлъ; вообще я — выставляю эти цифры для примѣра — и не стану спорить, если будетъ признано нужнымъ ихъ измѣнить.

Но я формально протестую противъ соблазнительной для крестьянъ, но обманчивой системы отводить имъ столько земли, сколько нужно для обезпеченія исправнаго платежа податей и содержанія семейства, потому что — при дурномъ качествѣ почвы и постепенныхъ ея истощеній отъ дурной обработки — такимъ надѣламъ нѣтъ предѣловъ. По мѣрѣ того, какъ вснаживаются пашни, вытравливаются луга, вырубаются лѣса, слѣдовало бы, по этой системѣ, отводить новыя угодья для обезпеченія платежей и домашнихъ расходовъ, и продолжать это до тѣхъ поръ, покуда хищническая культура не обойдетъ всѣ русскія земли безъ остатка.

Чтобы исчерпать этотъ предметъ, я долженъ еще упомянуть объ одномъ возраженіи, которое мнѣ дѣлали на словахъ лица, съ которыми я во всѣхъ другихъ мнѣніяхъ совершенно схожусь.

Они полагаютъ, что никакъ не слѣдуетъ разсчитывать норму крестьянскихъ надѣловъ на основаніи рациональной агрономіи и усовершенствованной культуры, и что, напротивъ, надо руководствоваться существующимъ въ данной мѣстности и въ данный моментъ полеводствомъ, какое оно есть, и соображать количество земель съ сѣвооборотомъ, принятымъ въ краѣ. Далѣе они заявляютъ, что разныя системы хозяйства: сначала переложное или лѣдинное, потомъ трехпольное, — наконецъ, плодоперемѣнное — слѣдуютъ одно за другимъ въ непреложной и естественной очереди, которая указывается общимъ состояніемъ страны и народа; напримѣръ: что залежное полеводство продолжается, покуда земли изобильны, а трехпольное или плодоперемѣнное вводится сами-собой, когда наступаетъ необходимость перейти къ интенсивнымъ культурамъ.

Изъ этого слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, что если въ восточной Россіи еще держится система перелоговъ, въ сѣверной — лѣдинное и лѣсоподпольное хозяйство, то это значитъ, что время перехода еще не наступило и что для обезпеченія земледѣльцевъ нужно имъ столько земли, чтобы они могли залужать пашню и подсѣкать лѣсъ

черезъ каждыя 7 или 10—15 лѣтъ; если въ центральной полосѣ земли безъ удобренія даютъ не болѣе 5—6 четвертой съ десятины, а унавоживанье полей не введено, то надо доволнить надѣлы до такихъ размѣровъ, чтобы они и при скудномъ урожаѣ покрывали нужды семейства; наконецъ, на голыхъ пескахъ или холодныхъ почвахъ сѣверо-западной полосы слѣдовало бы отводить домохозяйину, для его обезпеченія, вдвое или втрое болѣе, чѣмъ онъ можетъ обработать. Такимъ образомъ, по этой системѣ всѣ соображенія о достаточности и недостаточности земельного владѣнія основываются на дѣйствительномъ, настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной культуры; забѣгать впередъ, расчлѣнять норму надѣла при рациональномъ веденіи хозяйства, ограничивать надѣлы въ виду будущихъ, ожидаемыхъ улучшеній — не слѣдуетъ; надо брать урожаи, какой выходятъ въ средней сложности; земли, какія есть, въ натуральномъ или даже испорченномъ ихъ видѣ; полеводство, какое принято, хотя бы и грубое, — и по этой пропорціи рассчитывать, сколько земли можетъ воздѣлать сельскій рабочій и сколько ему нужно для пропитанія. Эта доктрина имѣетъ одно безспорное преимущество передъ тѣмъ мнѣніемъ, которое я защищаю: она какъ нельзя лучше согласуется съ нравами и понятіями нашихъ сельскихъ жителей и будетъ, безъ сомнѣнія, очень популярна. Если государство должно заботиться только о настоящемъ поколѣніи, то оппоненты мои правы; въ Россіи свободныхъ земель еще достаточно для самыхъ просторныхъ поселеній: еще остается много пустошей на сѣверѣ, степей на востокѣ, которыя могутъ быть распаханы вновь и потомъ выпажаны и истощены до бесплодія — и, для ускоренія этого процесса, всего лучше отводить переселенцамъ широкіе надѣлы въ общинное или участковое владѣніе.

Но что же дальше?

Дальше, говорятъ, намъ сама природа укажетъ необходимость стѣснить владѣнія и перейти къ интенсивной культурѣ, какъ это и было въ другихъ образованныхъ странахъ, какъ это и должно быть по непреложному ходу человѣческаго прогресса.

Но это опять не такъ: не во всѣхъ образованныхъ странахъ — и въ очень немногихъ сумѣли жители охранить производительность своихъ земель; на всемъ земномъ шарѣ только одинъ уголокъ, Германія, Франція и Англія, успѣвъ остановить въ-время хищническую эксплуатацію и перейти къ улучшенной культурѣ; большая часть странъ, издревле обитаемыхъ, Средняя Італія и Греція, гдѣ процвѣтали древнія цивилизаціи, большая часть Малой и Средней-Азіи, гдѣ нѣкогда обитали многолюдныя племена, обратились въ бесплодные пустыни вслѣдствіе грубыхъ системъ эксплуатаціи, — и на на-

нихъ глазахъ въ наше время и напередъ интереснѣе извѣстнаго тотъ же неумолимый процессъ, и мы все-таки озадаемся положить ему предѣлы, чтобы не посягнуть на священное право собственности землевладѣльцевъ и на народныя богатства крестьянъ!!!

Политика эта широка, но не предусмотрительна, и какъ бы она ни казалась благотворительною и гуманною для современнаго поколѣнія, но едва ли сны и внуки будутъ благодарить за такіа щедрія благодѣянія, оказанныя отцами въ ущербъ или потомству и всему народному богатству.

Я теперь перехожу ко второй статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, сентябрь, 1877, извѣстнаго нашего публициста, А. А. Головачева, которая по серьезному своему значенію, по важности возбуждаемыхъ вопросовъ, требуетъ особаго вниманія и объясненій съ моей стороны.

Въ статьѣ проведена вообще мысль (которая была занята и въ первой неподписанной рецензій „Отеч. Зап.“), что принципы, предносимыя въ моемъ сочиненіи, вѣрны, но что я отъ нихъ часто отступаю, дѣлая уступки, допуская компромиссы, и вообще отрекаюсь въ принятіи, на практикѣ, отъ тѣхъ здравыхъ началъ, которыя самъ же признаю и защищаю.

Это действительно слабая сторона моего сочиненія въ научномъ отношеніи, но я имѣлъ дѣло съ двумя факторами, которые совершенно уклоняются отъ теоретическихъ соображеній — съ землею и человекомъ и не съ человекомъ въ нравственномъ его и гражданскомъ значеніи, а съ рабочимъ людемъ въ физическомъ его отношеніи. Область умственного и нравственнаго прогресса безгранична и можетъ быть доведена до высшихъ соображеній, но земля, территория, почва имѣютъ свои предѣлы и свои естественные законы, коимъ должна покориться наука. Рабочій человекъ также испытываетъ въ природѣ постоянныя и непреодолимыя преграды, — во въ самомъ себѣ, въ слабости и изнуреніи своихъ силъ, въ боязливости и недугахъ, во извнѣ — въ томъ предметѣ, къ какому приниималъ свой трудъ, и земледѣлецъ въ особенности безпрерывно подчиняется неумолимымъ законамъ климата и почвы.

Какая же можетъ быть польза провозглашать принципы, которые никакъ безусловно проведены быть не могутъ; наприкладъ, утверждать, что для благосостоянія страны необходимо: „чтобы вся масса жителей была занята работою на себя“, когда, по мнѣнію того же рецензента, „на практикѣ установить такой порядокъ довольно затруднительно“, а по моему мнѣнію — совершенно невозможно.

Первое ли поступаютъ люди науки, провозглашая принципы,

которым сами же они признают несприятельными или затруднительными при настоящих обстоятельствах и не лучше ли, указывая такие принципы, как высшую, идеальную цель, объяснять непосредственно и тем непреодолимыми препятствия, которые мешают их применению. Так, в данном примере, я формулирую ту же мысль, но условно: „что благосостояние народа будет лучше обеспечено в тех странах, где наибольшая (а не вся) масса жителей занята работой на себя“—потому собственно, что вся масса жителей неспособна к такой работе, что значительный процент людей всех сословий, по слабости своих физических сил, по безпечному или разгульному нраву, не могут вести собственного хозяйства, и всегда, что бы ни придумывали для их благосостояния, будут подчиняться эксплуатации других способнейших людей. Этого приема я всегда придерживался в моем сочинении и считаю его необходимым в таких изысканиях, как аграрный вопрос; теоретических взглядов, абсолютных принципов в нем нельзя допустить, потому что предмет этот ограничен самой природой, пространством территорий, производительностью почвы и рабочими силами человека.

Отвѣтивъ на это общее возраженіе уважаемаго критика, я перехожу къ некоторымъ отдѣльнымъ его замѣчаніямъ, по которымъ, какъ мнѣ кажется, мы расходимся только въ отнѣскахъ нашихъ мнѣній, а не въ существенномъ ихъ смыслѣ.

Г-нъ рецензентъ находитъ, что я „упустилъ изъ виду, что земля есть только орудіе производства, тогда какъ народъ или рабочая сила съ его потребностями есть не только факторъ народнаго хозяйства, но и конечная его цѣль; что положеніе рабочей силы должно разсматриваться не рядомъ съ положеніемъ земли, а *отъ* ея, и что положеніе земли и ея культуры должно имѣть значеніе второстепенное, *служебное*“.

Далѣе онъ пишетъ: „на этомъ основаніи, тѣмъ болѣе обезпечена возможность приложенія народнаго труда къ землѣ, тѣмъ обильнѣе должны быть и результаты этого труда“.

И заключаетъ такъ: „отсюда уже прямо слѣдуетъ, что положеніе рабочей силы и ея отношеніе къ землѣ есть важнѣйшій вопросъ соціальнаго хозяйства, такъ какъ обезпеченіе полной возможности свободнаго и самостоятельнаго приложенія этой силы обуславливаетъ наибольшую производительность труда, и, слѣдовательно, наибольшую сумму производства при данной степени развитія народа“.

Разница между взглядомъ рецензента и моимъ заключается въ томъ, что я ставлю оба фактора, землю и народъ, на одну степенъ, а онъ полагаетъ, что положеніе рабочей силы должно разсматри-

ваться вперед и что положеніе земли и культуры имѣетъ значеніе второстепенное, служебное. Я готовъ согласиться съ такой постановкой вопроса, еслибы можно было разсматривать рабочую силу какъ нѣчто непреложное, какъ неизмѣнный законъ народнаго быта, дѣйствующій всегда въ неизвѣстномъ, правильномъ порядкѣ, т.-е. въ такихъ же условіяхъ, какъ земля, которая производитъ и истощается, даетъ обильный или скудный урожай, по неизвѣстному естественному обороту, независимому отъ человѣка.

Но это не такъ: земля служить человѣку настолько, насколько онъ самъ повинуется ея требованіямъ, соблюдаетъ ея интересы; ея культуру можно, пожалуй, поставить на вторую степень, но если эта культура,—груба, нераціональна, то земля выйдетъ изъ повиновенія человѣку, откажется ему служить, и рабочая сила съ ней ничего не поделается.

Г-нъ Головачевъ совершенно правъ, говоря—, что чѣмъ болѣе обезпечено приложеніе народнаго труда въ землѣ, тѣмъ обильнѣе должны быть и результаты этого труда, но я бы только просилъ прибавить *„разумнаго труда“*.

По моимъ понятіямъ, производительность земли, плодородіе нашин, растительность лѣсовъ составлять таковой же высшій интересъ для народа, какъ и рабочія его силы,—не второстепенный, а первостепенный, и если для улучшенія быта рабочихъ предлагаются мѣры, нарушающія эти условія, то такіа предложенія мнѣ кажутся столь же пагубными, какъ и противоположная система, которая такъ долго преобладала въ Европѣ,—жертвовать интересами рабочихъ классовъ для улучшенія культуры.

Мои выводы показались многимъ какъ будто не выдержанными, не доведенными до конца,—потому именно, что я все время имѣлъ въ виду эти два условія народнаго благосостоянія, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не соглашались, долженъ былъ предложить уступки, компромиссы.

Такъ, напримѣръ, для поселянъ-земледѣльцевъ было бы очень выгодно пользоваться правомъ временнаго владѣнія на неопредѣленные сроки съ правомъ перехода на другія мѣста. Изъ общиннаго начала также можно вывести по принципу право передѣлать поля по усмотрѣнію, и съ точки зрѣнія пользы и выгоды бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ эти порядки кажутся наилучшими для уравниванія сельскихъ хозяевъ.

Но они положительно пагубны въ отношеніи земли, поощряя небрежную работу, хищническую культуру и растратывая такимъ образомъ самый основной капиталъ, изъ доходовъ носто живутъ народъ. Поэтому я долженъ былъ въ этихъ и во всѣхъ подобныхъ

случае отступать отъ принципа въ тѣсномъ его смыслѣ и предлежишь ограничить произволъ переходовъ и наредѣловъ, насколько это нужно, для охраненія производительности почвы.

По другимъ принципамъ также признается, что право частной собственности есть полное и неограниченное право, и что изъ него вытекаетъ также неограниченная власть распоряжаться своимъ имуществомъ по усмотрѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что большая часть землевладѣльцевъ злоупотребляютъ этимъ правомъ, сдавая землю въ аренду на краткіе сроки, безъ всякаго обезпеченія для оземликовъ или вырубая ея лесныя дачи, и что черезъ это, точно такъ, какъ и отъ крестьянскихъ передѣловъ, нарушаются общіе интересы народнаго хозяйства. И въ этомъ случаѣ, я полагаю, что земли и лѣса должны быть поставлены на первый планъ, арендованіе земель должно быть подчинено нѣкоторымъ условіямъ и рубка лѣсовъ правильному обороту.

Такимъ образомъ, я долженъ признаться, что ни принципъ общиннаго владѣнія, ни принципъ полного права частной собственности не соблюденъ въ моемъ сочиненіи въ томъ священной, ненарушимомъ значеніи, какой придается имъ равностными приверженцами этихъ началъ, но я отступилъ отъ нихъ лишь настолько, насколько это мнѣ казалось необходимымъ для охраненія народнаго хозяйства.

„Русская жизнь“—говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ г. Головачевъ—„смотреть на нее (на землю) прежде всего, какъ на средство обезпеченія народныхъ нуждъ, а затѣмъ уже, когда эта потребность удовлетворена, тогда только можетъ выступать другая сторона вопроса, и земля можетъ рассматриваться, какъ предметъ культуры; но такое значеніе земли, по всему складу русской жизни, будетъ всегда второстепеннымъ и подчиненнымъ первому ея значенію“.

Противъ этого-то взгляда русской жизни я и протестую всѣми силами; на немъ была дѣйствительно основана вся наша позитивная система, рассматривающая землю, какъ средство для платенія налоговъ, не вѣра, давно вѣра, если даже не пошло, признать, что этотъ взглядъ фальшивый, потому что государственному бюджету и народнымъ нуждамъ нѣтъ предѣла, а пространство земель и ихъ производительность ограничены, и если русская жизнь будетъ требовать отъ земли обезпеченія всѣхъ народныхъ потребностей, не возвращая ей, посредствомъ лучшей культуры, истраченныхъ ей силъ—то и жизнь прекратится на таежной землѣ.

Мой взглядъ на общинное владѣніе отъчасти также, но мнѣнію моихъ критиковъ, нѣкоторою片面ностью; защищая его въ однихъ главахъ своей книги, я въ другихъ предлагаю нѣкоторую его

регламентацию и ограниченіе, и въ статьѣ о колонизаціи допускаю продажу или отводъ земель участками въ полную собственность.

Вопросъ объ общинномъ или мірскомъ владѣніи, поднятый въ 50-тыхъ годахъ при освобожденіи крестьянъ, въ послѣдніе годы былъ много разъясненъ изслѣдованіями русскихъ писателей (Кавелина, Постникова) и иностранными (Лавелё, Леруа-Вольтэ, Мэнкени-Уеллесъ).

Если не ошибаюсь, всѣ эти отзывы, хотя и составленные съ разныхъ точекъ зрѣнія, соглашаются въ одномъ,—что общинное землевладѣніе имѣетъ свои дурныя стороны, но и хорошія; что мнѣніе, долго пользовавшееся безспорнымъ авторитетомъ, будто бы этотъ родъ владѣнія пренатствуетъ безусловно всякому прогрессу, не подтверждается опытомъ; что во всякомъ случаѣ неудобства, присущія общинной эксплуатаціи, изъ коихъ главныя—частіе передѣлы и переходы имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія—встрѣчаются и въ другихъ видахъ владѣнія, въ краткосрочныхъ арендахъ, раздѣлахъ и продажахъ,—и что, въ концѣ-концовъ, за общину можно привести столько же аргументовъ, какъ и противъ, и столько же (если не болѣе), какъ и за участковое или помѣстное владѣніе.

Иностранные публицисты, внимательно изучившіе нашу міровую бытъ, относятся къ нему, хотя и не очень благосклонно, но безпристрастно, и отдаютъ полную справедливость этой организаціи въ отношеніи твердости общественной связи, дающей нашему крестьянству болѣе самостоятельности, чѣмъ земледѣльцамъ другихъ странъ. Въ моемъ сочиненіи я только это и хотѣлъ доказать; *общинное землевладѣніе я признаю наилучшимъ союзомъ для охраненія мелкихъ и беднѣхъ владѣльцевъ отъ сильныхъ и богатыхъ, лучшей опорой для охраненія ихъ имущественныхъ правъ, и, покуда не найдена другая форма сельскихъ обществъ или ассоціацій (я таковая по снѣхъ поръ не отыскана), надо признать необходимымъ не только ея сохраненіе, но и дальнѣйшее ея развитіе и улучшеніе.*

Но я дальше неиду и не смѣю утверждать, чтобы русскій міровой бытъ былъ верхъ совершенства, образцовое учрежденіе, которое должно быть охраняемо какъ святилище отъ всякаго вмѣшательства; также не полагаю, чтобы оно могло само-собою, безъ другихъ вспомогательныхъ и дополнительныхъ мѣръ, предохранить народъ отъ всякихъ золъ и бѣдствій, нищеты и пролетариата.

Признавая за общиной многія преимущества, я не вижу необходимости давать ей привилегированное положеніе, навязывать ее обязательно на всякія новыя поселенія, оберегать ее отъ регулированія порядковъ во многихъ отношеніяхъ очень грубыхъ и вредныхъ — и не вижу даже возможности поддерживать ее безъ нѣкоторой регламентации, безъ опредѣленія законодательными порядкомъ ея правъ, обя-

занностей, предметов вѣдомства и круга дѣйствій. Это я считаю нужнымъ для собственной ея консолидаціи.

Вотъ въ этомъ представленіи, въ этой одѣи общиннаго начала я и расхожусь со многими нашими дѣятелями и публицистами, съ которыми въ другихъ отношеніяхъ вижу себя въ полномъ единомысліи.

Извѣстно, что община имѣетъ у насъ и ярыхъ противниковъ и не менѣе пристрастныхъ приверженцевъ, и между послѣдними въ новѣйшее время, въ особенности при освобожденіи крестьянъ изъ вѣрностной зависимости, установилось мнѣніе, во-первыхъ, что общинное землевладѣніе составляетъ всю суть нашего простонароднаго крестьянскаго быта; во-вторыхъ, что оно, и только оно, можетъ спасти низшіе классы отъ пролетаріата.

Въ моемъ сочиненіи я старался опровергнуть то и другое мнѣніе.

Относительно перваго я заявилъ, что существо нашего поземельнаго быта заключается не въ общемъ владѣніи, а въ *правѣ на землю*, что земли занимались и надѣлялись у насъ различно, что нервобытныя населенія даже болѣею частью производились посемейно и подворно, и что общинное владѣніе появилось въ Россіи не какъ основа или принципъ нашего общественнаго строя, а только какъ послѣдствіе другого высшаго принципа, что всѣ рабочіе люди надѣляются землей поровну и только тогда, когда пустыхъ свободныхъ земель не оставалось для надѣла. По этому самому я не признаю нужнымъ вводить обязательно, исключительно, общину въ новыя поселенія, если земли имѣется достаточно для подворныхъ участковъ, и считаю существеннымъ не форму владѣнія, а самое владѣніе, т. е. право сельскаго обывателя получать надѣлъ въ какой бы формѣ ни было, въ видѣ ли полосы въ общемъ полѣ, или подворнаго участка, или хутора.

Навязывать общинное владѣніе всѣмъ переселенцамъ безъ исключенія, какъ условіе *sine qua non*, было бы такъ же стѣснительно, какъ и напрасно, и потому въ главѣ о колонизаціи я вовсе не касаюсь этого вопроса, предполагая, что онъ будетъ разрѣшаться различно по обстоятельствамъ и удобствамъ мѣстностей.

Другая статья, въ коей я расхожусь со многими поборниками общиннаго начала, есть та, что я не признаю, чтобы оно могло, само собой, безъ другихъ дополнительныхъ мѣръ, предупредить развитіе сельскаго пролетаріата. Извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ полемика между славянофилами и западниками болѣею частью вращалась на этомъ вопросѣ; первые подавали мнѣніе, что община должна быть сохранена, какъ одно изъ средствъ предупрежденія пролетаріата, что и было вполне вѣрно; но, какъ часто случается,

въ жару иреній правильныя мыслики привели въ ошибочный уго-
заключеніи, и мало-по-малу распространилось мнѣніе, будто бы
общинное начало должно служить спасеніемъ рода человѣческаго
отъ всякихъ невзгодъ и нежду прочимъ отъ пролетаріата; другіе
даже видѣли въ этой формѣ владѣнія вѣрнѣйшее средство для аб-
солютнаго уравненія сельскихъ жителей, предупрежденія ихъ эксплуа-
таціи кулаками и аферистами, и вообще для удержанія крестьян-
скаго сословія на одномъ болѣе или менѣе одинаковомъ, среднемъ
уровнѣ состояній.

Это преувеличенное мнѣніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе опаснымъ,
что оно, по явной своей неосновательности, даетъ оружіе противни-
камъ общины, и поэтому я въ моемъ сочиненіи старался поставить
вопросъ на другую почву, въ другую болѣе тѣсную рамку.

Отъ одной стороны, я привелъ факты, положительныя данныя, что
пролетаріатъ зарождается въ нашихъ сельскихъ обществахъ и ра-
стетъ быстро, подъ вліяніемъ податной системы, обременительной
для одинокихъ и бѣдныхъ крестьянъ; что общій уровень благосо-
стоянія ихъ, который при крѣпостномъ правѣ и именно посредствомъ
авторитета помѣщичьей власти держался вездѣ ровный, средній, съ
цѣлью обезпечить интересы самихъ помѣщиковъ, что этотъ уровень
нынѣ колеблется и измѣняется, давая положительный перевѣсъ тру-
додлюбивымъ хозяевамъ передъ безпечными и разгульными, — что та-
кое неравенство прямо вытекаетъ изъ вольности состоянія и есть
прямое послѣдствіе свободы, — однимъ словомъ, и говоря простымъ
языкомъ, что общинное владѣніе не мѣшаетъ смѣтливымъ и трудо-
любивымъ хозяевамъ забирать полевые надѣлы лѣньвыхъ и слабыхъ
крестьянъ, и владѣть ими *de facto*, хотя бы *de jure* они и остава-
лись въ номинальномъ пользованіи послѣднихъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что приписывать общинѣ значеніе радикаль-
ной мѣры противъ неравенства состояній, обѣдненія сельскихъ со-
словій и нищенства, такъ же ложно, какъ и обвинять ее въ разстрой-
ствѣ сельскаго хозяйства; она не заслуживаетъ ни таковой чести, ни
такой укоризны; дѣйствіе ея болѣе скромное, ограниченное, но тѣмъ
не менѣе существенно полезное, и это мы и старались выяснить въ
послѣднихъ главахъ нашей книги.

Дѣло въ томъ, что общинное владѣніе, не предупреждая бес-
условно хозяйственное разстройство людей слабыхъ, неспособныхъ,
даетъ имъ нѣкоторую отсрочку, задерживаетъ ихъ окончательное
разореніе, и черезъ это спасаетъ отъ круглага нищенства нѣкото-
рый процентъ домохозяевъ, которые при подворномъ владѣніи мно-
женно лишились бы всего своего имущества. Міръ, изъ собственнаго
своего интереса, заставляетъ лѣньваго или разгульнаго хозяина вы-

ходить на работу своевременно, чтобы скопить денег, сдать полосу вмѣстѣ съ прочими односельцами, чтобы не мѣшать уборкѣ сѣна, выгону скоту; онъ въ крайности помогаетъ вдовамъ и сиротамъ, осушаетъ имъ хлѣбъ изъ магазина, хотя бы и не изъ чувства гуманности, но по расчету, чтобы онъ окончательно не разстроился и не палъ на попеченіе своихъ односельцевъ; наконецъ, и въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда крестьянинъ бросаетъ свою полосу, отказывается отъ надѣла, онъ не теряетъ окончательно своего права на землю; обстоятельства могутъ измѣниться, счастье вновь ему улыбнется, и онъ вступаетъ вновь въ свои права, дѣти не наказываются за лѣнь и бѣдность родителей, и полоса, упрямая отцомъ, можетъ возвратиться сыну, вступающему въ тѣло.

Все это въ совокупности поддерживаетъ нѣкоторое время разстроеннаго хозяйства, даетъ имъ время выдержать кризисъ неурожая, падежа скота, пробиться сквозь нужду и съ Божьей помощью ее преодолѣть. Сколько мнѣ случалось видѣть и слышать, русскій мужикъ вовсе не восклицаетъ благодѣянія своего мірскаго быта и благоустройство своего общества, но и при полной возможности—изъ него не выдѣляется; онъ смотритъ на сельскій міръ, какъ на пріютъ, который можетъ пригодиться на черный день, какъ на союзъ, дающій его ноквамъ, ходатайствамъ болѣе силы, чѣмъ еслибъ его голосъ былъ одинокій, и на свой мірской надѣлъ какъ на средство не обогащенія, а насущаго пропитанія.

Такъ я думаю и надо поставить вопросъ въ общемъ экономическомъ его значеніи, и статистическія данныя совершенно подтверждаютъ тотъ фактъ, что въ странахъ общиннаго владѣнія пролетаріатъ если и зарождается, то развивается несравненно медленнѣе, чѣмъ при участковомъ надѣлѣ, и составляетъ процентъ гораздо менѣе значительный. Въ моемъ сочиненіи я привелъ эти сравнительныя исчисленія: въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне безземельные составляютъ уже, въ сожалѣнію, очень крупный процентъ 5%—12,15%, но въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Литвѣ ихъ насчитываютъ втрое, вчетверо болѣе; самое удобное сравненіе представляется въ колоніяхъ между колонистами-нѣмцами, принявшими участковый надѣлъ, и болгарскими переселенцами, владѣющими землей на общинномъ правѣ; водворившись почти въ одно и то же время, въ началѣ настоящаго столѣтія, первые насчитываются уже въ 49,020 душъ безземельныхъ 25,969, т.-е. около 50%, вторые въ 281,645 душъ безземельныхъ 1,032 или 0,35%. Эти исчисленія привели меня къ общему заключенію, что общинное владѣніе не есть защита отъ бѣдности и нищеты, какъ нѣкоторые полагаютъ, но что оно предохраняетъ народъ отъ этихъ золъ, насколько че-

ловѣкъ, по слабости своего тѣлосложенія, своихъ способностей и своей нравственности, можетъ быть охраненъ отъ бѣдности;—оно не можетъ служить исключительной формой владѣній для цѣлаго населенія, цѣлой страны, но составляетъ запасъ, гдѣ каждый изъ жителей имѣетъ свою долю, нѣмалую владѣнія, ему слѣдующаго, на него причитающагося изъ государственной территоріи; по личной своей инициативѣ, онъ можетъ приобретать и другія имущества, можетъ и лишиться ихъ по своей несостоятельности, но и въ такомъ случаѣ за нимъ остается надѣлъ мірской, какъ послѣднее обезпеченіе насущнаго пропитанія, какъ неотчуждаемая собственность, охраняемая закономъ отъ спекулятивныхъ оборотовъ; точно такъ, какъ въ аристократическихъ обществахъ признавалось нужнымъ для поддержанія знатныхъ родовъ установить неподвижность имущества, преемственность ихъ, чтобы предохранить ихъ отъ растраты, такъ въ демократическихъ обществахъ нашего времени полезно имѣть неотчуждаемыя общественныя земли, гдѣ мелкіе владѣльцы, черные люди имѣли бы каждый свой участокъ или свою полосу, подлежащую продажѣ и сохраняемую для грядущихъ поколѣній, какъ майоратное, завѣщанное владѣніе всего народа ¹⁾.

Мнѣ остается разсмотрѣть въ статьѣ г. Головачова одинъ еще предметъ, не скажу—разногласія, но недоразумѣнія между нами: это—значеніе народнаго кредита въ дѣлѣ поземельнаго устройства, значеніе, которое я, по отзыву почтеннаго рецензента, будто бы упустилъ изъ виду. Я называю это недоразумѣніемъ потому, что въ моемъ сочиненіи я нѣсколько разъ упоминаю о необходимости устроить общедоступный народный кредитъ для мелкихъ владѣльцевъ, и въ главѣ о Германіи подробно объясняю, что, за недостаткомъ такого

¹⁾ Въ главѣ объ общинномъ владѣніи я выразилъ мнѣніе, которое послужило поводомъ къ некоторому недоразумѣнію, именно, что я считалъ бы нужнымъ ограничить произволъ сельскихъ обществъ насчетъ передѣловъ мірскихъ полей и устанавливать для нихъ извѣстные сроки. Нѣкоторые писатели поняли это такъ, что сроки передѣловъ должны быть обязательныя, общія, опредѣленныя закономъ, чего я вовсе не предполагалъ. Я полагаю, что сельскимъ обществамъ слѣдуетъ предоставить право установить эти сроки по своему усмотрѣнію, однако не менѣе, какъ на трехлѣтіе для пахатныхъ земель, но съ нѣкоторою формальностью, по мірскому приговору, и непремѣнно съ условіемъ, чтобы срокъ, однажды установленный—не былъ измѣняемъ въ теченіи опредѣленнаго періода. Существенный вредъ передѣловъ состоитъ въ ихъ неопредѣленности, неизвѣстности сроковъ, такъ что они часто производятся совершенно неожиданно, по внезапному требованію вліятельныхъ домохозяевъ, которые задабриваютъ мірскую сходку пріятными угощеніями. Противъ этихъ собственныхъ своихъ слабостей и колебаній законъ долженъ защищать мірскія общества, и требовать, чтобы порядки, ими самими установленные, ими же соблюдались.

кредита, большая часть крестьянъ принуждена была распродать свои земли; въ главѣ же о колонизаціи я выразился, „что послѣднее слово правильной системы колонизаціи есть кредитное учрежденіе, имѣющее въ виду эту операцію“.

Правда, эту сторону аграрнаго вопроса я не рассматривалъ въ подробности, потому, во-первыхъ, что она увлекла бы меня на такую почву, на которой я чувствую себя не вполне компетентнымъ, и, во-вторыхъ, потому, что предметъ этотъ самъ по себѣ составляетъ цѣнную отрасль социальныхъ наукъ и едва ли не самую сложную и трудную, которой я не смѣлъ коснуться слегка.

Мое мнѣніе о важности кредита, для мелкихъ владѣльцевъ и земледѣльцевъ въ Россіи, я заявилъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Мелкій кредитъ въ Россіи“ соч. кн. Васильчикова и Яковлева (Петербургъ, 1876). Но, кромѣ того, я принимаю участіе въ дѣлѣ, которое имѣетъ и другое, болѣе практическое значеніе, именно въ устройствѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, коими завѣдуетъ особый комитетъ, состоящій подъ моимъ предсѣдательствомъ. Дѣло это, принятое тому 6 лѣтъ, составляетъ слабый и очень неполный опытъ примѣненія кредита къ народнымъ нуждамъ, и я не думаю выдавать его за разрѣшеніе этой великой задачи; но оно доказало быстрымъ своимъ развитіемъ, что кредитныя учрежденія могутъ быть приспособлены и къ этой средѣ, къ крестьянскому быту, гдѣ до сіе время признавались несбыточными. Во всякомъ случаѣ, я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ моего уважаемаго критика о необходимости примѣнить народный кредитъ къ поземельному устройству и колонизаціи и въ этомъ отношеніи иду даже, можетъ быть, дальше, чѣмъ онъ.

Я полагаю, что всѣ гуманныя предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ и рабочихъ вообще, всѣ проекты объ уравниніи и дополненіи ихъ надѣловъ, о переселеніи, колонизаціи, улучшеніи культуры и проч. и проч., находятся въ прямой зависимости отъ вопроса о народномъ кредитѣ и имъ непосредственно на практикѣ обуславливаются; я обѣими руками подписываюсь подъ мнѣніе Головачова, „что еслибъ для народнаго кредита (и я прибавлю, для мелкихъ владѣльцевъ и рабочихъ) была сдѣлана десятая часть того, что сдѣлано для достаточныхъ классовъ, то общество находилось бы на пути къ лучшему“.

Соображенія эти имѣютъ особенную важность для обсужденія аграрнаго вопроса съ той точки зрѣнія, которая принята въ моемъ сочиненіи, и я искренно благодаренъ моему критику, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ, который дѣйствительно не довольно разъясненъ въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Постараюсь его здѣсь нѣсколько развить.

Исходное мое положеніе то, что при всякомъ посемельномъ устройствѣ слѣдуетъ имѣть въ виду два высшіе интереса: соблюденіе правильной культуры, т.-е. сбереженіе производительныхъ силъ страны, и охраненіе пользы и нужды народа, воздѣлывающаго землю. Изъ этого я вывожу, что расширеніе владѣній поселенія на новыхъ мѣстахъ и всѣ подобныя мѣропріятія не достигаютъ своей цѣли, если земледѣльцу не дается средствъ улучшать свою культуру; широкіе надѣлы и новыя поселенія безъ этой существенной помощи ведутъ только къ быстрѣйшему неудержимому расхищенію главнаго капитала, плодородія почвы. Съ другой стороны, дознано наукой и испытано на дѣлѣ, что изъ всѣхъ промысловъ земледѣліе наиболѣе нуждается въ заблаговременныхъ затратахъ и въ обезпеченіи отъ случайностей, независимыхъ отъ воли человѣка, отъ неурожая, градобитія, засухи и другихъ естественныхъ явленій. Все это такъ извѣстно, такъ несомнѣнно, что гипотечный кредитъ вездѣ составляетъ первую заботу посемельной организаціи для крупныхъ собственниковъ. Но онъ былъ и останется доселѣ недоступнымъ для мелкихъ владѣльцевъ и земледѣльцевъ, и въ этомъ недостатокъ кредита кроется, по моему мнѣнію, главнѣйшая причина поглощенія мелкой крестьянской собственности—крупнымъ, помѣстнымъ землевладѣніемъ.

Всѣ рассужденія о вредѣ грубыхъ культуръ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, о необходимости унавоживанія, травосѣянія и вообще введенія интенсивной культуры дѣйствительно разбиваются объ это возраженіе—недостатокъ средствъ; точно также и предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ посредствомъ отвода имъ новыхъ земель оказываются несостоятельными, если имъ не будутъ даны средства для эксплуатаціи; благодушныя предположенія нѣкоторыхъ публицистовъ о даровомъ надѣлѣ земель, о правѣ перехода съ одного мѣста на другое составляютъ только соблазнительныя мечты, которыя увлекутъ поселянъ къ безполезному бродяжничеству, и въ концѣ-концовъ къ разоренію, если они не будутъ снабжены кредитными средствами для поддержанія кривизы и устройствъ своихъ хозяйствъ.

Итакъ, въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій объ аграрномъ вопросѣ долженъ непремѣнно лечь, по моему мнѣнію, народный кредитъ.

Это мое мнѣніе я не только защищалъ на бумагѣ, но старался провести и въ дѣйствительный народный бытъ.

Кредитъ для крестьянъ нуженъ двоякій: во-первыхъ, краткосрочный, мелкій, для покрытія обыденныхъ потребностей; во-вторыхъ, долгосрочный, болѣе крупный, для улучшенія культуръ, округленія мірскихъ надѣловъ, прикупки земель и переселеній.

Первый получилъ уже нѣкотораго рода примѣненіе въ учрежденіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и какъ бы этотъ опытъ ни былъ еще несовершенъ, но открытіе около тысячи товариществъ съ оборотомъ въ 34 милліона рублей, по инициативѣ комитета, состоящаго изъ частныхъ лицъ, не имѣющихъ ни officialнаго, ни общественнаго значенія—есть фактъ, доказывающій по крайней мѣрѣ возможность примѣненія кредита къ мелкой собственности.

Второй видъ кредита несравненно важнѣе перваго, но и гораздо сложнѣе. Я полагаю, что онъ долженъ служить для различныхъ операцій, имѣющихъ въ виду улучшеніе и регулированіе крестьянскаго землевладѣнія.

Сюда войдутъ и ссуды для покупки земель у смежныхъ владѣльцевъ, и авансы для переселеній на казенныя земли, и ссуды для осушенія болотъ, провода канавъ, копен володцевъ, постройки плотинъ, корчеванья пней и другихъ улучшеній.

Одинъ изъ моихъ критиковъ („Отеч. Зап.“, августъ, 1877, стр. 263) дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе и по этому поводу, будто бы: „я предлагаю организацію кредитнаго учрежденія для покупки крестьянскихъ земель у помѣщиковъ“, и находитъ эту мѣру не цѣлесообразною, на томъ основаніи, „что крестьяне будутъ платить дорого (100,200,400 рублей) за выпашанную землю и надѣвуть на свою шею новую кабалу!!!“

Это опять намекъ на то, что я защищаю сословные интересы и личныя выгоды землевладѣльцевъ; не и здѣсь г. рецензентъ становится на совершенно зыбкую почву голословныхъ заявленій, которыми часто увлекаются наши „народолюбивые писатели“.

Во-первыхъ, утверждать вообще, что крестьяне платятъ 100,200 р. за выпашанную землю—очень рискованно; можетъ быть, что и были случаи, гдѣ, по крайней необходимости, для выѣзда или для выгона скота покупщики платили дорого за неудобныя земли. Но это общій законъ всякой сдѣлки между людьми, по своему купецъ платитъ высокую цѣну за товаръ ему необходимый.

Мои соображенія о народномъ кредитѣ для покупки помѣщичьихъ земель, и не только помѣщичьихъ, но и казенныхъ, имѣютъ совершенно другія основанія.

Замѣчаніе, что земли вообще сильно вздорожали при покупкѣ, совершенно справедливо, и, не прибѣгая къ такимъ натяжкамъ, какъ мой оппонентъ, можно, однако, принять, что въ послѣднія 15—20 лѣтъ онѣ поднялись вдвое въ цѣнѣ, и что пашня (только не выпашанная) стѣбитъ въ черноземной полосѣ 100—150 р., въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ около 40—50. Но арендныя цѣны возвышаются не пропорціонально продажнымъ, а еще гораздо быстрѣе, и составляютъ уже среднюю плату (въ трехпольномъ сѣвооборотѣ)

около 10% съ капитальной стоимости пакатныхъ угодій. Это объясняется тѣмъ, что у мелкихъ сѣмщиновъ хватаетъ еще денегъ на арендованіе изъ году въ годъ, но недостаетъ денегъ для покупки въ тѣсное владѣніе, и этому-то недостатку и должно помочь кредитъ.

Какую же эту новую кабалу видитъ рецензентъ въ такомъ предположеніи, которое, напротивъ, выручаетъ земледѣльцевъ изъ угрожающей и неминуемой опасности приплачивать ежегодно по нѣскольку лишнихъ процентовъ за наемъ земель? Неужели покупка крестьянами земель помѣщичьихъ признается вредною потому только, что при этомъ доставляются нѣкоторыя выгоды и помѣщикамъ. Неужели мы дойдемъ до такой исключительности, что будемъ отвергать всякую мѣру въ пользу низшихъ сословій, если они не вредятъ высшимъ?

Я старался избѣгнуть въ моемъ сочиненіи той исключительности, тенденціозности, которая въ иностранной и въ нашей публицистикѣ затемняютъ многіе экономическіе вопросы, въ особенности аграрный, подчиняя ихъ политическимъ мнѣніямъ и партіямъ.

Выше сословныхъ интересовъ, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣстныхъ, торговыхъ, я ставлю интересы земли и народа, состоящіе въ томъ, чтобы государственная территория не была расхищена и ея богатства безвозвратно исчерпаны одними поколѣніями или одними сословіями въ ущербъ всѣхъ прочихъ.

Какъ общинное, такъ и помѣстное владѣніе могутъ привести къ такимъ результатамъ и причинить невозвратный вредъ народному хозяйству, если допущено будетъ, по принципу, неограниченное право распоряженія мірскихъ сходовъ на общинныхъ земляхъ и землевладѣльцевъ на частныхъ земляхъ и лѣсахъ.

Частые передѣлы полей безъ установленныхъ сроковъ, переходы съ одного мѣста на другое оказываются столь же вредными въ крестьянскомъ быту, сколько въ помѣстномъ — арендованіе земель безъ срока, по волѣ владѣльца (*at will of the Lord*) или краткосрочныя аренды безъ надлежащаго обезпеченія арендаторовъ. Ни общинное, ни участковое владѣніе не могутъ сами по себѣ предотвратить зарожденіе и развитіе пролетаріата, и единственное (но очень важное) преимущество перваго рода владѣнія состоитъ только въ томъ, что оно удерживаетъ въ невѣстной мѣрѣ быстрое приращеніе имущества и даетъ черезъ это возможность принять мѣры къ предупрежденію его пагубныхъ послѣдствій.

Земельный надѣлъ долженъ соответствовать не потребностямъ хозяевъ, а рабочимъ ихъ силамъ и притомъ — такой пропорціи силъ, какая требуется для хорошей, тщательной обработки полей и луговъ.

Наконецъ, послѣдній мой выводъ слѣдующій: всякое поземельное

устройство, на какихъ бы принципахъ оно ни было основано, на общинномъ или на участковомъ, на правѣ пользованіи или полной собственности, съ полнымъ ли надѣломъ для самостоятельнаго хозяйства, или съ уменьшеннымъ по рабочимъ силамъ хозяевъ,—всякое аграрное устройство имѣетъ только временное и условное значеніе, нзмѣняющееся ежегодно отъ нзмѣненія самой пропорціи между землей и рабочими, отъ приращенія народонаселенія, съ одной стороны, и распространенія или стѣсненія культуры—съ другой, т.-е. распашки луговъ, осушенія болотъ, расчистки лѣсовъ или, наоборотъ, замушченія пашни, заростанія луговъ.

Въ Россіи оба члена этой пропорціи нзмѣняются въ громадной прогрессіи: прибыль населенія составляетъ въ годъ около 1% или 700,000 жителей. Пространство угодій, культурныхъ земель растетъ еще быстрѣе, но совершенно неправильно, въ томъ отношеніи, что качество ихъ упадаетъ по мѣрѣ того, какъ количество умножается. Всякія попытки исправить эти недостатки посредствомъ мѣръ, уставовъ, или другихъ комбинацій, имѣющихъ въ виду настоящее положеніе землевладѣнія, всякія такія попытки окажутся черезъ нѣсколько лѣтъ такими же бесплодными, какъ и всѣ прежнія соображенія, и покуда они будутъ обсуждаться и изслѣдоваться, положеніе опять нзмѣнится: предложенныя исправленія окажутся недостаточными, потребуются новыя дополненія, и возобновятся тѣ же сѣтованія о несоразмѣрности владѣній, малоземелья и эксплуатаціи земледѣльцевъ землевладѣльцами.

Поэтому мнѣ казалось бы, что поземельное устройство должно имѣть въ виду не регулированіе владѣній въ данный моментъ, а такую систему, которая бы давала возможность народу регулировать поземельныя отношенія само собою, по непреложному закону всякаго народнаго движенія, направляющагося въ тѣ края, гдѣ имущества дешевы, а работа дорога, и гдѣ поэтому заработки даютъ средства пріобрѣтать собственность.

Къ такой системѣ относятся *колонизація* и *народный кредитъ*. Вотъ тѣ главные тезисы, которые я стараюсь провести въ моемъ сочиненіи. Безусловныхъ принциповъ, абсолютныхъ доктринъ, правилъ безъ исключеній—я не допускаю въ такомъ матеріальномъ вопросѣ, какъ аграрный. Общинное и помѣстное владѣніе могутъ и должны существовать совмѣстно при нѣкоторыхъ общихъ условияхъ и ограниченіяхъ, и таковыя ограниченія необходимы для огражденія народнаго хозяйства, съ одной стороны, отъ хищнической, грубой культуры земледѣльцевъ, съ другой—отъ алчной эксплуатаціи владѣльцевъ и аферистовъ.

Но оба эти рода злоупотребленій поземельными правами должны быть признаны одинаково вредными и опасными для общаго благосостоянія страны и народа.

Извѣстный отзывъ нашихъ политическихъ фантазеровъ — по существу совершенно соотвѣтствуетъ пресловутому принципу европейскихъ экономистовъ: „laissez faire, laissez passer“, и только переноситъ съ высшихъ сословій на низшія право неограниченнаго распоряженія поземельною собственностью. Даровой надѣлъ исходитъ изъ того же принципа, какъ и владѣніе по пожалованію, т.-е. что государственныя власти имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, выдѣлять и дарить часть общей собственности отдѣльнымъ обществамъ и лицамъ.

Отводъ крестьянамъ обширныхъ угодій, сверхъ извѣстной пропорціи, которую онъ можетъ обработать собственными силами, имѣетъ такія же послѣдствія, какъ концессіи крупныхъ помѣстій, т.-е., что хозяинъ самъ не эксплуатируетъ свою собственность, а сдаетъ ее другимъ или нанимаетъ себѣ въ помощь батраковъ. Передѣлы мірскихъ полей причиняютъ такой же вредъ общинникамъ, какъ краткосрочныя аренды частнымъ владѣльцамъ, лишая временныхъ владѣльцевъ возможности производить нужныя улучшенія для поддержанія производительности почвы. Всѣ такія дѣйствія я признаю одинаково вредными, отъ кого бы они ни исходили, отъ крестьянъ общинниковъ или отъ крупныхъ владѣльцевъ, и полную волю землеустроителей въ этомъ отношеніи считаю столь же опасною, какъ и самовластіе помѣщиковъ.

Я также никакъ не могъ убѣдиться, чтобы общинное землевладѣніе, вольная ассоціація, даровой надѣлъ и всѣ прочія благодѣянія, жонглируя, соблазняютъ рабочіе классы, могли обезпечить ихъ благосостояніе, если не будутъ приняты мѣры къ постоянному регулированію поземельныхъ отношеній, а такими мѣрами я признаю:

- 1) Мелкій земельный кредитъ, — и
- 2) Колонизацію.

Въ моихъ изслѣдованіяхъ я коснулся только послѣдняго предмета, — колонизаціи, потому что вопросъ о народномъ кредитѣ потребовалъ бы совершенно особеннаго изложенія.

Поэтому мой трудъ оказывается дѣйствительно неполнымъ въ томъ отношеніи, что, объясняя главные недостатки настоящаго аграрнаго строя и способы болѣе или менѣе успѣшнаго его улучшенія, я не указываю на главное условіе — матеріальныя ресурсы, которые могутъ быть доставлены только широкой системой народнаго кредита.

Этотъ вопросъ остается открытымъ.

Кн. А. Васильчиковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1878.

Бюджетъ 1878 года.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны.

Въ первый разъ обзорѣніе, посвященное государственной росписи и отчету государственнаго контроля, намъ приходится писать во время войны, налагающей на финансы такія пожертвованія, въ сравненіи съ которыми цифры упомянутыхъ документовъ какъ-бы теряютъ значеніе. Въ бюджетѣ 1878 года принимается дефицитъ въ 27½ милл. руб., а уже контрольный отчетъ по исполненію росписи 1876 года показываетъ намъ дѣйствительный недостатокъ бюджетныхъ средствъ того года на покрытіе расходовъ въ 5½ милл. рублей. Но, казалось бы, что могутъ значить подобныя цифры въ сравненіи съ тѣми 750 милліонами, которые были вновь нами заняты и въ значительнѣйшей части издержаны на военныя приготовленія и на самое веденіе войны, въ теченіи года и трехъ мѣсяцевъ, а именно, съ ноября 1876 года, то-есть со времени объявленія перваго военнаго займа, на сумму 100 м. р.

Дѣйствительно, отдѣльныя цифры тѣхъ документовъ, которые отражаютъ въ себѣ нормальное теченіе дѣлъ, утрачиваютъ свое значеніе передъ цифрами потребностей чрезвычайныхъ, обусловленныхъ войною. Когда мы читаемъ въ изъясненіи бюджета, что дефицитъ будущаго года въ 27½ м. р. предполагено покрыть изъ суммъ послѣдняго внѣшняго займа, или когда усматриваемъ въ контрольномъ отчетѣ, что недостатокъ въ 5½ м. р., оказавшійся на удовлетвореніе расходовъ 1876 года, покрыть изъ свободныхъ остатковъ отъ

смѣтъ предшествующихъ годовъ, и что за всѣмъ тѣмъ этихъ остатковъ сохранилось еще до 34 милл. р., то намъ необходимо припоминается, что вѣдь и весь-то вѣншній заемъ не составляетъ и четверти занятыхъ нами вновь чрезвычайныхъ средствъ, а въ свободныхъ остаткахъ отъ прежнихъ лѣтъ мы при такихъ новыхъ потребностяхъ, конечно, видимъ только счетную рубрику.

Но изъ всего этого никакъ не слѣдуетъ, что разсмотрѣніе бюджета и контрольнаго отчета теперь не представляетъ интереса. Какъ ни малозначительны являются отдѣльныя ихъ цифры въ сравненіи съ размѣрами военныхъ потребностей, онѣ, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ полное свое значеніе, когда разсматриваются одна въ связи съ другою и сравниваются только между собой. Война и чрезвычайные расходы, ею вызванные, нисколько не избавляютъ общество отъ обязанности уяснить себѣ данныя нормальнаго хозяйства, какъ оно представляется въ настоящее время послѣдними финансовыми документами. Вѣдь въ концѣ-концовъ и тѣ чрезвычайные ресурсы, которые добыты путемъ кредита, отзовутся все-таки на бюджетахъ же и неизбежнымъ путемъ возвышенія податей войдутъ въ область нормальнаго хозяйства. Поэтому, передъ окончательной расплатой за войну особенно интересно бросить взглядъ на тѣ признаки, какіе обнаруживались въ послѣднее время въ поступленіи доходовъ, возрастаніи расходовъ и болѣе или менѣе успѣшномъ сведеніи тѣхъ и другихъ въ общемъ балансѣ.

Вотъ почему, на нынѣшній разъ, мы нѣсколько измѣнимъ порядокъ нашей бесѣды по поводу новой росписи и послѣдняго отчета. Обыкновенно на первомъ планѣ мы ставили предположенія бюджета и затѣмъ свѣряли ихъ съ тѣми данными, какія представлялъ отчетъ. Теперь именно предвидѣнія бюджета представляютъ менѣе интереса, чѣмъ положительныя данныя контрольнаго отчета по исполненію послѣднихъ законченныхъ смѣтъ. Предвидѣніе бюджета дѣйствительно измѣняется въ весьма значительныхъ размѣрахъ дальнѣйшими потребностями на войну, которыя будутъ зависѣть отъ самаго хода военныхъ дѣйствій и международныхъ отношеній. Поэтому нынѣшняя роспись для насъ интересна только какъ констатированіе до нѣкоторой степени того, что само финансовое управленіе думаетъ о дальнѣйшемъ поступленіи государственныхъ доходовъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Между тѣмъ, данныя контрольнаго отчета за 1876 г. сохраняютъ всю свою цѣну, такъ какъ они показываютъ намъ именно, какое направленіе сказывалось въ состояніи нашего нормальнаго хозяйства въ послѣднее время. Вотъ почему на нынѣшній разъ мы начнемъ съ контрольнаго отчета и разсмотримъ его нѣсколько по-

дробнѣе, а уже потомъ перейдемъ къ предположеніямъ росписи на 1878 годъ.

Контрольный отчетъ за 1876 годъ отличается отъ предшествующихъ по составу только тѣмъ, что въ немъ нѣсколько измѣнено изложеніе сверхсметныхъ доходовъ; но есть особенность, принадлежащая собственно этому отчету: это—свѣдѣнія о чрезвычайныхъ расходахъ, которые были вызваны уже въ сметный періодъ 1876 г. (обнимающій полугодіе 1877 г.) предстоящею и начавшеюся войною, расходахъ, для покрытія которыхъ назначены особые источники. Мы упомянемъ о нихъ далѣе, а прежде всего обратимся къ самому важному отдѣлу отчета, въ которомъ отражается дѣйствительное поступленіе въ 1876 году доходовъ и приводятся данныя для сравненія съ поступленіемъ доходовъ въ ближайшіе предшествовавшіе годы. По росписи 1876 года обыкновенныхъ доходовъ (включая оборотные) было предположено 556³/₄ м. р., а поступило въ дѣйствительности 559¹/₄ м. р., то-есть на 2¹/₂ м. р. болѣе. Но этотъ общій результатъ, къ сожалѣнію, не свидѣтельствуетъ еще о благопріятномъ состояніи платежныхъ силъ страны. Дѣло въ томъ, что изъ двухъ главныхъ статей доходовъ: питейному и податямъ, оказался противъ исчисленій росписи недоборъ, и излишекъ поступленія въ конечной общей цифрѣ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ усиленнаго поступленія третьяго, по важности, изъ государственныхъ доходовъ, именно—дохода таможеннаго. Но и такое усиленное поступленіе таможеннаго дохода не означало возрастанія спроса на привозные продукты, которое, въ свою очередь, свидѣтельствовало бы объ обильныхъ заработкахъ и сбереженіяхъ въ странѣ.

Таможенный доходъ за послѣдніе годы постоянно возрасталъ: съ 53¹/₂ м. р. 1872 года онъ поднялся за 1875 годъ до 62³/₄ м. р., т.-е. возросъ за тѣ 4 года на 9¹/₄ м. р., въ 1876 же году цифра таможеннаго дохода дошла до 71 м. р. или еще на 8³/₄ м. р. болѣе противъ 1875 года, на 10¹/₂ м. р. выше исчисленія по росписи 1876 г. Увеличеніе это зависѣло прямо отъ предстоявшаго съ 1 января слѣдующаго года возниканія таможенныхъ пошлинъ золотомъ по нарицательному курсу, вмѣсто взысканія ихъ кредитными билетами. Постановленіе комитета министровъ въ этомъ смыслѣ состоялось 10 ноября. Понятно, что привозители иностранныхъ товаровъ, имѣя въ виду, что чрезъ полтора мѣсяца имъ приходилось платить пошлину на 30%ъ выше, успѣли воспользоваться остававшимися полутора мѣсяцами для очищенія возможно большаго количества товаровъ пошлинами на прежнемъ основаніи. Такимъ образомъ огромное возвышеніе таможенныхъ сборовъ за конецъ 1876 года представляло явленіе фиктивное. Отчетъ замѣчаетъ по этому поводу, что „значи-

тѣлѣннѣйшая часть превышенія таможеннаго дохода надъ поступленіемъ предшедшаго года составляетъ въ сущности принадлежность росписи 1877 года, въ счетъ которой онъ поступилъ какъ бы авансомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что таможенные поступления текущаго (1877) года,—независимо отъ продолжающагося вліянія возвышенныхъ пошлинъ и войны,—должны уменьшиться на всю сумму пошлинъ преждевременно оплаченныхъ въ концѣ 1876 года⁴.

Не будь этого искусственнаго приращенія или, лучше сказать, перечисленія таможеннаго дохода изъ одной росписи въ другую, въ концѣ 1876 года, и всѣхъ доходовъ въ общей ихъ сложности за тотъ годъ поступило бы менѣе, чѣмъ было предположено по росписи. Цѣлый рядъ годовъ доселѣ приучилъ насъ въ постоянному возрастанію итога доходовъ милліоновъ на 15-ть въ каждый годъ. Въ 1876 же году мы знакомимся съ явленіемъ новымъ: общій итогъ доходовъ года представилъ паденіе на $17\frac{1}{4}$ м. р. сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Не будь—какъ уже сказано—фигтивного возрастанія таможенныхъ полученныхъ въ концѣ 1876 года, и тогда сумма его доходовъ представила бы въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ упадокъ милліоновъ на 27.

Всѣ главныя статьи дохода упали. Такъ, питейный доходъ, на которомъ доселѣ главнымъ образомъ основывались всѣ благопріятныя явленія въ нашихъ ежегодныхъ отчетахъ, какъ-то: возрастаніе общей цифры доходовъ, покрытіе, благодаря превышенію поступленій противъ росписей, цѣлой массы расходовъ, росписями непредвидѣнныхъ, образованіе свободныхъ остатковъ,—питейный доходъ самъ сталъ падать еще съ 1875 года. Вслѣдствіе постоянного возрастанія, питейный доходъ въ 1874 году дошелъ уже до $200\frac{3}{4}$ м. р., такъ что одинъ представлялъ собою почти $\frac{2}{5}$ всей суммы обыкновенныхъ доходовъ государства; но уже въ 1875 году онъ упалъ почти на $3\frac{1}{2}$ м. р., а въ 1876 году еще на $6\frac{1}{4}$ м. р., такъ что противъ наибольшей цифры поступленія питейнаго дохода, соответствовавшей 1874 году, нынѣшняя (1876 г.) цифра 191 м. р. представляетъ уменьшеніе почти на $9\frac{3}{4}$ м. р.

Такое направленіе того дохода, на которомъ главнѣйше зиждилось доселѣ наше относительное финансовое благополучіе, заслуживаетъ особаго вниманія. Если питейный доходъ, вмѣсто того, чтобы возрастать, сталъ падать, а сумма расходовъ продолжаетъ съ году на годъ расти въ прежнихъ размѣрахъ, нынѣ же къ ней прибавилось бремя чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, которые наложатъ на бюджетъ по меньшей мѣрѣ 20 м. р. расхода на платежи по новымъ займамъ, то такую перспективу нельзя, конечно, признать благопріятною.

Отчетъ продолжаетъ, по прежнимъ приѣбрамъ, указывать одну изъ главныхъ причинъ уменьшенія нитейнаго дохода — „принятіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ къ сокращенію числа мѣстъ продажи питей“; но, выйдя съ ней, отчетъ рѣшается, однако, указать и другую причину, очевидно — болѣе существенную, а именно: „уменьшеніе заработковъ въ слояхъ народа, являющихся главными потребителями вина“. Впрочемъ, по мнѣнію отчета, это уменьшеніе заработковъ зависѣло собственно отъ „происшедшаго, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, застоя въ торговлѣ и внутреннемъ производствѣ“. Мы уже говорили объ этомъ обстоятельствѣ по поводу записки московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, въ которой также указывалось на уменьшеніе заработковъ, но, сверхъ того, говорилось прямо и объ обѣдненіи сельскаго населенія. Мы высказали тогда и повторяемъ теперь, что при всѣхъ разсужденіяхъ о цифрахъ, относящихся къ народному потребленію, то-есть именно къ потребленію продуктовъ въ массѣ народа (будь то мануфактурные продукты или акцизное вино), обращается слишкомъ мало вниманія на желѣзнодорожные заработки. Около милліарда рублей, пущенныхъ на желѣзнодорожные заработки въ теченіи всего 11 лѣтъ (до 1876 года), не могли не отозваться на усиленіи въ массѣ народа потребленія, между прочимъ и вина, и должны были играть важную роль въ бывшемъ возростаніи питейнаго дохода. А такъ какъ желѣзнодорожное строительство съ 1875 года сильно сократилось и чрезвычайные заработки, имъ обусловливавшіеся, упали, то это не могло не отразиться и на упадкѣ питейнаго дохода, который сказался именно съ 1875 года.

Россія — доселѣ страна бѣдная, а эта истина отчасти забывалась въ теченіи того ряда лѣтъ, который представлялъ непрерывное и изумительное возростаніе доходовъ государства. Между тѣмъ, истина продолжала быть истинной, и быстрое возростаніе доходовъ казны было бы необъяснимо, если бы оно не сопровождалось столь же быстрымъ увеличеніемъ бремени лежащихъ на государствѣ обязательствъ по займамъ, сдѣланнымъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Суммы, вырученныя этими займами, въ значительной степени обращались именно на созданіе въ странѣ временныхъ усиленныхъ заработковъ, а это усиленіе заработковъ, въ свою очередь, сказывалось въ увеличеніи потребленія, между прочимъ и вина, что влекло за собой постоянный ростъ нитейнаго дохода казны, и болѣе исправное поступленіе подушныхъ сборовъ, а отъ этого зависѣло общее возростаніе доходовъ.

Такимъ образомъ, казна выигрывала на-время въ возвышеніи своихъ доходовъ въ сущности то, что прибавляла къ своимъ долго-

вымъ обязательствамъ. Иначе и не могло быть въ странѣ со столь слабой производительностью, какова Россія. Откуда же было взяться быстрому возрастанію казеннаго дохода, если не изъ особаго временнаго источника заработковъ, который создавала сама же казна? При этомъ, въ дѣйствительномъ балансѣ получалась казною только та выгода, которая представлялась поднятіемъ самой производительности въ странѣ устройствомъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, и та невыгода, которая выражается цифрой недоимокъ по платежамъ, слѣдовавшимъ казнѣ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ возмѣщеніе ея расходовъ по обязательствамъ, принятымъ за нихъ.

Что производительность Россіи слаба, въ этомъ всѣ согласны. Но иные понимаютъ это въ слишкомъ узкомъ смыслѣ; они относятъ все къ недостатку у насъ фабрикъ и заводовъ, и требуютъ возвышеннаго тарифа для искусственнаго созданія русской заводской промышленности. Есть и такіе мыслители, которые видятъ главную причину бѣдности народа въ большомъ числѣ праздниковъ. Между тѣмъ, основныя причины такого или иного экономическаго положенія цѣлаго народа обуславливаются, конечно, физической природой страны. Населеніе раскинуто на громадномъ пространствѣ, и большая половина населенія живетъ на земляхъ скудныхъ; затѣмъ, по климатическимъ условіямъ, цѣлые шесть мѣсяцевъ въ году почти пропадаютъ для работы. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства выясняется обращеніемъ къ финансовымъ даннымъ. Какая главная цѣнность въ Россіи, каковъ въ ней главный источникъ для сборовъ въ пользу казны?—личный трудъ; изъ 540 м. р. обыкновенныхъ доходовъ (безъ оборотныхъ) гораздо большая половина, свыше 300 м. р., представляются подушными податями и питейнымъ доходомъ, который у насъ можетъ быть рассматриваемъ именно какъ налогъ на душу населенія. Во Франціи, напримѣръ, питейный доходъ составляетъ всего 8 процентовъ бюджета, а въ Россіи 35%. Почему это такъ? Потому, что Франція—страна богатая, и въ ней много источниковъ, изъ которыхъ казна можетъ почерпнуть средства, а Россія—страна бѣдная, богатая только числомъ населенія. И вотъ въ ней численность населенія, по необходимости, и служитъ главнымъ источникомъ обложенія, которое и падаетъ главнымъ образомъ на личный трудъ.

А между тѣмъ, для личнаго труда, для развитія этого главнаго капитала Россіи и для пополненія этого главнаго источника ея казны—пропадаетъ, по климатическимъ условіямъ, почти половина времени въ году. Русскій крестьянинъ по необходимости работаетъ, также какъ пьетъ, норывами, черезъ силу: онъ чрезмерно трудится въ тѣ шесть мѣсяцевъ, которые должны прокормить его на цѣлый годъ,

а потому ему на мѣстѣ и совсѣмъ нельзя достать работы, и къ веснѣ истощаются всѣ его запасы, чухнетъ или распродается его скотъ, заключаются займы на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ общемъ же результатѣ, за цѣлый годъ, и выходитъ, что онъ работалъ мало, какъ мало, въ общемъ же результатѣ, и пилъ, да надо прибавить—какъ худо и ѣлъ, и какъ во всемъ терпѣлъ нужду. Но въ этому вопросу мы еще возвратимся. Теперь мы коснулись его только потому, что главный фактъ въ отчетѣ контроля за 1876 годъ представляется именно паденіемъ главныхъ государственныхъ доходовъ, между которыми первыя мѣста принадлежать именно доходу питейному и личнымъ податямъ.

Податей и поземельнаго налога поступило въ 1876 году 115 м. р., менѣе противъ 1875 года на $2\frac{1}{4}$ м. р., и даже менѣе противъ предвѣдннй росписи—на 666 т. р. Уменьшеніе въ поступленіи податей отчетъ объясняетъ тѣми же причинами, которыя вліяли на пониженіе питейнаго дохода: застою торговли и промышленности, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, и какъ слѣдствіемъ такого застоя—уменьшеніемъ заработковъ въ отхожихъ и другихъ промыслахъ крестьянскаго и фабричнаго населенія. Объясненіе это мы принимаемъ съ той же поправкой, которая нами сдѣлана выше, относительно причинъ паденія питейнаго дохода. Съ 1875 года сильно сократилось желѣзно-дорожное строительство и связанныя съ нимъ временныя заработки; въ 1875 году впервые упалъ питейный доходъ, постоянно возростающій до того времени; въ 1875 же году прекратилось и возростаніе поступленія податей; въ 1873 году оно возросло на 3 м. р., въ 1874 г. на около $1\frac{1}{2}$ м. р., а въ 1875 году уже всего на $\frac{1}{4}$ м. р., въ 1876 же году поступленіе податей уже упало противъ 1875 года на $2\frac{1}{4}$ м. р. Вообще, замѣтное увеличеніе дохода за 1876 годъ оказывается только по двумъ статьямъ: доходамъ — таможенному и съ свеклосахарнаго производства. Но выше уже объяснено, что увеличеніе таможеннаго дохода въ 1876 году было только фивитивное; что касается дохода съ свеклосахарнаго производства, то его увеличеніе зависѣло отъ спеціальной мѣры, принятой по самому размѣру обложенія этого производства (возвышеніе суточныхъ нормъ снарядовъ).

Еще двѣ особыя статьи дохода, по которымъ въ 1876 г. оказался значительный недоборъ, представлялись платежами обществъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и собственно доходомъ казны отъ желѣзныхъ дорогъ. По первой изъ этихъ статей поступило всего 12 м. р., менѣе противъ 1875 года на 5 м. р., и противъ ожиданій росписи на 4 м. р. По второй, послѣдовало уменьшеніе противъ 1875 года на $1\frac{1}{4}$ м. р. Извѣстно, что желѣзнодо-

рожныя общества постоянно должны казнѣ. Изъ общей суммы недоимокъ и долговъ государственному казначейству, которая къ 1 января 1877 г. составляла около 422½ м. р. — почти двѣ трети (275¾ м. р.) числятся за обществами желѣзныхъ дорогъ. Долги этихъ обществъ постоянно увеличиваются: такъ, въ одномъ 1876 году они увеличились на 38 м. р., а возвращено изъ долговъ ихъ въ томъ году всего 1¾ м. р. Итакъ, собственно на платежи по облигаціямъ, общества желѣзныхъ дорогъ внесли въ 1876 году 12 м. р., вмѣсто 17 м. р., которые были ими внесены въ 1875 году, то-есть почти на цѣлую треть меньше. Причинами этого отчетъ указываетъ слѣдующія обстоятельства: многія общества не успѣли получить суммъ за перевозку войскъ, а нѣкоторыя должны были впродъ до расчета съ казною отнестъ на доходы эксплуатаціи тѣ различныя приспособленія, какія были вызваны мобилизаціею. Но это еще не все. Для полноты сужденія, надо здѣсь же упомянуть о томъ увеличеніи расходовъ казны въ 1876 году, какое потребовалось на уплату желѣзнодорожнымъ обществамъ гарантіи дохода. На гарантіи въ 1876 году надержано не 5 м. р., какъ въ 1874 году, и не 7½ м. р., какъ въ 1875 году, но—14¼ м. р., то-есть 6¾ м. р. болѣе противъ 1875 года; короче сказать, на гарантіи въ 1876 году уплачено почти вдвое противъ предшествовавшаго года.

Оказывается, что за исключеніемъ трехъ дорогъ въ царствѣ польскомъ и одной (шуйско-ивановской) дороги въ прочихъ губерніяхъ, по всемъ остальнымъ дорогамъ размѣръ приплатъ по гарантіямъ въ 1876 году увеличился, и что даже тѣмъ семи линіямъ, которымъ въ 1875 году приплатъ по гарантіи вовсе не потребовалось, теперь пришлось отпустить въ общей сложности до 1¾ м. р. Замѣчательны нѣкоторые примѣры увеличенія приплатъ по гарантіи въ 1876 году: такъ, одной курско-харьково-азовской дорогѣ приплачено по гарантіи дохода вмѣсто ½ милл. р. 1875 года — слишкомъ 3 м. р. (на 2½ м. р. болѣе); козлове-воронежско-ростовской болѣе противъ 1875 г. на 622 т. р., орловско-витебской—болѣе на 608 т. р. Причина, вызвавшая такое необычайное усиленіе приплатъ по гарантіи дохода, разумѣется, была та же самая что и въ недоборѣ въ платежахъ по облигаціямъ—мобилизація и сопряженные съ нею расчеты съ казною, изъ которыхъ не всѣ были окончены въ 1876 году. Но если, вслѣдствіе мобилизаціи, общества желѣзныхъ дорогъ внесли на 5 м. р. меньше противъ 1875 года по облигаціямъ, да потребовали приплатъ по гарантіи дохода на 6¾ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, то что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что казна хотя и платитъ обществамъ за перевозку войскъ и приспособленія въ вагонахъ, но, сверхъ такого прямого расхода, она, вслѣдствіе мобилизаціи, по-

терала въ 1876 году на желѣзныхъ дорогахъ еще $11\frac{3}{4}$ м. р. (говоримъ, потеряла, потому что за обществами состоитъ $275\frac{3}{4}$ м. р. долгу, который все растетъ).

Допустимъ, что общества, хотя они и получали отъ казны плату за перевозку войскъ, но тѣмъ не менѣе сами дѣйствительно потеряли часть той суммы, которую не доплатили казнѣ или перетребовали съ нея. Не забудемъ, что при мобилизаціи, по новости дѣла, движеніе на линіяхъ останавливалось иногда на десять дней преждевременно, такъ какъ войскъ въ это время не отправлялось, потому что они не были собраны. Указывая на подобные случаи въ концѣ прошлаго года, мы тогда же замѣтили, что за такой безнолезный перерывъ движенія въ конечномъ результатѣ расплатится сама же казна—такъ или иначе, т.-е. въ формѣ ли вознагражденія желѣзнымъ дорогамъ, или въ видѣ приплаты по гарантіямъ. Но расчеты съ желѣзными дорогами до такой степени эластичны, что мы отложимъ пока сужденіе объ этомъ предметѣ, чтобы не прерывать связи нашего обзора.

Перейдемъ къ расходамъ 1876 года, какъ они опредѣлились по контрольному отчету. По росписи 1876 года, расходовъ обыкновенныхъ (съ оборотными) было исчислено 550% милл. рубл.; но въ теченіи года было ассигновано сверхъ смѣты около 86% милл. руб., такъ что общая сумма ассигнованныхъ расходовъ опредѣлилась въ 637% милл. руб. Но не вся эта сумма дѣйствительно потребовалась: потребовалось въ дѣйствительности 624 мил. руб. Изъ суммъ, ассигнованныхъ сверхъ смѣты, 51 милл. рубл. относились къ расходамъ чрезвычайнымъ, вызваннымъ военными приготовленіями. Расходы сверхъ смѣтны въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. такіе, которые прибавились къ смѣтнымъ ассигнованіямъ независимо отъ военныхъ издержекъ и отпуска военному и морскому вѣдомствамъ на-счетъ ихъ запаснаго фонда, составили въ 1876 году 21 милл. 616 тыс. руб.

Итакъ, если оставимъ въ сторонѣ расходы чрезвычайныя (51 милл. руб. на военныя приготовленія), то увидимъ, что расходы 1876 года, 573 милл. руб., превзошли расходы 1875 года на $29\frac{1}{4}$ милл. руб. или на $5\frac{1}{2}\%$. Фактъ этотъ вовсе не безпримѣренъ и, бросивъ взглядъ на рядъ предшествующихъ годовъ, мы найдемъ подобные скачки отъ одного года къ другому. Но особенное значеніе фактъ этотъ получаетъ, если принять во вниманіе: во-первыхъ, что съ 1874 по 1875 годъ расходы не только не увеличились, но уменьшились, а съ 1875 по 1876 годъ они вдругъ возрасли на $29\frac{1}{4}$ милл. руб., причѣмъ не считаются чрезвычайныя, военные расходы; во-вторыхъ, что, одновременно съ такимъ скачкомъ въ гору суммы расходовъ, доходы въ 1876 году не только не возрасли, какъ возрастали въ прежніе годы,

но упали на 17¼ милл. руб. противъ 1875 года. Вотъ тѣ, весьма неблагоприятныя финансовыя данныя, которыя уже выяснились въ то время, когда мы начали войну, потребовавшую огромныхъ жертвъ, неизбѣжно имѣющихъ отозваться въ ухудшеніи того положенія дѣлъ, которое обозначилось приведенными сейчасъ цифрами.

Справедливость заставляетъ признать, что сумма сверхсметныхъ кредитовъ 1876 года—21 милл. 616 тыс. руб. (безъ 51 милл. руб. расходовъ военныхъ)—сама по себѣ не велика, такъ какъ обстоятельства были все-таки исключительныя. Но размѣръ этой суммы, по сравненію съ цифрами сверхсметныхъ ассигнованій ближайшихъ годовъ, и самое происхожденіе цѣлой половины этой суммы—какъ сейчасъ будетъ объяснено—показываютъ, что дѣло уравнированія расходовъ съ доходами теперь, по меньшей мѣрѣ, приостановилось, даже независимо отъ военныхъ расходовъ.

Объяснимъ только-что сказанное цифрами. Финансовое управленіе въ послѣдніе годы весьма настойчиво старалось установить равновѣсіе въ расходахъ съ доходами, и старанія его не были безуспѣшны. Въ каждомъ году сумма кредитовъ, ассигнованныхъ сверхъ сметы, уменьшалась, сравнительно съ такимъ же кредитомъ года предшествовавшаго. Такъ, еще въ 1872 году сумма сверхсметныхъ кредитовъ составляла до 34¼ милл. руб. или 7¼% назначенія по росписи, а въ 1873 году сверхсметныхъ кредитовъ было уже только 5¼% противъ назначеній росписи; въ 1874 году—4¼%; наконецъ, — въ 1875 году, сверхсметная сумма составила уже только 2¼%. въ сравненіи съ бюджетомъ; она упала до 15¼ милл. руб., т.-е. уменьшилась слишкомъ вдвое противъ итога 1872 года. Теперь же, т.-е. за 1876 годъ, она вдругъ опять возрасла почти на 6 милл. руб. (не считая расходовъ военныхъ) и составила 3¼% сметнаго ассигнованія. Итакъ, дѣло уравнированія расходовъ съ доходами теперь, по меньшей мѣрѣ, приостановилось—и независимо отъ расходовъ военныхъ. Далѣе, цѣлая половина сверхсметныхъ расходовъ 1876 года, и именно 10 милл. 632 тыс. руб., вызвана была чѣмъ?—необходимостью добавки къ такимъ расходамъ, исчисляемымъ по сметамъ въ размѣрѣ приблизительномъ (напримѣръ, поставки), „который (по словамъ отчета) вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и другихъ обстоятельствъ, оказался недостаточнымъ“. Подобныя добавки бывали и въ прежніе годы; но въ каждый изъ двухъ ближайшихъ къ 1876-му годовъ они составляли немного болѣе половины той надбавки, которая потребовалась въ 1876 году—главнымъ образомъ вслѣдствіе сверхсметнаго отпуска обществу желѣзныхъ дорогъ на уплату гарантіи, тогда какъ въ 1874 и 1875 годахъ на этотъ предметъ сверхсметныхъ кредитовъ вовсе не требовалось.

Въ числѣ сверхсмытныхъ расходовъ 1876 года, мы, впрочемъ, по-прежнему встрѣчаемъ значительныя рубрики таковыхъ издержекъ, которыхъ непредвидѣнность и крайняя настоятельность довольно трудно объясняется. Такова, напримѣръ, рубрика производства добавочнаго жалованья, наградъ и пособій: она одна составляетъ 2 милл. 113 тыс. руб., т.-е. десятую часть всего итога сверхсмытныхъ кредитовъ за годъ. Такова — чтобы указать еще примѣръ — сверхсмытная издержка въ 800 тыс. руб. по морскому министерству, на приобретение въ казну акцій „балтійскаго желѣзо-судостроительнаго и механическаго общества“. Мы нисколько не удивляемся тому, что казна приобрѣла эти акціи; но неужели необходимость ихъ приобретения нельзя было предвидѣть раньше, такъ-чтобы внести этотъ расходъ въ смѣту 1876 года, или настоятельность этого приобретения была столь велика, что его нельзя было отнести на смѣту 1877 года? Вѣдь съ конца августа, когда рѣшенъ былъ вопросъ о такой покупкѣ, до дѣйствія росписи 1877 года оставалось всего съ небольшимъ 4 мѣсяца.

Чрезвычайные расходы на военныя надобности въ 1876 году составили, какъ уже сказано, до 51 милл. руб. Изъ этой суммы, пятая четверть употреблена на одиѣ уплаты за лошадей и приготовленіе фуража; перевозка войскъ обошлась въ 4 милл. руб.; но такъ какъ, сверхъ того, приплачено желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи около 6 милл. руб. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, то цифра 4 милл. не представляетъ всего расхода, вызваннаго этой перевозкой. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ 1876 года и былъ сдѣланъ четвертый внутренній 5% заемъ, объявленный въ ноябрѣ того года, но о реализаціи его въ отчетѣ 1876 года не имѣется свѣдѣній: они отложены до слѣдующаго отчета. О движеніи суммъ желѣзно-дорожнаго фонда мы говорить не будемъ; замѣтимъ только, что въ числѣ краткосрочныхъ ссудъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, каждая отдѣльная ссуда мотивируется какою-либо потребностью, но есть двѣ отсрочки ссудъ, которыя въ объяснительной запискѣ отчета ничѣмъ не мотивированы: по ссудѣ г-ну Губонину, подъ залогъ акцій грязе-царицынской дороги, срокъ уплаты продолженъ на два года, а по ссудѣ г-ну Варшавскому, подъ залогъ акцій ражско-яземской дороги, срокъ уплаты продолженъ на одинъ годъ. Желѣзно-дорожный фондъ — самое снисходительное изъ всѣхъ кредитныхъ учреждений и самое безотвѣтственное, такъ какъ оно даже не стѣснено никакимъ уставомъ.

Въ недоимкахъ податныхъ и по выкупнымъ платежамъ отражалось то же явленіе, что и въ уменьшеніи годовой цифры вообще:

податныя недоимки возрасли на $2\frac{3}{4}$ милл. руб., а выкупныя почти на 2 милл. руб.

Итакъ, отчетный балансъ по росписи 1876 года указываетъ слѣдующія главныя цифры: поступило обыкновенныхъ доходовъ 559 $\frac{1}{4}$ м. р., и расходовъ потребовалось 624 м. р.; но если оставить въ сторонѣ чрезвычайныя, военные расходы и выдачи на счетъ запасныхъ фондовъ военнаго и морского вѣдомствъ, то сумма расходовъ, подлежащая удовлетворенію изъ обыкновенныхъ доходовъ, составляла около 564 $\frac{1}{4}$ м. р.; такимъ образомъ, при исполненіи росписи 1876 года, обыкновенныхъ его средствъ противъ обыкновенныхъ же потребностей недостало на 5 $\frac{1}{2}$ м. р. Этотъ недостатокъ покрывается изъ свободныхъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, которыхъ и числится до 34 м. р. Но какъ ни мало благоприятны нѣкоторые выводы, истекающіе изъ отчета 1876 года, не можетъ быть сомнѣнія, что отчетъ за 1877 годъ долженъ представить данныя еще гораздо менѣе благоприятныя.

Чрезвычайныя, военные расходы 1877 года также производились изъ экстраординарныхъ ресурсовъ—займовъ. Но вотъ тѣ факты, которые прямо падаютъ уже на бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ и отвѣются на бюджетахъ цѣлаго ряда лѣтъ: увеличеніе платежей по системѣ государственнаго кредита суммою годовыхъ процентовъ и погашенія вновь заключенныхъ займовъ, возростаніе суммы сверхсметныхъ кредитовъ вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на всѣ предметы поставокъ и заготовленій, какъ результатъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 300 м. р. въ теченіи одного 1877 года, въ связи съ этимъ и переплата по системѣ государственнаго кредита, вслѣдствіе паденія вексельнаго курса; наконецъ, неизбежное, значительное уменьшеніе доходовъ подъ вліяніемъ уменьшенія заработковъ, паденіе цифры таможенныхъ сборовъ, и отвлеченія большого числа людей, призванныхъ въ армію отъ работы и потребления въ предѣлахъ страны.

Обращаясь теперь къ государственной росписи на 1878 годъ, мы, разумѣется, не можемъ найти въ ней полнаго отраженія всѣхъ этихъ новыхъ финансовыхъ фактовъ, вызванныхъ войною; они скажутся впервые только въ контрольныхъ отчетахъ за 1877 и 1878 годы. Но названные факты все-таки выступаютъ наружу отчасти ужъ и въ самомъ бюджетѣ на 1878 годъ.

Обыкновенные доходы въ немъ исчислены въ 538 $\frac{1}{2}$ м. р., оборотные въ 22 $\frac{1}{2}$ м. р. и спеціальныя (по желѣзнымъ дорогамъ и портамъ) въ слишкомъ 12 м. р. Оборотными доходами и спеціальными ресурсамъ соответствуютъ равныя суммы въ графѣ расходовъ; сверхъ того, въ нее заносятся 2 м. р. на недоборъ въ окладныхъ сборахъ.

Но затѣмъ, цифра обыкновенныхъ расходовъ принята въ 563³/₄ м. р. Такимъ образомъ, уже теперь предвидится, независимо отъ военныхъ расходовъ, дефицитъ 1878 года въ суммѣ 27¹/₂ м. р. Въ первый же разъ при разсмотрѣніи исчисленія доходовъ въ бюджетѣ мы должны отказаться отъ обычнаго указанія, что итогъ доходовъ исчисляется въ бюджетѣ ниже, чѣмъ его можно ожидать въ дѣйствительности. Такъ было въ продолженіи десяти лѣтъ, и доходъ всегда сильно превышалъ предвѣдѣнія росписи, услужливо являясь для покрытія столь же непредвѣдѣнной и столь же предвѣдѣнной суммѣ сверхсѣятныхъ расходовъ. Но въ виду примѣра 1876 года, когда доходъ не возросъ, а упалъ на 17 м. р., мы уже не можемъ сѣтовать на излишнюю скромность въ предвѣдѣніи цифры дохода нынѣшнимъ бюджетомъ.

Цифра обыкновенныхъ доходовъ въ бюджетѣ 1878 г. принята всего на ¹/₂ м. р. выше росписи 1877 года. Какъ всегда, въ однихъ отрасляхъ дохода предвидится возрастаніе, въ другихъ—уменьшеніе противъ прошлаго года, но въ общемъ результатъ исчисляется именно превышеніе на ¹/₂ м. р.; почти на эту сумму предполагается увеличеніе питейнаго дохода. Но возрастаніе въ большихъ размѣрахъ предполагается въ акцизѣ съ табаку, вслѣдствіе новаго тарифа бандеролей, и въ платежахъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе исчисленія платежей съ облигаціонныхъ капиталовъ по возвышенному курсу. Между тѣмъ, цифра таможеннаго дохода уменьшена въ нынѣшнемъ бюджетѣ на 2 м. р. Въ то время, когда по бюджету возвышеніе доходовъ предполагается только въ ¹/₂ милліона, неизбежное возрастаніе обыкновенныхъ расходовъ надо было предвидѣть не только въ прежнемъ, но въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ; оно опредѣлено въ 28 м. р.

Такое увеличеніе бюджетныхъ расходовъ обусловилося, главнымъ образомъ, сдѣланными въ 1877 году займами, по которымъ придется платить 17 м. р. въ годъ и отъ паденія вексельнаго курса, что вызываетъ дополнительный расходъ въ 3 м. р.; всего по системѣ государственнаго кредита расходъ увеличился такимъ образомъ на 20 м. р., и увеличеніе это совершенно несомнѣнно; въ предположенныхъ доходахъ можетъ оказаться недоборъ, но въ усиленіи расходовъ, зависящихъ на двѣ трети отъ увеличенія платежей по долгамъ, сокращеніе можетъ произойти только въ незначительномъ размѣрѣ; такъ, если допустить, что нашъ курсъ, который уже сталъ поправляться, поднялся бы на 20%, то можетъ оказаться сбереженіе въ указанной суммѣ 3 м. р.—всего на 600 т. р. Вся сумма платежей по государственному долгу и по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ теперь составляетъ уже 133¹/₂ м. р., такъ что вся сумма прямыхъ на-

логовъ (133½ м. р.) идетъ на одни эти платежи по долгу. Весь же итогъ бюджетныхъ расходовъ, т.-е., считая сверхъ обыкновенныхъ—еще оборотные, спеціальныя по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и цифру 2 м. руб., положенную на недоборъ оборотъ, составляетъ свыше 600 м. руб.

Шестисотъ милліоновъ рублей—независимо отъ военныхъ расходовъ—цифра весьма почтенная, до которой нашъ бюджетъ доросъ довольно быстро. До крымской войны государственныя расходы составляли менѣ половины нынѣшней суммы, а именно 280 м. р. (въ 1852 году). Но еще и въ 1862 году сумма расходовъ составляла только 389 м. р. Въ 16 лѣтъ мы довели свой расходъ съ 389 м. р. до 600 милліоновъ! Выѣстъ съ тѣмъ, процентный государственный долгъ, въ кредитныхъ рубляхъ, считая и желѣзнодорожный, дошелъ до 1 милліарда 900 м. руб. Если же присоединимъ безпроцентный долгъ, то получимъ цифру въ слишкомъ 2 милліарда 900 м. рублей.

Докладъ министра финансовъ, объясняющій роспись 1878 года, упоминаетъ и о чрезвычайныхъ расходахъ на продолженіе военныхъ дѣйствій. Итогъ уже ассигнованныхъ въ росписи чрезвычайныхъ расходовъ, начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 года по 25 декабря 1877 г., простирался, по словамъ доклада, до 432½ м. р. На покрытіе этихъ расходовъ имѣлись: два внутреннихъ займа въ сложности на сумму 300 м. р. и внѣшній заемъ въ 100 м. р. металлическихъ, что по нынѣшнему курсу составляетъ около 150 м. р. кредитныхъ, и свободные остатки отъ смѣтъ прежняго времени, которые, по показанію контрольнаго отчета, составляли 34 м. р.—всего нѣсколько менѣ 480 м. р.—что зависитъ отъ курса, по какому выпущенъ внѣшній заемъ. А такъ какъ по бюджету 1878 года предвидится дефицитъ въ 27½ м. р., который долженъ быть покрытъ также изъ этого, внѣшняго займа, то мы и получаемъ: чрезвычайныхъ расходовъ, подлежащихъ удовлетворенію, 460 м. р. и чрезвычайныхъ же ресурсовъ на ихъ удовлетвореніе—до 480 м. р.

Между тѣмъ, съ конца 1876 года и по 1 января 1878 года выпущено вновь кредитныхъ билетовъ на сумму 305 м. 150 т. р., что въ соединеніи съ прежней цифрою кредитныхъ билетовъ, нынѣ значащейся въ „обращеніи“, представляетъ итогъ кредитныхъ билетовъ въ 1.039.922,025 р., т.-е. до 1 милліарда 40 милліоновъ рублей. Эта новая сумма кредитныхъ билетовъ въ 305 м. р. не показывается въ докладѣ, сопровождающемъ бюджетъ, такъ какъ она въ счетахъ банка именуется „временно выпущенною на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій банка“, и частью, хотя и небольшою, употреблена, конечно, на цѣли банковныя. Но такъ какъ въ докладѣ было признано необходимымъ упомянуть о чрезвычайныхъ расходахъ и ресурсахъ,

которые въ бюджетъ не входятъ, то можно пожалѣть, что въ немъ не указано, какая часть суммы въ 305 м. р. должна быть отнесена къ тѣмъ же чрезвычайнымъ ресурсамъ. Въ кассѣ банка, его конторъ и отдѣленій въ 1 января 1878 года бумагами (въ томъ числѣ сверхъ кредитныхъ билетовъ и процентными) значилось всего 5½ м. р. Если же всю остальную сумму новыхъ кредитныхъ билетовъ, т.-е. около 300 м. р., причесть къ чрезвычайнымъ ресурсамъ, то вмѣстѣ съ указанными выше 480 м. р., итогъ нашихъ экстраординарныхъ средствъ на покрытіе военныхъ расходовъ и дефицита составлялъ бы 780 м. р. При этомъ не надо забывать, что бюджетное ассигнованіе въ 180 м. р. для военнаго вѣдомства и 25 м. р. для морского вѣдомства, какъ идущіе на обыкновенные расходы, въ эту сумму не входятъ.

О вѣншемъ займѣ мы доселѣ не имѣемъ еще точныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что правительствомъ реализованъ былъ сперва авансъ, а подписка на заемъ, объявленная въ ноябрѣ, не удалась, но что затѣмъ заемъ все-таки былъ реализованъ успѣшно, такъ какъ о немъ уже упоминается въ докладѣ, сопровождающемъ бюджетъ; по частнымъ свѣдѣніямъ остальная (но какая?) часть займа была разобрана въ Парижѣ даже съ премією. Но каковы бы ни были его условія, онъ обезпечилъ покрытіе нашихъ чрезвычайныхъ расходовъ на первое время, и самый успѣхъ его показалъ, что въ случаѣ необходимости, т.-е. если бы недостало и приведенныхъ цифръ чрезвычайныхъ ресурсовъ, Россія можетъ рассчитывать на заключеніе новаго вѣншнаго займа.

Но въ томъ финансовомъ положеніи, какое создалось и еще создается нынѣшней войною, надо различать двѣ категоріи явленій: явленія временныя, временныя потребности, временныя средства и—явленія постоянныя, такіа явленія, которыя война оставитъ послѣ себя въ наслѣдство цѣлому ряду будущихъ бюджетовъ. О тѣхъ и другихъ явленіяхъ надо поговорить отдѣльно.

Въ ближайшее время, т.-е. до возвращенія войскъ въ предѣлы Россіи, намъ прежде всего нужны наличныя чрезвычайныя средства; какъ указано, такіа средства уже есть и могутъ быть еще усилены. Но требуется, чтобы средства эти могли обезпечить намъ для военныхъ расходовъ за границами государства достаточное количество металла; и это условіе удовлетворяется вѣншнимъ займомъ, покупкою иностранныхъ векселей правительствомъ, чрезъ посредство государственнаго и частныхъ банковъ; наконецъ, при помощи взиманія таможеннаго сбора золотомъ, которое должно доставлять ежемѣсячно, въ среднемъ размѣрѣ, до 4 м. р. золота. Вообще настоя-

ншее положеніе дѣлѣ, въ смыслѣ временныхъ средствъ, довольно благоприятно. Побѣды сдѣлали свое и въ финансовомъ положеніи. Хотя и говорится, что деньги—*pervus belli*, но понятно и то, что метъ, положенный Бренномъ на вѣсы, перетянулъ не малое количество золота. Такъ, вѣнскій заемъ, несостоявшійся до взятія Плевны, удался послѣ нашихъ успѣховъ. Такъ, вексельный курсъ, который во время нашихъ военныхъ неудачъ опустился было до 234 сантим. на Парижъ, а кредитный рубль стоилъ всего 58½ металлическихъ копѣекъ, въ половинѣ января держался уже на 262—263½ сантим., а цѣна кредитнаго рубля была уже 65 метал. копѣекъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что извѣстіе объ установленіи предварительныхъ условій мира поведетъ къ новому, замѣтному повышенію курса.

Но за такимъ временнымъ улучшеніемъ должно будетъ появиться новое ухудшеніе приведеніи расчетовъ за войну. О серьезной контрибуціи съ Турціи, конечно, не можетъ быть рѣчи, а дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ, несомнѣнно, уронятъ вновь ихъ цѣнность. А между тѣмъ, война оставитъ намъ наслѣдство въ видѣ слѣдующихъ постоянныхъ, т.-е. нескоро проходящихъ явленій: увеличеніе платежей по государственнымъ долгамъ по меньшей мѣрѣ на 20 м. р. въ годъ, увеличеніе всѣхъ государственныхъ расходовъ на поставки и заготовленія, въ размѣрѣ около 25%, то-есть, соответственно наибольшей разницѣ въ цѣнности кредитнаго рубля, которая должна выразиться въ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы потребностей. Такимъ образомъ, весьма значительную часть того, что казна приобрѣтетъ на военные расходы выпусками кредитныхъ билетовъ, она должна будетъ передерживать на заготовленія и поставки не только военнаго, но и мирнаго времени. Итакъ, первая потребность, которая явится по сведеніи счетовъ за войну, будетъ—погашеніе значительной части бумажно-денежнаго обращенія и созданіе новыхъ доходовъ. Созданіе новыхъ доходовъ явится необходимою уже вслѣдствіе одного погашенія части кредитныхъ билетовъ, такъ какъ придется уплачивать проценты по сдѣланному съ этой цѣлью займу.

Экономическихъ послѣдствій, какія могутъ возникнуть для страны изъ перехода сперва отъ выпуска бумажныхъ денегъ на 25 мил. руб. ежемѣсячно—къ прекращенію этихъ выпусковъ, а затѣмъ, отъ прекращенія ихъ—къ погашенію нѣкоторой части миллиардо-кредитныхъ рублей, — мы здѣсь разсматривать не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Весьма вѣроятно, что рядъ этихъ явленій будетъ сопровождаться сперва сильнымъ развитіемъ спекуляціи, а потомъ—паденіемъ цѣнныхъ бумагъ, которыя утратятъ нѣкоторую, отчасти призрачную свою цѣну, и что такіа перемѣны не

обойдутся безъ замѣтной пертурбаціи въ торговомъ мірѣ и безъ значительныхъ потерь частныхъ учреждений и лицъ. Повторимъ только, что необходимость прекращенія выпусковъ кредитныхъ билетовъ и вѣтъ погашенія части ихъ—явится сама собою, какъ нѣчто повелительное и неотложное. Иначе всей странѣ будутъ грозить уже не временныя затрудненія только, но нѣчто худшее.

Но какъ специально на этотъ предметъ, такъ и на покрытіе расходовъ государства, возросшихъ какъ по долгамъ, такъ и по переплатамъ вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ, потребуются созданіе новыхъ доходовъ или сокращеніе размѣровъ нѣкоторыхъ потребностей, входящихъ въ смѣты. Достигнуть созданія новыхъ доходовъ простымъ средствомъ—надбавки къ обложенію нынѣ существующему—возможно только въ малыхъ размѣрахъ, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ отраслямъ доходовъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что въ нынѣшнемъ бюджетѣ уже является возвышеніе акцизнаго дохода съ табаку вслѣдствіе возвышенія тарифа бандеролей. Но вѣдь большія средства могли бы быть добыты только надбавкою къ обложенію въ главныхъ статьяхъ дохода, каковы доходъ питейный, подати и таможенный доходъ. А между тѣмъ, контрольный отчетъ удостовѣряетъ, что такая надбавка невозможна, такъ какъ питейный доходъ и поступленіе податей и при нынѣшнемъ размѣрѣ обложенія стали падать. Свѣдѣнія же о поступленіи таможенного дохода за 1877 годъ показываютъ, что фактическое повышеніе тарифа, произведенное переложеніемъ его на золото по нарицательному курсу, имѣло послѣдствиемъ не возростаніе, но паденіе этого дохода.

Итакъ, возвышеніе доходовъ посредствомъ простыхъ надбавокъ къ нынѣшнему обложенію оказывается невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ главнымъ источникамъ дохода. Стало быть, придется изыскивать совершенно новые налоги. Дѣйствительно, уже и созрѣла мысль объ установленіи классной подати, хотя надо замѣтить, что ничего другого доселѣ еще не придумано. На классную подать ссылаются всѣ, какъ только зайдетъ рѣчь о какомъ-либо улучшеніи въ финансовомъ положеніи. Но намъ уже случалось оговариваться, что классная подать, имѣющая большое значеніе для преобразованія податной системы, далеко не имѣла бы большого значенія въ смыслѣ новаго источника для увеличенія доходовъ государства.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ земствѣ и печати сильно занимались установленіемъ подоходнаго налога или классной подати, то разумѣли ее именно въ первомъ смыслѣ, то-есть ставили ей цѣлью не увеличеніе государственныхъ доходовъ, но облегченіе массы народа въ несеніи податей. Въ ней видѣли не новую доходную

статью для казны, не средство къ болѣе уравнительному распредѣленію личныхъ податей. При этомъ предполагалось, что когда новый видъ прямого налога, падающій уравнительно на всѣхъ, будетъ введенъ въ бюджетъ, то прежній видъ прямого налога—подушныя подати, лежащія только на нѣкоторыхъ классахъ населенія, будутъ отиѣнены. Теперь же о классной подати начинаютъ говорить совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ новой, добавочной статьи дохода, которая прибавилась бы къ бюджету для покрытія возросшихъ расходовъ. Но если введеніе классной подати послѣдуетъ не для облегченія нынѣшнихъ податныхъ классовъ, а для доставленія казнѣ новыхъ средствъ, то изъ этого слѣдуетъ, что нынѣшнее податное бремя массы народа останется въ прежнемъ размѣрѣ.

Какой же, однако, былъ бы результатъ такого обращенія къ классной подати? При сохраненіи подушныхъ податей классная подать можетъ пасть только на „неподатные“ классы и, какъ вообще предполагаютъ, можетъ дать государству около 10 м. р. въ годъ. Но вѣдь это—всего одна треть въ сравненіи съ увеличеніемъ расходовъ казны по бюджету 1878 года. А если присоединить счеты по окончанію войны и по погашенію сколько-нибудь значительной части бумажнаго обращенія, то названные 10 м. р. составлять, быть можетъ, всего четверть потребнаго увеличенія доходовъ. Итакъ, результатомъ введенія классной подати въ смыслѣ новой доходной статьи было бы только то, что мы лишили бы себя прекраснаго средства для преобразованія податной системы, съ цѣлю болѣе уравнительности; а для покрытія новыхъ расходовъ получили бы нѣчто весьма недостаточное.

Гдѣ же найти еще новыя статьи дохода, для уравновѣшенія возрастающихъ издержекъ? Повторимъ, что ничего, кромѣ классной подати, доселѣ еще и не придумано. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на то, какъ поступаютъ нѣкоторые доходы уже нынѣ существующіе, то усмотримъ такой фактъ, что одиѣ недоимки желѣзнодорожныхъ обществъ въ платежахъ, слѣдующихъ съ нихъ казнѣ, по облигаціямъ ихъ, оставленнымъ за собою правительствомъ, составляютъ до 57 мил. рублей? Въ одномъ 1876 году, общества не доплатили на этотъ предметъ 4 м. р.; въ теченіи одного этого года они вновь задолжали въ общей суммѣ до 38 м. р., а возвратили всего $1\frac{3}{4}$ м. р. Да и вообще все движеніе суммъ желѣзнодорожнаго фонда представляетъ крупныя расходныя цифры на такія потребности, которыя могутъ быть настоятельными только болѣе или менѣе, а не безусловно. Напомнимъ хотя бы о той отсрочкѣ уплаты двухъ ссудъ, которая упомянута выше. При разрѣшеніи такой отсрочки, конечно, имѣлась въ виду польза дѣла; но вѣдь польза бываетъ также относительная; при раз-

смотрѣнія смѣтъ министерствъ государственнымъ совѣтомъ исключаются же многія суммы, требуемыя на нужды несомнѣнныя, исключаются потому именно, что сперва нужно обезпечить удовлетвореніе нуждъ еще болѣе несомнѣнныхъ и настоятельныхъ.

Быть можетъ, мыслимы и такія мѣры, которыя возвысили бы нѣкоторые доходы, существующіе безъ увеличенія ихъ нормъ, и уменьшили бы нѣкоторые, существующіе же, расходы безъ вреда дѣлу. Говоримъ это въ особенности именно по отношенію къ расчетамъ съ желѣзнодорожными обществами, такъ какъ движеніе желѣзнодорожнаго фонда находится въ совершенно особыхъ условіяхъ, совершается главнымъ образомъ внѣ бюджета, но отъзывается въ концѣ концовъ на немъ же. Напримѣръ, мы видимъ въ контрольномъ отчетѣ, что потребовалось значительно болѣе, чѣмъ въ 1875 году приплата по гарантіи дохода; приплата эта составила въ 1876 году 14¹/₄ м. р., на 6³/₄ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1875 году. Мы объясняемъ себѣ это затрудненіемъ при перевозкѣ войскъ: перерывомъ движенія и неокончаніемъ счетовъ съ казною. Прекрасно; но рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ еще и другой фактъ, который невольно наводитъ на размышленіе. Расходы по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ сильно возрастаютъ; а вѣдь на чистый доходъ вліяетъ не одно уменьшеніе валового сбора, но и увеличеніе расходовъ. Представимъ себѣ примѣръ злоупотребленія, которое можетъ представиться хотя бы въ видѣ единичнаго случая. Представимъ себѣ, что какое-либо общество гарантированной дороги скажетъ себѣ: такъ какъ опредѣленный доходъ гарантированъ намъ казною, то нѣтъ нужды стараться о возвышеніи валового сбора и объ уменьшеніи расходовъ; вѣдь при этомъ мы старались бы только объ уменьшеніи той жертвы, какую должна понести казна, превзойти же гарантированную цифру дохода мы не имѣемъ надежды; не лучше ли намъ наживиться на расходахъ по эксплуатаціи, на ремонтѣ, на всякихъ подрядахъ? То, что мы приобрѣтемъ на этомъ, мы получимъ непосредственно для себя; а казна пусть приплатитъ болѣе по гарантіи, намъ до этого нѣтъ дѣла; гарантированный доходъ все-таки будетъ нашъ.

Едва ли можно утверждать, что нравственность не дозволитъ подобнаго расчета ни въ одномъ случаѣ. А между тѣмъ, вѣдь приплата казны по гарантіи составила въ годъ 14 мил. р., въ одинъ годъ возрасла на 6³/₄ миллионѣвъ. Если справедливо, что расходы по эксплуатаціи, въ общей суммѣ, возрасли гораздо болѣе, чѣмъ валовой сборъ, и что въ теченіи всего двухъ лѣтъ общая цифра расходовъ по эксплуатаціи увеличилась на 12 мил. рублей, то вотъ уже намъ болѣе половины той гадательной цифры, какую можетъ дать въ годъ предполагаемая классная подать.

Соображеніе, что расходы по эксплуатаціи растутъ въ такихъ размѣрахъ, несмотря на утвержденіе министерствомъ путей сообщенія смѣтъ, есть только одно изъ тѣхъ, которыя заставляютъ желать, чтобы въ отношенія казны къ обществамъ желѣзныхъ дорогъ было внесено какъ можно болѣе энергіи и надзора.

Если же допустимъ, что изъ всѣхъ существующихъ статей государственныхъ доходовъ извлекается все, что изъ нихъ извлечено быть можетъ и что всѣ расходы сокращены насколько то возможно безъ вреда отправленіямъ государственной жизни,—то замѣтимъ, для прочнаго улучшенія финансоваго положенія, для постоянного роста доходовъ безъ обремененія народа, остается одно надежнѣйшее средство —поднятіе самой производительности страны. Первый шагъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ—проведеніемъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая сократила разбросанность, разрозненность поселеній Россіи, облегчила сбытъ продуктовъ и доставила части населенія тѣ прочныя заработки, которые истекаютъ изъ самой эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Но это еще далеко не все. Это въ буквальномъ смыслѣ только начало пути для развитія производительности, но еще не источникъ такого развитія. Пусть съ облегченіемъ сбыта является выгодность расширенія производства и расположеніе вѣстись за новыя отрасли труда. Но что же производить и что сбывать русскому крестьянину? Все—одинъ хлѣбъ, а производство хлѣба доставляетъ ему заработка только на полгода. Половина времени въ году по-прежнему для него пропадаетъ, если онъ остается на мѣстѣ. Но и отхожіе промыслы—строительства и судоходства—представляются только въ тѣ же рабочіе полгода, такъ-что самое занятіе ими идетъ, до нѣкоторой степени, въ ущербъ сельскому хозяйству. Развитію скотоводства мѣшаетъ вздорожаніе земли, обезлѣсеніе является новымъ препятствіемъ къ учрежденію мелкихъ мѣстныхъ заводскихъ производствъ.

Вотъ то положеніе дѣлъ, изъ котораго возможенъ только одинъ выходъ. Такъ какъ главное богатство Россіи заключается въ численности ея населенія и главный источникъ ея казны—въ числѣ душъ, платящихъ личный и акцизный налоги, такъ-какъ дѣйствительное основаніе русскаго бюджета есть личный трудъ, то надо сдѣлать все, что возможно, дабы половина года не терялась для труда. Сдѣлать нѣчто серьезное въ этомъ отношеніи можетъ только государство. Что бы ни говорила теорія о неспособности государства къ инициативѣ экономическихъ улучшеній, государство у насъ фактически стало на путь улучшенія быта массы народа. Оно явилось дѣятелемъ и посредникомъ при выкупѣ крестьянскихъ земель и при осуществленіи желѣзнодорожной сѣти. Теперь оно же должно пойти дальше

по этому пути. Вопросъ въ томъ, чтобы благоприятствовать развитію сельско-хозяйственного и мануфактурнаго производства въ самыхъ селеніяхъ. Весьма ошибаются тѣ, кто видятъ спасеніе въ одномъ развитіи крупнаго фабричнаго, централизованнаго мануфактурнаго производства въ Россіи и склонены видѣть въ самомъ земельномъ надѣлѣ препятствіе къ такому развитію. Идеаль разсуждающихъ такимъ образомъ слѣдующій: масса пролетаріевъ, лишенныхъ осядлости и принужденныхъ во что бы то ни стало закабалиться къ фабрикантамъ, высокій покровительственный тарифъ, усиленные заказы и поощренія правительства фабрикантамъ. Но какіе дѣйствительные результаты могла бы произвести такая система: высокое обложеніе массы потребителей въ пользу нѣсколькихъ сотенъ „князей производства“, запущеніе сельскаго хозяйства и въ видѣ вознагражденія за все это—какой-нибудь ничтожный доходъ казны съ этихъ сотенъ фабрикантовъ, въ видѣ ли возрастанія гильдейскихъ сборовъ, или въ видѣ подоходнаго налога, который еще наполовину поглощался бы переплатами казны тѣмъ же фабрикантамъ, для поощренія ихъ. Совсѣмъ не то было бы, если бы развитіе заработковъ на мѣстахъ населенія дозволило массѣ народа, не бросая сельское хозяйство, а напротивъ, улучшая его, съ полнымъ удобствомъ уплачивать казнѣ даже возвышенные противъ нынѣшнихъ налоги. Въѣдъ одинъ лишній рубль съ каждой души населенія въ Россіи (женщины такъ же работаютъ) уже означаетъ 80 лишнихъ милліоновъ рублей дохода; такова особенность нашей страны, въ которой главнымъ источникомъ бюджета является все-таки личный трудъ.

Для развитія желѣзныхъ дорогъ, государство сдѣлало уже достаточно. Теперь на первый планъ должны быть выдвинуты заботы о развитіи мѣстнаго, сельскаго производства. Разведеніе лѣсовъ и устройство ирригаціи вездѣ было совершено государствомъ и при помощи государства. Затѣмъ, развитіе скотоводства, столь необходимое для предохраненія самаго земледѣлія отъ окончательнаго упадка, могло бы вызвать массу зависимыхъ отъ этой производительности сельскихъ промысловъ: по выдѣлкѣ кожъ, шерсти, щетинны и т. д. Развитіе скотоводства одно только можетъ распространить и воздѣлываніе льна и пеньки, съ первоначальною ихъ мануфактурною обработкой. Затѣмъ, развитіе коневодства, столь естественное въ Россіи, уже одно давало бы Россіи огромный источникъ вывоза. Наконецъ, всякое распространеніе такъ-называемаго кустарнаго мануфактурнаго производства по самымъ разнообразнымъ отраслямъ представляло бы благодѣтельное приобрѣтеніе, если бы оно устраивалось, при помощи государственнаго кредита, на томъ же общинномъ началѣ, то-есть въ формѣ артельного производства въ волостяхъ.

Когда подумаешь, какія плодотворныя послѣдствія могло бы имѣть обращеніе какого-нибудь одного десятка милліоновъ рублей ежегодно на цѣли развитія мѣстныхъ сельскихъ промысловъ, то можно только удивляться, какъ еще ничего не сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи и какое требуется долготерпѣніе, чтобы самые вопросы о лѣсоразведеніи и устройствѣ ирригаціи оставались годами въ портфеляхъ разныхъ комиссій. Много вѣковъ тому назадъ въ татарскихъ песчаныхъ степяхъ устроена была превосходная ирригація, благодаря которой средняя Азія обитаема доселѣ, а у насъ, на югѣ, при условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, при громадныхъ средствахъ казны, при настоятельности самаго этого дѣла, самая возможность за него приняться все еще остается вопросомъ. Между тѣмъ серьезный начинъ государства въ указанномъ направленіи, то-есть въ заботахъ о созданіи въ Россіи массы мѣстныхъ сельскихъ заработковъ, сельскохозяйственныхъ и мануфактурныхъ—вотъ тотъ единственный раціональный и вѣрный путь, на которомъ можетъ быть осуществлено и дѣйствительное поднятіе производительности въ странѣ, и прочное возвышеніе платежныхъ силъ государства. Предъ нами лежитъ безграничное поприще для обширныхъ внутреннихъ завоеваній!

НОВАЯ ТЕОРІЯ Г-на ЕВГЕНІЯ МАРКОВА.

Г-нъ Евгеній Марковъ въ одномъ изъ январскихъ номеровъ „Голоса“ обстоятельно высказалъ свое мнѣніе вообще о „толстыхъ“ журналахъ, и о нашемъ въ частности. По наведеннымъ имъ справкамъ „въ глубинѣ (?) русскаго народа и русскои земли“, оказалось, что вниманіе общества охладѣло къ толстымъ журналамъ за „однѣмъ ихъ общій грѣхъ: они, такъ сказать, *проспали войну*“..... „все имѣли свою пѣсню, что ради войны невозможно забывать своихъ внутреннихъ интересовъ“. Г-нъ Марковъ наводитъ свои справки такъ, что трудно повѣрить ихъ, а потому и спорить съ нимъ по вопросу „охлажденія“ нѣтъ не будетъ; да, наовонецъ, если бы онъ и ошибался, то тутъ нѣтъ ничего особенно важнаго ни для толстыхъ журналовъ, ни для самого г-на Маркова. Болѣе важно — указаніе авторомъ мотивовъ наблюдаемаго имъ „охлажденія“ вслѣдствіе „общаго грѣха“: журналы, оказывается, имѣли, по меньшей степени, безтактность заснуть во время войны, т.-е. настаивать на необходимости заниматься *внутренними* вопросами. Такое настояніе г. Марковъ считаетъ почтеннымъ и логичнымъ, но „не современнымъ“, т.-е. непрактичнымъ; съ этимъ пожалуй можно согласиться: дѣйствительно, было бы практичнѣе идти по теченію, и г. Марковъ, вѣроятно, не затруднился бы поддержать свою мысль недалекими примѣрами практичности тѣхъ органовъ печати (не говоримъ — толстыхъ, или тонкихъ), которые, говоря словами г-на Маркова, „поняли историческую минуту“.

Но вотъ что заслуживаетъ серьезнаго вниманія: свое ученіе о „современности“ г. Марковъ возвелъ на высоту принципа, который, въ извѣстномъ смыслѣ, обезсмертитъ его имя и поставитъ его на ряду съ творцомъ извѣстной бонапартистской теоріи о непригодности частной морали для государственныхъ людей: „Все, что говорили большіе журналы, — возвѣщаетъ г. Марковъ, — о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, о нашихъ внутреннихъ задачахъ, все это, почти безъ исключенія, было *правдою само по себѣ*“ (курсивъ у автора). Что же, — замѣтитъ читатель, — значитъ, большіе журналы правы! — Напротивъ, возражаетъ г. Марковъ: „все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, было совершенною *неправдою минуты*“ (курсивъ у автора). Итакъ, нашъ нравственный кодексъ обогатился новымъ принципомъ г-на Маркова: „правда сама по себѣ“ можетъ быть „неправдою минуты“! Даже „софисты XIX вѣка“, изображенные и неизображенные г-мъ Марковымъ, поблѣднѣютъ отъ зависти: какъ этотъ принципъ при-

годились бы во многихъ случаяхъ ихъ практики, даже въ спорѣ съ самимъ г-нъ Марковымъ! Напримѣръ, въ этой же самой статьѣ г. Марковъ соглашается со взглядами, выраженными въ декабрьской хроникѣ относительно необходимости „освободить печать отъ ея дѣтскихъ пеленокъ“—какъ образно выразился г. Марковъ. Но теперь и мы, и г. Марковъ вмѣстѣ съ нами, уничтожены его же принципомъ: намъ основательно возразить, что мысль о свободѣ печати есть правда сама по себѣ, но это—неправда минуты, и сошлутся при этомъ на г-на Маркова, какъ на авторитетъ. Вотъ чтó значить прибѣгать къ сомнительнымъ принципамъ, въ родѣ того, что „правда сама по себѣ есть неправда минуты“; что „правила частной морали не должны стѣснять великихъ людей“, и т. п. А потому мы просимъ у г-на Маркова позволенія остаться при нашихъ старыхъ заблужденіяхъ, а именно, будто правда по себѣ остается всегда правдою, и мораль обязательна одинаково какъ для великихъ публицистовъ, такъ и для прочихъ. Пусть г-нъ Марковъ, печатая свои статьи въ „Голосѣ“, „понимаетъ историческія минуты“, ловить ихъ на-лету, но пусть онъ, въ такомъ случаѣ, не упрекаетъ другихъ въ „какомъ-то черезъ край переложенномъ опасеніи разжившейся фирмы за свои собственные интересы“, чтó очень плохо вяжется съ его же свидѣтельствомъ объ „охлажденіи“ общества къ этимъ другимъ; едва ли какой-нибудь натуралистъ пойметъ, какимъ образомъ явился „жиръ“ отъ „охлажденія“, т. е. отъ уменьшенія поддержки. И вся эта проповѣдь противъ „жира“ пишется г-нъ Марковымъ „въ глубины русскаго народа и русской земли“, и все это наивно печатается имъ въ „Голосѣ“! Но вѣдь г-нъ Марковъ — защитникъ правды только на минуту; будемъ ожидать отъ него теперь правды на секунду, и т. д.—до совершеннаго исчезновенія ея на землѣ и полнѣйшаго торжества новой теоріи нашего почтеннаго публициста, съ которой отнынѣ тѣсно связано его имя.

Но и отъ послѣдователей „правды на минуту“ мы имѣемъ право однако требовать, чтобы они, по крайней мѣрѣ, въ теченіи одной минуты не противорѣчили самимъ себѣ и не перебѣгали на сторону ненавистной имъ „правды самой-по-себѣ“. Г-нъ Марковъ и тутъ согрѣшилъ самымъ вопіющимъ образомъ.

Въ началѣ статьи онъ горько упрекаетъ, какъ мы видѣли, большіе журналы за ихъ „пѣсню, что ради войны невозможно забывать своихъ внутреннихъ интересовъ!“ Представьте себѣ, что читатель съ нимъ согласился, даже одобрилъ,—мало того: добродушный читатель, не дочитавъ статьи, на основаніи словъ своего авторитета, при встрѣчѣ съ знакомыми, украсилъ себя этою фразою. Но каково его удивленіе, когда, возвратившись домой, онъ рѣшился дочитать статью г-на Маркова, и чрезъ два-три столбца газеты встрѣтилъ у него же слѣ-

дующую сентенцію, по поводу отзыва о статьѣ нашего журнала въ декабрьской книгѣ: „Будущность славянства“: — „Авторъ (говоритъ г-нъ Марковъ) развиваетъ въ высшей степени справедливую и плодотворную мысль, что будущность славянскаго міра вся заключена въ болѣе или менѣе счастливомъ *внутреннемъ* ростѣ Россіи“. Можно себѣ представить теперь положеніе бѣднаго читателя: онъ только-что повѣрилъ г-ну Маркову, что нужно отложить въ сторону внутренніе вопросы ради славянскаго вопроса, а, вернувшись домой, узнаетъ, что г-нъ Марковъ совсѣмъ иное думаетъ: будущность-то славянскаго міра, оказывается, зависитъ отъ болѣе или менѣе успѣшнаго рѣшенія внутреннихъ вопросовъ Россіи! Вводя такимъ образомъ новый нравственный принципъ о двухъ правдахъ, путаясь въ вопросѣ о внутреннихъ нашихъ интересахъ между двумя правдами, онъ въ заключеніе представилъ образецъ своей пронипательности, и мы съ своей стороны готовы придать этому всякую гласность.

Г-нъ Марковъ нашелъ нужнымъ и полезнымъ указать, что у насъ въ журналѣ выработался „истинъ *петербургскій* языкъ, умѣющій высказать много, не задѣвъ никого, и въ самой официальной (?) формѣ провести неофициальныя (!?) мысли“! Любопытно тутъ можетъ быть только одно: чувствовалъ ли г-нъ Марковъ, выражаясь такимъ образомъ, что и у него самого въ послѣднее время выработался „языкъ“, только онъ работаетъ какъ-разъ въ другомъ смыслѣ, а именно: высказываетъ „официальныя“ мысли въ „неофициальной“ формѣ. Это — совершенно классически, и г-нъ Марковъ могъ бы, съ цѣлью быть понятнымъ не всѣмъ, а только немногимъ, — изречь свою гениальную мысль по-латыни: „Videant consules, ne quid detrimenti respublica capiat!“ Оно и въ самомъ дѣлѣ становится не безопасно жить: люди нашли ужасное средство „проводить неофициальныя мысли въ официальной формѣ!“ Г-нъ Марковъ, быть можетъ, ожидаетъ благодарности за свое указаніе и поощренія къ болѣе точному изобличенію нашихъ „неофициальныхъ“ мыслей, завернутыхъ въ „официальную“ форму; но едва ли кто нуждается въ его помощи, да и мы остановились на всемъ этомъ, какъ на фактѣ, характеризующемъ наше время, наши современные нравы, когда можно публично толковать о двухъ правдахъ и не краснѣя подписать свое имя подъ этимъ.

А.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/м января, 1877.

ПЛАНЫ БИСМАРКОВСКИХЪ РЕФОРМЪ.

Въ письмахъ прошедшаго года я постоянно указывалъ на то критическое положеніе, въ которомъ находится Германія, и можно было думать, что я желаю напророчить ей кризисъ. Но дѣло вовсе не въ томъ, и я не гонюсь за репутацію пророка, тѣмъ болѣе, что если бы кризисъ и наступилъ, то каждый былъ бы въ правѣ мнѣ сказать: когда кто-нибудь постоянно увѣряетъ, что пойдетъ дождь, то его пророчество должно же, наконецъ, когда-нибудь сбыться.

Говоря о кризисахъ въ нѣмецкой политической, экономической или парламентской жизни, я совершенно далекъ отъ того, чтобы вѣрить въ вѣроятность или неизбежность катастрофы. Но несомнѣнно и очевидно, что Германія, вырабатывая новыя условія жизни, находится постоянно въ критическомъ положеніи. И къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что никакому другому государству не грозитъ такой непосредственной опасностью ультрамонтанство и социальная демократія, какъ Германія. Можно даже порою удивляться, какимъ образомъ эти два опаснѣйшихъ врага нашего государственнаго организма еще не совсѣмъ разрушили его. Менѣе талантливый государственный человѣкъ, чѣмъ Бисмаркъ, давно бы уже ухватился за легчайшее средство выпутываться изъ временныхъ затрудненій, а именно, за воинственную политику, какъ это дѣлалъ Наполеонъ III, который искалъ выпутаться изъ незначительныхъ сравнительно затрудненій войною 1870 г. Что эта попытка его не увѣчалась успѣхомъ, конечно, могло бы смутить подражателей, но изъ исторіи всѣхъ временъ черпаютъ такъ мало поучительнаго, что послѣ Наполеона многіе еще сдѣлаютъ ту же самую ошибку; и кто поручится, что она не увѣчается болѣе крупнымъ успѣхомъ, нежели ошибка ихъ предшественника? Можно какъ угодно относиться къ Бисмарку, но нельзя оспаривать, что со времени 1871 г. онъ преслѣдуетъ исключительно мирную политику и ясно сознаетъ, что нѣмецкій народъ только путемъ мира можетъ упрочить свое новое государственное устройство и устранить экономическіе безпорядки, отъ которыхъ страдаетъ.

Въ концѣ прошлаго года появилась въ одной изъ здѣшнихъ газетъ неважная, повидимому, замѣтка, гласившая, что фонъ-Веннигсенъ, президентъ палаты депутатовъ и глава національ-либеральной

партіи, отправится на нѣсколько дней въ Варцинъ, по специальному приглашенію князя Бисмарка. Рѣдко какое-нибудь извѣстіе производило такое сильное впечатлѣніе, потому что всѣмъ, кто хоть маломальски знакомъ съ политическими отношеніями, говорилъ себѣ, что это приглашеніе имѣетъ специальную цѣль. Уже самая форма извѣщенія была характеристична потому, что вообще поѣздки въ Варцинъ окружаются обыкновенно большою тайною и только случайно публики узнаетъ о нихъ. На этотъ же разъ, то обстоятельство, что визитъ былъ не только гласный, но еще заранѣе доводился до свѣдѣнія публики, могло имѣть только одну цѣль, а именно, то, что канцлеръ ищетъ сближенія съ національ-либералами и желаетъ обставить дѣло такъ, чтобы національ-либералы не могли скрыть этого. Это соображеніе подтвердилось очень скоро, потому что узнали, что приглашеніе послано фонъ-Беннигсену уже десять дней тому назадъ и что самъ онъ держалъ его въ величайшемъ секретѣ. Впечатлѣніе было, какъ уже сказано, чрезвычайное, потому что общее мнѣніе до сихъ поръ было таково, что канцлеръ не могъ дать національ-либеральной партіи доступъ въ правительство частію вслѣдствіе собственнаго политическаго положенія, частію потому, что король не желалъ дальнѣйшаго развитія либеральнаго принципа. Число комбинацій, связываемыхъ съ этимъ объявленіемъ, было громадно, но онѣ еще умножились, когда фонъ-Беннигсенъ побывалъ въ Варцинѣ и когда, вернувшись сюда, онъ сталъ совѣщаться съ своими политическими друзьями. Извѣстный историкъ, фонъ-Трейчке, національ-либераль правого фланга этой партіи, незадолго передъ тѣмъ, въ издаваемомъ имъ „Прусскомъ Ежегодникѣ“, напечаталъ статью, въ которой обозрѣвалъ протекшій годъ и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы былъ положенъ вонецъ временному порядку дѣлъ, обусловливаемому отсутствіемъ канцлера и министра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга. Эта статья вызвала другую, въ одной изъ вѣдшихъ газетъ, которая считается вдохновляемой Бисмаркомъ и его друзьями. Въ этой статьѣ требовались на будущій годъ новые люди и новыя мѣры! Эта статья произвела громадное впечатлѣніе. Пресса немедленно стала обсуждать вопросъ о лицахъ. Если должны явиться новые люди, то старые должны уйти? Кто уйдетъ? Кто придетъ? Перебрали всѣхъ существующихъ министровъ, двухъ-трехъ изъ нихъ опредѣлили отправить въ изгнаніе и на ихъ мѣста подобрали новыхъ. Что самъ фонъ-Беннигсенъ вступитъ въ министерство—казалось вполне естественнымъ. Разумѣется, фонъ-Форкенбергъ, президентъ рейхстага и самый вліятельный, послѣ Беннигсена, членъ національ-либеральной партіи, тоже прочился въ министры. Къ этимъ

думъ присоединили еще Гейста или Ласкера, и этимъ пока заканчивали вторженіе національ-либеральнаго элемента въ министерство. Само собой разумѣется, все это творилось на бумагѣ и именно на газетной бумагѣ. Когда газеты въ конецъ исчерпали эту тему, вдругъ наступило нѣкоторое стревженіе, и всѣ начали соображать, что министерскіе посты не могутъ быть заняты, прежде чѣмъ они станутъ вакантными, чего до сихъ поръ еще не существуетъ, потому что даже графъ Эйленбургъ можетъ снова принять свой портфель, по истеченіи срока своего отпуска. Распространился также слухъ, что король сказалъ министрамъ, явившимся къ нему съ поздравленіемъ на новый годъ, что теперь очень много толкуютъ про перемѣны въ министерствѣ, но что ему ничего объ этомъ неизвѣстно. И при этомъ король прибавилъ, что онъ освѣдомлялся объ этомъ у канцлера. И вотъ наступилъ переворотъ вдоль всей линіи. Стали толковать, что Бисмаркъ не могъ согласиться съ Беннигсеномъ, что всѣ его планы рухнули; а такъ какъ его возвращеніе изъ отпуска замедлилось влѣдствіе болѣзни, то это было признано за наилучшее доказательство вѣрности пессимистическихъ воззрѣній. Мы уже говорили, что ничего достовѣрнаго не доводится до свѣдѣнія публики, а потому и невозможно положительно сказать, насколько во всемъ этомъ справедливаго; но кажется можно съ достовѣрностью признать, что дѣло шло лишь о предварительныхъ переговорахъ. При этомъ, само собой разумѣется, должны были быть упоминаемы имена министровъ, не нарушая этимъ уваженія къ королю, назначавшему министровъ. Натурально, необходимо еще при этомъ, чтобы король согласился принять предложенныя ему лица, но князь Бисмаркъ, если бы это было не такъ, имѣлъ бы конституціонное право потребовать своего увольненія, какъ это дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ каждый англійскій первый министръ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что толкуютъ о замѣщеніи министерскихъ мѣстъ, когда они еще не упразднены; но министерскіе посты въ конституціонномъ государствѣ не составляютъ пожизненныхъ должностей и не могутъ быть таковыми, если весь кабинетъ долженъ выражать однородную политическую идею. Министру-президенту предстоитъ рѣшить, представляетъ ли министерство такое однородное цѣлое, или же въ него прокралось вредное разногласіе. Въ германской имперіи и въ Пруссіи дѣло обставлено въ настоящее время такъ, что прочнаго большинства не существуетъ ни въ прусскомъ ландтагѣ, ни въ германскомъ рейхстагѣ. Такое большинство можетъ являться лишь тогда, когда двѣ фракціи, а именно: національ-либералы и фрей-консерваторы дѣйствуютъ за-одно, и въ эти двѣ фракціи примкнуты еще справа и слѣва умѣренные элементы. Напримѣръ,

справа такъ-называемые ново-консерваторы, которые немного консервативнѣе фрей-консерваторовъ, а слѣва тѣ изъ членовъ прогрессивной партіи, которые образуютъ особую группу подъ предводительствомъ Лёве.

Я много разъ уже прежде старался въ точности указать для вашихъ читателей разницу между этими партіями; но, по правдѣ сказать, сомнѣвался, чтобы мнѣ удалось объяснить, или вообще, чтобы иностранецъ могъ понять вполне ясно различіе между этими фракціями. Нигдѣ не развито такъ то, что называется партикулярнымъ фракціямъ, какъ въ Германіи. Эти господа думаютъ, что вселенная рухнетъ, если двѣ фракціи съ различной программой соединятся другъ съ другомъ, хотя это — самая легкая вещь въ мірѣ. Можно на это возразить, что самымъ правильнымъ путемъ, для образованія большой партіи, было бы распушеніе рейхстага и ландтага и новыя выборы съ опредѣленной правительственной программой. Но опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ неопровержимымъ образомъ, что страна сама собою не выпутается изъ сѣтей небольшихъ фракцій. Всѣ выборы оставляли существующія нынѣ партіи почти въ прежнемъ ихъ составѣ, безъ намѣненія, и нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы это намѣнилось въ будущемъ. Поэтому даже, если бы у правительства и было намѣреніе распустить парламентъ и назначить новыя выборы, то простое благоразуміе предписывало бы связать правительственную программу съ тѣми партіями, на которыя оно располагаетъ опираться. Итакъ, газеты ошибаются, если онѣ дѣйствительно думаютъ или считаютъ нужнымъ то утверждать, что все дѣло зависить отъ простаго соглашенія національ-либераловъ съ княземъ Бисмаркомъ. На сторонѣ національ-либераловъ не бываетъ большинства, если къ нимъ не присоединятся вышеупомянутые элементы, а потому необходимо спросить эти послѣдніе и выслушать ихъ условія для образованія крупной комбинаціи. Названныя партіи равноправны *ad hoc*, и каждая изъ нихъ должна будетъ сдѣлать уступки двумъ другимъ. Националь-либералы отнюдь не могутъ заблуждаться на этотъ счетъ, и въ этомъ-то и заключается, надо предлагать, главное затрудненіе, такъ какъ національ-либералы охотнѣе всего признають свое принципиальное родство съ прогрессивной партіей, и считаютъ, что ихъ раздѣляетъ болѣе глубокая пропасть отъ консерваторовъ всѣхъ оттѣнковъ, чѣмъ отъ прогрессивной партіи. Отъ этой послѣдней имъ пришлось бы безусловно отказаться, и вообще нельзя сомнѣваться, что они приобрѣли бы болѣе консервативный оттѣнокъ, чѣмъ теперь, но за то правительству сообщился бы болѣе либеральный характеръ, и это приобретеніе было бы значительнѣе утраты съ другой стороны.

Когда я оглядываюсь не только на жизнь нашего поколения, но и на историю послѣднихъ двухъ столѣтій, то все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что настоящее и будущее принадлежать либерализму, и что этотъ послѣдній гораздо могущественнѣе консерватизма. Я случайно какъ разъ только что прочиталъ весьма интересную исторію латинскаго собора П. Фридриха, который въ предисловіи описываетъ появленіе ультрамонтанской партіи во Франціи. То было самымъ сильнѣйшимъ реакціоннымъ движеніемъ нашего вѣка. Послѣ того какъ Наполеонъ I снова возстановилъ церковь, цѣлый рядъ весьма талантливыхъ писателей сталъ работать съ тѣмъ, чтобы путемъ авторитета церкви обезпечить торжество за консервативными принципами. Первымъ изъ нихъ былъ де-Местръ; за нимъ слѣдовали Ламенне и Лаворрьеръ, Фаллу и Вейльо—все люди весьма талантливые и вліятельные, и при всемъ томъ какая судьба постигла консервативный принципъ во Франціи? Всѣ французскіе представители этого принципа стоятъ на строго-церковной точкѣ зрѣнія, равно какъ и другіе писатели романской расы, какъ, напр., испанецъ Донозе-Кортесъ, который можетъ соперничать по своему блестящему красноречію съ своимъ неожиданнымъ антиподомъ—Эмилио Кастеларомъ, и который считаетъ монаховъ и солдатъ единственными столпами государственнаго порядка. Точно такъ же оцѣненъ не достоинству и Ромьё, написавшій въ началѣ пятидесятыхъ годовъ два небольшихъ сочиненія, въ подготовленіе Наполеоновскаго государственнаго переворота: „Эра Цесарей“ и „Красный Призракъ“—и я самъ чуть было не позабылъ упомянуть о свѣтилѣ первой величины, о настоящемъ виховникѣ всего реакціоннаго движенія—Шатобрианѣ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются реакціонные писатели германскаго племени, т.-е. евангелическаго вѣроисповѣданія. Такъ какъ это вѣроисповѣданіе признаетъ принципомъ свободу изслѣдованія, и духовенство связано не такой строгой іерархіей, какъ римское, то церковь не можетъ прийти на помощь государству, но реакціонеры должны ограничиться лишь тѣмъ, что вообще поощряютъ вѣру или религіозность. Отъ этого имъ недостаетъ того воодушевленія, которое отличаетъ романскія расы и которое отражается и на нѣмецкихъ ультрамонтанахъ, напр. на Гёрреотъ, первомъ представителѣ ультрамонтанства въ Германіи и specially на Рейнѣ. Самые главные представители реакціи въ Германіи: Галлеръ въ тридцатыхъ годахъ, Шталь послѣ революціи 1848 г.—не могутъ съ нимъ сравниться. Только одинъ Генцъ можетъ достойно конкурировать съ нами.

Но за то какой длинный списокъ блестящихъ именъ представляетъ литература политическаго либерализма, начиная съ первой защиты свободы печати Мильтономъ, писавшимъ еще на ла-

тинскомъ языкѣ, и до позднѣйшаго времени. Въ числѣ этого длиннаго ряда людей я всегда признавалъ тронъ выше и несравненнѣе всѣхъ остальныхъ. Во-первыхъ, автора знаменитыхъ писемъ Юніуса, о которыхъ имъ первый нѣмецкій переводчикъ, Арнольдъ Руте, въ предисловіи (замѣчательно, что переводъ этотъ появился въ 1847 г. т.-е. наканунѣ нѣмецкой революціи) говоритъ, что политическій интересъ, связанный съ Юніусомъ, обнимаетъ собой всю логику свободы и крайне поучителенъ. Къ сожалѣнію, въ наше время эти письма мало читаются въ Германіи, а между тѣмъ заслуживали бы, чтобы ихъ читали люди всѣхъ партій, консерваторы такъ же, какъ и либералы; англійскіе политики никогда не могли превзойти Юніуса ни въ пониманіи свободы, ни по глубинѣ образованія, ни по красотѣ классической формы, а англійскіе политики въ свою очередь еще не превзойдены въ этомъ отношеніи никакими другими. Слогъ Юніуса въ высшей степени патетическій и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне задержанный. За исключеніемъ французской революціи 1789 г. никогда еще не дѣлалось такихъ жестокихъ нападокъ на королей и министровъ, какъ нападки, дѣлаемыя въ этихъ письмахъ на короля Георга III и министерство Крафтона. Письма вообще всегда служили образцомъ для либеральныхъ писателей. Именно позже Юніуса появился другой либеральный писатель, Томасъ-Пайизъ, секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ первомъ американскомъ конгрессѣ, во время войны за независимость, знаменитѣйшее сочиненіе котораго „Права людей“ было отвѣтомъ на нападки Борка въ англійскомъ парламентѣ на французскую революцію. „Права людей“ написаны совсѣмъ безъ всякихъ прикрасъ и не могутъ по классичности слога и по своему пафосу идти въ сравненіе не только съ Юніусомъ, но и съ самимъ Боркомъ, однимъ изъ величайшихъ и самыхъ блестящихъ стилистовъ; но въ нихъ проявляется столько здраваго смысла, что сочиненіе это имѣло большой успѣхъ и произвело большое впечатлѣніе. Написано оно было въ первые годы французской революціи, и если бы сама революція не стѣснила себя, сначала своими крайностями и ужасами, затѣмъ своимъ завоевательнымъ духомъ, то, безъ сомнѣнія, уже въ ту эпоху республиканская идея получила бы болѣе распространеніе на континентѣ. Въ извѣстномъ отношеніи, къ числу литературныхъ представителей консерватизма долженъ я причислить также и англійскаго министра Питта, величайшаго оратора, которымъ только обладалъ англійскій парламентъ, и который страшно возненавидѣлъ французскую революцію послѣ казни Людовика XVI и изъ всѣхъ еще боролся съ нею. Рѣчи его и теперь еще поучительно прочитывать, хотя онѣ и кажутся на наше ухо нѣсколько педантичными, главнымъ образомъ, благодаря множеству латинскихъ цитатъ, которыми онѣ унахажены. Во главѣ тѣхъ

писателей, которые боролись въ новѣйшее время на континентѣ за либеральныя идеи и принимали новыя литературныя средства для борьбы, стоитъ писатель, которому либеральная французская литература обязана главнымъ образомъ своимъ блестящимъ слогомъ и ясностью своихъ нападокъ, а именно: Поль-Луи Куррье, — писатель, всѣ сочиненія котораго, состоящія изъ памфлетовъ и писемъ, образуютъ всего лишь одинъ маленькій томикъ, но являются неистощаемымъ источникомъ для тѣхъ, кто желаетъ образовать свой слогъ какъ политическаго писателя или какъ оратора. Политическіе памфлеты Куррье, предательски застрѣленного въ 1825 г. и которому Арманъ Каррель воздвигнулъ прекрасный біографическій памятникъ, относятся къ періоду самой дикой реакціи, которая тяготѣла надъ Франціей послѣ паденія Наполеона I, а именно въ 1816—1824 гг. Французы признаютъ въ Куррье одного изъ величайшихъ стилистовъ, и самыми замѣчательными качествами его являются простота, естественность, крайне увлекательныя и соединенныя съ большимъ остроуміемъ. Если же вообще пришлось бы сравнивать эти памфлеты между собой и отдать которому-нибудь предпочтеніе, то я призналъ бы наилучшими самый первый и самый послѣдній. Въ первомъ, который озаглавленъ „Петиція двумъ палатамъ“, Куррье описываетъ, въ качествѣ крестьянина Турреми, вторженіе ультрамонтанства и реакціонной правительственной власти въ мирную жизнь села такими красками, правдивость которыхъ, въ сожалѣнію, могутъ засвидѣтельствовать и наши современники на основаніи личнаго опыта. Послѣдній изъ памфлетовъ называется „Памфлетъ изъ памфлетовъ“ и является защитительною рѣчью за эту форму политическаго бы. Куррье отводитъ слѣдующія рамки этому памфлету. Онъ былъ осужденъ судомъ присяжныхъ за памфлетъ, и генеральный прокуроръ, вдохновленный общественной моралью, такъ онъ выразился, назвалъ его „vil pamphletaire“. Въ числѣ присяжныхъ, вынесшихъ обвинительный приговоръ, находится знаменитый книгопродавецъ Брандсъ; и по окончаніи засѣданія онъ и осужденный Куррье идутъ вмѣстѣ часть дороги. Книгопродавецъ умѣетъ цѣнить умъ и таланты писателя, но ставитъ ему въ упрекъ, что онъ пишетъ не книги, а памфлеты. Куррье защищается отъ этого упрека самымъ веселымъ образомъ, доказывая историческими примѣрами, что во все времена памфлетъ, т. е. кратко и понятно для массъ выраженная мысль, дѣйствовала, всего сильнѣе въ политическомъ отношеніи. Кто внимательно прочтаетъ этотъ памфлетъ въ настоящее время, тотъ найдетъ, насколько это дозволяетъ болѣе грубый нѣмецкій слогъ, что способъ и родъ полемики Куррье сдѣлались принципами всей полемики, служащей дѣлу либерализма. Вознамявшись доказать, что направле-

ніе современнаго духа либерально, я указала только на одинъ изъ его симптомовъ, а именно литературныхъ представителей его и противной консервативной партіи. Но и это сравненіе лишь поверхностно и требовало бы болѣе обстоятельнаго изложенія. Но я полагаю, что никто не станетъ отрицать, что все развитіе новѣйшихъ европейскихъ государствъ, и specially Германіи весьма благоприятно для либерализма, и что консерватизмъ далеко отсталъ отъ него, какъ со стороны духовныхъ, такъ и со стороны матеріальныхъ средствъ. Опасность для будущаго развитія Германіи заключается не въ томъ, что это развитіе идетъ недостаточно быстро въ либеральномъ смыслѣ, сколько въ томъ, что оно идетъ слишкомъ быстро. Если мы сравнимъ, напримѣръ, политическое состояніе въ Англіи, то увидимъ, что англійскій народъ обладаетъ гораздо болѣе обширнымъ фондомъ консерватизма, нежели нѣмецкій. До конца прошлаго столѣтія и даже до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія англійская конституція и англійскій парламентъ были по преимуществу консервативны; но съ тѣхъ поръ отношенія измѣнились въ пользу либеральныхъ идей, и мы сдается, что темпъ этихъ перемѣнъ все ускоряется.

Въ Германіи, гдѣ до 1815 г. существовало абсолютное правленіе, развитіе шло съ чрезвычайной быстротой, и именно со времени введенія всеобщей подачи голосовъ, которое въ Англіи до сихъ поръ еще не существуетъ. Поэтому для дѣла либерализма является весьма важнымъ и даже настоящею выгодой, если консервативные элементы, насколько они еще существуютъ въ странѣ, по возможности шатаются и оберегаются. Прогрессъ, конечно, этимъ немного замедляется, но за то онъ прочтѣе и менѣе подверженъ опасности реакціи, которая неизбежно слѣдуетъ за каждымъ слишкомъ торопливымъ порывомъ общественной жизни и причиняетъ ей громадный вредъ; реакція, какъ извѣстно, два раза водворилась въ Пруссіи: въ первый разъ послѣ революціи 1848 г., во второй, послѣ такъ называемой новой эры въ 1862 г.

Въ первыхъ числахъ января впервые стало съ точностью извѣстно, какимъ образомъ канцлеръ предполагаетъ совершить сліяніе имперскихъ присутственныхъ мѣстъ съ министерствами, и произведемо пять такихъ сліяній. И прежде всего имперскія военныя дѣла, во главѣ которыхъ долженствовали стоять военный министръ, въ качествѣ государственнаго секретаря; во-вторыхъ—финансовыя дѣла вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ имперскихъ финансовъ; въ-третьихъ—иностранныя дѣла; въ-четвертыхъ—железнодорожное дѣло, и въ-пятыхъ—юстиція. Въ этихъ проектахъ постоянно мѣняется въ виду, что

начальниками отдѣльныхъ отраслей должны быть прусскіе министры и черезъ это, если можно такъ выразиться, происходитъ сліяніе партитуларистическаго прусскаго государства съ имперіей. Противники, конечно, могутъ возразить, что съ такимъ же успѣхомъ можно сказать, что дѣйствіе этой новой организаціи выражается тѣмъ, что германская имперія поглощается Пруссіей. И во всякомъ случаѣ слѣдовало найти средства возстановить и упрочить вліяніе остальныхъ союзныхъ правительствъ на управленіе дѣлами, и гарантію для этого думали найти въ томъ, чтобы расширить компетенцію постоянныхъ комитетовъ совѣтнаго союта. Для меня этотъ пунктъ несленъ еще и потому, что князь Бисмаркъ до сихъ поръ всегда выказывалъ отрамленіе привлечь политическія силы остальныхъ государствъ Германіи, кромѣ Пруссіи, на служеніе имперіи. Не вообще этотъ пунктъ имѣетъ второстепенное значеніе, и на первый планъ выступаетъ реформа имперскихъ финансовъ. Какъ извѣстно, доходы имперіи опираются главнымъ образомъ на матрикулярные взносы,—техническое выраженіе, означающее то, что отдѣльные государства должны дѣлать взносы на общія потребности, на основаніи матрикулъ, то-есть пропорціонально ихъ населенію. Этой системѣ дѣлають два упрека: первый заключается въ ея несправедливости, притѣмъ, напримѣръ, богатое населеніе вольнаго города Гамбурга платитъ не болѣе, чѣмъ равное ему по численности населеніе какого-нибудь мелкаго княжества, не ведущаго никакой торговли, не имѣющаго судоходства и земледѣлія, главнымъ образомъ земледѣліемъ и еще, быть можетъ, кое-какими не особенно доходными промыслами. Второй упрекъ, имѣющій еще болѣе значеніе съ политической точки зрѣнія, заключается въ томъ, что, при такой системѣ имперскихъ налоговъ, имперія никогда не будетъ въ состояніи стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, но всегда будетъ зависѣть отъ милости отдѣльныхъ государствъ. Упразднить же матрикулярные взносы можно лишь въ томъ случаѣ, если будутъ найдены новыя источники налоговъ, которые можно уступать имперіи.

Князь Бисмаркъ давно уже высказалъ по этой части ту мысль, что можно было бы со временемъ уступить въ пользу имперіи нѣкоторые крупные косвенные налоги. Какъ скоро это будетъ сдѣлано, такъ немедленно явится возможность ввести реформу и въ прусскую систему взыманія налоговъ, которая позволитъ дать участіе общинамъ, въ вознагражденіе за чрезвычайное увеличеніе ихъ налоговъ, въ нѣкоторыхъ доходахъ, какъ, напр., въ поземельномъ доходѣ и доходѣ съ зданий. Богатѣйшимъ историческимъ косвеннымъ налогомъ была бы, безъ сомнѣнія, табачная монополія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ во Франціи; но нельзя не признать, что въ

Германіи весьма крупныя интересы препятствуютъ введенію монополии, и я вскорѣ возвращусь къ этому вопросу, а теперь замѣчу, что всякій косвенный налогъ задѣваетъ обширный кругъ интересовъ, между тѣмъ какъ прямые налоги представляются самыми справедливыми, но это только въ теоріи, потому что на практикѣ всегда оказывалось, что постоянное увеличеніе, постоянный ростъ прямыхъ налоговъ становится бѣдствіемъ, противъ котораго даже самыя уморные защитники борются безъ особеннаго успѣха. Напримѣръ, никакъ нельзя оспаривать того, что отмена налога на мясо, муку и хлѣбъ въ городахъ совсѣмъ не произвела ожидаемаго пониженія цѣнъ и не облегчила этимъ положеніе бѣдныхъ классовъ, тогда какъ недостатокъ въ доходахъ, происшедшій отъ этого, долженъ былъ погашаться прямыми налогами, и эти послѣдніе достигли необыкновеннаго размѣра. Такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ городской подоходный налогъ въ Берлинѣ составлялъ около 60% государственнаго, т.-е. кто платилъ 100 талеровъ подоходнаго налога правительству, тотъ долженъ былъ вносить городу Берлину 60 талеровъ. Въ послѣдніе годы этотъ доходъ увеличенъ до 80%; а въ первую четверть текущаго 1878 г. достигъ 100%, и въ послѣднія три-четверти года дойдетъ по крайней мѣрѣ до 112%; мало того, толкуютъ, что неизбежно повышеніе на 140—150%! Я не знаю, какъ смотреть у васъ на вопросъ о налогахъ, я не беру безусловно сторону за ту или за другую партію; но стараюсь только передать общественное мнѣніе, и долженъ сказать, что въ немъ въ этомъ отношеніи совершился переворотъ. Я встрѣтилъ въ одной газетѣ прекрасное выраженіе: газета сравнивала косвенные и прямые налоги съ благотворительной росой и опустошительнымъ ливнемъ. Благотворное вліяніе росы, тихо осаждающейся на цвѣточныхъ чашечкахъ, достаточно извѣстно; но точно также извѣстны и опустошенія, производимыя ливнемъ: онъ нобиваетъ нѣжныя растенія и прожигаетъ почву. То взысканіе прямыхъ налоговъ въ наше время можно сравнить по справедливости съ опустошительнымъ дѣйствіемъ проливного дождя.

Справедливо требують, чтобы каждый по оѣмѣ протягивалъ ножики и не дѣлалъ долговъ. Но система прямыхъ налоговъ ведетъ къ долгамъ. Нельзя не признать, что большинство людей не станетъ ежедневно откладывать извѣстную сумму для того, чтобы въ концѣ мѣсяца или четверти года быть въ состояніи уплатить этими сбереженіями налоги. Срокъ платежа застаеъ всегда бѣльшую часть человека врасплохъ и заставляеъ плательщика дѣлать долги, чтобы уплатить налогъ. Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя небогатый чолвѣкъ, который ложится вечеромъ въ постель въ пріятномъ сознаніи, что онъ не только уплатилъ все, чего отъ него требовали: насильникъ,

булочникъ, продавецъ табаку и пива и т. д., но еще и удовлетво-
рилъ при этомъ требованія государства и общины. Эта аргумента-
ція можетъ казаться не особенно научной, но тотъ, кто внимательно
наблюдаетъ жизнь дѣйствительную, тотъ найдетъ, что она весьма
справедлива. Главнымъ принципомъ финансоваго дѣла должно быть
то, чтобы такъ распредѣлять налоги, чтобы они не истощали жи-
вотныхъ источниковъ націй, чтобы они уплачивались изъ доходовъ
частныхъ лицъ, а не изъ капитала. Къ этому необходимо также,
чтобы самая форма взиманія налоговъ не была обременительна. Кто
бывалъ въ Италіи и во Франціи, а также и въ Англіи, тотъ видѣлъ,
какъ легко сравнительно уплачиваются даже большіе косвенные на-
логи. Напротивъ того, если сборщики податей постоянно являются
въ производительныхъ классахъ: къ купцу, къ рабочему, и требуютъ
сравнительно небольшія суммы, у работника мало-по-малу выра-
батывается охота къ работѣ и сбереженіямъ, потому что онъ видитъ, что
ему никакъ не справиться. Конечно, очень легко проповѣдывать фи-
лантропически звучащую, въ сущности же весьма легкомысленную
фразу о томъ, что несправедливо облагать налогами трубку бѣднаго
человѣка. Бѣдный человѣкъ и во Франціи также выкуриваетъ свою
трубку cigar, за которую платитъ гораздо меньше денегъ, нежели
небогатый человѣкъ въ Германіи за сигары, которыми здѣсь во все-
общее употребленіе, и право нельзя считать національнымъ несча-
стіемъ, если употребленіе этихъ послѣднихъ нѣсколько ограничится.

Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ введенія табачной моно-
поліи, бывшій юртенбергскій министръ фонъ-Варибольтеръ, предста-
вилъ весьма интересныя данныя объ этой послѣдней. Налогъ на та-
бакъ приноситъ въ Австріи 2,00 марокъ, во Франціи 5,00 марокъ,
въ Великобританіи 3,75 марокъ, въ Италіи 2,25 марокъ, а въ Гер-
маніи только 0,35 марокъ съ дуни. Затруднительность обложить та-
бакъ болѣе высокими налогами заключается главнымъ образомъ въ
томъ, что производство табаку достигло въ Германіи весьма значи-
тельныхъ размѣровъ, тогда какъ въ Англіи, напр., оно совсѣмъ за-
прещено; во-вторыхъ, въ томъ, что большое число фабрикъ и мел-
кихъ, какъ и крупныхъ купцовъ, занимаются фабрикаціей и прода-
жей табаку. Нѣмецкимъ табачнымъ производствомъ занимаются
106,307 воздѣлывателей табаку съ ихъ семействами; подъ него идетъ
слишкомъ 24—30.000 гектаровъ, и оно приноситъ 16—20 милліоновъ
марокъ. Прусское правительство приняло на себя починъ въ ре-
формѣ налоговъ, и законнымъ путемъ внесло въ созванный совѣтъ
проектъ о новышей налогъ на табакъ, и превосходно изложило
причины, дѣлающія необходимымъ это увеличеніе налоговъ. До снѣ-
поръ имперія покрывала свои расходы частію собственными ресур-

самыя таможенными пошлинами, штемпальнымъ сборомъ, доходами съ почты, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ и наконецъ дивидендомъ имперскаго банка. Бюджетъ имперіи на 1872 г. былъ установленъ въ 304 милліона; въ финансовый годъ, т.-е. съ 1 апрѣля 1878 г. по 1 апрѣля 1879 г., онъ дойдетъ до 406 милліоновъ, между тѣмъ вышеупомянутые источники доходовъ, сравнительно, отнюдь не разрослись, а слѣдовательно необходимо настолько возвысить матрикулярные вносы, что это можетъ очень затруднить администрацію финансовъ отдѣльныхъ государствъ. Отдѣльнымъ государствамъ придется, кромѣ того, для покрытія косвенныхъ налоговъ имперіи, возвысить прямыя налоги, чего нельзя оправдать съ экономической точки зрѣнія и, сверхъ того (въ мотивахъ объ этомъ, конечно, не упоминается), это не будетъ способствовать развитію любви въ населеніи въ германской имперіи.

Поэтому прусское правительство считаетъ своимъ долгомъ и своей задачею такъ повести финансовую политику имперіи, чтобы черезъ умноженіе собственныхъ доходовъ послѣдней не только бы покрывались ея увеличивающіяся потребности, но и возможно было бы постепенно облегчать бюджеты отдѣльныхъ государствъ и дать этимъ послѣднимъ возможность откупить нѣкоторые особенно обременительные налоги или передать въ вѣдѣніе провинцій, округовъ и общинъ вѣдѣніе специальныхъ налоговъ на покрытіе изъ специальныхъ потребностей. Далѣе мотивы приводятъ, почему въ настоящее время невозможно введеніе табачной монополіи, — что для нея потребуются обширныя подготовленія и потому ее нельзя немедленно ввести, но тѣмъ не менѣе въ мотивахъ правительства ясно вытекаетъ его намѣреніе ввести позднѣе эту монополію. Я не буду вдаваться въ подробности проекта; принципъ его состоитъ въ томъ, что существовавшая до сихъ поръ система налога на табакъ внутренняго производства и возвышеніе пошлины на заграничный табакъ удерживается, и только на добавочныя статьи дѣлается наводка.

Слѣдуетъ допустить, что фонъ-Беннигсенъ условился съ Бисмаркомъ въ Варшавѣ на счетъ вопроса о налогахъ, но никакъ нельзя угадать себя, почему собственно переговоры не привели ни къ какому положительному результату, и объ этомъ до сихъ поръ упоминаютъ какъ національ-либералы, такъ и друзья князя Бисмарка. Я уже выше говорилъ, что для того, чтобы образовать дѣйствительное правительственное большинство, необходимо союзъ не только между національ-либералами и умѣренными консерваторами, но также и умѣренными элементами прогрессивной партіи. Въ прогрессивной партіи существуетъ наружное единеніе, но уже не разъ оказывалось, что внутри прогрессивной партіи, какъ и всякой другой, су-

дествуетъ правая и лѣвая стороны, и представителями этихъ двухъ направлений являются Ганель и Евгеній Рихтеръ; послѣдній извѣстенъ какъ представитель лѣваго фланга, а первый, профессоръ въ Килѣ—какъ представитель умѣреннаго отѣнка; замѣчательно, что радикальные элементы состоятъ изъ старо-пруссаковъ, тогда какъ умѣренные набираются главнымъ образомъ изъ новыхъ провинцій, присоединенныхъ въ 1866 году.

Депутатъ Рихтеръ посѣтилъ, въ первыхъ числахъ января, Бреславль и говорилъ тамъ, въ большомъ собраніи, рѣчь, имѣвшую характеръ политической программы, и главнымъ предметомъ которой служили варшавскіе переговоры. Ораторъ благодарилъ націоналъ-либераловъ за то, что они отвергли попытки Бисмарка, и высказывалъ увѣренность, что они, въ соединеніи съ прогрессивной партіей, сдѣлаютъ реакцію невозможной. Имъ Бисмаркъ вовсе не незамѣнимъ. Рихтеръ очень рѣзко высказывался объ этомъ пунктѣ, составляющемъ любимую тему радикальной части прогрессивной партіи, и вызвалъ этимъ энергическія возраженія со стороны бреславльской прогрессивной партіи, такъ какъ въ этой партіи существуетъ нѣсколько лицъ, которые хотя и очень свободномыслящіе люди, однако охотно цѣнятъ въ князѣ Бисмаркѣ руководителя дипломатическихъ сношеній германской имперіи и вообще признаютъ его заслуги и не желали бы, чтобы его положеніе пошатнулось. Эта партія, само собою разумѣется, имѣетъ представителей не въ одномъ только Бреславлѣ, но и во всей странѣ, и разсудительные люди въ средѣ самой прогрессивной партіи твердо убѣждены, что величайшій ущербъ, какой только можетъ нанести себѣ эта партія—это заявить себя въ глазахъ страны противницей князя Бисмарка. Напротивъ того, самая радикальная часть прогрессивной партіи полагаетъ, что у ней нѣтъ болѣе настоящаго дѣла, какъ по возможности скорѣе устранить со сцены Бисмарка.

Въ недавно появившейся книгѣ одного изъ главныхъ руководителей этой партіи, — книгѣ, трактующей о политическихъ партіяхъ въ Германіи и о книгѣ Бисмарка, написанной Лудольфомъ Париусомъ, и въ которой есть, конечно, весьма одностороннее изложеніе парламентской исторіи Пруссіи съ 1848 года до послѣдняго времени, эта враждебность къ канцлеру выразилась съ особенной силой. Авторъ предпослалъ своему сочиненію предисловіе о канцлерскомъ кризисѣ, въ которомъ Бисмарку приписываются всевозможные реакціонные планы. „Съ 1874 г.,—говорится въ немъ въ одномъ мѣстѣ,—имперскій канцлеръ во многихъ отношеніяхъ увлекъ насъ назадъ и можно почти принять, что Бисмаркъ поставилъ себѣ послѣдней задачею привести внутреннія дѣла Германіи и Пруссіи въ

такое положеніе, чтобы на будущее время, даже послѣ его удаленія отъ дѣлъ, консервативныя лица могли вести дѣла въ консервативномъ духѣ". На удаленіе Дельбрюка, даже на теперешній отнустъ графа Эйленбурга указывается, какъ на симптомы того, что политика князя Бисмарка все болѣе и болѣе вдается въ реакціонную волю. Относительно этихъ плановъ прогрессивная партія, по словамъ ея историка, приняла твердое положеніе. „Ей предстоитъ, — патетически взываетъ онъ, — продолжать старую борьбу, борьбу за дѣйствительныя права народнаго представительства съ кажущимся конституціонализмомъ, борьбу либераловъ съ консерваторами, которую предстоитъ вести до тѣхъ поръ, пока въ Германіи будутъ существовать политическія партіи". Хотя авторъ постоянно рекомендуетъ объединеніе либеральныхъ партій, со всемъ тѣмъ его историческое изложеніе постоянно направлено противъ націоналъ-либераловъ, которымъ ставится въ тѣнѣйшій упрёкъ поддержка, оказанная ими военному закону и юридическимъ законамъ. Книга Парзіуса и рѣчь Рихтера одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ, и поэтому противъ нихъ обонъ направлены критическія замѣчанія, высказанныя Генелемъ въ статьѣхъ, напечатанныхъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, издающихся въ его родной провинціи и касающихся варенискаго свиданія и плановъ образованія правительственнаго большинства. Эти критическія замѣчанія, оставая въ сторонѣ всѣ частности, сводятся, главнымъ образомъ, на то, что образованіе такого правительственнаго большинства рассматривается какъ великій конституціонный прогрессъ, которому не можеть противиться нѣмецкая прогрессивная партія, если только она понимаетъ интересы свободы. Я тоже раздѣляю это мнѣніе, которое и не разъ уже высказывалъ. Но кажется, что переговоры затнулись настолько, что благоприятный моментъ снова упущенъ. Отсутствие князя Бисмарка все затягивается, и въ послѣднее время въ компетентныхъ кружкахъ снова начали высказываться сомнѣнія на счетъ того, вернется ли онъ къ дѣламъ вообще. Многие симптомы показываютъ, что его противники воспользовались какъ-разъ этими послѣдними переговорами и идеями канцлера, чтобы снова повести противъ него интриги; между тѣмъ какъ его реформаторскіе планы, касающіеся германской имперіи, встрѣтили очень мало сочувствія въ кругу среднихъ государствъ и скорѣе произвели сильное неудовольствіе, о которомъ извѣщенъ императоръ Вильгельмъ.

Я уже упоминалъ раньше, что однимъ изъ важѣйшихъ моментовъ настоящаго политическаго положенія вещей является то обстоятельство, что нашъ императоръ крайте несклоненъ къ самымъ перомѣнамъ, какъ въ лицахъ, такъ и въ дѣлахъ. Эта неохота иза-

дать на политическое положеніе печать востокъ, который особенно нестерпимъ такому человѣку, какъ канцлеръ. Большое счастье для Пруссіи, что большинство ея правителей царствуютъ долго и достигаютъ престарѣлаго возраста; но вмѣстѣ съ этимъ связано неизбежное слѣдствіе, что послѣ великихъ и славныхъ правительственныхъ эпохъ наступаютъ длинныя періоды почти абсолютнаго покоя. Стоитъ только припомнить долгіе годы, проведенныя Фридрихомъ Великимъ на престолѣ по окончаніи Семилѣтней войны: то было время крайняго загниванія, и нельзя отрицать, что было бы гораздо лучше, если бы въ Германіи было больше жизни въ то время. То было время, когда во Франціи уже проявлялись предвѣстники великой революціи, но Пруссія въ умственномъ отношеніи отстала въ ту эпоху на цѣлое столѣтіе отъ Франціи и лишь въ очень небольшомъ слѣдѣ общества принимали вообще смыслъ событій. Великій Фридрихъ, какъ говорятъ приписываемыя ему знаменитыя слова, усталъ подъ конецъ царствовать надъ рабами, и это рабство умомъ тяжело сказывалось въ продолженіи еще цѣлаго поколѣнія послѣ его смерти на государствѣ, которое собственно онъ основалъ. Подобныя же отношенія существовали и при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III по окончаніи войны за независимость: и въ то время такъ же весьма вреднымъ оказалось послѣдствіемъ, что политическая жизнь и политическое развитіе государства были такъ слабы въ эпоху отъ 1815—1840 г. Само собой разумѣется, что нельзя сравнивать настоящее время съ тогдашнимъ; но въ принципѣ вопросъ остается все такимъ же, а именно: считаютъ ли, что въ государственной жизни можно терять время или нельзя? Прогрессивные умы, конечно, придерживаются послѣдняго мнѣнія, и нельзя отрицать, что было бы, конечно, не дурно, если бы тѣмъ періодамъ мира, которымъ теперь наслаждается Германія, воспользовались съ тѣмъ, чтобы довести до окончанія конституцію имперіи. Никто вѣдь не можетъ заранее сказать: какія бури могутъ наступить въ ближайшемъ будущемъ, въ области иностранной политики или, вѣрнѣе, въ званія ея.

Хотя во всей справедливости считается заслугой канцлера, что Германія оставалась до сихъ поръ въ сторонѣ отъ восточнаго водоворота и благодѣтельно охраняла миръ всей Средней Европы, но никто не рѣшится утверждать, что въ настоящую минуту устранены всѣ опасности. Громадный переворотъ политическихъ государственныхъ отношеній на Востокѣ, который необходимо произведетъ настоящая война, сообщитъ необыкновенное движеніе и тревогу народамъ и государствамъ на всѣхъ концахъ земли, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, недовольство Англіи печальной ролью, какую она играла въ настоящей войнѣ, опасенія англійскихъ поли-

тиковъ за цѣлость ихъ острѣ-индскихъ владѣній и сознаніе великой военной слабости страны — послужать источникомъ продолжительныхъ смуть. Конечно, что касается Франціи, то тутъ совершился рѣшительный поворотъ къ лучшему, и войны „возмездія“ нельзя опасаться до тѣхъ поръ, пока большинство на сторонѣ республиканцевъ и они устанавливаютъ принципы правленія. Висмаркъ же всегда считалъ войну съ Франціей худшимъ зломъ, не изъ боязни войны, но отъ любви къ миру. За то отношенія между Германіей и Римомъ все еще въ прежнемъ видѣ, и нѣтъ никакой надежды, чтобы они измѣнились въ лучшему. Правда, много толкуютъ про то, что въ высшемъ духовенствѣ или, вѣрнѣе сказать, въ самой римской куріи замѣчается желаніе придти къ соглашенію; и что правительство и дружественныя съ нимъ партіи очень бы хотѣли выработать *modus vivendi*, но все это пока одни мечтанія, не имѣющія подъ собой твердой почвы. Какія послѣдствія возникнутъ перемѣна короли въ Италиі — это еще трудно сказать; французамъ очень испугала внезапная смерть Виктора-Эммануила, потому что этотъ послѣдній чувствовалъ личную, благодарную симпатію къ Франціи, — чувства, которыхъ его сынъ, во всей вѣрности, далеко не раздѣлялъ въ такой степени; кромѣ того, этотъ послѣдній очень дружитъ съ германскимъ кромъ-принцемъ, и всѣ понимаютъ, что такое обстоятельство скоро можетъ имѣть очень большое вліяніе на политику. Остается теперь еще Австрія, которая официально живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Германіей, но нельзя сказать, чтобы изъ отношеній этихъ двухъ странъ исчезло всякое облако. Въ Германіи опасенія возбуждаются относительно Австріи съ той стороны: какъ бы ультрамонтаны и военная придворная партія — которые всегда были и по самой природѣ вещей всегда будутъ самыми непримиримыми врагами Пруссіи — не взяли перевѣса. Въ Германіи также тяжело отзывается то обстоятельство, что борьба между Венгріей и Австріей, то-есть между Цисъ- и Трансъ-лейтаніей все не прекращается. Истинные интересы австро-венгерской монархіи жестоко страдаютъ отъ этого, и вѣнское могущество государства тоже сильно подрывается. Но не въ нѣмецкихъ интересахъ окончаніе этого процесса, такъ какъ, на-противъ того, при существующихъ обстоятельствахъ, Германія и Австрія имѣютъ всѣ причины взаимно поддерживать другъ друга. Въ этомъ отношеніи, величайшій интересъ представляетъ недавно появившаяся брошюра; въ ней сообщенъ разговоръ князя Висмарка съ г-мъ Криспи, происходившій въ прошломъ году въ Гантейнѣ, въ которомъ первый объявилъ второму, что итальянцы должны выкинуть у себя изъ головы мечту завладѣть Триестомъ, потому что Германія непремѣнно вступится за Австрію въ такомъ случаѣ, хотя бы

уже потому, что это нарушило бы интересы 8-ми миллионных нѣмцевъ, живущихъ въ Австріи.

Я считалъ необходимымъ присоединить къ моей корреспонденціи этотъ краткій обзоръ политическаго положенія, чтобы характеризовать настроеніе и надежды въ ближайшемъ будущемъ.

Не будучи пессимистомъ, я не могу не признать, что общее у всѣхъ чувство, это — недовольство существующимъ положеніемъ; большинство желаетъ скорѣе перемѣны во всѣхъ направленіяхъ, нежели дальнѣйшаго существованія порядка, который самъ по себѣ не невыносимъ, но кажется невыносимымъ. Важнымъ признакомъ является тотъ фактъ, что прогрессивная партія уже начала готовиться къ ближайшимъ выборамъ, которые произойдутъ только въ 1881 г. и что другія партіи намѣрены послѣдовать ея примѣру. Надо, конечно, принять, что нѣмецкая флегма и привычная безпечность политическихъ партій не допустятъ до настоящихъ, серьезныхъ приготовленій, и что истинная причина этого преждевременнаго усердія заключается въ опасеніи или, вѣрнѣе сказать, въ надеждѣ, что можетъ послѣдовать неожиданное распущеніе рейхстага или палаты депутатовъ. Не такое распущеніе, конечно, было бы не симптомомъ, но послѣдствіемъ катастрофы: въ томъ ли случаѣ, если бы удалось Бисмарку провести свои планы; или въ томъ случаѣ, если бы онъ потерялъ всякую надежду на проведеніе ихъ и удалился бы въ отставку, что, по мнѣнію его друзей, онъ сдѣлаетъ въ такомъ случаѣ, — разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто второстепеннымъ политикамъ, сажая затѣмъ напусту, но чтобы проводить дальше свою политику въ парламентѣ.

Я не стану разбирать въ подробностяхъ, какія бы послѣдствія произошли изъ того для Германіи и Пруссіи, — во всякомъ случаѣ Германія въ такомъ случаѣ взяла бы даже Францію интересомъ своей внутренней политики, если только до того времени социаль-демократамъ не удастся произвести свою революцію. Силы ихъ растутъ не по днямъ, а по часамъ, и особенно усилились вслѣдствіе весьма благонамѣренной, но крайне неополитичной мысли, а именно: основанія *христіанско-соціалистической* рабочей партіи, долженствующей противодѣйствовать социаль-демократамъ. Значителями этой партіи являются частью профессора и, разумѣется, изъ той партіи, которую зовутъ „Katheder-Socialisten“, частью евангелическое духовенство. Они соединились въ той идеѣ, что христіанство, съ его всеобъемлющей любовью, даетъ все то, чего желаютъ достигнуть социаль-демократы, и что государство и общество должны ревностнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, заняться экономическими и социальными реформами, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ

соціальной демократіи. Все это само по себѣ прекрасно, но уже новѣйшее экономическое движеніе вполне освободило рабочіе классы въ Германіи, необыкновенно какъ улучшило ихъ экономическое и соціальное положеніе, и всѣмъ этимъ прогрессомъ соціаль-демократы пользуются, чтобы предъявлять все большія и большія требованія и уже теперь упразднить новоземельную собственность, т.-е. они хотятъ сохранить частную собственность лишь въ томъ размѣрѣ, чтобы всякій имѣлъ свой домъ и свое плато, но чтобы вся земля, всѣ фабрики, весь капиталъ—были общими, и все производство принадлежало государству. Эти принципы совершенно громко высказываются въ ихъ сочиненіяхъ и на ихъ собраніяхъ. Конечно, собственники имѣютъ право защищаться отъ такихъ нападковъ на нихъ; но худшимъ способомъ защиты будетъ тотъ, когда защищающіеся объявляютъ: да! да! собственность въ самомъ дѣлѣ нуждается въ реформѣ, и разсуждать въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ возможны уступки соціаль-демократамъ, чтобы удовлетворить ихъ. А если ихъ нельзя удовлетворить? Каждая уступка, которую имъ дѣлаютъ, служить лишь поводомъ къ новому требованію. Въ этомъ-то и заключается ошибка „профессоровъ“. Ошибка духовенства заключается въ томъ, что оно воображаетъ, будто можетъ повліять путемъ религіи на соціаль-демократовъ, тогда какъ это совершенно невозможно. Вражда къ религіи составляетъ настоящее основаніе нашей соціальной демократіи, потому что она совершенно вѣрно понимаетъ, что должно убить вѣру въ будущую жизнь для того, чтобы подвинуть своихъ приверженцевъ на ожесточенную борьбу. Если будущей жизни не существуетъ, то нужно на землѣ воспользоваться всѣми радостями, какія только на ней доступны.

Одинъ изъ основателей *христіанско-соціалистической партіи*, придворный проповѣдникъ Штэкеръ, созвалъ недавно народное собраніе, чтобы обращать соціаль-демократовъ. Эти послѣдніе явились натурально въ громадномъ числѣ, и Мостъ, самый бойкій изъ ораторовъ соціаль-демократической партіи, возражалъ ему среди изступленнаго восторга толпы, отчаянными нападками на религію и на духовенство, и даже обратился противъ него знаменитыя слова, которыя въ Шиллеровской драмѣ Вильгельмъ Тель говоритъ напѣстнику Гесслеру передъ тѣмъ, чтобы направить въ него смертельную стрѣлу:

„Mach deine Rechnung mit dem Himmel Vogt!

„Fort musst Du, deine Uhr ist abgelaufen!“

Но, не удовольствовавшись этимъ, Мостъ немедленно перешелъ къ наступленію, и на-дняхъ читалъ лекцію о „печенствѣ“, въ которой убѣждалъ соціаль-демократовъ немедленно и en masse отдѣ-

литься отъ церкви. У дверей помѣщенія, гдѣ происходило это собраніе, находились списки, въ которые немедленно заносились заявленія пожелавшихъ отдѣлиться. Такъ какъ во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ у насъ нѣтъ ничего противозаконнаго, то власти не имѣютъ никакого повода выѣшиваться, и нельзя не согласиться послѣ того, что всѣ толки о стѣсненіи въ Пруссіи свободы довольно неосновательны.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 января, 1878.

Разноголосица въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ.

Въ тотъ самый моментъ, какъ я отсылалъ свое послѣднее письмо къ вамъ, 5 (17) октября, для ноябрьской книги, въ Лондонъ пришло извѣстіе о громкой побѣдѣ русскихъ на Аладжѣ-Дагѣ. То было какъ-бы мановеніе волшебнаго жезла, которымъ такъ сказать сняты чары съ русскихъ армій: съ этого дня онѣ переходили отъ побѣды къ побѣдѣ, и доблестная оборона Османа-паши только рельефнѣе оттънила его окончательное паденіе:

„A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire!“

— сказала великій французскій поэтъ; въ этомъ отношеніи нашимъ войскамъ нельзя было пожаловаться.

По зрѣломъ размышленіи я очень доволенъ, что окончилъ свою хронику до этой перемѣны счастья. Быть можетъ, подъ влияніемъ новаго оборота, какой приняли дѣла, я былъ бы склоненъ нѣсколько смягчить картину общественнаго мнѣнія, какою она представлялась послѣ первыхъ и серьезныхъ неудачъ въ Азіи и въ Европѣ; между тѣмъ, теперь мы получили вѣрную характеристику періода, соотвѣтствовавшаго нервнымъ событіямъ кампаніи.

Въ настоящее время—какая перемѣна! Въ Азіи: турецкая армія сокрушена, Карсъ взятъ приступомъ, Эрзерумъ—наканунѣ своего паденія. Въ Европѣ по сегодняшнее число: Плевна завоевана, София занята, Шинкинская армія плѣнена—вотъ непрерывные удары, обрушивающіеся въ послѣдніе три мѣсяца на голову Джона Була, разсѣявшіе его розовыя мечты и приведшіе его къ такому пессимизму, что онъ могъ бы порадовать приверженца Гартмана и Шопенгауэра. Я уже не разъ имѣлъ случай указывать на эти колебанія въ

нашимъ общественнымъ мнѣніемъ. Но никогда еще уныніе — скажемъ настоящее слово — страхъ не былъ такъ великъ. Я бы не повѣрилъ, что дѣло можетъ зайти такъ далеко въ этомъ направленіи: таково по крайней мѣрѣ поразительное, бесспорное впечатлѣніе настоящей минуты. Я настаиваю на временности этого явленія: невозможно, чтобы черезъ нѣсколько дней, когда разсѣется первая паника, англійскій народъ не вернулся къ сознанію если не своей силы, то своего достоинства.

Но самой выдающейся чертой въ положеніи дѣлъ въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ былъ антагонизмъ, все рѣзче и рѣзче выступавшій между различными членами кабинета. Не только маркизъ Сольсбери, но также — и въ особенности — лордъ Карнарвонъ, дошли до послѣдняго предѣла сопротивленія политической программѣ лорда Биконсфильда — политической программѣ, которую исполнѣн раздѣляетъ королева Викторія. Это пунктъ важный, отнынѣ всѣмъ извѣстный, и объясненіе которому будетъ дано ниже.

27 октября (9 ноября) на ежегодномъ банкетѣ лорда-мэра, первый министръ, говоря подъ впечатлѣніемъ первыхъ событій подъ Плевной, утверждалъ въ громкихъ выраженіяхъ о могуществѣ и жизненности Турціи. „Въ этомъ еще сомнѣвались годъ тому назадъ, — восклицалъ онъ, среди рукоплесканій, — и потѣшались надъ этимъ. Отнынѣ, каковы бы ни были превратности войны — а судьба сраженій такъ же измѣнчива, какъ фазы луны — независимость турецкой имперіи является бесспорнымъ фактомъ. Она подтверждена полу-милліономъ воиновъ, пожертвовавшихъ жизнью отечеству, безъ всякаго жалованья и вознагражденія... Впрочемъ, я не могу забыть, что въ началѣ настоящей войны, русскій императоръ съ великодушнѣмъ, такъ хорошо характеризующимъ возвышенность его характера, объявилъ, что единственная цѣль его заключается въ обеспеченіи безопасности и благосостоянія христіанскихъ подданныхъ Порты, и что по одному случаю онъ утверждалъ своей честью, какъ человѣкъ и императоръ, что онъ вовсе не помышляетъ о приобрѣтеніи территорій. Я не могу также забыть, что султанъ формально заявилъ о своемъ намѣреніи дать христіанамъ ту безопасность и то благосостояніе, которыхъ требуетъ для нихъ русскій императоръ. И, опираясь на эти двѣ деклараціи, исходящія отъ такихъ высшихъ авторитетовъ, высказанныхъ въ такихъ торжественныхъ и искреннихъ выраженіяхъ двумя государями, между которыми идетъ въ настоящее время борьба, я полагаю, что могу заключить, безъ того, чтобы меня обвинили въ дерзости, о вѣроятности мира“. И онъ прибавилъ, что безъ сомнѣнія недалеко время, когда „великія державы при-

мутъ участіе въ соглашеніи—такого характера, чтобы имъ обеспеченъ не только миръ, но и независимость Европы“.

Таковы были прологъ и такъ-сказать положеніе драмы, сдѣланное главнымъ авторомъ. Эта рѣчь, которую называли *юмористической*, была въ сущности и высокоумна, и дерзка, несмотря на кажущуюся умеренность формы. Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе о вѣстѣ Карса,—извѣстіе безусловно неожиданное и разразившееся, какъ ударъ грома. Самъ „Times“, вопреки своему оптимизму, былъ сначала оглушенъ имъ: и ему понадобилось время, чтобы оправиться. Припоминали славную оборону 1856 г., и казалось невѣроятнымъ, чтобы великая крѣпость Арменіи была повержена за одинъ штурмъ. Однако пришлось уступить передъ очевидностью, и вотъ когда нѣсколько обществъ и лигъ, стоящихъ за покровительство Турціи, послали делегатовъ въ *Foreign-Office*, съ цѣлью потребовать немедленнаго вмѣшательства ради британскихъ интересовъ, которымъ угрожаетъ опасность.

Отвѣтъ лорда Дербі этимъ депутаціямъ 17-го (29-го) ноября былъ подхваченъ всею европейскою прессой, и скажу сразу, что она сильно преувеличила значеніе деклараціи главы *Foreign Office*. Всего лучше будетъ представить, согласно нашему обыкновенію, главныя фразы на усмотрѣніе читателя. „Я не могу допустить,—сказалъ между прочимъ лордъ Дербі, намекая на спичъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ,—чтобы долина Евфрата была прямымъ путемъ сообщенія между Англіей и Индіей. Я думаю, что Суэзскій каналъ можетъ вполне удовлетворить всѣ наши потребности, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока мы можемъ имъ располагать безпрепятственно. Говорятъ, что этому пути можетъ угрожать большая опасность, если русскіе возьмутъ Трапезунтъ. Это, признаюсь, такое положеніе, которое еще требуетъ доказательства; и такъ какъ у меня нѣтъ подъ руками доказательствъ противнаго, то я прошу позволенія не высказывать пока своего сужденія. Другой джентльменъ говорилъ, что въ случаѣ, если бы афганцы объявили себя противъ насъ, можно опасаться, что все магометанское населеніе Индіи присоединится къ нимъ. Я не думаю, чтобы существовала такая неминуемая опасность... Третье замѣчаніе было сдѣлано однимъ изъ ораторовъ, по поводу настоящаго отношенія австрійскаго правительства, которое, будто бы, готово дѣйствовать, если мы сдѣлаемъ ему хотя слабое поощреніе. Я полагаю, что знаю объ этомъ больше, чѣмъ лица, постороннія этому министерству, и удовольствуюсь пока заявленіемъ, что я вполне расхожусь во взглядѣ съ тѣмъ, кто высказалъ это мнѣніе... Мы всѣ помнимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ министръ предпринималъ великую войну, единственно ради славы; онъ

объявить, что приступаетъ къ ней съ легкимъ сердцемъ; но онъ не вышелъ изъ этой войны съ легкимъ сердцемъ, ни онъ, ни его государь и ни его страна. Что до меня касается, то я, считая, что всякая война, которая не необходима, есть преступленіе, я того мнѣнія, что мы должны старательно избѣгать всякаго дѣйствія, всякаго слова, которое могло бы насъ вовлечь въ нее*.

Эта рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ рѣчью лорда Виконсфильда. Но если вникнуть въ истинное положеніе партій, если сообразить, что депутація требовала ни болѣе, ни менѣе какъ немедленнаго вѣдѣнія, то должно сознаться, что министерство и не могло дать другого отвѣта. Единственнымъ важнымъ пунктомъ въ этой рѣчи было отреченіе отъ знаменитой долины Евфрата, которую отнынѣ англійскіе государственные люди предоставляли ея влостчастной судьбѣ. Это происходило до паденія Плевны.

Въ это же самое время произошелъ интересный эпизодъ, который можетъ дать понятіе о возбужденіи, царствовавшемъ въ англійскомъ обществѣ по поводу настоящей войны: я говорю про гвалтъ, поднятый въ прессѣ и въ клубахъ Арчибалдомъ Форбесомъ. Этотъ корреспондентъ газеты „Daily News“, органа, какъ выражаются у насъ, руссофильскаго, прибылъ въ Лондонъ въ октябрѣ, проведя пять мѣсяцевъ съ русскими войсками на театрѣ войны, откуда онъ присылалъ тѣ трогательныя описанія, которыя останутся неизгладимымъ памятникомъ храбрости и дисциплины русскаго войска.

Немедленно по возвращеніи Форбесъ напечаталъ въ здѣшнемъ „XIX Вѣкѣ“ статью, въ которой говорилъ жесткія истинны русскимъ, туркамъ и болгарамъ. Что касается турокъ, то онъ, не колеблясь, признавалъ ихъ жестокость на полѣ битвы: онъ самъ видѣлъ, какъ башни-бузуки устремлялись на поле битвы, послѣ неудачнаго приступа, и доканчивали русскихъ плѣнныхъ, предоставленныхъ ихъ печальной судьбѣ.

Но въ то же самое время онъ отказывался свалить на однихъ турокъ всю отвѣтственность за послѣднія событія. „Постоянно старались умалить значеніе движенія, организованнаго, съ цѣлью возмущенія Болгарія,—говоритъ онъ,—но это мнѣніе не можетъ устоять передъ фактами“. Кромѣ того, онъ опрокидывался на болгаръ—„расу, созданную въ минуту разсѣянности творческой силы, если только не признать ее какъ опроверженіе дарвиновской теоріи, въ силу которой переживаетъ достойнѣйшія“. Онъ настаивалъ на ихъ благодѣяніи и утверждалъ, что „имъ хорошо съ турками, и не надо никакихъ избавителей“.

Тутъ уже выступилъ на сцену Гладстонъ, прозванный „дровосѣкомъ Гоуардена“. Что этотъ государственный человѣкъ проводитъ свои каникулы въ томъ, что рубить деревья въ своемъ паркѣ, вообра-

жая, безъ сомнѣнiя, что подѣлкаетъ само министерство Биконсфильда; что онъ принимаетъ депутацiю безъ сюртука и съ топоромъ въ рукѣ—противъ этого никто и ничего не можетъ возразить. Но что уже гораздо характеристичнѣе, это—пускать въ продажу свой фотографическiй портретъ въ этомъ странномъ видѣ. Но и это куда бы еще ни шло, а то вдругъ ему пришла злосчастная идея приписать къ спору Мидхата-пашу, и обвинить его ни болѣе, ни менѣе какъ въ убiйствѣ, соединенномъ съ самымъ подлымъ коварствомъ. Нѣкiй м-ръ Джесперъ Моръ, бывшiй нѣкогда членомъ парламента за Шропшайръ, написалъ книгу, озаглавленную: „Under the Balkans“, въ которой передаетъ слѣдующiй анекдотъ объ эксъ-великомъ визирѣ, который и припомнилъ Гладстонъ.

Этотъ м-ръ Моръ, находясь въ Болгарiи, обѣдалъ разъ у одного турецкаго полковника, — имени его онъ не приводитъ, — который разсказалъ ему слѣдующее: враги подговорили убiйцъ умертвить Мидхата-пашу за 25,000 піастровъ, а онъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ имъ 50,000 піастровъ съ тѣмъ, чтобы они убили его врага. Разбойники согласились, получили половину обѣщанной суммы, убили того надо и вернулись за остальными деньгами, но Мидхатъ арестовалъ ихъ, судилъ какъ убiйцъ и казнилъ.

12 декабря „Daily-Telegraph“ напечаталъ письмо Мидхата, изъ Неаполя, въ которомъ тотъ вѣжливо, но категорически, съ доказательствами, подтверждающими его слова, опровергалъ показанiя его противника. Послѣ этого Гладстонъ, честно, но безъ конфуза, взялъ назадъ свое обвиненiе и покаялся. Конечно, это лучшее, что онъ могъ сдѣлать, но можетъ ли быть болѣе жалкое зрѣлище, какъ зрѣлище общественнаго дѣятеля, поставившаго себя въ необходимость заявить о собственномъ легкомыслии или недобросовѣстности.

Тѣмъ временемъ пришло извѣстiе о взятiи Плевны. Хотя событiе это предвидѣлось, но оно тѣмъ не менѣе произвело сильное волненiе. И прежде всего появилось весьма искреннее чувство уваженiя къ Осману-пашѣ, доблести котораго отдавали справедливость сами противники.

И со всѣмъ тѣмъ, нашлись здѣсь люди, которые крайне легкомысленно отнеслись къ этому капитальному эпизоду настоящей войны. Въ тотъ самый день, какъ пришло въ Англiю извѣстiе о взятiи Плевны, военный мистеръ Гаторнъ Гарди говорилъ рѣчь въ Эдинбургѣ передъ консервативнымъ клубомъ шотландской столицы. Онъ похвалилъ въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ доблестное поведенiе Османа-паши и его соратниковъ, а на другой день—въ рѣчи, сказанной на митингѣ „консервативныхъ рабочихъ“, онъ подтвердилъ увѣренiя, уже неоднократно-высказываемыя правительствомъ. „Нѣ-

которыя лица, — говорили онъ, — утверждали, что миръ будетъ заключенъ безъ содѣйствія Англіи. Не вѣрьте этому, джентльмены! Англія — нація двойственная: она принадлежитъ и западу, и востоку. Ея интересы замѣшаны въ Средиземномъ морѣ, они замѣшаны въ Черномъ морѣ и въ Индіи. Ничего не можетъ быть невозможное окончательнаго мира, заключеннаго и подписаннаго безъ ея вѣдѣтельности въ рѣшительную минуту. Если, какъ я думаю, придется созвать всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ какой-нибудь интересъ въ устройствѣ восточныхъ дѣлъ, то Англія должна быть призвана — и съ нею выйдѣтъ вся Европа". То были, какъ видите, все тѣ же рѣчи: продолжали настаивать на *обмѣнахъ*, данномъ — созвать державы для окончательнаго устройства дѣлъ, какъ это всегда утверждалъ кабинетъ.

Но съ этой минуты выясняется новое движеніе. Три факта отмѣчаютъ его постепенныя перипетіи. Первый фактъ: обнародованіе 3-го тома біографіи принца Альберта (на первой недѣлѣ декабря жѣс.). Второй фактъ: визитъ королевы къ лорду Биконсфильду (15 декабря). Третій фактъ: преждевременное созваніе парламента (19 декабря). Событія быстро чередуются, и драма почти отличается единствомъ времени, отоль милымъ сердцу французамъ. Что касается единства дѣйствія, то оно почти безусловное, какъ объ этомъ можно судить.

Въ 1875 году появился первый томъ біографіи принца Альберта, написанной или, вѣрнѣе, скомпилированной Теодоромъ Мартиномъ, съ помощью документовъ, доставленныхъ королевой. Безъ сомнѣнія, надо винить случай или естественный ходъ событій, если этотъ 3-й томъ какъ-разъ посвященъ эпокѣ крымской войны и если патріотическое и анти-русское рвеніе прессы прерывается въ немъ на каждой страницѣ, самымъ компрометирующимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ хорошо-извѣстный культъ, которымъ королева окружала своего мужа, не менѣе ея собственныхъ писемъ, писанныхъ въ ту эпоху, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ характера ея теперешнихъ чувствъ. Достаточно привести то, что она писала, 18 ноября 1854 года послѣ Инкерманскаго сраженія, противъ русскихъ, которыхъ она обвиняетъ въ томъ, что они вели себя съ вѣнчающимъ варварствомъ. — „Многіе изъ нашихъ бѣдныхъ офицеровъ, — говоритъ она, — которые были только ранены, были безжалостно умерщвлены на мѣстѣ". Что подобное письмо было написано государыней, что оно было включено въ этотъ томъ, что этотъ томъ появился наканунѣ паденія Плевны — вотъ что враскорѣчнѣе вслѣдствіе памятнаго рѣшѣнія и не надо быть болдуномъ, чтобы вывести изъ этого выводы и узнать изнанку вещей.

Дѣло еще упрощается, когда вдова Альберта нѣсколько дней спустя отправляется не *именно*, но съ полнымъ парадомъ въ зѣ-

номъ Гугенденъ и завтракаетъ съ лордомъ Виконсфилдомъ. Безъ сомнѣнн, государь можетъ посѣтить своего перваго министра—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ обыкновенное время. Но при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ визитъ былъ перетолкованъ такъ, какъ и слѣдовало ожидать: въ виду событий, столь важныхъ, въ виду наружнаго отсутствія одной части націи и даже нѣкоторыхъ министровъ, королева сближалась съ главой кабинета и вѣсть съ своимъ содѣйствіемъ окружала его обаяніемъ своей личной поддержки. Нельзя болѣе въ этомъ сомнѣваться и остается только примириться съ этимъ фактомъ. Я не могу входить въ дальнѣйшія подробности: впрочемъ, факты, указанные выше, достаточно объясняютъ дѣло.

Упомяну еще объ эпизодѣ, касательно учрежденія новаго ордена *остъ-индской короны*. Въ началѣ нынѣшняго года королева, съ согласія лорда Виконсфилда, который очень любитъ этого рода „*ragant*“, учредила новый орденъ, предназначенный исключительно для дамъ: принцессы королевскаго дома, жены остъ-индскихъ принцевъ, родственницы высшихъ сановниковъ остъ-индской имперіи однѣ могутъ быть награждаемы имъ. Все это прелестно, конечно, съ точки зрѣнія моды и туалета и въ высшей степени новинно. Но опять всѣ замѣтили, что въ спискѣ орденскихъ дамъ герцогиня Единбургская поставлена была послѣдней, даже послѣ принцессы Беатрисы.

Черезъ четыре дня послѣ визита королевы къ лорду Виконсфилду, извѣстіе о созваніи парламента на 17 января разразилось, какъ бомба. Это вовсе не одна реторика: дѣло въ томъ, что въ этомъ преждевременномъ созваніи каждый увидѣлъ угрозу войны или по крайней мѣрѣ требованіе субсидій. Впрочемъ, надо быть справедливымъ и признать, что перспектива представлялась неблестящая. Одинъ фактъ, который можно было сначала счесть неважнымъ, выяснился самымъ неоспоримымъ образомъ: я говорю про союзъ трехъ императоровъ. Этотъ союзъ не только ослаблялся, но становился все тѣснѣе по мѣрѣ развитія событий: Германія рѣшительно стояла на сторонѣ побѣдоносной Россіи, и императорская и военная партія въ Австріи оказывалась слугою политики князя Бисмарка. Слѣдовательно, не приходилось рассчитывать на содѣйствіе Австро-Венгріи, между тѣмъ, что касается континента, то Англія изолированная равняется Англіи упраздненной. Въ нынѣшнія времена она почти всегда выходила побѣдоносной, но у ней всегда бывали одинъ или нѣсколько союзниковъ.

Но, по правдѣ сказать, не было никакого основанія предполагать, что правительство намѣрено въ одиночку пуститься на вооруженное вѣдѣтельство. На всякій случай и въ всякихъ личныхъ симпатіяхъ приходилось Англіи высказаться, подать признакъ жизни: большая

часть націи такъ это и понимала, и нельзя сказать, чтобы это служило въ ея чести. „Times“ въ своемъ номерѣ, отъ 5 января, являлся вѣрнымъ глашатаямъ этого уничтоженія. Каково! подумать только, что многочисленныя митинги собираются въ пользу мира! Значитъ, со стороны правительства существуютъ воинственные намѣренія. Но это ужасно! что тутъ толковать про честь, про британскіе интересы и все такое: вопросъ рѣшенъ, вся Европа осуждаетъ Турцію и одобряетъ наше новое отношеніе въ этомъ случаѣ.

Такъ или почти такъ разсуждалъ такъ-называемый органъ Сити.

Тѣмъ временемъ произошелъ эпизодъ съ лордомъ Карнарвономъ, министромъ колоній, рѣчь котораго бросила яркій свѣтъ на раздоры въ кабинетѣ. Отвѣчая депутатамъ негодіантовъ, явившихся разспросить его о событіяхъ, происходящихъ въ настоящую минуту на Мысѣ Доброй-Надежды, министръ, не колеблясь, пустился разсуждать о восточномъ вопросѣ: „Я надѣюсь во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что мы не будемъ подстрекать себя по поводу такъ-называемой британской чести и британскихъ интересовъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ, я никогда не слыхалъ ни одного слова, ни одного намека даже про англійскую честь; а что касается британскихъ интересовъ, то мы дѣйствовали какъ свѣтскіе люди, умѣющіе различать существенныя и серьезныя отъ второстепенныхъ.“

„Я надѣюсь также, что русское правительство и русская нація не забудутъ, что имѣющіяся въ виду мѣры касаются не однихъ только воюющихъ сторонъ. Онѣ интересуютъ всю Европу. И какъ членъ великой европейской семьи, мы не только имѣемъ право быть выслушанными, но необходимо, чтобы насъ выслушали въ рѣшительный моментъ. Все это мнѣ кажется легко примирить, лишь бы съ обѣихъ сторонъ выказали нѣкоторую умѣренность. Большинство тѣхъ, кто адѣсь присутствуетъ, помнитъ начало крымской войны. Мы помнимъ какъ съ одной стороны, Россія, въ силу обманчивой иллюзіи, съ другой стороны наша страна, вслѣдствіе крайняго возбужденія, были увлечены въ войну. Я очень сомнѣваюсь, чтобы въ настоящее время нашлось много людей, которые бы съ удовольствіемъ вспоминали объ этомъ событіи, и я увѣренъ, что не найдется такихъ безумцевъ, которые желали бы его повторенія“.

Мы неоднократно намекали на разногласіе, существующее въ сентъ-джермскомъ кабинетѣ: то былъ очевидный и бесспорный фактъ. Но никогда бы никто не подумалъ, что дѣло могло зайти такъ далеко, чтобы членъ этого кабинета могъ высказаться такъ рѣзко, почти грубо, противъ большинства своихъ собратьевъ. Можно представить себѣ, какую гримасу сдѣлалъ лордъ Биконсфильдъ въ виду этого неожиданнаго сюрприза. И не только первому министру досталось,

но и съ королевой тоже не поцеремонились и предложили ей вернуться къ своей „прелез“, вмѣстѣ съ 3-имъ томомъ біографіи принца Альберта.

Тѣмъ временемъ восточный вопросъ вступилъ въ новую фазу: дипломатія снова выступила впередъ — очень скромно, какъ мы знаемъ. Послѣ паденія Плевны Турція обратилась къ коллективному милосердію великихъ державъ. Отверженная всѣми, она обратилась въ Англію, которая, не колеблясь, вступилась за свою старую соопатницу. Держась буквы трактатовъ, Турція имѣла полное основаніе обратиться къ державамъ. По статьѣ 6 парижскаго трактата—статьѣ, неотмѣненной конвенціей 13 марта 1871 г.—шесть державъ гарантировали территоріальную неприкосновенность турецкой имперіи, утверждая, что онѣ будутъ считать вопросомъ общаго интереса всякое дѣйствіе, являющееся нанести ей ущербъ. Англійская публичка не забыла ноту лорда Дерби, отъ 6 прошлаго мая, которою онъ напоминалъ Россіи, что она не уполномочена дѣйствовать отъ имени Европы.

Но съ трактатами—та же исторія, что и съ контрактами между частными лицами: они дѣйствительно лишь настолько, насколько договаривающіяся стороны имѣютъ силу заставить ихъ уважать. Такъ ведется исполонъ вѣку, и вмѣсто того, чтобы распространяться въ сантиментальныхъ декламаціяхъ на эту тему, лучше сдѣлали бы, если бы принимались изучать научныя условія общественныхъ отношеній, равно какъ и отношеній одного народа къ другому. Въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ Турція безсильна, а великія державы—равнодушны, Англія слѣдуетъ самой заботиться объ интересахъ, которые ей близки.

Поэтому сенъ-джемскій кабинетъ поспѣшилъ предложить свое посредничество Петербургу. Но затѣмъ сталъ выѣзжать на словахъ послѣ неуспѣха этой попытки, и утверждать, что дѣло шло о простой услугѣ, лишенной всякаго officialнаго характера: кабинетъ взялъ на себя порученіе Турціи и ему не удалось его выполнить—вотъ и все.

Назовемъ вещи ихъ именами: англійское правительство въ самомъ дѣлѣ предлагало свое посредничество Россіи и получило отъ нея самый категорическій отказъ, вмѣсто подарка на новый годъ.

Въ то же самое время, какъ правительству нанесенъ былъ этотъ ударъ прямо въ грудь, митинги въ пользу мира замѣчательно учащались. Тутъ дѣйствовали—не надо этого забывать—все тѣ же либеральныя ассоціаціи, разсѣяныя по всей странѣ и уже годъ тому назадъ выступившія на сцену, по призыву Гладстона. Но въ настоящее время нельзя закрывать глаза на слѣдующее обстоятельство:

теперь уже не прощски партій, теперь уже всѣ затронутые интересы, повидимому, сбѣгаются въ лагерь Гладстона. Я говорю „повидимому“—и настаиваю на этомъ, потому что послѣднее слово еще не было произнесено. Страна находится въ полномъ броженіи. Я вижу среди гвалта—и нескоро мнѣ можно будетъ отгнѣтить опредѣленные признаки чего-нибудь устойчиваго въ этомъ движеніи назадъ, совершаемомъ въ порывѣ страха.

По правдѣ сказать, это движеніе достигло своего апогея съ рѣчь Джона Брайта въ Вирмингемѣ. Но этотъ ветеранъ лиги мира, другъ Кобдена, оставался по крайней мѣрѣ вѣренъ своей роли, проповѣдая своимъ соотечественникамъ политикѣ не-вышпательства. „Въ этой залѣ,—сказалъ онъ между прочимъ,—есть много людей, которые, конечно, помнятъ, какъ тотъ же самый вопросъ былъ повергнутъ на обсужденіе народа 23 года тому назадъ. Въ 1854 г. былъ поднятъ точъ-въ-точъ такой же вопросъ, какъ и теперь. Въ ту эпоху народъ рѣшилъ воевать. Онъ пошелъ на буксиръ правительства, которое безумно,—какъ я думалъ тогда и многіе теперь раздѣляютъ мое мнѣніе—увлекло его въ случайности борьбы. Я читалъ недавно одинъ вліятельный журналъ, оплакивавшій ослѣпленіе нѣкоторыхъ лицъ и укорявшій ихъ въ томъ, что они все ссылаются на ту отдаленную эпоху, говоря, что обстоятельства совершенно измѣнились и что люди, бывшіе приверженцами войны въ ту эпоху, осуждаютъ ее нынѣ съ такимъ же основаніемъ. Я же полагаю, съ своей стороны, что аргументы въ пользу войны такъ же сильны въ настоящее время, какъ они были въ 1854 г.—и такъ какъ я считаю, что ни одинъ изъ этихъ аргументовъ не былъ справедливъ въ ту пору, то и не вижу, чтобы существовали нынѣ разумныя причины вовлекать націю въ борьбу“.

Ораторъ заключилъ слѣдующими словами:

„Возьмите какую-хотите серьезную исторію нашего края, со времени Вильгельма III и до нашихъ дней, и вы увидите, что войны всегда вызывались и поддерживались посредствомъ аргументовъ, за которые впоследствии морили другъ друга, что ихъ одобрили. То пустякъ въ ходъ хитрую фразу, въ родѣ „европейское равновѣсіе“, родъ фантома, за которымъ гонялось правительство нашего края въ продолженіи двухъ столѣтій, никогда не будучи въ состояніи уловить его. То набросается на другое выраженіе, въ родѣ „британскихъ интересовъ“, которое въ ходу теперь. Лордъ Дерби произнесъ самое мудрое слово, какое только исходило изъ устъ современнаго министра, когда онъ объявилъ, что величайшій изъ британскихъ интересовъ—это миръ! И на сотняхъ митинговъ утверждали ту же истину,

и въ тысячи семействахъ мужчины и женщины думаютъ то же самое (*Продолжительная рукоплесканія*). Я счастливъ, что вижу передъ собой это громадное собраніе въ этомъ величественномъ зданіи, посвященномъ миру и свободѣ. Васъ здѣсь собралось тысячи, и вы представляете миллионы, находящіеся внѣ этихъ стѣнъ. Соединитъ свои голоса въ единодушную резолюцію, и выразимъ желаніе, чтобы перечень кровавыхъ событій въ нашихъ лѣтонисяхъ былъ заключенъ, и чтобы мы могли начать новую страницу, гдѣ этикетъ и на-вѣнъ было вписано благословенное посланіе милосердія и мира“.

Все это прекрасно — и я охотно обѣими руками подписался бы подъ этикетъ — но, увы! все это рѣчь, рѣчи человѣка, говорившаго недавно одному изъ моихъ пріятелей, отъ котораго я это слышалъ: „въ сущности, я предаю все въ руки Всемогущаго Творца, который сдумаетъ направить событія къ лучшему“. Это, конечно, очень благочестиво, но не для всѣхъ убѣдительно.

Говоря, что рѣчь Джона Брайта (сказанная 1¹/₂ января), была кульминаціоннымъ пунктомъ движенія за то, что я назову „миромъ во что бы то ни стало“, я забылъ про статью „Times“, напечатанную того же числа и превосходящую все, что можно вообразить. Извѣстно, что не разъ толковалось о приобрѣтеніи Египта Англіею въ виду возможныхъ случайностей. Ваддингтонъ, теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, находясь недавно въ Лондонѣ, говорилъ въ нѣкоторыхъ салонахъ про сношенія, которыя всегда существовали между Франціей и Египтомъ. Послѣ этого, съ „Times“ вдругъ дѣлается припадокъ страха. Пусть ему не говорятъ больше о приобрѣтеніи Египта: на что его, Творецъ небесный! и каковъ будетъ результатъ этого приобрѣтенія? „Французы намъ не простятъ его, и мы лишимся нашего послѣдняго политическаго друга въ Европѣ. Говорили, что если укрѣпить оба конца Суэскаго канала, то дорога въ Индію будетъ обезпечена. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе: это послужитъ, напротивъ того, новымъ источникомъ подозрѣній и тревоги. Тулонъ скорѣе сталъ бы опаснѣе самаго Константинополя, ставшаго русскимъ городомъ и пр. и пр.“

Всѣ эти странныя заявленія дѣлались какъ-разъ въ моментъ отказа Россіи принять англійское посредничество, и раздавались все громче и громче, по мѣрѣ сокрушительнаго движенія русскихъ арій черезъ Балканы. Между тѣмъ, правительство королевы старалось мужественно перенести неудачу: оно передало Портъ отвѣтъ Россіи и посоветовало ей обратиться къ командующимъ непріятельской аріей, чтобы добиться перемирія, а такъ какъ петербургское правительство требовало, чтобы въ то же самое время и непосредственно обсужда-

лись предварительныя условія мира, — то чтобы Порта приняла, не обинуясь, и эти условія.

Вотъ тогда-то „Pall-Mall-Gazette“ высказалась о положеніи дѣлъ: „на-счетъ положенія, въ какомъ стоитъ Англія къ войнѣ и къ Европѣ, можетъ быть только одно мнѣніе: она смѣшна“ (№ 1/1 января).

Начиная съ этого момента, и въ то самое время, какъ я это пишу, въ общественномъ мнѣніи произошелъ большой переворотъ. Митинги продолжаютъ, но согласіе на нихъ царить не такое уже безусловное. Уже 29-го декабря (10-го января) многочисленное собраніе происходило въ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ, чтобы выслушать м-ра Бортунка, редактора „Morning-Post“, весьма известной во времена лорда Пальмерстона газеты. Герцогъ Сетерлендъ предсѣдательствовалъ на этомъ собраніи, и въ числѣ присутствующихъ находился членъ королевской фамиліи, герцогъ де-Текъ. Ораторъ, среди рукоплесканій собранія, заключилъ, что надо, если не воевать — чего никто не желаетъ — то, по крайней мѣрѣ, держать себя мужественно и съ чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы спасти честь и вмѣстѣ съ тѣмъ — и интересы Англіи.

Но это еще не много доказываетъ, такъ какъ собраніе состояло изъ консерваторовъ, друзей министерства, а согласія въ министерствѣ совсѣмъ не существуетъ. Но что гораздо серьезнѣе, такъ это то, что на митингѣ, созванномъ немного спустя экономистомъ и приверженцемъ Гладстона, Фоусетомъ, произошла разногласица — и довольно энергическая. Раздавались возгласы противъ политики мира во что бы то ни стало.

Дѣла приняли еще болѣе рѣшительный поворотъ вчера вечеромъ, 4/1 января, по случаю вышительной мирной демонстраціи, организованной въ громадной концертной залѣ, известной подъ названіемъ Эксетеръ-Голла, на Страндѣ. Ораторомъ былъ Мунделла, прелестный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, бывшій когда-то рабочимъ, теперь богатый негоціантъ Ноттингема и членъ парламента отъ Шеффилда. Митингъ созванъ былъ, по крайней мѣрѣ официально, „представителями рабочихъ метрополіи“. Нѣсколько чертъ, выхваченныхъ изъ самаго митинга, дадутъ, какъ мнѣ кажется, вѣрное понятіе о возбужденіи, царствующемъ въ настоящую минуту въ политической атмосферѣ Лондона.

Ораторъ говоритъ, что онъ никогда не видывалъ „столь дружныхъ голосовъ и рукъ въ этой странѣ, какъ въ вопросѣ о нейтралитетѣ“ (*Голосъ изъ толпы*: да! но не во что бы то ни стало). Безъ сомнѣнія; но никто не желаетъ жертвовать кровью и деньгами на пользу кроваваго деспотизма (*Рукоплесканія*). Всѣ презираютъ

изступленныя разглагольствованія какъ Сѣтерленда, такъ и „Daily Telegraph“ (*Новыя рукоплесканія*). И всѣ счастливы, видя, что между правительствомъ есть истинные англичане, какъ лордъ Карнарвонъ (*Рукоплесканія*) — люди честные, добросовѣстные, умные, — люди, искренно заботящіеся объ интересахъ Англіи. Я не думаю, чтобы въ какой-либо партіи: виговъ, тори и радикаловъ, существовалъ человекъ съ болѣе англійской душой, чѣмъ лордъ Карнарвонъ. И нѣтъ другого — за исключеніемъ Гладстона — который бы былъ болѣе популяренъ, и это благодаря его честнымъ, мужественнымъ, откровеннымъ рѣчамъ, (*Рукоплесканія. Голосъ изъ толпы: — а лордъ Биконсфильдъ?*) Это нѣтъ, — возражаетъ ораторъ, — мы не будемъ упоминать, хотя довольно часто о немъ думаемъ, и хотя тотъ, кто его носитъ, заставляетъ насъ дорого платиться за него (*Омъхъ и рукоплесканія*).

Слѣдуютъ обычное предложеніе и рѣчи въ подтвержденіе его, какъ вдругъ одинъ, затѣмъ два оратора смѣняютъ другъ друга на трибунѣ, рекомендуя парламенту не забывать про интересы и честь Англіи. Вслѣдъ за этимъ поднимается большой шумъ, крики, борьба, такъ какъ окончательнымъ результатомъ должно быть необходимое торжество организаторовъ митинга.

Но въ то время какъ внутри зданія стоитъ стонъ, у дверей его происходитъ драка. Нѣсколько сотенъ лицъ, которыя не нашли себѣ доступа, оказываются рѣшительными противниками „мира во что бы то ни стало“. И вотъ поспѣшно организуется импровизированный митингъ, избирается президентъ, и этотъ митингъ, происходящій на улицѣ, и которому благопріятствуетъ исключительно хорошая погода, вотируетъ поздравительный и благодарственный адресъ первому министру. Немедленно и безъ передышки устраивается процессія и толпа, постоянно возрастающая на пути, идетъ, распѣвая „Rule Britannia“ черезъ Страндъ и Трафальгаръ-Скверъ до Foreign-Office, гдѣ лордъ Биконсфильдъ бесѣдуетъ со своими друзьями изъ министерства и палаты лордовъ. Къ нему является депутація, сообщаетъ о своей цѣли, выслушиваетъ обычную благодарность, и каждый возвращается къ себѣ, послѣ этой небольшой кампаніи, столь живо совершенной.

Въ тотъ же самый вечеръ происходитъ другой митингъ въ Уаллис-Румъ за „свободную навигацію по Дарданелламъ и Босфору“. Новые крики, новый гвалтъ, среди котораго поэтъ Моррисъ, авторъ „Earthly Paradise“ объявилъ, что лордъ Биконсфильдъ рѣшительно не талантливый человекъ; онъ представляетъ собою одно лишь „гальваническое подражаніе“ талантливому человеку: — все это въ перемѣшку со свистами и контръ-свистами, привѣтствіями и контръ-

привѣтствіями въ честь Гладстона, „Daily-Telegraph“ и лорда Бивенс-Филльда.

Вотъ на чемъ остановились дѣла. Прибавимъ, что кажушаяся перемиѣна въ отношеніи Австріи нѣсколько ободрила умы. Впрочемъ, новторая, оппозиція Гладстона утратила свою силу; въ случаѣ, если кабинетъ потребуе субсидій, то онъ можетъ разсчитывать на большинство. Я не вѣрю въ распушеніе, а знаю по крайней мѣрѣ изъ вѣрнаго источника, что правительство наводило справки по этому поводу, и его агенты увѣрили его, что оно можетъ разсчитывать въ этомъ случаѣ на новое и внушительное большинство. Конечно, они могутъ ошибаться, но это имъ невыгодно, а потому слѣдуетъ вѣрять ихъ отчетамъ.

Но въ ожиданіи тронной рѣчи королевы, я долженъ сообщить кое-какія подробности о военныхъ событіяхъ, совершающихся въ колоніяхъ. Не слѣдуетъ преувеличивать ихъ, какъ это дѣлалось во время недавнихъ затрудненій, встрѣченныхъ англійскимъ правительствомъ на западной границѣ Индіи. Извѣстно, что тамъ, на границахъ Пенджаба и Афганистана, живутъ вольныя, горныя племена, не признающія ничего владычества надъ собой. Со времени присоединенія Пенджаба въ 1849 г. и по 1870 г. англійской арміи пришлось выдержать не менѣе двадцати-трехъ небольшихъ войнъ съ этими горными племенами, въ числѣ ихъ отличаются африди, главнымъ образомъ въ сосѣдствѣ „Kohat-pass“. Въ 1876 г. это беспокойное племя вызвало цѣлый рядъ новыхъ экспедицій противъ него.

Не успѣли усаеомиться эти волненія, какъ въ августѣ мѣсяцѣ 1877 г. джавакъ, незначительная отрасль африди, предприняли цѣлый рядъ нападеній на границу. Ущелья Когата стали безусловно непроходимыми. Безпорядокъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта въ октябрѣ мѣсяцѣ, и пришлось послать экспедицію подъ начальствомъ генерала Кей, чтобы положить конецъ положенію дѣлъ, ставшемуся нестерпимымъ. Въ настоящее время все спокойно, но крайней мѣрѣ на время.

Но чтó гораздо важнѣе, такъ это предполагаемая причина этихъ волненій. Кажется, что образъ дѣйствія Англіи въ русско-турецкую войну не особенно понравился мусульманамъ Средней Азіи и, несмотря на титулъ „Падишаха Индіи“, принятый королевой Викторіей, афганистанскій амиръ отказывался до сихъ поръ смотрѣть на англичанъ, какъ на друзей и покровителей его вѣры. Это онъ, по сказанію нѣкоторыхъ лицъ, подстрекнулъ послѣдніе безпорядки. Дѣло не невозможное, хотя можно объяснить и болѣе естественными причи-

нами возмущеніе этихъ непокорныхъ племенъ, съ которыми Англіи такъ часто приходилось воевать.

Съ другой стороны несомнѣнно, что слегка задирающая политика лорда Литтона произвела неблагопріятное впечатлѣніе на Ширъ-Али. Новый вице-король Индіи, прибывшій туда въ 1876 г., совсѣмъ во вкусъ своего покровителя и друга лорда Биконсфильда. Его стараніями заключенъ новый договоръ съ ханомъ Келета, и городъ Кветта, на границахъ Афганистана и Белуджистана, вотъ уже годъ какъ занятъ англійскими войсками. Эти факты стали обсуждаться въ прессѣ совсѣмъ недавно: мы будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ въ другой разъ и изложить съ необходимыми подробностями. Замѣтимъ только, что Кветта находится непосредственно на англійской границѣ, при входѣ въ Боланскій проходъ, который составляетъ настоящій ключъ къ Индостану.

Я буду также кратко относительно дѣлъ южной Африки. Присоединеніе Трансваальской республики, до сихъ поръ, не принесло счастья Англіи. Въ концѣ сентября мѣсяца возмутилось племя кафровъ Галека и подъ предводительствомъ престарѣлаго короля Крели вступило въ открытую борьбу съ вооруженной силой колоніи. Съ ней довольно легко справились. Но вотъ другое племя, Ганки, которое давно уже вело себя смирно, — теперь грозитъ возмутиться. Эти туземцы вооружены хорошими ружьями, и имъ вполне хорошо знакомы слабыя оборонительныя средства ихъ противниковъ. Опасаются общаго возстанія кафровъ, и сэръ Бартъ Фриръ, губернаторъ Миса Доброй-Надежды, объявилъ недавно, что колонія подвергается величайшей опасности.

...Наконецъ-то! общее ожиданіе удовлетворено. Прежде чѣмъ окончить это письмо, я хотѣлъ узнать рѣшеніе правительства королевы. Сегодня, въ тотъ самый моментъ, какъ совершились въ Римѣ похороны короля Виктора-Эммануила, англійскій парламентъ открывалъ одну изъ самыхъ важныхъ сессій, происходившихъ за послѣдніе годы. Читатели „Вѣстника“ будутъ знать результатъ ее задолго до того, какъ эти строки попадутся имъ на глаза, но не лишнее будетъ отвести мѣсто на этихъ страницахъ самому тексту рѣчи, которой, быть можетъ, предоставлено занимать важное мѣсто въ исторіи. Вотъ главное мѣсто въ рѣчи королевы:

„До сихъ поръ, въ ходѣ событій, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не нарушила условій, на которыхъ опирается мой нейтралитетъ, и я хочу думать, что обѣ стороны намѣреваются уважать ихъ, насколько то въ ихъ власти. До тѣхъ поръ, пока эти условія не будутъ нарушены, мое поведеніе не измѣнится. Но я не могу скры-

вать отъ себя, что въ случаѣ, если бы враждебныя дѣйствія, къ несчастію, затнулись, можетъ случиться, что какое-нибудь неожиданное событіе не наложитъ на меня обязанности принять мѣры предосторожности. Такія мѣры не могутъ быть приняты безъ необходимыхъ приготовленій, и я рассчитываю на щедрость моего парламента, чтобы имѣть необходимые ресурсы на этотъ предметъ".

Таково послѣднее слово, вложенное лордомъ Вилксфильдомъ въ уста государыни, которую онъ прославлялъ во время оно какъ „королеву, царствующую надъ землей, которой не могъ завоевать великій македонецъ,—надъ континентомъ, о существованіи котораго не подозрѣвалъ самъ Колумбъ,—королеву всѣхъ морей и націй, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ свѣта" ¹⁾.

R.

¹⁾ „Sybill, or the two nations“, by B. d'Israeli. Book. 1, chapt. 6.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 января, 1878.

XXXIII.

НАШИ СОВРЕМЕННЫЕ ПОЭТЫ.

I.

Я никогда еще не бесѣдовалъ съ вами о нашихъ современныхъ поэтахъ, а они между тѣмъ заслуживаютъ вниманія. Конечно, романисты занимаютъ въ настоящее время первенствующее мѣсто въ литературѣ. Но поэты, хотя не производятъ такого шума и занимаютъ болѣе скромное мѣсто въ симпатіяхъ публики, представляютъ однако тотъ интересъ, что почти всѣ они имѣютъ весьма опредѣленное положеніе и ихъ очень легко классифицировать. Изучая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаешь все движеніе французской поэзіи съ самаго начала столѣтія.

Общій характеръ современныхъ поэтовъ — я говорю о тѣхъ, которыми теперь лѣтъ отъ 30 до 40 — полное отсутствіе личной оригинальности. Всѣ они представляютъ отблескъ своихъ старшихъ братьевъ 1830 г., и едва ли кто изъ нихъ прибавилъ къ нимъ свою собственную небольшую черточку. Романтизмъ безконечно продолжается въ нихъ, и они остаются запоздалымъ хвостомъ. Извѣстно, какой переворотъ совершился въ романѣ. Вслѣдъ за Бальзакомъ молодые романисты устремились наблюдать жизнь и каждый изъ нихъ дѣлалъ свои открытія, придерживаясь одного и того же метода анализа. Поэтому мы далеко ушли отъ „Notre-Dame de Paris“ и другихъ романовъ романтическаго періода. Мы здѣсь находимся въ полномъ разгарѣ натурализма. По причинамъ, объяснить которыя было бы легко, поэзія должна была остаться назади, и мы все еще живемъ преданіями „Feuilles d'automne“ и „Orientales“.

Припомнимъ, какимъ удивительнымъ блескомъ засверкали стихи Виктора Гюго при ихъ появленіи. То былъ какъ-бы новый расцвѣтъ нашей національной литературы. Лирическая поэзія была намъ незнакома. У насъ были только хоры Расина и оды Жанъ-Батиста Руссо, которыя въ настоящее время кажутся намъ такими холодными и напыщенными. Поэтому впечатлѣніе, произведенное на образованную молодежь, было громадное, и это впечатлѣніе не стерлось до сихъ поръ. Кажется невозможнымъ, чтобы въ непродолжительномъ

отъ насъ времени выросло новое растеніе на нашей литературной почвѣ, въ тѣни громаднаго дуба, насажденнаго Викторомъ Гюго. Этотъ дубъ романтической лирики распространяетъ свои вѣтви во всѣ концы вселенной, покрываетъ собою всю землю, наполняетъ небо, и нѣтъ ни одного поэта, который бы не приходилъ мечтать подъ нимъ и не уносилъ въ ухахъ пѣніе его птицъ. Роковымъ образомъ эти начинающіе голоса повторяютъ ту же музыку. Нѣтъ мѣста для другихъ пѣсней въ воздухѣ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ можно думать, что единственный поэтический языкъ — это языкъ Виктора Гюго. Когда какая-нибудь эпоха получить такое глубокое и сильное впечатлѣніе, то послѣдующія поколѣнія страдаютъ отъ того и дѣлаютъ продолжительныя усилія, прежде нежели освободятся и получить возможность свободно располагать своими творческими способностями.

Повторяю, только въ поэзіи Викторъ Гюго царитъ безусловно. Въ театрѣ и въ романѣ вліяніе его никогда не было сильно, а теперь стало ничтожно. Надо сказать, что и самъ онъ исключительно лирической поэтѣ: въ этомъ заключается его гений и его право на бессмертіе. Но надо прибавить, что если проза отличается гибкостью, позволяющей ей быть по преимуществу орудіемъ нашей новѣйшей цивилизаціи, то поэзія по характеру своему консервативна, и для нея не легко представить себѣ переворота въ натуралистическомъ духѣ. Видѣ двухъ извѣстныхъ формулъ: классической и романтической, нельзя еще вообразить, чѣмъ она могла бы быть. Это обезпечиваетъ долгое царствованіе Виктора Гюго. Никакъ нельзя вернуться къ напыщеннымъ и холоднымъ стихамъ трагедій, и всѣ предпочитаютъ оставаться вѣрными блистательной фантазіи оды. И едва-едва кто изъ диссидентовъ ищетъ тропинку, чтобы уклониться отъ общаго кортежа, покорно слѣдующаго за авторомъ „*Légende des Siècles*“.

Между тѣмъ было бы ошибочно думать, что вліяніе Виктора Гюго одно пользуется безспорнымъ авторитетомъ. У Альфреда де-Мюссэ тоже свои почитатели, — я говорю не про читателей, но про послѣдователей. Извѣстно, какинъ успѣхомъ пользовались стихотворенія Альфреда де-Мюссэ, двадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти поэта. При жизни онъ былъ извѣстенъ однимъ избраннымъ. Позднѣ женщины и молодые люди какъ-бы вновь открыли его. „*Premières poésies*“ и „*Poésies nouvelles*“ расходились въ громадномъ количествѣ. Въ провинціи въ особенности, въ самыхъ маленькихъ городкахъ не найти было ни одной молодой женщины, ни одного юноши, у которыхъ бы не водилось этихъ двухъ книгъ. Понятно, какъ велика должна была быть популярность поэта. Онъ отвѣчалъ общему настроенію умовъ, потребности жить и любить; люди, которыхъ тревожила торжественность и вѣчные стоны Виктора Гюго, находили у Альфреда де-Мюссэ

прекрасный и глубокий отголосок драмъ, пережитыхъ ихъ собственнымъ сердцемъ; и я не имѣю при этомъ въ виду тонкій и по преимуществу французскій талантъ поэта, его трогательный здравый смыслъ, его искреннія и безыскусственные слезы. Совсѣмъ тѣмъ послѣдователей было мало; Викторъ Гюго, находившійся тогда въ изгнаніи, на своемъ колоссальномъ пьедесталѣ утесовъ Гернсея, царилъ безусловно. Мюссэ много читали, но ему не подражали. Гораздо уже позднѣе послѣдователи Мюссэ водрузили свое знамя напротивъ знамени послѣдователей Гюго. Въ настоящее время арена открыта.

Что меня удивляетъ—это забвеніе, которое мало-по-малу окутываетъ всего Ламартина. Онъ пришелъ первымъ: когда появились „Méditations“, всѣмъ показалось, что съ неба раздался голосъ. Романтическая поэзія народилась въ эту эпоху. Онъ былъ ея предвозвѣстникомъ, ея истиннымъ творцомъ. И какой восторгъ возбуждалъ онъ! Миѣ стоить только вызвать свои юношескія воспоминанія, чтобы отыскать мѣсто, какое Ламартинъ занималъ въ сердцахъ. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ; съ нимъ такъ хорошо мечталось. Викторомъ Гюго восхищались, но любили Ламартина. За него были всѣ женщины и его допускали даже въ пансіоны и въ монастыри. Онъ пошелъ подъ подушкой, открывалъ для самыхъ чистыхъ душъ путь въ идеальной любви. Самое его имя, такое нѣжное, какъ-бы ласкало. Можно сказать, что онъ игралъ роль въ любви всѣхъ людей того времени, потому что онъ создалъ свою собственную манеру любить и мечтать, и влюбленные той эпохи пользовались его стихами для выраженія своихъ чувствъ. И что-жъ! этого-то человѣка совсѣмъ перестали читать! Онъ, который, казалось, такъ глубоко внѣдрился въ сердце націй, онъ испарился изъ него въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, да такъ незамѣтно, постепенно, что невольно дивишься этому факту. Не знаю, сохранилъ ли онъ любовь молодыхъ дѣвушекъ въ пансіонахъ и въ семьяхъ; лѣтъ десять тому назадъ его имя находило себѣ убѣжище тамъ, но я подозреваю, что въ настоящее время онъ изгнанъ и оттуда. Его не упоминаютъ больше въ литературныхъ бесѣдахъ; миѣ не случается прочесть его имя и разъ въ мѣсяцъ въ журналахъ; наконецъ, сочиненія его идутъ очень худо. Я только свидѣтельствую эту неблагодарность публики, я не произношу о ней сужденія. Къ тому же, это забвеніе понятно. Поэзія Ламартина была просто-на-просто музыкой, мелодической фразой. Она убаюкивала и восхищала. Что касается содержанія, то оно заключалось въ жалобѣ, въ покорномъ отчаяніи, сказавшемся на другой день послѣ великаго переворота, произведеннаго революціей и войнами первой имперіи. Чувствуешь, насколько эта музыка должна была трогать современниковъ. Но времена перемѣнились, мы вступили въ эпоху дѣй-

ствія, и неудивительно, что въ настоящее время никому не нравится больше неопредѣленная мечтательность Ламартина. Я увѣренъ даже, что немногіе его понимаютъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ насъ, слишкомъ ушелъ въ облака, словомъ—онъ не отвѣчаетъ больше состоянію умовъ нашего времени. Отсюда безмолвіе, окружающее его имя и его произведенія.

Я хочу, впрочемъ, доказать одно только: что въ настоящее время во Франціи не найдется ни одного поэта, который бы захотѣлъ избрать себѣ въ образцы Ламартина. У него нѣтъ послѣдователей, его вліяніе не отражается на безчисленныхъ сборникахъ стиховъ, появляющихся ежедневно. О Расинѣ даже больше говорятъ и больше подражаютъ ему.

Вотъ три великихъ родоначальника. Совсѣмъ тѣмъ, прежде чѣмъ покончить съ ними, я хочу упомянуть и о другихъ поэтахъ, занимавшихъ видное мѣсто въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Альфредъ де-Виньи навѣрное такъ же позабытъ, какъ и Ламартинъ. Его стихи, такіе отдѣланные и изящные, читаются очень мало. Недавно въ „Comédie Française“ возобновили его драму „Чаттертонъ“, и она встрѣтила ледяной приѣмъ. Эта драма, правда, написана прозой; но я привожу этотъ фактъ только какъ одинъ изъ признаковъ. Въ настоящее время мы вообще съ трудомъ понимаемъ произведенія 1830 г.; ихъ байроническая горечь, ихъ романтическая грусть, ихъ порыванія къ идеалу, чуждому намъ, сбиваютъ насъ съ толку и задѣваютъ непріятно. Прибавлю впрочемъ, что Альфредъ де-Виньи никогда не пользовался любовью толпы. Извѣстно, что мечтой его было запереться въ башнѣ изъ слоновой кости. Онъ въ самомъ дѣлѣ заперся въ ней и пребудетъ тамъ навѣки.

Назову еще Огюста Барбье, автора „Ямбовъ“, который еще живетъ въ академическомъ креслѣ. Этотъ поэтъ, у котораго въ жизни былъ проблескъ таланта и который затѣмъ сталъ писать самыя дурныя произведенія, необыкновенно странное явленіе въ нашей литературѣ. Многіе воображаютъ, что авторъ „Cyrée“ и „Idole“ давно умеръ; и онъ умеръ въ самомъ дѣлѣ,—хотя Огюстъ Барбье еще живъ.

Но еще характеристичнѣе безмолвіе, воцарившееся вокругъ имени Беранже. Если былъ когда популярный поэтъ, то это—онъ. Во время моей юности, въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа, я помню, что его пѣсни распѣвались всюду. При второй имперіи, эта мода устарѣла, а въ настоящее время совсѣмъ прошла. Очевидно, что такъ должно было случиться, потому что пѣсни Беранже почти всѣ написаны на данный случай и роковымъ образомъ должны были исчезнуть вмѣстѣ съ эпохой, породившей ихъ. Но что еще удивительнѣе, это то, что Беранже не оставилъ послѣдователей. Послѣ

него у насъ былъ Пьерръ Дюпонъ, но оказался недолговѣчнымъ. Затѣмъ родъ пѣснопѣицъ внезапно прекратился. Въ наши дни пѣсня попала въ руки водевиллистовъ, жалкихъ писаекъ, незнающихъ даже хорошенько орфографіи. Это объясняетъ свойство тѣхъ мерзостей, которыя распѣваются на улицахъ. Вся парижская глухость нашла мѣсто въ этихъ пошлыхъ куплетахъ.

Такимъ образомъ, тремя великими родоначальниками могутъ быть только Ламартинъ, Викторъ Гюгъ и Мюссэ. Вотъ три свѣтила нашего поэтическаго неба; весь свѣтъ роковымъ образомъ заимствуется отъ нихъ. Но надо объясниться: Ламартинъ не имѣетъ больше осязательнаго вліянія, тогда какъ Викторъ Гюгъ продолжаетъ быть главнымъ учителемъ молодого поколѣнія. Скипетръ оспаривается у него только Альфредомъ де-Мюссэ, насчитывающимъ нѣсколько ревностныхъ послѣдователей. Въ настоящее время я хочу заняться внуками этихъ поэтовъ, и это дастъ мнѣ возможность очертить развитіе поэзіи во Франціи за послѣднія двадцать лѣтъ.

Замѣтимъ, что романтизмъ царить въ ней даже среди послѣдователей Мюссэ. Конечно, Мюссэ подсмѣивался надъ романтизмомъ, и его скептицизмъ, исполненный здраваго смысла, спасалъ его отъ наглѣйшихъ 30-хъ годовъ. Но онъ тѣмъ не менѣе вдыхалъ лирическія вѣянія той эпохи, и даже по сіе время поэты, воспитавшіеся на немъ, роковымъ образомъ и помимо своей воли входятъ въ романтическій хвостъ. Можно ли надѣяться, чтобы въ непродолжительномъ времени развилась новая романтическая формула? Я изслѣдую это въ заключеніи этой статьи, послѣ того какъ разберу различныя попытки новѣйшей поэзіи, сдѣланныя недавно.

II.

Но прежде чѣмъ перейти къ поэтамъ нашего времени, мнѣ необходимо заняться промежуточными фигурами, родными сыновьями дѣятелей 1830 г., которымъ современные писатели доводятся, собственно говоря, внуками. Надо знать эти фигуры, чтобы понять современное движеніе во всей его совокупности. Приведу двухъ умершихъ поэтовъ, Теофила Готье и Шарля Воделера, и двухъ поэтовъ, находящихся еще въ живыхъ: Теодора де-Банвилля и Леконтъ де-Лиль (Lisle).

Я сказалъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть по преимуществу промежуточные звенья между знаменитыми поэтами начала нынѣшняго столѣтія и современными поэтами. Это безусловно вѣрно. Они имѣли на послѣднихъ рѣшительное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, наши поэты не выдѣлились непосредственно изъ романтической плеяды; они вы-

дать Виктора Гюго и Мюссэ лишь сивозъ Воделера и Леконтъ де-Лиль. Мы переживаемъ уже третій періодъ романтизма.

Теофиль Готье первый началъ отдѣлывать форму, какъ совершенное произведеніе. Извѣстны его „Emaux et Camées“, рядъ коротенькихъ стихотвореній, отполированныхъ какъ драгоценные камни и отличающихся хрустальной прозрачностью агатовъ и аметистовъ. Мысль была въ полномъ пренебреженіи; „les Orientales“ были превзойдены невниманіемъ къ содержанію и презрѣніемъ къ здравому смыслу. Дѣло сводилось только къ тому, чтобы представить совершенныя произведенія по формѣ и качеству стиха. Романтическая школа должна была придти къ этому: къ чистой музыкѣ, безъ словъ. Я долженъ однако прибавить, что Теофиль Готье,—изумительный живописецъ, но въ сущности человѣкъ съ душевнымъ равновѣсіемъ, не издававшій ни одной рѣзкой ноты,—никогда не пользовался очень большимъ вліяніемъ. Онъ умеръ лѣтъ пять тому назадъ, и равнодушіе начинаетъ воцаряться вокругъ его произведеній. Я знаю мало поэтовъ, подражавшихъ ему. У него, повторяю, не было достаточно оригинальныхъ и сильныхъ нотъ.

Поэтъ, оказывавшій довольно сильное вліяніе, былъ Леконтъ де-Лиль. Я сейчасъ займусь группою молодыхъ писателей, которые, не признаваясь въ томъ громко, ставятъ его гораздо выше Виктора Гюго, за красоту и изящество формы. Леконтъ де-Лиль, которому теперь пятьдесятъ-восемь лѣтъ, родился на островѣ Бурбонъ. Онъ выступилъ на литературную арену поздно, когда ему было уже за тридцать лѣтъ. Но самые первые сборники, изданные имъ, „les Poèmes antiques“ и „les Poèmes barbares“, произвели сильный восторгъ среди образованной молодежи. Главная сила его происходила отъ того, что онъ принялъ оригинальное положеніе. Послѣ разнузданности романтизма, изступленнаго лиризма, онъ сталъ превозносить красоту неподвижности. Пребывать безстрастнымъ, не увлекаться страстью, сохранять правильную и холодную позу мрамора—стало, по его мнѣнію, высшимъ идеаломъ. Онъ проповѣдывалъ, что всякое выраженіе лица, радостное или горестное, искажаетъ его черты до безобразія. Послѣ того онъ порвалъ съ средними вѣками и искалъ убѣжища въ Греціи и въ Индіи. Онъ проникся еще сильнѣйшей ненавистью къ современной жизни. Викторъ Гюго удостоиваетъ иногда nobility съ нами; сажаетъ къ себѣ на колѣни маленькихъ дѣтей, описываетъ уголокъ Парижа. Леконтъ де-Лиль считалъ бы себя опозореннымъ, если бы остановилъ свое вниманіе на такихъ пустякахъ. Онъ живетъ съ Гомеромъ, котораго перевелъ и восстановилъ ореографію греческихъ именъ; онъ знаетъ Библию, онъ изучилъ до тонкости индусскихъ боговъ; ему привольно въ самыхъ темныхъ и въ самыхъ торжественныхъ закоулкахъ всемірной исторіи. И такъ какъ онъ удивительно

овладѣть формой, то писалъ стихи безуморизненной красоты. У насъ на нашемъ языкѣ не существуетъ стихотвореній болѣе изящныхъ и болѣе звучныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., „Midi“, изумительны по красотѣ и мощи стиха. Но только Леконтъ де-Лиль зачастую бываетъ тѣменъ и несносенъ, и я сейчасъ укажу, какое зло причинилъ онъ нашей поэзіи. Наконецъ, надо замѣтить, что съ нимъ мы пребываемъ въ самыхъ нѣдрахъ романтизма. Это, конечно, не трескучій и наступленный романтизмъ Виктора Гюго; но это романтизмъ еще болѣе опасный, стремящійся къ классическому совершенству, превращенный въ догматъ, оледенѣвшій съ цѣлю навязать формулу совершенной и вѣчной красоты.

Боделеръ тоже весьма опасный образецъ. У него и по сіе время толпа подражателей. И его сила тоже заключалась въ оригинальной и присущей ему лично чертѣ. Въ немъ надо видѣть романтизмъ демоническій. Леконтъ де-Лиль окаменѣлъ въ классической позѣ; Боделеру оставалась роль одержимаго бѣсомъ. И онъ сталъ искать красоты въ злѣ и, по выраженію Гюго, „создалъ новый трепетъ“. Въ сущности то былъ весьма классическій умъ, усердный труженикъ, мономанъ-пуристъ со стороны формы. Поэту онъ оставилъ только одинъ сборникъ стихотвореній: „les Fleurs du mal“, изъ которыхъ нѣкоторые очень красивы. Я не буду говорить про искусственныя чудачества его жизни; онъ сталъ въ концѣ-концовъ жертвой своего демоническаго позировапія; онъ умеръ молодымъ отъ нервной болѣзни, лишившей его памяти словъ. Въ заключеніе скажу, что онъ создалъ себѣ особое мѣсто въ нашей литературѣ, которое за нимъ и останется. Онъ возбудилъ восторгъ въ молодежи, которая любитъ всякую отвагу. Послѣ него цѣлая груда взопралась надъ изображеніемъ ужасныхъ картинъ. Все это тотъ же романтизмъ, но только приправленный сатанинскими перцемъ. Но и здѣсь форма стиха превосходна.

Рядомъ съ Боделеромъ я поставлю Теодора де-Банвилъ, который остался чистымъ романтикомъ. Это по преимуществу бардъ, поющій ради удовольствія пѣть. Его представляешь себѣ съ лирой какъ Аполлона, увѣнчаннаго звѣздами, распространяющимъ вокругъ него сіяніе. Онъ ко всему относится какъ поэтъ, презираетъ жизнь дѣйствительную и вѣрить лишь въ дѣйствительность невозможнаго, живетъ въ зѣбрѣ, питается парадоксами и рѣчами. Онъ непосредственный подражатель Виктора Гюго, но его подражаніе милое, безобидное, непринужденное. Онъ работалъ легко и написалъ много. Приведу „les Cariatides“, „les Stalactites“, „les Occidentales“, и въ особенности „les Odes Pimpambulesques“ — сборникъ, болѣе прославившій его, чѣмъ всѣ остальные его произведенія вмѣстѣ взятые. Онъ предавался въ юмъ весьма любопытнымъ ренессанснымъ фантазіямъ и

пародировалъ какъ утонченный поэтъ самия знаменитыя стихотворенія Виктора Гюгё. Одной этой книги достаточно, чтобы характеризовать его талантъ, отличающійся главнымъ образомъ гибкостью и плодотворностью.

Изъ „Cariatides“, произведенія его юности, указывая на одинъ сонетъ, озаглавленный „Sous bois“; онъ очень вѣрно передаетъ характеръ его лирической фантазій и его кисть идеальнаго живописца, любовь къ стихамъ, къ ихъ музыкѣ и блеску. Рима всегда богата и звучна. Стихосложение, коницаемое такимъ образомъ, становится изящнымъ искусствомъ, весьма сложнымъ и прелестнымъ, существующимъ само по себѣ внѣ всякой идеи. Наставляю на этомъ потому, что мы сейчасъ увидимъ, что большинство современныхъ поэтовъ понимаетъ поэзію, какъ и Банвиль: какъ искусное сочетаніе слоговъ, распѣвающихъ аріи на данные мотивы.

Теперь я могу перейти къ новѣйшему поколѣнію.

Мы увидимъ, къ чему пришелъ романтизмъ послѣ Виктора Гюгё, Мюссё, Ламартина, пройдя черезъ Теофила Готье, Водекера, Леконтъ де-Лилъ и Теодора де-Банвиль.

III.

Въ 1860 г., въ самый разгаръ второй имперіи, поэзія не была въ чести. Успѣхъ газетъ съ сильно развитой хроникой, легкая и текущая литература, невидимому, надолго оттѣснили стихи на задній планъ. Одинъ только „Revue des Deux-Mondes“ осмѣливался печатать время отъ времени коротенькую поэму, да и тотъ старательно выбиралъ для этого самую безцвѣтную и посредственную поэму. Словомъ, поэтическое движеніе, послѣ блистательнаго расцвѣта 1830 г., казалось, совсѣмъ заглохло.

Въ эту-то эпоху группа молодыхъ, никому неизвѣстныхъ поэтовъ стала собираться у Ксавье де-Рикара, который самъ писалъ и подумывалъ основать журналъ. Но вскорѣ группа избрала мѣстомъ собранія салонъ другого поэта, Катулла Мендеса, который только-что женился на дочери Теофила Готье. Мендесъ пріѣхалъ изъ Бордо, одушевленный чисто южной дѣятельностью, потребностью играть роль и другихъ выводить въ люди. Въ скоромъ времени онъ сталъ какъ-бы главой всѣхъ молодыхъ людей въ Парижѣ, подбравшихъ рюш. Они собирались у него почти каждый вечеръ; салонъ его служилъ убѣжищемъ; въ послѣднія десять лѣтъ у него навѣрное перобывали всѣ поэты, пріѣзжавшіе изъ провинціи. Впрочемъ, эта роль понятна; Мендесъ не придерживался только одной теоріи; онъ основывалъ журналы, въ которыхъ печатались стихи его группы; конечно, жур-

нали были недолюбовичны, всё были рады, если имъ удавалось существовать полгода, но такъ какъ они слѣдовали другъ за другомъ, то маленькая армія, шествовавшая за Мендесомъ, не терпала мужества и съ убѣжденіемъ двигалась впередъ.

Прибавьте, что Мендесъ—пріятный собесѣдникъ, очень симпатичный и очень образованный, и самъ пишетъ стихи съ большою легкостью—и тогда вамъ станетъ понятнымъ то вліяніе, какое онъ оказалъ на современное поэтическое движеніе.

Между тѣмъ группа нуждалась въ кичѣ. Ихъ прозвали сначала „les Impassibles“, намекая на мраморную неподвижность пластической красоты, за которой они гонялись; но вскорѣ ихъ стали величать „les Parnassiens“. Надо сказать что одинъ издатель, Альфонсъ Лемеррѣ, только-что выступавшій на издательское поприще, издалъ сборникъ, озаглавленный „le Parnasse contemporain“, въ который каждый поэтъ изъ группы Мендеса далъ стихотвореніе. Такимъ образомъ за ними упрочилось это прозвище.

Само собой разумѣется, что всё эти молодые люди стояли особнякомъ. Живя въ эпоху, крайне враждебную поэзии, сознавая, что къ нимъ относятся съ равнодушіемъ и насмѣшками, они должны были заператься ото всѣхъ и сдѣлать изъ поэзии настоящую религію.

Роковымъ образомъ тутъ являлась удачная почва для идолопоклонническихъ пріемовъ, сектантскаго упорства, фанатическаго преувеличенія. Преслѣдованіе вызываетъ наступленію набожность. Поэтому новое поэтическое движеніе отличалось весьма мелочными сторонами замкнутой церкви. То не было широкое движеніе 1830 г., развертывавшееся подъ открытымъ небомъ, въ эпоху, упоенную поэзіей. То былъ заговоръ иллюминатовъ, узнающихъ другъ друга по франмасонскимъ знакамъ, по страннымъ формуламъ. Какъ индійскіе факиры, поглощенные созерцаемъ собственнаго нупеа, „les Parnassiens“ проводили вечера въ томъ, что восхищались другъ другомъ, закрывая глаза, чтобы не быть смущаемымъ живою средой, окружавшею ихъ.

Тогда-то былъ созданъ новый романтизмъ, или вѣрнѣе сказать, романтический хвостъ увеличился на одно звено. Викторъ Гюго для публики продолжалъ оставаться безусловнымъ главой. Но для посвященныхъ онъ былъ лишь почетнымъ главой. Парнасцы приняли болѣе торжественный и болѣе правильный ритуалъ Леконтъ де-Лилля. Нѣкоторые поклонялись Бодлеру. Всѣ признавали владычество формы, всѣ являлись изгнать человѣческія волненія изъ своихъ произведеній, какъ оскорбительныя для величія стиховъ. Надо было возвыситься до скульптурнаго изваянія, стать внѣ времени и исторіи, поставить свой талантъ на томъ, чтобы подбирать богатые рimes и писать стихи—яркіе, какъ брилліанты. Поэтому парнасцы отпращивали

лись за сюжетами въ мифологическія эпохи, въ самыя отдаленныя страны. Каждый изъ нихъ избралъ себѣ спеціальность. Одни поселились въ сѣверныхъ странахъ, другіе перенеслись на востокъ, нѣкоторые заѣхали въ Грецію, наконецъ, были и такіе, что помѣстились среди звѣздъ. Ни одинъ вначалѣ, повидимому, и не подозревалъ, что существуетъ Парижъ, что по улицамъ ѣздить фіакры и омнибусы, что современный міръ, могущественный и обширный, ставивается съ ними на троттуарахъ.

Съ такими странными теоріями движеніе, направляемое парнасцами, было заранѣе осуждено на гибель. Оно могло быть только искусственнымъ цвѣткомъ, который долженъ былъ очень скоро завянуть, потому что онъ выросъ не на современной почвѣ. Надо было присутствовать на собраніяхъ парнасцевъ, чтобы догадаться о безумномъ и мелочномъ честолюбіи, пожирившемъ ихъ. Они твердо вѣрили, что перевернуть вверхъ дномъ литературу. Но на дѣлѣ они сами не замедлили распасться, и въ настоящее время ихъ группа осталась однимъ воспоминаніемъ.

Впрочемъ, я отдаю имъ справедливость. Ихъ поведеніе было очень благородно при второй имперіи. Они любили поэзію безкорыстной любовью и уже то было почтеннымъ дѣломъ, что они не увлекались легкими успѣхами журнализма, а заирались, чтобы поклоняться музамъ. Имъ нельзя также отказать въ одномъ достоинствѣ: почти всѣ отличались красотой формы. Самые посредственные изъ нихъ оставили стихотворенія—безукоризненныя по формѣ.

Я не могу всѣхъ ихъ перечислить, но назову главнѣйшихъ изъ нихъ. Во-первыхъ, упомяну о Мендесѣ, талантъ котораго отличается необыкновенной подражательностью, какой другой я ни у кого не встрѣчалъ. Онъ поочередно подражалъ Виктору Гюго и Леконтъ де-Лиллю; оба эти поэта могли бы подписаться подъ его стихами, но къ несчастью въ немъ вполнѣ отсутствовала оригинальность.

Катуль Мендесъ издастъ нѣсколько сборниковъ стиховъ: „*Philomela*“, „*Hesperus*“, „*les Soirs moroses*“, „*les Sérénades*“. Прочтите у него, наприм., „*les Fils des Anges*“; самъ „учитель“ не написалъ бы ничего прекраснѣе въ отношеніи формы. Стихи гремѣтъ словно барабанъ, но какъ и барабанъ оказываются внутри пустыми. Это лучшіе образцы „парнасской“ поэзіи.

Назову теперь Дьеркса, который до послѣдняго времени былъ вѣрнымъ спутникомъ Мендеса. Его поэтический багажъ довольно великъ. Спеціальность его составляютъ торжественныя и лиричныя всякаго содержанія стихи. Онъ весь вѣкъ свой паритъ и на такихъ высотахъ, какія недоступны для людей. Самыя обыкновенныя, самыя джынныя и вульгарныя идеи облачаются у него въ библейскія одежды, выражаются напыщенными и нескончаемыми образами. Ничего

не привелъ бы изъ нихъ, потому что сомнѣваюсь, чтобы можно было перевести на чужой языкъ этотъ грандіозный вздоръ.

Анатоль Франсъ удался въ Грецію. Изданный имъ сборникъ называется „les Noces Corinthiennes“. Это—Шенье, но только безъ граціи послѣднаго. Онъ воображаетъ, что передаетъ намъ древность, напизывая эпитеты. Я называю его, потому что онъ представляетъ цѣлый классъ романтиковъ, порвавшихъ съ срединни вѣками, чтобы выдумать нео-классическую поэзію, столь же сомнительной правды, какъ и классическая поэзія семнадцатаго вѣка.

Верленъ, нынѣ сошедшій со сцены, дебютировалъ своими „Poèmes saturniens“. Этотъ сталъ жертвой Боделера, и говорятъ даже, что онъ довелъ на практикѣ подражаніе учителю до того, что испортилъ себѣ жизнь. Одну минуту однако онъ былъ счастливымъ соперникомъ Коппе, которыхъ я сейчасъ специально займусь. За ними слѣдили, спрашивая, кому изъ нихъ достанется пальма первенства.

Маллармѣ былъ и остался самымъ диковиннымъ поэтомъ изъ всей группы. У него особенно рельефно выразилось безумное увлеченіе формой. Поглощенный постоянной заботой о римѣ и подборѣ словъ, онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ утратилъ пониманіе живого языка и дошелъ до самыхъ изумительныхъ результатовъ, какіе только можно себѣ представить. Его стихотворенія совершенно непонятны, въ нихъ нѣтъ никакого смысла, а есть только слова, поставленные другъ воалѣ друга не для выраженія какой-нибудь мысли, но ради гармоніи стиха. Эстетика Маллармѣ заключается въ томъ, чтобы давать чувствовать идеи, не выражая ихъ. Это чистое умопомѣшательство, но весьма характеристичное, потому что въ сущности оно не что иное, какъ теорія парнасцевъ, доведенныхъ до той грани, за которой начинается безуміе.

Жозе-Марія де-Эредіа писалъ советы удивительной красоты со стороны формы. Парнасцы охотно принимаютъ, что онъ всѣхъ ихъ перещеголялъ изяществомъ формы. Стихъ его звученъ, слоги звенятъ, точно мѣдь. Нельзя извлечь изъ рѣчи болѣе звонкой музыки. Однако поэтъ остается неизвѣстенъ публикѣ, которая требуетъ отъ поэзии кое-чего другого, кромѣ брацанія кимвалъ.

Другой поэтъ, очень талантливый, Арманъ Сильвестръ тоже причисляется къ группѣ парнасцевъ. Ему принадлежитъ сборникъ „la Gloire du Souvenir“, гдѣ есть прекрасныя стихотворенія, безупреченныя по формѣ. Онъ бы нравился мнѣ еще больше, если бы онъ согласился быть проще. Но я не могу не признать, — у него есть своя собственная фізіономія.

Назову еще Мера—его „Chimères“ имѣли большой успѣхъ; Валадъ, написавшаго цѣлый томъ вѣстѣй съ Мера; д'Эрвиллы, чисто парижскій умъ, не способный замануться цѣликомъ въ формулѣ парнас-

цевъ; Валабрегъ, провансальца, напечатавшаго нѣсколько хорошенъ-ныхъ стихотвореній, тщательно отдѣланныхъ; Вержерэ, второго зятя Теофила Готье, „*Roëmes de la guerre*“ котораго очень читались. Я, конечно, пропустилъ кое-кого, потому что молодые поэты у насъ насчитываются дюжинами. Но въ сущности я достаточно ясно показалъ, какова была до послѣднихъ лѣтъ парнасская группа. Надъ ней много смѣялись. Она тѣмъ не менѣе играла роль въ нашей литературѣ. Въ продолженіи цѣлой эпопеической эпохи, она хранила священный огонь поэзіи.

IV.

Среди группы „парнасцевъ“ развивался молодой поэтъ, Франсуа Коппé, и ему предстояло со временемъ опровергнуть своими произведеніями доктрину о безстрастности въ поэзіи. Такимъ-то образомъ каждое литературное движеніе носитъ въ самомъ себѣ реакцію. Мендесъ и его друзья очень скандализировались бы, если бы имъ сказали въ то время, что они пригрѣваютъ натуралиста на своей груди. А между тѣмъ это была правда, и романтизмъ долженъ былъ пережить измѣну одного изъ своихъ самыхъ горячихъ приверженцевъ. Франсуа Коппé самъ еще не подозрѣвалъ о томъ, какую вліятельную роль ему предназначено играть.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что парнасцы жили душа въ душу. Они жались другъ къ другу, чтобы бороться съ общественнымъ равнодушіемъ, но между собой имъ случалось и грызться. Ихъ эстетическая теорія была не чѣмъ инымъ, какъ знаменемъ, которое они водрузили, чтобы быть замѣченными. Когда ихъ подняли на смѣхъ, они всѣ отреклись отъ званія парнасцевъ; каждый заявлялъ, не безъ основанія, притязаніе на индивидуальность, которую желали стереть въ общемъ характерѣ группы.

Франсуа Коппé, родившійся въ Парижѣ въ 1842 г., въ семьѣ, по происхожденію своему, фламандской, познакомился въ 1864 году съ Катуллою Мендесомъ. Онъ немедленно поступилъ въ члены кружка и долгое время клялся и божился однимъ Викторомъ Гюгô и Леконтъ де-Лилемъ. Онъ тоже льстил себя увѣренностью, что онъ безстрастенъ. Онъ надѣлъ мундиръ шпоны, девизъ которой высказанъ Катуллою Мендесомъ въ „*Филомелѣ*“:

La grande Muse porte un peplum bien sculpté
Et le trouble est banni des âmes qu'elle hante;

.....
Pas de sanglots humains dans le chant des poètes.

У нашего поэта было тогда очень тонкое и очень интересное лицо. Я не разъ встрѣчалъ его. Его профиль поразительно сходенъ

съ профилемъ молодого Бонапарта. Отецъ его умеръ, онъ жилъ съ матерью и двумя сестрами въ такомъ стѣснительномъ положеніи, что оно было близко къ нищетѣ. Объ его жизни сообщали самыя трогательныя подробности. Почти немедленно по выходѣ изъ коллежа, онъ получилъ мѣсто въ военномъ министерствѣ, гдѣ прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. Болѣзненный, блѣдный, какъ воскъ, онъ казался меланхолическаго характера, несмотря на внезапные припадки нервной веселости, случавшіяся у него порою. Въ немъ не чувствовалось желѣзной воли, и тогда уже можно было предвидѣть, что онъ послѣдуетъ туда, куда его поведетъ талантъ, и не станетъ вырабатывать себя ни въ какомъ отношеніи.

Между парнасцами за нимъ уже признавали замѣчательную непринужденность таланта. Катуллъ Мендесъ направлялъ его, и молодой поэтъ съ первыхъ же шаговъ выказалъ неподражаемое безстрастіе. Подъ многими изъ его сонетовъ, безукоризненно-правильной формы, не отказался бы подписаться самъ Леконтъ де-Лиль.

Но когда человѣкъ овладѣлъ ремесломъ до высокой степени, то всегда страшно, какъ бы ремесло не поглотило его. Къ счастью, въ Франсуа Коппѣ жила потребность страсти и слезъ, которой онъ не въ силахъ былъ противиться.

Въ 1867 году—ему было тогда двадцать-пять лѣтъ—онъ напечаталъ первый сборникъ своихъ стиховъ „le Reliquaire“. На этомъ сборникѣ стояло слѣдующее посвященіе: „моему дорогому учителю Леконтъ де-Лиллю посвящаю я свои первые стихи“. Кромѣ того, въ первомъ стихотвореніи, озаглавленномъ: „Prologue“, поэтъ говорилъ, что презираетъ „дюжинное горе, испускающее ненужные вопли“. То былъ рецептъ, который ему приписали его литературные друзья. Но проникательному критику легко было догадаться, читая книгу, что поэтъ никогда не выработаетъ себѣ безстрастнаго сердца. Слезы, жалобы, сильное людское страданіе сквозить сквозь мельчайшія стихотворенія. Въ нихъ чувствуется душа католика, воспитаннаго въ семьѣ, крайне религіозной, но смущаемой такъ же обожаемъ женщины, чувственнымъ и болѣзненнымъ обожаемъ, готовившимъ поэту великія радости и великія горести.

Годъ спустя Франсуа Коппѣ высказался вполне въ новомъ сборникѣ: „les Intimités“. Съ этихъ поръ парнассецъ совсѣмъ исчезъ и остался только влюбленный, который сравниваетъ себя съ двѣнадцатилѣтнимъ пажемъ, колѣнопреклоненнымъ у ногъ больной принцессы. Минутами вы чувствуете, что онъ рассказываетъ вамъ о своей собственной любви. Онъ жалуется въ каждомъ стихѣ, что слишкомъ молодъ для страсти, что умираетъ отъ любви „медленною и чудной смертью“. Все это очень болѣзненно и мило. Извѣженная и пассивная любовь нашего времени вполне выражена здѣсь.

Но Франсуа Коппé окончательно порвалъ съ парнасцами лишь послѣ большого успѣха, какой имѣла его пьеса „Passant“ въ Одеонѣ. По просьбѣ трагической актрисы Агаря, онъ написалъ маленькую одноактную вещицу, но она составила его славу. Въ этой пьесѣ всего два дѣйствующихъ лица: куртизанка Сильвія мечтаетъ на крыльцѣ своего замка и завязываетъ любовную бесѣду съ пѣвцомъ Занетто, случайно проходящимъ по парку. Это написано въ 1869 г., наканунѣ паденія имперіи. Все французское общество, поднимавшее на смѣхъ поэзію, пришло въ восторгъ, выслушавъ эти нѣсколько стиховъ. Коппé сразу сталъ знаменитъ. Первые собранія его произведеній, залежавшіяся у издателей, стали раскупаться. Его пригласили ко двору; императоръ удостоилъ разговаривать съ нимъ въ теченіи пяти минутъ. Никогда еще успѣхъ не бывалъ такимъ полнымъ.

Само собою разумѣется, парнасцы съ тревогой глядѣли на своего товарища, который вдругъ очаровалъ публику. Конечно, я не обвиняю ихъ въ зависти. Я хочу только сказать, — они догадывались, что между ними явился ренегатъ. Сильвія и Занетто казались имъ слишкомъ похожими на людей. Впрочемъ, пропасть должна была увеличиваться все больше и больше. Франсуа Коппé, отбросивъ всякую маску, сталъ интересоваться современной жизнью, скромными личностями, съ которыми онъ сталенвался на улицахъ. Разрывъ произволенъ полный; группѣ Катулла Мендеса пришлось оплакивать эту измѣну. Они отомстили за нее, обозвавъ Франсуа Коппé—буржуа. Я приведу стихотвореніе, возмущившее парнасцевъ и часть публики. Это стихотвореніе находится въ сборникѣ „les Humbles“ и называется „le Petit épiciier“. Оно остается по сіе время знаменемъ натурализма въ поэзіи и потому знаменито.

C'était un tout petit épiciier de Montrouge,
Et sa boutique sombre, aux volets peints en rouge,
Exhalait une odeur fade sur le trottoir.
On le voyait debout derrière son comptoir,
En tablier, cassant du sucre avec méthode.
Tous les huit jours, sa vie avait pour épisode
Le bruit d'un camion apportant des tonneaux
De harengs saurs ou bien des caisses de pruneaux....
Il avait ce qu'il faut pour un bon épiciier:
Il était ponctuel, sobre, chaste, économe.
Son patron l'estimait, et, quand ce fut un homme,
Voulant récompenser ses mérites profonds,
Il lui fit prendre femme et lui vendit son fonds...

C'était déjà son rêve, à cet homme, être père!
Mais il ne devait pas durer, le temps prospère:

Sa femme n'aimait pas le commerce; elle était
Hargneuse, lymphatique et froide; elle restait
A l'écart et passait ses heures dans sa chambre.
De sa boutique, ouverte au vent froid de décembre,
Lui ne pouvait bouger, mais ne se plaignait pas.

Cet homme est fatigué de l'existence, il trouve,
— Où de pareils dégoûts vont-ils donc se nicher? —
La colle et le fromage ignobles à toucher.
Il hait le vent coulis qui souffle de la rue,
Il ne peut plus sentir l'odeur de la morne;
Et ses doigts crévassés maudissant leur destin,
Ont trop froid au contact des entonnoires d'étains.
Pourtant il brille encore un rayon dans cette ombre,
Derrière son comptoir, seul, debout, le coeur sombre,
Quand il casse du sucre avec férocité,
Parfois entre un enfant, un doux blondin, tenté
Par les trésors poudreux du petit étalage.
Dans la nalveté du désir et de l'âge,
Il montre d'une main le bonbon alléchant
Et de l'autre il présente un sou noir au marchand.
L'homme alors est heureux plus qu'on ne peut le dire,
Et, tout en souriant,—s'ils voyaient ce sourire,
Les autres épiciers le prendraient pour un fou,—
Il donne le bonbon et refuse le sou.
Mais aussi, ces jours là, sa tristesse est plus douce;
S'il lui vient un dégoût coupable, il le repousse;
Il rêve, il croit revoir sa mère qui partit,
Soissons, et le bon temps, quand il était petit.
Le pauvre être pardonne, il s'apaise, il oublie
Et, lent, casse son sucre avec mélancolie.

Это уже совсѣмъ не то, что пѣснопѣнія Боделера или библейскіе стихи Леконта де-Лиль. Тутъ звучитъ совсѣмъ новая нота, отголосокъ современнаго романа. Реализмъ проникаетъ въ поэзію. И напрасно было бы думать, что попытка была легка. Трудно представить себѣ, какія громадныя трудности пришлось преодолѣть въ приведенномъ мною стихотвореніи. Надо было для того, чтобы успѣть, владѣть такъ стихомъ, какъ Коппе. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ осмѣлиться допустить въ французскіе стихи обыкновенныя слова; классическая напыщенность и романтическій лиризмъ приучили насъ къ особенному поэтическому языку, отъ котораго наши поэты не могутъ удалиться, не рискуя показаться смѣшными. Отъ этого трудно вводить въ стихъ обыденныя явленія и современныхъ людей.

По-моему, отличительной чертой Коппе является его мастерская стихъ. Можно подумать, что онъ водился съ грушной парнасцевъ лишь затѣмъ, чтобы усвоить себѣ форму и сладить со всѣми трудностями, сопряженными съ ней. Онъ—единственный изъ поэтовъ, ко-

тораго никакое слово не затрудняетъ—и стихи его очаровательны по своей простотѣ. Примѣромъ чему можетъ служить „le Petit épicier“.

Конечно, я желалъ бы, чтобы у него было побольше энергіи и мужественности. Ему недостаетъ силы. Онъ слишкомъ долго забавлялся любовными жалобами, несчастной любовью, и она точно будто истощила его. Я знаю, что поэты любятъ увѣрять, что женщины разбили имъ жизнь. Поэтому я не хочу еще дѣлать никакихъ выводовъ. Коппе работаетъ съ большою легкостью, и мнѣ кажется, что онъ собирается написать большую современную поэму, въ которой выразится вся новѣйшая жизнь. Онъ одинъ можетъ въ настоящую минуту удачно выполнить такое предпріятіе. Онъ мастеръ своего дѣла, и ему стоить только захотѣть.

Я не перечислилъ всѣхъ произведеній Коппе. Ему всего тридцать шесть лѣтъ, а онъ уже напечаталъ болѣе десяти тысячъ стиховъ. Въ названномъ мною сборникѣ надо причислить „les Poèmes modernes“, „le Cahier rouge“, „Olivier“—поэма, и отдѣльные стихотворенія: „la Grève des Forgerons“, „Plus de sang“ и пр. На театрѣ „le Passant“ былъ его единственнымъ настоящимъ успѣхомъ. Другія вещи: „les Deux Douleurs“, „l'Abandonnée“, „le Rendez-Vous“, выдержали очень мало представленій. Совсѣмъ тѣмъ, въ прошломъ году „le Luthier de Crémone“ имѣлъ большой успѣхъ въ Théâtre Français.

V.

Однимъ отступничествомъ Коппе дѣло не ограничилось. Другіе поэты захотѣли описывать страсть и жизнь,—поэты неизвѣстные, выросшіе внѣ парнаскаго кружка и въ настоящее время уже знаменитые. Я назову изъ нихъ Мориса Бушоръ и Жана Ришпенъ.

Въ 1874 г. появилось первое собраніе стихотвореній Мориса Бушоръ. Одинъ актеръ изъ „Comédie Française“ прочиталъ издателя Жоржу Шарпантье нѣсколько стихотвореній, весьма поразившихъ того. Актеръ принесъ еще нѣсколько стихотвореній,—и ихъ набралось, наконецъ, на цѣлый томъ—и назвалъ автора, совсѣмъ молодого человѣка, которому еще не было двадцати лѣтъ. Никто еще не слыхалъ про Бушора; мнѣ кажется даже, что онъ ничего ровно не печаталъ въ нашихъ журналахъ; во всякомъ случаѣ объ его существованіи и не подозревали. Появились его стихотворенія, и Бушоръ сразу сталъ знаменитъ.

Этотъ быстрый успѣхъ легко объяснить. Новый поэтъ выступилъ среди подражателей Леконтъ де-Лиля, среди этихъ ледяныхъ рѣмоплетовъ, ставившихъ себя за честь, что они не смѣются и не плачутъ, и принесъ съ собой широкое любящее сердце, смѣхъ и слезы

и мучительныя воли страстей. Всѣ услышали, наконецъ, чело-
вѣка, сознали въ немъ брата; всѣ рады были оспастись отъ торже-
ственной скуки, называемой поэтами-ювелирами. Бушоръ былъ пре-
емникомъ Мюссе. Передъ лицомъ торжествующей школы Виктора
Гюго, онъ продолжалъ французскую традицію: Ремье, Лафонтенъ,
Мюссе. Самое заглавіе его перваго сборника уже было находкой.
Онъ назвалъ его „les Chansons joyeuses“ въ видѣ протеста противъ
такого множества печальныхъ пѣсень. Въ нашей поэзіи подулъ какъ-
бы свѣжій и здоровый воздухъ, который освѣжилъ всѣ сердца.
Мы какъ-бы вернулись къ веселѣ искусства.

Я говорилъ, что Бушору не было и двадцати лѣтъ. Теперь ему
больше двадцати-трехъ. Это высокій малый, бородатый, съ манерами
англичанина. Онъ принадлежитъ къ богатой семьѣ. Онъ почти по-
стоянно въ разъѣздахъ. Щеголяеть пороками, которыхъ у него нѣтъ,
—но это внѣшняя заманка и пройдетъ съ годами. Главной страстью
у него — Шекспиръ. Хуже всего то, что онъ не особенно долюбиваетъ
современную жизнь. Мнѣ кажется, въ его стихахъ слѣдуетъ
пока видѣть реакцію фантазера, увлекающагося жизнью.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія, озаглавленнаго „A
quelques poëtes“ и въ которомъ легко усмотрѣть объявленіе войны
парнассцамъ.

Je crois que vous prenez des poses de théâtre;
Je ne distingue pas votre air sacerdotal
De l'air jésuitique, et, sous le masque en plâtre,
Je ne lis sur vos fronts aucun signe fatal.
Vous ne voulez pas être applaudis par les masses,
Et solitairement vous planez dans les cieux?
Pour vous montrer à nu, moi qui hais les grimaces,
J'irai bien relever votre robe de dieux.
L'on vous verra claquer des dents, mœurs et pâles,
Maigres à faire peur et tout roués de coups;
Et quand vous chanterez, il sortira des râles
De ces tambours crevés qui sont vos coeurs, à vous.

.....
Aussi, toujours aimant, buvant à perdre haleine,
Et voulant à tout prix cueillir la vie en fleur,
Nous ne chantons jamais que si notre ame pleine
S'échappe en cris soudains de joie ou de douleur.

Въ „Chansons joyeuses“ есть нѣкоторыя иремиленькія. Самъ Мюссе
не писалъ ничего нѣжнѣе и нащипѣе.

Страшнѣе всего то, что Морисъ Бушоръ пишетъ очень легко. Мнѣ
кажется, онъ пишетъ стихи вездѣ, только не въ своемъ рабочемъ
кабинетѣ. Плодовитость опасна въ его годы. Второй томъ его сти-
хотвореній: „les Poèmes de l'amour et de la mer“, встрѣтилъ менѣе

радушный пріемъ. Я боюсь, что не въ немъ скажется тотъ новѣйшій поэтъ, котораго мы ожидаемъ.

Совсѣмъ недавно, въ прошломъ году, одинъ сборникъ стихотвореній надѣлалъ много шума. Авторъ ихъ уже былъ извѣстенъ какъ журналистъ и какъ провансъ. Но никто не подозрѣвалъ, чтобы у него была такая развязная муза; скандалъ, произведенный ею, былъ таковъ, что прокуратура востропнула и арестовала книгу. Вылъ судъ; нѣкоторые стихотворенія пришлось выбросить, но продажа книги удвоилась.

Эта книга, озаглавленная: „les Chansons des Gueux“, въ сущности весьма замѣчательна. Ришпенъ высказался въ ней какъ отчаянный реалистъ, не отступающій передъ рѣзкими словами и называющій безобразныя вещи ихъ именемъ. Нѣкоторые стихотворенія даже написаны дѣлкомъ на „argot“. Долженъ сказать, что это тѣ, которыя мнѣ наименѣе по вкусу. Мнѣ кажется, что Ришпенъ дѣлаетъ оличномъ большія усилія для того, чтобы опростонародиться. При изображеніи народа требуется прежде всего добродушіе. Слишкомъ ясно, что грубыя детали у Ришпена не вытекаютъ изъ сущности дѣла, что онъ ихъ втиснулъ ради эффекта.

Вотъ гдѣ заключается опасность для реальной школы. Въ совершающемся натуральномъ движеніи зачастую принимаютъ грубость за правду. Рѣзкая нота не всегда бываетъ правдивой нотой. Напротивъ того, при описаніи низшихъ классовъ требуется много мѣры и гармоніи. Поэтому Ришпенъ, выдающій себя за реалиста, представляется мнѣ скорѣе романтикомъ. Его „gueux“ принадлежатъ скорѣе Калло, нежели современной жизни. Вообще его стихи носятъ почти чисто-лирическій характеръ. Въ сущности подражаніе Боделеру весьма замѣтно. Ришпенъ отличается отъ Боделера только въ томъ отношеніи, что не такей пуристъ и позволяетъ себѣ все. Съ другой стороны, онъ шумнѣе, боязливѣе и хвастливѣе. Повторяю: мнѣ бы хотѣлось, чтобы у него было больше заботы о правдѣ. Впрочемъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что у Ришпена большой талантъ.

Я могъ бы еще назвать Поля Бурже, который только-что окончилъ большую современную драму и собирается ее напечатать. Но это еще не все. Другіе поэты реальнаго направленія дѣйствуютъ особнякомъ. Пробѣгая рѣдкіе литературные органы, печатающіе стихи, я нахожу иногда весьма характеристичныя стихотворенія, указывающія на реальное направленіе у многихъ новичковъ. Тамъ, я упомяну о поэмѣ одного молодого человѣка Гюи де-Вальмонъ. Эта поэма, озаглавленная: „Au bord de l'eau“, передаетъ просто-на-просто исторію любви одной прачки, съ которой знакомится одинъ молодой человѣкъ и котораго она вгоняетъ въ чахотку своей любовью. Содерж-

жаніе нѣсколько рискованное — согласенъ, но я рѣдко выдаю болѣе рельефную и правдивую картину.

Жизнь дѣйствительная, очевидно, начинаетъ давать поэтамъ новую поэзію. Глубокая ошибка думать, что поэзія означаетъ ложь. Я увѣренъ, что явится поэтъ, который извлечетъ изъ современной среды широкую поэтическую формулу. Прачка, идущая на плоть; общественный садъ, наполненный гуляющими; кузница, гдѣ раздается стукъ молота; отходъ желѣзно-дорожного поѣзда, и даже рынокъ, съ его торговцами и торговками, — все, что живетъ, что насъ окружаетъ, можетъ быть предметомъ поэзіи и очень нравиться. Чтобы совершить этотъ переворотъ, — достаточно, чтобы гениальный поэтъ изобрѣлъ новый поэтический языкъ. Препятствиемъ является форма, которую надобно прискать. Въ настоящее время еще не рѣшаются употреблять нѣкоторыхъ словъ. Копнѣ слишкомъ робокъ, а Риншпенъ слишкомъ смѣлъ. Когда найдено будетъ орудіе, реальная поэзія восторжествуетъ.

VI.

Выводъ мой уже можно предвидѣть. Но прежде, чѣмъ высказать его, мнѣ надо упомянуть о двухъ поэтахъ, которыхъ я не могъ помѣстить въ мою классификацію. Я говорю объ Альфонсѣ Додэ и о Сюлли Прюдомъ.

Оба стоятъ особнякомъ, и ихъ нельзя пристегнуть ни къ какой группѣ. Я долженъ прибавить, что Додэ давно уже не пишетъ стиховъ. Онъ писалъ премилые стихи въ юности, когда еще не установился. Извѣстно, какое видное мѣсто онъ завоевалъ себѣ съ тѣхъ поръ въ литературѣ. Онъ началъ съ прелестныхъ одавокъ и кончилъ романами, въ которыхъ еще больше расширилъ свои рамки. Наконецъ, онъ дошелъ до „Nabab“, самаго сильнаго изъ своихъ произведеній, представляющаго прекрасную картину парижской жизни. Въ настоящее время романистъ затеръ стихотворца.

Но я знаю, что Додэ любитъ вспоминать о томъ времени, когда онъ былъ стихотворцемъ. Онъ очень огорчился бы, если бы въ обзорѣ поэтовъ того времени было пропущено его имя. Безъ сомнѣнія, мѣсто, которое онъ занимаетъ въ поэзіи того времени, скромно — и я не стану жаловаться на то, что онъ отдался прозѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ немъ жилъ очень тонкій, очень изящный поэтъ, заслуживающій, чтобы о немъ не забыли.

Въ ту эпоху онъ виталъ исключительно въ мірѣ фантазій. Любопытство къ современному Парижу, къ картинамъ обыденной жизни еще не поглотили его. Онъ мечталъ о звѣздахъ, пилъ росу, плѣнился

цвѣтами и бабочками. Онъ только-что прибылъ изъ Прованса, еще согрѣтый лучами полуденнаго солнца, — и ужъ, разумѣется, въ его головѣ не помѣщалось никакихъ эстетическихъ идей. Онъ нѣлъ, какъ птица, для собственнаго увеселенія!

Впрочемъ, онъ написалъ не болѣе тысячи стиховъ. Издатель Шарпантье издалъ всѣ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: „les Amou-geuses“. И даже для пополненія тома пришлось присоединить нѣсколько прозаическихъ сказокъ. Заглавія стихотвореній достаточно объясняютъ фантастическій характеръ этого сборника: „la Vierge à la Crèche“, „les Bottines“, „à Clairette“, „le Rouge-Gorge“, „les Aventures d'un papillon et d'une bête à Bon Dieu“.

Но въ особенности прославилось одно стихотвореніе. Я говорю про „Prunes“, которое актеры читали во всѣхъ салонахъ Париза. Оно очень мило, и чтобы познакомить съ Додэ-стихотворцемъ, который такъ извѣстенъ, какъ романистъ, стоить привести его.

I.

Si vous voulez savoir comment
Nous nous aimâmes pour des prunes,
Je vous le dirai doucement,
Si vous voulez savoir comment.
L'amour vient toujours en dormant,
Chez les bruns comme chez les brunes;
En quelques mots voici comment
Nous nous aimâmes pour des prunes.

II.

Mon oncle avait un grand verger
Et moi j'avais une cousine;
Nous nous aimions sans y songer,
Mon oncle avait un grand verger.
Les oiseaux venaient y manger,
Le printemps faisait leur cuisine:
Mon oncle avait un grand verger
Et moi j'avais une cousine.

III.

Un matin, nous nous promenions
Dans le verger, avec Mariette:
Tout gentils, tout frais, tout mignons,
Un matin, nous nous promenions.
Les cigalles et les grillons
Nous fredonnaient une arriette:
Un matin nous nous promenions,
Dans le verger avec Mariette,

IV.

De tout cotés, de ci, de là,
Les oiseaux chantaient dans les branches,
En si bémol, en ut, en la,
De tout cotés, de ci, de là.
Les près en habit de gala
Étaient pleins de fleurettes blanches.
De tous cotés, de ci, de là,
Les oiseaux chantaient dans les branches.

V.

Fraiche sous son petit bonnet,
Belle à ravir, à point coquette,
Ma cousine se démenait
Fraiche sous son petit bonnet.
Elle sautait, allait, venait,
Comme un volant sur la raquette;
Fraiche sous son petit bonnet,
Belle à ravir, à point coquette.

VI.

Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes;
Et la gourmande en veut manger,
Arrivée au fond du verger.
L'arbre est bas; sans se déranger,
Elle en fait tomber quelques-unes.
Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes.

VII.

Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'offrant: „Tiens“!.. me dit-elle.
Mon pauvre coeur battait bien fort.
Elle en prend une, elle la mord.
Ses petites dents sur le bord
Avaient fait des points de dentelle..
Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'offrant: „Tiens“!.. me dit-elle.

VIII.

Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses,
(Si j'avais su ce que je sais!..)
Ce fut tout, mais ce fut assez.
Je mordis, comme vous pensez,
Sur la trace des lèvres roses.
Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses.

IX.

Oui, mesdames, voilà comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes:
 N'allez par l'entendre autrement;
 Oui, mesdames, voilà comment.
 Si parmi vous, pourtant, d'aucunes
 Le comprenaient différemment,
 Ma foi, tant pis! voilà comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes.

Сюли Придомъ поэтъ совсѣмъ иного закала. Его очень уважаютъ и его считаютъ самымъ замѣчательнымъ изъ нашихъ поэтовъ послѣ Воделера и Леконтъ де-Лиля. Но только такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ какой литературной категоріи, то и не пользуется той извѣстностью, какой заслуживаетъ. Это меланхолическій умъ и любить уединеніе. Его не встрѣтишь ни въ одномъ салонѣ; онъ ведетъ замкнутую и безвѣстную жизнь. Его характеризуетъ наиболѣе стремленіе къ разрѣшенію великихъ философскихъ задачъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ онъ сильнѣе вдается въ отвлеченность и увлекается метафизической формулой. Поэзія его близко соприкасается съ философіей.

Конечно, это опасный путь. Извѣстно, что философія плохо уживается съ образами. Поэтому стихи Сюли Придома, несмотря на всю свою силу, становятся безцвѣтнѣе и суще по жѣрѣ того, какъ онъ вдается въ умозрѣнія. Ничто лучше его не облагаетъ простую и сильную мысль въ трудную и сложную форму сонета. Онъ не ищетъ блеска, лиризма, неожиданнаго контраста красокъ и богатыхъ приемъ; онъ довольствуется тѣмъ, что ярко освѣщаетъ свою идею, такъ что ее не легко забыть. Въ этомъ родѣ его *chef d'oeuvre*— „le Vase brisé“. Это—знаменитое стихотвореніе, которое всѣ знаютъ наизусть и которое дастъ поэтому понятіе о мастерѣ Сюли Придома. Оно такъ коротко, что его можно привести цѣлымъ.

Le vase où meurt cette verveine
 D'un coup d'éventail fut fêlé.
 Le coup dut l'effleurer à peine,
 Aucun bruit ne l'a révélé.
 Mais la légère meurtrissure
 Mordant le cristal chaque jour,
 D'une marche invisible et sûre,
 Lentement en a fait le tour.
 Son eau fraîche a fui goutte à goutte,
 Le suc des fleurs s'est épuisé,
 Personne encore ne s'en doute.
 N'y touches pas, il est brisé.

Ainsi, souvent, la main qu'on aime
 Effleurant le coeur le meurtrit,
 Et le coeur se fend de lui-même,
 La fleur de son amour périt.
 Toujours intact aux yeux du monde
 Il sent croître et pleurer tout bas
 La blessure fine et profonde.
 Il est brisé, n'y touchez pas.

Весьма жаль, конечно, что Сюлли Прюдомъ увлекается философскими диссертациями, замораживающими его поэтический талантъ. Но меня поражаетъ самый фактъ, что философскія идеи такъ преслѣдуютъ его, и я вижу въ этомъ глухую работу современныхъ идей. Нельзя обмануться въ этомъ признакъ: несконечнo придется со временемъ считаться съ наукой; скажу болѣе, что величайшей поэзіей нашего вѣка является наука съ ея изумительными открытіями, ея побѣдой надъ матеріей, крыльями, которыми она придаетъ человѣку и удесатеряетъ его дѣятельность. Итакъ, для меня Сюлли Прюдомъ — поэтъ, задѣтый наукой и умирающій отъ этого прикосновенія.

Теперь нужно ли дѣлать выводы? Я показалъ, что романтизмъ все еще торжествуетъ у насъ. У насъ его хватитъ еще лѣтъ на сто; не скоро еще отдѣлаемся мы отъ этой лавы, приставшей къ нашей литературѣ и искажающей ея народный духъ. До сегодня первенствуютъ послѣдователи Виктора Гюго, непосредственные ученики, каковы Боделеръ, де-Бенвиладъ и Леконтъ де-Лиль, и ученики второго періода, какъ Катюль Мандесъ и всѣ молодые поэты, сгруппировавшіеся вокругъ него. Правда, что вліяніе Мюссе обѣщаетъ какъ будто бы усилиться, и Бушоръ готовится стать соперникомъ парнасской группы. Но, какъ я уже говорилъ, это будетъ лишь новой формой романтическаго хвоста. Наше время продолжаетъ копировать 1830 г. Копіе держится, къ несчастію, въ сторонѣ отъ естественнаго движенія; его поэтический духъ слишкомъ напичканъ для тяжелой и черной работы, которую предстоитъ выполнить. Съ другой стороны, Риплеу гонится лишь на то, чтобы пугать буржуа своими бесполезными рѣзкостями и своими современными поэмами съ сильнымъ Рембрантовскимъ освѣщеніемъ. Желанный поэтъ, кажется, еще не родился.

Въ новѣе не появлялось настоящаго творческаго таланта со времени Ламартина, Гюго и Мюссе. Всѣ наши поэты, безъ исключенія, вдохновляются этими тремя предшественниками. Въ ихъ еще ничего не создано. Этотъ фактъ слѣдуетъ засвидѣтельствовать. Поэтому мнѣ кажется, что великій поэтъ будущаго долженъ смести всѣхъ эстетическихъ настоящей минуты. Я думаю, что онъ будетъ вполнѣ современенъ, что онъ проведетъ реальную идею во всей ея чистотѣ. Онъ выразитъ нашъ вѣкъ въ новомъ языкѣ, который самъ создастъ. И,

не будучи пророкомъ, надѣюсь, что онъ не заставитъ себя ждать, потому что усилія, дѣлаемыя современными молодыми поэтами, чтобы отдѣлаться отъ избитыхъ формулъ, доказываютъ глухой переворотъ, который готовится. Мы видимъ въ нихъ предвозвѣстниковъ; быть можетъ, учитель находится среди нихъ, но еще безвѣстенъ; во всякомъ случаѣ мы готовы принять его съ честью.

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга.

Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, Виктора Григоровича.
Изданіе второе. Москва. 1877 г.

Новое изданіе извѣстнаго слезиватаго труда В. И. Григоровича даетъ намъ поводъ сдѣлать дополненіе ко всему, что было сказано о немъ, по поводу его недавней смерти.

Покойный В. И. Григоровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ личностей, которыя своими трудами не производили эфемернаго шума на аренѣ русской литературы; они проходили незримо для публики съ своими идеями и открытіями, и были цѣнными по достоинству только незначительнымъ числомъ лицъ, понимавшихъ истинную миссію такихъ дѣятелей.

Тридцать-пять лѣтъ трудился Григоровичъ и какъ ученый, и какъ профессоръ, и—умеръ вдали отъ центровъ ученой дѣятельности. Пока онъ жилъ и дѣйствовалъ, его игнорировали обратя на оружію. Изрѣдка, въ общихъ выраженіяхъ, почтительно отзывались о немъ по поводу какого-нибудь его открытія, и затѣмъ снова усердно отмахивались до новаго труда, о которомъ нельзя же было все-таки не сказать двухъ словъ, чтобы пополнить какой-нибудь краснорѣчивый отчетъ о своей дѣятельности. Въ русскія столицы, обилующія и бібліотеками рукописей и печатныхъ пособій, куда неоднократно стремился Григоровичъ, ему не давали ходу. Случайно какъ-то Григоровичъ попалъ-было въ Москву, но пребываніе его тамъ ограничилось нѣсколькими мѣсяцами, и насильственный произволъ усадилъ его снова въ Казани, гдѣ онъ и напечаталъ лучшіе свои ученые труды.

Къ числу ихъ принадлежитъ и вышедшее на-дняхъ въ Москвѣ,

вторымъ изданіемъ, „Путешествіе по Европейской Турціи“, которое можно назвать и первымъ отдѣльнымъ изданіемъ, такъ какъ оттиски „Путешествія“ изъ „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“ 1848 г. были вынуждены въ самомъ незначительномъ количествѣ, и не могли никакимъ образомъ проникнуть въ публику. Да и нужно ли это было? Кто сталъ бы читать эту книгу, переконченную библюграфическими указаніями невѣдомыхъ міру славянскихъ и греческихъ рукописей? Нѣсколько десятковъ лицъ, которымъ дороги были такіа указанія, своевременно получили книгу отъ автора, а другимъ до нея не было никакого дѣла.

Положимъ, что книга Григоровича вносила въ науку славяно-вѣдѣнія массу новаго матеріала, допустимъ, что безъ усвоенія этой массы матеріала становилась немислима исторія литературы восточныхъ славянъ, но публикѣ, привыкшей глотать перешеванную пищу, книга Григоровича представляла тяжелый, неудобоваримый матеріалъ.

Григоровичу, не умѣвшему обнародовать можетъ быть и десятой доли своихъ открытій, некогда было заботиться о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Онъ жилъ только мечтою объ успѣхахъ своей науки и не видалъ и самъ ничего пріятнаго на своемъ вѣку, кромѣ задумчивыхъ отзвонъ о своемъ дѣлѣ за прѣдѣлами Россіи. Въ „Воспоминаніи о Григоровичѣ“, помѣщенномъ во II-мъ томѣ „Древней и Новой Россіи“ за 1877 г., авторъ сообщаетъ, что Григоровичъ не желалъ сообщать публикѣ о многихъ интересныхъ для нея эпизодахъ своего путешествія, потому что не имѣлъ, не его собственнымъ словамъ, — „таланта въ нахожденіи такого рода повѣствованій“. Вроченъ, нрѣдка въ коздібннхъ трудахъ онъ касался и частныхъ сторонъ своей поѣздки ¹⁾. Вообще же, въ бесѣдахъ даже съ людьми близкими ему, Григоровичъ никогда не высказывалъ своихъ личныхъ интересовъ или своего недовольства окружающими его: въ немъ было слишкомъ много доброты, чтобы уличать злобу другихъ; въ немъ слишкомъ глубоко развито было чувство корпоративности, чтобы жаловаться на недоразумѣнія и возникающія отсюда драги въ профессорской семьѣ. Григоровичъ былъ выше нихъ. Слухъ о томъ, что онъ „своей стилистической оытностью въ латинскомъ языкѣ выручалъ молодыхъ докторантовъ, обязанныхъ представлять докторскія диссертации непремѣнно на латинскомъ языкѣ“, ходилъ, какъ тѣ видно изъ сообщенія А. А. Котляревскаго ²⁾, не въ одной Казани. Не знаешь, помогалъ ли Григоровичъ своимъ знаніемъ латини казанскому профессору Н. А. Иванову, хотя такіе слухи и ходили въ свое время,

¹⁾ Напр. въ «Замѣткахъ о Солунѣ и Корсунѣ», изданныхъ въ Одессѣ, въ 1872 г.

²⁾ Славянский Ежегодникъ. Кн. II, стр. 308.

знаемъ только, что Григоровичъ въ бесѣдахъ съ людьми, которыхъ вѣрилъ, никогда не жаловался на придирчивость профессора Иванова, высказывавшуюся неоднократно въ ихъ отношеніяхъ. Со времени прибытія Григоровича въ Казань, профессоръ Ивановъ дѣлается уже его антагонистомъ. Онъ не одобрялъ кандидатскую диссертацию Григоровича: „Исслѣдованія о Церковно-Славянскомъ нарѣчій, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ, и отношеніе его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ“. Несмотря на сочувственный отзывъ рецензента диссертации, профессора Фойгта, находившаго трудъ Григоровича достойнымъ печати, „по исправленію языка и слога“, съ тѣмъ согласно было большинство членовъ факультета, профессоръ Ивановъ въ разсужденіи дѣйствительнаго студента Григоровича видѣлъ *неудачную попытку* сдѣлать вѣроятнымъ извѣстное мнѣніе Копитара; особенно слабою почиталъ онъ историческую часть разсужденія, въ которой доказательства основаны на догадкахъ, а не на положительныхъ источникахъ; что же касалось языка, то г. Ивановъ признавалъ, „что диссертация Григоровича *по значительнымъ грамматическимъ ошибкамъ* чрезвычайно неудовлетворительна для предоставленія ему кандидатской степени“. Не смотря на то, что диссертация утрачена, намъ извѣстно, что Григоровичъ представилъ самостоятельное изслѣдованіе, хотя бы и развивающее мысль Копитара, знаемъ, что профессоръ Ивановъ былъ въ русской стилистикѣ искуснѣе Григоровича и можетъ быть *школьнымъ* правила правописанія зналъ тверже молодого слависта, требующаго иныхъ грамматическихъ началъ; но голосъ его остался единичнымъ, и рѣшено было, „по исправленію языка и слога“, напечатать изслѣдованіе Григоровича. Затѣмъ недоразумѣнія между профессоромъ Ивановымъ и Григоровичемъ высказались и въ разборѣ отчетовъ Григоровича о путешествіи по Турціи, отчетовъ, на основаніи которыхъ и было составлено „Путешествіе по Крестовійской Турціи“.

Вслѣдствіе порученія со стороны факультета, представить мнѣніе объ отчетахъ Григоровича, профессоръ Ивановъ въ своемъ мировоззрѣтельномъ докладѣ заявлялъ, что Григоровичъ „уловляется отъ главной цѣли миссіи — приготовленія себя къ званію университетскаго наставника, думая, что онъ отправленъ путешествовать для обогащенія науки новыми открытіями, а не для собственнаго наученія, чтобы по возвращеніи бытъ съ собою *университетскимъ учителемъ*“. Передавамъ содержаніе отчетовъ, профессоръ Ивановъ, предубѣжденно смотрѣвшій на Григоровича, обмолвился слѣдующею тирадой: „Стремись на Афонскую гору, намъ молодой путешественникъ предложилъ себѣ вотъ какую задачу: „*Сегодня о (тамошнихъ) славянскихъ рукописяхъ, сколько жнѣ извѣстно, не были сообщены, и потому, при обзорѣ монастырей Афонскихъ, обращаю особенное на нихъ вниманіе*“.

Очевидно, что г. Григоровичъ былъ подстрекаемъ надеждою новыхъ открытій. Не стану повторять здѣсь то, что я сказалъ уже выше о цѣли его путешествія; но не хочу умолчать, что эта задумавшаяся надежда слишкомъ прискорбно обманула его. Когда же подумаю, что сей невѣрной надеждѣ онъ принесъ въ жертву почти четыре съ половиною мѣсяца, то невольно приходитъ на мысль, *чего ради небла сѣ бысть*. Изъ этихъ драгоценныхъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ прожитыхъ г. Григоровичъ между учеными болгарами, сербами и чехами хотя три мѣсяца, *результаты его трудовъ были бы несравненно существеннѣе для его будущаго назначенія*". Послѣ изложенія содержанія отчетовъ, профессоръ Ивановъ просилъ факультетъ навести справку въ дѣлахъ, наблюдаетъ ли Григоровичъ сроки, назначенные ему въ планѣ путешествія. Впрочемъ, въ концѣ рецензій онъ признавалъ его „разносторонніи дѣльныя свѣдѣнія, похвальную любознательность и новыя утѣшительныя доказательства его неутомимой ревности къ своему предмету“, хотя и не забылъ упомянуть о небрежности слога.

Очевидно, профессоръ Ивановъ свысока смотрѣлъ на молодого слависта и не прочь былъ порисоваться и своимъ, до известной степени, знакомствомъ съ предметомъ занятій Григоровича.

„Путешествіе“ составлено по отчетамъ, представляемымъ начальству съ пути, и начинается Царьградомъ, куда Григоровичъ прибылъ 22-го августа 1844 г. О пребываніи въ Царьградѣ въ „Путешествіи“ говорится короче, нежели въ рукописныхъ отчетахъ. Въ печати упомянуто только, что бібліотеки константинопольскаго патріарха не существуетъ со временъ греческой войны, но за то много книгъ хранится въ патріархатѣ іерусалимскомъ, хотя и мало интересныхъ для славянской науки. Затѣмъ упоминается о дѣятельности типографіи константинопольскаго патріархата и знакомствѣ съ нѣкоторыми болгарами, известными въ ново-болгарской литературѣ. Непосредственно затѣмъ Григоровичъ переходитъ къ Солуню и Аэону. Въ дополненіе этого краткаго разсказа приводимъ здѣсь донесеніе Григоровича о пребываніи въ Царьградѣ. Это донесеніе покажетъ, какъ и что извлекалъ Григоровичъ изъ своихъ отчетовъ для печати. Это первое донесеніе печатному округу и факультету служить ланъ-бы введеніемъ въ его книгу.

„.... Августа 20 числа оставилъ я отечество. Быстро помчался пароходъ „Крымъ“, на которомъ занялъ я мѣсто, прорѣзалъ въ ширь Черное море, пронесся мимо ненаглядныхъ береговъ Босфора и равно въ сорокъ часовъ послѣ отправления сталъ на якорѣ у Константинопольской пристани, Тонхана. Не смѣю воснуща перемъ своимъ этихъ дивне равнообразныхъ видовъ, которые очаровательно сѣбѣ-лись предъ нашими глазами, и торжественной есаннѣ, съ которой

предсталъ въковѣчный Царьградъ. Поцѣлужу ваше вниманіе, не дерзну въ беснѣліи своемъ пытаться передать на бумагѣ удивленіе и душевный трепетъ при видѣ этихъ, нодлинно, чудесъ міра.

Въ день пріѣзда засвидѣтельствовалъ свой паспортъ въ турецкой тамошнѣ и въ канцеляріи посольства. Спусти еще два дня отправился по Босфору въ Бунедере, прелестную дачу, гдѣ проводилъ лѣтнее время нѣтъ посланникъ. Владиміръ Павловичъ Титовъ обратилъ благосклонное вниманіе на порученіе, мнѣ данное, и обѣщалъ, сколько позволяютъ обстоятельства, содѣйствовать. Эти обстоятельства однакожъ не весьма благоприятствовали моимъ ожиданіямъ. Послѣ нѣкоторыхъ соображеній, господинъ посланникъ изволилъ меня извѣстить, что не рѣшается ходатайствовать о выдачѣ мнѣ фирмана на путешествіе по всей Турціи, а совѣтуетъ ожидать благоприятнаго случая. До этого онъ изволилъ мнѣ выдать только тесвере (паспортъ) въ Салоники и на Аѳонскую гору, вмѣстѣ съ довѣрительнымъ письмомъ къ настоятелямъ Аѳонскихъ монастырей. Проживъ мѣсяца два или три въ этихъ мѣстахъ, я могу узнать отъ русскаго консула въ Салоники, возможно ли мнѣ путешествовать по Румелии и Болгаріи, или — не нужно ли будетъ обратно уѣхать въ Константинополь, чтобы отсюда отправиться моремъ въ Галацъ, или сухимъ путемъ, съ почтою черезъ Адрианополисъ въ княжество сербское. Господинъ посланникъ при этомъ далъ мнѣ замѣтить, что извѣстия ему причинны склоняютъ его въ такой только мѣрѣ содѣйствовать и вмѣстѣ требовалъ наблюдать нужные правила осторожности. Такимъ образомъ я на первый разъ завѣренъ въ возможности быть въ мѣстахъ, указанныхъ мнѣ въ инструкціи и постоянно завлекавшихъ нѣкогда мое любопытство. О продолженіи своего путешествія доложу вашему превосходительству частнымъ письмомъ.

До полученія этихъ охранныхъ бумагъ, протекло ровно двѣ недѣли. Этимъ временемъ я воспользовался такъ, что обозрѣлъ всѣ для меня важныя памятники столицы. Если я болѣе, чѣмъ ожидаю, удовлетворилъ своему желанію, то этимъ весьма обязанъ г-ну Верезину, встрѣта съ которымъ въ такомъ городѣ, какъ Стамбулъ, была двоякой пріятна. Отрадно было встрѣтить въ немъ благородномъ соотечественникъ добраго товарища и готоваго путеводителя. Г. Верезинъ провелъ уже болѣе мѣсяца въ Константинополѣ въ занятіяхъ турецкою литературою.

Я обозрѣлъ главнѣйшія мечети и въ числѣ ихъ св. Софію саружу, былъ въ знаменитомъ Сарай-бурну и осмотрѣлъ всѣ дозволенные путешественнику его примѣчательности, былъ на мѣстѣ древняго гипподрома (аттлейдана), видѣлъ византійскіе акведуки и даже осмотрѣлъ нѣкоторые исторически важные окрестности.

Къ моему удивленію всѣ знакомство съ патріархатами іерусалимскимъ

и константинопольскимъ, съ типографією и бібліотекою патріаршими, съ книжными лавками, нѣкоторыми училищами, и освѣдомленіе о славянской части народонаселенія столицы. Въ патріаршихъ соборахъ, которые нищенствомъ своимъ трогательно свѣдѣтельствуютъ объ уничтоженіи христіанства, не много нашелъ примѣчательностей. Гораздо болѣе стоило обратить вниманія на бібліотеку іерусалимскаго патріархата. Библіотека константинопольскаго расхищена въ греческую войну:—въ ней около 900 рукописей, болѣею частью богословскихъ. Надобно было имѣть нарочное позволеніе для разсмотрѣнія ихъ: мнѣ какъ носѣтителю дозволено было обзорѣніе. Книжныя лавки, которыхъ я нашелъ шесть, заключаютъ много греческихъ книгъ, въ числѣ которыхъ много никонабуловъ, а также довольно болгарскихъ, которыя я не замедлилъ приобрѣтать. Какъ о примѣчательности, доложу о географической картѣ Болгаріи, данной на болгарскомъ языкѣ въ Стамбулѣ. Вообще замѣтно, что въ Константинополѣ задумываютъ о распространеніи болгарскихъ книгъ между турецкими славянами. Въ патріаршей типографіи недавно отпечатано ихъ нѣсколько. Изъ христіанскихъ училищъ главное мѣсто безспорно занимаетъ то, которое находится недалеко отъ Стамбула, въ деревнѣ Куручесме. Оно считается высшимъ. Кромѣ богословія и философіи, латинская литература преподается тамъ профессоромъ нѣмцемъ. Еще любопытно было мнѣ узнать о большомъ числѣ болгаръ и другихъ славянъ, здѣсь проживающихъ. Однихъ болгаръ, полагають, будетъ до 20 тысячъ. Ихъ главный промыселъ—сбытъ суконъ своего собственнаго надѣлія. Сверхъ того, они продаютъ здѣсь свои шерстяныя матеріи, табакъ и розовое масло отличной доброты. Мнѣ удалось также познакомиться съ нѣкоторыми весьма образованными болгарами, воспитанными въ Парижѣ и Лейпцигѣ.

„Не могу предать письму своему занимательности, стоящей важности и равнообразія предметовъ, съ которыми ежедневно знакомился. Надобно бы было преодолѣть душевное волненіе, которое вдругъ обнимаетъ душу каждаго на этомъ поприщѣ великихъ событій, — чтобы спокойно соображать и передавать свои впечатлѣнія. Уваженіе, которое питаю къ вашему превосходительству, воспрещаетъ изливать индивидуальныя чувства и позволяетъ только, доложивъ вкратцѣ о прошедшемъ мною, повторить искреннія слова признательности, которую всегда глубоко чувствую.—В-го Пр-ства и проч. 7 (19) сентября. Константинополь“.

Второе донесеніе было прислано Григоровичемъ изъ Солуня, отъ 23-го сентября (1844 г.).

„Сентября 8-го числа — писалъ Григоровичъ — отправился я изъ Константинополя на австрійскомъ пароходѣ въ Солунь, и прибылъ туда 10-го числа. Завязавъ свой тесмере въ турецкой таможнѣ и вру-

увѣзъ письмо отъ г. посланника г. консулу Мустомиди, и остался здѣсь жить до перваго удобнаго случая къ отправленію на Ассинскую гору. Сегодня, т.-е. 28-го числа, напались конутчики, монахи Хиландарскаго монастыря, и я началъ лошаковъ, дабы выѣсть съ ними совершить свое путешествіе до мѣста, гдѣ обѣщаю собѣ много труда и много пользы.

Въ Солуни начались труды, исключительно ведущіе къ достиженію указанной цѣли. Этотъ городъ, достопримѣчательный въ торговомъ отношеніи, представляетъ неисчерпаемые источники для эллиниста археолога и можетъ также полезно занять славиниста. Какъ древній городъ, онъ единственный въ цѣлой Турціи, сохранившій—искаженные, конечно, но неизглаженные—памятники древняго быта. Начиная отъ македонскихъ царей до послѣднихъ временъ византійской имперіи, памятники, частью уцѣлѣвшіе, больше же въ развалинахъ, напоминаютъ о важной роли, которую онъ игралъ. Ни въ одномъ городѣ, быть можетъ, путешественникъ не найдетъ столько остатковъ древности, которые еще легко можно различать. По улицамъ вездѣ встрѣчаются камни съ истертymi латинскими или греческими надписями, служившіе нѣкогда надгробіями,—теперь мостовой; колонны, отличной отдѣлки—въ стѣнахъ, на порогахъ или даромъ лежанія. Нѣкоторыя мечети носятъ еще неистлѣвшій блескъ древняго великолѣпія. Самымъ древнимъ зданіемъ почитается ретонда, нѣкогда храмъ Кабировъ, обращенный въ христіанскую церковь,—теперь ветхая мечеть. Не менѣе примѣчательны двѣ мечети, первая—бывшій храмъ Венеры, впоследствии христіанская церковь, гдѣ проповѣдывалъ апостолъ Павелъ; вторая—нѣкогда церковь св. Софіи, модель константинопольской. Но всѣхъ великолѣпнѣе мечеть, бывшій храмъ св. Димитрія. Это обширное зданіе украшено внутри колоннадою превосходной отдѣлки изъ зеленого и бѣлаго мрамора и изъ гранита. Не извѣстно, куда дѣвались мощи святого, но трюбъ его, надъ которымъ теплится лампада, турки благоговѣнно сохраняютъ. Солунь игралъ въ христіанствѣ самую значительную роль. Здѣсь проповѣдывалъ апостолъ Павелъ. Теперь еще хранится кафедра, съ которой совершались его проповѣди. Здѣсь родина и поприще христіанскихъ подвиговъ св. Димитрія и многихъ другихъ святыхъ. Не для насъ, славянъ, этотъ городъ имѣетъ еще особенную важность. Изъ него вышли славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій. Замѣчательно, что здѣшнее греческое духовенство, за исключеніемъ митрополита, ничего не знаетъ объ этихъ святителяхъ. Напрасно въ церквахъ искалъ ихъ иконъ и расспрашивалъ о мѣстномъ ихъ почитаніи.

Обозрѣвая памятники города, я между тѣмъ присматривалъ собоѣ ученыхъ занятій. Къ нимъ привели знакомства. Съ содѣйствіемъ

г. консула Мустонсиди я познакомился съ митрополитомъ солунскимъ, отцомъ Іеронимомъ, и съ консулами европейскихъ державъ. Освѣдомившись, гдѣ находятся бібліотеки, вскорѣ получилъ къ нимъ доступъ. Солунь, духовенство котораго славилось ученостью, не могъ не сохранить памятниковъ его трудолюбія. И теперь еще нѣсколько книгохранилищъ сохраняютъ много матеріаловъ для ученаго историко-богослова. Въ нихъ я нашелъ слишкомъ полтораста греческихъ рукописей. Положеніе этихъ рукописей самое жалкое, особенно въ монастырѣ, называемомъ Чаушъ-монастырь. Это образецъ небреженія. Хотя ихъ важность можетъ только оцѣнить ученый богословъ, но можно навѣрное сказать, что онѣ заключаютъ много пособій, безъ которыхъ затрудняются издатели отцовъ церкви. Обращая вниманіе на исторически важное по отношенію къ славянамъ, а какъ ни трудился надъ этими изъѣденными и пропрѣлыми фоліантами, не могъ однакожъ прислать себѣ къ тому матеріаловъ. Трудно притомъ разсматривать рукописи, покрытыя пылью, для которыхъ нѣтъ каталога и которыхъ нельзя брать домой. Допущенный въ эти книгохранилища, я всегда долженъ былъ сѣвшить, опасаясь насучить монахамъ, которые неохотно показывали книги, хотя и не берегутъ ихъ. Надѣюсь однакожъ, возвратившись изъ Аѳонской горы, заслужить болѣе довѣрія. Знакомство съ австрійскимъ консуломъ, г. Михановичемъ, принесло мнѣ существенную пользу. Страстный охотникъ къ славянскимъ древностямъ, г. Михановичъ, родомъ хорватъ, совершилъ самъ нѣсколько поѣздокъ по Македоніи и Фракіи и собралъ много заслуживающихъ всеобщее вниманіе рукописей. Гостепріимный, онъ дозволилъ мнѣ разсматривать ихъ, сдѣлать нѣкоторыя выписки и замѣчанія. Эти рукописи, числомъ слишкомъ двадцать, и тѣмъ уже примѣчательны, что собраны въ Македоніи, откуда мы еще не имѣли ученыхъ запасовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ любопытны, что я осмѣливаюсь обратить теперь же вниманіе в—го пр—ства. Ихъ открытіе находится въ связи съ нѣкоторыми вопросами, которые недавно занимали ученыхъ. Благодаря г. Михановичу, я имѣлъ случай удостовѣриться въ обширномъ нѣкогда употребленіи глаголиты. Ему принадлежитъ глаголитскій отрывокъ, доставленный ему изъ Аѳонской горы, гдѣ также находится цѣлая глаголитская книга. О существованіи здѣсь глаголиты предполагалъ уже покойный Копитаръ. Еще любопытнѣе неполный кодексъ XIII или XIV стол. словъ отцовъ церкви на славянскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ находятся тѣ же самыя слова, которыя издавали Копитаръ и Калайдовичъ. Но самое любопытное открытіе и для русскихъ ученыхъ весьма важное есть полный кодексъ номоканона, который древнѣе всѣхъ находящихся въ Россіи, и принадлежитъ къ новому разряду. Онъ переписанъ въ 1262 году и принадлежалъ сербскому патріарху Арсенію. Намъ извѣстны кодексы

суть болгарскіе и помешаны ученые Розенцвейгъ; этотъ новый кодексъ принадлежитъ въ разряду сербскихъ. Другія рукописи заключаютъ въ себѣ также много любезнѣаго, хотя и относится къ чисто церковной категоріи.

„Вообще можно сказать, что вѣчная европейская Турція — terra incognita для ученыхъ. Нѣсколько недавно совершенныхъ путешествій только завлекли любопытство, но не удовлетворили его. Но и надобно признаться, что этому любопытству поставлены многія преграды. Только тому, кто можетъ прожить здѣсь многіе годы, возможно уловить удобный случай для поисковъ и изслѣдованій. Надобно притомъ для нихъ весьма разнообразнаго притотворенія. Преслѣдовать одну цѣль невозможно, необходимо многимъ заниматься, много высмотрѣть, чтобы, наконецъ, достигнуть ея.

„Что касается меня, то я стараюсь пользоваться всѣмъ, что представляетъ мнѣ мѣстность, не упуская изъ виду своихъ обязанностей. Подчиняясь необходимости, налагаемой обычаями края, высматриваю удобный для своихъ изученій случай. Могу надѣяться, что не буду безъ пользы. Благодаря сдѣйствію г. консула, мнѣ возможно, кажется, будетъ достигнуть многихъ изъ предположенныхъ цѣлей. Осмѣливаясь на его удостовѣренія и совѣтахъ, я предполагалъ, возвратившись изъ Аѳонской горы въ Солунь, отсюда отправиться въ Охридъ, гдѣ надѣюсь найти нѣсколько болгарскихъ памятниковъ. Изъ Охрида еще разъ обратно въ Солунь, дабы, наконецъ, отсюда подвинуться на сѣверъ къ Валахін. Если исполнится это предположеніе, то надѣюсь этимъ удовлетворить многимъ прежнимъ желаніямъ. Но впередъ ничего не рассчитываю — тогда, когда возможность счасливо можетъ измѣниться.

„Теперь отправляюсь на Аѳонскую гору, гдѣ желаю прожить два мѣсяца, а если занятія потребуютъ — и болѣе. Здѣсь предметомъ занятій своихъ поставлю ознакомленіе со всѣми славянскими рукописями и теоретическое и практическое изученіе болгарскаго языка. При этомъ осмѣливаюсь доложить в—му пр—ству, что донесеніе свое буду лишь въ состояніи отправить по возвращеніи въ Солунь, откуда только возможно мнѣ будетъ доставить начальству о себѣ извѣстіе“.

Изъ донесеній, въ родѣ приведенныхъ здѣсь, составилось знаменитое „Путешествіе по Европейской Турціи“, открывшее ученому міру массу дотогѣ неизвѣстныхъ древне-славянскихъ памятниковъ болгарской и сербской редакціи, которымъ суждено было въ послѣдствіи занять много страницъ въ исторіи древней письменности южныхъ славянъ. Почти всѣ 214 страницъ книги Григоровича (1848, Казань) наполнены такими бібліографическими указаніями, и только типографскіе недостатки книги могли непріятно поражать изслѣ-

дователя славянской старины. Въ сороковыхъ годахъ типографіи казанскаго университета, богатая восточными шрифтами, бѣдна была славянскимъ шрифтомъ. Кромѣ обычнаго шрифта церковныхъ книгъ, въ ней не было другихъ шрифтовъ, необходимыхъ для передачи особенностей древне-славянскихъ рукописей, и издателю невольно приходилось передавать тексты гражданскимъ шрифтомъ и прибѣгать къ помощи составленія изъ другихъ гражданскихъ литеръ одной церковной. Такимъ образомъ въ книгѣ Григоровича встрѣчаемъ і-а вмѣсто ѡ, і-є вмѣсто ѣ. Даже въ бѣдномъ Бѣлградѣ типографское дѣло было поставлено лучше, чѣмъ въ Казани, и въ книгахъ Авраамовича ¹⁾, посвященныхъ описанію афонскихъ древностей и вышедшихъ въ свѣтъ одновременно съ „Путешествіемъ Григоровича“, — мы нерѣдко видимъ болѣе правильную, со стороны типографской, передачу древне-славянскаго текста. Уже г. Майковъ въ своемъ изслѣдованіи о сербскомъ языкѣ замѣтилъ, что Григоровичъ, посѣщая Афонскіе монастыри... „читалъ многія сербскія грамоты, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а нѣкоторыя и вполне списалъ, но съ сожалѣніемъ должно сказать, что отрывками, сообщенными имъ въ его „Путешествіи“ невозможно пользоваться при изученіи языка, ибо въ нихъ слова подлинника перемѣшаны съ выраженіями самого издателя; напечатаны гражданскими бузвами, между которыми кое-гдѣ проглядываютъ церковно-славянскія бузвы и сочетанія въ родѣ і—а и і—є, и титлы. Поэтому, — продолжаетъ Майковъ, — мы не сличаемъ его грамоты съ тѣми, которыя изданы Авраамовичемъ. Довольно указать на одну грамоту Стефана Немани, изданную весьма точно два раза Авраамовичемъ и одинъ разъ Шафарикомъ, и переданную Григоровичемъ со множествомъ разнословій противъ трехъ другихъ изданій; но стоитъ лишь прочесть двѣ или три строки, чтобы убѣдиться, что грѣшати не первые двое, а послѣдній“ ²⁾.

Отзывъ Майкова я называю бы суровымъ и потому, что типографскіе недостатки приписаны были ученому не менѣе, чѣмъ кто-либо дорожающему буквой, и потому, что отрывокъ текста извѣстнаго Хрисовула Стефана Немани (Симеона), помѣщенный на 40-й страницѣ перваго изданія „Путешествія“ и на 35—36 втораго изданія — текстъ, о которомъ, конечно, упоминаетъ г. Майковъ ³⁾, мѣстами конечно толковѣе полнаго текста, дважды напечатаннаго Авраамовичемъ. Читатель, знающій дѣло, пойметъ очень хорошо, что должно быть въ оригиналѣ вмѣсто напр., *велмега жоупана*, а стало быть возможно пользо-

¹⁾ „Описаніе древностей србски у святой (Атонской) гори“. У Београду, 1847; и Света гора со стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848.

²⁾ Исторія сербскаго языка. Стр. 9.

³⁾ „Света Гора“, стр. 40—45; „Описаніе древностей србски“, стр. 16—18.

ваться и неисправнымъ въ типографскомъ отношеніи изданіемъ Григоровича. Съ другой стороны, текстъ Авраамовича тоже не передаетъ вполнѣ оригинала, напр. дѣрьгево, вмѣсто дѣрьгево. Въ Москвѣ въ 1857 г. издавать правильные церковно-славянскіе тексты было легче, нежели въ Казани въ 1848 г., и еще легче было бы пользоваться типографскими удобствами Москвы въ 1877 г., когда появилось второе изданіе „Путешествія“ Григоровича. Изъ сожалѣнія, московскій редакторъ новаго изданія „Путешествія“ Григоровича, знавшій, что прежнее казанское изданіе „составляетъ библиографическую рѣдкость“, имѣлъ въ виду, кажется, иную цѣль. Онъ въ предисловіи своемъ заявилъ, что „въ настоящее время, когда идетъ святая брань, поднятая православною Русью и ея доблестными Царемъ-Освободителемъ за человѣческія права и нравственно-религіозное существованіе нашихъ единоплеменниковъ, стонущихъ подъ гнетомъ невѣжественныхъ и грубыхъ османовъ, предлагаемый очеркъ (Путешествіе)... можетъ наилучшимъ образомъ ознакомить нашихъ читателей съ географіей Балканскаго полуострова, съ бытомъ болгаръ, ихъ матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ и ихъ безотраднымъ положеніемъ между, съ одной стороны, ихъ неограниченными, но невѣжественными повелителями—турками, врагами ихъ вѣры по принципу, и съ другой стороны—будто бы просвѣщенными, но лукавыми ихъ единовѣрцами—греками и вуцовлахами“. Смѣло говоримъ, что издатель оказалъ плохую услугу и русской публикѣ, которая не найдетъ въ книгѣ Григоровича того, что обѣщаетъ въ ней издатель,—и памяти достойнаго ученаго, представивъ въ новомъ изданіи его почтеннаго труда небрежную перенечатку, не только не устранившую очевидныя для знающаго дѣла опечатки перваго изданія, но обилующую безчисленными множествомъ новыхъ.

М. П—овъ.

1 декабря 1877 г.

НЕКРОЛОГЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НЕКРАСОВЪ

род. 22 ноября 1821 г. † 27 декабря 1877.

Некрасова не стало,—но долго не перестанетъ звучать въ воздухѣ Некрасовскій стихъ. Этимъ стихомъ поэтъ справедливо стяжалъ себѣ большое имя, и въ немъ будущій его біографъ долженъ искать главнымъ образомъ и опредѣленіе литературнаго характера поэта, и от-

печати пережитой имъ эпохи. Такой характеръ старались обыкновенно опредѣлять словомъ: „народный“; какъ-бы въ отвѣтъ на это, Некрасовъ въ своихъ „Послѣднихъ пѣсняхъ“ сказалъ:

Я дворянскому нашему роду
Блеска днрой моей не слезалъ;
Я настолько же чуждъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ!

— и только друзьямъ своимъ, нашему будущему, онъ пожелалъ не „праздно“ —

Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобъ широкіе лалти народныя
Къ ней проторили пути!

Идея поэта ясна,—и не-разъ высказывается имъ горькое, болѣзненное чувство, вызываемое всегда одною и тою же мыслью, что не до стиховъ и не до книжекъ тому „Калистратуникъ“, который поетъ у него же: „Въ ключевой водѣ купаюся,—пятерней чешу волосыньки;—урожаю дожидаяся,—съ непосѣянной полосыньки!“ Тутъ трудно быть въ прямомъ смыслѣ слова народнымъ поэтомъ, какъ нельзя назвать ученаго автора педагогическихъ трактатовъ дѣтскимъ писателемъ: ихъ могутъ читать всѣ, кромѣ именно дѣтей, хотя эти трактаты и пишутся, такъ-сказать, въ защиту дѣтскаго дѣла.

Въ литературѣ такое положеніе вещей бывало не у однихъ насъ; въ такомъ положеніи была не только поэзія, но и проза въ Германіи, напримѣръ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, когда въ обществѣ начали носиться идеи о необходимости лучшаго гражданского порядка, который могъ бы поднять народъ изъ его невѣжества, нищеты, умственной неразвитости. Эта эпоха осталась известною въ исторіи Германіи подъ именемъ эпохи — „Aufklärung“. Она имѣла своихъ особенныхъ писателей, своихъ поэтовъ; напрасно было бы ихъ сравнивать съ поэтами другихъ эпохъ, называемыхъ обыкновенно классическими. Некрасовскій „Поэтъ“ отлично понималъ такое различіе и попытался заставить своего призывающаго къ борьбѣ собесѣдника прочесть изъ Пушкина:

„Не для житейскаго волненія,
„Не для користи, не для битія,
„Мы рождены для вдохновенья,
„Для звуковъ сладкихъ и молитъ!“

— и Некрасовскій „поэтъ“ въ восторгѣ: „Неподражаемые звуки!“ — но собесѣдникъ качаетъ отрицательно головою:

И я восторгъ твой раздѣляю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣе въ сердцу принимаю!

Вѣрный знакъ, что на сценѣ исторіи идетъ эпоха „Aufklärung“.

Чтобы понять вполне значеніе такого „Aufklärung“, мы должны нѣсколько отрѣшиться отъ понятія, которое соединяется вообще съ нашимъ переводомъ нѣмецкаго выраженія словомъ: *просвѣщеніе*, и которое у насъ, въ иныхъ случаяхъ, выражаетъ даже прямо противоположное тому, что говорится этимъ словомъ. Эпоха „просвѣщенія“ въ Германіи была главнымъ образомъ эпохою просвѣтлѣнія ума и чувства въ обществѣ,—возбужденія общественной совѣсти, и съ этою-то цѣлью литература старалась сдѣлать нагляднымъ, выяснять бѣдственное положеніе массъ — конечно, не этимъ же самымъ массамъ: онѣ и не знали литературы — но тѣмъ, которые долгое время оставались бы безъ того равнодушными къ ихъ жалкому положенію.

Эпохи такого „просвѣщенія“ повторяются собственно въ исторіи всѣхъ обществъ, въ самыхъ различныхъ формахъ; орудіями такого „просвѣщенія“, конечно, являются всегда большіе таланты въ литературѣ или на сценѣ; все значеніе такихъ людей исчерпывается ихъ талантомъ говорить прямо здравому смыслу и дѣйствовать непосредственно на чувство; частная ихъ жизнь, дѣятельность — тутъ не причемъ; и нерѣдко она не имѣетъ ничего общаго съ возвышенностью и чистотою помысловъ ихъ творенія; но это обстоятельство никогда не ослабляло высокаго назначенія ихъ поэтической службы: таково уже обаяніе таланта и такова потребность общества — быть вызываему изъ своего летаргическаго сна. Всѣ спѣшать какъ-бы вкусить „плоды, съ невѣдомаго дерева“, говоря словами же Неврасова:

Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время!

Припомнимъ Бомарше, проведеннаго всю свою жизнь въ средѣ, которая именно и была потрясена его талантомъ, и вовсе чуждаго другой среды, которой послужилъ его талантъ. Кто говоритъ о его частной жизни, кому она теперь интересна, и кто не знаетъ цѣны того, что было имъ произведено?

Вотъ именно къ разряду такой „пресвѣщающей“ поэзіи относится и Муза Некрасова. Только по своей внѣшней формѣ она была „Музою мести и печали“,—тутъ, пожалуй, могъ выразиться и личный темпераментъ поэта, и воспоминанія о тяжелыхъ годахъ молодости; но не „мести и печаль“ были ея окончательною цѣлью; не къ народу она обращалась, который, конечно, о ней и понятія не имѣлъ; эта Муза могла и не встрѣчаться вовсе съ народомъ, въ кабинетѣ поэта; оба они жили съ тѣмъ же обществомъ, которое мы видимъ повсюду на нашихъ городскихъ улицахъ, площадяхъ; но она будила совѣсть этого общества; благодаря таланту поэта, она успѣвала проникать глубоко въ душу даже тѣхъ, кого подчасъ корила, и кто самъ былъ

причастенъ дѣламъ вѣка — или по истощенности природы, или просто по апатіи и нравственному индифферентизму; она иногда бывала жестока и къ самому поэту, и онъ какъ-будто тосковалъ:

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!

Понятно теперь, въ чемъ состоитъ существенная заслуга такъ-называемой „просвѣщающей“ литературы; она вовсе не увеличиваетъ массы знанія; напротивъ, она и говоритъ только о томъ, что всѣ про-себя знаютъ; она не дѣлаетъ открытій, и именно настаиваетъ особенно на томъ, что лежитъ собственно предъ всѣми открыто; но она вноситъ свѣтъ въ минуты помраченія или ослабленія общественной совѣсти и будитъ то, что начинаетъ дремать въ нашей нравственной природѣ, или даже и то, что заснуло давно и не просыпалось цѣлыми вѣками. Кромѣ поэзии Некрасова, мы знаемъ въ исторіи нашей литературы другой блестящій примѣръ силы „просвѣщающей“ поэзии, хотя и не въ формѣ стиха. Это — „Записки Охотника“ Тургенева. Они писаны также ради народа, и также никогда не были читаны народомъ; но есть эпохи, когда великій художникъ дѣйствуетъ могущественнѣе, чѣмъ цѣлые трактаты, направленные, въ настоящемъ случаѣ, противъ крѣпостного права; великій художникъ вноситъ свѣтъ въ общественную совѣсть, и подготавливаетъ почву, прежде нежели наступитъ пора бросить въ нее новое сѣмя. Къ счастью человечества, общественная совѣсть, если только дѣло не дошло до Содома и Гоморры, никогда долго не выноситъ тревожнаго состоянія, сомнѣнія въ своей правотѣ; а разъ она встревожена, — о ней тогда можно сказать словами древнихъ: „erubuit — salva res est!“ Велика потому и заслуга тѣхъ, кто побуждаетъ общественную совѣсть время отъ времени — краснѣть.

Секретъ обаянія таланта въ подобныхъ эпохи „просвѣщенія“ заключается единственно въ художественности, въ живомъ и стройномъ воспроизведеніи того, что каждый изъ насъ, безъ всякаго таланта, видитъ ежедневно предъ своими глазами во всей наготѣ. Вотъ почему, — не зная мы даже стиховъ Некрасова, но если только намъ извѣстно впечатлѣніе, которое они производили на общественное сознаніе, на общественную волю, — и мы не поколеблемся признать его замѣчательнымъ художникомъ. Любопытно при этомъ, что Некрасовъ не только хорошо понималъ и цѣнилъ значеніе художественности, но горько сожалѣлъ, что не всегда его талантъ могъ имѣть для себя главное ея условіе — онъ не всегда могъ быть независимымъ во всѣ стороны. Вѣроятно, въ одну изъ минутъ тяжелаго раздумья у него вырвалось, такъ-сказать, изъ груди замѣчательное восклицаніе:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ!

Въ переводѣ съ поэтическаго языка это значитъ: „при другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ, я былъ бы полнымъ представителемъ искусства; но опять я не могъ быть и общественнымъ дѣятелемъ, потому что все-таки я родился для пѣсни“. Это — не скромность; напротивъ: это — сознаніе своей внутренней силы, вынужденной расходовать себя не столько на творчество, сколько на обходъ всякихъ житейскихъ препятствій, на тщетную борьбу съ ними, изъ которой не всегда можно выйти цѣлымъ. Пусть будущій біографъ поэта остановится и подумаетъ надъ смысломъ этого знаменательнаго самоотрицанія; комментарий къ нему, оставленный Некрасовымъ въ его обращеніи къ памяти Шиллера, еще не полонъ, и выражаетъ только тоску о другихъ эпохахъ, когда поэтъ можетъ отдаваться свободно и всецѣло задачамъ искусства:

Гдѣ вы — пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Вѣкъ „крови и меча!“
На тронъ земли ты посадишь банкира,
Провозгласишь героемъ налача...
Толпа гласитъ: „пѣвцы не нужны вѣку!“
И вѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?..
Прости слѣпца, художникъ вѣковосвѣтъ,
И возвратись! Волшебный фавосъ свой,
Погашенный рукою деревенской,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Годъ тому назадъ, въ февралѣ, еще до операціи, выслушивая у постели больного его различныя воспоминанія изъ различныхъ эпохъ его жизни, мы просили у него позволенія дѣлать замѣтки съ тѣмъ, чтобы, изложивъ ихъ послѣ, по его словамъ, въ слѣдующій разъ, какъ говорится, мы читали протоколъ предыдущаго нашего засѣданія, а потомъ онъ будетъ рассказывать дальше — или дополнить и исправить предыдущее. Къ сожалѣнію, эта мысль пришла намъ въ голову слишкомъ поздно: болѣзнь не ждала исполненія всей программы, и дѣло остановилось на первомъ періодѣ, до оставленія Некрасовымъ здѣшняго университета (1821—1841 гг.). Затѣмъ должны были послѣдовать эпохи подготовительной литературной школы и опытовъ (1841—1846 гг.), и наконецъ, 30-ть лѣтъ журнальной дѣятельности (1847—1877 гг.), съ небольшимъ перерывомъ между „Современникомъ“ и „Отечественными Записками“. Около того времени, въ мартѣ или въ апрѣлѣ прошлаго года, выходилъ въ свѣтъ

новый выпускъ „Русской Библіотеки“ (VII), съ выборомъ изъ стихотвореній Некрасова, и въ немъ появился тотъ очеркъ жизни поэта, въ томъ видѣ, какъ мы успѣли его набросать съ его словъ. Въ виду общаго интереса, мы позволимъ себѣ перенечатать этотъ очеркъ здѣсь, такъ какъ „Русская Библіотека“ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ свою публику и находится въ рукахъ у немногихъ ¹⁾.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился, 22-го ноября 1821 года, въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексій Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій приобрѣлъ обширныя помѣстья на извѣстныхъ въ то время правахъ посессионера. Оставивъ службу съ чиномъ майора, отецъ Некрасова поселился окончательно въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ тракѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство (всего было 13 братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ два брата Н. А. Некрасова, Константинъ и Федоръ Алексѣевичи, и одна сестра, Анна Алексѣевна), процессы по имѣнію—все это ставило нерѣдко главу семейства въ затруднительное положеніе.

Николай, въ 1832 году, былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятого класса. Проведя все свое дѣтство въ деревнѣ, онъ и во время обученія возвращался туда же при каждомъ удобномъ случаѣ: весною — на

¹⁾ Въ самомъ концѣ прошлаго года явился въ свѣтъ второй выпускъ изданій г. Вауна: „Русскіе современныя дѣтели“; между прочимъ, тамъ помѣщенъ портретъ Н. А. Некрасова съ біографическимъ очеркомъ, который, въ нашемъ удивленіи, подписанъ А. Михайловымъ, въ качествѣ автора. Если сравнить помѣщенный нами наверху текстъ нашего очерка съ текстомъ очерка г. Михайлова, то наше удивленіе будетъ совершенно напрасно. Вотъ текстъ г. Михайлова:

„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22-го ноября 1811 г. (1), въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексій Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій приобрѣлъ обширныя помѣстья на извѣстныхъ въ то время правахъ посессионера. Оставивъ службу съ чиномъ майора, отецъ Николая Алексѣевича поселился окончательно въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ тракѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство, процессы по имѣнію, хлопоты и заботы нерѣдко ставили главу семейства въ затруднительное положеніе. У Николая Алексѣевича всего было принадлежать братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ два брата: Константинъ и Федоръ Алексѣевичи, и одна сестра, Анна Алексѣевна“.

„Въ 1832 году Н. А. былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятого класса. Проведя свое дѣтство въ деревнѣ“, и т. д.

До сихъ поръ г-ну А. Михайлову, какъ автору, принадлежатъ ошибки въ годъ рожденія Некрасова, и то, что сказано у насъ въ скобкахъ, у него—безъ скобокъ. Затѣмъ продолжается въ изданіи г-на Вауна такая же дословная перепечатка нашего текста до самаго конца, за исключеніемъ послѣднихъ строкъ (гдѣ нами объяснено,

паску, лѣтомъ—на канікулы, вѣномъ—на святки. Одно время его отецъ былъ исправникомъ; онъ любилъ часто, скуки ради, брать сына Николая въ разѣзды по дѣламъ службы; такимъ образомъ, мальчикъ 12—13-ти лѣтъ присутствовалъ при различныхъ сценахъ народной жизни, при слѣдствіяхъ, при вскрытіи труповъ, а иногда и при расправахъ во вкусѣ прежняго вѣстия. Все это производило глубокое впечатлѣніе на ребенка, и рано, въ живыхъ картинахъ, знакоило его съ тогдашними, часто олімпомъ тяжелыхъ условіями народной жизни.

Отецъ Некрасова всегда желалъ, чтобы его сынъ наследовалъ его званіе и поступилъ въ военную службу. Вслѣдствіе того молодой Некрасовъ долженъ былъ рано оставить гимназію, и въ 1839 году отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній дворянскій полкъ, на Петербургской сторонѣ. Пріятель отца, ярославскій прокуроръ Полозовъ, далъ письмо къ своему брату, начальнику III-го округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, который въ свою очередь отрекомендовалъ молодого человѣка Л. И. Ростовцеву—и дѣло было почти рѣшено. Но Некрасовъ встрѣтилъ въ Петербургѣ своего ярославскаго товарища Глушицкаго, университетскаго студента, и случайно познакомился съ профессоромъ духовной семинаріи Дм. Ив. Успенскимъ; они возбудили въ немъ такую охоту учиться, что онъ откровенно признался женѣ генерала Полозова: вмѣсто дворянскаго полка, ему было бы желательно поступить въ университетъ. Полозовъ одобрилъ его намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о томъ въ Ярославль своему родственнику. Черезъ него скоро узналъ обо всемъ и отецъ Некрасова. Гнѣвъ отца не остановилъ молодого человѣка, который вслѣдствіе того увидѣлъ себя предоставленнымъ своей собственной судьбѣ.

Между тѣмъ друзья, Глушицкій и Успенскій, взяли на себя приготовленіе Некрасова къ вступительному экзамену въ университетъ, и Успенскій занимался съ нимъ съ такимъ успѣхомъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинастъ, поставилъ ему на пріемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; но въ физическихъ наукахъ самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отъѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была пренатолѣемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже пріобрѣтена на экзаменѣ изъ географіи у проф. Касторскаго.

что нашъ текстъ писанъ со словъ Некрасова) и со вставкою въ двухъ мѣстахъ измѣненій изъ фальсифицированныхъ газетъ. Мы указываемъ на это довольно рѣдкое явленіе въ литературѣ во извѣщеніе недоразумѣній. На обложкѣ издавшаго напечатана одна и та же годъ: въ одномъ текствѣ объявлено, что онъ писанъ со словъ Некрасова, а въ другомъ объявляется, что это сочиненіе А. Михайлова. Эти два утвержденія не могутъ быть справедливыми: одно изъ нихъ ложно; нельзя также допустить подобнаго случая буквального совпаденія текста двухъ авторовъ. Или „Русская Библіотека“ поступила невоспитанно: перепишавъ статью А. Михайлова и еще выдала ее за написанную со словъ Некрасова; или г-нъ А. Михайловъ выдалъ г-ну Вауману перепишавъ чужого труда за авторскій трудъ. Такъ какъ на обложкѣ издавшаго стоитъ одинъ и тотъ же годъ (1877), то впоследствии лучше будетъ извѣдывать справки, а теперь, въ объясненіе этого страннаго случая можно сказать еще по памяти, что томъ VII-й „Русской Библіотеки“ вышелъ весной 1877 года, а томъ II-й „Русскихъ современниковъ дѣателей“—зимой 1877-78 года.

Въ виду такого печальнаго обстоятельства Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отпа поступить въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отиѣткахъ, отиичне рекомендовавшихъ юному, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ — историко-филологическій), и обнадѣшилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ советѣ. На основаніи этого обѣщанія Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ филологии, а вслѣдствіе того въ советѣ о немъ вовсе не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ Исакиевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то его догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839—1841 годовъ. Некрасовъ поселился на Малой-Охтѣ; средства къ жизни приходилось добывать уроками, корректурой и литературными попытками; еще до поступленія въ университетъ онъ писалъ стихи, и первое его стихотвореніе «Мысль» было напечатано, въ 1838 г., въ «Сынѣ Отечества». Но деньги, добываемыя подобными трудами, были очень скудны; нерѣдко приходилось Некрасову вмѣстѣ съ товарищемъ Глушицкимъ и ихъ единственными средствами довольствоваться патлатыннымъ въ день.

Въ тѣ времена преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки сжиливали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не нѣсколькихъ копѣекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатѣхъ классовъ,—и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмедныхъ княжовъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше драгся на аспадронахъ и ралпирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически юоче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульных товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальнѣйшій юноша, взрослѣй въ деревнѣ, и тутъ-то онъ ознакомился впервые съ обшденною жизнью и правами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему неизвѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя, деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на посяію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязавшія тогда имъ связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ—и хорошо знакомы. Новая впечатлѣнія столкнулись въ Некрасовѣ съ первыми воспоминаніями изъ деревенской жизни, совсѣмъ иного рода, и этотъ контрастъ окончательно опредѣлилъ будущій характеръ его поэзіи. Къ этому присоединилась другая противоположность, лично испытанная имъ: при близости съ молодежью болѣе тѣмъ достаточною, беззаботною и наслаждающеюся, онъ самъ терпѣлъ на каждомъ шагѣ много тяжелыхъ имшаній и съ трудомъ добывалъ кусокъ насущнаго хлѣба. Нечего было и думать серьезно объ университетской наукѣ и правильномъ окончаніи курса, при такой обстановкѣ, требовавшей почти всего времени на добываніе самыхъ первобытныхъ средствъ къ существованію.

Между тѣмъ литературныя способности и наклонности дозволяли молодому

человѣку выступить на арену общественной жизни немедленно, безъ всякихъ экзаменовъ, какихъ потребовала бы научная дорога, да и притомъ литературные труды окупались на мѣстѣ въ видѣ хотя бы и скуднаго гонорара, въ то время какъ научный трудъ требовалъ на себя затраты уже готовыхъ денегъ. Еще въ 1839 г. Некрасовъ посылалъ свои первые опыты въ «Литературную Газету», издаваемую тогда А. А. Краевскимъ, и въ «Отечественныя Записки», а въ 1840 г. онъ рѣшился выпустить въ свѣтъ собраніе первыхъ своихъ мелкихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Мечты и Звукъ»,—но съ одною подписью начальныхъ буквъ имени и фамилии: дѣло шло не о славі, а о кускѣ насущнаго хлѣба. Будущій его пріятель, Бѣлинскій, строго отозвался объ этомъ сборникѣ; но къ юному поэту отнеслись снисходительно Жуковский и Полевой, въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ 1841 году, Некрасовъ рѣшился совсѣмъ оставить университетскія лекціи, и съ того времени для него открылась въ тогдашнихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ новая школа, продолжавшаяся пять лѣтъ (1841—1846) и заключившаяся въ 1847 году рѣшительнымъ выступленіемъ его на журнальное поприще: вмѣстѣ съ Панаевымъ онъ приобрѣлъ у П. А. Плетнева издательское право на «Современникъ», основанный въ 1836 году Пушкинымъ.

Этотъ періодъ литературной жизни можно считать опредѣляющимъ въ жизни Некрасова и вмѣстѣ самымъ тяжелымъ въ матеріальномъ отношеніи. Подъ гнетомъ ежедневной нужды онъ пробовалъ свои силы вслѣдствіе—даже писалъ водевилы для Александринскаго театра, подъ псевдонимомъ Перенельскаго ¹⁾, предпринималъ различныя изданія: такъ, въ 1846 г. вышла его «Физиологія Петербурга»; въ 1846 году имъ изданъ былъ замѣчательный «Петербургскій Сборникъ», какъ разъ уже наканунѣ журнальнаго поприща. Въ этотъ періодъ завязались у Некрасова тѣ литературныя связи, которыми опредѣлилась его дальнѣйшая журнальная дѣятельность и ея характеръ. При этомъ существенное мѣсто принадлежало вліянію Бѣлинскаго.

Съ 1847 года начинается періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, которая, за небольшимъ перерывомъ (1866—67 гг.), продолжалась до настоящаго времени, въ теченіи тридцати лѣтъ: съ 1847 по 1866 г. въ «Современникѣ», и съ 1868 года въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этотъ періодъ жизнь его тѣсно связана съ исторіею упомянутыхъ журналовъ, которые онъ редактировалъ или одинъ, или вмѣстѣ съ другими своими сотрудниками, и гдѣ онъ помѣщалъ всѣ свои произведенія этой эпохи.

Послѣднее полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова вышло въ 1873—74 годахъ и составило шесть частей въ трехъ томахъ; въ 1877-мъ году къ этому собранію присоединилась, въ видѣ дополненія, особая книга, подъ заглавіемъ: «Послѣднія нѣони Н. Некрасова 1874—77 годовъ».

Возвращаясь опять къ памяти Некрасова, къ тѣмъ чертамъ его біографіи, которыя записаны, такъ-сказать, имъ самимъ въ его же поэтическихъ трудахъ, мы не можемъ не признавать въ его поэзіи дру-

¹⁾ «Шла въ мѣстѣ не утани», ориг. водев. 1841 г.; «О. А. Вобъ», ориг. водев. 1841 г.; «Актёръ», ориг. водев. 1841 г.; «Вотъ что значить влюбиться въ актрису», перев. водев. 1841 г.; «Дѣдушкины попуганъ», перев. водев. (Хроника Петерб. театр. 1826—1866 гг., А. И. Вольфа. Сиб., 1877).

гихъ двухъ періодовъ, которые были прожиты и нашимъ обществомъ на пространствѣ послѣднихъ почти сорока лѣтъ. Какъ-разъ на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ, въ 1856 году, Некрасовъ произнесъ свой намятый стихъ, — и думаемъ — вовсе не случайно:

Замолкни, Муза мести и печали,
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мнѣ съ тобою прогнѣвалъ...

— такъ тогда говорилъ поэтъ, какъ-бы обращаясь къ прежней своей дѣятельности въ ея предшествовавшую эпоху, и чувствуя вѣяніе грядущихъ временъ; но въ опасеніи, что „муза любви“ будетъ слабѣе „музы мести“, онъ заключаетъ это стихотвореніе великолѣпнымъ аккордомъ:

Тѣ сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть!

Это было обращеніе поэта къ самому себѣ, къ своимъ силамъ; онъ думалъ, что наступаетъ время, когда нужна будетъ одна любовь, а сердце его уже „устало ненавидѣть“; но опасенія поэта не сбылись, или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ сбылись: старая муза нашла себѣ въ новомъ времени новую пищу, она оставалась съ поэтомъ до конца дней, — и тѣмъ не менѣе онъ былъ отчасти правъ: во второмъ періодѣ, его „муза мести и печали“ уже не всегда представляетъ одинаковую энергію, замѣтны иногда колебанія, какъ-бы уступки, — но разъяснить все это во всѣхъ подробностяхъ и въ связи съ теченіемъ времени, это — задача біографа.

М. С.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 декабря 1877 г. по 20 января 1878 года.

Если бы послѣ ваятія Плевны 28 ноября, войска наши двинулись прямо на Шипку и оттуда на Адрианополь, то могла бы повториться прежняя ошибка: необезначенность праваго фланга общей операціонной линіи. На Большомъ-Балканѣ и на этропольскомъ Балканѣ, турки имѣли въ то время около 50 тысячъ человѣкъ. Эти силы раздѣлялись на армію Весселя-наши у Шипки и армію Мехмета-Али-наши въ Арабъ-Коначѣ, на софійскомъ шоссе. Но силы турокъ за Балканами, какъ то и удостовѣрили позднѣйшія событія, могли скоро возрасти. Черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ паденія Плевны, за Бал-

назами, передъ Адрианополемъ былъ уже Сулейманъ-паша, привезшій моремъ 40 тысячъ чел. изъ четырехугольника дунайскихъ крѣпостей. Итакъ, двигаясь впередъ, хотя бы нѣсколькими колоннами, чрезъ Большой-Балканъ, прямо на Адрианополь, мы имѣли бы впрѣдъ собой: 40 т. шипкинской арміи и 40 т. арміи Сулеймана, и на правомъ своемъ флангѣ оставили бы 25 т. чел. Махмета-Али, и могли ожидать, что онъ, въ соединеніи съ подослѣвшею къ нему частью арміи Сулеймана, ударитъ намъ во флангъ изъ Филиппополя, изъ Татаръ-Базарджика или Ихтимана.

Поэтому, необходимо было прежде всего обезпечить себя съ этой стороны, очистить отъ турецкихъ войскъ крѣпкія позиціи этропольскаго Балкана и обходнымъ движеніемъ на Ихтиманъ, Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь такъ-сказать смести и уничтожить всѣ непріятельскія силы къ западу и югу отъ нашего движенія въ центрѣ Большого-Балкана. Не будь это сдѣлано, не могло бы состояться и блестящее плѣненіе всей шипкинской арміи, потому что Сулейманъ, съ главными силами, непремѣнно пришелъ бы къ ней на помощь. Между тѣмъ, движеніе нашей западной арміи по софійскому шоссе отвлекло главные силы турокъ (около 40 т. чел.), подъ начальствомъ Сулеймана, къ западу, на помощь софійскому турецкому отряду (25—30 т. ч.) и, уничтоживъ эти турецкія силы на западѣ же, въ бояхъ при Ташкисенѣ, Бугаровѣ, Филиппполѣ и за Хаскѳіюмъ, открыло свободный путь наступленію на Адрианополь центральной нашей арміи, которая въ то же время полонила шипкинскую армію Весселя-пашы (32 т. чел.), единственную, которая оставалась передъ нею, благодаря отвлеченію Сулеймана на западъ. Такимъ образомъ, безъ дѣйствій генерала Гурко на западѣ былъ бы немислимъ успѣхъ генерала Радецкаго въ центрѣ; безъ натиска генерала Радецкаго въ центрѣ, ни къ чему не привело бы движеніе генерала Гурко съ запада.

Такова была связь операцій двухъ нашихъ балканскихъ армій. Движенія ихъ впередъ до такой степени дополняли одно другое, что совокупность ихъ представила полное подобіе впередъ разработаннаго точнаго общаго плана дѣйствій. И дѣйствительно, въ телеграммѣ 29 декабря былъ изложенъ такой планъ: форсировать Балканы, съ двухъ сторонъ—въ этропольско-софійскихъ и въ траяно-шипкинскихъ проходахъ; первое дѣло было поручено генералу Гурко, второе—генералу Радецкому, между которыми, соотвѣтственно тому, и были распредѣлены подкрѣпленія изъ главныхъ силъ, освободившихся взятіемъ Плевны. Такой планъ могъ возникнуть и дѣйствительно возникъ только послѣ паденія Плевны, т.-е. послѣ 28 ноября. Но дѣло въ томъ, что все направленіе дѣйствій западнаго отряда опредѣлилось само-собою гораздо раньше: еще 11 ноября былъ взятъ Правецъ, а 12-го—Этрополь, то-есть, начато генераломъ Гурко наступленіе

противъ софійской арміи (Мехмета-Али); 19 ноября, то-есть за девять дней до взятія Плевны, войска Гурко уже вступили въ Баба-Конакскій перевалъ чрезъ Балканы, и 20-го уже заняли позицію для обстрѣливанія Арабъ-Конака, мѣстѣ расположенія главныхъ турецкихъ силъ, встали на эту позицію пушки, а 21-го отбили нападеніе на нее непріятеля, и затѣмъ начали бомбардировку Арабъ-Конака; до взятія Плевны одна изъ колоннъ ген. Гурко уже была на южномъ склонѣ Балканъ. Затѣмъ, дѣйствія западнаго отряда приостановились по распоряженію изъ главной квартиры и возобновились только тогда (чрезъ 18 дней), когда къ ген. Гурко прибыли посланные ему изъ-подъ Плевны подкрѣпленія: 3-я гвардейская дивизія и 9-й корпусъ. Но тѣмъ не менѣе, самое сравненіе чиселъ ясно доказываетъ, что вся сущность плана, принятаго и осуществлявшагося послѣ взятія Плевны, уже опредѣлилась заранѣе сама-собою, движеніемъ и дѣйствіями западнаго отряда на софійской дорогѣ, отъ Телиша на Орханіе, до Арабъ-Конака и на южный склонъ Балканъ. При этомъ, уже само-собою разумѣлось, что изъ центра будетъ сдѣланъ главными силами натискъ къ югу, почти подъ прямымъ угломъ къ обходному движенію войскъ гвардіи и 4-го корпуса. Все сказанное для уясненія дѣйствительнаго хода событій нисколько, однако, не уменьшаетъ ни доли общаго распоряженія въ обезпеченіи конечнаго успѣха, ни блестящей заслуги генерала Радецкаго, взявшаго въ плѣнъ на Шипій армію въ 32 т. чел., т.-е. всего на 12 т. чел. меньше, чѣмъ было взято въ Плевнѣ.

Главные этапы побѣдоносной балканской кампаніи можно обозначить слѣдующими не многими числами: 13 декабря ген. Гурко возобновилъ свое движеніе изъ Орханіе въ обходъ Арабъ-Конака и 19 декабря разбилъ турокъ у Ташкисена; 21 декабря, одна изъ колоннъ центральной арміи (Радецкаго), подъ начальствомъ ген. Карцова, форсировала Траянскій проходъ, составляя правый флангъ центральной арміи, между тѣмъ какъ лѣвому ея флангу, корпусу ген. Деллингсгаузена, поручено было перейти чрезъ Балканы у Твардицы; 23 декабря ген. Гурко уже вступилъ въ Софію, а 28 декабря главныя силы центральной арміи ген. Радецкаго, окруживъ никшинскую армію Вессели-паши, взяли ее въ плѣнъ съ боя; 3 января, войска ген. Гурко разсѣяли отступавшую предъ ними армію Сулеймана у Филиппополя, разрѣзавъ ее на двѣ части, а 5-ю въ битвѣ при Дермендере уничтожили ту ея половину, которая была подъ начальствомъ Фуада-паши; 7 января, остальная часть арміи Сулеймана, преслѣдуемая передовымъ отрядомъ ген. Гурко, подъ начальствомъ гр. Шувалова 2-го къ Хаскию, была разсѣяна казаками этого отряда, и остатки ея, потерявъ всю свою артиллерію (110 пушекъ) бросились въ сторону отъ Адрианополя, на югъ, въ горы, по направленію къ

Галиполи; наконецъ, 8 января, кавалерія передового отряда ген. Радецкого, дивизія ген. Снегирева, состоявшая подъ начальствомъ ген. Струкова, заняла Адрианополь.

Вотъ бѣглый обзоръ всей этой кампаніи, со времени возобновленія дѣйствій западнаго отряда. Тамъ какъ разработка дороги къ Арабъ-Коняку была начата въ арміи ген. Гурко еще 9-го декабря, то мы можемъ принять, что возобновленіе и окончаніе балканскаго похода заняли ровно мѣсяць: съ 9-го декабря по 8-е января.

Уяснивъ общую связь операцій и бросивъ затѣмъ взглядъ на главные ихъ, хронологическіе этапы, мы должны теперь кратко прослѣдить каждую изъ главныхъ отдѣльных операцій по линіямъ ихъ. Рисунокъ этихъ линій представляетъ подобіе вѣера, котораго рукоятка находилась бы въ Адрианополѣ, а лучи расходились бы къ западу, сѣверу и сѣверо-востоку. Этотъ вѣеръ по бокамъ имѣетъ двѣ каймы, а на окружности, въ самой срединѣ,—точку. Каймы эти—линіи отступленія турокъ; съ одной стороны отъ Арабъ-Коняка на Семаково, Филиппополь и горы Деспото-дага и на Галиполи; съ другой стороны—отъ Казана на Сливно и къ востоку отъ Адрианополя—на Караклису и Чатаджу.

Итакъ, обратимся сперва къ западной линіи нашего концентрическаго наступленія къ Адрианополю—къ пути ген. Гурко. Читатель можетъ начертить себѣ движеніе какъ этой арміи, такъ затѣмъ и отрядовъ арміи центральной, по названіямъ городовъ, которые имъ должны будемъ привести.

Выставивъ небольшую кавалерійскую команду въ горахъ, у Чурьяка, впереди Врачеша, ген. Гурко приступилъ, 9-го декабря, къ разработкѣ дороги въ обходъ къ западу арабъ-конакской позиціи на софійскомъ шоссе; 13-го возобновилось наступленіе, двумя колоннами: нѣз Орханіе на Чурьякъ и отъ Врачеша на Жилаву. Трудн и лишнія, сопровождавшіе этотъ походъ, у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Вообще о переходѣ Балкана всѣми нашими войсками, какъ западной, такъ и нѣкоторыхъ частей центральной арміи, надо замѣтить, что нѣчто подобное въ новѣйшія времена представлялось только походомъ Суворова въ Швейцарію въ 1799 году. Дибить переходилъ Балканы, въ 1829 году, лѣтомъ. Но и Суворовъ совершалъ походъ въ горахъ въ сентябрѣ; теперь же двѣ массы войскъ, въ 70 т. чел. каждая, двигались чрезъ обледѣвшіе Балканы, съ артиллеріею, несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ прежняя, глухой зимой, отъ половины декабря до Рождества. Въ арміи ген. Гурко не было и теплой одежды; шесть дней подрядъ длилась изнурительная работа, состоявшая въ томъ, чтобы обходить постепенно одну неприятельскую позицію за другою и избирая себѣ позиціи противъ тѣхъ, втаскивать на нихъ орудія, причемъ иногда надъ однимъ орудіемъ

бились по нѣскольку часовъ, и оно задерживало прочія. Люди выпрягались въ орудія съ лошадьми и волами и, порою, упавъ въ изнеможеніи на снѣгъ, уступали неодолимому сну и такъ и спали, выпреженные въ орудія. Переходы совершались преимущественно по ночамъ, чтобы скрыть ихъ до времени отъ непріятеля. Солдаты и генералы спали на снѣгу. При этихъ трудностяхъ былъ примѣръ, что 8 верстъ неширокаго пути потребовали цѣлыхъ полу-сутокъ. Естественно, что обходъ былъ труденъ, потому что онъ совершался по такимъ путямъ, которые турками считались непроходимыми. Къ 19 и 18 декабря обѣ колонны ген. Гурко соединились въ Чурьякѣ, тамъ какъ командующій узналъ, что турки занимаютъ большими силами Ташкисентъ, къ юго-западу отъ Арабъ-Конака, что и заставило приблизить сюда обѣ колонны.

Не давъ себѣ никакого отдыха послѣ шестидневной необычайной работы, та колонна, которая вышла изъ Орханіе, атаковала турецкую позицію у Ташкисента, а между тѣмъ главные силы ген. Гурко сдѣлали демонстрацію противъ позицій Арабъ-Конака и Шандорника, удерживая бывшія тамъ главные силы непріятеля. Отрѣзанные отъ Арабъ-Конака, турки стали отступать изъ Ташкисента, и наши войска ворвались туда съ тыла. Между тѣмъ, та колонна, которая слѣдовала изъ Врачеша, направлена была отъ Чурьяка къ Софіи и у Горняго-Бугарова разбила непріятельскій отрядъ, выступившій на встрѣчу ей изъ Софіи. Въ бояхъ при Ташкисентѣ и Вугаровѣ наши войска овладѣли 10-ю орудіями, большимъ числомъ плѣнныхъ, цѣлымъ англійскимъ походнымъ лазаретомъ и нанесли непріятелю большой уронъ (не опредѣленный, впрочемъ, съ точностью въ телеграммахъ), а сами лишились 560 чел. Послѣдствіями этихъ боевъ были: выходъ западной арміи изъ горъ въ комарційскую и затѣмъ софійскую долины и взятіе Софіи, куда ген. Гурко и вступилъ 23 числа. Взятіе Софіи русскими произвело въ Константинополѣ тревогу; Мехметъ-Али былъ отозванъ, а главное распоряженіе дѣйствіями турецкой софійской арміи было поручено Сулейману, чья войска, по всей вѣроятности, уже участвовали въ бою при Ташкисентѣ.

Сулейманъ началъ отступленіе по двумъ направленіямъ: часть арміи, подъ начальствомъ Фуада, онъ направилъ на Татаръ-Базарджикъ, чрезъ укрѣпленныя позиціи, Ихтиманъ и Сомаково, а съ другою частью самъ двинулся прямо вдоль Балканъ къ Филиппополю. Въ этомъ городѣ обѣ части его арміи должны были соединиться. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ ташкисентскаго боя, ген. Гурко, направившись самъ, съ главными силами, къ Софіи, выслалъ для преслѣдованія турокъ отряды: генерала Дандевилля съ Ваба-Горы на Златицу, и генерала Катаlea отъ Арабъ-Конака на Мирково, западнѣе Златицы, кавалерію же выслалъ къ Петричеву, предназначая ей от-

рѣзать путь отступленія той части арміи, которую велъ самъ Сулейманъ. Златица и Мирково были заняты 21-го, а Петричево 22-го числа, причемъ при Златицѣ у насъ выбыли изъ строя три генерала 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи: начальникъ ея Каталей, Философъ и Мирковичъ. Первый былъ убитъ, второй умеръ отъ ранъ. Для пресѣченія отступленія и другой части сулеймановой арміи, были разосланы кавалерійскіе отряды къ Ихтиману и Сомакону. Но пути отступленія туркамъ все-таки отрѣзаны не были; наши войска въслѣдствіе ихъ только преслѣдовали, но участь арміи Сулеймана была рѣшена уже послѣ, полнымъ разсѣяніемъ ея у Филиппополя.

Послѣ восьмидневныхъ изнурительныхъ трудовъ, нельзя было предпринимать новаго форсированнаго похода на 150 верстъ (до Филиппополя) съ пѣхотою и артиллеріею, не давъ войскамъ отдохнуть хоть дня два-три. Генералъ Гурко воспользовался этимъ отдыхомъ для занятія Софіи, которому ему справедливо придавалъ политическое значеніе. Обѣ столицы Болгаріи — Тырново и Софія находились уже въ нашихъ рукахъ; замѣтимъ, что обѣ были заняты тѣмъ же генераломъ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось колоннами генерала Гурко: генерала Вельяминова, которая 30-го декабря была съ боя Сомаконъ; генерала графа Шувалова, которая преслѣдовала черезъ оставленный непріятелемъ Ихтиманъ, и 30-го же числа прошла мимо также оставленной позиціи у Траяновыхъ-Воротъ (Вѣтренова), идя прямо на Базарджикъ; наконецъ, третьею колонною — на Петричево и вдоль рѣки Топольницы. Всѣ эти три колонны направлялись на Татаръ-Базарджикъ и, по занятіи этого города графомъ Шуваловымъ, соединились тамъ. Но и обѣ части арміи Сулеймана должны были соединиться верстахъ въ 45-ти позади Татаръ-Базарджика — въ Филиппополь; ихъ-то соединеніе и слѣдовало предупредить. Это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Сулейманъ 3-го января уже прошелъ Филиппополь, но остановился, ожидая прибытія Фуада; въ Филиппополь находился арріергардъ Сулеймана, а Фуадъ приближался къ нему отъ Татаръ-Базарджика. Къ этому времени войска генерала Гурко, благодаря усиленнымъ переходамъ, настигли Фуада у самаго Филиппополя и, атаковавъ 3-го января Сулеймана, отрѣзали отъ него Фуада, который былъ отброшенъ къ югу, на Дермендере. Сулеймана изгнала изъ Филиппополя колонна генерала барона Крюденера, которая и заняла этотъ городъ; а Фуада отбросили колонны генераловъ: графа Шувалова и Шильдера-Шульднера, которые, чтобы атаковать его, должны были перейти въ бродъ, при ледоходѣ, рѣчку Марицу (причемъ часть пѣхоты была перевезена гвардейскими драгунами). Затѣмъ генералъ Гурко направилъ 4-го января, по среднему пути

между линіями отступленія Сулеймана и Фуада, а именно на городѣ Станимаку (къ юго-западу отъ Филиппополя) колонну генерала Дандевилля съ гвардією, а на Дермендере двинулъ колонны генераловъ: графа Шувалова, Шильдера-Шульднера и Вельяминова. Фуадъ, отбиваясь отъ нихъ въ Дермендере, выслалъ свой авангардъ къ Станимакѣ, гдѣ онъ и былъ встрѣченъ и разсѣянъ колонною Дандевилля. На слѣдующій день, всѣ войска генерала Гурко соединились съ этою колонною и атаковали отрядъ Фуада, который, бросивъ свою артиллерію, окончательно разсѣялся въ горахъ Деспото-Дага. Кавалерія же генерала Дандевилля преслѣдовала Сулеймана, отступавшаго, въ разстройство, на Хаской, — горами, по направленію къ Адрианополю; 7-го января Сулейманъ былъ настигнутъ нашей кавалерією и былъ найденъ уже въ такомъ положеніи, что одинъ казачій полкъ Грекова отнял у него съ боя 40 орудій. При этомъ преслѣдованіи, войска генерала Гурко, въ сраженіяхъ у Филиппополя и Дермендере, взяли 110 орудій, около 3-хъ тысячъ плѣнныхъ, а однихъ убитыхъ у турокъ было 4 тысячи человекъ, что предполагаетъ полное уничтоженіе, по меньшей мѣрѣ, половины всей арміи Сулеймана. На нашей же сторонѣ вся потеря въ войскахъ западной арміи, съ 18-го декабря по 5-ею января, была около 1,200 человекъ, — цифра весьма малая въ сравненіи съ достигнутымъ результатомъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ арміи центральной — генерала Радецкого. Ея общая операціонная линія была гораздо короче, чѣмъ у западной арміи. Если считать отъ Шипки до Херманлы — пункта, гдѣ обѣ арміи пришли въ соприкосновеніе — то линія центральной арміи окажется втрое короче, чѣмъ линія западной арміи. Сверхъ того, здѣсь, на Шипкѣ, все дѣло было рѣшено однимъ ударомъ: 21-го декабря только началось движеніе праваго фланга (генерала Карцова), а 28-го уже вся шипкинская армія находилась въ плѣну. Остальное движеніе впередъ войскъ центральной арміи было уже только ходомъ ея въ Адрианополь, безъ преслѣдованія непріятеля, такъ какъ непріятель остался въ тылу — военнопленнымъ. Вотъ почему и изложеніе операцій центральной арміи можетъ быть весьма коротко, хотя мы прослѣдимъ и здѣсь отдѣльные пути каждаго изъ главныхъ отрядовъ.

Генералъ Радецкій, командиръ 8-го корпуса, отстоявшій Шипку въ прошломъ августѣ отъ отчаянныхъ атакъ Сулеймана-паши, продолжалъ занимать передовымъ своимъ отрядомъ шипкинскій перевалъ, т. е. находящійся въ немъ фортъ св. Николая; но выходъ изъ перевала на югъ и деревня Шипка были во власти турокъ еще съ августа. Много лишений и трудовъ пришлось перевести защитникамъ шипкинскаго перевала въ продолженіи этихъ 4½ мѣсяцевъ. Сперва

много разъ возобновлявшіеся нападенія турокъ и безпрестанную перестрѣлку, потому всѣ ужасы зимы, въ проходѣ между горами, гдѣ поднимались такіе снѣжные бураны, что даже въ баракахъ нельзя было разводить огня, и приходилось грѣться только помѣщеніемъ въ нихъ же и животныхъ. Другія подчиненныя ген. Радецкому части находились въ Габровѣ, Тырновѣ, Сельви и Ловчѣ. Послѣ вѣстия Плевны, когда уяснились окончательный планъ кампаніи, изъ войскъ, освободившихся подъ Плевною, въ подкрѣпленіе къ ген. Радецкому были посланы: 16-я дивизія ген. Скобелева 2-го съ 3-ми стрѣлковыми батальонами; 30-я дивизія, болгарское ополченіе, 3 кавалерійскіе полки и 1 казачій. О составѣ войска ген. Карцова мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, и даже не знаемъ опредѣлительно, былъ ли онъ прямо подчиненъ ген. Радецкому, хотя надо полагать, что былъ, такъ какъ, назначенный для перехода черезъ Траявскій перевалъ, онъ составлялъ правый флангъ центральной арміи, подобно тому, какъ командиръ 11-го корпуса ген. Деллинггаузенъ, имѣвшій перейти Балканы у Твардицы, составлялъ ея лѣвый флангъ.

Центральная армія двинулась чрезъ Балканы сперва обоими флангами: 21 декабря генераль Карцовъ началъ движеніе чрезъ Траявскій перевалъ, борясь съ такими же трудностями природы, какъ и ген. Турко, но двигался путемъ гораздо болѣе краткимъ, такъ что ему потребовалось только одно обходное движеніе, а именно съ 24 по 27-е декабря. Дѣло въ томъ, что войска ген. Карцова уже поднялись на горы, и когда въ ночь на 25-е число сдѣлана была рекогносцировка къ южному спуску съ Траявскаго перевала, то оказалось, что выходъ изъ него еще занятъ былъ турками, а потому потребовалось и здѣсь обходное движеніе по горнымъ тропинкамъ, такое же, какія совершались въ западной арміи. Небольшой отрядъ, отправленный въ обходъ турецкихъ позицій, спустился 27-го числа въ деревнѣ Корнаръ и, выбивъ изъ нея турокъ, разбилъ батальонъ, посланный имъ на помощь. Въ это время, ген. Карцовъ, съ остальной частью своихъ силъ, атаковалъ съ фронта турецкую позицію у выхода изъ перевала и овладѣлъ ею; затѣмъ ген. Карцовъ двинулся впередъ по направленію къ Филиппополю и разбѣды его вступали въ этотъ городъ 4-го января, то-есть черезъ день по занятіи его колонною западной арміи ген. Криденера. Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ отрядъ ген. Деллинггаузена, какъ уже было сказано, перешелъ Балканы чрезъ Твардицкій перевалъ, безъ боя, такъ какъ ближайшіи къ нему турецкія войска оставались по лѣвой сторонѣ общей операціонной линіи центральной арміи: 25 т. чел. турокъ изъ Казана и Сливно отступали на Ямболъ и далѣе, гораздо восточнѣе Адрианополя, на Караглису, стягиваясь къ Константинополю.

Обезпечивъ себя такими движеніями своихъ фланговъ, центральная армія генерала Радецаго посреди нихъ какъ-бы обняла шипкинскую армію Рассина или Весселя нашей (съ точностью доселѣ неизвѣстно, когда Вессель вступилъ къ командованію) двумя парами вѣщей: 1) войсками ген. Карцова и ген. Деллингегаузена съ наружной стороны, на случай наступленія съ фланговъ или на случай, если бы шипкинской арміи удалось ускользнуть изъ тѣхъ ближайшихъ внутреннихъ вѣщей, какими ее захватили главные силы ген. Радецаго; и 2) этими силами, которые выдвинули отъ себя еще двѣ ближайшія обходныя колонны, справа и слѣва отъ Шипки, колонны ген. князя Святополкъ-Мирскаго 2-го и ген. Скобелева 2-го, между тѣмъ, какъ атаку на Шипку съ фронта повелъ самъ командующій армією, ген. Радецкій.

Черезъ три дня послѣ начала движенія ген. Карцова, а именно 24-го декабря, ген. Радецкій направилъ генераловъ Скобелева и кн. Святополкъ-Мирскаго въ обходъ Шипки, каждого примѣрно на десятиверстномъ разстояніи по той и другой сторонѣ, отъ шипкинскаго шоссе. Колонны эти шли весь день 25-го декабря при сильномъ морозѣ, и заняли 26-го въ тылу Шипки одна—Иметли, другая—Гузово. Затѣмъ, 27-го числа, кн. Святополкъ-Мирскій подошелъ съ тыла къ шипкинской позиціи и, атаковавъ ее, первый выдержалъ отчаянный бой, пока 28-го въ нему на помощь подошелъ съ другой стороны и Скобелевъ. Тогда, т.-е. 28-го числа, ген. Радецкій двинулъ свои главные силы противъ фронта шипкинской позиціи, и результатомъ этой битвы было, что вся армія Весселя-наша положила оружіе. Здѣсь взято 32 т. чел., самъ Вессель-паша, и еще трое нашей, 280 офицеровъ, 93 орудія и 10 знаменъ. Наша потеря была 5484 чел., въ томъ числѣ 185 офицеровъ, между которыми 2 генерала, Гренивскій и Домбровскій (ранены).

Дальнѣйшее движеніе центральной арміи было на Адрианополь черезъ Казанлыкъ, Эски-Загру и Чирнакъ, на Трново (пунктъ соединенія ямбольской вѣтви желѣзной дороги съ филлиппопольскою), Херманли, Мустафа-пашу и, наконецъ, Адрианополь. Впередъ былъ посланъ кавалерійскій отрядъ ген. Струкова, который первый и занималъ постепенно Трново, Херманли и т. д. Въ Адрианополь ген. Струковъ вступилъ 8 января. За нимъ слѣдовалъ весь отрядъ ген. Скобелева 2-го, къ которому принадлежали московскіе драгуны ген. Струкова.

Ген. Скобелевъ два дня занималъ Херманли, когда въ ночь съ 6 на 7 января, со стороны Хаскюйи показался приближавшійся къ Херманли громадный обозъ остатковъ арміи Сулеймана, сопровождаемый массою бѣгущаго турецкаго населенія. Ген. Скобелевъ вы-

слалъ 7 января на встрѣчу непріятелю кавалерійскій отрядъ полковника Паниотина, который атаковалъ турокъ и, заставивъ ихъ разбѣжаться, захватилъ обозъ въ 20 тысячъ повозокъ, на которомъ насалось турецкое населеніе. Во время перестрѣлки, жители бѣжали, бросивъ въ обозъ нѣсколько тысячъ дѣтей. После окончанія боя, наши войска, старавшіяся сколь возможно охранить эти несчастныя существа, созвали бѣжавшихъ матерей и приврали турецкія семейства, сопровождавшія непріятельскую армію — размѣстивъ ихъ по окрестнымъ деревнямъ.

Военныя дѣйствія собственно и окончились взятіемъ Адрианополя. Тамъ, въ половинѣ января, соединились двѣ наши арміи: центральная и западная; 14-го числа туда прибылъ главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, съ своимъ штабомъ. Не нѣкоторые отряды были выдвинуты и далѣе Адрианополя, а именно: генералъ Струковъ занялъ, 13 января, Люле-Вургасъ, въ трехъ переходахъ къ юго-востоку отъ Адрианополя, по желѣзной дорогѣ, захватилъ тамъ 200 вагоновъ и локомотивовъ и остановилъ 15 тысячъ повозокъ и 50 т. чел. бѣжавшаго населенія, а ген. Шнитниковъ 14 января занялъ Демотику и Узунъ-Кепри, къ югу отъ Адрианополя.

Движеніе нашихъ войскъ въ этомъ послѣднемъ направленіи, т. е. въ сторону Галлиполи, лежащаго у выхода изъ Дарданеллъ въ Мраморное море, вызвало тревогу въ англійскомъ правительствѣ и приказаніе англійскому флоту вступить въ Дарданеллы; впрочемъ, флотъ этотъ тотчасъ же ушелъ обратно въ Везикскую бухту.

Между тѣмъ движеніе съ нашей стороны на Демотику и хотя бы на Галлиполи вполне оправдывалось тѣмъ, что остатки арміи Сулеймана бѣжали по горамъ въ этомъ направленіи и столпились именно въ Галлиполи, гдѣ и были посажены на суда, для перевозки ихъ въ Константинополь.

Войска наши находились верстахъ въ 90—100 отъ Константинополя, когда переговоры о предварительныхъ условіяхъ мира и о перемиріи, начатыя еще въ Казаньскѣ, привели, наконецъ, къ результату въ Адрианополѣ. Въ Петербургѣ была получена 21 января телеграмма главнокомандующаго: „предложенныя основанія мира установлены и перемиріе заключено 19-го января, вслѣдствіе чего приказаніе о приостановленіи военныхъ дѣйствій отправлено во всѣ войска дѣйствующей арміи и сообщено на Кавказъ“. Одновременно получено было извѣстіе, что главныя условія перемирія заключались въ очищеніи турецкими войсками дунайскихъ крѣпостей и Эрзерума.

Въ виду этого факта достаточно лишь упомянуть о крайнихъ пунктахъ, до которыхъ дошли наши войска передъ тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ европейскаго театра войны и въ Азіи. Отряды

восточной или рущукской арміи Государя Наслѣдника, при которой состоялъ и генералъ Тотлебенъ, заняли 14 января Разградъ, а 15-го Османъ-Базаръ, — позиціи сильно-укрѣпленныя, но оставленныя турками. Нимнедунайскій отрядъ генерала Циммермана, въ повидномъ открытіи своей кампаніи, выдвинулъ часть своихъ войскъ, подъ начальствомъ ген. Манзее въ Оглу-Вазарджикъ, причемъ 10 и 12 января турки были успѣшно атакованы. Ген. Циммерманъ самъ вступилъ въ Вазарджикъ, 15-го января, а драгунскій разъѣздъ изъ его войскъ 19 января занялъ станцію Гебеджи на желѣзной дорогѣ изъ Рущука въ Варну, въ 17-ти верстахъ отъ Варны.

Изъ соображеній, передъ самымъ концомъ военныхъ дѣйствій случился новый неуспѣхъ подъ Ватумомъ. Узнавъ, что оттуда выслана часть гарнизона въ Константинополь, нашъ ріонскій или кабулетскій отрядъ произвелъ атаку на цихедзирскую позицію, по р. Кинтрини, и снова неуспѣшно; при этомъ былъ убитъ бригадный командиръ ген. Шелеметьевъ. Сербъ не пошли далѣе Пирота; главная ихъ квартира осталась въ Лесковацѣ. Румыны окончили обложеніе Виддина, который теперь будетъ, впрочемъ, очищенъ турками въ силу перемирія.

Весь интересъ прошлаго мѣсяца сосредоточивался на тѣхъ движеніяхъ двухъ нашихъ армій, которыя привели къ плѣненію нинкинской арміи и къ пораженію арміи Сулеймана подъ Филиппополемъ. Правда, что послѣдняя армія не была взята въ плѣнъ; она была только на половину уничтожена, на половину разбѣяна и приведена въ полное разстройство, съ потерей всей артиллеріи и обоза. Результатъ былъ одинъ и тотъ же, и дѣло было не легче. Нельзя же было и ожидать, что четыре некрѣпительскіе отряда, находившіеся на Балканахъ, на протяженіи какихъ-нибудь 300 верстъ (въ прямой линіи по вартѣ) и изъ которыхъ три отступали по разнымъ дорогамъ — всѣ могли быть взяты въ плѣнъ. Достаточно и того, что плѣненъ былъ одинъ изъ нихъ — шипкинская армія. Эти четыре отряда были слѣдующіе, считая съ запада на востокъ: 1) софійская или арабъ-конакская армія Мехмета-Али, которой удѣлѣвшія части вошли въ составъ арміи Сулеймана и образовали ту половину ея, которая отступала подъ начальствомъ Фуада, на Сомаково, Ихтиманъ и Татаръ-Вазарджикъ; ее можно принять въ 25 т. чел.; она уничтожена; 2) другая половина арміи Сулеймана, разбитая при Филиппополѣ и разбѣянная при Хаскюйѣ, съ потерей всей артиллеріи; въ ней было не менѣе 40 т. чел., остатки ея, примѣрно въ 25 т. чел., спаслись въ Галиполи; 3) шипкинская армія Рассима-паши или Веселя-паши, 82 т. чел.; взята въ плѣнъ; наконецъ, 4) до 25 т. чел., которые, послѣ обратнаго отнятія нами у турокъ Елены, отступали

отъ Казаня на Сливню и потомъ стянулись къ Константинополю, не бывъ атакованы центральною арміею потому, что лѣвый флангъ ея (ген. Деллинггаузена) былъ нуженъ для обезпеченія атаки на Шинку. Если раздѣлимъ такимъ образомъ турецкія войска, бывшія въ районѣ дѣйствій генерала Гурко и генерала Радецаго, то получимъ, что изъ 65 т., дѣйствовавшихъ противъ перваго, къ Константинополю дошли всего 25 т. чел., и изъ 57-ми тысячъ, дѣйствовавшихъ противъ второго и на лѣвомъ его флангѣ, въ Константинополь дошли также ровно 25 т. чел.

. Туркамъ оставалась 19 января въ Европѣ уже только одна линія обороны; это линія Деразъ-Чекмедже,—укрѣпленная линія, преграждающая весь тотъ узкій четвероугольникъ между Чернымъ и Мраморнымъ морями, который имѣетъ видъ трапеціи, составленной на меньшее изъ своихъ основаній и на одномъ изъ крайнихъ точекъ этого основанія имѣющей—Константинополь. Эта укрѣпленная линія, представляющая одинъ бокъ трапеціи, находится всего въ 35-ти верстахъ отъ Константинополя. На ней было устроено 26 фортвъ съ 210 орудіями. Оборона ея была вѣрена Мехмету-Али-пашѣ, который стануль къ себѣ изъ Карагисы въ Чатаджу тѣ 25 т. чел. восточнаго турецкаго отряда, о которыхъ только-что упомянуто, и изъ Галлиполи получилъ моремъ 25 т. чел. остатковъ арміи Сулеймана, впрочемъ, нуждающихся въ новомъ вооруженіи. Если присоединить сюда подкрѣпленія, доставленные въ послѣднее время изъ Батума и изъ Анатоліи, то послѣдняя турецкая армія въ Европѣ могла оставить до 60 т. чел., не считая собственно константинопольскаго гарнизона, который, впрочемъ, не великъ и не требовался бы для предупрежденія возстанія въ самой столицѣ. Вотъ то положеніе военныхъ дѣлъ, при которомъ состоялось подписаніе предварительныхъ условій мира. Конецъ-ли это, или только начало войны—намъ уважутъ те ближайшія событія.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1878.

Книга первая.—Январь.

	СТР.
СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Пора! — II. Ночь. — Гр. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-БУТУЗОВА	5
НОВЫЯ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА. — Июль 1880 — май 1886 г. — I. Письма къ не- вѣстѣ и тещѣ: 1880—81 гг. — II. Письма къ женѣ: 1881—83 г. — Съ пре- дисловіемъ И. С. ТУРГЕНЕВА.	7
ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТІЕ. — Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. — А. А. ПОТЪХИНА.	47
ОТКУДА НЕУДАЧА БЕАТЕРНИНСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОММИССИИ? — Историческое ислѣдованіе. — В. И. СЕРГѢЕВИЧА.	188
ОКТАВРЬСКАЯ НОЧЬ. — Изъ Альфреда де-Мюссе. — С. А.	265
ОФФИЦІАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ ВЪ ЛІЦАХЪ. — Очеркъ. — В. И. СМІРНОВА.	275
СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА: ТНЕ СКЕЛЕТОН ІН ТНЕ ХОУСЕ. — Повѣсть. — I—IV. — ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.	812
ХРОНИКА. — Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи. — Небольшая глава изъ славянской патологій. — К. В.	861
ВНУТРЕННЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го. — Пріѣздъ Государя Императора въ Петербургъ. — Взглядъ на историче- скую почву развитія. — Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи. — Дѣла мира и дѣла войны. — Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ. — Причины неуспѣха крымской кампаніи. — Успѣхи и недостатки, обнару- жившіеся нынѣ. — Внутренніе вопросы и задачи. — Дальнѣйшая работа. — Амнистія печати.	879
ПАРИЖСКИЯ ПИСЬМА. — XXXII. — Новыя успѣхи драмы во Франціи. — ЭМ. ЗОЛА.	404
ДВА ДѢЛА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ. — Двадцать-первый томъ Сборника Импера- торскаго Русскаго Историческаго Общества. — М. С.	435
ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — Декабрь	443
ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ	456
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛЮБОКЪ. — Императоръ Александръ I, С. Соловьева. — На- мекіе поэтѣ, п. р. Н. Гербеля. — Очерки общей теоріи гражданскаго права, С. Муромцева. — Городское самоуправленіе въ Россіи, И. Дят- лева. — Исторія Востока, Греціи и Рима, бар. Н. Корфа.	

Книга вторая.—Февраль.

Лордъ Байронъ и его судьба.—Биографическій очеркъ.—I.—О. О. МИЛЛЕРА.	457
Потемкинъ на Дунаѣ.—1790-й годъ.—Историческая новѣсть.—Г. П. ДАНИ-ЛЕВСКАГО.	501
Официальная Турція въ лицахъ.—V-VII.—Окончаніе.—В. И. СМЕРНОВА.	600
Изъ Альфреда де-Мюссе.—I. Майская ночь.—II. Августовская ночь.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО.	630
Патронатъ въ Россіи и за-границею.—Организація помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія.—И. Ф.	640
Думы и грёзы.—III. Наме горе.—IV. Зачѣмъ?—V. Пѣсня молота.—Стих. Н. М. МИНСКАГО.	672
Болгарія во время войны.—Замѣтки и воспоминанія.—V. Наме гражданское управленіе.—VI. Отъ Тырнова до Казанлика.—ЕВГ. УТИНА.	676
Старая пословица: THE SKELETON IN THE HOUSE.—Повѣсть.—V.—Окончаніе.—ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.	731
Хроника.—По поводу критикъ и рѣзкѣй на книгу „Землевлѣдѣніи и землеустройствѣ“.—Письмо въ редакцію.—Кн. А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.	778
Внутренніе Овоарыи.—Бюджетъ 1878 года.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ем финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны.	814
Замѣтка.—Новая теорія г-на Евгенія Маркова.—А.	836
Корреспонденція изъ Берлина.—Планы Бисмарковскихъ реформъ.—К.	839
Корреспонденція изъ Лондона.—Разногласица въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ.—R.	867
Парижскія Письма.—XXXIII.—Наши современные поэты.—ЭМ. ЗОЛА.	873
Литературная Замѣтка.—Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя к его книгѣ: „Путешествіе по Европейской Турціи“.—М. П.—ОВЪ.	896
Некрологъ.—Николай Александровичъ Некрасовъ.—М. С.	906
Овоареніе военныхъ дѣйствій.—Январь.	915
Библиографическій Листокъ.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Анна Каренина, гр. Л. Н. Толстого.—Очерки Персін, П. Огородникова.—Миръ реальный и миръ идеальный, И. Я. Быкова.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. II.	

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ, *).

№ 32.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 32.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА**ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА**

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Опытъ критическаго изслѣдованія основъ началъ позитивной философіи. В. Лессе-мича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Психологическія этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Философская преподаванія или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ.

Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновича. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человечества какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ, съ картою. Г. Властова Томъ I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II: вторая и третья книги Моисея, Исходъ и Левитъ. Съ картою и литографіями. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчучи. Картины прошлаго. Евгения Маркова. Спб. 1876. Ц. 1 р. 75 к.

Благонравныя рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Шедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Братская помощь пострадавшимъ семей-

ствамъ Босніи и Герцеговины. Изданіе Спб. Отд. славянскаго благотвор. комитета. Ц. 3 р. съ перес.

Въ средѣ умѣренности и аккуратности. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Шедрина). Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Вокругъ луны. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и Москвѣ по поводу его кончины, съ прилож. портрета. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Германизация балтійскихъ славянъ. Изслѣдованіе Юсифа Первольфа. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Драмы въ сералѣ. Убіиства въ Болгаріи. Война за независимость Сербіи. Романъ Теодора Лабурья. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Завѣщаніе Наума. Галицкіе рассказы. Захеръ-Мазохъ. М. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Изъ народнаго житія-бытѣя. Очерки и рассказы. М. А. Козырева. М. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла. Опытъ для теоріи повѣстическаго творчества, П. И. Аландскаго. К. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Исповѣдь преступника. Уголовный романъ Д. А. Ливнева. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.

*) Книги, поступившія въ Складъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, указаны ~~въ~~; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Выстѣтъ Европы.—Январь, 1878.

А

Исторія Русской словесности. Составилъ Н. Порфирьевъ. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Вел. Изданіе 2-е, исправлен. и доволн. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Маринисъ де-Сентъ-Альдегондъ, какъ политическій писатель. Н. Любвича. К. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. **Малорусскія народныя піснн**, по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. А. Потебни. В. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Киевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. **На дѣт морскомъ.** Романъ Т. У. Спейта. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Незаконнорожденная. Романъ Ксавье де-Монтенена. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Новые разсказы Жюль Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф. **Нѣмецкіе поэты.** Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 168 рисунками Гранвиля. Текстъ П. Сталъ, Балзака де-Бекхолера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроа, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Первый министръ. Романъ Энтони Троллопа. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Подростокъ. Романъ Ф. М. Достоевскаго. 3 части. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Развѣдчикъ. Романъ Густава Эмара. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сборникъ пісней Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., въс. 2 ф.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 3 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Славянство и Европа. Статьи и Рѣчи Ореста Миллера (1865—1877). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Собраніе сочиненій М. А. Маломоскова. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. П. Металевскаго на малоруссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Киевъ. 1875. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціей Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Динилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1876 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на вѣленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Французъ фортъ-Зиминичъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Отр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

Черная Индія. Разсказъ Жюль Верна, автора необыкновенныхъ путешествій. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Здѣшня. Уголовный романъ мнѣсье Генри Удъ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Элементы нумизматики древнихъ грековъ и римлянъ. П. Надеждина. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Ванья Камтъ. Историческій очеркъ Д. I. Мордовцева. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лей. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Всероссійская этнографическая выставка и славянскій сѣздъ въ маѣ 1867 года. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Годъ наваринской кампаніи, 1827-1828 годъ. Изъ записокъ лейтенанта А. П. Рикачева, веденныхъ на эскадрѣ контръ-адмирала графа Л. П. Гейдена. К. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Б. Г. Ц. 75 к. съ перес.

Десятилѣтіе русскаго земства. 1864—1875. Д. I. Мордовцева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Императоръ Александръ первый. Полтика-Дипломатія. Соч. Сергія Соловьева Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. О. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Славовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Иезуиты въ Россіи, съ царствованіемъ Екатерины II-ой и до нашего времени. Соч. Славен. М. Мороминна. 2 т. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исслѣдованія о крестьянахъ въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исслѣдованіе о вѣзѣхъ по актамъ съ 1500 по 1648 г. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исторія Шетландскаго натуралиста Томаса Эдварда. Соч. С. Смайльса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Франціи отъ инаверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рожау, 2 т. Ц. 8 р. 50 к., въс. 3 ф.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Переводъ Н. П. Задерацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Наваринъ. 1827-1877 г. Е. В. Богдановича. М. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп. Въ кошку вдовъ и спротивъ матросовъ, убитыхъ въ русско-турецкую войну 1877 г.

Очерки древней Казани. Составилъ П. Заринскій, съ планомъ Казани. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Паризъ въ челоуѣствѣ. Луи Жаколю, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Послѣдній арменъ вѣзѣхъ на правой сторонѣ Днѣпра. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Рассказы о вольской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дукана Охотскаго, издавныя Л. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересилкою.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи восточнаго персидскихъ войнъ. Франсуа Леромана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Киевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Союзъ племенъ и племенная политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе

Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Чехія и Моравія. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. Изданіе славянскаго благ. комитета. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Этнографическая карта славянскихъ народностей. М. Ф. Мирковича, дополненная А. Ф. Риттихомъ. 2-ое изданіе Спб. Отдѣла слав. благотвор. комитета. Ц. 1 р., съ пер. 2 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенаца. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—X. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Пейбриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 8-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.; въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Путешествіе въ Туркистанъ. А. П. Федченко. Выпускъ 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработалъ Г. Майръ. Odonata, обработалъ Фр. Брауеръ. Chrysidiiformis, Mutillidae, Sphegidae, обработалъ О. И. Радомковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. экз. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. экз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Вѣстникъ кризиса 1873 года. К. Гаттенбергеръ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій, Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I. Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. въс. 3 ф.

Коммерческіи операціи Государственнаго банка. Вып. 1. Соч. Дмитрія Пихно. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Начальный учебник политической экономии. Составил Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкий земельный предметъ въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теоріи соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Отчеты комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, состоящаго при И. М. О. Сельскаго Хозяйства. 2-й отчетъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. 3-й отчетъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Выпускъ 1-й. Образцовый уставъ съ необходимыми къ нему объясненіями. Составилъ А. В. Яковлевъ. Ц. 10 к., съ перес. 20 к. Выпускъ 2-й. Правила счетоводства и отчетности съ образцами. Составилъ Пр. Пр. Матвѣевъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Составилъ В. де-Лявронъ, дѣйств. членъ И. Р. Географическаго Общества. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изданный Спб. отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Выпускъ III-й. Потребительныя общества. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Стенографическіе отчеты общихъ собраній представителей Россійскихъ земельных банковъ. Слѣда 1-го, 2-го и 3-го. Ц. по 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Шиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Уставъ русскихъ земельных банковъ, съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Состав. Комитетомъ слѣдовъ представит. учреждений русскаго земельного кредита. Спб.

1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десатовскаго. 21. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый предметъ Э. Вредена. Основанія начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Бабушкины сказки Жюль-Сенда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое Сочиненіе Герберта Спенсера. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Думанная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. 1877 г. Пеша. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Мизнъ дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Историческая хрестоматія по новой и старѣйшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Демисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переп. 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляры.

Маленькій сборникъ. Романъ Джамса Гриниуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунт.

Наши знакомые и верные друзья. Сочин. Миссъ Гунифриъ. Переводъ съ англійскаго М. Малиженой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Необходимое дополненіе къ русскимъ хрестоматіямъ. Логическій разборъ. Баснословъ. — Умниковъ. — Пѣловой. Часть прозаическая. Руководство для учащихся в учащихся. Сост. преподаватель С. Веснинъ. Спб. 1877. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Объяснительный курсъ приюметки. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латинска. Часть I. Сиб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Опытъ систематическаго диктанта, съ изложеніемъ правилъ русскаго правописанія, орфографическимъ разборомъ и словаремъ. Сост. Н. М. Терновскій. К. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Опытъ Задачника по математической и физической географіи. Курсъ учащихся 8 разряда и прогимназій. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Очерки и рассказы. Книга для юношества. К. Симоновой, съ гравюрами. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Полный практический курсъ французскаго языка для самоучекъ и для преподаванія. Сост. М. Халомъ. Второе изданіе, вновь переработанное и приспособленное къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ. 3 части. Одобрено и рекомендовано учебнымъ комитетомъ при IV Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи для употребленія въ институтѣхъ и гимназіяхъ. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій. Сост. П. Надеждинъ. Т. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ объясненій и самыхъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ Е. Оксеновой. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Почему и почему. Вопросы и ответы изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома, методически составленъ Отто Уло. Съ картинками въ текстѣ. Сиб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 картинками. Изд. М. Малишевой и А. Пфлювой. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Примеси. Грамматика въ прописяхъ. Составленъ учителемъ В. Мерзонинымъ. Сиб. 1877 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанных въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устного и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реального училища С. Весникъ. Сиб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Рассказы Альфонса Додэ. Съ портретами автора. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Рейсманъ Ирузо. А. Анненской. Новая переработка темъ де-Фюе. Съ 10-ю карт. и 25-ю картинками. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., въс. 2 ф.

Русские народныя сказки, поговорки и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Русская исторія, съ приспособленіемъ необходимыхъ свѣдѣній, къ исторіи самоучекъ. По способу Грубе изложилъ В. Фармаковскій. Изданіе 2-е. В. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Самоучитель итальянскаго языка. Составленъ Бемедекстемъ Лоренциемъ, учителемъ итальянскаго языка. — I. Объ итальянскомъ произношеніи. — II. Краткая грамматика. — III. Слова. — IV. Разговоръ. — Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ журнала Воспитаніе и обученіе, для младшаго возраста, т. II. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сборникъ журнала „Воспитаніе и обученіе“ для дѣтей старшаго возраста. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 35 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Сборникъ темъ и плановъ для занятій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, О. Весникъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Сиб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ, для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Составилъ О. Сикорскій, преподаватель математики въ Екатеринбургской гимназіи. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Умственное развитіе дѣтей, отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейхъ, съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ зоологій. — Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Часть I: Всеобщая. — Съ 280 рисунками въ текстѣ. Составилъ А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямолинейная тригонометрія. Сочиненіе профессора И. Соколова. Ц. 60 к. съ перес. 75 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Глоттологическія (лингвистическія) записки И. Водуна-де-Буртона. Воронежъ. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи. С. М. Шпилевскаго. Казань. 1877 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Мат. Записки по русской грамматикѣ. Сочин. А. Потебни. I. Введение. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. II. Составные члены предложения и ихъ взаимныя русскія языки. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Историческое рассмотрение о русскихъ поименныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустровымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Изъ истеріи звуковъ русскаго языка. Соч. А. Потебни. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртена. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

О мифическомъ значеніи историческихъ обрядовъ и пострій. Сочин. А. А. Потебни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., въс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой истеріи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1878. Ц. 2 р. 25 к., въс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученые вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе. А. Н. Неустрова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Сербская грамматика по восточному говору. Часть I: этимологія. Составилъ по Вучичу, Даничичу и Милосичу Т. Бѣленій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Слово о плыну Игоревѣ. Поэтический памятникъ русскоі письменности XII вѣку. Текстъ с перекладомъ и с поясненіями андѣя Омелан Огоновскій. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Словарь къ Геродоту. Скиелі. IV. 1—144, и сраженіе при Фермопилахъ. VII. 201—288. Сост. Г. А. Янчевскій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 50 к.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Шрамекъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Краткій учебникъ химіи углеродистыхъ соединений. К. Шарлемьеръ, съ предисловіемъ проф. А. М. Бутлерова. 2-ое дополн. изданіе. Ц. 2 р. 80 к., съ перес. 3 р.

Курсъ теоретической ариметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Органическая химія. Профессора П. Александрова. К. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Физическая химія. Н. Н. Либавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Д. Гутковского. Ц. 3 р.; въс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиническихъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь И. Аммика. Новое, исправленное, полное и разширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 5 выпусковъ.

Вліяніе холодной воды на здоровіе и болѣзнь организма. Сост. д-ръ Н. Вонсевицъ. Ц. 20 к., въс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндалла. Ц. 1 р. 25 к., въс. 1 ф.

Выгонная или пастбищная система до отомоченія въ сельское хозяйство въ Россіи. Назначается сельскимъ хозяевамъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. В. Перучева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Двѣдцать абловъ моего сада. В. В. Каценко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ абловъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ перелетѣ 6 р. съ перес.

Исторія мусовнаго хлѣба. Описаніе жизни человека и животныхъ въ лѣсахъ. Соч. Масе. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Иллюстрація и вывозъ начистоты. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеромъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническая фармакопѣя. Dr. F. W. Müller. 400 рецептовъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Комнатное цѣтководство. Подробное изданіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растений. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 60 к. съ пер. 80 к.

Курсъ акушерства профессора Ивана Лазаревича Ч. I. съ оригинальными рисунками въ текстѣ. Х. 1877 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Курсъ клиническихъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Их учение о преступных животных. О. А. Гримма. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

О новейших успехах физических знаний. П. Г. Тэта. Переводъ под редакціею И. М. Сѣченова, съ 24-ми рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и ответовъ. Съ 48-ю политипажами въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О травостѣи, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ стѣи, о паханіи и удобреніи земли. Изданіе 3-е. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

О значеніи психическихъ вліяній, лекціи В. А. Манассеяна, проф. медико-хирург. академіи. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Джона Тиндала, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Плугъ, его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажами въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Профессиональная гигиена или гигиена умственнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрисмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартини. Элементарный практический курсъ биологіи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное Н. V. Ziemssen'омъ. Т. IX. Болѣзни мочевого аппарата. Часть первая, профессора С. Bartels'a. Харьковъ. 1877 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.—Т. XLP. Часть первая. Болѣзни двигательнаго аппарата. Простудныя болѣзни. Общія разстройства питанія.—Проф. Н. Senator'a, проф. Е. Seitz'a и проф. Н. Immermann'a.—Харьковъ. 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное Н. V. Ziemssen'омъ, т. XI. Часть II. Острыя и хроническія воспаленія мозга и его оболочекъ, Гюгенена. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Русское земледѣліе и земледѣльцы. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Сѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Систематическое руководство гигіены. Д-ра Л. Гартта. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 63-ми рисунками. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Совѣтственное изданіе общества естественныхъ испытателей при русскихъ университетахъ. Ботаника, т. I.—ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; т. II.—ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Зоология, т. I.—ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II.—ц. 6 р., съ пер. 7 р.—Минералогія и Геология, т. I.—ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II.—ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціею О. А. Гримма. Выпускъ I,—ц. 30 к.; выпускъ II, тетрадь 1-я,—ц. 2 р.; тетрадь 2-я,—ц. 1 р. 50 к.; выпускъ III,—ц. 50 к.; выпускъ IV,—ц. 3 р. 50 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естественныхъ Испытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т. V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За аеросилу прилагается по 10 к. на рубль.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брэнке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересиломъ.

Физиологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Эрвнѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Эпизоотологія или ученіе о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Съ 22-ми литографированными рисунками. Доктора Л. Д. Фишкена. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ основныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей моноконституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й т. 1 р. 75 к., 2-й т. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., всѣ 1 ф.

Земледѣліе и земледѣльцы въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Исследования по русскому праву семейному и наследственному. Я. Г. Орман-

скаго. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Крестническое діло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. Н. Сибиряка. Удостоеніе Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ расстоянія. Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общаа. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ военно-уголовнаго законод. и военноаго судопроизводства, принятыя для руководства во всѣхъ высшихъ учебныхъ. — Удостоенъ конкурсной преміи Г. упр. Военно-Учебныхъ заведеній. Составилъ П. Калининъ. — Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Сиб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Сиб. университета. Томъ II. Органы управленія. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к. Обрусеніе землевладѣнія въ ю-з. краѣ, Евгения Каравцова. К. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Общійное владѣніе. К. Кавелина. Сиб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность, 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ приложеніи помѣщенъ замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ инстинктѣ и отношеніи на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II книги. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассад. департ. правительствующаго сената, за 1878 г. Сост. А. Книричъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. — Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго дѣла прав. сената за 1874 г. Составили А. Книричъ и Н. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право.

Т. II, Судопроизводство. Сиб. 1876 г. руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго Департамента вѣдѣющаго Сената за 1875 годъ. I. Матеріальное право. Составилъ А. Голъ старшій помощ. об.-секр. гражд. в. Сената. Сиб. 1877 г. Ц. 3 р. съ перес. Упоминаніе о наказаніяхъ уголовнымъ исправительныхъ 1886 г. съ доавленіемъ по 1-е января 1876 г. Составлено въ Сиб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Въ второе, переработанное и дополненное. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Божья. 150 одногласныхъ и двугласныхъ пѣсень для дѣтей младшаго и средняго растовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. Фаминницъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., перес. 1 р. 70 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вильяма Рейнольдса профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Руководство къ правильному построению модуляцій. Ф. Дрезеке. Переводъ съ немцаго А. С. Фаминницка. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсень съ народными названіями Составилъ А. Фаминницъ. Ч. I: 60 пѣсень для одного голоса Ч. II 50: пѣсень для двухъ и трехъ голосовъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Южно-русскій орнаментъ. Собралъ Ф. Б. Волковъ. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 60 к. съ перес. 3 р.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ежедневная записная книжка на 1878 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Отрывной календарь на 1878 г. Ц. 60 к. съ перес. 75 к.

Пожарная Минга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политическими рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Комиссіонеровъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, Московскаго
Отдѣленія

И. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнечкаго моста)

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

Для фортепіано: Глинка, посмертныя сочиненія: ноктюрнъ (30 к.); варьяціи на
му Моцарта (50 к.); то же, второе переложеніе (80 к.); полька и мазурка, сочиненная
Глинкой (20 к.); кавалерійская рьсь, въ 4 руки (20 к.); арагонская хота, увер-
тура, переложенная К. Клиндвортомъ, въ 2 руки (60 к.); въ 4 руки (1 р. 20 к.); то же
интертное переложеніе М. А. Балакирева (1 р. 20 к.); ночь въ Мадридѣ, увертюра,
переложенная К. Клиндвортомъ, въ 2 руки (60 к.); въ 4 руки (1 р. 20 к.). Шопенъ,
его вальсы (1 р.); всѣ ноктюрны (1 р.); всѣ мазурки (2 р.); всѣ полонезы (1 р.
50 к.); всѣ этюды (1 р. 50 к.); всѣ прелюдіи (1 р. 85 к.); всѣ сонеты (1 р. 50 к.); всѣ
промпты (60 к.); всѣ баллады (75 к.); всѣ скерцо (1 р.). Полное собраніе всѣхъ фор-
тепіаннхъ сочиненій Шопена, изданныхъ подъ редакціею профессора К. Клиндворта,
6 томовъ (15 р., вѣс. за 16 ф.). Шуманъ, альбомъ для юности, 48 пьесъ оп. 68
(1 р. 50 к.); Kinder Scenen, op. 15 (45 к.); Carnaval. Scènes mignonnes, op. 9 (1 р.);
Fantasiestücke, op. 12 (1 р.); Kreisleriana, op. 16 (1 р.); Arabesque, op. 18 (30 к.);
Blumenstück, op. 19 (20 к.); 8 Novelletten, op. 21 (1 р. 70 к.); 4 Nachtstücke, op. 23
(50 к.); Waldscenen, op. 82 (65 к.); Bunte Blätter. 14 Stücke, op. 99 (1 р. 25 к.);
Album-blätter. 20 Stücke, op. 124 (1 р.). Полное собраніе всѣхъ фортепіаннхъ сочиненій
Шумана, 6 томовъ (12 р., вѣс. за 18 ф.). Булакъ, дѣтская жизнь (Kinderleben), 24 пьесы,
2 тетр. (по 75 к.). Дюбюкъ, дѣтскій альбомъ, 20 легкихъ пьесъ (75 к.); 3 русскихъ
пѣсни (20 к.). Мендельсонъ, всѣ 48 пѣсенъ безъ словъ. Новое красное изданіе (2 р.);
то же—въ 8-ю д. л. (75 к.). Полное собраніе всѣхъ фортепіаннхъ сочиненій Мендель-
сона, 5 томовъ (8 р., вѣс. за 11 ф.). Огнискій, 14 польскнхъ (50 к.). Ланьеръ, 10 лю-
бимнхъ (50 к.); 20 вальсовъ въ легкомъ переложеніи (75 к.); 8 вальсовъ въ 4 руки (75 к.).
Шульгофъ, Confidence (15 к.); Chant du berger. Grande valse, op. 6 (50 к.); Chanson
à boire (30 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки.
Требованія Гг. иногороднихъ исполняются съ первоотходящею почтою.
Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Въ этихъ же мага-
зинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни
были редки и объявлены.

BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés de Decembre, 1877.

- BODENSTEDT.** Verschollenes und Neues. Ein Dichterbuch. geb. 3 r. 60 k.
- BRIEFE** aus Paris von einem Verstorbenen. 3 r.
- BRÜGGEN.** Polens Auflösung. Kulturgeschichtliche Skizzen. 3 r. 60 k.
- DAWSON.** Die Natur und die Bibel. 1 r. 50 k.
- CONTZEN.** National-Oekonomie. Lf. I—30 k.
- CONTZEN.** Geschichte der soc. Frage. 4 r. 50 k.
- DANDET.** Le Nabab. 1 r. 75 k.
- DETLEF.** Russische Idyllen. 3 r.
- EBERS.** Homo sum. Roman. 3 r. 60 k.
- FALKE.** Zur Cultur und Kunst. 5 r. 55 k.
- FECHNER.** In Sachen der Psychophysik. 3 r.
- FRENZEL.** Berliner Dramaturgie. 2 vols. 7 r. 20 k.
- FRIES.** Die sogenannte Sociale Frage oder die neueste Volksdummung. 75 k.
- GINDELY.** Geschichte des 30-jähr. Krieges. II. 4 r. 80 k.
- GLAUBRECHT.** Bibel und Naturwissenschaft in vollst. Harmonie. 6 r.
- GOETHE.** Briefe aus Fritz Schlosers Nachlass hrsg. von Frese. 4 r. 80 k.
- GRISEBACH.** Die deutsche Literatur seit 1770. 3 r. 60 k.
- GUTZKOW.** In bunter Reihe. Briefe, Skizzen, Novellen. 3 r.
- GWINNER.** Schopenhauers Leben. 7 r. 20 k.
- HARMS.** Die Philosophie in ihrer Geschichte I. Psychologie. 4 r. 50 k.
- HELMHOLTZ.** Ueber die Akademische Freiheit der Dtschen Universitäten. 50 k.
- HEYSE.** Neue moralische Novellen. 3 r. 60 k.
- HEYSE.** Der Jungbrunnen. 3 r.
- JUSTE.** La Rivalité de la France et de la Prusse. 1 r. 80 k.
- KALCKSTEIN.** Geschichte der frz. Koenigsthums. I. 6 r.
- KLAIBEL.** Hölderlin, Hegel & Schilling. 2 r. 70 k.
- LINDAU.** Gordon Baldwin. Nov. 2 r. 40 k.
- MOHL.** Wanderungen durch Spanien. 1 r. 45 k.
- PERLS.** Streifzuge. Historische, literarische und dramat. Aufsätze. 90 k.
- PROLSS.** Geschichte des Hoftheat zu Dresden.
- RANKE.** Die Osmanen und die Sp. Monarchie in 16 u. 17. Jahrh. 7 r. 20
- RANKE.** Friedrich der Grosse u Friedrich-Vilhelm der Vierte. 2 r. 90
- RENAN.** Philosoph. Dialoge und Fragmente. 3 r. 60 k.
- ROSEN.** Die Balkan-Haiduken. I. Beitrag zur inneren Geschichte des Serenthums. 3 r. 90 k.
- SCHERBEN.** Gesammelte von einem müden Manne. 2 r. 15 k.
- SCHURÉ.** Das musikal. Drama. 3 60 k.
- SCHWARTZ.** Leben des Gener. Carl von Clausewitz und des Frau von Clausewitz geheimerer Gräfin v. Brühl. 2 vols. 12 r.
- SIMONS.** Aus altrömischer Zeit. vols. 4 r. 80 k.
- SONNENSCHMIDT.** Kosmologie. 4 80 k.
- STIFTER.** Des Nachsommer. 3 r. 60
- URLICHS.** Briefe an Schiller. 6 r.
- VAMBERY.** Ueber die Reformfähigkeit der Türkei. 95 k.
- VIRCHOW.** Freiheit d. Wissenschaft im mod. Staate.
- VOGEL.** Häckel und die monistische Weltanschauung. 75 k.
- WERUNSKI.** Italienische Papst Innocenz. VI und Koenig Karl. 2 r. 40 k.
- WINTERFELD.** Ein bedeutender Mensch. 4 vols. 8 r. 10 k.
- WOLTMANN.** Aus vier Jahrhunderten niederländisch-dtscher Kunstgeschichte. gebd. 3 r. 60 k.
- ZWEIFEL.** Constitutionen des Menschheit. 2 r. 40 k.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы продается
новая книга:

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

Большой томъ, въ двухъ частяхъ. Стр. 560. Спб. 1877.

Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

Складъ изданія помѣщается въ книжномъ магазинѣ типографіи
М. Стасюлевича, Спб., В. О., 2 лин., 7.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

въ четырехъ томахъ. 8 д., Спб. 1877 г.

Томъ I (410 стр.). Романъ: Бѣглые въ Новороссіи. — Разказы: Семейная старина: Прабабушка, Тѣнь праѣда, Бабушкинъ рай. — Украинскія сказки. — **Томъ II** (400 стр.). Романъ: Воля (Бѣглые воротились). — Разказы: Старосвѣтскій маляръ, Село Сорокопановка, Феничка, Екаѣрина Великая на Днѣпрѣ. — **Томъ III** (402 стр.). Романъ: Новыя вѣста. — Разказы. Бѣглый Лаврушка. — Изъ XVII вѣка: Первый выѣскъ сокола, Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. — Четыре времени года украинской охоты, Святочная легенда. — **Томъ IV** (440 стр.). Романъ: Девятый валъ (изъ лѣтописей женскаго монастыря).

Цѣна за четыре тома 6 рублей; на пересылку по почтѣ прилагается за 5 фун. — Обычная уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ.

Складъ изданія въ Книжномъ магазинѣ типографіи
М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій
Островъ, 2 линія, № 7.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1878 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	Годъ.	Полгода.	Четверть.	Мѣсяцъ.
Безъ доставки. . .	14 р. 50 к.	8 руб.	4 р. 25 к.	1 р. 50 к.
Городскіе . . .	16 „ — „	9 „	5 „ — „	1 „ 75 „
Изгородные . . .	17 „ — „	10 „	6 „ — „	2 „ — „
Иностраные . . .	25 „ — „	13 „	7 „ — „	3 „ — „

МѢСТО ПОДПИСКИ: Въ Петербургъ—въ Главной Конторѣ газеты, по Малой Садовой, 2 и въ Книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича, на Вас. Остр., 2 лин., 7 въ Москвѣ—въ Книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева.—Книжные магазины, при подпискѣ, пользуются общою уступкою.

СРОКЪ ПОДПИСКИ начинается не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСКИ допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, или по соглашенію съ Главной Конторой, куда могутъ обращаться лично или письменно также и не-служащіе.

„РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ВЪ ИЗВЛЕЧЕНИИ.

Въ Книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 л., 7 продаются слѣдующія отдѣльныя книги „Русской Библіотеки“:

А. С. ПУШКИНЪ.—Н. В. ГОГОЛЬ.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ.—Н. А. НЕКРАСОВЪ.

При каждой книгѣ—портретъ и биогрѣфическій очеркъ.

Цѣна: отдѣльная книга—75 коп.; пять книгъ въѣствъ — 3 руб. 75 коп.; перес. за 6 фунтовъ.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращающія въ Складъ, пользуются, при выпискѣ не менѣе 5 экземпляровъ каждой книги или одного экземпляра всѣхъ пяти книгъ, уступкою 20%.

Полныя экземпляры «Русской Библіотеки» всѣ распроданы.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ многорודнымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 33.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 33.

КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Опытъ критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 3 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересл.ком.

Психологическія этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Философскія пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румьева. Переводъ П. М. Цейлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновича. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человечества какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ, съ картою. Г. Властова Томъ I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II: вторая и третья книги Моисеевы, Исходъ и Лавить. Съ картою и литографіями. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Анна Каренина. Романъ Графа Л. Н. Толстого, въ восьми частяхъ. М. 1878 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Барчуки. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1876. Ц. 1 р. 75 к.

Благонамѣренныя рѣчи. Сочиненіе М.

Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Восни и Герцеговины. Изданіе Спб. Отд. славянскаго благотвор. комитета. Ц. 3 р. съ перес.

Въ средѣ утренности и аккуратности. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина) Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Вокругъ луны. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и Москвѣ по поводу его кончины, съ прилож. портрета. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Германизация балтійскихъ славянъ. Изслѣдованіе Юсифа Первольфа. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Драмы въ сералѣ. Убіиства въ Болгаріи. Война за независимость Сербіи. Романъ Теодора Лабурѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Завѣщаніе Манна. Галицкіе рассказы. Захеръ-Мазохъ. М. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Изъ передняго мнѣя-бытья. Очерки и рассказы. М. А. Козырева. М. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла. Опытъ для теоріи поэтическаго творчества, П. И. Аландскаго. К. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

*) Книжки, поступившія въ складъ въ январѣ мѣсяцѣ, указаны въ ; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначены годъ изданія.

Вѣстникъ Евронн.—Февраль, 1878.

A

Исповедь преступника. Уголовный романъ Д. А. Ливева. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.

Историческіе и критическіе опыты Томаса Карлейля, перев. съ англійскаго. Содержаніе: Графъ Калиостро, Бриллиантовое ожерелье, Вольтеръ, Дидро, Мирабо, Робертъ Борнъ и Вальтеръ-Скоттъ. М. 1878 г. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 30 к.

Исторія Русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Вел. Изданіе 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Мариниъ-де-Сентъ-Альдегондъ, какъ политическій писатель. Н. Любича. К. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Малорусскія народные пѣсни, по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. А. Потемни. В. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Малорусскія народные преданія и разсказы. Словъ Миханъ Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

На дѣхъ мнимомъ. Романъ Т. У. Спейта. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готтольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Незаконнорожденная. Романъ Ксавье де-Монтепена. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Новые разсказы Жюль Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни, 1876-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Первый министръ. Романъ Энтони Троллопа. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Подростокъ. Романъ Ф. М. Достоевскаго. 3 части. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Развѣдчикъ. Романъ Густава Эмара. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. **Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа.** Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., въ 2 ф.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 8 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Одесситы и Вароча. Статки и Рѣчи Ореста Миллера (1865—1877). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малорусскій языкъ. Изданіе 2-ое, Кіевъ. 1876. Ц. 2 р., въ 2 ф.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р., 30 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Дэвидъ Ривардо. Переводъ подъ редакціей Н. Эмбертъ. В. I. Ц. 2 р., въ 2 ф. **Сочиненія Г. Я. Данилевскаго.** 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. Н. Толстого, въ одномъ томѣ. 1865—1876 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотыми тисненіями, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—**Портретъ особе:** 50 к.

Французскіе фельетонисты Историческія трагедіи въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крык. Стр. 280. Ц. 1 р. 50 к., въ 2 ф.

Черная Индія. Разсказы Жюль Верна, автора необыкновенныхъ путешествій. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Черногорцы или смерть Савицъ-аги-Ченгича. Поэма Нв. Мажуранича. Переводъ съ сербско-хорватскаго А. Лузяновскаго. Ц. 85 к., съ перес. 50 к.

Эдвинъ. Уголовный романъ миссисъ Генри Удъ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Элементы мисологіи древнихъ грековъ и римлянъ. П. Надеждина. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

ИСТОРИЯ — БЮГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ

Ванья Намъ. Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Годъ кабаринской кампаніи, 1827-1828 годъ. Изъ записокъ лейтенанта А. П. Рыкачева, веденныхъ на эскадрѣ контръ-адмирала графа Л. П. Гейдена. Кр. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. В. Т. Ц. 75 к., съ перес.

Десятилѣтіе русскаго земства. 1864—1875. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Соч. Сергія Соловьева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ф. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. Н. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Иезуиты въ Россіи, съ царствованіи Екатерины II-ой и до нашего времени. Соч. Священ. М. Морозкина. 2 т. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исслѣдованія о крестьянахъ въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исслѣдованіе о новачествѣ по аятамъ съ 1600 по 1648 г. Сост. В. Антоновичъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Исторія Шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда. Соч. С. Скайласса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рожау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 3 ф.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Переводъ Н. П. Задерацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткій очеркъ Англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ М. Венковъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О древней культурѣ западныхъ финновъ по дѣяніямъ ихъ языка, по сочиненію Д-ра Августа Алквиста. Составилъ Л. Майковъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Очеркъ древней Казани. Составилъ П. Заринскій, съ планомъ Казани. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Парижъ въ челоѣчествѣ. Луи Жаколю, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главнѣе дѣятели. Военно-историческій очеркъ. Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Лешормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Сенатъ Имперіи и имперіалъ политика. Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трубецкаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Штатъ и Меркантиль. А. О. Вудиловича

и А. П. Нарановича. Изданіе славянскаго благ. комитета. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Этнографическая карта славянскихъ народностей. М. Ф. Мирковича, дополненная А. Ф. Риттихомъ. 2-ое изданіе Спб. Отдѣла слав. благотвор. комитета. Ц. 1 р., съ пер. 2 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подлиннѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—X. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.; въ переплетъ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Фадченко. Выпускъ 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработалъ Г. Майръ. Odonata, обработалъ Фр. Брауеръ. Chrysodiformis, Mutillidae, Sphegidae, обработалъ О. И. Радошковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. экз. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. экз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Вѣтисскій кризисъ 1873 года. К. Гаттенбергеръ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Задѣльныя платы и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій, Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи, И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. въс. 3 ф.

Коммерческія операціи Государственнаго банка. Вып. I. Соч. Дмитрія Пихно. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Начальный учебникъ политической эконо-

мин. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. Книга А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 8 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., въс. 2 ф.

Отчеты комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, состоящаго при И. М. О. Сельскаго Хозяйства. 2-й отчетъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. 3-й отчетъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Выпускъ 1-й. Образцовый уставъ съ необходимыми къ нему объясненіями. Составилъ А. В. Яковлевъ. Ц. 10 к., съ перес. 20 к. Выпускъ 2-й. Правила счетоводства и отчетности съ образцами. Составилъ Пр. Пр. Матвѣевъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Составилъ В. де-Ливронъ, дѣйств. членъ И. Р. Географическаго Общества. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изданный Спб. отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Выпускъ III. Потребительныя общества. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. I. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Уставъ русскихъ земельныхъ банковъ, съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Состав. Комитетомъ ссѣдовъ представит. учреждений русскаго земельного кредита. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Деситовскаго. 2 т. Ц. 5 р., въс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., въс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Бабушкины сказки Марш-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Взрослѣть въ Зеркалѣ для элементарныхъ училищъ. Классное пособие при повтореніи уроковъ и приготовленіи къ нимъ, съ 165 политическими. Составилъ М. Меллеранскій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и поестей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и франкцускихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Малостроваемые разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 23 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльных картинокъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папѣ 1 р. 75 к., въ перес. 2 р., за перес. 25 к. на эвемалларѣ.

Маленькій сборничекъ. Романъ Джозефа Гриниуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., въс. 2 фута.

Методы арифметики и алгебры. Переложъ главъ (I-XX) изъ сочиненія Дюгамеля: приложеніе методовъ умозрительныхъ наукъ къ наукѣ о числахъ и пространствахъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Наши любимые и верные друзья. Сочин. Миссъ Гулифринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малиновой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Необходимое доказаніе къ русскимъ хрестоматіямъ. Логическій разборъ. Баскетовъ. — Умноженіе. — Показой. Часть прозаическая. Руководство для учащихся и учащихся. Сост. преподаватель С. Веснянъ. Спб. 1877. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Объяснительный курсъ арифметики. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латшова. Часть I. Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Опытъ систематическаго диктанта, съ изложеніемъ правилъ русскаго правописанія, географическимъ разборомъ и словаремъ.

Сост. Н. М. Терновскій. К. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Очерки и рассказы. Книга для юношества. Е. Сидоровой, съ гравюрами. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Пособіе для практическихъ замітокъ по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій. Сост. П. Надеждинъ. Т. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ объясненій нѣмъ самимъ объясненій о прохожденіи ихъ и описаніи послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ Е. Сидоровой. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты нѣмъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома, методически составлены Отто Ульз. Съ полтипажами въ текстѣ. Сиб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 88 полтипажами. Изд. М. Маднзевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Природа и люди на Камчаткѣ и за Камчаткой. По рассказамъ путешественниковъ, историческимъ провансамъ А. Пушкина, Лермонтова, Я. Полоскаго и ученикъ заслужившихъ. Учебное пособіе для учащихся. Составилъ П. Надеждинъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Маренничъ. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программахъ реальнаго училища, и Христоматія съ задачами для устного и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реальнаго училища С. Весннъ. Сиб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Рассказы Алфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю карт. и 35-ю полтипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; переп. 3 руб. 50 коп., въ с. 2 ф.

Русскія народные сказки, повѣсти и загадки. Читаніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнберга). Ц. 20 к.

Русская исторія, съ археологическимъ необходимыми свидѣніи нѣмъ исторіи всеобщей. По способу Грубе изложилъ В. Фармаковский. Изданіе 3-е. В. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Самочиталь итальянскаго языка. Составилъ Бенедиктъ Лороничъ, уч-

телемъ итальянскаго языка. — I. Объ итальянскомъ произношеніи. — II. Краткая грамматика. — III. Слова. — IV. Разговоры. — Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ журнала „Воспитаніе и обученіе“, для младшаго возраста, т. II. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сборникъ журнала „Воспитаніе и обученіе“ для дѣтей старшаго возраста. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 35 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Сборникъ статей и разсказовъ для юношества. Изданіе журнала „Женское образованіе“. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весннъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Сиб. 1878. Ц. 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ, для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Составилъ С. Сиворскій, преподаватель математики въ Екатеринославской гимназій. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейли, съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картинъ въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ зоологій. — Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Часть I: Беспозвоночныя. — Съ 239 рисунками въ текстѣ. Составилъ А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Учебный матеріалъ къ Вопроснику по Зоологій. Пособіе для обучающихся. Составилъ М. Меліоранскій. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямоугольной тригонометріи. Сочиненіе профессора И. Соколова. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Древніе города и другіе болгарско-гартарскіе памятники въ казанской губерніи. С. М. Шнилевскаго. Казань. 1877 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Сочин. А. Потѣбни. I. Введеніе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. II. Составные члены предложенья и ихъ заимствы въ русскомъ языкѣ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Историческое разсужденіе о русскихъ временныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографическое и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Несторовичъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка.

Соч. А. Потебни. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Именно даннаго для исторіи русской журналистики. Библиографическія прижитіи на книгу: А. Н. Неустроева, Л. Майкова. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе Ш. Бодуэна-де-Куртене. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

О значеніи значимы многихъ обрядовъ и пострій. Сочин. А. А. Потебни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о трансформации древне-русскаго Деметра. Сочиненіе П. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи шаргородскаго иртыша. П. Житцаго. Киевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 ф.

Самитотербургскіе ученики въдомствъ на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе. А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтический памятникъ русской письменности XII вѣка. Текст с переводомъ и с поясненіями изданъ Олегомъ Огюзовымъ. У Лавовъ, 1876 г. Ц. 2 р. съ переслужою.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Храпекъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМИЯ.

Краткій учебникъ химіи углеродистыхъ соединений. К. Шарлемьеръ, съ предисловіемъ проф. А. М. Бутлерова. 2-ое доп. изданіе. Ц. 2 р. 80 к., съ перес. 8 р.

Курсъ теоретической ариметики. Жозефа Вертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. К. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Физическая химія. Н. Н. Либавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. Гутковского. Ц. 8 р.; съ пер. 2 ф.

Ходъ качественного химическаго анализа и таблица реакцій. Переводъ съ нѣмецкаго О. Савченкова. Пособія для начинающихъ. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГИЯ — МЕДИЦИНА.

Вліаніе коледной воды на адреналъ и большой организм. Сост. д-ръ Н. Венгеровъ. М. 90 к., съ пер. 1 ф.

Вода въ видѣ обломкомъ и рѣкъ, вода и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 ф.

Выгнанныя или выгнанныя системы по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Извѣстныя о сельскомъ хозяйствѣ средних и сѣверныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Дѣтская школа моего сада. В. В. Кащенко. Россійское изданіе съ иллюстраціями рисунками этихъ дѣтокъ. Спб. 1876 г. Ц. 8 р., съ переслужою 6 р. съ перес.

Исторія животнаго міра. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ нѣсмысли. Соч. Массе. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Иллюстрированный фармаколог. Dr. F. W. Maller. 400 редукціи фармакологическаго для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Историческое растениеводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія коммунитивныхъ, какъ луговыхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растений. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 80 к.

Курсъ анатоміи профессора Ивана Лавровскаго Ч. I. съ оригинальными рисунками въ текстѣ. X. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. Н. Вяткина. Вильямъ I. Ц. 3 р., съ перес. 1 р. 25 к. Вильямъ II. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

О животныхъ существахъ физическаго міра. О. А. Гримма. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 80 к.

О животныхъ существахъ физическаго міра. П. Г. Тота. Переводъ подъ редакціей Н. М. Флукса, съ 24-ми рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ми иллюстраціями въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горнаго инженера В. Дюгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго технического словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О травахъ, съ приложеніемъ соображеній, касающихся приложенія ихъ къ употребленію, о нахожденіи и употребленіи травъ. Изданіе 3-е. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

О значеніи неживыхъ веществъ въ жизни. В. А. Манассеина, проф. медицинско-хирург. академіи. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Джона Эдвардса, съ предисловіемъ и критическими проф. Гольм-

гольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Профессиональная гигиена или гигиена умственного и физического труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрисмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартини. Элементарный практический курсъ биологіи. Переводъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Птицеводство. Практическія записки знаменитой Петербургской птицеводки, прозванной: Цитичная Королева. Составилъ Артемій Арбашевъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное Н. V. Ziemssen'омъ. Т. IX. Болѣзни мочевого аппарата. Часть первая, профессора С. Bartels'a. Харьковъ. 1877 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.—Т. XIII. Часть первая. Болѣзни двигательнаго аппарата. Простудныя болѣзни. Общія разстройства питанія.—Проф. Н. Senator'a, проф. E. Seitz'a и проф. H. Immermann'a. — Харьковъ. 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное v. Ziemssen'омъ. т. XI. Часть II. Острыя и хроническія воспаленія мозга и его оболочекъ, Гюгенена. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер. Сесть. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Систематическое руководство гигиены. Д-ра Л. Гирта. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 68-ми рисунками. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Совмѣстное изданіе общества естествоиспытателей при русскихъ университетахъ. Ботаника, т. I, —ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.; т. II, —ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Зоологія, т. I, —ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II, —ц. 6 р., съ пер. 7 р.—Минералогія и Геологія, т. I, —ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II, —ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I, —ц. 30 к.; выпускъ II, тетрадь 1-я, —ц. 2 р.; тетрадь 2-я, —ц. 1 р. 50 к.; выпускъ III, —ц. 50 к.; выпускъ IV, —ц. 3 р. 50 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т. V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р.

Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. Эмбриологія или ученіе о начальнѣхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Съ 22-ми литографированными рисунками. Доктора Л. Д. Филкина. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Военныя силы Северо-Американскихъ штатовъ. Война за независимость союзу 1861-1865 г. Остли. Вилго-Русильона. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзовъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й т. 1 р. 75 к., 2-й т. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., 2-я 1 ф.

Землеустройство и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Книга А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Исследования по русскому праву семейному и наследственному И. Г. Орнанскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Крестническое дѣло въ царствованіи импер. Александра II. Четыре болѣзны тома (въ пяти выглахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣхъ разсѣлахъ. Мурсъ русскаго уголовного права, Н. О. Таганцева. Часть общія. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., 2-й 2 ф.

Курсъ военно-уголовнаго законодѣнія и военнаго судопроизводства, пріавіи для руководства во всѣхъ военныхъ училищахъ. — Удостоено конкурсной преміи Гл. упр. Военно-Учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Калашникъ. — Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., 2-й 8 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органи управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Наука о членствѣ обществъ. Сочиненіе Динкритія Глинки. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 78 к.

Смыслъ комментаріа къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность, 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Огнессера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ приложеніи вмѣщены замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ анимизмѣ и стигмѣ на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II выстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 60 к.

Россия и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей. М. Венкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій Сводъ опредѣленій соединеннаго присутствія 1-го и уголовного кассационнаго Департамента. Правит. Сената 1873-1877. Съ приложеніемъ и важнѣйшихъ рѣшеній съ 1868 по 1878 г. Составилъ Н. Рнчковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассат. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданского кассационнаго д-та. прав. сената за 1874 г. Составилъ А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гошевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересланою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гошевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. съ пересланою.

Указаніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями

по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Бонтъ. 150 одноголосныхъ и двухголосныхъ пѣсень для дѣтей младшаго и средняго возраста. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С. Фаминцынъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Для сцены. Сборникъ пѣсень. Виктора Александрова. Т. III. Отъ преступленія къ преступленію. Черная неблагодарность. Звѣздъ-падучая. Заварилъ замку—расклевывай. Угнетенная невинность. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вильяма Рейнона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Руководство къ правильному настроенію модуляцій. Ф. Дразеке. Переводъ съ нѣмецкаго А. О. Фаминцына. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсень съ народными напѣвами Составилъ А. Фаминцынъ. Ч. I: 60 пѣсень для одного голоса Ч. II 50: пѣсень для двухъ и трехъ голосовъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Месмеризмъ, одиализмъ, столбическое и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкой зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ежедневная записная книжка на 1876 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политическими рисунками. Составилъ А. Н.—Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Императоръ Александръ Первый. Политика—
Дипломатія. С. М. Соловьева. Спб. 1877.
Стр. 560. Ц. 2 руб. съ перес.

Этотъ обширный трудъ былъ давно задуманъ нашимъ историкомъ, такъ какъ уже десять лѣтъ тому назадъ появились у насъ первые этюды изъ него. Въ прошедшемъ году авторъ сообщилъ намъ снова нѣсколько главъ, а теперь въ отдѣльномъ изданіи предъ нами полная политическая картина первой четверти XIX вѣка, въ центрѣ которой поставлено имя императора Александра I, около котораго и въ дѣйствительности не только вращались всѣ событія той эпохи, но и часто развивались подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Авторъ, очевидно, не ограничивался однимъ изданнымъ матеріаломъ, но почерпнулъ свои свѣдѣнія прямо изъ архивовъ, а потому его новый трудъ получить значеніе не въ одной нашей литературѣ, и мы слышали, что уже начали нѣмецкій его переводъ. Въ первой части изслѣдованія С. М. Соловьева, Александру противопоставляется Наполеонъ; во второй—Меттернихъ. Почтенный авторъ приходить къ заключенію, что въ характерѣ Александра не было ничего загадочнаго: этотъ характеръ понесъ на себѣ вѣрно вліяніе той обстановки, среди которой онъ выросъ, и времени, требоваемаго самой неблагоприятной политики—соглашенія и примиренія, а приходилось соглашаться и примирять такія теченія, которыя взаимно исключали другъ друга. Такимъ современникамъ, какъ Меттернихъ, жизнь Александра казалась поэтому „романомъ“. Мы ничего не говоримъ о достоинствахъ новаго труда С. М. Соловьева: каждый читатель можетъ судить о томъ сами по тѣмъ извлеченіямъ, которыя помѣщаются въ нашемъ журналѣ.

Нѣмецкіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ.
Подъ ред. Н. В. Гербеля. Спб. 1877. Стр. 656. Ц. 3 руб.

Н. В. Гербель, которому мы такъ много обязаны распространеніемъ въ нашемъ обществѣ произведеній лучшихъ западныхъ поэтовъ, издалъ теперь полный, такъ сказать, практический курсъ нѣмецкой поэзіи отъ начала эпохи крестовыхъ походовъ до настоящаго времени. Объ объемѣ этого сборника и вѣстѣ—методѣ его составленія можно судить по одному перечисленію статей и номеровъ, содержащихся въ немъ: 5 большихъ литературныхъ очерковъ, по эпохамъ; 15 біографій, 5 полныхъ большихъ произведеній, 358 мелкихъ стихотвореній и 128 извлеченій изъ лучшихъ поэтовъ, драмъ, трагедій и комедій.

Очеркъ общей теоріи гражданскаго права. С. М. Муромцева. Ч. I. М. 1877. Стр. 316.

Авторъ, какъ видно изъ его предисловія, проинтересованъ историко-юридическою школою, которая своимъ исключительнымъ изслѣдованіемъ прошедшаго обогащаетъ, по его словамъ, одинъ порочный элементъ науки, и сторонникъ историко-философскаго метода, состоящаго въ анализѣ факторовъ при посредствѣ какого-либо даннаго изъ природы человѣка или существа общества. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ ограничивается вопросомъ о научно-историческомъ изученіи

гражданскаго права, и очеркомъ ученія объ образованіи гражданскаго права. Такъ какъ живая сила производить право въ исторіи, то дѣятельность отдѣльных лицъ, какъ членовъ общества, являясь такою силою, составляетъ задачу дальнѣйшаго изслѣдованія въ этомъ новомъ и широко задуманномъ трудѣ автора.

Городское самоуправленіе въ Россіи. И. Дяткина. Ярославль. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ продолжаетъ начатый имъ трудъ: „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“, изданный въ 1875 г.; но и теперь является только первая часть второго тома, ограничивающаяся изложеніемъ судьбы городского положенія Екатерины II до новѣйшаго городского положенія 1870 года, съ присоединеніемъ сравнительнаго очерка муниципальнаго устройства во Франціи, Бельгіи и Пруссіи. Пока, авторъ „Городскаго самоуправления въ Россіи“ вездѣ приходитъ къ отрицательнымъ результатамъ, а именно, онъ не находитъ городского самоуправления въ Россіи; городскому обществу—говоритъ онъ—не довѣряли; каждый шагъ его старался обставить извѣстными, закономъ опредѣленными нормами... Городское общество въ своемъ правѣ видѣло не право и привилегію, а исключительно обязанность, и обязанность тяжелую“. Собственно говоря, до позднѣйшаго времени можно было говорить не объ исторіи нашихъ городовъ, а только объ ихъ состояніи, болѣе или менѣе жалкомъ. Авторъ трудолюбиво собралъ и привелъ въ порядокъ громадную массу матеріала изъ этой патологіи нашихъ городовъ, и тѣмъ оказалъ большую услугу въ будущемъ для изслѣдователей только что начинающейся исторіи ихъ самоуправления. Впрочемъ, во второй части нынѣшняго тома, авторъ самъ вступитъ въ историческую эпоху русскихъ городовъ, начиная съ 1870 года: его обширныя свѣдѣнія въ избранной имъ области дадутъ намъ право ожидать многого отъ окончанія предпринятаго имъ труда.

Исторія Востока, Греціи и Рима. Для обученія и самообразованія. Сост. бар. Н. А. Корфъ. Спб. 1878. Стр. 203. Ц. 1 р. 25 к.

Выступить на новое для себя поприще, Н. А. Корфъ остался вѣренъ своему прежнему призванію, въ которомъ онъ давно снискалъ заслуженную извѣстность педагога и практическаго дѣятеля по народному образованію въ земствѣ. Онъ задался мыслью воспользоваться исторіею, какъ матеріаломъ, для политическаго воспитанія въ школахъ, и вѣстѣ съ тѣмъ дать въ руки учебную нить тѣмъ, которые—а такихъ у насъ огромное большинство—едва доходятъ до тѣхъ классовъ, гдѣ начинается историческое преподаваніе. Опытъ автора выгодно отличается не только отъ подобныхъ книгъ нашей учебной литературы, но и иностранной: ослабивъ элементъ біографическій и хронологическій, онъ ввелъ, путемъ сравненія, элементы статистическіе, этнографическіе и археологическіе. Надобно желать, чтобы наши педагоги обратили серьезное вниманіе на этотъ замѣчательный опытъ, а автору пожелаемъ съ тѣмъ же усердіемъ довести свой трудъ до самаго конца.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ПОДПИСКА НА 1878-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: за границею:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . . . 5 » — » . . . 7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . . 2 » 50 » . . . 3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ* адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителѣства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногороднихъ уплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ въ иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

СЪВѢДЪ УМѢРЕННОСТИ И АСКУЗАТНОСТИ. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Сиб. 1878. Стр. 362. Ц. 2 р.

Сатирическіе этюды М. Е. Салтыкова, изъ сдѣланнаго времени, появившіеся періодически „Отеч. Зап.“, соединены теперь вмѣстѣ; вслѣдствіе того передъ читателемъ они являются не рѣзкими, какъ будто случайными, хотя и съ сама талантливо написанными эскизами и рѣзками, не съ цѣлью смѣха для смѣха, а видѣ цѣлой, весьма серьезной эпопеи современнаго намъ русскаго челоѣка послѣдней рмаціи, новаго Молчалина, забытаго смертью перешагнувшаго въ нашу эпоху, но уже съ ольнимъ мѣстомъ“, которое выражается въ номъ дѣйствительно трагическомъ восклицаніи: „дѣти, дѣти!“ Въ своемъ промедшемъ Щедрина Молчалины рѣшали всѣ вопросы дольно благополучно, какъ къ своему удовольствію, такъ и къ удовольствію „субъекта“, но въ самомъ концѣ ихъ существованія надѣлся предъ ними ужасный вопросъ будущаго, которымъ и не думали Грибоедовскіе Молчалины: какъ отнесутся Молчалины-дѣти къ ительности Молчалиныхъ-отцовъ, какъ послѣдствіе будутъ казненъ за ту виртуозность, съ кою они умѣли всю свою жизнь не знать го, что на дѣлѣ знали, дѣлать такъ, какъ-будто него не сдѣлали, и говорить такъ, какъ-будто они молчатъ? По внутренней идѣ, вложенъ въ новыя этюды Щедрина, мы назвали бы ихъ разсказомъ о томъ, какъ въ нашей общественной средѣ народилась ложь, какъ она сла, множилась и даже сдѣлала себя необходимымъ, и что произошло отъ ея неожиданной грѣхи съ правдой? Финалъ этой „захватывающей духъ“ драмы не досказанъ. „Но кто же спроизведетъ ее? и когда?“—спрашиваетъ въ заключеніе почтенный авторъ.—Кто же, кромѣ о самого?—отвѣтитъ намъ весьма справедливо каждый читатель.

ина Каренина. Соч. гр. Л. Н. Толстого. Въ 3-хъ томахъ. М. 1878. Стр. 369, 493 и 413. Ц. 6 р.

Ограничимся однимъ упоминаніемъ о видѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ столь изстнаго послѣдняго труда гр. Л. Н. Толстого, въ соединено вмѣстѣ и то, что выходило въ „ус. Вѣстникъ“, и то, что не вышло въ журналѣ—послѣдняя часть. Въ одной изъ ближайшихъ нашихъ книгъ, мы надѣмся дать подробный отчетъ объ этомъ трудѣ, который такъ омпилъ публикѣ, конечно, не своимъ содержаниемъ, но самымъ способомъ изданія съ безпечными перерывами. Можно сказать, что отъ романъ, несмотря на перепечатку, является теперь какъ совершенная новостъ: мноо давно уже отказались отъ чтенія его продолженій, въ надеждѣ дожидаться когда-нибудь обого изданія.

Черки Перси. П. Огородникова. Сиб. 1878. Стр. 396. Ц. 2 р.

Мы такъ привыкли ознакомились даже и съ сѣбными странами при помощи иностранцевъ, о нельзя не съестъ рѣдкостью появленія въ

нашей литературѣ наблюденій отечественныхъ туристовъ. Нашимъ читателямъ извѣстна новал книга г-на Огородникова по небольшому отрывку, который появился у насъ года два тому назадъ. Хотя авторъ отправился съ цѣлью научныхъ наблюденій, преимущественно торгово-статистическихъ, но въ своихъ путевыхъ замѣткахъ онъ обратилъ вниманіе и на культуру, домашній и общественный бытъ сосѣднихъ намъ персидскихъ провинцій, и изобразилъ намъ этого азіатскій міръ во всей его своеобразности. Наши торговые люди, имѣющие дѣла съ Востокомъ, найдутъ у автора много практическихъ указаній для своихъ дѣловыхъ соображеній; для любителя бытовыхъ картинъ это—весьма интересный матеріалъ для чтенія.

Міръ реальный и міръ идеальный. Соч. Н. Я. Бикова. 163 чертежа. Сиб. 1878. Стр. 500. Ц. 5 руб.

Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ обширный трактатъ о матеріи и духѣ, гдѣ авторъ пытается какъ путемъ анализа явленій, такъ и путемъ ихъ синтеза, приблизиться къ разрѣшенію вѣчныхъ проблемъ о душѣ и сущности вещей. Авторъ обладаетъ большимъ запасомъ свѣдѣній въ философской литературѣ и хорошо знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями въ физикѣ и химіи; въ книгѣ можно встрѣтить и собственные опыты автора, и микроскопическія наблюденія. Дѣло специалистовъ судить, правильно ли онъ пользовался примѣненіемъ выводовъ естественныхъ наукъ къ разрѣшенію высшихъ задачъ психологіи, и можно ли признать достаточными приводимыя имъ объясненія въ пользу единства нашей индивидуальной природы; авторъ полагаетъ, что новѣйшій реализмъ пріискалъ только научныя основанія идеализму Гегеля и наполнилъ болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ его туманный образъ „всемирнаго разума“—какъ единой космической силы, гдѣ духъ и матерія являются тождественными.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Т. II. Жители сѣвера. Съ 24 рисунками В. М. Васнецова. Сиб. 1878. Стр. 545. Ц. 3 руб. 75 коп.

Мы упоминали о началѣ этого превосходнаго изданія, два года тому назадъ. Новый выпускъ посвященъ сѣверо-западнымъ окраинамъ Европы—Великобританіи, Нидерландамъ и Скандинавіи. На первомъ планѣ остается по-прежнему умственный, общественный и политическій складъ народовъ, съ описаніемъ природы, насколько необходимо говорить о ней для объясненія характера, нравовъ и быта странъ. Всѣ данныя заимствованы изъ лучшихъ сочиненій иностранныхъ и нашихъ писателей; для описанія современныхъ явленій и общественной жизни обращено вниманіе на заграничныя корреспонденціи періодическихъ изданій. Полторимъ высказанное нами уже разъ желаніе—увидѣть составленный по такой же программѣ особый томъ для Россіи, что, кажется, не было включено въ первоначальную программу этого почтеннаго предпріятія. Извѣстная книга г-на Мэвзен-Уоллеса можетъ быть въ этомъ случаѣ принята за точку отправленія.

OCKER
NOV 20 1980

